

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

04 186.3

Harvard College Library

FROM THE FUND BEQUEATHED

BY

CHARLES SUMNER

(Class of 1830)

SENATOR FROM MASSACHUSETTS

“For books relating to Politics and Fine Arts”

РУССКАЯ ПОЛИТИКА
ВЪ
ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

(ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи).

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Сергѣя Жигарева.

Serguei Zhidorev

Т. I.

Москва.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1896.

Ott 186.3

Summer fund.

Изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета Отдѣлъ
Юридическій, выпускъ XI.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печальная исторія русско-болгарскихъ отношеній въ минувшее царствованіе вмѣстѣ съ постояннымъ колебаніемъ русскаго вліянія среди греко-славянскихъ народностей Балканскаго полуострова, а также періодически повторяющіяся, весьма опасныя для европейскаго мира волненія среди подвластныхъ Турціи христіанъ, связанныхъ съ нами или единствомъ вѣры, или узами духовнаго и кровнаго, племеннаго родства, представляютъ собою такія важныя явленія международной жизни, которыя не перестаютъ приковывать къ себѣ вниманіе не только государственныхъ людей, но и общества всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Европы. Всѣ эти событія пользуются извѣстнымъ вниманіемъ и у насъ, въ Россіи; но въ нашей печати, считающей себя выразительницею русскаго общественнаго мнѣнія, сужденія о нихъ въ большинствѣ случаевъ крайне сбивчивы и противорѣчивы, вслѣдствіе отсутствія твердо-установившагося воззрѣнія на восточный вопросъ и на связанные съ нимъ интересы Россіи, что въ свою очередь объясняется недостаточностью изученія многовѣковой исторіи русской политики въ этомъ вопросѣ *).

Но мыслящему русскому человѣку — по справедливому замѣчанію проф. Успенскаго — по отношенію къ восточному вопросу нельзя двойтись, такъ какъ, каковы бы ни были дальнѣйшія фазы развитія этого вопроса, Россія не можетъ держаться отъ него въ сторонѣ, если только какое-либо непредвидѣнное потрясеніе не дастъ ей способности забвенія, не отшибетъ у нея памяти о томъ, чѣмъ она жила, къ чему стремилась и отъ чего страда-

*) По совершенно вѣрному замѣчанію проф. Успенскаго, въ нашей литературѣ въ сущности нѣтъ даже и пособій для ознакомленія съ исторіей восточнаго вопроса. (Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887 г., стр. 1).

ла*), и на обязанности русской науки лежит поэтому установить правильный взгляд на истинные интересы Россіи въ восточномъ вопросѣ и ясно формулировать наши къ нему отношенія.

Поставивъ выясненіе этихъ интересовъ и отношеній цѣлью своихъ историко-юридическихъ очерковъ русской политики въ восточномъ вопросѣ, мы сочли долгомъ прежде всего отыскать настоящей смыслъ этого вопроса для Россіи. Критическій разборъ господствующихъ на этотъ счетъ мнѣній въ русской литературѣ въ связи съ изученіемъ исторіи зарожденія и первоначальнаго развитія на Руси идеи восточнаго вопроса привелъ насъ къ тому заключенію, что вопросъ этотъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ обыкновенно употребляется по отношенію къ Турціи и подвластнымъ ей христіанскимъ народностямъ, возникъ для насъ, сильнѣйшаго славянскаго и православнаго народа, съ момента паденія Византійской имперіи и образованія на ея развалинахъ мусульманскаго царства, и представляетъ для Россіи трудную и сложную задачу, состоящую въ томъ, чтобы обезпечить собственные матеріальные интересы на Востокѣ, связанные съ полною свободою пользованія водами Чернаго моря для русскаго торговаго и военнаго флота, и помочь своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ ихъ борьбѣ съ мусульманствомъ за національное и религіозное самосохраненіе, вывести ихъ изъ турецкаго пораженія и ввести въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ, не нарушая законныхъ интересовъ и правъ, какъ остальныхъ независимыхъ державъ Европы, такъ и самихъ восточныхъ христіанъ.

Выяснивъ истинный смыслъ и значеніе восточнаго вопроса для Россіи, мы перешли затѣмъ къ обзору исторіи нашихъ отношеній къ Турціи, съ момента ихъ возникновенія вплоть до конца минувшаго царствованія, съ тѣмъ, чтобы, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ и формаціею правовыхъ началъ, лежащихъ въ современномъ международномъ положеніи Турціи, прослѣдить общее направленіе и опредѣлить главнѣйшіе результаты нашей многовѣковой политики на Востокѣ. Произведенное въ этомъ смыслѣ изученіе исторіи русско-турецкихъ отношеній на основаніи трактатовъ и предшествовавшей ихъ заключенію главнѣйшей дипло-

*) Назв. соч., стр. 2.

матической переписки между Россіей, Турціей и западными державами показано, что, побуждаемая историческим рокомъ, Россія въ общемъ всегда стремилась къ обезпеченію своихъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ и что результатомъ ея заботливости объ этихъ интересахъ въ настоящее время является достиженіе Россіей береговъ Чернаго моря вмѣстѣ съ свободою плаванія по немъ для нашего военнаго и торговаго флота, съ правомъ для послѣдняго имѣть безпрепятственный проходъ черезъ проливы Босфора и Дарданеллъ, а также полнѣйшее освобожденіе милліоновъ христіанъ отъ турецкаго ига, окончательное уничтоженіе котораго на Балканскомъ полуостровѣ не заставитъ себя долго ждать, такъ какъ гибельныя послѣдствія дѣлаго ряда рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ нами Оттоманской Портѣ, въ связи съ быстрымъ внутреннимъ процессомъ ея разложенія, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дни Турціи, по крайней мѣрѣ какъ европейской державы, сочтены, и что не далеко то время, когда османы перестанутъ быть хозяевами Константинополя *).

По изученіи общаго хода исторіи отношеній Россіи къ Турціи и по выясненіи тѣхъ результатовъ, къ которымъ привела наша многолѣтняя восточная политика, мы остановились на критической оцѣнкѣ этой политики, при чемъ нашли, что ознакомленіе съ главнѣйшей дипломатической перепиской и трактатами, заключенными какъ между Россіей и Турціей, такъ и между ними и западными державами по восточному вопросу, не даетъ намъ основанія признать, что чувствуя необходимость получить право свободнаго пользованія водами Чернаго моря и сколько-нибудь улучшить положеніе своихъ единолѣтцевъ и единоплеменниковъ въ Тур-

*) Мысль эта вполне открыто высказывается такимъ знаткомъ вопросовъ международной политики, и въ частности восточнаго вопроса, какъ Эдуардъ Дэйси. Въ общемъ—говоритъ онъ—„я, какъ и всякій, внимательно изучавшій вопросъ, давно уже пришелъ къ тому заключенію, что дни Турціи, по крайней мѣрѣ какъ европейской державы, сочтены. Правда, люди, которымъ предрекаютъ скорый конецъ, часто живутъ очень долго; но періодъ, долгій въ жизни отдельнаго человѣка, не болѣе какъ моментъ въ жизни націи, и мнѣ представляется вполне вѣроятнымъ, что прежде, чѣмъ вступающее теперь въ жизнь поколѣніе сойдетъ со сцены, турки перестанутъ быть хозяевами Константинополя“. (The Peasant State. An Account of Bulgaria in 1894. By Edward Dicey).

ция, Россія всегда правильно и послѣдовательно шла къ достиженію этихъ цѣлей. Критическій обзоръ исторіи русской политики въ восточномъ вопросѣ привелъ насъ къ тому заключенію, что для правильного и послѣдовательнаго образа дѣйствій въ дѣлѣ осуществленія своихъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ задачъ на Востокѣ у Россіи не доставало вѣрнаго взгляда на способы, которыми было бы лучше всего достигнуть обезпеченія собственныхъ жизненныхъ интересовъ; что самое направленіе нашей политики, какъ западной, такъ и восточной, отличалось антинаціональнымъ характеромъ, мало отвѣчавшимъ истиннымъ нуждамъ русскаго народа; что неправильное избраніе способовъ рѣшенія восточнаго вопроса въ связи съ антинаціональнымъ направленіемъ нашей политики имѣло своимъ слѣдствіемъ порожденіе среди западныхъ державъ опасенія завоевательныхъ замысловъ Россіи на Востокѣ и развитіе у нихъ желанія во чтобы то ни стало поддержать существованіе Турціи въ Европѣ въ интересахъ политическаго равновѣсія; и что, наконецъ, указанные недостатки восточной политики Россіи были причиною того, что восточный вопросъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло уже нѣсколько столѣтій, до сего времени не получилъ своего окончательнаго разрѣшенія, а самыя отношенія къ намъ освобожденныхъ русскою кровью балканскихъ народностей часто не отличались тѣми чувствами симпатіи и благодарности, на которыя мы были бы въ правѣ рассчитывать послѣ громадныхъ жертвъ, принесенныхъ нами на алтарь восточнаго вопроса.

Само собою разумѣется, что наше изученіе русской политики въ восточномъ вопросѣ было бы не полно, еслибы мы не сказали хотя нѣсколько словъ о будущихъ ея задачахъ въ этомъ вопросѣ, поскольку представляется возможнымъ судить о томъ, какъ по самому существу и значенію его для Россіи, такъ и на основаніи его прошлой исторіи и современной важности въ международной европейской политикѣ. Поэтому въ заключеніе нашей работы мы остановились на разсмотрѣннй крупнѣйшихъ сторонъ этого сложнаго вопроса, безспорно представляющаго громадный научный и практическій интересъ, и пришли къ тому убѣжденію, что, памятуя о своихъ историческихъ задачахъ, Россія, конечно, должна и въ будущемъ заботиться о надлежащемъ удовлетвореніи

собственныхъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ интересовъ на Востокъ; но въ стремленіи къ обезпеченію этихъ интересовъ ей безусловно слѣдуетъ отказаться отъ той программы восточной политики, на принятіи которой такъ энергично настаиваютъ наши націоналисты; что наиболѣе желательной съ точки зрѣнія международнаго права формой рѣшенія восточнаго вопроса, въ проведенію которой должна стремиться и Россія, можетъ быть признано окончательное освобожденіе отъ турецкаго ига всѣхъ балканскихъ христіанъ и образованіе изъ нихъ вполнѣ независимыхъ государствъ, въ интересахъ которыхъ было-бы соединиться со временемъ въ федерацію, причѣмъ участь Константинополя должна быть рѣшена въ смыслѣ образованія изъ него нейтральнаго города или столицы балканскаго союза государствъ, а вопросъ о проливахъ, соединяющихъ Черное море съ Средиземныхъ, — въ смыслѣ открытія ихъ для свободнаго торговаго и военнаго судоходства всѣхъ націй; что при современномъ развитіи въ народахъ сознанія солидарности интересовъ и необходимости руководиться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ началами права, все болѣе и болѣе распространяющаго свое господство надъ внѣшней жизнью цивилизованныхъ государствъ Европы и Америки, такая форма рѣшенія восточнаго вопроса осуществима посредствомъ мирныхъ способовъ рѣшенія международныхъ вопросовъ; и что принявъ эту форму рѣшенія восточнаго вопроса конечною цѣлью своей политики на Востокъ, Россія, для скорѣйшаго осуществленія этой цѣли должна внести въ свои отношенія къ восточнымъ христіанамъ, Турціи и западнымъ державамъ нѣкоторыя поправки въ смыслѣ устраненія ихъ прежнихъ недостатковъ и согласованія съ требованіями современнаго международнаго права, единственно способнаго указать правильный и удовлетворяющій всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ путь къ рѣшенію запутанныхъ международныхъ вопросовъ.

Выясненіе истиннаго смысла для Россіи восточнаго вопроса, равно какъ и историческаго хода развитія этого вопроса въ нашихъ отношеніяхъ къ Турціи, а тѣмъ болѣе критическая оцѣнка русской политики на Востокъ и обстоятельное обслѣдованіе вопроса о ея будущихъ задачахъ, конечно, представляютъ собою такую сложную и многотрудную работу, на болѣе или менѣе полное и удовлетворительное выполненіе которой мы нисколько не

претендуемъ. Напротивъ того, полагая, что работа эта ждетъ своего исполненія отъ болѣе компетентныхъ изслѣдователей, мы безусловно признаемъ, что наши очерки русской политики въ восточномъ вопросѣ страдаютъ многими существенными недостатками какъ со стороны полноты и обстоятельности изложенія, такъ и въ принципиальномъ отношеніи, и заранѣе предвидимъ, что въ числѣ ихъ первымъ будетъ отмѣчена ограниченность источниковъ, на основаніи которыхъ произведено нами изученіе русской политики на Востоку. Строгой критикой будетъ поставлено автору въ упрекъ, что свои очерки онъ составилъ исключительно на основаніи русскихъ источниковъ и совершенно игнорировалъ богатую иностранную литературу предмета. Упрекъ этотъ, равнясь указанію на односторонность изслѣдованія, конечно, весьма серьезенъ, и мы поэтому полагаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ свою защиту всѣ тѣ соображенія, по которымъ намъ казалось возможнымъ ограничить изученіе восточной политики Россіи предѣлами одной русской литературы этого вопроса.

Прежде всего мы должны замѣтить, что, по нашему мнѣнію, русская литература по исторіи внѣшней политики Россіи вообще и по политикѣ ея въ восточномъ вопросѣ въ частности, особенно до 2-й половины XIX вѣка, далеко не такъ бѣдна, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ ней существуетъ по этой части цѣлый рядъ самостоятельныхъ капитальныхъ трудовъ, составленныхъ на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ нашихъ и заграничныхъ архивахъ, такихъ трудовъ, послѣ изданія которыхъ едва-ли много новаго фактическаго матеріала можно найти и въ иностранной литературѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія намъ будетъ совершенно достаточно указать на колоссальную 29-ти томную «Исторію Россіи» Соловьева и на его прекрасныя работы: «Исторія паденія Польши» и «Императоръ Александръ Первый», на до сего времени единственное и незамѣнимое у насъ и за-границей изслѣдованіе Милютина: «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I», на извѣстныя, весьма цѣнныя по богатству матеріала работы Татищева: «Внѣшняя политика императора Николая Перваго» и «Императоръ Николай и европейскіе дворы», на блестящее произведеніе барона Жюмини: «Россія и Европа

въ эпоху Крымской войны», на капитальные труды проф. Мартенса: «Восточная война и Брюссельская конференція» и «Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», на весьма обстоятельное и цѣнное изслѣдованіе Уляницкаго: «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ» и т. д. Но на ряду съ этими, такъ сказать, основными трудами по исторіи внѣшней политики Россіи въ нашей литературѣ имѣется цѣлая серія отдѣльныхъ весьма обстоятельныхъ и серьезныхъ журнальныхъ статей, посвященныхъ специальной разработкѣ различныхъ вопросовъ и моментовъ восточной политики Россіи. Статьи эти представляютъ собою или критическій разборъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, или оригинальныя историко-юридическія изслѣдованія, но въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ связи съ основными источниками, являются одинаково богатымъ матеріаломъ для выясненія истинныхъ интересовъ Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Помимо богатства русской литературы по исторіи внѣшней политики Россіи, ограничиться предѣлами этой литературы при составленіи своихъ очерковъ насъ побудило также и то соображеніе, что при господствѣ полной противоположности мнѣній по самымъ основнымъ вопросамъ нашей восточной политики для русскаго человѣка прежде всего необходимо усвоить себѣ правильный взглядъ на собственные интересы въ восточномъ вопросѣ и устранить всякія существующія на этотъ счетъ разногласія и противорѣчія, т. е. какъ любятъ выражаться наши націоналисты, *уяснить русскую точку зрѣнія на восточный вопросъ*. Но само собою разумѣется, что выяснить истинный смыслъ для Россіи восточнаго вопроса и вывести болѣе или менѣе безпристрастное заключеніе о прошломъ и будущемъ русской политики въ этомъ вопросѣ ближе всего путемъ изученія *русскихъ* воззрѣній на нашу политику и историческія задачи на Востоку; русскихъ же воззрѣній несомнѣнно должно искать въ трудахъ русскихъ, а не западно-европейскихъ ученыхъ и публицистовъ, сужденія которыхъ о восточной политикѣ Россіи до сего времени связываются съ пресловутымъ «завѣщаніемъ Петра I» и «греческимъ проектомъ» Екатерины Великой.

Наконецъ, ограничиваясь изученіемъ русскихъ источниковъ,

VIII

въ которыхъ, къ слову сказать, для нашихъ цѣлей оказалось совершенно достаточное количество матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ иностранной литературы, мы имѣли въ виду поставить, такъ сказать, чисто внѣшній предѣлъ нашей работѣ, при чемъ этимъ предѣломъ избрали возможно полное изученіе русской литературы предмета.

Кромѣ указанія на характеръ источниковъ работа наша, несомнѣнно, вызоветъ замѣчанія и по самому своему существу. Но замѣчанія эти, неизбежныя по отношенію ко всякому труду, въ данномъ случаѣ должны быть смягчены строгимъ критикомъ, во-первыхъ, въ виду самой сложности и трудности разсматриваемаго вопроса, а, во-вторыхъ, потому, что наша работа является первымъ опытомъ болѣе или менѣе цѣльной характеристики русской политики въ восточномъ вопросѣ, со времени возникновенія его для Россіи вплоть до нашихъ дней.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ замѣтить, что самъ онъ чуждъ высокаго мнѣнія о достоинствахъ и значеніи своего труда, и что если ему хотя сколько-нибудь удастся подвинуть впередъ дѣло выясненія вопроса о задачахъ Россіи на Востокъ даже чисто отрицательнымъ путемъ, путемъ возбужденія интереса къ новымъ изслѣдованіямъ въ этой области для опроверженія высказанныхъ имъ взглядовъ и мнѣній и отысканія истины, то онъ сочтетъ себя вполне удовлетвореннымъ и признаетъ, что не напрасно потерялъ время и трудъ на составленія своихъ историко-юридическихъ очерковъ.

Сергій Жигаревъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

В В Е Д Е Н И Е.

Стр.

Что такое для Россіи восточный вопросъ?

- I. Отсутствие въ русской литературѣ твердо установившагося опредѣленія восточнаго вопроса. — Затруднительность дѣла опредѣленія этого вопроса на основаніи отдѣльныхъ мыслей, высказываемыхъ писателями въ различныхъ мѣстахъ ихъ сочиненій. — Господство въ русской литературѣ двухъ опредѣленій восточнаго вопроса: Соловьева и Данилевскаго. — Противоположность этихъ опредѣленій и протекшащее отсюда сомнѣніе въ правильности котораго-нибудь изъ нихъ..... 1
- II. Опредѣленіе восточнаго вопроса, даваемое Соловьевымъ. — Критика этого опредѣленія, дѣлаемая Данилевскимъ. — Что понимаетъ подъ восточнымъ вопросомъ самъ почтенный публицистъ. — Несостоятельность его опредѣленія. — Въ какомъ смыслѣ можетъ быть признана правильность теории Соловьева. — Ея недостатки — Восточный вопросъ не есть одна борьба Европы съ Азіей, точно такъ же какъ не можетъ быть признана борьбой Россіи съ Западной Европой. — Необходимость иного опредѣленія восточнаго вопроса. — Моментъ возникновенія этого вопроса для Россіи, какъ исходная точка для его правильнаго опредѣленія..... 5
- III. Утвержденіе турецкаго господства въ юго-восточномъ углу Европы и значеніе этого историческаго факта въ дѣлѣ расширенія южныхъ границъ Россіи и развитія ея торговыхъ сношеній съ Востокомъ. — Возникновеніе отсюда матеріальныхъ интересовъ Россіи въ ея политикѣ въ отношеніи Турціи. — Скорбь въ Москвѣ по поводу завоеванія турками Царь-Града и ея причины. — Политическое значеніе паденія Византіи по взглядамъ современниковъ. — Проявленіе въ Россіи сознанія обязанности защищать восточное православіе и называть балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига. — Факторы, обусловливавшіе эту историческую миссію Россіи на Востокъ: а) Россія—единственное православное царство послѣ паденія Византіи. — Фикція о Москвѣ — третьемъ Римѣ и греческихъ регаліяхъ; сказаніе о бѣломъ клобукѣ; б) бракъ Ивана III съ царевною Софьей Палеологъ; теорія константинопольскаго наслѣдства; в) вѣковая борьба славянскихъ народовъ съ исламомъ, вышедшая изъ нихъ собственной исторіи. — Происхожденіе отсюда задачъ

- нравственного порядка въ русской политикѣ въ отношеніи Турціи. — Соединеніе задачъ матеріальнаго и нравственнаго свойства, какъ характерная черта восточнаго вопроса для Россіи. — Роль этихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ по мнѣнію отдѣльныхъ писателей. — Вопросъ объ освободительной миссіи Россіи на Востокъ. — Взглядъ Карновича и его несостоятельность. — Въ какомъ смыслѣ должно считать освобожденіе балканскихъ христіанъ „исторической задачей“ Россіи. — Связь этихъ задачъ съ неизбежнымъ разрушеніемъ Турецкой имперіи и вытекающая отсюда обязанность Россіи сообразоваться въ своей восточной политикѣ съ правами и интересами западной Европы на Востокъ. — Опредѣленіе восточнаго вопроса. — Соответствіе этого опредѣленія историческому ходу развитія даннаго вопроса..... 22
- IV. Необходимость изученія исторіи отношеній Россіи къ Турціи для ознакомленія съ нашей политикой въ восточномъ вопросѣ. — Дѣленіе этой исторіи на два періода, дѣлаемое Неклюдовымъ. — Неправильность этого дѣленія. — Три періода въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. — Предметъ и планъ послѣдующаго изложенія..... 54

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Историческая).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Первый періодъ отношеній Россіи къ Турціи.

(Отъ ихъ возникновенія до половины XVIII в.).

Глава I. Отношенія Россіи къ Турціи въ XVI и XVII вѣкахъ.

Время и поводъ возникновенія сношеній Россіи съ Турціей. — Первое русское посольство въ Константинополь. — миролюбивая политика Ивана III въ отношеніи Турціи. — Сношенія съ Молдавией. — Причина дружбы Москвы съ Турціей при преемникахъ Ивана III. — Набѣги крымскихъ татаръ при Василіѣ III. — Сношенія его съ Молдавией. — Приѣздъ въ Москву царскихъ и папскихъ пословъ. — Завоеваніе Казани и Астрахани. — Значеніе этого завоеванія въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи и Крыму. — Заботы Ивана Грознаго о сохраненіи мира съ Турціей и борьба его съ крымскими татарами. — Донское казачество. — Отношенія Россіи къ Турціи при Ѳеодорѣ Ивановичѣ. — Отношенія его къ крымскимъ татарамъ. — Приѣздъ въ Москву Александра Комуловича и Николая Варкоча. — Восточная политика Бориса Годунова. — Эпоха смутнаго времени и ея значеніе въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. — Вѣйшая политика царя Михаила Ѳеодоровича. — Александръ Оттоманскій. — Отношеніе къ нему московскаго правительства. — Взятіе казаками Азова въ 1637 году и недоразумѣнія между Россіей и Турціей по этому случаю. — Присоединеніе Малороссіи и значеніе этого факта въ исторіи восточной политики Россіи. — Сожалѣнія Алексѣя Михайло-

вѣта о печальной судьбѣ восточныхъ христіанъ.—Первая русско-турецкая война и Бахчисарайскій трактатъ 1681 года.....

60

Глава II. Восточная политика Россіи въ эпоху Петра Великаго.

Война „Священнаго Союза“ противъ Турціи.— Политика русскаго двора.— Московскій договоръ 1686 года.— Крымскіе походы кн. Василія Голицына и ихъ значеніе въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.— Политика Петра Великаго.— Посольство Айтемирова.— Необходимость войны съ Турціей.— Азовскіе походы.— Карловицкій конгрессъ и неудача Россіи при переговорахъ о мирѣ.— Переговоры Украинцева въ Константинополѣ и заключеніе мирнаго договора 3-го іюля 1700 года.— Поѣздка въ Константинополь кн. Голицына и неудача Россіи въ вопросѣ о торговомъ судоходствѣ по Черному морю.— Недоброжелательство къ Россіи западныхъ державъ и положеніе перваго постояннаго русскаго посла при Оттоманской Портѣ.— Прутская кампанія.— Сношенія Петра съ балканскими христіанами.— Неудача прутскаго похода и договоръ 12 іюля 1711 года.— Значеніе прутской кампаніи въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.— Новая недоразумѣнія между Россіей и Портой.— Константинопольскій договоръ 5 ноября 1720 года.— Принятіе Петромъ Великимъ императорскаго титула и значеніе этого акта въ глазахъ западной Европы.....

95

Глава III. Отношенія Россіи къ Турціи при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго.

Брнмъ и Кавказъ, какъ источникъ недоразумѣній между русскими и турецкими правительствомъ.— Союзъ Россіи съ Австріей 1726 года.— Возникновеніе русско-турецкой войны 1735—39 г.— Посредничество Австріи и вступленіе ея въ эту войну.— Пѣмнровскій конгрессъ и его неудача.— Посредничество Франціи и его мотивы.— Заключеніе мира между Австріей и Турціей въ Бѣлградѣ.— Принятіе Россіей французскаго посредничества и его значеніе.— Постановленія Бѣлградскаго мирнаго договора 1739 года.— Причины неудачи Россіи при заключеніи этого договора.— Восточная политика Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ и распространеніе русскаго вліянія среди народностей Балканскаго полуострова

122

Глава IV. Общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII вѣка.

Цѣль и направленіе восточной политики Россіи въ первый періодъ сношеній съ Турціей.— Положеніе вопроса о безопасности южныхъ русскихъ границъ и о развитіи торговаго судоходства по Черному морю.— Положеніе вопроса религіозно-національнаго.— Внушенія, шедшія въ Россію изъ западной Европы.— Взглядъ Карновича на участіе Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ.— Превеличеніе заботъ западной Европы о ихъ положеніи.— Ошибочность мнѣнія о занесеніи къ намъ съ Запада идеи заступничества за единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи.— Условія и характеръ дѣятельности Россіи при преслѣдо-

ваніи этой идѣи въ XVI и XVII вѣкахъ.—Вопросъ объ участіи Россіи въ освобожденіе балканскихъ христіанъ при Петрѣ I.—Положеніе этого вопроса при Аннѣ Іоанновнѣ, и проявленіе недоброжелательства къ намъ Запада.—Отношеніе Россіи къ балканскимъ народностямъ при Елизаветѣ.—Успѣхи, сдѣланные Россіей въ религиозно-національномъ вопросѣ въ первый періодъ отношеній къ Турціи.....

144

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Второй періодъ отношеній Россіи къ Турціи.

(Съ половины XVIII вѣка до 1841 года).

Глава I. Первая Екатерининская война Россіи съ Турціей и Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 года.

Заботы Екатерины Великой о благосостояніи южныхъ окраинъ Россіи.—Возникновеніе войны съ Турціей.—Цѣль и планъ этой войны.—Агитація среди балканскихъ христіанъ и морейская экспедиція.—Сношенія съ крымскими татарами.—Успѣхи русскаго оружія и надежды на скорый миръ.—Принятіе добрыхъ услугъ Пруссіи и Австріи.—Негодование послѣднихъ по поводу русскихъ требованій.—Протестъ Екатерины.—Союзъ Австріи съ Турціей 1771 года.—Раздѣлъ Польши.—Фокшанскій и Бухарестскій конгрессы.—Причины ихъ неудачи.—Заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.—Постановленія мирнаго трактата 1774 года.—Значеніе его въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.—Отношеніе къ нему западной Европы.....

171

Глава II. Греческій проектъ и присоединеніе къ Россіи Крыма.

Борьба Россіи съ Турціей изъ-за вліянія въ Крыму послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата.—Обяснительный договоръ 10 марта 1779 года.—Сближеніе Россіи съ Австріей и заключеніе между ними оборонительнаго союза.—Греческій проектъ Екатерины Великой.—Отношеніе къ нему Австріи.—Критическая оцѣнка этого проекта.—Новыя недоразумѣнія между Россіей и Турціей.—Присоединеніе Крыма къ Россіи.—Отношеніе къ этому событію со стороны западной Европы.—Интриги Франціи и ихъ неудача.—Отношеніе Порты къ Россіи по поводу уничтоженія ею независимости Крыма.—Договоръ между Россіей и Турціей 28 декабря 1788 года объ окончательномъ присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ.—Важность для Россіи присоединенія Крыма.—Торговый договоръ между Россіей и Турціей и его значеніе съ точки зрѣнія международнаго права.....

203

Глава III. Вторая Екатерининская война Россіи съ Турціей и Ясскій трактатъ 1791 года.

Желаніе султана возвратить Крымъ.—Политика Пруссіи и Англіи въ отношеніи Турціи.—Страхъ западныхъ державъ за цѣлость Оттоманской

имперіи.—Ультиматумъ Порты и объявленіе войны Россіи въ 1787 г.—Участіе въ русско-турецкой войнѣ Австріи и балканскихъ христіанъ.—Заботы Англіи и Пруссіи о сохраненіи status quo Турецкой имперіи.—Посредничество берлинскаго двора и мирныя условія Россіи.—Заключеніе Австріей отдѣльнаго мира съ Турціей.—Успѣха русскаго оружія.—Враждебное отношеніе къ Россіи со стороны Англіи и Пруссіи.—Подготовленіе европейской коалиціи противъ Россіи.—Французская революція и ея вліяніе на восточную политику нашихъ противниковъ.—Заключеніе мира между Россіей и Турціей и Яссскій трактатъ 29 декабря 1791 года.—Значеніе постановленій этого трактата.—Общій взглядъ на исторію отношеній Россіи къ Турціи въ царствованіе императрицы Екатерины Великой

224

Глава IV. Восточная политика императора Павла I.

Миролюбивыя намѣренія императора Павла I при вступленіи его на престолъ.—Перемена политики государя и обстоятельства, вызвавшія ее.—Вступленіе Россіи въ коалицію противъ Франціи.—Желаніе императора привлечь Турцію къ участію въ этой коалиціи.—Договоръ между Россіей и Портой 11 (23) декабря 1798 г.—Покореніе Ионическихъ острововъ.—Распаденіе коалиціи противъ Франціи.—Образованіе республики семи соединенныхъ острововъ.—Сближеніе императора Павла I съ Наполеономъ и проектъ раздѣла Турецкой имперіи, предложенный графомъ Растопчинимъ.....

248

Глава V. Восточная политика императора Александра I до Вѣнскаго конгресса.

Миролюбивыя намѣренія императора Александра при вступленіи его на престолъ.—Взглядъ русскаго правительства того времени на Оттоманскую Порту и его несостоятельность.—Дружественныя отношенія между Россіей и Турціей и гати-шерифъ 1802 г.—Сближеніе Турціи съ Франціей.—Интриги французскаго посла Себастьяни.—Сербское возстаніе 1804 года и отношеніе къ нему со стороны Россіи.—Нарушеніе Портою правъ Россіи и занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками.—Война между Турціей и Россіей и участіе въ ней Сербіи въ качествѣ союзницы послѣдней.—Переговоры Россіи съ Австріей.—Тильзитское свиданіе Наполеона съ императоромъ Александромъ и его результаты.—Перемиріе между Россіей и Турціей.—Эрфуртское свиданіе Наполеона съ Александромъ и договоръ 30 сентября 1808 г.—Переговоры Россіи съ Турціей о мирѣ.—Интриги Австріи и возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Пораженіе турокъ и открытіе переговоровъ въ Бухарестѣ.—Желанія императора Александра.—Заключеніе Бухарестскаго мирнаго договора 1812 г.—Его содержаніе.—Сербско-турецкія недоразумѣнія и участіе въ нихъ Россіи.....

254

Глава VI. Восточный вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Циркулярная нота Россіи, обращенная къ Вѣнскому конгрессу съ цѣлью

остановить его вниманіе на восточномъ вопросѣ.—Судьба, постигшая эту ноту.—Актъ Священнаго Союза 14 (26) сентября 1815 г.; его происхождение и содержаніе.—Критика этого акта.—Вѣрность основной мысли.—Неправильность общей постановки вопроса о примѣненіи христіанской этики къ сферѣ международныхъ отношеній.—Значеніе акта Священнаго Союза въ исторіи европейской политики.....

285

Глава VII. Восточная политика императора Александра I послѣ Вѣнскаго конгресса.

Возстаніе грековъ.—Отношеніе къ нему западной Европы и Россіи.—Внушенія Меттерниха.—Отвѣтъ императорскаго кабинета Иллианти.—Турецкій деспотизмъ въ Греціи.—Нарушеніе Портою правъ Россіи на Востокѣ.—Русскій ультиматумъ 6 (18) іюля 1821 года и дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей.—Предложеніе императора Александра о совокупномъ вмѣшательствѣ европейскихъ державъ въ греко-турецкое дѣло.—Неудача этого предложенія.—Политика Австріи.—Вѣнскія совѣщанія.—Предложенія Меттерниха и вторичное обсужденіе восточнаго вопроса въ Вѣнѣ.—Греческое дѣло на Веронскомъ конгрессѣ.—Декларация русскаго правительства.—Преждевременное ликованіе Австріи.—Вступленіе Англіи на путь либеральной политики.—Меморандумъ русскаго правительства отъ 28 декабря 1823 года объ умиротвореніи Греціи.—Петербургская конференція и отношеніе къ ней Англіи и Австріи.—Постановленія конференціи.—Отказъ западныхъ державъ принять принудительныя мѣры противъ Порты.—Предсмертное рѣшеніе императора Александра выступить на защиту грековъ.....

296

Глава VIII. Восточная политика императора Николая I въ первые годы его царствованія.

Общая программа восточной политики императора Николая при его водареніи: ограниченіе защиты нарушенныхъ правъ Россіи на Востокѣ отъ разрѣшенія греческаго вопроса.—Планъ рѣшенія послѣдняго.—Миссія герцога Веллингтона въ началѣ 1826 года и ея неудача.—Ультиматумъ русскаго правительства отъ 24 марта 1826 года.—Неожиданность его для Оттоманской Порты и старанія князя Меттерниха заставить турецкаго султана исполнить требованія Россіи.—Подтвержденіе правъ Россіи на Востокѣ.—Аккерманская конвенція 25 сентября 1826 года.—Значеніе этой конвенціи и мнѣніе о ней Генца.....

325

Глава IX. Русско-турецкая война 1828—1829 годовъ и постановленія Адрианопольскаго трактата.

Соглашеніе Россіи съ Англіей по греческому вопросу, и петербургскій протоколъ 23 марта 1826 года.—Отрицаніе султаномъ права посторонняго вмѣшательства въ греко-турецкое дѣло.—Приосединеніе Франціи къ англо-русскому соглашенію и Лондонскій договоръ 27 іюня 1827 г.—Коллективная нота представителей союзныхъ державъ.—Отвѣтъ на нее со стороны Порты.—Мирная миссія князя Меттерниха.—Наваринскій

бой.—Отношеніе къ нему Европы.— Неудачный исходъ новой попытки Россіи достигнуть умиротворенія Греціи путемъ совѣстныхъ дѣйствій съ Англіей и Франціей.— Негодованіе султана на Россію и русско-турецкая война 1828—1829 годовъ.—Цѣль, которую поставило себѣ русское правительство, начиная эту войну.—Торжество русскаго оружія.— Рѣшеніе тайнаго комитета и общія замѣчанія о немъ.— Адрианопольскій миръ 2 (14) сентября 1829 года и постановленія Адрианопольскаго трактата.—Значеніе этихъ постановленій и отношеніе къ нимъ западной Европы.....

359

Глава X. Признаніе полной политической независимости Греціи.

Заявленіе Лондонской конференціи по поводу 10-й ст. Адрианопольскаго трактата и отношеніе къ нему императора Николая.—Признаніе Греціи независимымъ государствомъ и избраніе правителемъ ея Леопольда.—Отказъ послѣдняго и положеніе дѣлъ въ Греціи.—Избраніе Оттона Баварскаго.—Соображенія русскаго правительства.—Договоръ державъ-союзницъ съ Баваріей 25 апрѣля (7 мая) 1832 г.—Упадокъ русскаго вліянія въ Греціи.....

368

Глава XI. Дружественныя отношенія императора Николая къ Портѣ и Ункіарь-Искелесскій трактатъ 1833 года.

Переѣзна русской политики въ отношеніи Турціи послѣ Адрианопольскаго мира.—Установленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Портой.—Внутреннее разложеніе послѣдней и возстаніе Мехмета-Али, паша египетскаго.—Отношеніе западной Европы къ участи Турціи.—Вмѣшательство Россіи въ турецко-египетскую распрю.—Волненія европейской дипломатіи и примиреніе султана съ вассаломъ.—Оцѣнка политики Россіи въ турецко-египетскомъ вопросѣ.—Ункіарь Искелесскій трактатъ 26 іюня 1833 года.—Значеніе постановленій этого трактата и отношеніе къ нему западной Европы.....

378

Глава XII. Восточная политика Россіи послѣ заключенія Ункіарь-Искелесскаго трактата.

Мюнхенгреческая и Берлинская конвенціи 1833 года.—Цѣль договора Россіи съ Австріей по восточнымъ дѣламъ и ея несостоятельность.—Бездѣйствіе нашей дипломатіи на Востокъ.—Русское вліяніе въ Дунайскихъ княжествахъ.—Бухарестскій комитетъ и выработанный имъ органической уставъ.—Конвенція 1834 года и выступленіе русскихъ войскъ изъ княжествъ.—Утвержденіе внутренней независимости Сербіи.—Вопросъ о сербскомъ уставѣ.—Беспорядки 1835 года и уставъ Давидовича.—Протестъ противъ этого устава со стороны Порты, Австріи и Россіи.—Посылка въ Сербію барона Рикмана.—Поворотъ Милоша отъ Россіи.—Русскій „базисъ“.—Посылка въ Сербію князя Долгорукаго.—Политика Англіи.—Назначеніе русскаго консула въ Бѣлградъ.—Сербскій уставъ 1839 года и его значеніе.—Отреченіе Милоша отъ княжескаго званія.....

396

Глава XIII. Европейское соглашение по делам Востока и Лондонская конвенция 1840—1841 годовъ.

Вторичное возстаніе Мехмета-Али, паши египетскаго.—Общеввропейское вмѣшательство въ распри турецкаго султана съ вассаломъ.—Сближеніе Россіи съ Англіей и поѣзда барона Бруннова въ Лондонъ въ сентябрѣ 1839 года.—Англо-французскія недоразумѣнія.—Лондонская конференція и конвенція 1840 года.—Прекращеніе турецко-египетской распри и Лондонская конвенція 1841 года, устанавливавшая европейское соглашеніе по деламъ Оттоманской Порты. — Значеніе Лондонскихъ конвенцій въ исторіи отношеній Россіи въ Турціи.....

428

Глава XIV. Общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи съ половины XVIII до половины XIX вѣка.

Положеніе восточнаго вопроса въ половинѣ XVIII вѣка.—Заботы Россіи со временъ Екатерины Великой объ обезпеченіи матеріальныхъ интересовъ въ юго-восточномъ углу Европы и результаты этихъ заботъ къ половинѣ XIX вѣка.—Положеніе вопроса религіозно-національнаго.—Вопросъ объ освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига при Екатеринѣ Великой. — Условія и характеръ дѣятельности Россіи при осуществленіи своего историческаго призванія въ отношеніи единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ XIX вѣкѣ. — Вопросъ объ участіи Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ при Александрѣ I. — Положеніе этого вопроса при Николаѣ Павловичѣ.—Недоброжелательство къ намъ западныхъ державъ и ихъ стремленіе поставить Турцію и ея христіанскихъ подданныхъ подъ защиту и охрану Европы.—Успѣхи, сдѣланные Россіей къ половинѣ XIX вѣка въ рѣшеніи своихъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ задачъ на Востокѣ.....

450

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое для Россіи восточный вопросъ?

I.

Отсутствіе въ русской литературѣ твердо установившагося опредѣленія восточнаго вопроса.—Затруднительность для опредѣленія этого вопроса на основаніи отдѣльных мыслей, высказываемыхъ писателями въ различныхъ мѣстахъ ихъ сочиненій.—Господство въ русской литературѣ двухъ опредѣленій восточнаго вопроса: Соловьева и Данилевскаго.—Противоположность этихъ опредѣленій и прорастающее отсюда сомнѣніе въ правильности котораго-нибудь изъ нихъ.

По единогласному отзыву всѣхъ русскихъ ученыхъ и публицистовъ, посвящавшихъ свои знанія и силы разработкѣ международной жизни Россіи, восточный вопросъ всегда занималъ и занимаетъ теперь едва-ли не первое мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ внѣшней политики русскаго народа. При такомъ серьезномъ значеніи восточнаго вопроса въ прошлой исторіи Россіи, а еще болѣе въ виду практической важности его въ настоящее время, было бы весьма естественно ожидать, что у насъ установилось относительно этого вопроса достаточно опредѣленное и ясное представленіе. Но такого рода предположенія, къ сожалѣнію, не оправдываются. Что собственно должно понимать подъ такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ, въ чемъ заключается для Россіи его смыслъ и историческое содержаніе, — точныхъ указаній на это, а тѣмъ болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ мы не находимъ у большинства нашихъ писателей. Употребляя выраженіе: восточ-

ный вопрос, историческія задачи Россіи на Востокъ, ея пред-назначеніе, историческая миссія и т. д., они пользуются этими выраженіями, какъ вполне установившимися и всѣми одинаково понимаемыми терминами, въ разъясненіи которыхъ не представляется никакой надобности. Такъ напримѣръ, проф. Успенскій, поставившій себѣ задачу изслѣдовать, какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ, замѣчаетъ, что вопросъ этотъ «является центромъ, вокругъ котораго группируются крупнѣйшіе факты русской исторіи, главнымъ рычагомъ и стимуломъ нашего общественнаго развитія», что *«вмѣстѣ съ восточнымъ вопросомъ изучается исторія развитія русскаго національнаго самосознанія»* *). Само собою понятно, что для оцѣнки этого тезиса весьма важно было бы знать, что же такое для Россіи восточный вопросъ или, по крайней мѣрѣ, какъ понимаетъ его самъ авторъ. Но авторъ, не давая формулированнаго отвѣта на такой вопросъ, какъ бы предполагая, что онъ достаточно извѣстенъ читателю, а въ противномъ случаѣ предоставляя ему самому вывести заключеніе на этотъ счетъ, что однако, вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ кажется съ перваго взгляда.

Въ одномъ мѣстѣ проф. Успенскій замѣчаетъ, что «практически идея восточнаго вопроса должна была выразиться въ стремленіи освободить христіанскія народности отъ турецкаго ига» **). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что только «въ концѣ XVI вѣка восточный вопросъ сведень былъ къ политическимъ интересамъ завоеванныхъ турками христіанскихъ народностей» ***), что послѣ смутнаго времени «на мѣсто турецкаго настоятельно выдвинулся для насъ польскій вопросъ; пока онъ не былъ разрѣшенъ, въ восточномъ вопросѣ мы были обречены на пассивную роль», т. е. «почти на полтора столѣтія восточный вопросъ пересталъ быть для Россіи первостепеннымъ» ****). Всѣ эти краткія и отрывочныя замѣчанія даютъ основаніе предполагать, что авторъ изъ понятія восточнаго вопроса совершенно исключаетъ собственно матеріальные

*) „Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ“; Спб. 1887 г., стр. 2 и 32.

**) Назв. соч., стр. 25.

***) Назв. соч., стр. 64.

русскіе интересы въ юго-восточномъ углу Европы и понимаетъ подъ нимъ лишь одинъ религіозно-національный вопросъ, т. е. совокупность задачъ, принятыхъ на себя Россіей по отношенію къ порабощеннымъ турками православнымъ народамъ Востока. Но если даже допустить, что содержаніе восточнаго вопроса дѣйствительно исчерпывается для насъ только заступничествомъ за меньшихъ братьевъ, то и тогда едва-ли возможно будетъ согласовать это заключеніе съ основнымъ положеніемъ автора, по которому исторія восточнаго вопроса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія русскаго самознанія, такъ какъ вопросъ этотъ, понимаемый въ смыслѣ религіозно-національнаго вопроса, далеко не обнимаетъ собою *всѣхъ* тѣхъ «важнѣйшихъ фактовъ русской исторіи», подъ влияніемъ которыхъ развивалось это самознаніе, а былъ только *однимъ* изъ многихъ такого рода фактовъ.

Таимъ образомъ, изъ сопоставленія разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ мыслей автора мы не всегда можемъ вывести заключеніе о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ восточнымъ вопросомъ, если только онъ самъ не даетъ намъ отвѣта на этотъ капитальный вопросъ въ точно опредѣленной формѣ. Но, повторяемъ, ясно сформулированныхъ отвѣтовъ им не находимъ у большинства нашихъ исследователей исторіи взаимныхъ отношеній Турціи, Россіи и Европы. Между тѣмъ имѣть точное опредѣленіе восточнаго вопроса, или, что то же, знать, въ чемъ заключаются историческія задачи Россіи на Востокѣ,—весьма важно, такъ какъ только при этомъ условіи возможно правильное пониманіе и изученіе длинной и сложной исторіи нашей политики по отношенію къ Турціи и ея христіанскому элементу. Въ русской литературѣ, впрочемъ, существуютъ два ясно сформулированныхъ опредѣленія восточнаго вопроса; одно изъ нихъ принадлежитъ знаменитому историку Соловьеву, а другое—извѣстному публицисту Данилевскому. Съ точки зрѣнія этихъ опредѣленій, надо замѣтить, не имѣющихъ ничего общаго между собою, восточный вопросъ, собственно говоря, и разсматривается большинствомъ его исследователей. Судя по ихъ, иногда не совсемъ ясно выраженнымъ взглядамъ, они или понимаютъ подъ восточнымъ вопросомъ борьбу христіанской Европы противъ владычества турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, или разумѣютъ подъ нимъ борьбу славянскихъ

народовъ за свою духовную и національную самобытность, которой угрожаютъ народы европейскаго запада, и такимъ образомъ распадаются на два лагерь, нерѣдко проявляющіе необыкновенную враждебность другъ къ другу. Однако уже самое существованіе двухъ различныхъ опредѣленій одного и того же вопроса заставляеть сомнѣваться въ правильности котораго-нибудь изъ нихъ и даже обонхъ вмѣстѣ, такъ какъ по закону логики опредѣленіе есть перечисленіе существенныхъ признаковъ даннаго предмета или понятія, которое, конечно, должно всѣхъ приводить къ тождественному, а не противоположному сужденію о нихъ, какъ это происходитъ у насъ по отношенію къ восточному вопросу.

Разумѣется, при существованіи двухъ различныхъ опредѣленій одного и того же понятія, мы не въ правѣ безъ надлежащей провѣрки принимать за истину мнѣніе историка Соловьева или безусловно соглашаться со взглядомъ Данилевскаго, если только желаемъ составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе объ историческихъ задачахъ Россіи на Востокѣ. Чтобы сдѣлать сознательный и безпристрастный выборъ между этими двумя различными воззрѣніями на наши вѣковыя задачи, сначала должно ознакомиться съ каждымъ изъ этихъ воззрѣній въ отдѣльности, и путемъ подробнаго критическаго анализа узнать, которое изъ нихъ несомнѣнно правильно. Только такая предварительная оцѣнка мнѣній Соловьева и Данилевскаго о восточномъ вопросѣ дастъ намъ возможность смѣло стать на сторону котораго-нибудь изъ нихъ, смотря потому, чье опредѣленіе историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ будетъ вполнѣ отвѣчать всѣмъ требованіямъ правительнаго опредѣленія, какъ логическаго цѣлаго.

Поэтому, во избѣжаніе апіорнаго заключенія о вѣрности или невѣрности котораго-нибудь изъ двухъ указанныхъ нами противоположныхъ мнѣній объ историческихъ задачахъ Россіи на Востокѣ, — мы полагаемъ необходимымъ предварительно точно выяснитъ, которое изъ этихъ мнѣній дѣйствительно справедливо, а для этого считаемъ своимъ долгомъ хотя-бы въ общихъ чертахъ ознакомиться со взглядами Соловьева и Данилевскаго и посмотрѣть, что разумѣеть каждый изъ нихъ подъ именемъ восточнаго вопроса.

II.

Определение восточнаго вопроса, даваемое Соловьевымъ. — Критика этого определения, дѣлаемая Данилевскимъ. — Что понимаетъ подъ восточнымъ вопросомъ самъ почтенный публицистъ. — Несостоятельность его определения. — Въ какомъ смыслѣ можетъ быть признана правильность теоріи Соловьева. — Ея недостатки. — Восточный вопросъ не есть одна борьба Европы съ Азіей, точно такъ же какъ не можетъ быть признанъ борьбою Россіи съ Западной Европой. — Необходимость иного определения восточнаго вопроса. — Моментъ возникновенія этого вопроса для Россіи, какъ исходная точка для его правильного определения.

«У нашего героя—говоритъ историкъ Соловьевъ — древнее и знаменитое происхожденіе... Восточный вопросъ появился въ исторіи съ тѣхъ поръ, какъ европейскій человѣкъ созналъ различіе между Европою и Азією, между европейскимъ и азіатскимъ духомъ. Восточный вопросъ составляетъ оущность исторіи древней Греціи; всѣ эти имена, знакомыя намъ съ малолѣтства, имена Мильтіадовъ, Фемистокловъ, близки, родственны намъ потому, что это имена людей, потрудившихся при рѣшеніи Восточнаго вопроса, потрудившихся въ борьбѣ между Европою и Азією. Ожесточенная борьба проходитъ черезъ всю Европейскую исторію, проходитъ съ перемѣннымъ счастьемъ для борющихся сторонъ: то Европа, то Азія беретъ верхъ; то полчища Ксеркса наводняютъ Грецію, то Александръ Македонскій съ своею фалангою и Гомеровою Илиадою является на берега Евфрата; то Аннибалъ около Рима, то римскіе орлы въ Картагенѣ и въ его метрополіи; то Гунны на поляхъ Шалонскихъ и Аравитяне подлѣ Тура, то крестonosная Европа въ Палестинѣ; то татарскій баскакъ развѣзжаетъ по русскимъ городамъ, требуя дани, и крымскій ханъ жжетъ Москву, то русскія знамена въ Казани, Астрахани и Ташкентѣ, то Турки снимаютъ крестъ съ св. Софіи и раскидываютъ дикій ставъ среди памятниковъ древней Греціи, то турецкіе корабли горятъ при Чесмѣ, при Наваринѣ, и русское войско стоитъ въ Адрианополѣ. Все одна великая борьба, все одинъ Восточный вопросъ» *).

Изъ приведенныхъ словъ нашего почтеннаго историка видно, что онъ понимаетъ подъ именемъ восточнаго вопроса *одинъ изъ моментовъ исконной борьбы между Азією и Европой*, борьбы, со-

*) Сочиненія, Сиб. 1882 г., стр. 294.

ставляющей «одно изъ важнѣйшихъ явленій всемірной исторіи во всѣхъ фазахъ ея развитія: въ мірѣ древнемъ, средневѣковомъ и новомъ» *). Въ этой многовѣковой борьбѣ, проходящей красною нитью по страницамъ всемірной исторіи, Азія олицетворяетъ собою мертвящее вліяніе степи, а Европа — благотворное и живительное вліяніе моря. «Мнѣніе это — по словамъ Данилевскаго — не составляетъ исключительнаго взгляда проф. Соловьева: оно съ большею или меньшею полнотою и отчетливостью раздѣляется тѣми, которые желаютъ примирить самобытную историческую роль Россіи и Славянства съ ихъ европейскимъ характеромъ, — въ противность коренной противоположности между интересами славянскаго и романо-германскаго міра» **). Являясь ревностнымъ проповѣдникомъ этой «коренной противоположности между интересами славянскаго и романо-германскаго міра» и ярымъ защитникомъ самобытной исторической роли Россіи и славянъ, исключаяющей ихъ изъ строя европейской культуры, Данилевскій, конечно, не раздѣляетъ взгляда Соловьева на восточный вопросъ, какъ на борьбу Европы съ Азіей, морскаго берега со степью, и, пытаясь доказать всю несостоятельность этой теоріи, приводитъ противъ нея слѣдующія возраженія:

1. Никогда не было, да и быть не могло борьбы Азіи противъ Европы, потому что Европа, а еще болѣе Азія никогда не признавали себя чѣмъ-либо цѣлымъ, могущимъ вступить въ борьбу.

2. Никогда не было войны, въ которой, даже случайно и безсознательно, всѣ народы Европы ополчались противъ всѣхъ народовъ Азіи или наоборотъ.

3. Европа и Азія суть: или понятія географическія, или понятія этнографическія, или понятія культурно-историческія. Какъ понятія географическія, они ни въ какую борьбу между собою вступать не могли. Какъ понятія этнографическія, Европа могла бы соответствовать только племени Арійскому, а Азія племенамъ Семитическому, Туранскому и другимъ. Но этнографическое дѣленіе не совпадаетъ съ географическимъ, и при этнографическомъ смыслѣ понятій: *Европа* и *Азія* — пришлось бы видѣть въ одномъ

*) Корсаковъ. „Объ историческомъ значеніи наступательнаго движенія великорусскаго племени на Востокъ“; 1889 г., стр. 4.

***) „Россія и Европа“. Спб. 1889 г., стр. 327.

и томъ же племени то Европу, то Азію, смотря потому, съ кѣмъ пришлось бы ему бороться. Какъ понятія культурно-историческія, — Европа дѣйствительно составляетъ самостоятельное, культурно-историческое цѣлое, но за то Азія не имѣетъ никакого единства въ этомъ смыслѣ, и слѣдовательно ни въ какую борьбу съ Европою вступить не можетъ.

4. Многія войны, которыя по ихъ географическому характеру пришлось бы отнести къ числу проявленій борьбы между Европой и Азіей, въ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ ни чѣмъ не отличаются отъ войнъ, бывшихъ какъ между народами Европы, такъ и между народами Азіи.

5. Наконецъ, если бы восточный вопросъ дѣйствительно былъ однимъ изъ фазисовъ борьбы между Европой и Азіей, то объ немъ и говорить бы не стоило, ибо не только та небольшая часть Азіи, которая принадлежитъ Турціи, но даже и весь этотъ огромный материкъ не въ состояніи противопоставить никакого серьезнаго сопротивленія не только дружному напору Европы, но даже вооруженной силѣ одного могущественнаго европейскаго государства *).

Указавъ тѣ недостатки, которыми, по его мнѣнію, страдаетъ гипотеза историка Соловьева, Данилевскій говоритъ: «Всѣ эти аномаліи и противорѣчія устраняются сами собой, если распределить историческія явленія, вмѣсто искусственнаго подведенія ихъ подъ общую категорію борьбы между Европой и Азіей, — сообразно съ требованіями естественной группировки историческихъ событій, — по культурно-историческимъ типамъ. Тогда окажется, что народы, которые принадлежатъ къ одному культурно-историческому типу, имѣютъ естественную склонность расширять свою дѣятельность и свое вліяніе, на сколько хватить силъ и средствъ, такъ же точно, какъ это дѣлаетъ и всякій отдѣльный человекъ. Это естественное честолюбіе необходимо приводитъ въ столкновеніе народы одного культурнаго типа съ народами другого, независимо отъ того, совпадаютъ ли ихъ границы съ отчасти-произвольно проведенными географическими границами частей свѣта (что, конечно, иногда можетъ случиться), или нѣтъ. Первый случай неправильно обобщенъ и ведетъ къ понятію о мнимой борьбѣ между Европой и Азіей — вмѣсто дѣйствительной борьбы, происходившей между ти-

*) Назв. соч., стр. 327—329.

пани эллинистическимъ и иранскимъ, римскимъ и древне-семитическимъ, римскимъ и эллинистическимъ, римскимъ и германскимъ, наконецъ, романо-германскимъ и славянскимъ. Эта послѣдняя борьба и составляетъ то, что извѣстно подъ именемъ Восточнаго вопроса, который, въ свою очередь, есть продолженіе древне-восточнаго вопроса, заключавшагося въ борьбѣ римскаго типа съ греческимъ *)).

Данилевскій, такимъ образомъ, видитъ въ восточномъ вопросѣ не борьбу Азии и Европы, Востока и Запада, а *борьбу романо-германскаго или католическаго міра съ міромъ греко-славянскимъ или православнымъ*, изъ которыхъ одинъ — наследникъ римской, а другой — наследникъ греческой цивилизаціи, насколько наследственность допускается теоріею культурно-историческихъ типовъ. Цѣль и смыслъ этой борьбы, — по мысли автора, въ воззрѣніяхъ котораго, какъ въ фокусѣ, сливаются взгляды нашихъ славянофиловъ, — заключается для міра романо-германскаго въ томъ, чтобы распространить свою власть и вліяніе на греко-славянскій міръ, какою бы то ни было цѣною подчинить его себѣ и тѣмъ предотвратить возможность появленія новой славянской культуры; для православной же Россіи и всего славянства эта борьба должна сводиться къ тому, чтобы устранить всѣ тѣ препятствія, которыя полагаются честолюбивыми замыслами католицизма къ развитію самобытной славянской цивилизаціи. Короче: для Западной Европы восточный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы парализовать естественное развитіе и уничтожить силу и будущность Россіи, а для послѣдней въ томъ, чтобы избѣжать грозящей опасности.

Взглядъ Данилевскаго на восточный вопросъ находитъ себѣ въ русской литературѣ массу сторонниковъ. Къ числу ихъ, между прочимъ, принадлежитъ и г. Бухаровъ. По мнѣнію этого писателя

*) Назв. соч., стр. 330. Въ своей статьѣ: „Война за Болгарію“ — Данилевскій говоритъ: „Восточный вопросъ, по подробно мною изложенному и, думается мнѣ, доказанному мнѣнію, есть огромный историческій процессъ, заложенный еще во времена древнихъ Греціи и Рима, — процессъ о томъ, должно-ли Славянское племя, — членъ Арійской семьи, равноправный съ племенами: Индійскимъ, Иранскимъ, Эллинистическимъ, Латинскимъ и Романо-германскимъ, создавшими каждое свою самостоятельную культуру, — оставаться только начтожнымъ придаткомъ, такъ сказать, прихвостнемъ Европы, или же въ свою очередь приобрести мировое значеніе и наложить свою печать на цѣлый періодъ исторіи“. (Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890 г., стр. 31).

сущность восточнаго вопроса въ общемъ, широко его значеніе, заключается «въ неустанной, вѣковой борьбѣ романскихъ и германскихъ народовъ съ славянскими племенами, составляющей въ новѣйшія времена какъ бы продолженіе постоянного антагонизма, существовавшаго въ древности между римлянами и греками» *). Онъ «представляетъ борьбу міра католическаго, или романо-германскаго, съ міромъ православнымъ, или славянскимъ, возбужденную страхомъ, внушаемымъ государствамъ западной Европы мыслью, что на развалинахъ Оттоманской имперіи можетъ возникнуть могущественная, свободная и независимая греко-славянская держава» **). Такого же взгляда держится и Аксаковъ, по мнѣнію котораго восточный вопросъ есть «вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческому вѣроисповѣданію, латинскаго міра къ православному» ***). Но съ этими взглядами на восточный вопросъ едва-ли возможно согласиться. Возражая историку Соловьеву, Данилевскій говоритъ, что онъ черезъ мѣру расширяетъ предѣлы восточнаго вопроса, и тѣмъ самымъ лишаетъ его глубины историческаго содержанія. Но и самъ Данилевскій, какъ и всѣ сторонники славянофильской школы, не совсѣмъ правъ, стараясь сузить предѣлы восточнаго вопроса и углубить его содержаніе рѣзкимъ противопоставленіемъ интересовъ славянскаго и романо-германскаго міра. Противъ его опредѣленія восточнаго вопроса, сдѣланнаго съ точки зрѣнія славянофильской теоріи культурно-историческихъ типовъ, также можно привести нѣсколько соображеній:

1. Прежде всего, къ міру греко-славянскому, какъ собственно православному, разбираемой теоріей относятся: во-первыхъ, не греческіе и не славянскіе народы, какъ напр. румыны, албанцы и даже венгры, а во-вторыхъ, такіе славяне, которые цѣлые вѣка исповѣдаютъ католическую вѣру; и наоборотъ, къ міру романо-германскому или католическому причисляются государства вовсе не латинскія, какъ напр. Англія или Пруссія. Мало того, опредѣляя восточный вопросъ борьбою двухъ міровъ: романо-германскаго и славянскаго, разбираемая теорія разумѣетъ подъ западной

*) „Россія и Турція“. Спб. 1878 г., стр. 100.

**) Назв. соч., стр. 101.

***) „Полное собраніе сочиненій“, т. I. М. 1886 г., стр. 99.

Европой или романо-германскимъ міромъ *есть* западно-европейскія государства, между тѣмъ какъ многія изъ нихъ не имѣютъ равно никакого отношенія къ названному вопросу, вслѣдствіе чего подъ Европой въ данномъ случаѣ принято разумѣть лишь тѣ изъ европейскихъ государствъ, которыя въ силу своего географическаго положенія или историческихъ условій заинтересованы въ существованіи Турціи. А если это такъ, то является вполне естественное предположеніе, что объясненіе восточнаго вопроса, какъ факта религіознаго различія Востока и Запада, неправильно. И дѣйствительно, вѣроисповѣдныя начала, давно уже утратившія ту политическую важность, которую имѣли они въ прежнее время, никогда не играли никакой роли въ отношеніяхъ западныхъ державъ къ Россіи по восточному вопросу, и враждебность этихъ отношеній объясняется всецѣло политическими причинами, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стояла боязнь нашего усиленія на счетъ греко-славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова *).

*) Возражая Аксакову, что вѣроисповѣдное начало не имѣло рѣшающаго значенія въ отношеніяхъ западныхъ державъ къ Россіи по восточному вопросу, г. Пыпинъ замѣчаетъ, что и самъ этотъ славянофилъ проговаривается въ одномъ мѣстѣ, „что Европа могла имѣть совсѣмъ иныя причины нелюбви къ Россіи, и эти причины несомнѣнно имѣли и до сихъ поръ имѣютъ большое мѣсто во взглядахъ европейскаго общества, а затѣмъ и правительства, на Россію“. „Въ средніе вѣка — говорить г. Пыпинъ — Россія была въ глазахъ Европы государство не-европейское и полу-варварское, чтѣ и было понятно при крайнемъ недостаткѣ просвѣщенія въ тогдашней Россіи; этотъ взглядъ на Россію дѣйствительно опредѣлился тогда также соображеніями вѣроисповѣдными: для католиковъ Россія была страна схизматическая; позднѣе эти спеціальныя соображенія несомнѣнно ослабѣваютъ (напр., особенно у писателей протестантскихъ), но недолго осталось представленіе о Россіи, какъ странѣ мало цивилизованной, незнакомой съ европейскими науками, общественными правами, — чтѣ и было совершенно справедливо. Петровская реформа еще разъ ослабила взглядъ на Россію, какъ на государство азіатское, и ограничила еще разъ взглядъ вѣроисповѣдный; но для европейцевъ она все еще представляла много чуждаго, какъ страна съ формами жизни грубыми и не-европейскими; и успѣхи русскаго образованія были не таковы, чтобы могли быть замѣчены въ Европѣ по какимъ-либо самостоятельнымъ успѣхамъ въ наукѣ и литературѣ. Но съ тѣхъ же временъ Петра прибавилась новая причина недовѣрія: русское государство стало такъ расширяться и усиливаться, что возншло опасеніе ея политическаго властолюбія; въ Европѣ стали предполагаться завоевательные планы Россіи, возбуждавшіе чисто политическую боязнь, зависть и вражду. Съ тѣхъ поръ Россія начинаетъ въ самомъ дѣлѣ вмѣшиваться все сильнѣе въ европейскія дѣла, при Екатеринѣ II дѣлать Польшу съ Австріей и Пруссіей, мечтаетъ о „греческомъ проектѣ“, а въ концѣ прошлаго столѣтія русскія войска являются въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи; при Александрѣ I Россія играетъ, наконецъ, первенствующую роль въ дѣлахъ Западной Европы, сначала глубоко сочувственную для луч-

2. Противоположеніе греко-славянскаго міра романо-германскому предполагаетъ двѣ цивилизаціи, что невозможно, такъ какъ

нихъ людей западнаго общества, потому столько же антипатичную и непріязненную. Событія наполеоновскихъ войнъ показали, что русская военная сила можетъ открыть себѣ путь въ самое „сердце Европы“, и при томъ характерѣ, какой получила русская политика послѣ вѣнскаго конгресса, подобная перспектива не могла имѣть ничего пріятнаго для западныхъ народовъ. Варнымъ рыцаремъ Священнаго Союза остался императоръ Николай, и самъ Аксаковъ признаетъ, что Россія была для Европы „грознаго призрака“. Ничего нѣтъ удивительнаго, что отношенія Россіи къ Турціи и единодушнымъ русскому народу балканскимъ населеніемъ не могли быть успокоительными ни для дипломатіи, ни для общества западной Европы, хотя имп. Николай строго и неукрвенно держался договоровъ и законности. Во времена имп. Николая, въ Европѣ появляются первые страхи „панславизма“, какъ тайнаго плана Россіи. Въ дѣйствительности, плана не существовало; русская политика была, напротивъ, чрезвычайно осторожна и уклончива, и эта самая уклончивость, которая, по объясненіямъ Аксакова, была только безхарактерна, приписывалась въ Европѣ хитрости и коварству „грознаго призрака“. Словомъ, было достаточно причинъ чисто политическихъ, чтобы объяснить тѣ отношенія, которыми Аксаковъ огуломъ приписываетъ „ненависти латинскаго Запада къ православному Востоку“. Понятно, что, когда представлялся случай, католическое миссіонерство не пропускало вести свою пропаганду, точно такъ же, какъ вело ее на всемъ земномъ шарѣ, какъ вело свою пропаганду и миссіонерства протестантскія, какъ сама Россія изрѣдка поддерживала южно-славянское православіе посылкой пособій, церковныхъ книгъ и утварей. Если пропаганда католическая стремилась къ своимъ цѣлямъ, на это можно было отвѣчать только болѣе дѣятельной помощью православной; но „весь Западъ“ былъ въ этой католической пропагандѣ ни-при-чемъ. Примѣръ Польши, приводимый Аксаковымъ въ доказательство сочувствій Запада къ ней, именно какъ къ странѣ католической, опять не совѣсть точенъ: кромѣ причинъ вѣроисповѣдныхъ, были здѣсь опять причины политическія и едва-ли не болѣе сильныя. Раздѣлъ Польши въ XVIII столѣтіи былъ фактомъ, не возбудившимъ въ Европѣ особенныхъ сочувствій; онъ считался несправедливостью, — даже между умѣренными русскими людьми высказывались неодобренія политикѣ, совершившей это дѣло. При томъ взглядъ на Россію, какой существовалъ въ западной Европѣ и, прибавимъ, при незнаніи дѣйствительныхъ отношеній, которыя начинаютъ только въ послѣднее время разясняться болѣе внимательнымъ историческимъ изученіемъ, — не мудрено, что полки слыли за политическія мучениковъ, и польскіе эмигранты, послѣ неудачныхъ возстаній, находили пріютъ и сочувствіе не только въ „латинской“ Франціи, но и въ не-латинской Англии и Германіи, какъ такой же пріютъ и сочувствіе находили дѣятели итальянской, венгерской и нѣмецкой революцій. Ныкогда, наперекоръ своему латинству, европейскій Западъ относился съ большими сочувствіями къ дѣлу освобожденія Греціи, страны совершенно православной, и въ послѣднее время (1867) Аксаковъ предполагалъ даже, что орудіемъ борьбы противъ Россіи въ восточномъ вопросѣ будетъ выбрана Западомъ таже православная Греція. Новѣйшія столкновенія Россіи съ западными государствами въ восточномъ вопросѣ слишкомъ явно свидѣтельствуютъ, что ими руководитъ прежде всего чисто политическое властолюбіе, желаніе захватить побольше добычи отъ готовой развалиться Турціи“. (Славянскій вопросъ по взглядамъ Ив. Аксакова. „Вѣст. Евр.“ за 1886 г. № 8, стр. 783—785).

цивилизация одна, лишь непрерывно развивающаяся. Отношение греко-славянской цивилизации къ европейской образованности есть только отношеніе части къ цѣлому или, вѣрнѣе сказать, отношеніе переходной ступени развитія къ послѣдующему результату. Первая никогда не существовала какъ нѣчто равномерное со второй, а напротивъ, всегда находилось и находится теперь въ самой тѣсной отъ нея зависимости. Какъ извѣстно, древняя Византія до и послѣ раздѣленія церкви имѣла столько общаго, столько точекъ соприкосновенія съ Римомъ, что говорить о господствѣ въ тѣ времена на Востокъ и Западъ двухъ совершенно различныхъ направленій цивилизації положительно невозможно. Когда же Византія пала и ея культурное наслѣдство перешло къ славянамъ восточнаго исповѣданія, то объ этихъ двухъ направленіяхъ цивилизації уже совсѣмъ не могло быть рѣчи, такъ какъ балканское славянство, подпавъ подъ гнетъ турецкаго владычества, на цѣлые вѣка почти абсолютно утратило всякую самостоятельность въ области духовной и умственной дѣятельности, а русскій народъ, отстаившій свою государственную независимость, пошелъ по стопамъ Византіи, главнымъ образомъ въ дѣлахъ церковныхъ, такъ какъ вліяніе ея на Россію въ политическомъ и культурномъ отношеніи было весьма незначительно, такъ что въ гражданственности она далеко отстала отъ западной Европы, которой чуждалось въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ въ силу своей національной и религіозной исключительности и съ большимъ трудомъ догоняетъ ее лишь въ настоящее время путемъ усвоенія выработанныхъ ею началъ цивилизації, что подтверждаютъ сами славянофилы, говоря, что наша гражданственность есть «только слабая копія европейскаго просвѣщенія» *).

*) Пыпинъ. Славянскій вопросъ по взглядамъ Ив. Аксакова. Вѣст. Евр. за 1886 годъ. № 8, стр. 801.

По мнѣнію Данилевскаго, основаніемъ для существованія двухъ различныхъ направленій цивилизації служитъ коренная противоположность характеровъ народовъ, составляющихъ самобытные культурно-историческіе типы. Противоположность эта выражается: 1) въ особенностяхъ *психологическаго строя* славянскихъ и романо-германскихъ народовъ; 2) въ различіи руководящаго ими высшаго нравственнаго начала—*строистовданія* и 3) въ несходствѣ условій ихъ исторической жизни. Но съ рѣзкимъ противоположеніемъ народовъ западной и восточной Европы на основаніи этихъ, слишкомъ преувеличенныхъ чертъ различія, едва-ли возможно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, отличительною особенностью психологическаго строя

3. Если не может быть двух цивилизацій и существуетъ только одна, въ развитіи которой принимали участіе всѣ народы

западныхъ народовъ, по мнѣнію Данилевскаго, является *чрезмѣрное развитіе личности* и слѣдствіе его — *насильственность*, жестокость въ борьбѣ за защиту своего права. Эти черты характера западныхъ народовъ проявляются какъ въ ихъ религіозной нетерпимости, свирѣпствовавшей особенно въ средніе вѣка, такъ и на почвѣ политической, въ сферѣ социальныхъ вопросовъ и т. д. Ничего подобнаго, по словамъ нашего автора, не встрѣчаемъ мы у славянскихъ народовъ, которые самою природою избавлены отъ этой насильственности характера. Развитіе этихъ народовъ, и главнымъ образомъ русскаго, основано не на началѣ личности, а на началѣ *общенародномъ*, которое, будучи чуждо борьбы, а слѣдовательно и насильственности, ведетъ за собою довѣріе, требуетъ большей мягкости и характеризуется благостію. Вслѣдствіе этихъ психологическихъ особенностей русскаго народа исторія свидѣтельствуетъ о полной терпимости его къ иновѣрцамъ, объ отсутствіи насилій надъ покоренными полудикими племенами и, наконецъ, о мирномъ развитіи у насъ государственной жизни въ томъ смыслѣ, что историческимъ переворотамъ предшествовала не агитація интересовъ, представлявшихся разными партиями, а внутренній процессъ, совершавшійся въ народномъ сознаниі. (Россія и Европа, стр. 184—211).

Противъ этого, приводимаго Данилевскимъ, психологическаго различія народовъ западной и восточной Европы прежде всего должно замѣтить, что сознаніе личности есть необходимое условіе прогресса, такъ какъ безъ развитія понятія о достоинствѣ человѣческой личности немислимо и высшее развитіе человечества. Между тѣмъ насильственность есть отличительная черта характера народовъ въ ихъ первые, грубые періоды исторіи, черта, которая постепенно сглаживается и исчезаетъ подъ вліяніемъ поступательнаго хода цивилизаціи. Поэтому никакъ нельзя утверждать, что сознаніе личности поражаетъ насиліе. Развитие начала личности, напротивъ того, уничтожаетъ въ характерѣ народовъ насильственность. При такомъ значеніи начала личности, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что насильственность представляетъ психологическую особенность романо-германскихъ народовъ, какъ народовъ съ болѣе развитымъ понятіемъ о человѣческой личности. Насильственность въ извѣстной степени не была чужда и славянамъ, которые по природѣ своей, пожалуй, были добродушнѣе многихъ другихъ народовъ, но зато всегда отличались слабымъ развитіемъ совнанія о личномъ достоинствѣ человѣка, о правѣ и его необходимости и т. д. Въ доказательство отсутствія въ характерѣ славянъ насильственности Данилевскій, между прочимъ, ссылается на способность русскаго народа къ свободѣ и къ государственной жизни, указывая на его умѣнье и привычку повиноваться, на уваженіе и довѣріе къ власти, на отсутствіе въ немъ властолюбія и на его отвращеніе вышпиваться въ то, въ чемъ онъ считаетъ себя некомпетентнымъ, вслѣдствіе чего Россія является едва-ли не единственнымъ государствомъ, которое никогда не имѣло (и по всей вѣроятности никогда не будетъ имѣть) политической революціи, т. е. революціи, вѣтующей цѣлью ограниченіе вѣтровъ власти, привоеніе всего объема власти или части ея какимъ-либо сословіемъ или всею массою гражданъ. На противъ подобнаго утвержденія гр. Камаровскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что оно не вполне соответствуетъ фактамъ изъ русской исторіи, и что если въ немъ есть доля правды, то дѣлаемая изъ нея выводы частію односторонни, частію преувеличенны. „Русскій народъ —

Европы, не исключая и славянъ, игравшихъ по временамъ весьма важную культурную роль, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи

говорить почтенный профессоръ—дѣйствительно создалъ огромнѣйшее государство на землѣ; онъ искони отличался любовью и довѣріемъ къ власти; его нельзя не назвать великимъ по его выносливости, терпѣнію и беззаветной преданности церкви, царю и родинѣ. Это вытекаетъ болѣе всего изъ основной его черты—религіозности. Но это не должно отводить намъ глаза отъ обратной стороны дѣла, лежащей въ томъ, что славяне вообще страдаютъ неспособностію къ организаціи, недостаточнымъ развитіемъ личной инициативы и дѣятельности, а въ политической области они вообще доселѣ проявляли болѣе пассивныхъ нежели активныхъ добродѣтелей“, быть можетъ, даже оттого, „что самыя вѣднѣя условія были до сихъ поръ противъ нихъ и что они стояли, по своему умственному развитію, на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ ихъ старшіе братья, романскіе и германскіе народы“. (Основные вопросы науки международного права. Учен. Запис. Московск. Университета за 1895 г. вып. X, стр. 29).

Другою чертою различія славянскихъ народовъ отъ народовъ романо-германскихъ, по мнѣнію Данилевскаго, служитъ различіе ихъ въ высшемъ духовномъ началѣ — религіозномъ. Различіе это заключается не только въ догматахъ вѣры, но—и что всего важнѣе — въ понятіи о церкви. (Россія и Европа, стр. 212—234). Но эти черты различія вѣроисповѣданій народовъ католическихъ, протестантскихъ и православныхъ вовсе не имѣютъ того значенія, которое имъ приписывается Данилевскимъ, такъ какъ все различіе въ данномъ случаѣ сводится къ спорамъ о пониманіи и толкованіи извѣстныхъ догматовъ, а также относительно принциповъ и формъ устройства и управленія церкви. „Но несравненно выше надъ этими спорами—говоритъ гр. Камаровскій—стоитъ то, что сближаетъ и соединяетъ въ одно цѣлое всѣхъ христіанъ: вѣра въ божественную Личность Самого Основателя нашей религіи, а также основныя истины и духъ всего Его ученія“. На этой же почвѣ между всеми христіанскими народами нѣтъ никакого различія: всѣ они по духу между собою братья. (Основные вопросы науки международного права, стр. 28).

Третью существенную разницу между міромъ европейскимъ и славянскимъ Данилевскій видитъ въ условіяхъ ихъ исторической жизни. Исторія западныхъ народовъ, по его мнѣнію, начинаясь съ завоеванія и кончаясь феодализмомъ со всеми его печальными послѣдствіями, чувствующимися дониндѣ, представляетъ собою цѣлый рядъ насилій. Не такова исторія русскаго народа. Въ противоположность исторіи западно-европейскихъ народовъ, въ Россіи—по мнѣнію Данилевскаго—происходитъ мирное призваніе князей и мирное же постепенное раствореніе пришлаго варяжскаго элемента въ общей массѣ славянскаго племени, причемъ здѣсь нѣтъ и слѣда феодализма. (Россія и Европа, стр. 235—273). Но со всѣмъ этимъ невозможно не согласиться. „Насколько намъ позволяютъ судить скудныя и отрывочныя свѣдѣнія дошедшихъ до насъ лѣтописей, раселеніе варяговъ-русовъ по нашей землѣ—говоритъ гр. Камаровскій — совершилось далеко не мирно, но сопровождалось многими враждебными столкновеніями и передвиженіями племенъ“. Россія не знала и феодальнаго періода, „но пережитой ею періодъ удѣльный представляетъ съ феодальнымъ то общее, что оба они характеризовались преобладаніемъ началъ частлаго права надъ публичными. Государства, въ строго публичномъ смыслѣ слова, не существовало: власть пріобрѣталась и переходила на подобіе частной собственности, по принципамъ гражданскаго права, земли дробились и сливались по договору,

о борьбѣ двухъ культурно-историческихъ типовъ. Въ исторіи, собственно говоря, и нѣтъ примѣровъ, чтобы романо-германскій міръ ополчился противъ міра славяно-греческаго съ цѣлью подчинить себя послѣдній. Если считать таюю попыткой нападеніе на Россію почти половины западной Европы во время крымской войны, то это, несомнѣнно, было бы большимъ искаженіемъ ея настоящей причины. Независимо отъ политическихъ комбинацій европейскихъ дворовъ, династическихъ интригъ Наполеона III, интригъ австрійскаго двора и т. п., въ этомъ враждебномъ отношеніи къ Россіи западной Европы сказалось давно накопившееся раздраженіе, вызванное реакціонной политикой Россіи со времени Вѣнскаго конгресса, и страхъ за политическое равновѣсіе, нарушеніемъ котораго особенно грозила внѣшняя политика императора Николая I. Въ крымской кампаніи не было и тѣни вражды двухъ культурно-историческихъ типовъ, на что указываетъ Данилевскій, и этому главнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что, принимая участіе въ войнѣ противъ насъ, каждый изъ союзниковъ руководился исключительно своими политическими и торговыми расчетами, а не общими интересами германо-романскаго міра *).

захватомъ и инымъ частнымъ сдѣлкамъ ихъ собственниковъ. Различія, безусловно существовавшія на Руси въ эпоху удѣловъ, не подрывая указываемаго нами факта, легко объясняются иными условіями: обширностью ея территоріи, малолюдьемъ, удаленностью отъ Рима и испещреніемъ отъ него началъ и т. д.“ (Основные вопросы науки международного права, стр. 26).

На основаніи приведенныхъ соображеній мы должны согласиться съ выводомъ г-ра Капаровскаго, что „въ силу всего своего прошлаго, Россія представляетъ большія отличія отъ западно-европейскихъ странъ, чѣмъ онѣ между собою, но эти отличія никакъ не могутъ обособить ея въ отдѣльный отъ Европы міръ: она все-таки остается страной европейскою и христіанскою. Въ продолженіе своей исторіи она послѣдовательно восприняла на себя дѣйствіе элементовъ: византійскаго, монгольскаго и западно-европейскаго, и элементы эти оказали огромное вліяніе на всѣ стороны ея теоретической мысли и практической жизни. Въ связи съ этимъ и культура, которую призваны, быть можетъ, развитъ и расширить славянскія племена въ будущемъ, корнями своими утверждается въ той почвѣ, изъ которой вышли всѣ указанные элементы“. (Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ. Русская Мысль за 1893 г. № 8, стр. 34).

*) Помимо главной причины крымской войны, т. е. желанія вытѣснить исключительное вліяніе Россіи на Турцію, установленное Кучукъ-Кайнарджійскимъ мирнымъ договоромъ 1774 года, Франція и особенно Англія имѣли въ виду свои экономическіе (торговые) интересы, которые побуждали ихъ къ захвату рынковъ на Востоку для сбыта ихъ произведеній. Кроме того, образъ дѣйствій Франціи въ значительной степени стоялъ въ зависимости отъ затаенной личной вражды императора На-

4. Наконецъ, если бы восточный вопросъ былъ дѣйствительно борьбою между культурно историческими типами: романо-германскимъ и славяно-греческимъ, то онъ давнымъ давно получилъ бы разрѣшеніе, такъ какъ Россія не въ силахъ устоять противъ напора всей Западной Европы.

Таковы главныя и существенныя возраженія, которыя, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать противъ пониманія восточнаго вопроса въ смыслъ борьбы романо-германскаго міра съ міромъ греко-славянскимъ. Не въ пользу его говоритъ также и то обстоятельство, что въ этой борьбѣ двухъ враждебныхъ міровъ не ясно выступаетъ историческая роль Турціи. Правда, анализируя всемірно-историческое значеніе ислама, Данилевскій приходитъ къ заключенію, что османы являются какъ бы невольными защитниками балканскихъ народностей отъ подчиненія романо-германскому міру и что въ этомъ заключается ихъ великая историческая заслуга передъ славянствомъ, но такое заключеніе автора довольно трудно согласовать съ другимъ его выводомъ, по которому оттоманская власть — борется-ли съ нею Европа или поддерживаетъ ее — служить ей только средствомъ для достиженія цѣли, средствомъ распространить свою власть и вліяніе на народы греческаго и славянскаго православнаго міра *). Очевидно что-либо одно: или турки невольные защитники духовной и національной самобытности христіанъ Востока, или въ рукахъ Запада они орудіе для уничтоженія этой самобытности; быть же одновременно и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, — что выходитъ изъ словъ Данилевскаго, — они, разумѣется, никакъ не могли.

Всѣ эти возраженія противъ только что разсмотрѣннаго нами опредѣленія восточнаго вопроса напрашиваются сами собою и изобличаютъ въ немъ весьма существенные недостатки. Игнорировать эти недостатки ни въ какомъ случаѣ нельзя и потому безусловно должно признать, что восточный вопросъ, для Россіи не есть вовсе борьба съ Западной Европой за самобытность славянской культуры, какъ это старается доказать Данилевскій.

полеона III къ императору Николаю I. Что касается до остальныхъ европейскихъ державъ, то во время крымской войны Австрія съ Пруссіей отнеслась къ намъ враждебно въ видахъ ослабленія преобладающей роли Россіи въ Европѣ и Турціи, а Сардинія примкнула къ нашимъ врагамъ, получивъ обѣщаніе Франціи на содѣйствіе своимъ видамъ на Ламбардо-Венеціанское королевство.

*) Назв. соч., стр. 343 и 346.

Но въ такомъ случаѣ—спросить насъ—что же такое для Россіи восточный вопросъ? Одинъ изъ фазисовъ борьбы Европы съ Азіей, какъ это утверждаетъ историкъ Соловьевъ?

Мы не смѣемъ отрицать достоинствъ и правоты гипотезы нашего незабвеннаго историка о происхожденіи восточнаго вопроса и вовсе не считаемъ ее опровергнутой вышеприведенными доводами Данилевскаго. Восточный вопросъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, дѣйствительно, есть ничто иное, какъ борьба Европы съ Азіей, и въ этой исторической истинѣ никто не будетъ сомнѣваться. Данилевскій говоритъ, что никогда не было, да и быть не могло борьбы Европы съ Азіей, такъ какъ ни та, ни другая никогда не признавали себя чѣмъ-либо цѣлымъ, могущимъ вступить въ борьбу; страны эти не представляютъ собою опредѣленныхъ этнографическихъ единицъ; въ смыслѣ культурно-историческихъ понятій лишь Европа составляетъ самостоятельное цѣлое, Азія же не имѣетъ никакого единства въ этомъ смыслѣ. Но само собою понятно, что, видя въ восточномъ вопросѣ одинъ изъ фазисовъ борьбы Европы съ Азіей, историкъ Соловьевъ разумѣлъ подъ этими условными для Данилевскаго терминами не географическія, этнографическія или культурно-историческія понятія, а нѣчто совершенно другое. Подъ борьбою Европы съ Азіей онъ понимаетъ борьбу культурныхъ народовъ Запада со стихійной силой дикихъ народовъ Востока, которые изъ темнаго далека, время отъ времени, врываются въ Европу страшнымъ разрушительнымъ потокомъ и здѣсь производили полнѣйшее опустошеніе. Борьба же эта проходитъ красною нитью чрезъ всю европейскую исторію, занесшую на свои страницы столкновенія древнихъ греко-италійскихъ племенъ съ Востокомъ, нашествіе гунновъ и вызванное имъ великое переселеніе народовъ, крестовые походы, наводненіе приволжскихъ и подонскихъ степей тюркскими и монгольскими народами—Обрами, Булгарами, Хазарами, Печенѣгами, Торками и Половцами, вторженіе изъ Азіи татарскихъ полчищъ и утвержденіе господства турокъ въ юго-восточномъ углу Европы *).

*) Общіе штрихи изъ исторіи борьбы Европы съ Азіей, до начала новой европейской исторіи, прекрасно намѣчены профессоромъ Корсаковымъ въ его актовомъ рѣчи: „Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ“. Изд. 1889 г., стр. 6—10.

Но признавая въ общемъ полную правильность теоріи почтеннаго историографа, мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ сомнѣваться въ пригодности даннаго имъ опредѣленія восточнаго вопроса, съ точки зрѣнія цѣлей и задачъ многовѣковой политики Россіи на Востокъ. По нашему мнѣнію, опредѣленіе восточнаго вопроса въ смыслѣ борьбы Европы съ Азіей слишкомъ широко для Россіи и поэтому страдаетъ тѣмъ самымъ недостаткомъ, который вообще замѣчается во всѣхъ широкихъ опредѣленіяхъ. Въ эти опредѣленія обыкновенно входятъ не всѣ главныя отличительныя черты опредѣляемаго понятія, вслѣдствіе чего возможны произвольность толкованія и неправильность представленія о немъ. Опредѣленіе восточнаго вопроса, предложенное Соловьевымъ, не даетъ намъ яснаго представленія о взаимномъ положеніи Турціи, Россіи и западныхъ державъ и, противопоставляя Османскую имперію Европѣ, позволяетъ предполагать полную солидарность всѣхъ европейскихъ народовъ въ борьбѣ съ дикими представителями Азіи, утвердившими свое господство на Балканскомъ полуостровѣ. Между тѣмъ, подобное предположеніе явно противорѣчитъ исторіи развитія восточнаго вопроса, не говоря уже о томъ, что рѣзко расходится съ теоріей Данилевскаго и взглядами остальныхъ славянофиловъ, которые положительно отвергаютъ всякую возможность представленія объ общности интересовъ у Россіи и Европы въ борьбѣ съ Турціей.

При изученіи той роли, которую играли европейскія государства въ борьбѣ съ османами не трудно замѣтить, что въ былыя времена они руководились въ этой борьбѣ не общей идеей защиты христіанства и цивилизаціи, а главнымъ образомъ своими собственными національными, торговыми и политическими интересами, и лишь возводили эти частныя интересы на степень обще-европейскихъ, обще-христіанскихъ, когда предвидѣли роковое столкновение съ завоевателями Балканскаго полуострова и желали найти себѣ союзниковъ противъ «невѣрныхъ»^{*)}. Но если нельзя говорить о какомъ-то цѣльномъ отношеніи Европы къ турецкому владычеству на Балканскомъ полуостровѣ, то еще того менѣе можно

^{*)} Добровъ. „Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ“. Спб. 1879 г., стр. 451—452.

настаивать на постоянномъ господствѣ полной солидарности интересовъ Россіи и западныхъ державъ въ этомъ вопросѣ. Если Россія въ борьбѣ съ Турціей на ряду съ матеріальными интересами преслѣдовала и задачи религіозно-нравственнаго свойства, то западныя державы въ своихъ отношеніяхъ къ Оттоманской Портѣ въ большинствѣ случаевъ не выходили изъ круга торговыхъ, территоріальныхъ или вообще государственныхъ интересовъ, отстаивая ихъ или открыто, или тайно, обманно, подъ предлогомъ различныхъ идеальныхъ стремленій на пользу христіанства и цивилизаціи; при этомъ, добываясь себѣ тѣхъ или другихъ выгодъ, онѣ соперничали между собой, оказывали поддержку Турціи въ ущербъ другъ другу и общими силами стремились парализовать успѣхи восточной политики Россіи, какъ самой опасной для всѣхъ и наиболее сильной между ними соперницы на Балканскомъ полуостровѣ. Въ подтвержденіе сказаннаго о роли Россіи и западно-европейскихъ державъ въ борьбѣ съ Турціей здѣсь будетъ совершенно достаточно сказать, что если бы онѣ въ своихъ отношеніяхъ къ Оттоманской Портѣ руководились одними соображеніями, одной идеей общаго блага цивилизованнаго міра, то не существовало бы и восточнаго вопроса, такъ какъ онъ давно былъ бы порѣшенъ уничтоженіемъ турецкаго владычества въ Европѣ и предоставленіемъ правъ независимости всѣмъ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова. Соловьевъ самъ замѣчаетъ указанное противорѣчіе исторіи въ своемъ опредѣленіи восточнаго вопроса и старается сгладить его сравненіемъ дѣйствій западныхъ державъ въ общей съ нами борьбѣ противъ мусульманъ съ дѣйствіями Спарты во времена Анталкидова мира. Какъ эта послѣдняя измѣнила тогда общему греческому дѣлу, при помощи персовъ побѣдивъ Аѣины, такъ и западная Европа теперь оказываетъ покровительство и помощь Турціи *). Но подобный образъ дѣйствій Европы едва-ли возможно назвать измѣною общему дѣлу, какъ это было со стороны спартацевъ во время борьбы грековъ съ персами. Спартацы сами старались загладить свою измѣну походомъ Агезилая въ Малую Азію; Европа же въ силу своихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ всегда стояла между Россіей и Турціей, склоняясь на сторону послѣдней всякій разъ, какъ

*) Соловьевъ. Сочиненія, стр. 296.

только мусульманскому господству на Балканскомъ полуостровѣ грозила серьезная опасность. Ясно, что сравненіе дѣйствій западныхъ державъ съ дѣйствіями спартанцевъ во время Анталкидова мира нисколько не уничтожаетъ того противорѣчія исторіи, съ которымъ неизбѣжно приходится считаться, если признать, что для Россіи восточный вопросъ есть только одинъ изъ фазисовъ борьбы Европы съ Азіей *).

Приведенныхъ соображеній совершенно достаточно для доказательства того, что для Россіи восточный вопросъ далеко не есть только одна борьба Европы съ Азіей, морскаго берега со степью. Заключая въ себѣ всѣ несомнѣнные признаки этой борьбы, восточный вопросъ для русскаго народа осложняется еще столкновениями съ западными державами изъ-за рѣшенія его, на что нѣтъ никакихъ указаній въ опредѣленіи историка Соловьева. Оно, такимъ образомъ, страдаетъ отсутствіемъ того самаго признака, на которомъ построилъ, свое опредѣленіе восточнаго вопроса Данилевскій, совершенно исключившій изъ этого понятія признакъ борьбы Европы съ Азіей и замѣнившій его другимъ—признакомъ борьбы Россіи и Европы на Востока, проистекающей будто-бы изъ коренной противоположности между интересами славянскаго и романо-германскаго міра. Но, очевидно, какъ то, такъ и другое, одинаково неправильно съ точки зрѣнія ученія объ опредѣленіи, не дающаго намъ права ни преувеличивать значеніе извѣстныхъ признаковъ опредѣляемаго понятія, ни совершенно игнорировать ихъ. Разъ допустивъ то или другое, мы всегда будемъ имѣть неточное опредѣленіе. Оно будетъ у насъ страдать недомолвками и натяжками, какъ это и есть въ данномъ случаѣ. Если опредѣленіе восточнаго вопроса, сформулированное Соловьевымъ, допускаетъ возможность представленія о полной солидарности Россіи и западной Европы въ борьбѣ съ дикими представителями Азіи, чему противорѣчитъ исторія, то опредѣленіе этого вопроса въ смыслъ борьбы между міромъ романо-германскимъ и славяно-греческимъ, какъ это дѣлаетъ Данилевскій, не указываетъ намъ той исторической роли, которую играетъ въ этой борьбѣ Турція, не

**) Въ этомъ смыслѣ дѣлаетъ возраженіе историкъ Соловьеву Данилевскій, разумется, съ точки зрѣнія теоріи культурно-историческихъ типовъ. Россія и Европа, стр. 329—330.

говоря уже о самомъ существованіи такой борьбы культурно-историческихъ типовъ.

Признавая неудовлетворительными тѣ формулы, которыми Соловьевъ и Данилевскій выражаютъ понятіе восточнаго вопроса, и указывая главные соображенія, побуждающія насъ оспаривать пригодность этихъ формулъ съ точки зрѣнія интересовъ и задачъ Россіи на Востокѣ, мы полагаемъ, что восточному вопросу должно быть дано нѣсколько иное опредѣленіе, которое не трудно сдѣлать, если взять другую, болѣе подходящую къ данному случаю точку отправленія для вывода этого опредѣленія. Такою точкою отправленія, по нашему мнѣнію, было бы правильнѣе всего считать тотъ несомнѣнный фактъ, что восточный вопросъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ обыкновенно употребляется по отношенію къ Турціи, возникъ для насъ, сильнѣйшаго славянскаго и православнаго народа, только съ момента паденія обветшалой Византіи и образованія на ея развалинахъ грознаго османскаго царства, откуда само собою будетъ понятно, что смыслъ этого вопроса для Россіи должно искать не въ одной исторіи древнихъ временъ или въ проповѣдуемой Данилевскимъ коренной противоположности между германо-романскимъ міромъ и міромъ славяно-греческимъ, а въ самомъ фактѣ паденія Царь-Града подъ ударами турокъ, въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя созданы были новымъ порядкомъ вещей въ юго-восточномъ углу Европы, въ томъ положеніи, въ какомъ очутилась въ это время православная Русь по отношенію къ Балканскому полуострову и западной Европѣ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и слѣдуетъ исходить для того, чтобы правильно раскрыть содержаніе и опредѣлить понятія восточнаго вопроса, какъ онъ представляется съ точки зрѣнія историческихъ задачъ русскаго народа.

Утверждая, что моментъ паденія Царь-Града и установленія новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ со времени образованія турецкаго царства въ Европѣ долженъ служить исходною точкою для уясненія истиннаго смысла и значенія для Россіи восточнаго вопроса, мы считаемъ долгомъ оговориться, что отсюда не слѣдуетъ выводить того заключенія, будто вопросъ этотъ, подобно Минервѣ, вышедшей въ полномъ блескѣ изъ головы Юпитера, разомъ возникъ для насъ послѣ паденія Византіи подъ ударами турокъ и во всемъ своемъ настоящимъ объемѣ предсталъ

передъ лицомъ Европы и Россіи. Для того, чтобы восточный вопросъ развился въ полномъ объемъ и принялъ то великое значеніе, которое сдѣлало его вопросомъ европейской политики и международнаго права, необходимо было нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ онъ могъ бы назрѣть и получить современный смыслъ и содержаніе. Если же мы говоримъ, что этотъ смыслъ и содержаніе должно искать въ фактѣ паденія Царь-Града и установленія новаго порядка въ юго-восточномъ углу Европы, то это значитъ только то, что этотъ фактъ и новые порядки породили тѣ элементы и отношенія, изъ которыхъ сложился и развился восточный вопросъ въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ онъ въ настоящее время.

Итакъ, приступая къ опредѣленію восточнаго вопроса, посмотримъ, какія задачи во внѣшнюю политику Россіи внесло паденіе Греческой и образованіе Турецкой имперіи на живописныхъ берегахъ Босфора.

III.

Утвержденіе турецкаго господства въ юго-восточномъ углу Европы и значеніе этого историческаго факта въ дѣлѣ расширенія южныхъ границъ Россіи и развитія ея торговыхъ сношеній съ Востокомъ.—Возникновеніе отсюда матеріальныхъ интересовъ Россіи въ ея политикѣ въ отношеніи Турціи.—Скорбь въ Москвѣ по поводу завоеванія турками Царь-Града и ея причины.—Политическое значеніе паденія Византіи по взглядамъ современниковъ.—Проявленіе въ Россіи сознанія обязанности защищать восточное православіе и избавить балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига.—Факторы, обусловливавшіе эту историческую миссію Россіи на Востокъ: а) Россія—единственное православное царство послѣ паденія Византіи. Фикція о Москвѣ—третьемъ Римѣ и греческихъ регалияхъ; сказаніе о бѣломъ клобукѣ; б) бракъ Ивана III съ царевною Софьей Палеологъ; теорія константинопольскаго наслѣдства; в) вѣковая борьба славянскихъ народовъ съ исламомъ, вышедшая изъ ихъ собственной исторіи.—Происхожденіе отсюда задачъ нравственнаго порядка въ русской политикѣ въ отношеніи Турціи.—Соединеніе задачъ матеріальнаго и нравственнаго свойства, какъ характерная черта восточнаго вопроса для Россіи.—Роль этихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ по мнѣнію отдѣльныхъ писателей.—Вопросъ объ освободительной миссіи Россіи на Востокъ.—Взглядъ Карновича и его несостоятельность.—Въ какомъ смыслѣ должно считать освобожденіе балканскихъ христіанъ „исторической задачей“ Россіи.—Связь этихъ задачъ съ неизбежнымъ разрушеніемъ Турецкой имперіи и проистекающая отсюда обязанность Россіи сообразоваться въ своей восточной политикѣ съ правами и интересами западной Европы на Востокъ.—Опредѣленіе восточнаго вопроса.—Соотвѣтствіе этого опредѣленія историческому ходу развитія даннаго вопроса.

Какъ извѣстно, въ половинѣ XV вѣка Константинополь подвергся рѣшительному нападенію османовъ, и греки, незадолго передъ тѣмъ опрометчиво подведшіе балканскихъ славянъ подъ уда-

ры турокъ, въ роковую минуту воскресили въ себѣ духъ геройства. Но онъ не принесъ имъ, однако, существенной пользы. Азіатскіе пришельцы твердою ногою стали на европейской территоріи: 29 мая 1453 года они взяли приступомъ и разгромили Царь-Градъ, а на развалинахъ древней Византіи постепенно образовали грозную имперію. Въ составъ этого новаго политическаго тѣла, существованіе котораго Европа признала своимъ молчаніемъ, черезъ сравнительно короткій промежутокъ времени вошли: Балканскій полуостровъ съ Моресей, населенные греко-славянскими народами православнаго вѣроисповѣданія, сѣверный берегъ Чернаго моря, покрытый улусами крымскихъ и другихъ татаръ, Малая Азія, Сирія, Египеть и варварійскія владѣнія въ Африкѣ.

Возникновеніе сильнаго мусульманскаго царства на развалинахъ греческой имперіи не только оказало гибельное вліяніе на судьбы восточныхъ христіанъ, потерявшихъ свою самостоятельность и независимость, но до нѣкоторой степени должно было отразиться на историческомъ ходѣ образованія русскаго государства и на развитіи его экономическаго благосостоянія. Возникнувъ на восточно-европейской низменности, представляющей собою сплошную однообразную равнину, границы которой самою природой очерчивались морями: Бѣлымъ, Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ и хребтами Уральскихъ, Кавказскихъ и Карпатскихъ горъ, Россія имѣла своею историческою задачей распространеніе государственной территоріи до естественныхъ предѣловъ. Благодаря равнинности страны это расширеніе государственной территоріи не встрѣчало на своемъ пути никакихъ естественныхъ преградъ, которыя задерживали бы русскую колонизацію. Мало того, расселеніе русской народности по восточно-европейской низменности и образованіе здѣсь одного политическаго тѣла какъ нельзя болѣе облегчалось тѣмъ, что изъ средины этой сплошной равнины берутъ свое начало многоводныя рѣки, направляющіяся къ пограничнымъ морямъ и такимъ образомъ соединяющія окраины равнины съ ея центромъ. По этимъ воднымъ путямъ, вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ русскаго народа, развивались и торговля сношенія крупнѣйшихъ центровъ русской земли между собою и съ иноземными народами. Самое важное торговое движеніе совершалось по великому водному пути, извѣстному подъ именемъ *•пути изъ Варягъ въ Греки•*. Этимъ путемъ происходили торговля

сношенія древней Руси съ Византіей и греческими колоніями, издавна существовавшими на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Но русской колонизаціи на юго-востокъ, какъ и развитію торговыхъ сношеній съ греками постоянно мѣшали азіатскіе народы, приходившіе въ Европу изъ степей средней Азіи черезъ такъ называемыя Каспійскія ворота. Вслѣдствіе этого русскій народъ долженъ былъ сначала отражать набѣги Печенѣговъ и Половцевъ, а потомъ бороться съ Татарами, которые не только окончательно затруднили торговыя сношенія древней Руси съ Византіей, но даже приостановили его поступательное движеніе на юго-востокъ, утвердивъ свое владычество въ низовьяхъ рѣкъ Днѣпра, Дона и Волги. Послѣ 250-лѣтней упорной борьбы Московскому государству удалось, наконецъ, свергнуть татарское иго, и русскій народъ снова начинаетъ свое движеніе на юго-востокъ, разрушая на пути мусульманскія царства, возникшія изъ когда-то грозной и сильной Золотой Орды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возобновляетъ свои торговыя сношенія съ Востокомъ и южной Европой. Но на пути къ Черному морю Россія вскорѣ встрѣчается съ Турками, утвердившимися къ тому времени на Балканскомъ полуостровѣ и распространившими свое владычество на сѣверный берегъ Чернаго моря путемъ установленія вассальной зависимости крымскаго хана отъ Турціи. Это обстоятельство явилось новымъ и весьма серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ расширенія южныхъ границъ Россіи и развитія ея торговыхъ сношеній съ юго-востокомъ, что, само собою разумѣется, далеко не отвѣчало интересамъ страны и потому должно было быть главнымъ предметомъ заботливости русскаго правительства, на обязанность котораго падало устранить преграды, воздвигнутыя мусульманскимъ міромъ на пути естественнаго движенія русской народности къ черноморской береговой линіи.

Неизбѣжность такого направленія русской политики въ отношеніи Турціи и подвластныхъ ей татаръ была ясна до очевидности. Утвердивъ свое владычество на Балканскомъ полуостровѣ и захвативъ въ свои руки проливы Босфора и Дарданеллъ вмѣстѣ съ берегами Чернаго моря, османы съ вассальными имъ крымскими и другими татарами овладѣли устьями важнѣйшихъ судоходныхъ рѣкъ, бравшихъ свое начало въ предѣлахъ Московскаго государства и составлявшихъ для него главный торговый путь

въ Индію, Персію и Грецію, и тѣмъ самымъ преградили русскому народу доступъ къ берегамъ Чернаго моря, лишили возможности выхода изъ него, и даже сдѣлали весьма неудобнымъ поселеніе на юго-восточной окраинѣ Московскаго царства благодаря постояннымъ разбойничьимъ набѣгамъ крымскихъ татаръ. Правильно понимая свои вышнія политическія задачи, Россія естественно должна была стремиться къ обладанію берегами Чернаго моря, имѣвшими чрезвычайно важное значеніе для ея южнаго края: пока мы не владѣли ими, югъ Россіи представлялъ пустую степь, потому что поселенцы не могли сбывать своихъ произведеній ни на сѣверъ Россіи — по дальности пути, ни въ Черное море, находившееся въ рукахъ нашихъ противниковъ. Расширивъ же свои южныя границы до черноморской береговой линіи, Россія должна была поставить на очередь вопросъ о проливахъ, рѣшеніе котораго требовалось необходимою имѣть всегда свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дорданеллы для коммерческихъ судовъ — въ видахъ торговыхъ, и для военнаго флота — въ цѣляхъ самообороны. Такимъ образомъ, въ восточной политикѣ, вслѣдствіе условій географическаго положенія, Россія должна была прежде всего *заботиться объ обезпеченіи своихъ матеріальныхъ интересовъ на Востокъ*, требовавшихъ пріобрѣтенія сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, а затѣмъ достиженія свободнаго выхода изъ него.

Но отношенія Россіи къ Турціи не могли, однако, исчерпываться одними матеріальными интересами русскаго народа на Востокъ. Это можно было подмѣтить съ первыхъ же дней утвержденія османовъ въ Европѣ.

Паденіе Византійской имперіи подъ ударами турокъ произвело тяжелое впечатлѣніе на умы русскихъ людей тогдашняго Московскаго государства, для которыхъ Царь-Градъ, бывшій такъ сказать источникомъ духовной жизни Россіи, являлся великимъ авторитетомъ. Съ первыхъ лѣтъ возникновенія русскаго государства наши предки находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Византіи. Отношенія эти возникли сами собой, изъ естественнаго стремленія русскаго народа на югъ по великому водному пути, соединявшему Скандинавію съ Византіей и носившему въ то время названіе *«пути изъ Варягъ въ Греки»*. Первоначально сношенія сѣверныхъ славянъ съ греками отличались, однако, болѣе враж-

дебнымъ, чѣмъ мирнымъ характеромъ, какъ о томъ можно судить на основаніи цѣлаго ряда военныхъ походовъ въ Византію, предпринимавшихся первыми русскими князьями изъ желанія вывести изъ Царь-Града побольше золота и добычи и удовлетворить своимъ торговымъ и политическимъ интересамъ. Первый походъ въ Византію предпринять былъ еще Аскольдомъ и Диромъ въ 866 году, но, какъ извѣстно, окончился неудачей. Въ 907 году примѣру ихъ послѣдовалъ Олегъ. Двинувшись съ своими силами подъ Константинополь, онъ осадилъ его, принудилъ византійскаго императора заплатить большой откупъ и въ 911 году заключилъ съ греками весьма выгодный для русской торговли договоръ. Послѣ Олега совершилъ два похода въ Византію Игорь (въ 941 и 944 годахъ), но они, по сравненію съ походомъ 907 года, были менѣе удачны. Въ 967 году Святославъ, призванный византійскимъ императоромъ Никифоромъ Фокой на помощь противъ болгаръ, завоевалъ Дунайскую Болгарію, Македонію и Адрианополь и намѣреваясь перенести свою столицу за Дунай, совѣтовалъ новому греческому императору, Іоанну Цимисхію, переселиться въ Азію въ виду потери всѣхъ своихъ владѣній въ Европѣ. Но въ возникшей борьбѣ съ Византіей Святославъ вскорѣ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ покинуть Болгарію. Въ 984 году Владиміръ Великій завоевалъ Корсунь, а въ 1043 году Ярославъ имѣлъ неудачное столкновение съ греками изъ-за торговыхъ интересовъ. Наконецъ, въ 1116 году Владиміръ Мономахъ безуспѣшно предпринималъ походъ противъ Византіи съ цѣлью поддержать своего родственника въ качествѣ претендента на греческій престолъ и захватить Дунайскую Болгарію. Несмотря на неудачу всѣхъ этихъ походовъ, они важны были для нашихъ предковъ въ томъ отношеніи, что черезъ нихъ устанавливалось тѣсное сближеніе древней Руси съ Византіей. Сближеніе это имѣло своимъ слѣдствіемъ подчиненіе русскаго народа нравственному и духовному вліянію Греческой имперіи, развившемуся въ томъ, что отъ грековъ Русь приняла христіанство, церковное ученіе и управленіе и книжную мудрость, и заимствовала политическое устройство, сложившееся по образцу византійскаго самодержавія.

По прекращеніи военныхъ походовъ русскихъ князей на Царь-Градь вліяніе Византіи на Русь цѣлыя столѣтія поддерживалось

мирными сношеніями между обоими государствами. Отъ грековъ долгое время шло къ намъ высшее духовенство, такъ какъ русская земля, составивъ особую епархію, въ церковномъ отношеніи была подвѣдомственна константинопольскому патріарху. Вмѣстѣ съ архипастырями приходили къ намъ многія греческія духовныя лица, приносившія съ собою разныя рукописи, а также греческіе художники, архитекторы и живописцы, строившіе и украшавшіе первые храмы. Равнымъ образомъ и русскіе отправлялись въ Царь-Градъ или для богомолья, или для списыванья книгъ и изученія тамошней жизни и порядковъ. Но кромѣ этихъ, собственно церковныхъ и религіозныхъ сношеній съ греками, у нашихъ предковъ устанавливались и другія—торговныя и политическія. Къ послѣднимъ относятся брачныя союзы нашихъ князей съ византійскими императорами. Всѣ эти сношенія къ XV вѣну устѣли настолько упрочить нашу связь съ Византіей, что въ XV вѣкѣ въ Москвѣ говорили о Царь-Градѣ такъ, какъ въ новѣйшей Европѣ, со временъ Людовика XIV, говорили о Парижѣ *)).

Но въ то время какъ наши связи съ Византіей окрѣпли, завоеваніе Константинополя турками затруднило сношенія русскаго государства съ греками, и въ Москвѣ, естественно, не могли не сожалѣть о совершившемся печальномъ фактѣ. Тяжелое впечатлѣніе отъ паденія Царь-Града, который пользовался у нашихъ предковъ величайшей славой и почтеніемъ по своимъ святынямъ, должно было чувствоваться на Руси тѣмъ болѣе, что любовь и гордость всего православнаго міра — великолѣпный Софійскій соборъ, гдѣ русскіе люди еще въ X вѣкѣ плѣнялись величіемъ и блескомъ церковнаго богослуженія, былъ обращенъ по волѣ султана въ главную мечеть и на куполѣ храма св. Софіи вмѣсто креста заблесталъ магометанскій полумѣсяцъ.

Однако, какъ велика ни была скорбь въ Москвѣ о паденіи Царь-Града, она не помѣшала нашимъ предкамъ обратить серьезное вниманіе на политическую сторону совершившагося факта—завоеванія турками Византіи. Вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о паденіи древней Греческой имперіи въ умахъ русскіхъ людей и нашихъ общественныхъ дѣятелей XV и XVI вѣковъ появилось сознаніе той мысли, что

*) Карамзинъ. „Исторія Государства Россійскаго“, изд. 1892 г., т. V, стр. 223.

отнынь обязанности византийских императоровъ по отношенію къ восточнымъ христіанамъ переходятъ на московскаго царя, какъ на единственнаго теперь хранителя православія и древняго благочестія, и что Россія, достигшая независимости и внутренняго объединенія ко времени утвержденія турецкаго владычества въ Европѣ, должна глядѣть на себя, какъ на преемницу вселенскаго православнаго первенства, какъ на продолжательницу павшей Греческой имперіи, съ которой до извѣстной степени имѣла культурно-религіозныя связи. О наследственномъ переходѣ на Московское государство обязанности строго хранить церковное преданіе, прежніе представители котораго теперь были подъ игомъ невѣрныхъ, одинаково говорили и русскіе книжники, и духовенство, и правительство. «Лѣтописныя извѣстія о завоеваніи Цареграда—замѣчаетъ проф. Успенскій—проникнуты, вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ поработеннымъ турками единовѣрцамъ, высокимъ національнымъ самосознаніемъ. Это чувство національнаго подъема коренится въ самомъ фактѣ турецкихъ успѣховъ надъ всѣми христіанами восточной Европы. Не осталось болѣе свободнаго христіанскаго народа, разсуждали русскіе, все вѣрное восточному православію должно обратить взоры къ Москвѣ. Только черезъ русскихъ поработенные турками христіане могутъ ожидать избавленія» *).

Мысль о томъ, что къ намъ должны перейти высокія стремленія Византіи, — это сознаніе своихъ религіозныхъ и политическихъ задачъ на Востокъ укоренялось въ русскомъ народѣ отчасти подъ ея же влияніемъ послѣ паденія Царь-Града. У грековъ появилась масса сказаній, имѣвшихъ отношеніе къ будущимъ судьбамъ Византійской имперіи и содержавшихъ въ себѣ одинъ и тотъ же основной мотивъ, сводившійся къ тому, что Византію посѣтитъ бѣдствіе отъ вѣшняго врага, но что она чудеснымъ образомъ будетъ спасена царемъ, ниспосланнымъ свыше. Въ числѣ такого рода сказаній извѣстны предсказанія Льва Мудраго, патріарховъ Меводія и Геннадія и, наконецъ, Севиллины книги пророчества. Всѣ эти многочисленные памятники мистическаго содержанія были, конечно, распространены и на Руси, въ переводѣ съ греческаго, съ вольнымъ толкованіемъ оригинала **).

*) Назв. соч., стр. 17.

**) Назв. соч., стр. 17—18.

говорить проф. Успенскій — особенно прихлсь по вкусу пророчества Льва Мудраго и Мееодія, а также истолкованная патриархомъ Геннадіемъ символическая надпись на гробницѣ Константина Великаго. Въ пророчествѣ Льва говорится, что турки не долго будутъ владѣть Цареградомъ, ибо явится нѣкій народъ — ξανθὸν γένος, — который побѣдитъ измаильтянъ и овладѣетъ Седмихолміемъ. Русскимъ книжникамъ полкубился этотъ изводъ, ибо въ немъ находило удовлетвореніе національное чувство. Въ переводѣ на русскій языкъ ξανθὸν γένος значило «русый народъ» — развѣ не соблазнительно было русскому читателю увидѣть здѣсь «русскій народъ»? Поэтому въ лѣтописи находимъ греческое сказаніе передѣланнымъ въ смыслѣ издавна предсказанной русскимъ миссіи — освободить Константинополь отъ турокъ. Но что это толкованіе не было слишкомъ смѣлое и насильственное, а, напротивъ совпадало съ чаяніями всего православнаго міра, доказывается однимъ мѣстомъ грузинской лѣтописи, которое, по объясненію академика Броссе, также объясняетъ пророчество объ избавленіи Византіи отъ власти турокъ въ смыслѣ русской миссіи. — Пророчество Мееодія приписываетъ освобожденіе Константинополя какому-то доброму царю, который придетъ изъ влажной страны. Въ русскихъ передѣлкахъ къ этому пророчеству приложено такое толкованіе: полуночный сей самодержецъ есть царь и великій князь московскій; сей бусурманскую магометанскую северную ересь и богопротивный законъ истинить и потребить и погубить до конца. — Въ томъ же національномъ смыслѣ истолкована была русскими и надпись на гробницѣ Константина *)).

Это сознаніе религиозныхъ и политическихъ задачъ, народившихся для Москвы со времени паденія Византіи, сознаніе, запечатлѣнное въ древнихъ русскихъ литературныхъ памятникахъ, развилось и укрѣпилось въ нашемъ обществѣ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, очевидно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ фактовъ, которые рѣзко били въ глаза. Византійская имперія нѣкогда была главою восточнаго христіанства. Къ ней обращались восточные православные народы, какъ къ высшему авторитету. Къ кому они обратятся теперь? Кому могла завѣщать носительница античной цивилизаціи свой культурно-политическій складъ и свои задачи?

*) Назв. соч., стр. 19.

Отвѣтъ былъ очень простъ. Изъ всѣхъ православныхъ народовъ, гдѣ изолированная отъ запада, въ силу политическаго и церковнаго раскола, Византія находила поприще для достиженія самостоятельныхъ политическихъ и культурныхъ цѣлей, свою независимость отстаивалъ лишь русскій народъ, и ему, какъ твердому хранителю преданій, естественно, должна была передать Византія свой соціально-политическій и культурный складъ и свои задачи, послѣ того какъ Царь-Градъ—это средоточіе православія—оказался въ рукахъ мусульманъ, а константинопольскій патріархъ—глава православной церкви—сталъ плѣнникомъ турецкаго султана *).

Благодаря сознанію того дѣйствительнаго факта, что русскій народъ остался на лицѣ земли единственнымъ православнымъ народомъ, сохранившимъ свою независимость отъ чужеземнаго ига, въ умахъ русскихъ людей, несомнѣнно, должно было явиться предположеніе о переходѣ на Русь культурно-политическихъ задачъ Византіи. Результатомъ этой внутренней работы русскаго чело-вѣка явилась блестяще развитая имъ *фигція о Москвѣ—третьемъ Римѣ*—фигція, которая напоминаетъ собою такую-же фикцію, возникшую въ IX и X вѣкахъ у западныхъ народовъ о перенесеніи имперіи отъ римлянъ къ франкамъ, а потомъ къ нѣмцамъ. Выступъ со всеми восточно-христіанскими народами XV и XVI столѣтія русскіе люди увѣрились, что Москва есть третій Римъ, послѣ того какъ пала Византія, а Россія стала единственной представительницей православнаго міра. Основаніе фикціи о Москвѣ—третьемъ Римѣ лежало въ широкораспространенномъ популярномъ убѣжденіи тѣхъ временъ, что христіанское царство, утвержденное со временъ Константина, будетъ существовать до скончанія вѣка, и что всѣ отдѣльные христіанскіе народы, хотя распадаются на разныя владѣнія съ своими государями, составляютъ одинъ общій союзъ: глава этого союза есть сильнѣйшій христіанскій царь, римскій или византійскій императоръ, который есть и первый представитель христіанскаго (православнаго) міра. Эта фикція, съ одной стороны, была выстроена на восточномъ патрі-

*) Весьма интересныя подробности по этому вопросу находятся въ трудѣ Каптерева: „Характеристика отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. М. 1885 г.

архально-монархическомъ представленіи народныхъ массъ, которымъ солидарность христіанскаго міра была понятна только подъ формой единаго царства, на которое переносились священные атрибуты православной державы; съ другой стороны, это была настоящая легенда, гдѣ простодушная политика одѣлась въ чудеса и предсказанія *)).

По словамъ проф. Успенскаго, писателемъ, которому первому принадлежитъ честь ясно формулировать съ русской точки зрѣнія историческую миссію Россіи въ восточномъ вопросѣ,—былъ старецъ Филофей. Онъ изложилъ свои воззрѣнія въ формѣ писемъ къ великому князю Василию Ивановичу и дьяку Михаилу Григорьевичу. Въ этихъ письмахъ старецъ Филофей говоритъ, что «по существу дѣла даже нельзя и говорить о паденіи православнаго греческаго царства. Оно только перемѣстилось и продолжаетъ существовать тамъ, куда нынѣ перенесена вселенская церковь, гдѣ безъ перемѣны сохраняются апостольскія преданія и гдѣ блюстителемъ церковнаго чина является свободный царь. Нынѣ не можетъ быть рѣчи ни о римскомъ царствѣ, ни о константинопольскомъ. Въ Римѣ нѣтъ царя, и, какъ столица вселенскаго христіанства, онъ пересталъ имѣть значеніе еще съ VIII вѣка; второй или новый Римъ, т. е. Константинополь, послѣ турецкаго завоеванія также не можетъ считаться главой православія, ибо и въ немъ недостаетъ преемства царской власти.» На основаніи этихъ соображеній русскій патріотъ послѣдовательно приходитъ къ постановкѣ своей знаменитой фикиці: *третій Римъ есть Москва*,—которую и развиваетъ такъ: «Хотя прежнія христіанскія царства погибли, но вселенская церковь должна быть вѣчна. А какъ старыя пророчества и предсказанія прямо усвояютъ русскому народу освобожденіе Константинополя и господство въ немъ, то ясно, что *нынѣшнее ромэйское царство есть російское царство*, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились всѣ христіанскіе народы. Два Рима пали, третій, то-есть Москва, во всей вселенной блистаетъ, какъ солнце, а четвертому Риму не бывать»**). Понятно, что въ своемъ новомъ званіи Москва должна была принять на

*) А. В-въ. „Давность славянской идеи“. Вѣст. Европ. за 1873 г. № 5, стр. 299.

***) Успенскій. Назв. соч., стр. 21.

себя и новыя задачи, но старецъ Филоеѣ ихъ не затрогиваетъ и только въ титулѣ великаго князя намѣчаетъ политическую сторону своей фикціи: «Православному христіанскому царю и владыкѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ божіихъ престолѣ святыхъ вселенскія и апостольскія церкви, возсіявшей на мѣсто римской и константинопольской, державному царю святой соборной и апостольской церкви третьяго Рима, которая въ концахъ вселенной паче солнца свѣтитса» *).

Посланіе Филоея, тракующее о переходѣ на Россію задачъ Византіи, конечно, не было единичнымъ фактомъ. Разсужденія на тему о византійскомъ преемствѣ Москвы постоянно встрѣчаются въ памятникахъ русской письменности XV—XVII вѣковъ, причемъ самое представленіе объ этомъ преемствѣ не исчезло даже въ XIX столѣтіи, когда каждая война Россіи съ Турціей обновляла старое популярное убѣжденіе о завоеваніи Константинополя русскими. Здѣсь нѣтъ необходимости прослѣживать исторію этого представленія, весьма рано получившаго легендарный характеръ. Гораздо важнѣе замѣтить, что въ своей дальнѣйшей разработкѣ и послѣдующемъ развитіи фикція о Москвѣ — третьемъ Римѣ, бывшая, какъ сказано выше, далеко не *pium desiderium* частнаго человѣка, получила въ Россіи *государственно—правовое значеніе*. Она повела къ *возвеличенію царскаго достоинства*, къ образному представленію того преемства, которое перенесло въ Москву древнее политическое и церковное значеніе Византіи и сдѣлало московскихъ царей единственными и законными продолжателями греческихъ императоровъ. Въ Степенной книгѣ—говоритъ проф. Успенскій—«появляется родословное дерево, берущее корни отъ Августа и доказывающее родственныя связи между родомъ Рюриковичей и Юліевъ**»). Затѣмъ стали искать и нашли другія основанія сблизить русскую царскую власть съ императорскою. Такія основанія найдены были въ предметахъ княжеской сокровищницы, которымъ приписывалось греческое происхожденіе, какъ то: царскій вѣнецъ, или шапка Мономаха, животворящій крестъ, хрещатая цѣпь («гривна» на цѣпи изъ «аравійскаго золота»), бармы, сердоликовая коробочка

*) Назв. соч., стр. 22.

***) Назв. соч., стр. 23.

или сосудъ для мѣра. Всѣ эти предметы греческой работы обыкновенно не смѣшивались съ другими и, какъ царскія регаліи, передавались старшимъ сыновьямъ и наследникамъ престола для выраженія въ вещественныхъ знакахъ связи между константинопольскимъ и московскимъ царствомъ на основаніи фидіи—о *греческихъ регаліяхъ, присланныхъ Мономахомъ* русскому великому князю. Герберштейнъ упоминаетъ о Мономаховскихъ регаліяхъ въ 1497 году. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія Ивана Грознаго бармы называются Мономаховскими, а самъ Грозный благословляетъ своего сына «царствомъ Русскимъ, шапкою Мономаховскою, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владиміру царь Константинъ Мономахъ изъ Цареграда» *).

Вмѣстѣ съ возвеличеніемъ царскаго достоинства развитіе фидіи: Москва — третій Римъ, средоточіе православія — привело къ возвеличенію и другаго авторитета, шедшаго нераздѣльно и рядомъ съ царскою властью — авторитета церковнаго, такъ какъ съ паденіемъ Константинополя Русь, оставшись единственнымъ свободнымъ православнымъ царствомъ, являлась преемницею не только царскаго могущества, но и древняго благочестія павшей Византіи. Возвеличеніе царской власти совершено было путемъ доказательства преемственности въ атрибутахъ духовной власти. Обоснованіе такой преемственности выражено въ сказаніи о *Новгородскомъ блонѣ кlobуцѣ*, которое такимъ образомъ послужило дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи старца Филоея, какъ и фидіи о греческихъ регаліяхъ. Легенда эта—говоритъ проф. Успенскій—повѣствуетъ, что «блѣный кlobуцъ данъ былъ императоромъ Константиновомъ римскому папѣ Сильвестру. Папы хотѣли истребить этотъ святой кlobуцъ, но, напуганные грознымъ откровеніемъ, принуждены были отослать его въ Константинополь. Здѣсь тоже эта святыня подвергалась опасности. Тогда святой папа Сильвестръ и царь Константинъ явились ночью къ цареградскому патріарху Филоею и посоветовали ему отправить святой кlobуцъ въ Новгородъ къ владыкѣ Василю» **). Мотивомъ перенесенія этой святыни въ Россію въ легендѣ высказывалось то, что «какъ отъ Рима отвята уже благодать, слава и честь, такъ она скоро отвимется и у Кон-

*) Назв. соч., стр. 24.

***) Назв. соч., стр. 24.

стантинополя въслѣдствіе турецкаго завоеванія, и тогда вся святыня передана будетъ Богомъ въ великую русскую землю».

Итакъ, первымъ виѣшнимъ факторомъ, опредѣлявшимъ положеніе Россіи по отношенію къ православному Востоку послѣ завоеванія Константинополя турками, было то, что Россія оставалась единственною хранительницею православія, средоточіемъ котораго былъ павшій Царь-Градъ. Оказавшись послѣ паденія Византіи единственнымъ независимымъ православнымъ царствомъ, русскій народъ естественно долженъ былъ усвоить себѣ мысль, что ему принадлежитъ извѣстное первенство надъ своими единовѣрцами и единоплеменниками въ Турціи и что Московскому государству суждено въ кровавой борьбѣ побѣдить агарянъ и возвратить православному Востоку его святыни. Мысль эта освящалась легендою о третьемъ Римѣ и поддерживалась враждебностью взглядовъ русскихъ людей на «агарянское зловѣріе».

Усвоенію воззрѣнія на Россію, какъ на наслѣдницу Византіи, разумѣется, не мало способствовалъ и другой важный фактъ русской исторіи—бракосочетаніе великаго князя московскаго Ивана III съ племянницею послѣдняго греческаго императора, царевною Софьею Палеслогъ (въ 1472 г.). Бракосочетаніе это имѣло для Россіи значеніе унаслѣдованія интересовъ угасшей Византіи и ея ненависти къ туркамъ-завоевателямъ. Какъ сказано выше, бывали и раньше случаи, что русскіе князья женились на греческихъ царевнахъ, но эти браки не имѣли такого значенія, какъ женитьба Ивана III на царственной представительницѣ византійскаго императорскаго дома, Софьѣ Палеологъ. Послѣдняя представляла собою въ глазахъ современниковъ, такъ сказать, *«отрасль царственнаго древа, коего стѣнь покоила нѣкогда все Христіанство православное, нераздѣленное»*, и приносила съ собою послѣдніе завѣты славной имперіи. Держась такого взгляда на Софью, мать Ивана III, митрополитъ Филиппъ и знатные бояре, приглашенные царемъ на совѣтъ по поводу предстоящаго брака, признали, «что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею и дастъ монархамъ нашимъ права императоровъ греческихъ» *). Такой же взглядъ на свое бракосочетаніе

*) Карамзинъ. „Исторія Государства Россійскаго“, т. VI, стр. 38.

съ Софьею быть узницею и вѣнчанъ III. Константиномъ на греческой царевнѣ, оны почувствовали себя о нем только по православному христіанству, но ни по своему, пресвитерскому павшему Палеологову, и въ концѣ XV вѣка наивно выразить свою династическую связь съ нимъ присоединеніемъ отъ великаго герба двуглаваго орла — къ пречтеному московскому низображенію Георгія Побѣдоносца, иераняющаго дракона *).

Вракъ русскаго царя съ Софьею Палеологомъ подалъ даже поводъ къ обоснованію знаменитой теоріи кометянскихъ надписей *исаидства*, по которой Византійская имперія разсматривалась какъ принадлежащая русскому царю по праву *исаидства*, какъ это Ноткина; которую слѣдуетъ добывать. Эта идея константиновско-византійскаго наследствъ была выработана впрочетъ не на русской почвѣ; а въ Римѣ, въ началѣ XVI вѣка. По догадкѣ проф. Успенскаго, основой для названной теоріи послужилъ актъ передачи Ивану III титула и правъ на Византію двѣнадцатымъ наследникомъ константинопольскаго престола — Андреемъ Палеологомъ. Этотъ послѣдній вѣроятно разсчитывался продать свое право на престолъ то французскому королю, то испанскому. После выхода своей сестры замужъ за Ивана III, оны два раза прибѣгала въ Россію. Возможно, что и здѣсь оны продавали свои права. Но никакимъ слѣдовъ подобной едѣлки до сихъ поръ нигдѣ не видно, хотя проф. Успенскій и высказываетъ предположеніе, что таковыя акты продажи должны храниться въ архивахъ Ватикана **).

Все эти факты не только у насъ, но и на Западѣ приводили въ убѣжденію, что въ силу культурныхъ и династическихъ связей Россія принадлежала на Востокъ и награждалась правами Византіи относительно своихъ единоверцевъ и единоплемениковъ — Турцимъ. Что эти связи будутъ определять собой нашу историческую миссію на Востокъ, — это ясно предвидѣлъ уже папа Павелъ II, предложившій Ивану III ррчу Софьи. Имѣя на первомъ планѣ, конечно, заветную дѣль — подчинить русскую православную церковь римской куріи, Павелъ II при своемъ отвѣтѣ не упустилъ изъ виду и въ возбудить въ московскомъ государѣ желаніе для него

*) Подробности исторіи и значенія бракосочетанія Ивана III съ византійскою принцессою см. у Пирлинга: „Россія и Востокъ“, Спб. 1892 г.
**) Успенскій. Назв. соч., стр. 30—31.

честолюбія свойствомъ съ Палеологами ревность къ освобожденію Греціи отъ ненавистнаго магометанскаго ига *). Разсчитывая на такія послѣдствія брака русскаго царя съ племянницею греческаго императора, папа, очевидно, прекрасно сознавалъ, что со времени паденія Царь-Града православная Русь являлась единственною выразительницею бытія поработенныхъ турками христіанъ, что въ виду уже этого, а тѣмъ болѣе вслѣдствіе установленія родственныхъ связей съ Палеологами, ей приличнѣе всего выступить въ качествѣ освободительницы христіанъ Востока изъ подъ гнета турецкаго владычества.

На-ряду съ указанными историческими факторами, въ опредѣленіи положенія Россіи по отношенію къ православнымъ народамъ Востока немаловажную роль играла наша общая съ ними вражда и ненависть къ мусульманству. «Кто изъ европейскихъ историковъ—говоритъ проф. Успенскій—считался съ тѣмъ фактомъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ греки и славяне защищали Европу отъ азіатскихъ хищниковъ, что Византійская имперія и славяне южные и восточные, находясь на рубежѣ Европы и Азіи, честно и грозно держали знамя, какъ европейскій авангардъ и передовой постъ цивилизаціи?.. Черезъ всю исторію проходитъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ движеній восточныхъ народовъ на Европу» **). Эти движенія азіатскихъ народовъ, которыхъ обыкновенно называютъ тюркскимъ племенемъ и которые далеко не такъ различны по языку и происхожденію, какъ обыкновенно думаютъ, предпринимаемы были уже съ XI вѣка, подъ вліяніемъ стремленія «освободить Азію и Европу отъ подчиненія христіанскому царю и стать во главѣ народовъ Азіи и Европы»***)

Историческая тенденція мусульманъ — утвердить свое господство въ Европѣ—осуществилась со взятіемъ турками Царь-Града, за которымъ послѣдовало поработеніе нашихъ восточныхъ едино-вѣрцевъ и единоплеменниковъ и товарищей по оружію. Между тѣмъ русскій народъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ исла-мизмомъ. Онъ сломилъ мусульманское господство, обросилъ съ себя татарское иго, и самъ устремился на разрушеніе татарскихъ

*) Карамзинъ. „Ист. Государ. Россійскаго“, т. VI, стр. 37.

***) Назв. соч., стр. 3.

***) Назв. соч., стр. 4.

царствъ, которыя загораживали ему путь къ югу, предназначавшій самою природою страны. Стремленіе къ морямъ Каспійскому, Азовскому и Черному указывалось русскому народу теченіемъ рѣкъ Волги, Дона, Дѣвпра и Днѣстра, которыя своею стѣю захватывали самую сердцевину только что начавшаго благаться русскаго государства. Въ силу этого географическаго условія Россія должна была постоянно вести оборонительныя и наступательныя войны съ мусульманами, защищая отъ ихъ набѣговъ свои юго-восточныя границы и отодвигая послѣднія на югъ и востокъ, до естественныхъ предѣловъ. Эта вѣковая борьба съ дикими монгольскими ордами привела насъ въ концѣ концовъ къ столкновенію съ турецкимъ султаномъ, верховнымъ повелителемъ крымскихъ татаръ, самыхъ безпокойныхъ сосѣдей Россіи. Заходя во время кровавыхъ распрій съ султаномъ въ его предѣлы, мы, конечно, не могли не встрѣчаться тамъ съ нашими единовѣрцами и единоплеменниками, томившимися подъ гнетомъ мусульманскаго, «агарянскаго» ига, и, благодаря общей съ ними борьбѣ противъ исламизма въ насъ, незамѣтно для насъ самихъ, и быть можетъ даже противъ нашей воли, подъ вліяніемъ чувства простого человѣческаго состраданія, подкрѣпленнаго племенными и религіозными связями, зародились и укрѣпились симпатіи къ восточнымъ христіанамъ; мало того, въ насъ постепенно развилось сознаніе долга такъ или иначе оказывать помощь своимъ единовѣрцамъ въ ихъ жалкой судьбѣ, которой они были обязаны историческимъ грѣхомъ нашей общей съ ними духовной прародительницы—Византіи.

Итакъ, взглядъ на Москву, какъ на единственную представительницу православія, родственная связь Ивана III съ Палеолотами и, наконецъ, вѣковая борьба восточныхъ народовъ Европы съ исламизмомъ, вышедшая изъ ихъ собственной исторіи, — вотъ тѣ главные факторы, которые рѣзко били въ глаза нашимъ предкамъ и на первыхъ же порахъ послѣ паденія Византіи должны были опредѣлять всемірно-историческую роль Россіи на Востокъ. Вслѣдствіе этой общности нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ у Россіи и подвластныхъ Турціи христіанъ наши политическія задачи на Востокъ не могли обусловливаться однимъ географическимъ положеніемъ страны, но должны были истекать также изъ національности русскаго народа, изъ того, что онъ былъ на-

родомъ славянскіе и исповѣдывалъ православное христіанство. Национальность и религія тѣсно связывали Россію съ единовѣрными и единоплеменными народами Востока, которые съ паденіемъ Царь-Града попали подъ власть магометанъ и должны были употребить всю свою энергію на религиозное и національное самосохраненіе. Связанная съ этими народами единствомъ вѣры и крови, Россія, несомнѣнно, должна была оказывать имъ помощь въ борьбѣ съ мусульманами за національную и политическую самобытность. Эту обязанность Россіи сознавали не только сами наши предки, но и восточные христіане, и западая Европа. Русский народъ, испытавшій гнѣтъ мусульманскаго ига и постоянно имѣвшій столкновенія съ магометанами на собственной территоріи, не могъ равнодушно относиться къ турецкому владычеству въ православныхъ земляхъ, такъ какъ имъ глубоко оскорблялось его религиозно-нравственное чувство; поѣтому со времени паденія Царь-Града онъ возымѣлъ намѣреніе принять на себя священный трудъ освобожденія своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ османскаго ига, нисколько не скрывая этихъ гуманныхъ, человѣколюбивыхъ стремленій ни отъ западной Европы, ни отъ угнетенныхъ турецкихъ христіанъ. Естественно, что на Россіи сосредоточились все надежды и упованія восточныхъ ея единовѣрцевъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ изъ подъ власти Турокъ. Терпѣливо перенося постыдное и тяжелое иго мусульманъ, они никогда не теряли надежды возвратить свою независимость при помощи единовѣрной имъ Россіи, и при каждомъ появленіи русскаго штыка на турецкой территоріи утѣшали себя мыслью, что настало время, когда должно исполниться современное паденію Царь-Града пророчество Агаангела: «Бѣлокудые мужи, именуемые Россѣ, придутъ отъ сѣвера, низвергнуть владычество бусурманъ и снова водрузятъ крестъ надъ полумѣсяцемъ» *). Живя надеждой на исполнимость этого пророчества, рѣдкое поколѣніе турецкихъ христіанъ не поднимало оружія противъ своихъ угнетателей и не примыкало своихъ небольшихъ отрядовъ къ нашимъ, когда видѣло султана въ борьбѣ съ православной Россіей. Точно также и въ представленіи западныхъ державъ Московское государство, по племенному родству и церковному единству съ православными народами Во-

*) Татищевъ. „Внѣшняя политика императора Николая Перваго“. Спб. 1887 г., стр. 228.

стока, являлось естественнымъ представителемъ и защитникомъ ихъ интересовъ. Эту мысль постоянно развивали цесарскія и папскія посольства, жившія цѣлю склонить русское правительство къ союзу съ европейскими государствами противъ врага имени Христова, когда мусульмане грозили своимъ роковымъ нашествіемъ центру западной Европы.

Подводя итоги всему сказанному относительно тѣхъ историческихъ задачъ, которыя народились для русскаго народа со времени образованія Турецкой имперіи въ Европѣ, мы должны повторить, что задачи эти вытекаютъ изъ необходимости удовлетворить интересамъ матеріальнаго и нравственнаго порядка. Въ силу своего географическаго положенія и національно-религіознаго единства съ турецкими христіанами Россія послѣ паденія Царь-Града вынуждена была *заботиться объ обезпеченіи собственныхъ матеріальныхъ интересовъ на Востокъ, требовавшихъ свободы судоходства по Черному морю и проливамъ, и взять на себя обязанность помогать своимъ восточнымъ единоверцамъ и единоплеменникамъ въ борьбѣ за религіозное и національное самосохраненіе, способствовать имъ выдти изъ турецкаго порабощенія и войти въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ.* Вотъ положеніе, которое указывалось Россіи ея духовнымъ и племеннымъ родствомъ съ православными народами Востока и необходимостью имѣть свободное пользованіе водами Чернаго моря, послѣ того какъ дряхлая Греческая имперія была замѣнена грознымъ мусульманскимъ царствомъ.

Вводя въ опредѣленіе восточнаго вопроса двѣ задачи Россіи: стремленіе къ свободѣ судоходства по Черному морю и проливамъ и защиту подпавшихъ подъ турецкое иго православныхъ христіанъ, мы должны замѣтить, что весьма немногіе писатели понимаютъ смыслъ восточнаго вопроса для Россіи въ видѣ совокупности указанныхъ нами матеріальныхъ и религіозно-національныхъ интересовъ русскаго народа на Востокъ. (Гр. Камаровскій, Мартенсъ, Даневскій, Ульяницкій, Невлюдовъ, Татищевъ и др.). Значительное же большинство писателей истолковываетъ смыслъ этого вопроса для Россіи нѣсколько иначе. При этомъ всё они могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи. Одни, признавая существенной чертой исторіи отношеній Россіи къ Турціи содѣйствіе балканскимъ христіанамъ въ ихъ борьбѣ съ мусульманами

за национальную и политическую самобытность, сводить все содержание восточнаго вопроса для Россіи къ одному, такъ называемому, *славянскому вопросу* и, такимъ образомъ, изъ понятія восточнаго вопроса совершенно исключаютъ матеріальные интересы русскаго народа, видя въ нихъ лишь одинъ изъ многихъ второстепенныхъ спорныхъ пунктовъ, связанныхъ съ главнымъ вопросомъ. Другіе же, какъ бы въ противовѣсъ такому увлеченію освободительною ролью Россіи на Востока, напротивъ того, видятъ самую существенную сторону восточнаго вопроса въ ея матеріальныхъ интересахъ, и вслѣдствіе этого историческую задачу русскаго народа по отношенію къ христіанскимъ народностямъ Турціи считаютъ или дѣломъ для насъ совершенно второстепеннымъ, или просто одной пустой философско-исторической теоріей. Это разногласіе въ опредѣленіи содержанія восточнаго вопроса, конечно, не имѣло бы серьезной важности, если бы оно основывалось лишь на одномъ преувеличеніи значенія или матеріальныхъ интересовъ, или религіозно-національныхъ задачъ Россіи на Востока, и не доходило бы до полного исключенія изъ понятія восточнаго вопроса одного изъ вводимыхъ нами въ него элементовъ, такъ какъ тогда все различіе возрѣвій на этотъ вопросъ сводилось бы къ различію того значенія, которое имѣетъ въ глазахъ отдѣльныхъ писателей та или другая сторона восточнаго вопроса. Но такъ какъ одни писатели изъ понятія восточнаго вопроса совершенно исключаютъ матеріальные интересы русскаго народа, а другіе — его «историческую задачу» въ отношеніи турецкихъ христіанъ, то это заставляетъ насъ нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ защита христіанскихъ народностей Турціи или стремленіе къ свободѣ Чернаго моря и проливовъ не всѣми одинаково признаются у насъ составными частями той исторической задачи Россіи на Востока, которая извѣстна подъ именемъ восточнаго вопроса.

Что касается до писателей, для которыхъ восточный вопросъ исчерпывается отношеніями Россіи къ христіанскимъ народностямъ Турціи, то они отодвигаютъ на задній планъ или совершенно исключаютъ наши матеріальные интересы изъ понятія восточнаго вопроса потому, что въ ихъ глазахъ такъ называемый «славянскій вопросъ» представляется *магнымъ* вопросомъ, при рѣ-

шеніи котораго сами собою разрѣшаются и всѣ спорные пункты, связанные съ этимъ главнымъ вопросомъ, а, слѣдовательно, и вопросъ о свободѣ судоходства по Черному морю и проливамъ. Такимъ образомъ, исключеніе изъ понятія восточнаго вопроса матеріальныхъ интересовъ Россіи въ данномъ случаѣ происходитъ не вслѣдствіе отрицанія существованія такихъ интересовъ, а просто-на-просто отъ извѣстнаго взгляда на соотношеніе этихъ интересовъ къ интересамъ религіозно-національнаго свойства. Нельзя того же сказать про другую группу писателей, включающихъ изъ понятія восточнаго вопроса освободительную миссію русскаго народа, такъ какъ тутъ дѣло уже не во взглядахъ на соотношеніе этой миссіи къ нашимъ матеріальнымъ интересамъ, а въ отрицаніи самого существованія для Россіи подобной исторической задачи, вслѣдствіе чего является необходимымъ остановиться на разсмотрѣніи вопроса о томъ, дѣйствительно-ли защита турецкихъ христіанъ не можетъ считаться исторической задачей Россіи на Востокѣ?

Отсутствіе подобной задачи для Россіи теоретически и исторически доказываетъ Карновичъ, въ своей статьѣ: «Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига», написанной въ 1878 году, т. е. въ самый разгаръ увлеченій освобожденіемъ славянъ, какъ «исторической миссіей» русскаго народа; поэтому, для рѣшенія поставленнаго выше вопроса, ознакомленіе со взглядами этого писателя на историческія задачи русскаго народа на Востокѣ для насъ представляетъ громаднѣйшій интересъ. Въ теоретическихъ доводахъ авторъ напоминаетъ намъ о томъ, что для народовъ вообще не существуютъ историческія задачи, тяготящія надъ ними какимъ-то роковымъ «предопредѣленіемъ», и высказываетъ мнѣніе, что ходъ историческихъ событій обуславливается, помимо ихъ, разными непредвидѣнными случайностями. Правда,—говоритъ онъ,—что иные народы, со времени перваго появленія своего на историческомъ поприщѣ и до самаго своего исчезновенія, оставались какъ будто неуклонно—вѣрны своему первоначальному призванію. Но за то другіе представляли совершенно противоположное явленіе, вырабатывая изъ себя такихъ историческихъ дѣятелей, какихъ заранѣе невозможно было въ нихъ предвидѣть», судя по ихъ прошедшему. Съ другой стороны,

«въ каждомъ народѣ измѣняются и вырождаются господствующія въ немъ понятія, и если это происходитъ не съ годами, то съ вѣками: что для предковъ какого-нибудь народа казалось неизмѣннымъ, неизблемымъ, священнымъ, то для ихъ потомковъ представляется уже несовременнымъ, излишнимъ и совершенно чуждымъ явленіемъ, и наоборотъ». На этомъ основаніи авторъ полагаетъ, «что толки о народно-историческихъ задачахъ едва-ли найдутъ для себя поддержку въ дѣйствительной жизни народовъ и что историкъ, дѣлающій на основаніи ихъ положительныя выводы о настоящемъ и грядущемъ, большею частью впадаетъ въ заблужденіе. Онъ нерѣдко создаетъ какую-нибудь свою собственную историческую теорію, не обращая вниманія на то, что совокупность событій, вліяніе сосѣднихъ и даже отдаленныхъ народностей, развитіе просвѣщенія и разныя условія гражданскаго и общественнаго быта страны измѣняютъ, ослабляютъ и нерѣдко истребляютъ съ корнемъ многое, а иногда и все, что, какъ казалось бы, должно составлять историческую неотъемлемую основу народной жизни, судя по прежней ея обстановкѣ». Выражая сомнѣніе по поводу существованія «историческихъ предназначеній» вообще, Карновичъ ту же мысль проводитъ и въ вопросѣ объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Освобожденіе христіанъ изъ подъ власти турокъ, — по мнѣнію его, — есть не наследственная задача Россіи, подготовленная постепеннымъ ходомъ нашей исторіи, а задача, явившаяся только недавно, подъ вліяніемъ новыхъ, прежде намъ чуждыхъ понятій и стремленій, совершенно независимо отъ предшествовавшихъ событій, что подтверждается будто-бы историческимъ ходомъ отношеній Россіи къ Турціи, свидѣтельствующимъ де о томъ, что идеальное «предназначеніе» русскаго народа на Востокъ зачастую оставалось на второмъ планѣ въ его восточной политикѣ, что интересы турецкихъ христіанъ нерѣдко были для него дѣломъ очень второстепеннымъ, которое заслонялось собственнымъ, эгоистическимъ, но вполне естественнымъ предназначеніемъ — обезпечить свои государственныя пользы *).

*) Карновичъ. „Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига“. Отч. Записки за 1878 г. № 1 и 2.

Таковы главныя соображенія, приводимыя Карновичемъ въ доказательство того, что содѣйствіе турецкимъ христіанамъ въ ихъ борьбѣ съ мусульманами за національную и политическую самобытность не составляетъ «исторической задачи» Россіи на Востоѣ. Соображенія эти едва-ли, однако, можно признать правильными, и въ свое время они вызвали цѣлый рядъ возраженій. Одинъ изъ критиковъ, возставшихъ противъ этихъ соображеній, совершенно основательно замѣчалъ, что «исторія не есть сцѣпленіе случайностей, историческая задача не есть языческій фатумъ или христіанская предестинація, какъ полагаетъ Карновичъ. Исторія каждаго народа есть результатъ массы условій естественныхъ, географическихъ, національныхъ и культурныхъ, одно другимъ порождаемыхъ, и одно на другое влияющихъ; она представляется непрерывно цѣпью причинъ, производящихъ извѣстныя послѣдствія, въ свою очередь дѣлающихся причинами. Зависимость историческихъ результатовъ, по непрерывности цѣпи причинъ, отъ причинъ самыхъ отдаленныхъ, и опредѣляется выраженіемъ—историческая задача. Но понятно, что разумно-свободная причинность историческаго развитія совершенно иное, чѣмъ предопредѣленность его. Историческая задача не есть Минерва, появляющаяся съ самаго начала въ своей паноніи, но развивается постепенно отъ ближайшихъ частей и безконечно расширяется и преобразуется съ расширеніемъ и преобразованиемъ условій существованія народа. Поэтому она въ каждый историческій моментъ не можетъ быть сознаваема до отдаленнѣйшихъ своихъ предѣловъ, хотя, тѣмъ не менѣе, достиженіемъ непосредственныхъ цѣлей продолжаетъ поступательное движеніе къ своему осуществленію. Обширнѣйшія перспективы многосторонней исторической задачи открываются только наиболѣе провидательнымъ людямъ, которые, если при этомъ тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствуютъ ея скорѣйшему и наилучшему уясненію и разрѣшенію въ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ частяхъ, причисляются къ великимъ людямъ исторіи. Таковъ напр. нашъ гениальный Петръ, при которомъ, между прочимъ, Восточный вопросъ впервые сталъ вопросомъ славянскимъ». Разумѣется, освобожденіе турецкихъ христіанъ не единственная для Россіи историческая задача. «Въ общихъ чертахъ историческая задача есть полнѣйшее оформление народа и высочайшее устройство

ство его внутренних и внешнихъ отношеній». Заключаясь прежде всего въ осуществленіи національныхъ интересовъ, историческая задача не во всемъ исключительна и нетерпима, но у каждаго народа развивается не иначе, какъ общеніемъ съ другими народами и усвоеніемъ отъ нихъ всего подходящаго. «При такой сущности исторической задачи становится несомнѣннымъ, что освобожденіе балканскихъ славянъ представляется частью исторической задачи Россіи, изъ которой вся естественная послѣдовательность событій ея исторіи постепенно формировала смертельнаго врага Турціи».*)

При такомъ пониманіи выраженія «историческая задача» самъ собою подаетъ доводъ, на основаніи котораго изъ понятія восточнаго вопроса нѣкоторыми русскими писателями совершенно исключается обязанность Россіи освободить восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига. Достиженіе этой религіозно-національной цѣли, какъ и обезпеченіе собственныхъ матеріальныхъ интересовъ на Черномъ морѣ, одинаково составляютъ историческое призваніе русскаго народа на Востокъ и поэтому на равныхъ правахъ должны быть включены въ понятіе восточнаго вопроса, опредѣляемаго съ точки зрѣнія интересовъ и задачъ Россіи.

Но это, однако, только одна сторона дѣла. Стремясь къ рѣшенію указанныхъ задачъ, которыя вытекали изъ всей нашей исторической жизни, Россія естественно должна была постоянно разрушать мусульманское царство въ Европѣ. Безъ этого не мыслимо было ни сколько-нибудь удовлетворительное обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ русскаго народа на Востокъ, ни рѣшеніе религіозно-національнаго вопроса. Постоянные набѣги крымскихъ и другихъ татаръ вѣсть съ невозможностью эконоическаго развитія страны при совершенномъ изолированіи ея отъ моря должны были вызвать Россію на путь той политики по отношенію къ Оттоманской имперіи, которая при дальнѣйшемъ своемъ развитіи неизбѣжно вліяла самымъ роковымъ образомъ на судьбы этого мусульманскаго царства**). Чтобы обезпечить собственные интересы на югѣ, русскій народъ долженъ былъ твердою ногою стать на

*) Лебедевъ. „Въ какомъ смыслѣ освобожденіе балканскихъ славянъ составляетъ историческую задачу Россіи“. Историч. Библіотека за 1878 г. № 6, стр. 5—6.

***) Добровъ. Назв. соч., стр. 458.

сѣверномъ берегу Чернаго моря, слѣдовательно, силою отторгнуть отъ Турціи Крымъ и Кавказъ, стоявшіе въ зависимости отъ турецкаго султана. Иначе говоря, для удовлетворенія собственныхъ нуждъ и пользы Россіи должна была вооруженною рукою сокрушить могущество мусульманъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно было достиженіе безопасности ея южныхъ окраинъ и развитіе экономическихъ силъ страны, страдавшей отъ хищническихъ набѣговъ со стороны Крыма и Кубанской области и отъ затруднительности торговли и судоходства въ Черномъ морѣ. Являясь главнымъ источникомъ затрудненій во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Турціи, Крымъ и Кавказъ, можно сказать, «послужили первою и самою дѣйствительною причиною завоевательной политики Россіи по отношенію къ Турціи, такъ какъ въ руководящихъ людяхъ русскаго правительства сложилось убѣжденіе, что только обезсиленіемъ Турціи, въ ея непосредственныхъ владѣніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, возможно достигнуть упроченія сперва вліянія, а потомъ верховныхъ правъ Россіи въ двухъ названныхъ странахъ». *)

Также неизбежно было для Россіи постепенное ослабленіе и разрушеніе мусульманскаго царства ради интересовъ восточныхъ христіанъ, въ чемъ не трудно убѣдиться, если только принять во вниманіе условія быта и господства мусульманъ въ юго-восточномъ углу Европы. Въ самомъ дѣлѣ, весь государственный бытъ Турціи основанъ на постановленіяхъ Корана, налагающихъ на магометанъ обязанность вести истребительную войну противъ невѣрныхъ. Но если Коранъ служить для турокъ конституціей, то понятно, какая жалкая участь должна была выпадать на долю христіанскихъ подданныхъ султана, стоявшихъ въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ мусульманамъ и въ силу основныхъ законовъ Турецкой имперіи не имѣвшихъ никакой возможности пользоваться, равными правами съ правовѣрными. Однако было бы неправильно только вліянію одного Корана приписывать невозможность въ Турціи вѣротерпимости и реформъ, благопріятныхъ христіанскому населенію. Хотя это—говорить г. Уляницкій—отчасти справедливо, но виной здѣсь является не одинъ фанатизмъ мусульманъ, а

*) Назв. соч., стр. 520.

также и та система, которая состоитъ въ господствѣ одной Турецкой расы надъ всеми остальными народностями, входящими въ составъ имперіи османовъ. «Эта система есть политическое средство, съ помощью котораго христіане поработаются, лишаются всякихъ средствъ къ самостоятельному развитію, и благодаря лишь которому и поддерживается владычество Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Эта политическая система есть вмѣстѣ съ тѣмъ и охранительница Ислама. Не будь ея, мусульманская религія, низведенная на степень исповѣданія частныхъ лицъ, должна была бы погибнуть въ неровной борьбѣ съ христіанскою культурой. Государственный строй Турціи есть необходимое условіе господства Ислама. И наоборотъ, политическая система Турціи, не поддерживаемая религіей, теряетъ всякій смыслъ, лишается одухотворяющаго ее начала, дѣлается формой безъ содержанія» *). При господствѣ указанныхъ порядковъ въ Турціи, Россія, какъ единственная выразительница бытія восточныхъ православныхъ народностей, должна была вмѣшиваться во внутренніе распорядки сосѣдней имперіи для обезпеченія положенія своихъ единоувѣрцевъ и единоплеменниковъ. При этомъ она должна была по первымъ же опытамъ убѣдиться, что всѣ обѣщанія и фирманы, которые подъ ея давленіемъ давались султанами въ интересахъ христіанскихъ подданныхъ Турціи, неспособны принести имъ существенной пользы, такъ какъ они никогда не приводились въ исполненіе подъ дѣйствіемъ законовъ Магомета и неменѣе сильнаго вліянія той политической системы, которая требовала угнетенія всѣхъ турецкихъ подданныхъ, не принадлежавшихъ къ господствующему племени. Поэтому для русскаго правительства оставалось только одно средство помочь своимъ единоувѣрцамъ и единоплеменникамъ въ Турціи, а именно: при помощи оружія и дипломатическаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турецкой имперіи создавать для восточныхъ христіанъ автономіи и затѣмъ послѣдовательно доводить ихъ до полной политической независимости, т. е. постепенно разрушать самое царство полумѣсяца въ Европѣ.

Такимъ образомъ, въ силу своего историческаго призванія и

*) „Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права“. (Русск. Вѣст. за 1877 г. № 1, стр. 455—458).

требованія собственныхъ жизненныхъ интересовъ, Россія должна была взять на себя постепенное разрушеніе Оттоманской Порты. Само собою понятно, что уничтоженіе цѣлаго государства, хотя и не успѣваго еще пустить глубокіе корни на европейскомъ материкѣ, должно было представить не мало затрудненій. Дѣло это, не легкое само по себѣ, по суммѣ средствъ и силъ, необходимыхъ для его выполненія, было особенно трудно осуществимо потому, что живо затрогивало интересы всей Европы. Какъ сказано выше, европейскія государства въ борьбѣ съ Турціей не представляли собою чего-либо цѣлаго, объединеннаго идеею общаго блага цивилизованнаго міра; если же нѣкоторыя изъ нихъ, особенно въ первыя столѣтія господства турокъ на Балканскомъ полуостровѣ хлопотали о заключеніи «священныхъ союзовъ» для защиты христіанства и изгнанія турокъ изъ Европы,—то эти странія втянуть христіанскіе народы въ войну съ «невѣрными» объяснялись исключительно частными интересами той или другой державы, предвидѣвшей для собственного существованія серьезную опасность со стороны турокъ. Руководящимъ началомъ восточной политики западныхъ державъ были не идеальныя, безкорыстныя цѣли общаго блага христіанства и цивилизаціи, требовавшія уничтоженія турецкаго господства въ Европѣ, а интересы торговые и политическіе. Интересы эти были на столько дороги западно-европейскимъ державамъ, что къ пожертвованію ими западную дипломатію не могли склонить ни пламенныя воззванія папъ, энергично проповѣдывавшихъ крестовые походы противъ турокъ, ни религиозная ненависть христіанъ къ мусульманамъ. Мало того, коммерческіе и политическіе расчеты заставляли европейскія государства не только поддерживать мирныя сношенія съ Оттоманской Портой, но даже вступать съ ней въ тѣсную дружбу, заключать союзные договоры и интриговать другъ противъ друга ради усиленія собственного вліянія на Востокъ и полученія новыхъ торговыхъ выгодъ.

Разумѣется, при такомъ преобладаніи матеріальныхъ интересовъ въ восточной политикѣ западныхъ державъ, послѣднія не могли равнодушно смотрѣть и на осуществленіе Россіей своихъ историческихъ задачъ на Востокъ. Къ тому же, имѣя извѣстное представленіе о политическихъ формахъ русской жизни, онѣ съ боль-

шимъ недоверіемъ относились къ освободительной программѣ, представляемой Россіей, опасаясь, что за программой этой скрывается планъ расширенія политическаго господства, захватъ сѣвера Балканскаго полуострова, Константинополя и проливовъ—этихъ ключей всемірной торговли. Чтобы избѣгнуть всякихъ нареканій и препятствій къ достиженію своихъ цѣлей, осуществленіе которыхъ, должно было неминуемо вести за собою паденіе турецкаго владычества въ Европѣ, Россія необходимо было въ своей восточной политикѣ постоянно избѣгать всего того, что могло бы подать поводъ къ справедливымъ жалобамъ или отпору со стороны западныхъ державъ, преслѣдовавшихъ на Востокъ главнымъ образомъ матеріальныя выгоды и недопускавшихъ тамъ ни малѣйшаго нарушенія нами, такъ называемаго, политическаго равновѣсія не только захватомъ владѣній Оттоманской Порты, но и чрезмѣрнымъ усиленіемъ своего вліянія въ совѣтахъ турецкаго султана и даже среди самаго христіанскаго населенія Балканскаго полуострова. Слѣдовательно, въ борьбѣ съ мусульманами, при выполненіи своихъ историческихъ задачъ, Россія должна была держаться политики, которая не только не нарушала бы, но и не угрожала бы правамъ и интересамъ западныхъ державъ на Востокъ, такъ какъ для нихъ узкіе коммерческіе интересы всегда были до того дороги, что ради огражденія ихъ европейская дипломатія готова была поддерживать существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ и противодействовать естественному процессу распаденія ея, несмотря на то, что она живо разлагалась. Во избѣжаніе обвиненій въ стремленіи къ нарушенію политическихъ и торговыхъ интересовъ западныхъ державъ на Востокъ, Россія должна была въ своей восточной политикѣ *строго держаться началъ права и справедливости*, единственно способныхъ указать предѣлы, въ которыхъ останутся ненарушенными права и интересы всѣхъ членовъ международнаго союза при рѣшеніи того или другого общаго имъ и одинаково дорогаго вопроса. Важность этой стороны дѣла настолько велика, что нѣкоторые ученые на ней одной строятъ все опредѣленіе восточнаго вопроса. «Восточный вопросъ — оказалъ одинъ нѣмецкій писатель—опредѣляется весьма просто и легко: онъ состоитъ въ изысканіи средствъ предотвратить замѣшательства, ко-

торыя угрожаютъ политическому равновѣсію Европы вслѣдствіе слабости Порты, съ одной стороны, и могущества Россіи, съ другой *)).

Припоминая все вышесказанное относительно того, какая роль выпала на долю Россіи послѣ водворенія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ и какими условіями былъ обставленъ успѣхъ выполненія ея историческихъ задачъ на Востокѣ, мы теперь можемъ болѣе или менѣе точнымъ образомъ сказать, что такое представляетъ собою для Россіи восточный вопросъ. Историческая роль русскаго, народа на Востокѣ послѣ паденія Царь-Града опредѣлялась, съ одной стороны, матеріальными и религіозно-національными интересами вытекавшими изъ его собственной исторіи и требовавшими разрушенія Турецкой имперіи въ Европѣ, а съ другой стороны—торговыми и политическими интересами западныхъ державъ, зорко слѣдившихъ за сохраненіемъ политическаго равновѣсія. Невольное и неизбѣжное переплетеніе интересовъ Россіи и западныхъ державъ въ Турціи и составляетъ для насъ тотъ Гордіевъ узелъ, ту задачу, которая извѣстна подъ именемъ восточнаго вопроса. Такимъ образомъ восточный вопросъ есть для Россіи не одна борьба Европы съ Азіей и никакъ не борьба греко-славянской культуры съ романо-германской, а *трудная и сложная задача, состоящая въ томъ, чтобы обезпечить собственные матеріальные интересы на Востокѣ и помочь своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ за національное и религіозное самосохраненіе, вывести ихъ изъ турецкаго порабощенія и ввести въ семью европейскихъ народовъ, не нарушая законныхъ интересовъ и правъ, какъ остальныхъ независимыхъ державъ Европы, такъ и самихъ турецкихъ христіанъ.* Таково, по нашему мнѣнію, опредѣленіе восточнаго вопроса, болѣе или менѣе точно отвѣчающее тому смыслу и значенію, которое имѣетъ онъ для Россіи. Быть можетъ опредѣленіе это такъ же не безупречно, какъ и опредѣленія, сдѣланныя Соловьевымъ и Данилевскимъ, но за то, мы думаемъ, оно не страдаетъ ихъ недостатками какъ въ указаніи историческихъ задачъ русскаго народа на Востокѣ, такъ и въ обозначеніи взаимнаго положенія Россіи и Европы по отношенію къ Турціи. Къ тому же — и что всего важнѣе — оно вполне отвѣчаетъ длинной исторіи развитія восточнаго вопроса.

*) Θεοφιλοῦ. „Русская политика на Востокѣ передъ крымской войной“. Рус. Вѣст. за 1868 г. № 1, стр. 24.

Исторія этого вопроса въ томъ смыслѣ, какъ мы его опредѣлили, распадается на три главныхъ періода, которые проходятъ передъ нашими глазами въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій послѣ того, какъ магометанство утвердилось на Босфорѣ и наложило свою ледяную руку на нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтобы на нѣсколько вѣковъ заглушить въ нихъ развитіе жизни, Россія не въ силахъ была выступить противъ грозной имперіи ради обезпеченія своихъ матеріальныхъ интересовъ и освобожденія восточныхъ христіанъ изъ-подъ деспотической власти турокъ. Будучи тогда государствомъ еще слишкомъ слабымъ, она болѣе или менѣе серьезнымъ образомъ могла приступить къ осуществленію своихъ историческимъ задачъ только послѣ того, какъ окрѣпла сама подъ твердою рукою московскихъ государей, что произошло не ранѣе второй половины XVIII вѣка. До тѣхъ же поръ Россія, какъ и всей остальной Европѣ, трепетавшей передъ могуществомъ мусульманъ, приходилось вести борьбу съ исламомъ исключительно ради защиты своихъ южныхъ границъ отъ нападенія со стороны дикихъ варваровъ. Тѣмъ не менѣе уже и въ эту эпоху чисто оборонительнаго положенія Россіи въ отношеніи Турціи русскому правительству нерѣдко случалось сталкиваться съ вопросомъ о политическихъ и торговыхъ интересахъ западныхъ державъ на Востокѣ. Правда, страхъ за цѣлость и неприкосновенность этихъ интересовъ въ то время въ значительной степени заглушался у нихъ чувствомъ собственнаго самосохраненія въ виду серьезной опасности отъ нахлынувшей въ Европу оттоманской силы. Но когда этотъ страхъ имѣлъ основаніе пропадать, а Россія послѣ успѣшнаго окончанія борьбы съ врагомъ христіанъ дѣлала попытки выговорить нѣкоторыя права и привилегіи въ свою пользу или въ пользу своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи, европейская дипломатія въ Константинополѣ тотчасъ же начинала интриговать противъ насъ, опасаясь въ случаѣ успѣха Россіи, встрѣтить въ ней серьезнаго соперника на Востокѣ. *Это первый періодъ исторіи восточнаго вопроса, періодъ подготовительный, характеризующійся, съ одной стороны, одновременной, а иногда и совместной борьбой Россіи и западной Европы противъ Оттоманской имперіи ради собственной безопасности, а съ дру-*

гой—постепеннымъ развитіемъ у европейской дипломатіи страха за торговые и политическіе интересы западныхъ державъ въ Турціи.

2. Послеъ долгой, упорной и почти непрерывной борьбы народовъ Европы съ Оттоманскою Портою эта послѣдняя значительно утратила свое призрачное могущество и болѣе уже не внушала христіанскимъ государствамъ прежняго страха за нарушеніе ихъ собственнаго спокойствія. Между тѣмъ естественная защитница восточныхъ христіанъ къ этому времени настолько окрѣпла, что могла болѣе или менѣе удовлетворительно обезпечить свои матеріальные интересы и даже способствовать греко-славянскимъ народамъ Турціи сбросить съ себя мусульманское иго. Въ борьбѣ съ исламізмомъ Россія сначала не казалась западнымъ державамъ особенно грозною, такъ какъ, съ одной стороны, онѣ не могли еще вполне отрѣшиться отъ своей вражды и ненависти къ Оттоманской имперіи, могущество которой такъ недавно грозило имъ гибелью, а съ другой стороны—русская политива не успѣла къ этому времени породить въ иностранныхъ державахъ болѣе или менѣе серьезнаго опасенія за свои торговые и политическіе интересы на Востокъ. Но какъ только Россія сумѣла окончательно сокрушить силу дикихъ варваровъ и поставить ихъ политическое существованіе въ полную отъ себя зависимость, и стала образовывать на Балканскомъ полуостровѣ самостоятельныя политическія тѣла изъ турецкой райи, Европа тотчасъ же громко заговорила объ интересахъ политическаго равновѣсія, опасаясь нарушенія его Россіей, и начала всѣчески поддерживать Оттоманскую имперію, которой нанесенъ былъ цѣлый рядъ смертельныхъ ударовъ. Такая нѣжная заботливость западныхъ державъ о «неизлѣчимо-больномъ человѣкѣ» была вызвана, конечно, желаніемъ, ради охраны политическаго равновѣсія, воспрепятствовать чрезмѣрному усиленію русскаго вліянія на Востокъ, грозившаго торговымъ и политическимъ интересамъ остальной Европы, и предупредить захваты Россіи на счетъ Турціи, которыми кончались почти все наши войны съ османами, обыкновенно сопровождавшіяся при томъ грандіозными планами раздѣла Оттоманской имперіи между нѣсколькими заинтересованными сторонами. Въ предупрежденіе всякихъ роковыхъ случайностей, могущихъ неожиданно кореннымъ образомъ измѣнить существующій порядокъ вещей на Востокъ, западныя державы не ограничились

однимъ поддержаніемъ жизни «неизлѣчимо-больного». Онѣ въ то же время выступили и защитницами интересовъ балканскихъ народностей, имѣя въ виду ослабить въ ихъ глазахъ значеніе естественной покровительницы—Россіи и запутать ихъ въ свои сѣти лестными, но не безкорыстными обѣщаніями свободы. *Это второй періодъ исторіи восточнаго вопроса, періодъ быстро поступательнаго движенія Россіи на Балканскій полуостровъ и прямо пропорціональнаго усиленія недоверія Европы къ ея восточной политикѣ.*

3. Стремясь къ обезпеченію русскихъ интересовъ на Востокѣ и заботясь объ освобожденіи единовѣрныхъ и единоземныхъ народовъ изъ подъ власти Оттоманской Порты, Россія послѣ нанесенія Турціи цѣлаго ряда смертельныхъ ударовъ попрежнему неуклонно должна была стремиться къ разрѣшенію своихъ историческихъ задачъ. Неизбѣжность этого, воплотивъ естественнаго направленія нашей восточной политики въ будущемъ и боязнь тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыми политика эта ежеминутно угрожала, вызвали въ западныхъ державахъ, нѣкогда стремившихся положить конецъ мусульманскому владычеству въ Европѣ, не только желаніе взять на себя заботу и попеченіе о полуживомъ уже организмѣ Оттоманской имперіи и по возможности предохранить его отъ честолюбивыхъ замысловъ сѣвернаго колосса, но и непреодолимое стремленіе упрочить существованіе Турціи въ нашей части свѣта и устранить Россію отъ единоличнаго и исключительнаго участія въ судьбахъ восточныхъ христіанъ. Опасенія западныхъ державъ за Турцію съ каждымъ годомъ становились сильнѣе и популярнѣе. Въѣсть съ тѣмъ у нихъ, конечно, росло и воплотивъ естественное желаніе участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи восточныхъ дѣлъ, въ видахъ обезпеченія собственныхъ интересовъ на Востокѣ. Ради этой цѣли, обусловливавшейся полнымъ отсутствіемъ всякой увѣренности въ безкорыстіе русской политики и непреодолимымъ страхомъ за свою торговлю, европейскія державы изъ покровительницъ Турціи поспѣшили сдѣлаться ея союзницами противъ Россіи и послѣ неравной борьбы силою принудили насъ окончательно признать восточный вопросъ вопросомъ европейскаго международнаго права, предложивъ сообща гарантировать цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи и раздѣлить между воими великими державами

протекторатъ надъ турецкими христіанами, судьба которыхъ, несомнѣнно, представляетъ общеевропейскій интересъ. *Это третій періодъ исторіи восточнаго вопроса, продолжающійся до нашихъ дней и характеризующійся не столько борьбою Россіи съ мусульманствомъ, сколько соперничествомъ враждующихъ между собою великихъ державъ,—покровительницъ Турціи и подвластныхъ ей христіанскихъ народностей.* Въ настоящемъ фазисѣ своего историческаго развитія восточный вопросъ можетъ быть опредѣленъ словами австрійскаго дипломата, Прокешъ-Остена: «то, что по отношенію къ Турціи называютъ восточнымъ вопросомъ, есть только вопросъ между Россіей и остальною Европою» *).

Таковы три періода въ исторіи той трудной и сложной задачи, которая подъ именемъ восточнаго вопроса выпала на долю Россіи послѣ паденія Царь-Града и утвержденія турецкаго господства на живописныхъ берегахъ Восточнаго Босфора. Уже изъ этой краткой характеристики главнѣйшихъ моментовъ развитія восточнаго вопроса наглядно можно убѣдиться въ томъ, что политика Россіи по отношенію къ Турціи сводилась къ обезпеченію собственныхъ матеріальныхъ интересовъ и къ постепенному образованію на развалинахъ Турецкой имперіи новыхъ государствъ изъ входящихъ въ ея составъ христіанскихъ народностей, такъ какъ въ томъ заключались наши историческія задачи на Востоцѣ, источникомъ которыхъ было географическое положеніе страны вѣдѣтъ съ племеннымъ и религіознымъ родствомъ русскаго народа и турецкой райи. При этомъ,—какъ было сказано выше,—заботясь объ удовлетворительномъ рѣшеніи указанныхъ задачъ, Россія должна была стремиться къ этой цѣли при непремѣнномъ условіи соблюденія законныхъ правъ и интересовъ западныхъ державъ на Востоцѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она могла вызвать усиленное заступничество за Турцію со стороны Европы и тѣмъ создать для себя серьезныя препятствія въ дѣлѣ обезпеченія собственныхъ религіозно-національныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Въ видѣ безусловной необходимости постоянно разрушать гнѣздо дикихъ представителей Азіи въ Европѣ и въ виду тѣснаго сопряженія нужды и пользы

*) Эпиграфъ къ изданному г. Прокешъ-Остеномъ, сыномъ посла, сборнику писемъ подъ заглавіемъ: Zur Geschichte der Orientalischen Frage.

Россіи съ политическими и торговыми расчетами западныхъ державъ на Востокъ, восточный вопросъ, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуешь о томъ исторія, всегда былъ для насъ именно такого рода борьбою за религіозно-національные и матеріальные интересы въ Турціи.

IV.

Необходимость изученія исторіи отношеній Россіи къ Турціи для ознакомленія съ нашей политикой въ восточномъ вопросѣ.—Дѣленіе этой исторіи на два періода, дѣлаемое Неклюдовымъ. — Неправильность этого дѣленія. — Три періода въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.—Предметъ и планъ послѣдующаго изложенія.

Выяснивъ истинный смыслъ для Россіи восточнаго вопроса, имѣвшаго громадное значеніе въ международной европейской жизни, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы намѣрены прослѣдить въ главныхъ чертахъ исторію русской политики на Востокъ съ тѣмъ, чтобы въ связи съ постепеннымъ развитіемъ и формаціею правовыхъ началъ, лежащихъ въ современномъ международномъ положеніи Турціи, охарактеризовать общее направленіе и опредѣлить главнѣйшіе результаты всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя совершало русское правительство въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ съ цѣлью обезпечить матеріальныя нужды Россіи и разрѣшить религіозно-національную задачу, торжественно возложенную на православный русский народъ самою исторіею въ трагическій моментъ паденія Царь-Града. Само собою понятно, что для ознакомленія съ политикой Россіи въ восточномъ вопросѣ необходимо обратиться къ изученію исторіи ея отношеній къ Турціи, такъ какъ самъ названный вопросъ возникъ изъ отношеній этихъ государствъ, осложнившихся и развившихся въ понятіе цѣлой политической системы, носящей названіе «восточнаго вопроса», постепенно путемъ строго-логической и исторической необходимости, начиная съ самыхъ простыхъ формъ международныхъ сношеній, завязавшихся съ конца XV столѣтія *).

По мнѣнію г. Неклюдова, многовѣковая исторія отношеній Россіи къ Турціи раздѣляется на два совершенно противоположные другъ другу періода, изъ которыхъ первый начинается посольствомъ Михаила Плещеева въ Константинополь и кончается Прутскимъ

*) Неклюдовъ. „Начало сношеній Россіи съ Турціей“. Сборникъ Моск. Глав. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ, вып. 3, 1883 г., стр. 1.

походомъ Петра Великаго, а второй — простирается со времени этого похода вплоть до нашихъ дней. Отличительною чертою перваго періода, по взгляду автора, служить *мирный и дружественный* характеръ взаимныхъ сношеній Россіи съ Турціей. «Москва — говоритъ онъ — сносится съ Стамбуломъ главнымъ образомъ на почвѣ *мирныхъ* торговыхъ сношеній. Завязываются сношенія эти запросами султана Баязита, почему не посѣщаютъ болѣе русскіе купцы турецкихъ земель; поддерживаются они частыми посылками пословъ (посылками обоюдными, хотя несравн евно болѣе частыми со стороны Москвы), «здоровья видѣти», т. е. справляться о здоровьѣ Султана. Политическіе вопросы приводили нерѣдко, но тщательно избѣгались и устранялись (особенно Турками). Со стороны Москвы политической подкладкой посольствъ служило стремленіе склонить Султана къ союзу противъ исконныхъ и постоянныхъ враговъ: Литвы, а затѣмъ Польши. — Со стороны Порты слышались нерѣдко вѣжливыя запросы и увѣщанія относительно Казанскихъ и иныхъ дѣлъ. Султаны выставляли себя покровителями Татарскихъ Хановъ, ихъ государствъ и вѣры, но не настаивали въ своихъ сочувствіяхъ и стремленіяхъ, равно какъ не настаивали и Цари Московскіе на улучшеніи быта Церкви и христіанъ Востока, коихъ они тѣмъ не менѣе были всегда щедрыми милостивцами и заступниками *). Но такія дружественныя отношенія между Россіей и Турціей существовали лишь до тѣхъ поръ, «пока неоспоримые интересы матеріальныя и моральныя не поставили Россію въ воплѣ исключительное положеніе относительно ея южной сосѣдки **). Въ это исключительное положеніе по отношенію къ Турціи Россія,—по мнѣнію г. Неклюдова,—поставлена была Петромъ со времени Прутскаго похода, открывающаго собою новую эру русско-турецкихъ отношеній, отличающихся съ этихъ поръ *враждебнымъ* характеромъ вслѣдствіе введенія преобразователемъ Россіи въ кругъ предметовъ ея сношеній съ Портой совершенно чуждыхъ прежнему времени *политическихъ* задачъ матеріальнаго и моральнаго свойства. «Петръ Великій—говоритъ онъ—первый явно ступилъ на тотъ путь, коему слѣдовала съ незначительными колебаніями русская политика

*) Назв. соч., стр. 1—2.

***) Назв. соч., стр. 6.

вплоть до нашего времени. Онъ объявилъ себя уполномоченнымъ законами своей вѣры и народности вмѣшиваться въ дѣла Порты, выступилъ покровителемъ угнетенной райи и въ то же время носителемъ той непреложной экономической и политической идеи, въ силу которой доступъ Россіи къ южнымъ морямъ долженъ быть безусловно и постоянно свободенъ. Со времени Петра политика Россіи неразрывно связана съ судьбою Порты *)).

Съ указаннымъ дѣленіемъ исторіи отношеній Россіи къ Турціи на два періода едва-ли, однако, возможно согласиться, такъ какъ оно проистекаетъ изъ совершенно неправильнаго взгляда на значеніе Петра Великаго и его Прутскаго похода въ исторіи взаимныхъ отношеній этихъ двухъ государствъ. Въ царствованіе Петра Великаго въ направленіи нашей восточной политики, дѣйствительно, произошли нѣкоторыя существенныя перемѣны. Такъ Петръ Первый поставилъ задачею своей восточной политики—достиженіе береговъ Чернаго моря, что требовалось интересами безопасности южныхъ окраинъ Россіи и развитія ихъ экономическаго благосостоянія. Задавшись опредѣленной цѣлью, предназначанной экономическими нуждами государства, великій преобразователь вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилъ прежнее оборонительное положеніе Россіи въ отношеніи Турціи на наступательное, т. е. болѣе энергично и рѣшительно взялся за дѣло обезпеченія интересовъ русскаго народа на юго-востокъ. Не менѣе сильно измѣнена была и постановка вопроса о нашихъ религіозно-національных интересахъ на Востокъ, такъ какъ великій русскій монархъ своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій вывелъ Россію на путь активной политики въ этомъ вопросѣ, на который не дерзали ступить прежніе московскіе государи. Но несмотря на всѣ эти крупныя перемѣны въ направленіи нашей восточной политики, мы не должны забывать того, что какъ матеріальные, такъ и религіозно-національные интересы Россіи на Востокъ, правильно поняты и сформулированны царемъ, равно какъ и самыя средства ихъ обезпеченія, употребленныя великимъ монархомъ, выяснялись постепенно, въ теченіе всей предшествовавшей исторической жлзни русскаго народа, вслѣдствіе чего съ нашей стороны было бы крайне несправедливо слишкомъ преувеличивать значеніе Петра въ исто-

*) Назв. соч., стр. 3—4.

рія русско-турецкихъ отношеній, всецѣло приписывая его генію всѣхъ происшедшихъ при немъ перемѣнъ въ русской политикѣ по отношенію къ Турціи. Петръ Великій собственно не измѣнилъ началъ и основъ древней русской политикѣ на Востокъ, а только значительно подвинулъ впередъ дѣло, начатое еще московскими государями, давъ ему болѣе правильный ходъ и болѣе вѣрное направленіе.

Не измѣнивъ началъ русской восточной политикѣ и лишь придавъ ей болѣе энергическій и правильный характеръ, Петръ Великій не былъ и виновникомъ установленія *враждебныхъ* отношеній между Россіей и Турціей, такъ какъ у нихъ всегда существовало достаточно причинъ ко взаимному неудовольствію, нарушавшему ихъ первоначально мирныя торговыя сношенія. Если московская Русь заискивала расположенія турецкихъ султановъ ради обезпеченія своихъ южныхъ границъ и торговыхъ сношеній съ Востокомъ, то одновременно съ этимъ она постоянно враждовала съ падишахами изъ-за крымскихъ татаръ, которые иногда по нѣскольку разъ въ годъ совершали свои хищническіе набѣги на русскія земли, доходя нерѣдко до самыхъ стѣнъ русской столицы. Съ своей стороны, и турецкое правительство постоянно было недоволено Россіей какъ за покореніе ею Казанскаго и Астраханскаго татарскихъ царствъ, такъ и за постоянную поддержку казачковъ, совершавшихъ дерзкіе набѣги на турецкія владѣнія. Къ этимъ причинамъ взаимной вражды между Россіей и Турціей въ концѣ концовъ присоединился вопросъ о Малороссіи, который привелъ оба эти государства къ продолжительной, кровопролитной борьбѣ, бывшею нашею первою войною противъ турокъ, веденной гораздо ранѣе воцаренія Петра Великаго.

Такимъ образомъ, эпоха Петра Великаго не измѣнила началъ прежней русской политикѣ на Востокъ ни въ смыслѣ внесенія новыхъ задачъ въ эту политику, ни въ смыслѣ превращенія прежде мирныхъ сношеній Россіи съ Турціей во враждебныя, ибо, какъ мы видѣли, великій преобразователь лишь болѣе энергично и рѣшительно приступилъ къ исполненію того, что задолго до него составляло предметъ постоянныхъ заботъ русскаго правительства. Въ виду же отсутствія кореннаго различія въ направленіи русской политикѣ въ эпохи до и послѣ Петра Великаго,

невозможно и самую историю отношений Россіи къ Турціи дѣлать Прутскимъ походомъ на два періода. Гораздо правильнѣе, какъ то видно изъ вышесказаннаго о ходѣ развитія восточнаго вопроса, подраздѣлить эту историю на три періода, принявъ за основаніе такого дѣленія, съ одной стороны, интересы, преобладавшіе въ различные моменты нашей восточной политики, а съ другой—отношеніе къ Россіи западно-европейскихъ государствъ по восточному вопросу. Взявъ эти начала за основаніе дѣленія исторіи отношений Россіи къ Турціи, мы увидимъ, что первый періодъ этихъ отношений обнимаетъ время отъ образованія Оттоманской имперіи въ Европѣ до царствованія Екатерины Великой и характеризуется преобладаніемъ матеріальныхъ интересовъ въ восточной политикѣ Россіи; что второй періодъ идетъ съ конца XVIII вѣка до первой половины XIX столѣтія и отличается господствомъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Турціи на-ряду съ указанными интересами и такихъ, въ которыхъ Россія заинтересована не матеріально, а какъ держава христіанская, православная, какъ держава славянская; и что, наконецъ, третій періодъ тянется съ 1841 года до нашихъ дней, причемъ отличительная черта его заключается въ томъ, что, преслѣдуя свои религіозно-національныя и матеріальныя цѣли на Востокѣ, Россія является связанной въ свободѣ дѣйствій разнаго рода европейскими соглашениями по дѣламъ Оттоманской Порты, которыми установленъ принципъ коллективнаго покровительства европейскихъ державъ Турціи и ея христіанскимъ подданнымъ вмѣстѣ съ правомъ совокупнаго вмѣшательства этихъ державъ въ судьбы Турецкой имперіи и обособляющихся отъ нея народностей *).

Изъ всей исторіи отношений Россіи къ Турціи для ознакомленія съ русской политикой въ восточномъ вопросѣ мы возьмемъ два послѣдніе періода, т. е. періодъ времени отъ начала царствованія императрицы Екатерины Великой, когда Россія болѣе энергично приступила къ обезпеченію собственныхъ нуждъ и

*) Дѣленіе это въ общемъ сходится съ тѣмъ, которое дѣлается проф. Мартепомъ при изложеніи исторіи отношений Россіи къ Турціи по вопросу о религіозныхъ интересахъ въ отношеніяхъ между этими государствами. Съ этой точки зрѣнія онъ различаетъ въ исторіи сношеній Россіи съ Турціей три періода: первый съ 1453 по 1774 г; второй съ 1774 по 1856 г. и третій съ 1856 г. по настоящее время. (Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II, стр. 121).

къ защитѣ интересовъ своихъ восточныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Этому очерку мы предпошлемъ краткій обзоръ нашихъ отношеній къ Турціи со времени Ивана III съ тѣмъ, чтобы легче было ориентироваться въ послѣдующихъ событіяхъ и указать на тогдашнее отношеніе Россіи къ своимъ матеріальнымъ и религіозно-національнымъ интересамъ на Востокъ. Въ заключеніе же постараемся сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній какъ по поводу прошлой политики Россіи въ восточномъ вопросѣ, такъ и относительно должнаго направленія ея въ будущемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Первый періодъ отношеній Россіи къ Турціи.

(Отъ ихъ возникновенія до половины XVIII в.).

ГЛАВА I.

Отношенія Россіи къ Турціи въ XVI и XVII вѣкахъ.

Время и поводъ возникновенія сношеній Россіи съ Турціей. — Первое русское посольство въ Константинополь. — Миротворившая политика Ивана III въ отношеніи Турціи. — Сношенія съ Молдавией. — Причина дружбы Москвы съ Турціей при преимуществахъ Ивана III. — Набѣги крымскихъ татаръ при Василіи III. — Сношенія его съ Молдавией. — Пріѣздъ въ Москву цесарскихъ и папскихъ пословъ. — Завоеваніе Казани и Астрахани. — Значеніе этого завоеванія въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи и Крыму. — Заботы Ивана Грознаго о сохраненіи мира съ Турціей и борьба его съ крымскими татарами. — Донское казачество. — Отношенія Россіи къ Турціи при Теодорѣ Ивановичѣ. — Отношенія его къ крымскимъ татарамъ. — Пріѣздъ въ Москву Александра Комуловича и Николая Варюча. — Восточная политика Бориса Годунова. — Эпоха смутнаго времени и ея значеніе въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. — Внѣшняя политика царя Михаила Феодоровича. — Александръ Оттоманусъ. — Отношеніе къ нему московскаго правительства. — Взятіе казаками Азова въ 1637 году и недоразумѣнія между Россіей и Турціей по этому случаю. — Присоединеніе Малороссіи и значеніе этого факта въ исторіи восточной политики Россіи. — Сожалѣнія Алексѣя Михайловича о печальной судьбѣ восточныхъ христіанъ. —

Первая русско-турецкая война и Бахчисарайскій трактатъ 1681 года.

Паденіе Византійской имперіи и образованіе на ея развалинахъ Турецкой — произошло, какъ извѣстно, въ княженіе на Руси Василія II Темнаго. Исторія же сношеній Россіи съ Оттоманскою Портой начинается при наслѣдникѣ его, великомъ князѣ Иванѣ III

(1462—1505 г.). Сношенія эти возникли при посредствѣ сосѣда нашего, крымскаго хана, который въ 1475 году призналъ себя въ вассальной зависимости отъ турецкаго султана, ставшаго твердо ногою на развалинахъ генуэзскихъ колоній, и на первыхъ парахъ касались исключительно безопасности русской торговли въ турецкихъ владѣніяхъ. Русскіе купцы уже издавна вели оживленную торговлю съ Азовомъ, Кафой, Бруссою и Константинополемъ, въ особенности съ того времени, какъ водный путь по рѣкѣ Дону сдѣлался болѣе безопаснымъ отъ кочевниковъ Золотой и Ногайской Орды, и эта весьма выгодная для Россіи сухопутная торговля служила главною причиною возникновенія нашихъ первоначальныхъ дипломатическихъ сношеній съ Портой. При Иванѣ III было и первое русское посольство въ Константинополь *).

Отправленіе этого посольства состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Турки задержали въ Аккерманѣ русскаго посла Θεодора Курицына, возвращающагося изъ Венгріи. Прибывъ въ Москву, посоль передавъ князю свой разговоръ съ турецкими пошами, изъ котораго можно было заключить о желаніи султана вступить въ дружественныя сношенія съ Москвою. Сообщеніе Курицына дало поводъ Ивану III обратиться къ крымскому хану, Менгли-Гирею, съ просьбой по-обстоятельнѣе разспросить турокъ о томъ, какой дружбы ищетъ султанъ съ Москвою. Крымскій ханъ, съ которымъ московскій государь находился въ дружественныхъ отношеніяхъ по политическимъ соображеніямъ, вслѣдствіе общей ненависти къ хану Золотой Орды, союзнику нашихъ исконныхъ враговъ—Литвы и Польши, справился въ Константинополь и передалъ царю отвѣтъ султана, который писалъ: «если Государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ»**). При этомъ Менгли-Гирей, сообщалъ, что султану желательно знать, почему русскіе купцы перестали ѣздить въ Азовъ и Каффу, что паша каффинскій жаловался на то Баязету, слагая всю вину въ томъ на него, Менгли-Гирея, говоря, что будто онъ своимъ

*) Весьма обстоятельное описаніе этого посольства, составленное на основаніи документовъ, извлеченныхъ изъ Москов. Глав. Арх. Минист. Иностран. Дѣлъ, сдѣлано Неклюдовымъ въ его статьѣ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей“.

***) Карамзинъ. „Исторія Государства Россійскаго“, изд. 1892 г., т. VI, стр. 148.

обращеніемъ съ русскими купцами оттолкнулъ ихъ отъ торговли съ Каффою.

Желая оправдать оклеветаннаго друга и воспользоваться удобнымъ случаемъ для поддержанія и развитія торговыхъ сношеній съ Востокомъ, прекратившихся было вълѣдствіе разнаго рода притѣсненій со стороны турецкихъ властей, Иванъ III въ 1492 году отправилъ къ падишаху грамоту, въ которой писалъ: «Мы не посылали людей другъ ко другу спрашивать о здравіи; но купцы мои ѣздили въ страну твою и торговали, съ выгодою для обѣихъ державъ. Они уже нѣсколько разъ жаловались мнѣ на твоихъ чиновниковъ: я молчалъ. Наконецъ, въ теченіе минувшаго лѣта, Азовскій паша принудилъ ихъ копать ровъ и носить камни для городского строенія. Мало того: въ Азовѣ и въ Кафѣ отнимаютъ у нашихъ купцовъ товары за полцѣны; въ случаѣ болѣзни одного изъ нихъ, кладутъ печать на имѣніе всѣхъ: если умираетъ, то все остается въ казнѣ; если выздоравливаетъ, отдають назадъ только половину. Духовныя завѣщанія не уважаются: турецкіе чиновники не признають наследниковъ, кромѣ самихъ себя, въ русскомъ достояніи. Узнавъ о сихъ обидахъ, я не велѣлъ купцамъ ѣздить въ твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отъ чего же родилось насиліе? Знаешь, или не знаешь оного?»... Объяснивъ, что русскіе купцы не ѣздятъ въ Азовъ и Каффу изъ-за притѣсненій и обидъ, чинимыхъ имъ въ этихъ городахъ турецкими властями, великій князь въ концѣ грамоты выразилъ желаніе постоянно поддерживать сношенія съ Турціей *).

Въ отвѣтъ на эту царскую грамоту, султанъ въ 1493 году отправилъ своего посла въ Россію; но онъ не доѣхалъ до Москвы. Тѣмъ не менѣ Иванъ III, убѣжденный крымскимъ ханомъ въ благо-расположеніи Турціи къ Москвѣ, въ 1497 году отправилъ въ Константинополь посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ стольникъ Михайлъ Плещеевъ. Цѣлю посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу торговли на черноморскомъ побережьѣ, и преимущественно въ Азовѣ и Кафѣ, такъ какъ торговля эта, какъ сказано выше, постоянно испытывала

*) Назв. соч., стр. 148—149.

отъ крымцевъ и азовцевъ разнаго рода притѣсненія. Цѣль эта, насколько можно судить изъ отвѣтныхъ грамотъ, была достигнута. Султанъ обѣщаль принять необходимыя мѣры къ огражденію безопасности русскихъ купцовъ, о чемъ просилъ его Иванъ III, и, несмотря на гордость Плевсеева, который въ изъявленіяхъ дружества московскаго царя къ Баязету и юному сыну его, Мегмеду-Шихзодѣ, коффинскому султану, строго наблюдалъ достоинство великаго князя, этотъ послѣдній получилъ отъ турецкаго владыки письмо такого содержанія: «Ты отъ чистаго сердца прислалъ добраго мужа къ моему порогу; онъ видѣлъ меня и вручилъ мнѣ твою грамоту, которую я приложилъ къ своему сердцу, вида, что желаешь быть намъ другомъ. Послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою землю: они увидятъ и скажутъ тебѣ нашу правду, равно какъ и сей, ѣдущій назадъ въ свое отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ нашимъ великимъ поклономъ къ тебѣ и ко всемъ друзьямъ твоимъ: ибо кого ты любишь, того и мы любимъ» *).

Завязавъ мирныя сношенія съ Оттоманскою Портой, Иванъ III поддерживалъ ихъ въ продолженіе всего своего царствованія, хотя «какъ зять Палеологовъ и сынъ греческой церкви, утѣсняемой турками, онъ—по словамъ Карамзина—долженствовалъ быть врагомъ султановъ.» Такая миролюбивая и дружелюбная политика по отношенію къ Турціи указывалась Ивану III собственными жизненными интересами Московскаго государства, не позволявшими русскому правительству увлекаться религіознымъ сочувствіемъ къ православному Востоку. Великій князь — говоритъ Карамзинъ—«не хотѣлъ себя обманывать»; онъ видѣлъ, что для Россіи еще не пришло время бороться съ турками, что «здравая политика велитъ ей употреблять свои юныя силы на иные предметы, ближайшіе къ истинному благу ея». Поэтому въ своей внѣшней политикѣ онъ имѣлъ въ виду лишь одну Литву, бывшую въ то время весьма опаснымъ врагомъ Россіи **). Что же касается до Турціи, въ то время несколько не угрожавшей русскому государству, то Иванъ III, несмотря на свое сочувствіе православному Востоку и желаніе «стоять за христіанъ противъ невѣрныхъ» ***), старался жить съ ней въ мирѣ и

*) Назв. соч., стр. 174.

**) Назв. соч., стр. 147.

***) Назв. соч., стр. 204.

избѣгать всякихъ столкновеній, такъ какъ война съ османами отвлекла бы его отъ борьбы съ ближайшими и болѣе серьезными врагами Московскаго царства.

Стремленіе къ обезпеченію себя со стороны этихъ враговъ проглядываетъ и въ отношеніяхъ Ивана III къ балканскимъ народамъ, надъ которыми въ то время распространяла и укрѣпляла свою власть Турецкая имперія. Какъ извѣстно, при Иванѣ III Московское государство находилось въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ единовѣрною Молдавіей. Сношенія эти вызывались чисто политическими расчетами Россіи и Молдавскаго княжества, тогда еще только подпадавшаго подъ тяжелую руку мусульманъ. Молдавскій господарь Стефанъ, одержавшій блестящія побѣды надъ турецкими полчищами, кромѣ турокъ имѣлъ еще опасныхъ враговъ въ лицѣ польскаго короля, Казимира, и крымскаго хана, Менгли-Гирея, изъ которыхъ первый хотѣлъ подчинить Молдавію Польшѣ, а второй, будучи вассаломъ турецкаго султана, ежеминутно угрожалъ ей своими опустошительными набѣгами. Въ виду того, что Москва имѣла возможность содѣйствовать независимости и безопасности Молдавіи, обуздывая короля польскаго страхомъ войны, а крымскаго хана—дружественными представленіями, Молдавія же, съ своей стороны, могла помогать Москвѣ въ войнахъ съ Литвою, Иванѣ III и Стефанъ были расположены къ искреннему союзу, который, кромѣ взаимныхъ выгодъ и общности вѣры, упрочивался союзомъ семейнымъ,—состоявшимся въ 1483 году бракомъ сына московскаго царя съ дочерью молдавскаго господаря *).

Послѣ Ивана III московскіе цари уже не прекращали своихъ сношеній съ Турціей. Необходимость въ поддержаніи этихъ сношеній вызывалась для Россіи, съ одной стороны, настоятельною потребностью обезпечить свободу торговли на Черномъ морѣ, а, съ другой,—вполнѣ естественнымъ и законнымъ желаніемъ защитить свои южныя границы отъ постоянныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Общанія султана Баязета—приказать каффинскому наместнику наблюдать за равноправіемъ торговцевъ—не имѣло практическаго результата. Русская торговля по прежнему продолжала

*) Карамзинъ, т. VI, стр. 111—112.

претерпѣвать различныя притѣсненія. Кромѣ того, для нея явилась новая помѣха, заключающаяся въ томъ, что на нашихъ купцовъ, проѣзжавшихъ въ Азовъ и Каффу, стали нападать по дорогамъ азовскіе казаки, на что уже указывалъ турецкому султану русскій посолъ, Андрей Кутузовъ, отправленный въ Турцію въ 1501 году *). Что же касается до интересовъ безопасности русскихъ границъ, то они также не разъ вынуждали московское правительство обращаться за содѣйствіемъ къ турецкому султану, такъ какъ полудикая татарская орда, гнѣздившаяся на Крымскомъ полуостровѣ и стоявшая въ вассальной зависимости отъ Турціи, постоянно разоряла южныя окраины Россіи и даже заставляла трепетать самую Москву, несмотря на то, что московскіе цари, для предотвращенія опустошительныхъ набѣговъ татаръ, ежегодно въ видѣ дани посылали крымскимъ ханамъ богатыя дары, такъ называемые «помянки», которыхъ ханы требовали какъ должнаго, грозя, въ случаѣ неисправной посылки казны, разореніемъ южныхъ городовъ и сель Московскаго государства.

Русскія области начинаютъ подвергаться опустошительнымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ уже со времени Василия III (1505—1533 г.). Въ царствованіе Ивана III ихъ удерживалъ союзникъ нашъ Менгли-Гирей. Преемникъ же послѣдняго Мехметъ, подкупленный Польшею, былъ злѣйшимъ врагомъ Московскаго государства. Благотворному дѣйствію польскаго золота не мало помогали и казанскія дѣла. При Иванѣ III Казань была приведена въ зависимость отъ Москвы. Онъ уже возводилъ хановъ на престолъ казанскій и низводилъ ихъ, облагалъ податями казанскія волости и т. д. Но зависимость казанскихъ татаръ отъ Москвы была крайне непрочно, и они при каждомъ удобномъ случаѣ старались отъ нея отдѣлаться. Когда въ Казани прекратилась династія Улу-Мехмета, основателя Казанскаго царства, Василій III назначилъ туда ханомъ своего подручника Шигъ-Алея, но казанцы свергли его и предложили престолъ брату крымскаго хана, Саипъ-Гирею. Мехметъ-Гирей тотчасъ же вмѣшался въ казанскія дѣла и съ огромнымъ полчищемъ подступилъ къ самой Москвѣ (въ 1521 году).

*) Добровъ. „Южное славянство, Турція, и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 1879 г., стр. 460.

Но здѣсь онъ простоялъ недолго и, захвативъ съ собою множество русскихъ плѣнниковъ, возвратился обратно въ Крымъ. Впрочемъ послѣ этого похода на Россію крымскій ханъ не успокоился. Подкупленный литовскимъ золотомъ, онъ вскорѣ снова сталъ тревожить московскія окраины опустошительными набѣгами. Для противоудѣйствія ему Василій Ивановичъ, по примѣру своего отца, старался установить дружественныя отношенія съ турецкимъ султаномъ и нѣсколько разъ отправлялъ къ нему посольства для переговоровъ относительно упроченія торговыхъ сношеній и заключенія союза, который обуздаль бы крымскихъ татаръ и служилъ бы угрозой для Литвы и Польши. Султанъ дружественно принималъ пословъ великаго князя, но не вступалъ съ нимъ ни въ какія договорныя соглашенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое время онъ сдерживалъ крымскаго хана отъ набѣговъ на русскія владѣнія, говоря, что московскій князь ему другъ.

Въ виду постоянныхъ опасностей со стороны Литвы, Польши и Крыма, Василій III не только поддерживалъ дружественныя отношенія съ турецкимъ султаномъ, но въ то же время не пренебрегалъ возможностью приобрести себѣ и вѣрнаго союзника на случай борьбы съ врагами Россіи. Тимъ союзникомъ въ царствованіе Ивана III было, какъ мы видѣли, единовѣрное Москвѣ Молдавское княжество. Оно же выражало намъ преданность и въ царствованіе Василя Ивановича. Преданность эта по достоинству цѣнилась въ Москвѣ, и поѣтому, когда молдавскій воевода Петръ обратился къ московскому государю съ просьбой о томъ, чтобы онъ, будучи въ перемиріи съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ турецкимъ султаномъ, охранялъ Молдавію отъ честолюбивыхъ замысловъ перваго и склонялъ втораго къ защитѣ ея со стороны Польши, московское правительство благосклонно приняло эту просьбу, причемъ признавая выгоду обличенія съ Молдавіей, великій князь вступилъ въ сношенія съ мужественнымъ воеводою молдавскимъ, еще опаснымъ сосѣдомъ для Литвы, Польши и Тавриды, и посылалъ къ нему «не только гонцовъ, но и важныхъ чиновниковъ» *).

Но въ то время какъ московскій князь Василій Ивановичъ

*) Карамзинъ, т. VII, стр. 99.

хлопоталъ исключительно объ обезпеченіи матеріальныхъ интересовъ своего государства, съ запада пріѣзжали въ Москву послы, имѣвшіе порученіе склонять русское правительство къ борьбѣ съ Турціей. Такая миссія, между прочимъ, возложена была на цесарскаго посла барона Герберштейна, посланнаго въ 1517 году для примиренія Василія III съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Убѣждая великаго князя примкнуть къ союзу европейскихъ государствъ противъ турокъ, какъ враговъ всего христіанскаго міра, посолъ указывалъ на то, что турки побѣдили египетскаго султана, овладѣли Дамаскомъ и Іерусалимомъ и быстро распространяютъ свое господство въ Европѣ, что если здѣсь имъ удастся успѣшно продолжать свои завоеванія, то само Московское государство очутится въ опасномъ положеніи *). Ту же мысль въ 1518 году развивали новые цесарскіе послы, Францискъ-да-Колло и Антоній-де-Конти, пріѣзжавшіе въ Москву, чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда. Рисуя великому князю картину турецкихъ завоеваній и описывая печальное положеніе греческой церкви и святынь Востока подъ властью мусульманъ, они, какъ и Герберштейнъ, въ яркихъ краскахъ представили ему опасность, грозящую со стороны Турціи, которая черезъ Тавриду можетъ наложить свою тяжелую руку на Россію, и въ заключеніе распространились о свирѣпости султана Селима, «упоеннаго кровью отца и трехъ братьевъ, *возжиглаго передъ собою свѣтильники отъ сутка христіанскихъ сердецъ* и давшего себѣ имя *Владыки міра* **). Наконецъ, въ 1519 году великаго князя Московскаго старался склонить къ союзу съ христіанскими монархами противъ турокъ римскій папа Левъ X. Съ этою цѣлью онъ присылалъ въ Москву своего посла Николая Шомберга, на котораго была возложена обязанность поощрять русское правительство къ политической роли въ восточномъ вопросѣ на основаніи знаменитой теоріи константинопольскаго наслѣдства ***). Само собою разумѣется, что всѣ старанія цесаря и папы втянуть Россію въ общій союзъ христіанскихъ государствъ противъ Турціи оставались безуспѣшными. Смотра на государственныя дѣла съ практической точки зрѣнія,

*) Назв. соч., т. VII, стр. 52—53.

***) Назв. соч., стр. 57.

***) Успенскій. Назв. соч., стр. 36.

великій князь московскій, при всей своей религіозности и ненависти къ врагамъ имени Христова, не могъ поступиться жизненными интересами Россіи съ тѣмъ, чтобы дать западной Европѣ возможность общимъ союзомъ сломить могущество турокъ. Поработители восточныхъ христіанъ въ то время не угрожали завоеваніемъ Московскому государству, которому приходилось тогда гораздо болѣе опасаться Литвы, Польши и Швеціи. Къ тому же, было ясно до очевидности, что увлеченіе западно-европейскими планами положительно преждевременно. Москва была слишкомъ слаба для того, что бы вступить въ борьбу съ султаномъ и «стать за свою константинопольскую вотчину». Ей нужно было сначала оградить себя отъ татарскихъ погромовъ и обезпечить свою торговлю на берегахъ Чернаго моря, и въ этомъ направленіи шла первоначальная восточная политика Россіи.

Опустошенія, производимыя казанскими татарами въ пограничныхъ съ нами московскихъ областяхъ, заставили Ивана IV Грознаго (1533—1584 г.) рѣшиться на покореніе Казани въ 1552 году, что въ свою очередь, спустя четыре года, привело къ присоединенію къ Москвѣ другаго татарскаго царства, возникшаго на развалинахъ Золотой Орды,—царства Астраханскаго. Завоеваніе этихъ татарскихъ царствъ имѣло для Россіи громадное экономическое и политическое значеніе. Русская колонизація, шедшая досихъ поръ въ сѣверо-восточномъ направленіи, съ покореніемъ этихъ царствъ получила возможность распространяться на юго-востокъ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона, *) а наша восточная торговля, значительно разившаяся еще при Иванѣ III, нашла себѣ свободный путь по теченію рѣки Волги. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря завоеванію Казани и Астрахани, Россія еще больше пришла въ соприкосновеніе съ Крымомъ и Турціей, которые на первыхъ же порахъ проявили враждебное къ ней отношеніе и даже предприняли походъ подъ Астрахань, окончившійся, какъ извѣстно, неудачей.

Завоевавъ Казань и Астрахань, т. е. совершивъ, по отзыву современниковъ, священный подвигъ для защиты христіанства

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VI, стр. 100.

отъ басурманства, *) царь Иванъ Васильевичъ Грозный тѣмъ самымъ положилъ начало ослабленію силы мусульманства. Въ своихъ сношеніяхъ съ папой онъ постоянно указывалъ на это обстоятельство, говоря, что «при всеблагой помощи Божіей доселѣ ратуя на невѣрныхъ, мы и впредь готовы стоять противъ нихъ»... По словамъ проф. Успенскаго, Грозный не даромъ выставялъ свои заслуги, особенно если принять во вниманіе то положеніе, которое приобрѣла Россія среди восточныхъ христіанъ и даже во мнѣніи турокъ. «Въ Турціи—говоритъ онъ—были хорошо извѣстны проекты лиги и планы для изгнанія ихъ изъ Европы. Султанъ просто издѣвался надъ европейскими государями и въ сознаніи своей силы презиралъ папу и императора, котораго даже считалъ своимъ данникомъ. Но отношенія къ Россіи были иныя. Сулейманъ I въ 1569 году въ первый разъ убѣдился въ важности этой соперницы, когда посланное имъ войско для изгнанія русскихъ изъ Астрахани было разбито царемъ Грознымъ». Кроме того, отъ вниманія восточнаго владыки не могло ускользнуть и политическое значеніе Россіи на Востокъ, въ первый разъ оцененное венеціанскими дипломатами—*именно съ точки зрѣнія неограниченнаго довѣрія баларъ, сербовъ и грековъ къ Россіи **)*. На опасность, грозящую Турціи въ этомъ отношеніи со стороны Россіи, указывалъ уже венеціанскій бойль при султанскомъ дворѣ, Сораццо, въ 1576 году писавшій своему сенату, что «москвитяне внушаютъ опасеніе султану въ виду того, что великій князь принадлежитъ къ тому же греческому исповѣданію, что и народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Морей и Греціи. Народы эти, по этой причинѣ весьма преданные его имени, всегда будутъ расположены взяться за оружіе и возстать, чтобы обростить турецкое иго и подчиниться власти московскаго князя» ***).

Сужденіе Сораццо о расположеніи турецкой раини къ Россіи и о той опасности, которая являлась отсюда для Оттоманской Порты, не представляло собою чего-либо исключительнаго. Напротивъ, проф. Успенскій утверждаетъ, что «въ концѣ XVI вѣка дѣлается обще-

*) Пазв. соч. стр. 99.

**) Успенскій Назв. соч., стр. 58.

***) Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II изд. 1888 г., стр. 121.

распространеннымъ мнѣніемъ, что освобожденіе порабощенныхъ турками народностей можетъ послѣдовать только изъ Россіи, которая и сама обладаетъ достаточными къ тому средствами, и можетъ найти сильную точку опоры среди народовъ Балканскаго полуострова *)). Это общераспространенное мнѣніе до нѣкоторой степени находило себѣ оправданіе и въ самой политикѣ Россіи по отношенію къ христіанамъ Востока. Иванъ Грозный пытался установить прямыя сношенія съ турецкой райей, и посолье его, стольникъ Адашевъ, въ 1539 году вручилъ дружественную грамоту константинопольскому патриарху, какъ представителю мѣстныхъ православныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ царь московскій не чуждъ былъ желанія оказывать помощь единовѣрнымъ народамъ Балканскаго полуострова. Такъ, когда молдавскій господарь, Петръ Стефановичъ, уже платившій легкую дань султану, обратился за покровительствомъ къ православной Россіи, имѣвшей возможность вступаться за него въ Константинополь, въ Тавридѣ, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву, московское правительство увѣрило Петра, что «не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ», и если не дало ему помощи противъ грознаго Солимана, который въ 1537 году огнемъ и мечемъ опустошилъ всю Молдавію, желая вполне подчинить ее своей власти **), то, жалѣя о бѣдствіи этой единовѣрной страны, въ 1543 году отправило ей денежное вспомошествованіе, о которомъ просилъ молдавскій господарь, Иванъ Петровичъ, писавшій въ Москву, что турецкій султанъ требуетъ отъ Молдавіи, кромѣ ежегодной дани, около 300 тысячъ золотыхъ, которыхъ нельзя собрать въ землѣ опустошенной ***).

Но если султанъ занесивалъ расположенія Россіи, страшась московскаго царя болѣе, чѣмъ другихъ христіанскихъ государей, потому что «онъ располагалъ огромными военными силами и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ болгаръ, сербовъ и грековъ, которые, по одному его слову, готовы были взяться за оружіе, чтобы изгнать турокъ изъ Европы и подчиниться его власти», ****) то и Грозный царь, взирая на возрастающее

*) Успенскій Назв. соч., стр. 59.

***) Карамзинъ, т. VIII, стр. 11 и 12.

****) Назв. соч. стр. 47.

*****) Макушевъ. „Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ“ Олавяскій Сборникъ за 1876 г. т. III.

вліяніе своего государства среди народов Балканскаго полуострова, точно также не желалъ войны съ Турціей въ виду ближайшихъ интересовъ своей державы, для которой Литва и Польша были болѣе опасными врагами, чѣмъ турки и подвластные имъ крымскіе татары. Для установленія дружественныхъ отношеній послѣ столкновенія между Россіей и Портой изъ за татарскихъ царствъ, надъ правителями которыхъ падишахъ считалъ себя верховнымъ сюзереномъ, московскій государь въ 1570 году посылалъ къ султану посла Новосильцева съ увѣреніемъ, что ни въ Казани, ни въ Астрахани магометанскимъ кушчамъ не будетъ причиняться никакихъ притѣсненій; объ этомъ же долженъ былъ говорить султану и посолъ Кузьминскій, отпавленный въ Андрианополь въ 1571 г. Зналъ объ образовавшейся къ тому времени христіанской коалиціи противъ турокъ (Испанія, Венеція, Генуя и Мальтійскій орденъ), успѣхи которой, какъ извѣстно, окончились истребленіемъ турецкаго флота при Лепанто (въ 1571 г.), московское правительство даже предложило Портѣ союзъ противъ всѣхъ враговъ султана. Кромѣ того, оно изъявляло свое согласіе на срытіе Терской крѣпости, чего требовала Порта въ видахъ безопасности сообщенія между Крымомъ и Дербентомъ. *) Заботясь о сохраненіи мира съ Турціей, московскій государь, разумѣется, отказывался и отъ всякихъ попытокъ разрѣшить восточный вопросъ силами юго-восточной Европы, что внушалъ ему папскій посолъ Антоній Поссевинъ. Царь Иванъ Грозный старался прежде всего обезпечить насущныя потребности Россіи, которымъ нельзя было удовлетворить, дѣйствуя по западно-европейскимъ планамъ. Задачамъ Ивана IV одинаково не соответствовали, какъ предложенія папы (черезъ Поссевина) — соединиться съ христіанскими князьями противъ султана и тѣмъ увеличить свою славу и царство**), такъ и предложенія императора Максимилиана—обезпечить ему польскій престолъ, послѣ побѣга короля Генриха, за что предлагался союзъ противъ Турціи съ цѣлью отобрать отъ нея большую греческую имперію для присоединенія къ Россіи.***) По завоеваніи двухъ татарскихъ царствъ, взоры царя устремлены были на третье, ко-

*) Добровъ, назв. соч., стр. 461.

**) Успенскій, назв. соч., стр. 42; Карамзинъ т. IX стр. 206,

***) Мартенсъ Собраніе трактатовъ съ Австріей т. I стр. XIV.

торое приносило намъ страшный вредъ частыми опустошительными набѣгами крымскихъ полчищъ.

Отношенія крымскихъ татаръ къ Россіи почти постоянно были враждебными. Населяя богатую естественными произведеніями страну, и не занимаясь правильно ни земледѣіемъ, ни промышленностью, а живя большею частью грабежомъ и разбоемъ, крымцы, пользуясь покровительствомъ грознаго въ то время турецкаго султана, ежегодно причиняли намъ громадный вредъ, нападая на южныя пограничныя области Россіи, грабя и опустошая ихъ, угоняя скотъ и уводя жителей въ неволю. Съ паденіемъ же Казанскаго и Астраханскаго царствъ вражда крымцевъ къ намъ еще болѣе увеличилась. Будучи недовольны усиленіемъ Москвы и не имѣя возможности помѣшать завоеванію Казани и Астрахани, крымскій ханъ сталъ мстить Россіи своими опустошительными набѣгами на московскія окраины. Чтобы обезпечить границы Россіи отъ этихъ набѣговъ, Иванъ Грозный нѣсколько разъ отправлялъ противъ крымскихъ татаръ значительныя отряды войска. Особенно былъ удаченъ походъ подъ начальствомъ Данила Адашева. Наши войска проникли въ самый Крымъ, разорили нѣсколько татарскихъ улусовъ и вывели изъ плѣна много русскаго люда (въ 1559 г.). Въ виду блестящихъ успѣховъ русскаго орудія нѣкоторые приближенные къ царю люди совѣтовали ему покончить съ Крымомъ точно такъ же, какъ недавно покончилъ онъ съ Казанью и Астраханью. Но царь, бывшій въ этомъ случаѣ проницательнѣе своихъ совѣтниковъ, не принялъ ихъ доводовъ. Подобное предпріятіе казалось ему слишкомъ рискованнымъ. Если трудно было покорить Крымъ, отдѣленный отъ Россіи обширными, незаселенными степями, гдѣ мочевали разбойническія татарскія шайки, то еще труднѣе было удержать его въ повиновеніи. При томъ же ханъ былъ подручникомъ турецкаго султана, и за обладаніе Крымомъ пришлось бы вступить въ борьбу съ Турціей, въ то время достигшей высшей степени своего могущества и грозной не только для Россіи, но и для всей Европы *)

*) Недо замѣтить, что со времени царствованія Солимана Великолѣпнаго (1520—1566 г., ознаменованнаго набѣгами на христіанскія владѣнія, Оттоманская Порта вознамѣрилась поработить себѣ всю западную Европу, которую въ то время повсемѣстно волновали и терзали религіозныя и политическія распри. Разсчитывая

Отказаться отъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ дѣйствій противъ Крыма заставило Ивана Грознаго также и то, что прежде этого необходимо было обезпечить русскія границы со стороны Литвы и Польши, этихъ опасныхъ сосѣдей Московскаго государства, съ которыми московскій государь началъ войну черезъ два года по завоеваніи Астраханскаго царства и велъ ее почти до конца своего царствованія. Одновременно съ Ливонскою войною, конечно, невозможно было помышлять о борьбѣ съ Турціей изъ-за Крыма, и если Грозный царь въ это время велъ переговоры съ императоромъ и папою объ общемъ союзѣ христіанскихъ государствъ противъ невѣрныхъ, увѣряя, «что искренно желаетъ вмѣстѣ со всѣми европейскими государями ополчиться на султана и быть для того въ непрестанныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ» *) то эти переговоры и увѣренія были лишь результатомъ заботъ его о выгодахъ собственной политики — «о вѣрнѣйшемъ способѣ овладѣть всею Ливоною и смирить гордость Ревельцевъ, которые дерзали торжественно именовать его тираномъ и величались побѣдою, одержанною надъ Россіянами, уставивъ ежегодно праздновать ей память 16 Марта» **). Это было ясно и для современниковъ. «Государь Московскій» — говорилъ польскій король, Стефанъ Баторій, папскому послу, іезуиту Антонію Поссевину, пріѣхавшему къ нему для примиренія Польши съ Москвою, — «хочетъ обмануть Св. Отца; видя грозу надъ собою, радъ все обѣщать: и соединеніе вѣръ и, всѣну съ турками; но меня не обманеть» ***).

Въ слѣдовавшія за Иваномъ Грознымъ царствованія русское правительство также старалось избѣгать всякихъ столкновеній съ Портою и соблюдать по отношенію къ ней крайнюю осторож-

не встрѣтить сильнаго сопротивленія, Солиманъ двинулъ свои полчища въ Венгрію, подступилъ къ Вѣнѣ (въ 1529 г.) и хотя потерпѣлъ здѣсь пораженіе, но овладѣлъ Будапештою, заставилъ молдавскаго князя признать верховную власть султана надъ собою, а императора Фердинанда I вынудилъ по Андрианопольскому трактату 1547 г. стать турецкимъ данникомъ за Венгрію. Завоевательные замыслы Солимана Великолѣпнаго унаслѣдованы были его преемниками. Они завоевали почти всю Венгрію, завладѣли Славоніей и Трансильваніей и укрѣпили за Турціей высшее ея могущество, грозное и опасное для христіанскаго міра.

*) Карамзинъ, т. IX, стр. 173 и 195.

***) Назв. соч., стр. 112.

***) Назв. соч., стр. 204.

ность. Россія въ это время боролась съ внутренними раздорами и смутами и вела войны съ Польшей и Швеціей. Впрочемъ и сама Турція не помышляла тогда распространять свое владычество къ сѣверу, въ ущербъ Россіи, и только крымскіе татары по прежнему держали въ постоянной тревогѣ наши южныя окраины. Но теперь на Дову сложилось уже сильное казачество, содѣйствіемъ котораго русское правительство и воспользоваться для предупрежденія дальнѣйшихъ нашествій оссѣдшихъ татарскихъ ордъ. Оно привлекло на свою сторону казацкую вольницу, расположившуюся близъ южныхъ границъ Московскаго государства, и казаки охотно понесли государству службу, защищая русскую землю отъ нападеній татарскихъ полчищъ, и такимъ образомъ стали на югъ вооруженнымъ аванпостомъ Руси, передовыми борцами ея за вѣру и государство. Одушевленные желаніемъ воевать съ турками и татарами «во славу Божию и на вѣчную память казацкаго имени», донцы постоянно сражались съ мусульманами. Къ ихъ войску присоединялись валахи, молдаване, болгары и сербы, и «нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ проф. Успенскій,—что на дѣло казаковъ нужно отнести значительную часть того престижа, которымъ *русскіе пользовались у южныхъ славянъ и въ Молдавіи и Валахіи* *) Если ваши единовѣрцы и единоплеменники въ XVI вѣкѣ *надѣялись освободиться* отъ турецкаго ига только при нашей помощи, то такимъ ихъ довѣріемъ къ намъ мы обязаны казакамъ, которые своими невѣроятными подвигами храбрости приводили въ трепетъ турокъ и поддерживали въ балканскихъ христіанахъ надежду на православную Русь. *)

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ (1584—1598 г.) въ своей восточной политикѣ преслѣдовалъ ту же цѣль, которая имѣлась на первомъ планѣ у его предшественниковъ. Вся хитрость русской политики по отношенію къ Турціи сводилась—по словамъ Карамзина—къ тому, чтобы по возможности «удалить начало неминуемаго, ужаснаго боренія» съ нею до болѣе благоприятнаго для Россіи времени, такъ какъ прежде цѣль «вступить въ смертный бой съ сокрушителями

*) Успенскій Назв. соч., стр. 60.

*) Макушевъ. Восточный вопросъ, въ XVI и XVII вѣкѣ.

Византийскаго царства», ей необходимо было подготовиться къ этому великому дѣлу путемъ развитія своей внутренней и вѣншей мощи. Такой политики въ отношеніи Турціи держался Иванъ III, сынъ его и внукъ, умѣвшіе «пріязню» султановъ даже иногда обуздывать враговъ Россіи—Крымъ и Литву. Примѣру предковъ послѣдовалъ и Феодоръ Ивановичъ. *) Въ 1584 году онъ отправилъ въ Константинополь посланника Благова извѣстить султана о восшествіи своемъ на престолъ, заявить ему о миролюбивыхъ намѣреніяхъ русскаго царя въ отношеніи Турціи и склонить Амурата къ дружественной связи съ Россіей «Наши прадѣды (Іоаннъ и Баязеть),—писалъ Феодоръ къ султану,—дѣды (Василій и Солиманъ) и отцы (Іоаннъ и Селимъ) назывались братьями, и въ любви осылались другъ съ другомъ: да будетъ любовь и между нами. Россія открыта для купцовъ твоихъ, безъ всякаго завѣта въ товарахъ и безъ пошлины. Требуемъ взаимности и ничего болѣе». Посланнику же нашему вѣннено было въ обязанность убѣдить турецкихъ нашихъ, что жалобы Оттоманской Порты на притѣсненія магометанъ въ Россіи и на разбой казаковъ неосновательны, такъ какъ магометанская вѣра на русской территоріи нигдѣ не притѣсняется, а казаки совершаютъ свои разбой безъ вѣдома государя. Кромѣ того посоль долженъ былъ добиться того, чтобы султанъ прислалъ своего посла въ Москву для заключенія дружественнаго договора съ нею **).

Уступая настояніямъ Благова, султанъ въ 1585 году прислалъ въ Москву своего посла съ письмомъ къ государю, въ которомъ называлъ Феодора *королемъ Московскимъ*, выражалъ ему благодарность за доброе намѣреніе быть въ дружбѣ съ Оттоманскою имперією, подтверждалъ свободу торговли для русскіхъ купцовъ въ Азовъ и превозносилъ счастье мира; въ доказательство же искренней любви требовалъ, чтобы царь немедленно унялъ донскаго атамана, Кишиина, злаго разбойника азовскихъ предѣловъ. Всѣ эти увѣренія, обѣщанія и требованія султана ясно указывали, что система константинопольскаго двора въ отношеніи Россіи нисколько не мѣняется, что Турція по прежнему старается

*) Исторія Государства Россійскаго, т. X, стр. 35.

**) Назв., соч., стр. 35—36.

ограничить свои сношенія съ Москвою одними купеческими дѣлами и нисколько не думаетъ о заключеніи съ нею договора по дѣламъ политическимъ. По этому царь отпустилъ турецкаго посла съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе литовскіе, чѣмъ русскіе казаки, что атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву и товарищамъ его не велѣно тревожить азовцевъ *).

Послѣ неудачной попытки заключить союзъ съ Турціей, царь прервалъ сношенія съ султаномъ и даже явно дѣйствовалъ противъ него въ своей политикѣ по отношенію къ донскимъ казакамъ, Грузіи и персидскому шаху. Но въ скоромъ времени Ѳеодоръ Ивановичъ снова долженъ былъ вступить въ переговоры съ восточнымъ владыкой, такъ какъ крымскій ханъ не переставалъ совершать своихъ опустошительныхъ набѣговъ на русскія владѣнія. Для обузданія хищника онъ въ 1592 году отправилъ въ Константинополь Нащокина, которому предписано было требовать отъ султана запрещенія крымцамъ «воевать Россію». Запрещеніе это требовалось изъ признательности къ нашему искреннему дружеству, «ибо мы—писалъ царь къ султану, а Годуновъ къ великому визирю — не хотимъ слушать императора, королей испанскаго и литовскаго, папы и шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить мечъ на главу мусульманства» **). Но турецкое правительство относилось къ просьбамъ московскаго царя высокоумѣрно и съ своей стороны настаивало на томъ, чтобы онъ отдалъ султану Казань и Астрахань, удалилъ съ Дона казаковъ, сильно беспокоившихъ турокъ и татаръ, и отступилъ отъ Кахетіи, которая незадолго передъ тѣмъ добровольно приняла московское подданство, во избѣжаніе постоянныхъ притѣсненій отъ турокъ и персовъ.

Вслѣдствіе неудачнаго исхода миссія Нащокина, для защиты южныхъ областей Россіи московское правительство вынуждено было изыскивать иныя средства и собственными силами обуздать крымскаго хана. Въ этихъ видахъ царь Ѳеодоръ на всѣхъ путяхъ татарскихъ отъ р. Донца къ берегамъ Ови выстроилъ цѣлый рядъ укрѣпленій, засѣкъ и крѣпостей (Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки и др.), а въ 1594 году заставилъ хана дать клят-

*) Назв. соч., стр. 37.

**) Назв. соч., стр. 103.

венную грамоту, въ которой онъ обязывался быть врагомъ нашихъ враговъ, безъ милости навѣить своихъ улусниковъ за нападенія на Россію, возвращать ихъ добычу и плѣнниковъ, оберегать царскихъ пословъ и людей торговыхъ, не задерживать иноземцевъ на пути въ Москву и т. д. Послѣ дачи этой грамоты крымскій ханъ года три не беспокоилъ русскихъ владѣній, усиленно помогая султану въ войнѣ съ Венгріей; но рать московская стояла на берегахъ Оки, готовая къ бою *)

Несмотря на то, что Феодоръ Ивановичъ въ восточной политикѣ неуклонно слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ и заботился исключительно объ обезпеченіи жизненныхъ интересовъ Московскаго государства, требовавшихъ сохраненія мира съ Турціей, папа и римскій цесарь не переставали подстрекать русское правительство оказать помощь западному христіанству въ дѣлѣ изгнаія турокъ изъ Европы. Такъ, въ 1594 году папа присылалъ въ Москву іезуита Александра Комуловича, родомъ изъ Далмаціи, склонять русское правительство къ осуществленію своекорыстныхъ плановъ римской курии, къ выполненію той программы, которая уже не разъ отвергалась московскими царями. Посольство Комуловича имѣло своею цѣлью убѣдить русское правительство къ скорѣйшей войнѣ съ Оттоманской Портой ради освобожденія изъ-подъ турецкаго ига христіанскихъ народовъ «единого языка съ русскими или мало отъ него отличающагося», которые сильно недовольны мусульманскимъ владычествомъ и съ радостью примутъ «своихъ собственныхъ родственниковъ» въ государи. Эти старанія папы подстрекнуть Россію къ разрѣшенію восточнаго вопроса находились въ тѣсной связи съ событіями, происходившими въ то время на юго-востокѣ Европы. Тамъ—говоритъ профъ Успенскій—«обнаружилось сильное освободительное движеніе, подготовленное венеціанскими и римскими эмиссарами. Уже были распредѣлены роли въ имѣвшемъ начаться возстаніи. Обращено было вниманіе на русское населеніе на Дунаѣ, на Болгарѣ, Албанцевъ. Мѣстное движеніе должно было подать руку одновременному вооруженію Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи. Въ то же время казаки имѣли сдѣлать диверсію. Отъ ихъ возстанія ожидали многого, и прежде

*) Назв. соч., стр. 103—104.

всего эта стая орловъ, какъ они названы въ современныхъ документахъ, должна была нейтрализовать Молдавію и Валахію, если бы султанъ захотѣлъ опереться на силы названныхъ государствъ. Далѣе, они должны были занять турецкія и татарскія силы и отвлечь вниманіе турокъ отъ настоящаго очага возстанія. Смѣлымъ ударомъ казаки должны были добыть себѣ славу и добычу. Огьскивали только вождя, который бы сталъ руководить всѣмъ предпріятіемъ, и имя котораго пользовалось бы популярностью среды заинтересованныхъ въ дѣлѣ народовъ *)).

Наилучшимъ руководителемъ въ такого рода дѣлѣ казался папѣ московскій государь. Въ наказѣ аббату Комуловичу говорилось, что царю весьма легко послать войско въ Молдавію для того, чтобы вести съ турками войну во Фракіи и занять города на Средиземномъ морѣ; что эта экспедиція доставитъ русскимъ славу передъ всѣми народами, обогатитъ ихъ военной добычей и дастъ возможность изучить на мѣстѣ военное дѣло, наблюдая военное искусство нѣмцевъ, венгровъ и итальянцевъ, которые примутъ участіе въ борьбѣ съ Турціей; что безъ затрудненій овладѣвъ нѣкоторыми городами на Черномъ морѣ, русскіе могутъ тамъ укрѣпиться и основать надежду на распространеніе своей власти въ этомъ мягкомъ и счастливомъ климатѣ и открыть себѣ путь къ завоеванію самаго Константинополя, этого наследственнаго достоянія московскихъ государей; что народы, угнетенные турками, говорятъ тѣмъ же или мало отличнымъ отъ русскаго языкомъ и соблюдаютъ греческій законъ; что всѣ они умоляютъ небо послать имъ свободу чрезъ своихъ соплеменниковъ и ничего такъ пламенно не желаютъ, какъ увидѣть въ русскіихъ своихъ избавителей и покровителей; что все это вмѣстѣ съ печальнымъ положеніемъ Турціи служить самымъ лучшимъ ручательствомъ широкаго и блистательнаго успѣха русскіихъ на Балканскомъ полуостровѣ *)).

Каковъ былъ отвѣтъ русскаго правительства на внушенія Комуловича—неизвѣстно. Достоверно только то, что миссія папскаго посла не увѣнчалась успѣхомъ.

Почти одновременно съ Комуловичемъ пріѣзжалъ въ Москву

*) Успенскій Назв. соч., стр. 60.

*) Назв. соч., стр. 61; также Карамзина, т. X, стр. 112—114.

и цесарскій посоль Николай Варкочъ. Онъ краснорѣчиво доказывалъ русскому правительству необходимость единодушнаго возстанія христіанскихъ государствъ на султана и просилъ у Россіи денежнаго вспомоствованія для войны съ невѣрными. Бояре отвѣчали послу отъ имени царя, что «дѣдъ, отецъ Феодоровъ, и самъ Феодоръ многократно изъявляли вѣнскому двору свою готовность вмѣстѣ съ Европою воевать оттомановъ; но мы тщетно ждали императорскаго, испанскаго и римскаго посольства въ Москву для условія: ждемъ и нынѣ За казну не стоимъ: лишь бы началось великое дѣло славы и спасенія христіанъ.» Вслѣдствіе сочувствія общему дѣлу христіанскихъ государствъ въ борьбѣ съ невѣрными, Феодоръ Ивановичъ послалъ Рудольфу, воевавшему съ султаномъ въ Венгрію, «вспоможеніе казною». На военныя издержки императору отправлена была цѣлая партія дорогихъ мѣховъ, оцѣненныхъ въ Москвѣ въ 44 т. руб., а богемскими евреями и купцами въ восемь бочекъ золота. Что же касается до непосредственнаго и прямаго участія московскаго правительства въ борьбѣ европейскихъ государствъ противъ Турціи, то оно не состоялось, такъ какъ между Россіей и Австріей, по вѣнъ послѣдней, не было заключено наступательнаго союза противъ османовъ *).

При Борисѣ Годуновѣ (1598—1605 г.) во внѣшней политикѣ Россіи не послѣдовало никакихъ перемѣнъ. При этомъ государѣ русское правительство продолжало по прежнему заботиться объ охранѣ южныхъ границъ московскаго государства отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. По приказанію царя на югѣ построены были новыя укрѣпленія и разставлены сторожевые посты, зорко слѣдившіе за движеніемъ непріятеля. Въ то же время Борисъ старался задобрить крымскаго хана цѣнными подарками. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ крымцы смирились, и ханъ, неладившій въ то время съ турецкимъ султаномъ, далъ обязательство умереть другомъ Россіи, которая также была далеко не въ хорошихъ отношеніяхъ съ Турціей. Борисъ Годуновъ съ самаго начала своего царствованія враждебно дѣйствовалъ противъ Порты. Русскій посоль Аванасій Власевъ, посланный въ 1599 году къ импе-

*) Карамзинъ, т. X. стр. 107—110.

ратору съ извѣщеніемъ о воцареніи новаго государя, говорилъ австрійскому двору, неоднократно обращавшемуся къ Россіи за помощью противъ турокъ, что царь, какъ истинный братъ христіанскихъ монарховъ и вѣчный недругъ османовъ, убѣждаетъ шаха и многихъ другихъ владѣтельныхъ князей Азіи энергично дѣйствовать противъ султана и готовъ самъ идти на крымцевъ, если они будутъ помогать султану. Предвидя необходимость борьбы съ Турціей, Борисъ усердно помогалъ Австріи въ войнѣ съ этимъ врагомъ христіанства, отпуская на то денежные средства, удерживая крымскаго хана отъ нападений на Венгрію и стараясь утвердить дружбу между императоромъ и персидскимъ шахомъ, который въ то время велъ войну противъ османовъ *). Въ переговорахъ же съ Англіей Годуновъ выражалъ желаніе, чтобы всѣ христіанскія державы единодушно дѣйствовали противъ Оттоманской имперіи. «Не только послы императора и римскіе, — писалъ онъ къ королевѣ англійской Елизаветѣ, — но и другіе иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты будто бы въ тѣсной связи съ султаномъ: мы дивились и не вѣрили. Нѣтъ, ты не будешь никогда дружить злодѣямъ христіанства и, конечно, пристанешь къ общему союзу государей европейскихъ, чтобы унижить высокую руку невѣрныхъ: цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!» **)

Въ царствованіе Бориса Годунова въ Россіи началась тяжелая эпоха смутнаго времени, когда въ Москвѣ происходила ожесточенная борьба между боярскими партіями, а царскій престолъ, вѣнецъ и бармы Мономаха переходили отъ одного къ другому самозванцу. Въ это ужасное время смуть турецкій султанъ занялъ былъ то войною съ Австріей, то войною съ Персіей, съ которой дружила тогда Россія, благодаря общей враждѣ къ Турціи. Кромѣ того, внутри самой Оттоманской имперіи происходили кровавые мятежи, длившіеся до 1617 года. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что Порта не могла воспользоваться удобнымъ случаемъ для того, чтобы съ своей стороны причинить какой либо вредъ Россіи въ смутную эпоху, такъ какъ не будь султанъ связанъ указан-

*) Карамзинъ. т. XI, стр., 34—35.

***) Назв. сеч. стр., 44.

ными обстоятельствами, онъ непременно двинулъ бы турецко-татарскія орды на Москву тѣмъ болѣе, что въ XVI вѣвѣ турки опасались уже сочувствія къ Россіи своихъ христіанскихъ подданныхъ.

Не смотря, однако, на отсутствіе у насъ непосредственныхъ столкновений съ Оттоманскою Портою въ эпоху смутнаго времени, эпоха эта являлась весьма важнымъ моментомъ въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Настоятельно выдвинувъ для Россіи польскій вопросъ, она тѣмъ самымъ вынудила русское правительство по возможности избѣгать всякихъ недоразумѣній съ турками и татарами и такимъ образомъ обрекла его на пассивную роль въ восточномъ вопросѣ*). Народный гений—говоритъ Добровъ—подсказывалъ руководящимъ людямъ Россіи, что болѣе опаснымъ врагомъ ея національно—политическому развитію представляется не татарская орда, называемая Крымскимъ ханствомъ и сдерживаемая въ своихъ сѣверныхъ набѣгахъ казацкою вольницею, а ближайшая западная сосѣдка—Польша, растянувшаяся отъ средняго теченія Днѣстра до Балтійскаго моря и стремившаяся къ новымъ территориальнымъ захватамъ и религиозной пропагандѣ. По этому «Россія, прозрѣвъ въ борьбѣ съ Польшею—борьбу за существованіе, роковой вопросъ—быть ли ей азиатскою ордой или членомъ европейской семьи народовъ, рѣшеніе «польскихъ дѣлъ» сочла болѣе настоятельнымъ, чѣмъ «турецкихъ», и — надобно отдать честь искусству руководящихъ людей ея,—Россія сумѣла сохранить до конца XVII столѣтія выжидательное, сдержанное положеніе, искусно проходя между патетическими воззваніями «цезаря», римскаго епископа и греческихъ іерарховъ съ одной стороны и національно — политическими задачами съ другой; Россія заботливо избѣгала открытыхъ столкновений съ Турціей, считая ихъ несвоевременными; она не падала сибирскихъ соболей для вліятельныхъ сановниковъ Турціи, когда нужно было смягчить неудовольствіе Оттоманской Порты по поводу набѣговъ казацкой вольницы на Крымцевъ, не падала она и увѣреній въ искренней братской дружбѣ и вѣчномъ союзѣ противъ всѣхъ враговъ падишаха, когда дѣло шло о томъ, чтобы выиграть что-либо въ сторону Польши**).

*) Успенскій, назв. соч., стр. 13.

***) Добровъ, назв. соч., стр. 432—433.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ (1613 — 1645 г.), возведенный на московскій престолъ по прекращеніи ужасовъ смутнаго времени, долженъ былъ посвятить всѣ свои заботы вопросамъ внутренней жизни, отодвинувъ на время въ сторону вопросы внѣшней политики. Въ этомъ направленіи дѣйствительно и шла политика юнаго царя. Чтобы привести въ необходимый порядокъ государственныя силы, оказавшіяся послѣ московскаго разоренія въ самомъ плачевномъ состояніи, онъ, разумѣется, старался прежде всего избѣгать столкновеній со своими сосѣдями. Въ виду того, что во внѣшней политикѣ на первомъ планѣ стоялъ тогда польскій вопросъ, польскія войны, главное вниманіе русскаго правительства, конечно, обращено было на югъ, гдѣ крымскій ханъ, а за нимъ и турецкій султанъ, грозили наводнить русскую землю своими дикими полчищами. Чтобы избавить южныя области отъ опустошеній, царь и патріархъ задабривали хищниковъ подарками, а русскимъ посламъ приказывалось говорить съ крымцами «гладко и пословно а не торопко, а гдѣ надо жестоко молвить, то покрыть гладостію, чтобы въ раздоръ не войти». Несмотря на дружбу съ Персіей, съ которой враждовала Турція, мы старались ладить и съ султаномъ, чему способствовала общая вражда съ Польшею. Противъ послѣдней Россія и Турція даже вступили въ союзъ, хотя къ дѣйствию не было приступлено, такъ какъ Польша и Порту успѣли покончить свои распри путемъ мирныхъ переговоровъ. Стремясь къ поддержанію дружественныхъ отношеній съ Турціей русское правительство уклонялось и отъ всякихъ соглашеній съ западной Европой, по прежнему обращавшейся въ Москву съ просьбами о союзѣ противъ турокъ.

Такимъ образомъ, желая дать московскому государству возможность отдохнуть отъ истощительныхъ войнъ смутнаго времени, правительство Михаила Ѳеодоровича принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить себѣ миръ со стороны безпокойныхъ сосѣдей Россіи—крымцевъ и турокъ. Но въ то время какъ русскіе государственные люди устремляли свои заботы на то, чтобы возстановить силы своего отечества, надорванные въ только что оконченныхъ войнахъ, западно-католическая политика подготавливала повтореніе московской самозванщины на турецкой территоріи и тѣмъ ставила русское правительство въ необходимость

вспомнить о своихъ религіозно-національныхъ интересахъ на Востоку. Для выполненія вновь затѣянной политической игры католической интригой созданъ былъ нѣкто Ахія или Александръ Оттоманусъ, именовавшій себя турецкимъ царевичемъ, мать котораго, гречанка Елена, будто бы будучи женою султана Магомета, тайно отъ него исповѣдывала православную вѣру и вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и малолѣтнимъ сыномъ, Ахіей, бѣжала изъ Малой Азіи въ Морю, гдѣ при содѣйствіи солунскаго митрополита крестила султанчика и воспитала incognito въ правилахъ восточнаго православія. *).

Александръ Оттоманусъ, являвшійся при разныхъ европейскихкихъ дворахъ (во Франціи, Савойѣ, Флоренціи, Римѣ и Венеціи) съ планомъ поднятія восточныхъ христіанъ противъ турокъ, въ октябрѣ 1624 года появился въ Кіевѣ съ намѣреніемъ войти въ соглашеніе относительно этого предпріятія съ казаками. Здѣсь чрезъ московскаго эмигранта князя Мосальскаго, онъ снискалъ себѣ благоволеніе кіевскаго митрополита Іова Борецкаго и тайно сообщилъ ему о своемъ царскомъ происхожденіи и христіанской рѣшимости пролить по крайней мѣрѣ свою кровь въ борьбѣ съ невѣрными за святое православіе, если ему не суждено возстановить православную монархію на развалинахъ Оттоманской имперіи. Борецкій съ монашескимъ простодушіемъ принялъ Ахію на свое попеченіе и, когда турецкому царевичу не удалось склонить на свою сторону запоржское войско, превращенное на его глазахъ въ толпу покорныхъ панскихъ слугъ, отправилъ его въ Московію. Въ тѣ времена не только въ Греціи, но и въ самой Россіи обновилась память о пророчествѣ Льва Философа, что во дни царя Михаила придетъ отъ сѣвера воинственный народъ и освободитъ грековъ отъ ихъ завоевателей. На этомъ пророчествѣ люди хитрые, какъ Александръ Оттоманусъ и его соумышленники, основывали надежду вовлечь Москву въ войну съ Турціей, а люди мечтательные, какъ Іовъ Борецкій, строили планы разрушенія Турецкой имперіи. Не будучи чужды ни простодушной вѣры своего вѣка въ различныя предсказанія, ни племенной мечтательности,

*) Кулишъ, Восточный вопросъ и Задунайская славянщина передъ глазами московскаго царя Михаила Феодоровича, Жур. Мин. Народ. Просвѣщ. 1878 г. № 3, стр. 16.

выработавшейся на русском югѣ подѣ влияніемъ особенныхъ теченій общественной жизни, кievскій митрополитъ, повидимому, не сомнѣвался въ справедливости повѣствованія о судьбѣ турецкаго царевича, чудесно уцѣлѣвшаго среди многочисленныхъ опасностей, и видѣлъ въ ловкомъ самозванцѣ христіанскаго героя, ниспосланнаго свыше для освобожденія православныхъ народностей Турціи отъ власти невѣрныхъ *).

2 декабря 1625 года турецкій царевичъ прибылъ въ городъ Путивль и своимъ появленіемъ на русской границѣ сильно озаботилъ возстановителей московскаго царства. Этимъ обстоятельствомъ Россія ставилась въ отношеніи Турціи въ то самое положеніе, въ какомъ двадцать лѣтъ назадъ относительно ея самой стояла Польша. Русскіе были теперь «въ мирѣ, дружбѣ и союзѣ» съ турецкимъ султаномъ, т. е. въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ тогда была Польша съ царемъ московскимъ. Сынъ Магомета III являлся теперь передъ нами такимъ же соблазномъ къ нарушенію мира, какимъ тогда былъ для поляковъ сынъ Ивана IV Грознаго. Разница заключалась только въ томъ, что поляки во имя Димитрія вели тогда христіанъ на христіанъ и русскихъ на русскихъ, тогда какъ москвичамъ предстояло теперь идти съ православнымъ воинствомъ для освобожденія православныхъ отъ агарянскаго ига и поражать враговъ Св. Креста **). Разница, это разумѣется, была въ пользу Москвы, и потому московскіе политики были поставлены въ необходимость разрѣшить нелегкій вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли и имъ поступить въ отношеніи Турціи точно такъ же, какъ во время-оно поступила съ Россіей Польша, тѣмъ болѣе, что это, быть можетъ, дало бы русскому народу возможность обезпечить свои религіозно-національные интересы на Востокѣ.

При обсужденіи этого вопроса собравшіеся по царскому повелѣнію бояре прежде всего взглянули на дѣло съ точки зрѣнія матеріальныхъ государственныхъ интересовъ. Принять Александра Ахію, кто бы онъ ни былъ, въ Московскомъ государствѣ, значило-бы—разсуждали они—вызвать нежелательное столкновеніе Россіи съ турецкимъ султаномъ и его подручникомъ, крымскимъ

*) Назв. ст., стр. 16—17.

**) Назв. ст., стр. 38.

ханомъ. Въсѣтъ съ тѣмъ,—по мнѣнію бояръ,—надлежало обратить вниманіе и на другую сторону дѣла. Человѣкъ, называющій себя турецкимъ царевичемъ, восемь или девять мѣсяцевъ находился въ польскихъ владѣніяхъ. Онъ проживалъ у днѣпровскихъ казаковъ, а казаки—польскіе слуги, въ однихъ случаяхъ строптивые, а въ другихъ угодливые. Хотя поляки теперь и побили казаковъ, но «невѣдомо, какимъ умысломъ онъ убѣжалъ отъ нихъ». Весьма вѣроятно, что ни кто другой, какъ поляки же и подослали его, разумѣется, воспользовавшись монашескимъ простодушіемъ Іова Ворецкаго, для замаскированія латинскаго дѣла передъ православными. Имъ лишь поссорить государя съ турецкимъ султаномъ: на то они съ своимъ королемъ государю и всему Московскому государству недруги; ихъ надобно во всемъ опасаться. Подославъ Ахію въ Путивль, польскій король, чего добраго, тотчасъ пошлетъ къ султану гонца съ извѣстіемъ, что у запорожскихъ казаковъ былъ турчанинъ, называвшій себя сыномъ султана Магомета, что король, не желая быть съ турецкимъ султаномъ въ нелюбь, посылалъ свою рать на этого турчанина и казаковъ, но самозванецъ ушелъ въ Московское государство и нынѣ просить у государя помощи, которая ему уже обѣщана. Это какъ разъ подниметь турокъ и крымцевъ на войну съ Московскимъ государствомъ *).

Но какъ быть въ томъ случаѣ, если Александръ Ахіа дѣйствительно не что иное, какъ новое дѣтище польской интриги? Нѣкоторые изъ бояръ приходили къ заключенію, что для спокойствія государства всего лучше пожертвовать подозрительною личностью, отправить Оттомануса къ турецкому султану и такимъ образомъ уничтожить предполагаемую въ этой дѣлѣ интригу злокачественныхъ латинцевъ. Но большинство бояръ не нашло возможнымъ такимъ образомъ поступить съ Ахіей. «Неизвѣстно еще,—разсуждали они,—кто именно этотъ Александръ Ахіа. Весьма быть можетъ, что онъ такой же воръ, какъ и всѣ самозванцы; но что если онъ прямой сынъ султана Магомета, крещенный въ христіанскую вѣру? Вѣдь праведная судьба Воинъ никому недовѣдома. Можетъ быть, Богъ избралъ его на то, чтобъ избавить грековъ

*) Назв. ст., стр. 40—41.

отъ турецкой неволи, и вотъ онъ былъ во многихъ государствахъ, и нигдѣ ему зла не учинили; напротивъ того, сказываютъ, что многіе христіанскіе государи хотятъ ему помогать; но лишь только онъ обратился съ просьбой о такой же помощи къ царю, тутъ его и предали. Какъ бы такимъ поступкомъ не прогнѣвить Бога; какъ бы не огорчить грековъ и всѣхъ, которые на него надѣются, и не причинить имъ послѣдняго разоренія отъ турецкаго султана; до и пограничные государи не упрекали бы Москвы, что она человѣка христіанина отдала въ языческія руки *)).

Послѣ многократно повторенныхъ совѣщаній царская дума постановила: прежде чѣмъ дѣлать какое либо заключеніе по возбужденнымъ вопросамъ, удостовѣриться, дѣйствительно-ли называющійся Александромъ Ахіей человѣкъ есть то самое лицо, за которое онъ себя выдаетъ. Для обследованія этого Оттоманусъ отправленъ былъ въ Мценскій замокъ и посаженъ здѣсь подъ надзоръ делегатовъ царской думы. Послѣднимъ вечеромъ удалось разоблачить самозванство Ахія, и его рѣшено было выселить изъ предѣловъ Московскаго государства чрезъ Архангельскій портъ, дабы самозванецъ этотъ не попалъ къ полякамъ или шведамъ, въ рукахъ которыхъ онъ могъ одѣлаться орудіемъ новой политической интриги. Съ выясненіемъ личности Ахія, разумѣется, нечего было и поднимать вопроса о нашихъ религіозно-національных интересахъ на Востока. По русской православной логикѣ, дѣла, основаннаго на подлогѣ, не могла освятить самая святая цѣль. Если царскіе совѣтники опасались, «чтобы тѣмъ Бога не прогнѣвить, что человѣка христіанина отдать въ поганскія руки», то понятно, что они не могли ожидать отъ Бога помощи въ такомъ дѣлѣ, какъ самозванства. Поэтому въ боярской думѣ не было и рѣчи о возможности или невозможности спасти православныхъ отъ агарянскаго ига **).

Итакъ, благодаря осмотрительности русскаго правительства, Оттоманусу и его сподвижникамъ не удалось вовлечь Москву въ войну съ Турціей и Крымомъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ старанія московской дипломатіи оградить Россію со сто-

*) Назв. ст., стр. 42.

**) Назв. ст. стр. 43, 53—54.

роны этихъ непокойныхъ сосѣдей, отношенія къ нимъ все время были крайне натянуты. Крымцы ежегодно принимали угрожающее положеніе по отношенію къ Московскому государству. Безпрестанные разбойническіе набѣги татаръ на московскія окраины, гдѣ опустошались города и села и захватывались въ плѣнъ тысячи русскаго люда для продажи на азіатскихъ рынкахъ,—продолжались по прежнему и вызывали неудовольствіе русскаго правительства на Турцію. Съ своей стороны и Порты негодовала на Россію за то, что донскіе казаки — наши сторожевыя отряды на южной границѣ—постоянно задирали крымцевъ и турокъ, своевольно нападали на ихъ владѣнія, ходили въ Черное море и опустошали турецкіе берега, нерѣдко отваживались захватывать и жечь цѣлыя города и крѣпости, а въ 1624 году даже прорвались въ Вософръ и своими опустошеніями навели страшную панику на османское правительство. Страдая отъ хищничества крымскихъ татаръ, Россія не разъ обращалась съ просьбой къ турецкому султану запретить имъ набѣги. Но на просьбы эти султанъ не обращалъ никакого вниманія и самъ постоянно жаловался на разбой донскихъ казаковъ. На жалобы же турокъ въ Москвѣ обыкновенно отвѣчали, что «казаки де воры (т. е. самовольники) и разбойники и посылать противъ нихъ войско государю далеко; справляйтесь съ ними, какъ хотите».

Своимъ своевольствомъ донцы чуть-было не втянули Москву въ войну съ Турціей. Въ 1637 году они отправились всеимъ своимъ войскомъ подъ Азовъ, взяли эту турецкую крѣпость и изрубил саблями оттоманскаго повѣреннаго Оому Кантакузена, направлявшагося въ Москву, куда онъ дважды уже пріѣзжалъ склонять Россію къ войнѣ то съ цесаремъ, то съ Польшею. Султанъ ошльно вознегодовалъ на русское правительство и, не имѣя возможности принять болѣе рѣшительныхъ мѣръ вслѣдствіе войны съ Персіей, велѣлъ крымскому хану совершить набѣги на московскія владѣнія и произвести въ нихъ опустошеніе. Въ маѣ же 1641 года онъ двинулъ громадное турецко-татарское полчище къ Азову. Наступленіе этого полчища вынудило казаковъ отправить пословъ въ Москву бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Азовъ «подъ свою высокую руку» и прислалъ бы имъ помощь. Московское правительство хорошо понимало, что, владѣя Азовомъ

оно легче могло-бы удерживать татаръ отъ набѣговъ, но занятіе этого города вело за собою неизбѣжную и трудную для Россіи войну съ султаномъ, къ которой она была совершенно неподготовлена. По этому на земскомъ соборѣ, созванномъ въ Москвѣ въ январѣ 1642 г. для окончательнаго рѣшенія важнаго вопроса о томъ, принять ли Азовъ или отступить отъ него, положено было не вступать въ рискованную борьбу съ Турціей и отказаться отъ Азова. На такое рѣшеніе земскаго собора и правительства, кромѣ неприготовленности Россіи къ войнѣ съ Турціей, безъ сомнѣнія, повлияло также и то обстоятельство, что борьба съ Польшей должна была озабочивать Россію больше, чѣмъ утверженіе владычества на югѣ: она еще не имѣла тогда Андрусовскаго договора (1667 г), который усилилъ наши шансы въ дальнѣйшей борьбѣ съ Польшей, между тѣмъ какъ въ періодъ, предшествовавшій этому миру, они были одинаковы, и вопросъ объ окончательной побѣдѣ оставался открытымъ *).

Рѣшивъ отступить отъ Азова, московское правительство въ 1643 году отправило въ Турцію посольство. Кромѣ увѣренія султана въ дружбѣ къ нему русскаго царя, на обязанности этого посольства было объявить Оттоманской Портѣ, что государь-заставилъ казаковъ сдать Азовъ, что городъ этотъ они взяли безъ царскаго повелѣнія, что помощи имъ царское величество не посылало, что впредь за нихъ стоять и помогать государь не будетъ и ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ: хотя бы ихъ всѣхъ воровъ государь вашъ Ибрагимъ султанъ въ одинъ часъ велѣлъ побить, то царскому величеству будетъ не досадно, потому что они воры, бѣглецы люди и живутъ въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ... **)

Хотя и нелегко было угадать истинный характеръ отношеній русскаго правительства къ казацкой вольницѣ, постоянно пользовавшейся нашимъ покровительствомъ, тѣмъ не менѣе, при помощи щедрыхъ подарковъ, московскимъ посланъ удалось выпутаться изъ затруднительнаго положенія, созданнаго очевидностью связей Россіи съ казаками и необходимостью отречься отъ вся-

*) Добровъ, назв. соч., стр. 464.

**) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI; а также Добровъ, назв. соч. стр. 464.

кой солидарности съ ними. Они задарили турецкихъ сановниковъ соболями и лисьими мѣхами, и азовское дѣло, грозившее Московскому государству большою опасностью, кончилось для него безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій.

Въ царствованіе Алексея Михайловича (1645—1676 г.) во внѣшней политикѣ Россіи по прежнему продолжалъ преобладать польскій вопросъ. Какъ извѣстно, въ первые годы правленія этого государя произошло знаменитое возстаніе украинскихъ казаковъ противъ польской аристократіи, угнетавшей крестьянъ и преслѣдовавшей православныхъ. Это возстаніе повело за собою войны Россіи съ Польшею, такъ какъ казаки, видя невозможность собственными силами бороться съ своею угнетательницею, выразили желаніе быть поданными Московскаго государя. Борьба православія съ католицизмомъ продолжалась нѣсколько лѣтъ и прекратилась лишь въ 1667 году Андрусовскимъ перемиріемъ, по которому лѣвый берегъ Днѣпра утвердился за Москвою, западная часть Украйны отошла къ Польшѣ, а запорожцы остались подъ общою властью обоихъ государствъ и должны были служить противъ турокъ *).

Присоединеніе Малороссіи къ Московской державѣ, бывшее весьма важнымъ шагомъ въ дѣлѣ осуществленія идеи овоззоединенія древней отчины русскихъ государей подъ одинъ скипетръ, имѣло громадное значеніе и въ исторіи восточной политики Россіи. Оно повело къ расширенію предѣловъ Московскаго государства на югъ и такимъ образомъ приблизило его къ берегамъ Чернаго моря, достиженіе которыхъ необходимо было для обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи. Кроме того, оно сблизило русскій народъ съ турецкими христіанами, какъ географически, — вслѣдствіе того, что послѣ присоединенія Малороссіи Россія очутилась въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ христіанскими подданными султана, — такъ и нравственно, — потому что переходъ въ русское подданство малороссійскихъ казаковъ, этихъ передовыхъ борцовъ за православную вѣру, долженъ былъ содѣйствовать усиленію надеждъ балканскихъ христіанъ на Россію, какъ на бу-

*) Актъ Андрусовскаго перемирія 30 января 1667 г. Полное Собраніе Законовъ № 398.

душую ихъ освободительницу отъ ига невѣрныхъ, а въ православной Москвѣ — способствовать большому усвоенію соответствующихъ религіозныхъ и политическихъ идей. Это послѣднее значеніе борьбы за Малороссію, по обмолвленію, прежде всего обнаружилось въ обновленіи въ памяти православныхъ людей различныхъ пророчествъ, истолковывавшихся въ смыслѣ русскаго миссіи освободить христіанскій Востокъ изъ подъ власти турокъ. Но помимо этого, оно проявилось и въ болѣе серьезныхъ указахъ на необходимость для Россіи выступить защитницей турецкихъ христіанъ. Такъ сосланный въ 1661 году въ Сибирь за несочувствіе московскимъ порядкамъ, знаменитый Юрій Крыжаничъ, хорватскій уроженецъ, по религіи католикъ, настаивая на объединеніи славянскихъ народовъ въ одно цѣлое подъ русской гегемоніей, въ своемъ сочиненіи, представленномъ Алексію Михайловичу, совѣтовалъ государю расширить владѣнія Россіи на югъ и съ помощью Польши уничтожить Крымское царство, а потомъ перенести русскую столицу въ Перекопъ и выступить противъ турокъ для освобожденія подвластныхъ ей славянскихъ народовъ *). О необходимости участія Россіи въ судьбахъ христіанскихъ подданныхъ султана не замедлили высказаться и наши государственные дѣятели той отдаленной эпохи. Къ числу такихъ дѣятелей относится, на примѣръ, царскій сановникъ Аванасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ. Въ поданной царю запискѣ, относящейся къ 1664 году, онъ настаивалъ на союзѣ съ Польшею на томъ основаніи, что союзъ этотъ, по его мнѣнію, дасть бы Москвѣ возможность покровительствовать православнымъ народомъ Востока. Молдаване и валахи, — говорилъ онъ, — отдѣленные теперь отъ Москвы враждебною ей Польшею, — «послышавъ о союзѣ съ нею Россіи, пристали бы къ союзнымъ государствомъ и отлучились бы отъ турка» **).

Идея заступничества Россіи за турецкихъ христіанъ не чужда была и самому московскому государю. По крайней мѣрѣ, на сколько можно судить о томъ изъ словъ Павла, архидіакона Алеппскаго, путешествовавшего въ Москву для собора-

*) Бриннеръ, Юрій Крыжаничъ о восточномъ вопросѣ; Древ. и Нов. Россія за 1876 г. №, 12, стр. 384—385.

***) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 225.

нія милостыни вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, Антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, царь Алексѣй Михайловичъ весьма сочувственно относился къ грекамъ и славянамъ и какъ бы считалъ своею нравственною обязанностью освободить ихъ изъ-подъ гнета турецкаго владычества. Павелъ Алеппскій передаетъ по этому поводу слѣдующій знаменательный фактъ. Въ пасху 1657 года, христуясь съ греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, царь будто бы сказалъ имъ: *«хотите ли вы и ждете-ли, чтобы я освободилъ васъ изъ плѣна и выкупилъ?»* И когда они отвѣчали: *«какъ же можетъ быть иначе, какъ намъ не желать этого»*, — онъ прибавилъ: *«такъ—потому, возвратившись въ свою сторону, просите всѣхъ монаховъ и епископовъ молить Бога и совершать литургію за меня, чтобы ихъ молитвами дана была мнѣ мощь отрубить голову ихъ врагу»*. Пролить при этомъ обильныя слезы, царь обратился къ своимъ вельможамъ съ такими словами: *«Сердце мое сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры. Богъ призветъ меня къ отчету въ день суда, если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ. Я не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это дурное состояніе государственныхъ дѣлъ въ Турціи; но, со времени моего отца и его предшественниковъ, къ намъ не переставали приходять постоянно съ жалобой на угнетеніе поработителей—патріархи, епископы, монахи и простые бѣдныя, изъ которыхъ ни одинъ не приходилъ иначе, какъ только преслѣдуемый суровою печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ. И я боюсь вопросовъ, которые мнѣ предложитъ Творецъ въ тотъ день. И порѣшилъ въ своемъ умѣ: если Богу угодно, я потрачу все свои войска, пролью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освободить ихъ»* *)

Что у Алексѣя Михайловича было намѣреніе положить начало освобожденію турецкихъ христіанъ,—это подтверждается не только

*) „Путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія въ Москву, описанныя спутникомъ его, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ на арабскомъ языкѣ и переведенныя на англійскій Бельеуромъ“; Разборъ этого весьма любопытнаго памятника см. въ статьяхъ Аболенскаго: „Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго“ (Труды Кіев. Дух. Акад. за 1876 г. № 4, 7, 8 и 12), а также въ отдѣлѣ „Замѣтка и повѣсти“ въ Древ. и Нов. Россія, за 1878 г. № 2, стр. 176—178.

приведеннымъ разговоромъ, который передаетъ Павелъ Алеппскій, но и исторіей переговоровъ, незадолго передъ тѣмъ веденныхъ съ молдавскимъ господаремъ Стефаномъ о вступленіи Молдавіи въ вассальныя отношенія къ Москвѣ. Исторія этихъ переговоровъ въ немногихъ словахъ заключалась въ слѣдующемъ. Въ мартъ 1654 года въ Москву прибылъ тайный посланецъ Стефана, Иванъ Григорьевъ, бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Молдавію подъ свою высокую руку, какъ принялъ Богдана Хмѣльницкаго и все запорожское войско, и былъ бы надъ всеми православными христіанами одинъ благочестивый христіанскій государь. Московское правительство немедленно же приняло предложеніе Стефана и отправило царскаго посла въ Яссы привести Молдавію «къ покоренію подъ честныя и святыя стопы царскія». Но въ Яссахъ отказались принести присягу, какъ того требовали изъ Москвы, и желали сначала договориться о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ могъ состояться переходъ Молдавіи въ русское подданство. Для выясненія этихъ условій въ 1656 году было прислано къ царю цѣлое посольство съ митрополитомъ Гедеономъ во главѣ. Молдавія желала: 1) неприкосновенности существующаго въ ней внутренняго государственнаго устройства, 2) не вмѣшательства со стороны Москвы въ вопросъ о престолонаслѣдіи; 3) возвращенія всѣхъ прежнихъ ея земель въ случаѣ отобранія ихъ Москвою отъ турокъ; и 4) освобожденія отъ вассальной дани. За все это Молдавія съ своей стороны обязывалась, на случай войны съ турками, конечно, если бы русскія войска вступили въ господарство,—выставить вспомогательную армію. Подданство Молдавіи на этихъ условіяхъ было принято *) государемъ, но, какъ извѣстно, не осуществилось влѣдствіе того, что вассаль Москвы былъ вкорѣ смѣщенъ съ молдавскаго престола **).

Эта исторія о принатіи Молдавіи въ вассальную зависимость отъ Россіи ясно показываетъ, что у московскаго царя половины XVII вѣка было несомнѣнное желаніе вывести восточныхъ христіанъ изъ турецкаго пораженія.

*) Грамота Молдавскому Воеводѣ Владѣтелю Стефану отъ 29 іюня 1656 г. на принятіе его со всею Молдавскою землею въ подданство Россіи помѣщена въ Пол. Соб. Зак. № 180.

***) Кочубинскій, „Южные славяне, румыны и Петръ Великій въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ“. См. книгу этого автора: Мн и Онк, Сиб. 1878 г. стр. 22.

Но выражая желаніе придти на помощь своимъ единовѣрцамъ въ Турціи, Алексѣй Михайловичъ не могъ, однако, одѣлать ни одного рѣшительнаго шага въ этомъ смыслѣ, такъ какъ необходимость матеріальныхъ интересовъ Россіи не позволяла ему расточать слабыя силы и средства своего государства ради удовлетворенія религіозно-національныхъ стремленій русскаго народа. У Россіи въ то время еще не были окончены старые счеты съ Польшею, составлявшіе для русскаго государства вопросъ о его цѣлости, чести и значеніи въ Европѣ. По этому, заботы объ уничтоженіи слѣдовъ неурядицы, бывшей въ началѣ вѣка, служили основнымъ базисомъ вышней политики московскаго царя, опредѣлявшимъ и положеніе Россіи въ отношеніи къ Турціи и ея христіанскому элементу.

Какъ извѣстно, Андрусовское перемиріе 1667 года не прекратило малороссійскихъ смуть, истощившихъ силы Россіи и Польши. Напротивъ, въ скоромъ времени они вспыхнули съ новою силою, причемъ недавно примирившіяся державы поставлены были въ необходимость изъ-за Малороссіи имѣть столкнове-ніе съ Турціей. Дѣло началось съ того, что въ 1669 году гетманъ польской стороны, Дорошенко, отдался подъ покровительство турецкаго султана вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Это обстоятельство вызвало въ 1672 году войну Турціи съ Польшей. Последняя сильно встревожилась и обратилась къ московскому правительству за помощью противъ турокъ, указывая ему на общность интересовъ христіанскихъ народовъ въ борьбѣ съ невѣрными, а также и на то, что союзникамъ окажутъ услугу народы Балканскаго полуострова, которые, прослышавъ о союзѣ христіанскихъ монарховъ, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ паганскаго ига *). Русское правительство по Московскому договору, заключенному съ Польшей въ 1672 году, обѣщало ей вспомогательное войско противъ турокъ **). Но прежде чѣмъ начать войну съ Турціей, царь послалъ султану грамоту, въ которой извѣщалъ его о томъ, что между Россіей и Польшей заключенъ миръ и установлена тѣсная дружба, и совѣтовалъ ему

*) Добровъ, назв. соч., стр. 465.

***) Договоръ 30 марта 1672 г. учиненный въ Москвѣ между польскими и російскими послами; Пол. Соб. Зак. № 513.

вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ воздержаться отъ войны съ Россіей и Польшей изъ-за бунтовщика; въ противномъ случаѣ государь обѣщаль заключить союзъ со всеми христіанскими державами противъ Порты, поднять донскихъ казаковъ и персидскаго шаха. Предупрежденія московскаго царя не оказали, однако, должнаго воздѣйствія на султана. Онъ не только не прекратилъ военныхъ дѣйствій противъ Польши, но послѣ ряда побѣдъ принудилъ ее въ 1676 г. къ уступкѣ Украины съ частью Подолія, а когда въ слѣдующемъ году Дорошенко передался въ русское подданство,— объявилъ войну самой Россіи.

Войнѣ этой было посвящено все кратковременное царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (1676—1682 годъ). Чтобы скорѣе покончить съ нею московскій государь на Западѣ искалъ себѣ союзниковъ противъ османовъ и въ 1679 г. просилъ о помощи императора Леопольда I, но всѣ его старанія ополчить Европу противъ невѣрныхъ, подобно стараніямъ Алексѣя Михайловича, не имѣли успѣха, такъ что Россіи нѣсколько лѣтъ приходилось одной воевать съ грознымъ непріателемъ. Лишь въ 1681 году русскому правительству удалось окончить эту первую нашу войну съ Турціей, вызванную малороссійскимъ вопросомъ. Разумѣется, о выгоды для Москвы заключеннаго мира не могло быть и рѣчи. По Бахчисарайскому трактату, устанавливавшему 20-лѣтнее перемиріе, Россія удерживала за собою восточную Украину, а Запорожье и западная Украина оставалась за Турціей. Кроме того, по этому договору Россія обязывалась ежегодно платить крымскому хану дань по росписи *). Въ апрѣлѣ 1682 г. Бахчисарайскій договоръ былъ ратификованъ турецкимъ султаномъ, при чемъ въ актъ ратификаціи имъ включено нѣсколько новыхъ постановленій, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ обѣщаніе падишаха не препятствовать русскимъ поданнымъ ходить въ Іерусалимъ на поклоненіе **) Важность этого постановленія состоитъ въ томъ, что имъ впервые затрогиваются религіозные интересы въ отношеніяхъ Россіи къ Турціи.

*) Бахчисарайскій договоръ 3 января 1681 года; Полн. Собр. Законовъ № 854.

**) Ратификація султана на мирный договоръ, заключенный 3 Января 1681 г. Пол. Соб. Зак. № 916 г.

ГЛАВА II.

Восточная политика Россіи въ эпоху Петра Великаго.

Война „Священнаго Союза“ противъ Турціи. — Политика русскаго двора. — Московскій договоръ 1686 года. — Крымскіе походы кн. Василя Голицына и ихъ значеніе въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. — Политика Петра Великаго. — Посольство Айтемирова. Необходимость войны съ Турціей. — Аховскіе походы. — Карловицкій конгрессъ и неудача Россіи при переговорахъ о мирѣ. — Переговоры Украинцева въ Константинополь и заключеніе мирнаго договора 3-го іюля 1700 года. — Поѣздка въ Константинополь кн. Голицына и неудача Россіи въ вопросѣ о торговомъ судоходствѣ по Черному морю. — Недоброжелательство къ Россіи западныхъ державъ и положеніе перваго постояннаго русскаго посла при Оттоманской Портѣ — Прутская компанія. — Снашенія Петра съ балканскими христіанами. Неудача прутскаго похода и договоръ 12 іюля 1711 года. — Значеніе прутской компаніи въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. — Новыя недоразумѣнія между Россіей и Портой. — Константинопольскій договоръ 5 ноября 1720 года. — Принятіе Петромъ Великимъ императорскаго титула и значеніе этого акта въ глазахъ западной Европы.

По окончаніи войны съ Россіей турки покинули берега Днѣстра и направили свои силы на Польшу, Австрію и Венецію. Черезъ сравнительно кароткій промежутокъ времени они принудили первую къ уступкѣ Каменца съ Подолією, вторую заставили согласиться на невыгодный для нея Темешварскій миръ, а у Венеціанской республики отняли островъ Кандію.*) Успѣхи турокъ встревожили европейскихъ государей. Но страхъ передъ Турціей увеличился еще болѣе, когда она, вмѣшавшись въ дѣла Венгріи, весною 1683 года двинула свои полчища прямо къ Вѣнѣ. Очувившись въ критическомъ положеніи, императоръ Леопольдъ I воззвалъ о помощи къ Польшѣ, Венеціи и Россіи, умоляя ихъ соединиться съ Австріей «для ополченія противъ невѣрныхъ». «Венеція указано было на возможность возратить потерянные прибрежья Морей, Польшѣ — на возстановленіе ея прежнихъ владѣній

*) Щебальскій „Правленіе царевны Софьи.“ М. 1856 г., стр. 86.

въ Подоліи и Украинѣ, а Россіи—не только на доступъ къ Черному морю, но и на завоеваніе Румелии и Константинополя; ко всему этому присоединялось указаніе на страшную опасность, которая угрожаетъ христіанскому міру отъ ожидаемаго нашествія турокъ.» *)

Польша и Венеція, враждебно настроенныя противъ Турціи, тотчасъ же вступили въ союзъ съ Австріей. Что же касается Россіи, только что заключившей миръ съ турками, то она была слишкомъ занята своими внутренними, домашними дѣлами, не позволявшими ей вдаваться въ какія либо предпріятія внѣшней политики; по этому она отклонила обращенное къ ней предложеніе примкнуть къ союзу противъ невѣрныхъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Порта не подавала повода къ нарушенію съ нею мира. Но въ нейтральномъ положеніи по отношенію къ Турціи Россія не могла оставаться долго. Съ одной стороны союзники энергично настаивали на томъ, что бы она, «совокупивъ сердца, руки и оружіе», выступила противъ крымцевъ и помогла христіанамъ изгнать изъ Европы турокъ, потерпѣвшихъ рѣшительное пораженіе подъ Вѣной; съ другой стороны собственные интересы заставляли ее пользоваться удобнымъ временемъ и своимъ выгоднымъ положеніемъ для сведенія историческихъ счетовъ съ Крымомъ. Безъ сомнѣнія, Россіи полезнѣе было бы сосредоточить все свое вниманіе исключительно на дѣлахъ внутренней политики; но она не имѣла возможности съ надлежащимъ успѣхомъ заниматься этими дѣлами до тѣхъ поръ, пока границы ея были удалены отъ моря и открыты вторженіямъ крымскихъ татаръ, которые при самомъ миролюбивомъ расположеніи своего правительства не въ состояніи были строго сохранять договоры. Ко всему этому присоединялась вполнѣ основательная надежда на успѣхъ въ войнѣ съ татарами. Султанъ занятъ былъ собственными дѣлами и по этому не могъ помочь крымцамъ; борьба же съ ними одинъ на одинъ не казалась для Россіи особенно страшной, такъ какъ къ концу XVII вѣка они уже утратили въ ея глазахъ ореолъ непобѣдимости. Такимъ образомъ, все указывало русскому правительству на необходимость применить къ союзу западныхъ державъ и объявить войну Турціи.**)

*) Добровъ назв. соч., стр. 468.

***) Щебальскій, назв. соч. стр. 91—94.

И русское правительство, действительно, въ скоромъ же времени сочло необходимымъ выйти изъ нейтральнаго положенія. Но рѣшившись воспользоваться удобною минутой для того чтобы завоевать Крымъ или по крайней мѣрѣ запретить вънемъ татаръ, Россія однако, вознамѣрилась сначала прочнымъ образомъ обезпечить себя со стороны Польши и съ этою цѣлью при посредствѣ императора Леопольда вступила съ ней въ переговоры относительно заключенія вѣчнаго мира и уступки Кіева навсегда. Благодаря давленію на польское правительство со стороны императора и Венеціанской республики, поляки согласились на это тяжкое для нихъ условіе, и въ 1686 году въ Москвѣ подписанъ былъ договоръ, по которому Россія получала на вѣчныя времена Кіевъ, Рославль, Смоленскъ и всю Малороссію и должна была въ текущемъ же году открыть военныя дѣйствія противъ Крыма, а въ случаѣ окончательнаго успѣха съ этой стороны, обратить свои войска для содѣйствія Польшѣ.*)

Условія Московскаго договора были весьма выгодны для Россіи. «Въ какомъ отношеніи мы ни стали бы разсматривать этотъ договоръ,—говоритъ г. Щебальскій,—вездѣ интересы Россіи торжествуютъ. Утвержденіе за Россіей Кіева,—*матери городовъ русскихъ*,—было со стороны царевны данью народной гордости, данью, которую домогались и не въ состояніи были принести царь Алексій и Феодоръ. Приобрѣтеніе Смоленской и Сѣверской земли съ линіею Днѣпра доставляло намъ естественную границу и отдаляло ее отъ столицы, возвращало въ лоно отечества похищенныхъ у него чадъ, начиная такимъ образомъ великое *сміаніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ*. Исключительное владѣніе Запорожьемъ приближало насъ къ Черному морю, приводило Россію съ нимъ въ соприкосновеніе, отнимало у польскихъ интригъ входъ въ Русскую землю, окончательно разрѣшало вѣковой споръ между московскимъ, варшавскимъ и цареградскимъ дворами и обѣщало значительныя выгоды при предстоявшей войнѣ съ Турціей... И выгоды эти приобрѣтены не успіями, не войною, но одною искусною политикою, умѣніемъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами. Если бы предполагаемая война съ Крымомъ не принесла

*) Трактатъ, заключенный 26 Апрѣля (6 мая) 1686 г. въ Москвѣ между Россіей и Польшей. П. Соб. Зап. № 1186.

никакитъ результатовъ, то уже одинъ этотъ договоръ заранѣе выкупалъ все, и кровь русская проливалась бы не даромъ».*) И послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что Янъ Собѣскій лишь послѣ долгихъ колебаній, со слезами на глазахъ подписалъ знаменитый Московскій договоръ, по которому Польша дорогою цѣною сдѣланныхъ уступокъ рассчитывала приобрести дѣятельную помощь Россіи противъ турокъ.

Обезпечивъ себя Московскимъ договоромъ, Россія вступила въ такъ называемый «Священный Союзъ» съ Польшею, Австріей и Венеціей, причеиъ союзники обѣщались другъ другу не вступать отдѣльно ни въ какіе переговоры съ турками и не заключать мира съ ними безъ участія остальныхъ договаривающихся сторонъ. 3 сентября 1686 года царевна Софья обнародовала указъ готовиться къ походу противъ Крыма, а лѣтомъ слѣдующаго года отправила туда стотысячную армию подъ начальствомъ князя Василя Голицына. Цѣль похода заключалась въ завоеваніи Крымскаго царства «для избавленія русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженій», которыя переносило Московское государство отъ крымскихъ татаръ, постоянно тревожившихъ южнѣя русскія области своими опустошительными набѣгами и требовавшихъ платежа ежегодной дани въ видѣ такъ называемыхъ «поминогъ».**)

Извѣстно, однако, что этотъ походъ князя Голицына, какъ и слѣдующій, предпринятый годъ спустя, окончился для насъ полнѣйшей неудачей влѣдствіе недостатка продовольствія, климатическихъ невзгодъ и незнанія мѣстностей Крыма, по которымъ взадъ и впередъ водили русскія войска, подставляя ихъ подъ непріятельскія засады***), и еслибы царевна Софья не заключила раньше Московскаго договора 1686 года, то участіе Россіи въ войнѣ «Священнаго Союза» противъ турокъ принесло бы ей очень мало пользы за тѣ громадныя потери людьми и деньгами, которыя сдѣланы были во время двухъ неудачныхъ крымскихъ походовъ.

Совмѣстныя дѣйствія Россіи съ западными державами противъ Порты были важны для насъ въ томъ лишь отношеніи, что со времени ихъ вѣнскій дворъ надолго дѣлается непремѣннымъ нашимъ

*) Назв. соч., стр. 96—97.

**) Соловьевъ. Исторія Россіи. т. XIV, стр. 87—88.

***) Соловьевъ. „Назв. соч.“ т. XIV, стр. 60.

союзниковъ въ войнахъ противъ Турціи, а греко-славянскія народности Балканскаго полуострова, подявляясь противъ турецкаго правительства въ виду успѣховъ оружія Австріи, Польши и Венеціи, воспрянули духомъ и вступили въ отношенія съ Россіей, убѣждая ее придти къ нимъ на помощь въ дѣлѣ освобожденія. Изъ Турціи послышались голоса, совѣтовавшіе русскому правительству продолжать войну съ невѣрными, разгромить Крымъ и двинуться за Дунай. Такъ въ 1688 году близшій константинопольскій патріархъ Діонисій писалъ московскому царю, что «всѣмъ государствамъ и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вѣстѣ возстали на антихриста, возвать на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царства омидаютъ, сербы и болгары, молдаване и валахи; возстаньте, не дремите; придите власти нашо». *) Въ этомъ же духѣ писали валашскій господарь Кантанузелъ и сербскій патріархъ Арсеній, который считалъ необходимымъ участіе Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ въ тѣхъ видахъ, «чтобы не отдать православныхъ въ буурманской неволи въ неволю худшую. Церковь православную некаждѣтъ палачники: которые города въ Венгріи и Морейъ цесарскія и венеціанскія войска побрала у турокъ, повсюду въ нихъ напеченники начали обращать православныя церкви въ унию, другія превращать въ костелы... **). Какъ Арсеній, такъ и Кантанузелъ указывали русскому правительству на сочувствіе турецкихъ христіанъ къ Россіи и говорили, что сербы, болгары и молдаване пристанутъ къ русскимъ войскамъ, лишь только они вступятъ въ дунайскія страны и «будетъ путь имъ до Царь-Града безъ помѣшки.» ***)

Но русскому правительству въ то время невозможно было и мечтать объ освободительной миссіи Россіи; ему прежде всего нужно было покончить съ Крымомъ и обезпечить собственные жизненные интересы на Черномъ морѣ, а потомъ уже думать о защитѣ и освобожденіи балканскихъ христіанъ. Въ этомъ смыслѣ и отвѣчали изъ Москвы на шедшіе изъ Турціи совѣты двинуться за

*) Соловьевъ, „Назв. соч.“ т. XIV, стр. 54.

**) Соловьевъ, „Назв. соч.“ т. XIV, стр. 55.

***) Соловьевъ, назв. соч., т. XIV, стр. 56.

Дунай, причемъ добавлялось, что государи живутъ «неотменно вонеченіе о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ игоганскимъ.» *) Молдавскому же воеводѣ и владѣтелю Кантагузену, вслѣдствіе прошенія духовныхъ и свѣтскихъ молдавскихъ чиновъ, была дана грамота, обладавшая въ принятіи его со всѣми подвластными ему землями въ русское подданство. **)

Петръ Великій (1689—1725 г.), поставившій цѣлью своей вѣнней политики—продвинуть Россію къ берегамъ Чернаго и Балтійскаго морей, чтобы такимъ образомъ открыть ей свободный путь для торговли и сношеній съ странами Востока и государствами западной Европы, долженъ былъ продолжать войну, начатую при его предшественницѣ, или вознаградить неудачу двухъ крымскихъ походовъ путемъ заключенія выгоднаго мира съ непріятелемъ. Будучи занятъ преобразованіемъ русской арміи и мало довѣря союзникомъ, государь сталъ необходимымъ уклониться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Крыма и, ограничиваясь однимъ охраненіемъ южныхъ границъ отъ набѣговъ татаръ, открылъ съ ними переговоры о мирѣ, о которомъ договаривалось съ крымскимъ ханемъ еще правительство царевны Софьи. Для мирной мегоціаціи въ 1692 году посланъ былъ въ Крымъ подъячій Айтешеровъ, но миссія его не увѣчалась успѣхомъ, вслѣдствіе крайней неуступчивости турецкаго вассала ***)

Убѣдившись, что путемъ переговоровъ ничего нельзя добиться отъ крымскаго хана, Петръ Великій рѣшилъ поднять оружіе противъ турокъ и татаръ, т. е. изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Война съ Турціею и Крымомъ была въ то время для Россіи первою государственною потребностью, независимо отъ обязательства, принятаго по Московскому договору. «Южный край нашъ,—говоритъ Устряловъ,—примыкая къ степямъ враждебныхъ ордъ, облежавшихъ сѣверный берегъ Чернаго моря, не имѣлъ покоя ни зимою, ни лѣтомъ, отъ губительныхъ набѣговъ татаръ крымскихъ, кубанскихъ и ногайскихъ. Украинные города наши,

*) Собр. госуд. грам. и догов., т. IV, стр. 591.

**) Грамота Кантагузену отъ 28 Декабря 1688 года П. Соб. Зак. № 1824.

***) Грамота крымскому хану отъ 27 февраля 1692 г., содержащая статьи, по которымъ Россія предлагала заключить вѣчный миръ съ Турками въ П. Собр. Зак. № 1436.

Бѣлгородъ, Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ, Харьковъ, Валуйки, были не что иное, какъ военные станы, обнесенные рвомъ и валомъ, заселенные одними стрельцами и казаками. Строевыми станцами беспрестанно выходили изъ нихъ въ степи наблюдать за хищными врагами, изъ опасенія печальнаго набега. Устья главныхъ рѣкъ нашихъ, Дѣпра и Дона, находились въ рукахъ иноплеменныхъ; Черное море было намъ недоступно. При такомъ положеніи дѣлъ, въ полуденномъ краю нашемъ не могла развиваться ни одна отрасль промышленности или трудолюбія: благословенный природою, онъ представлялъ печальную степь, гдѣ видѣлись только змеи, остроги и сторожевыя станцы. *) Въ виду этого Россія необходимо было, во что бы то ни стало, обезпечить себя на югъ отъ опустошительныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ и открыть свободный доступъ къ Черному морю тѣмъ болѣе, что обстоятельство тому, невидимому, вполнѣ благоприятствовало. Турція продолжала воевать съ соединенными силами Австріи, Польши и Венеціи, и если Польша дѣйствовала въ этой войнѣ не совсѣмъ удачно, то за то Австрія и Венеція, и въ особенности первая, ридомъ блестящихъ побѣдъ разстроила боевыя силы Оттоманской Порты. **)

Ко всемъ этимъ доводамъ въ пользу необходимости войны съ Турціей присоединялось также и то, что восточный вопросъ представлялся въ то время уже «съ тѣмъ великимъ, политическимъ и нравственнымъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ въ жизни русскаго народа». ***) Иерусалимскій патріархъ Досифей писалъ въ 1696 году, что французы, пользуясь враждою между Россіей и Турціей, отнимаютъ святыя мѣста у православныхъ. «Намъ лучше жить съ турками, чѣмъ съ французами,—замѣчалъ патріархъ,—но намъ не полезно, если турки останутся жить на обвѣрѣ отъ Дуная, или въ Подолѣ, или на Украинѣ, или если Иерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ; худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству турки такъ не враждебны, какъ намъ. Если не будетъ освобождена Украина и Иерусалимъ, если турки не будутъ изгнаны изъ Подолии, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко.

*) Исторія царствованія Петра Великаго, т. II стр. 220.

**) Добровъ, назв. соч., стр. 472.

***) Соловьевъ. „Сочиненія,“ стр. 138

Если будут отдавать вамъ весь Иерусалимъ, а Урайны и Подолия не уступятъ, — не заключайте мира. Помогите помякомъ и дружице, дела адѣшніе погнѣбнуть. Впередъ такого времени не смыслете, какъ теперь. Вы упростили Бога, чтобъ у турокъ была война съ кѣмъ-нибудь; теперь такое благоприятное время, а вы не разбѣте! Въ досаду вамъ турки отдали Иерусалимъ французамъ и васъ ни во что ставятъ. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось однимъ словомъ, а дѣла не явилось никакого.» *)

Правильно понимая интересы и нужды Россіи, Петръ Великій не думалъ, однако, возобновлять крымскихъ походовъ. Пользуясь напряженнымъ положеніемъ Турціи, онъ поставилъ цѣлью предпринятой войны завоеваніе сильной турецкой крѣпости Азова, приобращеніе которой открывало намъ доступъ къ Черному морю и давало возможность не только останавливать набѣги татаръ на наши южныя окраины, но и разгромить самое гнѣздо этихъ дикахъ варваровъ. Съ цѣлью покоренія столь важнаго пункта весной 1695 года было отправлено въ походъ противъ турокъ огромное войско подъ начальствомъ Годовина. Но этотъ первый походъ окончился для Россіи неудачно, въ дѣйствиіе отсутствія у нея флота, при помощи котораго можно было бы прекратить подвозъ въ городъ продовольственныхъ припасовъ моремъ. Поэтому, соорудивъ за зиму флотилію, Петръ I лѣтомъ на слѣдующій годъ предпринялъ второй походъ подъ Азовъ и на этотъ разъ заставилъ его сдать послѣ двухмѣсячной осады.

Извѣстіе о томъ, что Азовъ взятъ Петромъ, получили въ Москвѣ въ то время, когда знатнѣйшіе бояре были въ гостяхъ у Льва Кирилловича Нарышкина. Бояре чрезвычайно обрадовались успѣху русскаго оружія и послали увѣдомить патриарха о взятіи турецкой крѣпости. Святѣйшій владыка, прочитавъ грамоту царя, полученную Нарышкинымъ, ироследился отъ радости и велѣлъ благовѣститъ въ большой колоколъ къ молебну **). Побѣда Петра была первою нашею побѣдою надъ турками, которые наводили страхъ на всю Европу; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что по случаю покоренія Азова восторгъ въ Москвѣ былъ всеобщій. Но

*) Тамъ же, стр. 138; а также: Исторія Россіи, т. XIV, стр. 204—206.

**) Устряловъ, назв. соч., т. II, стр. 292—293.

это событіе торжествовали не въ одной Россіи. Оно вызвало необыкновенное сочувствіе въ Италіи и чрезвычайную радость въ Польшѣ; а въ Вѣнѣ іезуитъ Вольфъ проповѣдывалъ о предназначеніи великаго Петра: «будемъ уповать, — говорилъ онъ, — что Богъ дастъ царю, носителю имени святаго апостола Петра, ключи къ открытію дверей въ царство невѣрныхъ» *).

Покореніе Азова породило въ умѣ Петра обширные планы. Онъ намѣревался уже приступить къ укрѣпленію береговъ Азовскаго моря, а на волнахъ его завести грозный флотъ, чтобы со временемъ утвердить русское господство на Черномъ морѣ, и, смиривъ гордыню турокъ, открыть Россіи Босфоръ и Дарданеллы для торговыхъ сношеній съ Европою **). Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ не чуждъ былъ желанія, при успѣхахъ оружія союзниковъ, выступить и въ качествѣ защитника христіанъ Балканскаго полуострова. По крайней мѣрѣ царскій резидентъ при варшавскомъ дворѣ, Никитинъ, въ торжественной рѣчи по поводу взятія Азова, заявлялъ польскимъ сенаторамъ, что царь шлетъ грамоты союзникамъ, приглашая ихъ продолжать войну съ бусурманами и разомъ ударить на «звѣря, локлющаго кровь христіанскую». При этомъ Никитинъ, отъ имени царя, призывалъ поляковъ «драться за крестъ Госиодень и братью изъ неволи поганской освободить». О своемъ желаніи освободить южныхъ славянъ и самъ Петръ писалъ въ 1697 году патриарху Адріану, присовокупляя, что этого онъ «до послѣдняго издыханія» желать не перестанетъ ***). Насколько серьезно въ то время было у царя намѣреніе придти на помощь своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ Турціи, сказать довольно трудно. Несомнѣнно только то, что на первомъ планѣ у великаго монарха послѣ взятія Азова была мысль утвердиться на берегахъ Чернаго моря. Но послѣдующія обстоятельства сложились весьма неблагоприятно для осуществленія этого намѣренія государя.

Какъ извѣстно, война «Священнаго Союза» съ Турціей окончилась въ 1698 году Карловицкимъ миромъ. На Карловицкомъ

*) Бутковскій. „Сто лѣтъ австрійской полетики въ восточномъ вопросѣ“. Спб. 1888 г. т. I, стр. 10.

***) Устряловъ. Назв. соч., стр. 294.

***) Соловьевъ. Назв. соч., т. XIV, стр. 258.

конгрессъ, куда съѣхались уполномоченные Турціи, Россіи, Австріи, Польши и Венеціи, а также повѣренные Франціи, Англии и Голландіи, наши союзники, при посредничествѣ двухъ послѣднихъ нейтральныхъ державъ, заключили отдѣльные мирные договоры съ Портой. Русскій уполномоченный на конгрессъ, думный совѣтникъ Прокопій Возницинъ, протестовалъ противъ этого и требовалъ, чтобы союзники предварительно сообща обсудили условія мира, которыя каждый изъ нихъ желалъ бы поставить Портѣ; но Австрія, не смотря на протестъ Возницина и прежде данныя обѣщанія не вступать ни въ какіе переговоры съ турками безъ согласія союзниковъ и не заключать мира безъ участія Россіи, подписала отдѣльный мирный договоръ съ Портой, предоставивъ остальнымъ участникамъ турецкой кампаніи собственными силами отстаивать свои интересы передъ оттоманскимъ правительствомъ. Само собою разумѣется, что заключивъ миръ съ Австріей, турки въ значительной степени почувствовали себя свободнѣе и даже получили возможность торговаться съ Польшей, Венеціей и Россіей. Послѣдствіемъ всего этого было то, что Возницину удалось склонить Порту лишь къ перемирію на два года, съ условіемъ въ теченіе этого времени заключить миръ или продолжительное перемиріе чрезъ особаго посланника, который будетъ присланъ Россіей въ Константинополь *).

Вникая въ смыслъ дипломатическихъ переговоровъ, веденныхъ на Карловицкомъ конгрессѣ, нельзя не согласиться съ г. Добровымъ, что на конгрессѣ этомъ Турція въ первый разъ дебютировала не столько въ качествѣ самостоятельнаго государства, сколько въ роли политической комбинаціи, необходимой для чужихъ интересовъ «Здѣсь—говоритъ онъ—впервые рѣзко обнаружился взглядъ европейскихъ правительствъ на Турцію, какъ на нейтральную почву, имѣя дѣло съ которой приходилось неизбежно сталкиваться со всѣми тѣми, которые утвердили или пытались утвердить господство своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ» **).

*) Карловицкіе переговоры см. у Устрялова, назв. соч., т. III, гл. IX; у Сольева, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 328, а также у Уляницкаго, Босфоръ и Дарданеллы, стр. 22 и у Доброва, назв. соч. стр. 478—474. Карловицкій договоръ 25 Декабря 1698 г. въ II. Собр. Зак. № 1680.

***) Добровъ, назв. соч., стр. 474.

На Карловицкомъ конгрессѣ не только нейтральныя державы отарались ослабить результаты военныхъ успѣховъ союзниковъ, но и сами они опасались, что бы тотъ или другой изъ нихъ не слишкомъ усилился на счетъ Турціи. Тамъ Австрія обѣщала заключеніемъ отдѣльнаго договора съ Турціей, чтобы дать ей возможность высокомерно отнестись къ изолированнымъ требованіямъ Россіи; съ свей стороны, русскій уполномоченный Возницынъ, зрѣянувъ тайное намѣреніе вѣнскаго двора, совѣтовалъ оттоманскому правительству продолжать войну съ Австріей, указывая на то, что цесарь скоро и неминуемо долженъ будетъ начать войну съ Франціею за испанское наследство, что посредники, англичане и голландцы, хлопчатъ о примиреніи его съ Турціей единственно по случаю предстоящей войны на западѣ и что Порты, повременивъ миромъ до разрыва цесаря съ Франціею, легко можетъ возвратить все, что она потеряла въ предшествующія кампаніи *).

Благодаря взаимному соперничеству союзниковъ и провокамъ нейтральныхъ державъ, Россія, какъ сказано выше, на Карловицкомъ конгрессѣ заключила съ Портою лишь перемиріе на два года. По этому, для окончательныхъ переговоровъ, осенью 1699 года посланъ былъ въ Константинополь чрезвычайный посланникъ, душой дѣль Емельянъ Украинцевъ. Желая заставить турецкое правительство съ большимъ вниманіемъ отнестись къ требованіямъ Россіи, готовой къ войнѣ на сушѣ, и на морѣ, Петръ отправилъ Украинцева не сухимъ путемъ, а моремъ, на военномъ кораблѣ и приказалъ ему по прибытіи въ Царь-Градъ, съ пушечною пальбою бросить якорь подъ стѣнами серала. Для удостовѣренія же турокъ въ томъ, что у Россіи есть не одинъ корабль, государь самъ проводилъ его съ сильною эскадрою до Керчи **).

Торжественное появленіе перваго русскаго военнаго корабля въ Босфоръ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно поразило турокъ и особенно встревожило европейскихъ пословъ, которые, подъ вліяніемъ испытаннаго ими непріятнаго впечатлѣнія отъ подобнаго шага Россіи, крайне недружелюбно встрѣтили Украинцева

*) Тамъ же стр. 474; а также у Устрялова: назв. соч., стр. 254.

***) Устряловъ, назв. соч., стр. 273.

и отчасти вымали то странное упорство Порты, которое она выказала при переговорахъ съ русскими уполномоченными.

На Украинца была возложена обязанность заключить миръ съ Портой на тѣхъ же условіяхъ, какія были поставлены и Возничицкимъ въ Карловицѣ, а именно: Порта должна была: 1) утвердить за Россіей города и земли завоеванные ею оружіемъ, въ томъ числѣ Азовъ и Керчь; 2) запретить крымскому хану и подвластнымъ султану татарамъ тревожить Россію набѣгами и требовать отъ нея дани; 3) дозволить русскимъ торговымъ судамъ свободное плаваніе по Черному морю, до Константинополя и далѣе; 4) возвратить гробъ Господень въ Іерусалимъ отъ рижскихъ католиковъ грекамъ; 5) разрѣшить русскимъ людямъ свободно ходить на поклоненіе св. мѣстамъ, не платя никакой подати; и 6) предоставить турецкимъ христіанамъ свободно отправлять свое богослуженіе *).

Эти условія мира показались Портѣ крайне тяжелыми, и русский уполномоченный на первыхъ же порахъ долженъ былъ убѣдиться, что ему предстоитъ много труда при переговорахъ съ турецкимъ правительствомъ о мирѣ.

Первымъ камнемъ преткновенія были территоріальныя уступки. Порта требовала возвращенія Казыкгерменя изъ опасенія открыть Россіи входъ въ Черное море; между тѣмъ русское правительство не желало возвращать его туркамъ, видя въ немъ главный притонъ для татаръ, откуда они всегда могли грабить и разбойничать въ Украинѣ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было возвратить Казыкгермень Турціи, но съ условіемъ разорить его до основанія. Султанъ, недовольный столь малою уступкою, не соглашался далѣе, на вѣчный миръ и велѣлъ предложить русскому посланнику перемиріе. Украинцевъ принялъ предложеніе и опредѣлилъ срокъ перемирія на 30 лѣтъ. Не мало было споровъ и по другимъ пунктамъ русскихъ требованій, какъ то: объ уступкѣ Азова, о прекращеніи татарскихъ набѣговъ и платежа дани крымскому хану, о возвращеніи грекамъ гроба Господня со святыми мѣстами, о дарованіи некоторыхъ правъ турецкимъ христіанамъ и т. д. Въ виду непреклонности и твердости Украин-

*) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. XIV, стр. 333.

дева, Порта, однако, уступила почти всею его требованіямъ за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, на которыхъ посоль нашъ впрочемъ не настаивалъ вследствие объясненія драгомана Маврокордато, что вопросъ о возвращеніи грѣкамъ гроба Господня къ дѣламъ государственнымъ не относится, что султанъ велѣнъ распоряжаться въ своей имперіи не по собственному благоусмотрѣнію, что греки получаютъ удовлетвореніе въ своихъ справедливыхъ жалобахъ, когда будетъ прошеніе Іерусалимскаго патріарха, или русскій государь обратится къ султану въ особомъ ходатайствѣ по заключеніи мира; въ мирномъ же договорѣ упоминать объ этомъ вопросѣ не слѣдуетъ, потому что государь государю не указываетъ *).

Самый серьезный отпоръ со стороны турецкаго правительства встрѣтило требованіе Россіи о свободѣ торговаго судоходства по Черному морю. Море это Турція считала тогда своимъ внутреннимъ моремъ и поэтому доступъ въ него запрещала всею вообще иностраннымъ судамъ. Если же нѣкоторыя морскія державы, какъ напр. Англія и Голландія, съ перваго же времени ихъ сношеній съ Портою пользовались особымъ благорасположеніемъ послѣдней, то во всякомъ случаѣ напитуляціями разрешался доступъ въ Черное море не караванамъ ихъ, а купцамъ, которые съ товарами плавали тамъ на турецкихъ судахъ **). Само собою разумѣется, что Порта не имѣла ни малѣйшаго основанія думать въ этомъ отношеніи какое либо исключеніе для Россіи, вслѣдствіе чего требованіе ея объ открытіи Чернаго моря для русскихъ купеческихъ судовъ турецкое правительство окончательно отвергло. Оно оглашалось лучше вести войну, чѣмъ позволить русскимъ кораблямъ ходить по Черному морю.

Свой отказъ Порта мотивировала главнымъ образомъ двумя соображеніями. Прежде всего она ссылалась на принадлежность ей всехъ береговъ Чернаго моря. «Чернымъ моремъ и всеми берегами его—говорили турецкіе уполномоченные—владеетъ одинъ султанъ; властью же другихъ государей здѣсь никогда не было и нынѣ вѣтъ; поэтому плаваніе по Черному морю никогда не

*) Подробности переговоровъ см. у Устрялова, назв. соч., т. III, гл. XIII.

**) О правѣ торговаго судоходства по Черному морю въ XVII вѣкѣ см. у Уляницкаго въ его сочиненіи: Босфоръ и Дарданеллы, стр. 15—21.

будеть разрѣшено московскимъ кораблямъ для торговли съ Оттоманскимъ государствомъ». Вторымъ доводомъ противъ денунціи русскихъ торговыхъ судовъ въ Черное море Порты выставила стародавній обычай, по которому «исконнъ вѣкомъ, при господствѣ на томъ морѣ турокъ, никакой чужой корабль не водить его не плавать». При этомъ турецкіе уполномоченные добавляли, что «московскіе корабли и до сего времени никогда не кашивали по Черному морю, и нынѣ того не будетъ».

Кромѣ этихъ двухъ причинъ, на основаніи которыхъ Порты отказывалась удовлетворить нашимъ требованіямъ въ вопросѣ о Черномъ морѣ, на ея рѣшеніе, несомнѣнно, вліяли и другія соображенія. Прежде всего на Порту въ данномъ случаѣ сильно дѣйствовали интриги пословъ Англій и Голландій. Эти державы боялись за свои торговые интересы. Убѣдившись, какъ мало солидарности между Россіей и западной Европой въ отношеніяхъ къ Турціи, вотъ что по этому поводу доносилъ Петру князь Украинцевъ: «послы англійскій и голландскій, какъ ми слышали отъ вѣрныхъ и знатныхъ людей, во всемъ держатъ вѣрше турецкую сторону и больше хотятъ всякаго добра туркамъ, нежели тебѣ, великому государю; они завидуютъ тому, что у тебя завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовомъ, думая, что отъ этого будетъ имъ въ ихъ морской торговлѣ великая помѣшка». Затѣмъ нельзя не сказать, что упорство Порты въ вопросѣ о разрѣшеніи Россіи торговаго судоходства по Черному морю въ значительной степени объяснялось тѣмъ страхомъ, который внушалъ ей нашъ юный флотъ. «Турки — говоритъ тогдашній Іерусалимскій патриархъ — хотятъ засыпать проходы изъ Азовскаго моря въ Черное и построятъ на томъ мѣстѣ многія крѣпости, чтобы не пропускать въ Черное море московскихъ судовъ... Турки сильно того флота боятся.. Они знаютъ, что онъ строится на нихъ, и хотъ тысячу разъ говори, добровольно не отворятъ ходъ по Черному морю» *).

Послѣ долгихъ переговоровъ о правѣ торговаго судоходства по Черному морю, Украинцевъ долженъ былъ убѣдиться въ пол-

*) Переговоры о торговомъ судоходствѣ по Черному морю подробно изложены у Уляницкаго, въ его сочиненіи „Восворъ и Дарданеллы въ XVIII вѣкѣ“, стр. 22—31.

ной ихъ бесполезности, а потому, отказавшись отъ этого пункта русскихъ требованій, 3 іюля 1700 года заключилъ съ Портою «миръ въ образъ перемирія» на 30 лѣтъ, такъ какъ ему повелѣно было государемъ «всѣми мѣрами радѣть о мирномъ совершеніи».

По Константинопольскому трактату 1700 года Россія доби- лась уступки Азова, вновь устроеннаго укрѣпленія Таганрога и срытія подѣйпровскихъ турецкихъ крѣпостей (ст. 2—7). Затѣмъ въ договорѣ постановлялось, что татары не должны тревожить набѣгами русскихъ предѣловъ, а крымскій ханъ—ни подѣ какииъ видомъ не требовать отъ Московскаго государства ежегодной дани. (ст. 8) Кроме того, по этому договору Россія получала право нѣтъ при Оттоманской Портѣ постоянного резидента, съ правами и преимуществами, предоставленными посланникамъ прочихъ европейскихъ государствъ (ст. 13), и обезпечивала рели- гіозные интересы своихъ подданныхъ, отправляющихся въ ту- рецкія владѣнія и остающихся тамъ болѣе или менѣе продолжи- тельное время съ чисто-религіозными цѣлями; въ статьѣ 12 до- говора относительно этого постановлено: «русскимъ богомоль- цамъ дозволить посѣщать святой градъ Іерусалимъ безъ всякой дани, духовныхъ же лицъ русскаго народа, живущихъ въ Отто- манскомъ государствѣ, не притѣснять и не оскорблять». Что ка- сается до торговаго судоходства по Черному морю, то объ этомъ рѣшено было условиться съ Блистательною Портою «торжествен- ному» послу, который прибудетъ въ Константинополь для рати- фикаціи настоящаго договора (ст. 10). *)

Для ратификаціи Константинопольскаго трактата посланъ былъ въ Царь-Градъ ближайшій стольникъ кн. Голицынъ. Однако и на этотъ разъ переговоры о торговомъ судоходствѣ по Черному морю не увѣнчались успѣхомъ. Великій визирь объявилъ Голи- цыну, что на свободную торговлю между обоими государствами даванъ съ радостью соглашается, но съ тѣмъ неизмѣннымъ усло- віемъ, чтобы русскіе купцы возили свои товары на турецкіихъ судахъ, а «чтобы на московскихъ корабляхъ, того Портою ни-

*) Трактатъ, заключенный въ Константинополь 3 іюля 1700 года. Юсеевичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ. Спб. 1869 г. стр. 1—11; а также Пол. Собр. Зак. № 1804.

когда не будет дозволено, и морской путь въ Царь-Градъ и другіе города никакимъ образомъ не откроется». При этомъ отказъ свой Порта мотивировала опять-таки тѣмъ, что Черное море, какъ внутреннее ея море, подобно морю Красному, всегда было закрыто для иностраннаго судоходства, что «султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пустить чужеземца» *).

Такимъ образомъ, поѣздка кн. Голицына въ Константинополь не привела къ желанному результату. Добиться свободнаго плаванія по Черному морю намъ суждено было гораздо позднѣе, чѣмъ предполагалъ Петръ Великій. Въ то время Порта была еще слишкомъ сильна для того, чтобы поступаться своими исконными правами въ пользу Россіи, а послѣдняя едва-ли обладала достаточнымъ влияніемъ и силою, чтобы серьезно настаивать на своихъ требованіяхъ, тѣмъ болѣе что ей приходилось считаться въ Константинополѣ не только съ упорствомъ турецкаго правительства, но и съ возникшимъ уже тамъ соперничествомъ европейскихъ державъ изъ-за влияния на Востокъ и съ ихъ недоброжелательствомъ къ сѣверной славянской державѣ.

Это недоброжелательство довольно рѣзко обнаружилось съ появленіемъ въ 1702 году перваго постоянного русскаго посла въ Константинополь, имѣть котораго здѣсь Россія получила право по мирному договору 1700 года. Такимъ постояннымъ посломъ назначенъ былъ Петръ Андреевичъ Толстой. Прибытіе его въ Царь-Градъ вызвало непріятное удивленіе и возбудило толки о цѣли учрежденія постоянного русскаго посольства въ османской столицѣ. Цѣль эта была одинаково загадочна какъ для турецкихъ сановниковъ, такъ и для дипломатическихъ представителей западной Европы. Россія, по ихъ мнѣнію, не имѣла никакихъ традиціонныхъ интересовъ въ Турціи, требовавшихъ попеченія и защиты со стороны постоянной дипломатической мисіи. Нѣсколько десятковъ русскихъ подданныхъ, проживавшихъ въ турецкихъ владѣніяхъ, и ничтожныя торговыя сношенія съ Оттоманской Портой, въ ихъ глазахъ, были слишкомъ слабымъ осно-

*) Подробности переговоровъ кн. Голицына см. у Уляницкаго, назв. соч. стр. 31—35.

ваніємъ для учрежденія постоянного посольства, такъ какъ для улаженія недоразумѣній, которыя могли бы отсюда возникнуть, казалось совершенно достаточнымъ временнаго пребыванія русскаго уполномоченнаго. Цѣль учрежденія постоянного русскаго посольства, очевидно, не защита и покровительство русскимъ интересамъ въ Турціи, которые были слишкомъ незначительны для того, чтобы имѣть постоянного посла при Оттоманской Портѣ, а нѣчто совершенно другое. По объясненію французскаго уполномоченнаго Феріоля, она заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ сношеніяхъ съ турецкой райей, въ организаціи начавшагося среди нея броженія противъ турецкаго владычества и въ приготовленіи тѣмъ самымъ вооруженнаго аванпоста русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ *).

Въ виду такого объясненія цѣли учрежденія постоянной русской миссіи въ Константинополь, положеніе нашего посла было здѣсь крайне непривлекательно. Турецкое правительство, подъ вліяніемъ наущеній европейскихъ дипломатовъ, относилось къ нему съ пренебреженіемъ и даже учредило за нимъ строгій надзоръ съ тѣмъ, чтобы зорко слѣдить за всѣми его дѣйствіями, и главнымъ образомъ за сношеніями его съ греками. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Петру вотъ какъ описывалъ Толстой свое тяжелое положеніе въ турецкой столицѣ: «Въ почтеніи меня презираютъ не только передъ цесарскимъ и французскимъ, но и передъ иными послами, и житье мое у нихъ зѣло имъ нелюбо, потому что запазушные ихъ враги греки намъ единовѣрцы и есть въ туркахъ такое мнѣніе, что я, живучи у нихъ, буду разсвѣать во христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ; для того крупкій завазъ грекамъ учинили, чтобы со мною не видались и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дома, въ которомъ я стою, христіане ходить не смѣютъ и платье грекамъ одинаковое съ бусурманами носить запретили, чтобы были отличны отъ турокъ **).

Своимъ тяжелымъ положеніемъ Толстой главнымъ образомъ былъ обязанъ интригамъ Франціи, которая хотѣла втянуть Порту

*) Добровъ, назв. соч., стр. 506.

**) Добровъ, назв. соч., стр. 507, а также Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI.

въ войну съ Австріей и Россіей, дабы отвлечь вниманіе первой отъ войны за испанское наслѣдство и избѣжать вмѣшательства второй въ дѣла Польши, гдѣ происходила борьба между Станиславомъ Лещинскимъ, кліентомъ французскаго короля, и Августомъ Саксонскимъ, пользовавшимся покровительствомъ русскаго правительства. Интриги французскаго двора, на первыхъ же порахъ препятствовавшія утвержденію русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, были особенно неприяты для Россіи тѣмъ, что до известной степени связывали свободу ея дѣйствій на сѣверо-западѣ. Заключивъ Константинопольскій договоръ съ Портой, Петръ Великій хотѣлъ на время отложить свои дальнѣйшія предпріятія на Черномъ морѣ, чтобы сосредоточить все вниманіе на борьбѣ съ Швеціей: великій преобразователь задумалъ вернуть Россіи некогда принадлежавшіе ей берега Балтійскаго моря, отъ котораго она была отрѣзана Столбовскимъ договоромъ. Между тѣмъ постоянно приходилось обращать напряженное вниманіе и на югъ, откуда приходили тревожныя извѣстія о промислахъ Франціи, внушавшей султану необходимость воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и отнять у нея недавнія завоеванія. Русскій посолъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ соболями и червонцами старался смягчать неудовольствіе турецкихъ сановниковъ, вызываемое противъ Россіи коварными навѣтами Франціи. Но въ концѣ концовъ не могли помочь и подарки.

Во время самаго разгара сѣверной войны, французскій посолъ въ Константинополь приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы столкнуть Россію съ Турціей. Для этого онъ пустилъ въ ходъ дары, на которые были падеи турецкіе сановники, и несправедливыя угрозы завоевательными стремленіями царя и его сношеніями съ балканскими христіанами. Вскорѣ на помощь французскому послу явился въ Константинополь посолъ Станислава Лещинскаго. Только что возведенный Карломъ XII на польскій престолъ вмѣсто нашего побѣжденнаго союзника Августа II, Лещинскій также желалъ возстановить Порту противъ Россіи, и поэтому грозилъ султану, что если онъ не поможетъ полякамъ, то по замиреніи Россіи съ Швеціей они вмѣстѣ съ русскимъ царемъ объявятъ войну Турціи. Посолъ сообщилъ въ тоже время, что видѣлъ письма грековъ и другихъ христіанъ, въ которыхъ они

призывали Петра въ оттоманскія земли, обѣщая произвести поголовное возстаніе при появленіи русскихъ. Эти опасности, о которыхъ твердили французскій и польскій посланники, спѣшили подтвердить султану и разбитый подъ Полтавою Карлъ XII, доказывавшій необходимость для Турціи вмѣшаться въ шведско-русскую распрю въ виду успѣховъ Россіи въ войнѣ со шведами. Старанія Франціи вмѣстѣ съ другими нашими противниками могли имѣть успѣхъ тѣмъ болѣе, что въ это время произошло нарушеніе турецкихъ границъ русскими войсками при прислѣдованіи остатковъ шведской арміи, а крымскій ханъ доносилъ Оттоманской Портѣ, что русскій царь возводитъ на границѣ новыя укрѣпленія и поддерживаетъ оживленныя сношенія съ подвластными султану христіанами. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ навітовъ отношенія между Россіей и Турціей получили крайне натянутый характеръ, и когда русское правительство рѣшительно потребовало удаленія Карла XII изъ турецкихъ владѣній, Порта въ отвѣтъ на это 20 ноября 1710 года объявила войну Россіи.

Узнавъ о заключеніи въ Семибашенный замокъ Толстаго, Петръ Великій употребилъ всѣ усилія къ тому, что бы отвратить войну съ Турціей. Онъ хлопоталъ объ этомъ прежде всего потому, что турецкая война отклоняла его отъ главной цѣли, которую онъ преслѣдовалъ на западѣ; за тѣмъ онъ видѣлъ враждебное настроеніе къ намъ Англіи и Голландіи, которыя стремились примирить съ Швеціей нашу союзницу—Данію, и наконецъ, онъ не могъ съ твердою увѣренностью разсчитывать въ шведскихъ дѣлахъ на поддержку Польши, такъ какъ, не смотря на возстановленіе на польскомъ престолѣ Августа II, здѣсь каждую минуту могла восторжествовать враждебная Россіи партія Лещинскаго. Но усилія Петра предотвратить разрывъ съ Оттоманской Портой были напрасны, и онъ долженъ былъ взяться за оружіе. *)

Когда султанъ объявилъ войну Россіи, Петръ Великій, постигнувъ важность военной диверсіи со стороны балканскихъ христіанъ, вознамѣрился привлечь ихъ къ войнѣ съ Турціей. Въ этихъ видахъ онъ завелъ сношенія съ подвластными Турціи христіанами — греками, молдаванами, валахами, черногорцами

*) Манюесть отъ 22 февр. 1711 года объ объявленіи войны Турціи см. П. Соб. Зап. № 2922.

и сербами, которые давно уже тяготились турецкимъ игомъ и смотрѣли на русскаго цара послѣ его славныхъ побѣдъ надъ шведами, какъ на своего будущаго освободителя. Для организациі возстанія балканскихъ христіанъ къ нимъ отправлены были агенты съ царскими грамотами, содержащими въ себѣ призывъ принять участіе въ борьбѣ православной Россіи съ врагомъ христіанства и обѣщаніе «аще Богъ допуститъ, *отъ поганскаго иа освободитъ*». Въ особенности старался Петръ привлечь къ войнѣ черногорцевъ. При этомъ, втягивая ихъ въ борьбу съ невѣрными, что бы «освободить христіанскій народъ и прославить славянское имя», онъ налегаль не на одно только *единовѣріе*, но и выдвигаль современнѣйшій *принципъ національности*, указывая черногорцамъ, что они «съ русскими одного рода, одного языка». Въ грамотѣ къ черногорцамъ говорилось, что «турки нечестивцы, возымѣвши подозрѣніе, будто мы намѣрены отобрать отъ нихъ несправедное завладѣніе и помогать христіанамъ, подъ игомъ ихъ состѣящимъ, союзились съ еретикомъ королемъ шведскимъ, и нашему царскому величеству безъ всякой отъ насъ данной причины войну объявили. Видя такія ихъ неправды и призирая на гоненія христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены мы собирать не только наши войска и силы, но и прочихъ потентантовъ, союзниковъ нашихъ, и сего года имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, добы не только противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія его вступить и *православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго иа освободитъ*». Въ концѣ грамоты Петра къ черногарцамъ было сказано: «Въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновить, союжившись съ нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ. Если кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, то отъ Бога получить благовоздаяніе, а отъ насъ милость и награжденіе, и всякій по заслугамъ и желанію вашему, привилегіями нашими пожалованъ будетъ, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, только *да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободитъ*, православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. И такъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру

воевать, то имя Христова прославится навѣще и пеганна Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Аравійскія.» *)

Получивъ призывныя грамоты русскаго царя, черногорцы и сербы взяли за оружіе и въ надеждѣ на освобожденіе воевали съ турками вплоть до заключенія нашего мира съ ними. Господари же Молдавіи и Валахіи, привѣтствовавшіе кампанію 1711 года, какъ первый шагъ къ достиженію прежней своей независимости, изъявили готовность отдаться подъ защиту и покровительство Россіи. Съ господаремъ Валахіи, Бранкованомъ, относительно этого былъ заключенъ Петромъ тайный договоръ уже въ 1709 году. Этимъ договоромъ Бранкованъ обязывался Петру на случай, если бы у послѣдняго началась война съ турками, объявить себя за Россію, поднять сербовъ и болгаръ, собрать до 30 тысячъ вспомогательнаго войска и снабжать русскую армію всѣми необходимыми съѣстными припасами. Съ своей стороны, Петръ признавалъ Бранкована пожизненнымъ господаремъ Валахіи, а само господарство—независимымъ, но подъ покровительствомъ Россіи, которая защищаетъ его отъ виѣшнихъ враговъ. Что же касается до Молдавскаго господара, Кантеміра, то онъ вступилъ въ такое же соглашеніе съ Петромъ 13 апрѣля 1711 года. Въ силу этого соглашения Молдавія удерживала свои старыя границы до Днѣстра, со включеніемъ Буджака. Всѣ крѣпости оставались за нею, причемъ до окончательнаго образованія княжества онѣ имѣли быть заняты русскими войсками, а затѣмъ переданы молдаванамъ. Молдавія освобождалась отъ дани, а Молдавскій престолъ признавался наслѣдственнымъ въ родѣ Кантеміровъ. Во все время войны Молдавія должна была имѣть на военной ногѣ 10.000 человекъ, содержаніе которыхъ принимала на себя Россія. Послѣдняя кромѣ того обязывалась не заключать такого мира съ Портою, въ которомъ было бы постановлено, что Молдавія снова возвращается подъ власть турецкаго султана. *)

*) Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. XVI, стр. 75—77.

**) Подробности заключенія этихъ договоровъ см. у Кочубинскаго въ его статьѣ: „Южныя Славяне, Румыны и Петръ Великій въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ“, помѣщенной въ книгѣ названнаго автора подъ заглавіемъ: „Мы и они (1711—1878)“ Очерки исторіи и политики славянъ.“ Спб. 1878 г.

Начиная кампанію противъ турокъ, Петръ предполагалъ предупредить ихъ переправу черезъ Дунай и, имѣя опору военныхъ дѣйствій въ Молдавіи и Валахіи, здѣсь дать рѣшительный бой великому визирю. Между тѣмъ на берегахъ Прута получено было извѣстіе, что турки въ числѣ 200 тысячъ уже переправились черезъ Дунай и находятся недалеко отъ русскаго 40-тысячнаго войска. Въ то же время Петръ узналъ, что господарь валашскій, Бранкованъ, измѣнилъ своему слову и остался вѣренъ султану. При такихъ обстоятельствахъ кампанію должно было считать проигранной, и Петру ничего болѣе не оставалось, какъ войти съ великимъ визиремъ въ переговоры о мирѣ, который сверхъ всякаго ожиданія и былъ скорѣе заключенъ при помощи подкуповъ на условіяхъ, далеко не такъ тягостныхъ, какъ можно было ожидать, судя по злосчастному положенію русской арміи. По Прутскому мирному договору 12 іюля 1711 года Россія обязывалась: 1) возвратить туркамъ Азовъ и срыть нѣкоторыя укрѣпленія, только что возведенныя въ пріобрѣтенныхъ недавно земляхъ, какъ то: Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкій на устьѣ рѣки Самары; 2) предоставить шведскому королю Карлу XII свободный проѣздъ въ его владѣнія черезъ русскую территорію; 3) не вмѣшиваться въ польскія дѣла; 4) не имѣть постоянного представителя въ Константинополь и 5) получала право вести съ Портою сухопутную торговлю. *)

Таково содержаніе Прутскаго договора 1711 года. При всей своей невыгодности, договоръ этотъ представлялъ для Россіи важность въ томъ отношеніи, что онъ былъ первымъ договоромъ Россіи съ Турціей, въ который включалось условіе о свободѣ торговли между обѣими имперіями. «Хотя всѣ русскія посольства въ Константинополь, говорить г. Ульяницкій, имѣли своею постоянною задачей достигнуть между прочимъ признанія Портою свободы и безопасности для русскихъ купцовъ, хотя эта свобода неоднократно была подтверждена султанами еще въ XVI вѣкѣ, но эти обѣщанія ни разу не были выражены въ формѣ хотя бы даже капитуляцій. Ни Кар-

*) Договоръ, заключенный при рѣкѣ Прутѣ 12 іюля 1711 года и записка съ турецкой стороны. Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 11—14, а также П. Соб. Зак. № 2398.

ловницкій трактатъ, заключенный при посредничествѣ Англіи, ни Константинопольскій (1700 г.) ни однимъ словомъ не упоминають о торговлѣ. Въ Прутскомъ договорѣ мы впервые находимъ статью, въ силу которой Порты и Россія взаимно обязуются дозволить свободу торговли своимъ подданнымъ въ Россіи и Турціи *)).

Не менѣе важнымъ послѣдствіемъ прутскаго похода было и то, что со времени его восточный вопросъ принималъ для Россіи характеръ вопроса религиозно-національнаго. «Между Россіею и православными христіанами Балканскаго полуострова—говорить Добровъ—возникла связь болѣе тѣсная и обширная, чѣмъ та, которая выражалась прежде въ сношеніяхъ русскаго духовенства съ аеонскими и иными монастырями восточныхъ христіанъ; въ эту войну русскіе имѣли случай побрататься оружіемъ «съ бѣдными христіанами», которые изъ Сербіи, Черногоріи, Валахіи и Молдавіи сотнями вступали въ русскую армию и многіе изъ нихъ, возвратясь на родину, безъ сомнѣнія, разнесли вѣсть о могуществѣ русскаго государства,—что въ свою очередь должно было популяризировать, утвердить и обобщить надежды «бѣдныхъ христіанъ» на освободительную миссію Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, должно было повести и къ обобщенію идеи борьбы противъ турецкаго владычества **). Всему этому способствовало и самое отношеніе Россіи къ балканскимъ народностямъ послѣ прутскаго похода 1711 года. Несмотря на большой недостатокъ въ деньгахъ при громаднхъ издержкахъ, Петръ выдалъ своимъ сподвижникамъ-черногорцамъ 500 червонцевъ, а когда въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію черногорскій владыка, Даниилъ, ему дали 10.000 руб., полное архіерейское облаченіе и книги. Съ этихъ же поръ русское правительство принимаетъ къ себѣ на службу сла-

*) „Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права“. Рус. Вѣст. за 1877 г. № 2, стр. 293. Теплоу въ своихъ очеркахъ: „Русскіе представители въ Царь-Градѣ“ изд. 1891 г.—замѣчаетъ, что ближнему дворянину великаго князя Василія Іоанновича, Коробову, бывшему въ Константинополѣ въ 1615 году, „удалось заключить съ Портою торговый трактатъ о свободѣ торговли русскими купцамъ въ Азовѣ и Кафѣ.“ Но это замѣчаніе ошибочно, такъ какъ Коробовъ привезъ великому князю не *торговый трактатъ*, а лишь *письмо* султана о купеческихъ дѣлахъ, указанія на что имѣются у Карамзина: Истор. Госуд. Росс. изд. 1892 г. т. VII. стр. 45 и примѣч. 186.

**) Назв. соч. стр. 516.

ванъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія, щедро надѣляя ихъ землею и денежными пособіями. Мало того, послѣ прутскаго похода Петръ Великій беретъ на себя заботы о просвѣщеніи единовѣрцевъ и единоплеменниковъ Россіи. Когда сербы обратились къ нему съ просьбой прислать имъ церковныхъ книгъ и учителей латинскаго и славянскаго языка, говоря: «Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ?»,—Петръ велѣлъ отправить имъ богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей и 100 грамматикъ; посланы были къ сербамъ и учителя съ большимъ по тогдашнему времени жалованьемъ, несмотря на то, что сама Россія имѣла ихъ очень мало.*).

По подписаніи Прутскаго договора, лишившаго насъ Азова и такимъ образомъ снова отодвигавшаго Россію отъ Чернаго моря, Петръ Великій намѣренъ былъ вознаградить всѣ эти потери на югъ закрѣпленіемъ Балтійскаго побережья. Между тѣмъ Карлъ XII оставался еще въ предѣлахъ Оттоманской Порты и, будучи очень недоволенъ сравнительно благопріятнымъ для насъ исходомъ прутской неудачи, легко могъ, совместно съ другими врагами Россіи, снова ополчить противъ нея Турцію. Въ виду этого всѣ заботы Петра были направлены на то, чтобъ шведскій король поскорѣе былъ высланъ изъ Турціи. Побудить къ тому султана Петръ надѣялся промедленіемъ отдачи Азова и поэтому приказалъ адмиралу Апраксину не отдавать этой крѣпости до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстіе объ отъѣздѣ Карла. Узнавъ о принятомъ царемъ рѣшеніи, турецкое правительство возражало, что въ Прутскомъ договорѣ нѣтъ никакой связи между отдачей Азова и выѣздомъ Карла, и требовало немедленнаго исполненія первой статьи названнаго договора. Но Петръ по-прежнему стоялъ на своемъ и даже отказался вывести русскія войска изъ Польши. Все это, вмѣстѣ съ интригами нашихъ недоброжелателей, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ концѣ декабря 1711 года султанъ объявилъ о своемъ намѣреніи идти весной въ походъ противъ Россіи. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до окончательнаго

*) Соловьевъ, Сочиненія, стр. 198—199.

разрыва, Петръ Великій увидѣлъ себя вынужденнымъ привести въ исполненіе Прутскій договоръ, не дожидаясь отъѣзда шведскаго короля изъ Турціи, и возникшія несогласія съ Портой, при посредничествѣ Англіи и Голландіи, были улажены заключеніемъ Константинопольскаго договора 5 апрѣля 1712 года. Въ силу этого договора между Россіей и Турціей устанавливался миръ на 25 лѣтъ и подтверждались условія Прутскаго трактата, причемъ Россія обязывалась немедленно возвратитъ Турціи Азовъ, разрѣшить Карлу XII свободный проѣздъ чрезъ Россію, вывести свои войска изъ Польши и не вводить ихъ туда ни подъ какимъ предлогомъ.*)

Вопросу о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши Порта придавала очень важное значеніе. 1 января 1712 года Шафировъ доносилъ Петру: «турки проговорились англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобы ваше царское величество отнюдь до Польши дѣла не имѣлъ и съ войскомъ въ нее вступать не могъ, ибо если они дадутъ въ этомъ волю вашему величеству, то вы легко повоюете шведа въ конецъ и потомъ не только Азовъ отобрать, но черезъ Польшу опять внутри ихъ государства вступить можете». **) Вслѣдствіе этихъ опасеній, по подписаніи Константинопольскаго договора, Порта зорко слѣдила за выводомъ русскихъ войскъ изъ Польши и, когда до султана дошло извѣстіе о томъ, что вопреки завѣреніямъ русскихъ уполномоченныхъ войска наши вояки продолжаютъ здѣсь оставаться, Россіи было объявлено, что весною 1713 года противъ нея будетъ предпринята война. Но дѣло и на этотъ разъ окончилось для Россіи вполне благополучно. 13 іюня 1713 года между Россіей и Турціей былъ заключенъ въ Адрианополѣ новый договоръ, которымъ подтверждались условія предшествовавшихъ трактатовъ и въ особенности постановленія ихъ о выводѣ изъ Польши всѣхъ русскихъ войскъ въ 2 мѣсяца, о невмѣшательствѣ на будущее время въ польскія дѣла и о препровожденіи шведскаго короля въ его отечество черезъ Польшу ***).

*) Константинопольскій договоръ 3 (15) апрѣля 1712 года см. П. Собр. Зак. № 2515.

**) Кочубинскій, назв. соч., стр. 177.

***) Трактатъ 13 іюня 1713 года, заключенный въ Адрианополѣ между Россіей и Турціей. См. П. Собр. Зак. № 2687.

По замиреніи съ Турціей Петръ Великій, видя невозможность въ данное время добиться доступа къ берегамъ Чернаго моря, обратилъ все свое вниманіе на море Балтійское, которое и дѣлается съ тѣхъ поръ единственною цѣлью его политическихъ замысловъ. Но для наилучшаго выполненія этихъ замысловъ необходимо было окончательно обезпечить себя со стороны Турціи, дабы она не мѣшала нашимъ дѣламъ на западѣ, гдѣ уже было прорублено окно въ Европу. Въ этихъ видахъ Петръ въ 1720 году заключилъ съ Портою Константинопольскій договоръ, который, подтверждая условія трактатовъ 5 апрѣля 1712 года и 13 іюня 1713 года, устанавливалъ: 1) неварушивый миръ между обѣими государствами на *стѣчныя времена*, что было особенно важно въ виду того, что прежде по отношенію къ Россіи Порта допускала лишь временное перемиріе; 2) снова предоставлялъ Россіи право имѣть въ Константинополѣ постоянного дипломатическаго представителя, министра-резидента; 3) разрѣшалъ русскимъ и турецкимъ купцамъ свободный провозъ черезъ границы для устранения всякихъ препятствій ко взаимнымъ торговымъ сношеніямъ; 4) позволялъ русскимъ подданнымъ посѣщать Іерусалимъ безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ и 5) гарантировалъ Польшѣ ея конституцію и свободу избранія королей*).

Такова въ главныхъ чертахъ исторія отношеній Россіи къ Турціи въ эпоху Петра Великаго. Въ заключеніе сдѣланнаго нами краткаго обзора восточной политики этого русскаго монарха необходимо замѣтить, что со времени его въ политическомъ мірѣ западной Европы возбуждаются тревожные толки относительно честолюбивыхъ замысловъ Россіи въ отношеніи Турціи. Однимъ изъ главныхъ поводовъ въ этимъ толкамъ послужило принятіе Петромъ императорскаго титула. До того времени — говорить Карновичъ — «этотъ самый высшій государскій титулъ принадлежалъ въ Европѣ только верховнымъ повелителямъ Германіи, которые по Карлу Великому, возстановителю Римской имперіи, считались преемниками римскихъ кесарей и были послѣ папъ первенствующими представителями католическаго міра. Теперь

*) Константинопольскій трактатъ 5 ноября 1720 года. Полн. Собран. Закон. № 8671.

неожиданно явился новый императоръ, греческаго закона, который, по родству прежней царской династіи съ династією Палеологовъ, могъ считаться восточнымъ константинопольскимъ кесаремъ и въ силу этого предъявлять свои притязанія на древнюю Византію. Притязанія же такого рода со стороны православнаго государя могли быть сочувственно встрѣчены какъ православными греками, такъ и славянами, жившими въ областяхъ, принадлежавшихъ къ составу бывшей Восточной имперіи, а теперь находившихся подъ властію турецкаго султана. Двухглавый же византійскій орелъ, издревле доставшійся въ наслѣдіе отъ Палеологовъ московскимъ царямъ, какъ будто подтверждалъ такія династическія права ихъ преемника, силившагося распространить свои владѣнія на востокъ Европы. Принятіе Петромъ новаго титула было встрѣчено въ Европѣ съ неудовольствіемъ, и едва-ли это событіе не послужило болѣе всего поводомъ къ распространенію мнѣнія, что Россія намѣрена овладѣть Константинополемъ, какъ наслѣдственнымъ своимъ достояніемъ. Быть можетъ, оно собственно и навело на мысль о составленіи такъ называемаго завѣщанія Петра Великаго, въ которомъ взятіе у турокъ Константинополя выставляется какъ самое завѣтное желаніе новаго восточно-православнаго кесаря. Несомнѣнно, однако, что самъ Петръ перемѣнилъ царскаго титула на императорскій не придавалъ такого широкаго политическаго значенія, какое приписывали ей иностранцы *)).

*) Карновичъ „Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига“. Отеч. Зап. за 1878 г. № 2, стр. 366—367. Объ апокрифическомъ документѣ, извѣстномъ подъ именемъ „завѣщанія Петра Великаго“, на основаніи котораго Россіи приписывается Европою стремленіе къ завоеванію Константинополя см. у Шубинскаго: „Мнимое завѣщаніе Петра Великаго“. Спб. 1877 г.

Г Л А В А III.

Отношенія Россіи къ Турціи при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго.

Крымъ и Кавказъ, какъ источникъ недоразумѣній между русскимъ и турецкимъ правительствомъ.—Союзъ Россіи съ Австріей 1726 года.—Возникновеніе русско-турецкой войны 1735—39 г.—Посредничество Австріи и вступленіе ея въ эту войну.—Нѣмировский конгрессъ и его неудача.—Посредничество Франціи и его мотивы.—Заключеніе мира между Австріей и Турціей въ Бѣлградѣ.—Принятіе Россіей французскаго посредничества и его значеніе.—Постановленія Бѣлградскаго мирнаго договора 1739 года.—Причины неудачи Россіи при заключеніи этого договора.—Восточная политика Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ и распространеніе русскаго вліянія среди народностей Балканскаго полуострова.

Дѣятельность Петра Великаго дала Россіи очень вѣскій голосъ въ европейской политикѣ, въ международныхъ отношеніяхъ Европы. Но прямыя текущія интересы Россіи ограничивались тогда отношеніями только къ тремъ сосѣднимъ державамъ: къ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Съ остальными государствами западной Европы мы не имѣли прямого соприкосновенія, ни географическаго, ни политическаго. Изъ трехъ же названныхъ державъ наибольшее вниманіе русскаго правительства обращала на себя Турція, такъ какъ ходъ событій съ каждымъ годомъ усложнялъ ея отношенія къ Россіи. Въ XVIII вѣкѣ это осложненіе отношеній произошло между прочимъ вслѣдствіе столкновенія Россіи и Турціи на Кавказѣ. Верховнымъ повелителемъ Кавказа и Кубанской области считался турецкій султанъ, но его владычество здѣсь было чисто номинальное, оставлявшее страну на произволъ полной анархіи. Между тѣмъ, овладѣвъ степными низовьями Волги послѣ покоренія Астраханскаго царства, Россія лицомъ къ лицу встрѣтилась съ воинственными племенами Кавказа и должна была испы-

тывать на себѣ весь вредъ ихъ анархическаго состоянія, тяжело отражавшагося на нашихъ юго-восточныхъ окраинахъ, сильно страдавшихъ отъ постоянныхъ хищническихъ набѣговъ со стороны Кубанской области. Такимъ образомъ, съ начала XVIII вѣка къ крымскому вопросу присоединился вопросъ кавказскій или, говоря иначе, наши матеріальные интересы по отношенію къ Турціи расширились съ этого времени до обезпеченія всей южной границы государства, а не со стороны одного только Крыма. Столкновенія Россіи съ Турціей на Кавказѣ осложнились еще и тѣмъ, что находившіяся здѣсь православныя народности, отрѣзанныя отъ христіанскаго міра, возлагали всѣ свои надежды и упованія на Россію и просили ея защиты отъ притѣсненій мусульманъ. Къ недоразумѣніямъ по поводу положенія кавказскихъ христіанъ и безопасности нашихъ южныхъ границъ присоединились, наконецъ, постоянные переходы черезъ русскую территорію крымскаго хана, котораго султаны уполномочивали на защиту Кавказскаго перешейка и призывали на помощь во всѣхъ своихъ войнахъ съ Персіей. Эти переходы черезъ русскую территорію, которая была единственнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ между Крымомъ и Кавказомъ, нежелательные сами по себѣ, дѣлались несприятными тѣмъ болѣе, что нерѣдко сопровождались набѣгами крымскихъ татаръ на мирное русское населеніе *).

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ причинъ при преемникахъ Петра Великаго, Екаторинъ I (1725—27) и Петръ II (1727—30 г.) Россія каждую минуту грозилъ разрывъ съ Турціей. Но война съ нею одинъ на одинъ была страшна русскому правительству и поэтому оно старательно отыскивало себѣ надежнаго союзника на случай столкновенія съ Оттоманскою Портой. Такимъ союзникомъ для Россіи еще Петромъ Великимъ намѣченъ былъ вѣнскій дворъ, который и самъ въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ XVIII-го столѣтія мечталъ о заключеніи союза съ русскимъ царемъ, придавая большую цѣну юному государству, вступившему въ семью европейскихъ народовъ. Стараясь стать въ хорошія отношенія къ Россіи, чтобы имѣть въ ней опору на случай войны съ Турціей или замѣшательствъ въ Венгерскихъ обла-

*) Добровъ, назв. соч., стр. 518—520.

стяхъ, гдѣ турецкія симпатіи еще были живы, Австрія, однако, постоянно отклоняла предложенія Петра о заключеніи союза и только въ 1726 году изъявила согласіе на подписаніе договора съ Россіей съ цѣлью привлеченія ея къ участию въ трактатъ съ Испаніей. По договору 6 августа 1726 года Россія присоединилась къ австро-испанскому трактату 30 апрѣля 1725 года, въ которомъ признавались права женской линіи на австрійскій престолъ, а вѣнскій дворъ принялъ на себя гарантію европейскихъ владѣній Россіи. Въ секретныхъ статьяхъ договора державы обязывались въ случаѣ нужды подавать другъ другу помощь войскомъ въ размѣрѣ 30.000 человекъ, при чемъ Австрія имѣла оказывать эту помощь Россіи въ случаѣ нарушенія Портою недавно заключеннаго мирнаго договора и наступленія опасности для нашихъ европейскихъ владѣній *).

Этотъ оборонительный и наступательный союзъ Россіи съ Австріей на языкѣ тогдашней дипломатіи извѣстенъ былъ подъ именемъ *«системы Петра Великаго»*. Системы этой усердно держались все такъ часто мѣнявшіеся правительства до царствованія Петра III. Ее проводилъ Остерманъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, этой же системы держался и дипломатическій ученікъ и личный врагъ Остермана—Бестужевъ-Рюминъ въ царствованіе Елизаветы Петровны; благодаря заключенію оборонительнаго союза съ Австріей Россія воевала съ Пруссіей при императрицѣ Елизаветѣ; благодаря этому же союзу, установившему тѣсную дружбу между петербургскимъ и вѣнскимъ дворомъ, Россія вовлечена была въ войну съ Турціей при Аннѣ Іоанновнѣ, такъ какъ сближеніе Россіи съ цесаремъ вызвало враждебное для нихъ направленіе французской политики въ Константинополь, имѣвшее конечною цѣлью посредствомъ войны съ Турціей отвлечь вниманіе союзницъ отъ Польши, въ дѣлахъ которой въ то время была сильно заинтересована Франція.

Императрица Анна Іоанновна (1730—40 г.) начала войну съ Турціей при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1733 году, во время турецко-персидской войны, крымскій ханъ, идя на соеди-

*) Трактатъ 6 августа 1726 года, заключенный въ Вѣнѣ между російскимъ и царскимъ дворами. Пол. Соб. Зак. № 4946.

неніе съ турецкою армією въ Закавказье, безъ предварительнаго согласія русскаго правительства вступилъ въ Кабарду, на которую предъявляла претензіи Россія. Навтъ константинопольскій резидентъ Неплюевъ протестовалъ противъ нарушенія русскихъ границъ. Но Турція съ своей стороны выразила неудовольствіе по поводу притязанія русскаго двора на Кабарду и Дагестанъ и вступленія русскихъ войскъ, вопреки договорамъ, въ Польшу, во время происходившей тамъ борьбы за польское престолонаслѣдіе между партіями Франціи, Австріи и Россіи. Въслѣдствіе такого столкновенія интересовъ, между Турціей и Россіей, сторону которой держала ее союзница-Австрія, начались дипломатическіе переговоры, тянувшіеся въ продолженіе трехъ лѣтъ. Въ переговорахъ этихъ принимали дѣятельное участіе Франція и Швеція, интриговавшія въ пользу разрыва Турціи съ Австріей и Россіей въ видахъ отвлеченія ихъ силъ отъ войны за польское престолонаслѣдіе, а также Англія и Голландія, ратовавшія за сохраненіе мира и совѣтовавшія Портѣ не воевать съ Россіей. Само турецкое правительство не желало войны. Оно упорно настаивало лишь на пропускѣ крымскихъ татаръ черезъ русскія владѣнія на Кавказъ и требовало, чтобы Россія не предъявляла претензіи на Дагестанъ. Но Россія отказывала Портѣ и въ томъ и въ другомъ, доказывая, что, состоя въ мирѣ съ султаномъ и персидскимъ шахомъ, она не желаетъ принимать участія въ ихъ войнахъ и поэтому не можетъ согласиться на пропускъ крымскаго хана черезъ свою территорию *). Доводы эти не оказывали, однако, никакого дѣйствія на султана, и Анна Іоанновна въ концѣ концовъ вынуждена была двинуть свои войска въ походъ противъ Турціи, ближайшею цѣлью котораго было приобрѣтеніе Азова.

Вступая въ войну съ верховной повелительницей Крыма, Россія рассчитывала воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Оттоманской Порты, занятой въ это время войною съ Персіей. Но дѣйствія русскихъ войскъ отличались медленностью, вялостью и нерѣшительностью, такъ что кампанія 1735—36 года окончилась лишь завоеваніемъ Азова, хотя нашъ резидентъ Вешняковъ, замѣнившій Неплюева въ сентябрѣ 1735 года, совѣто-

*) Ульяницкій, „Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права“ Русс. Вѣст. за 1877 г. № 3, стр. 298.

валъ русскому правительству дѣйствовать энергично, находя, что «теперь самое полезное время не только къ сложенію звѣрской гордости, но и къ окончательному испроверженію всего этого незаконнаго сонмища». Онъ настаивалъ на перенесеніи военныхъ операций за Дунай и на движеніи нашихъ войскъ прямо къ Константинополю, утверждая, что «султанъ Махмудъ I, въ виду приближенія русскихъ, испугается и убѣжитъ въ Азію». Въ доказательство возможности такихъ блестящихъ успѣховъ, Вешняковъ указывалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній на весьма жалкое состояніе Турціи. «Въ Турціи—писалъ онъ—нѣтъ ни начальниковъ политическихъ, ни руководителей военныхъ, ни разумныхъ правителей финансовыхъ; все находится въ страшномъ разстройствѣ, и при малѣйшемъ бѣдствіи будетъ находиться на краю бездны. Страхъ передъ турками держится на одномъ преданіи, ибо теперь турки совершенно другіе, чѣмъ были прежде: сколько прежде они были воодушевлены духомъ славы и свирѣпства столько теперь малодушны и боязливы, всѣ какъ будто предчувствуютъ конецъ своей незаконной власти, и да сгодобитъ Всевышній ваше величество ее искоренить. Попеченія объ общемъ благѣ въ Турціи нѣтъ, заботятся только о частныхъ выгодахъ; достойные и искусные люди изгублены и погибаютъ, остались одни только недостойные, вслѣдствіе чего добрый порядокъ пренебреженъ какъ въ политическомъ, такъ въ военномъ и экономическомъ правленіи, и оставивъ прежнія свои основныя правила, новыхъ не приобрѣли и потому ослабѣли. Татары, зная все это теперь, какъ всѣ здѣсь говорятъ, въ вѣрности Портѣ начинаютъ колебаться. На счетъ христіанскихъ подданныхъ турки опасаются, что всѣ возстанутъ, какъ только русскія войска приблизятся къ границамъ... Греки областные и еще болѣе болгары, валахи, молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для вашего императорскаго величества, какъ уповаемую избавительницу. Все это турки знаютъ»... *)

Указанія Вешнякова на царившую безурядицу въ Турціи, конечно, были весьма важны для русскаго правительства, но оно не

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XX; стр. 110.

могло воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ непріятеля. Причиною тому было, кромѣ неподготовленности Россіи къ борьбѣ съ османами, поведеніе союзницы нашей—Австріи. Будучи связана съ Россіей союзнымъ договоромъ 1726 г., она должна была въ силу этого договора двинуть свои войска противъ Оттоманской Порты; но финансы ея находились къ тому времени въ полномъ истощеніи; кромѣ того ей приходилось быть наготовѣ противъ Франціи, такъ какъ война за польскій престолъ хотя и была окончена, но условія мира еще не были подписаны. Въ виду всего этого, отказываясь пока дать условленную помощь Россіи, Австрія взяла на себя роль дружественной посредницы въ русско-турецкой распрѣ, надѣясь между прочимъ достигнуть такимъ образомъ нѣкоторыхъ выгодъ и для себя, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе приближенія срока Пассаровицкаго договора ея отношенія къ Портѣ становились необезпеченными. Но старанія вѣнскаго двора примирить Турцію съ Россіей не приводили къ желанному результату.

Видя безуспѣшность усилій австрійскаго правительства склонить Порту къ миру, Россія 8 августа 1736 года заявила вѣнскому двору, что отъ дальнѣйшаго приложенія добрыхъ офенцій нельзя больше ожидать никакой пользы и что поэтому цесарю слѣдуетъ дѣйствовать, какъ союзнику. Австрія отвѣчала соглашеніемъ. Въ январѣ 1737 года она возобновила съ Россіей союзъ 1726 года *), а въ іюнѣ объявила войну Турціи, послѣ того какъ султанъ пренебрегъ угрозами вѣнскаго двора двинуть свои войска на соединеніе съ русскою арміею согласно условіямъ союзнаго договора. Рѣшаясь принять участіе въ русско-турецкой войнѣ, вѣнскій дворъ—говорить г. Бутковскій—имѣлъ въ виду то, что Россія можетъ безъ помощи Австріи остаться побѣдительницею и завладѣть Молдавіей и Валахіей, тѣмъ болѣе, что въ Вѣнѣ знали о соглашеніи, состоявшемся еще при Петрѣ съ южными славянами, съ цѣлью привлечь ихъ симпатіи къ Россіи. Кромѣ того, вступить въ войну съ Турціей побуждало Австрію не только опасеніе лишиться въ лицѣ Россіи единственнаго союзника, котораго она въ

*) Конвенція 9 января 1737 года, заключенная въ Вѣнѣ между руссійскимъ и цесарскимъ дворомъ о взаимномъ вспоможеніи въ войнѣ противъ турокъ-П. С. Зак. № 7158.

то время имѣла, но и надежда на расширеніе своихъ владѣній на югъ отъ Савы и по Адриатическому побережью до Дульциньо. «Это вознаградило-бы Австрію за потери, понесенныя ею въ Италіи и доставило бы выгодное положеніе на случай войны съ Неаполемъ». Ко всему этому присоединялись расчеты вѣнскаго кабинета на приобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи: „изъ проекта, составленнаго австрійскимъ посланникомъ въ августѣ 1736 года, видно, что въ Вѣнѣ имѣли въ виду Боснію и Албанію до устьевъ Дрины, Валахію до Браилова и Молдавію до рѣки Прута“ *).

Совмѣстныя военныя дѣйствія Россіи и Австріи противъ Порты заставили турецкое правительство предложить союзникамъ перемиріе и открыть съ ними переговоры въ польскомъ городѣ Нѣмировѣ. Предложеніе это было принято и уполномоченные воюющихъ державъ съѣхались въ Нѣмировѣ на конгрессъ, имѣвшій цѣлю обсужденіе условій мира. На конгрессѣ этомъ въ засѣданіи его 8 августа 1737 года наши делегаты заявили, что всѣ прежнія ссоры у Россіи съ Турціей, какъ и настоящая война, вели свое начало отъ Крыма, что пока южные татарскіе народы будутъ находиться въ томъ положеніи, въ какомъ они пребывали до сихъ поръ, между обѣими имперіями не можетъ быть мира и полнаго согласія и что по этому, въ видахъ обезпеченія на будущее время мирныхъ сношеній между обоими государствами и вознагражденія Россіи за понесенныя ею потери и убытки, русское правительство требуетъ: 1) уничтоженія всѣхъ прежде заключенныхъ съ Портою трактатовъ и составленія новаго договора; 2) уступки въ пользу Россіи Крыма и Кубани и другихъ татарскихъ земель до рѣки Дуная, не ради какой-либо для нея выгоды, а только для спокойствія государства, тѣмъ болѣе что и Порта не имѣетъ отъ этихъ дикихъ народовъ никакой пользы; 3) признанія Молдавскаго и Валахскаго княжествъ независимыми и только по единовѣрію пользующимися покровительствомъ Россіи. Поставленныя подъ управленіе своихъ собственныхъ князей, Молдавія и Валахія должны служить «барьерою» между русскими и турецкими владѣніями и тѣмъ самымъ устранить столкновенія между сосѣдними государствами, 4) признанія за русскими государями император-

* Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ. Спб. 1888 года т. I. стр. 14—15.

скаго титула; 5) установленія сухопутной и морской торговли между обоими государствами, съ правомъ для Россіи свободнаго плаванія по Черному морю; и 6) добросовѣстнаго соблюденія постановленія Карловицкаго трактата по отношенію къ Польшѣ, съ которой Россія пребываетъ въ вѣчномъ мирѣ и союзѣ *).

Представители Оттоманской Порты на Нѣмировскомъ конгрессѣ не согласились на предложенныя Россіей условія мира, говоря, что они несоразмѣрны съ успѣхами русскаго оружія. Съ своей стороны австрійскіе уполномоченные упрекали русскихъ министровъ за Молдавію и Валахію и требовали для Австріи уступки этихъ княжествъ до Дубовицы, Сербіи до Ломбы съ Виддиномъ включительно, и наконецъ Вихака и Нови въ Босніи. Въслѣдствіе такого образа дѣйствій вѣнскаго двора, въ отношеніяхъ русскихъ министровъ къ австрійскимъ произошло сильное охлажденіе, на которое возлагали большія надежды турецкіе представители, желавшіе поссорить Россію съ Австріею. Но надежды турокъ не оправдались, такъ какъ австро-русскія недоразумѣнія были вскорѣ улажены путемъ взаимныхъ уступокъ со стороны австрійскихъ и русскихъ министровъ. Первые согласились удержать за Австрію только Нишъ и прилегающіе къ нему округа, а вторые удовольствовались Азовомъ, Очаковомъ и Кинбурномъ «съ пристойными границами». Тѣмъ не менѣе переговоры союзниковъ съ представителями Оттоманской Порты не привели къ желанному результату. Турецкіе уполномоченные заявили, что ихъ правительство едва-ли согласится на территоріальныя уступки и, принявъ австро-русскія предложенія *ad referendum*, назначили двухмѣсячный срокъ для отвѣта Порты; но по истеченіи этого срока отвѣта не послѣдовало, и война возобновилась снова.

Неудача Нѣмировскаго конгресса была вызвана отчасти чрезвычайными требованіями союзниковъ, отчасти же интригами французскаго посла, совѣтовавшаго Турціи лучше продолжать войну, чѣмъ исполнять требованія Россіи, желавшей де проложить себѣ путь къ Константинополю. Такой образъ дѣйствій французскаго двора объяснялся тѣмъ, что онъ опасался предоставленія Россіи

*) Уляницкій, Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ, стр. 51 и приложение № 2; также Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 180.

права свободного плаванія по Черному морю, предчувствуя себѣ новаго соперника на Средиземномъ морѣ.

По возобновленіи военныхъ дѣйствій, русскія войска подви-гались впередъ довольно медленно и лишь въ концѣ 1739 года вступили въ Яссы. Послѣ занятія нами этого города въ лагерь къ Миниху явилась молдавская депутація, которая заявила о желаніи Молдавіи признать русскую императрицу своею государыней; вмѣстѣ съ тѣмъ молдаване обязывались взять на счетъ своей страны содержаніе 20.000 русскаго войска. *) Вотрѣча, оказанная русскимъ въ Молдавіи, произвела весьма пріятное впечатлѣніе на Миниха, и онъ совѣтовалъ русскому правительству присоединить къ Россіи эту «преизрядную и не хуже Ливондіи» землю, надѣясь укрѣпить ее съ тѣмъ, чтобы потомъ завоевать Валахію. **) Но Россія торопилась положить конецъ разорительной войнѣ, тѣмъ болѣе что Австрія, при посредничествѣ Франціи, вступила въ переговоры съ Турціей относительно заключенія мира и производила давленіе на русское правительство въ томъ же смыслѣ.

Война Россіи и Австріи противъ Турціи сильно беспокоила Францію. Въ стремленіи Россіи къ Черному морю она видѣла прямой подрывъ своимъ торговымъ интересамъ на Востока, а въ корыстолюбивыхъ замыслахъ Австріи—ущербъ интересамъ политическимъ. Чтобы не допустить Россію до Чернаго моря, а Австрію—до выгоднаго мира съ Портой, Франція усиленно домогалась сосредоточенія въ своихъ рукахъ всѣхъ мирныхъ переговоровъ между воюющими. Эти домогательства Франціи увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ еще до открытія Нѣмировскаго конгресса Порта обратилась къ ней съ просьбой о посредничествѣ. Французское правительство тотчасъ же изъявило согласіе на это и отправило своему константинопольскому послу, маркизу де-Вильневу, инструкцію на случай, если посредничество Франціи будетъ принято Австріей и Россіей. Въ инструкціи Вильневу, между прочимъ, говорилось, что такъ какъ Очаковъ и входъ въ Крымъ въ рукахъ Россіи, а Молдавія, Валахія и Сербія въ рукахъ Австріи, то другая кампанія можетъ отдать въ ихъ власть всѣ турец-

*) Договоръ о вступленіи Молдавіи въ подданство Россіи, утвержденный 5 сент. 1739 г. гр. Минихомъ; Пол. Соб. Зок. № 7891.

**) Добровъ. Назв. соч., стр. 524.

кія владѣнія въ Европѣ. Поэтому послѣ предписывалось, въ видахъ *поддержанія* Турціи, способствовать скорѣйшему *окончанію войны, послѣдствія которой могутъ быть столь пагубны для Оттоманской Порты*. *) Но Вильшевъ получилъ полномочія уже по окончаніи Нѣмировскаго конгресса и поэтому долженъ былъ ограничиться лишь предложеніемъ своего посредничества воюющимъ. Посредничествомъ этимъ воспользовалась Австрія, которая, потерпѣвъ рядъ пораженій, была поставлена въ необходимость спѣшить прекращеніемъ войны съ Турціей. Результатомъ французскаго посредничества было для Австріи заключеніе мирнаго договора въ Бѣлградѣ, по которому вѣнскій дворъ уступалъ Турціи Сербію съ Бѣлградомъ и Оршовой и всѣ свои владѣнія въ Валахія, прибрѣтенныя по Пассаровицкому трактату 1718 года. **)

Принявъ французское посредничество, Австрія стала склонять и Россію согласиться на французскую медиацию. Русское правительство «для показанія нашихъ миролюбительныхъ сентиментовъ» уступило настояніямъ вѣнскаго кабинета и также при посредничествѣ Франціи заключила въ Бѣлградѣ мирный договоръ съ Портою 18 сентября 1739 года, не смотря на то что Минихъ, сообщая о заключеніи австрійцами «мира стыднаго и весьма предосудительнаго», энергично убѣждалъ императрицу продолжать войну съ Турціей въ виду успѣховъ русскаго оружія, а также и того, что не только балканскіе христіане «съ неизреченною радостью желаютъ покоренія подъ Россійскую державу, но и сербскій патріархъ Арсеній слезно проситъ покровительства Россіи, принося жалобу на слабость цесарскую, что всю ихъ землю подъ иго варварское отдаетъ» ***).

Французское посредничество, однако, принесло Россіи не больше пользы, чѣмъ вѣнскому двору. Если Австрія, благодаря содѣйствію Франціи, заключила миръ съ Портою на условіяхъ лишь Карловицкаго мира, то Россія чрезъ французскую медиацию по Бѣлградскому миру одѣлала чрезвычайно скромныя прибрѣтенія сравнительно съ успѣхами русскаго оружія. Миръ этотъ не принесъ Россіи ровно никакой выгоды и никакихъ осязательныхъ

*) Уляницкій. Турція, Россія и Европа; Рус. Вѣст. за 1877 г. № 3 стр. 304;

**) Уляницкій, назв. ст. стр. 307; Добровъ, назв. соч. стр. 524.

***) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 159. Уляницкій, Дардавеллы, Воевода и Черное море въ XVIII вѣкѣ; стр. 65—66.

плодовъ, кромѣ славы побѣдителей да весьма незначительныхъ земельныхъ приращеній. Благодаря французскому посредничеству и настояніямъ австрійскаго двора, русское правительство отказалось чуть ли не отъ половины своихъ первоначальныхъ требованій, и въ пользу Россіи были выговорены такія кондичи, какъ будто она потерпѣла во время войны рядъ пораженій. Постановленія Бѣлградскаго договора, купленные дорогою цѣною жизни ста тысячъ русскихъ солдатъ, уложенныхъ Минихомъ въ степяхъ во время труднаго похода, были немногимъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ постановленія Прутскаго договора. Вредъ французскаго посредничества замѣтилъ еще Вешняковъ, исправлявшій тогда должность русскаго резидента въ Константинополѣ, и онъ совершенно справедливо доносилъ, что нельзя требовать, чтобы французскій министръ «былъ добродѣтели и откровеннѣе съ нами, чѣмъ съ турками, ибо это было бы противно французскимъ интересамъ». *)

Бѣлградскій трактатъ устанавливавшій *«вѣчный, постоянный и ненарушимый миръ»*, между Россіей и Турціей (ст. 1), состоялъ изъ опредѣленій *территориальнаго, торговаго и политическаго характера*, при чемъ постановленія первой категоріи заключались въ слѣдующемъ: а) Согласно 2-й ст. трактата, границы между обѣими имперіями остаются прежнія; подробное обозначеніе ихъ возлагается на особыхъ комиссаровъ, которые имѣли приступить къ своему дѣлу не позднѣе шести мѣсяцевъ послѣ ратификаціи настоящаго договора (ст. 4). Коммисары эти опредѣлили русско-турецкую границу такъ: отъ истоковъ рѣки Конскія Воды, впадающей въ Днѣпръ, до рѣки Большой Берды, впадающей въ Азовское море, они провели прямую линію, причемъ все пространство къ сѣверу отъ этой линіи, никому собственно не принадлежавшая степь между Днѣпромъ и Донцомъ, отошла къ Россіи, а пространство къ югу отъ этой линіи осталось за Турціей. **) б) Россія сохранила за собою Азовъ, но обязывалась въ трехмѣсячный срокъ срыть его укрѣпленія и не заселять его окрестностей, которыя должны были служить «барьерою» между двумя

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XX, стр. 167.

**) Конвенція, заключенная 28 декабря 1739 года въ Константинополѣ между русскимъ и турецкимъ дворами, Пол. Соб. Зап. № 7982.

имперіями (ст. 3). в) Обѣ Кабарды, Большая и Малая, признаются независимыми и также предназначаются служить «барьеромъ» между Россіей и Турціей, которая не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла этихъ самостоятельныхъ областей. (ст. 6).

Не больше интереса представляли постановленія Бѣлградскаго трактата о торговлѣ. При заключеніи мира съ Портой Россія надевалась добиться свободы торговли сухимъ путемъ и моремъ; по свидѣтельству же иностранныхъ историковъ, она требовала свободы судоходства не только по Черному морю, но и чрезъ проливы. По Бѣлградскому трактату, однако, ничего подобнаго не было выговорено. По статьѣ 9-й этого договора Оттоманская Порта обязывалась лишь обезпечить безопасность торговыхъ сношеній и признать за русскими подданными всѣ тѣ права и привилегіи, которыми пользовались подданные другихъ европейскихъ государствъ. Но русская торговля въ Черномъ морѣ должна была производиться исключительно на турецкихъ судахъ, вслѣдствіе чего вопросъ о нашемъ торговомъ судоходствѣ по Черному морю остался въ томъ самомъ положеніи, въ какое онъ былъ поставленъ еще Петромъ Великимъ.

Что касается опредѣленій Бѣлградскаго договора, носящихъ политическій характеръ, то главнѣйшія изъ нихъ были таковы: а) Порта обязывается не медлить переговорами о признаніи императорскаго титула за правителями и правительницами Русскаго государства (ст. 12). б) Затѣмъ, «для лучшаго охраненія между Россійскою и Оттоманскою имперіями возстановленнаго нынѣ мира, и всѣхъ сего мирнаго трактата артикуль и всякихъ до обихъ государствъ и подданныхъ дѣлъ и потребностей», — за Россіей закрѣпляется право имѣть при Оттоманской Портѣ своего постоянного представителя со всѣми тѣми правами и преимуществами, которыми пользуются представители другихъ «наизвѣстнѣйшихъ» державъ (ст. 13). в) Русскимъ подданнымъ обезпечивается свободное посѣщеніе Іерусалима и другихъ святыхъ мѣстъ Востока, безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ (ст. 11). г) Приобрѣтая Азовъ, русское правительство обязывается не содержать ни военнаго, ни коммерческаго флота въ Азовскомъ и Черномъ морѣ и не строить кораблей въ ихъ гаваняхъ (ст. 3). д) Всѣ трактаты, прежде сего заключенные между Россіей и Портой, уничтожаются,

за исключеніемъ лишь статей, относящихся къ опредѣленію ихъ взаимныхъ границъ (ст. 15). Это постановленіе было важно въ томъ отношеніи, что «всѣми предшествовавшими трактатами Россія обязывалась не вмѣшиваться въ польскія дѣла. Отсутствие въ Бѣлградскомъ договорѣ такого обязательства, несомнѣнно, обозначало, что оно окончательно уничтожено.» *)

Таково содержаніе Бѣлградскаго трактата, подписаніемъ котораго закончилась русско-турецкая война, веденная при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. **)

Остановливаясь на оцѣнкѣ результатовъ, добытыхъ этою войною, г. Добровъ совершенно основательно указываетъ на крайнюю невыгодность для Россіи условій Бѣлградскаго трактата «сравнительно съ побѣдами, одержанными русскимъ оружіемъ въ эту продолжительную, хотя и дурно веденную кампанію». Объясненіе нашей дипломатической неудачи, авторъ справедливо видитъ въ томъ, что Турція въ это время уже успѣла сдѣлаться политической комбинаціею, неприкосновенность которой становилась необходимою для западныхъ государствъ, въ собственныхъ ихъ интересахъ. Но неудача Россіи при заключеніи Бѣлградскаго трактата зависѣла далеко ни отъ одной только указанной причины. Здѣсь немаловажную роль играла также «неумѣлость, неподготовленность русскихъ уполномоченныхъ того времени къ дипломатической профессіи и весьма шаткое понятіе ихъ о характерѣ отношеній западно-европейскихъ правительствъ къ Турціи.» «Они—говоритъ г. Добровъ—какъ будто забывали, что Турція не страна бѣлыхъ медвѣдей, которою интересуются лишь ихъ неприхотливые обитатели, а узелъ, въ которомъ сходятся интересы всѣхъ культурныхъ народовъ; что потому, имѣя дѣло съ Турціею, безъ сомнѣнія, приходится считаться съ другими государствами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ея существованію грозитъ опасность, или даже когда рѣчь идетъ о преобладающемъ и опасномъ для другихъ вліяніи—одного какого-либо правительства на Балканскомъ полуостровѣ. Своими неумѣренными запрашиваніями они

*) Бухаровъ, назв. соч., стр. 13.

**) Бѣлградскій трактатъ 18 сентября 1739 года см. въ Пол. Собр. Зак. № 7900, а также у Юсеевича: Договоры Россіи съ Востокомъ. стр. 15—24.

не только возбудили противъ себя представителей Англiи и въ особенности Франціи, но вызвали даже подозрительное недовѣріе со стороны союзницы своей Австріи. Во всемъ разомъ показалось, что дѣло идетъ объ уничтоженіи Турціи, хотя въ сущности и сами уполномоченные мало придавали значенія своимъ требованіямъ, что видно изъ быстроты нѣкоторыхъ уступокъ, на которыя они поторопились согласиться. Эта система запрашиваній, изгоняемая изъ міра коммерческаго, тѣмъ менѣе должна бы разсчитывать на гостепріимство въ мірѣ дипломатическомъ, какъ система вредная, возбуждающая напрасную сенсацию, система, которая въ силу логическаго закона отраженія вызываетъ отрицаніе выставленныхъ требованій въ такой же крайней степени, въ какой и сами требованія были формулированы». *)

Въ царствованіе Елизаветы Петровны (1741—1761 г.) Россія не имѣла вооруженныхъ столкновеній съ Оттоманскою Портою, не смотря на проiski Франціи и Швеціи, которыя желали привлечь Турцію къ непосредственному участию въ сѣверныхъ дѣлахъ. Турціи въ то время было не до войны съ Россіей: она была серьезно озабочена собственными дѣлами въ Азiи вслѣдствіе столкновенія съ Персіей. Къ тому же нашъ константинопольскій посолъ Неплюевъ, искусно боротившійся съ интригами Франціи и Швеціи, въ 1750 году категорически заявилъ великому визирю, протестовавшему противъ занятія русскими Финляндіи, что «императрица не желаетъ ни пяди шведской земли, но если шведы не отстанутъ отъ своего намѣренія перемѣнить правительственную форму, то она не сдержится никакими представленіями и употребитъ всѣ дарованные ей Богомъ способы для воспрепятствованія этому злу; что Россійская держава никогда не позволитъ предписывать себѣ законовъ ни шведамъ, ни французамъ, ни какому либо другому народу, устанавливая всѣ свои поступки на вѣсахъ правосудія съ богоугоднымъ намѣреніемъ не допускать, чтобы отъ сосѣдей и въ ея государствахъ огонь загорѣлся».

Находясь въ мирѣ съ Турціей, русское правительство не забывало, однако, интересовъ Россіи на юго-востоѣ. Вскорѣ по прекращеніи войны съ Швеціей, именно въ 1745 году, оно заня-

*) Добровъ, назв. соч., стр. 525—526.

лось собираемъ матеріаловъ для всесторонняго выясненія вопроса о торговомъ судоходствѣ по Черному морю и объ открытіи торговыхъ сношеній по этому морю съ Турціею и странами, прилегающими къ Средиземному морю *). При назначеніи же (въ 1751 году) посломъ въ Константинополь Обрѣзкова, ему было предписано, подѣ видомъ возстановленія и приведенія въ лучшій порядокъ взаимной коммерціи, склонять Порту къ заключенію торговаго трактата и ко внесенію въ него особой статьи, которая позволяла бы русскимъ подданнымъ провозить свои товары въ турецкіи владѣнія Чернымъ моремъ на собственныхъ судахъ. **) Но всѣ эти старанія русскаго правительства исправить неудачу послѣдней войны Россіи съ Турціею не имѣли успѣха. Подобно своимъ предшественникамъ, Обрѣзковъ доносилъ, что добиться отъ Порты признанія свободы судоходства въ Черномъ морѣ чрезвычайно трудно и что вообще въ дѣлѣ этомъ слѣдуетъ соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не возбудить подозрѣній Порты, такъ какъ она сильно предубѣждена противъ иностраннаго судоходства въ Черномъ морѣ ***).

Изыскивая способы къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса о свободѣ русскаго торговаго судоходства по Черному морю, наше правительство вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно имѣло въ виду и религиозно-національные интересы Россіи въ Турціи.

Несмотря на то, что Бѣлградскимъ трактатомъ ничего не было сдѣлано въ пользу турецкихъ христіанъ, ихъ надежды на Россію не уменьшились. Мы видѣли, что еще во время бѣлградскихъ переговоровъ, сербскій патріархъ Арсеній чрезъ Миниха просилъ покровительства русской императрицы, жаловаясь на то, что австрійское правительство по своей слабости передало туркамъ чуть не всю сербскую землю. Въ царствованіе же Елизаветы Петровны русскій посолъ въ Константинополь Вешняковъ доносилъ своему правительству, что къ Россіи стремятся всѣ помыслы турецкихъ христіанъ и что настоящее время представляется весьма удобнымъ моментомъ для рѣшенія славянскаго вопроса. Въ 1745 году онъ писалъ императрицѣ: «Отъ вашего императорскаго величества

*) Улянцкій. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ, стр. 71.

**) Назв. соч., стр. 79.

***) Назв. соч., стр. 81.

зависеть, безъ крайнихъ усилій, сіе злоекиное сонмище разорить и крестъ возстановить: найдетса, все къ тому промысль Божій предустройль и приуготовиль. Въ бѣдныя православныя христіане ждуть избавленія отъ вашего императорскаго величества; стоитъ только нынѣшнею осенью явиться врасплохъ россійской арміи къ Дунаю съ запаснымъ оружіемъ, то она въ короткое время удесътерится; Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далмація, Черногорія, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь въ одно время возьмутъ крестъ и побѣгутъ на помощь вашему императорскому величеству; провіанта, фуража и денегъ нашлось бы чрезмѣрное количество. Европейскія державы, будучи въ распряхъ и все истощены, помѣшать Россіи не въ состояніи. Теперь для этого такое удобное время, какового не бывало и впредь не будетъ. Я пишу это не отъ себя, но по представленію начальниковъ всехъ сихъ бѣдныхъ христіанъ; со слезами они просятъ, что еслибы хотя малый лучъ надежды просіялъ, они бы уже все устроили, и къ нимъ бы пристала и большая часть лучшихъ турокъ, потому что множество между ними христіанъ, называющихся тринитаріями, то-есть исповѣдниками Св. Троицы; таковъ: Кизляръ-ага и муотій Есехъ-еенди и множество другихъ; все они только по наружности магометане и скучаютъ такою смутною бездною сего правленія; чернь была бы изгублена или покрестилась, ибо ея во всей Румеліи и пятой доли противъ христіанъ не будетъ *)).

Ту же мысль о необходимости для Россіи самаго живаго участія въ судьбахъ турецкихъ христіанъ развивалъ Вешняковъ и въ письмѣ своемъ къ русскому канцлеру. Въ письмѣ этомъ говорилось, что лучшія бесѣды турецкихъ христіанъ проходятъ въ упованіяхъ на Россію и самое пріятное и любимое чтеніе ихъ—біографія Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Они даютъ большія награды тѣмъ, кто лучше опишетъ жизнь блага царя, великаго русскаго монарха, даващаго имъ надежду освободиться изъ-подъ мусульманскаго ига. «Въ послѣднюю войну ближе о большіе заклады, что русскіе побѣдятъ турокъ, и уже намѣревались пробираться къ

*) Согольевъ, „Исторія Россіи“, т. XXII, стр. 86.

русской арміи, еслибъ она явилась на Дунай; не будучи въ состояніи скрыть своихъ чувствъ къ Россіи, они подвергались страшнымъ бѣдствіямъ и умирали съ именемъ Россіи на устахъ. Одинаковую привязанность оказываютъ Славяне къ Россіи какъ въ турецкихъ, такъ и въ венеціанскихъ областяхъ. Въ Турціи привязанность эта остается непоколебимою, несмотря на старанія Франціи пріобрѣсть любовь греческаго народа покровительствомъ, ласками, заведеніемъ школъ, даровою раздачею книгъ, употребленіемъ въ службу. Такая любовь ихъ къ намъ требуетъ взаимности. Россія должна подражать Италіи и Франціи, которыя изъ политическихъ побужденій всюду такъ усердно помогаютъ своимъ единовѣрцамъ. Но у насъ Военная Коллегія пренебрегаетъ гусарскими и влахо-молдавскими корпусами и въ 1743 году разослала пограничнымъ командирамъ указы не принимать турецкихъ христіанъ въ службу и не пропускать за границу безъ паспортовъ». Вешняковъ указывалъ на необходимость завести въ Россіи поселенія изъ турецкихъ христіанъ, доказывая, что это не было бы нарушеніемъ договора, такъ какъ турки сами принимаютъ къ себѣ магометанъ, бѣгущихъ изъ нашего отечества. «Боятся Порты нечего, а надобно еще ей страху задать. Отъ безчеловѣчныхъ поступковъ валахскаго господаря Михалла болѣе 14.000 семействъ ушло въ австрійскія владѣнія, и вѣнскій дворъ ихъ принялъ, несмотря на то, что въ его договорѣ съ Портою есть условіе о неприниманіи бѣглыхъ; также поступаютъ венеціане и поляки, а Порты молчатъ». Въ заключеніе Вешняковъ распространялся о тѣхъ выгодахъ, которыя получила бы Россія и Европа отъ разрушенія Османской имперіи и образованія на ея развалинахъ сильной христіанской державы. «Если бъ какимъ нибудь образомъ могло случиться, писалъ онъ, чтобы это варварское сонмище, находящееся въ такомъ разслабленіи, искоренилось, подобно изгнанію Арабовъ изъ Испаніи: какаѣ бъ отъ того произошла великая слава ея императорскому величеству и какое это было бы спасительное дѣло! Мы пріобрѣли бы себѣ на многіе вѣка покой и несказанную пользу установленіемъ такой державы, которая, безъ погибели своей, не могла бы отстать отъ Россіи, по единству интересовъ и отдаленности границъ. Тогда бы много сократилась гордость австрійскаго дома; морскимъ державамъ было бы выгодно: Австрія была

бы сохранена для обуздания Франціи, но та же самая Австрія была бы удержана отъ прежнихъ своихъ великихъ замысловъ. Такимъ образомъ европейское равновѣсіе зависѣло бы отъ Россіи, да отъ этого новаго государства на Балканскомъ полуостровѣ *)).

Донесенія Вешнякова наглядно показываютъ, что къ половинѣ XVIII вѣка взаимныя отношенія Россіи и Славянъ получили вполне опредѣленный характеръ. Турецкіе христіане твердо возлагали свои надежды на сѣверныхъ братьевъ, а русское правительство ясно сознавало, что пора приступить къ осуществленію исторической миссіи Россіи—къ освобожденію балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на окончательное выясненіе своего отношенія къ балканскимъ христіанамъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны Россія не сдѣлала ни одной попытки къ ихъ освобожденію. Мало того, въ силу различныхъ обстоятельствъ она даже избѣгала случаевъ выступить въ качествѣ защитницы и покровительницы своихъ восточныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Борьба и недоразумѣнія съ Швеціей въ началѣ царствованія Елизаветы, а потомъ интриги Франціи, проектировавшей всевозможные союзы западныхъ державъ съ Турціей противъ Россіи, и, наконецъ, Семилѣтняя война—все это заставляло русское правительство отстранять лишніе поводы къ столкновенію съ Портою и даже соблюдать большую осторожность въ сношеніяхъ съ турецкими христіанами, чтобы не возстановить противъ себя султана, который подъ влияніемъ внушеній европейскихъ пословъ не отличался устойчивостью воззрѣній на дѣла внѣшней политики и въ угоду Франціи или Англіи нерѣдко проявлялъ внезапную воинственность.

Въ виду отсутствія возможности имѣть серьезное столкновеніе съ Турціей Елизавета Петровна, какъ мы видѣли, не рѣшилась энергично настаивать на свободѣ русскаго торговаго судоходства по Черному морю; по той же самой причинѣ она старательно избѣгала и возбужденія вопроса о положеніи христіанскихъ подданныхъ Оттоманской Порты. Но если существовавшія при Елизаветѣ мирныя сношенія съ Турціей сопровождалась всестороннимъ выясненіемъ вопроса о нашемъ торговомъ судоходствѣ по

*) Назв. соч., стр. 88.

Черному морю, то царствованіе этой императрицы не прошло безслѣдно и для упроченія взаимныхъ отношеній между Россіей и балканскими народностями.

Этому упроченію отношеній между Россіей и христіанскими народами Турціи при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ способствовали разныя благоприятныя обстоятельства. Какъ извѣстно, среди народностей Балканскаго полуострова съ начала XVIII вѣка замѣтно усилилось недовольство противъ турецкаго владычества. Недовольство это постоянно развивалось какъ подъ дѣйствиємъ внутреннихъ порядковъ, господствовавшихъ въ царствѣ османлисовъ, такъ и подъ вліаніемъ дипломатическихъ интригъ европейскихъ державъ, соперничествовавшихъ между собой изъ-за вліанія на Востокъ. Между тѣмъ сама Порта нисколько не заботилась ни объ устраненіи внутреннихъ причинъ, вызывавшихъ броженіе среди ея христіанскихъ подданныхъ, ни объ ослабленіи внѣшнихъ вліаній, разлагающимъ образомъ дѣйствовавшихъ на весь ея государственный корпусъ. Напротивъ того, она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе втягивалась въ интриги европейскихъ дворовъ и, совершенно пренебрегая дѣлами внутренней политики, всецѣло погружалась въ различныя политическія комбинаціи, имѣвшія весьма отдаленную связь съ ея прямыми государственнымъ интересами. Пользуясь слѣпымъ увлеченіемъ турецкаго правительства западно-европейскими планами и невнимательнымъ отношеніемъ его къ нуждамъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, Россія поддерживала въ послѣднихъ надежды на заступничество русскаго народа, и тѣмъ укрѣпляла свое значеніе и вліаніе на Балканскомъ полуостровѣ. Вліаніе русскаго правительства легко могло развиваться и утверждаться среди турецкой райи тѣмъ болѣе, что европейскія государства заняты были происходившими въ то время войнами на Западѣ, и имъ было не до того, чтобы обращать серьезное вниманіе на развитіе сношеній Россіи съ турецкими христіанами. «Правда, — говоритъ г. Добровъ, — русскіе уполномоченные (Неплюевъ, а затѣмъ Обрѣзковъ) не перестаютъ жаловаться въ своихъ донесеніяхъ на коварныя инсинуаціи французца и англичанина по поводу опасныхъ послѣдствій сношенія русскаго правительства съ турецкими христіанами, но этими разоблаченіями только и могло ограничиться противодѣйствіе русскому

вліянію, такъ какъ правительства ихъ дорожили каждымъ солдатомъ для болѣе близкихъ интересовъ и потому вмѣсто штыковъ могли лишь посылать падишаху платоническіе совѣты > *)

Благодаря стеченію всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ русское правительство при Елизаветѣ Петровнѣ завязываетъ тѣсныя сношенія съ балканскими народами и упрочиваетъ среди нихъ русское вліяніе. Однимъ изъ первыхъ рассадниковъ этого вліянія дѣлаются Молдавія и Валахія, которые вступили въ сношенія съ Россіей при Петрѣ I и еще болѣе сблизились съ нею со времени фанаріотскаго управленія, введеннаго Портою въ этихъ княжествахъ послѣ обнаруженія ихъ попытокъ освободиться отъ турецкаго ига во время прутскаго похода, и ложившагося страшнымъ нравственнымъ и матеріальнымъ гнетомъ на народъ, вслѣдствіе непомирныхъ войнъ, надменности и высокомерія господарей, выходцевъ изъ константинопольскаго греческаго предмѣстья—фанара.**)

Народныя массы и боярское сословіе съ одинаковою ненавистью относились въ господарямъ-фанаріотамъ. Не находя противъ нихъ защиты у султана, молдаване и валахи даже убѣгали въ русскія окраины и такимъ образомъ становились посредствующимъ звеномъ, соединявшимъ Россію съ ихъ отечественными землями.

Не менѣе важнымъ средоточіемъ русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ со времени Елизаветы становится и Сербія. Но здѣсь вліяніе Россіи упрочилось не столько вслѣдствіе невыносимости турецкаго ига, сколько вслѣдствіе католической пропаганды среди австрійскихъ сербовъ, вызвавшей, какъ извѣстно, массовыя переселенія ихъ въ наши юго-западные окраины. Переселенцамъ этимъ въ 50-хъ годахъ выданы были привилегіи на «плодоносныя, обширныя и для житія человѣческаго выгодныя» земли на Украинѣ, въ степи, между рѣкою Синюхою, впадающею въ Вугъ, и Днѣпромъ, названныя «Новою Сербією», и на пустыя земли между Донцомъ и Луганью, названныя «Славено-Сербією.»***)

Движеніе австрійскихъ сербовъ въ предѣлы Россіи нашло отголосокъ въ ихъ задунайскихъ братьяхъ и въ особенности въ черно-

*) Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ, стр. 531.

***) Назв. соч., стр. 532.

***) Уляницкій. Дарданеллы, Восторъ и Черное море въ XVIII вѣкѣ, стр. 96.

горцахъ, которые поднимали оружіе противъ турокъ не только во время несчастнаго прутскаго похода, но и въ русско-турецкую войну 1735—39 года. Принимая живое участіе въ черногорцахъ, русское правительство, по случаю шедшей тогда Семилѣтней войны, въ сношеніяхъ съ ними соблюдало, однако, крайнюю осторожность. Такъ въ 1755 году, въ отвѣтъ на выраженное черногорцами желаніе вступить въ подданство Россіи, имъ было объявлено, что такъ какъ переходъ въ русское подданство можетъ окончиться для нихъ весьма бѣдственно, «по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и отдаленности Русской имперіи», то дѣло это отложено до болѣе благопріятнаго времени. Точно также Россія не нашла возможнымъ удовлетворить просьбу черногорцевъ о назначеніи къ нимъ русскаго агента для защиты ихъ противъ турокъ. Но все это не мѣшало Россіи предупреждать Черногорію о грозящихъ ей опасностяхъ со стороны османовъ и, воздерживаясь отъ всякой оффиціальности, ходатайствовать за нея передъ Портой черезъ вліятельныхъ турецкихъ сановниковъ. *)

Вмѣстѣ съ упроченіемъ русскаго вліянія въ Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Черногоріи распространилось вліяніе Россіи и въ Греціи. Наши сношенія съ греками установились, какъ извѣстно, издавна; но сношенія эти особенно оживились съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала принимать активное участіе въ международной жизни и начала вступать въ войны съ Турціей. Усиленіе Россіи было для грековъ предвѣстникомъ скорого освобожденія ихъ отъ турецкаго ига, и они тѣмъ охотнѣе популяризировали нашу освободительную миссію на Востокъ, что въ побѣдѣ русскаго народа надъ турками видѣли возможность восстановленія греческой имперіи съ главенствомъ надъ всѣми христіанами Балканскаго полуострова. Эта *мечтательная идея* развивалась у грековъ благодаря тому, что связью русскаго народа съ балканскими племенами служило въ то время больше *православіе*, чѣмъ *національность*. Русское правительство въ народахъ Турціи видѣло прежде всего христіанъ, и при томъ христіанъ православныхъ, относясь къ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, какъ къ *географическимъ терминамъ*, а потому греки, какъ старѣйшіе представители восточнаго православія на Балканскомъ

*) Добровъ, назв. соч., стр. 536.

полуостровъ, мечтали получить при помощи Россіи главенство среди турецкихъ христіанъ послѣ паденія царства османлисовъ въ Европѣ. *)

Такимъ образомъ, въ половинѣ XVIII вѣка, Россія успѣла значительно упрочить свое вліяніе среди народностей Балканскаго полуострова. Въ надеждѣ получить защиту и освобожденіе отъ мусульманскаго ига, народности эти обращали свои взоры и упованія на Россію, а эта послѣдняя не отталкивала ихъ отъ себя, а напротивъ ласкала и ободряла разнаго рода лестными для нихъ обѣщаніями и матеріальною помощью, и тѣмъ самымъ приготовляла себѣ многочисленныхъ союзниковъ для послѣдующихъ своихъ войнъ съ Турціей.

*) Назв. соч. стр. 586—587.

Г Л А В А IV.

Общие результаты отношеній Россіи къ Турціи въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII вѣка.

Цѣль и направленіе восточной политики Россіи въ первый періодъ сношеній съ Турціей.—Положеніе вопроса о безопасности южныхъ русскихъ границъ и о развитіи торговаго судоходства по Черному морю.—Положеніе вопроса религіозно-національнаго.—Виушенія, шедшія въ Россію изъ западной Европы.—Взглядъ Карновича на участіе Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ.—Преувеличеніе заботъ западной Европы о ихъ положеніи.—Ошибочность мнѣнія о занесеніи къ намъ съ Запада идеи заступничества за единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи.—Условія и характеръ дѣятельности Россіи при преслѣдованіи этой идеи въ XVI и XVII вѣкахъ. Вопросъ объ участіи Россіи въ освобожденіе балканскихъ христіанъ при Петрѣ I.—Положеніе этого вопроса при Аннѣ Іоанновнѣ, и проявленіе недоброежелательства къ намъ Запада.—Отношеніе Россіи къ балканскимъ народностямъ при Елизаветѣ.—Успѣхи, сдѣланныя Россіей въ религіозно-національномъ вопросѣ въ первый періодъ отношеній къ Турціи.

Царствованіемъ Елизаветы Петровны оканчивается первый періодъ отношеній Россіи къ Турціи. Періодъ этотъ, обнимающій собою два съ половиною вѣка, является подготовительной эпохой къ царствованію Екатерины Великой, которая открываетъ своими дѣйствіями новую эру въ исторіи восточнаго вопроса. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему обзору восточной политики русскаго двора, необходимо подвести итоги тѣмъ результатамъ нашихъ отношеній къ Турціи, которыхъ сумѣла достигнуть древняя русская дипломатія къ половинѣ XVIII вѣка.

Какъ не разъ было говорено выше, цѣль восточной политики Россіи послѣ паденія Византійской имперіи должна была сводиться къ разрѣшенію двухъ вопросовъ: вопроса матеріальнаго, заклю-

чавшагося въ обезпеченіи экономическихъ и политическихъ интересовъ Россіи на Востокъ, и вопроса религіозно-національнаго, состоявшаго въ заботахъ русскаго народа о положеніи подъ властью турокъ православной церкви и его единоплеменниковъ. Русское правительство, какъ мы видѣли, прекрасно понимало объ эти задачи и послѣдно стремилось къ ихъ разрѣшенію. Признавая, однако, что Россія не въ силахъ на первыхъ же порахъ приступить къ разрѣшенію обѣихъ задачъ вмѣстѣ, наши дипломаты того времени сочли за лучшее сначала заняться обезпеченіемъ матеріальныхъ интересовъ русскаго народа, съ которыми нераздѣльно связывалась внутренняя и внѣшняя мощь государства, а потомъ уже, при болшихъ средствахъ и силахъ, взяться за религіозно-національное дѣло. И въ этомъ именно направленіи они трудились надъ восточнымъ вопросомъ въ первый періодъ исторіи отношеній Россіи къ Оттоманской Портѣ.

Цѣль русской политики на Востокъ со времявъ Ивана III сводилось преимущественно къ тому, чтобы расширить юго-восточныя границы Россіи, отодвинуть ихъ до естественныхъ предѣловъ, до черноморской береговой линіи, и обезпечить ихъ отъ опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ. Цѣль эта имѣла для себя оправданіемъ то, что каждое государство, по мѣрѣ возможности должно стремиться найти твердыя, неизблмыя, самой природой указанныя границы, чтобы оградить себя отъ нападеній внѣшнихъ враговъ и быть независимымъ въ экономическомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей, т. е. чтобы имѣть въ полномъ и свободномъ распоряженіи пути по рѣкамъ, морямъ и озерамъ, входящимъ въ составъ государственной территоріи. Между тѣмъ Московское государство не имѣло непосредственнаго доступа къ Черному морю по своимъ большимъ судоходнымъ рѣкамъ, а развитіе торговли и промышленности юго-восточныхъ русскихъ окраинъ находилось въ прямой зависимости отъ отношеній къ Россіи пограничныхъ съ нею татаръ, которые постоянно разоряли своими набѣгами южнорусскія земли и оказывали разнаго рода препятствія нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Востокомъ. Насколько Россія успѣла въ разрѣшеніи этого жизненнаго для себя вопроса,—легко замѣтить изъ вышеназложеннаго. Иванъ Грозный покорилъ Казанское и Астраханское царства и такимъ образомъ расширилъ предѣлы

Московского государства на юго-востокъ. Въ слѣдующія царствованія границы Московскаго государства расширяются на югъ и засѣка Бориса Годунова уже захватываетъ отдаленный Воронежъ. Въ половинѣ XVII вѣка русское царство отодвигаетъ свои границы на юго-западъ и граничитъ предѣлами гетманства Богдана Хмѣльницкаго, а въ началѣ XVIII вѣка оно приобретаетъ Азовъ и достигаетъ береговъ Азовскаго моря. Съ расширеніемъ русской государственной территоріи на югъ, поле для набѣговъ и грабежей крымскихъ татаръ постепенно сузилось, вслѣдствіе чего опустошительные набѣги кочевыхъ татарскихъ ордъ становились гораздо рѣже и сопровождались меньшими бѣдствіями для русскихъ окраинъ. Тѣмъ не менѣе крымцы не переставали тревожить южные предѣлы Россіи даже въ началѣ XVIII вѣка. Само собою разумѣется, что при необезпеченности южныхъ окраинъ Московскаго государства отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и при отсутствіи свободной торговой дороги къ Черному морю не могло процвѣтать и наше экономическое благосостояніе. Къ тому же условія нашей торговли съ Востокомъ почти нисколько не улучшились. Для развитія этой торговли Россіи нужно было достигнуть береговъ Чернаго моря и завести на немъ свое торговое судоходство. Но, какъ извѣстно, русская дипломатія потерпѣла здѣсь неудачу. Петръ Великій, вѣрно оцѣнившій своимъ гениальнымъ умомъ значеніе Азовской крѣпости, которая могла служить для насъ лучшимъ ключемъ къ развитію торговаго судоходства по Черному морю, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ добиться отъ Порты дозволенія производить торговлю на русскихъ судахъ, а послѣ прутской неудачи 1711 года, поведшей за собою утрату для Россіи Азова, долженъ былъ совершенно отказать отъ мысли развить русскую торговлю путемъ свободы судоходства на Черномъ морѣ. Мало въ этомъ отношеніи сдѣлано было и при преимуществахъ Петра. Въ вопросѣ о расширеніи русскихъ границъ до черноморской береговой линіи и о развитіи торговли путемъ свободы судоходства въ Черномъ морѣ, правительство Анны Іоанновны, возвратившее Россіи Азовъ по Бѣлградскому трактату, встрѣтилось съ недоброжелательствомъ, завистью и опасеніями западныхъ державъ, которые прекрасно понимали, что если Россія достигнетъ цѣлей, преслѣдуемыхъ ею

въ войнѣ съ Турціей, то она въ непродолжительномъ времени можетъ выступить опаснымъ конкурентомъ для государствъ, ведущихъ торговлю съ Левантомъ. Охраняя монополію этой торговли, онѣ, подъ видомъ заботливости о безопасности Турціи, которой въ то время мы еще и не думали серьезно угрожать, перенесли центръ тяжести тогдашней политики Россіи съ почвы экономической на почву политическую и тѣмъ окончательно парализовали благія намѣренія русскаго правительства.

Таково положеніе, въ которомъ находимъ мы вопросъ о матеріальныхъ интересахъ Россіи на Востокъ послѣ неустанной дѣятельности русской дипломатіи въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ. Если русское правительство не потерпѣло полнѣйшей неудачи въ этомъ вопросѣ, то во всякомъ случаѣ оно не разрѣшило ни татарскаго вопроса, ни вопроса о свободѣ судоходства по Черному морю. Само собою понятно, на какой стадіи развитія долженъ былъ стоять въ это время вопросъ о религіозно-національныхъ интересахъ Россіи въ Турціи, разрѣшеніе котораго было поставлено нашею дипломатіею въ непосредственную и прямую зависимость отъ степени обезпеченности экономическихъ нуждъ русскаго народа.

Мы видѣли, что тотчасъ послѣ паденія Константинополя и образованія могущественной Оттоманской имперіи на развалинахъ одряхлѣвшей Византіи, западная Европа, трепеща передъ несокрушимою мощью турокъ, воими средствами старалась оградить себя отъ нашествія дикихъ азіатскихъ варваровъ и что въ глазахъ европейскіхъ державъ Россія являлась силой, на которую сильно рассчитывали въ борьбѣ съ османами, такъ какъ Московское государство, покорившее восточныя татарскія царства—Казань и Астрахань, завоевавшіе Сибирь и постоянно боровшееся съ подручникомъ султана—крымскимъ ханомъ, бывшимъ для русскихъ опаснымъ врагомъ, силою вещей становилось участникомъ въ общей борьбѣ Европы противъ мусульманскихъ ордъ, часть которыхъ роковымъ образомъ грозила Западу своими смѣлыми походами во внутрь Венгріи. Въ виду этого на Западѣ проявился необыкновенный интересъ къ Россіи. Изъ Рима и Вѣны постоянно присылались въ Москву посольства за посольствомъ съ предложеніемъ русскимъ царямъ союзовъ противъ врага

имени Христова и съ представлениемъ московскому правительству о томъ, что Россія не только имѣетъ право, но и обязана бороться съ турками ради защиты своихъ угнетенныхъ единоверцевъ и единоплеменниковъ на Балганскомъ полуостровѣ и получения наслѣдства, которое оставила ей политически умершая Византія. Заботясь о своей собственной безопасности, европейскія державы страстно желали вступить въ союзъ съ схизматическою Москвою для борьбы противъ невѣрныхъ и настойчиво подстрекали московскихъ государей начать войну съ турецкимъ султаномъ, причемъ свои личныя выгоды искусно прикрывали разными идеальными стремлениями на пользу христіанства и цивилизаціи, а также краснорѣчивыми и лестными указаниями на ту тѣсную кровную и духовную связь, которая существуетъ между Россіей и христіанами Турціи и обязываетъ-де православную Русь возстановить Греческую имперію.

Какъ же относились въ Москвѣ къ шедшимъ съ Запада внушениямъ выступить въ качествѣ освободительницы православныхъ народностей Турціи? Относились-ли тамъ сознательно къ предложеніямъ цесарей и папъ и понимали-ли историческую миссію Россіи по отношенію къ Востоку? Болѣе или менѣе обстоятельное историческое разъясненіе отношенія Россіи къ православному Востоку въ разсматриваемый періодъ времени для насъ представляетъ весьма важный интересъ тѣмъ болѣе, что освобожденіе Россіи турецкихъ христіанъ мы называемъ ея «предназначеніемъ» или «миссіей», а это, какъ о томъ было говорено выше, нѣкоторыми писателями признается невѣрнымъ въ виду того, что предназначеніе требуетъ, чтобы извѣстное политическое стремленіе было постояннымъ и неизмѣннымъ, чего-де не усматривается въ нашихъ отношеніяхъ къ восточнымъ христіанамъ. Чтобы выяснитъ ту роль, которую играла Россія въ дѣлѣ освобожденія турецкой райи, мы прежде всего позволимъ себѣ взглянуть на тѣ выводы, къ которымъ пришелъ по этому вопросу Карновичъ, раньше насъ обозрѣвавшій историческій ходъ отношеній Россіи къ Турціи съ тѣмъ, чтобы показать, насколько участіе русскаго народа въ освобожденіи своихъ восточныхъ единоверцевъ и единоплеменниковъ отвѣчало его «предназначенію.»

Выводы автора статьи «Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига» заключаются въ слѣдующемъ.

При водвореніи турецкаго господства въ Европѣ Московское государство, по своему географическому положенію, было отдалено отъ владычій османовъ и потому чувствовало себя безопаснѣе отъ грозныхъ завоевателей; западная же Европа дрожала въ виду быстрыхъ успѣховъ ихъ оружія, и здѣсь *«пролегла первая мысль о томъ, чтобы Россія, въ союзѣ съ другими христіанскими державами, употребила свои силы для освобожденія христіанства отъ господства турокъ.»* *) Но Москва не раздѣляла желаній западной Европы ополчиться противъ турокъ. Напротивъ того, она *«старалась облизаться съ ними и, отложивъ въ сторону всякіе поводы къ религиознымъ и политическимъ столкновеніямъ, заботилась только о своихъ торговыхъ интересахъ.»* **) *«При такихъ утилитарныхъ сношеніяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о печальной судьбѣ христіанъ, поработченныхъ турками.»* ***) Въ сношеніяхъ Москвы съ Турціей *«не только не было никакого предстательства, но даже и никакой смиренной просьбы за поработченныхъ христіанъ.»* ****) Вообще, замѣчаетъ авторъ, *«по участию въ освобожденіи христіанскаго міра отъ турецкаго господства, Русь, въ сравненіи съ западною Европою, представляетъ рѣзкую разницу. На Западѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, участіе христіанскихъ народовъ въ этомъ дѣлѣ было господствующею религиозною идеею, тогда какъ Русь не только равнодушно относилась къ этой идее, но даже напротивъ, въ лицѣ своихъ представителей, старалась какъ можно ближе сходиться съ турками. Мысль объ освобожденіи христіанства отъ владычества ислама нехорошо волновала на Западѣ всѣ умы, ополчала государей и ихъ подданныхъ подъ знаменіемъ креста противъ ненавистнаго полумѣсяца, заставляла безропотно переносить труды, жертвы и лишения и обратилась даже въ какой-то религиозный культъ. Однимъ изъ главныхъ обрядовъ возникшихъ тогда рыцарскихъ орденовъ было истребленіе мечети Магомета, а нѣкоторые духовно-рыцарскіе ордена, какъ, напримеръ, орденъ тамплиеровъ и орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, впоследствии мальтійскій, были основаны исключительно*

*) Отеч. Зап., за 1878 г., № 1, стр. 124.

**) Тамъ же, стр. 126.

***) Тамъ же, стр. 127.

****) Тамъ же, стр. 128.

съ этою богоугодною цѣлью. Короли венгерскіе, въ качествѣ великихъ магистровъ ордена Св. Стефана, приносили торжественную присягу—никогда не мириться съ невѣрными. Сосѣдка и единоплеменница Россіи, Польша, не участвовавшая въ крестовыхъ походахъ, въ послѣдствіи принимала самое дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ западной Европы освободить христіанъ отъ турецкаго ига. *) Не таковъ характеръ политики, которой держалась Москва въ отношеніи Турціи въ исходѣ XV и въ первой половинѣ XVI столѣтія. «Московскіе государи не хотѣли разрывать дружбы съ султанами, стараясь исключительно о томъ, чтобы упрочить торговыя выгоды своихъ подданныхъ въ областяхъ, подвластныхъ Турціи. Дорожа всего болѣе этими выгодами, они не только оставались равнодушны къ постояннымъ призывамъ западной Европы спасти христіанскій міръ отъ поборниковъ ислама, но напротивъ, искали союза съ этими послѣдними противъ христіанской Польши и Литвы.» **)

Указывая на равнодушіе Москвы къ положенію христіанъ, подвластныхъ Турціи, и на отрешеніе московскихъ государей сблизиться съ ихъ притѣснителями, Карновичъ не ставитъ такое чувство и такую политику въ осужденіе Ивану III, Василю III и Ивану IV Грозному. «Равнодушіе ихъ къ участи христіанъ, поработенныхъ невѣрными, по его мнѣнію, объясняется прежде всего тѣмъ, что сама Русь не испытывала никакихъ реальныхъ притѣсненій отъ своихъ властителей—магометанъ и потому она не питала озлобленія противъ ислама, какъ явленія безусловно враждебнаго христіанской вѣрѣ. Татары ограничивались политическимъ господствомъ надъ Русью, а ея церкви не только предоставляли полную свободу и независимость, но и оказывали особое покровительство.» ***) Озлобленіе противъ ислама «занесено къ намъ, главнымъ образомъ, съ запада папскими и другими иноземными миссіонарами, которые выставляли въ Москвѣ поклонниковъ Магомета, съ западной точки зрѣнія, какъ непримиримыхъ враговъ ученія Христова, и внушали, что искорененіе ихъ будетъ подвигомъ,

*) Тамъ же, стр. 129—130.

**) Тамъ же, стр. 182.

***) Тамъ же, стр. 132—133.

угоднымъ Богу.» *) Но «если религіозная вражда не вызывала государей московскихъ на борьбу съ исламомъ, а господство татаръ утвердило на Руси понятіе о магометанахъ, какъ о властителяхъ, отличающихся въротерпимостью, то, вслѣдствіе всего этого, уничтожался главный побудительный поводъ къ заступничеству со стороны Москвы за христіанъ, поработенныхъ новыми магометанскими завоевателями—турками», такъ какъ идея о политическомъ ихъ освобожденіи была чужда въ ту пору цѣлой Европѣ и, конечно, въ данномъ случаѣ московскіе государи, вполне равнодушно смотрѣвшіе на политическое угнетеніе своихъ единовѣрцевъ въ Турціи, не могли составить исключенія. **) Наконецъ, «въ ту пору магометанство не могло представляться Москвѣ такою враждебною и опасною силою, для истребленія которой приходилось бы отомчаться, забывъ все другія условія тогдашней политической обстановки. Среди христіанскихъ народовъ, литовцы, поляки, шведы, тевтонскіе рыцари или крымчаки были для Москвы гораздо злѣйшими и болѣе страшными врагами, нежели татарскія орды и турки.» ***)

Считая доказаннымъ, что Москва XV и XVI столѣтій, какъ по религіозному своему настроенію, такъ и по своей государственной жизни, не могла быть даже самою отдаленною предвозвѣстницею исторической задачи Россіи освободить христіанъ отъ магометанскаго ига, Карновичъ говоритъ, что и въ XVII столѣтіи она не проявляла сознанія такой великой задачи. Особенно рѣзко обнаружилось это, по мнѣнію автора, на земскомъ соборѣ 1642 года. Въ это время «не только не раздавался въ Москвѣ громкій призывъ къ избавленію страждущихъ единовѣрцевъ, но никто даже не заговорилъ объ этомъ. Никто не принёсъ не только рублевника, но даже и погумши на это общее, свѣтее дѣло, и даже напротивъ, московскіе соборяне воспользовались удобнымъ случаемъ для того, чтобы заявить о собственной своей нищетѣ и бѣдности и о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія они сами испытывали.» ****)

Въ виду всего этого Карновичъ не находитъ возможнымъ до-

*) Тамъ же, стр. 136.

**) Тамъ же, стр. 136.

***) Тамъ же, стр. 136.

****) Тамъ же, стр. 145.

пустить, чтобы «въ древней Москвѣ, безъ посторонняго на нея вліянія, могла зародиться, развиваться и укрѣниться мысль о защитѣ или освобожденіи христіанъ, угнетенныхъ турками, и явиться тамъ какою-то историческою задачею для преемниковъ великихъ князей и царей московскихъ.» *) *Такая мысль, по мнѣнію автора, пришла въ Москву съ Запада, причемъ нова Русское государство оставалось при своихъ стародавнихъ жизненныхъ началахъ, внушенія папъ, цесарей и королей польскаго, французскаго и даже шведскаго, обыкновенно не встрѣчали никакого сочувствія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда представителями власти въ Россіи являлись люди съ европейскимъ складомъ ума, каковыми были въ нашей исторіи: Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій I, Ордынь-Нащокинъ и князь Василій Голицынъ. **) Первые, хотя еще и слабыя признаки поворота въ прежней политикѣ по отношенію къ Турціи проявляются именно въ правленіе Годунова. «Москва, отрекавшаяся прежде отъ участія въ союзѣ западныхъ государствъ противъ Турціи, стала ожидать содѣйствія западной Европы для освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, но еще не рѣшалась принимать въ этомъ дѣлѣ смѣлаго починка.» ***) Лжедмитрій же «рѣшительно и смѣло пошелъ наперекоръ традиціямъ той политики, которой держалась прежде Москва.» Не ожидая призыва со стороны западныхъ государей, «онъ самъ думалъ стать во главѣ европейскаго союза противъ турокъ, и походъ на нихъ сдѣлался его любимомъ мечтою.» Онъ писалъ папѣ о своемъ намѣреніи «стереть державу невѣрныхъ съ лица земли», просилъ святаго отца не допускать императора Рудольфа до заключенія мира съ Турціей, и для переговоровъ о войнѣ съ нею отправилъ въ Римъ довѣреннаго іезуита.****) Смерть Лжедмитрія прекратила его отважные помыслы. Что касается до Ордынь-Нащокина и кн. Голицына, то царскій сановникъ времени Алексѣя Михайловича былъ «первымъ изъ русскихъ, заговорившихъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ, угнетенныхъ магометанами», *****) а фаворитъ царевны Софьи, какъ человекъ, придерживавшійся*

*) Тамъ же, стр. 157.

**) Тамъ же, стр. 157.

***) Тамъ же, стр. 139.

****) Тамъ же, стр. 139—140.

*****) Тамъ же, стр. 149.

европейскихъ воззрѣній, на дѣлѣ выказалъ полное свое сочувствіе къ занесенной въ Москву съ Запада мысли объ изгнаніи турокъ изъ Европы.*)

Въ виду иноземнаго происхожденія на Руси идеи объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига Москвѣ XVI и XVII вѣковъ, разумѣется, не могла принадлежать и мысль объ исключительномъ покровительствѣ своимъ восточнымъ единоверцамъ и единопламенникамъ. Принимая на себя защиту ихъ, она искала союза съ иновѣрными державами: Испанією, Францією и Англією и дѣйствовала заодно съ Австрією и Польшою. Въ концѣ XVII вѣка общій, давно возбужденный на Западѣ вопросъ объ избавленіи вообще христіанъ, поработенныхъ турками, сталъ дѣлаться для Москвы исключительно православному и получать характеръ враждебный католичеству. Но и это, по мнѣнію Карновича, дѣлалось безъ всякаго почина со стороны Москвы. «Мысль о томъ значеніи, какого должна добиваться Россія въ Турціи, какъ православная держава, была, говоритъ онъ, высказана въ первый разъ гетманомъ Самойловичемъ, и онъ, по всей справедливости, долженъ считаться основателемъ той политики, которой впоследствии стали держаться русскіе государи при предъявленіи Пертъ своихъ требованій относительно покровительства христіанъ въ Турціи.» **) При вступленіи Россіи въ «Священный Союзъ» противъ Турціи, ревностный поборникъ православія, Самойловичъ, писалъ въ Москву по поводу нашего союза съ поляками слѣдующее: «Подъ игомъ турецкимъ обрѣтаются народы православной греческой вѣры, валахи, молдаване, болгары и сербы, за ними многочисленныя греки, которые всѣ отъ пашина начальства укрываются и утѣшаются однимъ именемъ русскихъ царей, надѣясь когда-нибудь получить отраду. Если бы цесарю римскому и королю польскому удалось овладѣть турецкими областями, они принудили бы къ уни и понизили бы православіе.» Поэтому, полагалъ Самойловичъ, передъ вступленіемъ въ союзъ съ Польшою необходимо оградить отъ католичества безопасность православія въ турецкихъ областяхъ. ***) О необходимости охранять православіе среди турецкихъ христіанъ одновременно

*) Тамъ же, стр. 151.

**) Тамъ же, стр. 157.

***) Тамъ же, стр. 151.

съ Самойловичемъ высказывались константинопольскій патриархъ Діонисій и сербскій патриархъ Арсеній, писавшіе въ Москву, что участіе католическихъ государей въ войнѣ противъ Турціи придаетъ католичеству въ турецкихъ областяхъ сильное вліяніе, опасное для православія. *)

На основаніи всего сказаннаго Карновичъ приходитъ къ заключенію, что *«стремленіе освободить христіанъ изъ-подъ турецкаго яра, стремленіе, выставляемое историческою задачею Россіи, не зародилось въ ея сердцѣ—въ Москвѣ, но пришло туда съ Запада и долгое время было тамъ чуждо и ея релігіозному настроенію, и направленію ея внешней политики.»* **)

Показавъ, насколько Москвѣ XV, XVI и XVII вѣковъ была присуща идея защиты турецкихъ христіанъ, Карновичъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію положенія этого вопроса въ эпоху Петра Великаго и его преемниковъ. По мнѣнію автора, во времени воцаренія Петра *вопросъ о покровительствѣ Россіи турецкимъ христіанамъ былъ уже достаточно подготовленъ прежнимъ ходомъ событій*; къ этому времени со стороны русскаго правительства ясно было выражено желаніе освободить христіанское населеніе отъ власти магометанскихъ завоевателей, и Петръ I съ свойственнымъ ему пыломъ приступилъ къ завершенію дѣла, начатаго его предшественниками. ***) Уже при заключеніи Карловицкаго мира *«Возницынъ потребовалъ отъ имени русскаго государя, чтобъ русскіе люди имѣли право свободно ходить на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, чтобъ Святыя Мѣста, отданныя султаномъ въ Іерусалимъ французамъ, были возвращены грекамъ и чтобъ православные въ турецкихъ областяхъ могли безпрепятственно отправлять свое богослуженіе.»* ****) *«Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, при Петрѣ I положительно было заявлено со стороны Россіи притязаніе покровительствовать своимъ единоутрацамъ въ Турціи. Только надъ одними православными, а не вообще надъ всеми христіанами, присвоивала теперь себѣ Россія протекторатъ, который, вслѣдствіе возвращенія грекамъ отнятаго у нихъ французами,*

*) Тамъ же, стр. 151—152.

**) Тамъ же, стр. 158.

***) „Отеч. Зап.“ за 1878, № 2, стр. 361.

****) Тамъ же, стр. 362.

устанавливался съ перваго же раза въ ущербъ католикамъ. Вынудивъ отъ Турціи право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, царь московскій являлся тамъ единственнымъ защитникомъ православія.» *) Въ 1711 году этотъ «единственный защитникъ православія» дѣлаетъ смѣлую попытку стать *освободителемъ, столупникомъ подъ варварскимъ игомъ грековъ, румынъ, болгаръ и сербовъ*, причемъ дѣло это основывается не на одномъ только единовѣрїи, но и на *современномъ намъ принципѣ національности*, указывая черногорцамъ въ посланной къ нимъ грамотѣ, что они «съ русскими одного рода, одного языка.» **)

Обращаясь въ заключеніе къ оцѣнкѣ тѣхъ результатовъ, которые принесло заступничество Петра Великаго за единовѣрцевъ, Карновичъ говоритъ, что *«въ практическомъ отношеніи результаты эти не имѣли никакого значенія уже потому, что исполненіе статей Карловицкаго договора, относящихся къ нему, было предоставлено самой Портѣ безъ всякаго наблюденія со стороны Россіи. Исполнена была собственно одна только формальность. Неудача при Прутѣ не допустила утвердиться русскому вліянію въ единовѣрной намъ Молдавіи, а вопросъ о балканскихъ славянахъ и сербахъ не поднимался въ отдѣльности. Что же касается черногорцевъ, то они собственными своими силами, при помощи со стороны Россіи, пытались отстоять свою свободу, какъ политическую, такъ и религіозную. Относительно же Греціи, по ея географическому положенію, нельзя было даже ничего предпринять. Притомъ, греки въ это время не пользовались сочувствіемъ въ Россіи.» ***)* Но если покровительство Россіи христіанамъ въ Турціи не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ, то, продолжаетъ Карновичъ, *подъ вліяніемъ политики Петра вопросъ объ этомъ покровительствѣ получилъ болѣеую опредѣленность.* «Хотя Петръ началъ борьбу за освобожденіе христіанъ въ союзѣ съ католическими державами, но, при заключеніи мирнаго договора съ Турціею, онъ выдѣлилъ православныхъ изъ среды общаго христіанскаго населенія и только однихъ ихъ врянулъ подъ свое покрови-

*) Тамъ же, стр. 362.

**) Тамъ же, стр. 364.

***) Тамъ же, стр. 370.

тельство, оставивъ католиковъ на попеченіе ихъ единовѣрцевъ. Кромѣ того, предъявленіемъ требованія, чтобъ православнымъ грекамъ было возвращено въ Іерусалимъ все то, что было у нихъ отнято въ пользу французовъ, Петръ показалъ, что онъ намѣренъ защищать въ Турціи своихъ единовѣрцевъ не только отъ гнета мусульманъ, но и отъ притязаній католиковъ. Тѣмъ самымъ онъ придалъ преобладающее значеніе православію на Востокѣ. Само собою разумѣется, что объ уравниніи православныхъ въ гражданскихъ правахъ съ мусульманами не могло быть рѣчи. Въ ту пору даже и на Западѣ не проявлялась еще мысль о религіозной равноправности.» *)

Переходя къ исторіи кратковременныхъ царствованій ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго—Екатерины I и Петра II, Карновичъ говоритъ, что царствованія эти «не представляютъ ничего замѣчательнаго въ ходѣ вопроса о покровительствѣ Россіею ея единовѣрцамъ въ Турціи.» Существенная причина этого явленія заключается въ томъ, что «пререканія наши съ Портою утратили принятый ими было характеръ, когда главнымъ и даже единственнымъ поводомъ къ войнѣ съ нею могло быть выставлено желаніе Россіи освободить православныхъ изъ-подъ бурсманскаго ига. Вопросъ объ этомъ еще при Петрѣ потерялъ свое самостоятельное значеніе, и хотя впоследствии онъ каждый разъ при разрывѣ нашемъ съ Турціею выдвигался впередъ, но за нимъ таились неудовольствія по другимъ причинамъ чисто политическаго свойства.» **) *Будучи не основною целью русской политики, а лишь ея аксессуаромъ, «вопросъ о покровительствѣ христіанамъ, а тѣмъ болѣе объ освобожденіи ихъ или, что тогда въ сущности было равнозначуще, о присоединеніи ихъ къ Россіи, по мнѣнію Карновича, не подвинулся нисколько впередъ» и въ царствованіе Анны Іоанновны. ***)* Во времена же «набожной и кроткой» Елизаветы Петровны, въ которой у насъ привыкли видѣть поборницу національныхъ русскихъ интересовъ, объ освобожденіи христіанъ, по словамъ автора, совершенно не думали, несмотря на энергичныя представленія мѣстныхъ русскихъ агентовъ.

*) Тамъ же, стр. 370.

**) Тамъ же, стр. 371—372.

***) Тамъ же, стр. 375.

Дѣлая общую характеристику отношеній Россіи къ своимъ едино-
вѣрцамъ и единоземникамъ въ эту эпоху, Карновичъ говоритъ:
«Можно положительно сказать, что со времени Петра и до нашихъ
дней, ни въ одно царствованіе, за исключеніемъ развѣ царствованія
императора Павла, не выказывалось такое равнодушіе къ судьбамъ
нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, какое выказывалось въ цар-
ствованіе Елизаветы. Конечно, такое равнодушіе можно объяснить
тѣмъ, что Россія должна была напрягать воѣ свои силы для
борьбы съ Пруссіей; но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, въ продол-
женіе болѣе десяти лѣтъ, въ началѣ царствованія Елизаветы,
Россія могла свободно располагать своими вооруженными силами
и, во-вторыхъ, что если признать освобожденіе христіанъ отъ ту-
рекаго ига исторической задачей Россіи, то чрезвычайно стран-
нымъ покажется, что именно въ ту пору, когда все внутри Россіи
было налажено къ тому, чтобы разрѣшить эту задачу въ духѣ
національной политики, она была совершенно забыта, и личное
раздраженіе Елизаветы противъ злоязычнаго Фридриха II, хотя и
съ примѣсю политическихъ «конъюктуръ», брало верхъ надъ
такою задачей, которая, при чисто-русскомъ правительствѣ, должна
была быть на первомъ планѣ»... «Равнодушіе Россіи къ положе-
нію христіанъ въ Турціи и застою этого вопроса, при русско-
православной обстановкѣ всего царствованія Елизаветы, лучше
всего показываетъ, что онъ не былъ у-насъ жизненнымъ вопро-
сомъ.» *) Идея освобожденія балканскихъ христіанъ была принята
Россіей отъ западной Европы, но теперь Европа «перестала ду-
мать объ ихъ освобожденіи и среди европейскихъ кабинетовъ воз-
никла даже мысль не допускать Россію до усиленія ея значенія
въ Турціи посредствомъ покровительства христіанамъ греческаго
закона.» Съ уничтоженіемъ же западно-европейскаго вліянія на
Россію въ указанномъ направленіи, она «сама по себѣ не только
не напрягала всѣхъ усилій на пользу своихъ единовѣрцевъ, но стала
опять оказывать чрезвычайное къ нимъ равнодушіе.»**) Въмѣстѣ съ
равнодушіемъ къ участи балканскихъ христіанъ Карновичъ усма-
триваетъ въ политикѣ Елизаветы даже «двоудушіе, всегда такъ

*) Тамъ же, стр. 383—384.

**) Тамъ же, стр. 876.

вредно отзывающееся на судьбѣ покровительствуемыхъ.» «Забо-
тась о томъ, чтобы только не «привести черногорцевъ въ отчая-
ніе», имъ внушали, чтобы они переносили терпѣливо тяготѣющій
надъ ними гнетъ, а между тѣмъ втихомолку подбивали ихъ неопре-
дѣленными обѣщаніями. Само собою разумѣется, что проявленіе
подобнаго безсилія никогда не можетъ внушить увѣренность въ
защиту по сочувствію, а представляется только въ видѣ полити-
ческихъ, тонко обдуманыхъ расчетовъ, чѣмъ, конечно, въ сущ-
ности и было при Елизаветѣ покровительство Россіи ея единовѣр-
цамъ въ Турціи. По этому вопросу не встрѣчается ни увлеченія,
ни проблеска отваги, нѣтъ также здѣсь и свойственной русскимъ
людямъ размахистости. Напротивъ, здѣсь господствуютъ умѣрен-
ность и аккуратность, которыя могли быть подѣ-стать только
временамъ «анти-національной политики» и «нѣмецкаго ига», тя-
готѣвшаго прежде надъ Россією и сброшеннаго дочерью Петра
Великаго.» *)

Такова оцѣнка, которую дѣлаетъ Карновичъ участію Россіи
въ освобожденіи балканскихъ народовъ отъ турецкаго ига въ пер-
вый періодъ исторіи нашихъ отношеній къ Оттоманской Портѣ.
Съ оцѣнкой этой едва ли, однако, возможно согласиться, такъ
какъ она страдаетъ, съ одной стороны, преувеличеніями, а съ дру-
гой—неполнотой, и потому даетъ совершенно неправильное пред-
ставленіе объ участіи Россіи въ судьбѣ восточныхъ христіанъ.
Чтобы наше мнѣніе объ ошибочности воззрѣній Карновича не
было голословнымъ, мы постараемся подтвердить его фактически,
а это, въ свою очередь, дастъ намъ возможность болѣе или менѣе
обстоятельно выяснить какъ тѣ главные начала, которыя лежали
въ основѣ русской политики въ отношеніи единовѣрныхъ и едино-
племенныхъ намъ народовъ Востока, такъ и тѣ результаты, кото-
рыхъ достигла она къ половинѣ XVIII вѣка.

Прежде всего необходимо замѣтить, что Карновичъ преувели-
чиваетъ заботы западной Европы объ освобожденіи турецкихъ
христіанъ, говоря, что на Западѣ «участіе христіанскихъ народовъ
въ этомъ дѣлѣ было господствующею религіозною идеею.» Конечно,
было бы несправедливо умалять великую заслугу юго-западныхъ

*) Тамъ же, стр. 384—385.

европейскихъ государствъ, оказанную ими цивилизаціи отраженіемъ натисковъ азіатскихъ варваровъ на среднюю часть Европы; но, съ другой стороны, настолько же несправедливо утверждать, что эти государства въ борьбѣ съ завоевателями Балканскаго полуострова руководились религіозною идеею и во имя этой идеи ратовали за освобожденіе восточныхъ христіанъ. Основнымъ началомъ ихъ борьбы съ турками было не религіозное чувство и не идея освобожденія поработенныхъ народностей Востока, а чувство самосохраненія, страхъ за собственное существованіе въ виду успѣховъ оружія этихъ грозныхъ завоевателей. Такое мнѣніе прежде всего подтверждается тѣмъ, что въ періодъ турецкихъ завоеваній завоеваніямъ этимъ на европейской территоріи ставились препятствія исключительно тѣми государствами, политическому существованію которыхъ угрожала опасность со стороны османовъ. Поэтому, въ первое время господства турокъ на европейскомъ материкѣ, мы видимъ, что съ ними ведутъ борьбу Польша, Венгрія, Нѣмецкая имперія, Далмація и Венеція, то-есть именно всѣ тѣ государства, которыя, будучи ближайшими осѣдами османовъ въ Европѣ, должны были бороться съ ними ради самозащиты. Всѣ эти государства ополчались противъ турокъ только вслѣдствіе того, что послѣдніе стремились на ихъ счетъ расширить свои владѣнія. Остальныя же европейскія государства мало думали о томъ, чтобы общими силами возстать на орду диларей и заставить ее возвратиться въ туркменскія степи. Напротивъ того, ради своихъ торговыхъ выгодъ они входили въ дружественныя сношенія съ турецкимъ султаномъ и вооружались противъ османовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда султаны посягали на ихъ собственные интересы, какъ то было, напримѣръ, въ 1570 году, когда, по инициативѣ папы Пія V, состоялся союзъ изъ Испаніи, Венеціи, Генуи и Мальтійскаго ордена для изгнанія турокъ съ острова Кипра, въ видахъ огражденія европейской торговли на Средиземномъ морѣ.

Что въ борьбѣ съ турками западная Европа руководилась интересами собственной безопасности, а не религіозною идеею или идеею защиты поработенныхъ турками христіанскихъ народовъ, и что эти идеи были лишь высокаторжественнымъ знаменемъ въ рукахъ папъ и другихъ организаторовъ общехристіанскихъ сою-

зовъ для войны съ «невѣрными», — доказательствомъ тому можетъ служить затѣмъ еще и то, что даже государства, прямо заинтересованныя въ сокрушеніи мусульманской силы, нахлынувшей въ Европу, принимали участіе въ борьбѣ съ турками лишь по мѣрѣ той пользы, которую оно могло имъ принести, и разъ то или другое изъ нихъ находило возможнымъ отстоять свои интересы путемъ мирныхъ компромиссовъ, оно тотчасъ же выдѣлялось изъ коалиціи и заключало отдѣльный миръ съ врагомъ имени Христова, иногда прямо въ ущербъ успѣшности борьбы христіанской Европы съ Турціей.* Примѣровъ подобнаго отношенія къ «общему христіанскому дѣлу» можно много найти въ исторіи первыхъ вѣковъ господства турокъ въ Европѣ. Далѣе, если бы западныя державы въ своихъ отношеніяхъ къ Оттоманской Портѣ руководились идею защиты балканскихъ христіанъ, то это должно было бы отразиться на содержаніи трактатовъ, заключенныхъ ими съ Турціей. Между тѣмъ, трактаты эти касаются лишь защиты иностранцевъ, подданныхъ этихъ державъ, и совершенно умалчиваютъ о покровительствѣ турецкимъ подданнымъ христіанскаго исповѣданія. **) Наконецъ, въ самыхъ переговорахъ западныхъ державъ съ московскимъ правительствомъ относительно защиты турецкихъ христіанъ проявляется одинъ эгоистическій расчетъ европейской дипломатіи, а вовсе не альтруистическое чувство. Прекрасно понимая, что по своему сосѣдству съ Турціей Россія можетъ быть надежнымъ оплотомъ противъ общаго врага Европы, западныя державы, заинтересованныя въ сокрушеніи силы этого врага, смотрѣли на Московію, какъ на государство, которое въ состояніи спасти ихъ отъ вторженія страшныхъ въ то время турокъ, и поэтому старались привлечь ее къ участію въ войнахъ съ османами. Но для этого, конечно, необходимо было привести такой мотивъ, который заслужилъ бы вниманіе у московскаго правительства. И вотъ такимъ мотивомъ выставляется необходимость для Россіи принять самое дѣятельное участіе въ освобожденіи своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи.

*) Эта сторона исторіи борьбы Европы съ Турціей прекрасно освѣщена г. Добровымъ въ его сочиненіи. „Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ.“

**) Мартенсъ, Совр. межд. право цивилиз. народовъ, изд. 1868 г., т. II, стр. 120.

Преувеличивая заботы западной Европы объ освобожденіи турецкихъ христіанъ, Карновичъ, напротивъ, умаляетъ дѣятельность Россіи въ этомъ отношеніи и, по нашему мнѣнію, совершенно ошибочно утверждаетъ, что идея защиты и освобожденія балканскихъ народностей была чужда древней Москвѣ и что она зародилась и укрѣпилась на Руси лишь подъ вліяніемъ Запада. Мотивомъ къ такому заключенію для автора служитъ то, что русское правительство того времени главнымъ образомъ заботилось о торговыхъ интересахъ Россіи и нисколько не увлекалось западноевропейскими планами изгнанія турокъ изъ Европы, а напротивъ искало союза съ ними противъ христіанской Литвы и Польши, и тѣмъ доказывало свое полное равнодушіе къ судьбѣ восточныхъ христіанъ, съ особенною рѣзкостью обнаружившееся на земскомъ соборѣ 1642 года. Мнѣніе Карновича о томъ, что мысль о борьбѣ съ турками за христіанъ была чужда Москвѣ до тѣхъ поръ, пока не была занесена туда съ Запада,—едва ли можетъ быть признано основательнымъ. При опредѣленіи восточнаго вопроса мы уже имѣли случай говорить, что передовые люди древней Руси на первыхъ же порахъ послѣ паденія Царьграда сознавали ея обязанности по отношенію къ православному Востоку, причемъ въ доказательство этой мысли нами были приведены разныя теоретическія построенія. Теперь же, по разсмотрѣніи перваго періода исторіи отношеній Россіи къ Турціи, мы можемъ свазать, что эта мысль, основанная на чисто теоретическихъ соображеніяхъ, вполне подтверждается историческими данными, наглядно показывающими, что московское правительство, заботясь объ обезпеченіи экономическихъ интересовъ русскаго народа, сознавало и его роль въ отношеніи восточныхъ христіанъ, обнаруживая это сознаніе постоянными заявленіями о своемъ желаніи освободить ихъ отъ турецкаго ига, и что если дипломатическія сношенія съ Москвою папъ и другихъ организаторовъ «священныхъ союзовъ» для изгнанія турокъ изъ Европы не достигали своей цѣли, а Россія часто находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ османами и даже искала союза съ ними противъ Литвы и Польши,—то объясняется это просто на просто тѣмъ, что древняя Русь, во-первыхъ, не имѣла силы для борьбы съ невѣрными, во вторыхъ занята была войнами съ своими ближайшими врагами, для ослаб-

ленія которыхъ турки являлись иногда весьма полезными союзниками, и въ третьихъ, прекрасно понимала, что увлеченіе западно-европейскими планами можетъ послужить на пользу лишь честолюбивымъ замысламъ папъ и его союзниковъ. Что же касается до земскаго собора 1642 года, на которомъ, по мнѣнію Карновича, особенно рѣзко проявилось равнодушіе русскаго правительства и общественнаго мнѣнія къ судьбѣ страждущихъ единовѣрцевъ, то на соборѣ этомъ рѣшался вопросъ о присоединеніи Азова съ цѣлью обезпеченія русскихъ окраинъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, а вовсе не объ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига; по этому, нѣтъ ничего удивительнаго, что здѣсь никто и не говорилъ объ этомъ.

Равнодушіе Россіи къ судьбѣ турецкихъ христіанъ Карновичъ, какъ мы видѣли, объясняетъ иначе. Онъ говоритъ, что это равнодушіе было для Москвы вполне естественнымъ въ виду того, что идея о политическомъ освобожденіи турецкихъ христіанъ въ то время чужда была цѣлой Европѣ; другихъ же причинъ къ заступничеству за восточныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ не было, такъ какъ сами турки въ ту пору не угрожали Россіи, и она, не испытавъ нивакихъ религіозныхъ притѣсненій во время монгольскаго ига, представляла ихъ себѣ властителями, отличающимися вѣротерпимостью. Объясненіе это, по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ странно. Мы согласны съ тѣмъ, что идея о политическомъ освобожденіи турецкихъ христіанъ не всегда ясна была въ ту пору цѣлой Европѣ и что Турція не представлялась Москвѣ такою враждебною и опасною силой, для истребленія которой приходилось бы ополчаться, забывъ все другія условія тогдашней политической обстановки, но положительно не можемъ допустить того, что Русь не питала ненависти противъ ислама. По нашему мнѣнію, историческіе факты, приведенные выше, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что теоретическія построенія и отвлеченныя идеи, созданныя на русской почвѣ относительно участія Россіи въ судьбѣ восточныхъ христіанъ, облекались въ реальную форму именно подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній съ турками изъ-за нашихъ матеріальныхъ интересовъ и вслѣдствіе исконной ненависти противъ ислама, какъ явленія враждебнаго православной вѣрѣ. Значеніе религіознаго чувства въ отношеніяхъ

Россіи къ Турціи будетъ вполне понятно, если принять во вниманіе то вліяніе, какое оказывало православіе на отношенія Москвы къ западной Европѣ. Но если однимъ изъ главныхъ препятствій къ полному сближенію Россіи съ христіанской Европой служило древнерусское религіозное предубѣжденіе противъ иновѣрцевъ вообще, то нечего и говорить и томъ, въ какой мѣрѣ предубѣжденіе это должно было опредѣлять отношенія Москвы къ странѣ нехристіанской—мусульманской. Признавая себя единственнымъ православнымъ царствомъ, достойнымъ занять первое мѣсто въ восточно-православномъ мірѣ послѣ паденія Византіи, Московское государство въ своихъ сношеніяхъ съ Портой постоянно имѣло въ виду, что подвластныя ей христіанскія народности исповѣдываютъ православную вѣру, а между тѣмъ находятся въ рукахъ враговъ этой вѣры.

Въ виду того значенія, какое имѣло православіе въ исторіи международныхъ отношеній Россіи вообще и въ ея отношеніяхъ къ Оттоманской Портѣ въ особенности, мы не можемъ согласиться съ Карновичемъ и въ томъ, что Москвѣ XVI и XVII вѣковъ не принадлежала мысль объ исключительномъ покровительствѣ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ Турціи, что де доказывается тѣмъ, что принимая на себя защиту ихъ, она искала союза съ иновѣрными державами и даже воевала противъ Турціи въ союзѣ съ католическими государствами—Польшей и Австріей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ допустивъ, что со времени паденія Царьграда древняя Русь усвоила себѣ идею главенства надъ православнымъ Востокомъ и затѣмъ въ сношеніяхъ съ Оттоманской Портѣ постоянно имѣла въ виду тѣсную религіозную связь, соединявшую ее съ христіанскими подданными султана, мы должны признать, что при своей религіозной исключительности и враждѣ къ римской церкви, она не могла въ пользу западной Европы поступать ролью покровительницы и защитницы православныхъ народовъ Турціи, тѣмъ болѣе, что прекрасно понимала, насколько западно-европейскіе планы изгнанія турокъ въ Азію отличались угодливіостью видамъ католицизма и согласовались съ интересами православія. Признавая себя единственною представительницею православныхъ народностей Востока, которыя, благодаря вліянію католическихъ первосвященниковъ, не считались на западѣ Европы

даже христианами, Россія естественно признавала себя и единственной их защитницей, доказывая это своею политикой, по силѣ возможности избѣгавшей всего того, что противорѣчило истиннымъ интересамъ греко-восточной церкви. Если же она искала союза съ иновѣрными державами и до XVIII вѣка дважды даже воевала вмѣстѣ съ ними противъ турокъ, то изъ этого еще нельзя вывести того заключенія, какое дѣлаетъ Карновичъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ Россія выступала преимущественно въ качествѣ защитницы своихъ матеріальныхъ, а не религиозно-національных интересовъ, и къ тому же руководилась тѣмъ соображеніемъ, что война съ Турціей одинъ на одинъ ей не подъ силу. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется то, что во время войны съ Турціей изъ за Малороссіи царь Алексѣй Михайловичъ заключилъ союзъ съ католической Польшей, бывшей въ то время сильнымъ государствомъ, а не съ разрозненной массой христианъ Балканскаго полуострова, хотя послѣдніе въ Молдавіи и Валахіи, по словамъ толмача Даудова и подъячаго Венюкова, возившихъ царскую грамоту къ султану передъ разрывомъ Россіи съ Портой—говорили, что тотчасъ же стануть «промышлять надъ невѣрными», какъ только Богъ дастъ христианамъ одержать хотя малую побѣду надъ турками. Выгодой совмѣстныхъ дѣйствій съ западными державами противъ Порты для обезпеченія собственныхъ матеріальныхъ интересовъ объясняется и вступленіе Россіи въ войну «Священнаго Союза» при царевнѣ Софьѣ. Мы согласны допустить, что совѣты, шедшіе изъ разныхъ странъ въ Москву, разъясняли русскимъ людямъ идею исключительнаго покровительства своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ Турціи и указывали необходимость практическаго примѣненія этой идеи въ томъ или другомъ случаѣ, согласны даже допустить, что древняя Русь *не заявляла* своихъ притязаній на исключительное покровительство православному Востоку, что было бы съ ея стороны «по меньшей мѣрѣ юнымъ задоромъ или дѣтской фантазіей».*) но все это, по нашему мнѣнію,—нисколько не ослабляетъ дѣлаемаго нами заключенія, что Москва XVI и XVII вѣковъ, признавая себя единственной представительницей православія, постоянно

*) Успенскій Назв. соч., стр. 33.

считала себя вмѣстѣ съ тѣмъ и единственной покровительницей христіанскихъ подданныхъ султана.

Итакъ, вопреки мифію Карновича, мы полагаемъ, что въ Москвѣ прекрасно понимали свои обязанности по отношенію къ православному Востоку. Пониманіе это для насъ въ достаточной мѣрѣ подтверждается тѣмъ, что, преслѣдуя матеріальныя выгоды Россіи, русское правительство въ сношеніяхъ съ Турціей не упускало изъ виду и ея религіозно-національныхъ интересовъ, проявляя заботливость какъ объ участи православной церкви на Востокѣ такъ и о судьбѣ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, находившихся подъ властью Оттоманской Порты. Разумѣется, заботливость эта на первыхъ порахъ не могла выражаться въ какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствіяхъ со стороны русскаго правительства. Московское государство было обременено заботами о собственной безопасности; къ тому же Турція въ XVI и XVII вѣкахъ была еще слишкомъ сильна для того, чтобы допускать постороннее вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла, а Польша, Швеція и Крымъ по разнымъ флангамъ разбрасывали слабыя русскія силы. Все это лишало Россію возможности не только серьезно думать объ обезпеченіи своихъ религіозно-національныхъ интересовъ на Востокѣ, но даже требовать отъ Турціи удовлетворенія собственныхъ политическихъ и экономическихъ нуждъ, можно сказать даже больше: временами просто вынуждало ничѣмъ не раздражать Оттоманской Порты и заискивать ея дружбы. Не смотря, однако, на указанное положеніе Россіи по отношенію къ Турціи, мы должны признать, что въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ исторіи нашей восточной политики интересы турецкихъ христіанъ и восточнаго православія постоянно обращали на себя вниманіе русскаго правительства. Уже съ начала XVI вѣка наши государственные дѣятели тѣхъ отдаленныхъ временъ устанавливають прямыя сношенія съ балканскими христіанами, открыто заявляютъ имъ о своемъ сочувствіи и по мѣрѣ силъ заботятся объ облегченіи ихъ участи, посылая имъ щедрыя милостыни, какъ для поддержанія православныхъ храмовъ и монастырей, такъ и въ видахъ политическихъ. При болѣе удобныхъ обстоятельствахъ и политика Россіи въ отношеніи турецкихъ христіанъ принимала болѣе рѣшительный характеръ, и русское правительство тогда не стѣсняясь заявляло о своемъ сердечномъ желаніи принять участіе

въ изгнаніи турокъ изъ Европы или съ оружіемъ въ рукахъ выступить на помощь поработеннымъ балканскимъ народностямъ. И вотъ такими-то удобными для Россіи обстоятельствами въ связи съ личными качествами нѣкоторыхъ представителей русской власти, а вовсе не вліяніемъ европеизма, по нашему мнѣнію, объясняется происхожденіе большинства смѣлыхъ плановъ русскаго правительства XVI и XVII вѣковъ придти на помощь восточнымъ христіанамъ, а также вступленіе Москвы въ войну «Священнаго Союза» въ правленіе царицы Софьи.

Со времени Петра Великаго вопросъ объ участіи Россіи въ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига получилъ болѣе широкую постановку и болѣе рѣшительное движеніе впередъ. Унаслѣдовавъ всемірно-историческую задачу русскаго народа, великій преобразователь Россіи энергично приступилъ къ ея разрѣшенію, и при первомъ же удобномъ случаѣ проявилъ свою заботу о положеніи православной церкви на Востоку, предъявивъ къ Оттоманской Портѣ требованіе о передачѣ Св. Мѣстъ грекамъ, а затѣмъ открыто принялъ на себя роль защитника и освободителя турецкихъ христіанъ, основывая свои отношенія къ нимъ не на одномъ только единовѣрїи, но и на единоплеменности. Эти смѣлыя начинанія великаго монарха, какъ извѣстно, не имѣли успѣха вслѣдствіе неблагоприятнаго для Россіи исхода войны «Священнаго Союза» и злощастнаго прутскаго похода, но во всякомъ случаѣ они не прошли безслѣдно для исторіи нашего покровительства и защиты православнаго Востока, тѣмъ болѣе, что Константинопольскимъ трактатомъ 1700 года Петръ Великій закрѣпилъ за русскими подданными, еще въ 1682 г. предоставленное имъ право свободнаго доступа къ Св. Мѣстамъ, находившимся во власти турокъ и, утвердивъ такимъ образомъ русскихъ царей въ роли защитниковъ интересовъ православія, тѣмъ самымъ какъ бы упрочилъ основы будущаго религіознаго и политическаго вліянія Россіи на Турцію.

Смѣлая попытка Петра выступить защитникомъ и освободителемъ православныхъ христіанъ Турціи была повторена императрицею Анною Іоанновною, которая при переговорахъ съ Портой объ условіяхъ мира, требовала, чтобы Валашское и Молдавское княжества получили независимость отъ турокъ и только по единовѣрїю пользовались покровительствомъ Россіи. Но и эта попытка

имѣла такую же участь, какъ и попытка, сдѣланная Петромъ Великимъ, и разница между ними въ этомъ отношеніи заключается только въ причинахъ, обусловившихъ неуспѣхъ русской дипломатіи въ томъ и другомъ случаѣ. Неуспѣхъ попытки Петра объяснялся преимущественно военною неудачею прутскаго похода, неуспѣхъ же попытки Анны Иоанновны, главнымъ образомъ, противодействіемъ нашей восточной политикѣ со стороны западной Европы. Противодѣйствіе это стало ясно обнаруживаться съ тѣхъ поръ, какъ война «Священнаго Союза» подорвала могущество Турціи и положила начало ея паденію въ Европѣ, а Россія, напротивъ того, быстрыми шагами пошла по пути развитія своей внутренней и внѣшней мощи и даже обнаружила готовность выполнить ту самую задачу, которая была поставлена ей исторіей и на которую въ продолженіе цѣлаго столѣтія указывала западная Европа. Эти два историческія явленія конца XVII и начала XVIII вѣка—ослабленіе Оттоманской Порты и усиленіе Россіи, заставили западныя державы отказаться отъ своей прежней программы восточной политики и начертать себѣ другую. Переставъ развивать идею солидарности христіанскихъ народовъ Европы въ борьбѣ противъ мусульманъ, онѣ теперь начали противодействовать Россіи на Востоцѣ, которая на первыхъ же порахъ сталкивается то съ торговыми интересами Англіи, Франціи и Голландіи, то съ честолюбивыми притязаніями Австріи на сосѣднія славянскія земли Турецкой имперіи. Всѣ эти столкновенія Россіи съ западною Европой произошли тотчасъ же, какъ только она въ первый разъ проявила свою силу и намѣреніе приступить къ осуществленію своихъ историческихъ задачъ на Востоцѣ. Недружелюбное отношеніе къ намъ иностранной дипломатіи обнаружилось уже на Карловицкомъ конгрессѣ, когда не только нейтральныя державы, но даже и наша союзница Австрія, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы Россія не слишкомъ воспользовалась плодами своихъ побѣдъ надъ Турціей. Еще рѣзче обнаружилось недоброжелательство къ намъ Запада во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію Бѣградскаго мира. Европейскія державы здѣсь впервые открыто заявили о своихъ опасеніяхъ на счетъ чрезмѣрнаго усиленія Россіи и завоеванія ею Константинополя, и ради уменьшенія нашихъ успѣховъ въ Турціи прямо вмѣшались въ русско-турецкіе пере-

говору, результатомъ чего былъ отказъ Россіи отъ требованія независимости Молдавіи и Валахіи.

Проявившимся недоброжелательствомъ Запада къ Россіи въ значительной степени объясняется и наша восточная политика въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда къ освобожденію христіанскихъ народовъ отъ турецкаго ига не было сдѣлано и слабой попытки. Карновичъ, какъ мы видѣли, упрекаетъ «дщерь» Петра Великаго за то, что она не напрягала всѣхъ усилій на пользу своихъ единовѣрцевъ и относилась къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже двоедушіемъ. Но обвиненія эти едва ли окажутся основательными, если принять во вниманіе ту обстановку, среди которой приходилось дѣйствовать Елизаветѣ Петровнѣ, а также истинный смыслъ ея отношеній къ турецкимъ христіанамъ. Дѣло въ томъ, что въ половинѣ XVIII вѣка Константинополь сдѣлался центромъ политическихъ интригъ противъ Россіи, и изъ центра этого исходили разные проекты союзовъ Турціи съ европейскими государствами ради ослабленія силы сѣверной православной державы и пріостановленія ея наступательнаго движенія къ живописнымъ берегамъ Босфора. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ Россія не имѣла возможности вступать въ войну съ Турціей и вынуждена была избѣгать всякихъ столкновеній съ нею, которыя легко могли повести къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Избѣгая же столкновеній съ Портою, она прежде всего должна была не возбуждать вопроса о положеніи восточныхъ христіанъ, такъ какъ для турецкаго правительства ничего не могло быть чувствительнѣе, какъ заступничество за нихъ Россіи. И Елизавета Петровна, дѣйствительно, соблюдала крайнюю осторожность въ сношеніяхъ съ православными подданными султана, но въ осторожности этой не было и тѣни полнаго равнодушія къ ихъ судьбѣ или двоедушнаго къ нимъ отношенія, на чемъ настаиваетъ Карновичъ. Напротивъ того, близко принимая къ сердцу злосчастное положеніе своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи, она открыто заявляла имъ, что теперь Россія не можетъ удовлетворить ихъ просьбамъ и желаніямъ вслѣдствіе крайней раздражительности Оттоманской Порты и невозможности веденія съ нею войны; въ силу же своей сердечной склонности къ угнетеннымъ балканскимъ народамъ, она тайными

путями работала въ ихъ пользу и оказывала имъ посильную помощь деньгами.

Сводя все сказанное относительно участія Россіи въ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига въ первый періодъ отношеній ея къ Оттоманской Портѣ, когда нашъ посольскій приказъ руководился болѣе реальными соображеніями—безопасностью южныхъ границъ, обезпеченіемъ интересовъ русской торговли и судоходства по Черному морю и т. д.,—мы должны сказать, что она сознавала свою обязанность оказать защиту и покровительство православному Востоку, но благодаря своей сравнительной слабости не могла добиться улучшенія быта единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ Балканскаго полуострова, хотя и сдѣлала, какъ мы видѣли, нѣсколько попытокъ къ осуществленію своей исторической задачи. Не будучи въ состояніи положить начало ослабленію власти турокъ надъ балканскими народами, Россія своими неудачными попытками улучшить ихъ бытъ оказала, однако, сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу христіанскихъ подданныхъ султана. Для турецкихъ христіанъ, отстаивавшихъ остатки своей свободы, наши побѣды надъ турками, предъявленіе къ нимъ требованій относительно улучшенія положенія православнаго Востока, а также постоянныя сношенія съ Россіей и даже совмѣстныя дѣйствія съ нею противъ османовъ были признаками скораго торжества православнаго креста надъ магометанскимъ полумѣсяцемъ, за которымъ должно послѣдовать полное ихъ освобожденіе при содѣйствіи русскаго народа. Надежда на освобожденіе при помощи Россіи развивалась среди христіанскихъ народностей Турціи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе возростало политическое значеніе и увеличивалась внѣшняя и внутренняя мощь русскаго народа въ XVII и XVIII вѣкахъ, нагляднымъ выраженіемъ чего служили успѣхи нашего оружія въ войнахъ съ Оттоманскою Портою. Такимъ образомъ все, что русская дипломатія сумѣла и успѣла сдѣлать для нашихъ религіозно-національных интересовъ—это то, что она завоевала Россіи симпатіи восточныхъ христіанъ и дала этимъ послѣднимъ твердую надежду на освобожденіе, чѣмъ пробудила ихъ къ новой жизни и развила въ нихъ идею общей борьбы всѣхъ православныхъ народовъ противъ политически господствовавшаго надъ ними исламизма.

Таковы результаты отношеній Россіи къ Турціи съ XVI до половины XVIII вѣка. Изъ двухъ коренныхъ вопросовъ восточной политики, поставленныхъ Россіи самою исторіей, древняя русская дипломатія, какъ мы видѣли, незначительно подвинула впередъ одинъ, касавшійся политическихъ и экономическихъ выгодъ русскаго народа, и только затронула другой, сводившійся къ его религіозно-національнымъ интересамъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Второй періодъ отношеній Россіи къ Турціи.

(Съ половины XVIII вѣка до 1841 года.).

Г Л А В А 1.

Первая Екатерининская война Россіи съ Турціей и Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 года.

Заботы Екатерины Великой о благосостояніи южныхъ окраинъ Россіи.—Возникновеніе войны съ Турціей.—Цѣль и планъ этой войны.—Агитація среди балканскихъ христіанъ и морейская экспедиція.—Сношенія съ крымскими татарами.—Успѣхи русскаго оружія и надежды на скорый миръ.—Принятіе добрыхъ услугъ Пруссіи и Австріи.—Негодованіе послѣднихъ по поводу русскихъ требованій.—Протестъ Екатерины.—Союзъ Австріи съ Турціей 1771 года.—Раздѣлъ Польши.—Фокшанскій и Бухарестскій конгрессы.—Причины ихъ неудачи.—Заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.—Постановленія мирнаго трактата 1774 года.—Значеніе его въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.—Отношеніе къ нему западной Европы.

Первый періодъ отношеній Россіи къ Турціи, со времени ихъ возникновенія до половины XVIII вѣка, мы назвали подготовительнымъ періодомъ въ исторіи восточнаго вопроса. Въ этотъ промежутокъ времени русскій народъ созналъ смыслъ восточнаго вопроса и намѣтилъ способы его разрѣшенія, но чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ для того, чтобы серьезно приступить къ его разрѣшенію въ желательномъ для Россіи смыслѣ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Россія успѣла уже сдѣлаться сильною европейскою державой, восточный вопросъ вступаетъ въ новый

фазисъ своего развитія. На почвѣ, разчищенной древнею дипломатіей, русское правительство со второй половины прошлаго столѣтія энергично приступаетъ къ разрѣшенію историческихъ задачъ Россіи на Востокъ и постепенно, силою принуждаетъ Турцію признать за нами тѣ самыя права, защита которыхъ составляла все содержаніе прежнихъ русско-турецкихъ отношеній.

Указанный поворотъ въ исторіи восточнаго вопроса произошелъ въ царствованіе императрицы Екатерины II Великой (1762—1796 г.). Эта государыня, какъ въ сферѣ внутренняго управленія, такъ и въ области международныхъ отношеній, была ревностною продолжательницею начинаній Петра I. Предначертаніямъ его она слѣдовала и въ своей политикѣ по отношенію къ Турціи. Мирное процвѣтаніе нашихъ южныхъ окраинъ настоятельно требовало огражденія ихъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и достиженія свободы русскаго торговаго судоходства по Черному морю. Эти жизненные для Россіи вопросы въ ея восточной политикѣ, какъ извѣстно, были поставлены на очередь еще Петромъ Великимъ, но не были разрѣшены имъ въ желательномъ смыслѣ. Заботясь объ экономическомъ благосостояніи русскаго государства, Екатерина II пошла по стопамъ своего славнаго предшественника и приложила всѣ старанія къ тому, чтобы такъ или иначе окончить начатое имъ дѣло. Необходимость въ обезпеченіи матеріальныхъ интересовъ русскаго народа на Востокъ чувствовалась тѣмъ болѣе, что отъ этого зависѣло рѣшеніе вѣроисповѣднаго и національнаго вопросовъ въ нашей восточной политикѣ.

Стремясь къ обезпеченію экономическихъ интересовъ Россіи, императрица Екатерина II тотчасъ же по восшествіи своемъ на престолъ приступила къ проведенію различныхъ внутреннихъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію русской торговли и промышленности въ южной части своего обширнаго государства. Одновременно съ этимъ она вступила въ переговоры съ турецкимъ правительствомъ о прекращеніи разнаго рода злоупотребленій со стороны крымскихъ татаръ и о допущеніи свободы русскаго торговаго судоходства въ Черномъ морѣ, такъ какъ безъ усмиренія крымцевъ и безъ допущенія русскаго судоходства въ Черномъ морѣ никакія внутреннія мѣры неспособны были поднять уровень экономическаго благосостоянія южныхъ окраинъ Россіи. Однако,

переговоры императрицы съ турецкимъ правительствомъ объ усмиреніи татаръ и о разрѣшеніи плаванія русскимъ судамъ въ Черномъ морѣ не имѣли успѣха, и она вкорѣ же должна была убѣдиться, что обезпеченія интересовъ Россіи можно добиться отъ Турціи только силою оружія.

Случай въ тому не замедлилъ въ скоромъ времени представиться. Для выясненія причины вооруженнаго столкновенія, происшедшаго между Россіей и Турціей въ 1768 году, надо замѣтить, что со времени воцаренія Екаторины Великой русская дипломатія покинула свою прежнюю систему внѣшней политики и замѣнила ее новой: вмѣсто *«системы Петра Великаго»* была принята *«сѣверная система»*, ревностнымъ сторонникомъ которой былъ гр. Никита Панинъ. Сѣверная система состояла въ образованіи подъ руководствомъ Россіи союза изъ всѣхъ сѣверныхъ протестантскихъ государствъ (со включеніемъ и католической Польши) и въ противопоставленіи этого союза южно-европейскому союзу государствъ, въ который входили: Австрія, Испанія и Франція. Мы не будемъ говорить о недостаткахъ этой системы, имѣвшей въ виду водвореніе прочнаго мира въ Европѣ и совмѣстное дружное дѣйствіе Россіи, Пруссіи, Англіи, Саксоніи, Польши и т. д., несмотря на коренное различіе ихъ государственнаго устройства и полнѣйшее отсутствіе общности интересовъ; скажемъ только, что она сильно возстановила противъ Россіи Австрію и Францію и тѣмъ дала этимъ державамъ лишній поводъ вмѣшиваться въ русско-турецкія отношенія. Возстановивъ сѣверной системой Австрію и Францію противъ Россіи, Екаторина II еще болѣе вооружила ихъ противъ насъ заключеніемъ отдѣльнаго союза съ Пруссіей для рѣшенія польскаго вопроса. Все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что, опасаясь разгрома Польши Россіей и Пруссіей и не имѣя возможности воспрепятствовать тому силою оружія, Франція, а вмѣстѣ съ ней и недовольная русскимъ правительствомъ Австрія, не прерывая своихъ сношеній съ Россіей, приложили всѣ старанія къ тому, чтобы втянуть Порту въ сферу польскихъ интересовъ и доказать ей необходимость оградить Польшу отъ русскаго посягательства на ея независимость. Старанія Франціи и Австріи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Подъ вліяніемъ наущеній нашихъ противниковъ Оттоманская Порта,

давно уже питавшая нерасположеніе къ русскому правительству и обвинявшая его въ пятидесятихъ годахъ въ нарушеніи границъ на Кавказѣ и постройки новыхъ укрѣпленій, а въ шестидесятихъ годахъ—въ поддержаніи возстанія въ Черногоріи и въ тайныхъ сношеніяхъ съ Молдавіей и Валахіей,—близко къ сердцу приняла польское дѣло и, пользуясь тѣмъ, что одинъ казацкій отрядъ во время преслѣдованія конфедератовъ захватилъ Балту и Дубоссары,—мѣстечки, принадлежавшія крымскому хану, 4 октября 1768 года объявила войну Россіи подъ предлогомъ необходимости возстановить права Польши, нарушенныя Екаториной.

Вынужденная вступить въ войну съ Турціей, Екатерина Великая рѣшила воспользоваться этою войною для того, чтобы обезпечить южныя границы Россіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и добиться свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ для развитія нашей торговли. При этомъ, для большаго успѣха военныхъ дѣйствій противъ турокъ и скорѣйшаго достиженія намѣченныхъ цѣлей войны, императрица, по примѣру Петра Великаго, вознамѣрилась поднять противъ Оттоманской Порты ея христіанскихъ подданныхъ и при помощи ихъ въ тылу затруднить напавшаго на Россію непріятеля, а если можно, то и совсѣмъ изгнать турокъ изъ Европы. Къ участію въ этомъ грандіозномъ предпріятіи императрица рѣшила привлечь даже недовольныхъ мусульманскихъ подданныхъ турецкаго султана.

По инициативѣ гр. Гр. Орлова, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Алексѣемъ Орловымъ, серьезно думалъ объ освобожденіи грековъ и славянъ отъ турецкаго ига, Екатерина Великая прежде всего отправила во всѣ концы Балканскаго полуострова эмиссаровъ съ воззваніемъ, возбуждавшимъ восточныхъ христіанъ къ возстанію противъ враговъ имени Христова. Въ воззваніи этомъ, утвержденномъ 29 января 1769 года, говорилось, что, принимая во вниманіе печальную участь православныхъ христіанъ Востока, мы желаемъ въ настоящее время, *насколько возможно, способствовать ихъ освобожденію*, если только они сами примутъ участіе въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ; что мы увѣщаемъ всѣхъ христіанъ воспользоваться нашею войною для сверженія турецкаго ига и достиженія прежней независимости, возставъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ непримиримаго врага христіанства съ цѣлью улучшенія своего

положенія, прочность котораго нами будетъ свято и ненарушимо утверждена при заключеніи мира съ Портою; что намъ весьма пріятно видѣть христіанскіе народы избавленными отъ постыднаго порабощенія и при помощи нашего содѣйствія вступающими въ слѣды своихъ предковъ; что мы не откажемся и въ будущемъ оказывать свое покровительство и милость для сохраненія *всѣхъ тѣхъ правъ и привилегій, которыя они своимъ храбримъ подвигомъ приобрѣтутъ* въ нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ. *)

Вслѣдъ за посылкой эмиссаровъ съ царскимъ воззваніемъ въ Албанію, Майну, Молдавію, Валахію, Черногорію, Грузію, Мингрелію и другія области турецкой имперіи, было приступлено къ снаряженію морской экспедиціи въ Архипелагъ по проекту гр. А. Орлова, который въ письмѣ къ брату, Григорію, въ 1768 году предлагалъ русскому правительству произвести возстаніе турецкихъ христіанъ одновременно и на сѣверѣ, и на югѣ Балканскаго полуострова, для чего совѣтовалъ послать нѣсколько судовъ въ Средиземное море, высказывая мнѣніе, что если уже Россія рѣшила идти на турокъ, такъ ей *слѣдуетъ дойти до самаго Константинополя и освободить всѣхъ православныхъ христіанъ отъ турецкаго иа*, и прогнать невѣрныхъ магометанъ въ степи песчаныя на прежнія ихъ жилища, какъ мечталъ о томъ Петръ Великій. **) Благодаря энергіи, съ которой Екатерина взялась за выполненіе своего намѣренія нанести рѣшительный ударъ Оттоманской Портѣ и даже изгнать турокъ изъ Европы, уже 26 іюля 1769 года изъ Кронштадтскаго порта отплыла русская эскадра подъ флагомъ адмирала Спиридова, торжественно направляясь мимо западной и южной Европы въ Архипелагъ, чтобы *«учинить туркамъ диверсію въ чувствительномъ мѣстѣ»*, поднявъ возстаніе грековъ. Въ октябрѣ того же года, за первую эскадрою была послана вторая, подъ начальствомъ Эльфинстона, а лѣтомъ 1770 года—эскадра Арфа, причемъ эскадра Эльфинстона имѣла особое отъ другихъ назначеніе—блокировать Дарданеллы и препятствовать морскимъ сношеніямъ между Турціею и Египтомъ. ***) По прибытіи въ Архипелагъ флотъ долженъ былъ стать подъ начальство гр. А. Орлова.

*) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. XXVIII, стр. 41.

**) Соловьевъ, назв. соч., т. XXVIII стр. 38.

***) Уляницкій. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ, стр. 117.

Устраивая диверсію непріятелю посредствомъ его христіанскихъ подданныхъ, Екатерина Великая, какъ мы сказали выше, не оставила безъ вниманія и мусульманскихъ подданныхъ Оттоманской Порты. При началѣ войны рѣшено было возбудить татаръ противъ султана, причемъ у императрицы была мысль отторгнуть Крымъ отъ Турціи и сдѣлать его независимымъ царствомъ. Въ качествѣ эмиссара къ татарамъ посланъ былъ нѣкто Крутта, вся же негоціація съ ними поручена Петру Павину, при особомъ рескриптѣ (отъ 16 октября 1769 года), въ которомъ говорилось, что императрица заблагоразсудила общаніемъ независимости поколебать въ вѣрности султану Крымъ и всѣ татарскіе народы. При рескриптѣ препровождалось особое письмо къ крымскому хану, которое Панинъ долженъ былъ отослать въ Крымъ отъ своего имени, черезъ татарскихъ плѣнниковъ; если же это письмо не привело бы ни къ какимъ результатамъ, то Панину предписывалось начать агитацію непосредственно среди татаръ, при помощи распространенія въ народныхъ массахъ копій съ особаго царскаго воззванія. Въ письмѣ къ крымскому хану и въ воззваніи къ татарскому народу доказывалось вѣроломство Порты и несправедливость объявленной войны, вынудившей Россію къ оборонѣ и отмщенію, причемъ указывалось на то, что императрица не ищетъ расширенія границъ своей державы; далѣе выражалось соболѣзнованіе о тягости и унижительности турецкаго ига надъ татарами и, наконецъ, совѣтовалось воспользоваться случаемъ для освобожденія себя отъ рабства и приобрѣтенія независимости и давалось торжественное отъ имени императрицы общаніе, что она не намѣрена возстановлять крымцевъ противъ султана, но по врожденному ея челоуѣколюбію желаетъ дать утѣшеннымъ свободу. *)

Подстрекая татаръ воспользоваться удобнымъ случаемъ для того, чтобы сбросить съ себя турецкое иго и стать независимымъ царствомъ, Екатерина Великая, разумѣется, руководилась не только тѣми соображеніями, которыя лежали въ основаніи ея отношеній къ турецкимъ христіанамъ, но и видами совершенно иного свойства. Если въ дѣлѣ организаціи возстанія балканскихъ христіанъ

*) Назв. соч., стр. 144.

она заботилась о привлеченіи ихъ къ участию въ войнѣ съ Турціей въ видахъ успѣшности выполненія своего грандіознаго плана и той пользы, которую они могли бы извлечь изъ участія въ борьбѣ Россіи съ ихъ вѣковыми притѣснителями, то, посылая эмиссаровъ въ Крымъ и возстановляя татаръ противъ султана, императрица, главнымъ образомъ, желала добиться образованія независимаго Крымскаго царства съ тѣмъ, чтобы торговыми договорами съ нимъ, какъ съ самостоятельнымъ государствомъ, обезпечить благосостояніе своихъ южныхъ окраинъ, въ которыхъ при существованіи старыхъ порядковъ не могла процвѣтать ни промышленность, ни торговля Россіи. При обсужденіи истинныхъ интересовъ Россіи по отношенію къ Крыму русское правительство въ началѣ марта 1770 года пришло къ тому заключенію, что крымскіе татары по своему характеру и положенію никогда не будутъ полезными подданными Россіи, что они не способны быть ни хорошими плательщиками податей, ни надежными защитниками русскихъ предѣловъ, что, наконецъ, принятіемъ ихъ въ свое подданство Россія возбудитъ противъ себя общую зависть и подозрѣніе въ стремленіи безконечно увеличивать свои владѣнія, а этого слѣдуетъ остерегаться, особенно, когда не предвидится отъ того большой выгоды. Но если для Россіи мало пользы отъ подданства крымскихъ татаръ, то, наоборотъ, громадное значеніе имѣетъ для нея ихъ независимое положеніе отъ Турціи: послѣдняя тѣмъ самымъ будетъ лишена возможности беспокоить русскія границы, а между Крымомъ и Россіей состоится условіе о взаимной свободѣ торговли сухимъ путемъ и моремъ. *)

Военныя дѣйствія противъ Порты были открыты въ началѣ 1769 года со стороны Подолія, Азова и Кавказа. Почти въ первый же годъ кампаніи русскія войска заняли Хотинъ, Яссы и Бухарестъ, послѣ чего молдаване и валахи принесли присягу русской императрицѣ и отправили въ Петербургъ грамоту съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ слѣдующемъ 1770 году военныя дѣйствія на Дунаѣ были еще удачнѣе. Румянцевъ одержалъ надъ непріателемъ рядъ блестящихъ побѣдъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны побѣды его при р. Ларгѣ и Кагулѣ. Вслѣдъ за кагульскою побѣдой были взяты Бендеры, Аккерманъ, Измаилъ

*) Мнѣніе Совѣта см. у Уляницкаго, назв. соч., стр. 145—146.

и другія крѣпости. Одновременно съ этимъ были заняты Азовъ и Таганрогъ и нанесено пораженіе кабардинскимъ народамъ, послѣ чего русскія войска соединились съ отрядами царей Мингреліи и Грузіи для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Порты. Въ то время какъ русская армія наступала на непріятеля со стороны Подоліи, Азова и Кавказа, эскадра Спиридова появилась на Эгейскомъ морѣ, 17 февраля 1770 года подошла къ Мореѣ и бросила якорь въ портъ Витула, на полуостровѣ Майнѣ, гдѣ жители съ нетерпѣніемъ ждали ея прихода. Тотчасъ по высадкѣ на берегъ рѣшено было составить изъ жителей Мореи два легіона: восточный и западный. Начальство надъ первымъ поручено было капитану Баркову, надъ вторымъ—майору кн. Петру Долгорукому. Каждому легіону было придано по одному русскому унтеръ-офицеру и по двѣнадцати рядовыхъ. Первыя дѣйствія этихъ легіоновъ были успѣшны. Князь Долгорукій пошелъ вдоль берега и овладѣлъ всею Аркадією; Барковъ углубился во внутрь полуострова, взялъ Мизитру (Спарту), гдѣ майноты вѣроломно перерѣзали больше тысячи турокъ, и направился къ Триполицѣ. Но здѣсь онъ потерпѣлъ пораженіе. Когда отрядъ вошелъ въ предмѣстье этого города, многочисленное турецкое войско напало на него со всѣхъ сторонъ. Греки обратились въ бѣгство, покинувъ русскихъ, которыхъ было ничтожное количество. Не считая возможнымъ удержать за собою занятыя мѣста въ Мореѣ, гр. А. Орловъ посадилъ всѣ свои войска на суда и, взорвавъ наваринскія укрѣпленія, началъ дѣйствовать на морѣ, гдѣ дѣло пошло гораздо успѣшнѣе. Въ концѣ іюня 1770 года Спиридовъ загналъ турецкій флотъ въ Чесменскую гавань и здѣсь истребилъ почти всѣ непріятельскіе корабли. Послѣ этой блестящей побѣды адмиралъ Эльфинстонъ совѣтовалъ Орлову двинуться прямо къ Константинополю, который можно было застать врасплохъ, но любимецъ Екатерины, считая сожженіе турецкаго флота достаточно громкою для себя славой, предпочелъ оставить воды Эгейскаго моря, тѣмъ болѣе, что до него дошелъ слухъ, что при содѣйствіи французовъ Константинополь сильно укрѣпляется. *)

Извѣстіе о нашихъ успѣхахъ на морѣ вызвала сильную ра-

*) Добровъ, назв. соч., стр. 541.

дость въ Петербургѣ. При иностранныхъ же дворахъ оно произвело крайне неприятное впечатлѣніе. Наша морская побѣда поразила ужасомъ богатую торговую Смирну, и находившіеся въ ней европейскіе консулы отправили Орлову записку, въ которой сообщалось, что вѣсть о чесменскомъ дѣлѣ повела къ возстанію въ Смирнѣ войска и народа противъ грековъ и къ избіенію послѣднихъ; что возмущеніе это навело ужасъ на всѣхъ европейцевъ и вынудило ихъ прекратить торговлю на нѣсколько дней. Хотя порядокъ—писали консулы—теперь уже возстановленъ, но приближеніе русскаго флота къ Смирнѣ будетъ угрожать тѣми же безпорядками. Въ виду этого они просили графа, «не обращать побѣдоносное оружіе ея императорскаго величества на этотъ торговый городъ, на который должно омотрѣть не какъ на неприятельское мѣсто, а скорѣе какъ на колонію, основанную разными нейтральными государствами: разрушать ихъ торговлю и приносить ихъ подданныхъ въ жертву великая руссійская императрица, конечно, не пожелаетъ». На это заявленіе европейскихъ консуловъ графъ Орловъ отвѣчалъ, что согласно высочайшему повелѣнію онъ всегда готовъ оказать содѣйствіе не только союзникамъ, но и государствамъ нейтральнымъ; поэтому, когда до него дошла вѣсть о происшедшихъ безпорядкахъ въ Смирнѣ послѣ чесменскаго боя, онъ отложилъ намѣреніе идти въ этотъ городъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вынужденъ къ наступленію какими нибудь обстоятельствами. При этомъ Орловъ замѣтилъ консуламъ, что ихъ доказательства въ пользу неприкосновенности Смирны не основательны. Если—говорилъ онъ—должно признавать этотъ городъ «больше селеніемъ, основаннымъ разными европейскими народами, нежели мѣстомъ неприятельскимъ», то тогда слѣдовало бы и «самый Царьградъ считать таковымъ же, а по немъ и всѣ прочіе приморскіе города, подъ владѣніемъ турецкимъ находящіеся, въ которыхъ есть нѣсколько жительство народовъ европейскихъ». Во всякомъ случаѣ—заявлялъ графъ европейскимъ консуламъ—во всемъ, что касается торговли, они могутъ вполне надѣяться на защиту русскаго флота, пока онъ будетъ владычествовать въ Архипелагѣ, лишь бы только въ торговлѣ не было ничего противнаго законамъ войны. Но если бы вызванное обстоятельствами приближеніе русскаго флота къ Смирнѣ произ-

вело тамъ смятеніе, то гр. Орловъ считалъ себя въ данномъ случаѣ столько же виновнымъ, сколько и въ окончательномъ истребленіи турецкаго флота *).

Славныя побѣды русскихъ войскъ въ 1770 году оказались, однако, недостаточными для того, что бы заставить турецкаго султана завести рѣчь о мирѣ, и военныя дѣйствія снова должны были начаться въ 1771 году. Въ эту кампанію русскія войска предприняли наступательное движеніе въ Крымъ. Россія желала добиться независимости крымскихъ татаръ ради своихъ торговыхъ интересовъ, обезпеченіе которыхъ она поставила цѣлью войны. Для достиженія независимости крымцевъ, ихъ нужно было отторгнуть отъ Порты, такъ какъ мирныя переговоры съ ними объ этомъ не приводили ни къ какимъ результатамъ. Русское войско было послано въ Крымъ подъ начальствомъ кн. Долгорукаго, который уже въ іюнѣ занялъ Перекопъ, а затѣмъ взялъ крѣпость Арабатъ, Каофу, Керчь и Еникале. Напуганный быстрымъ движеніемъ нашихъ войскъ, ханъ Селимъ-Гирей удалился съ Крымскаго полуострова въ Румелію, послѣ чего начались мирныя переговоры съ крымскими татарами, принявшіе вполне благопріятный для Россіи характеръ. 27 іюля къ Долгорукому пріѣхалъ изъ Карасу-Базара ширинскій мурза Измаилъ, объявившій объ утвержденіи вѣчной дружбы и неразрывнаго союза съ Россіей.**), а въ 1772 году съ крымскими татарами былъ заключенъ окончательный договоръ о признаніи ихъ вольности и независимости отъ Турціи.

Добившись соглашенія съ крымскими татарами, Екатерина Великая могла считать, что цѣль ея войны съ Турціей выполнена. Нанеся Оттоманской Портѣ рядъ сильныхъ пораженій и возстановивъ противъ султана его христіанскихъ и мусульманскихъ подданныхъ, она видѣла, что планъ турецкой кампаніи увѣнчался успѣхомъ, что хотя гр. Орловъ не прошелъ черезъ Дарданеллы и не возвратился домой Чернымъ моремъ, какъ было желательно, но «турецкая громада подверглась нѣкоторому потрясенію», дававшему надежду на заключеніе выгоднаго и почетнаго для Россіи мира съ Оттоманскою Портою, который соотвѣтствовалъ бы слав-

*) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. XXVIII, стр. 187—188.

**) Соловьевъ, назв. соч., стр. 226.

нымъ подвигамъ русскихъ войскъ, ихъ морскимъ и сухопутнымъ побѣдамъ. Уже чесменскій бой, кагульская побѣда и занятіе Дунайскихъ княжествъ давали право Россіи на славный миръ, и императрица думала, что турецкій султанъ въ скоромъ времени пожелаетъ вступить въ переговоры относительно прекращенія военныхъ дѣйствій. Поэтому 12 августа 1770 года гр. Г. Орловъ сообщилъ Совѣту, что государыня находитъ необходимымъ отправить въ русскій лагерь уполномоченнаго, который при первой возможности предложилъ бы туркамъ войти въ мирные переговоры. Военныя издержки, отягощавшія государство, вынуждали желать скорѣйшаго заключенія мира. Если бы указаннымъ способомъ—говорилъ гр. Орловъ—намъ удалось начать мирные переговоры съ непріятелемъ, то мы избѣжали бы нежелательнаго для Россіи посредничества западныхъ державъ, всегда имѣвшаго въ виду лишь своекорыстныя цѣли посредниковъ, и кромѣ того показали бы Портѣ, что желаемъ мира не вслѣдствіе происковъ иностранныхъ кабинетовъ, а вслѣдствіе собственнаго миролюбія, которое и постараемся доказать тѣмъ, что будемъ умирными въ нашихъ требованіяхъ по отношенію къ побѣжденному врагу. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ императрицы и призналъ лишь нужнымъ приказать гр. Румянцеву, что бы онъ по взятіи Бендеръ послалъ отъ себя письмо визирю и предложилъ бы черезъ него турецкому правительству, если только оно желаетъ мира, освободить русскаго посла, Обрѣскова, арестованнаго при объявленіи намъ войны, и прислать въ назначенное мѣсто турецкихъ уполномоченныхъ, предупредивъ, что государыня, при всѣхъ дѣрванныхъ ей Богомъ побѣдахъ, милосердуя о человѣческой крови, охотно вступить въ мирные переговоры и вышлетъ для этого своихъ делегатовъ. *).

Но какъ ни спѣшили мы избѣжать посредничества иностранныхъ державъ, эти послѣднія насъ всетаки же предупредили и опередили. Въ силу политическихъ и экономическихъ соображеній западно-европейскія государства, опасавшіяся быстрого усиленія могущества Россіи на счетъ Турціи, не могли оставаться равнодушными зрителями нашихъ военныхъ успѣховъ, и поэтому пото-

*) Уляницкій, наз. соч., стр. 352.

ропились такъ или иначе поскорѣ положить конецъ русско-турецкой войнѣ. Наиболѣе заинтересованными въ этомъ дѣлѣ оказались Пруссія и Австрія, *) которая, несмотря на взаимную вражду и недовѣріе послѣ Семилѣтней войны, въ виду успѣховъ русскаго оружія въ Турціи и честолюбивыхъ замысловъ Екатерины въ Польшѣ, поспѣшили облизиться другъ съ другомъ и общими силами воспрепятствовать усиленію Россіи. Первый шагъ въ дѣлѣ сближенія Австріи и Пруссіи сдѣланъ былъ прусскимъ королемъ, Фридрихомъ II. Чтобы уяснить отношенія вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, еще въ августѣ 1769 года онъ устроилъ свиданіе съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ въ Нейссе (въ Силезіи), гдѣ произошелъ между ними обмѣнъ взглядовъ, устранившій нѣкоторые поводы ко взаимнымъ опасеніямъ. Послѣ этого свиданія Фридрихъ II не переставалъ твердить Іосифу о своихъ опасеніяхъ насчетъ замысловъ русскаго двора и въ то время, какъ Россія была занята войной, въ которой надѣялась на союзную помощь Пруссіи, успѣлъ убѣдить австрійскаго императора согласиться съ нимъ относительно общихъ мѣръ, необходимыхъ для предупрежденія опасностей отъ увеличенія могущества Россіи **). Фридрихъ предлагалъ при посредничествѣ Пруссіи и Австріи примирить Россію съ Турціей. Мысль эта была встрѣчена Іосифомъ весьма сочувственно, и уже въ началѣ 1770 года вѣнскій дворъ поспѣшилъ предложить свое посредничество Турціи, которая, разумѣется, изъявила на это полное согласіе. Планъ же дѣйствій въ отношеніи Россіи былъ обсужденъ на второмъ свиданіи Фридриха съ Іосифомъ, въ сентябрѣ 1770 года въ Нейштадтѣ, гдѣ было рѣшено, что прусскій король передастъ Екатерину Великую желаніе Порты вступить въ мирные переговоры съ Россіей при посредствѣ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ.

Исполняя принятое въ Нейштадтѣ рѣшеніе, Фридрихъ 2/1, сентября отправилъ императрицѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что Австріи и Пруссіи предложено Портою посредничество въ переговорахъ съ Россіей о заключеніи мира. Письмо это сообщено было.

*) Подробную характеристику положенія, принятаго европейскими державами относительно Россіи въ войнѣ ея съ Турціей, см. у Уляницкаго, назв. соч., стр. 167—392.

***) Мартенсъ. Собраніе трактатовъ съ Австріей, т. II, стр. 97.

Паннимъ Совѣту 16 сентября 1770 года. Совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ докладчика, положилъ отвѣтить Фридриху, что прежде начатія какихъ-либо переговоровъ съ турками необходимо позаботиться объ освобожденіи Обрѣскова; что посредничество прусскаго короля, какъ искренняго союзника, пріятно Россіи, если только того желаетъ Турція, но что русскому правительству неловко передъ Англіей, посредничество которой, въ случаѣ нужды, уже было обѣщано принять, что мы собственно не желаемъ посредничества Англіи, такъ какъ допустивъ его, трудно будетъ устранить Францію, которая враждебна къ Россіи, что намъ также нежелательно и посредничество Австріи, хотя она не можетъ быть особенно расположена къ Турціи, при всѣхъ своихъ связяхъ съ Франціей, что императрица считаетъ нужнымъ устранить формальное посредничество и допускаетъ лишь добрыя услуги, которыхъ просить у Фридриха и которая готова принять отъ Австріи. Въ заключеніе Совѣтъ постановилъ, что если необходимо будетъ прибѣгнуть къ постороннему посредничеству, то его слѣдуетъ предложить и Англіи, но Францію ни въ какомъ случаѣ не допускать къ участию въ переговорахъ Россіи съ Оттоманской Портою *).

Какъ бы то ни было, добрыя оффиціи Фридриха II были приняты, и Екатерина Великая конфиденціально сообщила ему тѣ условія, на которыхъ желала заключить миръ съ Турціей. Она желала: 1) удержать за Россіей Азовъ и Таганрогъ и выговорить для нашихъ торговыхъ судовъ свободный проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное; 2) даровать амнистію всѣмъ, поднимавшимъ оружіе противъ Порты; если же нашъ флотъ овладѣетъ какимъ либо островомъ въ Архипелагѣ, то потребовать уступки и его; 3) предоставить полную независимость крымскимъ татарамъ, если они пожелаютъ освободиться отъ подчиненія турецкому султану; 4) присоединить объ Кабарды къ Россіи и 5) въ видъ вознагражденія за военныя издержки оставить за Россіей Дунайскія княжества настолько лѣтъ, во сколько сдѣланныя ею затраты во время войны могутъ быть возмѣщены на счетъ доходовъ Молдавіи и Валахіи; императрица готова была пожертвовать денежнымъ вознагражденіемъ, если бы эти княжества были признаны Портою независи-

*) Уляницкій, назв. соч., стр. 355—356.

мыми, а Дунай сдѣланъ былъ границею турецкихъ владѣній *). Первые четыре пункта мирныхъ условій, очевидно, имѣли въ виду безопасность южныхъ границъ Россіи и свободу русскаго торговаго судоходства; что же касается до послѣдняго условія, то постановка его вызвана была успѣхами войны съ Турціей, ибо мы видѣли, что при организаціи возстанія восточныхъ христіанъ Екатерина обѣщала имъ свое заступничество въ случаѣ, если русскимъ войскамъ удастся одолѣть невѣрныхъ.

Получивъ отъ петербургскаго кабинета условія, на которыхъ Екатерина выражала согласіе окончить русско-турецкую войну, Фридрихъ разразился цѣлымъ потокомъ нареканій на крайнюю неумѣренность требованій императрицы. 4 января 1771 года онъ писалъ Екатеринѣ: «Турки ни за что не согласятся на уступку Молдавіи, Валахіи и острова въ Архипелагѣ, независимость татаръ встрѣтитъ также большія затрудненія, и надобно бояться, чтобы Порта, доведенная до крайности, не бросилась въ объятія вѣнскаго двора и не уступила ему Бѣлградъ и воѣ свои недавнія завоеванія для пріобрѣтенія его покровительства и помощи противъ Россіи. Австрія также скорѣе начнетъ войну, чѣмъ согласится на отнятіе у Турціи Молдавіи и Валахіи. Все, что можетъ допустить Турція—это уступка обѣихъ Кабардъ и Азова съ его областью и разрѣшеніе свободнаго плаванія по Черному морю. Если Россія согласится на это, то онъ, Фридрихъ, сдѣлаетъ первый шагъ къ началію переговоровъ, въ противномъ случаѣ онъ предпочтетъ бездѣйствіе, ибо не только не рассчитываетъ на успѣхъ, но предвидитъ, что эти требованія присоединять къ старой войнѣ еще новую». По словамъ Соловьева, раздраженіе Фридриха въ данномъ случаѣ было чисто притворное. Выраженіемъ своего неудовольствія по поводу русскихъ требованій прусскій король, давно уже устремлявшій свои взоры на Польшу, хотѣлъ напугать петербургскій дворъ и заставить его искать способовъ для улаженія дѣла согласно съ интересами Пруссіи; съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду настращать Австрію непомерными требованіями Россіи, чтобы тѣмъ добиться болѣе тѣснаго сближенія вѣнскаго двора съ берлинскимъ и склонить Марію Терезію войти въ соглашеніе относительно Польши **).

*) Уляницкій, назв. соч., стр. 153—154.

**) Исторія Россіи, т. XXVIII, стр. 175.

Подъ вліаніємъ застрашиваній Фридриха II неузмѣренными требованіями Россіи, съ одной стороны, и въ виду собственныхъ интересовъ Австріи на Востокъ—съ другой,—вѣнскій дворъ также враждебно встрѣтилъ тѣ условія мира, которыя Екатерина предполагала предложить Турціи. Въ Вѣнѣ высказывали ту мысль, что миръ между Россіей и Портой на условіяхъ признанія независимости Дунайскихъ княжествъ и крымскихъ татаръ неизбежно поведетъ за собой нарушение европейскаго равновѣсія. Возраженія австрійской дипломатіи противъ мирныхъ условій Россіи подробно развиты были въ особой запискѣ подъ заглавіемъ: «Словесный отвѣтъ на конфиденціальное сообщеніе намѣреній русской императрицы о мирѣ съ турками». Въ запискѣ этой доказывалась совершенная невозможность для Турціи согласиться на безусловно гибельныя для нея условія. Развѣ Порта не понимаетъ,—говорилось здѣсь,—что независимость татаръ неизбежно поведетъ къ зависимости ихъ отъ русскаго правительства, что съ потерей береговъ Чернаго моря въ Европѣ она потеряетъ и отдастъ Россіи драгоценную выгоду—обладаніе устьями рѣкъ, весьма важныхъ въ стратегическомъ отношеніи? Развѣ султанъ не знаетъ, что благодаря этому Константинополь постоянно будетъ подвергаться опасности голода и нападенія, что миръ на основаніи «uti possidetis» дастъ Россіи громадное могущество, а имперіи Оттоманской неизбежную гибель въ будущемъ? Что касается Австріи, то независимость татаръ совершенно несовмѣстима съ безопасностью и спокойствіемъ ея владѣній, ибо Венгрія будетъ подвержена татарскимъ нападеніямъ тѣмъ болѣе, что эти дикіе жители степей вполне могутъ рассчитывать на безнаказанность по мѣстнымъ условіямъ. То же значеніе имѣетъ для Австріи и переходъ Дунайскихъ княжествъ подъ другое владѣнство, какого бы рода оно ни было. Если Молдавія и Валахія перейдутъ подъ власть могущественнаго государства, то онѣ, увеличивъ его силу, нарушатъ европейское равновѣсіе; если же подпадутъ подъ власть слабаго государя, то не будутъ служить оплотомъ противъ татарскихъ набѣговъ на австрійскія владѣнія *).

Возраженія вѣнскаго двора противъ мирныхъ условій Россіи вызвали самый энергическій протестъ со стороны Екатерины Ве-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVIII, стр. 256.

ликой. Если относительно независимости татаръ—говорила она—недостаточно ручательства со стороны Россіи и Турціи, то можно допустить ручательства и другія. Остальныя же условія мира, по ея мнѣнію, положительно не давали никакихъ особыхъ преимуществъ Россіи сравнительно съ Турціей и имѣли лишь цѣлью отнять у мусульманъ возможность совершать свои обычные набѣги. Что касается до того—замѣчала императрица,—что я предлагаю открыть переговоры съ Турціей на основаніи «*uti possidetis*», то не думаю, чтобы я поступала слишкомъ жестоко съ врагомъ имени Христова, когда сами великія державы послѣ славныхъ побѣдъ предлагаютъ другъ другу миръ на основаніи этого принципа (намекъ на Австрію и Пруссію при заключеніи послѣдняго между ними мира). Точно такъ же Екатерина находила совершенно неосновательнымъ и указаніе вѣнскаго двора на то, что независимость Молдавіи и Влахіи и самостоятельность татаръ несовмѣстимы съ безопасностью Австріи. Въ заключеніе всѣхъ своихъ доводовъ императрица говорила: «я не буду оскорблять своего государства и никакого другаго христіанскаго государства, сравнивая ихъ съ Турціей относительно значенія послѣдней для равновѣсія между христіанскими державами: политика Порты совершенно исключительная; принципы чести и достоинства никогда не позволяютъ христіанскимъ державамъ допустить Порту въ систему союзовъ, и еслибы по несчастію она была принята, то ознаменовала бы свое вступленіе въ систему христіанскихъ государствъ вѣроломствомъ и гибельными ударами, которымъ одинаково подверглись бы и друзья, и враги. Неужели хотять сдѣлать положеніе Порты несмысленно выгоднымъ? Въ то время, какъ ея собственная система, несоединимая ни съ какою другою системою, стремится только къ истребленію христіанскихъ государей по мѣрѣ возможности, — со стороны христіанскихъ государей будетъ существовать система твердая и постоянная, въ которой сохраненіе Порты будетъ служить основаніемъ, связаннымъ съ ихъ собственнымъ сохраненіемъ! И каково будетъ положеніе государства, которое, какъ моя имперія, будетъ вести съ нею войну побѣдоносную и справедливую? Довольное пустымъ блескомъ триумфовъ, оно возвратитъ свои войска, ограничиваясь честью, что побилъ и низложило врага, не смѣя дотронуться до его владѣній, потому что этотъ врагъ есть Турція.

Христіане въ своихъ войнахъ обходятся другъ съ другомъ менѣе великодушно, ибо, будучи соединены религіею, считаются всегда братьями, и только относительно вѣчнаго врага христіанъ должны обнаруживать все величіе чувства *)).

Таковъ былъ протестъ Екаторины Великой противъ замѣчаній Австріи относительно чрезмѣрности требованій, предъявленныхъ Россіей въ Турціи.

При всей своей убѣдительности, протестъ этотъ не произвелъ, однако, желаннаго дѣйствія въ Вѣнѣ, и Кауницъ говорилъ Голицыну: «Я увѣренъ, что Порта лучше захочетъ продолжать войну еще десять лѣтъ, нежели согласится на такія мирныя условія; для вѣнскаго двора не все равно, будутъ-ли Молдавія и Валахія управляться господами, зависящими отъ Порты, или князьями, назначаемыми Россіей, по меньшей мѣрѣ съ ея согласіемъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ интересы нашего двора подверглись бы важному ущербу; требуемая съ русской стороны независимость татаръ легко можетъ современемъ обратиться въ совершенное подданство и сдѣлаться весьма предосудительною не только интересамъ Австріи, но и вообще равновѣсію Европы. Хотя изъясненія императрицы и не возбуждаютъ сомнѣнія въ искренности ея намѣреній, но она не можетъ ручаться за своихъ преемниковъ. Исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ народы изъ покровительства были приводимы въ подданство». Въ заключеніе Кауницъ сказалъ: «Пора вамъ прекратить войну; дѣла ваши становятся очень серьезными для вѣнскаго двора, который не можетъ долго оставаться спокойнымъ зрителемъ» **).

Австрія категорически отказалась быть посредницей между Турціей и Россіей, если послѣдняя не уменьшитъ своихъ требованій. Мало того, желая склонить русское правительство къ уступкамъ въ этихъ требованіяхъ, она вошла въ соглашеніе съ Оттоманскою Портою и 6 іюля 1771 года подписала секретный союзный договоръ съ нею, по которому приняла на себя обязанность путемъ дипломатическихъ переговоровъ и силою оружія содѣйствовать султану въ дѣлѣ заключенія выгоднаго мира съ Рос-

*) Соловьевъ, назв. соч., стр. 257—259.

***) Соловьевъ, назв. соч., стр. 259.

сіей, «съ соблюденіемъ достоинства и интересовъ Турціи», за что Порты, съ своей стороны, должна была выплатить вѣнскому двору 20.000 кошельковъ, уступить часть Валахіи до Алуты, предоставить австрійскимъ подданнымъ торговыя права наиболѣе благоприятствуемой націи и урегулировать вопросъ о трансильванской границѣ въ направленіи, желаемомъ Австріею *).

Война между Россіей и Австріей казалась неизбѣжной. Война эта грозила сдѣлаться почти общеевропейской потому, что Пруссія, на основаніи союзнаго трактата съ Россіей, обязана была бы признать *casus foederis* и объявить войну Австріи; Франція же, тѣсно связанная съ вѣнскимъ дворомъ, по всей вѣроятности тоже не осталась бы праздною зрительницей въ общей борьбѣ между великими европейскими державами **). Но Фридрихъ, возстановивъ Австрію противъ Россіи до того, что она вошла въ соглашеніе съ турецкимъ султаномъ, не допустилъ войны между ними. Сдѣлать это ему было тѣмъ легче, что на дѣлѣ ни Россія, ни Австрія, ни Пруссія не желали вступать въ кровавую борьбу между собою. Чтобы отклонить взоры близкихъ къ разрыву сторонъ отъ восточныхъ дѣлъ, служившихъ причиною ихъ несогласій, онъ предложилъ раздѣлъ Польши, найдя эту комбинацію наиболѣе удобной для предотвращенія столкновенія Австріи съ Россіей, при которомъ Пруссія была бы вынуждена стать на сторону послѣдней. Кромѣ того, комбинація эта какъ нельзя лучше способствовала и осуществленію давнишней мечты самого короля прусскаго.

Екатерина Великая сначала не желала возвращать Турціи Молдавію и Валахію; но потомъ, чтобы избѣжать препятствій со стороны Австріи въ дѣлѣ обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи, тѣсно связанныхъ съ Крымомъ, рѣшила отказаться отъ этихъ княжествъ за денежное вознагражденіе и принять предложенія, сдѣланныя изъ Берлина, тѣмъ болѣе, что австрійскія войска уже заняли Галицію. Въстѣ съ тѣмъ она выразила свое согласіе на заключеніе мира съ Портой при содѣйствіи вѣнскаго кабинета.

Послѣ соглашенія относительно раздѣла Польши и исключенія независимости Молдавіи и Валахіи изъ условій мира Россіи съ

*) Уляницкій, назв. соч., стр. 376—377.

***) Мартенсъ, Собраніе трактатовъ съ Австріей, т. II, стр. 11.

Турціей, опасность разрыва между петербургскимъ и вѣнскимъ дворомъ миновала. Австрія признала русскія требованія умеренными и предписала своему представителю при Оттоманской Портѣ уговаривать турецкое правительство къ заключенію перемирія и вступленію въ мирные переговоры съ Россіей. Уклоняясь отъ ратификаціи Константинопольскаго договора 6 іюля 1771 года, она, поддерживаемая Пруссіей, обратилась къ турецкому султану съ предложеніемъ освободить изъ заключенія русскаго посла Обрѣскова и изъявить согласіе на вступленіе въ переговоры о мирѣ. Лишенный поддержки со стороны вѣнскаго двора, который въ теченіе всего 1771 года развивалъ въ Портѣ воинственное настроеніе, султанъ вынужденъ былъ согласиться на его предложенія, вслѣдствіе чего въ скоромъ же времени Обрѣсковъ получилъ свободу, а между Россіей и Турціей было заключено перемиріе въ Журжевѣ, причѣмъ мѣстомъ для переговоровъ о мирѣ назначены Фокшаны.

На Фокшанскій конгрессъ, открывшій свои засѣданія въ іюлѣ 1772 года, со стороны Россіи посланы были уполномоченными гр. Г. Орловъ и только что освобожденный изъ плѣна Обрѣсковъ, со стороны Турціи — Османъ-эфенди и Яссини-Заде-эфенди. Турецкихъ уполномоченныхъ сопровождали австрійскій и прусскій посланники при константинопольскомъ дворѣ — Тугуть и Цегелинъ, рассчитывавшіе принять участіе въ переговорахъ въ качествѣ посредниковъ, но устранивныя по настоянію русскихъ уполномоченныхъ, которые заявили имъ, что Россія никого не просила о посредничествѣ и приняла лишь добрыя услуги Австріи и Пруссіи, и что поѣтому представители этихъ державъ не могутъ быть допущены въ засѣданія конгресса. Сущность условій, на которыхъ нашимъ делегатамъ поручено было вести переговоры о мирѣ, состояла въ слѣдующемъ: русскіе уполномоченные должны были требовать отъ Порты признанія независимости татаръ, какъ необходимаго условія для устранинія одной изъ главныхъ причинъ постоянныхъ несогласій между Россіей и Турціей, полной свободы судоходства по Черному морю для коммерческихъ и военныхъ судовъ и дарованія русскимъ купцамъ тѣхъ же льготъ, какими пользуются купцы наиболѣе покровительствуемыхъ націй. *)

*) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. XXVIII, стр. 338; Уляницкій, назв. соч., стран. 392.

Какъ видно изъ инструкціи, данной Орлову и Обрѣскову, Екатерина Великая надѣялась, что своимъ требованіямъ въ отношеніи Порты она найдетъ сильную поддержку со стороны вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, такъ какъ ей казалось, что раздѣлъ Польши привелъ къ тѣсному сближенію Россіи съ Австріей и Пруссіей. Но надежды императрицы не оправдались. О поведеніи «министровъ дружескихъ дворовъ» Обрѣсковъ писалъ Панину 6 августа: «Берлинскій посланникъ поступаетъ во всемъ, кажется, чистосердечно и поддерживаетъ наши требованія относительно независимости татаръ; вѣнскій же, напротивъ, оказывается въ этомъ пунктѣ не только холоденъ, но едва ли до сихъ поръ не поощряетъ турокъ въ неподатливости». *) Такимъ образомъ русскимъ уполномоченнымъ невозможно было ожидать какихъ либо выгодныхъ для Россіи послѣдствій отъ добрыхъ услугъ Австріи и Пруссіи, а приходилось собственными усиліями добиваться отъ Турціи обезпеченія матеріальныхъ интересовъ русскаго государства. Но усилія Орлова и Обрѣскова, начавшихъ негоціацію съ условія о независимости татаръ, не привели къ благопріятному результату, такъ какъ турецкіе уполномоченные ни за что не соглашались на признаніе независимости Крыма. Послѣ долгихъ споровъ по этому вопросу 17 августа 1772 года они объявили конгрессъ закрытымъ и черезъ нѣсколько дней уѣхали изъ Фокшавъ**)

Вскорѣ послѣ разрыва конгресса, а именно 7 сентября, Румянцевъ получилъ отъ великаго визиря письмо, въ которомъ предлагалось возобновить переговоры въ Бухарестѣ. Предложеніе это съ радостью принято было русскимъ правительствомъ, причемъ Обрѣскову, назначенному въ качествѣ уполномоченнаго отъ Россіи, предписано было на предстоящемъ конгрессѣ добиваться главнымъ образомъ независимости татаръ, уступки Керчи и Еникале и свободы русскаго судоходства и торговли въ моряхъ, омывающихъ турецкія побережья***). По открытіи засѣданій Бухарестскаго конгресса на этихъ вопросахъ и сосредоточились пренія сторонъ. Послѣ долгихъ пререканій турецкіе уполномоченные выразили согласіе признать независимость Крыма подъ тѣмъ усло-

*) Уляницкій, назв. соч. стр. 393.

**) Тамъ-же, стр. 397—398.

***) Тамъ-же, стр. 410.

віемъ, чтобы избираемые татарами ханы утверждались султаномъ, но они рѣшительно отказались уступить въ пользу Россіи Керчь и Еникале и допустить свободу плаванія нашихъ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ. На 27 конференціи, 4 февраля 1773 года, Обрѣсковъ, въ виду безцѣльности дальнѣйшихъ переговоровъ съ турецкими уполномоченными, предложилъ имъ ультиматумъ, въ силу котораго Порты обязывалась: 1) признать независимость татаръ и гарантію этой независимости Россіей; 2) уступить Россіи Керчь, Еникале и Киябурнь; 3) предоставить свободу плаванія въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ русскимъ военнымъ и купеческимъ судамъ; 4) признать за русскими государями императорскій титулъ и 5) утвердить за Россіей право покровительства подданнымъ Оттоманской Порты, исповѣдующимъ православіе. Съ своей стороны, Россія соглашалась: 1) на извѣстныхъ условіяхъ возвратить Турціи Молдавію и Валахію, Бессарабію и острова Архипелага; 2) срыть укрѣпленія Очакова и 3) отказаться отъ вознагражденія за убытки, причиненные войной *). Великій совѣтъ и диванъ отвергли эти предложенія и по прежнему настаивали на возвращеніи завоеванныхъ Россією земель, Еникале и Керчи и на допущеніи лишь торговаго судоходства въ Черномъ морѣ безъ права прохода черезъ Дарданеллы, за что предлагали денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 21 мил. рублей. Обрѣсковъ, разумѣется, отказался отъ такой сдѣлки, и въ мартѣ 1773 года переговоры между Россіей и Турціей были прекращены.

Такимъ образомъ мирные переговоры въ Фокшанахъ и Бухарестѣ не привели къ окончанію русско-турецкой войны. Неудача этихъ конгрессовъ объясняется, однако, не одною тягостію русскихъ требованій, на что ссылались турецкіе уполномоченные. Безъ преувеличенія можно сказать, что упорство Оттоманской Порты въ значительной степени зависѣло отъ совѣтовъ французскаго правительства выждать болѣе благопріятнаго времени для заключенія мира съ Россіей. Будучи враждебно настроена противъ послѣдней, Франція во все время русско-турецкой войны интриговала противъ насъ въ Константинополѣ, а когда Порты склоня-

*) Ультиматумъ Обрѣскова см. въ протоколѣ 27 конференціи и въ нотѣ 4 февраля, помѣщенныхъ въ сочиненіи г. Уляницкаго: Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ“, въ приложеніи № 47.

лась къ заключенію мира, она увѣряла султана, что шведскій король готовится двинуть свои войска въ Финляндію, а французское правительство спѣшитъ вооружить сильную эскадру, чтобы оказать помощь оттоманскому флоту. Кромѣ подстрекательства Франціи, въ неуспѣхѣ конгрессовъ немаловажную роль играло и двусмысленное поведеніе Австріи, которая рассчитывала въ случаѣ продленія войны сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія на счетъ Турціи.

Послѣ неудачи Бухарестскаго конгресса снова начались военныя дѣйствія, которыя, по мнѣнію Палина, скорѣе должны были «привести Порту къ миру, нежели самыя долговременныя перемирія», предлагаемыя турками. Въ январѣ 1774 года Румянцеву приказано было двинуть русскія войска за Дунай и при первой рѣшительной побѣдѣ надъ турками предложить великому визирю заключить миръ, но съ тѣмъ, чтобы мирная неогоціація для выигрыша времени и сокращенія всякихъ затрудненій производилась непосредственно съ нимъ самимъ. Въ руководство при мирныхъ переговорахъ Румянцеву даны были тѣ же инструкціи, на основаніи которыхъ Обрѣсковъ велъ переговоры на Бухарестскомъ конгрессѣ, причемъ ему разрѣшалось: признать духовное верховенство султана надъ татарами, ограничиться требованіемъ свободы лишь торговаго судоходства по Черному морю и уступить Портъ Керчь и Еникале, если она отдастъ Россіи Очаковъ и Клябуртъ *). Однако прежде чѣмъ Румянцеву удалось одержать надъ турками рѣшительную побѣду и предложить имъ заключить миръ на этихъ условіяхъ, великій визирь самъ выразилъ желаніе вступить въ переговоры о мирѣ. Пользуясь даннымъ полномочіемъ, Румянцевъ сообщилъ визирю русскія условія, но тотъ настаивалъ на возвращеніи всѣхъ татарскихъ крѣпостей. Понявъ, что Порты желаетъ лишь протянуть время, Румянцевъ прекратилъ переговоры и вскорѣ нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе при Силистріи, послѣ чего дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Великій визирь, видя окончательное пораженіе турецкой арміи, а также и то, что на громкія обѣщанія Франція невозможно болѣе полагаться, поспѣшилъ войти въ переговоры съ Румянцевымъ о мирѣ, который черезъ 5 дней и былъ заключенъ на условіяхъ, гораздо

*) Рескрипты отъ 17 января, 14 февраля и 10 апреля 1774 года.

менѣ выгодныхъ, чѣмъ тѣ, на какія за послѣднее время соглашалась Россія, давно желавшая покончить съ турецкой войной. Мирный трактатъ Россіи съ Портой былъ подписанъ въ русскомъ лагерѣ при деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи 10/22 іюля 1774 года, въ годовщину заключенія Прутскаго договора.

Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ состоитъ изъ 28 статей, изъ которыхъ первая трактуетъ объ установленіи между Россіей и Портой «ненарушимаго мира» и «вѣчной дружбы» и о «взаимной амнистіи и общемъ прощеніи всѣмъ безъ различія подданнымъ, какимъ бы то ни было образомъ совершившимъ преступленіе противъ той или другой стороны». Что же касается до остальныхъ 27 статей, то онѣ содержатъ въ себѣ постановленія относительно интересовъ самой Россіи, положенія татаръ, Молдавіи и Валахіи, острововъ Архипелага, Грузіи и Мингреліи.

Постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, касающіяся интересовъ Россіи, троякаго характера: *территоріальнаго, торговаго и политическаго*. Постановленія *территоріальныя* сводятся къ слѣдующему: 1) Россія получаетъ въ вѣчное владѣніе отъ Оттоманской Порты часть береговъ Азовскаго и Чернаго морей, а именно: Азовъ съ его уѣздомъ и границами, указанными въ Константинопольскомъ трактатѣ 1700 г. (ст. 20), Керчь и Еникале «съ ихъ пристанями и уѣздами, начиная отъ Чернаго моря и, слѣдуя древней Керчинской границѣ, до урочища Бугакъ и отъ Бугака по прямой линіи къ верху до Азовскаго моря» (ст. 19), Кивбурнъ, «лежащій на устьѣ рѣки Днѣпра, съ угломъ, который составляетъ степи, лежащія между рѣкъ Буга и Днѣпра» (ст. 18); 2) кромѣ того, Оттоманская Porta уступаетъ Россіи Большую и Малую Кабарду, если на то послѣдуетъ согласіе Крыма, съ которыми онѣ имѣютъ, по своему сосѣдству, большую связь (ст. 21).

Къ постановленіямъ *торговаго характера* принадлежатъ: 1) свобода русской торговли не только сухимъ путемъ, но и посредствомъ коммерческаго судоходства изъ Чернаго моря въ Средиземное, а также по Дунаю, при чемъ русскіе купцы получаютъ тѣ же права и преимущества, какими до сихъ поръ пользовались на Востокѣ французы и англичане (ст. 11); *) 2) право Россіи,

*) Статья 11 Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, содержащая въ себѣ обоюдныя обязательства Россіи и Турціи по вопросу о взаимной свободѣ торговли въ пре-

на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими державами, имѣтъ консуловъ и вице-консуловъ во всѣхъ мѣстахъ Турецкой имперіи въ обезпеченіе своихъ торговыхъ интересовъ на Востокъ (ст. 11); 3) содѣйствіе Порты въ дѣлѣ заключенія торговыхъ договоровъ съ Варварійскими владѣніями (Трипольскимъ, Тунисскимъ и Алжирскимъ контонами) и ручательство за точность ихъ исполненія, если Россія заблагоразсудитъ заключить таковыя (ст. 12).

Что касается до постановленій *политическаго свойства*, то сюда относятся: 1) право имѣть постоянного представителя въ Константинополѣ, «министра втораго ранга», т. е. посланника или полномочнаго министра, по отношенію къ которому Блистательная Порта обязывается «употреблять все то вниманіе и уваженіе, которое оказывается министрамъ дружественныхъ державъ» (ст. 5); 2) обезпеченіе религіозной свободы русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. «Блистательная Порта обѣщаетъ твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго» (ст. 16) и предоставляетъ въ пользу русской церкви разныя льготы, которыми уже пользовались другія христіанскія исповѣданія, а именно: по примѣру другихъ державъ, Россіи разрѣшается постройка публичной церкви въ Перѣ (ст. 14), а русскимъ пилигримамъ — свободное посѣщеніе Святыхъ Мѣстъ безъ уплаты какихъ-либо

дѣлахъ обоихъ государствъ, гласитъ: „Ради выгоды и пользы обѣихъ имперій имѣть быть вольное и безпрепятственное плаваніе купеческимъ кораблямъ, принадлежащимъ двумъ договаривающимся державамъ, во всѣхъ моряхъ, ихъ земли омывающихъ; Блистательная Порта дозволяетъ свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное точно такимъ же русскимъ купеческимъ кораблямъ, какіе употребляются для торговли въ ея гаваняхъ и вездѣ другими государствами; она предоставляетъ русскимъ кораблямъ право приставать ко всѣмъ гаванямъ и пристанямъ, находящимся на берегахъ морей и въ провіадахъ или каналахъ, соединяющихъ указанна моря; Блистательная Порта позволяетъ также русскимъ подданнымъ вести торговлю въ турецкихъ областяхъ сухопутно, моремъ и рѣкою Дунаемъ, пользуясь такими же преимуществами и выгодами, какія въ оттоманскихъ владѣніяхъ предоставлены прочимъ народамъ, пребывающимъ въ наибольшей дружбѣ съ султаномъ и благопріятствуемымъ съ его стороны преимущественно въ торговлѣ, какъ-то французамъ и англичанамъ; и капитуляціи этихъ двухъ націй и прочихъ, какъ-бы введенныя сюда отъ слова до слова, должны служить во всемъ правиломъ, какъ для торговли, такъ и для русскихъ купцовъ, которые, платя съ ними равныя пошлины, могутъ привозить и отвозить всякіе товары и приставать ко всѣмъ пристанямъ и гаванямъ, лежащимъ какъ на Черномъ, такъ и на другихъ моряхъ, не исключая и Константинопольскаго рейда“...

сборовъ и пошлинъ (ст. 8); 3) право покровительствовать православною вѣрѣ на всемъ пространствѣ оттоманскихъ владѣній. Общая «твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго», Блистательная Порта дозволяетъ русскимъ представителямъ въ Царь-Градѣ дѣлать представленія по всеѣмъ обстоятельствамъ въ пользу воздвигнутой въ Константинополѣ церкви и служащихъ оной и общается принимать эти представленія въ уваженіе, «яко чинимыя довѣренною особою сосѣдственной и искренно дружественной державы» (ст. 7); 4) право ходатайствовать передъ Оттоманскою Портою за Молдавію и Валахію. По 10-й кондиціи ст. 16-й султанъ изъявляетъ свое согласіе на то, чтобы по дѣламъ Дунайскихъ княжествъ русскіе представители, находящіеся при Блистательной Портѣ, «говорили въ пользу этихъ княжествъ» и общается относиться къ нашимъ за нихъ ходатайствамъ съ уваженіемъ, оказываемымъ дружественнымъ державамъ; 5) признаніе Портою императорскаго титула за русскими государями (ст. 13); 6) право возводить по своему усмотрѣнію крѣпости и укрѣпленія въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ турецкими границами (ст. 4); 7) взаимное обязательство Россіи и Порты выдавать политическихъ преступниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда русскіе перелѣзчики примутъ исламъ, а турецкіе—христіанскую вѣру (ст. 2); 8) уничтоженіе всеѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей Константинопольскаго договора 1700 года относительно Кубанской границы и Азовскаго уѣзда (ст. 22).

Таковы постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, касающіяся пользы и нужды самой Россіи. Неразрывно съ ея интересами стоятъ признаніе независимости Крыма, за которую русское правительство упорно стояло во время переговоровъ съ Портою, имѣя въ виду безопасность и благосостояніе южныхъ окраинъ государства.

По Кучукъ-Кайнарджійскому миру все южныя татарскіе народы (Крымскіе, Кубанскіе, Буджакскіе и др.) признаны вполне независимыми отъ Турціи и Россіи и поставлены подъ самодержавную власть собственнаго хана Чингизскаго поколѣнія, который свободно избирается всеѣмъ татарскимъ обществомъ. За турецкимъ султаномъ, какъ верховнымъ калифомъ магометанскаго за-

кона, въ отношеніи татаръ оставленъ одинъ религіозный авторитетъ, но «безъ малѣйшаго ущерба для утвержденной политической и гражданской вольности» татарскаго народа. Вслѣдствіе признанія независимости Крыма, Россія обѣщаетъ послѣ ратификаціи мирнаго трактата вывести свои войска изъ владѣній ново-созданнаго государства; Порты же съ своей стороны, отказываясь отъ всѣхъ земель, отошедшихъ въ пользу Крымскаго царства, «наиторжественнѣйшимъ образомъ обязывается не вводить и не содержать на будущее время въ его предѣлахъ своихъ гарнизоновъ или какихъ-либо военныхъ отрядовъ, но оставить всѣхъ татаръ въ такой же полной вольности и независимости, въ какой оставляетъ ихъ Россія» (ст. 3).

Кромѣ правъ и преимуществъ, выговоренныхъ въ пользу Россіи, и независимости татаръ, тѣсно связанной съ ея экономическими интересами, Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ содержитъ въ себѣ постановленія объ участи христіанскаго населенія Дунайскихъ княжествъ, Архипелажскихъ острововъ, Грузіи и Мингреліи, которое принимало живое участіе въ русско-турецкой войнѣ и посильно помогало намъ въ дѣлѣ нанесенія Оттоманской имперіи «нѣкотораго потрясенія».

Господарства Молдавія и Валахія еще въ XV столѣтіи были завоеваны турками, но рядомъ капитуляцій, заключенныхъ съ побѣдителями, выговорили себѣ полную автономію во внутреннемъ управленіи. На основаніи этихъ капитуляцій турки не имѣли права не только вмѣшиваться во внутреннія дѣла Дунайскихъ княжествъ, но и поселяться въ ихъ предѣлахъ. Зависимость княжествъ отъ Порты выражалась единственно въ утвержденіи султаномъ свободно избранныхъ ими господарей и въ платежѣ ему опредѣленной въ капитуляціяхъ дани. Но внутренняя автономія Дунайскихъ княжествъ, установленная на основаніи заключенныхъ между ними и Портою договоровъ, мало увлжалась турецкимъ правительствомъ. Вопреки своимъ обязательствамъ оно постоянно вмѣшивалось во внутреннія дѣла господарствъ и вводило здѣсь такіе порядки, которые не согласовались съ христіанскими вѣрованіями молдаванъ и валаховъ. Эти произвольныя и насильственные дѣйствія Порты нашли отпоръ въ Россіи, которая въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ мир-

номъ трактатъ утвердила за собою право покровительства и защиты христіанъ Балканскаго полуострова *).

Вынужденная возвратить Турціи Дунайскія княжества «со всѣми крѣпостями, городами, слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ находится», Екатерина Великая поставила ихъ подъ защиту и покровительство Россіи и потребовала отъ Блистательной Порты торжественнаго обѣщанія «ненарушимо и свято» исполнить слѣдующія «кондиціи», выговоренныя въ пользу государствъ Молдавіи и Валахіи: 1) даровать безъ исключенія всѣмъ жителямъ этихъ княжествъ, безъ различія званія, состоянія и степени виновности, полную амнистію и вѣчное забвеніе всѣхъ проступковъ,— какъ-то постановлено въ первой статьѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата,—возстановивъ ихъ въ прежнихъ правахъ и преимуществвахъ и возвративъ имъ имѣнія, которыми они пользовались до настоящей войны; 2) не препятствовать свободному исповѣданію христіанскаго закона, созиданію новыхъ церквей и поправленію старыхъ; 3) возвратить монастырямъ и частнымъ собственникамъ земли и владѣнія, принадлежавшія имъ прежде и теперь несправедливо отнятыя у нихъ около Браилова, Хотина, Бендеръ и т. д. 4) относиться къ православному духовенству съ должнымъ почтеніемъ; 5) дозволить свободный выѣздъ семействамъ, желающимъ оставить свое отечество и переселиться въ другія мѣста, давъ имъ годъ времени для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ; 6) сложить со счетовъ всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ; 7) не требовать съ княжествъ военной контрибуціи, а за многія страданія и убытки, понесенныя во время русско-турецкой войны, освободить ихъ еще на два года отъ всякихъ платежей; 8) по истеченіи этого срока «наблюдать всякое человѣколюбіе и великодушіе» въ наложеніи на нихъ подати деньгами и получать ее не иначе какъ черезъ особо посылаемыхъ депутатовъ каждые два года; при такомъ способѣ платежа податей паша, губернаторы и другія должностныя лица не имѣютъ право притѣснять жителей или требовать отъ нихъ какихъ-либо платежей: имъ должны быть обезпечены тѣ же самыя выгоды, какими они пользовались при Мегметъ IV, любезномъ родителѣ его султанскаго величества;

*) Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 263—264.

9) предоставить князьямъ Молдавіи и Валахіи право имѣть при Блистательной Портѣ своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ изъ христіанъ греческаго закона, которые заботились бы объ интересахъ княжествъ, пользуясь благорасположеніемъ и милостію Блистательной Порты и полной неприкосновенностью, какъ лица, стоящіе подъ охраною международнаго права; 10) наконецъ, по десятой и послѣдней кондиціи за Россіей признается право *защитить интересы* Дунайскихъ княжествъ чрезъ посредство своихъ дипломатическихъ представителей въ Константинополь, о чемъ было сказано выше (ст. 16).

Довольно важныя льготы и преимущества выговариваются Россіей и въ пользу жителей острововъ Архипелага. Получая обратно Архипелажскіе острова, занятые во время войны русскими войсками, Блистательная Porta обязуется: 1) даровать жителямъ этихъ острововъ полную амнистію, 2) не притѣснять христіанскій законъ и людей «въ церквахъ служащихъ», 3) не требовать платежа ежегодной подати въ продолженіе двухъ лѣтъ и 4) дозволить свободный выѣздъ семействамъ, пожелающимъ оставить свое отечество и переселиться въ другія мѣста (ст. 17).

Въ отношеніи Грузіи и Мингреліи Porta обязывается передъ Россіей: 1) даровать жителямъ полную амнистію, 2) не преслѣдовать христіанъ, а охранять ихъ вѣру, 3) никогда не требовать дани отроками и отроковицами и всякаго рода другихъ податей и 4) все замки и укрѣпленныя мѣста, бывшіе во владѣніи у грузинцевъ и мингрельцевъ, оставить подъ собственною ихъ стражею и правленіемъ (ст. 23).

Таковы въ общихъ чертахъ важнѣйшія постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата *). Государственные люди, историки и публицисты западной Европы признають этотъ трактатъ «верхомъ русскаго дипломатическаго искусства и турецкой глупости» **). Въ отзывѣ этомъ, конечно, нельзя не видѣть извѣстной доли преувеличенія, невольно являющагося изъ-подъ пера западнаго европейца, трактующаго о восточной политикѣ Россіи, но за нимъ невоз-

*) Трактатъ, заключенный при деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи 10 іюля 1774 года, см. Пол. Собр. Зак. № 14.164; а также у Юзефовича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 24—41.

**) Татищевъ, Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 467.

можно отрицать и справедливости въ томъ отношеніи, что трактатъ 1774 года дѣйствительно имѣеть громадное значеніе въ исторіи нашихъ отношеній къ Турціи, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ всего вышесказаннаго относительно цѣли русско-турецкой войны и ея послѣдствій, выразившихся въ только что изложенныхъ постановленіяхъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Начиная войну съ Турціей, русское правительство поставило цѣлью этой войны обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ Россіи, страдавшихъ отъ ея сосѣдства съ безпокойными крымскими татарами и отъ отсутствія свободы пользованія водами Чернаго моря, являвшейся однимъ изъ главныхъ условій преуспѣванія нашихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ. Результаты войны въ этомъ отношеніи были для Россіи весьма благопріятны. По Кучукъ-Кайнарджійскому мирному трактату она пріобрѣтала берега Чернаго моря, получала право торговаго судоходства по немъ и проливамъ, ведущимъ въ Средиземное море, и обезпечивала за своею торговлею всѣ тѣ права и преимущества, которыхъ въ теченіе вѣковъ съ большимъ трудомъ добывались другіе народы по капитуляціямъ, въ разное время заключеннымъ съ Портой. вмѣстѣ съ тѣмъ она поставила внѣ зависимости отъ султана крымскихъ татаръ въ видахъ безопасности своихъ южныхъ окраинъ и развитія народнаго хозяйства при помощи непосредственныхъ сношеній съ этимъ полудикимъ народомъ. Словомъ, Кучукъ-Кайнарджійскій мирный трактатъ обезпечивалъ за Россіей цѣлый рядъ весьма существенныхъ матеріальныхъ выгодъ, благодаря которымъ ея государственный организмъ получалъ сильный импульсъ къ быстрому развитію въ экономическомъ и политическомъ отношеніи.

Несмотря на всю важность сдѣланныхъ Россіей пріобрѣтеній для обезпеченія своихъ матеріальныхъ интересовъ, значеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора ими, однако, далеко не исчерпывается. вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ ближайшихъ нуждъ Россіи, сосредоточивавшихся въ то время на вопросахъ о Крымѣ и Черномъ морѣ, договоръ этотъ привелъ и къ другимъ весьма существеннымъ для нея послѣдствіямъ. По Кучукъ-Кайнарджійскому трактату за Россіей *de facto* и *de jure* признано было право защищать въ Турціи интересы православной церкви и своихъ единовѣрцевъ, — *de facto* въ томъ отношеніи, что по этому

трактату Оттоманская Порта, по настоянію Россіи, дала обѣщаніе «твердо защищать христіанскій законъ» (ст. 7) и привяла на себя различныя обязательства относительно улучшенія положенія Молдавіи, Валахіи, Мингрелии, Грузіи и Архипелажскихъ острововъ (ст. 16, 17 и 23), возвращенныхъ султану по заключеніи мира; de jure въ томъ отношеніи, что Порта не только включила всѣ эти обѣщанія и обязательства въ мирный договоръ съ Россіей, но и предоставила ей право покровительствовать православнои церкви на всемъ пространствѣ Турецкой имперіи и защищать интересы Молдавіи и Валахіи. Предоставленіе этихъ правъ Россіи имѣло громадное значеніе въ ея отношеніяхъ къ Турціи. Укрѣпивъ ихъ за собою, Россія — говоритъ г. Ульяницкій — приобрѣтала тѣмъ самымъ законное основаніе контролировать дѣйствія султана и при первой несправедливости съ его стороны, а тѣмъ болѣе при притѣсненіи христіанъ, получала возможность признать договоръ нарушеннымъ и силою принудить правонарушителя къ принятію мѣръ, какія считала необходимыми *). Короче говоря, Россія получала *одностороннее право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турецкой имперіи съ цѣлью защиты христіанскихъ народностей Востока.*

Вотъ тѣ ближайшія послѣдствія, къ которымъ привело заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора. Важное значеніе его въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи, конечно, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Достиженіемъ независимости Крыма, приобретеніемъ Азова, Керчи, Еникале, Кинбурна и открытіемъ Чернаго моря и проливовъ для торговаго судоходства русское правительство такъ или иначе осуществляло всѣ неудавшіяся прежде попытки придвинуть Россію къ берегамъ Чернаго моря и дать ей свободу торговаго судоходства по немъ, т.-е. завершало стремленія до-екатерининской эпохи обезпечить матеріальные интересы Россіи въ восточномъ вопросѣ; съ другой стороны — обезпеченіемъ за Россіей права вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи ради защиты интересовъ православнаго Востока оно выполняло давнишнее желаніе ея стать покровительницей христіанскихъ подданныхъ султана, т.-е. пола-

*) Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права, Рус. Вѣст. 1877 г. № 3, стр. 326.

гало прочное начало обезпеченію религіозно-національныхъ интересовъ русскаго народа въ восточномъ вопросѣ. Все это ставило Россію въ совершенно новое и даже исключительное положеніе относительно Турціи, вслѣдствіе чего Кучукъ Кайнарджійскій мирный договоръ вполне справедливо считается началомъ новой эпохи русско-турецкихъ отношеній.

Важность постановленій Кучукъ Кайнарджійскаго трактата тотчасъ оцѣнена была нашими друзьями и противниками, при чемъ оцѣнка эта навела ихъ на грустные размышленія о печальныхъ послѣдствіяхъ вновь прибрѣтеннаго Россіей положенія. Разстроенному воображенію государственныхъ людей запада рисовались крайне печальныя картины будущей судьбы Оттоманской имперіи. Такая мрачная картина будущности Турціи представлялась, напри- мѣръ, австрійскому послу въ Константинополь Тугуту. «Принимая во вниманіе,— доносилъ онъ своему правительству 3 сентября 1774 года.— что по смыслу мирнаго трактата Россія прибрѣтаетъ съ одной стороны западную часть Крымскаго полуострова, крѣпость Еникале и превосходный Керченскій портъ, а съ другой стороны Киибурнъ, оба берега и устье Днѣпра; что Россія намѣрена не только возобновить укрѣпленія Азова при устьѣ Дона, но и усилить оборону перворазряднаго Таганрогскаго порта; что, наконецъ, мѣстности эти изобилуютъ строевымъ дѣсомъ, желѣзомъ, пенькою и другими матеріалами, необходимыми для постройки судовъ,—оказывается, что Россія можетъ въ весьма непродолжительномъ времени и безъ значительныхъ денежныхъ затратъ, построить въ Керчи флотъ изъ 12—15 большихъ кораблей; суда меньшей вмѣстности соорудятся ею въ другихъ прибрѣтенныхъ прибрежныхъ пунктахъ. Слѣдовательно, Россіи представляется полная возможность быстро создать все необходимое для транспортированія значительныхъ отрядовъ войскъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія постоянно будетъ имѣть въ своихъ новыхъ владѣніяхъ отъ 30 до 40.000 войска, составленнаго изъ милицій, охранявшихъ доселѣ Украйну, или изъ нѣкоторой части ея многочисленной арміи. Поэтому Россія нисколько не затруднится производить высадки на различныхъ пунктахъ Черноморскаго прибрежья, — лишь бы это было признано нужнымъ ея правительствомъ, — не прибѣгая при томъ къ усиленному вооруженію;» при пслутномъ

вѣтрѣ, эскадра съ 20.000 десантомъ, черезъ двое сутокъ по выходѣ изъ Керчи, безпрепятственно явится передъ стѣнами Константинополя. Въ особенности же заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что поддержаніе Оттоманской имперіи уже не будетъ зависѣть отъ европейскихъ державъ, а единственно отъ доброй воли Россіи. И дѣйствительно, по окончаніи работъ, производимыхъ русскими въ сооружаемыхъ ими верокахъ и докахъ, — что, конечно, не затянется на долгое время, — можно съ часу на часъ ожидать взятія ими Константинополя; при томъ паденіе этой столицы послѣдуетъ такъ внезапно, что совершится ранѣе, чѣмъ вѣсть о движеніи русскихъ войскъ донесется до предѣловъ ближайшихъ къ границамъ Россіи христіанскихъ державъ *)).

Такова опасность, угрожавшая Оттоманской Портѣ по превеличенному мнѣнію австрійскаго дипломата. По всей вѣроятности не меньшія опасности для Турціи предвидѣли и представители другихъ европейскихъ государствъ, которыя всегда враждебно относились къ расширенію правъ и вліянія Россіи на Востокъ. Не смотря, однако, на ту тревогу, которую произвело подписаніе Кучукъ Кайнарджійскаго договора, противъ тягости его условій для Оттоманской Порты и чрезмѣрной выгоды ихъ для Россіи официально не было заявлено протестовъ, такъ какъ западно европейскія державы, прямо или косвенно заинтересованныя въ успѣхахъ Россіи на Востокъ, по различнымъ обстоятельствамъ были лишены возможности оказать поддержку Турціи въ критическую для нея минуту. Франціи тогда угрожала война на ея собственныхъ границахъ; Англія была отвлечена отъ Востока волненіями въ Американскихъ колоніяхъ; что же касается Пруссіи и Австріи, то онѣ, застрачивая другъ друга могуществомъ Россіи, не были солидарны въ восточной политикѣ, такъ какъ берлинскій кабинетъ всецѣло былъ занятъ польскимъ, а не восточнымъ вопросомъ, и смотрѣлъ на послѣдній, какъ на лучшее средство для рѣшенія перваго согласно своимъ интересамъ; вѣнскій же дворъ одинъ не рѣшался воевать изъ-за Турціи съ Россіей, опасаясь ея союза съ Пруссіей, которымъ Фридрихъ II изъ различныхъ своекорыстныхъ политическихъ расчетовъ постоянно застрачивалъ Австрію.

*) Бухаровъ, Россія и Турція, стр. 23—24.

Г Л А В А II.

Греческій проектъ и присоединеніе къ Россіи Крыма.

Борьба Россіи съ Турціей изъ-за вліянія въ Крыму послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата.—Объяснительный договоръ 10 марта 1779 года. Сближеніе Россіи съ Австріей и заключеніе между ними оборонительнаго союза.—Греческій проектъ Екатерины Великой.—Отношеніе къ нему Австріи.—Критическая оцѣнка этого проекта.—Новыя недоразумѣнія между Россіей и Турціей.—Присоединеніе Крыма къ Россіи.—Отношеніе къ этому событію со стороны Западной Европы.—Интриги Франціи и ихъ неудача.—Отношеніе Порты къ Россіи по поводу уничтоженія ея независимости Крыма.—Договоръ между Россіей и Турціей 28 декабря 1783 года объ окончательномъ присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ.—Важность для Россіи присоединенія Крыма.—Торговый договоръ между Россіей и Турціей и его значеніе съ точки зрѣнія международнаго права.

Кучукъ-Кайнарджійскій мирный договоръ, при всемъ своемъ громадномъ значеніи въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи, не привелъ, однако, къ желанной цѣли — къ окончательному устраненію всякихъ поводовъ къ столкновенію между этими державами изъ-за нашихъ матеріальныхъ интересовъ на Востокѣ. Причиною тому было признаніе этимъ договоромъ полной независимости Крыма. Султанъ, за которымъ здѣсь оставлено было по Кайнарджійскому трактату лишь религіозное значеніе, какъ преемника каліфовъ, не могъ помириться съ мыслью о потерѣ верховныхъ правъ надъ татарами и чрезъ преданныхъ ему мурзъ старался удержать эти права и возбудить въ Крыму враждебное настроеніе противъ Россіи. Съ своей стороны, русское правительство, озабоченное обезпеченіемъ экономическихъ интересовъ страны, старалось упрочить собственное вліяніе на татаръ, для чего принимало надлежащія мѣры къ тому, чтобы крымскій престолъ занимало лицо, приверженное Россіи. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ надежда на мирныя и дружелюбныя отношенія между Россіей и Турціей была плохая, и между ними, дѣйстви-

тельно, въ скоромъ же времени по заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора возникли различныя недоразумѣнія изъ-за Крыма.

Вслѣдствіе желанія Россіи и Турціи упрочить свое исключительное вліяніе въ Крыму, тамъ образовались двѣ враждебныя партіи — русская и турецкая, къ борьбѣ которыхъ и сводилось избраніе хана Чингизскаго поколѣнія «всѣмъ татарскимъ обществомъ», причѣмъ одерживала верхъ то та, то другая сторона, соотвѣтственно чему и ханы становились приверженцами то Россіи, то Турціи. Такъ передъ 1775 годомъ русская партія избрала крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гирея, но въ 1775 г. онъ былъ свергнутъ, а на его мѣсто турецкою партіей избранъ ханомъ Девлетъ-Гирей, затѣмъ русская партія снова одержала верхъ и избрала крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гирея. Эта борьба двухъ партій изъ-за избранія крымскаго хана, разумѣется, тяжело отражалась на всемъ внутреннемъ распорядкѣ Крымскаго царства и должна была подготовить паденіе его независимости въ пользу той или другой изъ двухъ соперничавшихъ между собою державъ, которыя прекрасно сознавали неизбѣжность подобнаго исхода политической самостоятельности татаръ и поэтому, естественно, старались предупредить другъ друга въ дѣлѣ полного подчиненія себѣ Крыма. Особенно энергично дѣйствовала въ этомъ направленіи Турція. Но ея политика въ смыслѣ возстановленія утраченной власти надъ Крымомъ, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтила отпоръ со стороны Россіи, которая для противодѣйствія стремленію турецкаго султана готова была даже взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что оттоманское правительство допускало явныя нарушенія постановленій Кучукъ-Кайнарджійскаго договора относительно свободы русскаго торговаго судоходства по Черному морю и не соглашалось на пожизненное назначеніе господарей Дунайскихъ княжествъ. Въ концѣ 1776 года русское правительство рѣшило завладѣть Перекопомъ въ виду того, что Турція пыталась поставить Крымъ въ *statu quo ante bellum* и предъявляла Россіи требованіе объ очищеніи Керчи, Еникале и Кивбурна. На югѣ Россіи была сосредоточена сильная армія, въ виду которой съ Портою начались переговоры по крымскимъ дѣламъ, тянувшіеся до половины 1778 года, когда отношенія между русскимъ и турецкимъ правительствомъ настолько обострились, что

способны были разрѣшиться войной. Въ іюнь этого года Порта вознамѣрилась отправить въ Крымъ флотъ и войско на помощь татарамъ, принадлежавшимъ къ партіи противниковъ Россіи, вслѣдствіе чего послѣдняя вынуждена была также принять рѣшительныя мѣры для противодѣйствія стремленіямъ турецкаго султана, и нашъ константинопольскій посланникъ Стахievъ сталъ приготавливаться къ отъѣзду.

На юго-востокъ собиралась гроза, предвѣщавшая новый разгромъ Турціи; но удачное посредничество французскаго посла во время успѣло уладить отношенія между русскимъ и турецкимъ правительствомъ. При содѣйствіи Сень-При Россія и Порта покончили свои недоразумѣнія путемъ мирныхъ переговоровъ, результатомъ которыхъ было заключеніе особой конвенціи, имѣвшей служить вагъ бы дополненіемъ или объясненіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. Въ этой изъяснительной конвенціи, подписанной петербургскимъ и константинопольскимъ дворомъ 10 марта 1779 года подтверждался Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ за исключеніемъ статей, измѣненныхъ разсматриваемымъ договоромъ (ст. 1); Порта официально объявляетъ себя обязанною признать полную независимость крымскихъ татаръ и ихъ хана, причемъ послѣдній, при принятіи власти, долженъ испрашивать благословенія султана, но верховный калифъ магометанской вѣры, опираясь на эту религіозную прерогативу, не имѣетъ права вмѣшиваться въ гражданскія и политическія дѣла Крымскаго царства (ст. 2); Россія принимаетъ на себя обязательство слѣдить за правильностью передачи татарами султану тѣхъ мѣстностей, которыя лежатъ между Днѣстромъ и Бугомъ и между Польшею и Чернымъ моремъ (ст. 5); съ своей стороны Порта обязывается дать изъ этой мѣстности достаточное количество земли для образованія Очаковскаго уѣзда; остальные же земли должны быть оставлены незаселенными въ видахъ обезпеченія мира между обѣими державами; далѣе конвенціей подтверждается предоставленное Россіи право судоходства по Черному морю, но съ условіемъ, чтобы вмѣстимость и вооруженіе русскихъ кораблей были согласованы съ правилами, установленными на этомъ предметѣ въ договорахъ съ Франціей и Англіей; русскому правительству дозволяется производить вербовку турецкихъ матросовъ, но только въ случаяхъ крайней важности и не

иниче, какъ съ согласія турецкаго правительства (ст. 6); Порта подтверждаетъ льготы, предоставленныя Дунайскимъ княжествамъ по XVI статьѣ трактата 1774 года, и регулируетъ свои земельныя отношенія къ грекамъ въ Моревѣ (ст. 7 и 8); наконецъ, Россія и Турція условливаются заключить между собою коммерческой трактатъ, на основаніи французскихъ и англійскихъ капитуляцій, видоизмѣненныхъ примѣнительно къ русской торговлѣ *).

Этотъ объяснительный договоръ не могъ, однако, установить прочныхъ отношеній между Россіей и Турціей. Въ виду непрекращавшихся попытокъ султана къ восстановленію прежнихъ своихъ правъ надъ крымскими татарами каждую минуту можно было ожидать вооруженнаго столкновенія съ Оттоманской Портой, и вліятельная партія въ Петербургѣ, вопреки мнѣнію Панина, руководителя нашей внѣшней политики, ратовала за союзъ съ Австріей, содѣйствіе которой въ турецкихъ дѣлахъ считалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ содѣйствіе со стороны Пруссіи. Даже сама императрица Екатерина не довѣряла Фридриху. Образъ дѣйствій прусскаго короля въ событіяхъ, завершившихся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, представлялъ ей достаточныя доказательства того, какъ мало можно было полагаться на Пруссію въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса. «Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать видамъ Екатерины, онъ — говоритъ Соловьевъ — поставилъ на первый планъ свой собственный интересъ и заставилъ Россію служить своимъ цѣлямъ... Оскорбительно было Екатеринѣ видѣть себя орудіемъ для осуществленія чужихъ плановъ, плановъ государя, котораго она считала своимъ союзникомъ; оскорбительно было для нея видѣть, какъ результаты Ларги, Кагула, Чесмы, завоеванія Крыма, побѣдъ Суворова въ Польшѣ ослаблены равнодушіемъ и даже явнымъ противодѣйствіемъ союзника, который, заботясь только о собственныхъ интересахъ, воспользовался русскими побѣдами, русскою кровью для выгоднаго округленія своего государства **). Если такова была политика Фридриха въ прошломъ, то нечего было ожидать отъ него и въ будущемъ.

Укрѣпленія дружественныхъ отношеній съ Россіей желала и

*) Изъяснительная конвенція, заключенная между Россіей и Портой 10 марта 1779 года. Полн. Собр. Зак. № 14,851.

***) Исторія Россіи, т. XXVIII, стр. 419.

сама Австрія, стремившаяся къ низложенію Пруссіи и для того давно уже старавшаяся расторгнуть ея союзъ съ Россіей и возстановить себѣ прежнее положеніе при петербургскомъ дворѣ, утраченное со времени восшествія на престолъ императора Петра III. Въ виду обоюднаго желанія Россіи и Австріи вступить между собою въ соглашеніе по вопросамъ ихъ виѣшней политики для сближенія этихъ имперій не представлялось никакихъ препятствій, и въ 1780 году Иосифъ отправился уже на свиданіе съ Екатериной Великой, чтобы условиться относительно общей политики и установить полную взаимность въ турецкомъ вопросѣ. Свиданіе королеванныхъ особъ привело къ желанной цѣли, и въ маѣ 1781 года утверждены были въ формѣ письма условія оборонительнаго союза Россіи съ Австріей на восемь лѣтъ. Въ силу этого союза Австрія обезпечивала Россіи обладаніе завоеванными областями; при нарушении Портою договора обязывалась предложить свои добрыя услуги для устраненія возникшихъ несогласій, а если бы онѣ остались безъ послѣдствій или произошло нападеніе на русскія владѣнія, то объявить войну Турціи или выставить вспомогательныя войска; при посылкѣ Россіей флота въ Черное или Азовское море на поддержаніе сухопутныхъ силъ Австрія должна была соответственно этому также увеличить свои силы. Насчетъ вознагражденія за участіе въ войнѣ должно было послѣдовать особое соглашеніе. Относительно Австріи Россія приняла на себя подобныя же обязательства *). Выгоды этого договора были, очевидно, на сторонѣ Россіи. Въ ту минуту, когда все вниманіе русскаго правительства сосредоточивалось на крымскомъ вопросѣ, у него развязывались руки, такъ какъ соглашеніемъ съ вѣнскимъ дворомъ не только устранялось постоянное-противодѣйствіе русской политикѣ на Востокъ со стороны Австріи, но эта главная соперница Россіи въ турецкихъ дѣлахъ обязывалась помогать ей всѣми своими силами.

Сближеніе Россіи съ Австріей вскорѣ еще болѣе было упрочено возникшей между Екатериною Великой и Иосифомъ перепиской относительно завоеванія турецкихъ областей и выработки знаменитаго *«греческаго проекта»*. Исторія и содержаніе этой весьма

*) Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. II, стр. 113—116.

интересной переписки въ немногихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ.

Еще во время русско-турецкой войны, закончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, князь Потемкинъ представилъ императрицѣ «великій планъ такъ называемой восточной системы» *), извѣстной въ исторіи подъ названіемъ «греческаго проекта». Цѣль этого проекта заключалась въ изгнаніи турокъ изъ Европы и въ образованіи Греческаго царства съ великимъ княземъ изъ русскаго императорскаго дома во главѣ. Въ этихъ видахъ второй внукъ Екатерины Великой, рожденный 27 апрѣля 1779 года, былъ названъ Константиномъ, въ память перваго основателя Константинополя на мѣстѣ древней Византіи, и окруженъ греками. Въѣздъ съ тѣмъ въ Петербургъ открытъ былъ кадетскій корпусъ для малолѣтнихъ грековъ изъ Таврической области и изготовлены медали на завоеваніе Турціи **). Когда же возникъ вопросъ о присоединеніи къ Россіи Крыма, Екатерина II, пользуясь дружбой съ австрійскимъ императоромъ, изъяснившимъ полное согласіе идти рука объ руку съ русскимъ правительствомъ въ крымскомъ вопросѣ, задумала привести греческій проектъ въ исполненіе. Императрица полагала, что Оттоманская Порта воспротивится попыткѣ русскаго правительства завладѣть Тавридой и что между Россіей и Турціей немедленно произойдетъ война изъ за Крыма; но она не желала, чтобы и на этотъ разъ война окончилась для мусульманъ лишь незначительными потерями, такъ какъ ей казалось, что уже настало время для окончательнаго изгнанія турокъ изъ Европы. Въѣздъ съ Потемкинымъ Екатерина обсуждала относительно этого различныя предположенія, а въ 1782 году Безбородко изложилъ ихъ въ слѣдующей своей знаменитой запискѣ.

«Насчетъ турецкихъ владѣній Россія не имѣетъ надобности

*) Самойловъ. Жизнь и дѣянія кн. Потемкина-Таврическаго. Русск. Архивъ за 1867 г., стр. 1011 — 1013.

**) На одной изъ этихъ медалей на одной сторонѣ было изображеніе Екатерины, а вкругъ надпись: „Божію милостію Екатерина II Императрица и Самодержица Всероссийская, заступница вѣрныхъ“. На другой сторонѣ: морскія волны, Константинополь, пожаръ, разрушеніе мечети; верхняя часть минарета падаетъ, а надъ нимъ въ облакахъ сіяетъ крестъ. По сторонамъ надпись: „Поборнику православія“. Эти медали находятся теперь въ Оружейной Палатѣ. Русск. Архивъ за 1865 годъ, стр. 1506.

желать другихъ приобретений кромѣ: 1) Очакова съ пространствомъ земли между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ; 2) Крымскаго полуострова, если бы татарская независимость по смерти нынѣшняго хана или по какимъ либо непредвидѣннымъ замѣшательствамъ стала для насъ невыгодной и вредной, и, наконецъ, 3) одного, двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ для пользы и нужды русской торговли. Вѣнскій дворъ занялъ бы въ сравненіи съ нами болѣе выгодное положеніе, если бы возвратилъ себѣ Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, а можетъ быть и баннать Краіовскій. Но подобное расширеніе границъ можно дозволить Австріи лишь подъ условіемъ, если она согласится съ нами относительно будущей судьбы Турецкой имперіи. Судьба эта можетъ быть предопредѣлена двоякимъ способомъ: 1) Если обѣ державы, вступивъ въ войну съ султаномъ, найдутъ для себя невыгоднымъ и рискованнымъ продолжать кампанію и сочтутъ за лучшее заключить миръ, не разрушая Турецкой имперіи, въ такомъ случаѣ имъ должно будетъ условиться, кромѣ расширенія собственныхъ границъ, также и относительно Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи и постановить, чтобы эти земли, подъ своимъ древнимъ именемъ Дакии, сдѣланы были независимую областью, правителемъ которой было бы назначено лицо христіанской вѣры, если уже не изъ русскаго императорскаго дома, то во всякомъ случаѣ такое, на вѣрность котораго могли бы положиться оба союзника. Эта новосозданная держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи. 2) Если же успѣхи оружія союзниковъ дадутъ возможность разрушить Турецкую имперію, то тогда Россіи и Австріи должно будетъ позаботиться о возстановленіи древней Греческой имперіи въ пользу младшаго великаго князя, внука императрицы. Тутъ также заранѣе слѣдуетъ опредѣлить точныя границы этой имперіи, допуская возстановленіе ея въ предѣлахъ Европейской Турціи, на твердой землѣ и островахъ Архипелага, которые останутся за удовлетвореніемъ другихъ державъ, такъ какъ должно предполагать, что за свое содѣйствіе нашимъ интересамъ вѣнскій дворъ пожелаетъ имѣть какое нибудь основаніе въ Средиземномъ морѣ для своей торговли; что Англія, Франція и Испанія, можетъ быть, потребуеуть и для себя какого нибудь приобретения; что Венеціанская республика предъявитъ свои притязанія на Морею, которой,

впрочемъ, ей не слѣдуетъ уступать, и лучше удовлетворить островами. Можетъ быть, Франція и Испанія устремать свои взоры на порты въ Египтъ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ на африканскихъ берегахъ—въ этомъ нѣтъ нужды имъ препятствовать*).

Таково содержаніе записки Безбородко. Проведенный въ этой запискѣ взглядъ относительно раздѣла Турецкой имперіи вполнѣ отвѣчалъ воззрѣніямъ Екатерины Великой. «Она—говоритъ г. Татищевъ—находила естественнымъ и законнымъ образованіе на развалинахъ Турціи самостоятельныхъ христіанскихъ государствъ, тѣсно связанныхъ съ Россіей единствомъ вѣры и общностью политическихъ интересовъ. Составленное изъ Молдавіи, Валахія, и Бессарабіи, Дакійское королевство предназначалось ею для князя Потемкина, а возстановленный въ Царьградѣ престолъ византійскихъ императоровъ былъ обѣщанъ второму внуку ея, цесаревичу Константину Павловичу. Само собою разумѣется, что оба эти государства должны были, по мысли великой императрицы, обязательно входить въ составъ общей политической системы русскаго двора, пользоваться защитой Россіи и подчиняться ея вліянію**).

На основаніи записки Безбородко, 13 октября 1782 года изъ Петербурга отправлено было въ Вѣну предложеніе относительно завоеванія Турціи и осуществленія великаго проекта. Въ письмѣ къ Іосифу «царица—говоритъ г. Бутковский—изобразила картину политическаго состоянія Европы и доказывала безопасность предпріятія противъ Порты. Она не сомнѣвалась въ счастливомъ исходѣ дѣла; одинъ прусскій король могъ быть имъ помѣхой, но его преклонныя лѣта давали вѣрное ручательство, что безъ содѣйствія Франціи и Англіи онъ не возьмется за оружіе. Англія, руководствующаяся торговыми соображеніями, не пойдетъ на это, но на случай, если бы Франція и Испанія стали дѣлать затрудненія русскому флоту въ Средиземномъ морѣ, императорскіе дворы должны войти въ соглашеніе съ Англіей. Если же Пруссія все-таки захочетъ сдѣлать нападеніе, то Австрія и Россія имѣютъ достаточно силъ оградить себя отъ нея***). Изображая картину политическаго

*) Записка Безбородко отъ 10/21 сентября 1782 г. см. Соловьевъ, Европа въ концѣ XVIII вѣка, Русскій Вѣстн. 1862 г. № 5 стр. 34—35.

**) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 224.

***) Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, т. I, стр. 41.

состоянія Европы, императрица въ то же время указывала Іосифу и на безнадежное состояніе Турціи, видимо клонившейся къ упадку и распаденію. Такъ какъ внутреннія бѣдствія, «противъ которыхъ не устояло бы и болѣе благоустроенное государство», неминуемо влекутъ ее къ гибели, то Россія и Австрія должны заранѣе подумать, какой порядокъ вещей, безъ ущерба для ихъ интересовъ, слѣдуетъ установить въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними. Чтобы устранить между сосѣдями всякія столкновенія на будущее время, Екатерина Великая предлагала возстановить независимое государство, извѣстное въ древности подъ именемъ «Давія». Это особое самостоятельное государство предполагалось образовать изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи и поставить подъ управленіе государя греческой религіи, причемъ оно всегда должно быть независимымъ отъ Австріи и Россіи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть присоединено ни къ той, ни къ другой державѣ. Границами новаго государства опредѣлялись Днѣстръ и Черное море со стороны Россіи и рѣки Дунай и Алута со стороны Австріи. Что касается территоріальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Турціи, то императрица выговаривала для Россіи только городъ Очаковъ съ полосой земли между Бугомъ и Днѣстромъ и еще одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли русскихъ подданныхъ (о Крымѣ Екатерина умалчивала, но въ слѣдующемъ году онъ былъ уже присоединенъ къ Россіи). Хотя положеніе и богатство сосѣднихъ съ Австріей турецкихъ областей, на которыя долженъ былъ рассчитывать Іосифъ, давали, по мнѣнію Екатерины, его пріобрѣтеніемъ совсѣмъ иное значеніе, однако, она, въ силу личной дружбы къ дорогому союзнику, приноситъ ему эту жертву, будучи вполне увѣрена, что если бы удалось изгнать изъ Европы враговъ христіанства, то императоръ не откажется содѣйствовать возстановленію древней Греческой имперіи на развалинахъ Оттоманской Порты, подъ непремѣннымъ условіемъ со стороны Россіи оставить эту возобновленную монархію въ полной независимости отъ себя и возвести на ея престолъ младшаго внука царицы, великаго князя Константина, который дастъ обязательство не имѣть никакихъ притязаній на русскій престолъ, такъ какъ эти двѣ короны никогда не должны быть соединены на одной головѣ *).

*) Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. II, стр. 133; Соловьевъ, назв. ст., стр. 35—36

Опасность поглощенія Турецкой имперіи Россіей при Екатеринѣ Великой казалась до такой степени неотвратимою, что Іосифъ, при всемъ своемъ честолюбіи, не пытался препятствовать намѣреніямъ императрицы и только заботился о томъ, чтобы путемъ соглашенія съ нею обезпечить за Австріей извѣстную, по возможности, конечно, ббльшую долю изъ раздѣла оттоманскихъ владѣній. 13 ноября 1782 года онъ отвѣчалъ, что присоединеніе къ Россіи Очакова съ означенной областью не можетъ встрѣтить никакого затрудненія; что же касается до образованія новаго государства Дакіи и возведенія на греческій престолъ великаго князя Константина, то это будетъ зависѣть отъ успѣховъ войны; съ его же стороны не будетъ затрудненія въ исполненіи всѣхъ этихъ намѣреній, если только будутъ исполнены и его желанія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: для Австрійской монархіи нужно присоединить: городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ Алута, Никополисъ, и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда протянуть линію самую прямую и самую короткую къ Адриатическому морю, включая Golfo della Drina, и, наконецъ, всѣ владѣнія венеціанскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами должны отойти къ Австрійской монархіи, ибо только этимъ средствомъ произведенія ея земель получаютъ цѣнность; полуостровъ Морея, который принадлежалъ нѣкогда Венеціанцамъ, Кандія, Кипръ и другіе архипелажскіе острова могутъ богато вознаграждать этихъ республиканцевъ; онъ, императоръ, можетъ имѣть тогда морскія суда и быть, слѣдовательно, гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ, какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него чрезъ Дарданеллы; новыя государства, Дакійское и Греческое, обяжутся не взимать никакихъ пошлинъ съ австрійскихъ судовъ *).

Опасаясь, и не безъ основанія, что условія Австріи встрѣтятъ возраженія со стороны Россіи, Іосифъ II поручилъ кн. Кауницю подробно доказать императрицѣ ихъ справедливость. Исполняя

*) Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. II, стр. 134; Соловьевъ, назв. ст., стр. 36—37.

данное императоромъ порученіе, австрійскій канцлеръ указывалъ петербургскому кабинету на то, что главное препятствіе къ выполненію греческаго проекта слѣдуетъ ожидать со стороны Пруссіи и Франціи, и потому предлагалъ противодѣйствіе Пруссіи намѣреніямъ союзниковъ парализовать дружбою Саксонскаго курфюрста, котораго можно будетъ завербовать общаніемъ польскаго престола, противодѣйствіе же Франціи—предоставленіемъ ей Египта, тѣмъ болѣе, что уступка этой провинціи меньше всего могла вызвать сопротивленіе со стороны Англіи. Что же касается до отношенія Англіи къ приобрѣтеніямъ, которыя сдѣлаютъ обѣ союзныя державы, то приобрѣтенія эти не таковаго свойства, чтобы возбудить въ ней чувство какой-либо зависти. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію этого плана, необходимо, чтобы оба двора окончательно согласились насчетъ своихъ приобрѣтѣній *).

Несмотря на старанія Кауница, условія, на которыхъ Іосифъ II готовъ былъ приступить къ исполненію проекта Екатерины Великой, признаны были ею несоразмѣрными съ тѣми выгодами, которыхъ можно было ожидать отъ изгнанія турокъ изъ Европы; при этомъ въ интересахъ проектируемой Греческой имперіи государыня рѣшительно отклонила намѣреніе Австріи надѣлать Венецію Мореей и островами Архипелага вѣзавѣтъ Истріи и Далмаціи, которымъ Іосифъ придавалъ большое значеніе. Въ виду крайней необходимости союза съ Россіей, австрійскій императоръ уступилъ желаніямъ Екатерины и въ послѣдующихъ своихъ писемъ выразилъ полное согласіе содѣйствовать исполненію задуманнаго ею плана **).

Всматриваясь въ сущность «греческаго проекта», сводившагося къ окончательному раздѣлу Турецкой имперіи, нельзя не замѣтить, что онъ не выдерживаетъ и легкой критики. Не говоря уже о томъ, что при существовавшемъ тогда всеобщемъ стремленіи къ собственной наживѣ, Россія и Австрія должны были встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны другихъ европейскихъ государствъ, которыя увидѣли бы въ осуществленіи греческаго проекта нарушеніе политическаго равновѣсія Европы, — нельзя не признать, что «великая греческая идея» была мечтой, противо-

*) Мартенсъ, наз. соч., стр. 135.

**) Назв. соч., стр. 136.

рѣчившей исторіи и географіи. Греческій народъ разбросанъ былъ по разнымъ частямъ Европы, Азии и Африки, отъ Сициліи до устьевъ Дона, въ количествѣ четырехъ миллионѣвъ, и собрать его во-едино не представлялось никакой возможности. Екатеринаинская греческая имперія при тѣхъ границахъ, въ которыхъ ее хотѣли возстановить, была бы «греческой» только по имени и вышла бы почти безъ грековъ, такъ какъ за исключеніемъ южныхъ областей Фессаліи и южной Албаніи, сплошь населенныхъ греками, въ остальныхъ областяхъ, даже въ Румелии и Македоніи, славянскій элементъ былъ элементомъ преобладающимъ. Само собою понятно, что въ этомъ видѣ осуществленіе греческаго проекта не рѣшало бы вопроса о балканскихъ христіанахъ, объ ихъ освобожденіи и народной самобытности, а только видоизмѣняло бы его, притомъ, пожалуй, даже въ худшую сторону. Греки стали бы употреблять всѣ свои усилія къ тому, чтобы эллинизировать славянъ и, если бы успѣли въ этомъ, то, конечно, въ ущербъ Россіи и славянству; если же они не достигли бы своей цѣли, то на Востокъ возникла бы новая борьба національностей, которая только ухудшила бы положеніе Балканскаго полуострова *).

Несмотря на указанные недостатки, греческій проектъ былъ, однако, весьма знаменательнымъ явленіемъ въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Проектъ этотъ служилъ нагляднымъ доказательствомъ того, что у русскихъ государственныхъ людей, озабоченныхъ обезпеченіемъ матеріальныхъ интересовъ Россіи на Востокъ, въ то же время находила себѣ полное сочувствіе и мысль о помощи единовѣрнымъ народностямъ Балканскаго полуострова, которыя со времени Петра Великаго съ нетерпѣніемъ ждали своего освобожденія отъ сѣверной славянской державы. На сколько пригоденъ былъ греческій проектъ для облегченія участи единовѣрцевъ Россіи на Востокъ—это вопросъ другой, вопросъ, который не можетъ ступшевать явныхъ намѣреній императрицы уничтожить тяготѣвшее надъ ними турецкое иго; намѣреній этихъ не можетъ ступшевать также и то, что Екатерина Великая при проведеніи своего проекта не упускала изъ виду и интересовъ своего государства, такъ какъ въ то время въ силу необходимости наша восточная политика еще не могла быть безкорыстной; кромѣ того, вполне без-

* Давидовскій, „Россія и Европа“, изд. 1889 г., стр. 351.

норыстная и только освободительная роль Россіи въ отношеніи балканскихъ христіанъ могла быть усвоена русскими государственными людьми лишь въ новѣйшее время, когда подѣ влияніемъ прежде чуждыхъ идей было окончательно выяснено, что восточный вопросъ долженъ быть понимаемъ не въ смыслѣ политической проблемы, а какъ проблема юридическая первостепенной важности, и что рѣшеніе его состоитъ не въ раздѣлѣ Турціи между соперничающими державами Европы, а въ призваніи всѣхъ народностей, тамъ живущихъ и столь разнообразныхъ по религіи, національности и происхожденію, къ новой свободной жизни и къ общенію съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ *).

Свидѣтельствуя о стремленіи русскаго правительства такъ или иначе придти на помощь поработаннымъ турками христіанскимъ народностямъ Востока, знаменитый греческій просветъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ важное практическое значеніе въ исторіи нашей восточной политики въ томъ смыслѣ, что, сблизивъ Россію съ Австріей, давъ русскому правительству полную возможность добиться скорѣйшаго разрѣшенія крымскаго вопроса. Заручившись тѣснымъ союзомъ съ Іосифомъ II и договорившись съ нимъ во всемъ, что касается Турціи, императрица устремила свои взоры на юго-востокъ и при первомъ удобномъ случаѣ приняла самыя энергическія мѣры въ отношеніи Крыма, гдѣ не переставали происходить разныя усобицы и раздоры. Когда ставленникъ Россіи, Шагинъ-Гирей, своими жестокостями вызвалъ въ Крыму всеобщее противъ себя недовольство, она рѣшилась разъ на всегда покончить съ крымскимъ вопросомъ, присоединивъ территорію татаръ къ Россійской имперіи. Вотъ что писала она 14 декабря 1782 года Потемкину по поводу своего рѣшенія:

«Извѣстно, что однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ нашимъ распрямъ съ турками служить съ давнихъ временъ Крымскій полуостровъ, изъ вѣдръ котораго не разъ совершались набѣги на русскія границы. Преобразование Крыма въ вольную и независимую область не принесло спокойствія Россіи и обратилось лишь въ новыя для нея заботы со значительными издержками. Опытъ времени съ 1774 года показалъ, что независимость мало свой-

*) Графъ Камаровскій, „Современная литература международнаго права“, стр. 123.

отвенна татарскимъ народамъ, и чтобъ охранить ее, намъ нужно всегда быть вооруженными и при существованіи мира изнурять войска трудными движеніями, дѣлая большія затраты, какъ бы во время войны, безъ всякой надежды на удовлетвореніе. При малѣйшемъ послабленіи съ нашей стороны турки, пользуясь едино-вѣріемъ татаръ и другими связями, стараются увеличить среди нихъ свою силу и значеніе, что почти всякій разъ заставляетъ насъ прибѣгать къ войнѣ, чтобы утвердить должное положеніе дѣлъ въ Крыму. Такая канитель съ крымскою независимостью принесла намъ уже болѣе 7.000.000 чрезвычайныхъ расходовъ, не считая непрерывнаго изнуренія войскъ и потери людьми, которыя превосходятъ всякую цѣну. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы приняли твердое намѣреніе дать другой оборотъ крымскимъ дѣламъ и при дальнѣйшихъ интригахъ султана противъ насъ сдѣлать на будущее время Крымскій полуостровъ не гнѣздомъ разбойниковъ и мятежниковъ, а территорією русскаго государства: это вознаградило бы насъ за восьмилѣтнее безпокойство и за издержки, одѣланныя для охраны цѣлости мирныхъ договоровъ, а также устранило бы возможность столкновенія съ турками, если только они не сочтутъ нашъ поступокъ, внушаемый самою необходимостью, за основательную причину къ разрыву. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы находимъ гораздо полезнѣе разъ на всегда покончить наши дѣла съ Оттоманскою Портою, чѣмъ терпѣть отъ нея постоянное безпокойство и имѣть безконечныя недоразумѣнія изъ-за Крыма. Въ виду этихъ соображеній мы съ полною довѣренностію объявляемъ вамъ нашу волю на присвоеніе Крымскаго полуострова и на присоединеніе его къ Россіи, съ увѣренностію, что вы не упустите ни удобнаго времени, ни зависящаго отъ васъ способа для исполненія нашего намѣренія *)).

Потемкинъ уже давно доказывалъ, что самое обыкновенное благоразуміе требуетъ присоединить Крымъ къ Россіи, — «свести сію бородавку съ носу». Въ извѣстной своей запискѣ онъ говорилъ Екатеринѣ: «Повѣрьте, что вы симъ приобрѣтеніемъ бессмертную славу получите, и такую, какой ни одинъ еще государь

*) Соловьевъ, „Европа въ концѣ XVIII вѣка“, Русскій Вѣст. за 1862 г. № 5, стр. 37—38.

въ Россіи не имѣлъ... Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждахъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла, или упустила *)). Энергично настаивая на необходимости присоединенія Крыма къ Россіи, Потемкинъ, при изъявленіи согласія на то императрицы, разумѣется, не упустилъ благоприятнаго момента для окончательнаго рѣшенія крымскаго вопроса въ смыслъ, давно желанномъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. При первомъ же матежѣ въ Крыму оавъ быстро занялъ всѣ татарскія земли, вытѣснилъ оттуда турокъ и заставилъ крымскихъ татаръ принести присягу на вѣчное подданство Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ, Крымъ, занятый русскими войсками, былъ присоединенъ къ Россіи манифестомъ отъ 8 апрѣля 1783 года, гдѣ объявлялось Европѣ, какъ о совершившемся фактѣ, что «Крымскій полуостровъ, островъ Тамань и вся Кубанская сторона приняты подъ Россійскую державу». Въ манифестѣ этомъ выставлялись и причины, побудившія императрицу присоединить названныя земли къ Россіи. Настаивая на признаніи независимости Крыма, — говорилось въ манифестѣ, — Россія исключительно имѣла въ виду устранить всѣ поводы къ столкновенію съ Портою. Цѣль эта, къ сожалѣнію, не достигнута: Крымъ постоянно служилъ театромъ нескончаемыхъ смуть, а Турція то и дѣло направляетъ свои усилія къ тому, чтобы овладѣть островомъ Таманью; къ тому же подавленіе крымскихъ возстаній уже обошлось Россіи въ 12 милліоновъ рублей. Сказанное побуждаетъ императрицу объявить, что, возвращая себѣ права побѣдителя вслѣдствіе явнаго нарушенія Портою условій мира, она принимаетъ подъ свое непосредственное державное владычество полуостровъ Крымъ, островъ Тамань и земли по рѣкѣ Кубани **).

Рѣшительный шагъ, сдѣланный Екатериною въ отношеніи Крыма, не могъ вызвать противодѣйствія ни со стороны Европы, ни со стороны Оттоманской Порты. Вниманіе западныхъ державъ было поглощено ихъ собственными дѣлами. Въ это время Англія вела упорную войну съ возставшими Американскими колоніями. Франція также принимала участіе въ этой борьбѣ, истощившей

*) Тамъ же, стр. 28—29.

**) Вухаровъ, „Россія и Турція“, стр. 31; а также Пол. Соб. Зап. № 15708.

ее окончательно. Пруссія послѣ войны за баварское наслѣдство должна была заботиться объ устройствѣ своихъ собственныхъ дѣлъ въ Германіи; что же касается до Австріи, то она сама была не прочь содѣйствовать Россіи въ рѣшеніи крымскаго вопроса тѣмъ болѣе, что была обязана къ тому союзнымъ договоромъ съ петербургскимъ кабинетомъ. Однако, изъ сказаннаго далеко не слѣдуетъ, что вся Европа равнодушно взглянула на дѣйствія русскаго правительства и санкціонировала ихъ своимъ молчаніемъ. Несмотря на дѣятельное участіе въ войнѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за независимость, Франція все лѣто неустанно хлопотала о томъ, чтобы европейскія державы оказали поддержку Оттоманской Портѣ. «Вѣковыя преданія, политическіе и торговые интересы, даже личные мотивы—все—говорить г. Трачевскій—побуждало версальскій кабинетъ дорожить благоденствіемъ Порты и особенно ревниво слѣдить за каждымъ движеніемъ екатерининской Россіи. Если бы не американская война съ ея тяжелыми послѣдствіями, Франція, конечно, выступила бы противъ Россіи. Въ инструкціи министра Людовика XVI, Вержена, французскому посланнику въ Петербургъ, Сегюру, прямо было заявлено, что пока жива Екатерина, не быть пріязни между Россіей и Франціей» *). Въ виду такой непріязни между Россіей и Франціей, версальскимъ дворомъ были отправлены ко всѣмъ державамъ ноты, въ которыхъ указывалась опасность, грозящая Европѣ, если Россіи удастся отторгнуть отъ Турціи Крымскій полуостровъ, и французская дипломатія проявила необыкновенную дѣятельность въ Вѣнѣ, Берлинѣ и даже Туринѣ. Версальскій кабинетъ краснорѣчиво убѣждалъ Европу въ необходимости воспрепятствовать честолюбивымъ замысламъ Екатерины и спасти Турцію. «Вержень доказывалъ, что Крымъ—лишь первая станція русскихъ на пути къ Босфору, и поэтому должно отстоять его, а въ крайнемъ случаѣ хотя не допускать русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ. Онъ старался устроить съ этою цѣлью союзъ съ Пруссіей и вовлечь въ него даже Австрію, чтобы эти три державы обезпечили Порту отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны сѣвернаго колосса. Вержень доходилъ до того, что готовъ былъ уступить Юсифу одну

*) „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Юсифа II“. Вѣст. Евр. за 1876 г. № 6, стр. 722.

или двѣ турецкія провинціи, только съ условіемъ, чтобы Франція и Пруссія получили соотвѣтственное вознагражденіе: первая въ австрійскихъ Нидерландахъ, вторая въ Польшѣ. Если же вѣнскій и петербургскій дворы рѣшились непременно уничтожить Порту, то, — внушалъ Верженъ Фридриху, — Версалю и Берлину не оставалось ничего больше, какъ соединить свое оружіе и выступить со всѣми своими силами» *).

Старанія версальскаго двора не имѣли, однако, желаннаго успѣха. Въ Вѣнѣ относились съ шутками и насмѣшками къ взаимодействию съ Франціей, ибо въ восточномъ вопросѣ Іосифъ слѣпо держалъ сторону Россіи. Что касается Фридриха II, отъ котораго все зависѣло въ эту минуту, то онъ выказалъ себя чрезвычайно равнодушнымъ и отвергъ предложенія Вержена. Послѣ этой дипломатической неудачи въ дѣлѣ защиты интересовъ Оттоманской Порты, Франція объявила, что она готова съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ Россіи, если послѣдняя присоединитъ къ себѣ Крымъ, и въ то же время послала грозныя депеши въ Петербургъ и Вѣну съ предложеніемъ своего посредничества въ Константинополѣ. Но и здѣсь версальскій дворъ потерпѣлъ полное пораженіе: Екатерина гордо отклонила посредничество «въ дѣлѣ, которое никого не касается, кромѣ нея и ея имперіи», и замѣтила, что лучшій совѣтъ, какой можно было тогда дать туркамъ, это — «чтобы они сохраняли спокойствіе». вмѣстѣ съ тѣмъ она извѣстила Фридриха, что «если версальскій дворъ послѣ того, какъ Россія не воспрепятствовала ему лишить Англію колоній, вздумаетъ возражать противъ того, что дѣлаетъ она теперь, то ему будетъ худо». Предложенія Вержена недружелюбно встрѣчены были и въ Вѣнѣ. Вѣнскій дворъ угрожалъ Версалю готовыми къ бою войсками Австріи и Россіи и совѣтовалъ Франціи и ея друзьямъ «осгаваться спокойными, если они хотятъ, чтобы Порта избѣжала еще большаго несчастія, угрожающаго ей». Въ то же время въ Версалѣ узнали, что Англія стала на сторону Россіи и выразила желаніе вступить съ нею въ союзъ. Все это вмѣстѣ съ отвѣтомъ Фридриха на союзныя предложенія Вержена, что онъ готовъ дѣлать съ Франціей все, что только пріятно его главной и первой

*) Тамъ же, стр. 723.

союзницѣ русской императрицѣ, — имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ концѣ 1783 года французскій же курьеръ поѣхалъ черезъ Вѣну въ Константинополь «съ добрыми услужностями нашему двору», и Франція вмѣстѣ съ дружественными намъ державами совѣтовала Портѣ оставаться спокойною въ виду присоединенія Крыма къ Россіи *).

Въ виду того, что большинство западныхъ державъ склонялось въ пользу сохраненія мира и удовлетворенія русскихъ требованій, не было сильнаго сопротивленія имъ и со стороны Порты, несмотря на то, что полнѣйшая утрата Крыма была для нея страшнымъ ударомъ, вызвавшимъ сильное волненіе въ Турціи. Сначала оттоманское правительство дѣйствительно протестовало противъ присоединенія Крыма къ Россіи, но потомъ, оставленное своими друзьями, оно отказалось отъ мысли вооруженною рукою защищать свои интересы, опасаясь войны съ Россіей въ виду заявленія Австріи о своей готовности принять участіе въ этой войнѣ въ качествѣ союзника петербургскаго кабинета. Поэтому, когда императрица Екатерина потребовала категорическаго отвѣта на вопросъ о томъ, признаетъ-ли Турція фактъ присоединенія Крыма къ Россіи, оттоманское правительство вступило въ переговоры съ русскимъ посланникомъ Булгаковымъ и 28 декабря 1783 года подписало конвенцію, по которой подтверждались всѣ наши договоры съ Портой, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата 1774 года, за исключеніемъ лишь статей о независимости Крыма; статьи эти уничтожались (ст. 1), а р. Кубань назначалась границею между Россіей и Турціей **).

Такъ безъ всякаго кровопролитія отошелъ въ вѣчное владѣніе Россіи Крымскій полуостровъ. Получивъ его, Россія осуществила свою историческую задачу—завладѣла всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря и прилегающими къ нему плодоносными черноземными степями, уничтожила послѣдній оплотъ мусульманства на восточно-европейской низменности, упорно державшійся на почвѣ Тавриды, и тѣмъ обезпечила свою юго-восточную торговлю и промышленность, для развитія которыхъ въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ

*) Тамъ же, стр. 723—726.

***) „Договоръ, заключенный между Россіей и Турціей въ Константинополѣ 28 декабря 1783 года“, Пол. Соб. Зак. № 15901.

ставились различныя препятствія со стороны крымскихъ хищниковъ. При такой важности факта присоединенія Крыма къ Россіи весьма понятна та радость, съ которою встрѣчена была въ Петербургѣ вѣсть объ окончательной развязкѣ крымскаго дѣла. Екатерина II приняла титулъ царицы Херсонеса-Таврическаго и щедро наградила всѣхъ своихъ помощниковъ орденами и деньгами, при чемъ Потемкинъ получилъ почетный титулъ князя Таврическаго; также щедро отблагодарены были Кобенцель и австрійскій интернунцій, Сень-При и Анслей, послы Франціи и Англіи въ Константинополѣ. Въ то же время русскіе министры изливались въ благодарности и чувствахъ преданности къ Австріи, а сама императрица въ письмахъ къ Іосифу не переставала выражать ему признательсть за сильную поддержку въ крымскомъ дѣлѣ, общая своему другу при удобномъ случаѣ также оказать услугу *).

Вступивъ во владѣніе Крымскимъ полуостровомъ, Екатерина Великая ввѣрила управленіе Тавридой свѣтлѣйшему князю Потемкину, который дѣятельно принялся оживлять и заселять этотъ богатый край и упрочивать русское господство на Черномъ морѣ. Императрица повелѣла устроить въ Крыму новый портъ, арсеналь и крѣпость, и, словно по мановенію волшебнаго жезла, явилась грозная твердыня Севастополя съ не менѣе грозною надписью на воротахъ: «Дорога въ Константинополь», начертанною по высочайшему повелѣнію во время поѣздки Екатерины Великой въ Крымъ въ 1787 году съ тѣмъ, чтобы вполне ясно обнаружить цѣль возведенія такихъ гигантскихъ сооружений**).

Почти одновременно съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма, именно въ іюнь 1783 года, во исполненіе постановленія такъ-называемой вояснительной конвенціи 1779 года, Булгаковъ заключилъ съ Портою торговый трактатъ, который, безъ преувеличенія можно сказать, составляетъ эпоху въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Оттоманской Портою и въ исторіи русскаго консульскаго института въ Турецкой имперіи. По этому договору Россіи предоставляется полная свобода коммерческаго судоходства и торговли во всѣхъ областяхъ Турецкой имперіи, гдѣ только плаваніе купече-

*) Бутковскій, назв. соч., стр. 54.

***) Бухаровъ, назв. соч. стр. 33.

скихъ судовъ и торговля русскимъ правительствомъ будутъ признаны необходимыми (ст. 1); Блистательная Порта обязуется не принуждать русскихъ купцовъ къ продажѣ и покупкѣ товаровъ въ пользу какихъ либо привилегированныхъ компаній и товариществъ, а напротивъ обѣщается предоставить имъ полную свободу дѣйствій въ ихъ торговлѣ (ст. 7); русскіе подданные за свою ввозную и вывозную торговлю въ Турціи платятъ пошлины, равныя съ французами и англичанами, по 3% съ цѣны ихъ товаровъ, причемъ пошлина эта взимается только одинъ разъ во время транспортированія товаровъ по владѣніямъ Оттоманской Порты; никакихъ другихъ платежей на русскихъ купцовъ не налагается (ст. 20); русскому торговому флоту предоставляется свободный проходъ Константинопольскимъ проливомъ изъ Чернаго въ Средиземное море и обратно, причемъ Оттоманская Порта обязуется не только не ставить какихъ либо препятствій кораблямъ, идущимъ подъ русскимъ флагомъ и нагруженнымъ товарами, не предназначенными для продажи въ турецкихъ областяхъ, но и не подвергать такихъ кораблей осмотру или остановкѣ при проходѣ черезъ названный проливъ (ст. 30); Блистательная Порта обязуется не требовать никакихъ пошливъ съ грузовъ русскихъ коммерческихъ судовъ, проходящихъ по Константинопольскому проливу и не заставлять купцовъ сгружать ихъ товары въ Константинополь или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ (ст. 31); согласно 11 ст. Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата Россіи предоставляется право назначать своихъ консуловъ во всѣхъ мѣстахъ Оттоманской имперіи, гдѣ только признано будетъ нужнымъ; консуламъ обеспечивается неприкосновенность и неподсудность мѣстнымъ властямъ, такъ какъ Порта обязуется не препятствовать имъ пользоваться всѣми правами и преимуществами, предоставленными консуламъ дружественныхъ державъ, Англіи и Франціи, хотя бы въ тѣхъ мѣстахъ у державъ этихъ и не было консульскихъ агентствъ (ст. 52); по дѣламъ между собою русскимъ подданнымъ предоставляется право вѣдаться въ Турціи своимъ консульскимъ судомъ и по своимъ отечественнымъ законамъ; въ случаѣ тяжбы между русскими подданными и гражданами другихъ европейскихъ государствъ споры ихъ могутъ быть разбираемы мѣстными учрежденіями лишь при согласіи на то самихъ тяжущихся; при совершеніи русскимъ под-

даннымъ какого либо преступленія противъ туземца, дѣло разсматривается мѣстной властью, но въ присутствіи русскаго консула (ст. 58 и 63); въ дома русскихъ подданныхъ мѣстная власть не могутъ входить иначе, какъ съ разрѣшенія русскаго посланника или консуловъ и притомъ въ сопровожденіи лицъ, ими къ тому спеціально назначенныхъ (ст. 67); наконецъ, въ случаѣ войны между Россіей и Оттоманской Портой ихъ купцамъ предоставляется шести-мѣсячный срокъ для ликвидаціи дѣлъ и безпрепятственнаго выѣзда въ предѣлы своего отечества (ст. 75)*).

Таково содержаніе торговаго договора 1783 года въ главныхъ, существенныхъ его чертахъ. Договоръ этотъ предоставилъ русскимъ подданнымъ на Востока даже большія привилегіи сравнительно съ тѣми, которыми пользовались тогда французы и англичане. Русскіе подданные очутились тамъ въ положеніи народа, наиболее благопріятствуемаго — «*de la nation la plus favorisée*» — что дало поводъ французамъ и англичанамъ и для себя требовать отъ султана такихъ же льготъ**).

*) Торговый трактатъ, заключенный въ Константинополѣ между Россіей и Оттоманской Портой 10 іюня 1783 года, П. С. З. № 15767, а также Юзевовичъ: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 122—151.

**) Мартенсъ, Современное международное право, т. II изд. 1888 г., стр. 85.

Г Л А В А III.

Вторая Екатерининская война Россіи съ Турціей и Ясскій трактатъ 1791 года.

Желаніе султана возвратить Крымъ. — Политика Пруссіи и Англіи въ отношеніи Турціи. — Страхъ западныхъ державъ за цѣлость Оттоманской имперіи. — Ультиматумъ Порты и объявленіе войны Россіи въ 1787 году. — Участіе въ русско-турецкой войнѣ Австріи и болгарскихъ христіанъ. — Заботы Англіи и Пруссіи о сохраненіи status quo Турецкой имперіи. — Посредничество берлинскаго двора и мирныя условія Россіи. — Заключеніе Австріей отдѣльнаго мира съ Турціей. — Успѣхи русскаго оружія. — Враждебное отношеніе къ Россіи со стороны Англіи и Пруссіи. — Подготовленіе европейской коалиціи противъ Россіи. — Французская революція и ея вліяніе на восточную политику нашихъ противниковъ. — Заключеніе мира между Россіей и Турціей и Ясскій трактатъ 29 декабря 1791 года. — Значеніе постановленій этого трактата. — Общій взглядъ на исторію отношеній Россіи къ Турціи въ царствованіе императрицы Екатерины Великой.

Присоединеніе къ Россіи Крыма было крайне неприятно для Оттоманской Порты. Съ уничтоженіемъ крымской независимости въ русскихъ волнахъ исчезало послѣднее татарское царство, а территоріальныя права Россіи распространялись на весь сѣверный берегъ Чернаго моря, откуда русскіе военные корабли при первомъ удобномъ случаѣ могли появиться подъ стѣнами Константинополя и овладѣть имъ такъ же легко, какъ легко занята была русскими войсками Таврида. Тѣмъ не менѣе воспротивиться окончательной утратѣ всякихъ правъ надъ Крымскимъ царствомъ Порты была въ то время не въ силахъ и потому рѣшила временно покориться гнету судьбы съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ силою оружія вывудить русское правительство возвратить падишаху его бывшія вассальныя владѣнія. Въ ожиданіи же случая, который далъ бы возможность Портѣ возстановить свои верховныя права надъ Крымомъ, турецкое правительство занялось переорганизаціей и вооруженіемъ своей арміи и поды-

сканіемъ себѣ дѣятельныхъ союзниковъ для неизбежной въ будущемъ войны съ Россіей.

Измѣнившіяся къ тому времени отношенія Россіи и западныхъ державъ вполне благопріятствовали воинственнымъ замысламъ турецкаго султана. Несмотря на то, что между Россіей и Австріей существовали дружественныя отношенія, а Франція, всегда противодѣйствовавшая Россіи на Востокъ, была занята исключительно своими внутренними дѣлами и потому не могла съ прежней энергіей отстаивать интересы Порты, турецкое правительство находило себѣ сильную поддержку со стороны Англій и Пруссіи. При берлинскомъ дворѣ не могли простить Россіи того, что она предпочла союзу съ нимъ дружбу австрійскаго императора. Что же касается до Англій, то она со времени утраты сѣверо-американскихъ колоній начала вознаграждать себя завоеваніями въ Индіи и развитіемъ торговли на Востокъ; для упроченія же и монополизациі этой торговли, пріютившейся подъ покровомъ Порты, представлялось необходимымъ отстаивать неприкосновенность Оттоманской имперіи, которой въ то время намѣревались нанести смертельный ударъ сосѣднія государства. Желая поддержать Турцію въ своихъ торговыхъ интересахъ, Англія готова была всѣми силами противодѣйствовать австро-русскому союзу, для чего подготавливала турецко-пруско-шведскую коалицію противъ этого союза и развивала въ оттоманскомъ правительствѣ воинственный духъ, подавая Портѣ надежду на возстановленіе верховныхъ правъ ея надъ Крымомъ *).

Находя поддержку своимъ стремленіямъ со стороны Пруссіи и Англій, турецкое правительство еще дѣятельнѣе приступило къ начатому вооруженію арміи и флота. Выступъ съ тѣмъ въ сношеніяхъ съ Россіей оно стало проявлять роковую раздражительность и заносчивость, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II совершила свою знаменитую поѣзду въ Крымъ въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты. Путешествіе императрицы въ Тавриду, какъ извѣстно, имѣло главнымъ образомъ значеніе контроля надъ административной дѣятельностью кн. Потемкина, но благодаря быть можетъ совершенно случайнымъ обстоятель-

*) Добровъ, назв. соч., стр. 551.

ствамъ получило характеръ политической демонстраціи противъ Оттоманской Порты. Дѣло въ томъ, что во время этой поѣздки, сопровождавшейся часто театральной обстановкой и отличавшейся тщеславнымъ характеромъ, на югѣ было сосредоточено громадное количество войска, въ чемъ турецкое правительство не могло не видѣть намѣренія Россіи продолжать свою наступательную политику въ отношеніи Порты. Это предположеніе казалось правдоподобнымъ тѣмъ болѣе, что при поѣздкѣ въ Тавриду состоялось свиданіе Еватерины Великой съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ, который вмѣстѣ съ польскимъ королемъ присоединился къ царской свитѣ; результатомъ же свиданія, по мнѣнію современниковъ, было заключеніе наступательнаго союза съ Австріей противъ Порты, хотя во время путешествія коронованныхъ особъ, кромѣ краткихъ и не особенно важныхъ совѣщаній министровъ и дипломатовъ, сопровождавшихъ императрицу и Іосифа, не было почти никакихъ другихъ бесѣдъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ определеніе какой-либо политической программы *).

Опасаясь завоевательныхъ стремленій Россіи, въ которыхъ не оставалось сомнѣнія послѣ поѣздки императрицы въ Крымъ, оттоманское правительство, до того времени пререкавшееся съ петербургскимъ кабинетомъ по поводу разныхъ вопросовъ, служившихъ предметомъ разногласія между Россіей и Турціей, придало дипломатическимъ переговорамъ рѣзкій тонъ, а затѣмъ ^{15/27} іюля 1787 года вручило русскому константинопольскому посланнику Булгакову ноту въ формѣ ультиматума, въ которой требовало: 1) признанія турецкимъ подданнымъ добровольно ставшаго подъ верховную власть Россіи, грузинскаго царя Ираклія, ибо Грузія издавна принадлежала Турціи и державныя права ея надъ этою странкою утверждены XIII статьей Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата; 2) выдачи удалившагося въ Россію молдавскаго господара Маврокордато, которому, по мнѣнію оттоманскихъ властей, Россія не имѣла права оказывать гостепримства; 3) возврата 39 соляныхъ озеръ въ Кинбурнскомъ уѣздѣ, отошедшихъ будто-бы къ Портѣ въ силу трактата 1774 года; 4) отозванія русскихъ консуловъ изъ Яссы, Бухареста и Александріи на томъ основаніи, что они служатъ

*) Бриннеръ, „Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 году“. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1873 г. № 7, стр. 134—135.

лишь органами для возбужденія мятежей въ Турціи, и допущенія турецкихъ консуловъ во всѣ русскіе города и гавани; и 5) осмотра всѣхъ русскихъ судовъ, выходящихъ изъ Чернаго моря въ виду практиковавшагося будто-бы контрабанднаго провоза подъ турецкимъ флагомъ запрещенныхъ товаровъ *).

Получивъ турецкую ноту, Булгаковъ предложилъ Портѣ дать ему время съестись съ Петербургомъ для полученія инструкцій. Посоль желалъ, очевидно, оттянуть время, чтобы отсрочить начало военныхъ дѣйствій до весны будущаго года и тѣмъ дать Россіи возможность употребить всю зиму на вооруженіе. Но планъ этотъ не удался. Въ августѣ Булгаковъ былъ приглашенъ Портою на конференцію министровъ, гдѣ отъ Россіи было потребовано возвращеніе Крымскаго полуострова подъ власть турецкаго султана **). Само собою разумѣется, что удовлетворить этому требованію значило для Россіи отказаться отъ важнѣйшихъ результатовъ предшествовавшихъ побѣдъ. Поэтому Булгаковъ отъ имени императрицы заявилъ Оттоманской Портѣ, что Россія не можетъ согласиться на подобное требованіе турецкаго правительства. Последнее же, нетерпѣливо ожидавшее такого отвѣта, поспѣшило приступить къ выполненію своихъ тайныхъ замысловъ и немедленно распорядилось задержать русскаго посла и заключить его въ Семибашенный замокъ. Волѣдъ за тѣмъ, ¹²/₂₄ августа 1787 г. Турція объявила войну Россіи за нарушеніе ею трактатовъ путемъ захвата земель, принадлежавшихъ Портѣ ***).

По полученіи извѣстія о разрывѣ Россіи съ Турціей, австрійскій императоръ Іосифъ тотчасъ приказалъ своему уполномоченному оставить Константинополь и, не дожидаясь приглашенія изъ Петербурга, поспѣшилъ заявить императрицѣ о своей готовности оказать ей должное по договору содѣйствіе въ войнѣ съ турками. Такой образъ дѣйствій со стороны Австріи объяснялся тѣмъ, что она опасалась, какъ бы Россія одна не покончила съ Турціей, такъ какъ, по мнѣнію вѣнскаго двора, сѣверная держава обладала вполне достаточными средствами для того, чтобы справиться съ

*) Нота великаго визиря, отъ 11:27 іюля 1787 года.

***) Врикверъ, назв. ст., стр. 148 и 158.

***) Тамъ же, стр. 154.

мусульманами. Въ виду этихъ соображеній Австріи приходилось дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіей, чтобы не дать ей возможности одной усилиться на счетъ Турціи. Поэтому, какъ только началась война Россіи съ Турціей, Иосифъ, письмомъ отъ 7 февраля 1788 года, увѣдомилъ Екатерину о своемъ рѣшеніи соединиться съ нею противъ султана, въ доказательство чего къ письму приложена была формальная декларація Австріи о войнѣ съ Турціей *).

Въ Петербургѣ довольно равнодушно приняли услуги австрийскаго императора, такъ какъ русскіе государственные люди считали не совсѣмъ выгоднымъ для Россіи участіе Австріи въ русско-турецкой войнѣ. Будучи слишкомъ высокаго мѣнвія о силахъ Россіи, они намѣревались воевать съ турками безъ посторонней помощи, имѣя лишь опору въ христіанскихъ народностяхъ Балканскаго полуострова. Для подготовленія этой опоры начаты были сношенія съ турецкими христіанами, и уже въ февралѣ 1788 года къ сербамъ, черногорцамъ и «всѣмъ родственнымъ знаменитымъ славянскимъ народамъ» отправлена царская грамота, въ которой говорилось, что русскія войска получили приказаніе приблизиться ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ живутъ единовѣрцы Россіи, чтобы изгнать оттуда турокъ и тѣмъ увѣршить христіанскую свободу и независимость **). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1788 году была снаряжена экспедиція Заборовскаго и Грейга въ Средиземное море и Архипелагъ, успѣшнымъ дѣйствіемъ которой впрочемъ въ томъ же 1788 году помѣшала Швеція своимъ нападеніемъ на Россію. Несмотря на то, что революціонные элементы въ различныхъ областяхъ Оттоманской имперіи въ концѣ XVIII вѣка далеко еще не достигли своей полной организаціи, вслѣдствіе чего невозможно было ожидать повсемѣстнаго возстанія греко-славянскихъ народностей противъ турецкаго ига,—балканскіе христіане, по мѣрѣ средствъ и силъ, успѣшили откликнуться на призывъ Россіи соединиться съ нею и начать войну противъ Порты. Греки вооружили и экипировали флотъ, который появился на морѣ подъ предводительствомъ Дамбро Качони; ихъ примѣру послѣдовала Албація и Македонія, воз-

*) Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ“, т. II, стр. 187.

***) Бутковскій, „Сто лѣтъ австрийской политики въ восточномъ. вопросѣ“, т. I, стр. 80.

ставшія противъ Порты; но всёхъ рѣшительнѣе и энергичнѣе ваялись за дѣло сербы, у которыхъ въ то время особенно сильно пробудилось стремленіе къ независимости.

Начавъ войну съ Турціей, русское правительство предполагало, что блестящія побѣды нашихъ войскъ въ скоромъ времени заставятъ великаго визиря вступить въ переговоры съ Россіей о мирѣ. Но эти розовыя надежды далеко не оправдались, такъ какъ одновременно съ веденіемъ турецкой войны Россіи пришлось подавлять волненія въ Польшѣ и воевать съ Швеціей. И тамъ, и здѣсь противъ Россіи интриговали ея недруги—Пруссія и Англія, имѣвшія намѣреніе противождать честолюбивымъ замысламъ союзниковъ и обезпечить за Турціей *status quo ante bellum*. При такихъ обстоятельствахъ турецкая война, разумѣется, не могла окончиться такъ быстро, какъ предполагали въ Петербургѣ, и русское правительство, поставленное въ необходимость посылать свои войска къ тремъ границамъ, теперь само стало прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы не лишиться помощи Австріи, которая, видя неудачи своихъ войскъ и стараніе берлинскаго кабинета войти въ соглашеніе съ Оттоманской Портой, не прочь была заключить отдѣльный миръ съ Турціей. Чтобы обезпечить Россіи союзъ съ Австріей, русскіе министры показывали видъ, что мало обращаютъ вниманія на опасности, грозящія со стороны Пруссіи, и старались убѣдить вѣнскій дворъ, что ему будетъ оказана сильная поддержка, въ случаѣ еслибы Пруссія задумала препятствовать предпріятію императорскихъ дворовъ; въ то же время вѣнскому двору указывалось на то, что Россія никогда не допуститъ усиленія Пруссіи и что прусско-русское соглашеніе, которому истекъ срокъ весною 1788 г., будетъ похоронено въ Очаковѣ, Хотинѣ и Вѣлградѣ; кромѣ того, Австріи было заявлено, что еслибы Пруссія захотѣла воспользоваться восточными дѣлами для захвата польскихъ областей, то Россія сдѣлаетъ ей серьезныя представленія и заключить съ императоромъ союзъ, чтобы воспрепятствовать такому захвату *); наконецъ, чтобы успокоить вѣнскій дворъ, не обманывавшійся въ грустномъ положеніи дѣлъ, и парализовать возможность образованія коалиціи изъ Англіи, Прус-

*) Бутковский, назв. соч., т. 1, стр. 74.

оги, Швеции и Турции, что слишком затруднило бы и безъ того вялый ходъ военныхъ дѣйствій, императрица предложила своему встревоженному другу планъ союза съ бургонскимъ домомъ и въ этихъ видахъ рѣшила вступить въ соглашеніе съ Испаніей и Франціей *). Но всѣ старанія Екатерины Великой выказать свою полную готовность помогать Австріи въ случаѣ войны съ Пруссіей, мало имѣли значенія въ глазахъ австрійскаго императора, и онъ по прежнему продолжалъ мечтать о заключеніи отдѣльнаго мира съ Турціей тѣмъ болѣе, что надежда на содѣйствіе Франціи и Испаніи не оправдывалась, а успѣхъ войны мало обѣщала въ будущемъ.

Русско-австрійскія войска медленно подвигались впередъ. Между тѣмъ Англія, стараясь предотвратить катастрофу, которая нанесла бы тяжкій ударъ ея торговымъ интересамъ, дѣятельно агитировала противъ Россіи и Австріи въ Польшѣ, Швеции и на берегахъ Босфора. Стремясь къ достиженію полного, ненарушаемаго status quo для Оттоманской имперіи, она толкнула Пруссію на путь болѣе рѣшительной и опасной для союзныхъ дворовъ политики. Подъ вліяніемъ Англіи, Пруссія заключила въ 1789 году тайный союзъ съ Турціей, принявъ на себя обязательство весною слѣдующаго года объявить войну Австріи и Россіи и не прекращать ее до тѣхъ поръ, пока Порты не заключить выгоднаго мира и не будетъ вполне ограждена отъ враговъ на сушѣ и на морѣ **). Выѣстъ съ тѣмъ Пруссія облизилась и заключила союзъ съ Польшею (5 апрѣля 1790 г.), выразивъ свое полное согласіе на преобразование польской конституціи ***).

Но само собою разумѣется, что вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ турецкой войнѣ въ качествѣ союзницы султана, Пруссіи гораздо выгоднѣе было дипломатическимъ путемъ воспрепятствовать планамъ Россіи и Австріи и затормозить ихъ успѣхи. Поэтому, не приступая къ военнымъ дѣйствіямъ, она предложила Россіи свое посредничество въ дѣлѣ примиренія съ Турціей. Послѣ цѣлаго ряда интригъ противъ Россіи, Екатерина Великая не довѣряла Пруссіи, но въ то же время не желала и отклонять ее

*) Назв. соч., стр. 76—77.

**) Вухаровъ „Россія и Турція“, стр. 38.

***) Добровъ, назв. соч., стр. 554.

посредничество. Въ виду этого, по порученію императрицы, графъ Нессельроде, нашъ посолъ при берлинскомъ дворѣ, сообщилъ Фридриху Вильгельму, королю прусскому, что царица сердечно желаетъ скорѣйшаго прекращенія кровопролитной борьбы, которая вѣроломно начата турками и уже принесла много бѣдствій Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему тѣ условія, на которыхъ петербургскій дворъ согласенъ былъ заключить миръ съ Оттоманскою Портою. Эти условія, сообщенныя берлинскому кабинету для доказательства довѣрія къ нему русскаго правительства, заключались въ слѣдующемъ. Оттоманская Порта должна была: 1) подтвердить Кучукъ-Кайнарджійскій мирный трактатъ и всѣ послѣ него заключенные договоры; 2) передать Россіи городъ Аккерманъ и земли до Днѣпра и 3) признать Молдавію и Валахію самостоятельными и независимыми княжествами, состоящими подъ управленіемъ своихъ государей православнаго вѣроисповѣданія. Такими условіями мира императрица Екатерина II хотѣла удовлетворить Россію за понесенное ею оскорбленіе, вознаградить ее за убытки и расходы, причиненные турецкою войною, и, наконецъ, обезпечить миръ на будущее время, такъ какъ, для устраниенія всякихъ поводовъ къ раздорамъ и несогласіямъ, между Россіей и Турціей ставился барьеръ въ видѣ Дунайскихъ княжествъ, которыя должны были соблюдать строжайшій нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ державамъ *).

Такъ какъ, во всѣхъ этихъ требованіяхъ не было ничего чрезвычайнаго и неумѣреннаго, то берлинскій кабинетъ передалъ ихъ Портѣ. Но турецкое правительство отказалось заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ Россіей, и съ своей стороны заявило, что приступить къ переговорамъ лишь послѣ того, какъ Россія согласится возвратить Крымъ подъ власть султана. Такимъ образомъ посредничество берлинскаго двора не увѣнчалось успѣхомъ, и Пруссія въ силу договора съ Турціей должна была приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австріи и Россіи, чтобы дать ей возможность заключить миръ съ своими врагами на выгодныхъ для себя условіяхъ. Въслѣдствіе этого не оставалось, повидимому, большой надежды на успѣшное окончаніе Россіей войны съ Тур-

*) Бухаровъ, назв. соч., стр. 38—39.

ціей. Къ тому же неожиданная смерть Іосифа II, послѣдовавшая въ февралѣ 1790 г., измѣнила положеніе дѣлъ далеко не въ пользу Россіи, такъ какъ новый австрійскій императоръ Леопольдъ, не раздѣлявшій восточной политики своего покойнаго брата, по настоянію Фридриха Вильгельма, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ выдѣлился изъ союза съ Россіей и началъ переговоры съ Турціей о мирѣ, который и былъ заключенъ 4 апрѣля 1791 года на условіяхъ, весьма выгодныхъ для Оттоманской Порты, такъ какъ по мирному трактату она получила обратно всѣ отнятые у нея австрійцами города и оставляла за ними лишь Орсову *).

Очутившись въ изолированномъ положеніи послѣ того, какъ Австрія заключила отдѣльный миръ съ Турціей, Екатерина Великая не смутилась, однако, при видѣ серьезной опасности, которою угрожала Россіи коалиція, составившаяся изъ Пруссіи, Англіи, Швеціи, Турціи и Польши. Напротивъ того, императрица рѣшила продолжать войну съ Турціей до тѣхъ поръ, пока она не согласится на предложенныя ей мирныя условія, при чемъ готова была силою отразить попытку Пруссіи и Англіи принудить Россію къ заключенію мира съ Портой на основаніи *status quo ante bellum* **). Такая смѣлость со стороны Екатерины находила себѣ оправданіе въ цѣломъ рядѣ славныхъ побѣдъ, стяжавшихъ лавры русской арміи. Принудивъ Густава III отказаться отъ мысли возвратитъ земли, завоеванныя у Швеціи во времена Карла XII, русскія войска осенью 1790 года взяли Килію, овладѣли считавшеюся неприступной крѣпостью Измаиломъ и одержали большіе успѣхи на Кубани и Кавказѣ. Весною 1791 года русскія войска перешли Дунай и въ началѣ іюля мѣсяца разбили турецкую армію подъ Мачиномъ. Почти въ то же время взята была турецкая крѣпость Анапа, считавшаяся ключемъ къ обладанію Кубанью, и уничтоженъ въ Черномъ морѣ турецкій флотъ, намѣревавшійся сдѣлать нападеніе на Крымскій полуостровъ.

Но если Екатерина, въ виду успѣховъ русскаго оружія, рѣшила во что бы то ни стало добиться выгоднаго мира съ Турціей,

*) Добровъ, назв. соч., стр. 554.

**) Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ“, т. II, стр. 193—195.

то съ своей стороны не бездѣйствовала и Англія, въ то время отдѣлавшаяся отъ войны съ Испаніей. Видя пораженіе турецкихъ войскъ и желая предотвратить паденіе Оттоманской Порты, Великобританское правительство заявило петербургскому двору, что оно ни въ какомъ случаѣ не допуститъ измѣненія *status quo ante bellum* Турецкой имперіи, въ удостовѣреніе чего приказало английскому флоту снаряжаться и готовиться къ выступленію въ Балтійское море. На сторону Англіи стала и Пруссія, угрожавшая Россіи нападеніемъ на русскія границы. Такимъ образомъ, несмотря на свои побѣды надъ Турціей, Россіи приходилось заключать съ нею миръ безъ всякой для себя выгоды или вступить въ борьбу съ Англіей и Пруссіей.

Разъ выразивъ свою непреклонную волю продолжать войну съ Турціей до тѣхъ поръ, пока она не согласится на предложенныя ей мирныя условія, Екатерина Великая, конечно, не могла отказаться отъ своего смѣлаго рѣшенія въ виду предвидѣнныхъ ею угрозъ со стороны Англіи и Пруссіи. Гордость и нежеланіе безъ боя поступаться выгодами и интересами своей имперіи заставляли царицу противиться незаконнымъ требованіямъ враговъ Россіи объ уступкахъ и не заключать мира съ Турціей, не достигнувъ намѣченныхъ цѣлей. Къ такому образу дѣйствій склоняло ее и то, что она признавала безусловную справедливость защищаемого ею дѣла. «Богъ видитъ—писала она Циммерману,— что намѣренія мои чисты; поэтому вѣрьте, что никакая человеческая сила не заставитъ меня дѣйствовать въ ущербъ дорогихъ моему сердцу интересовъ моей имперіи и моего личнаго достоинства». Для отраженія грозившей опасности и какъ бы для подтвержденія сдѣланнаго заявленія, императрица приступила къ громаднымъ вооруженіямъ. Не довольствуясь принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для отраженія нападеній трехъ союзныхъ державъ, она снаряжала также экспедицію въ Индію, намѣреваясь нанести Англіи самый чувствительный ударъ уничтоженіемъ торговыхъ сношеній ея съ Азіей *).

Убѣдившись, что одніи угрозы не повліяютъ на твердую рѣшимость императрицы противодѣйствовать вышпательству Англіи и

*) Бухаровъ, назв. соч., стр. 40—41.

Пруссія въ русско-турецкія дѣла, а съ другой стороны предвидя, что скоро наступитъ минута совершеннаго разрыва дружескихъ сношеній съ Франціей, Англія, по примѣру Пруссіи, перенесла вопросъ на почву дипломатическихъ сношеній и отправила въ Петербургъ лорда Витефорда съ цѣлью склонить императорское правительство къ отказу отъ всѣхъ своихъ территориальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Турціи. Но эта попытка великобританскаго кабинета не имѣла успѣха. Несмотря на всѣ усилія Витефорда, Екатерина Великая не согласилась уменьшить своихъ требованій и, отпуская англійскаго уполномоченнаго, саркастически замѣтила ему: «Послѣ того, какъ король, вашъ повелитель, рѣшилъ вытѣснить меня изъ Петербурга, я надѣюсь, что по крайней мѣрѣ онъ дозволитъ мнѣ искать убѣжища въ Константинополѣ», хотя въ убѣжищѣ этомъ не представлялось никакой надобности, такъ какъ шведская война, на которую намекала императрица, была уже окончена Верельскимъ миромъ 14 августа 1790 года *).

Послѣ неудачи дипломатическихъ переговоровъ съ Россіей относительно примиренія ея съ Турціей, великобританскому кабинету ничего болѣе не оставалось, какъ приступить къ усиленному снаряженію своего флота и силою принудить русское правительство быть болѣе уступчивымъ. Оно такъ и поступило. Противъ Россіи имъ поднята была почти вся Европа. Къ союзу Англіи съ Пруссіей готовы были присоединиться: Голландія, Испанія и королевство обѣихъ Сицилій **). Но буря французской революціи разстроила эту грозную для насъ коалицію, заставивъ монархическія правительства сблизиться съ Россіей, несмотря ни на какія политическія соображенія и взаимныя несогласія.

Съ самаго начала французской революціи Екатерина Великая съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ея развитіемъ. Когда же революціонная Франція начала грозить европейскимъ монархіямъ войной и пропагандой своего политическаго ученія, императрица громко заговорила о необходимости единодушнаго дѣйствія противъ явнаго намѣренія французской республики произвести революцію во всей Европѣ. Она ободряла Фридриха Вильгельма идти

*) Добровъ, назв. соч., стр. 553.

***) Бухаровъ, назв. соч., стр. 41.

на помощь французскому королю и побуждала вѣнскій дворъ къ болѣе живой дѣятельности. Само собою понятно, что непосредственнаго значенія для Россіи французская революція не имѣла, и если Екатерина Великая сильно интересовалась ею, то преимущественно потому, что желала воспользоваться ею для успѣшнаго окончанія русско-турецкой войны и рѣшенія польскаго вопроса. Въ виду этого главной тенденціей императрицы по отношенію къ французской революціи было: хитро и ловко возбуждать европейскія державы къ согласному и единодушному дѣйствію противъ революціонной Франціи, чтобы отвлечь вниманіе ихъ отъ Востока на Западъ, а черезъ то самой имѣть свободныя руки для обезпеченія ближайшихъ интересовъ Россіи. «Я ломаю себѣ голову, — говорила Екатерина въ 1791 году, — чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали» *).

Но если Россія не имѣла непосредственныхъ расчетовъ вступать въ борьбу съ революціонной Франціей, то совершенно иначе относились къ этому дѣлу другіе монархическіе дворы. Не сочувствуя революціонному движенію вообще и хорошо сознавая опасность, которой оно угрожало монархическимъ государствамъ, они въ тоже время желали воспользоваться господствовавшимъ во Франціи безначаліемъ съ тѣмъ, чтобы на счетъ ея расширить свои владѣнія. Подъ вліяніемъ ожиданія территоріальныхъ пріобрѣтеній Пруссія предоставила Екатеринѣ Великой полную свободу покончить турецкую войну въ интересахъ Россіи. Точно также и Англія отказалась отъ вооруженнаго вмѣшательства въ русско-турецкую войну, противъ котораго уже давно высказывалось англійское общественное мнѣніе, полагавшее, что движеніе Россіи на югъ никогда не можетъ сдѣлаться опаснымъ для великобританской торговли, тогда какъ попытка ввести Турцію въ систему европейскихъ державъ была бы крайнимъ нововведеніемъ и страннымъ противорѣчіемъ воимъ прежде существовавшимъ системамъ равновѣсія государствъ.

При такихъ обстоятельствахъ коалиція противъ Россіи сама

*) Мартенсъ. „Собраніе трактатовъ“, т. II, стр. 196.

собою распалась. Пользуясь внезапнымъ измѣненіемъ политики Англійи и Пруссіи, русское правительство успѣшило окончить турецкую войну на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ и послѣ извѣстной блестящей побѣды надъ турками при Мачинѣ предложило великому визирю вступить въ переговоры о мирѣ. Лишенный всякой надежды на получение помощи отъ прежнихъ защитницъ интересовъ Оттоманской Порты, великій визирь изъявилъ согласіе на сдѣланное ему предложеніе и 11 августа 1791 года подписалъ въ Галацѣ предварительныя условія мира съ Россіей. Послѣ этого была открыта конференція въ Яссахъ для окончательныхъ переговоровъ, которые привели къ подписанію мирнаго трактата 29 декабря 1791 года.

Трактатъ этотъ состоитъ изъ 13 статей. Въ первой изъ нихъ договаривающіяся стороны выражаютъ желаніе установить между собою миръ и согласіе на будущее время и даютъ взаимное обѣщаніе даровать своимъ подданнымъ полную амнистію (ст. 1). Что же касается до остальныхъ статей, то изъ нихъ представляютъ интересъ въ данномъ случаѣ лишь тѣ шесть, которыя трактуютъ объ интересахъ Россіи и положеніи Дунайскихъ княжествъ.

Къ постановленіямъ Яскаго трактата, имѣющимъ въ виду непосредственные интересы Россіи, относятся: 1) подтвержденіе акта 28 декабря 1783 года относительно присоединенія Крыма и Тамани и уступка Очакова, вслѣдствіе чего сѣверный берегъ Чернаго моря окончательно закрѣпился за Россіей. Отнынѣ — гласитъ ст. 3 — «между Всероссійской имперіею и Оттоманскою Портою будетъ границею рѣка Днѣстръ, такъ что все земли, лежащія на лѣвомъ берегу этой рѣки, имѣютъ остаться вѣчно въ совершенномъ и безпрепятственномъ владѣніи Всероссійской имперіи»; 2) обезпеченіе Кубанской границы Россіи отъ хищническихъ набѣговъ племенъ, населяющихъ лѣвый берегъ рѣки Кубани: совершившихъ вторженіе въ русскіе предѣлы султанъ обязывается подвергать строгому взысканію, а потерпѣвшихъ — удовлетворять возвращеніемъ похищеннаго у нихъ или его стоимостью (ст. 6); 3) подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго, за исключеніемъ тѣхъ ихъ статей, которыя были отмѣнены раньше и измѣнены настоящимъ договоромъ (ст. 2); 4) болѣе полное, сравнительно съ 61 статьею торговаго трактата 1783 года,

обеспеченіе положенія русскихъ купцовъ въ кантонахъ: Алжирскомъ, Трипольскомъ и Тунисскомъ. По ст. 7 Блистательная Порта обязуется вознаграждать русскихъ купцовъ за разбой и грабежи, если таковыя будутъ совершены корсарами.

Что касается до положенія Дунайскихъ княжествъ, то постановленія о нихъ изложены въ 4-й статьѣ Яскаго трактата, гдѣ Порта обязывается: 1) «торжественно и свято наблюдать» все то, что выговорено въ пользу Молдавіи и Валахіи ст. 2-ю Кайнарджійскаго договора 1774 года, изъяснительною конвенціею 1779 г. и актомъ, даннымъ въ 1783 году верховнымъ визиремъ Порты; 2) сложить съ Молдавіи недоимки прежнихъ лѣтъ; и 3) не требовать отъ ея жителей не только уплаты податей за все время продолженія войны, но и освободить ихъ отъ таковыхъ еще на два года *).

Таково содержаніе Яскаго трактата, подписаніемъ котораго прекратилась вторая война съ Турціей, веденная Россіей въ царствованіе Екатерины Великой. Война эта сопровождалась различными неблагоприятными для Россіи обстоятельствами и потому не могла имѣть такихъ же блестящихъ результатовъ, къ которымъ привело заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора. Въ виду постоянныхъ угрозъ со стороны Англіи и Пруссіи, потери союзника и крайняго истощенія финансовъ, Екатерина Великая должна была остановиться на полпути своей восточной политики и поспѣшить заключеніемъ мира на условіяхъ, далеко не представлявшихъ Россіи тѣхъ выгодъ, пріобрѣтеніе которыхъ первоначально ставилось цѣлью войны. Несмотря, однако, на это. Яскій трактатъ 1791 года имѣлъ весьма важное значеніе для Россіи. Онъ служилъ завершеніемъ восточной политики Екатерины Великой, окончательно закрѣпивъ за Россіей всё тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣланы были ею во второй половинѣ XVIII вѣка. По Яскому трактату Россія утверждала за собою обладаніе всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря отъ Днѣстра до Кубани и тѣмъ безповоротно рѣшила въ свою пользу жизненный для нея крымскій вопросъ и не менѣе важный вопросъ о свободѣ русской черноморской торговли; вмѣстѣ съ тѣмъ она подтверждала

*) „Трактатъ, заключенный въ Яссахъ 29 декабря 1791 года“, Пол. Соб. Зак. № 17008, а также Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 41—49.

за собою право покровительства и заступничества за своих едино-
вѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи и въ предѣлахъ возмож-
наго, въ виду усложненія политическихъ отношеній европейскихъ
державъ, воспользовалась этимъ правомъ для улучшенія положе-
нія Дунайскихъ княжествъ—этихъ ближайшихъ соучастниковъ рус-
скаго народа въ войнахъ съ Турціей, оставивъ Сербію и другія
христіанскія области Оттоманской имперіи въ ихъ прежнемъ по-
ложеніи до болѣе благоприятнаго времени.

Въ заключеніе обзора восточной политики Екатерины Вели-
кой, остается сказать нѣсколько словъ о значеніи ея царствова-
нія въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Для этого, разу-
мѣется, прежде всего необходимо припомнить, въ какомъ положе-
ніи застала Екатерина русско-турецкія отношенія при вступленіи
своемъ на престолъ. Тогда, какъ сказано было выше, изъ двухъ
коренныхъ вопросовъ восточной политики, ждавшихъ своего рѣ-
шенія, русская дипломатія весьма незначительно подвинула впе-
редь одинъ, касавшійся политическихъ и экономическихъ выгодъ
Россіи, и лишь затронула другой,—сводившійся къ ея религіозно-
національнымъ интересамъ. Иначе говоря, къ тому времени рус-
скому правительству не удалось ни обезпечить Россіи со стороны
крымскихъ татаръ, ни добиться свободы русской торговли и судо-
ходства въ Черномъ морѣ; точно также не удалось ему завоевать
Россіи того положенія, въ силу котораго она по праву могла бы
считать себя защитницей и покровительницей единовѣрныхъ и
единоплеменныхъ народностей Турціи и требовать отъ нея улучше-
нія ихъ быта. Въ такомъ положеніи находились русскіе интересы
на Востокѣ ко второй половинѣ XVIII вѣка.

Сравнивая это положеніе русскихъ интересовъ на Востокѣ
съ тѣмъ, какое получили они при Екатеринѣ Великой, нельзя не
замѣтить, что при этой императрицѣ Россія сдѣлала весьма зна-
чительные успѣхи въ своей восточной политикѣ, далеко оставивъ
за собою все то, что достигнуто было въ этомъ отношеніи въ пред-
шествовавшія эпохи. Въ царствованіе Екатерины Великой Россія
покончила съ крымскимъ вопросомъ, придвинула свои границы
къ берегамъ Чернаго моря и получила право имѣть на этомъ

морѣ свой флотъ и свободно проводить купеческіе корабли чрезъ Босфоръ и Дарданеллы. Все это требовалось въ экономическихъ интересахъ русскаго государства, въ интересахъ успѣшнаго развитія русскаго народнаго хозяйства, изъ оборота котораго изъяты были южныя плодородныя пространства и обширная торговля въ Левантѣ. Необходимость обезпеченія этихъ интересовъ сознавалась давно, составляя предметъ неуспынныхъ заботъ русскаго правительства чуть-ли не съ первыхъ дней возникновенія сношеній Россіи съ Турціей; но всѣ дѣланныя прежде попытки къ обезпеченію матеріальныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ оставались безуспѣшны, и только Екатерины Великой удалось вывести русское государство изъ того ненормальнаго положенія, въ какомъ находилось оно до половины XVIII вѣка.

Но успѣхи восточной политики Екатерины Великой не ограничиваются однимъ удачнымъ разрѣшеніемъ той экономической задачи, которая въ теченіе столѣтій составляла предметъ особой заботливости русскаго правительства. вмѣстѣ съ обезпеченіемъ экономическихъ нуждъ русскаго народа на Востокѣ Екатерина II довольно удачно затронула и религіозно-національную сторону отношеній Россіи къ Оттоманской имперіи, которая также не мало интересовала преемное русское правительство, но не могла получить отъ него надлежащаго удовлетворенія. По Кучукъ-Кайнарджійскому договору она выговорила въ пользу Россіи право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ Турціи. Правда, что этимъ вновь приобретеннымъ правомъ императрица не успѣла воспользоваться въ той мѣрѣ, въ какой это было для нея желательно, и что вмѣсто полнаго освобожденія Дунайскихъ княжествъ отъ турецкаго ига ей удалось добиться въ ихъ пользу лишь нѣкотораго расширенія уже прежде принадлежавшаго имъ прѣва внутренняго управленія; но несмотря на это, значеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата велико въ томъ отношеніи, что онъ утвердилъ за Россіей одностороннее право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи въ интересахъ защиты православной вѣры на Востокѣ и народностей ея исповѣдующихъ. Иначе говоря, за Россіей, такъ сказать, узаконилась та исключительная роль въ отношеніи христіанскихъ народностей Востока, въ которой она уже не разъ пыталась выступить передъ

Портой и которая указывалась ей національностью кореннаго русскаго населенія.

Таковы результаты восточной политики Екатерины Великой. При всемъ своемъ громадномъ значеніи въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи, они, однако, далеко не исчерпывали всѣхъ политическихъ задачъ Россіи на Востокъ. Послѣ расширенія южной границы до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и полученія права свободнаго судоходства по немъ, Россіи, разумѣется, требовался и безпрепятственный выходъ изъ него въ открытое море. Между тѣмъ Оттоманская Порта, предоставивъ Россіи право проводить свои коммерческія суда черезъ проливы, соединяющіе Черное море съ Средиземнымъ, не согласилась распространить это право одновременно и на ея военные корабли въ виду той опасности, которая могла ежеминутно угрожать столицѣ Турецкой имперіи отъ русскаго военнаго флота. Не желая быть запертой въ Черномъ морѣ, а съ другой стороны предвидя, что во время войны Турція можетъ безпрепятственно вторгнуться въ него съ своимъ флотомъ и даже съ флотомъ своихъ союзниковъ, чтобы сдѣлать нападеніе на наши приморскіе города, Россія, послѣ царствованія Екатерины Великой, должна была стремиться къ окончательному рѣшенію вопроса о проливахъ и добиться отъ Турціи свободнаго прохода изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно для всѣхъ вообще судовъ, идущихъ подъ русскимъ флагомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ полученія права покровительства турецкимъ христіанамъ, Россіи предстояло серьезно приступить къ выполненію своихъ національно-религіозныхъ задачъ на Востокъ, требовавшихъ отъ нея полнаго освобожденія единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народностей Турціи отъ мусульманскаго ига, такъ какъ въ царствованіе Екатерины Великой русское правительство достигло въ этомъ отношеніи мало удовлетворительныхъ результатовъ по сравненію съ тѣмъ, чего ожидали отъ Россіи восточные христіане и къ чему призывалась она всю свою исторію.

Выполненіе этой дальнѣйшей политической программы Россіи на Востокъ, по своимъ послѣдствіямъ равносильное полному разрушенію Турецкой имперіи и образованію на ея развалинахъ новыхъ государственныхъ тѣлъ изъ христіанскихъ подданныхъ султана, представлялось для нея возможнымъ во время первой ека-

терининской войны съ Турціей. Но русскіе государственные люди не сумѣли тогда воспользоваться успѣхами русскаго оружія для того, чтобы уничтожить мусульманское господство на берегахъ Босфора. Они не двинули русскія силы къ Константинополю тотчасъ же послѣ Чесменскаго боя, чтобы застать турецкую столицу врасплохъ, неукрѣпленной, и такимъ образомъ разъ на всегда покончить съ восточнымъ вопросомъ. Благодаря этой ошибкѣ, составляющей темное пятно въ исторіи восточной политики Екатерины Великой, послѣдующимъ правителямъ Россіи приходилось снова истощать государственныя силы и средства на достиженіе того, что было возможно сдѣлать въ первую екатерининскую войну съ Оттоманской Портой. При этомъ созданіе новаго порядка вещей на Востокъ теперь не могло уже совершиться такъ быстро и легко, какъ послѣ Чесменскаго боя, такъ какъ своею внѣшнею политикою Екатерина II создала для Россіи весьма невыгодное положеніе не только въ отношеніи Турціи, но и въ отношеніи западно-европейскихъ государствъ. Правда, она чрезвычайно усилила голосъ и значеніе Россіи въ международныхъ отношеніяхъ Европы, но въ то же время она вызвала на западѣ неодолимое недовѣріе и боязнь какъ за существованіе Турецкой имперіи, такъ и за безопасность самой Европы. Вслѣдствіе необыкновеннаго шума, которымъ сопровождалась дѣятельность Екатерины вообще и ея борьба съ Турціей въ особенности въ западно-европейскомъ обществѣ распространилось убѣжденіе о широкихъ завоевательныхъ планахъ Россіи. Это убѣжденіе поддерживалось съ одной стороны громадными территоріальными пріобрѣтеніями Екатерины Великой, а съ другой стороны—различными проектами измѣненія политической карты Европы, выходившими изъ-подъ пера русскихъ государственныхъ дѣятелей того времени. Такъ знаменитый «греческій проектъ» давалъ Европѣ право приписывать Россіи неудержимое стремленіе къ дальнѣйшимъ захватамъ на счетъ Турціи, а извѣстная подъ названіемъ «общихъ политическихъ соображеній» фантастическая роспись династій и государствъ Европы, составленная послѣднимъ фаворитомъ Екатерины, Зубовымъ, по мысли котораго въ составъ Россійской имперіи должны были войти: Швеція, Пруссія, Польша, Австрія, Данія и Турція, — укрѣпляя при европейскихъ дворахъ убѣжденіе о намѣреніи Россіи рано

или поздно завоевать всю Европу *). Подъ влияніемъ убѣжденія о неудержимомъ и безграничномъ стремленіи Россіи къ завоеваніямъ, западно-европейскія правительства, разумѣется, начали зорко слѣдить за каждымъ шагомъ сѣверной державы и противодействовать ей тамъ, гдѣ она грозила нарушеніемъ политическаго равновѣсія Европы. Всего болѣе, конечно, приходилось опасаться этого на Востокѣ, куда въ силу исторической необходимости главнымъ образомъ устремлялись взоры русскаго правительства, и поэтому съ конца XVIII вѣка Россія встрѣчаетъ со стороны западной Европы ту ревностную защиту интересовъ Турціи, благодаря которой разрушеніе этой слабой имперіи и установленіе новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ становится весьма нелегкимъ дѣломъ.

*) Лебедевъ, „Графы Никита и Петръ Панины“; 1863 г., стр. 301 и слѣд.

ГЛАВА IV.

Восточная политика императора Павла I.

Миролюбивыя намѣренія императора Павла I при вступленіи его на престолъ. — Перемена политики государя и обстоятельства, вызвавшія ее. — Вступленіе Россіи въ коалицію противъ Франціи. — Желаніе императора привлечь Турцію къ участию въ этой коалиціи. — Договоръ между Россіей и Портой 11^{1/2} декабря 1798 г. — Покореніе Ионическихъ острововъ. — Распаденіе коалиціи противъ Франціи. — Образованіе республики семи соединенныхъ острововъ. — Сближеніе императора Павла I съ Наполеономъ и проектъ раздѣла Турецкой имперіи, предложенный графомъ Ростовичнымъ.

При вступленіи своемъ на престолъ сынъ и преемникъ Екатерины Великой, императоръ Павелъ I (1796—1801 г.) выразилъ желаніе въ дѣлахъ внѣшней политики Россіи не слѣдовать правиламъ своей родительницы, «сообразеннымъ на видахъ приобрѣтеній», и «совершенно отказался отъ всякаго желанія завоеванія» *). Онъ объявилъ дружественнымъ съ Россією государствомъ о своемъ намѣреніи сохранять съ ними доброе согласіе и существующіе договоры и не разрывать мирныхъ сношеній съ Франціей, противъ которой императрица Екатерина обѣщала послать 60.000 русскаго войска. «Россія, — сообщалъ канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Остерманъ вѣнскому, берлинскому и лондонскому двору, — будучи въ непрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная держава въ свѣтѣ, которая находилась сорокъ лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній». Поэтому

*) Высочайшій рескриптъ Колычеву при назначеніи его посломъ въ Вѣну отъ 1-го февраля 1799 года.

онъ рѣшилъ поддерживать миръ со всѣми государствами, въ томъ числѣ и съ революціонной Франціей, чувствуя, однако, «нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія» *). Рѣшеніе императора Павла держаться миролюбивой политики и не принимать непосредственнаго участія въ войнѣ противъ Франціи было вызвано желаніемъ посвятить всѣ свои заботы внутреннему благу Россіи, въ государственномъ устройствѣ и управленіи которой замѣчались весьма существенные недостатки, до сего времени мало обращающіе на себя вниманіе русскаго правительства**).

Благимъ намѣреніямъ императора Павла — дать Россіи возможность хотя нѣсколько оправиться отъ почти непрерывныхъ и разорительныхъ войнъ, — не суждено было, однако, осуществиться. Въ скоромъ времени онъ пришелъ къ заключенію, что необходимо привести Францію «въ приличныя предѣлы», «отнять у нея охоту и способы тревожить другихъ, какъ расширеніемъ завоеваній, такъ и вкорененіемъ заразы; обезпечить сосѣдей Франціи и спокойствіе Европы»***). Причиной такой перемѣны политики императора Павла были завоевательные планы, которые съ успѣ-

*) Милютинъ, „Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I“. Спб. изд. 1857 г., т. I, стр. 10.

**) „Царствованіе Екатерины Великой было безъ сомнѣнія блистательнымъ періодомъ въ русской исторіи: обширные замыслы политическіе, громкія победы, роскошь двора, а болѣе всего высокія личныя качества и величіе истинно-царское самой монархини—подняли Россію на высокую степень во мнѣніи цѣлой Европы. Но эта слава, эти победы, этотъ блескъ—стоили дорого государству: финансы разстроились, такъ что доходы уже не покрывали издержекъ; долгъ внутренній и внѣшній возвысился непомѣрно; цѣнность бумажныхъ денегъ начала упадать; народонаселеніе истощено было частыми рекрутскими наборами. Императрица, какъ женщина, не могла, конечно, входить во всѣ подробности многосложнаго управленія необъятной своей державы, особенно же въ послѣдніе годы, когда преклонныя лѣта и слабость здоровья заставляли государыню предоставлять слишкомъ обширную власть тѣмъ лицамъ, которыя пользовались довѣріемъ ея. Черезъ это вкралась многія злоупотребленія въ разныхъ части управленія. Даже армія и флотъ, — которыя подвиги столько содѣйствовали блеску екатерининскаго вѣка,—и тѣ пришли въ разстройство“. (Милютинъ, „Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I“. Спб. 1857 г., т. I, стр. 12).

***) Рескриптъ Колычеву при отправленіи сего посломъ въ Вѣну, 1-го севрала 1799 года.

хомъ преслѣдовали французы въ Италіи, Египтѣ и Сиріи, и республиканскіе порядки, которые они вводили въ завоеванныхъ земляхъ. Считаая своимъ долгомъ оградить Европу отъ распространенія пагубныхъ замысловъ Франціи, клонившихся къ повсемѣстному разрушенію порядка и низверженію законной власти, императоръ рѣшилъ начать борьбу съ Наполеономъ и уже въ 1798 году вмѣстѣ съ Австріей и Англіей объявилъ ему войну, поводомъ къ началію которой послужило нанесенное государю, какъ гротмейстеру ордена мальтійскихъ кавалеровъ, оскорбленіе занятіемъ французами острова Мальты и нѣкоторыми крутыми мѣрами, принятыми ими противъ этого ордена.

Въ коалиціи противъ Франціи приняла участіе и Турція. Встревоженная неожиданнымъ нападеніемъ французовъ на Египеть, она сообщила русскому посланнику въ Царьградѣ, Тамарѣ, о своемъ намѣреніи объявить войну Франціи, если Россія не откажется помогать туркамъ. Императоръ Павелъ предупредилъ желанія султана Селима III. Прежде полученія отъ Тамары донесенія о сдѣланномъ ему Портою сообщеніи, онъ приказалъ вице-адмиралу Ушакову крейсировать съ эскадрою около Константинопольскаго пролива, пославъ предварительно легкое судно въ Константинополь извѣстить нашего посланника о томъ, что, если бы Порта пожелала воспользоваться содѣйствіемъ Россіи противъ французовъ, то русская эскадра готова оказывать ей помощь, гдѣ бы то ни было *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, зная затруднительное положеніе, въ какомъ находилась Порта по случаю возстанія противъ нея виддинскаго паши Пасвана-Оглу, онъ предложилъ султану 70.000 человекъ для дѣйствій вмѣстѣ съ турками противъ французовъ или противъ мятежнаго Пасвана, и кромѣ того приказалъ начальнику гребной флотиліи въ Черномъ морѣ, вице-адмиралу Лежневу быть готовымъ къ отплытію изъ Севастополя къ Виддину по первому о томъ требованію Порты чрезъ посланника Тамары **). Султанъ съ радостью принялъ предложенную ему помощь и тотчасъ объявилъ войну Франціи, пропустивъ русскій флотъ черезъ Константинопольскій проливъ и такимъ образомъ удививъ свѣтъ дотогдѣ небывалымъ появленіемъ русскаго военнаго флага подъ стѣнами

*) Милютинъ, извѣ. соч., т. I, стр. 67.

***) Извѣ. соч., стр. 68.

Серая, того самого флага, который всегда был ненавистен туркамъ, какъ символъ угрозы полнаго разрушенія Оттоманской имперіи *).

Какъ только русскій флотъ вошелъ въ Константинопольскій проливъ между русскимъ посланникомъ и турецкимъ правительствомъ начались переговоры о заключеніи союзнаго трактата Россіи съ Портой, который и былъ подписанъ 23 декабря 1798 г. Цѣль союза Россіи съ Турціей, заключеннаго на восемь лѣтъ, состояла— по словамъ договора— не въ совершеніи завоеваній, а «въ сохраненіи цѣлости обоюдныхъ владѣній и политическаго равновѣсія между державами, а также въ противодѣйствіи французскому правительству, которое, упорствуя въ своихъ умыслахъ на ниспроверженіе Закона Божія, престоловъ государскихъ и всякаго порядка, и предуслѣвъ завоеваніями и заразою развратныхъ правилъ поработить многія области, устремилось въ земли Портѣ принадлежащія». По договору императоръ Павелъ обѣщалъ помогать Турціи въ теченіе войны 12-ю кораблями, а Порта обязывалась на это время открыть русскому вспомогательному флоту свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ турецкимъ флотомъ противъ общаго непріятели. На первое время помощь Россіи туркамъ ограничивалась 6-ю кораблями и 6-ю фрегатами, кромѣ мелкихъ судовъ. Содержаніе этой эскадры принимала на себя Порта. Если бы для защиты Турціи появилась надобность въ русскомъ сухопутномъ войскѣ, то императоръ Павелъ обѣщалъ отправить къ ней отъ 75 до 80 тысячъ человекъ, которые, послѣ перехода черезъ Днѣстръ, должны содержаться на счетъ Порты и употребляться ею по взаимному о томъ соглашенію съ Россіей **).

На основаніи союзнаго договора соединенная русско-турецкая эскадра вышла въ Средиземное море и принудила французскія

*) Благодаря за предложеніе помощи, султанъ отклонилъ усмиреніе видинскаго паша русскими войсками въ виду того, что Пасванъ-Оглу считался у турокъ защитникомъ ихъ старинныхъ, вѣковыхъ обычаевъ и вѣры, и потому появленіе христіанскихъ войскъ въ Турціи могло лишь увеличить число приверженцевъ его.

**) „Договоръ между Россіей и Турціей, подписанный въ Константинополѣ 23 декабря 1798 года“, см. Пол. Соб. Зак. № 18.797; у Милютина, назв. соч., т. I, стр. 71—72, а также прилож. № 65.

войска очистить захваченные ими Ионическіе острова. По общему соглашенію союзныхъ дворовъ, изъ этихъ острововъ было рѣшено образовать особую независимую республику, по образцу Рагузской, подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Пока велись переговоры по этому предмету между обоими дворами, вице-адмиралъ Ушаковъ учредилъ въ Корфу временное правленіе, возложивъ высшую правительственную власть на Сенатъ и вызвавъ со всѣхъ семи острововъ депутатовъ для выбора должностныхъ лицъ въ присутственные мѣста всякаго рода. Оставаясь самъ въ Корфу, онъ поручилъ капитанъ-лейтенанту Тизенгаузену ввести новое управленіе на прочихъ островахъ Ионическаго Архипелага. Островитяне были очень рады образованію іонической республики. Они служили благодарственными молебствіями, поднимали иконы и хоругви и устраивали торжества, на которыхъ раздавались восклицанія: «визать государь нашъ избавитель Павелъ Первый». Сверхъ того, чтобы принести благодарность союзнымъ монархамъ за ихъ великодушіе и повергнуть на ихъ утвержденіе составленное для новой республики уложеніе, были отправлены депутаціи какъ въ Петербургъ, такъ и въ Константинополь *).

Въ началѣ 1799 года часть русско-турецкой эскадры отправилась къ берегамъ Италіи для подачи помощи неаполитанскому королю и совершенія на Средиземномъ морѣ другихъ операцій, направленныхъ противъ французовъ. Одновременно съ успешными дѣйствіями союзнаго флота, русскія войска подъ начальствомъ Суворова оперировали въ Италіи и здѣсь одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ французами. Но всѣ побѣды, одержанныя нами на сушѣ и на морѣ, не принесли, однако, никакой пользы ни самой Россіи, ни ея союзникамъ. Австрійское правительство, достигнувъ значительныхъ успѣховъ въ Италіи благодаря Суворову, вознамѣрилось воспользоваться ими для распространенія своихъ владѣній на счетъ завоеванныхъ русскими земель. Когда же императоръ Павелъ объявилъ, что безъ общаго согласія союзниковъ онъ не можетъ допустить расширенія австрійскихъ границъ, вѣнскій кабинетъ сталъ парализовать военные планы фельдмаршала и искать сближенія съ Франціей, чтобы путемъ непосредственныхъ

*) Милютинъ, т. I, стр. 480.

переговоры съ нею обезпечить своекорыстные интересы Австріи. Въ виду подобнаго образа дѣйствій австрійскаго двора русскія войска, послѣ неудачнаго для нихъ Цюрихскаго сраженія, получили приказаніе вернуться въ отечество *). Послѣдовавшее же вскорѣ за тѣмъ неудовольствіе на Англію за ея уклончивость отъ дѣятельнаго участія въ общемъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ отнятіемъ у французовъ острова Мальты и невозвращеніемъ его ордену, вынудило императора Павла порвать союзъ съ Англіей, и такимъ образомъ окончательно выступить изъ коалиціи противъ Франціи съ тѣмъ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ нею наказать англичанъ.

По прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Франціи было отдано повелѣніе о возвращеніи русскаго флота въ черноморскіе порты, вслѣдствіе чего наша эскадра 31 августа 1800 г. снова прошла Дарданеллы, 10-го сентября вступила въ Босфоръ и стала на якорь у Буяндере, гдѣ оставалась около мѣсяца. Въ продолженіе этого времени происходилъ въ Константинополѣ торжественный размѣнъ ратификацій договора, заключеннаго между Россіей и Портою относительно устройства республики Ионическихъ острововъ. Согласно ратификованному договору греко-венеціанскіе острова: Корфу, Занте, Итака, Кефалонія, Санта-Маура, Чериго и Паксо—признавались «республикой семи соединенныхъ острововъ», которая ставилась подъ покровительство Россіи и должна была признать надъ собою верховную власть султана и платить ему дань въ размѣрѣ 75.000 піастровъ въ треть года **). Послѣ размѣна этого договора, пользуясь первымъ попутнымъ вѣтромъ, эскадра Ушакова 12-го октября прошла черезъ Босфоръ, направивъ свой путь на Ахтіяръ, нынѣшній Севастополь.

Такъ кончились совмѣстныя военныя дѣйствія Россіи и Порты, предпріятыя ими вслѣдствіе вступленія въ коалицію противъ революціонной Франціи. Волѣдъ за разрывомъ нашего союза съ Австріей и прекращеніемъ сношеній съ Англіей, императоръ Павелъ вознамѣрился сблизиться съ Наполеономъ, но предварительно рѣшилъ выяснить общій вопросъ о томъ, какого направленія должна держаться внѣшняя политика Россіи. Предположенія на этотъ счетъ

*) Милютинъ, назв. соч., т. II, гл. LXXI.

**) „Конвенція, заключенная въ Константинополѣ 21 марта 1800 г. между Россіей и Турціей о республикѣ семи соединенныхъ острововъ“. Пол. С. В. № 19386.

было поручено начертать двумъ талантливымъ лицамъ, завѣдывавшимъ въ то время нашею коллегіею иностранныхъ дѣлъ, Н. П. Панину и графу Ѳ. В. Ростопчину. Содержаніе записки Панина неизвѣстно *). Что же касается до записки его совмѣстника, графа Ростопчина, то она содержитъ въ себѣ полную, мастерски написанную картину русской политики того времени и представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что служить прекрасной характеристикой тогдашнихъ взглядовъ русскаго правительства на нашу недавнюю союзницу, Турцію, и на тѣ задачи, которыя оно считало необходимымъ преслѣдовать на Востокѣ.

Въ началѣ своей замѣчательной записки графъ Ростопчинъ, распространяется о цѣли оставленія ея, которая заключалась въ томъ, чтобы «представить на бумагѣ настоящее положеніе Россіи въ отношеніи ея съ другими державами и заключить сіе начертаніе собственными разсужденіями, предложивъ при этомъ удобные способы для охраненія и впредь Россіи отъ завистниковъ ея славы и могущества, для обращенія сихъ способовъ ей въ пользу въ нынѣшнихъ замѣшанныхъ европейскихъ обстоятельствахъ и приобрѣтенія чрезъ то новыхъ выгодъ на предъидущія времена». Согласно этой цѣли первая часть записки посвящена описанію отношеній между Россіей и европейскими державами и различнымъ разсужденіямъ на этотъ счетъ. Здѣсь графъ Ростопчинъ говоритъ, что всѣ державы «въ такое пришли изнеможеніе, что не иначе какъ черезъ сильное покровительство» императора Павла «могутъ занять прежнія мѣста ихъ въ Европѣ и возвратить себѣ права царствованія со владѣніями вмѣстѣ». Но хотя онѣ «наружно представляютъ нынѣ залогомъ ихъ покоя дружбу и покровительство» его императорскаго величества, тѣмъ не менѣе «всѣ почти скрытно питаютъ зависть и злобу». А такъ какъ «Россія, какъ положеніемъ своимъ, такъ равно и неистощимою силою, есть и должна быть первая держава міра», то «по сему самому ей должно недремлющимъ окомъ имѣть надзоръ надъ всеми движеніями и связями государей сильныхъ въ Европѣ, дабы они сами собою или содѣйствіемъ подвласт-

*) Говорятъ, что онъ предлагалъ созвать европейскій конгрессъ и вызывался быть на этомъ конгрессѣ уполномоченнымъ отъ лица императора Павла, за что былъ переведенъ въ Сенатъ и къ концу 1800 г. удаленъ въ Москву.

ныхъ державъ не предприняли чего-нибудь предосудительнаго величію Россіи» Для огражденія величія Россіи авторъ заниси рекомендовалъ императору Павлу воспользоваться настоящими политическими обстоятельствами и поставить себѣ цѣлью обезпеченіе исключительно однихъ только національныхъ интересовъ своей державы. Онъ писалъ: «Истинныя выгоды Россіи всегда почти предавались забвенію, и вотъ неоспоримыя сему доказательства: въ Тридцатилѣтнюю, Семилѣтнюю и нынѣшнюю восьмилѣтнюю войны всѣ европейскія державы подвержены были опасности неоднократно лишиться—иныхъ части, а другія всѣхъ ихъ владѣній, Россія же—никогда ничего; но со всѣмъ тѣмъ во всѣхъ ея трактатахъ съ иностранными державами она принимала на себя всегда обязанность помогать или войсками, или деньгами, а часто и ручательство ихъ владѣній». Между тѣмъ «во всегдашнее время политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей была та, чтобъ увеличивать силы свои на счетъ сосѣдей: вѣрный и единственный способъ держать въ страхѣ сильныхъ и охранять малыхъ. Великій Фридрихъ доказалъ первый возможность и важность раздѣловъ, и Польша заплатила собою за всѣ невыгодныя войны противъ турокъ и французовъ. Вѣроятно, что при общемъ замиреніи послѣдуетъ столь много переменъ въ Европѣ, что географія сдѣлается совсѣмъ новою наукою для сей части свѣта; тогда гарантіи, права, титулы, границы и даже сами Германскія конституціи останутся единственно въ архивахъ. На что же въ подобныхъ обстоятельствахъ Россія, бывъ Геркулесомъ, дѣлается боязливымъ ребенкомъ? На что оставаться ей безгласною, когда она словами своими повелѣтъ и въ трепетъ всѣхъ привести можетъ? Дѣло, мысли и виды вашего императорскаго величества слишкомъ извѣстны, но толкованія о нихъ разныя: языки, взгляды и пантомимы ядовитыхъ чужестранцевъ министровъ, пресмыкающихся придворныхъ и нѣкоторыхъ ближнихъ къ особѣ вашей (замѣчаніе императора Павла: «Строгоновъ, Нарышкинъ, и комп.») находятъ все совершенно неподобно и безсмертно; но въ умахъ отдаленныхъ, безпристрастно и безъ страха судящихъ ихъ, не довольно дѣла, даже и безкорыстіе ваше подвергается сомнѣнію и хулѣ. Слава російскаго войска гремитъ давно въ Европѣ, но послѣ побѣдъ Суворова утихла, и всѣ великія дѣла его обратились

послѣдствіями въ новый стыдъ для цесарскихъ бывшихъ армій. Союзники ваши отъ ополченій вашихъ другой пользы не приобрѣли, кромѣ страха испуганной Франціи при началѣ возстанія вашего противъ ея правленія, и въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ множества разныхъ предпріятій, перемѣнъ, минутныхъ успѣховъ, безпокойствій и сердечныхъ сокрушеній, ваше императорское величество вошли паки въ тоже положеніе, изъ коего премудро при восшествіи на престолъ не выходитъ намѣрены были и симъ подвигомъ дали неоспоримое право исторіи сказать нѣкогда грядущимъ вѣкамъ: Павелъ I, вступая въ войну безъ причины, также и отошолъ отъ оной, не достигнувъ до цѣли своей, и всѣ силы его обращены были въ ничто отъ недостатка упорства въ предприняемомъ». (Замѣчаніе императора Павла: «Сталь кругомъ виновать»).

Замѣчанія относительно анти-національности русской политики и необходимости ступить на путь обезпеченія истинныхъ выгодъ Россіи, приводятъ графа Ростопчина къ разсужденіямъ о томъ, какими «способами при нынѣшнихъ запутанныхъ европейскихъ обстоятельствахъ» возможно удовлетворить національно русскіе интересы и во имя ихъ приобрести для нашего отечества «новыя выгоды на предъидущія времена». Эти разсужденія, составляющія вторую часть записки, сводились къ предложенію раздѣла владѣній Турецкой имперіи. «Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ,—по мнѣнію графа Ростопчина,—отнимаетъ нерѣшимостью и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, ни что иное, какъ лѣварство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотятъ объявить объ его опасности. Робость же и отчаяніе оттоманскаго правительства обнаруживаются въ готовности принять всякую помощь отъ христіанскихъ державъ». Во избѣжаніе поводовъ къ запутанности отношеній между европейскими государствами изъ-за наслѣдства, которое останется послѣ смерти безнадежно-больнаго, графъ Ростопчинъ предлагалъ раздѣлъ Турціи, согласясь съ Пруссіей, Австріей и Франціей, полагая, что выгоды этого предпріятія, доставя Россіи «новыя богатства, моря и славу, поставятъ ее на безконечность выше всѣхъ державъ», а имя императора Павла «выше всѣхъ государей, живущихъ по смерти въ храмѣ безсмертія».

Планъ раздѣла, по мысли его составителя, заключался въ слѣдующемъ: «Россія—говорить графъ Ростопчинъ—возьметъ Романію, Българію и Молдавію; Австрія—Воснію, Сербію и Валахію (Замѣчаніе императора Павла: «Не многоль?»); Пруссіи, въ замѣнъ и въ удовлетвореніе, отдать все курфиршество Ганноверское и епископства Падернборское и Минстерское; Франціи—Египеть; Грецію со всѣми островами Архипелагскими учредить по примѣру Венеціанскихъ острововъ республикою, подъ защитою четырехъ державъ, дѣлящихъ владѣнія Потры Оттоманской, а по времени греки и сами подойдутъ подъ скипетръ Россійскій» (Замѣчаніе императора Павла: «А можно и подвести»). Въ успѣхъ «сего важнаго, но легкаго къ исполненію предпріятія», графъ Ростопчинъ не сомнѣвался,—такъ какъ, по его мнѣнію,—«вѣнскій дворъ съ восхищеніемъ приметъ столь неожиданное предложеніе; *) прусскій—найдетъ въ ономъ большія для себя выгоды», а Бонапартъ, который долженъ быть «центромъ сего плана»,—«увидитъ и найдетъ въ предприняемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ воѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ». Записка оканчивалась такими словами: «Если Творецъ міра, съ давнихъ временъ хранящій подъ покровомъ Своимъ царство Россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ вашего императорскаго величества, соединившаго во-едино престолы Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта» (Замѣчаніе императора Павла: «А меня все-таки бранить стануть»)**).

Таково содержаніе записки графа Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ 1800 году и о задачахъ ея внѣшней политики въ будущемъ. Изъ этой записки видно, что авторъ ея не одобрялъ образа дѣйствій императора Павла и его предшественниковъ за то, что національные интересы русскаго народа при-

*) Гр. Ростопчинъ полагалъ что „римскій императоръ со своимъ министерствомъ столько же обрадуется раздѣлу Турціи, какъ разоренный человѣкъ внезапному выигрышу большаго приза въ лотарей“, на что императоръ Павелъ замѣтилъ: „Только въ прокъ не пойдетъ“.

**) Записка графа Ф. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія; Рус. Архивъ, 1878 г. кн. I, стр. 108—110.

носились ими въ жертву фантастическимъ планамъ и чуждымъ Россіи интересамъ. Неодобреніе это, конечно, совершенно основательно, вслѣдствіе чего отъ графа Ростопчина вполне естественно было ожидать болѣе ими менѣе правильныхъ указаній на то, какого пути должна держаться Россія въ своей будущей политикѣ. Между тѣмъ, предложенный имъ раздѣлъ Турецкой имперіи заставляетъ признать, что и самъ строгій и справедливый критикъ всей предшествовавшей русской политики, не исключая и политики царствовавшего въ то время государя, имѣлъ весьма смутныя понятія объ истинныхъ пользахъ и нуждахъ своего отечества, которые были для него руководящимъ началомъ при составленіи записки. Въ самомъ дѣлѣ, истинные интересы Россіи на Востокъ не допускали никакихъ раздѣловъ балканскихъ земель между европейскими державами. Они требовали освобожденія греко-славянскихъ народностей Балканскаго полуострова изъ-подъ турецкаго ига и дарованія имъ свободной и независимой жизни. Раздѣлъ же турецкихъ владѣній между европейскими народами неизбежно привелъ-бы къ окончательному исчезновенію среди нихъ всѣхъ балканскихъ національностей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Ростопчина императоръ Павелъ 2 октября 1800 года собственноручно начерталъ такую резолюцію: «Апробуя планъ вашъ, желаю, чтобъ вы (т. е. графъ Ростопчинъ) приступили къ исполненію онаго. Дай Богъ, чтобъ по сему было». Въ началѣ 1801 года Россія заключила союзъ съ Франціей, и у насъ начались приготовленія къ экспедиціи въ Индію для нанесенія удара Англіи и приобрѣтенія согласія Бонапарта на раздѣлъ Турціи. *) Но въ ночь на 12 марта императоръ Павелъ I внезапно скончался. Послѣ же его смерти русское правительство не замедлило отказаться отъ всѣхъ этихъ фантастическихъ плановъ, не только не обѣщавшихъ никакой пользы Россіи, но и не подававшихъ ни малѣйшей надежды на осуществимость.

*) Проектъ русско—французской экспедиціи въ Индію 1800 г. см. въ Рус. Старинѣ за 1873 г. № 9 стр. 401—410.

Г Л А В А V.

Восточная политика императора Александра I до Вѣнскаго конгресса.

Миролюбивыя намѣренія императора Александра при вступленіи его на престолъ.—Взглядъ русскаго правительства того времени на Оттоманскую Порту и его несостоятельность.—Дружественныя отношенія между Россіей и Турціей и гати—шерифъ 1802 г.—Сближеніе Турціи съ Франціей.—Интриги французскаго посла Себастіани.—Сербское возстаніе 1804 года и отношеніе къ нему со стороны Россіи.—Нарушеніе Портою правъ Россіи и занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками.—Война между Турціей и Россіей и участіе въ ней Сербіи въ качествѣ союзницы послѣдней.—Переговоры Россіи съ Австріей.—Тильзитское свиданіе Наполеона съ императоромъ Александромъ и его результаты.—Перемиріе между Россіей и Турціей.—Эрфуртское свиданіе Наполеона съ Александромъ и договоръ 30 сентября 1808 г.—Переговоры Россіи съ Турціей о мирѣ.—Интриги Австріи и возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Пораженіе турокъ и открытіе переговоровъ въ Бухарестѣ.—Желанія императора Александра.—Заключеніе Бухарестскаго мирнаго договора 1812 г.—Его содержаніе.—Сербско-турецкія недоразумѣнія и участіе въ нихъ Россіи.

По вступленіи своемъ на престолъ императоръ Александръ I намѣренъ былъ хранить миръ, чтобы заняться внутренними дѣлами своего государства, гдѣ, по его взгляду, царилъ невообразимый хаосъ и беспорядокъ. Въ циркулярномъ рескриптѣ отъ высочайшаго имени, который имѣлъ служить общему инструкціею дипломатическимъ представителямъ Россіи въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ говорилось, что русскіе министры будутъ дѣйствовать твердо, но честно, помня, что государь не хочетъ злоупотреблять своимъ могуществомъ и намѣренъ уважать права и независимость чужихъ народовъ, отъ которыхъ онъ требуетъ лишь полной взаимности. Желаніе его—видѣть миръ упроченнымъ повсюду. Самъ онъ не будетъ стремиться ни къ завоеваніямъ, ни къ расширенію инымъ путемъ предѣловъ своей имперіи, заключающей въ самой

себѣ задатки своей силы и благополучія. Онъ подниметь оружіе лишь въ томъ случаѣ, если ему придется отражать несправедливое нападеніе, защищать свой народъ или жертвы честолюбія, опаснаго для спокойствія Европы. Ни подъ какимъ видомъ не станетъ онъ вмѣшиваться во внутренніе раздоры чужеземныхъ государствъ, и каковъ бы ни былъ существующій въ нихъ образъ правленія, будетъ поддерживать съ ними доброе согласіе, пока сами они будутъ добросовѣстно относиться къ Россіи. Онъ останется вѣрнѣе заключеннымъ его предшественникомъ договорамъ и свято исполнить всѣ истекающія изъ нихъ обязательства.*) Поддерживать дружественныя отношенія желалъ императоръ Александръ также и съ Турціей. Въ инструкціяхъ, данныхъ гр. Разумовскому, нашему чрезвычайному послу въ Вѣнѣ, императоръ говорилъ: «одно изъ основныхъ началъ моей политической системы всегда будетъ состоять въ томъ, чтобы всѣми средствами содѣйствовать сохраненію этого государства (Турціи), котораго безсиліе и плохое внутреннее управленіе служитъ драгоцѣннымъ ручательствомъ безопасности».**)

По взгляду русскаго правительства того времени Оттоманская Порта, благодаря своей слабости, представлялась весьма удобнымъ сосѣдомъ, котораго не слѣдуетъ трогать. Объ этомъ говорилъ гр. Семень Романовичъ Воронцовъ и братъ его, Александръ, завѣдывавшій иностранными дѣлами до Чарторижскаго. Этому же взгляда держался и молодой, близкій къ императору гр. Викторъ Павловичъ Кочубей, бывший нѣсколько лѣтъ (1793—1798 г.) посланникомъ въ Константинополь и теперь помогавшій канцлеру Воронцову въ управленіи дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ. Свои соображенія по этому вопросу гр. Кочубей, какъ человекъ знакомый съ положеніемъ Турціи, подробно развилъ въ запискѣ, поданной императору Александру въ 1802 году, когда петербургскому кабинету приходилось подумать о восточныхъ дѣлахъ вслѣд-

*) Императоръ Александръ русскимъ представителямъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ 5 (17) іюля 1801 г. см. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“, Спб.. 1890 г., стр. 285—286, а также Соловьевъ „Императоръ Александръ Первый“, Спб. 1877 г. стр. 15—17.

**) Инструкція гр. Разумовскому отъ 10 сентября 1801 года. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. II, стр. 375.

ствіе донесенія нашего французскаго посла, Маркова, о покушеніи Бонапарта на Турцію. Въ запискѣ этой говорилось, что при поднятїи восточнаго вопроса «поведеніе Россіи не можетъ быть иное, какъ или приступить къ подъму Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отвратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширенїи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ, и сохраненіе сихъ *естественныхъ* непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики» *).

Что «Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ нужды въ расширенїи»—это замѣчаніе гр. Кочубея было совершенно справедливо, и онъ вполнѣ основательно вооружался этимъ аргументомъ противъ плановъ раздѣла Турецкой имперіи. Но напрасно—какъ вѣрно замѣчаетъ по этому поводу историкъ Соловьевъ—напрасно гр. Кочубей такъ безусловно принималъ политическую теорію Монтескье что для государства нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ имѣть слабыхъ сосѣдей. «Исторія показывала ясно, что слабое государство всегда служитъ поводомъ къ столкновенію и борьбѣ между сильными, ибо слабое государство подчиняется вліянію каждаго сильнаго, и ни одно государство не можетъ позволить другому усиливать свое вліяніе надъ слабымъ, брать его въ опеку, дѣлать исключительно своимъ орудіемъ. Графъ Кочубей смѣется надъ выраженіемъ, что турки естественные непріятели Россіи, требуя, чтобъ сохраненіе этихъ естественныхъ непріятелей стало кореннымъ правиломъ нашей политики; но надобно осторожно смѣяться надъ словами, которыя переданы намъ предками; надобно прежде рѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли опустѣли слова, лишившись своего смысла, дѣйствительно-ли исчезли отношенія, которыя прежде выражали въ этихъ словахъ, дѣйствительно-ли, на примѣръ, слабая Порта отказалась отъ старой привычки притѣснять своихъ подданныхъ, и рушилась-ли связь между ними и Россіею, связь, которую прежде считали основою, сущюю отношеній? Слабость не всегда безвредна; въ исторіи часто повторяется сказка о богатырѣ и его любимомъ конѣ; конь давно умеръ, отъ него остались однѣ кости, но въ костяхъ гнѣздится змѣя» **).

*) Соловьевъ, Сочиненія, стр. 301.

**) Назв. соч., стр. 301.

Турція могла бы быть для насъ покойной сосѣдкой лишь въ томъ случаѣ, если бы населеніе ея было исключительно магометанское, а европейскія державы не вмѣшивались бы въ дѣла этой слабой имперіи и въ отношенія ея къ Россіи. Между тѣмъ дѣятельность не отвѣчала ни тому, ни другому. Въ составъ Турецкой имперіи въ большихъ размѣрахъ входилъ и христіанскій элементъ, который состоялъ въ тѣсной религіозной и племенной связи съ Россіей и испытывалъ всевозможныя притѣсненія со стороны оттоманскаго правительства, а западно-европейскія государства стремились усилиться на счетъ слабой Турціи или упрочить въ ней свое вліяніе съ полнымъ вытѣсненіемъ вліянія русскаго. Въ виду этого со стороны гр. Кочубея ошибочно было утверждать, что Турція по своей слабости желательный сосѣдь Россіи и что сохраненіе ея весьма полезно съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Существованіе Турціи постоянно налагало на Россію обязанность защищать своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ притѣсненій турецкихъ властей и вести борьбу съ другими европейскими государствами, стремившимися упрочить свое вліяніе на внутреннія дѣла и международныя отношенія нашихъ естественныхъ непріятелей. При такихъ условіяхъ сохраненіе мусульманскаго господства въ Европѣ, разумѣется, нисколько не вязалось съ истинными интересами Россіи на Востокѣ и, быть можетъ, представивъ временную и относительную пользу, должно было идти въ прямой ущербъ устойчивости нашей политики по отношенію къ Турціи и произвести въ ней такого рода колебаніе, которое не могло не отразиться роковымъ образомъ на успѣшности рѣшенія восточнаго вопроса, требовавшаго коренныхъ перемѣнъ въ существовавшемъ порядкѣ вещей на Балканскомъ полуостровѣ.

Несмотря на ошибочность заключенія графа Кочубея объ интересахъ Россіи въ отношеніи Турціи, его положеніе, что «нѣтъ сосѣдей спокойнѣе турокъ и что сохраненіе ихъ должно быть кореннымъ правиломъ нашей политики»,—сдѣлалось руководящимъ началомъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ было рѣшено по мѣрѣ средствъ и силъ противодействовать всякимъ проектамъ враждебнымъ нашему слабому сосѣду—Турціи *).

*) На донесеніе русскаго посла въ Парижъ, графа Маркова, что Бонапартъ постоянно наводитъ разговоръ на близкое распаденіе Оттоманской имперіи, канц-

Конечно, въ первые годы царствованія императора Александра, когда Турція не успѣла еще опомниться послѣ египетскаго похода Наполеона и потому не имѣла возможности въ чемъ либо противорѣчить Россіи, вниманіе же европейскихъ государствъ было сосредоточено главнымъ образомъ на Западъ, несостоятельность новой политики русскаго двора въ отношеніи Оттоманской имперіи не могла проявиться. Напротивъ, на первый взглядъ политика эта, казалось, давала весьма благопріятные результаты. По соглашенію съ петербургскимъ кабинетомъ Портою въ 1802 году былъ изданъ гатти-шеріеъ, имѣвшій для Дунайскихъ княжествъ значеніе основнаго закона. Въ силу этого акта было рѣшено назначать господарей Молдавіи и Валахіи на семилѣтній срокъ, при чемъ за султаномъ оставялось право устранять ихъ отъ власти лишь въ томъ случаѣ, если они нанесутъ явное оскорбленіе сюзеренной державѣ или окажутся виновными въ какихъ-либо важныхъ проступкахъ; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Порты не могла приводить въ исполненіе свое рѣшеніе безъ согласія Россіи. Затѣмъ въ 1804 году Порты изъявила желаніе возобновить договоръ 1798 года, хотя оставалось еще два года до истеченія его срока. Договоръ этотъ былъ подписанъ 11 сентября 1805 г. Онъ подтверждалъ право русскихъ военныхъ кораблей проходить черезъ Босфоръ и Дарданеллы, чтобы имѣть возможность защищать острова на Средиземномъ морѣ, находившіеся подъ общимъ покровительствомъ Россіи и Турціи *).

Но въ скоромъ времени русская дипломатія должна была убѣдиться въ ошибочности мнѣнія гр. Кочубея, основаннаго на политической теоріи Монтескье и принятаго петербургскимъ кабинетомъ за исходную точку политики Россіи въ отношеніи Турціи. Какъ только для послѣдней миновала опасность со стороны Франціи, а Наполеонъ вознамѣрился воспользоваться турецкими силами для противодѣйствія Россіи, оттоманское правительство не устояло и легкомысленно вновь поддалось влиянію внушеній па-

леръ Воронцовъ 24 декабря 1802 года отправилъ Маркову письмо, въ которомъ уполномочивалъ его каждый разъ ясно отвѣчать Наполеону, что императоръ не намѣренъ принимать участіе ни въ какихъ проектахъ, враждебныхъ Турціи. (Соловьевъ, „Императоръ Александръ Первый“, стр. 36).

*) Дубровинъ, „Сербскій вопросъ при императорѣ Александрѣ I“; Рус. Вѣст. 1863 г. № 7, стр. 90.

рижскаго двора. Болѣе или менѣе открыто сближеніе Турціи съ Франціей обнаружилось уже тотчасъ послѣ пораженія русскихъ войскъ при Аустерлицѣ (25 декабря 1805 г.). Считая аустерлицкій бой полнымъ погромомъ Россіи и болѣе не допуская для себя никакой опасности со стороны сѣвернаго колосса, Турція, вопреки своему первоначальному рѣшенію и заявленіямъ русскаго и англійскаго пословъ, признала Наполеона императоромъ и обмѣнялась съ нимъ посольствомъ.

Провозглашенный императоромъ, Наполеонъ постыдился примириться съ Турціей и поставить ее подъ диктатуру французскаго посла съ тѣмъ, чтобы вовлечь османовъ въ войну съ Россіей, главной участницей коалиціи, образовавшейся противъ Франціи въ 1805 году. Для осуществленія этихъ плановъ императора, въ Константинополь отправленъ былъ французскимъ посланникомъ искусный генералъ Себастиани. Миссія его на первыхъ порахъ, конечно, не имѣла желаннаго успѣха, такъ какъ ему предварительно предстояло окончательно побороть недоувѣріе Порты къ политикѣ Наполеона и доказать султану громадныя выгоды для Турціи дружественныхъ отношеній ея къ Франціи. Къ тому же финансы и боевыя силы Турціи находились съ самымъ жалкимъ состояніемъ, и ей нужно было извѣстное время и средства для того, чтобы хотя нѣсколько приготовиться къ перенесенію бѣдствій новой войны. Но Себастиани не смущался первоначальнымъ неуспѣхомъ и неуклонно шелъ къ своей цѣли, для достиженія которой прибѣгалъ къ разнымъ способамъ доказательства искренности Франціи и готовности ея служить интересамъ Турціи. Чтобы скорѣе натолкнуть ее на Россію, Себастиани рѣшился, наконецъ, воспользоваться возстаніемъ сербовъ, начавшихъ противъ Порты войну въ 1804 году подъ предводительствомъ своего верховнаго вождя Кара-Георгія, съ цѣлью свергнуть съ себя ненавистное турецкое иго.

Магометанская нетерпимость положила неодолимую преграду къ сліянію турокъ съ греко-славянскими народностями Балканскаго полуострова и постоянно поддерживала здѣсь враждебныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными, что въ свою очередь заставляло послѣднихъ мечтать о прежней политической независимости и религіозной свободѣ и стремиться къ освобожденію отъ мусульманскаго владычества. Желаніе освободиться отъ власти магометанъ

ни въ одной части Турецкой имперіи не проявлялось, однако, такъ сильно, какъ въ Сербіи. Зачастую происходившія тутъ злодѣйства янычаръ глубоко возмущали неугасшее національное чувство сербовъ и вызывали въ нихъ упорное стремленіе къ улучшенію своего крайне незавиднаго положенія. Это національное движеніе быстро развивалось подъ вліяніемъ Россіи и Австріи, которыя во время своихъ войнъ съ Турціей возбуждали сербовъ противъ турецкаго правительства и такимъ образомъ заставляли ихъ фактически проявлять стремленіе къ новой политической жизни. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій желаніе полной независимости отъ власти мусульманъ развилось у угнетеннаго сербскаго народа до того, что въ началѣ XIX вѣка тяжелое управленіе дагисовъ—вождей янычаръ—вызвало повсемѣстное возстаніе въ Сербіи, имѣвшее своею цѣлью окончательное низверженіе турецкаго ига.

Поднявъ оружіе противъ османовъ, Сербы обратились за помощью къ Австріи, на которую возлагалъ большія надежды если не сербскій народъ, то вождь его, Кара-Георгій, Но «ratio status» вѣнскаго двора требовалъ тогда неприкосновенности Турціи и потому повстанцы, мужественно проливавшіе свою кровь за религиозную и политическую независимость, не получили отъ австрійскаго правительства ничего, кромѣ безплодныхъ обѣщаній, и въ концѣ концовъ должны были искать поддержки со стороны Россіи. Горячимъ сторонникомъ и яркимъ проводникомъ идеи сближенія Сербіи съ Россіей былъ сербскій митрополитъ въ Венгріи Стратиміровичъ. Политической тенденціей его было восстановленіе стараго сербскаго королевства при содѣйствіи Россіи. Въ памятной запискѣ, относящейся къ іюню 1804 года и доставленной въ Петербургъ чрезъ протоіерея Самборскаго, состоявшаго при великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, супругѣ венгерскаго палатина Іосифа, Стратиміровичъ указывалъ на огромныя выгоды, которыя могла бы извлечь Россія, поддержавъ движеніе въ Сербіи. Всѣ европейскіе государи—писалъ митрополитъ—имѣютъ союзниковъ между единовѣрными и единоплеменными имъ владѣтелями и только русскіе цари лишены удовольствія имѣть такихъ союзниковъ, близкихъ по языку, религіи, образу мыслей и склонностей, союзниковъ, которые были-бы имъ полезны во всякое время. Остановливаясь на соплеменныхъ Россіи полякахъ и единовѣрныхъ грекахъ, Страти-

міровичъ находилъ, что и тѣ, и другіе не были вѣрными и искренними ея союзниками. Между тѣмъ нѣтъ народа въ поднебесной, который имѣлъ бы такую любовь и такое расположеніе къ русскимъ и ихъ государямъ, какъ сербы. Въ виду этого,—по мнѣнію митрополита,—Россіи было бы полезно привести въ самобытное политическое состояніе хотя часть сербскаго народа, стенающаго подъ турецкимъ игомъ. По плану Стратиміровича сербы должны были временно оставаться подъ верховною властью султана и, платя ему опредѣленную умѣренную дань, управляться самостоятельно, на подобіе республикъ Дубровницкой и Семи греческихъ острововъ, находясь вѣсть съ тѣмъ подъ покровительствомъ Россіи Эта форма должна быть принята на томъ основаніи, что сербскія земли, совершенно отторгнутыя отъ султана, легко могли бы передаться Австріи, отдѣлавъ изъ нея тѣмъ самымъ опаснаго сосѣда для Турціи. Во главѣ освобожденнаго сербскаго народа предполагалось поставить одного изъ русскихъ великихъ князей съ предоставленіемъ ему неограниченной монархической власти, такъ какъ конституція въ самомъ началѣ политическаго возрожденія сербовъ не могла быть полезна и гораздо предпочтительнымъ для нихъ являлось монархическое правленіе *).

Эта записка митрополита Стратиміровича передана была тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, князю Чарторижскому и едва-ли могла понравиться ему по тому отзыву о полякахъ, который въ ней заключался **). «Преданный идеѣ возстановленія Польши въ ея древнихъ границахъ, могъ-ли Чарторижскій—говорить Поповъ—заботиться о расширеніи круга естественныхъ друзей Россіи? Не будучи истиннымъ словенскаго рода и ревности Россіяниномъ, къ сочувствію котораго взывалъ сербскій митрополитъ, Адамъ Чарторижскій возвратилъ протоіерею Самборскому не только самое начертаніе (записку), но и сокращенное изложеніе его ***). Основываясь на характерѣ дипломатической дѣятельности Чарторижскаго, Поповъ полагаетъ, что записка Стратиміровича не была даже доведена до свѣдѣнія государя****). Такимъ

*) Поповъ, Россія и Сербія, ч. I изд. 1869 г., стр. 23—29.

***) Тамъ же, стр. 30.

***) Тамъ же стр. 31.

****) Тамъ же стр. 31.

поступкомъ русскаго министра голозь сербскаго народа не былъ, однако, заглушенъ. 26 октября 1804 года въ Петербургъ прибыли сербскіе депутаты: Матвѣй Ненадовичъ, Петръ Чардаклія и Иванъ Протичъ, и привезли съ собою длинное прошеніе на имя императора Александра I. Въ прошеніи этомъ призывался гнѣвъ русскаго народа на поруганіе православной вѣры, къ отомщенію за которое поднялись сербы *). Но и этимъ путемъ сербы не добились отъ Россіи существенной помощи. На свое прошеніе депутаты получили въ Петербургъ отвѣтъ, что русское правительство не находитъ возможнымъ нарушать мирныхъ сношеній съ Оттоманскою Портой, такъ какъ это было бы равносильно произвольному нарушенію трактатовъ, къ тому же Россія не можетъ разорвать мира съ Турціей и по своимъ отношеніямъ къ Наполеону. Въ виду всего этого наше министерство иностранныхъ дѣлъ совѣтовало сербскому правительству отнестись со своими требованіями въ Константинополь, гдѣ русскій посланникъ поддержитъ желаніе сербовъ **).

Несмотря на указанное отношеніе Россіи къ просьбамъ сербовъ о помощи, французскій посланникъ постарался выставить участіе русскаго правительства въ сербскихъ дѣлахъ въ самомъ опасномъ для Турціи видѣ. Результатомъ интригъ Себастьяни было смѣщеніе сановниковъ, стоявшихъ за дружескія отношенія между Россіей и Портой, и назначеніе на ихъ мѣста лицъ, доступныхъ внушеніямъ французскаго посланника, а это въ свою очередь привело къ различнымъ правонарушеніямъ, допущеннымъ турецкимъ правительствомъ въ отношенія петербургскаго кабинета. Подъ вліяніемъ наущеній Себастьяни Порта отиѣнила древній обычай, по которому греки, плававшіе подъ русскимъ флагомъ, пользовались привилегіями русскихъ подданныхъ; затѣмъ, въ противность договорамъ, она до срока, безъ всякой законной причины, и безъ предварительнаго слѣдствія смѣстила господарей Дунайскихъ княжествъ и запретила свободный проходъ русскимъ военнымъ судамъ чрезъ Восооръ и Дарданеллы ***).

*) Тамъ же стр. 31.

***) Тамъ же, стр. 35.

***) Соловьевъ, Императоръ Александръ Первый, стр. 118.

Всѣ эти правонарушенія, допущенныя Турціей въ отношеніи Россіи, должны были воочію убѣдить русское правительство, что османы вовсе не такіе спокойные сосѣди, какъ нечавно думали о нихъ въ Петербургѣ. Поддавшись вліянію французскаго посланника, они, безъ всякаго повода со стороны Россіи, допустили нарушеніе заключенныхъ съ нею договоровъ и тѣмъ самымъ прямо вызывали ее на войну.

Само собой разумѣется, императоръ Александръ не остался равнодушнымъ зрителемъ нарушенія Портою договоровъ, заключенныхъ съ Россіей. Желая охранить свои права, онъ повелѣлъ нашему Константинопольскому послу, Италинскому, потребовать отъ султана: 1) возстановленія господарей и торжественнаго признанія правъ, прибрѣтенныхъ Дунайскими княжествами, 2) права свободнаго прохода чрезъ Босфоръ и Дарданеллы для русскихъ судовъ, военныхъ и купеческихъ, и 3) пресѣченія насильственныхъ дѣйствій Али-паши Янинскаго въ отношеніи Ионической республики*). Для поддержанія всѣхъ этихъ требованій вмѣстѣ съ тѣмъ было отдано приказаніе генералу Михельсону направить южную армію къ Дибѣстру. Но русскій ультиматумъ не достигъ своей цѣли. Колеблясь между страхомъ, внушаемымъ Россією, и домогательствами Себастіани, турецкое правительство согласилось возстановить нарушенныя права господарей, а на всѣ остальные требованія русскаго правительства не дало никакого отвѣта.

Вслѣдствіе неудачнаго исхода сдѣланной попытки уложить мирнымъ путемъ возникшія недоразумѣнія съ Портой, императоръ Александръ вынужденъ былъ принять въ отношеніи ея болѣе рѣшительныя мѣры. Такою мѣрою избрано было занятіе Дунайскихъ княжествъ, совершенное въ концѣ ноября 1806 года. Но и эта мѣра не смирила воинственнаго задора Порты. Напротивъ того, она вызвала въ ней еще большее раздраженіе, приведшее къ окончательному разрыву съ Россіей. По настоянію Себастіани, 1го декабря турецкое правительство официально объявило войну Россіи, лаская себя надеждою на берегахъ Дибѣстра или Дуная встрѣтить вспомогательныя французскія войска и снова завладѣть Крымомъ.

*) Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время, т. II, стр. 319, а также Дубровинъ, Сербскій вопросъ при императорѣ Александрѣ I. Руск. Вѣстн. 1863 г. № 6 стр. 113.

Какъ только султанъ объявилъ войну Россіи, Франція заключила союзъ съ Турціей. Въ виду этого къ Россіи присоединилась Англія для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Порты на Средиземномъ морѣ. Кроме того, къ ней примкнули сербы, въ то время продолжавшіе еще вести ожесточенную борьбу съ Турціей за свое освобожденіе и по прежнему искавшіе содѣйствія и покровительства Россіи. Еще въ февраль 1806 года, въ виду предстоящей войны съ Турціей, сербская депутація вручила русскому посланнику въ Вѣнѣ прошеніе на имя императора Александра Павловича, «славено-сербскаго рода спасителя и избавителя». Въ этомъ прошеніи, составленномъ митрополитомъ австрійскихъ сербовъ, Стефаномъ Стратимировичемъ, указывалось на то, что возставшіе сербы «прибѣгли къ единовѣрной и однородной своей паче всѣхъ государствъ превознесенной Россіи и обрѣли тамъ великаго отца своего, и благодѣтеля и защитителя и протцы своими проповѣданнаго избавителя». Сербы со слезами умоляли императора Александра о помощи, «да благоизволитъ великій сербовъ отецъ ускорити избавленіе сербскаго рода и православія своего»; если русскій императоръ не окажетъ сербамъ своего содѣйствія деньгами, оружіемъ и войскомъ, то они погибнутъ. Все можетъ «Александръ Великій, по великому званію своему богоданный предстатель всѣхъ православныхъ и славянскихъ народовъ на землѣ», пусть онъ не допуститъ гибели «великаго рода своего немалой части», и пусть онъ скажетъ всему міру: «Хочу, да родъ сербскій, родъ и православіе мое, избавится и да прославится» *). Въ исходѣ 1806 года, когда отнюшенія между Россіей и Турціей близки были къ разрыву, въ Петербургѣ было рѣшено оказать сербамъ помощь, въ которой имъ прежде отказывалось, и нашъ главнокомандующій тогдашнею дѣлнровскою арміей, Михельсонъ, сообщилъ повстанцамъ, что они могутъ надѣяться на попеченіе Россіи о возстановленіи ихъ спокойствія. По вступленіи же русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества Михельсонъ сталъ сформировывать изъ сербовъ и болгаръ «воонтерскія команды» и вступилъ въ сношенія съ всеждемъ возставшихъ сербовъ, Кара-Георгіемъ, который поручилъ «весь народъ сербскій заступленію у высочайшаго російскаго двора, насъ все-

*) Первоизвѣст. Александръ I и Славяне; Др. и Нов. Россія за 1877 г., кн. 12, стр. 333.

милостивѣйше покровительствующаго». Въ слѣдующемъ 1807 году между Россіей и Сербіей былъ заключенъ формальный союзъ, въ силу котораго русскія войска, бывшія на Дунаѣ, должны были оказывать помощь своимъ возставшимъ братьямъ, проливая вмѣстѣ съ ними свою кровь за ихъ освобожденіе отъ ига азіатскихъ варваровъ *).

Начиная войну съ Турціей, императорское правительство чувствовало, что война эта не своевременна для Россіи, такъ какъ ей въ тоже время приходилось вести борьбу съ Наполеономъ. По этому въ виду непосредственной заинтересованности вѣнскаго двора въ восточномъ вопросѣ, петербургскій кабинетъ рѣшилъ привлечь къ войнѣ съ Турціей также и Австрію, послѣ того какъ русскія войска перешли рѣку Прутъ. Но расчеты на Австрію не оправдались. Австрійское правительство полагало, что судьба Порты зависить не отъ одной Россіи, но и отъ Франціи, и что Австрія всегда успѣетъ предъявить собственныя требованія. Къ тому же въ Вѣнѣ имѣли въ виду войну Франціи съ Пруссіей, живо затрогивавшую австрійскіе интересы. Въ силу этихъ соображеній вѣнскій кабинетъ не принялъ предложенія Россіи, заключавашагося въ томъ, чтобы Австрія взяла Сербію, Боснію и Кроацію, въ то время какъ Россія овладѣетъ Дунайскими княжествами, и высказавъ желаніе поддерживать существованіе Порты, рѣшительно заявилъ, что въ предстоящей войнѣ между Россіей и Турціей Австрія останется нейтральной **).

Отказъ вѣнскаго двора стать на сторону Россіи въ войнѣ съ Турціей въ связи съ малоуспѣшностью нашихъ военныхъ дѣйствій вынудили императорское правительство озаботиться скорѣйшимъ прекращеніемъ этой войны, и генералу Михельсону поручено было сообщить турецкому султану, что Россія готова вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, если онъ согласится выслать изъ Константинополя французскаго посла и подтвердить силу предшествовавшихъ трактатовъ ***). Но султанъ, по прежнему оставаясь еще послушнымъ рабомъ Себастьяни, который вслѣдствии увѣ-

*) Тамъ же стр. 335.

**) Соловьевъ. Императоръ Александръ I, стр. 144—145.

***) Отказъ министра иностранныхъ дѣлъ, генерала Будберга къ генералу Михельсону отъ 28 апрѣля 1807 г., Богдановичъ, наз. соч., т. II стр. 322.

рять Порту, что Наполеонъ въ споромъ времени окажетъ ей помощь, отказался отъ мирныхъ переговоровъ съ Россіей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло приняло, однако, совершенно неожиданный для Турціи оборотъ. Состоявшееся въ Тильзитѣ свиданіе и сближеніе Александра съ Наполеономъ повело за собою заключеніе между ними договора, по которому Франція приняла посредничество Россіи для примиренія съ Англіей, а Россія посредничество Франціи для примиренія съ Турціей. Этимъ договоромъ было постановлено, что русскія войска очистятъ Молдавію и Валахію, а турки не займутъ этихъ княжествъ до заключенія мира съ Россіей. Кроме того, по одной изъ тайныхъ статей Тильзитскаго договора было условлено, что если Порта не приметъ посредничества Франціи для примиренія съ Россіей или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то Франція будетъ дѣйствовать сообща съ Россіей противъ Оттоманской Порты и объ союзныя державы примутъ мѣры для освобожденія *всѣхъ областей Европейской Турціи, за исключеніемъ Румелии съ Константинополемъ, отъ нихъ и притѣсненія турокъ* *).

Ближайшимъ послѣдствіемъ Тильзитскаго мира было то, что императоръ Александръ отказался для Наполеона отъ союза съ Англіей, а Наполеонъ въ свою очередь выразилъ намѣреніе пожертвовать для Александра турками, потому что для борьбы съ Англіей Франціи выгоднѣе было привлечь на свою сторону Россію. Кроме того, въ Тильзитѣ возникъ вопросъ о раздѣлѣ Европейской Турціи между Россіей и Франціей. Наполеонъ сказалъ Александру: «Само Провидѣніе освобождаетъ меня отъ обязательствъ въ отношеніи къ Портѣ. Мой союзникъ, мой другъ, султанъ Селимъ низверженъ съ престола въ оковы. Я думалъ, что можно сдѣлать что-либо изъ турокъ, возбудивъ въ нихъ энергію, и научивъ ихъ пользоваться врожденнымъ имъ мужествомъ. Но это оказалось мечтой. *Надо кончить съ иусударствомъ, которое не можетъ далье существовать, и принять мѣры, чтобы Англія не воспользовалась этою добычей для усиленія своего могущества*» **).

*) Договоръ между Россіей и Франціей, заключенный въ Тильзитѣ 25 іюня (7 іюля), 1807 г., см. у Богдановича, Исторія царствованія императора Александра I, т. II стр. 300—304.

***) Богдановичъ, наив. соч. т. II, стр. 307.

говаривая для Франціи Египеть, Наполеонъ соглашался отдать Россіи Молдавію, Валахію и Болгарію до Балканъ. Что же касается до Константинополя, въ которомъ Наполеонъ видѣлъ «господство міра», то этотъ городъ вмѣстѣ съ владѣніями, находящимися за чертой, проведенной отъ Бургаса къ Эвосу, включая Адрианополь, долженъ былъ остаться за турецкимъ султаномъ. Въ вознагражденіе за предоставляемую императору Александру известную свободу дѣйствій на Востока, Наполеонъ спрашивалъ себя въ Тильзитѣ такую же свободу на Западѣ. «Онъ—говорить Данилевскій—думалъ, что Россія изъ прямаго политическаго расчета, и неъ-за собствѣнныхъ своихъ цѣлей и выгодъ будетъ съ нимъ за одно». Не императоръ Александръ отклонилъ предложеніе Наполеона, въ чемъ Данилевскій склоненъ видѣть великую политическую ошибку со стороны Россіи *). Съ этимъ, однако, едва-ли возможно согласиться. Прежде всего, весьма естественно было предполагать, что, предоставляя Россіи восточную половину Европы, Наполеонъ имѣлъ въ виду этимъ путемъ только отвлечь вниманіе русскаго двора отъ завоеваній Франціи въ западной Европѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ покончить свои счеты и съ самой Россіей. Затѣмъ, даже при отсутствіи у Наполеона честолюбивыхъ замысловъ относительно своей соперницы, могли-ли ужиться въ мирѣ два державныхъ повелителя цѣлой части свѣта? Наконецъ, проектированное тогда рѣшеніе восточнаго вопроса нисколько не соответствовало историческому призванію Россіи и ея задачамъ на Востока.

Когда въ Константинополь распространилась вѣсть о сближеніи Наполеона съ Александромъ, турецкіе министры начали хло-

*) „Въ самомъ дѣлѣ,—звѣщаетъ Данилевскій,—чего бы не могла достигнуть Россія въ союзѣ съ нимъ (Наполеономъ), если бы смотрѣла на дѣло исключительно съ своей точки зрѣнія? Ревностная помощь въ войнѣ 1809 года дала бы ей всю Галицію; усиленная война противъ Турціи доставила бы ей не только Молдавію и Валахію, но и Болгарію,—дала бы ей возможность образовать независимое Сербское государство, съ присоединеніемъ къ нему Босніи и Герцеговины. Наполеонъ не хотѣлъ только, чтобы наши владѣнія переходили за Балканы; но Наполеонъ былъ не вѣченъ. Самымъ герцогствомъ Варшавскимъ, которое въ его глазахъ было только угрозою противъ Россіи, онъ вѣроятно пожертвовалъ бы, разъ убѣдившись, что Россія дѣйствительно вошла во все его планы,—что, идя къ исполненію своихъ цѣлей, она столько же нуждается въ немъ, сколько онъ въ ней, что она сама заинтересована въ сохраненіи своего могущества“. (Россія и Европа, изд. 1889 г. стр. 41).

потать о сближеніи Оттоманской Порты съ Австріей, чтобы при ея посредничествѣ заключить миръ съ Россіей. Но посредничество въ этомъ дѣлѣ, въ силу Тильзитскаго договора, принялъ на себя Наполеонъ, который и послалъ на театръ русско-турецкой войны своего генерала Гильемино, вѣннивъ ему въ обязанность оказывать русскимъ самое широкое содѣйствіе въ дѣлѣ примиренія съ Турціей. Къ сожалѣнію генералъ не оправдалъ довѣрія своего государя. Лопшаревъ, который велъ переговоры съ турками, по поводу его посредничества писалъ Михельсону, что «дѣло уладилось бы скорѣе и лучше, если бы между мною и турецкими уполномоченными не было еще лица, всячески старавшагося возбуждать и создавать недоразумѣнія и препятствія» *).

Условія перемирія между Россіей и Турціей подписаны были ¹²/₂ августа 1807 года въ Слободзеѣ и заключались въ слѣдующемъ: 1) непріятельскія дѣйствія между русскими и турецкими войсками приостанавливаются; 2) для заключенія окончательнаго мира соберутся особые уполномоченные, если-же переговоры ихъ не приведутъ къ соглашенію, то перерывъ военныхъ дѣйствій будетъ продолженъ до 22 марта (3 апрѣля) 1808 года; 3) турецкія и русскія войска обязаны немедленно и не позднѣе 35 дней по подписаніи этого договора очистить Молдавію и Валахію, не забирая съ собою оружія и прочаго военнаго снаряженія, находившагося тамъ до войны; въ Измаилѣ, Браиловѣ и Журатѣ туркамъ предоставляется право оставить гарнизоны, численность которыхъ должна строго соответствовать дѣйствительной въ нихъ потребности; 4) Россія обязывается отозвать свой флотъ отъ острова Тенедоса, — отказать отъ своихъ завоеваній въ Архипелагѣ; 5) наконецъ, обѣ державы должны возвратить другъ другу суда, взятые во время войны и произвести взаимный обменъ плѣнныхъ **).

Эти условія перемирія далеко не соответствовали видамъ и желаніямъ императора Александра. Онъ рѣшительно не желалъ продолженія перемирія до весны 1808 года, потому, что турки не могли скоро получить подкрѣпленія, а мы имѣли средства усилить

*) Бухаревъ, назв. соч., стр. 52.

***) Условія перемирія, заключеннаго 21 августа 1807 года въ Слободзеѣ; полный текстъ см. у Дубровина: „Сербскій вопросъ при императорѣ Александрѣ I“. Руск. Вѣстн. 1863 г. № 8, а также у Богдановича; назв. соч., т. II стр. 325.

нашу армию во всякое время. Кроме того, онъ не находилъ возможнымъ соглашаться на взаимный обмѣнъ кораблей, признавая, что «не согласно было бы со славою русскаго оружія возвращать трофеи, приобретенные кровью и храбростью войскъ нашихъ, чему и при всѣхъ прежнихъ договорахъ не случалось прижѣрновъ *). Въ виду всего этого генералъ-аншеу Прозоровскому, назначенному на мѣсто умершаго Михельсона, повелѣно было сообщить турецкимъ уполномоченнымъ, что русское правительство согласно утвердить перемиріе только въ томъ случаѣ, если они примутъ два условія: во 1-хъ чтобы не возвращать туркамъ взятыхъ у нихъ кораблей и во 2-хъ, чтобы каждая изъ воюющихъ сторонъ имѣла право возобновить военныя дѣйствія во всякое время, черезъ 35 дней послѣ объявленія о прекращеніи перемирія **). Истинная причина, вызвавшая такое рѣшеніе, заключалась въ томъ, что императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе присоединить къ Россіи Дунайскія княжества и потому не желалъ выводить оттуда свои войска, такъ какъ присутствіе ихъ въ княжествахъ облегчало осуществленіе этого намѣренія. Территориальное приобрѣтеніе на счетъ Турціи, такъ озабочивавшее государя, находило сочувственную поддержку и въ сферѣ ближайшихъ его сановниковъ, не исключая самаго министра иностранныхъ дѣлъ, Румянцова, который, будучи ревностнымъ сторонникомъ союза Россіи съ Франціей, одобрявшагося нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, въ приобрѣтеніи Дунайскихъ княжествъ видѣлъ единственное средство, могущее оправдать его политику ***).

Какъ и слѣдовало ожидать, Турція не согласилась измѣнить условій перемирія, заключеннаго 24 августа 1807 года; но въ то же время, по истеченіи 35-ти дневнаго срока, она не возобновила военныхъ дѣйствій съ очевиднымъ расчетомъ собраться съ новыми силами для продолженія борьбы съ Россіей. Съ своей стороны и русское правительство, не дѣлая уступокъ Турціи, приняло выжидательное положеніе. Императоръ Александръ не начиналъ войны съ нею, потому что предварительно намѣревался добиться

*) Богдановъ, назв. соч., т. II, стр. 326.

**) Богдановичъ, т. II стр. 326—327.

***) Бухаровъ, назв. соч., стр. 54, а также Богдановичъ, назв. сочин. т. II, стр. 328—329.

согласія Наполеона на присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ княжествъ. Тильзитскій договоръ налагалъ на Россію обязанность вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи, но въ конференціяхъ между двумя императорами Наполеонъ согласился на словахъ, чтобы русскія войска остались въ этихъ княжествахъ, и обѣщалъ не препятствовать тому, чтобы при заключеніи мира съ Турціей они были присоединены къ Россіи. *). Теперь же, опасаясь усиленія Россіи на Востоѣ, онъ всячески препятствовалъ ей въ дѣлѣ присоединенія Дунайскихъ княжествъ. Въ силу указанныхъ обстоятельствъ — желанія Порты выиграть время для усиленія своей боевой способности и намѣренія Россіи добиться согласія Наполеона на захватъ Молдавіи и Валахіи — перемиріе между Россіей и Турціей продолжалось болѣе года, до тѣхъ поръ, пока грозный повелитель Франціи не счелъ за нужное одѣлать нѣкоторую уступку въ пользу Россіи.

Потерпѣвъ неожиданную неудачу въ Испаніи, Наполеонъ, чтобы смыть пятно съ французскаго войска и окончательно наложить свою руку на Пиренейскій полуостровъ, призналъ необходимымъ предварительно обезпечить себя со стороны Пруссіи, Австріи и Россіи, такъ какъ прекрасно понималъ, что эти державы легко могутъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Франціи въ виду испанскихъ дѣлъ, для нападенія на нее съ тылу **). «Правда, русскій императоръ былъ другъ и союзникъ, но онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ хотѣлось императору французовъ, добивался Дунайскихъ княжествъ, но для нихъ не хотѣлъ покинуть Пруссіи, позволить отнять у ней Силезію» Въ виду этого нужно было заручиться обѣщаніемъ Россіи, что она не двинется на Францію, а для этого приходилось просто уступить русскому императору ***). Для соглашенія съ Александромъ Наполеонъ устраиваетъ личное свиданіе съ нимъ въ Эрфуртъ, въ сентябрѣ 1808 года. На этомъ свиданіи было рѣшено открыть переговоры съ Англіей о мирѣ на основаніи принципа *uti possidetis*, такъ какъ война съ нею была одинаково отяготительна какъ для Россіи, такъ и для Франціи; миръ съ Англіей императоръ Александръ ставилъ

*) Соловьевъ, назв. соч., стр. 169.

**) Соловьевъ, назв. соч., стр. 174.

***) Соловьевъ, назв. соч. стр. 174—175.

подъ непремѣнное условіе признанія Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ принадлежащими Россіи, при чемъ онъ обязывался хранить эту статью въ глубокой тайнѣ. Соглашась на присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи, Наполеонъ отказывался отъ всякаго посредничества въ этомъ дѣлѣ и русскій императоръ долженъ былъ самъ вести переговоры съ Портою объ уступкѣ ему названныхъ областей; поэтому если бы Турція отказалась уступить княжества, въ послѣдующей затѣмъ войнѣ Франція не должна принимать участія; но если въ эту войну вмѣшается Австрія или какая нибудь другая держава, то Франція станетъ на сторону Россіи; въ свою очередь Россія обязывается помогать Франціи въ случаѣ нападенія на нее Австріи; наконецъ оба императора обѣщаются поддерживать цѣлость всѣхъ другихъ областей Турецкой имперіи *).

Заручившись согласіемъ Наполеона на присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ княжествъ императоръ Александръ вышелъ изъ выжидательнаго положенія относительно Турціи и сообщилъ ей условія, на которыхъ признавалъ возможнымъ заключеніе съ нею мира. Онъ требовалъ отъ Порты: 1) возобновленія и подтвержденія всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ; 2) присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ Россіи; 3) признанія уже существовавшаго русскаго покровительства надъ Грузіей, Имеретіей и Мингреліей; и 4) провозглашенія независимости Сербіи подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. **) Въ виду того, что положеніе Турецкой имперіи совершенно не дозволяло султану продолжать военныя дѣйствія противъ Россіи, великій визирь принялъ предложеніе русскаго правительства, назначивъ городъ Яссы мѣстомъ для переговоровъ о мирѣ. Но переговоры эти не привели ни къ какому результату, вслѣдствіе враждебной намъ политики вѣнскаго двора.

Австрія не могла оставаться равнодушною зрительницею, когда рѣшалась участь Сербіи, Молдавіи и Валахіи. Въ Вѣнѣ очень хорошо понимали, что уступка со стороны султана Дунайскихъ княжествъ Россіи и признаніе независимости Сербіи, которая при всѣхъ бывшихъ доселѣ переговорахъ о раздѣлѣ Турецкой имперіи

*) Конвенція, заключенная между Россіей и Франціей 12 октября 1808 г., см. у Соловьева, назв. соч., стр. 175, а также у Богдановича, назв. соч. т. II стр. 379—380.

**) Богдановичъ, назв. соч., т. II стр. 456.

предназначалась Австріи,—идуть въ разрѣзъ съ истинными интересами Австрійской монархіи. Еще лѣтомъ въ 1808 году, когда въ Вѣнѣ начались переговоры между русскимъ посломъ кн. Куракинѣмъ и графомъ Стадіономъ, австрійская дипломатія, домогавшаяся посредничества въ войнѣ Россіи съ Турціей, косо смотрѣла на желаніе петербургскаго кабинета приобрести Молдавію и Валахію и стороною давала понять, что Австрія быть можетъ будетъ принуждена принять дѣятельное участіе въ русско-турецкой войнѣ. Когда же посредничество Австріи было отклонено петербургскимъ кабинетомъ, а Наполеонъ съ своей стороны избралъ ее орудіемъ для противодѣйствія успѣхамъ Россіи на Востокѣ, австрійская дипломатія различными способами начала препятствовать намъ въ дѣлѣ заключенія мира съ Турціей на условіяхъ, поставленныхъ императорскимъ правительствомъ. Австрійскій посолъ въ Константинополь убѣждалъ великаго визиря, что Портъ нѣтъ никакого основанія опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи, что Россія должна вести войну съ Швеціей и что въ интересахъ Турціи сблизиться съ Англіей и выждать болѣе благоприятнаго времени для окончанія войны съ Россіей. Внушенія вѣнскаго двора оказали на Порту желаемое для Австріи и Франціи дѣйствіе, и турецкіе уполномоченные съѣхавшіеся въ Яссахъ, открыто заявили, что согласны вступить въ мирные переговоры съ русскими делегатами лишь въ томъ случаѣ, если Россія откажется отъ измѣненія настоящихъ границъ Турецкой имперіи *).

Такой образъ дѣйствій турецкаго правительства объясняется тѣмъ, что 24 декабря 1808 года (3 января 1809 г.) Порта при содѣйствіи Австріи успѣла заключить союзный трактатъ съ великобританскимъ уполномоченнымъ, серомъ Робертомъ Эдеромъ, прибывшимъ изъ Вѣны въ Константинополь одновременно съ появленіемъ у входа въ Дарданеллы англійской эскадры подъ начальствомъ адмирала Колингвуда. Въ виду очевидной поддержки упорства турокъ со стороны Англій, императоръ Александръ повелѣлъ князю Прозоровскому увѣдомить султана, что «если англійскій посолъ не будетъ высланъ оттуда черезъ двое сутокъ, то русскіе не откроютъ переговоровъ въ Яссахъ и немедленно возобновятъ

*) Богдановичъ, назв. соч., т. II, стр. 457.

военныя дѣйствія». Въмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ получилъ приказаніе: «въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта на это требованіе, дѣйствовать, съ Божіею помощію, рѣшительно» *).

Требованія императора Александра поставили Порту въ весьма затруднительное положеніе. «Въ то время—говоритъ Богдановичъ—раціоналізаціи трактата, заключеннаго Турціею съ Англіею, еще не были разсмѣнены, и потому турки могли, отказавъ въ утвержденіи его, избѣгать опасностей, которыми угрожали Портѣ вторженіе русской арміи и явная вражда Наполеона; но, съ другой стороны, разорвавъ союзъ съ англичанами, они подвергались нападенію Колингвудова флота, разоренію столицы, мятежу янычаръ, столько же неистовому, какъ и прежде. И то, и другое сопряжено было съ неизбѣжными бѣдствіями» **). Тѣмъ не менѣе, послѣ бурнаго засѣданія, диванъ отказалъ Россіи въ ея требованіяхъ подѣ тѣмъ предлогомъ, что въ депешѣ князя Прозоровскаго не было сказано о возвращеніи Портѣ Дунайскихъ княжествъ, если англійскій посланникъ будетъ высланъ изъ Константинополя. Въ дѣйствительности же онъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что разсорившись съ Англіею, Турція неизбѣжно придется воевать уже не съ одною, а съ двумя державами.

Въ виду отказа Порты удовлетворить требованіямъ Петербургскаго кабинета, въ концѣ апрѣля 1809 года война началась снова. Но военныя дѣйствія велись нами настолько вяло, что къ концу 1810 года намъ удалось захватить въ свои руки лишь правый берегъ Дуная. Само собой разумѣется, что при такихъ успѣхахъ нашего оружія не могло быть и рѣчи о готовности Порты принять предложенныя ей условія мира съ Россіею. Мало того, въ виду обостренія отношеній съ Франціею, явно замышлявшей походъ противъ Россіи, русскому правительству приходилось проявить по отношенію къ Турціи даже нѣкоторую уступчивость. Поэтому вновь назначенному главнокомандующему русскою дунайскою арміею, Кутузову, императоръ Александръ приказалъ высказать свое мнѣніе о томъ, не признаеть-ли онъ полезнымъ «для совершенной развязки дѣла» потребовать отъ Порты лишь уступки Мол-

*) Высочайшій рескриптъ князю Прозоровскому отъ 5 февраля ис. 1809 г.

***) Назв. соч. т. II стр. 458.

давіи по рѣку Сереть съ тѣмъ, что бы за остальную часть Молдавіи и за Валахію Турція заплатила намъ хотя 20 милліоновъ піастровъ; а затѣмъ, еще не получивъ отвѣта на этотъ запросъ, государь разрѣшилъ Кутузову заключить миръ съ турками, ограничиваясь пріобрѣтеніемъ Бессарабіи и Молдавіи при условіи, чтобы Порта уплатила за Валахію деньгами, опредѣлила политическое существованіе этого княжества и обезпечила положеніе Сербіи. Что касается границъ въ Азіи, то императоръ Александръ полагалъ утвердить за каждою изъ сторонъ то, что будетъ занято ею войсками при подписаніи мира *).

Случай для предложенія Портѣ этихъ условій мира въ скоромъ времени представился. Въ октябрѣ 1811 года Кутузовъ окружилъ близъ Рущука главный корпусъ турецкихъ войскъ. Великій визирь обратился съ просьбой о перемиріи и согласился открыть переговоры о мирѣ на предложенныхъ Россіей условіяхъ. Но во время переговоровъ турецкіе уполномоченные внезапно заявили, что султанъ не согласенъ на мирныя условія Россіи и признаеть для себя возможнымъ назначить границею Россіи и Турціи рѣку Прутъ, подъ условіемъ оставленія за послѣдней крѣпостей Килии и Измаила. Вслѣдствіе такого измѣчиваго поступка со стороны турецкихъ уполномоченныхъ конгрессъ былъ разорванъ, и Кутузовъ капитулировалъ турецкую армію 29 ноября 1811 года. Послѣ этого турки снова вынуждены были вступить въ переговоры, которые и начались въ Бухарестѣ.

Въ виду быстрыхъ приготовленій Наполеона къ походу въ Россію императоръ Александръ спѣшилъ заключеніемъ мира съ Турціей и ради этого готовъ былъ даже не требовать отъ нея уступки Дунайскихъ княжествъ. Онъ писалъ Кутузову: «Величайшую услугу вы окажете Россіи посрѣдствомъ заключеніемъ мира съ Портой. Слава вамъ будетъ вѣчная. Если бы невозможно было склонить турецкихъ полномочныхъ подписать трактатъ по нашему желанію, можете вы сдѣлать необходимую уступку въ статьѣ о границѣ въ Азіи; въ самой же крайности, дозволяю вамъ заключить миръ, положя Прутъ, по вхожденіи онаго въ Дунай, границею. *На сію однакожь столь важную уступку не иначе повель-*

*) Богдановичъ, назв., соч., т. II, стр. 531—532.

вою вамъ согласиться, какъ поставляя союзный трактатъ съ Портою». Цель этого, повидимому, страннаго союза съ Турціей заключалась въ томъ, что бы вывести Россію изъ неловкаго положенія въ отношеніи восточныхъ христіанъ, явившихся для нея весьма важными союзниками въ виду предстоящаго разрыва съ Франціей. Союзъ съ Портою и ея содѣйствіе чрезъ посредство своего христіанскаго элемента были необходимы для борьбы Россіи съ Франціей и ея союзниками. Для успѣшности этой борьбы императоръ Александръ считалъ необходимымъ «принять обширный планъ дѣйствій» и противопоставить Наполеону славянскій миръ путемъ союза съ Турціей и внушенія ей христіанскимъ подданнымъ о возможности созданія «славянской имперіи» *).

Начавшіеся въ Бухарестъ переговоры между турецкими и русскими уполномоченными, въ виду крайней необходимости для обѣихъ сторонъ покончить бѣдствія долготѣйшей войны, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ привели къ заключенію мира между Россіей и Турціей **). Условія этого мира по обстоятельствамъ времени, когда Россіи приходилось сосредоточивать всѣ свои силы на западной границѣ для борьбы съ Наполеономъ, безъ сомнѣнія, представляли великія выгоды, не смотря на то, что Кутузовъ не могъ исполнить воли государя относительно союза съ Турціей.

Бухарестскій трактатъ, подписанный 16 мая 1812 года, состоитъ изъ 16 гласныхъ и 2 негласныхъ статей. Въ первыхъ двухъ изъ 16 гласныхъ статей договаривающіяся стороны выражали желаніе установить между собою миръ и согласіе на будущее время (ст. 1) и обѣщались даровать своимъ подданнымъ полную амнистію (ст. 2). Что же касается до остальныхъ статей, то онѣ содержатъ въ себѣ постановленія относительно интересовъ самой Россіи и положенія Молдавіи, Валахіи и Сербіи.

Постановленія Бухарестскаго трактата, касающіяся интересовъ Россіи, троякаго характера: *территориальнаго, торговаго и политическаго*. Постановленія *территориальныя* сводятся къ слѣдующему: 1) Россія пріобрѣтаетъ Бессарабію съ крѣпостями Хотинъ

*) Соловьевъ, назв. соч. стр. 222—223.

***) Подробности исторіи заключенія этого мира см. у Попова: Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ отечественною войною 1812 года, Спб. 1876 г., стр. 243—325.

номъ, Бендерами, Аккерманомъ, Килією и Измаиломъ, причеиъ ея европейскую границу съ Турцією образуетъ «рѣка Прутъ со входа ея въ Молдавію до соединенія съ Дунаемъ и лѣвый берегъ Дуная съ сего соединенія до устья Килійскаго и до моря» (ст. 4). Что касается до населенія Бессарабіи, то въ случаѣ нежеланія его оставаться здѣсь, ему предоставляется право въ теченіе 18 мѣсяцевъ со дня ратификаціи настоящаго трактата выселиться въ предѣлы Оттоманской имперіи (ст. 7); 2) Россія обязывается возвратить Турціи всѣ земли и крѣпости, завоеванныя ею въ Азіи, вслѣдствіе чего граница между обѣими имперіями остается тамъ, кака была до войны. (ст. 6). Такое изложеніе 6-ой статьи Бухарестскаго трактата—говоритъ Богдановичъ—дало намъ возможность удержать за собою всѣ области Закавказья до Арпачая, Аджарскихъ горъ и Чернаго моря по праву и прямому смыслу трактата. И дѣйствительно—по изгнаніи Персовъ за Араксъ, еще до начала войны съ Турціей, Грузія, Мингрелія и Шурагель принадлежали Россіи по праву завоеванія, скрѣпленнаго добровольнымъ подданствомъ туземцевъ, и въ послѣдствіи, при заключеніи мира съ Персіей, включены въ число владѣній, пріобрѣтенныхъ отъ нея Россією. Турція же не имѣла никакихъ правъ на эти области и изъявляла потомъ на нихъ притязанія, собственно по проискамъ Англіи. Слѣдовательно, на основаніи 6-ой статьи трактата мы обязались возвратить Портѣ только собственныя ея владѣнія, *оружіемъ нашимъ завоеванныя*. Повтому, когда пришлось исполнять условія трактата, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ, въ августѣ 1812 года, писалъ главноуправляющему въ Грузіи, что «на основаніи Бухарестскаго трактата, вовсе не слѣдуетъ отдавать туркамъ областей, которыя прежде и въ продолженіи послѣдней войны съ Портою добровольно намъ покорились, и потому отъ Порты никакія притязанія на эти области приняты быть не могутъ, а возвратить слѣдуетъ тѣ только крѣпости и замки, съ землями къ нимъ принадлежащими, которые въ нынѣшнюю войну завоеваны у турокъ силою оружія». Это условіе было въ точности выполнено, и вмѣстѣ съ тѣмъ Россія выполнила и свое призваніе въ отношеніи христіанскихъ племенъ за Кавказомъ, уже два вѣка умолявшихъ наше правительство о защитѣ ихъ отъ мусульманъ» *).

*) Богдановичъ, назв. соч., т. III, стр. 163.

Къ постановленіямъ *торговаю* характера относятся: 1) подтвержденіе за Россіей права торговаго судоходства по всему теченію рѣки Дуная (ст. 4) и 2) завѣреніе Оттоманской Порты, что она будетъ охранять наши торговые интересы на Востокъ и права, предоставленныя торговымъ договоромъ 1783 г. и подтвержденныя мирнымъ Яскимъ трактатомъ 1791 года. «Когда посоль или повѣренный въ дѣлахъ Россійскаго Императорскаго двора, пребывающій въ Константинополѣ,—говорится въ ст. 12—представитъ записку для изгребованія, по силѣ статьи 7-ой Яскаго трактата, удовлетворенія за убытки, причиненныя русскимъ подданнымъ или купцамъ корсерами правительствъ Алжирскаго, Тунисскаго и Трипольскаго, или для совершенія протеста по предмету нарушенія существующихъ торговыхъ договоровъ, въ такомъ случаѣ Блистательная Порта Оттоманская обратитъ свое вниманіе на исполненіе того, что предписывается по точному смыслу трактатовъ, безъ всякаго упуценія предписаній и публикацій, на сей конецъ изданныхъ».

Что касается до постановленій *политическаго свойства*, то сюда принадлежатъ: 1) согласіе Россіи на посредничество Порты въ дѣлѣ примиренія съ Персіей (ст. 13); 2) подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ договоровъ (ст. 3); 3) право военнаго судоходства по рѣкѣ Дунаю, съ Килійскаго устья до соединенія съ рѣкою Прутомъ (ст. 4); 4) обязательство Россіи, установленное по ст. 1-ой секретнаго договора — срыть укрѣпленія Иманла и Киліи и 5) передача въ пользованіе Россіи неукрѣпленнаго морскаго побережья, находящагося въ двухъ часахъ отъ праваго берега Фаиса и въ четырехъ часахъ отъ Анакры «какъ пункта для обезпеченія и облегченія провоза военныхъ запасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ». Согласно 2-ой статьѣ секретнаго договора, установившаго эту передачу, Россійскій дворъ «сохранитъ владѣніе укрѣпленнымъ складочнымъ магазиномъ, воздвигнутымъ онымъ на сей территоріи до войны, но обладаніе сими побережьемъ будетъ принадлежать Блистательной Портѣ и обѣими сторонами не будетъ воздвигаемо новыхъ укрѣпленій.»

Въ пользу Молдавіи и Валахіи, возвращенныхъ Турціи, Бухарестскимъ трактатомъ выговаривается подтвержденія актовъ и постановленій «касательно привилегій, кои существовали и соф-

людаемы были до сей войны». Въ ст. 5 этого трактата говорится, что перечисленные въ 4-ой статьѣ Яскаго трактата права и преимущества, дарованныя Дунайскимъ княжествомъ, будутъ въ точности исполнены, т. е. Порта не станетъ требовать съ жителей этихъ областей никакого платежа по старымъ счетамъ, ни податей за все военное время; напротивъ, жители обѣихъ провинцій будутъ избавлены отъ уплаты всякихъ налоговъ впредь на два года, считая со дня развѣна ратиѳикацій; желающимъ эмигрировать будетъ предоставленъ четырехмѣсячный срокъ для переселенія въ другія мѣста. Само собою разумѣется, что Блистательная Порта должна опредѣлить размѣръ подати съ жителей Молдавіи по ея теперешней территоріи.

Кромѣ правъ и преимуществъ, выговоренныхъ въ пользу Россіи, и подтвержденія привилегій Дунайскихъ княжествъ, Бухарестскій трактатъ содержитъ въ себѣ постановленія относительно Сербіи. Эта славянская земля подпала подъ власть Турціи въ 1454 году и подобно Дунайскимъ княжествамъ заключала съ нею нѣсколько договоровъ, имѣвшихъ цѣлью обезпечить сербамъ нѣкоторую долю внутренней самостоятельности. Но административная автономія Сербіи никогда не была такъ обширна, какъ въ Молдавіи и Валахіи, и только покровительство Россіи дало Сербіи положеніе полунезависимаго отъ Турціи государства *). Начало сербскому самоуправленію въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ было положено Бухарестскимъ трактатомъ. Относительно Сербіи постановленія этого мирнаго договора сводятся къ слѣдующему: 1) Сербія получаетъ полную амнистію; 2) Порта снова занимаетъ своими гарнизонами сербскія крѣпости, разрушивъ тѣ изъ нихъ, которыя были построены во время войны; 3) «движимая чувствомъ милосердія», она обязуется принять «съ народомъ сербскимъ мѣры, нужныя для его безопасности», во избѣжаніе какихъ либо со стороны мусульманскихъ гарнизоновъ притѣсненій, «въ противность правъ подданнымъ принадлежащихъ»; 4) наконецъ, Порта обѣщаетъ дать сербамъ право внутренняго самоуправленія и другія выгоды, какими пользуются жители острововъ Архипелага, какъ то: довольствоваться умѣренной данью

*) Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. 1, стр. 262.

въ опредѣленномъ размѣрѣ и получать ее отъ самихъ сербовъ, а не чрезъ посредство сборщиковъ податей. «Блистательная Порта—говорится въ трактатѣ—даруетъ сербамъ, по ихъ просьбамъ, тѣ самыя выгоды, кои пользуются подданные ея острововъ Архипелага и другихъ мѣстъ, и дастъ имъ почувствовать дѣйствіе своего великодушія, предоставивъ имъ внутреннее самоуправленіе, опредѣливъ размѣръ податей и получая оныя изъ ихъ собственныхъ рукъ».—«Всѣми сими предметами она распорядитъ обще съ народомъ сербскимъ» (ст. 8). Такимъ образомъ — говоритъ историкъ Ранке—«сербамъ не только выговорено полное прощеніе (что само собою разумѣется) и вообще тѣже самыя права, какими пользовались жители нѣкоторыхъ Архипелажскихъ острововъ, но и опредѣлены отношенія ихъ къ турецкому правительству, которое должно было не вмѣшиваться болѣе во внутреннія дѣла ихъ, брать съ нихъ умѣренную подать, не посылая своихъ чиновниковъ для сбора ея и не дѣлая никакихъ распоряженій по этому предмету безъ предварительнаго соглашенія съ самимъ народомъ»^{*)}). Руководитель возстанія 1804 года, Кара-Георгій былъ оставленъ верховнымъ вождемъ сербскаго народа.

Таковы главнѣйшія постановленія Бухарестскаго трактата ^{16/21} мая 1812 года^{**)}). Трактатъ этотъ, какъ мы видѣли, заключенъ былъ при неблагоприятныхъ для Россіи обстоятельствахъ и этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ пользу Молдавіи и Валахіи выговорено было лишь подтвержденіе старыхъ правъ и привилегій дарованныхъ имъ Портою въ силу прежнихъ нашихъ договоровъ съ нею, и что участь сербовъ обезпечена была далеко не согласно тѣмъ надеждамъ, которыя они питали при возстаніи. Но несмотря на это, Бухарестскій трактатъ по отношенію къ Сербіи имѣлъ весьма важное значеніе. Включивъ постановленія о ней въ международный договоръ, императоръ Александръ тѣмъ самымъ поставилъ ее подъ защиту Россіи, которая отнынѣ получала право наблюдать за точнымъ выполненіемъ обязательствъ Порты по отношенію къ сербамъ и вступаться за нихъ въ случаѣ нужды.

Сербы, однако, остались сильно недовольны тѣмъ положеніемъ,

^{*)} Исторія Сербіи, М. 1876 г., стр. 233.

^{**)} Полн. Собр. Заков., № 25110, а также Юзеевичъ, „Договоры Россіи съ Востокомъ“ стр. 49—53.

которое создано было для нихъ Бухарестскимъ трактатомъ, такъ какъ до этого Порты неоднократно предлагала имъ болѣе выгодныя условія. Еще въ 1811 году Шуршидъ-паша сулилъ Кара-Георгію положеніе, равное государямъ Молдавіи и Валахіи, но руководитель сербскаго народа отослалъ предложеніе въ главную русскую квартиру и объявилъ османамъ, что не войдетъ съ ними ни въ какіе переговоры, и подчинится только тому, что будетъ постановлено о Сербіи въ договоръ между Россіей и Турціей *). Для огражденія интересовъ страны, какъ только распространилась вѣсть объ условіяхъ заключавшагося Бухарестскаго трактата, сербскій сенатъ отправилъ въ Петербургъ депутацію. Но депутація эта не достигла цѣли своей поѣздки въ русскую столицу и вернулась на родину съ грустными видами на будущее. Ей объявили что Россія одѣлала для Сербіи все возможное; теперь же, по случаю войны съ Наполеономъ, императорскому правительству не время думать объ интересахъ сербовъ, и поэтому пусть они пока сами отстаиваютъ свои права и ожидаютъ болѣе лучшихъ дней**).

Въ виду того, что Бухарестскій трактатъ 1812 года, заключенный между Россіей и Турціей, не опредѣлялъ ни размѣра дани, которую сербы должны платить Оттоманской Портѣ, ни подробностей ихъ взаимныхъ отношеній съ турецкими гарнизонами, въ Константинополь были отправлены депутаты для подтвержденія мира между Сербіей и Турціей. Но тамъ депутатамъ было объявлено, что Высшая Порта не намѣрена заключать съ сербами новаго мира, и что они должны положить оружіе и покориться на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ Россія уговорилась за нихъ съ Турціей, что для сербскаго дѣла назначена особая коммисія, которая скоро прибудетъ въ Нишъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно прибылъ въ Нишъ, турецкій делегатъ Челеби-эфенди съ подчиненной ему коммиссіей, которая и вступила въ переговоры съ сербами, предложивъ имъ слѣдующія условія: 1) всѣ укрѣпленныя мѣста, которыя были построены въ Сербіи въ послѣднее время, должны быть разрушены; пушки нѣвѣютъ быть оставлены по крѣпостямъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ и отданы туркамъ; сербскій народъ выдаетъ османамъ не только свое оружіе, но и верховыхъ

*) Бутновскій, назв. соч., ч. I, стр. 151.

***) Тамъ-же, стр. 151.

коней и драгоцѣнную нонскую сбрую; 2) туркамъ по прежнему предоставляется право селиться въ крѣпостяхъ, городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, при чемъ они получаютъ обратно все, что имъ прежде принадлежало, какъ то: поля, сады, дома, водяныя мельницы и проч.; 3) сербы остаются подданными султана, въ ихъ земляхъ снова вводится турецкое управленіе, а кто бы не могъ или не захотѣлъ согласиться на это, тотъ долженъ выселиться изъ Сербіи, куда ему угодно *). Предъявляя эти требованія, турки ссылались на 8 статью Бухарестскаго трактата, которая, благодаря своимъ общимъ выраженіямъ, допускала широкое толкованіе, и нисколько не отступала отъ этихъ требованій, выжидая извѣстія о томъ, какииъ успѣхомъ окончится походъ Наполеона въ Германію: французскій посолъ въ Константинополь склонялъ турецкое правительство разбить сербовъ и потомъ ударить на Австрію, чтобы помѣшать ея союзу съ Россіей и Пруссіей. Такимъ образомъ турки приготовлялись не только къ войнѣ съ сербами, но и къ походу за Дунай на помощь Наполеону **).

Видя движеніе турецкихъ войскъ къ границамъ Сербіи, всѣ способные носить оружіе сербы двинулись къ своимъ отрядамъ подъ начальствомъ воеводъ. Сербы рѣшились свергнуть съ себя тягостное турецкое иго. Они прервали переговоры, веденные съ турками въ Нишѣ, подняли новое возстаніе и отправили архимандрита Спиридона Филипповича въ Петербургъ съ просьбою о помощи. Но Россія, употребивъ всѣ свои вооруженныя силы на войну съ Наполеономъ, не могла помочь сербамъ войскомъ и потому предложила имъ вступить въ переговоры съ турками чрезъ русскаго посла въ Константинополь. Сербскіе уполномоченные прибыли въ Софію, но вскорѣ уѣхали оттуда ни съ чѣмъ, такъ какъ Турція, подъ вліяніемъ Франціи, отвергла посредничество Россіи, пользуясь ея гигантской войной съ Наполеономъ—этимъ Аггвлой XIX вѣка. Турція войска снова вторглась въ заочастную Сербію, въ одно мѣсто успѣли покорить ее и возстановить въ ней мусульманское господство на прежнихъ основаніяхъ. Волѣдствіе водворенія турецкаго господства въ Сербіи, Кара-Георгій бѣжалъ сначала въ Австрію, а потомъ

*) Поповъ, назв. соч. ч. I стр. 99.

**) Тамъ-же, стр. 99—100.

въ Россію. За нимъ поинули страну и второстепенные вожди народа. Въ затруднительномъ положеніи Сербіи не потерялся лишь Милошъ-Обреновичъ, который и сталъ въ главѣ новаго возстанія сербскаго народа.

Какъ извѣстно, въ это время открылся въ Вѣнѣ конгрессъ, на которомъ европейскіе государи и ихъ дипломаты заняты были великимъ вопросомъ умиротворенія народовъ, и сербы отпраздники туда своего депутата, протоіерея Матвѣя Ненадовича просить защиты противъ турокъ, снова утвердившихъ свое ненавистное господство надъ Сербіей. Но сербскій уполномоченный на свои домогательства получилъ отказъ отъ посланниковъ всѣхъ державъ. Такой же отказъ получилъ онъ и отъ Россіи. Солидарность интересовъ съ западной Европой заставляла ее говорить сербамъ: «нынѣ вы должны дѣйствовать одни». Но уклонясь отъ подачи сербамъ помощи путемъ дипломатическаго давленія на Порту, изъ опасенія, чтобы не испортить существующаго положенія вещей, Россія все-таки дала имъ денегъ и такимъ образомъ оставила надежду на будущее, что, несомнѣнно, имѣло въ то время громадное значеніе, такъ какъ должно было поднять народный духъ сербовъ *).

Между тѣмъ опасаясь вмѣшательства Россіи, занимавшей на Вѣнскомъ конгрессѣ первое мѣсто среди остальныхъ европейскихъ державъ, Турція вступила въ переговоры съ своими возставшими подданными и подъ извѣстными условіями признала Милоша главою сербскаго народа. Но такъ какъ Порты все-таки не старалась исполнять постановленій Бухарестскаго трактата, то Милошъ просилъ русскаго константинопольскаго посла, барона Строгонова, понудить оттоманское правительство къ точному исполненію относящихся до Сербіи постановленій 1812 года. Въ то же время глава сербскаго народа поддавался лестнымъ обѣщаніямъ бѣградскаго паши относительно наследственности княжеской власти въ Сербіи, если Милошъ будетъ болѣе податливъ на требованія Порты и сдѣлаетъ уступки въ правахъ, которыя должна была признать Турція за сербами. Такое колебаніе политики сербскаго князя сильно взволновало барона Строгонова и онъ $\frac{1}{4}$, декабря 1819

*) О сношеніяхъ Матвѣя Ненадовича на Вѣнскомъ конгрессѣ см. у Попова „Россія и Сербія“, ч. II, стр. 116—123.

года писалъ Милошу; «Оттоманская Порта видитъ ваше сильное желаніе получить наслѣдственный княжескій санъ; она рѣшилась воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы, льстя вашимъ видамъ, посредствомъ васъ совершенно поработить Сербію и лишить всѣхъ способовъ къ улучшенію жребія угнетенныхъ. Неужели вы думаете, что она сдержитъ все, обѣщанное вамъ, когда приметъ отъ васъ требуемую присягу? Неужели вы согласны купить княжество цѣною счастья своихъ соотечественниковъ? Должно прежде всего устроить общественныя дѣла; а потомъ уже мечтать о своихъ собственныхъ: безъ этого послѣдуютъ однѣ неудачи и позднее раскаяніе» *).

Эти горячія слова русскаго представителя оказали свое дѣйствіе на сербскаго князя, и когда султанъ, желая отстранить вмѣшательство Россіи въ турецко-сербскія дѣла, не дожидаясь исхода переговоровъ Милоша съ барономъ Строгоновымъ, издалъ фирманъ которымъ, наряду съ нѣкоторыми унижительными для сербовъ условіями, **) признавалъ Обреновича княземъ Сербіи, опредѣляя для послѣдней размѣръ дани безъ указанія порядка взиманія ея и ограничивалъ власть турецкихъ военачальниковъ раіономъ крѣпостей, занятыхъ оттоманскими войсками. Милошъ и его совѣтники отвѣтили Портѣ, что Сербія требуетъ безпрекословнаго исполненія постановленій Бухарестскаго трактата. Этотъ отвѣтъ повезла султану въ Царьградъ особая депутація, состоявшая изъ двухъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ, при одномъ секретарѣ. Депутатамъ, по совѣту барона Строгонова, даны были широкія полномочія, въ трехъ редакціяхъ, которыя сходились въ слѣдующихъ общихъ пунктахъ: 1) всѣ города и селенія, находившіяся въ возстаніи во время заключенія Бухарестскаго трактата, должны входить въ составъ Сербскаго княжества, хотя бы не принадлежали къ такъ называемому бѣградскому

*) Татищевъ, Визшняя политика императора Николая Перваго, стр. 312, а также срав.: Поповъ, „Россія и Сербія“ стр. 156—157.

**) Сербы должны были оставаться въ положеніи райи, обязывались доставлять провіантъ турецкимъ войскамъ при слѣдованіи ихъ черезъ страну; затѣмъ, въ фирманѣ ни слова не говорилось о правѣ собственности мусульманскихъ владѣльцевъ на сербскія земли; наконецъ, сербы не должны были предъавлять Портѣ никакихъ требованій въ будущемъ. (Татищевъ, назв. соч., стр. 312, Поповъ, назв. соч., стр. 156—157).

пашалыку; 2) подати всякаго рода, платимыя Сербіей Портѣ, должны быть соединены въ одну сумму, навсегда опредѣленную; 3) султанъ утвердить Милоша въ званіи сербскаго князя съ правомъ передать его потомкамъ и назначать чиновниковъ, необходимыхъ для общественной администраціи; 4) въ Сербіи признана будетъ полная свобода за православнымъ исповѣданіемъ съ правомъ воздвигать церкви и монастыри, открывать школы и основывать типографіи; 5) туркамъ запрещено будетъ селиться въ Сербіи внѣ крѣпостей, которыя останутся въ ихъ владѣніи *).

Прибытіе сербской депутаціи въ турецкую столицу какъ разъ совпало съ извѣстіемъ о возстаніи грековъ. Раздраженный внутренними беспорядками въ имперіи, султанъ безъ всякихъ переговоровъ заключилъ подъ стражу сербскую депутацію и она была освобождена лишь весною 1824 года, по настоянію русскаго правительства, включившаго это требованіе въ предъявленный Портѣ ультиматумъ. Что же касается до самихъ сербовъ, то Россія только Аккерманскою конвенціею 1826 года подтвердила и точно опредѣлила права, предоставленныя имъ по Бухарестскому трактату.

Такое, сравнительно позднее заступничество Россіи за единородный и единоплеменный ей сербскій народъ обусловливалась общимъ характеромъ внѣшней политики императора Александра I послѣ 1812 года и главнымъ образомъ тѣмъ влѣдомъ на восточный вопросъ, который вмѣстѣ съ западно-европейскою дипломатіею усвоило себѣ русское правительство со времени Вѣнскаго конгресса.

*) Поповъ, назв. соч. стр. 169.

ГЛАВА VI.

Восточный вопрос на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Циркулярная нота Россіи, обращенная къ Вѣнскому конгрессу съ цѣлью остановить его вниманіе на восточномъ вопросѣ.—Судьба, постигшая эту ноту.—Актъ Священнаго Союза 14/21 сентября 1815 г.; его происхожденіе и содержаніе.—Критика этого акта.—Вѣрность основной мысли.—Неправильность общей постановки вопроса о призывненіи христіанской этики къ сферѣ международныхъ отношеній.—Значеніе акта Священнаго Союза въ исторіи европейской политики.

Вѣнскій конгрессъ былъ созданъ для размежеванія политической карты Европы, совершенно перепутанной предшествовавшими событіями эпохи наполеоновскихъ войнъ, и для обсужденія тѣхъ основаній, на которыхъ долженъ былъ покоиться будущій международный порядокъ на европейскомъ континентѣ. На конгрессѣ этомъ, засѣдавшемъ съ конца 1814 года до половины іюня 1815 года при личномъ участіи трехъ императоровъ—русскаго, австрійскаго и прусскаго,—и при представительствѣ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, былъ принятъ цѣлый рядъ территориальныхъ опредѣленій, а также рѣшены нѣкоторые вопросы, касавшіеся развитія мирныхъ и правильныхъ сношеній между народами, какъ то: о рангѣ дипломатическихъ агентовъ, о негроторговлѣ и свободѣ судоходства по рѣкамъ. На этомъ торжественномъ и многолюдномъ създѣ дипломатовъ и государей мелькомъ упомянуто было и о восточномъ вопросѣ.

Инициатива привлеченія Вѣнскаго конгресса къ обсужденію восточнаго вопроса исходила отъ императора Александра I, который имѣлъ намѣреніе поставить христіанскія народности Турціи подъ общее покровительство всей Европы. Предлагая на обсужденіе членовъ конгресса положеніе дѣлъ въ Турціи, Россія въ

циркулярной нотѣ отъ февраля 1815 г. обращала ихъ вниманіе на ужасныя звѣрства, совершаемыя турецкими властями въ Сербіи, указывала на крайнюю необходимость разъ навсегда положить имъ конецъ и доказывала, что христіанская и цивилизованная Европа не только имѣетъ право, но и *обязана* ограждать восточныхъ христіанъ отъ магометанскаго фанатизма. Эта обязанность вытекаетъ изъ предписаній христіанской любви и религіи и основывается на нѣкоторыхъ юридическихъ доводахъ. Съ первой точки зрѣнія русскій императоръ есть «естественный покровитель христіанъ греческаго восточнаго исповѣданія, находящихся подъ властью оттоманскою», подобно тому, какъ австрійскій императоръ и французскій король естественные защитники католиковъ на Востокѣ. На этомъ основаніи императоръ Александръ, въ силу своей религіи и по предписанію совѣсти, обязанъ защищать сербовъ. «Общія же для *всѣхъ* европейскихъ государствъ основанія»—говорилось далѣе въ циркулярной нотѣ—«суть религія, голосъ природы и чувство человѣколюбія». Обращаясь къ юридическимъ доводамъ, русское правительство доказывало *право* цивилизованныхъ государствъ защищать христіанскихъ вассаловъ Турціи слѣдующимъ образомъ. «Въ Европѣ—гласила нота—существуетъ кодексъ международнаго права, имѣющій законную силу какъ во время мира, такъ и войны. Въ немъ заключается охрана международнаго порядка и онъ является, безъ сомнѣнія, наиболее драгоцѣннымъ плодомъ цивилизаціи. На основаніи же этого права, всѣми принятаго, человѣкъ, схваченный съ оружіемъ въ рукахъ, не становится на вою свою жизнь собственностью своего побѣдителя; права, вытекающія изъ завоеванія, смягчены; народы уважаютъ другъ друга, и всякая излишняя и произвольная жестокость изгнана изъ области отношеній между народами. Благодаря этому возвышенному кодексу (code auguste) провозглашена равноправность для всѣхъ человѣческихъ расъ. Основываясь на предписаніяхъ его, относящихся по благу человѣчества, судьба народовъ предстала на судъ монарховъ; наконецъ во имя тѣхъ же принциповъ *главы европейской семьи* имѣютъ право требовать отъ Порты отмѣны столькихъ звѣрствъ». Вотъ почему христіанская и цивилизованная Европа имѣетъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Оттоманской Порты, нисколько не нарушая верховныхъ правъ

султана. Это правило слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, если принять во вниманіе, что Порта имѣетъ подъ своимъ скипетромъ людей двухъ классовъ, весьма различныхъ между собою. Первый классъ состоитъ изъ мусульманъ, которые ея *подданные*; второй же классъ составляютъ христіане, которые не болѣе и не менѣе какъ ея *данники*. Эти послѣдніе, о которыхъ идетъ въ настоящее время рѣчь, не связаны никакою вѣроподданническою присягою и даже имѣютъ право по собственному желанію перейти подъ непосредственную власть той или другой европейской державы*).

Какая участь постигла на Вѣнскомъ конгрессѣ приведенную русскую ноту и какъ отнеслись къ ней великія европейскія державы—изъ дѣлъ Государственнаго Архива не видно. Извѣстно только, что Порта хотѣла ходатайствовать черезъ Австрію о возвращеніи Россіей земель, полученныхъ ею по Бухарестскому трактату; но Меттернихъ отклонилъ это ходатайство, предложивъ съ своей стороны конгрессу вопросъ объ обезпеченіи за Турціей ея настоящихъ владѣній. Но и попытка австрійскаго канцлера потерпѣла неудачу, главнымъ образомъ благодаря противодействию Россіи и Англіи, которыя не желали включать въ актъ прочныя гарантіи въ пользу Оттоманской имперіи.

Но если Вѣнскій конгрессъ не ознаменовалъ себя непосредственнымъ и дѣятельнымъ участіемъ въ судьбахъ христіанскихъ подданныхъ Оттоманской Порты, то онъ оказалъ громадное вліяніе на дальнѣйшую исторію восточнаго вопроса въ томъ смыслѣ, что съ этого времени отношенія Россіи къ Турціи ставятся въ зависимость отъ политической системы, сложившейся въ эпоху этого конгресса подъ вліяніемъ борьбы соединенной Европы съ Франціей. Система эта, покоившаяся на договорахъ и постановленіяхъ конгрессовъ эпохи умиротворенія Европы, извѣстна подъ названіемъ «Священнаго Союза», въ основаніе котораго положено было соглашеніе между Россіей, Австріей и Пруссіей. Такое соглашеніе трехъ восточныхъ дворовъ выразилось въ актѣ Священнаго Союза отъ 14/26 сентября 1815 года, собственноручно составленномъ самимъ русскимъ государемъ. «Подъ впечатлѣніемъ великихъ міровыхъ событій, доставившихъ императору Александру I

*) Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ“ т. III, стр. 178—179.

одоленіе надъ могучимъ противникомъ и славу умиротворителя Европы, онъ — говоритъ Татищевъ — возвратился къ мечтамъ своей юности объ образованіи изъ всѣхъ христіанскихъ государствъ единой семьи народовъ, соединенныхъ узами братства и поставленныхъ другъ къ другу въ такія отношенія, которыя не допускали бы повторенія кровопролитныхъ войнъ, бывшихъ до того неизсякаемымъ источникомъ бѣдъ для всего человѣчества. Предварительнымъ условіемъ такого международнаго порядка, имѣвшаго обнять все христіанство, должно было служить размежеваніе между государствами владѣній, основанное на законности, равноправности и справедливости; цѣлью — утвержденіе всеобщаго мира и благоденствія; средствомъ къ ея достиженію — тѣсный союзъ государей, зиждущійся на началахъ взаимной помощи и евангельской любви *)). Эту давнюю и заветную мечту объ образованіи тѣснаго союза государей «на началахъ взаимной помощи и евангельской любви» императоръ Александръ и пытался осуществить послѣ тяжелыхъ испытаній Россіи во время событій двѣнадцатаго года. Будучи въ то время склоненъ къ мистицизму, онъ признавалъ принципы религіи руководящимъ началомъ во всѣхъ мірскихъ дѣяніяхъ и положилъ его въ основаніе такъ называемаго «акта Священнаго Союза», на содержаніи котораго всецѣло отразилось тогдашнее душевное настроеніе его автора **).

Во введеніи къ акту, продиктованному религіозно-мистическимъ чувствомъ его творца, союзные монархи выражали свою непоколебимую рѣшимость подчинить взаимныя отношенія «высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя», и руководиться какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ «не какими-либо иными правилами, какъ *заповѣдями Сяя Святыя Впры, заповѣдями любви, правды и мира*, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, должны служить, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водить за собой всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенство». Въ самомъ же актѣ, состоящемъ изъ

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 3.

***) Подробный очеркъ исторіи возникновенія Священнаго Союза см. у профес. Надлера. „Императоръ Александръ I и идеи Священнаго Союза“. 5 т. 1886—1892 г.

трехъ статей, монархи принимали на себя нѣчто въ родѣ обязательства слѣдующаго содержания. Въ первой статьѣ говорилось, что «соответственно словамъ Священныхъ Писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями», государи «пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства, и, почтя себя какъ бы единосемцами, они *во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь*; въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ *отцы семействъ*, будутъ *управлять* ими въ томъ же *духѣ братства*, которымъ они одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды». Второю статьєю вмѣнялось въ обязанность какъ властямъ, такъ и подданнымъ трехъ союзныхъ державъ, представляющихъ «тріеднаго семейства отрасли, а именно Австріи, Пруссіи и Россіи», въ сношеніяхъ между собою руководиться тѣми же правилами, «приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго», самодержецъ котораго— «Богъ, нашъ Божественный Спаситель, Иисусъ Христосъ, Глаголь Всевышняго, Слово жизни». Почтя себя его ставленниками, монархи убѣждали своихъ подданныхъ «со дня на день утверждаться въ правилахъ и въ дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человекъ Божественный Спаситель, яко единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ». Третьей статьєю объявлялось, что «всѣ державы, желающія признать изложенныя въ семъ актѣ священные правила», могутъ «всеохотно и съ любовью быть приняты въ сей Священный Союзъ»*).

Таково содержаніе акта Священнаго Союза ¹⁴/₂₆ сентября 1815 года. Согласно мысли императора Александра I къ акту этому, въ виду могущества Россіи и ея союзниковъ, постепенно присоединились всѣ европейскія государства, за исключеніемъ трехъ кабинетовъ: 1) отъ участія въ актѣ отказалась Англія, которая, стараясь отгадать опредѣленную положительную цѣль возникновенія союза, истолковывала его въ томъ смыслѣ, что онъ былъ будто

*) Пол. Собр. Зак. № 25.943; а также Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. 1; № 99.

бы задуманъ главнымъ образомъ противъ Турціи; въ виду этого принцъ регентъ отвѣтилъ, что конституція королевства не дозволяетъ ему принимать на себя какихъ бы то ни было личныхъ обязательствъ, но что онъ вполне сочувствуетъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе договора; 2) къ акту Священнаго Союза, несмотря на его теократическія тенденціи, не былъ приглашенъ присоединиться папа, что объясняется общимъ настроеніемъ мыслей императора Александра въ это время; и 3) въ актъ Священнаго Союза не приняла участія Турція, которая не могла быть привлечена къ дѣлу, основанному исключительно на непреложныхъ началахъ христіанской религіи.

По вѣрному замѣчанію г. Татищева, актъ Священнаго Союза являлся не только выраженіемъ глубокихъ религіозныхъ вѣрованій императора Александра, но и выраженіемъ его политическихъ убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни *). Той же программы держался и императоръ Николай, такъ что актъ Священнаго Союза составлялъ краеугольный камень политики Россіи въ продолженіе почти всей первой половины XIX столѣтія. Въ виду такого громаднаго значенія этого акта въ исторіи нашей виѣшней политики, мы, не распространяясь о томъ, съ какою непріязнью онъ встрѣченъ былъ въ западной Европѣ, не исключая даже нашихъ друзей—Австріи и Пруссіи **), позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на оцѣнкѣ его съ точки зрѣнія международнаго права и политики.

*) Назв. соч., стр. 6.

**) Татищевъ по этому поводу замѣчаетъ: „Получивъ изъ рукъ государя проектъ союзнаго акта, имъ самимъ составленный, императоръ Францъ передалъ его на заключеніе князя Меттерниха, предупредивъ, „что лично ему бумага эта не нравится и что изложенныя въ ней мысли наводятъ даже на весьма серьезныя размышленія“. Австрійскій министръ въ свою очередь нашель, „что актъ этотъ не имѣетъ иного значенія и смысла, какъ лишь филантропическаго порыва, прикрытаго покровомъ религіи, что онъ не можетъ составить предметъ договора между государями и что, наконецъ, въ немъ содержится нѣсколько мыслей, могущихъ быть дурно истолкованными съ религіозной точки зрѣнія“. Мнѣніе Меттерниха раздѣлялъ не только его государь, но и король прусскій. Всѣ трое рѣшили, что безъ существенныхъ измѣненій актъ не можетъ быть подписанъ; „и даже съ этими измѣненіями“,—признается Меттернихъ— „договоръ лишь на половину улыбался императору Францу“. Тѣмъ не менѣе, и Францъ, и Фридрихъ-Вильгельмъ подписали видоизмѣненный согласно ихъ замѣчаніямъ актъ, опасаясь отказомъ раздражить и прогнѣвать императора Алек-

Останавливаясь прежде всего на основной идее акта Священного Союза, заключающейся въ признаніи принципиальнаго единства частной нравственности съ общественною и въ распространеніи принциповъ христіанской этики на сѣеру государственныхъ и международныхъ отношеній *), мы должны замѣтить, что идея эта сама по себѣ вполне вѣрна. Къ этому—говоритъ графъ Камаровскій, — «стремится и право международное, поскольку его нормы покоятся на твердыхъ устояхъ нравственнаго порядка вообще»; поэтому Священный Союзъ «былъ правъ въ своемъ исходномъ принципѣ, заявляя, что начала христіанской религіи,—начала справедливости, любви и мира,—приложимы отнюдь не къ частной жизни только, но должны оказывать прямое вліяніе и на рѣшенія правителей, принимаемыя ими какъ по отношенію къ ихъ собственнымъ подданнымъ, такъ и въ дѣлахъ съ иностранными правительствами»**).

Но если актъ Священного Союза не подлежитъ оспариванію въ своемъ исходномъ принципѣ, то нельзя того-же сказать про

сандра, близко принимавшаго къ сердцу это дѣло. „Такова исторія Священного Союза“ разсказываетъ въ своихъ посмертныхъ *Запискахъ* австрійскій канцлеръ. „Союза, который даже въ предубѣжденномъ умѣ своего основателя долженъ былъ быть лишь нравственною манифестаціею, тогда какъ въ глазахъ прочихъ государей онъ не имѣлъ даже и того значенія“. Въ послѣдствіи, прибавляетъ онъ, „о Священномъ Союзѣ никогда болѣе не было и рѣчи между кабинетами, да и быть не могло“. (Назв. соч., стр. 6—7).

*) „Александръ полагалъ, — говоритъ проф. Надлеръ,—что только внесеніе этихъ началъ въ сѣеру политической жизни можетъ положить предѣлъ господству традиціонной лжи, систематическаго обмана и эксплуатаціи интересовъ ближнихъ путемъ всевозможныхъ безнравственныхъ средствъ, не исключая и самаго послѣдняго изъ нихъ, грубаго насилія. Императору казалось, что потрясающія событія послѣдняго времени должны были убѣдить европейское человѣчество, въ лицѣ его верховныхъ руководителей, въ полной несостоятельности старой политической системы и подготовить умы къ воспріятію и проведенію новой системы, основанной на возвышенныхъ, но въ то же время простыхъ и общепонятныхъ правилахъ евангельской нравственности. Императоръ полагалъ даже, что одно торжественное провозглашеніе съ высоты престоловъ заповѣдей любви, правды и мира, что одно обѣщаніе трехъ союзнныхъ монарховъ руководиться отнынѣ во всѣхъ своихъ правительственныхъ и политическихъ дѣяніяхъ сими заповѣдами, установленными истиннымъ и настоящимъ владыкою и правителемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ, Христомъ Спасителемъ, должно произвести великій переворотъ въ политическомъ мѣрѣ и направить общественную жизнь Европы на новый путь“. (Императоръ Александръ I и идея Священного Союза“. 1892 г., т. V, стр. 633).

***) Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ. „Русск. Мысль“ за 1893 годъ № 8, стр. 25.

общую постановку сдѣланной въ немъ попытки «приложить болѣе дѣйствительнымъ образомъ къ гражданскимъ и политическимъ отношеніямъ государствъ начала мира, согласія и любви, вытекающія изъ христіанской религіи и морали» *). Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливому замѣчанію Блюнчли, являлся воспроизведеніемъ понятій, заимствованныхъ «отчасти изъ религіозныхъ преданій среднихъ вѣковъ, отчасти изъ міровоззрѣнія русскаго народа», понятій, мало отвѣчавшихъ современному правосознанію народовъ и совершенно неспособныхъ руководить дальнѣйшими успѣхами новѣйшей цивилизаціи **). Въ самомъ дѣлѣ, «желая построить международное право исключительно на началахъ религіи, Священный Союзъ смѣшиваетъ между собою понятія о правѣ и о религіи; будучи примѣнимъ только къ христіанскимъ народамъ, онъ суживаетъ значеніе международнаго права и ставитъ нехристіанскія государства внѣ общечеловѣческаго юридическаго порядка; признавая Христа «единственнымъ Владыкой всѣхъ христіанскихъ народовъ», онъ впадаетъ въ заблужденія теократизма, ученія рѣшительно чуждаго и невыносимаго для политическаго сознанія европейскихъ и вообще цивилизованныхъ народовъ; возводя, наконецъ, патріархальныя идеи въ принципъ государственной жизни, Священный Союзъ не соответствуетъ міровоззрѣнію и потребностямъ политически развитаго и свободнаго человѣчества» ***). Таковы крупныя недостатки акта Священнаго Союза, которыхъ не могъ не отмѣтить Блюнчли при всемъ своемъ уваженіи къ духу благочестія, господствующему въ этомъ актѣ, и при полномъ признаніи большихъ его успѣховъ сравнительно съ средними вѣками въ томъ отношеніи, что «онъ провозглашаетъ братство народовъ всевозможныхъ христіанскихъ исповѣданій, между тѣмъ какъ въ средніе вѣка полноправными признавались лишь народы одного опредѣленнаго вѣроисповѣданія, всѣ же иновѣрные и невѣрующіе исключались изъ международнаго союза и предавались проклятію» ****).

*) Циркулярная нота русскаго правительства отъ 25 марта 1816 года; см. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. I, стр. 4.

**) Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса, М. изд. 1876 г., § 101.

***) Назв. соч. § 102.

****) Назв. соч., § 102.

Признавая опредѣленія акта Священнаго Союза съ научной точки зрѣнія «недостаточными и отчасти ложными въ самомъ ихъ принципѣ» *), мы не можемъ, однако, согласиться съ отзывами Меттерниха, назвавшаго этотъ актъ «звонкимъ и пустымъ», и Генца, считавшаго его «политическимъ нулемъ» **). Безспорно; что благодаря неопредѣленности и эластичности редакціи акта, походившаго по формѣ — на трактатъ, а по содержанию — на манифестъ или декларацію, полному отсутствію точно выраженныхъ и формулированныхъ обязательствъ и смѣшенію религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и отчасти правовыхъ принциповъ, трудно было опредѣлить случай наступленія «casus foederis» для оказанія условленной помощи и поддержки; но въ актѣ далеко не двусмысленно высказаны основныя начала, которыми должны были руководиться союзники въ своей дѣятельности. Теократическая окраска патріархальной власти, присвоенной государямъ, какъ намѣстникамъ Бога на землѣ, и божественное происхождение ихъ отеческой власти надъ подданными логически вызвали представленіе о подданныхъ, какъ о дѣтяхъ, обязанныхъ лишь послушаніемъ и повиновеніемъ; единственнымъ критеріемъ блага подданныхъ и народовъ являлось божественное внушеніе государей; если-же къ этому прибавить, что въ своей внутренней и внѣшней политикѣ государи рѣшились слѣдовать «заповѣдямъ любви, правды и мира» (но не права) и путемъ общанія взаимной помощи и поддержки для охраненія принциповъ божественности власти и безправія подданныхъ распространили эти принципы на внѣшнія международныя отношенія, то изъ всего этого нетрудно будетъ

*) Назв. соч., § 102.

**) Генцъ, правая рука австрійскаго министра, удивлялся странности договора, „чисто религіознаго содержания“, заключеннаго тремя государями, изъ которыхъ одинъ былъ православный, другой католикъ, третій протестантъ. „Этотъ мнимый Священный Союзъ, писалъ онъ. „есть то, что называется политическимъ нулемъ. Онъ не имѣетъ никакой существенной цѣли и никогда не приведетъ къ серьезнымъ результатамъ. Это театральная декорация, изобрѣтенная, быть можетъ, въ духъ дурно понятой набожности и въ особенности крайне плохо выраженная, быть можетъ, также задуманная, въ порывѣ простаго тщеславія, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ на всемірной сценѣ и поддержанная услужливостью или добродушіемъ его соучастниковъ“. (Генцъ господарю валахскому, князю Караджъ, 13 (26) февраля 1816 г. Татищевъ, назв. соч., стр. 7).

заклѣчить, что основная тенденція акта Священнаго Союза, быть можетъ вопреки желанію самого его автора, сводилась къ *упроченію международной гарантіи установленнаго порядка и системы монархическаго легитимизма, къ узаконенію международной охраны европейскихъ государствъ и престоловъ отъ болѣе или менѣе сильныхъ потрясеній и переворотовъ, коими могли угрожать Европѣ революціонныя движенія* *).

Такимъ образомъ цѣль акта Священнаго Союза, стоявшаго въ связи съ договорами, заключенными тремя дворами во время образованія «великаго союза» ради низверженія Наполеона, сво-

*) Даневскій. Система политическаго равновѣсія и легитимизма, стр. 150—158. Такой смыслъ и значеніе акта Священнаго Союза вполне отвѣчаютъ тѣмъ руководящимъ идеямъ, согласно которымъ Вѣнскій конгрессъ полагалъ возможнымъ установить новый порядокъ въ Европѣ. Какъ извѣстно, «дипломаты Вѣнскаго конгресса имѣли въ виду обезпеченіе внѣшняго мира, наружной тишины, а не мира, основаннаго на удовлетвореніи законныхъ интересовъ. Средствомъ осуществленія ихъ цѣль явилось возможно большее возстановленіе стараго порядка. Лозунгомъ этихъ стремленій является слово, изобрѣтенное Талейраномъ, la legitimité Слово legitimité нельзя передать словомъ „законность“, потому что оно означало совокупность, такъ сказать, историческихъ правъ, въ противоположность революціоннымъ началамъ. Возстановленіе этихъ историческихъ правъ есть первая задача, которую старался разрѣшить Вѣнскій конгрессъ. Вторымъ началомъ, руководившимъ конгрессомъ при новомъ распределеніи европейской территоріи, было начало *политическаго равновѣсія* требовавшее такой комбинаціи государствъ, при которой ни одна держава не могла бы захватить гегемонію въ Европѣ (подобно французской имперіи). Этимъ международнымъ началамъ должны соответствовать и принципы внутренняго управленія. Второе средство для осуществленія указанной общей цѣли, на которомъ особенно настаиваетъ Меттернихъ (въ запискѣ, поданной имъ императору Александру въ 1820 г.), состоитъ въ устойчивости, въ рѣшимости не заводить ничего новаго, удерживать, по возможности, все существующее, избѣгать всякихъ нововведеній, хотя бы они вызывались потребностями жизни, для того, чтобы нельзя было подумать, что правительство вынуждено къ этому духомъ времени. Но для того, чтобы всѣ европейскія государства дѣйствовали согласно съ этимъ принципомъ, чтобы и правительства не склонялись къ нововведеніямъ, и народы не вынуждали ихъ къ тому своими требованіями, оказалось необходимымъ начало *вмѣшательства*, въ силу котораго первенствующія державы признали за собою право охраненія европейскаго мира, путемъ дипломатическаго и военнаго вмѣшательства въ дѣла тѣхъ государствъ, гдѣ происходили событія, дающія поводъ къ перевороту или къ войнѣ. Эта программа должна была осуществиться, какъ въ актахъ Вѣнскаго конгресса, такъ и въ дѣйствіяхъ Священнаго Союза, основаннаго Россіей, Австріей и Пруссіей и, наконецъ, въ политикѣ Меттерниха, который руководилъ всеми дѣлами Европы въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ (1815—1848 г.). (Градовскій, Государственное право вѣнскихъ европейскихъ державъ. Т. I, часть историческая. С.-Пб., 1886 г. стр. 522—523).

дидась къ охраненію общаго мира и существующаго политическаго порядка путемъ соглашеній относительно внѣшнихъ дѣлъ европейскихъ государствъ и къ подавленію революціонныхъ движеній посредствомъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь государствъ, когда устанавливавшійся въ нихъ порядокъ, по мнѣнію членовъ «союза», представлялъ опасность для мира въ Европѣ. Дѣятельность Священнаго Союза въ этомъ направленіи, имѣвшая своимъ конечнымъ результатомъ полнѣйшій застой во внутренней и внѣшней жизни народовъ, конечно, не можетъ быть оправдана *), и исторія уже произнесла свой строгій приговоръ надъ попыткой реставраціонной эпохи возвести принципы династической законности (легитимитета) на степень основнаго положенія европейскаго международнаго права. Но вышеуказанныя консервативныя, охранительныя начала акта 14/30 сентября 1815 года для насъ важны въ томъ отношеніи, что они имѣли практическое примѣненіе въ отношеніи Турціи, и прежде всего въ дѣлѣ греческаго возстанія, несмотря на то, что этой мусульманской державѣ, подпись которой отсутствовала на всѣхъ актахъ Вѣнскаго конгресса, даже не было предложено принять участіе въ Священномъ Союзѣ.

) Священный Союзъ—говоритъ Чичеринъ—игралъ роль стража европейскаго порядка и посылалъ свои войска во всѣ европейскія государства, въ которыхъ происходили возмущенія. Такъ были подавлены революціи въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ въ Испаніи, въ Палской области. Австрія постоянно держалась этой системы въ Италіи и сдѣлалась такимъ образомъ господствующею державою на полуостровѣ. Въ извиненіе подобнаго вмѣшательства можно сказать, что революціонная пропаганда сдѣлала свободу общеевропейскимъ дѣломъ, а потому и противодействовать революціи можно было только общими силами, подавляя ее вездѣ, гдѣ она проявлялась. Но это можетъ объяснить принятую систему, а никакъ не оправдать ее ни юридически, ни нравственно. Одностороннее подавленіе свободы точно такъ же не можетъ быть признано нормальнымъ фактомъ, какъ и одностороннее ея распространеніе, тѣмъ болѣе что силы Священнаго Союза употреблялись не для примирительной дѣятельности, а обыкновенно для возстановленія самаго бездушнаго деспотизма. Иностранныя войска могли сокрушить народныя движенія, но не имѣли вліянія на волю независимыхъ монарховъ, которые пользовались чужою силою для возстановленія своей власти, но вовсе не расположены были удовлетворить желаніямъ подданныхъ. (О народномъ представительствѣ. М. 1866 г., стр. 214).

ГЛАВА VII.

Восточная политика императора Александра I послѣ Вѣнскаго конгресса.

Возстаніе грековъ.—Отношеніе къ нему западной Европы и Россіи.—Внушенія Меттерниха.—Отвѣтъ императорскаго кабинета Ипсиланти.—Турецкій деспотизмъ въ Греціи.—Нарушеніе Портою правъ Россіи на Востокъ.—Русскій ультиматумъ 1/10 іюля 1821 года и дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей.—Предложеніе императора Александра о совокупномъ вмѣшательствѣ европейскихъ державъ въ греко-турецкое дѣло.—Неудача этого предложенія.—Политика Австріи.—Вѣнскія совѣщанія.—Предложенія Меттерниха и вторичное обсужденіе восточнаго вопроса въ Вѣнѣ.—Греческое дѣло на Веронскомъ конгрессѣ.—Декларация русскаго правительства.—Преждевременное ликвиданіе Австріи.—Вступленіе Англіи на путь либеральной политики.—Меморандумъ русскаго правительства отъ 28 декабря 1823 года объ умротовореніи Греціи.—Петербургская конференція и отношеніе къ ней Англіи и Австріи.—Постановленія конференціи.—Отказъ западныхъ державъ принять принудительныя мѣры противъ Порты.—Предсмертное рѣшеніе императора Александра выступить на защиту грековъ.

Со времени знаменитыхъ екатерининскихъ войнъ съ Турціей, сильно ослабившихъ это мусульманское царство, греческій народъ сталъ дѣятельно готовиться къ борьбѣ за политическую свободу. Стремясь къ достиженію давно желанной независимости, греки употребили всѣ свои старанія и заботы на то, чтобы по силѣ возможности улучшить матеріальное благосостояніе страны и поднять уровень народнаго образованія. Стремленіе къ политической независимости особенно усилилось у нихъ послѣ французской революціи, распространившей освободительныя идеи по всей Европѣ, и египетской экспедиціи Бонапарта, который, желая воспользоваться содѣйствіемъ грековъ для исполненія своихъ анти-турецкихъ плановъ, при осадѣ Сень-Жанъ-д'Акра совершенно открыто говорилъ о низверженіи Турціи и объ основаніи новаго восточнаго госу-

дарства *). Къ этому времени относится основаніе поѣтомъ Ригасомъ первой гетеріи съ цѣлю освобожденія Греціи. Гетерія эта старалась заручиться покровительствомъ Франціи, только что успѣвшей одержать блестящія побѣды надъ Австріей въ Италіи, но предпріятіе это не удалось, такъ какъ Ригасъ, вступившій въ переговоры съ французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, весной 1798 года былъ схваченъ въ Триестѣ австрійскими властями, выданъ ими турнамъ и казненъ. Гетерія Ригаса распалась, но начатое имъ дѣло не могло пропасть для грековъ безслѣдно. Вскорѣ, а именно въ 1814 году, оно получило продолженіе въ новомъ тайномъ обществѣ,—гетеріи,—имѣвшемъ цѣлю произвестн возстаніе воѣхъ подвластныхъ Турціи православныхъ христіанскихъ народностей. Въ непродолжительномъ времени общество это получило правильную организацію и имѣло своими членами сотни грековъ, жившихъ въ краяхъ Востока и Запада и стоявшихъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Успѣху гетеріи сильно содѣйствовалъ пущенный ею слухъ, что во главѣ ея стоитъ самъ русскій императоръ.

Энергично приготовляясь къ упорной борьбѣ за національную независимость, греки рассчитывали на распатанное состояніе Турецкой имперіи. И дѣйствительно, послѣдняя быстро клонилась къ упадку. Египетскій паша Мехмедъ-Али, уничтожившій въ Египтѣ господство мамелюковъ, приобрѣлъ въ 1806 году почти полную независимость отъ турецкаго султана. Правитель Македоніи и Эпира, Али-паша, также рѣшился сдѣлаться независимымъ вѣстелиномъ и съ этою цѣлю заперся въ неприступной крѣпости Янинѣ. Мало того, желая овладѣть Яниной, Эпиромъ и Акарнаніей, онъ для большаго успѣха своего предпріятія нашелъ необходимымъ вступить въ союзъ съ балканскими христіанами, недовольными турецкимъ владычествомъ, и въ этихъ видахъ вошелъ въ сношенія съ гетеристами и возбуждалъ грековъ къ возстанію. Но если въ борьбѣ за независимость греки и рассчитывали на слабость Оттоманской Порты и на всеобщее недовольство турец-

*) Штигилицъ. Исслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности, ч. III, отд. I, стр. 16.

***) Тетичевъ. Вѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 235.

кимъ правительствомъ, то всетаки ихъ главные надежды и упованія были обращены на помощь единовѣрной Россіи, которая уже не разъ выражала свои симпатіи христіанскимъ народностямъ Востока. Надежды грековъ на Россію въ данномъ случаѣ были тѣмъ болѣе основательны, что въ это время у русскаго престола находился одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ независимости Греціи и членъ гетеріи, графъ Каподистрія, родомъ грекъ—корфиотъ, бывший министромъ иностранныхъ дѣлъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ и пользовавшійся его особеннымъ расположеніемъ, а потому имѣвшій, по мнѣнію эллиновъ, больше всего возможности склонить русскаго государя къ подавію имъ помощи.

Разсчитывая на слабость Турціи и надѣясь на сильную поддержку со стороны Россіи, греки раннею весною 1821 года произвели возстаніе, въ то самое время, когда европейскіе дипломаты, опираясь на почву Священнаго Союза, ухищрались въ изысканіи мѣръ противъ революціонныхъ движеній, происходившихъ въ Италіи. Во главѣ этого знаменитаго возстанія сталъ сынъ молдавскаго господаря, вѣроломно убитаго турками—князь Александръ Ипсиланти, генераль-маіоръ русской службы, полагавшійся на сочувствіе Россіи дѣлу грековъ и надѣявшійся, что могущество императора Александра дастъ ему возможность слѣдовать влеченію своего сердца, не уступая требованіямъ австрійской политики, чуждой его собственнымъ пользамъ *). Съ горстью отважныхъ храбрецовъ онъ вторгся изъ Бессарабіи въ Молдавію и отсюда возвѣстилъ грекамъ, что настало время ихъ свободы и что Россія готова оказать имъ свою помощь. Вся греческая нація, уже давно охваченная лихорадочнымъ настроеніемъ, всюду, гдѣ она располагала численностію и силой, возстала какъ одинъ человекъ. Минута казалась благопріятной для осуществленія завѣтныхъ плановъ эллинскаго народа. Греки возстали собственно въ Греціи, въ Эпирѣ, Фессаліи и Македоніи, а также на островахъ: Кипрѣ, Критѣ и другихъ. Хотя греческое возстаніе было дѣламъ рукъ преимущественно самихъ грековъ, но въ немъ приняло живое участіе не мало и албанцевъ - христіанъ, въ которыхъ никогда

*) Теохтистовъ. Борьба Греціи за независимость, Спб., 1863 г., стр. 37—38.

не угасало чувство національнаго сознанія и которые всегда были недовольными и часто мятежными подданными турокъ. Одновременно вспыхнуло возстаніе и въ Дунайскихъ княжествахъ. Но здѣсь оно было скорѣ подавлено, причемъ султанъ воспользовался этимъ случаемъ для того, что бы вопреки Вухарестскому трактату смѣнить господарей Молдавіи и Валахіи, ввести въ княжество оттоманскія войска и занять ими всѣ крѣпости.

Искра, воспламененная въ Морее, быстро разрослась въ обширный пожаръ. Поднявши грековъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ султана для низверженія турецкаго ига, Александръ Ипсиланти въ мартѣ 1821 года писалъ императору Александру: «Благородныя движенія народовъ исходятъ отъ Бога и безъ сомнѣнія по Божію вдохновенію поднимаются теперь греки свергнуть съ себя четырехвѣковое иго. Долгъ въ отношеніи къ отечеству и послѣдняя воля родительская побуждаютъ меня посвятить себя этому дѣлу. Болѣе 200 адрессовъ, подписанныхъ болѣе чѣмъ 600.000 именъ лучшихъ людей Греціи, призвали меня стать въ челѣ возстанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди грековъ образовалось тайное общество, имѣющее единственною цѣлю—освобожденіе Греціи; оно выросло быстро и его вѣтви распространяются повсюду, гдѣ только есть греки. Божественное Провидѣніе, покровительствующее всегда правому дѣлу, удостоило бросить взглядъ состраданія на мое несчастное отечество и ослѣпить глаза его тирановъ. Они остались въ совершенномъ бездѣйствіи, несмотря на частыя предостереженія англичанъ и духъ независимости, сильно обнаруживавшійся между греками. Государь! Неужели вы предоставите грековъ ихъ собственной участи, когда однимъ словомъ можете освободить ихъ отъ самаго чудовищнаго тиранства и спасти ихъ отъ ужасовъ долгой и страшной борьбы? Все говорить намъ, что васъ, государь, избрало Провидѣніе, чтобы положить конецъ нашимъ вѣковымъ страданіямъ. Не презрите мольбы 10.000.000 христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностью нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, государь, спасите религію отъ ея гонителей, возвратите намъ наши храмы, наши алтари, откуда божественный свѣтъ Евангелія просвѣтилъ великій народъ, вами управляемый!» *)

*) Соловьевъ. Императоръ Александръ Первый, стр. 485.

Надо замѣтить, что общественное мнѣніе Европы было рѣшительно на сторонѣ грековъ. Въ ихъ пользу вездѣ собирались денежные пожертванія, а изъ Франціи, Германіи, Англіи и другихъ странъ мирные граждане толпами отправлялись въ Морею, что бы жертвовать дѣлу грековъ своимъ имуществомъ и жизнью. Далеко не такъ сочувственно относились къ грекамъ европейскіе кабинеты. Тамъ—говоритъ Розенъ—«вообще господствовало убѣжденіе, что освобожденіе Греціи будетъ первымъ толчкомъ къ распаденію слабой отъ старости Османской имперіи, однимъ словомъ, введеніемъ къ тому дѣлу, развитіе котораго потомъ невозможно будетъ остановить. Это распаденіе, думали далѣе, будетъ выгодно только соедѣннымъ державамъ, Австріи и Россіи, или лучше сказать одной Россіи, такъ какъ Австрія опасается увеличенія числа своихъ славянскихъ подданныхъ греческаго вѣроисповѣданія. Но что же будетъ, если Россія, это колоссальное государство, которое еще полстолѣтія тому назадъ не достигало береговъ Чернаго моря, сдѣлаетъ его Средиземнымъ моремъ своихъ владѣній? О существованіи честолюбивыхъ замысловъ Екатерины сомнѣвались такъ же мало, какъ о способности слиться съ русскими такъ близко родственныхъ съ ними по религіи, нравамъ и отчасти происхожденію, греческихъ, молдаво-валахскихъ и славянскихъ народовъ» *). Освобожденію Греціи особенно противились, конечно, Австрія и Англія,—первая, опасаясь перемены выгоднаго для нея *status quo* на Востокѣ, а вторая, боясь за свое торговое и политическое положеніе въ Азіи. Что касалось до Франціи и Пруссіи, то въ ихъ кабинетахъ «съ самаго начала принципіальное отвращеніе къ возстанію грековъ сильно умѣрялось интересами человеколюбія; вслѣдствіе чего тамъ по крайней мѣрѣ нельзя было ожидать сопротивленія частнымъ усиліямъ борцовъ, желавшихъ пролить свою кровь» за освобожденіе Греціи **).

Для грековъ, однако, было гораздо важнѣе знать отношеніе къ ихъ дѣлу петербургскаго кабинета, который былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ въ душѣ живо сочувствовалъ вполне естественному

*) Исторія Турціи, Спб. 1872 г., часть I, стр. 27.

**) Назв. соч., стр. 28.

стремленію грековъ къ независимости. Если и западная Европа не могла отказаться отъ сочувствія христіанамъ, то отказаться отъ сочувствія грекамъ для Россіи, для русскаго царя,—значило вступить въ вопіющее противорѣчіе съ исторіей, съ однимъ изъ самыхъ живыхъ народныхъ чувствъ *). Но съ другой стороны, по поводу революціонныхъ движеній въ разныхъ концахъ Европы не разъ было заявляемо, что возстаніе подданныхъ противъ своего законнаго правительства грозитъ обществу миру, что во имя Священнаго Союза державы непременно должны выступать въ такихъ случаяхъ противъ повстанцевъ и уничтожать, подавлять революціонныя движенія. А возстанія въ Дунайскихъ княжествахъ и Греціи дипломаты Священнаго Союза приписывали тѣмъ же революціоннымъ движеніямъ, которыя происходили на полуостровахъ Пиренейскомъ и Апеннинскомъ. Греки возстали противъ своего легитимнаго повелителя точно такъ же, какъ испанцы и итальянцы возстали противъ своихъ законныхъ правительствъ, и если союзъ объявилъ себя противъ этихъ послѣднихъ возстаній, то онъ теперь, несомнѣнно, долженъ былъ стать и противъ грековъ, защищая сторону султана; во избѣжаніе противорѣчій державамъ не слѣдуетъ заступаться за бунтовщиковъ, которыхъ необходимо привести къ повинновенію. Помимо всего этого, помогать грекамъ въ ихъ возстаніи противъ турецкаго правительства значило для Россіи «возбудить подозрѣніе въ честолюбивыхъ замыслахъ, подозрѣніе въ томъ, что греки подняли возстаніе не безъ соглашенія съ русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что графъ Каподистрія, отъявленный покровитель либеральныхъ движеній, человекъ близкій къ русскому императору» **).

Чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, созданнаго для Россіи греческимъ возстаніемъ, въ Петербургѣ было рѣшено «не принимать участія въ борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ; въ случаѣ же варварскаго поведенія и враждебности турокъ къ Россіи—требовать отъ европейскихъ державъ, чтобы онѣ образумили Порту и не поставили Россію въ необходимость взяться за оружіе» ***). Рѣшеніе это, конечно, состоялось не безъ вліянія внушеній

*) Соловьевъ. Императоръ Александръ Первый; стр. 478—479.

**) Соловьевъ. назв. соч., стр. 479.

***) Соловьевъ, назв. соч., стр. 479.

князя Меттерниха, передъ непогрѣшимою политическою мудростію котораго подобострастно преклонялась тогда вся Европа. Этотъ великій государственный мужъ прекрасно понималъ, что существованіе австрійской монархіи возможно только при томъ условіи, если руководители ея судебъ охраняютъ государство отъ либеральныхъ теченій времени, грозившихъ имперіи Габсбурговъ неизбежнымъ распаденіемъ. Чтобы поддержать непрочное зданіе, Меттернихъ наводилъ дремоту во внутренней жизни государства и предохранялъ его отъ шумныхъ движеній, происходившихъ по сосѣдству: въ Германіи, Италиі и Турціи. На западѣ все шло на австрійскій ладъ, при чемъ къ политикѣ Меттерниха вполне присоединился императоръ Александръ. «Но въ дѣлѣ Греціи все заставляло предполагать, что грозная сила Россіи будетъ на этотъ разъ не на сторонѣ тишины и спокойствія во что бы то ни стало. Это былъ честный бой за независимость единовѣрнаго Россіи христіанскаго народа противъ невыносимаго мусульманскаго гнета. Тутъ нечего было опасаться революціонной и либеральной заразы, — и вообще для Россіи не страшной. Въ глазахъ всей Россіи, какъ возстаніе грековъ, такъ и русская имъ помощь казались священной обязанностью — чѣмъ-то въ родѣ крестоваго похода, не имѣющаго ничего общаго съ политическими тревоженіями. Возстаніе это, слѣдовательно, съ самой подозрительно-полицейской точки зрѣнія не могло имѣть своимъ результатомъ политико-либеральной пропаганды. Всѣ преданія русской политикѣ были въ пользу такого взгляда. Не вступалась-ли великая Екатерина за угнетенныхъ Турціею христіанъ, не возбуждала-ли она грековъ къ возстанію? Самъ императоръ Александръ не содѣйствовалъ-ли возстанію сербовъ? Наконецъ, личный характеръ русскаго государя, либеральный, любящій популярность, мистически религіозный, также заставлялъ предполагать, что Россія употребитъ всѣ силы на помощь своимъ единовѣрцамъ, — что освободитель Европы захочетъ украситься еще болѣе блестящимъ вѣнцомъ освободителя Востока»^{*)}. Въ виду этого кн. Меттернихъ счелъ своимъ долгомъ во время вѣдѣній петербургскому кабинету, что «греческое возстаніе есть явленіе тождественное съ революціонными движеніями и произведено

^{*)} Давилевскій, „Россія и Европа“, стр. 368.

по общему революціонному плану, чтобъ повредить Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ *)); и «если уже умѣніе Меттерниха заставитъ Россію дѣйствовать въ общихъ европейскихъ дѣлахъ вопреки ея интересамъ, вопреки личнымъ склонностямъ ея монарха, могло назваться чудомъ политическаго искусства, то успѣхъ его въ дѣлѣ Греціи долженъ считаться истиннымъ шедевромъ. Кромѣ главной и прямой цѣли канцлера—охраненія безмятежнаго сна Австріи и необходимаго для этого усыпленія Европы,—впутывая Россію въ свою политику, онъ достигалъ еще другой побочной цѣли: съ одной стороны, когда дѣло шло объ Италіи, Испаніи, Германіи, вваливалъ на Россію всю тяжесть злобы и негодованія Европы, съ другой, когда дѣло шло о Востокѣ, ослаблялъ къ ней симпатіи ея единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что, какъ полезное для Австріи, не могло ускользнуть отъ прозорливости руководителя ея судьбы» **).

Устраняя Россію отъ вмѣшательства въ дѣло грековъ изъ опасенія, что подъ гніющимъ трупомъ разцвѣтетъ молодая, свободная и независимая жизнь, кн. Меттернихъ прикрывалъ свою политику личною принциповъ акта Священнаго Союза и ловко проводилъ ее при помощи запугиванія императора Александра тѣмъ, что западно-революціонныя движенія грозятъ потрясеніемъ общественнаго порядка Европы и самой Россіи. «Монархъ,—увѣрялъ Меттернихъ Александра, —соединившіеся для поддержки принципа *охраненія всего законно существующаго*, не могутъ нисколько колебаться въ прямомъ приложеніи этого принципа къ плачевнымъ событіямъ, совершившимся недавно въ Оттоманской имперіи. Приложение принципа требуется съ наибольшою силою къ этимъ важнымъ событіямъ, ибо несомнѣнно, что *греческое возстаніе (какъ бы оно ни связывалось съ общимъ движеніемъ умовъ въ Европѣ, какъ бы ни приотавливалось въ стремленіи чисто національномъ, какъ бы, наконецъ, ни естественно было возстаніе народа, страдающаго подъ самымъ страшнымъ игомъ)*,—греческое возстаніе есть непосредственное слѣдствіе плана, заранѣе составленнаго и прямо направленаго противъ самаго страшнаго для революціонеровъ могущества, противъ союза двоихъ монарховъ съ цѣлію охраны и возстановленія***).

*) Соловьевъ. назв. соч., стр. 480.

**) Данилевскій, назв. соч., стр. 369.

***) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Событіе не одиночно; оно находится въ связи съ общимъ планомъ. Оно имѣетъ не преходящее только значеніе; его слѣдствія будутъ долго давать себя чувствовать. Настоящіе виновники его задумали его не въ интересъ греческаго народа; они не могутъ скрыть отъ себя того нравственнаго паденія, до котораго доведень этотъ народъ вѣками. Событія задуманы съ цѣлю поссорить Россію съ Австріею; они служатъ средствомъ не дать потухнуть огню, поддержать либеральный пожаръ; средствомъ поставить въ затруднительное положеніе самаго могущественнаго монарха греческаго исповѣданія и всѣхъ его единовѣрцевъ, взволновать русскій народъ въ смыслѣ противоположномъ движенію, какое его государь даетъ своей политикѣ; заставить русскаго государя отвернуться отъ Запада и сосредоточить свое вниманіе на Востокъ. Падеть-ли или освободится народъ, въ пользу котораго, повидимому, произведено движеніе, — до этого нѣтъ дѣла людямъ, назначившимъ день взрыва. Демагоги имѣютъ въ виду только свои собственные выгоды, и никакое пожертвованіе не кажется слишкомъ велико человѣку, который не значить ничего и хочетъ быть чѣмъ нибудь! Все, что можно постановить въ принципѣ, ограничивается тѣмъ, что ваше императорское величество удостоили сказать мнѣ сами. Должно приложить къ турецкимъ дѣламъ, точно такъ же, какъ и ко всѣмъ дѣламъ, могущимъ занимать насъ теперь и въ ближайшемъ будущемъ, консервативное начало. Это начало неразрывно со святостью договоровъ. Съ точки зрѣнія политической нѣтъ нужды, кто управляетъ, турки или греки, лишь бы только не господствовала революція и неминуемое ея слѣдствіе — *пропаганда*» *).

Строго держась началъ Священнаго Союза и отдавая должную дань внушеніямъ австрійскаго канцлера, твердившаго объ обязанностяхъ союзныхъ дворовъ охранять миръ и спокойствіе Европы и пугавшаго иностранныя правительства тлетворнымъ дѣйствіемъ всесвѣтной революціи, чтобы лучше устроить дѣла своего неотличавшагося устойчивымъ равновѣсіемъ отечества, императоръ Александръ выразилъ турецкому султану свое сердечное сожалѣніе по поводу происшедшихъ событій и заявилъ, что, «громко и тор-

*) Меморандумъ Меттерниха о греческихъ дѣлахъ отъ 26 апрѣля (8 мая) 1821 года.

жественно осуждаетъ революціонныя движенія, угрожающія новыми несчастіями греческимъ областямъ Турціи *)). Громко осудивъ начинанія грековъ, императорскій кабинетъ кромѣ того передъ лицомъ всего свѣта заявилъ, что отнюдь не будетъ оказывать поддержки врагамъ установленнаго порядка, и предоставитъ Оттоманской Портѣ право по своему усмотрѣнію принять надлежащія мѣры къ обезпеченію собственной безопасности. Александру же Ипсиланти, который въ письмѣ къ государю имѣлъ неосторожность простодушно и откровенно указать на существованіе *тайнаго общества*, преслѣдующаго цѣль освобожденія Греціи, графъ Каподистрія отвѣчалъ по высочайшему повелѣнію слѣдующее: «Получивъ ваше письмо, императоръ испыталъ тѣмъ болѣе скорбное чувство, что всегда цѣнилъ благородство чувствъ, которое вы обнаруживали, находясь въ его службѣ. Императоръ былъ далекъ отъ опасенія, что вы позволите увлечь себя духу времени, который побуждаетъ людей въ забвеніи своихъ главныхъ обязанностей искать блага, достигаемаго только точнымъ исполненіемъ обязанностей религіи и нравственности. Безъ сомнѣнія, человѣку врождено желаніе улучшенія своей участи; безъ сомнѣнія, многія обстоятельства заставляютъ грековъ желать не всегда оставаться чуждыми своимъ собственнымъ дѣламъ; но развѣ они могутъ надѣяться достигнуть этой высокой цѣли путемъ возмущенія и войны междоусобной? Развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнѣніе императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое покровительство договорами, заключенными между Россією и Портою. Теперь эти мирныя выгоды не признаны, законные пути оставлены, и вы соединили свое имя съ событіями, которыхъ его императорское величество никакъ не одобряетъ. Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжества поддержку великаго государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ; на васъ всею своею тяжестью ляжетъ отвѣтственность за предпріятіе, которое могли присовѣтовать только безумныя страсти. Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы отъ императора, ибо

*) Графъ Каподистрія бар. Строганову 26 марта (8 апрѣля) 1821 года.

мы повторяемъ, что недостойно его подкапывать основанія Турецкой имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества. Если вы намъ укажете средства прекратить смуту безъ малѣйшаго нарушенія договоровъ, существующихъ между Россією и Портою, то императоръ не откажется предложить турецкому правительству принять мудрыя мѣры для возстановленія спокойствія въ Молдавіи и Валахіи. Во всякомъ другомъ случаѣ Россія останется только зрительницею событій, и войска императора не тронутся. Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію» *).

Между тѣмъ турки, озлобленные греческимъ возстаніемъ, подавляли его самыми варварскими мѣрами. «Никогда еще—говоритъ Поповъ—турецкое правительство не представляло въ такомъ преувеличенномъ свѣтѣ окружавшихъ его опасностей, какъ узнавъ о дѣятельности греческой гетеріи. Слабое и напуганное, оно вѣрело въ возможность возстанія всѣхъ восточныхъ христіанъ и выдало фирманъ, который прочтенъ былъ во всѣхъ мечетяхъ. Въ этомъ фирманѣ говорилось, что возставшіе греки хотѣли не болѣе ни менѣе, какъ истребить все турецкое населеніе, сжечь флотъ и разрушить всѣ части Константинополя, обитаемыя турками. Порта приглашала всѣхъ мусульманъ взяться за оружіе на защиту отечества и быть готовыми дѣйствовать по первому призыву. Чтеніе столь неблагоразумной прокламаціи возбудило фанатизмъ турокъ противъ христіанъ, и на каждой улицѣ столицы бѣшеная толпа нападала на проходившихъ христіанъ. Даже представители иностранныхъ державъ и европейскіе подданные не были безопасны отъ этихъ фанатиковъ» **). Свирѣпствуя противъ возставшихъ, они безпощадно истребляли грековъ и вообще христіанъ, подчасъ совершенно ни въ чемъ не виновныхъ. Въ Константинополѣ и другихъ городахъ имперіи ежедневно производилась страшная рѣзня и совершались раздирающія душу возмутительныя кровавыя сцены. Тысячи христіанъ были умерщвлены самымъ гнуснымъ образомъ. Казалось все христіанское населеніе

*) Графъ Каподистрія князю Ипсиланти 26 марта (8 апрѣля) 1821 года.

**) Россія и Сербія, ч. I, стр. 170.

Турціи обречено было на погибель. Православная вѣра подвергалась невѣроятнымъ поруганіямъ. Мусульмане врываются въ христіанскіе храмы во время богослуженія и совершали тамъ смертоубійства. Глава греческой церкви — Константинопольскій патріархъ, маститый старецъ Григорій, былъ схваченъ турками въ день Св. Пасхи у алтаря, въ полномъ облаченіи и послѣ мучительныхъ истязаній повѣшенъ вмѣстѣ со многими другими высшими духовными лицами у входа той самой церкви, въ которой священнодѣйствовали... Мусульманскій фанатизмъ въ неменѣе рѣзкой и грубой формѣ проявлялся также въ Молдавіи и Валахіи.

Звѣрское обращеніе мусульманъ съ христіанскимъ населеніемъ Турціи и поруганіе имп православной вѣры вынудили нашего посланника въ Константинополь, бар. Строганова, начать по этому поводу переговоры съ султаномъ *). Но эти переговоры въ скоромъ времени приняли недружелюбный характеръ, вслѣдствіе возникновенія новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ нашего посла съ съ турецкимъ правительствомъ. Въ это время греческіе крейсера затрудняли подвозъ хлѣба въ Константинополь, и диванъ, опасаясь голода въ столицѣ, приказалъ весь приходившій туда изъ Чернаго моря хлѣбъ выгружать въ общественные магазины съ уплатою за него денегъ отъ казны по опредѣленной цѣнѣ; исключеніе сдѣлано было только для англичанъ, корабли коихъ, шедшіе въ Мальту и на Іоническіе острова, тайно пропускались черезъ Босфоръ, а если и разгружались, то за припасы платилось великобританскимъ подданнымъ дороже нежели прочимъ. Вслѣдъ за такимъ распоряженіемъ турецкаго правительства, противорѣчившимъ 31, 32 и 35 статьямъ торговаго трактата, заключеннаго Россіей съ Оттоманскою Портою 10 іюня 1783 года, и вызвавшимъ протестъ со стороны барона Строганова, диванъ подалъ нашему резиденту новый поводъ къ неудовольствію. 21 мая (2 іюня) прибылъ къ устью Босфора русскій пакетботъ, на случай отбытія Строганова изъ Константинополя. Узнавъ объ этомъ, рейсъ-эфенди потребовалъ немедленнаго отплытія нашего судна съ угрозою въ противномъ случаѣ удалить его силою *). Все это вмѣстѣ

*) Нѣкоторыя подробности этихъ переговоровъ см. у Соловьева. Императоръ Александръ Первый, стр. 490—491.

***) Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I въ Россіи въ его время т. VI, стр. 29—30.

ми, арестами и казнями, повторявшимися почти ежедневно, и необыкновенно строгими розысками на русских судах съ цѣлью препятствовать побѣгу грековъ вынудило барона Строганова объявить турецкому правительству, что императорская миссія не можетъ продолжать сношеній съ Портою, и донести своему двору, что Порта начала оскорблять Россію и обращаться съ нашею миссіею высокоумѣрно и презрительно.

«Мой языкъ и особенно моя услуги, оказанныя въ началѣ возстанія, казалось, тронули турокъ — писалъ графу Нессельроде баронъ Строгановъ. Нѣкоторое время турки думали, что я буду содѣйствовать ихъ кровавой и мстительной системѣ дѣйствій относительно грековъ. Но скоро потомъ Порта, убѣждаясь, что Россія *не смѣетъ* объявить ей войну, вообразила, что мы тайно разжигаемъ пламя мятежа. Въ этомъ смыслѣ истолковала она содѣйствіе, оказанное мною несчастнымъ, и убѣжище, которое нашли они во владѣніяхъ его императорскаго величества. Она съ неудовольствіемъ взирала на усилія мои предупредить раззореніе княжествъ и убійства въ столицѣ; она съ досадою выносила мое представленія по поводу оскорбленій, нанесенныхъ христіанской вѣрѣ. Декларация Россіи остановила, на сколько было возможно, общій взрывъ. За благодареніе это намъ заплатили удвоеніемъ жестокости и преступленій; этимъ ослаблены средства защиты грековъ, такъ какъ подавленіе возстанія становится болѣе кровавымъ, чѣмъ когда либо. Кровь христіанская течетъ со всѣхъ сторонъ, и невинные избиваются въ отмщеніе нѣсколькихъ виновныхъ. Покровительственное вмѣшательство въ дѣла княжествъ, обезпеченное за Россіей столькими торжественными договорами, допускается лишь pro forma, въ дѣйствительности же совершенно отстраняется. Меня ищутъ потѣшать пустыми переговорами, тогда какъ оттоманскія войска дѣйствуютъ и предаются неистовствамъ. Съ презрѣніемъ отвергаются предложенія, справедливыя и гораздо болѣе полезныя притѣснителямъ, чѣмъ притѣсняемымъ, ибо еслибъ они и были приняты, то не представили бы достаточныхъ гарантій великодушнымъ намѣреніямъ государя. Забыты услуги, оказанныя императорскою миссіею. Каждое событіе вызываетъ новое оскорбленіе, и мои усилія, направленные къ устраненію всего того, что могло бы задѣть интересы турокъ, не въ состояніи ихъ образумить. Права русскихъ подданныхъ и торговли явно нарушены.

Нашъ флагъ подвергается оскорбленіямъ въ проливахъ, а наши матросы—ранамъ и убійствамъ, и все это оправдывается *радостью и ревностью мусульманскихъ войскъ*. Принимаются мѣры произвольныя и нарушающія наши привилегіи, не испрашивая даже нашего согласія. Входя въ Дарданеллы воспрещается всѣмъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ. Сдѣлаю распоряженіе объ общемъ осмотрѣ судовъ, вопреки смыслу трактатовъ, и не смотря на законныя ограниченія, потребованныя въ моихъ водахъ. Исключительному осмотру подвергаются русскія суда въ Дарданеллахъ и во всемъ Архипелагѣ дабы провѣрить, нѣтъ ли на нихъ военныхъ снарядовъ (на что я согласенъ), а также убѣдиться, не участвуютъ-ли они въ дѣйствіяхъ разбойниковъ и т. п.» *).

Въ виду страшнаго поруганія православной вѣры на Востока, покровительницей которой на основаніи договоровъ считалась Россія, а также вслѣдствіе повѣйшаго нарушенія Портою трактатовъ и ограниченія свободы русской торговли, императоръ Александръ Павловичъ рѣшился выѣхать въ восточныя дѣла и облегчить судьбу грековъ, войдя въ соглашеніе съ Портою. Основанія этого соглашенія изложены были въ отвѣтной нотѣ графа Нессельроде барону Строганову. «Мы не можемъ скрыть отъ себя, — писалъ онъ, — что ходъ событій и особенно ошибки, которыя Порта дѣлаетъ одну за другою, съ самою пагубною поспѣшностью, предвѣщаютъ Турціи близкую и неизбежную катастрофу. вмѣсто того, чтобы подавить революціонный духъ, Порта его распространяетъ; вмѣсто того, чтобы погубить окончательно дѣло революціи, она старается его облагородить; наконецъ, вмѣсто того, что бы доказать греческому народу, что заводчики смуты его оболъщаютъ и вводятъ въ заблужденіе, она всѣми мѣрами доказываетъ ему, что ему больше ничего не остается, кромѣ отчаянія или смерти. Она вооружается не для собственной защиты и безопасности: она нападаетъ на христіанство. Она сама подаетъ знакъ къ безпорядку, призывая на помощь ярость слѣпаго фанатизма; сама уничтожаетъ для себя возможность существовать вмѣстѣ съ христіанскими правительствами, какъ будто греческіе революціонеры заобладаютъ въ ея совѣтахъ-и ведутъ ее къ гибели. Если крайности которыя предаются турки, продолжатся, если въ ихъ владѣніяхъ

*) Баронъ Строгановъ графу Нессельроде 28 мая (9 іюня) 1821 года.

наша святая религія будетъ каждый день предметомъ новыхъ оскорбленій, если они будутъ стремиться къ истребленію греческаго народа, то понятно, что Россія, равно какъ и всякая другая европейская держава, не останется спокойною зрительницею такого нечестія и такихъ жестокостей. Мы не омѣшываемъ : аводчиковъ смуты и ихъ приверженцевъ съ людьми, которыхъ турецкое правительство, въ своей безпокойной свирѣпости, преслѣдуетъ съ такимъ варварскимъ ожесточеніемъ; мы не будемъ оспаривать у Порты права поставить первыхъ въ невозможность исполнить ихъ планы; но Порта должна признать справедливымъ и необходимымъ успокоить вторыхъ. Здѣсь вся трудность. Но Россія, сильная сознаниемъ добра, которое она сдѣлала грѣхамъ, и желаніемъ доставить имъ спокойное пользованіе уступками, необходимыми для ихъ гражданскаго существованія и для ихъ счастья, — Россія будетъ искренно трудиться для полученія этого полезнаго результата, если только турецкое министерство дастъ ей къ тому средства *). Строганову предписывалось предъявить въ этомъ смыслѣ ультиматумъ Портѣ и потребовать на него отвѣта въ восьмидневный срокъ.

Нашъ посоль не замедлилъ исполнить предписаніе своего правительства и 6 (18) іюля 1821 года вручилъ султану ультиматумъ, въ которомъ говорилось, что Порта пренебрегла доброжелательствомъ, умѣренностью и совѣтами Россіи въ дѣлѣ низверженія революціи; что системою своихъ дѣйствій она ставитъ себя во враждебное отношеніе ко всему христіанскому міру; что она можетъ совмѣстно существовать съ прочими европейскими государствами, лишь уважая христіанскую религію, не обрекая на поголовное истребленіе единовѣрнаго имъ народа и не угрожая Европѣ нарушеніемъ мира, купленнаго цѣною столькихъ жертвъ; что Россія можетъ вмѣшаться въ дѣла Турціи на основаніи Кайнарджійскаго и послѣдующихъ договоровъ, предоставляющихъ ей право оказывать покровительство христіанской вѣрѣ на всемъ пространствѣ владѣній Оттоманской Порты, но вмѣсто доказательства своего права вмѣшательства императорскій кабинетъ, защищающій дѣло Европы, предпочитаетъ сослаться на принятое веѣми христіанскими державами обязательство поддерживать общее еди-

*) Графъ Нессельроде барону Строганову 4 (16) іюня 1821 года.

невѣ и безопасность. Далѣе Портъ предъявлялось требованіе возвратить христіанской вѣрѣ всѣ прежнія ея преимущества и даровать ей защиту въ будущемъ, возстановить разрушенныя и разграбленныя церкви, прекратить преслѣдованія невинныхъ, обѣщать миръ и спокойствіе тѣмъ изъ грековъ, которые либо не выходили изъ повиновенія ей, либо принесутъ ей повинную въ извѣстный срокъ, и наконецъ, удалить свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и назначить туда господарей. Въ противномъ случаѣ посольство имѣетъ объявить турецкому правительству отъ имени императора, «что оно само ставитъ себя во враждебное положеніе относительно всего христіанскаго міра, что оно узаконяетъ защиту грековъ, которые отнынѣ будутъ враждовать съ единственною цѣлью избавиться отъ неминуемой гибели, и что въ виду характера, принятаго этою борьбой, Россія будетъ вынуждена дать имъ убѣжище, ибо они подвергаются преслѣдованію, принять ихъ подъ свое покровительство, ибо она имѣетъ на то право, оказать имъ помощь, совместно со всѣмъ христіанствомъ, ибо ей невозможно отдать братьевъ своихъ по вѣрѣ въ жертву слѣпому фанатизму» *).

Для отвѣта на этотъ ультиматумъ былъ назначенъ восьмидневный срокъ. Но Порта въ этотъ срокъ не дала удовлетворительнаго отзыва на русскую ноту **), и баронъ Строгановъ 29 іюня (10 августа) выѣхалъ изъ Константинополя въ Одессу со всѣми чинами посольства.

Послѣ дипломатическаго разрыва Россія съ Турціей полагали, «что императоръ Александръ объявитъ Портъ войну, которая, какъ содѣйствующая освобожденію грековъ, пользовалась бы на этотъ разъ симпатією либеральныхъ партій всей Европы» ***). Но русскій царь къ удивленію цѣлаго свѣта, не сдѣлалъ такого рѣшительнаго шага, несмотря на то, что въ Россіи желали освобожденія грековъ и войны съ Турціей. Чтобы прекратить кровопролитіе на Востоцкѣ, позорившее европейскія правительства передъ всѣмъ христіанскимъ и цивилизованнымъ міромъ, онъ предложилъ союзникамъ уладить

*) Баронъ Строгановъ Портъ 6 (18) іюля 1821 г.

**) На требованіе русскаго правительства—перемѣнить систему дѣйствія, Порта отвѣчала, что эта система вполне естественна и необходима. Подробности объ этомъ см. у Соловьева: „Иператоръ Александръ Первый“ стр. 501—502.

***) Розенъ, Исторія Турціи, часть I, стр. 29.

греческое дѣло вмѣшательствомъ державъ, по общему между ними уговору. Такъ какъ султанъ добровольно не согласится допустить такое вмѣшательство, то предлагалось принудить его къ тому силою. Русскія войска будутъ готовы привести въ исполненіе выработанный планъ умиротворенія Востока, причемъ Россія отказывается отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ относительно Турціи. Предпринятое на такихъ условіяхъ совокупное вмѣшательство, имѣло-бы своимъ слѣдствіемъ поддержаніе Союза и принятой имъ системы, причемъ походъ въ Турцію съ одной стороны не допустить торжества греческой революціи, а съ другой не дать восторжествовать и туркамъ, чтобы воспользоваться своимъ торжествомъ со свойственною имъ жестокостью и опозорить Союзъ, опозорить правительства передъ народами *). Но этого предложенія — говоритъ историкъ Соловьевъ — испугались какъ дара Данаевъ. Мысль впустить русскія войска въ турецкія владѣнія, дать имъ возможность занять Константинополь — эта мысль приводила въ трепетъ. Притомъ тутъ усмотрѣно было противорѣчіе принятой системѣ; въ Италіи войско ходило противъ возмущившихся подданныхъ для восстановленія законнаго правительства, а въ Турціи войско пойдетъ противъ правительства, чтобы заставить его не очень строго поступать съ возмущившимися подданными **).

Выраженное императоромъ Александромъ намѣреніе принять активное участіе въ судьбѣ Греціи особенно сильно встревожило князя Меттерниха, не желавшаго допустить вооруженнаго столкновенія Россіи съ Турціей. Чтобы продлить миръ между этими державами, австрійскій канцлеръ рѣшилъ занять петербургскій кабинетъ бесплодною перепискою объ уясненіи и точномъ опредѣленіи требованій Россіи, которая считаетъ себя оскорбленною и ищетъ удовлетворенія. Такъ какъ требованія эти основывались на трактатахъ, то для того, чтобы протянуть время и дать султану возможность покончить съ греками, въ Вѣнѣ признано было необходи-

*) Предложеніе это изложено было въ депешѣ графа Нессельроде графу Головкину русскому послу въ Вѣнѣ, отъ 22 іюня (4 іюля) 1821 года. Весьма интересныя подробности этой депеши см. у Соловьева въ его сочиненіи: Императоръ Александръ Первый, стр. 495—497.

***) Сочиненія, стр. 304, а также: Императоръ Александръ Первый, стр. 497.

мымъ обратиться къ точному опредѣленію смысла трактатовъ и начать по этому случаю длинные переговоры. Въ то же время, въ виду того, что упорный отказъ въ удовлетвореніи русскихъ требованій могъ вести къ тягостнымъ осложнениямъ и поставить Австрію въ невозможность охранять Турцію, князь Меттернихъ требовалъ отъ султана быть податливѣе относительно частныхъ русскихъ интересовъ, вынудить въ состояніе умовъ въ Европѣ и сойти съ политической почвы въ интересъ Россіи и Европы. Наконецъ, онъ вошелъ въ соглашеніе съ Англіей, которая также желала поддержать миръ между Россіей и Турціей и считала это прямою цѣлью своей восточной политики. Соглашеніе это состоялось осенью 1821 года во время свиданія Меттерниха съ Касльри въ Ганноверѣ, гдѣ было рѣшено прежде всего позаботиться о восстановленіи дипломатическихъ сношеній между Россіей и Портою въ виду того, что греческое возстаніе гораздо болѣе европейское, чѣмъ турецкое дѣло, гораздо болѣе дѣло революціонной партіи въ образованныхъ странахъ Европы, чѣмъ результатъ желанія грековъ свергнуть турецкое иго, и что если революціонная партія, желаетъ изгнанія турокъ изъ Европы, то надобно желать противоположнаго, т. е. сохраненія Турецкой имперіи въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что всякое крупное измѣненіе на политическомъ полѣ Англіею и Австріею признавалось вреднымъ *). Свою дѣятельность въ этомъ направленіи названные державы начали съ того, что Россіи стали выяснять опасность разрыва, а отъ Порты требовать умѣренности и точнаго исполненія трактатовъ.

Напрасно ближайшій совѣтникъ императора Александра старался открыть ему глаза на истинный смыслъ русской политики на Востокъ и на враждебныя намъ дѣйствія союзниковъ, съ обязанностію по отношенію къ которымъ русскій монархъ желалъ согласовать свои права на Востокъ въ дѣлѣ умиротворенія Греціи. Напрасно греческій патріотъ доказывалъ весь вредъ, который можетъ произойти для нашего вліянія на судьбы Востока, если Россія оставитъ грековъ и безучастно предоставитъ ихъ судьбу попеченію европейскихъ дипломатовъ, которые ревностно хлопотали лишь о поддержаніи политическаго равновѣсія въ Европѣ и объ обез-

*) Соловьевъ. Императоръ Александръ Первый, стр. 506.

печенія независимаго существованія Оттоманской Порты. Напрасно доказывалъ онъ, что царь съ самоотверженіемъ и полнымъ забвеніемъ истинно-русскихъ интересовъ приносить въ жертву своей рыцарской идеѣ исконныя начала восточной политики Россіи, требующія энергическихъ мѣръ для возстановленія нарушенныхъ Портою трактатовъ и обезпеченія прочной гарантіи политическихъ и гражданскихъ правъ греческаго народа. Убѣжденія эти не подействовали на императора Александра. Онъ остался вѣренъ Священному Союзу, тѣмъ болѣе что великій князь Константинъ доносилъ изъ Варшавы, что въ Польшѣ начинается волненіе, могущее въ случаѣ турецкой войны превратиться въ открытое возстаніе.

Отыскивая способъ разрѣшенія греческаго вопроса на «почвѣ союза» и желая по возможности ослабить вліяніе лондонскаго двора на рѣшеніе восточнаго вопроса, такъ какъ участіе Англій въ посредничествѣ между Россіей и Портою лишь затрудняло успѣхъ переговоровъ, императоръ Александръ Павловичъ поручилъ уладить дѣло князю Меттерниху. Для совмѣстнаго обсужденія причинъ возникшихъ несогласій между Россіей и Портою, русское правительство въ началѣ 1822 года послало въ Вѣну Татищева, который всѣмъ извѣстенъ былъ своими миролюбивыми тенденціями. Ему было поручено войти въ соглашеніе съ Австріей на основаніи инструкціи, въ которой были нѣсколько смягчены крайнія требованія, прежде предъявленныя Портѣ въ русскомъ ультиматумѣ.

Условія, при которыхъ, по мнѣнію петербургскаго кабинета, могли быть поддержаны дружественныя сношенія между Россіей и Турціей, были сформулированы въ протоколѣ конференціи между Татищевымъ, Головкинымъ и Меттернихомъ, происходившей 12 апрѣля. Въ протоколѣ этомъ было сказано, что «императоръ удовольствуется заявленіемъ, сдѣланнымъ прямо его министерству Портою, что она признаетъ право Россіи, на основаніи договоровъ, требовать неприкосновенности греческой религіи, возобновленія разрушенныхъ церквей и, по отношенію къ возставшимъ грекамъ, справедливаго различенія между невинными и виновными. Предварительно Порта очищаетъ совершенно и немедленно княжества Молдавію и Валахію; временно поручаетъ управленіе этихъ странъ диванамъ подъ предсѣдательствомъ греческихъ каймакамовъ,

избранныхъ Портою по правиламъ, установленныхъ для назначенія господарей; высылаеть уполномоченныхъ для соглашенія съ русскими уполномоченными о мѣрахъ, которыя она, совместно съ Россіей, приметъ для доставленія мирнаго и счастливаго существованія своимъ христіанскимъ областямъ, договорами поставленнымъ подъ покровительство Россіи и плачевными событіями увлекающимся въ бездну революціи. Если Порта не согласится исполнить этихъ требованій, императоръ австрійскій объявилъ ей, что онъ не будетъ помогать ей ни прямо, ни посредственно, и признаеть справедливымъ дѣло Россіи. Для доказательства заводчикамъ смуть европейскихъ, что союзъ между державами крѣпче прежняго, императоръ австрійскій отзоветъ изъ Константинополя своего интернунція и порветъ воѣ сношенія съ Портою, по крайней мѣрѣ ограничится оставленіемъ въ Турціи дипломатическихъ агентовъ для торговли. Относительно грековъ общія мѣры должны состоять въ слѣдующемъ: прекращается война въ возставшихъ областяхъ; Портѣ обезпечивается спокойное обладаніе ими; постановляется, что мирные жители возставшихъ областей и тѣ, которые положить оружіе, будутъ пользоваться религіозною свободою, ихъ имущество, личность и жизнь будутъ находиться подъ постояннымъ и дѣйствительнымъ обезпеченіемъ *).

Но Меттернихъ не подписалъ этого протокола, указывая на то, что Россія по договорамъ не имѣетъ права покровительствовать христіанскимъ областямъ Турціи, которыя теперь возстали противъ власти султана. Въместо подписанія протокола онъ заявилъ, что «столкновеніе между Россіей и Турціей должно рѣшиться или путемъ переговоровъ, или оружіемъ. Въ первомъ случаѣ необходимо соглашеніе съ союзниками относительно основанія и способа, какъ начать переговоры съ Турціей; въ печальномъ случаѣ разрыва императоръ не поколеблется отозвать изъ Константинополя своего представителя и прекратить дипломатическія сношенія съ Портою, но онъ убѣжденъ, что такое рѣшеніе должно быть общее для всѣхъ союзниковъ, для чего уже сдѣланы надлежащія сообщенія кабинетамъ французскому, великобританскому и прусскому» **). Одно-

*) Соловьевъ, назв. соч. стр. 515.

**) Соловьевъ назв. соч., стр. 516.

временно съ этимъ заявленіемъ Меттернихъ передалъ Татищеву обширный меморандумъ (отъ 19 апрѣля 1822 года), въ которомъ, совѣтуя императору Александру строго держаться прежней политической системы, единственно способной гарантировать спокойствіе и миръ въ Европѣ, высказывалъ мнѣніе, что для улаженія восточнаго кризиса надобно требовать отъ дивана немедленнаго очищенія княжествъ и восстановленія въ нихъ прежняго порядка; дарованія въ извѣстный срокъ амнистіи инсургентамъ, на которыхъ со стороны державъ будетъ произведено давленіе къ принятію ея; и назначенія уполномоченныхъ, которые съ представителями Россіи и союзныхъ державъ вступили бы въ переговоры о средствахъ доставить Турецкой имперіи скорый и продолжительный миръ *).

Меморандумъ этотъ, привезенный Татищевымъ въ Петербургъ, былъ переданъ императоромъ Александромъ графу Каподистріи съ порученіемъ изложить свое мнѣніе по этому предмету письменно, въ видѣ доклада, условясь о содержаніи его съ Татищевымъ и графомъ Нессельроде. Признавая необходимымъ приступить къ поинудительнымъ мѣрамъ противъ турокъ, графъ Каподистрія высказался въ томъ смыслѣ, что если государю неугодно прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то лучше принять выжидательное положеніе и объявить союзникамъ, что Россія предоставляетъ имъ самимъ вести переговоры съ Турціей, но если эти переговоры не приведутъ къ полезнымъ послѣдствіямъ, то государь приметъ мѣры, которыхъ, по его мнѣнію, потребуютъ пользы его имперіи. Каподистрія полагалъ, что такая декларация убѣдитъ Австрію и Англію въ рѣшимости русскаго правительства поддержать свои интересы на Востоцѣ и послужить къ благопріятному рѣшенію дѣла несравненно лучше, нежели предлагаемые Меттернихомъ переговоры. Но государь не согласился съ мнѣніемъ Каподистріи и, выразивъ ему неудовольствіе, имѣвшее слѣдствіемъ удаленіе его отъ дѣлъ, приказалъ сообщить вѣнскому двору, что Татищевъ будетъ отправленъ къ нему для открытія съ княземъ Меттернихомъ предварительныхъ переговоровъ, которые будутъ

*) Соловьевъ, назв. соч., стр. 517.

вести самъ государь по прибытіи въ концѣ августа въ Вѣну, куда приглашалъ его австрійскій императоръ *).

Пріездъ императора Александра въ Вѣну состоялся 7 сентября. Здѣсь онъ окончательно втянулся въ усвоенную вѣнскимъ кабинетомъ политику застоя и подъ вліяніемъ князя Меттерниха выразилъ свое благорасположеніе къ Англіи, успѣвшей склонить Турцію къ очищенію Дунайскихъ княжествъ, заявивъ, что дѣйствія великобританскаго правительства никогда не были противны пользамъ Россіи. Наши-же уполномоченные изъявили готовность возобновить дипломатическія сношенія съ Турціей, если она согласится открыть непосредственные переговоры на счетъ ручательства, которыя обезпечивали-бы будущность грековъ, или докажетъ на дѣлѣ уваженіе къ вѣроисповѣданію, состоящему подъ покровительствомъ Россіи, и возстановитъ внутреннее спокойствіе въ Греціи на основаніяхъ, могущихъ успокоить русскаго монарха въ отношеніи судьбы его единовѣрцевъ **).

Не настаивая въ Вѣнѣ на немедленномъ умиротвореніи Греціи, императоръ не рѣшился разомъ покончить съ этимъ вопросомъ и на Веронскомъ конгрессѣ. Здѣсь онъ торжественно заявилъ Шатобриану: «Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русскай, прусской, австрійской; существуетъ только одна политика общая, которая должна быть принята и народами, и государями для общаго счастья. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе — возстаніе Греціи; религіозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Мелопоннеза мнѣ показались признаки революціонные, и я удержался. Чего только не дѣлали, чтобъ разорвать союзъ? Старались внушать мнѣ предубѣжденія, уязвить мое самолюбіе, меня открыто оскорбляли. Очень дурно меня знали, если думали, что мои принципы проистекали изъ тщеславія, могли уступить желанію мщенія. Нѣтъ, я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Должно позволить государямъ заключать явные

*) Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I, в Россіи въ его время, т. VI, стр. 60—62.

**) Нота графа Нессельроде отъ 14 (26) сентября 1822 года въ Вѣнѣ.

союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ. На какую приманку я могу пойти? Нуждаюсь-ли я въ увеличеніи моей имперіи? Провидѣніе дало въ мое распоряженіе 800.000 солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, но чтобъ я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію, чтобъ далъ господство этимъ началамъ порядка, на которыхъ зиждется общество человѣческое *)).

Этимъ мыслямъ императора вполне соответствовала и декларация, прочитанная Татищевымъ въ конференціи уполномоченныхъ 9 ноября (н. ст.) 1822 года. Въ ней говорилось, что Порта старается выставить петербургскій кабинетъ и его агентовъ участниками греческаго возстанія и совершенно не хочетъ обращать вниманія на явные доказательства того, что это несчастное возстаніе есть дѣло секты, навлекшихъ тоже бѣдствіе на Испанію, Португалію, Италію, и готовыхъ возбуждать волненіе всюду, гдѣ появится хотя малая надежда на успѣхъ; что императоръ не переставалъ относиться враждебно къ революціонному дѣлу, что онъ пламенно желалъ возстановленія спокойствія въ Греціи, что онъ продолжалъ содѣйствовать тому вмѣстѣ съ своими союзниками и что многіе изъ русскихъ агентовъ получили отъ турецкихъ чиновниковъ признательность за ихъ поведеніе въ началѣ той революціи, которая теперь выставляется какъ слѣдствіе ихъ происковъ. Далѣе въ нотѣ указывались тѣ условія, на которыхъ могутъ быть возстановлены дипломатическія сношенія Россіи съ Турціей: Турція должна отмѣнить стѣснительныя мѣры, принятыя противъ свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ, и возстановить прежній порядокъ въ Дунайскихъ княжествахъ; что касается до умиротворенія Греціи, то она можетъ вступить въ переговоры съ Россіей и ея союзниками относительно гарантій, которыя имѣютъ получить греки, возвращаясь подъ власть султана, или указать на *рядъ фактовъ*, доказывающихъ, что турецкое правительство уважаетъ религію, поставленную договорами подъ покровительство Россіи, и что оно старается возстановить внутреннее спокойствіе въ Греціи такимъ образомъ, чтобъ Россія могла получить надежду на прочный миръ, могла бы быть довольна участью своихъ единовѣрцевъ, видя, что они получили вѣрные залоговъ счастья и безопасности *)).

*) Соловьевъ, назв. соч., стр. 540.

**) Соловьевъ, назв. соч., стр. 540—541.

Уполномоченные западно-европейскихъ державъ признали умѣренность русскихъ требованій и выразили свое согласіе общими силами способствовать тому, чтобы Порта удовлетворила этимъ требованіямъ. Такимъ исходомъ веронскихъ совѣщаній по восточному вопросу особенно была довольна Австрія. Видя, что императоръ Александръ окончательно оставилъ свои прежнія либеральныя идеи и твердо убѣдился, что проповѣдники свободы и народныхъ правъ порождаютъ только анархію и разстраиваютъ всю европейскую политическую систему, австрійская дипломатія радостно торжествовала свою побѣду надъ воинственной партіей въ Россіи, мечтавшей о вооруженномъ вмѣшательствѣ русскаго народа въ пользу грековъ. Но торжество вѣнскаго двора было непродолжито, такъ какъ, съ одной стороны, вѣкоръ стало извѣстно, что, узнавъ объ отношеніи собравшихся въ Веронѣ государей къ греческой революціи, Порта отказалась удовлетворить русскимъ требованіямъ, а съ другой — ясно обнаружилось, что Англія, до сего времени шедшая въ греческихъ дѣлахъ рука объ руку съ Австріею по единству интересовъ, требовавшихъ, чтобы, Россія была отстранена отъ вмѣшательства въ греческое дѣло и чтобы Турціи дана была возможность собственными средствами подавить возстаніе, теперь отступала отъ этой политики, рѣшивъ воспользоваться неестественнымъ отношеніемъ Россіи къ единовѣрному народу и путемъ поддержки его движенія замѣнить въ Греціи русское вліяніе англійскимъ.

Глава новаго англійскаго министерства, Каннингъ, отличавшійся болѣе либеральнымъ направленіемъ, чѣмъ его предшественникъ, прекрасно понималъ трудности, которыми могло сопровождаться для Англіи отступленіе отъ традиціонной туркофильской политики; но онъ твердо былъ увѣренъ, что Россія не останется праздною зрительницею кровопролитія въ Моревѣ и что въ концѣ концовъ она вмѣшается въ греко-турецкое дѣло, а это въ свою очередь поведетъ къ еще большему усиленію могущества и безъ того страшнаго сѣвернаго «колосса». На основаніи такого рода соображеній въ Лондонѣ было рѣшено принять самое дѣятельное участіе въ освобожденіи Греціи, и такъ какъ Россію нельзя было окончательно отстранить отъ греческаго дѣла, то великобританское правительство хотѣло по крайней мѣрѣ не дать ей здѣсь

первенствующаго мѣста, замѣнить ее своимъ вліаніемъ и тѣмъ самымъ показать грекамъ и всей Европѣ, что освобожденіе Элады есть дѣло Англіи, а не Россіи. Въ этихъ видахъ новый англійскій министръ оказалъ грекамъ содѣйствіе въ дѣлѣ заключенія съ Англіей займа 800,000 ф. ст. и призналъ дѣйствительною блокаду турецкихъ портовъ греческими судами. Что же касается до Турціи, то Странфордъ въ апрѣлѣ 1823 года было предписано внушить оттоманскому правительству, что Англія не можетъ быть равнодушна къ положенію грековъ, въ продолженіи вѣковъ стонавшихъ подъ игомъ варварства, и что поэтому она требуетъ, чтобы Порты исполнила обѣщанія данныя ею министрамъ союзныхъ державъ; въ противномъ случаѣ дружественныя отношенія между Турціею и Англіею будутъ нарушены *).

Либеральная политика Каннинга придава новыя силы грекамъ и упрочила среди нихъ вліаніе Англіи; въ тоже время она вынудила Турцію уступить русскимъ требованіямъ, кромѣ относящихся до Греціи. Но проявленная подъ вліаніемъ Англіи уступчивость турецкаго правительства не могла удовлетворить Россію, которая соглашалась на возобновленіе сношеній съ Портою не иначе какъ по исполненіи ею всѣхъ нашихъ требованій по греческому дѣлу. Въ виду этого петербургскій кабинетъ, потерявшій терпѣніе въ веденіи ни къ чему не ведущихъ переговоровъ, въ обсужденіи теоретическихъ соображеній и составленіи различныхъ примирительныхъ плановъ, выступилъ съ такого рода предложеніемъ относительно условій и способа прекращенія кровопролитія въ Греціи. Въ пространномъ меморандумѣ объ умиротвореніи Греціи графъ Нессельроде заявилъ, что «Россія не можетъ равнодушно видѣть продолженія порядка вещей, который парализуетъ ее торговлю и вредитъ самымъ дорогимъ ея интересамъ. Другія союзныя государства, конечно, не имѣютъ такихъ важныхъ побужденій, но будетъ-ли и съ ихъ стороны политично и великодушно не положить конца бѣдствіямъ Греціи и Турціи? Союзники считаютъ священною обязанностію содѣйствовать сохраненію общаго мира; но этого мира не будетъ, пока идетъ борьба у Порты съ Мореею и островами Архипелажскими, пока здѣсь господ-

*) Соловьевъ, назв соч., стр. 543.

ствуесть революція и анархія. Не будетъ мира матеріально, потому что далеко еще до окончанія борьбы; не будетъ мира и нравственнаго, потому что борьба эта порождаетъ въ Европѣ во всѣхъ умахъ безпокойство, которое грозитъ опасностію. Союзные дворы. однимъ своимъ единодушіемъ придавили препятствія, безъ того неодолимыя, свергли съ престола похитителя и разрушительнаго генія завоеваній, удержали бичъ военныхъ революцій, возстановили общественный порядокъ на его древнихъ основаніяхъ: такъ неужели теперь они откажутся отъ одного изъ естественныхъ слѣдствій своей системы и не увѣнчаютъ своихъ успѣховъ, которыми стяжали себѣ признательность настоящаго и будущаго? Люди благонамѣренные поражены будутъ такою перемѣною и должны будутъ упрекать союзниковъ въ недостатокъ постоянства и мужества. Съ другой стороны, революціонеры, изгнанные изъ государствъ, гдѣ они сумѣли соединить слабость съ измѣною, перенесутъ всю свою гибельную дѣятельность въ Грецію, дадутъ здѣсь торжество своимъ разрушительнымъ ученіямъ и, быть можетъ, успѣютъ ввести въ заблужденіе народы, обвиняя Союзъ въ стремленіи отдать Грецію подъ власть анархическую и варварскую и поставить на одну ливію магометанство и религію христіанскую. Излишне исчислять всѣ вредныя послѣдствія такихъ заблужденій. Они отнимутъ духъ у друзей добра и наполнятъ радостию сердца заводчиковъ смуты, которые рассчитываютъ на бѣдствія человечества. Союзу необходимо, слѣдовательно, уяснить свои истинныя намѣренія, показать, что всюду онъ успѣлъ установить миръ; для этого онъ долженъ спѣшить приведеніемъ къ счастливому концу переговоровъ, иначе часть Европы будетъ страдать отъ продолжительнаго кровопролитія, и нельзя будетъ установить прочныхъ отношеній между Россією и Портою». Желая содѣйствовать счастливому исходу дѣла и полагая, что турки никогда не согласятся признать политическую независимость Греціи подъ какими бы то ни было формами, а греки съ своей стороны не захотятъ войти относительно Порты въ положеніе, бывшее до войны, русскій кабинетъ предлагалъ образовать на материкѣ Греціи три княжества: восточную Грецію—изъ Фессаліи, Беотіи и Аттики; западную Грецію—изъ прежняго Венеціанскаго берега, Эпира и Акарнавіи; и южную Грецію—изъ Мореи и острова Кандіи. «Что

касается до острововъ Архипелага, то имъ можно дать муниципальное управленіе. Порта сохранить верховную власть надъ странюю; она не будетъ посылать туда ни пашей, ни губернаторовъ, но будетъ получать ежегодную дань; однимъ словомъ, отношенія будутъ тѣже самыя, въ какихъ Порта находится къ Молдавіи и Валахіи. Представителемъ греческихъ княжествъ и острововъ въ Константинополѣ будетъ тамошній патріархъ, который будетъ пользоваться покровительствомъ международнаго права *)).

Разсылая къ иностраннымъ дворамъ свой меморандумъ, петербургскій кабинетъ предложилъ великимъ державамъ — Англіи, Австріи, Франціи и Пруссіи открыть въ Петербургѣ конференцію и здѣсь согласовать мнѣнія всѣхъ державъ и даже самой Порты. Конференція собралась въ іюнь 1824 года, но не привела ни къ какимъ результатамъ, благодаря неискренности нашихъ западныхъ союзниковъ, и главнымъ образомъ Англіи и Австріи, изъ которыхъ первая, желая принять выжидательное положеніе, замѣшкала присылкою своего уполномоченнаго, а вторая, — имѣя въ виду затянуть переговоры до конца кампаніи 1824 года, когда греческое возстаніе навѣрное будетъ подавлено, старалась устранить европейское вмѣшательство въ греческое дѣло. Къ тому же, предложеніями русскаго правительства одинаково были недовольны, какъ турки, такъ и греки. Въ этой робкой попыткѣ императорскаго кабинета приступить къ разрѣшенію греческаго вопроса Порта увидѣла незаконное вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла и потому напередъ отказывалась подчиняться рѣшеніямъ дипломатіи. Что касается до Греціи, то временное правительство ея протестовало противъ русскихъ предложеній на томъ основаніи, что видѣло въ нихъ позорное иго для греческаго народа. Чтобы избѣжать этого ига, оно обратилось даже съ просьбою къ Каннингу о томъ, чтобы Англія помогла грекамъ въ ихъ дѣлѣ точно такъ же, какъ помогала испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ.

Прерванныя въ іюнь 1824 года, совѣщанія конференціи возобновились снова въ февралѣ 1825 года, безъ участія англійскаго уполномоченнаго, который заявилъ, что Англія можетъ идти лишь на предложенія, пріятныя какъ Турціи, такъ и грекамъ, между тѣмъ

*) Меморандумъ графа Нессельроде отъ 28 декабря 1823 г.; см. Соловьевъ, назв. соч. стр. 544—546.

жавъ къ русскому меморандуму одинаково несочувственно относился какъ Греція, такъ и Порты. Но конференція и на этотъ разъ почти не привела ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ Австрія принимала участіе въ совѣщаніяхъ съ явною цѣлью вмѣшательствъ дѣлу, а Франція и Пруссія боялись всякихъ рѣшительныхъ мѣръ, способныхъ привести къ войнѣ съ Турціей. При такихъ условіяхъ на конференціи лишь могло быть постановлено, то что представители союзныхъ дворовъ въ Константинополѣ попытаются убѣдить Порту въ необходимости допустить принципъ вмѣшательства великихъ континентальныхъ державъ для прекращенія смуты на Востокѣ, сдѣлають съ этою цѣлью устныя и конфиденціальныя представленія рейсъ-эфенди, докажутъ ему необходимость и выгоды этого вмѣшательства *)).

Само собою разумѣется, что Порты рѣшительно отвергла вмѣшательство державъ въ ея отношенія къ Греціи. Но еще прежде полученія этого отвѣта петербургскій кабинетъ обратился къ вѣнскому, парижскому, и берлинскому дворамъ съ запросомъ о томъ, что они намѣрены предпринять въ случаѣ отказа Порты допустить вмѣшательство континентальныхъ державъ, и получилъ отъ нихъ увѣдомленіе, что они не согласны на употребленіе какихъ-нибудь принудительныхъ мѣръ противъ Порты. Такой отвѣтъ союзниковъ въ связи съ пріостановкой Порты въ удовлетвореніи русскихъ требованій открылъ глаза императору Александру относительно той роли, какую играли въ восточномъ вопросѣ вѣнскій и лондонскій дворы, и онъ рѣшился усвоить себѣ совершенно иной образъ дѣйствій въ этомъ вопросѣ. Убѣдившись въ невозможности рассчитывать на западно-европейскіе кабинеты въ дѣлѣ умиротворенія Греціи, государь заявилъ, что онъ болѣе не будетъ вступать съ ними ни въ какія соглашенія по дѣламъ Востока и пойдетъ здѣсь путемъ, который соответствуетъ прямымъ интересамъ Россіи и ея достоинству. При этомъ нашимъ посламъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ было повелѣно въ разговорахъ съ княземъ Меттернихомъ и Кланнингомъ вовсе не упоминать о восточномъ вопросѣ, а въ случаѣ запроса отвѣчать, что «отнынѣ Россія будетъ исключительно преслѣдовать свои виды и руководствоваться собствен-

*) Соловьевъ, назв. соч., стр. 552.

ными интересами *)). Слова эти—говоритъ Татищевъ—не были пустой угрозой. Въ умѣ государя была рѣшена война съ Турціей **).

Это было 6 (18) августа 1825 года. Но уже 19 ноября Александръ Благословенный скоропостижно скончался, не успѣвъ даже приступить къ выполнению своего предсмертнаго рѣшенія двинуть русскія войска за предѣлы имперіи для защиты нарушенныхъ правъ Россіи на Востокъ и для спасенія единоувѣрнаго намъ греческаго народа, погибавшаго въ кровопролитной борьбѣ съ своими вѣковыми угнетателями — турками.

*) Графъ Нессельроде Татищеву 6 (18) августа 1825 г.

***) Высшая политика императора Николая Перваго. стр. 13-

ГЛАВА VIII.

Восточная политика императора Николая I въ первые годы его царствованія.

Общая программа восточной политики императора Николая при его воцареніи: отграниченіе защиты нарушенныхъ правъ Россіи на Востока отъ разрѣшенія греческаго вопроса.—Планъ рѣшенія послѣдняго.—Миссія герцога Веллингтона въ началѣ 1826 года и ея неудача.—Ультиматумъ русскаго правительства отъ 24 марта 1826 года.—Неожиданность его для Оттоманской Порты и старанія князя Меттерниха заставить турецкаго султана исполнить требованія Россіи.—Подтверженіе правъ Россіи на Востокъ.—Анкерманская конвенція 25 сентября 1827 года.—Значеніе этой конвенціи и мнѣніе о ней Генца.

Императоръ Николай I, по вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ, что во внѣшней политикѣ будетъ строго держаться началъ, установленныхъ его августѣйшимъ предшественникомъ. Но въ то же время онъ пояснилъ, что считаетъ себя вправѣ дѣйствовать совершенно независимо отъ своихъ союзниковъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся непосредственно пользы и достоинства Россіи*). А польза и достоинство русскаго государства въ то время страдали на Востока, и молодой императоръ, высказывая свою политическую программу, въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду именно отношенія Россіи къ Турціи. Дѣла на Востока давно уже требовали отъ русскаго правительства рѣшительнаго шага. Вялость и нерѣшительность нашей восточной политики, объяснявшаяся въ Константинополѣ слабостью Россіи, наносила чувствительный ударъ ея правамъ и вліянію на Востока. Полагаясь на увѣренія своихъ доброжелателей, что русское правительство ни въ какомъ случаѣ не предприметъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для умиротворенія

*) Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 14.

Востока, Порты не только не дѣлала въ пользу Россіи самыхъ необходимыхъ и разумныхъ уступокъ, но и упорно продолжала нарушать обязательства, возложенныя на нее прежде заключенными съ нами договорами: она держала свои войска въ княжествахъ и распоряжалась тамъ произвольно, вопреки существовавшимъ на этотъ счетъ постановленіямъ; отказывалась признать права Сербіи, выговоренныя для нея по Бухарестскому трактату, и не хотѣла покончить споры о прибрежныхъ пунктахъ на Черномъ морѣ и дать вознагражденіе за убытки, понесенные нашею торговлею *). Съ другой стороны, «силы греческаго возстанія видимо изнурялись, средства истощались, и православнымъ грекамъ оставался лишь выборъ между окончательнымъ истребленіемъ, возвращеніемъ подъ ненавистное иго мусульманъ или отдачей себя подъ покровительство Англій, правительство коей, руководимое Каннингомъ, одно оказывало имъ нѣкоторое сочувствіе и поддержку, разумѣется, не безкорыстныя **).

При изысканіи мѣръ, которыми можно было бы такъ или иначе упорядочить наши запутавшіяся и осложнившіяся отношенія къ Оттоманской Портѣ русскому правительству — говорить Теокистовъ — предстояло выбирать одно изъ двухъ: или примириться съ положеніемъ, которое было создано для него на Востокъ недоброжелательствомъ Порты и вознями европейскихъ державъ, или же употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы настоять на своихъ требованіяхъ и восстановить свое законное вліяніе. Останавливаться на первомъ изъ этихъ предположеній, конечно, не было никакого основанія, такъ какъ «если бы Россія допустила его, то утратила бы разомъ все свое обаяніе въ глазахъ народностей, которыя только на нее привыкли постоянно возлагать свои надежды; греки были-бы раздавлены; турки, обольщенные успѣхомъ, сдѣлались-бы еще менѣе сговорчивы относительно русскаго правительства, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ оно все-таки не избѣгло бы войны, но вынуждено было бы вести эту войну при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, не имѣи вовсе союзниковъ и давъ возможность укрѣпиться Портѣ ***). Въ виду всего этого импе-

*) Теокистовъ. Русская политика на Востокъ передъ Крымской войной. Русск. Вѣстн. 1868 г. № 1, стр. 27.

***) Татыщевъ, назв. соч., стр. 186.

***) Назв. ст., стр. 27—28.

раторъ Николай, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, вознамѣрился дать самое энергическое направленіе своей восточной политикѣ.

Многочисленныя причины несогласій Россіи съ Турціей онъ подраздѣлилъ на двѣ части, въ одну изъ коихъ сгруппировалъ всѣ произведенныя турецкимъ правительствомъ нарушенія обязательствъ, возложенныхъ на Порту нашими съ нею договорами, а въ другую поставилъ вопросъ греческій. Что касается до умиротворенія Греціи, то государь, подобно своему предшественнику, признавалъ этотъ вопросъ дѣломъ общеевропейскимъ и потому объявилъ, что греко-турецкое столкновение можетъ быть улажено совокупнымъ вмѣшательствомъ Европы. Несогласіе же Россіи съ Оттоманскою Портою, вытекавшее изъ нарушенія послѣднее принятыхъ на себя обязательствъ, — то, что считалъ Николай чисто русскимъ вопросомъ —, по его мнѣнію, должно было быть рѣшено непосредственно самою Россіей, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ ея союзниками. При этомъ, при безпрекословномъ выполненіи Портою требованій Россіи, основанныхъ на договорахъ, императоръ надѣялся разрѣшить мирнымъ путемъ и греческій вопросъ, по соглашенію съ великими европейскими державами; въ противномъ же случаѣ, онъ былъ готовъ начать войну съ Турціей, чтобы силою оружія возстановить нарушенныя права Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ умиротворить Грецію согласно человѣколюбивымъ видамъ своего покойнаго брата и предшественника. Этотъ планъ умиротворенія Греціи такъ излагалъ графъ Нессельроде въ депешѣ къ Татищеву: «Во всѣхъ фазахъ переговоровъ, относящихся ко вмѣшательству, на необходимость котораго для умиротворенія Греціи императоръ Александръ постоянно указывалъ, согласнымъ желаніемъ его союзниковъ было, чтобы Россія могла быть поставлена въ Константинополь на одну линію съ другими державами — посредницами и чтобы она могла обнаруживать полезное вліяніе. Императоръ Николай имѣетъ въ виду это желаніе; союзники легко признаютъ, что система, имъ принятая, доставитъ всѣ средства достигнуть въ этомъ отношеніи результатовъ, которыхъ требуетъ религія, человѣколюбіе и интересы Европы. Если диванъ, какъ мы надѣемся, исполнитъ наши требованія, то нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ случаѣ оттоманская политика со-

вершено измѣнится и, присоединяя свои усилія къ усиліямъ державъ, занятыхъ умиротвореніемъ той части европейской Турціи, гдѣ теперь свирѣцствуетъ бичъ истребительной войны, Россія ускорить успѣхъ этого благороднаго предпріятія своимъ вліяніемъ, которое получитъ вслѣдствіе блистательнаго удовлетворенія Портою ея требованіямъ. Если же, напротивъ, диванъ принудитъ императора прибѣгнуть къ войнѣ, то рѣшенія его императорскаго величества, принятая въ этомъ смыслѣ, также будутъ содѣйствовать умиротворенію Греціи. Греческій вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть всегда рѣшенъ по желанію императора Александра, или обдуманнѣмъ вмѣшательствомъ, или вслѣдствіе энергическихъ рѣшеній, которыя принуждена будетъ принять Россія *)).

Такова была въ общихъ чертахъ программа восточной политики императора Николая. Увѣренія его о миролюбіи, однако, встрѣтили въ кабинетахъ мало вѣры по отношенію къ греко-турецкимъ дѣламъ. Тамъ думали, что молодой государь «не позволитъ связать себя цѣпями меттерниховскихъ идей и что, напротивъ, онъ услышитъ крикъ своего народа о войнѣ въ пользу страдающихъ единовѣрныхъ братьевъ въ Турціи тѣмъ скорѣе, что облегченія, оказанныя грекамъ Англіею, уже возбуждали опасенія, что другія державы могутъ предупредить Россію въ отношеніи помощи грекамъ **). Неизвѣстностью политическихъ намѣреній императора Николая особенно тревожилась Англія, заинтересованная въ восточныхъ дѣлахъ по своимъ многоразличнымъ сношеніямъ съ Левантомъ. Чтобы не потерпѣть тутъ никакого ущерба, она поспѣшила по дѣламъ Востока вступить въ соглашеніе съ петербургскимъ кабинетомъ. Для переговоровъ по этому предмету въ началѣ 1826 года пріѣхалъ въ Петербургъ герцогъ Веллингтонъ подъ предлогомъ принесенія императору поздравленій со вступленіемъ его на престолъ. Ватерлооскому герою было поручено отклонить императора Николая отъ войны съ Турціей и убѣдить его принять посредничество Англіи какъ въ собственныхъ несогласіяхъ Россіи съ Портою, такъ и въ греческомъ вопросѣ. Но Веллингтонъ съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Петербургѣ увидѣлъ, что не можетъ исполнить возложеннаго на него порученія. «Я рѣ-

*) Соловьевъ. Сочиненія, стр. 310.

***) Розенъ, Исторія Турціи, СПб. 1872 г., ч. I, стр. 31.

шился — сказалъ ему императоръ — идти по стопамъ своего брата. Императоръ Александръ передъ смертью принялъ формальное рѣшеніе войною получить удовлетвореніе, котораго не могъ достигнуть дипломатическимъ путемъ. Россія еще не ведетъ войны съ Портою; во дружественныя сношенія прерваны между обѣими странами, и я не сдѣлаю ни шага назадъ, когда дѣло будетъ идти о чести моей короны» *). Посредничество Англіи въ русско-турецкомъ дѣлѣ было отклонено, и Веллингтонъ, задача котораго состояла въ томъ, чтобы отвратить разрывъ между Россіей и Портою, началъ представлять императору Николаю, что Россія не имѣетъ достаточно важныхъ поводовъ къ войнѣ съ турками. Но въ это время русскій курьеръ уже привезъ въ Константинополь нашъ ультиматумъ, посланный султану безъ вѣдома представительней иностранныхъ державъ.

Не желая сразу прибѣгать къ какимъ либо крутымъ мѣрамъ и заботясь объ удержаніи за собой безусловной свободы дѣйствій во всѣхъ вопросахъ, непосредственно касающихся русскихъ интересовъ, императорскій кабинетъ, помимо посредничества великихъ державъ, вступилъ въ переговоры съ Портою относительно русско-турецкихъ несогласій. Предпринимая этотъ рѣшительный и важный шагъ, онъ никого не просилъ даже о поддержкѣ своихъ требованій, а лишь заявилъ, что европейскія державы вольны представить султану необходимость удовлетворить Россію безусловно и безотлагательно **). Не менѣе энергично было поступлено съ самою Портою. Императоръ Николай, — говорилось въ нотѣ петербургскаго кабинета, — обоудивъ внимательно положеніе дѣлъ, убѣдился, что неисполненіе Портою сдѣланныхъ ей въ теченіе пяти лѣтъ предостереженій побуждаетъ Россію для обезпеченія собственныхъ интересовъ употребить мѣры, какія неоспоримо находятся въ ея распоряженіи. Чтобы однако не отступить отъ указаннаго его предшественникомъ пути и въ тоже время дать Портѣ доказательство своей дружбы и умѣренности, государь еще разъ приглашаетъ диванъ приложить стараніе къ тому, чтобы загладить допущенное посягательство на права и честь Россіи. Въ этихъ видахъ требова-

*) Соловьевъ. Сочиненія, стр. 306.

**) Циркуляръ гр. Нессельроде представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ 17 (29) марта 1826 г.

лось исполненіе слѣдующихъ трехъ пунктовъ. Порта должна была: 1) вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ, опредѣленный въ договорахъ и существовавшій до 1821 г., когда вслѣдствіе волненій въ княжествахъ, она произвела одностороннія и противорѣчащія трактатомъ перемѣны; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ, задержанныхъ въ Константинополѣ, и даровать сербскому народу всѣ тѣ преимущества, которыя выговорены въ его пользу 8-ю статьею Бухарестскаго трактата; и 3) отправить своихъ уполномоченныхъ къ русской границѣ для возобновленія переговоровъ, веденныхъ бар. Строгановымъ съ 1816 по 1821 годъ по поводу русско турецкихъ отношеній, и для заключенія новаго соглашенія, «которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей». Всѣ эти требованія Порта должна была исполнить въ шестинедѣльный срокъ со дня предъявленія нашего ультиматума, подъ угрозой оставленія Константинополя русскимъ посломъ*).

Этотъ «грознаый ультиматумъ» — говоритъ историкъ Соловьевъ — «упалъ какъ съ неба на Порту... Извѣстіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ императора Николая, подавало ей надежду на внутреннія волненія въ Россіи, которыя не дадутъ ея государю возможности думать о внѣшней войнѣ: и вдругъ громовой ударъ разразился съ той стороны, съ которой его въ все не ожидали» **). Первый добрый и пріятельскій совѣтъ смущенной Портѣ поспѣшилъ подать австрійскій канцлеръ, князь Меттернихъ. Греческое возстаніе поставило его въ тяжелое положеніе, нарушивъ дорогой для него принципъ общей борьбы европейскихъ правительствъ противъ возставшихъ подданныхъ. «Во всякомъ другомъ случаѣ, — говорилъ онъ, — государства были обязаны передъ европейскимъ миромъ и правомъ помочь султану противъ грековъ; но тутъ религія удержала ихъ отъ этого: они не могли помогать грекамъ безъ нарушенія основъ международнаго права и не могли противъ нихъ сражаться безъ нарушенія религіозныхъ интересовъ. Страдательное положеніе здѣсь было самое цѣлесообразное. Россія первая отняла у державъ выгоду положенія. Она взяла себѣ въ

*) Мянчаки Портѣ 24 марта (5 апрѣля) 1826 г.

**) Сочиненія, стр. 307.

голову, будто вмѣшательство во что бы то ни стало составляетъ для нея необходимость, и такъ какъ она не могла дѣйствовать на грековъ, то устремила свою дѣятельность на Порту». На первое время эту дѣятельность удалось, однако, удержать, но тутъ измѣнилась вдругъ Англія! Образъ дѣйствій императора Николая понравился въ Вѣнѣ. Меттерниху чрезвычайно пріятно было рѣзкое разграниченіе, сдѣланное императоромъ между двумя вопросами: русско-турецкимъ и греческимъ. Ему дали знать о словахъ императора Николая посланцѣмъ Франціи, Англіи и Пруссіи: «Дѣло Россіи есть дѣло исполненія договоровъ, а не поддержка возстанія, противнаго праву. Россія будетъ стараться покончить первое дѣло; если же другія государства захотятъ вмѣшаться во второе, то Россія можетъ принять участіе въ ихъ мудрыхъ совѣтахъ; но для этого ея отношенія съ Портою должны быть одинаковы съ отношеніями другихъ державъ». Изъ Петербурга австрійскому канцлеру дано было знать также и о томъ, что когда одного вліятельнаго русскаго сановника и ревностнаго защитника грековъ спросили, какъ онъ думаетъ, что будетъ, если султанъ исполнитъ русскія требованія?—то тотъ отвѣтилъ, что «тогда все пропало!»*).

Въ надеждѣ на то, что императоръ Николай единолично не вмѣшается въ греческое дѣло, если Оттоманская Порта не вынудитъ его къ войнѣ своимъ нежеланіемъ возстановить и обезпечить нарушенныя права Россіи, австрійскій канцлеръ предписалъ своему интернунцію въ Константинополь, барону Оттенфельсу, сообщить рейсъ-эфенди, что вѣнскій дворъ считаетъ съ своей стороны обязанностью дружбы и добраго сосѣдства подать султану совѣтъ удовлетворить требованіямъ русскаго правительства въ виду той пользы, которая произойдетъ отъ этого для Оттоманской Порты, и той для нея опасности, которая будетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отказа**). Во избѣжаніе непосредственнаго вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Турецкой имперіи, которой въ случаѣ войны съ могущественнымъ сѣвернымъ сосѣдомъ, предсказывали серьезную опасность, вмѣстѣ съ Австріей и другія европейскія державы воззвали къ уступчивости турецкихъ министровъ, совѣтуя согласиться на ультиматумъ императора Николая. Увѣщанія предстали

*, Назв. соч., стр. 307.

**) Князь Меттернихъ барону Оттенфельсу 2 (14) апрѣля 1826 г.

вителей европейских державъ и страхъ за собственное существованіе въ виду сосредоточенія на берегахъ Прута русскихъ войскъ—подѣйствовали на Порту, сначала невысказывавшую готовности удовлетворить требованіямъ петербургскаго кабинета. Она приняла ультиматумъ Россіи, и въ Аккерманѣ, небольшомъ пограничномъ мѣстечкѣ, уже 1 (13) іюля 1826 года были открыты переговоры между русскими и турцами уполномоченными.

Цѣлью аккерманскихъ переговоровъ — говоритъ г. Татищевъ — «было прійти къ соглашенію по вопросамъ, обсуждавшимся между барономъ Строгановымъ и Портой съ 1816 по 1821 годъ и вытекавшихъ изъ неясности нѣкоторыхъ постановленій Вунурештскаго трактата. Султанъ не утвердилъ тайной статьи его, обезпечивавшей намъ извѣстныя преимущества на кавказскомъ берегу Чернаго моря, а мы, въ свою очередь, приостановились выводомъ нашихъ войскъ изъ трехъ укрѣпленныхъ пунктовъ на этомъ побережьѣ: Онакрия, Сухума и Редуть-Кале, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не отвоены у турокъ, а уступлены намъ мѣстными владѣтелями. Порта настаивала на возвращеніи ей этихъ мѣстностей, мы же жаловались на неправильное разграниченіе по Дунаю, на невведеніе условленнаго порядка въ Дунайскихъ княжествахъ и въ Сербіи, на стѣсненіе нашей торговли, на морскіе разбои варварійцевъ, на неудовлетвореніе исковъ и претензій русскихъ подданныхъ. Всѣ эти спорные вопросы имѣли быть разрѣшены въ Аккерманѣ» *). Благодаря нашей настойчивости и энергіи и внутреннимъ безпорядкамъ, господствовавшимъ въ Турціи, султанъ оказалъ необыкновенную уступчивость по отношенію къ русскимъ требованіямъ, разсчитывая въ своемъ умѣ скорѣе выполнить задуманныя реформы и устранить всякія столкновенія съ сосѣдними державами, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ Греціи для подавленія продолжавшагося тамъ возстанія. Вълѣдствіе уступчивости Порты уже 25 сентября 1826 года въ Аккерманѣ былъ подписанъ турецкими уполномоченными русской проектъ конвенціи, безъ всякихъ измѣненій, несмотря на всѣ представленія рейсъ-эффенди, который говорилъ: «насъ приглашали для переговоровъ, а послѣ трехъ незначительныхъ совѣщаній ставить ультиматумъ на остріе меча; право,

*) Назв. соч., стр. 150—151.

это особый способ переговариваться. Россія не совѣщается, а просто предписываетъ условія *)).

Во введеніи къ Аккерманской конвенціи говорилось, что цѣлью заключенія ея было «отвратить на будущее время всякіе поводы къ несогласіямъ и облегчить точное исполненіе какъ Бухарестскаго, такъ и всѣхъ предшествовавшихъ ему трактатовъ, соблюденіе которыхъ только и можетъ служить ручательствомъ въ продолжительности и прочности благополучно существующаго мира между Россіей и Оттоманской Портой». За этимъ введеніемъ въ 8-ми статьяхъ конвенціи и двухъ отдѣльныхъ актахъ, составляющихъ приложение къ ней, были изложены постановленія, касавшіяся интересовъ Россіи, Дунайскихъ княжествъ и Сербіи.

Въ отношеніи Россіи по Аккерманской конвенціи Порта обязалась: 1) подтвердить во всей силѣ Бухарестскій мирный трактатъ (ст. 1); 2) принять нашу разграничительную черту на Дунаѣ и въ точности исполнять «условія, постановленныя по этому поводу конференціею 21 августа 1817 года» (ст. 2); 3) оставить за нами спорныя мѣстности на восточномъ берегу Чернаго моря (ст. 4); 4) въ полтора года удовлетворить искъ русскихъ подданныхъ и вознаградить ихъ за потери, причиненныя варварійскими корсарами и самимъ турецкимъ правительствомъ во время разрыва между Россіей и Портой въ 1806 году и въ другихъ подобнаго рода слѣчаяхъ (ст. 6); и наконецъ 5) обезпечить наши торговые интересы на Востокъ, для чего турецкое правительство должно было: а) употребить всѣ зависящія отъ него мѣры «для отнятія у корсаровъ Варварійскихъ правительствъ возможности, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, обезпокоивать русскую торговлю и мореплаваніе»; въ случаѣ же какого либо съ ихъ стороны правонарушенія, Порта должна была позаботиться о вознагражденіи русскихъ подданныхъ; б) предоставить нашему торговому флоту свободно совершать рейсы въ турецкихъ водахъ, «не полагая никакихъ преградъ свободному плаванію купеческихъ судовъ подъ русскимъ флагомъ во всѣхъ безъ исключенія моряхъ и иныхъ водахъ, принадлежащихъ Оттоманской имперіи»; в) согласно 1, 31 и 35-ой статьи торговаго трактата 1783 года дать русскимъ

*) Бутковскій, назв. соч., ч. I, стр. 192.

купцамъ право безпрепятственной торговли на всемъ пространствѣ Турецкой имперіи, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, не исключая и Константинопольскаго пролива, и дозволить русскимъ торговымъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ и другими жизненными припасами, по прибытіи въ этотъ проливъ, перегружать свои товары на другія русскія и иностранныя суда для вывоза ихъ за предѣлы владѣній Блистательной Порты; и наконецъ, г) дозволить Россіи открыть Черное море для торговли всѣхъ дружественныхъ съ нею народовъ и принять ее подъ свою охрану, «такъ чтобы ввозъ иностранныхъ произведеній въ Россію и вывозъ русскихъ товаровъ не встрѣчали никакихъ препятствій». (ст. 7).

Таковы права, предоставленныя Россіи по Аккерманской конвенціи. Важность ихъ очевидна сама собою. Но еще важнѣе постановленія этой конвенціи относительно христіанскихъ областей Турціи. Ими императоръ Николай окончательно закрѣпилъ за Россіей право покровительствовать Молдавіи, Валахіи и Сербіи и возстановилъ ихъ нарушенныя права и привилегіи, подтвердивъ и точнѣе опредѣливъ принципы Бухарестскаго трактата, оставленныя Портою безъ примѣненія.

Относительно Молдавіи и Валахіи въ Аккерманской конвенціи было постановлено, что Блистательная Порта будетъ охранять права и преимущества, дарованныя ихъ населенію предшествовавшими трактатами и подтвержденныя 5-ю статьею Бухарестскаго договора, и что *въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ ратификаціи этой конвенціи* она возобновитъ гатти-шерифы 1802 года, «въ коихъ сіи дарованныя Молдавіи и Валахіи особыя права подробно означены и утверждены». Сверхъ того договаривающимися державами признано было необходимымъ названныя гатти-шерифы 1802 года дополнить постановленіями, внесенными въ отдѣльный актъ, составляющій одно цѣлое съ Аккерманскою конвенціей. (ст. 3). Въ этомъ «отдѣльномъ актѣ» опредѣлялся порядокъ назначенія и смѣны господрей, права ихъ и ихъ дивановъ, численность турецкой стражи, извѣстной подъ названіемъ Бешлиевъ, возвращеніе владѣльцамъ земель, отобранныхъ подъ турецкія крѣпости, опредѣленіе размѣра ежегодныхъ податей и повинностей, съ освобожденіемъ жителей отъ уплаты ихъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, преимущества мѣстныхъ бояръ, составленіе уставовъ управленія кня-

жествами. Русскій посоль въ Константинополѣ, а консулъ въ княжествахъ получаютъ право слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ условій. Огносительно назначенія и смѣны господарей въ актѣ постановлено, что они отнынѣ будутъ назначаться изъ среды мѣстныхъ придворныхъ бояръ, а избираться съ согласія и разрѣшенія Блистательной Порты отдѣльно въ Молдавіи и Валахіи общимъ собраніемъ дивана, сообразно съ древнимъ обычаемъ края. Время или срокъ управленія господарей остается прежній, а именно: семь лѣтъ со дня окончательнаго назначенія. До истеченія этихъ семи лѣтъ они не могутъ быть отрѣшены отъ власти. Если-же во время управленія они сдѣлаются виновными въ какомъ нибудь преступленіи, то Порта обязана извѣстить о томъ русскаго посланника, и только въ случаѣ, когда по совмѣстному изслѣдованію обѣими сторонами признано будетъ, что господа, дѣйствительно, виноваты, только въ этомъ одномъ случаѣ можно отрѣшить ихъ отъ власти. Такимъ образомъ, безъ согласія Россіи Порта не могла до истеченія срока отрѣшать господарей отъ управленія. Съ своей стороны господа обязывались «принимать со вниманіемъ и уваженіемъ представленія посланника его императорскаго величества, а равно и всѣ представленія, кои по его предписанію будутъ дѣлаемы отъ русскихъ консуловъ», какъ относительно исполненія основныхъ законовъ, «такъ и относительно сохраненія иныхъ правъ и преимуществъ сего края, особенно же во всемъ томъ, что касается до соблюденія положеній и условій, означенныхъ въ этомъ отдѣльномъ актѣ.

Что касается до Сербіи, то въ Аккерманской конвенціи было постановлено, что турецкое правительство немедленно приведетъ въ исполненіе всѣ опредѣленія VIII статьи Бухарестскаго трактата «касательно народа сербскаго, который, будучи издревле подданнымъ Блистательной Порты и платя ей дань, имѣетъ во всякомъ случаѣ полное право на ея милость и великодушіе». Сверхъ того Порта обязывалась выработать «вмѣстѣ съ депутатами сербскаго народа мѣры для утвержденія и обезпеченія за нимъ всѣхъ дарованныхъ ему привилегій»... Постановленія объ этихъ мѣрахъ должны быть «составлены въ Константинополѣ съ согласія сербской депутаціи и со всѣми подробностями внесены въ высочайшій фирманъ, который будетъ утвержденъ гатти-шерифомъ и приведенъ въ

исполненіе» въ теченіе восемнадцатимѣсячнаго срока. Фирманъ этотъ долженъ быть сообщенъ русскому императорскому двору. (ст. 5). Главныя основанія будущаго устройства Сербіи изложены были во второмъ «отдѣльномъ актѣ», приложенномъ къ Аккерманской конвенціи. Въ этомъ актѣ говорится, что «Блистательная Порта, руководствуясь единственно намѣреніемъ свято исполнять постановленія VIII статьи Бухарестскаго договора, предъ симъ уже дозволила сербскимъ депутатамъ въ Константинополѣ представить себѣ требованія ихъ народа о всемъ, наиболѣе нужномъ для утвержденія безопасности и благосостоянія страны. Вслѣдствіе этого депутаты изъявили въ своемъ прошеніи нѣкоторыя изъ желаній сербскаго народа относительно свободы богослуженія, выбора начальниковъ, независимости внутренняго управленія, возвращенія отторгнутыхъ отъ Сербіи округовъ, соединенія разныхъ податей въ одну, предоставленія сербамъ управлять имѣніями, принадлежащими мусульманамъ, съ условіемъ доставлять доходы оныхъ вмѣстѣ съ данью, свободы торговли, дозволенія сербскимъ купцамъ путешествовать по областямъ оттоманскимъ съ ихъ собственными паспортами, учрежденія больницъ, училищъ, типографій и, наконецъ, запрещенія мусульманамъ, кромѣ принадлежащихъ къ гарнизонамъ, поселяться въ Сербіи». Удовлетворенію всѣхъ означенныхъ требованій сербскаго народа помѣшали въ свое время лишь непредвидѣнныя обстоятельства. Однако, имѣя «твердое намѣреніе даровать сербскому народу привилегіи, обѣщанныя 8-ю статьею Бухарестскаго договора», Блистательная Порта рѣшила обсудить нынѣ «вмѣстѣ съ сербскими депутатами вышеизложенныя желанія вѣрноподданнаго народа, равно принять во вниманіе и всѣ другія требованія, которыя ей могутъ быть представлены отъ сербской депутаціи и не будутъ противны обязанностямъ подданныхъ Оттоманской имперіи». Въ заключеніе Порта обязывалась уведомить «русскій императорскій дворъ о томъ, что будетъ сдѣлано въ исполненіе VIII статьи Бухарестскаго договора и сообщить оному фирманъ, утвержденный гатти-шерифомъ, коимъ будутъ дарованы привилегіи сербамъ» *).

*) Конвенція, заключенная въ Аккерманѣ 25 сентября 1826 г., и два отдѣльныхъ акта, приложенныхъ къ ней; Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 58—70, а также Пол. Соб. Заг. № 620.

Вотъ въ общихъ чертахъ постановленія Аккерманской конвенціи. Значеніе ихъ говоритъ само за себя. Благодаря твердости государя и неумению исполнителей его воли, конвенція эта разъяснила, дополнила и исправила Бухарестскій договоръ, расширила льготы Молдавіи, Валахіи и Сербіи и обезпечила за Россіей ея преобладающее вліяніе на Востокъ, приобретенное рядомъ войнъ и освященное временемъ. Цѣнность воѣхъ одѣланныхъ Россіей приобрѣтений по Аккерманской конвенціи въ значительной степени увеличивалась еще и тѣмъ, что они не стоили ей «ни одного рубля, ни одной капли русской крови», такъ какъ иностранныя державы «употребили все свое вліяніе на Порту, чтобы склонить ее къ подчиненію нашимъ требованіямъ», въ виду «страха, внушаемаго имъ нашимъ могуществомъ, и опасенія за самое существованіе Оттоманской имперіи, въ случаѣ возникновенія войны между нею и Россіей» *).

При всей твердости и энергіи императора Николая въ дѣлѣ обезпеченія интересовъ своей державы на Востокъ, заключеніемъ Аккерманской конвенціи ему не удалось, однако, привести Турцію къ такому соглашенію съ Россіей, при которомъ можно было бы надѣяться на упроченіе мирныхъ отношеній съ Оттоманской имперіей. Порта безусловно приняла русскія требованія только благодаря своему тогдашнему, почти отчаянному положенію между греческимъ возстаніемъ и бунтомъ янычаръ. Понятно, что «эта вынужденная подчиненность не ручалась за будущее, и уже во время заключенія конвенціи всякій мыслящій человекъ въ Константинополѣ ясно видѣлъ, что при такихъ условіяхъ миръ можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока силы султана будутъ слишкомъ слабы въ сравненіи съ его планами. **). Кромѣ того, Аккерманская конвенція вызвала по отношенію къ Россіи чувство зависти и злобы при иностранныхъ дворахъ, и особенно въ Вѣнѣ, какъ это можно заключить изъ письма Генца къ Оттенфельсу: «Вы легко вообразите, мой дорогой другъ,—писалъ онъ,—какое впечатлѣніе на меня произвели неожиданные результаты Аккерманской конференціи. Вы знаете строгость моихъ принциповъ,

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 151.

***) Розенъ, назв. соч., стр. 38.

мой страхъ передъ всякимъ злоупотребленіемъ силы, вы знаете то искреннее участіе, которое я принималъ въ прочности и безопасности Оттоманской Порты. Признаюсь вамъ, что поведеніе русскихъ въ этомъ дипломатическомъ походѣ поразило меня въ сердце; ничего не бывало болѣе насильственнаго и болѣе вѣроломнаго даже въ дипломатическихъ актахъ Наполеона и его достойныхъ сподвижниковъ». Генцъ выходилъ изъ себя главнымъ образомъ потому, что Англія поддерживала Россію и что эти державы, по его предположенію, несомнѣнно сдѣлаютъ новую и сильную попытку добиться умиротворенія Греціи.

ГЛАВА IX.

Русско-турецкая война 1828—1829 годовъ и постановленія Адрианопольскаго трактата.

Соглашеніе Россіи съ Англіей по греческому вопросу и петербургскій протоколъ 23 марта 1826 года. — Отрицаніе султаномъ права посторонняго вмѣшательства въ греко-турецкое дѣло. — Присоединеніе Франціи къ англо-русскому соглашенію и Лондонскій договоръ 27 іюня 1827 года. — Коллективная нота представителей союзныхъ державъ. — Отвѣтъ на нее со стороны Порты. — Мирная миссія князя Меттерниха. — Наваринскій бой. — Отношеніе къ нему Европы. — Неудачный исходъ новой попытки Россіи достигнуть умиротворенія Греціи путемъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Англіей и Франціей. — Негодованіе султана на Россію и русско-турецкая война 1828—1829 годовъ. — Цель, которую поставило себѣ русское правительство, начиная эту войну. — Торжество русскаго оружія. — Рѣшеніе тайнаго комитета и общія замѣчанія о немъ. — Адрианопольскій миръ 2 (14) сентября 1829 года и постановленія Адрианопольскаго трактата. — Значеніе этихъ постановленій и отношенія къ нимъ западной Европы.

Предположенія относительно политики императора Николая, высказанныя Генцомъ — этимъ вѣрнымъ выразителемъ чувствъ европейской дипломатіи, а можетъ быть и всего европейскаго общества, — сбылись. Мирнымъ путемъ заставивъ Порту уважать права Россіи на Востокъ, Николай Павловичъ, слѣдуя своей политической программѣ, перешелъ къ вопросу объ умиротвореніи Греціи.

Выше было сказано, что вмѣшательство Россіи въ кровавую распрю Оттоманской имперіи съ возставшими греками было необходимо чисто по политическимъ соображеніямъ, помимо побужденій челоувѣколюбія и естественнаго сочувствія къ единовѣрцамъ. Пользуясь тѣмъ, что Россія не принимаетъ участія въ судьбахъ Греціи, великобританское правительство, постоянно оказывало ей матеріальную и нравственную поддержку, результатомъ чего было то, что народное собраніе въ Навплии 20 іюля (1 августа) 1825 года поставило «вѣлейнодъ вольности, независимости

и политическаго существованія греческаго народа подъ неограниченный покровъ Великобританіи *)). Хотя Англія и отклонила предложенный ей протекторатъ надъ Греціей, тѣмъ не менѣе Каннингъ, какъ извѣстно, вступилъ въ сношенія съ вожаками возстанія и предложилъ англійское посредничество въ дѣлѣ примиренія съ Портой.

Между тѣмъ рѣшеніе греческаго вопроса путемъ общеевропейскаго соглашенія, какъ того желалъ петербургскій кабинетъ, не подвигалось впередъ. Австрія, домогавшаяся возстановленія на Востокѣ status quo въ томъ видѣ, какъ было передъ первымъ взрывомъ греческаго возстанія, не допускала понудительныхъ мѣръ по отношенію къ Турціи подѣ предлогомъ глубокаго уваженія верховныхъ правъ султана. Франція и Пруссія готовы были принять предложенныя нами мѣры лишь при согласіи на нихъ вѣнскаго двора. Англія же совершенно отрицала за континентальными державами право вмѣшательства въ греко-турецкую распрю и оправдывала собственное посредничество просьбой грековъ. Отклоняя вмѣшательство европейскихъ державъ въ греко-турецкое дѣло, Австрія и Англія преслѣдовали своекорыстныя цѣли. Въ Вѣнѣ отъ души желали, чтобы Портѣ удалось нѣсколькими удачными ударами подавить возстаніе. Что же касается Англіи, то цѣлью ея политики было упроченіе своего вліянія въ Греціи въ ущербъ Россіи. Въ видахъ достиженія этой цѣли, и устраненія всякой опасности, грозившей «европейскому равновѣсію» отъ единоличнаго вмѣшательства императора Николая въ греко-турецкое дѣло, Англія признала даже необходимымъ войти въ соглашеніе съ петербургскимъ кабинетомъ по восточному вопросу, дабы стѣснить его свободу дѣйствій, тяготѣть надъ всѣми его намѣреніями и рѣшеніями и уладить распрю Россіи съ Портой прежде, чѣмъ она приметъ на себя починъ, могущій повести къ союзу съ Греціей и къ войнѣ съ Турціей.

Какъ сказано выше, весною 1826 года въ Петербургъ прибылъ герцогъ Веллингтонъ, которому спеціально было поручено вступить въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ по восточнымъ дѣламъ. Россія рѣшительно отказалась допустить постороннее

*) Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 154.

посредничество въ дѣлѣ о нарушеніи нашихъ договоровъ съ Портой. Что же касается до замиренія Греціи, то предложенія Англіи относительно совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія греческаго дѣла были приняты императоромъ Николаемъ, такъ какъ этотъ вопросъ онъ считалъ общезвропейскимъ вопросомъ. Соглашеніе по греческому дѣлу между двумя дворами быстро состоялось, и 23 марта (4 апрѣля) 1826 года въ Петербургѣ былъ подписанъ протоколъ, имѣвшій цѣлью замиреніе Греціи путемъ совмѣстнаго посредничества Россіи и Англіи. На основаніи этого протокола Англія, поддерживаемая Россіей, должна была предложить Портѣ свое посредничество для примиренія грековъ съ турецкимъ правительствомъ и требовать для Греціи приблизительно такого же отношенія къ Турціи, въ какия поставлена была къ ней Сербія. По соглашенію между Англіей и Россіей греки имѣли оставаться подъ верховною властью Оттоманской Порты и платить ей умѣренную дань въ размѣрѣ, опредѣленномъ разъ навсегда по общему соглашенію; они должны управляться властями, избранными самимъ народомъ и утвержденными Портой, пользоваться независимостью внутренняго управленія, полною свободою вѣроисповѣданія и торговли; чтобы достигнуть окончательнаго отдѣленія отъ Турціи, греки обязаны за извѣстный выкупъ, по одинокъ, приобрести въ собственность земли мусульманскихъ владѣльцовъ, какъ въ Моревѣ, такъ и на островахъ. Эти условія рѣшено было положить въ основаніе примиренія Турціи съ возставшими греками даже въ томъ случаѣ, если бы она отказалась отъ предложеннаго посредничества. Въ протоколѣ постановлено было, что если предложенное посредничество не будетъ принято, то все таки ихъ величества будутъ держаться означеннаго соглашенія, какъ основанія для примиренія Порты съ греками, которое должно совершиться при ихъ участіи, общемъ или единичномъ, и воспользуются всѣми благоприятными обстоятельствами для воздѣйствія своего вліянія на обѣ стороны, съ цѣлью привести ихъ къ примиренію на упомянутыхъ основаніяхъ». Оба кабинета предоставляютъ себѣ право принять въ послѣдствіи надлежащія мѣры какъ для выясненія подробностей настоящаго соглашенія, такъ и для опредѣленія границъ между Греціей и Турціей. Россія и Англія отказываются отъ всякихъ выгодъ въ свою пользу. Онѣ «не будутъ нести никакого увели-

ченія своихъ владѣній, никакого исключительнаго вліянія и никакихъ торговыхъ выгодъ для своихъ подданныхъ, которыя не могли бы принадлежать подданнымъ каждаго другого государства». Наконецъ, Россія и Англія, не желая устранить другія державы отъ участія въ окончательномъ рѣшеніи греческаго вопроса, выразили намѣреніе конфиденціально сообщить содержаніе петербургскаго протокола 23 марта 1826 года кабинетамъ вѣискому, берлинскому и парижскому и предложить имъ совместно съ Россіей и Англіей гарантировать окончательное соглашеніе о примиреніи между Турціею и Греціею *).

Какъ только былъ подписанъ петербургскій протоколъ и Порта приняла русскія требованія въ Анкерманѣ, императорское правительство приступило къ рѣшенію греческаго вопроса въ смыслѣ англо-русскаго соглашенія. Прежде всего было сдѣлано представленіе на счетъ положенія грековъ союзнымъ континентальнымъ державамъ, изъ которыхъ Франція уже въ январь 1827 года обратила вниманіе Порта на содержаніе англо-русскаго договора. Затѣмъ 10 марта русскій и англійскій послы въ Константинополь вручили Портѣ промеморію, содержащую въ себѣ требуемыя для эллиновъ уступки. Но султанъ, сильно вознегодовавъ на сдѣланное ему предложеніе, съ крайнею гордостью и надменностью наотрѣвъ отказался допустить содѣйствіе Россіи и Англіи въ рѣшеніи греко-турецкаго дѣла. На требованія Стратеорда Каннинга рейс-эфенди отвѣчалъ, что султанъ по закону божественному, по праву завоеванія и по торжественному признанію отъ всѣхъ державъ, есть законный государь областей, находящихся теперь въ возмущеніи, и потому никогда не признаетъ ни за какимъ иностраннымъ дворомъ права вмѣшиваться между нимъ и его возмущившимися подданными; такъ какъ Порта не вмѣшивается во внутреннія распри Англіи съ ирландскими католиками, то надѣется, что и Англія удержится отъ вмѣшательства въ греческій мятежъ. На представленія Рибоьера, что миръ и дружба, возобновленные между Россіей и Портою въ Анкерманѣ, могутъ утвердиться окончательно только съ умиротвореніемъ Греціи, которое одно

* Петербургскій протоколъ 23 марта (4 апрѣля) 1826 года. Мартенет. Собраніе трактатовъ, т. XI, стр. 341—343.

обезпечить миръ въ Европѣ, — рейсъ-эфенди выразилъ удивленіе, что Россія теперь ставитъ миръ и дружбу между обѣими имперіями въ зависимость отъ греческихъ дѣлъ, тогда какъ въ Аккерманѣ она заявляла, что не предъявитъ никакихъ требованій относительно грековъ. При этомъ рейсъ-эфенди добавлялъ, что «ни угрозы, ни оружіе не заставятъ Порту отказаться отъ рѣшенія не допускать посторонняго вмѣшательства, и если этотъ вопросъ подастъ поводъ къ перерыву дружественныхъ отношеній между обѣими имперіями, то Порта и тутъ не переменитъ своего рѣшенія; она знаетъ страшныя силы Россіи, знаетъ, что не можетъ бороться съ нею; но оттоманы предпочитаютъ скорѣе удалиться въ Азію, чѣмъ допустить принципъ, разрушающій верховную власть и независимость, именно принципъ вмѣшательства державы между государемъ и его возмущившимися подданными!» *)

Дѣлая представленія въ Константинополь, Россія и Англія въ то же время пытались привлечь Австрію, Пруссію и Францію къ содѣйствію въ вопросѣ объ умиротвореніи Греціи на основаніи Петербургскаго протокола 23 марта 1826 года. Но нѣмецкія державы, подъ вліяніемъ Меттерниха, оспаривавшаго у христіанскихъ государствъ право прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ противъ султана, отказались присоединиться къ этому протоколу. Въ апрѣльскомъ договорѣ австрійскій канцлеръ видѣлъ «плачевную работу», имѣвшую цѣлью незаслуженно оскорбить Священный Союзъ защитою мятежа и возстанія и совершить политическое преступленіе противъ Австріи. Кроме того, будучи убѣжденъ въ привязанности императора Николая къ Союзу, въ его нерасположеній къ Англіи и въ безусловномъ требованіи коллективнаго вмѣшательства всѣхъ державъ въ греческое дѣло, Меттернихъ предполагалъ, что петербургскій протоколъ «останется бумагой безъ значенія», что Россія и Англія въ дальнѣйшемъ ходѣ событій очутятся въ потемкахъ и непремѣнно столкнутся въ мнѣніяхъ относительно послѣдующихъ мѣръ. Не такъ отнеслась къ апрѣльскому договору Франція, которой не нравилась связь между Россією и Англією. Она приняла предложеніе ихъ правительствъ, и три великія державы, основываясь на Петербургскомъ протоколѣ, 24 іюня

*) Соловьевъ. Сочиненія, стр. 341—315.

(6 июля) 1827 года подписали въ Лондонѣ новый договоръ, опредѣлявшій мѣры союзниковъ къ улаженію греко-турецкаго дѣла.

Въ этомъ актѣ три великія державы подтверждали положеніе, принятое ими, какъ представительницами интересовъ Европы и человѣчества. Выразивъ убѣжденіе «въ необходимости положить конецъ кровавой борьбѣ, которая, подвергая греческія области и архипелагскіе острова всѣмъ безчестиямъ анархіи, создаетъ съ каждымъ днемъ все новыя препятствія для торговли европейскимъ государствамъ и вмѣшываетъ пиратство, которое не только причиняетъ значительныя убытки ихъ подданнымъ, но и требуетъ принятія обременительныхъ мѣръ надзора и репрессіи», и упомянувъ объ обращеніи грековъ къ посредничеству Англіи и Франціи, — державы, въ предисловіи къ подписанному ими договору, заявили о томъ, что «для прекращенія кровопролитія и предупрежденія бѣдствій, которыя повлекло бы за собой продолженіе такого порядка вещей, рѣшились соединить свои усилія и опредѣлить ихъ дѣйствія формальнымъ трактатомъ въ видахъ возстановленія мира между борющимися сторонами путемъ соглашенія, требуемаго столько же *чувствомъ человеколюбія, сколько и интересомъ спокойствія Европы*». За этимъ вступленіемъ въ договоръ 27 іюня 1827 года слѣдовало подтвержденіе всѣхъ статей Петербургскаго протокола 1626 года, а въ особой секретной статьѣ были наложены мѣры, установленныя державами для приведенія въ исполненіе этого договора. Въ секретной статьѣ этой три договаривавшіяся державы постановляли что въ случаѣ, если Оттоманская Порта откажется признать въ теченіе одного мѣсяца предложенное ей посредничество, то ей будетъ объявлено: 1) что такъ какъ *«неудобства и бѣдствія, указанныя въ трактатѣ, находятся въ неразрывной связи съ порядкомъ вещей, который существуетъ на Востокъ уже шесть лѣтъ, а прекращенія этого порядка при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ Высокая Порта, повидимому можно ожидать еще не скоро, то высшія договаривавшіяся стороны считаютъ необходимымъ принять немедленно мѣры къ сближенію съ греками»* посредствомъ вступленія съ ними въ торговыя сношенія, и назначеніемъ къ нимъ и принятіемъ отъ нихъ консульскихъ агентовъ; 2) если Порта или греки, или обѣ стороны вѣстѣ не примутъ въ теченіе одного мѣ-

сяца предложеннаго имъ перемирія, то договаривающіяся державы объявятъ отказавшейся сторонѣ, что онѣ «сообща примутъ въ мѣры, какія будетъ возможно, для немедленнаго фактическаго установленія желаемаго ими перемирія», не принимая впрочемъ участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ воюющихъ сторонъ, а лишь препятствуя столкновеніямъ между ними; въ этомъ смыслѣ будутъ немедленно даны инструкціи адмираламъ европейскикъ эскадръ въ моряхъ Леванта; наконецъ 3) если и эти мѣры окажутся недостаточными и Оттоманская Порта все-таки откажется принять предложенія договаривающихся державъ, или греки не согласатся на выговоренныя въ ихъ пользу условія, то державы *все-таки будутъ продолжать даль замиренія* на основаніяхъ, установленныхъ ими по взаимному соглашенію, и поэтому онѣ уполномочиваютъ своихъ представителей въ Лондонѣ «согласиться насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ, какія могутъ оказаться необходимыми» *).

Вслѣдъ за подписаніемъ Лондонскаго трактата 1827 года союзныя державы потребовали отъ султана прекращенія варварской войны съ несчастной Греціей на условіяхъ этого договора. 16-го августа (в. с.) представители Россіи, Франціи и Англіи передали рейсъ-эфенди коллективную ноту, въ которой говорилось, что союзныя державы въ продолженіи шести лѣтъ старались склонить Порту къ миру съ Греціей; но старанія ихъ оставались безплодными; между тѣмъ затянувшаяся истребительная война повела за собой, съ одной стороны, страшныя бѣдствія для человѣчества, а съ другой, потери, ставшія нестерпимыми для торговли всѣхъ народовъ; въ виду этого дворы: французскій, англійскій и русскій сочли своею обязанностью предложить султану свое посредничество въ спорѣ съ греками, чтобы положить конецъ войнѣ и установить будущія отношенія между Греціей и Турціей. Вслѣдствіе заключеннаго между ними договора они предлагаютъ турецкому правительству прежде всего перемиріе съ греками, ожидая отвѣта на это предложеніе въ пятнадцатидневный срокъ и предупреждая, что въ случаѣ новаго отказа, или отвѣта уклончиваго и недостаточнаго, или совершеннаго молчанія, прибѣгнуть къ средствамъ, которыя со-

*) Лондонскій трактатъ 24 іюня (6 іюля) 1827 г., заключенный между Россіей, Англіей и Франціей относительно умиротворенія Греціи. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ, т. XI, стр. 355—362.

туть самыми дѣйствительными для прекращенія положенія, несовмѣстимаго съ истинными интересами Порты, съ безопасностью торговли и спокойствіемъ Европы *).

Но эта коллективная нота не достигла своей цѣли. На предложенія союзныхъ державъ рейсъ-эфенди 30 августа (н. с.) отвѣтилъ полнымъ отказомъ, который мотивировать тѣмъ, что уступчивость Порты относительно взбунтовавшихся ея подданныхъ побудить другихъ подвластныхъ ей христіанъ, оставшихся покойными, требовать льготъ и для себя и что дарованіе привилегированнаго положенія райямъ было бы равносильно образованію государства въ государствѣ. Послы, однако, до 10 сентября дожидались болѣе удовлетворительнаго отвѣта отъ Порты и, не получивъ отъ нея къ этому сроку новаго оффиціального сообщенія, отправили приказаніе союзной эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ дѣйствовать по указаніямъ Лондонскаго трактата. **).

Упорство Порты объяснялось поведеніемъ австрійскаго интернунція и взаимными отношеніями союзныхъ державъ, измѣнившимися послѣ внезапной смерти Каннинга. (8 августа н. с.) «По увѣренію вѣскихъ кружковъ, — говоритъ г. Вутковскій, — каждый изъ союзниковъ усмотрѣлъ при этомъ возможность выкинуть за бортъ іюльскій договоръ. Изъ разговоровъ, которые имѣлъ въ Теплицѣ Меттернихъ съ французскимъ посломъ ла-Фероне, возвращавшимся изъ Петербурга, онъ создалъ себѣ убѣжденіе, что русскій и французскій кабинеты раздѣляютъ взгляды Австріи, что царь строилъ свои восточные планы на дѣятельности Каннинга и вслѣдствіе его смерти увидалъ себя безъ прочныхъ основаній, что войну онъ будетъ вести лишь въ крайнемъ случаѣ. Въ Лондонѣ лордъ Дэдлей высказалъ Эстергази, что Англія не можетъ уже отступить и Порта должна, вслѣдствіе торжественнаго обязательства трехъ державъ, склониться къ уступчивости; но Австрія можетъ выказать дѣятельность въ Константинополѣ для того, чтобы упрямство Порты не повело съ крайностями»***). Всѣ эти извѣстія были весьма пріятны для канцлера, и онъ вознамѣрился

*) Соловьевъ, назв. соч. стр. 317; а также Розенъ, назв. соч. стр. 46 — 47.

***) Ульяницкій. Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права. Русск. Вѣст. 1877 года, № 12, стр. 576.

***) Сто лѣтъ австрійской полетики въ восточномъ вопросѣ, ч. I, стр. 201—202.

даже взять въ свои руки разрѣшеніе греческаго вопроса, ставъ посредникомъ между Турціей и союзными державами, подписавшими июльскій договоръ; въ этомъ смыслѣ онъ отправилъ (3 октября 1827 года) Оттенфельсу инструкцію, въ которой говорилось: «Затрудненія настоящаго положенія лежатъ въ двухъ фактахъ, очевидно, несогласимыхъ: въ революціонномъ движеніи, прямо или косвенно угрожающемъ цѣлости Турецкой имперіи, и въ томъ, что Порта не обладаетъ достаточными средствами для усмиренія движенія. Безъ сомнѣнія, она успѣла бы подавить возстаніе, если бы первоклассныя державы Европы оставались въ теченіе этихъ лѣтъ спокойными. Но прошлаго воротить нельзя: лондонскій договоръ существуетъ, и ультиматумъ трехъ державъ есть совершившійся фактъ; теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобы предотвратить крупное столкновеніе. Австрійскій кабинетъ не намѣренъ предлагать средства для успокоенія Греціи; это есть вопросъ, значенія котораго никто не отрицаетъ. На первомъ планѣ стоитъ политическое соперничество державъ, посредничества которыхъ Порта не допускаетъ. Разлученіе враждебныхъ элементовъ является въ подобномъ случаѣ первымъ условіемъ успѣха. Порта можетъ въ дружественной формѣ обратиться къ вѣнскому кабинету, давъ ему поводъ объяснитья съ союзниками; однимъ словомъ, приобрести право на добрыя услуги Австріи» *).

Эта депеша, пришедшая въ Константинополь 20 октября, произвела благопріятное впечатлѣніе на Оттоманскую Порту. Великій визирь тотчасъ же написалъ князю Меттерниху письмо въ желательномъ для него смыслѣ. Но въ то время, какъ турецкое правительство изливало свои искреннія чувства признательности къ вѣнскому двору, союзная эскадра Россіи, Франціи и Англіи 8 (20) октября напала на турецко-египетскій флотъ въ Наваринской гавани и истребила его къ концу, послѣ чего французы высадились въ Морѣ для подкрѣпленія грековъ.

Грозный Наваринскій бой, бывший необходимымъ слѣдствіемъ Лондонскаго трактата, послѣ того какъ Порта официально отказалась отъ прекращенія военныхъ дѣйствій, нанесъ сильный ударъ

*) Князь Меттернихъ барону Оттенфельсу 21 сентября (8 октября) 1827 г. Бутковскій, назв. соч., ч. I, стр. 202.

Турции и подорвалъ въ самомъ корнѣ мирную миссію князя Меттерниха. Когда извѣстіе о полнѣйшей гибели турецко-египетскаго флота дошло до Константинополя, рейсъ-эфенди ногою отъ 9 ноября 1827 года потребовалъ отъ пословъ трехъ союзныхъ державъ: 1) вознагражденія за окончательно уничтоженный флотъ; 2) удовлетворенія за нарушение ими нейтралитета и 3) воздержанія отъ всякаго вмѣшательства союзныхъ державъ въ греко-турецкое дѣло. Послы рѣшительно отвергли требованія Оттоманской Порты въ виду того, что начало битвы было положено турецкимъ флотомъ, а покровительство грекамъ вытекало изъ союзнаго договора, имѣвшаго цѣлью умиротвореніе Востока*), и выѣхали изъ Константинополя послѣ того, какъ султанъ отказался возобновить прежніи дипломатическія сношенія съ послами союзныхъ державъ, отправить къ своимъ войскамъ приказаніе о немедленномъ установленіи перемирія и официально заявить, что какъ только греки представятъ султану составленное въ приличныхъ выраженіяхъ прошеніе, имъ будутъ дарованы права и преимущества, указаныя въ Лондонскомъ трактатѣ **).

Разрывъ дипломатическихъ сношеній между Оттоманской Портой и союзными дворами исчерпывалъ всѣ санкціонированныя ими средства умиротворенія Греціи, но умиротвореніе это не было достигнуто. Интересы союзниковъ требовали обсудить новыя понудительныя мѣры противъ турецкаго султана, послѣ того какъ прежде установленныя оказались недостаточными. Выступая на Лондонской конференціи съ предложеніемъ этихъ новыхъ мѣръ, петербургскій кабинетъ счелъ нужнымъ прежде всего успокоить Европу, которая послѣ наваринскаго погрома заговорила о гигантскихъ замыслахъ русской политики, о стремленіи Россіи разрушить царство полу-мѣсяца и завладѣть самымъ Константинополемъ. Въ депешѣ князю Левину отъ 25 декабря 1827 года (6 января 1828 г.) графъ Нессельроде по приказанію императора Николая писалъ, что государь будетъ твердо держаться договора 6 іюля и не отступить ни передъ какими препятствіями для приведенія его въ исполненіе,

*) Рибоьеръ, Стратеордъ Каннингъ и Гильомино Портъ 10 ноября 1827 года.

***) Инструкція Рибоьера, Стратеорда Каннинга и графа Гильомино драгменалъ трехъ посольствъ отъ 20 ноября (2 декабря) 1827 года.

такъ какъ греческій вопросъ затрагиваетъ существенные интересы Россіи. Стремясь къ осуществленію союзнаго договора, государь, однако, не намѣренъ уклоняться отъ провозглашенныхъ въ немъ началъ и съ точностію исполнить данное союзниками обязательство не дѣлать на счетъ Турціи завоеваній и не пріобрѣтать новыхъ исключительныхъ, политическихъ и торговыхъ выгодъ. Въ случаѣ нужды императоръ готовъ подтвердить это обязательство еще особымъ трактатомъ, такъ какъ въ сохраненіи Оттоманской Порты онъ видитъ прямой интересъ Россіи. Даже въ случаѣ паденія Турецкой имперіи рѣшеніе его величества останется неизмѣннымъ: императоръ не раздвинетъ границъ своихъ владѣній на счетъ Турціи и потребуетъ отъ своихъ союзниковъ только такого же отсутствія честолюбія и своекорыстныхъ интересовъ, примѣръ котораго онъ первый покажетъ. Что касается до новыхъ понудительныхъ мѣръ противъ Порты съ цѣлью заставить ее подчиниться условіямъ договора 6 іюля, то—по словамъ депеши графа Нессельроде — мы предлагали: 1) занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками отъ имени союзныхъ державъ, пока Порта не подчинится условіямъ Лондонскаго договора; 2) защиту территорій будущей Греціи союзнымъ флотомъ и скорѣйшее очищеніе ея отъ египетскихъ войскъ; и 3) предъявленіе Портѣ общаго ультиматума, въ которомъ повторялись бы требованія союзныхъ дворовъ, опредѣлялись бы границы будущаго греческаго государства, требовалось бы немедленное очищеніе его отъ турецко-египетскихъ войскъ и, наконецъ, предлагалось бы Портѣ вступить въ переговоры съ представителями трехъ державъ и съ делегатами греческаго правительства относительно умиротворенія Востока. Ультиматумъ этотъ долженъ быть принятъ въ восьмидневный срокъ; въ противномъ случаѣ русскія войска въ княжествахъ, а союзныя эскадры въ Архипелагѣ начнутъ военныя дѣйствія *).

Французское правительство довѣрчиво встрѣтило наше заявленіе. Не такъ, однако, отнеслось къ нему англійское министерство. На предложенныя нами новыя понудительныя мѣры противъ Порты оно отвѣчало заявленіемъ, что цѣлью іюльскаго трактата было водвореніе мира на Востокъ, а не возбужденіе другой войны **),

*) Графъ Нессельроде князю Левину 25 декабря 1827 года.

***) „Въ отвѣтъ на русское предложеніе говорилось, что „нашествіе на Оттоманскую имперію“, какими бы увѣреніями оно ни сопровождалось, породитъ опасенія

и съ своей стороны совѣтовало ограничиться очищеніемъ Морей отъ турокъ и занятіемъ Коринѣскаго перешейка, послѣ чего будетъ приступлено къ организаціи Греціи подъ покровительствомъ союзныхъ эскадръ и съ помощію торговыхъ агентовъ. Глава великобританскаго кабинета, герцогъ Веллингтонъ больше всего боялся одиночной борьбы Россіи съ Турціей, опасаясь усиленія русскаго могущества вслѣдствіе неминуемаго пораженія Оттоманской Порты. Но предотвратить эту войну онъ не успѣлъ, такъ какъ событія шли быстрѣе дипломатическихъ переговоровъ.

Австрійскія войска начали сосредоточиваться въ Трансильваніи, а султанъ, подстрекаемый вѣнскимъ дворомъ къ сопротивленію союзнымъ кабинетамъ, не только не прекратилъ борьбы съ греками, но объявилъ державамъ—побѣдительницамъ, что онъ уничтожаетъ всѣ трактаты, когда-либо съ ними заключенные, и запрещаетъ свободу судоходства по Босфору. Нарушивъ Аккерманскую конвенцію, султанъ кромѣ того обнародовалъ воззваніе, въ которомъ Россія была представлена, какъ непримиримый врагъ Оттоманской

и возбудить страсти, несовмѣстимыя съ спокойствіемъ цивилизованнаго міра: послѣ долгой тишины, которою наслаждалась Европа, невозможно государственному чело-
вѣку спокойно смотрѣть на первое движеніе великихъ арій и первое столкновеніе великихъ государствъ. Опытъ заставляетъ бояться, что такая борьба будетъ только началомъ длинной цѣпи замѣшательства и бѣдствій. Сознаніе опасности нарушенія міра выразилось постепенно въ поведеніи союзниковъ; мирный духъ обнаруживается и въ самомъ лондонскомъ договорѣ. Положено было принять мѣры для установленія фактическаго перемирія между Портою и греками, но исполненіе этихъ мѣръ не должно было вести къ настоящимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Наваринская битва нарушила эту предосторожность; но это неожиданное событіе не перемѣнило ни природы договора, ни намѣренія союзниковъ, обнаруженнаго въ новыхъ заявленіяхъ въ Константинополѣ, не измѣнило мирныхъ отношеній между этими государствами и Портою. Договоръ ниваль исключительно въ виду состояніе Греціи; слѣдовательно операція, ограниченная Греціею, будутъ имѣть двойную выгоду содѣйствовать конечной цѣли предпріятія и не возбуждать опасеній на счетъ цѣлости Оттоманской имперіи, которая непремѣнно возбуждается, если сухопутныя войска и флотъ отправятся къ ея столицѣ и будутъ заняты области, отдаленныя отъ страны, въ пользу которой условлено дѣйствовать. Война между Россіей и Портою въ настоящихъ обстоятельствахъ получитъ характеръ религіозной войны. Турки, разсвирѣпѣвши отъ нападенія, направленнаго, по ихъ мнѣнію, противъ ихъ вѣры и владычній, не будутъ сообразоваться съ правилами, которыми обыкновенно руководятся державы въ войнахъ чисто-политическихъ. Возстанія обнаружатся повсюду въ ихъ имперіи и дѣло, начатое въ видахъ примиренія и человеколюбія, кончится сценами убійства и опустошеній“ (Соловьевъ, назв. соч., стр. 322—323).

имперіи и мусульманства: она вызвала греческое возстаніе, склоняла Англию и Францію на сторону мятежныхъ христіанъ и возбуждала противъ Турціи внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ, чтобы помѣшать преобразованіямъ, необходимымъ для возвращенія Оттоманской Портѣ прежней силы. Заключеніе этого воззванія разосланнаго ко всѣмъ начальникамъ провинцій, заключало въ себѣ призывъ мусульманъ къ священной войнѣ съ невѣрными, причѣмъ султанъ торжественно заявлялъ: «война эта не будетъ, подобно предшествовавшимъ войнамъ, политической борьбою изъ-за областей и границъ; цѣль невѣрныхъ, нами разоблаченная, не иная какъ стереть исламъ съ лица земли и попать ногами народъ мусульманскій. Намъ предстоитъ сражаться за вѣру и народное наше существованіе. Нужно, чтобы всѣ, сколько насъ ни есть, богатые и бѣдные, большіе и малые, взирали на эту борьбу, какъ на священный долгъ» *).

Обнародованіе этого воззванія было принято Россіей за объявленіе войны, вслѣдствіе чего императоръ Николай счелъ своимъ долгомъ отвѣтить Турціи тѣмъ же, тѣмъ болѣе что для этого имѣлись вполне основательныя причины, какъ то: 1) задержаніе судовъ, пользующихся русскимъ флагомъ, свободное плаваніе которыхъ обезпечивалось 11 статьёй Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата и 1 и 3 статьями торговаго договора 1783 года; 2) захватъ ихъ грузовъ, нарушавшій 30 и 35 статьи того же договора; 3) самовольное требованіе, чтобы капитаны русскихъ судовъ уступали свои грузы по цѣнамъ, опредѣленнымъ турецкими властями, что воспрещалось 30 и 38 статьями торговаго договора и 7 статьёй Аккерманской конвенціи; и 4) насильственная высылка русскихъ подданныхъ и купцовъ изъ всѣхъ мѣстностей, подвластныхъ турецкому владычеству, въ явное нарушеніе 2-й статьи Кайнарджійскаго трактата, 1-й статьи торговаго договора 1783 г. и 7-й статьи Аккерманской конвенціи. «Такія дѣйствія — говорилось въ декларациі русскаго правительства отъ 2 (14) апрѣля 1828 года — составляли прямое нарушеніе точнаго смысла трактатовъ и главнѣйшихъ условій взаимныхъ отношеній между Россіей и Турціей. Лишивъ такимъ образомъ русскихъ подданныхъ и русскую тор-

*) Баянъ-неме султана аянамъ (областнымъ начальникамъ) 8 (20) декабря 1827 г. См. у Татищева. Вѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 178—179.

говлю всѣхъ привилегій, добытыхъ цѣною крови и тяжелыхъ жертвъ, Порты обязалась немедленно уплатить третью часть ею же самою определенной цѣнности захваченнаго груза, а остальную сумму ликвидировать впоследствии; но въ то же время она переплавляла находившіеся въ обращеніи турецкіе монетные знаки, дѣйствительную стоимость которыхъ понизила на 30 процентовъ *).

Объявляя войну Турціи 2 (14) апрѣля 1827 г. и уведомляя о томъ иностранные дворы, императорское правительство сообщало имъ, что Россія не ищетъ ни завоеваній, ни паденія Оттоманской имперіи, что цѣль войны единственно заключается въ томъ, чтобы найти средства обезпечить безопасность и свободу торговли, возобновить договоры, нарушенныя Портою, помочь христіанскимъ народамъ, которыхъ эти самые договоры ставятъ подъ покровительство императора, и наконецъ, получить вознагражденіе за убытки торговые и военные. При этомъ императорское правительство добавляло, что разъ рѣшивъ прибѣгнуть къ оружію, Россія считаетъ обязанностью чести привести въ исполненіе и Лондонскій договоръ **). Въмѣстѣ съ указаніемъ цѣли войны съ Турціей, петербургскій кабинетъ объявилъ иностраннымъ державамъ, что онъ не желаетъ привлекать къ участию въ войнѣ христіанскихъ подданныхъ султана, несмотря на то, что съ его стороны было достаточно одного слова для того, чтобы вождь за побѣдосныхъ движеніемъ нашихъ войскъ балканскія народности единодушно поднялись на защиту своихъ правъ, тѣмъ болѣе что они были убѣждены, особенно подъ вліяніемъ событій, происходившихъ тогда въ Греціи, что Россія приносить имъ окончательное избавленіе отъ ненавистнаго ига. Такое рѣшеніе императорскаго правительства обусловливалось нежеланіемъ произвести какихъ либо потрясеній въ предѣлахъ Оттоманской Порты, а главное стремленіемъ избѣгать «революціонныхъ» средствъ, чѣмъ могъ быть названъ призывъ къ оружію балканскихъ христіанъ противъ ненавистнаго имъ повелителя—султана ***).

*) Декларация императорскаго кабинета отъ 2 (14) апрѣля 1828 года. См. у Бухарова, Россія и Турція, стр. 89.

***) Соловьевъ, назв соч., стр. 325.

***) Θεοκτιστοβ. 'Русская политика на Востокаъ передъ Крымской войной. Русск. Вѣстн. 1868 г. № 1, стр. 29.

Вслѣдъ за обнаруженіемъ манифеста, которое послѣдовало 2 (14) апрѣля 1828 года, русскія войска выступили въ походъ. На походъ этотъ у насъ смотрѣли, какъ на «военную прогулку» въ Константинополь. Но, къ сожалѣнію, увѣренность императорскаго правительства насчетъ «военной прогулки» въ Константинополь нисколько не оправдалась на дѣлѣ. Энергія, съ которою были начаты военныя дѣйствія противъ Турціи, привела въ 1828 г. къ весьма плачевнымъ результатамъ *), и только на другой годъ кампаніи былъ одержанъ рядъ блестящихъ побѣдъ, прославившихъ наше оружіе. Небольшое русское войско въ короткое время разбито въ нѣсколькихъ битвахъ далеко превосходящую численностию турецкую армію, отбило сильныя крѣпости—Карсъ, Ахалцыхъ и др. и заняло Эрзерумъ—столицу турецкой Арменіи. Не менѣе успѣшно дѣйствовали русскія войска и въ европейской Турціи. Переправившись черезъ Дунай, они заняли Варну, Браиловъ, перешли Балканы, а затѣмъ овладѣли Адрианополемъ—второй столицей Турецкой имперіи, и навели ужасъ на самый Константинополь. Главнокомандующему задунайскою арміею—Дибичу въ виду критическаго положенія Турціи, было даже приказано озаботиться занятіемъ Дарданеллъ, «дабы быть въ увѣренности, что незваные гости не явятся тамъ для вмѣшательства и вреда нашимъ дѣламъ»**), такъ какъ переговоры съ Портой не подавали надежды на успѣхъ, а западныя державы, не препятствовавшія нашей войнѣ, благодаря тому, что въ дѣло были замѣшаны права и интересы Россіи, сильно беспокоились за существованіе Турецкой имперіи вслѣдствіе полнѣйшаго недовѣрія къ безкорыстною императора Николая.

Особенно враждебно къ Россіи была настроена тогда Австрія, благодаря интригамъ которой возникла и война наша съ Турціей. При всемъ миролюбіи самого австрійскаго императора Франца, въ то время можно было даже опасаться, что эта держава займетъ Дунайскія княжества и съ оружіемъ въ рукахъ вмѣшается въ нашу борьбу съ Турціей. Помимо этого Австрія угрожала намъ еще съ другой стороны: она хлопотала въ Константинополь о томъ, чтобы миръ съ Россіей былъ заключенъ при посредни-

*) Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ“ т. XI, стр. 378—379.

**) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому 28 августа (9 сентября) 1829 года.

чествъ и ручательствъ великихъ державъ, а въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ предлагала созвать конгрессъ, чтобы узаконить вмѣшательство Европы въ отношенія между Россіей и Турціей и положить конецъ русскому преобладанію на Востокъ. Но въ данномъ случаѣ Меттернихъ не имѣлъ успѣха. Франція и Пруссія отвергли его предложеніе. Точно также не встрѣтило оно сочувствія и въ Англии, которая считала себя связанной съ Россіей Лондонскимъ договоромъ, а главное — находила болѣе цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ собственными интересами приказать адмиралу Гордону войти въ Босфоръ немедленно по полученіи извѣстія о движеніи русскихъ войскъ къ Константинополю.

Впрочемъ успѣхи русскаго оружія и то упорство султана, которое заставляло насъ все ближе и ближе подступать къ турецкой столицѣ, не только тревожили спокойствіе западной Европы, но и ставили въ весьма затруднительное положеніе самихъ побѣдителей. Для выясненія этого положенія въ Петербургъ по высочайшему повелѣнію образованъ былъ особый тайный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, позднѣе подъ предсѣдательствомъ самого государя. Комитету этому предстояло всесторонне обсудить и рѣшить жизненный вопросъ объ участи Турціи. Въ первомъ засѣданіи комитета 4 (16) сентября 1829 года вице-канцлеръ прочелъ высочайше одобренный меморандумъ, въ которомъ доказывалось, что Россія не должна желать распаденія Турціи. «Мы всегда придерживались того мнѣнія, — говорилось въ этомъ документѣ, — что сохраненіе Турціи болѣе полезно, чѣмъ вредно дѣйствительнымъ интересамъ Россіи; что никакой другой порядокъ вещей, который займетъ его мѣсто, не возмѣститъ намъ выгоды имѣть сосѣдомъ государство слабое, постоянно угрожаемое революціонными стремленіями своихъ вассаловъ и вынужденное успѣшною войною покориться волю побѣдителя». Если Турція распадется, возстановленіе ея будетъ невозможно. Въ минуту наступленія катастрофы, Россія должна принять энергическія мѣры къ охраненію своихъ интересовъ и затѣмъ войти въ переговоры съ остальными державами относительно рѣшенія участи земель и населенія Оттоманской Порты, для чего предполагалось созвать въ Петербургъ международный конгрессъ.

Ту же мысль развивалъ и Дашковъ въ представленной имъ

комитету записка. Въ запискѣ этой доказывалось, что разрушеніе Турціи должно повести въ европейской войнѣ. «Напрасно возразили бы намъ—говорилъ Дашковъ—исчисленіемъ тѣхъ выгоды и приобрѣтеній, кои достались бы тогда (т. е. если бы распалась Турція) на часть Россіи: ей нужны не новыя приобрѣтенія, но распространеніе предѣловъ, но безопасность оныхъ и распространеніе ея вліянія между сосѣдними народами, а сего она удобнѣе достигнуть можетъ, продливъ существованіе Оттоманской имперіи на извѣстныхъ условіяхъ». Изгнаніе турокъ въ Малую Азію было бы опасно для нашихъ владѣній на Кавказѣ. Однако, если бы Турція распалась силою обстоятельствъ, тогда пришлось бы раздѣлить ее между великими державами или раздробить на нѣсколько независимыхъ государствъ. «Было время,—продолжалъ Дашковъ,—когда раздѣлъ Турціи могъ входить въ тайные расчеты русской политики. Нынѣ, когда предѣлы имперіи распространены отъ Бѣлаго моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, весьма немногія приобрѣтенія могутъ быть ей полезны. Обладаніе Босфоромъ и Дарданеллами, конечно, дало бы новую жизнь нашей торговлѣ, но какую цѣною надлежало бы купить оное!» По мнѣнію Дашкова, другія державы по своему географическому положенію могутъ сдѣлать болѣе выгодныя приобрѣтенія на счетъ Турціи, чѣмъ Россія. Такъ Австрія можетъ приобрѣсти Сербію, Герцеговину, Боснію, Албанію и даже поработить черногорцевъ, а Англія и Франція могутъ захватить греческіе острова, Кандію, Египетъ, вслѣдствіе чего Россія столкнется на югъ Европы съ болѣе опасными врагами, чѣмъ Турція.

Комитету сообщено было нѣсколько депешъ нашихъ пословъ въ Парижъ и Лондонъ, а также письмо графа Каподистрія къ императору Николаю. Каподистрія предлагалъ образовать на развалинахъ Оттоманской имперіи пять королевствъ: *Дакію*—изъ Молдавіи и Валахіи; *Сербію*—изъ княжества Сербскаго, Болгаріи и Босніи; *Македонію*—изъ Македоніи, Фракіи и острововъ Пропонтиды; *Эмиръ*—изъ Эпира, верхней и нижней Албаніи; *Эмладу*—изъ Пелопоннеза и континентальной Греціи, имѣющей границу на сѣверъ рѣку Пеней, въ Фессаліи, до Артскаго залива, а также изъ острововъ Архипелага. Что касается до Константинополя, то онъ, съ территоріей въ 13 и 14 миль отъ Деркоса на Черномъ

морь, до Сиврия на Мраморномъ, имѣть быть обращенъ въ вольный городъ, который служилъ бы центромъ и мѣстопробываніемъ конгресса конфедерации пяти балканскихъ государствъ. Во главѣ вѣждого королевства проектировалось поставить государя, родственнаго владѣтельнымъ домамъ Европы и получившаго согласіе великихъ державъ. *) Проектъ Каподистріи встрѣтилъ возраженія со стороны Поццо-ди-Ворго и Дашкова. Оба они предполагали, что Константинополь, какъ вольной городъ, не въ состояніи будетъ охранять входъ въ Черное море, и въ случаѣ принятія этой комбинаціи, Россіи—по мнѣнію Дашкова—необходимо будетъ занять оба берега Босфора. Предложеніе Каподистріи было отклонено, и комитетъ, по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ сторонъ дѣла, пришелъ въ слѣдующему единогласному рѣшенію:

1. *Выгоды отъ сохраненія Оттоманской имперіи въ Европѣ пре-
вышаютъ ея извѣды;*

2. Разрушеніе ея противно истиннымъ интересамъ Россіи.

3. Благоразуміе требуетъ предупредить ея паденіе, воспользо-
вавшись всѣми обстоятельствами, которыя могутъ еще предста-
виться для заключенія почетнаго мира.

4. Если же это событіе было бы неминуемымъ, то Россіи не-
обходимо позаботиться, чтобы никакая посторонняя держава не
предупредила насъ занятіемъ проходовъ въ Черное море.

5. Что касается до участія земель, входящихъ въ составъ Ту-
рецкой имперіи, то члены комитета полагали, что на этотъ счетъ
слѣдуетъ согласиться съ прочими державами **).

Таково было рѣшеніе тайнаго комитета относительно дальнѣй-
шей участіи Турціи. Рѣшеніе это стояло въ прямомъ противорѣ-
чій съ прошлой исторіей восточной политики Россіи, и съ точки
зрѣнія этой исторіи и нашихъ задачъ на Востокъ едва ли могло
быть признано правильнымъ. Оно проникнуто какимъ то холод-
нымъ, матеріальнымъ расчетомъ, какъ будто интересы Россіи на
Востокъ заключались въ однихъ только территоріальныхъ приоб-
рѣтеніяхъ. Вслѣдствіе этого оно не соответствовало исторической

*) Графъ Каподистрія императору Николаю. 18 (30) марта 1828 г.

**) Свѣдѣнія о комитетѣ, учрежденномъ въ 1829 году, по восточнымъ дѣламъ и о
рѣшеніяхъ его см. у Мартенса: Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IV ч. I, стр.
438—440.

задачѣ Россіи—освободить балканскихъ христіанъ, такъ какъ освобожденіе и возрожденіе ихъ возможно только при постоянномъ ослабленіи власти турокъ въ Европѣ, т. е. при послѣдовательномъ разрушеніи Турецкой имперіи, а не при поддержаніи ея существованія, за что высказался тайный комитетъ. Кромѣ того, трудно согласиться съ комитетомъ и въ томъ, что Россіи будто бы выгодно имѣть по сосѣдству съ собою такое слабое государство, какъ Турція. Не говоря о примѣрахъ изъ исторіи давно минувшихъ временъ, русская дипломатія уже въ царствованіе императора Александра I должна была убѣдиться, что слабость Турціи не можетъ служить для Россіи гарантіей вѣчнаго съ ней мира и дружбы и что сохраненіе этого слабого сосѣда кромѣ вреда ничего намъ не способно принести, такъ какъ слабое государство всегда дѣлается центромъ интригъ для государствъ сильныхъ, соперничающихъ между собою изъ за вліянія на слабого. Въ виду всего этого нельзя не согласиться съ герцогомъ Веллингтономъ, который въ 1829 году говорилъ: «Незлѣпно поддерживать Турецкую державу въ Европѣ. Фактически она погибла... Несомнѣнно, что для всего свѣта было бы лучше, если бы русскіе вошли въ Константинополь и если бы Турецкая имперія была разрушена». Своимъ страннымъ рѣшеніемъ тайный комитетъ лишалъ Россію весьма благоприятнаго случая окончательно рѣшить восточный вопросъ согласно собственнымъ пользамъ и нуждамъ балканскихъ народностей.

Во время совѣщаній тайнаго комитета, дѣятельное посредничество Пруссіи и блестящія победы графа Дибича-Забалканскаго сломили упорство Порты и вынудили султана подписать въ Адрианополѣ продиктованныя ему условія мира. Константинополь не былъ взятъ русскими войсками. Катастрофа, о которой съ ужасомъ говорили въ Европѣ, миновала, а принятое тайнымъ комитетомъ рѣшеніе относительно Турецкой имперіи, оставшееся на этотъ разъ безъ практическаго примѣненія, было положено императоромъ Николаемъ I въ основаніе его дальнѣйшей политики.

Адрианопольскій трактатъ, подписанный между Россіей и Турціей 2 (14) сентября 1829 года, содержалъ въ себѣ: 1) обязательства Порты, касающіяся собственно интересовъ самой Россіи; 2) постановленія относительно Молдавіи и Валахіи; 3) обезпеченіе

положенія Сербіи; 4) постановленія относительно Греціи и 5) опредѣленіе разгѣра военной контрибуціи и порядка ея взиманія въ связи съ вытупленіемъ русскихъ войскъ съ театра военныхъ дѣйствій. Последняя группа постановленій Адрианопольскаго трактата не представляетъ впрочемъ особаго интереса и потому будетъ оставлена нами безъ разсмотрѣнія. Что же касается до остальныхъ постановленій, то они въ общемъ заключаются въ слѣдующемъ.

Россия получила отъ Турціи устья Дуная съ островами, образуемыми его рукавами, и все восточное побережье Чернаго моря отъ устья Кубани до пристани св. Николая, съ крѣпостями: Анабою, Поты, Ахалкалаки и Ахалцыхомъ (ст. 3 и 4) За русскими подданными подтверждено право пользоваться во всѣхъ областяхъ Турецкой имперіи свободою торговли, предоставленною имъ на основаніи прежде заключенныхъ трактатовъ между обѣими договаривающимися державами. Кроме того, Блистательная Порта обязывалась строго наблюдать за тѣмъ, чтобы торговля и свободное плаваніе по Черному морю не подвергались никакимъ стѣсненіямъ. Въ виду этого она объявляла, что проливы Востора и Дарданелль будутъ открыты для безпрепятственнаго плаванія купеческихъ судовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ вознагражденіе за убытки и потери, понесенные русскими подданными, Оттоманская Порта обязывалась выплатить Россіи въ теченіе 18 мѣсяцевъ 1.500.000 голландскихъ червонцевъ. Далѣе постановлялось, что русскіе подданные, пребывающіе на турецкой территоріи, въ судебномъ и полицейскомъ отношеніяхъ будутъ состоять исключительно подъ властью и завѣдываніемъ посла и консуловъ Россіи (ст. 7 и 8). Наконецъ, Адрианопольскимъ трактатомъ подтверждались условія всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ между Россіей и Оттоманской Портой. (ст. 15).

Таковы права и преимущества, выговоренныя по Адрианопольскому трактату въ пользу самой Россіи. Гораздо большаго интереса представляютъ постановленія этого трактата относительно Молдавіи и Валахіи.

Положеніе Дунайскихъ княжествъ было опредѣлено 5-й статьею Адрианопольскаго договора, въ которой сказано: «Такъ какъ

Молдавское и Валахское княжества особыми капитуляціями подчинены верховной власти Влистательной Порты, и такъ какъ Россія приняла на себя ручательство въ ихъ благоденствіи, то въ настоящее время имъ сохраняются всѣ права, преимущества и выгоды, дарованныя въ тѣхъ капитуляціяхъ, или же въ договорахъ, заключенныхъ между обоими императорскими дворами, или, наконецъ, въ гатти-шерифахъ, изданныхъ въ разныя времена. Поэтому обоимъ княжествамъ предоставляется свобода богослуженія, полная безопасность, народное независимое управленіе и право безпрепятственной торговли. Дополнительные статьи, развитыя въ предыдущихъ договорахъ и признанныя необходимыми для того, чтобы эти области непременно воспользовались дарованными имъ правами, изложены въ отдѣльномъ актѣ, который составляетъ неотъемлемую часть настоящаго трактата.

Этотъ «отдѣльный актъ трактата, заключеннаго въ Адрианополь, объ упроченіи преимуществъ для княжествъ Молдавіи и Валахіи», гласитъ, что «объ договаривающіяся державы, подтверждая всѣ постановленія отдѣльнаго акта Анкерманской конвенціи относительно избранія господарей Молдавіи и Валахіи, признали необходимымъ дать управленію означенныхъ княжествъ прочное основаніе и наиболѣе соответствующее ихъ настоящимъ пользамъ». Въ виду этого: 1) султанъ самымъ торжественнымъ и положительнымъ образомъ обязывается не вмѣшиваться во внутреннее управленіе княжествъ; 2) господа, избираемые по прежнему диванамъ изъ мѣстныхъ бояръ, будутъ утверждаться Портой не на семилѣтній срокъ, а пожизненно; они могутъ быть смѣняемы только въ случаѣ добровольнаго отреченія или совершенія преступленія, но и тутъ турецкій султанъ долженъ предварительно заручиться согласіемъ русскаго правительства; 3) господамъ предоставляется полная свобода управленія внутренними дѣлами княжествъ, по совѣщанію съ диванамъ, но подъ условіемъ не нарушать правъ, дарованныхъ Молдавіи и Валахіи трактатами и гатти-шерифами; въ своемъ управленіи они не будутъ затрудняемы никакими султанскими повелѣніями, противными дарованнымъ правамъ; 4) Влистательная Порта обязуется строго наблюдать, чтобы права и преимущества, дарованныя Молдавіи и Валахіи, никакимъ образомъ не подвергались нарушеніямъ со стороны по-

границныхъ турецкихъ начальниковъ, чтобы эти послѣдніе не вмѣшивались во внутреннія дѣла княжествъ, а жители праваго берега Дуная не дѣлали вторженій на ихъ территорію; 5) для большей ненарушимости молдавской и валахской территоріи Блистательная Порта обязуется не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не позволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство; 6) правительствамъ обоихъ княжествъ, согласно съ правами и преимуществами независимаго внутренняго управленія, дозволяется учреждать кордоны и карантинны для охраненія общественнаго здравія; для службы же по содержанію карантинновъ, охраненію безопасности границъ, соблюденію должнаго порядка въ городахъ и селеніяхъ и исполненію законовъ и уставовъ,—предоставляется право имѣть вооруженную стражу, земское войско, численность котораго должна быть опредѣлена, сообразно съ дѣйствительными потребностями, господами совмѣстно съ областными диванами; 7) княжества навсегда освобождаются отъ поставки хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, овецъ и строеваго лѣса для жителей Константинополя; равнымъ образомъ Порта не будетъ требовать отъ княжествъ ни рабочихъ для крѣпостей, ни какихъ-либо другихъ натуральныхъ повинностей. Вмѣсто этого оба княжества, сверхъ ежегодной дани, известной подъ наименованіемъ *харача, иди* и *рекиабіе* (на основаніи гатти-шерифа 1802 года) обязываются платить Портѣ ежегодно известную сумму въ размѣрѣ, опредѣленномъ по общему соглашенію; 8) жители обоихъ княжествъ будутъ пользоваться полною (опредѣленною отдѣльнымъ актомъ Акберманской конвенціи) свободою торговли всѣми произведеніями своей промышленности, безъ всякихъ ограниченій, за исключеніемъ тѣхъ, которыя господа, съ согласія своихъ дивановъ, признаютъ необходимыми для обезпеченія продовольствія края. Жителямъ края предоставляется право свободнаго плаванія по рѣкѣ Дунаю на собственныхъ судахъ, съ паспортами своего правительства, и производить торговлю во всѣхъ городахъ и гаваняхъ Блистательной Порты, не подвергаясь никакимъ несправедливостямъ со стороны сборщиковъ *харача* или какимъ-либо другаго рода притѣсненіямъ; 9) жители Молдавіи и Валахіи избавляются на два года отъ платежа ежегодныхъ податей, которыя они обязаны вносить въ оттоманское казна-

чество; 10) наконецъ, «Блистательная Порта, желая обезпечить благосостояніе Дунайскихъ княжествъ, торжественно обязывается утвердить учрежденія, касающіяся до управленія княжествъ и начертанныя согласно желаніямъ, изъявленнымъ собраніями почетнѣйшихъ обывателей края во время занятія княжествъ русскими войсками. Эти учрежденія должны служить на будущее время основаніемъ управленія княжествъ, если только они не будутъ находиться въ противорѣчіе съ верховными правами султана».

Всѣми приведенными постановленіями Адрианопольскій трактатъ обезпечилъ благосостояніе Дунайскихъ княжествъ, фактически изъявъ ихъ изъ подъ власти Порты и гарантировавъ имъ полную внутреннюю автономію.

Не менѣе важны постановленія разбираемаго трактата относительно Сербіи. Мы уже имѣли случай сказать, что Порта не исполнила обязательствъ, принятыхъ ею относительно этого княжества въ Анкерманѣ. Всѣ выговоренныя нами въ пользу сербовъ условія были оффиціально признаны чудовищными и не выполнимыми требованіями. Въ виду этого въ 6-ой статьѣ Адрианопольскаго договора было постановлено, что «Порта торжественнымъ образомъ обязуется исполнить оныя въ точности и по возможности въ короткій срокъ; а именно: она немедленно возвратитъ Сербіи часть отнятыхъ у нея округовъ, и такимъ образомъ навсегда обезпечитъ спокойствіе и благосостояніе вѣрнаго и покорнаго сарбскаго народа. Утвержденный гатти-шерифомъ эирманъ о приведеніи въ дѣйствіе вышеуказанныхъ постановленій будетъ изданъ и оффиціально сообщенъ русскому императорскому двору въ теченіе одного мѣсяца со дня подписанія настоящаго мирнаго договора».

Въ заключеніе обзора содержанія Адрианопольскаго трактата остается указать на его постановленія относительно Греціи. По статьѣ 10-ой этого трактата Блистательная Порта согласилась «признать постановленія договора, заключеннаго въ Лондонѣ 27 іюня (6 іюля) 1827 года между Россіей, Англіей и Франціей, и приступить къ акту, который по взаимному соглашенію союзныхъ державъ состоялся 10 (22) марта 1829 года на основаніи Лондонскаго трактата и содержитъ въ себѣ подробное изложеніе мѣръ относительно приведенія въ исполненіе послѣдняго». Мартовскій

протоколъ Лондонской конференціи постановлялъ, что Греція должна составить государство, сѣвѣрной границей котораго началась линія, простирающаяся отъ залива Арсваго, въ Юническомъ морѣ, до залива Воло въ Архепелагѣ. Государство это должно оставаться подъ верховною властью султана, ежегодно платить ему дань въ 1½ милліона піастровъ и пользоваться полной свободой внутренняго управленія, во главѣ котораго будетъ поставленъ христіанскій правитель. Послѣдній будетъ назначаться по соглашенію трехъ союзныхъ дворовъ съ Оттоманской Портой, но не долженъ принадлежать къ царствующимъ династіямъ покровительствующихъ державъ. Наконецъ, въ этомъ протоколѣ упоминалось о вознагражденіи турокъ, которые лишились своей поземельной собственности въ Греціи *). Въ 10-ой статьѣ Адрианопольскаго трактата говорилось даже, что немедленно по разрывѣ ратификацій настоящаго мирнаго договора Влстательная Порта назначить уполномоченныхъ для обсужденія съ делегатами союзныхъ державъ тѣхъ мѣръ, которыми могутъ быть приведены въ исполненіе постановленія относительно внутренней независимости Греціи **).

Таковы главнѣйшія постановленія Адрианопольскаго трактата 1829 года. Постановленія эти удостоились позднаго одобренія императора Николая I, который писалъ графу Дибичу 22 сентября 1829 года: «Адрианопольскій миръ самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы сумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны. Наша умѣренность замятъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ мирить съ нашею совѣстью» ***).

По оцѣнкѣ, данной государемъ императоромъ, Адрианопольскій миръ—славный и въ то же время умѣренный, и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, ближайшимъ послѣдствіемъ трактата 1829 года было доведеніе до послѣднихъ предѣловъ

*) Протоколъ, подписанный уполномоченными Англии, Франціи и Россіи 22 марта 1829 года. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ т. XI, стр. 401—409.

**) Трактатъ, заключенный въ Адрианополь 2 сентября 1829 года и отдѣльный актъ этого трактата объ утвержденіи преимуществъ для княжествъ Молдавіи и Волахіи см. у Юзеевича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 71—84, а также Полн. Собр. Вак. № 3128.

***) Императоръ Николай графу Дибичу 22 сентября (4 октября) 1829 г.

преобладающаго положенія Россіи, занятаго ею на Востокаъ со времени заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и болѣе подробно обоснованнаго въ Бухарестскомъ договорѣ и Аккерманской конвенціи. Если Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ поставилъ главною нашею политическою задачею въ Турціи — улучшение участи ея христіанскаго населенія, если Бухарестскій трактатъ и Аккерманская конвенція предоставили въ пользу нашихъ единоверцевъ и единоплемениковъ на Востокаъ обширныя права и преимущества и положили начало обособленію Молдавіи, Валахіи и Сербіи, то Адрианопольскій трактатъ, подтвердившій всѣ пріобрѣтенныя нами по прежнимъ договорамъ права, которыми не пользовалась во владѣніяхъ султана ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ, — дѣлаетъ самый рѣшительный шагъ въ указанномъ направленіи. Онъ выдѣляетъ изъ состава Турціи не только эти три княжества, но и Грецію, и сохраняетъ за Оттоманскою Портою лишь номинальное господство надъ ними.

При всемъ своемъ важномъ политическомъ значеніи, условія Адрианопольскаго трактата были крайне умѣренны. Въ этомъ должны были сознаться даже заявляеыя враги Россіи. Въ довѣрительномъ письмѣ къ своему другу вотъ что писалъ объ Адрианопольскомъ договорѣ нашъ извѣстный противникъ Генцъ: «Умѣренность — понятіе относительное, но въ подобномъ настоящему случаѣ оно должно одинаково распространяться на побѣдителя, какъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, что могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они потребовали мало. Я не говорю, чтобъ у нихъ достало силы разрушить турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодействию. Но они могли потребовать уступки княжествъ и Волгаріи до Балканъ, половины Арменіи, и вмѣсто десяти милліоновъ — пятидесяти, причеиъ ни Порты не было бы власти, ни кто-либо изъ добрыхъ друзей ея — серьезнаго желанія этому воспрепятствовать. Конечно, императоръ неоднократно увѣрялъ, что онъ не хочетъ завоеваній въ этой войнѣ. Но отъ подобныхъ увѣреній легко отречься помощью сотни дипломатическихъ тонкостей, и если-бы даже голосъ нѣсколькихъ честныхъ людей обозвалъ его вѣроломнымъ, за то несравненно сильнѣйшая часть глубоко испуганнаго общественнаго мнѣнія со всѣхъ сторонъ громко

привѣтствовала бы его. Что побудило императора не переступать границъ, предписанныхъ имъ его генераламъ и дипломатамъ? Любовь-ли къ справедливости, великодушіе, мудрость, принятіе въ соображеніе мѣстныхъ отношеній, или какія-либо нныя причины? Таковы вопросы, въ разсмотрѣніе которыхъ я не войду, хотя для разрѣшенія ихъ у меня нѣтъ недостатка въ средствахъ. Остается несомнѣннымъ, что онъ могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и поклонники его политики имѣютъ въ этомъ случаѣ полное право восклицать его умѣренность *)).

Признавая умѣренность условій Адрианопольскаго мирнаго трактата, великія европейскія державы не были, однако, имъ довольны. Правда, берлинскій и парижскій дворы не думали вступаться за Порту, и болѣе или менѣе искренно поздравляли императорскій кабинетъ съ благополучнымъ окончаніемъ смуты, столько лѣтъ нарушавшихъ покой не только Востока, но и всей Европы **); но если Франція и Пруссія привѣтствовали заключеніе Адрианопольскаго мира, то Англія и Австрія негодовали. Въ Англіи даже не старались скрывать своего неудовольствія и раздраженія, и вліятельнѣйшія изъ газетъ громко повторяли, что въ силу Адрианопольскаго трактата Европейская Турція стала провинціей Россіи Британское же министерство съ рѣзкостью и беззащитностью прямо перечислило русскому правительству тѣ послѣдствія Адрианопольскаго договора, которыя наиболѣе тревожили и правительство, и общественное мнѣніе Англіи. Въ числѣ этихъ послѣдствій великобританское министерство указывало: занятіе Россіей преобладающаго положенія на Востокѣ, установленіе русскаго владычества на восточномъ берегу Чернаго моря и прегражденіе доступа къ турецкимъ и персидскимъ областямъ; уменьшеніе зависимости придунайскихъ земель отъ Турціи, грозившее ея существованію; ограниченіе державныхъ правъ султана статьями о свободѣ судоходства и торговли, льготы, выговоренныя въ пользу русскихъ подданныхъ, и денежное вознагражденіе, превышающее платажную способность истощенной Порты. Всѣ эти послѣдствія Адриано-

*) Это письмо Генца, писанное вѣроятно Прокошу, см. у Татищева, назв. соч., стр. 214—215.

***) Татищевъ, назв. соч., стр. 215.

польскаго трактата — по мнѣнію великобританскаго министерства—нарушали политическое равновѣсіе на Востока, ставили въ опасность независимое существованіе Порты и, наконецъ, противорѣчили заявленіямъ императора Николая о желаніи поддерживать Турецкую имперію въ Европѣ *).

Что касается до Австріи, то ея дипломаты пророчили скорое паденіе турецкаго владычества въ Европѣ, а военные авторитеты предвидѣли вредное вліяніе Адрианопольскаго трактата на положеніе самой Австріи, какъ великой европейской державы. Въ теченіе цѣлаго столѣтія австрійская монархія пыталась расширить предѣлы своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, чтобы потомъ присоединить часть его земель къ своимъ владѣніямъ. Но теперь, послѣ нѣкоторыхъ политическихъ промаховъ и появленія на свѣтъ Адрианопольскаго трактата, съ этою мечтою—по мнѣнію графа Радецкаго—приходилось разстаться. «Положеніе и вѣсь Австріи—говоритъ онъ—значительно поколеблены; Адрианопольскій миръ угрожаетъ самому существованію Габсбургской монархіи, низводя ее на степень второстепенныхъ государствъ и лишая всякой надежды на возможность распространить предѣлы своего могущества и вліянія на Балканскомъ полуостровѣ или присоединить его къ своимъ владѣніямъ въ будущемъ. Адрианопольскимъ миромъ Россія положила основаніе Греческому королевству и поставила Молдавію, Валахію и Сербію въ чисто номинальную зависимость отъ Порты; эти три области могутъ теперь считаться какъ бы уже отпавшими отъ Турціи и образовавшими собою отдѣльные государства, которыя вмѣстѣ съ Греціей представляютъ основы балканской федераціи, стоящей въ зависимости отъ Россіи. Въ успѣхахъ Россіи—по словамъ Радецкаго—виновата сама Европа, которая въ греческомъ вопросѣ не хотѣла сообразоваться съ самыми естественными требованіями справедливости и гуманности. Великая сѣверная держава можетъ теперь утратить занятое положеніе только лишь благодаря своимъ ошибкамъ. Австрія всегда нуждалась въ безпрепятственномъ судоходствѣ по Дунаю, точно такъ же, какъ Россія въ свободномъ проходѣ черезъ проливы.

*) Деша лорда Абердина къ Гейтсбери въ январѣ 1830 г.

Обладаніе обоими берегами великой водной артеріи и укрѣпленіе устьевъ Дуная для защиты входа и выхода, а не погоня за римско-императорскою короною или за испанскимъ наслѣдствомъ, — должны были быть государственною задачею Австріи. По Адрианопольскому трактату устья Дуная стали собственностью Россіи, и она теперь можетъ по своему произволу запираеть входъ изъ этой рѣки въ море. Благосостояніе Австріи и развитіе ея могущества отнынѣ находятся всецѣло въ рукахъ Россіи *).

Мнѣніе Радецкаго, несомнѣнно, раздѣлялъ и кн. Меттернихъ, хотя онъ и не высказывался такъ громко и опредѣленно. Отъ его взгляда не могла укрыться полная безпомощность Турціи въ случаѣ новаго столкновенія съ Россіей. Въ то же время онъ прекрасно сознавалъ, что о вооруженномъ сопротивленіи сѣверному колоссу Австрійская монархія не могла и думать вслѣдствіе своего финансоваго, политическаго и военнаго безсилія. Въ виду этого австрійскій канцлеръ призналъ необходимымъ прибѣгнуть къ послѣдному средству для охраны Турціи, а именно поставить независимость и цѣлость ее подъ покровительство всѣхъ великихъ европейскихъ державъ, а неприкосновенность Оттоманской Порты провозгласить принципомъ международнаго права. По соглашенію съ Англіею, кн. Меттернихъ убѣдилъ берлинскій дворъ сообщить это предложеніе петербургскому кабинету и рекомендовать его серьезному вниманію императорскаго правительства. Но и этимъ послѣднимъ средствомъ Австріи не удалось воспользоваться для обезпеченія цѣлости и неприкосновенности слабой Турецкой имперіи. Въ депешѣ отъ 23 января 1830 года гр. Алопеусу, гр. Нессельроде доказалъ полную невозможность для Россіи принять сдѣланное ей предложеніе. Гр. Нессельроде писалъ, что опасности, которыя грозятъ существованію Турціи, двоякаго рода: внѣшнія и внутреннія. Европейская гарантія территоріальной неприкосновенности Оттоманской Порты не въ состояніи предотвратить послѣднихъ. Внѣшняя же опасность можетъ угрожать Оттоманской Портѣ лишь со стороны Россіи. Стало быть предло-

*) Записка Радецкаго, хранящаяся въ архивѣ военнаго министерства въ Вѣнѣ; содержаніе ея см. у Татищева, назв. соч., стр. 217—218; а также у Бутковскаго, назв. соч., т. I, стр. 214.

женіе державъ равносильно приглашенію Россіи принять мѣры противъ самой себя. Но императоръ Николай никогда не согла-
сится косвенно признать основательность и справедливость пи-
таемаго къ нему недовѣрія Европы. Къ тому же требуемая отъ
Россіи гарантія неприкосновенности Оттоманской имперіи заклю-
чается въ Адрианопольскомъ мирномъ трактатѣ *).

*) Трактатъ Нессельроде Алопеусу 25 января (4 февраля) 1830 года.

Г Л А В А X.

Признаніе полной политической независимости Греціи.

Заявленіе Лондонской конференціи по поводу 10-й ст. Адрианопольскаго трактата и отношеніе къ нему императора Николая.—Признаніе Греціи независимымъ государствомъ и избраніе правителемъ ея Леопольда.—Отказъ послѣдняго и положеніе дѣлъ въ Греціи.—Избраніе Оттона Баварскаго.—Соображенія русскаго правительства.—Договоръ державъ-союзницъ съ Баваріей 25 апрѣля (7 мая) 1832 г.—Упадокъ русскаго вліянія въ Греціи.

Какъ только былъ подписанъ Адрианопольскій мирный договоръ, лондонскій и парижскій кабинеты потребовали отъ Россіи заявленія, что относящаяся до Греціи 10-я статья мирнаго трактата 1829 года «не упраздняетъ правъ союзниковъ императора, не препятствуетъ совѣщаніямъ министровъ, собранныхъ въ конференціи въ Лондонѣ, и не служитъ препятствіемъ для рѣшеній, которыя три союзные двора, съ общаго согласія, признаютъ наиболее полезными и всего лучше соответствующими обстоятельствамъ» *). Нечего и говорить, что это заявленіе Англіи и Франціи вызвано было желаніемъ великихъ европейскихъ державъ поставить извѣстные предѣлы дальнѣйшему распространенію нашего вліянія на Востокъ, которое, какъ мы видѣли, было особенно непріятно лондонскому и вѣнскому дворамъ **). Имъ

*) Татищевъ. „Внѣшняя политика императора Николая“, стр. 271.

**) „Сентъ-джемскій кабинетъ—говоритъ г. Татищевъ—трижды возбуждалъ вопросъ о независимости Греціи и трижды же отступался отъ него, какъ только русскій дворъ изъявлялъ свое согласіе. Лишь по заключеніи адрианопольскаго мира, герцогъ Веллингтонъ измѣнилъ взглядъ свой на этотъ предметъ и впалъ въ противоположную крайность: Турція представлялась ему пораженною на смерть, а Греція—призванною замѣнить ее, въ качествѣ оplotа противъ распространенія власти Россіи на Востокъ. Независимость Греціи, по мнѣнію герцога, была необходима въ интересахъ самого султана. Съ послѣднимъ доводомъ соглашался и Меттернихъ, хотя и оговаривался, что турки еще не умерли, а только сами сочли себя побитыми, греки же не жвуютъ, и долго еще будутъ влчать заимствованное существованіе“. (Внѣшняя политика имп. Николая, стр. 225).

казалось, что если другія державы, кромѣ Россіи, примуть участіе въ судьбахъ Греціи и сообща провозгласятъ ея независимость, то она будетъ служить лучшимъ оплотомъ противъ роковаго усиленія русскаго вліянія на Востокъ. Кромѣ того, онѣ находили, что только что оконченною войною Порты до такой степени была ослаблена, что не имѣла средствъ удержать за собою верховныя права надъ Греціей, которая поѣтому всегда будетъ враждовать съ султаномъ; вражда-же эта будетъ вызывать внимательство Россіи, весьма опасное для цѣлости Турціи и европейскаго равновѣсія. «Главное, — говорилъ австрійскій канцлеръ кн. Меттернихъ, — чтобы отнынѣ существенныя перемѣны въ судьбахъ Востока не считались болѣе исключительно принадлежностью Россіи, но чтобы тѣ изъ нихъ, которыя окажутся необходимыми, производились съ общаго согласія державъ. Прошлое, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, указываетъ на достойныя сожалѣнія уступки, сдѣланныя Россіи. Учрежденіе новаго греческаго государства должно быть также гарантировано, въ интересахъ мира на Востокъ и существованія Турціи. Мы предпочитаемъ независимость государства ограниченному подчиненію его другому политическому тѣлу. Верховное владычество надъ Греціей стало бы для султана лишь вѣчнымъ источникомъ придирокъ. Не столь важно опредѣленіе пространства и государственнаго устройства Греціи, сколько обезпеченіе спокойствія Турціи. На первомъ планѣ должны стоять сохраненіе Турціи и окончательная организація греческаго государства» *).

Императоръ Николай зналъ то враждебное Россіи значеніе, которое придавалось провозглашенію Греціи независимымъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе онъ не только согласился на подобное рѣшеніе своихъ союзниковъ, но даже сдѣлалъ съ военной контрибуціи скидку одного милліона червонцевъ, за который Порты соглашались признать независимость грековъ. Въ провозглашеніи независимости Греціи онъ, говоритъ г. Татищевъ, видѣлъ увѣяніе зданія, возведеннаго собственными его руками, успѣшнѣйшій исходъ перваго опыта полнаго освобожденія единоувѣрной намъ націи отъ вѣковаго ига мусульманъ. Обязанные намъ своею свободою, греки,

*) Князь Меттернихъ князю Эстергази 12/24 ноября 1829 года; Татищевъ, назв. соч., стр. 225—226.

казалось ему, не могли передаться на сторону наших противников*). Политическіе разсчеты государя въ данномъ случаѣ основывались, конечно, на томъ преобладающемъ вліяніи Россіи въ Греціи, которое успѣлъ утвердить графъ Каподистрія и которое должно было упрочиться Адрианопольскимъ миромъ. Но помимо этихъ соображеній на рѣшеніе государя имѣло вліяніе искреннее желаніе сохраненія наилучшихъ отношеній съ англійскимъ правительствомъ возмущавшимся постановленіями Адрианопольскаго трактата въ пользу грековъ, и стремленіе къ скорѣйшему окончанію греческаго вопроса, останавливавшего всѣ переговоры Россіи съ Турціей по другимъ вопросамъ.

Въ виду заявленія императора Николая, что X статья Адрианопольскаго трактата «не отмѣняетъ правъ союзниковъ и не препятствуетъ совѣщаніямъ министровъ, собранныхъ на Лондонской конференціи», послѣдняя въ засѣданіи 3 февраля (н. ст.) 1830 года постановила: предложить Турціи и Греціи немедленно прекратить военныя дѣйствія и заключить перемиріе. Соотвѣтственно этому постановленію конференція составила инструкціи, какъ для начальниковъ союзныхъ эскадръ въ Средиземномъ морѣ, такъ и для англійскаго и французскаго пословъ въ Константинополь. Окончательное же устройство Греціи конференція положила установить на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Греція составитъ независимое государство со всѣми политическими, административными и коммерческими правами, вытекающими изъ полной независимости; 2) въ виду этихъ выгодъ, предоставленныхъ новому государству и изъ уваженія къ желанію Порты измѣнить границы Греціи, опредѣленные Мартовскимъ протоколомъ, конференція иначе проводить демаркаціонную линію между Турціей и Греціей, въ смыслѣ ограниченія греческой территоріи; 3) правительство въ Греціи будетъ наследственно-монархическое по порядку первородства; 4) миръ между Турціей и Греціей долженъ считаться возобновленнымъ**).

Во исполненіе этого постановленія конференціи, покровительствующія державы 8 апрѣля 1830 года обратились къ Портѣ

*) Назв. соч., стр. 227.

***) Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, т. XI, стр. 422—423.

съ коллективной нотой, въ которой требовали отъ султана признанія полной независимости грековъ подъ угрозой, что если со стороны турецкаго правительства не послѣдуетъ удовлетворительнаго отвѣта на требованія союзныхъ державъ, то онѣ все-таки приступятъ къ осуществленію постановленій Лондонскаго протокола 3 февраля 1830 года. Въ случаѣ скорого изъясненія согласія на требованія державъ, Портѣ обѣщанъ былъ одинъ милліонъ червонцевъ изъ той суммы, которую она должна была заплатить Россіи въ видѣ вознагражденія за военныя издержки. Угрозы трехъ державъ и ихъ обѣщанія воздѣйствовали на Порту, и 24 апрѣля 1830 года она сообщила имъ, что приступаетъ къ постановленіямъ Лондонскаго протокола, «такъ какъ видитъ въ нихъ мѣры, имѣющія цѣлью доставленіе странѣ спокойствія и порядка и укрѣпленіе всеобщаго мира и благосостоянія».

По полученіи такого отвѣта отъ Порты, конференція предложила наследственную монархическую власть въ Греціи, съ титуломъ владѣтельнаго князя, принцу Леопольду Саксенъ-Кабургскому. Принцъ этотъ былъ женатъ на единственной дочери великобританскаго короля Георга IV и наследникъ его престола, умершей въ 1817 году. Сестра принца была матерью принцессы Викторіи, будущей англійской королевы. Наконецъ самъ Леопольдъ парламентскимъ актомъ признанъ былъ въ качествѣ англійскаго принца съ титуломъ королевскаго высочества, а по брачному договору, подтвержденному парламентомъ, получалъ изъ англійской казны пожизненное содержаніе въ 50.000 фунтовъ стерлинговъ. Все это не мѣшало, однако, конференціи заявить, что принцъ Леопольдъ не состоитъ членомъ королевскаго дома, царствующаго нынѣ въ Англіи, что смерть жены принца прервала узы, связывавшія его съ этою державой, и что согласно, упомянутому брачному договору «онъ совершенно независимъ, каковы бы ни были обстоятельства» *). Не помѣшало избранію Леопольда также и то, что онъ исповѣдовалъ протестантскую, а не православную вѣру. Последнее обстоятельство находилось, впрочемъ, въ прямой связи съ общимъ отношеніемъ Лондонской конференціи къ интересамъ православія на Востокѣ. Конференція эта не включила въ свои протоколы

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 272.

никакихъ гарантій въ пользу православной церкви, провозглашенной господствующею въ Греціи даже демагогическими конституціями эпидаврской и трезенской, и выказала лишь необыкновенную заботливость о судьбѣ католическихъ подданныхъ въ новообразованномъ православномъ государствѣ *). «Лишь четыре мѣсяца спустя по подписаніи февральскаго протокола и вѣроятно по личному настоянію императора Николая, русская дипломатія—говоритъ г. Татищевъ — спохватилась и выказала свою запоздалую заботливость о православіи въ дополнительномъ протоколѣ конференціи (отъ 20 іюня (1 іюля) 1830 года), коимъ постановлялось, что выговоренныя въ пользу католиковъ преимущества не должны наносить ущерба правамъ господствующей церкви, и что равенство гражданскихъ и политическихъ правъ въ Греціи распространяется лишь на послѣдователей христіанскихъ исповѣданій» **).

Предложеніе Леопольду занять греческій престолъ, несмотря на всѣ слабыя стороны дѣйствій Лондонской конференціи, казалось, приводило греческій вопросъ къ окончательному улаженію, и союзные дворы были весьма довольны тѣмъ, что имъ, наконецъ, удалось такъ или иначе упрочить миръ вселенной. Но ликованія конференціи были преждевременны. Леопольдъ отказался отъ званія владѣтельнаго князя Греціи, не желая принять королевство въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ рукъ дипломатіи ***). Кроме того,

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 272. Провозгласивъ полную равноправность религій въ Греціи, Лондонская конференція опредѣлила, „что католическое вѣроисповѣданіе будетъ пользоваться въ новомъ государствѣ правомъ свободно и всенародно совершать богослуженіе; что ему будутъ обеспечены всѣ его имущества; что епископы его сохранять во всей неприкосновенности свои должности; а равно права и преимущества, коими они пользовались подъ покровительствомъ французскихъ королей, и что, наконецъ, на основаніи того же принципа, имущества, принадлежаща бывшимъ французскимъ духовнымъ миссіямъ или инымъ учрежденіямъ, будутъ признаны и уважены“. Конференція пошла еще дальше и торжественно постановила, „что вообще всѣ греческіе подданные, къ какому бы исповѣданію они ни принадлежали, будутъ имѣть равное право на назначеніе на мѣста, должности и на общественныя почести, не взирая на различіе ихъ вѣры, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ“. (Протоколъ Лондонской конференціи 22 января (3 февраля) 1830 года; выдержки изъ него у Татищева: Видѣн. полит. императора Николая I, стр. 273).

***) Назв. соч., стр. 274.

***) Провозглашеніе независимости Греціи было обставлено Лондонской конференціей такими условіями, которыя на первыхъ же порахъ вызвали недовольство греческаго народа на европейскую дипломатію, слишкомъ мало принимавшую въ

принцъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что его выбрала не греческая нація, а дипломатія, и что убѣжденія его не позволяютъ ему навязываться народу, который быть можетъ вовсе и не желаетъ имѣть его государемъ. Вслѣдствіе неожиданнаго отказа Леопольда греческій вопросъ снова оказался неулаженнымъ, и именно въ то самое время, когда революція, низвергнувшая престолъ старшей вѣтви Бурбоновъ во Франціи, почти на годъ прекратила засѣданія Лондонской конференціи.

Между тѣмъ скорѣйшее улаженіе греческаго вопроса было не только въ интересахъ европейской дипломатіи, спѣшившей воспользоваться полнымъ единеніемъ трехъ державъ, «достигнутымъ посреди обстоятельствъ самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ», но и въ интересахъ самой злосчастной страны, чувствовавшей крайнюю необходимость въ окончательномъ установленіи въ ней того или другого государственнаго порядка. Какъ извѣстно, въ Греціи правилъ въ это время графъ Каподистрія. Этому временному правителю постоянно приходилось бороться съ внутренними дѣятелями Эллады, которые раздѣлялись на три главныя партіи: на англійскую, къ которой принадлежали преимущественно островитяне, на французскую, которую составляли представители западной и восточной Греціи, и на русскую, которая опиралась на весь православный греческій народъ. Съ другой стороны президенту республики приходилось считаться съ представителями Англійи и Франціи, которые усердно сѣяли сѣмена раздора между греческими партіями въ ущербъ вліянію и значенію временнаго правителя, державшаго сторону Россіи. Благодаря взаимной борьбѣ

разсчетовъ ихъ жизненные интересы. Опредѣляя границы новаго государства и форму его правленія, дипломаты не допустили представителей Греціи къ участію въ засѣданіяхъ конференціи, вслѣдствіе чего постановленія этой конференціи оказались мало отвѣчающими истиннымъ желаніямъ грековъ. Составъ греческаго государства былъ опредѣленъ Мореей, Ливадіей и Цикладскими островами, тогда какъ на чувство европейскіхъ державъ и на освобожденіе отъ турецкаго ига имѣли право: значительная часть провинцій Фессаліи и Эпира и почти всѣ острова Архипелага, населенныя греками. Произвольно распорядясь судьбою греческаго народа, конференція вмѣстѣ съ тѣмъ навязала эту монархическую форму правленія, совершенно не придавъ никакого значенія тому, что греки избрали гр. Каподистрію своимъ президентомъ на семь лѣтъ, что національное собраніе утвердило этотъ выборъ и что эта форма правленія въ свое время была одобрена союзными державами.

этихъ трехъ партій и проискамъ Англіи и Франціи въ Греціи зародилось недовольство Каподистріей. Ему приписано было даже отреченіе принца Леопольда. Число недовольныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, отчасти потому, что Каподистрія ревностно оберегалъ оскудѣвшую государственную казну отъ посягательствъ со стороны лицъ, предъявлявшихъ права на вознагражденіе, отчасти же подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго въ сторонникахъ конституціонныхъ идей въ Греціи іюльской революціей*). Это недовольство временнымъ правителемъ въ скоромъ времени разразилось даже открытымъ возстаніемъ въ Майнѣ и Гидрѣ, къ которымъ потомъ присоединились и другіе сосѣдніе острова. Мятежники требовали немедленнаго созванія народнаго собранія для введенія конституціи въ странѣ. Требования ихъ поддерживали резиденты западныхъ державъ, и особенно представитель Англіи. Только резидентъ Россіи, баронъ Рикманъ доказывалъ необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ мятежниковъ. Въ виду быстраго распространенія пламени мятежа, Каподистрія обратился за помощію къ адмираламъ, командовавшимъ въ Архипелагѣ морскими силами трехъ союзныхъ дворовъ. Но на эту просьбу откликнулся лишь начальникъ русской эскадры; англійскій же и французскій отозвались неимѣніемъ надлежащихъ инструкцій**). Мало того, при видѣ одинокаго вмѣшательства русскаго адмирала въ греческое дѣло, англійскій и французскій резиденты вмѣстѣ съ своимъ русскимъ коллегой выразили противъ этого протестъ, и тѣмъ поставили Каподистрію въ еще болѣе затруднительное положеніе. Чтобы устранить это странное и весьма печальное для Греціи разногласіе, проявившееся не только въ дѣйствіяхъ адмираловъ союзныхъ державъ и иностранныхъ резидентовъ, но и въ дѣйствіяхъ лицъ одной и той же державы, правитель Эллады обратился къ уже открывшейся въ то время Лондонской конференціи съ просьбой дать общую инструкцію резидентамъ и адмираламъ Россіи, Франціи и Англіи. Въ засѣданіи 14/26 октября 1831 года конференція удовлетворила просьбу Каподистрії. Резидентамъ и адмираламъ союзныхъ дворовъ предписано было оказывать дѣя-

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 279.

**) Назв. соч., стр. 280.

тельную поддержку временному правительству въ борьбѣ противъ гидрiотскаго мятежа и обнаруживать полное согласіе между собою *). Но это распоряженіе конференціи не застало въ живыхъ Каподистріи. Президентъ временной греческой республики и знаменитый греческій патриотъ въ то время погибъ уже отъ руки убійць, руководившихся въ своихъ дѣйствіяхъ лично местию.

По смерти графа Каподистріи, молодому греческому государству угрожала междоусобная война. Чтобы прекратить смуты и безначаліе, Лондонская конференція рѣшилась водворить въ Греціи твердое и прочное правительство и съ этою цѣлью приступила къ избранію для нея государя. Выборъ державъ-союзницъ въ скоромъ времени палъ на 16-ти-лѣтняго юношу, Оттона Баварскаго, какъ бы для того чтобы избраніемъ его открыть доступъ усиленнымъ проискампъ различныхъ партій и лишить Грецію возможности успокоиться отъ десятилѣтнихъ волненій и ввести у себя ту степень благоустройства, какую только возможно было ввести въ такомъ безобразномъ политическомъ тѣлѣ, какое создала Лондонская конференція. Инициатива избранія Оттона въ государя Греціи исходила отъ русскаго двора, который, по словамъ барона Бруннова, руководился при этомъ слѣдующими соображеніями: «Король Людвигъ постоянно выказывалъ живое сочувствіе къ участи Греціи. Онъ былъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы престолъ новаго государства достался принцу его дома. Съ этою цѣлью онъ съ самаго начала разрѣшилъ барону Гизе, своему министру въ Петербургѣ, дать понять императорскому кабинету, что не встрѣтится препятствій къ воспитанію принца въ правилахъ греческой православной вѣры, если только императоръ дастъ свое согласіе на избраніе этого молодого принца. Несмотря на опасныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Греція, король баварскій въ 1832 году продолжалъ помогать для своего семейства престолу, окруженнаго столькими трудностями и неустойчивостью. Онъ одинъ соглашался возложить на своего сына задачу, отклоненную другими. Онъ былъ также единственнымъ монархомъ, влияніе котораго было способно доставить новому государству достаточную поддержку и въ особенности военныя средства, въ концѣ крайне нуждалась

*) Назв. соч., стр. 282.

Греція для упроченія внутренняго спокойствія, посреди анархіи, въ которую она снова впала. Необходимость поставить въ распорядженіе новаго правительства отрядъ вспомогательныхъ иностранныхъ войскъ должна была даже представиться нашему кабинету вдвойнѣ важною съ тѣхъ поръ, какъ іюльскія событія, измѣнивъ нравственное и политическое положеніе Франціи, указывали намъ на крайнее неудобство продлить пребываніе войскъ, отправленныхъ этою державою въ октябрь 1828 года въ Морею, во имя союза. Въ царствованіе Карла X эта французская оккупация имѣла для насъ совершенно иное значеніе, чѣмъ подъ вліяніемъ новыхъ началъ и интересовъ, созданныхъ іюльскою революціей. Итакъ, для насъ было крайне важно привести безъ шума и толчковъ къ такой комбинаціи, которая принудила бы французовъ очистить Морею и замѣнила бы ихъ вспомогательнымъ отрядомъ, состоящимъ на жалованьѣ греческаго правительства. Изъ второстепенныхъ державъ одна Баварія способна была осуществить эту комбинацію со всею желательною успѣшностію, такъ чтобы лишить іюльское правительство возможности пустить корни и утвердить свою военную позицію въ Морей. Указанныя нами здѣсь соображенія побудили нашъ кабинетъ громко высказаться въ Лондонѣ въ пользу избранія принца Оттона, несмотря на то, что онъ не достигъ еще совершеннолѣтія *).

25 апрѣля (7 мая) 1832 года державы-покровительницы подписали въ Лондонѣ трактатъ съ баварскимъ домою. Въ силу этого трактата наследственный престолъ Греческаго королевства былъ предоставленъ второму сыну Людвига, короля баварскаго, — принцу Фридриху Оттону. Королевское достоинство объявлялось наследственнымъ въ родѣ короля Оттона, по праву первородства, а за неимѣніемъ дѣтей должно было перейти въ томъ же порядкѣ къ младшимъ его братьямъ. Совершеннолѣтіе короля опредѣлено двадцатилѣтнимъ возрастомъ; до этого же времени государствомъ имѣло управлять регентство изъ трехъ лицъ, назначенныхъ королемъ баварскимъ. Регентству предоставлялось право набрать въ

*) Рукописная записка барона Брунова о сношеніяхъ нашихъ съ Греціей съ воцаренія императора Николая по 1838 годъ, входившая въ составъ курса исторіи вѣдшихъ сношеній Россіи, читаннаго имъ наследнику цесаревичу Александру Николаевичу; прив. выдержку см. у Татищева въ назв. соч., стр. 286—287.

Баваріи 500 человекъ войска подъ начальствомъ баварскихъ офицеровъ. Съ своей стороны, дворы петербургскій, лондонскій и парижскій обязались гарантировать сообща заемъ въ 60 милліоновъ франковъ, заключенный въ пользу Греціи *). После подписанія этого трактата, баварскій принцъ подъ именемъ Оттона I былъ избранъ представителями греческаго народа королемъ Греціи. Въ началѣ 1833 года король прибылъ въ Грецію и избралъ своею столицею городъ Аѳины. Назначенное королемъ баварскимъ регентство составило министерство, въ составъ котораго не вошло ни одного члена русско-народной партіи.

Съ водвореніемъ государственнаго порядка въ Греціи вліяніе въ ней Россіи быстро пошло къ упадку. Съ русскими представителями при греческомъ дворѣ обходились холодно и даже невѣжливо **). Причина тому крылась главнымъ образомъ въ томъ, что императорское правительство напоминало объ обѣщаніи баварскаго министерства, что въ случаѣ избранія принца Оттона королемъ Греціи, онъ приметъ православную вѣру; баварское же правительство съ своей стороны постоянно отклоняло это обѣщаніе на томъ основаніи, что принцъ уже конфирмованъ и что вообще нельзя насилловать совѣсть короля Оттона***). Кроме того, возникновенію непріязненныхъ отношеній между Россіей и Греціей не мало способствовало и само регентство. Подпавъ подъ вліяніе англійскаго и французскаго представителей, оно дѣятельно стало порывать нравственную связь Россіи съ Греціей, относясь враждебно къ православной церкви и знатнѣйшимъ борцамъ за независимость Эллады ****).

*) Договоръ, заключенный въ Лондонѣ между Россіей, Англіей, Франціей и Баваріей 25 апрѣля (7 мая) 1832 года; см. у Татищева, въ назв. соч., стр. 296.

***) Король не пожелалъ принять въ прощальной аудіенціи отозваннаго изъ Греціи, въ концѣ февраля 1833 года, адмирала Рикорда, велѣвъ ему сказать чрезъ адъютанта, что желаетъ ему счастливаго пути. Замѣнившій Рикорда, посланникъ Катакази вынужденъ былъ удалиться изъ дворца, гдѣ дали мѣсто выше его англійскому министру, позднее его акредитованному. (Татищевъ, назв. соч., стр. 299).

****) Татищевъ, назв. соч., стр. 299.

*****) Татищевъ, назв. соч., стр. 300.

Г Л А В А XI.

Дружественныя отношенія императора Николая къ Портѣ и Унигарь-Искелесскій трактатъ 1833 года.

Перемѣна русской политики въ отношеніи Турціи послѣ Адрианопольскаго мира.— Установленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Портой. — Внутреннее разложеніе послѣдней и возстаніе Мехмета-Али, паши египетскаго.—Отношеніе западной Европы къ участи Турціи.—Вмѣшательство Россіи въ турецко-египетскую распрю.—Волненія европейской дипломатіи и примиреніе султана съ вассаломъ.—Оцѣнка политики Россіи въ турецко-египетскомъ вопросѣ.—Унигарь-Искелесскій трактатъ 26 іюня 1833 года. Значеніе постановленій этого трактата и отношеніе къ нему западной Европы.

Не рѣшившись нанести смертельнаго удара Турціи въ 1829 году по соображеніямъ чисто политическаго свойства, а съ другой стороны вида, что наши отношенія къ ней возбуждаютъ сильное подозрѣніе въ Европѣ, Россія признала необходимымъ отыскать извѣстныя средства, при помощи которыхъ было бы возможно мирнымъ путемъ, по добровольному соглашенію съ Портой добиться обезпеченія своихъ интересовъ на Востокахъ. Такое средство найдено было въ политикѣ, сводившейся къ тому, чтобы на будущее время всячески содѣйствовать сохраненію Турецкой имперіи и тѣмъ самымъ пріобрѣсти ея расположеніе къ намъ. Обязанная Россіи своимъ существованіемъ, Оттоманская Porta, казалось императорскому кабинету, должна была по благорасположенію дѣлать намъ такія уступки, которыя доселѣ были вырываемы у нея только вооруженною рукой, и всецѣло подчиниться нашему вліянію, которое вслѣдствіе этого стало-бы преобладающимъ какъ въ Константинополѣ, такъ и на всемъ Востокахъ. Къ тому же политика поддержанія Турціи, повидимому, вполне отвѣчала и интересамъ западно европейскихъ государствъ, боявшихся за существованіе этой мусульманской державы и поэтому всегда

старавшихся противодѣйствовать намъ на Востокъ. Руководствуясь указанными соображеніями, русское правительство задалось цѣлью поставить Россію въ роль покровительницы Турціи и по этому старалось выказать по отношенію къ ней возможную предупредительность во всѣхъ недоразумѣніяхъ, какія только возникали изъ Адрианопольскаго трактата.

Коренное измѣненіе началъ русской политики въ отношеніи Турціи было довольно пріятною неожиданностію для оттоманскаго правительства. Оно само готово было установить дружественныя связи съ Россіей въ виду накопившагося въ сердцѣ султана негодованія на западныя державы по поводу ихъ образа дѣйствій въ вопросѣ о признаніи политической независимости Греціи. Согласившись подчиниться постановленіямъ Лондонской конференціи въ надеждѣ, что Англія и Франція постараются улучшить условія 10 статьи Адрианопольскаго мирнаго договора, Турція въ концѣ концовъ увидѣла себя обманутой обѣими морскими державами. Между тѣмъ великодушныя поступки императора Николая Павловича заставляли султана относиться къ Россіи съ полнымъ довѣріемъ. Съ либерализмомъ, близкимъ въ донкихотству, императоръ по своей доброй волѣ самъ ослаблялъ условія Адрианопольскаго трактата. Конвенціей, заключенной между Россіей и Турціей 14 (26) апрѣля 1830 года «государь—говорить г. Татищевъ—уменьшилъ военную контрибуцію на два милліона червонцевъ, не считая третьяго милліона, подареннаго Портѣ за признаніе независимости Греціи. Остальная сумма имѣла быть выплачиваема ежегодными взносами по одному милліону каждый. Но этимъ не ограничивалась милость императора Николая. Онъ добровольно отказался отъ выговореннаго въ Адрианополѣ десятилѣтняго права оккупации Дунайскихъ княжествъ русскими войсками, обѣщая вывести ихъ оттуда тотчасъ по уплатѣ Портою вознагражденія за убытки русскихъ подданныхъ. До окончательной же расплаты мы удерживали за собой крѣпость Силистрію съ правомъ пользоваться проложенною черезъ княжества военною дорогою» *).

Всѣми этими и имъ подобными мѣрами, предпринятыми русскимъ правительствомъ въ отношеніи Турціи, расположеніе ея къ

*) Важнѣйшая политика императора Николая Перваго, стр. 340.

Россіи обезпечивалось уже въ достаточной мѣрѣ. Но для полнаго и окончательнаго проведенія своей политической программы русскому правительству этого казалось мало, и императоръ Николай не замедлилъ сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ для осуществленія задуманной цѣли. Желая быть единственнымъ покровителемъ Оттоманской имперіи, изъ тираническихъ рукъ которой незадолго передъ тѣмъ вырвалъ Грецію, государь выступилъ въ качествѣ спасителя Турціи отъ неизбежной гибели, протянувъ руку помощи своему недавнему врагу въ ту самую критическую минуту, когда энергичный и даровитый египетскій паша, Мехметъ-Али, вассалъ турецкаго султана, возмечталъ объ отдѣленіи отъ Порты и о присоединеніи къ себѣ оттоманскихъ владѣній въ Малой Азіи.

Мы уже говорили, что со времени турецкихъ войнъ при императрицѣ Екатеринѣ Великой Оттоманская Порта, приводившая нѣкогда въ трепетъ западную Европу, начала быстро клониться къ упадку. Печальный процессъ распада государственнаго тѣла Турціи ясно обнаруживался въ цѣломъ рядѣ возстаній балганскихъ христіанъ и мусульманскихъ народностей, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи. Порта, конечно, не могла не сознавать своей болѣзненной слабости и для обновленія своихъ государственныхъ силъ не разъ дѣлала попытки преобразованія въ управленіи и войскѣ. Но вводимыя реформы мало приносили пользы, а война 1828—29 годовъ, доведшая Оттоманскую Порту до послѣдней степени истощенія, еще болѣе усилила процессъ ея внутренняго разложенія. Пользуясь этимъ плачевнымъ положеніемъ Турціи, египетскій паша Мехметъ-Али вознамѣрился отнять у султана южную часть Сиріи и присоединить ее къ Египту. Съ этою цѣлью сынъ Мехмета-Али, Ибрагимъ, въ 1831 году вторгся съ огромнымъ войскомъ въ Сирію, взялъ крѣпость Сень-Жанъ-д'Акру и, разсѣявъ высланныя противъ него турецкія войска, направился къ Константинополю, путь къ которому былъ совершенно открытымъ.

Извѣстіе объ успѣхахъ турецкаго вассала произвело тяжелое впечатлѣніе въ Константинополѣ. Для предотвращенія страшнаго опасенія, которая угрожала Оттоманской имперіи въ нѣдрахъ самого мусульманскаго міра,—диванъ вынужденъ былъ искать содѣйствія со стороны европейскихъ державъ. Но при сдержанно-

сти Австріи, безучастіи Пруссіи и ненадежности Франціи, сложившейся болѣе на сторону возставшаго паши для утвержденія своего вліянія въ Египтъ, дѣятельной помощи можно было ожидать только отъ Англіи или Россіи. При этомъ просить содѣйствія «у державы, побѣдоносныя войска которой только что прорыли въ самое сердце государства и традиціонною политическою цѣлью которой было отбросить турецкое господство въ Азію», казалось опаснымъ *). Къ тому же во время турецко-египетскаго конфликта отношеніе къ намъ Оттоманской имперіи были далеко не таковы, чтобы султанъ безъ крайней необходимости счелъ своимъ долгомъ обратиться за помощью прямо къ русскому императору **) По этому Порта, находясь въ серьезной опасности, рѣшила просить помощи у великобританскаго правительства, которое болѣе всего интересовалось сохраненіемъ цѣлости Турецкой имперіи.

Вопреки ожиданіямъ, англійское министерство отклонило просьбу турокъ о помощи, и Оттоманская имперія очутилась на краю гибели. Чтобы предотвратить ея паденіе, западная Европа пыталась было провести мысль о совокупномъ вмѣшательствѣ великихъ державъ въ турецко-египетскую распрю. Но Россія отказалась отъ всякихъ совмѣстныхъ дѣйствій и заявила иностраннымъ кабинетамъ, что считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы каждая изъ великихъ державъ, ратующихъ за спасеніе Оттоманской имперіи, преслѣдовала эту цѣль отдѣльно отъ другихъ ***). Точно такого же мнѣнія, ко всеобщему удивленію, держалась и сама Порта ****) не смотря на то, что въ критическую минуту она не встрѣчала искренняго сочувствія своему положенію ни въ одномъ изъ западныхъ друзей восточнаго владыки. Впрочемъ, серьезная опасность,

*) Розенъ, Исторія Турціи, Спб. 1872 г., ч. I, стр. 175.

**) Порта—говорить г. Татищевъ—„далеко не выказывала намъ прежняго вниманія и покорности. Со времени іюльской революціи, враждебныя намъ вліянія, англійское и французское, стали брать перевѣсъ надъ нашимъ на Босфорѣ. Преданный намъ рейсъ—везенди, Гадимъ, былъ смѣщенъ и замѣненъ западникомъ Неджибомъ. Порта была даже не прочь воспользоваться затрудненіями, причиненными намъ возстаніемъ въ Польшѣ, чтобы измѣнить или по меньшей мѣрѣ отсрочить исполненіе обязательствъ, наложенныхъ на нее Адрианопольскимъ договоромъ“. (Вѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 344).

***) Графъ Нессельроде Татищеву 13 (25) февраля 1833 года.

****) Намыкъ-паша лорду Пальмерстону 17 (29) января 1833 года.

угрожавшая Портѣ, вскорѣ вынудила турецкое правительство измѣнить свои первоначальныя политическія воззрѣнія. Не видя ни откуда помощи, которая дала бы Оттоманской имперіи возможность одолѣть непокорнаго вассала, султанъ бросился въ объятія своему вѣковому врагу—Россіи, содѣйствія которой желалъ избѣжать въ первыя минуты своего затруднительнаго положенія.

Императоръ Николай не замедлилъ внять мольбамъ турецкаго султана о помощи, такъ какъ, предугадывая намѣреніе Мехметъ-Али устранить царствующую въ Турціи династію, онъ съ самаго начала египетскаго возстанія былъ сильно озабоченъ вопросомъ о поддержаніи своего слабаго сосѣда. Сохраненія Турецкой имперіи въ Европѣ государь желалъ, во-первыхъ потому, что поддержаніе ея существованія было теперь кореннымъ началомъ его политики; и во-вторыхъ потому, что въ дѣйствіяхъ турецкаго вассала онъ видѣлъ возстаніе противъ законнаго правителя, легитимнаго монарха. Кромѣ того, по мнѣнію государя, необходимо было поддержать Порту также и ради обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ, связанныхъ съ проливами Босфора и Дарданелль. Въ виду всего этого, когда султанъ, не получая помощи отъ своихъ мнимыхъ друзей и доброжелателей, обратился за содѣйствіемъ къ Россіи, ея черноморскій флотъ явился въ Босфоръ на защиту Константинополя отъ вторженія египетскаго паши, а затѣмъ прибыли въ Малую Азію и русскія войска, чтобы остановить побѣдоносное шествіе Ибрагима.

Появленіе русскаго флота подъ стѣнами Константинополя и общанія, данныя намъ султаномъ, — запретъ Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ кораблей, сильно встревожили французскій и англійскій кабинеты, которые не хотѣли вѣрить въ честность и безкорыстіе политики Россіи. Не успѣвъ предупредить появленія русскаго флота въ Мраморномъ морѣ, морскія державы поспѣшили послать туда свои эскадры, чтобы тѣмъ воспрепятствовать единоличному вмѣшательству Россіи въ турецко-египетскую распрю. Но англійскій флотъ былъ удержанъ отъ входа въ Дарданеллы самимъ великобританскимъ посломъ при Оттоманской Портѣ. Французскій же флотъ остановился въ заливѣ Вурла вслѣдствіе категорическаго заявленія, сдѣланнаго Россіей, что появленіе французской эскадры въ Мраморномъ морѣ будетъ сочтено ею за объявленіе намъ войны.

Въ Константинополѣ, Парижѣ и Лондонѣ поднята была сильная дипломатическая тревога. Распря падишаха съ вассаломъ грозила европейской войной. Но въ эту критическую минуту явился Эоломъ кн. Меттернихъ, который разогналъ роковую тучу, нависавшую надъ берегами Босфора. Исходя изъ легитимистическихъ, охранительныхъ началъ Священнаго Союза и истолковывая въ смыслѣ этихъ началъ восточную политику Россіи, австрійскій канцлеръ принялъ на себя трудъ разубѣдить Англию и Францію, что дѣйствія императора Николая въ данномъ случаѣ не возбуждаютъ никакого подозрѣнія и что на его мѣстѣ также поступилъ бы всякій. Представленія Меттерниха нѣсколько успокоили европейскіе кабинеты, и державы, желавшія поскорѣе удалить русскихъ съ Босфора, общими усиліями склонили къ уступчивости падишаха и его вассала и привели къ мирному окончанію турецко-египетскую распрю. Въ 1833 году Мехметъ-Али заключилъ съ султаномъ въ Кутахія миръ, по которому снова призналъ свою зависимость отъ Порты на условіи присоединенія къ Египту Сирии и пашалыка Аданы, послѣ чего русскій флотъ и вспомогательная войска выступили изъ оттоманскихъ владѣній.

Оцѣнивая великодушный подвигъ Россіи, благодаря которому миновала серьезная опасность, угрожавшая Турціи со стороны Мехмета-Али, паши египетскаго, г. Бутковскій находитъ, что въ дѣлѣ спасенія Турціи «Россія сдѣлала искусный шахматный ходъ». — «Ея политика—говоритъ онъ—шла къ намѣченной цѣли: разрушенію Турецкой имперіи, но собираясь въ эпоху мира съ новыми силами, она не допускала укрѣпленія Турціи. Въ этихъ видахъ слѣдовало парализовать стремленія Мехмета-Али, такъ какъ Россія не могла допустить, чтобы Турецкая имперія, перейдя въ болѣе твердыя руки, была вызвана къ новой жизни» *). Съ мнѣніемъ г. Бутковскаго едвали можно согласиться. Почтенный авторъ совершенно забываетъ, что императоръ Николай во время своей войны съ Турціей отказался отъ разрушенія ея и поставилъ цѣлью своей восточной политики сохраненіе этого слабаго политическаго тѣла и поддержаніе его жалкаго существованія въ Европѣ, несмотря на то, что самъ же нанесъ смертельный ударъ Оттоманской Портѣ

*) Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, т. II, стр. 4.

и что предшествовавшіе уроки исторіи достаточно выяснили намъ непригодность политической теоріи Монтескье по отношенію къ мусульманской имперіи и довольно ясно намѣтили истинныя задачи Россіи на Востокъ. Но если бы императорское правитель-ство даже и стремилось къ разрушенію Оттоманскаго царства въ Европѣ, что предписывалось ему всемірно-историческимъ при-званіемъ Россіи уничтожить мусульманское господство надъ хри-стіанскими народностями Востока, то и въ этомъ случаѣ трудно согласиться съ г. Бутковскимъ, что петербургскій кабинетъ посту-пилъ искусно, спасая Турецкую имперію отъ вѣрной гибели. Какъ ни величественъ былъ рыцарскій подвигъ императора Николая, но совершенное имъ спасеніе Оттоманской Порты не можетъ быть одобрено. Не говоря уже о томъ, что спасеніе Турціи и поддер-жаніе ея существованія въ Европѣ было вообще не въ видахъ и интересахъ Россіи, какъ православной, славянской державы, мы не можемъ обойти молчаніемъ того несомнѣннаго факта, что па-деніе Оттоманской Порты въ силу внутренняго процесса разло-женія до крайности облегчало дѣло освобожденія изъ подъ турецкаго гнета нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Во время возстанія Мехмета - Али Россіи представлялся весьма удобный случай удалить изъ Европы турокъ и такимъ образомъ разъ на всегда покончить съ турецкимъ деспотизмомъ на Балванскомъ полуостровѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ссорѣ, происшедшей между Мехметомъ-Али и турецкимъ султаномъ, Николай принялъ сто-рону послѣдняго не только потому, что желалъ сохраненія Отто-манской Порты, но и потому, что египетскій паша намѣренъ былъ устранить царствующую въ Турціи династію и провозгласить себя султаномъ. Еслибы императорскій кабинетъ въ данный мо-ментъ отрѣшился отъ теоріи Монтескье и легитимистическихъ на-чалъ Священнаго Союза, то онъ съ большей пользой для Россіи и близкихъ ей по крови и духу балванскихъ племенъ могъ бы стать на сторону непокорнаго турецкаго вассала, поставивъ пре-дѣломъ для обновленной имъ Оттоманской имперіи мало-азіатскіе берега. Тогда вѣковой врагъ Россіи и христіанства перенесъ бы свое мѣстопробываніе въ Малую Азію, совершенно прекративъ свое жалкое господство въ Европѣ. Еслибы Россія поступила такъ, то она сдѣлала бы, по нашему мнѣнію, болѣе искусный

шахматный ходъ, такъ какъ русскій народъ могъ бы тогда оказать существенную и давно ожидавшуюся помощь своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, которые имѣли бы возможность получить полную независимость отъ восточнаго владыки и образовать изъ себя самостоятельныя политическія тѣла на развалинахъ европейской Турціи.

Задавая себѣ вопросъ о томъ, съ какою цѣлью и въ защиту какихъ интересовъ могла вмѣшаться Россія въ турецко-египетское дѣло, г. Поповъ говоритъ: «Выступая противъ египетскаго паши, Россія должна была имѣть въ виду только собственные интересы и выгоды покровительствуемыхъ ею христіанъ. Лишь въ томъ случаѣ, если бы Мегметъ-Али грозилъ низверженіемъ Махмуду, а возрожденіемъ Оттоманской имперіи ея христіанскимъ подданнымъ, оправдывалось вооруженное вмѣшательство Россіи въ восточныя дѣла. Но ничто не показывало, чтобы у Мегмета-Али были такіе замыслы и чтобы у него были достаточныя средства овладѣть всѣмъ Востокомъ; между тѣмъ Россія сдѣлала, съ своей стороны, все, чтобы предупредить успѣхи честолюбиваго паши. Русскія войска явились на Босфорѣ, и египтяне отступили въ свои земли. При самомъ опасномъ оборотѣ дѣлъ всѣ усилія русской дипломатіи должны были ограничиться защитою европейской Турціи. Того требовали выгоды христіанъ, а стало быть и выгоды Россіи. При распаденіи Османской имперіи на двѣ половины вопросъ о судьбѣ христіанъ значительно упростался. Имъ было бы легче бороться противъ мусульманъ, оставшихся на европейскомъ берегу, и при малѣйшемъ успѣхѣ съ ихъ стороны переселеніе турокъ въ Азію, всегда обычное въ подобныхъ случаяхъ, приняло бы большіе размѣры» *). Что раздѣленіе Турецкой имперіи было выгодно для Россіи, это г. Поповъ доказываетъ и тѣмъ, что подобный оборотъ дѣла могъ значительно содѣйствовать и нашимъ матеріальнымъ интересамъ на Востокъ, тѣмъ болѣе, что русское правительство отъ покровительства грекамъ и славянамъ, котораго мы держались съ незапамятныхъ временъ, переходило къ интересамъ отдаленнаго Востока, втягивалось въ восточный вопросъ во всемъ его объемѣ. «Россіи — говоритъ онъ — нуженъ

*) Россія и Сербія, ч. II, стр. 319—320.

былъ выходъ изъ Чернаго моря, ключи отъ котораго были въ рукахъ одной и той же державы, хотя и слабой. Было-бы гораздо выгоднѣе для Россіи, если бы эти ключи были въ двухъ рукахъ, точно такъ же, какъ для всей Европы стало выгоднѣе, когда проходъ изъ Балтійскаго моря въ Сѣверное перешелъ во владѣніе Даніи и Шведіи. Оставляя оба пролива въ рукахъ Порты, русская дипломатія, конечно, рассчитывала на слабость и покорность ея. Но уже и тогда между русскими дипломатами находились люди, которые не соглашались съ вѣрностью такого расчета *)).

Изъ такихъ людей г. Поповъ указываетъ на чиновника дипломатической канцеляріи при главной арміи, Фонтана, который еще въ 1829 г. такъ рассуждалъ объ этомъ вопросѣ въ своемъ письмѣ къ Кривцову: «Напрасно мы льстимся надеждою, что Порта чѣмъ слабѣе, тѣмъ послушнѣе или покорнѣе будетъ; страхомъ дружба не пріобрѣтается. Да впрочемъ трусливый другъ хуже непріятеля. Заключи завтра съ Турціею оборонительный и наступательный договоръ, и будь у насъ съ Англіею война, думаешь-ли ты, что на Порту можно будетъ положиться, и что она, если ей обѣщаютъ возвратить Крымъ, не пропуститъ англичанъ черезъ Дарданеллы и Босфорскій проливъ? Нѣтъ, любезный другъ, отъ такого правительства, какъ турецкое, намъ выгодъ весьма мало, а неудобствъ и опасностей гибель. Имѣя самыя безкорыстныя намеренія, мы не менѣе того возбуждали и возбуждаемъ недовѣріе другихъ европейскихъ державъ. Слабость же Порты даетъ имъ возможность безпрестанно намъ противодействовать и завлекать насъ въ разорительныя и бесполезныя войны. Съ какой стороны ни разсматривай, никакой пользы для Россіи не вижу имѣть такого слабаго сосѣда, какъ Порту, и не менѣе того навлекать на себя стыдъ и терпѣть отъ нея не только притѣсненія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ, но униженіе самой православной восточной Церкви. Что же дѣлать? какъ дѣйствовать? Меня объ этомъ не спрашивали; но я бы вотъ что сказалъ. Географическое положеніе Россіи на югъ страдаетъ природнымъ недостаткомъ. Ей нельзя ждать до періодическаго потопа, о которомъ я тебѣ разъ писалъ, то-есть пять тысячъ лѣтъ, въ надеждѣ,

*) Назв. соч., стр. 320.

что тогда природными стихіями расширятся проливы Босфоръ и Дарданеллы. Россія на югъ требуетъ простора, соответствующаго ей важности и вліянію, которое она должна имѣть на всѣ европейскія дѣла. Пока Европа не найдетъ удобнаго способа удовлетворить этой необходимой надобности Россіи, до тѣхъ поръ восточный вопросъ не будетъ рѣшенъ, а будетъ висѣть надъ міромъ, какъ мечъ Дамоклеса. Всякое рѣшеніе въ этомъ вопросѣ, которое не будетъ соответствовать потребностямъ Россіи, или противно будетъ нуждамъ и желаніямъ, вражденнымъ народнымъ чувствамъ, будетъ рѣшеніе временное, непрочное *)). Подрывая замыслы египетскаго паши, Россія предпочла рѣшеніе временное и непрочное всякому другому, хотя имѣла полную возможность содѣйствовать своимъ нуждамъ на Востокъ, безъ всякаго ущерба для турецкихъ христіанъ.

Какъ бы то ни было, въ 1833 году Россія спасла Турцію отъ неизбежной гибели. Оказанная нами дѣятельная помощь османамъ въ самую критическую минуту борьбы съ египетскимъ вассаломъ убѣдила турецкаго султана въ непоколебимомъ рѣшеніи императора Николая охранять существованіе Оттоманской Порты, и онъ вслѣдствіе этого вознамѣрился укрѣпить дружественныя отношенія съ русскимъ государемъ. Еще въ первый день по прибытіи русскихъ войскъ на помощь падишаху Муравьеву было заявлено, что султанъ желаетъ связать узы дружбы съ Россіей «оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ съ императоромъ», сдѣлавъ «союзъ сей гласнымъ передъ всѣми дворами Европы **). «Мысль эта—говоритъ баронъ Брунновъ—была принята государемъ благожелательно, ибо его величество считалъ осуществленіе проекта новымъ ручательствомъ за спокойствіе Востока и, слѣдовательно, комбинаціей, отвѣчавшею вѣрно понятымъ интересамъ Россіи. Исходя изъ такого убѣжденія, онъ разрѣшилъ графу Орлову подписать, совмѣстно съ г. Бутеневымъ, союзный договоръ, редакція коего была установлена въ Петербургѣ и удостоилась предварительнаго одобренія императора ***). 26 іюня 1833 года этотъ союзный договоръ съ Портой былъ подписанъ въ Константино-

*) Назв. соч., 320—321.

**) Муравьевъ. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году, стр. 274.

***) Татищевъ, назв. соч., стр. 378—379.

полгъ помимо всякаго участія западно-европейскихъ кабинетовъ, такъ какъ Николай Павловичъ «не счелъ нужнымъ справляться съ мнѣніемъ иностранныхъ державъ, не исключая и ближайшихъ своихъ союзниковъ, дворовъ берлинскаго и вѣнскаго, съ которыми онъ въ это самое время скрѣплялъ нѣсколько ослабѣвшія узы прежней дружбы и единенія» *). Договоръ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Ункіарь-Искелесскаго; названъ онъ такъ потому, что въ долину этого имени, на берегу Малой Азіи, близъ Константинополя, были расположены наши десантныя войска.

Ункіарь-Искелесскій договоръ состоялъ изъ шести гласныхъ и одной тайной, добавочной статьи. Во введеніи къ договору говорилось, что задача его—сохраненіе мира и полнаго согласія, по счастію уже существующаго между договаривающимися державами, равно какъ и укрѣпленіе взаимной дружбы. Затѣмъ въ отдѣльныхъ статьяхъ договора развивались основныя начала оборонительнаго союза между Россіей и Портой, сводящіяся къ нижеслѣдующему: 1) «союзъ этотъ имѣетъ единственною своею цѣлью взаимную защиту владѣній договаривающихся державъ отъ всякихъ посягательствъ», вслѣдствіе чего «ихъ величества общаются откровенно совѣщаться относительно всѣхъ предметовъ, касающихся ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности и въ случаѣ надобности подавать другъ другу существенную помощь и самое дѣятельное подкрѣпленіе» (ст. 1); 2) «сообразно правиламъ взаимной поддержки и защиты, которыя служатъ основаніемъ настоящаго союзнаго договора и вслѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе и полную независимость Блистательной Порты», императоръ російскій общается, въ случаѣ надобности, предоставить въ распоряженіе султана русскія сухопутныя и морскія силы въ количествѣ, «опредѣленномъ обѣими высокими договаривающимися сторонами» (ст. 3); 3) содержаніе вспомогательныхъ войскъ, выставленныхъ въ силу настоящаго договора тою или другою изъ договаривающихся державъ, должно падать на сторону, нуждающуюся въ помощи. «Въ случаѣ, если одна изъ державъ потребуетъ отъ другой помощи, то расходы по предмету продовольствія выставленныхъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 386.

будутъ отнесены на счетъ той державы, которая требовала вооруженной помощи» (ст. 4); 4) оборонительный союзъ заключается на 8 лѣтъ; до истеченія же этого срока «обѣ стороны войдутъ въ переговоры относительно возобновленія этого трактата, сообразно съ общимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ времени» (ст. 5); 5) такъ какъ Турція, по своей слабости не могла оказать вооруженной помощи Россіи, на которую послѣдняя имѣла право въ силу взаимности, то замѣнить этой помощи, по секретной статьѣ, султанъ обязывался закрыть Дарданельскій проливъ для военныхъ судовъ иностранныхъ государствъ и не отрывать его ни подъ какимъ видомъ. Въ секретной статьѣ было сказано: «Однимъ изъ условій первой статьи явнаго союзнаго оборонительнаго договора, заключеннаго между російскимъ императорскимъ дворомъ и Блистательною Портою, обѣ высокія договаривающіяся стороны обязались подавать другъ другу существенную помощь и самое дѣятельное подкрѣпленіе для обезпеченія безопасности ихъ владѣній. Однако его величество императоръ все-россійскій желаетъ освободить Блистательную Оттоманскую Порту отъ тяжелой и неудобной для нея обязанности доставлять матеріальную помощь Россіи, и поэтому не будетъ требовать таковой; въ случаѣ же, если бы обстоятельства поставили Блистательную Порту въ обязанность оказывать содѣйствіе Россіи, то султанъ по праву взаимности, утвержденной явнымъ договоромъ, долженъ будетъ ограничить свои дѣйствія въ пользу императорскаго російскаго двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, т. е. ни подъ какимъ предлогомъ не допускать входа въ него иностранныхъ военныхъ кораблей» *)

Таково содержаніе Ункіарь-Искелесскаго трактата. Заключеніе его было послѣдовательнымъ примѣненіемъ разъ принятаго нами рѣшенія охранять Турецкую имперію, и поэтому вызываетъ всѣ тѣ замѣчанія, которые были сдѣланы выше по поводу поставленій тайнаго комитета 1829 года и спасенія Оттоманскаго царства въ Европѣ въ 1833 году. Но кромѣ того Ункіарь-Искелесскій

*) Трактатъ, заключенный въ Константинополѣ 26 іюня (8 іюня) 1833 года и секретную статью къ нему см. у Юзефовичу, „Договоры Россіи съ Востокомъ“ стр. 89—92.

трактатъ заслуживаетъ порицанія еще и въ другомъ отношеніи. Онъ ставилъ Россію въ неловкое положеніе по отношенію къ турецкимъ христіанамъ, такъ какъ ей отнынѣ приходилось въ одно и то же время покровительствовать и угнетаемымъ, и угнетателямъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ Поповъ: «Послѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ успѣховъ, послѣ Наваринской битвы и освобожденія Греціи, послѣ Аккерманской конвенціи, славной войны съ Турціей, приведшей русскія войска почти къ самой столицѣ султана, послѣ Адрианопольскаго мира и послѣдовавшихъ за нимъ условій, въ виду почти общаго стремленія остальныхъ частей враждебной имперіи отдѣлиться отъ нея, по примѣру Греціи, Сербіи, Молдавіи и Валахіи, Россія должна была теперь отстаивать цѣлость той самой имперіи, борьба съ которой вошла въ преданіе, велась болѣе полутора вѣка и уже принесла столько счастливыхъ послѣдствій. Не трудно было отстоять цѣлость Турціи; труднѣе было объяснить христіанскимъ народамъ, желавшимъ освободиться отъ турецкаго ига, тѣ побужденія, которыми руководилась русская политика, приступая къ такому рѣшительному шагу. Въ ихъ глазахъ этотъ шагъ могъ представиться поворотомъ въ русской политикѣ, или, по крайней мѣрѣ, казаться подозрительнымъ относительно чистоты намѣреній покровительствовавшей имъ державы. Христіанскіе народы Турціи не могли ясно сознать той связи событій, которая соединяла интересы Европейской Турціи съ Азіатскою. Они не могли не считать вражду Египта и Сиріи противъ султана, междоусобную войну между мусульманами, за счастливое предназначеніе для себя; имъ не видно было, что ошибка русской политики проистекала изъ слишкомъ широкаго взгляда на восточный вопросъ, изъ сообщенія ему слишкомъ обширныхъ размѣровъ, изъ неумѣнья остановиться вовремя, ограничить кругъ дѣйствій Европейскою Турціею, интересами ея народовъ и, достигнувъ всѣхъ цѣлей на Балканскомъ полуостровѣ, уже съ болѣею твердостью проводить свое вліяніе и на отдаленномъ Востокѣ. Такой рѣшительный шагъ Россіи, принявшей подъ свою защиту Турецкую имперію, то-есть султана и его мусульманское правительство, въ глазахъ наиболѣе проницательныхъ или подозрительныхъ между христіанами, бросалъ тѣнь на самыя цѣли, которыя Россія могла преслѣдовать внутри Евро-

пейской Турціи. Народное чувство русскаго человѣка могло объяснять дѣйствія русской политики иными побужденіями, отчасти вытекавшими изъ отношеній Россіи къ остальному Востоку, могло даже считать ихъ, какъ это въ дѣйствительности и было, внезапнымъ порывомъ великодушія къ недавно еще униженному врагу. Христіане Европейской Турціи не могли раздѣлять такого взгляда, и это было понятно даже для самихъ представителей русской дипломатіи *)). — «Странное событіе! восклицаетъ Н. Н. Муравьевъ: Россія природный, давній врагъ Турціи, поддерживаетъ упадающее царство сіе, и Турція должна положить лучшія свои надежды на Россію. Паденіе неизбѣжно, и хотя предпринимаемыя нынѣ мѣры отсрочать на нѣкоторое время разрушеніе Оттоманской имперіи, но онѣ не остановятъ общаго стремленія, къ коему влекутъ самыя обстоятельства. Убѣжденіе это всеобщее въ Европѣ; оно поражаетъ помышленія и самихъ турокъ. Но кто предречетъ, какія новыя царства замѣнятъ владычество султана въ Европѣ и какія новыя племена населятъ прелестную страну поработенной Греціи **).

При всей неестественности и ненормальности дружбы русскаго царя съ турецкимъ султаномъ, — защитника балканскихъ христіанъ съ ихъ безошаднымъ угнетателемъ, союзный договоръ 1833 года, ставившій Турцію въ положеніе нашей подручницы и уполномочивавшій Россію защищать Порту отъ всякихъ покушеній, былъ по виду значительнымъ торжествомъ нашей политики. По Ункіарь-Искелесскому договору мы достигали высшаго проявленія нашего историческаго преобладанія на Босфорѣ. Отдавшись подъ покровительство русскаго царя, Турція всецѣло передавала себя въ руки Россіи. Въ силу союзныхъ отношеній, въ силу той защиты, которую мы обѣщали султану по этому договору, намъ открывалась возможность добиться полнаго и широкаго примѣненія тѣхъ постановленій Аккерманской конвенціи и Адрианопольскаго трактата, которыми обезпечивалась автономія Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Ункіарь-Искелесскимъ трактатомъ, какъ бы завершавшимъ рядъ нашихъ договоровъ съ Портой, Россія самымъ рѣшитель-

*) Россія и Сербія, ч. I, стр. 260—261.

***) Русскіе на Босфорѣ, стр. 47.

нымъ образомъ заставляла султана признать и не оспаривать болѣе нашего преобладающаго положенія на Востоку и исключительнаго права вмѣшательства въ пользу подвластныхъ Турціи христіанъ, того самаго права, которымъ всегда дорожилъ императоръ Николай и которое онъ считалъ неотъемлемою принадлежностью своего престола.

Но если Ункіарь-Искелесскій трактатъ, бывший вознагражденіемъ Россіи за оказанную султану поддержку во время турецко-египетской распри, на первыхъ порахъ усиливалъ русское вліяніе на Востоку и потому съ большимъ восторгомъ встрѣченъ былъ въ Петербургѣ, то во всѣхъ западно-европейскихъ столицахъ онъ пробудилъ исконное чувство зависти и неудовольствія. Въ западной Европѣ уже вызвало тревогу пріобрѣтенное Россіей право сосредоточивать свои войска на турецкой границѣ, такъ какъ безкорыстіе нашего правительства подвергалось сильному сомнѣнію, и его подозрѣвали въ намѣреніи вызвать въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Турціи волненія съ тѣмъ, чтобы подавить ихъ и такимъ образомъ держать Порту подъ русской опекой. Когда-же иностранные кабинеты узнали содержаніе секретной статьи, по которой закрытіе Дарданеллъ признавалось принципомъ международнаго права, то они усмотрѣли въ этомъ мѣры, прямо направленныя противъ нихъ *). Получивъ извѣстіе о заключеніи Ункіарь Искелесскаго трактата, князь Меттернихъ—говоритъ Татищевъ—промолчалъ, и даже притворился, что его нисколько не тревожитъ новое проявленіе русскаго вліянія на Босфорѣ. Но въ Лондонѣ и главнымъ образомъ въ Парижѣ громко заговорили, что трактатъ силой исторгнутъ у султана, что Россія превратила въ верховенство и протекторатъ преобладаніе, которымъ она давно пользовалась въ Константинополѣ. Въ официальной депешѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ выражалъ мнѣніе, что союзнымъ трактатомъ съ Портой «петербургскій кабинетъ хотѣлъ передъ лицомъ всей Европы открыто провозгласить, возвести въ принципъ международнаго права свое исключительное, выходящее изъ ряда преобладаніе въ дѣлахъ Оттоманской имперіи». Гизо шелъ еще далѣе и въ своихъ запискахъ

*) Бутковскій. Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, т. II, стр. 6.

увѣряетъ, что Ункіарь-Искелесскимъ договоромъ Турція обращена въ оффиціального кліента Россіи, Черное море въ русское озеро, входъ въ которое охранялся де этимъ самымъ кліентомъ противъ враговъ Россіи, тогда какъ выходъ оставался свободнымъ для нея и она во всякое время могла направлять свои суда и войска въ Средиземное море *).

27 августа баронъ Руссенъ вручилъ рейсъ-эфенди ноту, въ которой говорилось, что онъ уполномоченъ своимъ правительствомъ заявить Портѣ о томъ, что французскій кабинетъ съ сожалѣніемъ принялъ извѣстіе о союзномъ договорѣ, заключенномъ 8 іюля. Французское правительство — заявлялось далѣе въ нотѣ — полагаетъ, что Ункіарь-Искелесскій трактатъ внесъ существенную перемѣну въ отношенія Россіи къ Оттоманской Портѣ, которыя получаютъ теперь совершенно иной характеръ, что европейскія державы имѣютъ право не давать своего согласія на подобныя перемѣны, что поѣтому Франція считаетъ этотъ договоръ недействительнымъ, и если петербургскій кабинетъ когда-нибудь на основаніи его вооруженною рукою вмѣшается во внутреннія дѣла османовъ, то она будетъ дѣйствовать согласно обстоятельствамъ, совершенно свободно и независимо**). Въ подобномъ же тонѣ сдѣлалъ заявленіе и лордъ Понсонби, при чемъ «поспѣшное возвращеніе англійскаго и французскаго флотовъ къ Дарданелламъ, отъ которыхъ они, по заключеніи мира съ Мегметомъ-Али, удалились, придадо протестамъ вѣсь, поставившій Порту въ немалое затрудненіе» ***),

Отыскивая причину, по которой морскія державы признавали недействительнымъ Ункіарь-Искелесскій трактатъ, заключенный между двумя независимыми государствами и не нарушавшій верховныхъ правъ остальныхъ державъ Европы, нельзя не согласиться съ г. Татищевымъ, что Англія и Франція для своего протеста не имѣли никакого юридическаго основанія. «Съ точки зрѣнія права — говоритъ онъ — трудно было что-либо признать въ немъ незаконнымъ. Порта, въ качествѣ независимой державы, властна была заключать союзы, съ кѣмъ хотѣла, никому не отда-

*) Высшая политика императора Николая, стр. 382.

***) Розень. Исторія Турціи, ч. I, стр. 206.

***) Назв. соч., стр. 206.

вая отчета въ ихъ условіяхъ. Къ тому же договоръ не создавалъ новаго положенія, а лишь узаконялъ фактъ союзной помощи, дѣйствительно поданной Россіей султану *)). Но если у морскихъ державъ не было юридическихъ основаній для протеста, то они имѣли для него серьезныя политическія соображенія, — опасеніе, чтобы Россія не довела своего преобладающаго положенія на Востокъ до роковыхъ предѣловъ. Европа слишкомъ проникнута была различными эгоистическими стремленіями во внѣшней политикѣ и потому не хотѣла, да и не могла повѣрить, что Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Оттоманской Портѣ чужда политическаго корыстолюбія. Напротивъ, изъ нашего образа дѣйствій она вполне убѣждалась въ томъ, что восточная политика Россіи стремится къ достиженію какихъ-то тайныхъ честолюбивыхъ цѣлей.

При всемъ томъ неудовольствіи, которое выражали на Западѣ по поводу заключенія Ункіарь-Искелесскаго трактата, Россія не встрѣтила противодѣйствія своей политикѣ на Востокъ, и если морскія державы торжественно заявили свой протестъ Портѣ противъ договора 26 іюня, то по требованію той же самой Порты онѣ должны были удалить свои эскадры отъ Дарданельскаго пролива. Повторяя свой протестъ съ разными угрозами въ Петербургъ, Англія и Франція потерпѣли также неудачу. Нашъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде категорически имъ отвѣтилъ, что «государь императоръ рѣшился исполнить въ точности, если къ тому представится случай, обязательства, возложенныя на него трактатомъ 26 іюня (8 іюля), поступая такъ, какъ еслибы не существовало ноть англійскаго и французскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ» **). Протестъ морскихъ державъ противъ Ункіарь-Искелесскаго трактата и формальнаго права двухъ независимыхъ державъ заключить его не могъ имѣть серьезныхъ послѣдствій тѣмъ болѣе, что союзные Россіи нѣмецкіе дворы не замедлили признать нашу сдѣлку съ Турціей.

Австрія и Пруссія не примкнули къ дипломатическому противъ насъ походу морскихъ державъ. Принося императорскому правительству свои поздравленія по поводу одержанной имъ блестящей

*) Внѣшняя политика императора Николая, стр. 381.

***) Графъ Нессельроде Бляу и Лагрене 24 октября 1833 г.

дипломатической побѣды на Востокѣ, онѣ лишь выразили скрытое желаніе, чтобы Россія не пользовалась предоставленнымъ ей по договору правомъ проводить свой военный флотъ черезъ проливы. Такое болѣе или менѣе благопріятное отношеніе къ намъ вѣнскаго двора объяснилось тѣмъ, что послѣ іюльскихъ событій 1830 года, пробудившихъ революціонный духъ на западѣ и югѣ Европы, Австрія искала опоры со стороны Россіи. Къ тому же къ этому времени вѣнскій кабинетъ настолько сблизился съ императорскимъ правительствомъ и такъ успѣлъ подчинить его своему вліянію, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе по дѣламъ Востока и тѣмъ поставимъ существованіе Турціи въ Европѣ подъ охрану совмѣстныхъ попеченій Россіи и Австріи.

Г Л А В А XII.

Восточная политика Россіи послѣ заключенія Ункіарь-Искелеснаго трактата.

Мюнхенгречская и берлинская конвенціи 1833 года.—Цѣль договора Россіи съ Австріей по восточнымъ дѣламъ и ея несостоятельность.—Бездѣйствіе нашей дипломатіи на Востокъ.—Русское вліяніе въ Дунайскихъ княжествахъ.—Бухарестскій комитетъ и выработанный имъ органическій уставъ.—Конвенція 1834 года и выступленіе русскихъ войскъ изъ княжествъ.—Утвержденіе внутренней независимости Сербіи.—Вопросъ о сербскомъ уставѣ.—Беспорядки 1835 года и уставъ Давидовича.—Протестъ противъ этого устава со стороны Порты, Австріи и Россіи.—Посылка въ Сербію барона Рикмана.—Поворотъ Милоша отъ Россіи.—Русскій „базисъ“.—Посылка въ Сербію князя Долгорукаго.—Политика Англіи.—Назначеніе русскаго консула въ Бѣлградъ.—Сербскій уставъ 1839 года и его значеніе.—Отреченіе Милоша отъ княжескаго званія.

Какъ извѣстно, послѣ Адрианопольскаго мира Австрія явно обнаруживала желаніе окончательно порвать союзныя связи съ Россіей. Еще въ докладѣ императору Францу 27 сентября (9 октября) 1829 года австрійскій канцлеръ, подъ вліяніемъ постигшихъ его неудачъ, настаивалъ на необходимости совершенно измѣнить политику вѣнскаго двора въ виду того, что «великій союзъ» расторгнутъ уже со времени подписанія Лондонскаго протокола 1827 года, которымъ Россія нарушила обязательства поддерживать существующія законныя учрежденія, выразивъ твердое намѣреніе вступиться за возставшихъ грековъ. Съ своей стороны и Россія послѣ русско-турецкой войны 1828—1829 годовъ увидѣла въ дѣйствіяхъ вѣнскаго двора невозможность поддерживать съ нимъ прежнія союзныя отношенія. Въ виду этого, къ началу 1830 г. взаимныя отношенія великихъ державъ значительно измѣнились. Австрія сключилась къ союзу съ Англіей, чтобы сообща противодѣйствовать Россіи на Востокъ. Напротивъ, Франція, надѣявшаяся при нашемъ

содѣйствіи возвратить потерянные въ 1814 году «естественныя границы»: Рейнъ и Альпы, тяготѣла къ Россіи. До известной степени сочувствовала намъ и Пруссія, въ силу родственныхъ связей ея двора съ нашимъ императорскимъ домомъ.

Но этой, только еще намѣчавшейся новой группировкѣ великихъ державъ, не суждено было осуществиться. Іюльская революція 1830 года, низвергшая возстановленныхъ Священнымъ Союзомъ Бурбоновъ и измѣнившая французскую конституцію въ болѣе либеральномъ омыслѣ, а также приведшая къ отдѣленію Бельгіи отъ Голландіи и пробудившая въ Польшѣ стремленіе къ прежней самостоятельности и независимости въ предѣлахъ 1772 года,—должна была образовать новыя политическія созвѣздія, тѣмъ болѣе что въ самой Англій подѣ влияніемъ революціи произошла перемѣна министерства въ пользу виговъ и новый либеральный кабинетъ вступилъ въ «сердечное соглашеніе» съ конституціонной монархіей Людовика Филиппа Орлеанскаго. Потерявъ всякую возможность сойтись съ *либеральной* Англійей и опасаясь, какъ бы разрушительный революціонный потокъ не отразился гибельно на слабомъ зданіи австрійской монархіи, кн. Меттернихъ поспѣшилъ забыть о прошлыхъ неприятностяхъ съ Россіей и сталъ склонять петербургскій кабинетъ условиться объ общихъ дѣйствіяхъ въ виду событій, грозныхъ для всѣхъ монархій Европы. Для этого онъ поскакалъ въ Карлсбадъ, гдѣ лечился Нессельроде, и здѣсь изложилъ русскому канцлеру основанія соглашенія въ смыслѣ охранительныхъ началъ. Сущность этого соглашенія, изложеннаго въ нѣсколькихъ строкахъ, известныхъ въ дипломатическомъ мѣрѣ подѣ названіемъ «карлсбадскаго лоскута», заключалось въ слѣдующемъ «принять за общее основаніе нашего поведенія рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но и не допускать съ другой стороны, чтобы французское правительство посягало на матеріальные интересы Европы въ томъ видѣ, какъ они установлены и гарантированы общими уговорами, а также на внутренній миръ европейскихъ государствъ» *).

Такимъ образомъ, подѣ влияніемъ опасеній за существованіе

*) „Карлсбадскій лоскутъ“ помѣченъ 25 іюля (6 августа 1830 г.; см. у Татищева: Высшая политика императора Николая, стр. 23—24.

австрийской монархіи кн. Меттернихъ снова навязывалъ Россіи тройственный союзъ сѣверныхъ державъ, въ пользу котораго для насъ русское правительство уже не разъ имѣло случай сомнѣваться. Но домогаясь союза съ петербургскимъ дворомъ ради огражденія своего отечества со стороны французской революціи, австрийскій канцлеръ, разумѣется, не могъ ограничить соглашеніе съ Россіей одними дѣлами Запада, такъ какъ недавнія событія на Востокѣ достаточно ясно указывали ему на необходимость подготовить благоприятную почву для противодѣйствія восточной политикѣ Россіи, которая окончательно подрывала значеніе Австріи на берегахъ Босфора. При всемъ томъ наружномъ равнодушіи, которое кн. Меттернихъ желалъ выказать по поводу заключенія Ункіаръ-Искелесскаго трактата, онъ далеко не хладнокровно смотрѣлъ на положеніе, занятое нами на Востокѣ, и во что бы то ни стало желалъ парализовать свободу дѣйствій Россіи въ отношеніи Турціи. Наилучшимъ же средствомъ къ тому представлялось соглашеніе Австріи съ Россіей по восточному вопросу, такъ какъ при этомъ соглашеніи петербургскій дворъ лишался возможности что-либо предпринимать въ отношеніи Турціи безъ вѣдома вѣнскаго кабинета.

Подъ вліяніемъ неослабѣвавшей боязни всесвѣтной революціи русское правительство само было склонно къ тѣсному сближенію съ своими прежними союзниками. «Оплоть образуемый нынѣ Австріей и Пруссіей»,—говоритъ современный дипломатическій документъ—падетъ. Борьба мнѣній, происходящая на берегахъ Рейна, перенесется на наши собственные границы. Словомъ, Россія, какъ и въ 1812 году, будетъ вынуждена снова схватиться съ Франціей; но борьба эта, можно смѣло сказать, будетъ опаснѣе, чѣмъ тогда. Придется не сражаться съ врагомъ въ открытомъ бою, а обороняться отъ болѣе страшнаго противника. Мы станемъ лицомъ къ лицу съ революціоннымъ духомъ, глухо подтачивающимъ державы самыя сильныя. Существенная польза Россіи требуетъ, чтобы мы держали его въ удаленіи отъ себя, посредствомъ странъ, отдѣляющихъ насъ отъ очага революціи. Поддерживать между нами и Франціей нравственную преграду, состоящую изъ дружественныхъ намъ державъ и монархій, твердо основанныхъ на началахъ

сходныхъ съ нашими,—таковъ истинный и постоянный интересъ Россіи *)).

Сближенію Россіи съ Австріей и Пруссіей, по взгляду русскаго правительства, не препятствовали и восточныя дѣла. Предвидя близкій и неизбежный конецъ Турціи, императоръ Николай во время войны съ нею, путемъ опыта убѣдился, что Европа не доверитъ ему одному рѣшенія восточнаго вопроса, и поэтому готовъ былъ вступить въ переговоры съ вѣнскимъ дворомъ относительно будущей судьбы Востока. При такихъ взглядахъ русскаго правительства на дѣла Запада и Востока Меттерниху не трудно было добиться восстановления тройственнаго союза и соглашенія съ Россіей по восточному вопросу. Союзъ трехъ сѣверныхъ державъ былъ окончательно скрѣпленъ личными свиданіями императора Николая съ королемъ Фридрихомъ Вилгельмомъ III въ Шведтѣ и съ императоромъ Францемъ I въ Мюнхенгрецѣ въ 1833 году, причемъ во время этого свиданія прежніе, уже нѣсколько устарѣвшіе договоры, были дополнены тремя тайными конвенціями: двумя Мюнхенгрецкими, заключенными между Россіей и Австріей, и конвенціей, подписанной въ Берлинѣ представителями Россіи, Австріи и Пруссіи.

Въ одной Мюнхенгрецкой конвенціи Россія и Австрія гарантировали другъ другу польскія владѣнія и кромѣ того взаимно обязывались выдавать политическихъ преступниковъ, перебѣжчиковъ изъ смежныхъ польскихъ областей. Въ другой конвенціи, касающейся непосредственно восточнаго вопроса, договаривающіяся державы распространяли существующее между ними соглашеніе и на Турцію, т.-е. осуществляли завѣтную мечту Меттерниха втянуть Турцію въ общій кругъ европейскихъ державъ, чтобы ослабить исключительное значеніе Россіи на Востокъ, о чемъ австрійскій канцлеръ думалъ уже со времени Вѣнскаго конгресса. Во вступленіи къ этой конвенціи говорилось, что австрійскій и русскій императоры тѣснымъ союзомъ «въ продолженіе послѣднихъ событій въ Египтѣ» энергично содѣйствовали «предохраненію Оттоманской имперіи отъ угрожавшихъ ей опасностей, а Европы отъ усложненій, которыя могли отъ того послѣдовать»; — «дѣйствуя

*) Незаданная записка барона Брунова: „Объ общихъ началахъ, служащихъ основаніемъ нашей внѣшней политики“, см. у Татищева, назв. соч. стр. 25.

въ духѣ охраненія, руководящемъ ихъ общею политикою и желая обезпечить безопасность и спокойствіе собственныхъ, сопредѣльныхъ съ Турціей владѣній», оба императора заявляли дагѣе о своемъ намѣреніи «принять это начало единенія за основное правило ихъ будущаго образа дѣйствій по отношенію къ дѣламъ Востока. Соответственно этому, ихъ величества признали нужнымъ установить особою конвенціей возможныя въ будущемъ рѣшенія, необходимость которыхъ могла бы быть вызвана примѣненіемъ этого начала». Содержаніе самой конвенціи заключалось въ слѣдующемъ: 1) Россія и Австрія обязывались поддерживать Оттоманскую имперію подъ управленіемъ нынѣшней династіи и въ совершенномъ согласіи посвятить для этой цѣли всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства, вліянія и дѣйствія; 2) вслѣдствіе этого оба императорскіе двора рѣшили общими силами не допускать никакой комбинаціи, которая наносила бы ущербъ правамъ верховной власти султана или учрежденіемъ временнаго регентства, или же совершенною перемѣною династіи; 3) если бы наступилъ тотъ или другой изъ этихъ случаевъ, обѣ высокія договаривающіяся стороны не только не признаютъ подобнаго порядка вещей, но войдутъ въ соглашеніе относительно принятія сообща самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія тѣхъ опасностей, которыя могли бы быть вызваны происшедшей въ существованіи Оттоманской имперіи перемѣной, для безопасности и интересовъ собственныхъ ихъ пограничныхъ съ Турціей владѣній.

Къ этой Мюнхенгрецкой конвенціи были приложены двѣ секретныя статьи. Первая изъ нихъ гласила, что принятые договаривающимися сторонами обязательства относительно Турціи будутъ прежде всего примѣнены къ египетскому папѣ, чтобы воспрепятствовать ему распространить свою власть прямо или косвенно на европейскія области Оттоманской имперіи. Вторая же статья постановляла, что если бы, не взирая на общія желанія и усилія императорскихъ кабинетовъ, существующій порядокъ въ Турціи былъ испровергнутъ, Россія и Австрія будутъ держаться полнаго согласія и солидарности «во всемъ, что касается учрежденія новаго порядка дѣлъ, имѣющаго замѣнить существующій въ настоящее время, и сообща будутъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы измѣненія, совершившіяся во внутреннемъ строѣ этой имперіи,

не могли нанести ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни правамъ, обезпеченнымъ за ними трактатами, ни европейскому равновѣсію *)).

Что касается до конвенціи, подписанной въ Берлинѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей, то въ ней три союзные государя объявляли, «что по зрѣломъ обсужденіи тѣхъ опасностей, которыя продолжаютъ угрожать порядку, установленному въ Европѣ публичнымъ правомъ и договорами, въ особенности договорами 1815 года, они единодушно рѣшили укрѣпить охранительную систему, составляющую незыблемое основаніе ихъ политики», въ томъ искреннемъ убѣжденіи, что «взаимная поддержка правительствъ другъ другу необходима для сохраненія независимости государствъ и правъ, отсюда вытекающихъ, въ интересахъ обще-европейскаго мира». Каждому договаривающемуся государству по конвенціи предоставляется право просить о помощи и содѣйствіи у другихъ государствъ, какъ во время внутреннихъ смуть, такъ и при вѣшной опасности. Неприглашенные къ тому заинтересованнымъ правительствомъ державы не имѣютъ права ни вмѣшиваться, ни противодействовать вышеизложенному соглашенію. Въ случаѣ, еслибы какая нибудь посторонняя держава стала силою оружія препятствовать одному изъ союзниковъ оказывать другому матеріальное содѣйствіе, то остальные обязывались считать всякое подобное неприязненное дѣйствіе какъ бы направленнымъ противъ cadaго изъ нихъ и принять самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры для отраженія нападенія **).

Берлинская конвенція 1833 года не упоминаетъ о восстановленіи охранительной системы между Россіей, Пруссіей и Австріей, но три союзные двора — по словамъ г. Татищева — молча согласились раздѣлить между собою задачи, выпадающія на долю cadaго, въ видахъ поддержанія ихъ общей оборонительной системы. «На Пруссію — говоритъ почтенный публицистъ — возложено было наблюдение за безопасностью сѣверныхъ границъ Германіи и огражденіе ихъ отъ французскаго нашествія. Ей же предоставлялся рѣшающій голосъ при обсужденіи вопросовъ, касавшихся Голландіи. Охрана

*) Мюнхенгречія конвенціи 6 (18) и 7 (19) сентября 1833 года; см. у Мартенса: Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IV ч. I, стр. 445—449 и 454—460.

**) Берлинская конвенція 3 (15) октября 1833 года; см. тамъ же, стр. 460—462.

всего юга Европы поручена была Австріи; она первая высказывалась по дѣламъ Италіи, Швейцаріи и Пиренейскаго полуострова. Дворы вѣнскій и берлинскій заботились вмѣстѣ о соблюденіи прочими государями Германіи вѣрности охранительнымъ началамъ и о защитѣ германской территоріи отъ опасностей вѣнскихъ. Россія являлась естественнымъ средоточіемъ союза и какъ бы его резервомъ. Императоръ Николай принялъ на себя исключительный надзоръ за спокойствіемъ въ царствѣ польскомъ, не упуская изъ виду ни Познани, ни Галиціи, ни даже Венгріи, и ручательство за сохраненіе мира на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, отъ Прута и Дуная до Босфора. Эту область онъ считалъ соприкасающеюся съ непосредственными интересами Россіи и предоставлялъ себѣ право по всемъ дѣламъ, касавшимся Польши и Востока, принимать рѣшенія независимо отъ своихъ союзниковъ и даже не совѣтуясь съ ними *)).

Такова была сущность соглашенія трехъ сѣверныхъ державъ Европы. Какъ извѣстная характеристическая черта политическихъ намѣреній императора Николая, это соглашеніе важно для насъ въ томъ отношеніи, что дополняетъ или, лучше сказать, развиваетъ далѣе разѣ принятое государемъ рѣшеніе ревностно оберегать цѣлость и неприкосновенность Турецкой имперіи. Будучи вполне убѣжденъ, что этому слабому политическому тѣлу не долго уже существовать на бѣломъ свѣтѣ, и искренно желая такъ или иначе продлить жалкую жизнь безнадежно-больнаго сосѣда и друга, императоръ отрекся отъ восточной политики Екатерины II и свое рѣшеніе всеми возможными средствами поддерживать Турцію закрѣпилъ заключеніемъ Ункіаръ-Искелесскаго трактата. Но всего этого царю показалось мало. Въ виду неоднократно проявлявшагося сильнаго недовѣрія западныхъ державъ къ русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, императоръ Николай при обновленіи тройственнаго союза занесъ свое кабинетное рѣшеніе въ международный договоръ, вступивъ въ соглашеніе съ Австріей, чтобы въ ней имѣть опору для своей восточной политики.

Подписывая съ императоромъ Францемъ Мюнхенгредскую конвенцію, Николай Павловичъ—по словамъ барона Бруннова—имѣлъ

*) Вѣннская политика императора Николая Перваго, стр. 29.

въ виду расторгнуть союзъ Англии, Франціи и Австріи, такъ какъ де онъ боялся ихъ совмѣстныхъ дѣйствій по отношенію къ Оттоманской имперіи *). Но подобныя опасенія едвали могли служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы связывать себя соглашеніемъ съ Австріей, которая никогда не могла идти съ нами рука объ руку въ дѣлахъ Востока, такъ какъ постоянно соперничала тамъ изъ-за вліянія съ Россіей. Прежде всего, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Татищевъ, — «мы не имѣли въ дѣйствительности ни малѣйшаго повода опасаться совмѣстнаго дѣйствія на Востокъ вѣнскаго двора съ дворами лондонскимъ и парижскимъ, доколѣ вѣги находились у власти въ Англии, а іюльская монархія во Франціи дружила съ революціонными элементами въ Польшѣ, Германіи и Италіи. Что при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ соглашеніе Австріи съ морскими державами было совершенно невозможно, всего лучше доказывало поведеніе ея во время послѣдней турецко-египетской распри и вынужденное обстоятельствомъ одобреніе нашего вооруженнаго вмѣшательства и даже союзнаго договора, ставившаго Порту въ прямую зависимость отъ насъ **). Но даже еслибы эти предположенія и опасенія были основательны, къ чему было отступать отъ традиціонной политики Россіи на Востокъ и отдаваться въ руки Австріи, которая Мюнхенгредскою конвенціею, обставленной множествомъ оговорокъ и ограниченій, исключительно имѣла въ виду одну только цѣль — стѣснить нашу свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ? Вѣдь общность нашихъ политическихъ интересовъ съ Австріей, предполагавшаяся императорскимъ правительствомъ при соглашеніи съ вѣнскимъ дворомъ, была только кажущаяся. Австрія всегда оставалась вѣрна своей исконной политикѣ: ради собственной безопасности она желала только подавить всякое броженіе на Востокѣ и не пропускать туда ни одного живительнаго луча свѣта. Въ этомъ смыслѣ она желала и сохраненія Оттоманской Порты. Но развѣ это было согласно съ нашею вѣною политикой и нашимъ всемірно-историческимъ призваніемъ? Развѣ въ рѣшеніи восточнаго вопроса при такихъ условіяхъ Россія могла разсчитывать на добросовѣст-

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 29.

***) Назв. соч., стр. 393.

ную и твердую поддержку со стороны вѣнскаго двора? Зная напередъ, что намъ невозможно надѣяться на матеріальное содѣйствіе Австріи и Пруссіи въ дѣлахъ Востока, не лучше ли было бы для Россіи не входить въ соглашеніе съ нѣмецкими державами и путемъ собственныхъ усилій, согласно съ требованіями права и своихъ интересовъ, безъ всякой посторонней помощи стремиться къ рѣшенію восточнаго вопроса? Отъ такой политики, несомнѣнно, больше выиграли бы интересы Россіи и турецкихъ христіанъ, такъ какъ намъ не пришлось бы выносить на себѣ бремя военныхъ и финансовыхъ тягостей, проистекавшихъ изъ щедрыхъ обѣщаній и совершенно ненужныхъ международныхъ обязательствъ, а у нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ было бы больше шансовъ оградить свою жизнь, честь и собственность.

Съ своего вѣковаго дипломатическаго пути Россія, разъ уже сбившаяся съ правильной дороги, была окончательно увлечена въ сторону желаніемъ найти среди западныхъ державъ поддержку своимъ политическимъ намѣреніямъ въ отношеніи Турціи. Упроченіе существованія этой имперіи, подкапываемой неизлечимыми внутренними недугами, казалось для насъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что послѣ заключенія Унгіарь-Искелесскаго договора мы считали султана совершенно измѣнившимъ свою политическую систему и находящимся отъ насъ въ полной независимости. «Вліяніе Россіи—говоритъ Розень— было въ это время въ Константинополь безусловно могущественнѣе, чѣмъ какой-либо другой великой державы; наложенными на Порту, въ силу трактатовъ, обязательствами, которыхъ она пунктуально никогда не могла исполнить, снисходительностью, частыми доказательствами своего поразительнаго великодушія, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ безконечномъ могществѣ царя, вслѣдствіе чего русская дипломатія самое существованіе Турціи считала дѣломъ милости, и наконецъ, лично дружбою императора къ султану, которая крайне льстила послѣднему, съверный колоссъ держалъ большаго человѣка, какъ бы въ сѣтяхъ. Короче, отношенія Порты къ Россіи походили на совершенную подчиненность, смягчаемую ловкимъ и пріятнымъ обхожденіемъ посланника Бутенева» *). Расчетъ на эту подчиненность

*) Исторія Турціи, ч. I, стр. 223.

по отношенію къ намъ нашего слабаго друга и союзника имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что русское правительство даже не принимало никакихъ мѣръ къ обезпеченію истинныхъ интересовъ Россіи на Востокъ и находилось почти въ полномъ бездѣйствіи. Въ его глазахъ у насъ какъ-бы не существовало никакихъ историческихъ задачъ на Балванскомъ полуостровѣ, причемъ подобное пренебреженіе нуждами Россіи отражалось не только на отношеніяхъ ея къ сѣвернымъ нѣмецкимъ державамъ, и главнымъ образомъ къ Австріи, но и на отношеніяхъ къ подвластнымъ Турціи землямъ—Молдавіи, Валахіи и Сербіи, гдѣ императорскому кабинету послѣ Адрианопольскаго трактата предстояло не мало работы по упроченію русскаго вліянія среди единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народностей.

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 годовъ господари Молдавіи и Валахіи были отстранены отъ управленія по волѣ императора Николая и во главѣ мѣстной администраціи былъ поставленъ русскій начальникъ въ званіи полномочнаго предсѣдателя дивановъ княжествъ. Послѣ заключенія Адрианопольскаго мира обязанности этого предсѣдателя были возложены на генераль-адъютанта Киселева. Положеніе, въ которомъ онъ нашель княжества, было довольно печальное. Ни въ администраціи, ни въ судѣ, ни въ финансовомъ управленіи не было ровно никакого порядка. «Главная бѣда—говоритъ г. Татищевъ—заключалась въ томъ, что русская власть не пользовалась въ странѣ ни любовью, ни довѣріемъ. Причину этого слѣдуетъ искать въ неудачномъ составѣ нашего консульскаго представительства за послѣдніе годы. Генеральное консульство въ княжествахъ было учреждено еще Екатериной, вскорѣ послѣ кайнарджійскаго мира. Въ царствованіе великой императрицы, при Павлѣ, и даже въ первые годы правленія Александра, послѣдовательно управляли имъ Северинъ, Малиновскій, Жерве и Болкуновъ, люди русскіе по имени, принадлежавшіе къ старой екатерининской дипломатической школѣ и оставившіе по себѣ добрую память среди жителей края, успѣвъ снискать полное ихъ уваженіе. Но послѣ букурештскаго мира, ихъ замѣнили греки-фанариоты *)», которые — по словамъ полковника Липранди,

*) Назв. соч., стр. 320.

посланнаго съ секретнымъ порученіемъ въ Молдавію наканунѣ войны— были совершенно чужды врожденныхъ свойствъ русскимъ. Почти всѣ родившіеся турецкими подданными и получивъ воспитаніе свойственное духу фанаріотовъ, они не могли поселить въ боярахъ приверженности и благодарности къ Россіи; имущество, родственники и друзья ихъ, всѣ находились въ Константинополѣ; благосостояніе ихъ зависѣло болѣе отъ благосостоянія Турецкой имперіи *)). Допустивъ къ власти въ княжествахъ грековъ изъ Перы, Россія, такимъ образомъ, породила въ населеніи ихъ недовольство русскимъ правительствомъ и тѣмъ дала возможность свободно развиваться здѣсь враждебнымъ для насъ вліяніямъ Австріи и другихъ державъ западной Европы.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, русскому правительству послѣ Адрианопольскаго мира предстояло возстановить въ княжествахъ порядокъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и упрочить тамъ на будущее время русское вліяніе вопреки усиліямъ соперниковъ Россіи на Востокъ, не упускавшихъ случая подорвать ея значеніе въ глазахъ защищаемыхъ ею христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова.

Для составленія органическаго устава, который долженъ былъ служить основнымъ закономъ Дунайскихъ княжествъ и ввести въ ихъ законодательство всѣ требованія, признанныя нами необходимыми, въ Бухарестѣ учрежденъ былъ особый комитетъ. Комитетъ этотъ, составленный изъ членовъ по избранію областныхъ дивановъ, въ предсѣдательствѣ бывшаго генеральнаго консула Россіи въ княжествахъ, Минчаки, открылъ свои дѣйствія весной 1830 года и вскорѣ выработалъ проектъ органическаго устава на основаніи инструкціи, написанной статсъ-секретаремъ Дашковымъ, по порученію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ пересмотра проекта органическаго устава княжествъ въ Петербургѣ, валашское собраніе приняло его въ апрѣлѣ, а молдавское — въ октябрѣ 1831 года. Органическій уставъ княжествъ остоялъ изъ десяти главъ, которыя содержали въ себѣ опредѣленія порядка избранія господарей, установленіе обыкновеннаго собранія изъ меньшаго числа депутатовъ, новую финансовую систему, организацію исполнительнй власти, постановленія о тор-

*) Полковникъ Липранди генералу Киселеву, марта 1828 г., тамъ же, стр. 320.

говлѣ и путяхъ сообщенія, о карантинахъ и мѣрахъ къ огражденію отъ чумы, основанія устройства судебной части, постановленія о порядкѣ гражданской службы, объ имѣніяхъ, принадлежащихъ духовенству, о народномъ образованіи, о связи обоихъ княжествъ и наконецъ, о порядкѣ образованія народнаго ополченія *). Этотъ «органическій уставъ—говорить г. Татищевъ—былъ чисто кабинетнымъ произведеніемъ, одною изъ тѣхъ конституцій, которыя рождаются на свѣтъ въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, не истекаютъ изъ исторіи страны, не соображаются съ ея нуждами и потребностями и разрѣшаютъ самые жизненные вопросы на основаніи чисто теоретическихъ соображеній. Несмотря на заявленную русскимъ дворомъ рѣшимость ни подъ какимъ видомъ не вводить въ княжества представительной системы, уставъ воспроизводилъ всѣ главныя основанія европейскаго парламентаризма: начало раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебной, выборныя собранія, ежегодно созываемыя для обсужденія бюджета и изданія законовъ, судебную организацію по западному образцу и т. п.» **). За то въ немъ не было и помина о согласованіи новосозданныхъ государственныхъ учрежденій съ русскими интересами. Киселевъ съ самаго начала замѣтилъ, что бухарестскій комитетъ «желаетъ сохранить зловредныя привилегіи бояръ», и поэтому всѣми силами старался не допускать этого. По его настоянію въ уставъ было включено постановленіе о введеніи общей поголовной подати и объ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ поземельнымъ собственникамъ. Но рѣшеніе этого послѣдняго вопроса не удовлетворяло Киселева: ему хотѣлось обезпечить крестьянъ отъ произвола владѣльцевъ и онъ хлопоталъ объ этомъ даже тогда, когда уставъ былъ представленъ на утвержденіе Порты. «Цѣлю Киселева было при этомъ расположить въ пользу Россіи крестьянское сословіе, такъ какъ привилегированные классы въ обоихъ княжествахъ обнаруживали явную къ намъ враждебность и искали поддержки въ Австріи, неперестававшей обнадеживать ихъ, что русская оккупация скоро окончится и что тогда все снова пойдетъ по-старому» ***).

*) Содержаніе органическаго устава для княжествъ Молдавіи и Валахіи, см. у Заблоцкаго-Десятовскаго: графъ Киселевъ и его время, т. I, стр. 361.

***) Высшая политика императора Николая Перваго, стр. 324.

***) Назв. соч., стр. 325.

Заботясь о томъ, чтобы обезпечить русское вліаніе въ Молдавіи и Валахіи, Киселевъ хотѣлъ, чтобы органическій уставъ княжествъ былъ утвержденъ султаномъ до выступленія изъ нихъ русскихъ войскъ. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы подъ нашимъ покровительствомъ была введена новая администрація и избраны господа, для чего слѣдовало продлить самый срокъ нашей оккупациіи. Но вышло не такъ, какъ желалъ Киселевъ, дошедшей въ своемъ стремленіи утвердить русское вліаніе въ Дунайскихъ княжествахъ до совершеннаго удержанія ихъ за нами. 17 (29) января 1834 года Россія заключила съ Портою конвенцію, въ силу которой оттоманское правительство обязывалось утвердить органическій уставъ и обнародовать его посредствомъ гатти-шерифа, а послѣ изданія послѣдняго, спустя два мѣсяца, русской оккупационный корпусъ долженъ былъ очистить княжества. Кромѣ того Россія согласилась, чтобы на первый разъ господа были избраны не собраніями, а назначены султаномъ изъ лицъ, указанныхъ императорскимъ кабинетомъ *). Такимъ способомъ въ апрѣлѣ 1834 года господами назначены были: въ Молдавію — Михаилъ Струдза, а въ Валахію — Александръ Гика. Послѣ этого русскія войска выступили изъ княжествъ, такъ какъ оккупациія наша возбуждала страхъ и тревогу вѣнскаго двора, трепетавшаго при одной мысли о возможности утвержденія Россіи на Дунавъ **).

Одновременно съ устройствомъ окончательной организаціи Дунайскихъ княжествъ, русскому правительству приходилось, послѣ Адрианопольскаго мира, слѣдить и за возстановленіемъ должнаго порядка въ Сербіи, которая, такъ сказать, только еще возрождалась къ самостоятельной государственной и политической жизни благодаря заступничеству Россіи.

Согласно данному Россіи обѣщанію, султанъ въ концѣ сентября 1829 года издалъ фирманъ, объявлявшій, что въ силу 6-й статьи Адрианопольскаго трактата турецкое правительство немедленно выполнить всѣ обязательства, данныя имъ относительно Сербіи по Бухарестскому трактату и Аккерманской конвенціи.

*) Петербургская конвенція, заключенная между Россіей и Турціей 17(29) января 1834 года; см. у Татищева, назв. соч., стр. 332.

***) Назв. соч., стр. 332.

Права сербскаго народа, выговоренныя въ пользу него Россіей, были, такимъ образомъ, признаны и утверждены султаномъ, и Сербіи оставалось только дожидаться, когда турецкій фирманъ будетъ приведенъ въ исполненіе, и добиться отъ Россіи и Турціи утвержденія власти своего князя. Введеніе въ дѣйствіе султанскаго фирмана совершилось, однако, не такъ скоро, какъ можно было ожидать въ первое время. Турки всячески тормозили ходъ переговоровъ въ Константинополѣ и на каждомъ шагу ставили разныя препятствія къ окончательному улаженію сербскаго дѣла. Между тѣмъ русское посольство въ Константинополѣ, занятое установленіемъ добрыхъ отношеній между Россіей и Портой, а также греческимъ вопросомъ, не оказывало своего содѣйствія сербамъ, несмотря на настойчивыя искательства Давидовича, находившагося въ составѣ сербской депутаціи. Послѣдній даже жаловался Милошу, что Рибопьеръ, бывший тогда русскимъ посланникомъ, весьма мало расположенъ къ сербамъ.

Сербскія дѣла пошли быстрее со времени прибытія въ наше константинопольское посольство генерала Орлова. Съ своей стороны Милошъ нашелъ средство войти въ соглашеніе съ бѣлградскимъ визиремъ, Гусейнъ-пашою, который старался умалить силу султанскаго фирмана. Милошъ просилъ пашу о томъ, чтобы султанскій фирманъ былъ выполненъ во всей его полнотѣ. На это бѣлградскій визирь сказалъ князю прямо, что если онъ хочетъ добиться осуществленія своихъ требованій, то долженъ слѣдовать его совѣтамъ, а именно: прервать усыпленіе турецкаго правительства сербскимъ золотомъ, такъ какъ никакія обязательства, принятыя Портою на себя, никакіе договоры, заключенные Россіей, не принесутъ ни малѣйшей пользы Сербіи; путемъ же золота она можетъ получить все, чего желаетъ, даже вопреки ожиданій Россіи и всякой другой европейской державы *). Милошъ принялъ къ свѣдѣнію предложеніе пашы и поручилъ ему добиться при помощи подкуповъ исполненія всѣхъ своихъ требованій, а главное— выхлопотать княжескую власть, наслѣдственную въ его потомствѣ.

Сербское золото оказалось лучше и дѣйствительнѣе сухихъ дипломатическихъ представленій и переговоровъ. Подкупы, на ко-

*) Поповъ. Россія и Сербія, ч. I, стр. 236.

которые всегда были падки турецкіе чиновники, оказали благотворное вліяніе на окончательное улаженіе сербскихъ дѣлъ и ново-созданный порядокъ въ Сербіи былъ санкціонированъ султанскимъ фирманомъ, изданнымъ въ сентябрѣ 1830 года. Въ силу этого фирмана: 1) сербамъ предоставлялась полная свобода вѣроисповѣданія; 2) Милошъ Обреновичъ утверждался въ достоинствѣ наследственнаго князя сербской націи; 3) управление внутренними дѣлами страны переходило въ руки князя, дѣйствующаго съ согласія собранія старѣйшинъ; 4) зависимость Сербіи отъ Порты выражалась только въ платежѣ дани и въ занятіи главныхъ сербскихъ крѣпостей турецкими гарнизонами; 5) турецкимъ чиновникамъ запрещалось вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи; 6) князю предоставлялось право содержать войско, необходимое для поддержанія порядка въ странѣ; 7) сербы могли основывать больницы, типографіи и школы; 8) право суда предоставлялось князю; 9) мусульманамъ, не принадлежащимъ къ крѣпостнымъ гарнизонамъ, воспрещалось жить въ Сербіи; 10) сербамъ разрѣшалось самимъ избирать изъ своей среды митрополитовъ и епископовъ съ тѣмъ, чтобы избраніе ихъ утверждалось константинопольскимъ патріархомъ и наконецъ, 11) сербамъ предоставлялось право имѣть своихъ агентовъ въ Константинополѣ, для сношенія съ Портою по всѣмъ дѣламъ, которыя касались ихъ полунезависимаго княжества *). Такимъ образомъ, на основаніи этого фирмана Сербія сохраняла за собою право независимаго внутренняго управленія, а Порта теряла всякую возможность вмѣшиваться въ дѣла Сербіи, сохраняя надъ нею только право верховной власти, вслѣдствіе чего сербскій народъ изъ четырехвѣковаго рабства возвышался на степень полунезависимой націи. Австрія и Россія, подъ вліяніемъ іюльской революціи, разумѣется, поспѣшили признать какъ политическое существованіе Сербіи, такъ и законную власть ея князя.

Возвысивъ Сербію на степень страны, независимой въ дѣлахъ внутренняго управленія, а въ дѣлахъ политическихъ освободивъ ее отъ исключительнаго владычества Турціи, Милошъ долженъ былъ послѣ этого дать княжеству правильное государственное устройство, выработать основы этого устройства и включить ихъ

*) Полный текстъ этого фирмана см. у Попова, назв. соч., т. I, стр. 239—242.

въ государственный статутъ. Потребность въ писанныхъ законахъ чувствовалась довольно сильно, и сербы далеко не были равнодушны въ отсутствію твердыхъ опредѣленій правительственной, административной стороны ихъ быта, тѣмъ болѣе, что, «примѣръ Молдавіи и Валахіи, которымъ графъ Киселевъ, ихъ временный правитель, далъ органической статутъ, обращалъ на себя вниманіе всѣхъ партій, сложившихся въ это время въ Сербіи» *).

Подъ вліяніемъ примѣра Дунайскихъ княжествъ, стремленіе къ выработкѣ для Сербіи органическаго статута особенно сильно проявлялось у сербскихъ князей, желавшихъ добиться исключительнаго положенія румынской аристократіи и въ этихъ видахъ домогавшихся ограниченія княжеской власти, такъ какъ, по мнѣнію сербскихъ «великопъ», главное препятствіе къ осуществленію ихъ честолюбивыхъ замысловъ полагалось Милошемъ, который, прекрасно сознавая, что сербскій народъ, только что завоевавшій себя свободу, не захочетъ подчиниться господству людей, вышедшихъ изъ его же среды и не пользовавшихся никакими преимуществами, нисколько не сочувствовалъ бывшимъ князямъ **). Эти послѣдніе и сами отчасти были согласны съ доводами Милоша, но чувство честолюбія заставляло ихъ не только обвинять сербскаго князя въ нежеланіи возвысить представителей народной власти, но даже выставить его дѣйствія въ подозрительномъ свѣтѣ передъ русскимъ правительствомъ ***).

Надо замѣтить, что русское правительство не имѣло своего агента въ Бѣлградѣ, опасаясь подать тѣмъ самымъ примѣръ другимъ державамъ и прежде всего, конечно, Австріи. Чтобы имѣть свѣдѣнія о замыслахъ Милоша, который уже давно обращалъ на себя вниманіе русской дипломатіи успѣшностью и самостоятельностью своихъ дѣйствій послѣ Адрианопольскаго мира, императорскій кабинетъ поручилъ слѣдить за сербскимъ княземъ своему бухарестскому консулу; барону Рикману. Враги Милоша были знакомы русскому генеральному консульству въ Бухарестѣ и, разумѣется, постарались обвинить его въ самовластіи, въ стремленіи къ полной независимости отъ Порты и въ желаніи отдѣлаться отъ

*) Поповъ, назв. соч., стр. 277.

***) Назв. соч., стр. 283.

***) Назв. соч., стр. 284.

покровительства Россіи. Всѣ эти нареканія имѣли нѣкоторый видъ истины *) и потому вызвали въ русскомъ правительствѣ опасеніе, какъ бы Милошъ не распространилъ своего вліянія на Старую Сербію, на боснійскихъ христіанъ и на соплеменныхъ болгаръ. «Такое значеніе Сербскаго княжества—говоритъ Поповъ—не входило тогда въ соображенія русской дипломатіи. Не имѣя въ ту эпоху военныхъ соперниковъ себѣ на Востокъ, Россія имѣла намѣреніе подчинить своему покровительству не одну только Сербію, или Придунайскія княжества, или Грецію, но и распространить свое вліяніе на всю Турцію. Не имѣя однакожь прямыхъ намѣреній присоединить къ своимъ владѣніямъ Румынскія княжества и Сербію, русское правительство еще не выработало твердаго взгляда на значеніе этихъ княжествъ на Востокъ и колебалось въ своихъ планахъ. Русскіе дипломаты не сознавали еще, что независимая Сербія, но съ границами не установленными, всегда способными къ расширенію, безъ опредѣленнаго уставомъ государственнаго устройства, но съ сильнымъ вліяніемъ князя на народъ и ближайшихъ его соплеменниковъ, можетъ имѣть большую силу въ рѣшительную минуту, чѣмъ Сербія завоеванная въ извѣстныя границы, подчиненная обязательному уставу и введенная въ извѣстныя международныя отношенія. Независимый самовластный князь въ Сербіи казался тогда препятствіемъ общему дѣлу. Его нельзя было такъ легко принудить къ повиновенію, какъ ограниченныхъ въ ихъ власти князей Молдавіи и Валахіи. Значеніе послѣднихъ опредѣлено было уставомъ, который созданъ во время управленія румынскими княжествами графомъ Киселевымъ; и уставъ этотъ основывался отчасти на историческихъ преданіяхъ обоихъ княжествъ. Но Сербія имѣла свое управленіе, утвержденное трактатами и гатти-шерифами: никакого устава ей не могли навязать ни Турція, ни Россія, и только внутреннія отношенія могли бы заставить Милоша подчиниться такому вмѣшательству,**).

*) Русская политика не имѣла никакой твердой опоры внутри самой Сербіи, за исключеніемъ народнаго сочувствія. Права, которыя удалось выговорить русскимъ дипломатамъ для Сербіи, давно были обойдены Милошемъ: онъ купилъ себѣ титулъ наследственнаго князя, неограниченнаго другою властью, взялъ въ свои руки пограничныя таможи, выхлопоталъ право имѣть своихъ агентовъ въ румынскихъ княжествахъ, освободилъ сербскую церковь отъ ея зависимыхъ отношеній къ царградскому патріарху, наконецъ, расширилъ предѣлы Сербіи новыми округами. (Поповъ, назв. соч., стр. 284).

**.) Назв. соч., стр. 285.

Отношеніе русскаго правительства къ Милошу, не ускользнуло отъ взора его враговъ, и они рѣшили добиться устава для Сербіи, который ограничивалъ бы власть князя въ пользу сербскихъ старѣйшинъ. Началась глухая борьба недовольныхъ съ Милошемъ. Благодаря интригамъ честолюбивыхъ сербскихъ старѣйшинъ, враговъ существующаго порядка въ Сербіи, борьба эта въ началѣ 1835 года дошла почти до открытаго возстанія противъ князя, который медлилъ изданіемъ законовъ и уставовъ для княжества. Наконецъ, Милошъ былъ вынужденъ дать уставъ Сербіи, и 3-го февраля обнародовалъ его передъ скупщиной въ Крагуевацѣ. Уставъ этотъ, по порученію князя, былъ написанъ Давидовичемъ и опредѣлялъ политическое значеніе и пространство Сербіи, флагъ и гербъ княжества, власть законодательную, исполнительную и судебную, порядокъ изданія законовъ, права князя и державнаго совѣта, организацію судебной власти и церковнаго управленія, права скупщины, финансовую систему и общенародныя права сербовъ, права и обязанности чиновниковъ и правила для измѣненія устава *).

Этотъ, на скоро набросанный Давидовичемъ уставъ, содержалъ въ себѣ множество противорѣчій. «Сохраняя за княземъ право назначенія всѣхъ чиновниковъ, онъ—говоритъ Поповъ—не позволялъ ему смѣнять или понижать ихъ, безъ согласія державнаго Совѣта, такъ что послѣдній всегда могъ сдѣлаться прибѣжищемъ, куда каждый чиновникъ могъ обращаться за защитой. У князя не было никакой административной власти, между тѣмъ какъ любой сельскій кметъ пользовался ею: для сербовъ того времени это должно было казаться страннымъ. Вся правительственная дѣятельность поглощена была державнымъ Совѣтомъ, члены котораго, не менѣе четырехъ человекъ, должны были постоянно находиться подлѣ князя и, при извѣстныхъ отношеніяхъ высшихъ чиновниковъ къ Милошу, могли сдѣлаться его постоянными обвинителями: они были не смѣняемы и подлежали только суду скупщины. А между тѣмъ уставъ создалъ цѣлую лѣстницу общественныхъ положеній: надъ простымъ сельчаниномъ стоялъ кметъ, надъ кме-

*) Подробное изложеніе содержанія этого устава см. у Попова, назв. соч., т. I, стр. 322—328.

томъ капетанъ, надъ капетаномъ сердаръ, надъ сердаремъ попечители и державный Совѣтъ, надъ ними князь. Но князь ничего не могъ сдѣлать безъ согласія державнаго Совѣта, тогда какъ послѣдній могъ дѣлать все безъ князя. Равнымъ образомъ великій Судъ не имѣлъ никакого значенія въ дѣлахъ несудебныхъ, которое принадлежало ему прежде: а державный Совѣтъ въ то же время получилъ значеніе высшаго кассационнаго суда. Можно было бы спросить, какой власти не получилъ державный Совѣтъ. Въ лицѣ его членовъ соединялись власть законодательная, исполнительная и судебная: въ немъ были и министры, и судьи, совѣтники и администраторы. Давидовичъ, ограничивая такимъ образомъ княжескую власть, руководился демократическими ученіями, которыхъ былъ большимъ поклонникомъ. Но, подчинивъ Совѣтъ и его приговоры народной скупщинѣ, онъ забывалъ, что скупщина собиралась разъ, два въ годъ и засѣдала лишь нѣсколько дней; большинство ея членовъ состояло изъ людей простыхъ, чувствительныхъ къ ласкамъ тѣхъ, кто поставленъ выше ихъ, и державному Совѣту не трудно было получить сильное вліяніе на нихъ тѣмъ болѣе, что на скупщинахъ того времени не вошло еще въ обычай высказывать свои мнѣнія по одиночкѣ, но депутаты каждаго округа подавали общее мнѣніе, совѣщаніями же ихъ руководили окружные сердари, которыми были чиновники, поставленные въ полную зависимость отъ Совѣта. Такимъ образомъ, уставъ не прекращалъ борьбы между княземъ и высшими чиновниками, а только давалъ ей болѣе широкую почву *)).

Изданіе сербскаго устава 1835 года, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало вѣнскіе запросы и прежде всего привело въ смущеніе Австрію. Вѣнскій дворъ первый забилъ тревогу, такъ какъ внутренняя независимость Сербіи окончательно парализовала его корыстные виды на сѣверныя области Турецкой имперіи и грозила вызвать требованія такой же независимости со стороны собственныхъ его южныхъ провинцій. Кромѣ того, вмѣшався въ вопросъ объ уставѣ Сербіи заставляла Австрію ея консервативная политика, рѣшимость не допускать въ своемъ сосѣдствѣ никакихъ либеральныхъ учрежденій. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній изъ

*) Назв. соч., стр. 328—329.

Въны сдѣлано было формальное представленіе Милошу, Портѣ и Россіи объ уничтоженіи сербскаго устава. Пользуясь случаемъ снова вмѣшаться во внутреннія дѣла Сербіи, Порты потребовала уничтоженія сербскаго устава, ссылаясь на то, что онъ не согласенъ съ коренными законами имперіи, съ формою управленія въ другихъ ея провинціяхъ, съ договорами, существующими между Портою и Австріей, и, наконецъ, съ политическимъ, общественнымъ и административнымъ состояніемъ самой Сербіи. Подъ предлогомъ вмѣшательства со стороны Порты Милошъ былъ радъ уничтожить уставъ. Но возвратиться къ прежнему порядку вещей было уже невозможно. Поэтому, не уничтожая Совѣта и попечителей, указомъ 17 марта онъ отнялъ у нихъ то значеніе, которое давалъ имъ уставъ и тѣмъ подалъ своимъ врагамъ поводъ говорить повсюду, что князь нарушилъ данную имъ присягу *).

Изданіемъ сербскаго устава осталась недовольна и Россія, которая такъ же, какъ и Австрія увидѣла въ немъ собраніе Богъ знаетъ какихъ теорій, которыхъ не можетъ терпѣть ни одна держава, интересующаяся судьбами Сербіи. Петербургскій кабинетъ послалъ туда въ качествѣ комиссара своего генеральнаго консула въ Валахія, барона Ригмана съ тѣмъ, чтобы онъ на мѣстѣ изслѣдовалъ причины, вызвавшія совершившійся въ княжествѣ переворотъ. Выборъ лица для такого порученія,—по справедливому замѣчанію Попова,—былъ не совсѣмъ удаченъ. «Сербь--говорятъ онъ—и въ прежнія времена жаловались, что къ нимъ не присылаютъ чистыхъ, *правыхъ* Русскихъ: Родофиникинъ, Бала, Недоба, Цукато, Орургъ, Коцебу,—вотъ имена, къ коимъ пріучила было русская дипломатія сербское ухо. Теперь, по столь важному дѣлу, какимъ считали сербы вопросъ объ уставѣ, посланъ былъ нѣмецкій баронъ, и къ тому же весьма извѣстный въ Сербіи по слухамъ. Благодаря постояннымъ сношеніямъ между Валахіей и Сербіей, въ послѣдней знали о тѣхъ столкновеніяхъ, которыя имѣлъ Ригманъ съ княземъ Александромъ Гичою, и изъ которыхъ послѣдній не умѣлъ выйти съ честью. Слухи объ этихъ отношеніяхъ доходили до Милоша въ преувеличенномъ видѣ и онъ не упустилъ случая насмѣшливо отозваться о баронѣ. Враги Ми-

*) Назв. соч., стр. 334—336.

лоша, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Рикманомъ, не замедлили сообщить ему отзывъ Милоша о немъ. Такимъ образомъ русскій агентъ ѣхалъ въ Сербію уже предубѣжденный противъ ея князя. Но онъ былъ невысокаго мнѣнія и о самомъ сербскомъ народѣ. Пребываніе въ Валахін не могло внушить ему лестныхъ понятій о румынахъ, которые однакожь стали ранѣе выходить изъ подъ турецкой зависимости, чѣмъ сербы, и баронъ считалъ послѣднихъ еще болѣе грубымъ народомъ *)).

Прибывъ въ Пожаревацъ, баронъ Рикманъ съ самаго начала выставилъ себя какимъ то посредникомъ между старѣйшинами и княземъ, и добивался подробнаго отчета о январскихъ событіяхъ и о причинахъ, побудившихъ издать уставъ. Баронъ потребовалъ отъ князя депутатовъ для конференціи и на этой конференціи выразилъ свое сильное неудовольствіе по поводу всего того, что сдѣлано было въ Сербіи въ январѣ и февралѣ 1835 года. По свидѣтельству лицъ, «бывшихъ на свиданіи съ барономъ, послѣдній началъ съ упрека, что сербы, будучи подданными Порты и получивъ, при содѣйствіи Россіи, нѣкоторыя льготы, осмѣлились злоупотребить ими, сочиняя для себя уставы, какъ бы для свободнаго народа, что ихъ конституція заключаетъ въ себѣ революціонныя начала, противъ которыхъ Россія и Австрія всегда боролись, и что даже ни одна изъ великихъ націй не рѣшилась бы усвоить этихъ началъ для своихъ дѣйствій» **). Баронъ требовалъ уничтоженія устава. При личномъ свиданіи съ Милошемъ, русскій агентъ жестоко раскритиковалъ всѣ его дѣйствія по управленію, давая понять, что князь самъ былъ причиною неудовольствій, возникшихъ въ кругу старѣйшинъ, и вповновникомъ январскихъ событій, и коснулся даже семейныхъ отношеній Милоша ***). Этими поступками исчерпывалась вся дѣятельность барона Рикмана. На вопросъ о томъ, какой образъ правленія въ Сербіи желателенъ Россіи, онъ ничего не нашелъ отвѣтить и общался снести по этому предмету съ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Сербіи, Рикманъ назначилъ свиданіе со

*) Назв. соч., стр. 337—338.

**) Назв. соч., стр. 339.

***) Назв. соч., стр. 343.

старѣйшинами народа, которое и было устроено, съ согласія Милоша, въ помѣщеніи мѣстныхъ войскъ. На этомъ свиданіи баронъ грознымъ голосомъ спрашивалъ у старѣйшинъ объясненій, на какомъ основаніи они возстали противъ князя, и, выслушавъ ихъ, заявилъ, что они могутъ разсчитывать на покровительство государя императора, пока будутъ вѣрны своимъ обязанностямъ относительно Порты и Россіи; въ противномъ случаѣ императоръ не только отступится отъ нихъ, но и соединится съ Портою, чтобы привести непокорныхъ къ послушанію *).

При безпристрастной оцѣнкѣ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Сербіи въ 1835 году нельзя не замѣтить, что это вмѣшательство страдало многими крупными недостатками, которые даютъ вполне законное основаніе упрекать державу—покровительницу за ея ошибочную политику по отношенію къ только что освобожденной ею странѣ. Прежде всего, давъ независимое внутреннее управленіе сербскому народу, она не имѣла права нарушать эту независимость своимъ вмѣшательствомъ и требованіемъ уничтоженія устава, если сама не умѣла дать такового во-время. Дѣло Россіи было своевременно добрыми совѣтами помочь сербскому народу такъ или иначе прекратить внутреннюю борьбу партій. Но императорскій кабинетъ пропустилъ удобное для этого время, такъ какъ, не имѣя въ Бѣлградѣ своего постоянного агента, онъ и не зналъ, какъ слѣдуетъ, что происходитъ въ единовѣрной и единоплеменной странѣ, только что исторгнутой русскимъ оружіемъ изъ порабощенія. Затѣмъ, едвали можетъ быть одобрена самая цѣль вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла сербскаго народа, внушенная намъ изъ Австріи, откуда мы получали слишкомъ преувеличенныя свѣдѣнія о либеральномъ характерѣ злосчастнаго устава. Мы требовали уничтоженія этого устава ради идеи Священнаго Союза, а не ради интересовъ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, не ради поддержанія Милоша, который до сихъ поръ былъ сторонникомъ Россіи и яркимъ защитникомъ свободы своего народа. Далѣе, вторгаясь въ сербскія дѣла, императорскій кабинетъ совершенно позабывалъ, что сюзеренитетъ надъ Сербскимъ княжествомъ принадлежалъ Турціи, а не Россіи, что онъ могъ въ данномъ случаѣ ограничиться лишь по-

*) Назв. соч., стр. 345.

сылкой къ Милошу своего дипломатическаго агента для личныхъ объявленій съ княземъ и разъясненія ему истинныхъ желаній державы-покровительницы. Между тѣмъ, русское правительство посылало барона Рикмана какъ бы въ одну изъ своихъ провинцій, гдѣ комиссаръ могъ свободно высказывать передъ народомъ и его представителями волю своего государя императора. Наконецъ, самый выборъ барона Рикмана въ качествѣ императорскаго комиссара былъ крайне неосмотрителенъ. Грубое обращеніе барона съ сербскими старѣйшинами и княземъ обнаруживало полное неумѣнье его взяться за порученное ему дѣло и вмѣстѣ съ рѣзкостью выраженій могло только подорвать вліяніе и авторитетъ Россіи въ глазахъ Милоша и вожаковъ сербскаго народа, какъ это дѣйствительно и случилось на самомъ дѣлѣ.

15 іюля 1835 года баронъ Рикманъ выѣхалъ изъ Пожаревца въ Бухарестъ, нисколько не улучшивъ положенія дѣлъ въ Сербіи. Между тѣмъ во внутреннихъ дѣлахъ княжества приняли дѣятельное участіе агенты европейскихъ державъ, Австріи и Англіи, которые поселились въ Бѣлградѣ съ 1836 года и усердно принялись за дѣло утвержденія вліянія своихъ правительствъ въ Сербіи. Россія же все считала себя необязанной держать здѣсь своего агента и въ политикѣ по отношенію къ единовѣрному народу руководилась свѣдѣніями, получаемыми изъ Бухареста и другихъ источниковъ, зараженныхъ врагами Милоша.

Въ концѣ 1836 года бар. Рикманъ неофициально сообщилъ Милошу на клочкѣ простой бумаги, безъ подписи, безъ числа, безъ печати, «базисъ для устава Сербіи», оставленный въ русскомъ министерствѣ. Въ этомъ «базисѣ» говорилось о совѣтѣ, внутреннемъ управленіи, о финансахъ, правосудіи, о просвѣщеніи съ предложеніемъ, чтобы оно вмѣстѣ съ типографіей подчинено было духовенству; мимоходомъ замѣчалось, что включенію въ уставъ подлежить только часть административная, но не политическая. О скупщинѣ же не было сказано ни слова. Значеніе этого «базиса» — по мнѣнію Попова — было таково: «Русское министерство желало оградить сербскій народъ отъ всякихъ произвольныхъ нововведеній, выгодныхъ только для однихъ властей, и отъ чужеземныхъ заимствованій, которыя были несогласны съ народными обычаями; притомъ оно старалось устранить тѣ остатки ту-

рецаго правленія, которые доживали свое послѣднее время, хотябы, напримѣръ, подъ видомъ безответственной власти мѣстных чиновниковъ; наконецъ, оно видимо заботилось связать новый уставъ для внутренняго управленія Сербіей съ своими прежними договорами съ Портою. Словомъ «базисъ» не только не нарушалъ полученныхъ Сербією правъ, не только принималъ подъ свою защиту выгоды народа, но и не противорѣчилъ соответственнымъ статьямъ февральскаго устава; за то онъ самымъ положительнымъ образомъ устранялъ нововведенія, которыя хотѣлъ внести въ сербскую жизнь Давидовичъ, а также подрывалъ ожиданія Милоша касательно большаго развитія и опредѣленія политическихъ правъ какъ Сербіи, такъ и его самого, сравнительно съ гатти-шерифами, и, можетъ быть, нѣсколько оскорблялъ его своею формою*). Ошибочная сторона «базиса» заключалась въ томъ, что дѣла управленія Сербіей между Милошемъ и членами совѣта, относительно которыхъ князь былъ только первый между равными, онъ въ тоже время уничтожалъ скупщину, которая могла быть не только посредникомъ, но и судьей между княземъ и его совѣтниками. «Окончательное устраненіе народной скупщины отъ дѣлъ, противорѣча всѣмъ историческимъ преданіямъ и обычаямъ сербскаго народа, было неосторожною ошибкой со стороны русской дипломатіи. Но ошибка эта съ одной стороны вызвана была происками внутреннихъ враговъ Милоша, трудившихся изъ личныхъ расчетовъ; съ другой стороны ее можно объяснить тѣмъ характеромъ, который русская политика получила со времени Вѣнскаго конгресса, служа охраненію чужаго спокойствія и трепеща передъ всякимъ проявленіемъ народнаго участія въ дѣлахъ правленія, въ какой бы то ни было странѣ. Въ тоже время эта ошибка свидѣтельствовала о недалковидности русской политики: питая болѣе довѣрія къ совѣту, имѣвшему составиться изъ пожизненныхъ и несмѣняемыхъ членовъ, чѣмъ къ князю, опиравшемуся болѣе или менѣе на народную привязанность, какими ручательствами она обезпечивала себя и Сербію въ томъ, что покровительствуемые ею честолюбцы не разорвутъ свои связи и съ нею, какъ разорвали ихъ съ Милошемъ, точно также легко отрекутся

*) Назв. соч., стр. 362.

отъ русскаго покровительства, какъ нетрудно было имъ входить въ связи съ Турціей и даже съ Австріей? Русская дипломатія играла обоюдоострымъ мечемъ, и не прошло пяти лѣтъ, какъ этотъ самый мечъ нанесъ ей же глубокія раны *)).

Милошъ не принялъ «базиса» и отказался отъ устава. Онъ сошелся съ Ходжесомъ, который лѣтомъ 1837 года присланъ былъ въ Бѣлградъ въ качествѣ англійскаго генеральнаго консула, по настоянію лорда Понсонби, задумавшаго извлечь выгоды изъ сербскихъ неурядицъ и подорвать русское вліяніе въ Турціи и ея вассальномъ княжествѣ. Ходжесъ, обязанный всячески стараться поссорить сербскаго вождя съ Россіей, быстро подружился съ Милошемъ, такъ что послѣдній при первомъ же удобномъ случаѣ пошелъ противъ покровительствующей державы и завелъ съ Великобританскимъ правительствомъ переговоры о торговомъ и политическомъ сближеніи Сербіи съ Англіей. Такимъ поворотомъ сербскаго князя Россія, конечно, обязана была исключительно своимъ дипломатическимъ ошибкамъ. Объявивъ Милошу неудовольствіе государя и тѣмъ самымъ породивъ въ немъ опасенія, она не оказала ему съ своей стороны поддержки, не поставила около него своего агента и такимъ образомъ дала князю возможность ступить на ложную дорогу и искать поддержки не въ Россіи, а при дворахъ западно-европейскихъ державъ.

Дружба Милоша съ англійскимъ консуломъ и предпочтеніе добрыхъ отношеній къ Великобританіи таковымъ же отношеніямъ съ Россіей вызвали послышку въ Сербію флигель-адъютанта императора Николая, князя В. А. Долгорукаго съ чрезвычайнымъ порученіемъ къ сербскому князю. Прибывшій въ Сербію въ первой половинѣ октября 1837 года, Долгорукій долженъ былъ самымъ откровеннымъ образомъ объясниться съ Милошемъ о его отношеніяхъ къ Россіи и Англіи и выяснить ему, что императоръ никогда не позволитъ никакой другой державѣ взять на себя покровительство Сербіи, привилегіи которой утверждены нашими договорами съ Портой. Чуждаясь того надменнаго тона и тѣхъ оскорбительныхъ пріемовъ, которыми отличался баронъ Рикманъ, князь Долгорукій потребовалъ отъ Милоша учрежденія Сената,

*) Назв. соч., стр. 364—365.

согласно буквальному смыслу гатти-шерифа 1830 года и посовѣтовалъ заняться составленіемъ устава на основаніи русскаго «базиса». Результатомъ побѣды Долгорукаго былъ знаменитый указъ Совѣту 16 октября 1837 года, расширявшій права сербскаго народа, а также возстановленіе добрыхъ отношеній между княземъ и покровительствующею державой. Власть же князя и совѣтниковъ остались почти въ прежнихъ границахъ *).

Однако мысль объ уставѣ не была покинута въ Сербіи, хотя онъ и становился совершенно излишнимъ послѣ указа 16 октября 1837 года и въ виду готовившихся къ изданію гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Уставъ былъ необходимъ для того, чтобы примирить Милоша съ его противниками, чего не могли сдѣлать никакіе указы, никакіе агенты и ничье постороннее вмѣшательство. Чтобы предупредить вмѣшательство Россіи и Порты въ дѣло составленія устава для Сербіи, англійскій консулъ совѣтовалъ князю издать поскорѣе органическій уставъ и ввести въ него голословную статью объ учрежденіи Сената «У англійскаго консула—говорить Поповъ— была своя цѣль, когда онъ склонялъ Милоша сдѣлать нѣкоторыя уступки Россіи, и въ то же время старался сохранить за нимъ возможно большую власть въ Сербіи. Въ это время Англія обращала особенное вниманіе на дѣла Востока и учредила въ Турціи нѣсколько генеральныхъ консульствъ. Одинъ изъ ея агентовъ, поселившійся въ Константинополь, Давидъ Урвартъ специально занимался изученіемъ внутренняго состоянія Турецкой имперіи и убѣдился, что оно-то и грозило наибольшею опасностью для политическаго существованія Турціи. Онъ доказывалъ возможность общаго возстанія разноплеменныхъ народовъ Европейской Турціи и увѣрялъ, что Россія, имѣвшая прочныя связи съ христіанами со время послѣдней войны, не замедлитъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы возбудить это движеніе. Исходнымъ пунктомъ возстанія, по его мнѣнію, могла быть Сербія, ея независимое положеніе могло имѣть громадное вліяніе на ходъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ христіане славянскаго происхожденія съ надеждами повторяли имя

*) Подробности о посылкѣ князя В. А. Долгорукаго въ Сербію см. у Попова, назв. соч., стр. 380—389.

Милоша». По всѣмъ этимъ соображеніямъ Англія считала своею обязанностію явиться соперницей Россіи въ покровительствѣ Сербіи и ея князю *).

Сильное проявленіе англійскаго вліянія въ Сербіи заставило русское правительство обратить болѣе серьезное вниманіе на сербскія дѣла. Въ февралѣ 1838 года оно назначило въ Сербію русскимъ консуломъ Ващенко, который былъ командированъ для временнаго пребыванія въ Бѣлградѣ. Такое временное назначеніе Ващенко, разумѣется, было «лишь однимъ изъ обычныхъ пріемовъ, которыхъ держалась въ то время русская дипломатія, постоянно остерегавшаяся рѣшительныхъ мѣръ. Благодаря такой политикѣ, несоотвѣтствовавшей важности вопросовъ, рѣшавшихся тогда на Востокѣ, Россія уже позволила предупредить себя въ Бѣлградѣ Австріи и Англіи, болѣе года имѣвшимъ тамъ своихъ агентовъ. Еслибы Россія воспользовалась этимъ правомъ тотчасъ же послѣ Адрианопольскаго мира до вражды, такъ сильно разгорѣвшейся между Милошемъ и его противниками, еслибъ она назначила въ Сербію своимъ представителемъ человѣка, близко знакомаго не только съ общимъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, но и съ мѣстными интересами, еслибъ она, принявъ Сербію подъ свое покровительство, тогда же взяла на себя заботы не объ одномъ внутреннемъ благоденствіи народа, но и о его политической будущности, то, безъ всякаго сомнѣнія, ея не могло бы предупредить ничье постороннее вмѣшательство въ судьбы Сербскаго княжества, не могло бы произойти и того разлада между русскимъ кабинетомъ и сербскимъ княземъ, который съ 1835 года принялъ характеръ личной вражды и мелкихъ препирательствъ **). Пропустивъ время, русская дипломатія сама искажила истинное значеніе сербскаго вопроса и сдѣлала изъ него поле соперничества русскихъ агентовъ съ княземъ и его мнимыми западно-европейскими друзьями, бороться съ которыми теперь было уже довольно трудно.

Пользуясь отсутствіемъ русскаго посла въ Константинополь, англійское правительство предложило Оттоманской Портѣ самой составить уставъ для Сербіи, по соглашенію со специальною серб-

*) Назв. соч., стр. 392.

**) Назв. соч., стр. 400—401.

окою комиссией. Англія убѣждала Порту, что ей выгоднѣе расширить права сербскаго князя, который черезъ это станетъ лучшимъ проводникомъ власти султана надъ княжествомъ. Порта согласилась на сдѣланное предложеніе и вызвала въ Константинополь въ апрѣлѣ 1838 года сербскую депутацію, рассчитывая, что этотъ смѣлый шагъ дастъ ей снова право вмѣшательства во внутреннія дѣла Сербіи. Но политика Англіи на этотъ разъ потерпѣла неудачу. Возвратившійся къ своему посту Бутеневъ сообщилъ Портѣ, что русское правительство пришло къ убѣжденію, что уставъ для Сербіи долженъ быть составленъ въ Константинополь. Вслѣдствіе этого заявленія, турецкое правительство вошло въ соглашеніе съ русскимъ, и по настоянію послѣдняго измѣнило сербскій проектъ устава въ смыслъ ограниченія власти князя и расширенія правъ Совѣта. Въ концѣ декабря уставъ этотъ былъ подписанъ султаномъ въ видѣ гатти-шерифа на имя бѣлградскаго паши, а не на имя сербскаго князя, какъ то было съ послѣднимъ гатти-шерифомъ, и въ такой формѣ, явно умалявшей достоинство и значеніе князя, былъ обнародованъ 13 февраля 1839 года.

По новому уставу внутреннее управленіе Сербіей ввѣрялось князю, наследственно въ его потомствѣ. Власть князя чисто исполнительная, такъ какъ ему предоставляется лишь право исполненія законовъ и судебныхъ опредѣленій, назначенія чиновниковъ, увеличенія налоговъ, командованія войскомъ и помилованія. Князь назначаетъ четырехъ попечителей (министровъ), которые подъ его предсѣдательствомъ составляютъ главное правительство области и завѣдываютъ вѣшними и внутренними дѣлами, финансами и правосудіемъ (куда относится и министерство народнаго просвѣщенія). Вся законодательная власть сосредоточивается въ рукахъ Сената или Совѣта, который образуется изъ 17 старѣйшихъ и важнѣйшихъ лицъ сербскаго народа. Члены Совѣта назначаются княземъ, но разъ назначенные, они могутъ быть отрѣшены отъ должности не иначе какъ по суду и съ согласія султана. Затѣмъ въ уставѣ провозглашается равенство сербовъ передъ закономъ, неприкосновенность личности и собственности, свобода торговли, уничтожается натуральная повинность и точно опредѣляется административная и судебная іерархія *).

*) Уставъ этотъ см. у Попова, назв. соч., стр. 454—455 и 507—515, а также у Равке: Исторія Сербіи, стр. 440—452.

Разбирая этот уставъ, внесенный существенныя перемены въ патриархальное управленіе Сербіи, какииъ оно было въ рукахъ Милоша, Поповъ находитъ въ немъ крупныя недостатки, вызывающіе совершенно справедливыя нареканія на русское правительство, которое слѣдило за ходомъ работъ въ Константинополь. «Давая почву для правительственной дѣятельности Совѣта и оберегая ея неприкосновенность отъ всякихъ замысловъ со стороны князя, уставъ—говоритъ онъ—въ тоже время не полагалъ никакихъ преградъ для замысловъ со стороны членовъ Совѣта, кромѣ необходимости доказать ихъ виновность передъ самою Портою. Вообще уставъ предусматривалъ всѣ случаи нарушенія княземъ правъ народа и другихъ властей и служилъ какъ бы хартіей, обеспечивавшей послѣднія; но онъ не предусматривалъ возможности нарушенія народныхъ правъ и даже политическихъ правъ страны высшими ея чиновниками. Не признавъ народной скупщины, уставъ отнималъ у князя возможность апеллировать къ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ страну ея вѣковаго учрежденія, провѣрившаго дѣйствія мѣстныхъ и земскихъ властей *)... Молчаніе устава о скупщинѣ было главнѣйшею и существеннѣйшею ошибкою въ немъ... Это была ошибка противъ всей исторіи сербскаго народа и важнѣйшій политическій промахъ относительно его дальнѣйшаго развитія. По ст. 8 устава Милошъ долженъ былъ назначить членовъ Совѣта изъ людей, признанныхъ заслуженными; но съ самой минуты своего назначенія они становились уже несмѣняемыми, облеченными властью законодателей, а черезъ своихъ товарищей-попечителей и исполнительною, становились выше князя и могли не допускать въ свою среду людей, не нравившихся имъ. Опирая собственное значеніе на уставъ, они всегда могли

*) Важность этого пропуска сознавали сами старѣйшины, добивавшіеся ограниченія княжеской власти, такъ какъ они совершенно справедливо опасались народнаго неудовольствія на то. Поэтому они въ первые же дни жаловались передъ Ващенкою на невключеніе въ уставъ статьи о скупщинѣ. Жалобы были на столько основательны, что русскій консулъ долженъ былъ писать о томъ въ Константинополь къ Бутеневу, который отвѣтилъ, что сербы могутъ созывать скупщины по обычаю, ибо что не запрещено уставомъ, то слѣдуетъ сохранять, какъ установлено было народными обычаями. Но такой отвѣтъ былъ только слабымъ успокоеніемъ для сѣтовавшихъ. (Поповъ, назв. соч., стр. 455).

не признать за народною скупщиной ея правъ, ибо послѣднія не были утверждены уставомъ, а основывались только на одномъ обычаѣ. Апеллировать на дѣйствія совѣтниковъ можно было только къ Портѣ, а не къ народу и его представителямъ. Такимъ положеніемъ совѣтниковъ заранѣе опредѣлялись ихъ отношенія къ князю, ихъ вліяніе на судьбу страны и народа, ихъ связи съ Портою и борьба съ Милошемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ будущее должно было показать, благоразумно-ли поступила русская дипломатія, довѣряясь до такой степени нѣсколькимъ старѣйшинамъ, и найдетъ-ли она внутри самой Сербіи какую-либо точку опоры, какое-либо учрежденіе, при содѣйствіи которыхъ можно будетъ повліять на членовъ Совѣта въ случаѣ, еслибы ими были нарушены права Россіи, какъ покровительствующей державы. Поразивъ Милоша, не обратятся-ли противники его противъ русскаго покровительства, которое можетъ показаться имъ также тягостнымъ, какъ показалось Милошу? Отдаливъ отъ себя князя и не имѣя законныхъ основаній для обращенія къ народной скупщинѣ, русскій консулъ поставленъ былъ въ необходимость втянуться въ игру мѣстныхъ партій, присоединиться къ интересамъ одной изъ нихъ и выпустить такимъ образомъ изъ вниманія интереса цѣлаго народа *)). Кромѣ всѣхъ указанныхъ недостатковъ устава 1839 года въ немъ нельзя не замѣтить еще одного промаха русской дипломатіи, промаха, который по своему значенію, быть можетъ, превышалъ всѣ остальные. «При той редакціи,— говоритъ Поцовъ,— какая была принята для статьи о перемѣнѣ совѣтниковъ, и при той формѣ, въ какой изложены были начало и заключеніе фирмана**), свобода внутренняго управленія въ Сербіи,

*) Назв. соч., стр. 455—456.

**) Фирманъ начинался такими словами: „Моему визирю Юсуфъ-Мухлясъ-пашѣ (да будетъ онъ прославленъ!) и князю народа сербскаго Милошу Обреновичу (да будетъ его конецъ счастливъ!) По силѣ преимуществъ и привилегій, дарованныхъ жителямъ моей провинціи Сербіи, за ихъ вѣрность и приверженность, и по содержанію прежнихъ гатти-шерифовъ, изданныхъ въ разное время, съ моей стороны показалось мнѣ нужнымъ даровать этой провинціи одно внутреннее правленіе и уставъ постоянный, особенный и льготный подъ условіемъ, чтобы сербы точно исполняли обязанность вѣрности и покорности и исправно платили дань моей Высокой Портѣ въ назначенные сроки, количество которой опредѣлено“. Заключивался этотъ фирманъ такими словами, обращенными уже къ Милошу: „По утверженіи моей волею

хранившаяся въ продолженіи столькихъ лѣтъ, была нарушена, и въ этомъ согласны всѣ сербскіе писатели, разбиравшіе уставъ съ точки зрѣнія политической и юридической *)).

Изданіемъ султанскаго устава для Сербіи, подтвержденнаго Россіей, нанесенъ былъ послѣдній ударъ власти Милоша, которою онъ пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ какъ уставъ этотъ не только ограничивалъ князя, но и возвышалъ надъ нимъ власть семнадцати (по числу округовъ) несмѣняемыхъ безъ воли Порты старѣйшинъ, составившихъ Совѣтъ княжества. Но умаливъ власть князя, новыя опредѣленія основъ внутренняго управленія Сербіи не прекратили вражды между Милошемъ и его противниками. Совѣтники и образовавшаяся около нихъ партія, такъ называемыхъ, *уставобранителей*, выставявшихъ прежде своимъ знаменемъ борьбу за свободу управленія въ странѣ противъ самовластнаго князя, теперь сами явились не меньшими деспотами и при томъ стали искать себѣ поддержки въ Константинополѣ и Вѣнѣ. Милошъ, конечно, не въ состояніи былъ бороться противъ такого сильнаго

вышеупомянутаго устава, нарочно сочиненъ для сообщенія тебѣ сей императорскій фирманъ и посланъ къ тебѣ, украшенный моимъ сіятельнымъ гатти-шерифомъ. Итакъ я налагаю на тебя обязанность заботиться какъ внутри, такъ и извнѣ о безопасности этой нашей провинціи, начальство надъ которою я далъ тебѣ и твоей фамилии единственно подъ тѣмъ нарочнымъ условіемъ, что ты будешь внимать и подчиняться предписаніямъ, идущимъ отъ меня; — обязанность употреблять твои силы для изысканія средствъ къ облегченію ея благоденствія, а также спокойствія и мира ея жителей. А кромѣ того я обязываю тебя уважать состояніе, честь, чинъ и службу всякаго, заботиться наипаче о томъ, чтобы статьи и предписанія устава вышеизложенныя исполнялись всегда и всецѣло, и полагать всю ревность твою на то, усугубить молитвы и благословенія всѣхъ классовъ жителей той земли о моемъ лицѣ, и такимъ образомъ, подтвердить и оправдать мое довѣріе и благоволеніе къ тебѣ. Равнымъ образомъ я ставлю въ обязанность всѣмъ сербамъ вообще подчиняться всѣмъ распоряженіямъ князя, согласнымъ съ уставами и учрежденіями земскими и старательно соображаться съ обстоятельствами. Я повелѣваю обнародовать этотъ гатти-шерифъ, чтобы народъ получилъ о немъ свѣдѣніе, чтобы всякій, проникаясь болѣе и болѣе признательностію за таковыя благодѣянія, дарованныя всѣмъ равно отъ моей высочайшей щедроты, поступалъ во всѣхъ обстоятельствахъ такъ, чтобы заслужить мое одобреніе и наконецъ, чтобы всѣ статьи устава были исполняемы отъ слова до слова и всегда, безъ малѣйшаго противодѣйствія или въ какое бы то ни было время.— „И ты также, мой визирь,—сказано было въ самомъ концѣ фирмана,— будешь имѣть его въ виду и соединишь свои силы съ силами князя, для точнаго и строгаго исполненія статей сего императорскаго фирмана“.

*) Назв. соч., стр. 454.

союза, и поэтому 1-го іюля 1839 года подписалъ отреченіе отъ княжескаго престола въ пользу старшаго сына своего Милана, послѣ чего русское правительство должно было сдѣлаться свидѣтелемъ борьбы внутреннихъ партій въ Сербіи и отстаивать покровительственныя права Россіи передъ тѣми самыми людьми, которыхъ оно поддерживало въ борьбѣ съ Милошемъ.

Г Л А В А XIII.

Европейское соглашение по дѣламъ Востока и Лондонскія конвенціи 1840—1841 годовъ.

Второе возстаніе Мехмета-Али, паши египетскаго. — Общевропейское внимательство въ распрю турецкаго султана съ вассаломъ. — Сближеніе Россіи съ Англіей и повѣдка барона Брунова въ Лондонъ въ сентябрь 1839 года. — Англо-французскія недоразумѣнія. — Лондонская конференція и конвенція 1840 года. — Прекращеніе турецко-египетской распри и Лондонская конвенція 1841 года, устанавливавшая европейское соглашеніе по дѣламъ Оттоманской Порты. — Значеніе лондонскихъ конвенцій въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.

Въ то время какъ Россія, дружа съ Турціей, исполняла неприличествовавшую ей роль охранительницы неприкосновенности оттоманскаго господства въ юго-восточномъ углу Европы и тѣмъ самымъ естественно противодѣйствовала освободительнымъ стремленіямъ своихъ соплеменниковъ, шедшимъ въ явный разрѣзъ съ этимъ господствомъ, ея враги, давно уже искавшіе удобнаго случая для замѣны нашего исключительнаго вліянія на Востокъ коллективнымъ протекторатомъ, дѣятельно работали въ этомъ направленіи. Предвидя наступленіе второй войны между султаномъ и его египетскимъ вассаломъ, которые были одинаково недовольны условіями кутахійскаго мира, западно-европейскія державы усердно хлопотали объ уничтоженіи Ункіаръ-Искелесскаго договора, который, по ихъ мнѣнію, велъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ для Оттоманской имперіи, и совѣтовали султану, — въ видѣ единственнаго способа отдѣлаться отъ соглашенія 1833 года, — при новомъ нападеніи Мехмета-Али, обратиться къ Англіи, Франціи, Пруссіи, Австріи и Россіи съ просьбой о вступленіи *сообща* въ обязатель-

ство съ Портой, съ цѣлью поддержать независимость Турецкой имперіи. Стремясь къ установленію европейскаго соглашенія по дѣламъ Востока, иностранные дворы легко достигли своей цѣли, и если на пути къ ней имъ приходилось считаться съ нѣкоторыми затрудненіями и препятствіями, то эти послѣдніе исходили не столько отъ насъ, сколько изъ споровъ и недоразумѣній, возникавшихъ по восточному вопросу между самими нашими противниками.

Лишь только въ 1839 году произошелъ разрывъ между султаномъ и его вассаломъ, европейскіе кабинеты начали обсуждать основанія коллективнаго вмѣшательства въ дѣла Востока. Морскія державы — Франція и Англія, давно уже подумывавшія надъ этимъ вопросомъ, быстро пришли къ соглашенію между собой и рѣшили при помощи своей военной силы предоставить наследственную власть Мехметъ-Али пашѣ взамѣнъ территориальной уступки въ пользу султана съ тѣмъ, чтобы границы послѣдней были опредѣлены съ общаго согласія великихъ державъ Европы. Онѣ также уполномочили своихъ пословъ при вѣнскомъ дворѣ вступить въ совѣщанія съ княземъ Меттернихомъ и представителями Пруссіи и Россіи для установленія общаго соглашенія по турецко-египетскому вопросу. Наша союзница Австрія, а за нею и Пруссія, покорно шедшая на поводу у австрійскаго канцлера, изъявили свое согласіе принять участіе въ разрѣшеніи турецко-египетскаго столкновенія и вошли въ сдѣлку съ нашими врагами — Франціей и Англіей. Сущность этой сдѣлки — говорить г. Татищевъ — «составляли двѣ мѣры, всегда встрѣчавшія со стороны русскаго двора самое энергическое противодѣйствіе: отправленіе въ Дарданеллы эскадръ морскихъ державъ и общее ручательство за цѣлость и независимость Турціи» *). Условясь относительно этихъ мѣръ съ дворами: лондонскимъ, парижскимъ и берлинскимъ, Австрія въ тоже время взяла на себя деликатную обязанность предложить и Россіи приступить къ общеевропейскому соглашенію по дѣламъ Востока.

Какъ и слѣдовало ожидать, къ предложенію австрійскаго канцлера принять участіе въ совѣщаніяхъ по восточнымъ дѣламъ, русское правительство отнеслось довѣрчиво. Въ Петербургъ были

*) Вѣщанія полѣтнихъ императора Николая Перваго, стр. 638.

слишком увѣрены въ искренности Австріи и вполне надѣялись, что послѣ мюнхенскаго соглашенія она пойдетъ съ Россіей, а не противъ нея въ могущихъ возникнуть замѣшательствахъ на Востокѣ. Слепо довѣряя Австріи, послушное голосу Меттерниха, русское правительство готово было «откликнуться на зовъ его и отправить уполномоченнаго въ Вѣну для принятія участія въ европейскомъ совѣщаніи, повидимому, и не подозрѣвая о томъ, что тамъ замышлялось противъ насъ» *). Но рѣшеніе это было тотчасъ же отмѣнено, какъ только стало извѣстно, что англо-французскій флотъ получилъ приказаніе войти въ Дарданеллы и что между Австріей, Пруссіей и морскими державами состоялось соглашеніе о обвокупномъ ручательствѣ великихъ державъ за цѣлость и независимость Турецкой имперіи. Русское правительство наотрѣвъ отказалось участвовать въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ по турецко-египетскому вопросу, такъ какъ увидѣло въ дѣйствіяхъ Англіи и Франціи поступки, враждебно направленные противъ Россіи и вѣковыхъ ея правъ на Востокѣ **).

Но въ то время какъ въ направленіи нашей восточной политики подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ произошла такая неожиданная перемѣна, русскій представитель въ Константинополѣ, Бутеневъ, не зная ничего объ этомъ и уступая приглашенію

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 445—446.

***) Главною причиною нашего отказа участвовать въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ было включенное въ программу ихъ установленіе совокупнаго ручательства Европы за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. Мѣру эту императорскій кабинетъ считалъ измышленіемъ лондонскаго и парижскаго дворовъ, цѣль которыхъ заключалась не въ сохраненіи независимости Турціи, какъ залога безопасности Россіи, а напротивъ, въ установленіи на Востокѣ порядка, какъ можно болѣе намъ враждебнаго. Задача ихъ — освободить Порту изъ подъ вліянія Россіи и поставить ее подъ опеку Европы, поручившись за цѣлость ея владычій, которой никто не угрожаетъ, за исключеніемъ Мегметъ-Али паши. Но Россія — писалъ гр. Нессельроде Струве 18 (30) іюля 1839 г. — не можетъ допустить, чтобы Порта снова подпадала вліянію ея враговъ; она не можетъ согласиться на то, чтобы западно-европейскія эскадры прошли черезъ Дарданеллы въ Черное море съ цѣлью оскорблять русскій флотъ и угрожать русскимъ берегамъ. Опытъ убѣдилъ насъ, что Турція только до тѣхъ поръ исполняетъ свои обязательства, пока имѣетъ поводъ бояться наказанія за ихъ неисполненіе. Следовательно, придуманное морскими державами совокупное ручательство Европы за цѣлость Турціи направлено просто противъ Россіи, и требовать отъ насъ, чтобы мы сами приняли въ нейъ участіе, значитъ желать невозможнаго и безразсуднаго. (Татищевъ, назв. соч., стр. 448).

Меттерниха, руководившаго европейскимъ соглашеніемъ, подписать коллективную ноту, внушавшую Оттоманской Портѣ прервать начатыя ею переговоры съ египетскимъ пашею и не принимать никакихъ дальнѣйшихъ рѣшеній относительно Египта безъ участія пяти великихъ державъ Европы. Подписаніе русскимъ агентомъ такого рода ноты, разумѣется, кореннымъ образомъ противорѣчило внезапно принятому императорскимъ правительствомъ рѣшенію не входить въ соглашеніе съ западной Европой по турецко-египетскому вопросу. Тѣмъ не менѣе наше правительство сочло себя связаннымъ подписью Бутенева, не найдя возможнымъ отказаться отъ обсужденія надлежащихъ мѣръ къ прекращенію происходившихъ на Востокѣ замѣшательствъ совмѣстно съ остальными великими державами Европы. Такой образъ дѣйствій петербургскаго кабинета имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что такъ называемый «европейскій концертъ», уполномоченный нѣкогда на умиротвореніе революціоннаго Запада и собиравшійся уже ликвидировать свои дѣла, въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія перенесъ арену своей политической дѣятельности на Востокъ, и съ тѣхъ поръ до сего дня, путемъ постепеннаго расширенія сферы своего вліянія на восточный вопросъ, всецѣло въ собственныхъ рукахъ держитъ жалкую судьбу Оттоманской Порты.

Соглашаясь на совмѣстныя дѣйствія съ западными державами въ турецко-египетскомъ вопросѣ, Россія предвидѣла, что при обнаружившемся враждебномъ настроеніи къ ней нѣкоторыхъ изъ этихъ державъ, на совѣщаніяхъ европейскаго «ареопага», призваннаго рѣшать судьбы Востока, представитель ея долженъ очутиться въ меньшинствѣ, если не въ совершенномъ одиночествѣ. Для предупрежденія такого печальнаго положенія своего уполномоченнаго на предстоящей европейской конференціи и ради обезпеченія пріятія ею въ соображеніе непосредственныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ, императорское правительство нашло необходимымъ по дѣламъ Турціи войти въ предварительное соглашеніе съ однимъ изъ иностранныхъ кабинетовъ. Понятно, возможность такого соглашения вполнѣ зависѣла отъ степени общности политическихъ интересовъ Россіи съ таковыми же интересами того или другого изъ членовъ европейскаго «ареопага» *). Всего ближе къ нашей

*) Назв. соч., стр. 470.

традиціонной политикѣ на Востокѣ подходила политика Франціи, которая такъ же, какъ и мы, желала продлить существованіе Оттоманской имперіи въ интересахъ равновѣсія Европы и прилагала всѣ свои старанія къ тому, чтобы по возможности способствовать превращенію отдѣлившихся отъ этой разлагающейся имперіи областей въ новыя независимыя политическія тѣла. Но искать сближенія съ Франціей мы не могли, такъ какъ у русскаго правительства она была тогда въ немилости. «Во всѣхъ важныхъ политическихъ вопросахъ съ 1830 года (особенно въ польскомъ дѣлѣ) французское правительство — по словамъ барона Бруннова — никогда не шло прямымъ путемъ; оно всегда прибѣгало къ изворотамъ; его дѣйствія находились въ безпрестанномъ противорѣчій съ его словами, и увѣренія, данныя имъ наканунѣ, отрицались поступками, совершенными на другой день... На Востокѣ тюркскій кабинетъ признаетъ необходимость поддержанія status quo; но рядомъ съ этою, всѣми одинаково чувствуемою потребностію, онъ не въ силахъ противостоять искушенію, время отъ времени льститъ честолюбію Мехметъ-Али паши и поощряетъ проявленіе революціоннаго духа въ Греціи» *).

При такомъ поведеніи французскаго двора императорское правительство не могло искать сближенія съ нимъ и должно было обратить свои взоры на Англію, Австрію или Пруссію. Но послѣдняя, не имѣя на Востокѣ собственныхъ интересовъ, блюла тамъ выгоды своей руководительницы. Что же касается до Австріи, то она своею двусмысленной политикой поколебала къ себѣ наше довѣріе. Русское правительство убѣдилось, что въ восточной политикѣ князь Меттернихъ желалъ дѣйствовать за одно съ нашими противниками. Въ виду этого соглашеніе Россіи съ Австріей по восточному вопросу представлялось невозможнымъ, и для того чтобы не остаться на предстоящей конференціи безъ всякой поддержки со стороны какой-либо изъ западныхъ державъ, имѣвшихъ принять участіе въ обсужденіи турецко-египетскаго дѣла, императорскій кабинетъ *volens-nolens* рѣшилъ войти въ соглашеніе съ Англіей, политическіе и торговые интересы которой были прямо противоположны нашимъ.

*) Рукописная записка барона Бруннова, см. у Татищева, назв. соч., стр. 475—478.

Для установленія полнаго согласія между Россіей и Англіей по турецко-египетскому вопросу въ сентябрѣ 1839 г. въ Лондонѣ отправленъ былъ бар. Брунновъ, который долженъ былъ для этого навсегда отречься отъ преданій екатерининской политики и Ункіарь-Искелесскаго трактата, служившихъ главнымъ камнемъ преткновенія къ дружному и согласному дѣйствию нашему съ сентъ-жемскимъ дворомъ на Востокъ. Жертвуя всѣмъ этимъ, мы имѣли въ виду расторгнуть соглашеніе Франціи съ Англіей, взгляды которыхъ на турецко-египетскую распрю довольно рѣзко расходились съ самаго ея возникновенія. Если морскія державы «легко пришли къ соглашенію относительно мѣръ, направленныхъ противъ предполагаемыхъ ими честолюбивыхъ замысловъ Россіи, и рѣшили сообща, въ случаѣ появленія русскаго флота въ Босфорѣ, ввести и свои эскадры въ Дарданеллы, а также применить къ австрійскому предложенію о принятіи Оттоманской имперіи подъ совокупное ручательство Европы» *), то вопросъ о будущихъ границахъ между Турціей и Египтомъ постоянно грозилъ разстроить ихъ согласіе. Англія, пугаясь возрастающаго вліянія на Востокъ Мехмета-Али паши, желала отобрать у него Сирію и снова возвратить ее султану; Франція же, мечтавшая видѣть правителя Египта своимъ вѣрнымъ союзникомъ въ случаѣ войны съ Англіей, не допускала такого уменьшенія его могущества и желала утвержденія Сиріи вмѣстѣ съ Египтомъ за Мехметомъ-Али пашею на наследственномъ правѣ, хотя и подъ верховенствомъ турецкаго султана. Помимо желанія поссорить Англію съ давнишнею ея союзницею, Франціей, къ іюльскому правительству которой императоръ Николай I постоянно относился враждебно, русское правительство намѣрено было извлечь изъ англійскаго союза выгоды относительно проливовъ, соединяющихъ Средиземное море съ Чернымъ. Оно предлагало морскимъ державамъ: 1) отказаться отъ общаго ручательства за цѣлость всѣхъ владѣній Оттоманской имперіи; 2) признать закрытіе Босфора и Дарданеллъ для военнаго судоходства, какъ во время войны, такъ и во время мира, основнымъ началомъ европейскаго международнаго права и 3) не во-

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 482.

*дуть своихъ эскадръ въ Мраморное море одновременно съ появленіемъ на Босфоръ русскихъ военныхъ силъ *)*.

Не зная, какъ заставить Францію стать на англійскую точку зрѣнія въ дѣлѣ улаженія турецко-египетской распри, сентъ-жемскій кабинетъ готовъ былъ заключить союзъ съ Россіей, чтобы воспользоваться имъ, какъ орудіемъ воздѣйствія на Людовика-Филиппа. Помимо этого, сближеніе съ Россіей казалось важнымъ для Англіи и въ томъ отношеніи, что оно представляло удобный случай уменьшить вліяніе петербургскаго двора на дѣла Востока, приобретенное путемъ вѣковыхъ усилій русской дипломатіи и русскаго оружія. Наконецъ, лорду Пальмерстону казалось, что для появленія русскихъ силъ на Босфоръ не представится надобности; а если бы она и представилась, то—разсуждалъ англійскій премьеръ — можно будетъ изыскать иныя средства, и что невозможно теперь, быть можетъ, будетъ возможнымъ тогда; до тѣхъ же поръ слѣдуетъ испытать условенныя средства. Въ виду всего этого Англія не замедлила войти въ соглашеніе съ Россіей по турецко-египетскому вопросу, тѣмъ болѣе, что императоръ Николай, стремясь къ сближенію съ великобританскимъ правительствомъ, изъявилъ свое согласіе на появленіе въ проливахъ флотовъ иностранныхъ державъ въ случаѣ, если бы русскимъ войскамъ представилась необходимость защищать турецкую столицу отъ нашествія Ибрагима.

Состоявшееся при такихъ условіяхъ соглашеніе между Россіей и Англіей по дѣламъ Востока дало новое направленіе европейской политикѣ, и когда въ январѣ 1840 г. Австрія снова предложила великимъ державамъ созвать конференцію для окончанія турецко-египетскаго спора, петербургскій и сентъ-жемскій кабинеты, вмѣстѣ съ Пруссіей, тотчасъ же изъявили свое согласіе на это и рѣшили, чтобы ихъ представители собрались для совѣщаній въ Лондонѣ. Принять участіе въ лондонскихъ совѣщаніяхъ согласилась и Франція, вслѣдствіе чего открытіе засѣданій конференціи послѣдовало немедленно по прибытіи въ Лондонъ уполномоченнаго Порты, котораго Англія непременно желала привлечь къ подписанію предположенной конвенціи.

*) Графъ Нессельроде Татищеву 24 августа (5 сентября) 1839 года, см. у Татищева, стр. 488.

Лондонская конференція, имѣвшая обсудить и изыскать способы къ прекращенію распри султана съ его непокорнымъ вассаломъ, достигла своей цѣли, но только безъ содѣйствія со стороны Франціи. Расходясь съ Англіей по турецко-египетскому вопросу и надѣясь на скорое рѣшеніе его путемъ непосредственныхъ переговоровъ султана съ пашею, Франція отказалась отъ участія въ какомъ бы то ни было постановленіи конференціи. При этомъ, выждавъ удобнаго случая, когда непримиримый врагъ египетскаго паши, великій визирь Хозревъ былъ удаленъ въ ссылку, она склонила Мехмета-Али выразить свою покорность султану. Подобный образъ дѣйствій тюльрійскаго кабинета возбудилъ сильное негодованіе въ великобританскомъ правительствѣ, увидавшемъ въ поступкахъ Франціи интригу, направленную противъ прочихъ державъ, принявшихъ участіе въ обсужденіи турецко-египетскаго вопроса, и въ особенности противъ Англіи. Поэтому англійское министерство, желавшее во что бы то ни стало во-время воспользоваться добровольнымъ согласіемъ Россіи отказаться отъ своего исключительнаго положенія на Востокъ, приобретеннаго путемъ звѣковыхъ усилій и цѣлымъ рядомъ военныхъ и дипломатическихъ побѣдъ, предложило конференціи безъ участія Франціи приступить къ заключенію давно уже составленной и обсужденной конвенціи по турецко-египетскому дѣлу, при чемъ лордъ Пальмерстонъ заявилъ: «Если изъ пяти державъ, четыре согласны между собою насчетъ своего образа дѣйствій, между тѣмъ какъ пятая рѣшилась дѣйствовать въ совершенно другомъ направленіи, было бы безразсудно требовать, чтобы другія четыре отрѣклись изъ уваженія къ пятой отъ своихъ убѣжденій, въ которыхъ онѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждаются и которыя касаются вопроса жизненной важности для высшихъ и будущихъ интересовъ Европы». По предложенію сентъ-жемскаго кабинета представители Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Турціи 3 (15) іюля 1840 года подписали конвенцію, известную подъ именемъ «Лондонской».

Во вступленіи къ этой конвенціи говорилось, что четыре европейскія державы, подписавшія ее, имѣли въ виду просьбу султана о помощи противъ Мегмета-Али паши египетскаго, *угрожающую цѣлости Оттоманской имперіи и независимости султанскаго пре-*

стола. Сверхъ того, движимыя чувствомъ искренней дружбы, существующей между ними и султаномъ, и одушевленныя желаніемъ наблюдать за цѣлостью и независимостью Оттоманской имперіи въ интересахъ укрѣпленія мира въ Европѣ, державы имѣли намѣреніе «предупредить кровопролитіе», неизбежное при продолженіи непріязненныхъ дѣйствій между падишахомъ и его вассаломъ.

Для «предупрежденія кровопролитія» и сохраненія цѣлости и независимости Турецкой имперіи европейскія державы въ отдѣльномъ актѣ, приложенномъ къ конвенціи, изложили основанія примиренія султана съ пашею и приняли «на себя обязательство дѣйствовать въ полномъ согласіи и соединить всѣ свои усилія къ побужденію Мегмета-Али» принять предложенныя ему султаномъ условія, «при чемъ каждая изъ высшихъ договаривающихся сторонъ предоставила себѣ содѣйствовать этой цѣли по мѣрѣ располагаемыхъ ею средствъ» (ст. 1). Условія, на которыхъ должно было состояться, по мнѣнію великихъ державъ, примиреніе падишаха съ вассаломъ, заключались въ слѣдующемъ. Въ отдѣльномъ актѣ Лондонской конвенціи говорилось: «Его величество султанъ обѣщаетъ даровать Магмету-Али наследственное право управлять египетскимъ пашалыкомъ; кромѣ того, онъ обѣщаетъ даровать своему вассалу, пожизненно, съ титуломъ Акрскаго паши и съ начальствованіемъ надъ крѣпостью Сень-Жанъ-д'Акръ, управление южною частью Сиріи... Дѣлая эти предложенія, султанъ присоединяетъ условіе, чтобы Мегметъ-Али принялъ ихъ въ десятидневный срокъ по сообщеніи ему объ этомъ въ Александріи агентомъ его величества и вручилъ этому агенту должныя инструкціи начальникамъ своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ о немедленномъ удаленіи ихъ изъ Аравіи и изъ всѣхъ находящихся тамъ священныя городовъ, съ острова Канди, изъ округа Аданскаго изъ всѣхъ другихъ частей Оттоманской имперіи, не входящихъ въ составъ Египетскаго и вышеназваннаго Акрскаго пашалыка» (отд. актъ, ст. 1). «Если бы въ этотъ десятидневный срокъ Мегметъ-Али не принялъ такового уговора, то султанъ возьметъ назадъ предложеніе о пожизненномъ управленіи Акрскимъ пашалыкомъ; но его величество еще согласится даровать Мегмету-Али наследственное управленіе Египетскимъ пашалыкомъ, лишь бы это предложеніе было принято въ слѣдующій десятидневный срокъ, т. е.

въ теченіе двадцати дней, считая со дня сдѣланнаго ему сообщенія, и лишь бы онъ равнымъ образомъ передалъ агенту султана должныя инструкціи своимъ сухопутнымъ и морскимъ военачальникамъ о немедленномъ удаленіи въ предѣлы и гавани Египетскаго пашалыка (отд. актъ, ст. 2). «Ежегодная подать, платимая Мегметомъ-Али султану, будетъ соответствовать большей или меньшей территоріи, получаемой имъ въ управленіе, смотря по выбору перваго или втораго предложенія» (отд. актъ, ст. 3). «Какъ при первомъ, такъ и при второмъ выборѣ, Мегметъ-Али (до истеченія десяти или двадцатидневнаго срока) непременно долженъ будетъ сдать турецкій флотъ назначенному для принятія его турецкому чиновнику и ни въ какомъ случаѣ не ставить въ счетъ и не вычитать изъ дани, платимой султану, расходовъ на содержаніе оттоманскаго флота во все время пребыванія его въ египетскихъ портахъ» (отд. актъ, ст. 4). «Всѣ трактаты и всѣ законы Оттоманской имперіи будутъ равномерно относиться къ Египту и къ Акрскому пашалыку, какъ и къ прочимъ частямъ Турціи. Но султанъ соглашается, чтобы, подъ условіемъ правильнаго платежа дани, Мегметъ-Али и его потомки отъ имени и въ качествѣ повѣренныхъ его величества собирали во вѣренныхъ ихъ управленію провинціяхъ подати и закономъ установленные налоги... Изъ общей суммы собираемыхъ податей и налоговъ Мегметъ-Али и его потомки будутъ покрывать всѣ расходы по гражданскому и военному управленію своихъ провинцій» (отд. актъ, ст. 5). «Сухопутныя и морскія силы, которыя будутъ содержать египетскій и акрскій паша, составляя часть боевыхъ силъ Оттоманской имперіи, будутъ всегда считаться содержимыми для государственныхъ нуждъ» (отд. актъ, ст. 6). Наконецъ, въ послѣдней статьѣ отдѣльнаго акта Лондонской конвенціи говорилось, что «если по истеченіи двадцатидневнаго срока послѣ сообщенія, сдѣланнаго Мегмету-Али, онъ вовсе не приступитъ къ предложенному условію и не приметъ наслѣдственности Египетскаго пашалыка, то султанъ считаетъ себя свободнымъ взять обратно это предложеніе и затѣмъ избрать дальнѣйшій путь *сообразно внушеніямъ своимъ собственнымъ интересамъ и совѣтамъ его союзниковъ*» (отд. актъ, ст. 7)*).

*) Отдѣльный актъ, приложенный къ конвенціи 1840 г., см. у Юзефовича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 96—98.

Само собою разумѣется, что заявленіе султана о томъ, что въ случаѣ отказа паша принять означенныя условія, онъ будетъ дѣйствовать «сообразно внушеніямъ своихъ собственныхныхъ интересовъ» было только громкой, но безсодержательной фразой. Находясь въ серьезной опасности, онъ радовался заступничеству европейскихъ державъ и былъ вполне послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, вслѣдствіе чего не имѣлъ возможности и думать о «внушеніяхъ своихъ собственныхныхъ интересовъ». Гораздо больше султана заботился объ интересахъ Турецкой имперіи совѣтъ пяти великихъ державъ, которыя изъ собственныхныхъ же выгодъ щадили нѣкоторыя исконныя права Оттоманской Порты и намѣчали программу своихъ дѣйствій на случай, если и по истеченіи втораго, двадцатидневнаго, срока Мегметъ-Али откажется отъ предложеній падишаха.

Разсчитывая на упорство турецкаго вассала, великія европейскія державы въ дальнѣйшихъ статьяхъ Лондонской конвенціи постановили: 1) «Если египетскій паша откажется приступить къ вышеизложенному уговору, который ему будетъ сообщенъ султаномъ при содѣйствіи другихъ договаривающихся сторонъ», то державы, по предложенію султана, примутъ условенныя между ними мѣры для приведенія въ исполненіе настоящаго договора. По приглашенію султана оказать ему помощь въ пресѣченіи морскаго сообщенія между Египтомъ и Сиріей и воспрепятствовать пересылкѣ войскъ изъ одной провинціи въ другую, Австрія и Англія обязуются немедленно дать должныя приказанія начальникамъ своихъ эскадръ въ Средиземномъ морѣ, а также «во имя союзничества, по мѣрѣ располагаемыхъ ими средствъ» поддержать въ Сиріи мѣстныхъ жителей, возставшихъ противъ Мегмета-Али (ст. 2). 2) «Если Мегметъ-Али откажется покориться условіямъ вышеупомянутаго уговора и направить свои сухопутныя или морскія силы на Константинополь, въ такомъ случаѣ высокія договаривающіяся стороны согласились, по особенному требованію султана, общими силами содѣйствовать защитѣ его престола и обезпечить отъ всякаго нападенія проливы Босфора и Дарданелль, а равно и самую столицу Оттоманской имперіи» (ст. 3). Такимъ образомъ, въ случаѣ нужды державы оказываютъ помощь султану и защищаютъ Константинополь, для

чего Англія и Австрія вводятъ свой флотъ въ Босфоръ и Дарданеллы, а Россія посылаетъ свои сухопутныя войска, при чемъ она дѣйствуетъ противъ Мегмета-Али не одна, какъ то было прежде, а сообща съ прочими державами, въ виду желанія послѣднихъ общими силами умиротворить Востокъ и тѣмъ положить извѣстный предѣлъ русскому вліянію въ Турціи.

Однако мѣры эти признаются *чрезвычайными* и приводятся въ дѣйствіе *по просьбѣ* самого султана. Въ конвенціи «условлено, что силы, которыя благодаря соглашенію получаютъ указанное назначеніе, пробудутъ подъ Константинополемъ лишь столько времени, на сколько ихъ присутствіе будетъ требоваться султаномъ; когда же его султанское величество признаетъ пребываніе ихъ лишенымъ необходимости, то эти силы удалятся одновременно и выйдутъ обратно изъ проливовъ въ Черное и Средиземное моря» (ст. 3). При этомъ было постановлено, «что означенное совмѣстное дѣйствіе великихъ державъ, предназначенное временно поставить проливы Дарданеллъ и Босфора и самую столицу Оттоманской имперіи подъ защиту высокихъ договаривающихся сторонъ отъ нападенія Мегметъ-Али, должно считаться лишь *исключительною* мѣрою, принятою единственно въ вышеозначенномъ случаѣ, *по особой просьбѣ султана* и только для защиты его. Также условлено, что эта мѣра нисколько не нарушаетъ древняго права Оттоманской имперіи, по которому военнымъ судамъ иностранныхъ державъ всегда было воспрещаемо входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора. И султанъ объявляетъ, что за исключеніемъ настоящаго случая онъ имѣетъ твердую рѣшимость на будущее время неизмѣнно соблюдать это начало, какъ древнее правило его имперіи, и когда будетъ находиться въ мирѣ, не допустить никакого военнаго иностраннаго судна въ проливы Босфора и Дарданеллъ. Четыре же великія державы — Россія, Англія, Австрія и Пруссія — обѣщаютъ уважать это рѣшеніе султана и согласоваться съ вышеформулированнымъ началомъ» (ст. 4). Нечего и говорить, конечно, о томъ, что это постановленіе относительно проливовъ замѣняло собою Ункіаръ-Искелеской трактатъ и что Россія, такимъ образомъ, утрачивала право прохода черезъ проливы, ибо закрытіе ихъ распространилось и на нее *).

*) Конвенція, заключенная въ Лондонѣ 8 (15) іюля 1840 г., см. у Юзефовича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 93—96.

Кромѣ отдѣльнаго акта, который, какъ мы видѣли, содержалъ въ себѣ условія примиренія султана съ пашею, къ Лондонской конвенціи приложено три протокола. Въ первомъ изъ нихъ уполномоченный Блистательной Порты объявлялъ, «что подтверждая 4-ю статью Лондонской конвенціи древнее правило Оттоманской имперіи, въ силу котораго было всегда воспрещаемо военнымъ иностраннымъ судамъ входить въ проливы Босфора и Дарданеллы, Блистательная Порта предоставляетъ себѣ, по прежнимъ примѣрамъ, выдавать фирманы на пропускъ мелкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, находящихся, по обычаю, въ распоряженіи и для сообщенія посольствъ дружественныхъ державъ» *). Во второмъ протоколѣ державы постановили, во избѣжаніе потери времени, *до разгнѣна между ними ратификацій*, привести въ исполненіе постановленія 2-й ст. конвенціи, «такъ какъ въ виду настоящаго положенія дѣлъ въ Сиріи интересы челоуѣколюбія, а равно и важныя соображенія европейской политики, составляющія предметъ общей заботливости подписавшихъ конвенцію державъ» требуютъ скорѣйшаго замиренія Востока**). Само собою понятно, что такая поспѣшность въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе 2-й ст. конвенціи вызвана была вовсе не интересами челоуѣколюбія и не важными политическими соображеніями всѣхъ четырехъ державъ, а просто на просто тѣмъ, что лордъ Пальмерстонъ спѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, съ согласія самой Россіи, поставить Оттоманскую Порту подъ контроль и охрану европейскаго концерта и предупредить непосредственное соглашеніе султана съ пашею. Наконецъ, въ третьемъ протоколѣ уполномоченные Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, «съ цѣлью выставить въ истинномъ свѣтѣ безкорыстіе, руководившее ихъ дворами» при заключеніи Лондонской конвенціи, объявляли, «что при выполненіи обязательствъ, принятыхъ на себя конвенціей договорившимися державами, государства эти не намѣрены искать никакого увеличенія своей территоріи, нивакого исключительнаго вліянія, ни полученія какого-либо преимущества въ торговлѣ для своихъ подданныхъ

*) Протоколъ подписанный въ Лондонѣ 3 (15) іюля 1840 г., тамъ же, стр. 99.

***) Особый протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 3 (15) іюля 1840 г., тамъ же, стр. 99—100.

передъ другими націями». Уполномоченный же Блистательной Порты, «отдавая должное уваженіе прямой и безкорыстной политикѣ союзныхъ державъ, принялъ къ свѣдѣнію декларацию, заключающуюся въ настоящемъ протоколѣ, и обязался передать ее своему двору» *). Чѣмъ вызванъ былъ формальный отказъ со стороны великихъ державъ отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Турецкой имперіи и отъ всякаго вліянія и торговыхъ преимуществъ на Востокъ, которыя не были бы предоставлены и поданнымъ другихъ государствъ, — угадать не трудно. Очевидно, здѣсь державы имѣли въ виду формальнымъ актомъ уничтожить то, чему примѣры представляла дѣйствительность, т. е. окончательно парализовать честолюбивые замыслы Россіи въ отношеніи Турціи и совершенно устранить всякую возможность какому-либо одному государству воспользоваться наслѣдствомъ Оттоманской имперіи, такъ какъ договаривающіяся державы не ручались за безкорыстіе другъ друга въ этомъ отношеніи.

Съ подписаніемъ Лондонской конвенціи 1840 года осуществлялось давно желанное на Западѣ европейское соглашеніе по дѣламъ Оттоманской имперіи, которымъ уничтожалось наше преимущественное положеніе на Востокъ и исконное право исключительнаго вмѣшательства въ судьбы злосчастной Порты. Теперь мы не одни, а вмѣстѣ съ другими державами должны были заботиться о поддержаніи цѣлости и независимости Оттоманской монархіи и при томъ не изъ своихъ, хотя и фиктивныхъ, но личныхъ выгодъ, какъ прежде, а въ интересахъ упроченія общеевропейскаго мира; говоря иначе Лондонской конвенціей устанавливался на Востокѣ тотъ порядокъ вещей, который мы энергично отстраняли въ теченіе цѣлаго столѣтія и еще такъ недавно провозглашали несогласнымъ ни съ народными пользами, ни съ достоинствомъ Россіи. Кромѣ того, «на нашу долю, согласно договору, выпала роль подчиненная, менѣе чѣмъ второстепенная. Мы, ближайшіе сосѣди Турціи, были устранены отъ участія въ понудительныхъ мѣрахъ противъ паши. Лишь въ крайнемъ случаѣ намъ дозволялось поспѣшить на защиту Константинополя отъ нападенія Ибрагима.

*) Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 5 (17) сентября 1840 г., тамъ же, стр. 100—101.

Но одновременно со вступлениемъ въ Босфоръ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ эскадры западныхъ державъ имѣли войти въ Дарданеллы съ тѣмъ, чтобы наблюдать за нами, не дать намъ выйти изъ предѣловъ европейскаго полномочія *)).

Несмотря на все это, Лондонской конвенціей 1840 года были одинаково довольны какъ у насъ, такъ и на Западѣ Европы. Выражая свое удовольствіе по поводу заключенія этой конвенціи, кн. Меттернихъ приписывалъ ее своимъ дипломатическимъ усиліямъ. Въ Петербургѣ «Лондонскую конвенцію серьезно считали первымъ шагомъ къ восстановленію шомонскаго союза четырехъ великихъ державъ противъ революціонной Франціи» **). Пальмерстонъ же ликовалъ потому, что однимъ ударомъ достигъ трехъ важныхъ цѣлей: «наказанія Франціи за попытку освободиться отъ англійской опеки и слѣдовать самостоятельной политикѣ; добровольнаго отреченія Россіи отъ историческаго преобладанія въ Турціи; признанія Европой англійской указки въ восточныхъ дѣлахъ и соотвѣтственнаго значенія Англій на Востокѣ» ***). Только въ Берлинѣ довольно равнодушно взглянули на Лондонскую конвенцію. Устраненіе Франціи изъ «европейскаго концерта» тамъ даже вызвало нѣкоторое опасеніе.

Поступокъ англійскаго кабинета по отношенію къ французскому двору грозилъ разрывомъ между двумя морскими державами. Не желая дѣлать никакихъ уступокъ Франціи въ турецко-египетскомъ вопросѣ и не видя необходимости доводить свои отношенія къ прежней союзницѣ до враждебныхъ дѣйствій, Англія предложила тюльрійскому двору оказать содѣйствіе къ осуществленію постановленій Лондонской конвенціи, находя это для него наилучшимъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія. Но Франція отъ этой чести отказалась и продолжала настаивать на своихъ требованіяхъ. Она была глубоко оскорблена поведеніемъ Англіи и, старая желаніемъ отмстить за полученное оскорбленіе, стала дѣятельно вооружаться и внушать египетскому пашѣ мысль не подчиняться требованіямъ четырехъ союзныхъ державъ Европы.

*) Татищевъ. Визшняя политика императора Николая, стр. 546.

***) Назв. соч., стр. 521.

***) Назв. соч., 521.

Но въ рѣшительную минуту воинственный пылъ ея остылъ. Перемѣна министерства во Франціи сдѣлала ея политику болѣе миролюбивой, такъ что общее соглашеніе великихъ державъ по дѣламъ Востока стало теперь болѣе чѣмъ вѣроятнымъ и возможнымъ. Не уступая упорству тюльрійскаго кабинета, Пальмерстонъ, желавшій привлечь Францію къ участию въ рѣшеніяхъ Лондонской конференціи, не шелъ на компромиссъ съ нею, потому что предвидѣлъ, что въ скоромъ времени одержать побѣду въ борьбѣ съ своею прежнею союзницей. Когда же французская дипломатія выразила покорность, англійскій министръ немедленно поспѣшилъ возстановить съ Франціей дружественныя отношенія и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дать возможность оскорбленному Людовику Филиппу, на ряду съ другими государями, занять мѣсто въ «европейскомъ концертѣ», по дѣламъ Оттоманской Порты. Допустить Францію въ этотъ концертъ не отказались и остальные державы, а тѣмъ болѣе Австрія и Пруссія, которыя «съ нетерпѣніемъ ждали пополненія ареопага великихъ державъ недостающимъ пятымъ членомъ» *).

Преображеніе распри султана съ вассаломъ вълѣдствіе вмѣшательства Европы, отправившей противъ египетскаго паши англійскія морскія и сухопутныя силы, какъ нельзя болѣе благопріятствовало принятію Франціи въ европейскій концертъ по дѣламъ Востока. Поэтому въ угоду ей прежде всего было предложено Портѣ дать Египетъ усмиренному пашѣ въ наследственное владѣніе съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно платилъ опредѣленную дань султану. Когда же турецкое правительство, подъ вліяніемъ категорическихъ требованій князя Меттерниха, пригрозившаго общеевропейскою коалиціей, уступило настояніямъ Лондонской конференціи, и послѣдняя должна была заняться опредѣленіемъ на будущее время вопроса о проливахъ, — это было признано вполне достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы привлечь давно пошедшую на уступки Францію къ европейскому соглашенію по дѣламъ Востока безъ всякаго ущерба для ея оскорбленнаго достоинства тѣмъ болѣе, что у остальныхъ западно-европейскихъ государствъ вовсе не было намѣренія лишить Францію права участія въ между-

*) Назв. соч., стр. 587.

народной гарантіи цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи.

28 іюня (10 іюля) 1841 года представители Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи подписали протоколъ, въ которомъ говорилось, что турецко-египетская распря, заставившая султана обратиться за помощью къ четыремъ державамъ противъ возставшаго васала, окончена и что на будущее время необходимо воспретить входъ въ проливы всѣмъ иностраннымъ военнымъ судамъ. «Такъ какъ принципъ этотъ»—говорилось дагѣ въ протоколѣ—«по существу своему подлежитъ постоянному и общему примѣненію, то уполномоченные, снабженные по сему предмету приказаніями своихъ дворовъ, полагаютъ, что для выраженія согласія и единства, коими проникнуты намѣренія всѣхъ дворовъ, и въ интересахъ упроченія европейскаго мира, слѣдуетъ констатировать признаніе вышеупомянутаго принципа посредствомъ договора, въ которомъ будетъ предложено Франціи принять участіе, по приглашенію и согласно желанію его величества султана» *).

Протоколомъ этимъ Франціи предоставлена была полная возможность вступить въ «европейскій концертъ», и она не замедлила воспользоваться удобнымъ случаемъ войти въ составъ совѣта, учрежденнаго для обсужденія дѣлъ Оттоманской Порты. Скрѣпя сердце, полное волненій отъ послѣднихъ неудачъ политики тюльрійскаго двора, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ предписалъ своему повѣренному въ Лондонѣ принять участіе въ совѣщаніяхъ конференціи, имѣвшей своею задачею поставить Оттоманскую имперію подъ коллективную опеку великихъ державъ Европы. Совѣщанія эти привели къ заключенію второй Лондонской конвенціи, подписанной на этотъ разъ между Россіей, Англіей, Франціей, Австріей и Пруссіей съ одной стороны и Турціей съ другой.

Во вступленіи къ конвенціи говорилось, что великія державы, полагая, «что ихъ союзъ и согласіе представляютъ Европѣ *спирный залогъ сохраненія всеобщаго мира*, предмета ихъ постоянныхъ попеченій, и желая засвидѣтельствовать это согласіе, представивъ его величеству султану явное доказательство уваженія, *митамаю*

*) Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ представителями Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи 28 іюня (10 іюля) 1841 г., см. у Татищева, назв. соч., стр. 543—544.

ими из неприкосновенности его владительныхъ правъ, а равно и ихъ искренняго желанія укрѣпить покой его имперіи», — «положили согласиться на приглашеніе его султанскаго величества, для подтвержденія сообща формальнымъ актомъ ихъ единодушнаго рѣшенія сообразоваться съ древнимъ правиломъ Оттоманской имперіи, въ силу коего проходъ черезъ проливы Дарданеллъ и Босфора постоянно остается закрытымъ для военныхъ иностранныхъ судовъ, пока Порта находится въ мирѣ». Затѣмъ въ конвенціи говорилось, что султанъ имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало, непреложно установленное, какъ древнее правило его имперіи, и въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и пока Порта находится въ мирѣ, его султанское величество не допустить ни одного военнаго иностраннаго судна въ сказанные проливы». Съ своей стороны великія державы обѣщались «уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеназваннымъ началомъ» (ст. 1). Подтверждая неприкосновенность древняго правила Оттоманской имперіи относительно проливовъ, султанъ далѣе предоставлялъ себѣ «попрежнему выдавать фирманы на проходъ легкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, состоящихъ по обычаю въ распоряженіи посольствъ дружественныхъ державъ» (ст. 2). Наконецъ, онъ бралъ на себя «довести эту конвенцію до свѣдѣнія всехъ державъ, съ коиши Блестательная Порта находится въ дружественныхъ сношеніяхъ, и предложить имъ приступить къ оной» (ст. 3).

Таково содержаніе второй Лондонской конвенціи, подписанной 1 (13) іюля 1841 года *). Разсматривая постановленія ея о проливахъ, нельзя не согласиться съ г. Татищевымъ, что вопросъ этотъ рѣшенъ былъ далеко не въ нашу пользу, хотя рѣшеніе это и состоялось по требованію самой Россіи. «Въ прошломъ столѣтіи—говоритъ онъ,—когда Черное море было внутреннимъ турецкимъ моремъ, на Босфоръ не распространялось, да и не могло распространяться древнее правило Оттоманской Порты о воспрещеніи входа въ Дарданеллы иностранныхъ судовъ подъ военнымъ флагомъ. Поэтому и въ договорѣ 1809 года, заключенномъ между

*) Конвенцію эту см. у Юзеевича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 101—103.

Англіей и Турціей, упоминалось о закрытіи только Дарданеллъ. Въ нашихъ трактатахъ съ Портой, до Адрианопольскаго включительно, вопросъ о проливахъ возбуждался единственно въ видахъ обезпеченія свободнаго плаванія по нимъ нашихъ торговыхъ судовъ. Лишь Ункіарь-Искелесскимъ трактатомъ турки обязались передъ нами безусловно воспретить входъ въ Дарданеллы военнымъ судамъ всѣхъ націй, чѣмъ удовлетворялась одна изъ нашихъ насущнѣйшихъ потребностей— обезпеченіе ставшаго русскимъ черноморскаго побережья отъ нападенія, въ случаѣ войны, непріятельскихъ флотовъ. Тотъ же трактатъ не только не воспрещалъ русскому флоту входа въ Босфоръ, но и предвидѣлъ случай необходимаго его тамъ появленія. Ясно, что всѣ преимущества такого порядка были на нашей сторонѣ, всѣ невыгоды—на сторонѣ морскихъ державъ, нашихъ соперницъ *)). По Лондонской же конвенціи Россія уступила Англии и Франціи свою выгодную позицію, которую занимала съ 1833 года, а за собой оставила ихъ невыгодное положеніе. «Дѣло въ томъ, что провозглашенное конвенціей 1841 года запрещеніе входа въ проливы для флотовъ всѣхъ державъ устанавливало лишь призрачное равенство между положеніемъ въ этихъ водахъ Россіи и прочихъ государствъ. Мы одни были державой прибрежною Чернаго моря, входъ и выходъ котораго былъ намъ одинаково закрытъ, какъ и прочимъ державамъ, для коихъ и то и другое отнюдь не было необходимою. Но еще важнѣе было для насъ то, что въ случаѣ войны между Россіей и какою изъ прочихъ державъ, Порта могла безнаказанно нарушить свое обязательство и впустить въ Черное море непріятельскій флотъ, тогда какъ мы были лишены возможности привлечь ее за это къ отвѣтственности, ибо обязательство держать входъ въ проливы закрытымъ было принято ею относительно не насъ однихъ, а всей Европы **)».

Вотъ ближайшія послѣдствія европейскаго вмѣшательства въ дѣла Востока. Не менѣе важнымъ результатомъ его было ослабленіе нашего исключительнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ сказано выше, Лондонскими конвенціями существо-

*) Внешняя политика императора Николая, стр. 549.

**) Назв. соч., стр. 550—551.

ваніе Турціи было поставлено подъ коллективную гарантію всѣхъ великихъ державъ Европы. Поэтому турецкое правительство, ивнюще вообще уваженіе только къ силѣ и ея непосредственному проявленію, перестало слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ указаніямъ Россіи, прекрасно сознавая, что ему нечего теперь бояться нашего вторженія въ предѣлы Оттоманской Порты, цѣлость и неприкосновенность которой гарантированы всей Европою. Въ значительной степени оказалось подорваннымъ значеніе Россіи и въ глазахъ христіанскихъ народностей Востока. Узнавъ о нашемъ рѣшеніи дѣйствовать въ отношеніи Турціи сообща съ западно-европейскими державами, мало расположенными въ ихъ пользу, онѣ отчаялись получить отъ насъ защиту и освобожденіе и поэтому, какъ и Порта, обратили свои взоры на западную Европу, во главѣ которой стояла Англія, недавно прекратившая по порученію остальныхъ великихъ европейскихъ державъ турецко-египетскую распрю и водворившая миръ и порядокъ въ Левантѣ. Престижъ Европы въ силу всего этого поднялся на Востокъ, и она мало-по-малу начала входить въ роль покровительницы Оттоманской имперіи и ея христіанскаго элемента, при чемъ въ скоромъ же времени не замедлила закрѣпить за собою эту роль торжественнымъ международнымъ договоромъ.

Постановленія Лондонскихъ конвенцій касались пока только самой Турціи и ничего не говорили ни о Греціи, которая по прежнему оставалась подъ покровительствомъ Россіи, Англіи и Франціи, создавшихъ это королевство, ни о вассальныхъ княжествахъ— Молдавіи, Валахіи и Сербіи, которыя были поставлены нашими трактатами съ Портой подъ исключительную охрану одной Россіи. Европа не рѣшилась тогда посягнуть на принадлежавшія намъ по договорамъ права по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ Порты и ограничилась лишь созданіемъ одного прецедента, который оправдывалъ бы вмѣшательство великихъ державъ во всѣ будущія несогласія наши съ Портой. Лондонскими конвенціями Европа подготовила почву для Парижскаго трактата 1856 года, который, будучи какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ основу этихъ конвенцій, отнималъ у Россіи исключительное право покровительства христіанамъ, находящимся подъ

властью Турціи, и дѣлалъ его общимъ правомъ всѣхъ великихъ европейскихъ державъ, участвовавшихъ на Парижскомъ конгрессѣ.

Останавливаясь подробно на исторіи и значеніи Лондонскихъ конвенцій 1840 и 1841 годовъ, г. Татищевъ выражаетъ свое глубокое сожалѣніе по поводу появленія на свѣтъ этихъ международныхъ актовъ. Онъ говоритъ, что Лондонскія конвенціи нанесли большой ущербъ нашей политикѣ и нашей славѣ въ восточномъ вопросѣ, уничтоживъ Ункіарь-Искелесскій трактатъ 1833 года, къ которому проложила путь Екатерина Великая, заставившая султана подписать Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ 1774 года и признать за Россіей исключительное право покровительства православнымъ христіанамъ Востока. Исходя изъ трактата 1774 года, Россія вплоть до заключенія Лондонскихъ конвенцій считала себя единственной и исключительной покровительницей турецкой райи, съ которой ее тѣсно связывали единство вѣры и кровное, племенное родство. Этотъ протекторатъ надъ христіанскими народностями Балканскаго полуострова перенесенъ былъ Ункіарь-Искелесскимъ трактатомъ даже на самую Порту, которая по своей доброй волѣ всецѣло отдалась въ руки русскаго царя. Лондонскія конвенціи поставили участь Турціи въ зависимость отъ всѣхъ великихъ державъ Европы и тѣмъ самымъ разомъ уничтожили почти всѣ плоды нашей восточной политики, созрѣвшіе въ періодъ времени съ 1774 года *). Съ точки зрѣнія національнаго самолюбія это явленіе, несомнѣнно, очень печально, и всякій истинный патриотъ долженъ вполне раздѣлить мнѣніе г. Татищева, горячо осуждающаго состоявшееся въ 1841 году европейское соглашеніе по дѣламъ Оттоманской Порты. Но если взглянуть на это соглашеніе болѣе безпристрастно, не съ узко-патриотической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общихъ международныхъ интересовъ, то наши сожалѣнія по поводу заключенія Лондонскихъ конвенцій будутъ совершенно напрасны. Тогда окажется:

1) что Россія сама, своими дипломатическими промахами, вызвала и допустила участіе западныхъ державъ въ судьбахъ несчастной Порты **);

*) Назв. соч., стр. 546—547.

**) Опредѣляя смыслъ и значеніе Лондонскихъ конвенцій 1840—41 годовъ, Гизо совершенно вѣрно писалъ Киселеву: „То была ваша капитальная ошибка. Дабы

2) что участь христіанскихъ народностей, входящихъ въ составъ Оттоманской Порты, всегда представляла международный интересъ и Франція раньше насъ покровительствовала своимъ единовѣрцамъ на Востокъ;

3) что западныя державы, въ виду общаго направленія виѣшней политики, не могли допускать роковаго для равновѣсія Европы преобладанія Россіи на Босфорѣ.

Если принять во вниманіе эти три главныя положенія, то для насъ, русскихъ, явится возможность съ меньшимъ сожалѣніемъ и уколомъ національнаго самолюбія вспоминать о томъ, что въ концѣ первой половины XIX вѣка восточный вопросъ вошелъ въ новый фазисъ своего развитія, характеризующійся тѣмъ, что Россія вмѣстѣ съ западными державами, прежде хлопотавшими объ изгнаніи турокъ изъ Европы, образуетъ теперь «европейскій концертъ» по дѣламъ Оттоманской Порты, судьба которой всецѣло находилась до сихъ поръ въ рукахъ одного русскаго правительства.

изолировать, дабы ослабить правительство короля Людовика-Филиппа, вы отложили въ сторону вашу традиціонную политику, заключавшуюся въ томъ, чтобы вести самостоятельно ваши дѣла въ Турціи, безъ посторонняго участія, безъ соглашенія съ кѣмъ бы то ни было. Вы сами перенесли эти дѣла въ Лондонъ и договоромъ 15 іюля 1840 года собственными руками обратили ихъ въ общее дѣло Европы. Вы были вынуждены на слѣдующій годъ сдѣлать еще шагъ по этому пути, и конвенція 13 іюля 1841 года, съ вашего же согласія, подтвердила для Турціи виѣшательство и соглашеніе Европы⁴. (Изъ неизданнаго письма Гизо къ Н. Д. Киселеву, отъ 22 октября (3 ноября) 1853 года. См. у Татищева: Императоръ Николай и иностранныя дворы, стр. 5).

Г Л А В А XIV.

Общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи съ половины XVIII до половины XIX вѣка.

Положеніе восточнаго вопроса въ половинѣ XVIII вѣка. — Заботы Россіи со времени Екатерины Великой объ обезпеченіи матеріальныхъ интересовъ въ юго-восточномъ углу Европы и результаты этихъ заботъ къ половинѣ XIX вѣка. — Положеніе вопроса религиозно-національнаго. — Вопросъ объ освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига при Екатеринѣ Великой. — Условія и характеръ дѣятельности Россіи при осуществленіи своего историческаго призванія въ отношеніи единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ XIX вѣкѣ. — Вопросъ объ участіи Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ при Александрѣ I. — Положеніе этого вопроса при Николаѣ Павловичѣ. — Недоброжелательство къ намъ западныхъ державъ и ихъ стремленіе поставить Турцію и ея христіанскихъ подданныхъ подъ защиту и охрану Европы. Успѣхи, сдѣланные Россіей къ половинѣ XIX вѣка въ рѣшеніи своихъ матеріальныхъ и религиозно-національныхъ задачъ на Востокѣ.

Мы изложили второй періодъ отношеній Россіи къ Турціи, періодъ, обнимающій собою вторую половину XVIII и первую половину XIX вѣка. Періодъ этотъ открывается славнымъ царствованіемъ Екатерины Великой, которая унаслѣдовала отъ своихъ державныхъ предковъ восточный вопросъ, такъ сказать, въ подготовительномъ видѣ, характеризующимся тѣмъ, что русскій народъ, сознавъ крайнюю необходимость дойти до южныхъ морей и придти за Дунай на помощь своимъ меньшимъ братьямъ по вѣрѣ и крови, несмотря на противодѣйствіе западной Европы, боявшейся за существованіе Турціи, — незначительно подвинулъ впередъ рѣшеніе вопроса, касавшагося его матеріальныхъ выгодъ, и только затронулъ вопросъ о своихъ религиозно-національныхъ интересахъ на Востокѣ. Заставъ восточный вопросъ въ такомъ, чисто первоначальномъ фазисѣ развитія, великая императрица усилила наступательное движеніе Россіи на юго-востокъ, куда давно уже манила русскій народъ свобода морей и тянуло племенное и духовное родство съ христіанами Балканскаго полуострова, и своими слав-

ными побѣдами здѣсь положила начало новой эрѣ въ исторіи отношенія Россіи къ Турціи.

Въ этотъ новый періодъ русско-турецкихъ отношеній нашему правительству предстояло заботиться объ обезпеченіи тѣхъ же самыхъ интересовъ Россіи на Востокѣ, къ защитѣ которыхъ оно неуклонно стремилось съ конца XVI вѣка. Интересы эти были двоякаго рода. Россіи необходимо было добиться доступа къ Черному морю и свободнаго судоходства по немъ и проливамъ, соединяющимъ его съ Средиземнымъ моремъ. Кромѣ того, Россіи нужно было обезпечить интересы православія на Востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ болѣе лучшее положеніе своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи, по отношенію къ которымъ она призывалась исторіей стать ближайшей защитницей и освободительницей. И тѣ, и другіе интересы были одинаково дороги для русскаго народа. Разница между ними заключалась лишь въ томъ, что съ первыми связывались экономическія и политическія выгоды, а со вторыми—религіозно-національныя задачи. Поэтому всѣ эти интересы должны были заслуживать одинаковаго вниманія и заботливости со стороны русскаго правительства, если оно признавало истинныя нужды Россіи и было на высотѣ своего призванія.

Слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, Екатерина Великая въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи обратила должное вниманіе, какъ на матеріальныя, такъ и на религіозно-національныя интересы Россіи на Востокѣ. Ея войны съ Турціей обезпечили за Россіей господство на Черномъ морѣ и обладаніе Крымскимъ полуостровомъ, положили прочныя основы русской торговли съ Востокомъ черезъ проливы Босфора и Дарданеллъ и обезпечили свободное развитіе и мирное процвѣтаніе богатѣйшихъ южныхъ черноземныхъ окраинъ русскаго государства, такъ долго и жестоко страдавшихъ отъ набѣговъ крымскихъ и другихъ татарь-кочевниковъ, доходившихъ нерѣдко до самой столицы Московскаго государства. Обезпечивъ экономическіе и торговые интересы Россіи на Востокѣ, Екатерина II въ то же время положила начало защитѣ восточнаго православія и облегченію тяжелой участи балканскихъ христіанъ, давно ожидавшихъ отъ насъ помощи въ дѣлѣ освобожденія отъ гнета турецкаго владычества: она положила начало процессу ослабленія мусульманскаго ига надъ греко-славян-

скими племенами Балканскаго полуострова, а своимъ знаменитымъ «греческимъ проектомъ», имѣвшимъ въ виду возстановленіе христіанской имперіи на Босфорѣ и образованіе нейтральныхъ румынскихъ княжествъ, въ общихъ чертахъ предначертала тотъ путь, котораго должна была держаться наша восточная политика въ будущемъ.

Не оспаривая великихъ заслугъ Екатерины II въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса объ экономическихъ и политическихъ интересахъ Россіи на Востока, Карновичъ старается въ значительной степени ослабить ту роль, которую сыграла великая императрица въ отношеніи нашихъ религіозно-національныхъ интересовъ въ Турціи. Онъ говоритъ, что въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II вопросъ о нашихъ восточныхъ единоувѣрцахъ не выдвигался на первое мѣсто, такъ какъ вопросъ этотъ въ то время былъ оставленъ въ сторонѣ западною Европой, не находившей для себя возможнымъ мечтать объ освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ мусульманскаго ига. «Польшѣ, обуреваемой внутренними раздорами и угрожаемой сосѣдями, некогда было думать объ этомъ. Австрія вела съ Турціею только политическія дѣла. Англія хлопотала о своей торговлѣ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Франція имѣла политическіе расчеты на Турцію. Россія, усвоившая себѣ мысль объ освобожденіи турецкихъ христіанъ съ Запада, шла съ нимъ и въ это время рука объ руку, такъ что вопросъ этотъ и у насъ оказался въ забросѣ. Для возбужденія его нуженъ былъ новый толчекъ, и онъ былъ данъ опять съ Запада, но на этотъ разъ чрезвычайно страннымъ способомъ *). Мысль объ освобожденіи грековъ изъ подъ турецкаго ига подаль Екатеринѣ II Вольтеръ, который прельщалъ императрицу не величіемъ роли освободительницы христіанъ, а славою освободительницы народа, прославившагося въ языческой древности. Желаніе Вольтера, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ, какія онъ высказывалъ, вскорѣ исполнилось. Въ 1769 году польскія дѣла вовлекли Россію въ войну съ Турціею. Война эта вызвала императрицу Екатерину на повровительство восточнымъ христіанамъ,

*) „Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига“. Отеч. Записки за 1878 г. № 2, стр. 386.

но вызвала она случайно и притомъ въ виду важныхъ политическихъ соображеній, а именно вслѣдствіе предложенія Алексѣя Орлова поднять все христіанское населеніе Турціи противъ власти султана въ дѣлахъ чисто стратегическихъ *).

Первая турецкая война окончилась заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Въ манифестѣ 17 марта 1775 года объ этомъ мирѣ объявлялось: «Жители православные греко-восточнаго исповѣданія обрадованы возвращеніемъ ихъ прежнихъ правъ, свободы и преимуществъ и двухлѣтнимъ увольненіемъ отъ всякихъ податей. Самое наше православіе въ мѣстахъ его произростанія ограждено для передо нашею императорскою опекою отъ всякаго притѣсненія и насильства». Но «собственно—говоритъ Карновичъ—Кучукъ-Кайнарджійскій миръ доставилъ выгоды только Молдавіи и Валахіи»; что же касается до славянъ, то они «остались, какъ и прежде, не при чемъ». По мнѣнію названнаго писателя, «Россія не выговорила себѣ права заступаться за нихъ, такъ какъ подходящей къ тому статьи не было внесено въ Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ, а по 23-му его артикулу формально отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Грузин и Мингрелин. На основаніи всего этого Карновичъ приходитъ къ заключенію, что Кайнарджійскій договоръ «вовсе не имѣлъ того важнаго значенія относительно права Россіи защищать въ Турціи своихъ единоверцевъ, какое обыкновенно ему дается историками» **).

Одолѣвъ однажды Турцію и надѣясь на дальнѣйшіе успѣхи своего оружія, Екатерина Великая задалась цѣлью воскресить падшую подъ ударами турокъ Византійскую имперію. Осуществленіе этого грандіознаго проекта вело прямо къ освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига и къ полному торжеству православія на Востокѣ ***). Но планъ Екатерины о возстановленіи Греческой имперіи не осуществился къ счастью славянъ, которымъ угрожало огреченіе. Во вторую же войну съ Турціей государыня вовсе не преслѣдовала цѣли освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига. Говоря словами манифеста отъ 7 января 1787 года, войну эту вызвали: порабощеніе «политической вольности» татаръ, признан-

*) Тамъ же, стр. 388—389.

**) Тамъ же, стр. 390.

***) Тамъ же, стр. 391.

ныхъ независимыми отъ Порты; «грабительства, изнуреніе, вопль и жалобы въ Молдавіи и Валахіи», приче́мъ о грекахъ и славянахъ не было и помину; принятіе къ себѣ турками запорожцевъ; отсутствіе у русскихъ торговыхъ выгодъ и—главное—заключеніе подъ стражу русскаго посланника Булгакова. Соответственно указаннымъ причинамъ были и результаты этой русско-турецкой войны. «Ясскій миръ,—говоритъ Карновичъ,—широко раздвинувшій на югъ предѣлы Русской имперіи, не усилилъ покровительства Россіи надъ ея единовѣрцами, подвластными Турціи. Миръ этотъ, въ отношеніи упомянутаго покровительства, подтвердилъ только статьи предшествовавшаго ему Кучукъ-Кайнарджійскаго договора» *).

«Такимъ образомъ,—заключаетъ Карновичъ,—долголѣтнее царствованіе Екатерины не далеко подвинуло вопросъ объ освобожденіи христіанъ отъ турецкой неволи, хотя у насъ насчетъ этого и давно уже пущены въ оборотъ трескучія фразы. Екатерина не вела прямой и настойчивой борьбы за освобожденіе христіанъ изъ подъ ига турокъ. Вопросъ объ ихъ правахъ былъ только дополнительнымъ вопросомъ при разрѣшеніи побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ задачъ исключительно политическаго свойства, приче́мъ на христіанъ опирались, какъ на орудіе, опасное для Порты» **).

Не отрицая того, что Екатерина Великая «не вела прямой и настойчивой борьбы за освобожденіе христіанъ изъ подъ ига турокъ» и что «вопросъ объ ихъ правахъ былъ только дополнительнымъ вопросомъ при разрѣшеніи побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ задачъ исключительно политическаго свойства», мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ Карновичемъ въ томъ, что «долголѣтнее царствованіе Екатерины *не далеко* подвинуло вопросъ объ освобожденіи христіанъ отъ турецкой неволи». Какъ мы видѣли, онъ обосновываетъ свой взглядъ, во-первыхъ, характеромъ отношеній Екатерины Великой къ балканскимъ народностямъ, который будто бы всецѣло обуславливался вліяніемъ Запада, откуда де проникла въ Россію самая мысль объ освобожденіи турецкихъ христіанъ, а во-вторыхъ, тѣми положительными данными, которыя

*) Тамъ же, стр. 394.

**) Тамъ же, стр. 395.

представляютъ намъ договоры, заключенные Россіей съ Турціей при этой императрицѣ. Что касается до перваго соображенія, приводимаго Карновичемъ въ пользу отстаиваемаго имъ мнѣнія, то противъ него можно замѣтить, что въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II вопросъ о нашихъ единовѣрцахъ въ Турціи не выдвигался на видное мѣсто не потому, что Россія не получала надлежащаго толчка съ Запада, а потому, что ей необходимо было прежде всего обезпечить собственные матеріальные интересы на Востокъ, уже давно составлявшіе предметъ особой заботливости русскаго правительства, до разрѣшенія которыхъ Россія не могла сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага въ дѣлѣ освобожденія турецкихъ христіанъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, въ свою очередь, объясняется и то, что во время екатерининскихъ войнъ съ Турціей, веденныхъ съ исключительною цѣлью обезпеченія русскаго владычества на Черномъ морѣ, вопросъ о правахъ балканскихъ народностей былъ не главнымъ, а только дополнительнымъ вопросомъ, который поднимался лишь исключительно подъ влияніемъ успѣховъ нашего оружія. При этомъ, если Екатерина Великая мало думала собственно о славянахъ, а мечтала о возстановленіи Греческой имперіи въ ущербъ послѣднимъ, или выговаривала извѣстныя права въ пользу Молдавіи и Валахіи, то зависѣло это отъ того, что въ разсматриваемое время наши отношенія къ балканскимъ народностямъ основывались преимущественно на *единоверіи*, а не на единоплеменности, а также отъ того, что сами славянскіе народы, по своему географическому положенію въ центрѣ Турецкой имперіи, не могли еще быть предметомъ особаго попеченія русскаго правительства. Но что Екатерина Великая дѣйствительно сознавала необходимость освобожденія балканскихъ народовъ изъ-подъ власти турокъ, и что она дала этому дѣлу болѣе или менѣе сильное движеніе впередъ,—подтвержденіемъ этого можетъ служить извѣстный «греческій проектъ», который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, даже въ глазахъ самаго Карновича способенъ былъ привести «прямо къ освобожденію христіанъ отъ турецкаго яга и къ полному торжеству православія на Востокѣ».

Лучшимъ доказательствомъ громаднхъ успѣховъ, достигнутыхъ Екатериной въ дѣлѣ защиты православія и покровительства

христіанъ въ Турціи, однако, являются, по нашему мнѣнію, тѣ самые трактаты, на постановленіяхъ которыхъ строить свои выводы Карновичъ. Онъ говоритъ, что Кучугъ-Кайнарджійскій договоръ «вовсе не имѣлъ того важнаго значенія относительно права Россіи защищать въ Турціи своихъ единовѣрцевъ, какое обыкновенно ему приписывается нашими историками». Но это мнѣніе Карновича положительно невѣрно. Сила и значеніе названнаго трактата въ дѣлѣ защиты интересовъ турецкихъ христіанъ заключается не въ его отдѣльныхъ постановленіяхъ относительно тѣхъ или другихъ христіанскихъ народностей, подвластныхъ Турціи, а въ томъ, что въ этомъ трактатѣ русскому посланнику при Портѣ предоставляется *право ходатайствовать передъ нею въ пользу христіанскихъ подданныхъ султана, чѣмъ узаконилось на будущее время право вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла турецкаго государства съ цѣлью защиты нашихъ единовѣрцевъ и единоплемениковъ*. Вслѣдствіе предоставленія такого права русскому посланнику всѣ восточные христіане, какъ славянскаго, такъ и неславянскаго происхожденія, одинаково подпадали *подъ исключительное покровительство Россіи*, почему Кайнарджійскій трактатъ, по всей справедливости, можетъ быть признанъ знаменательнымъ моментомъ, открывающимъ совершенно новую эру отношеній Россіи къ Турціи. Въ силу извѣстныхъ неблагоприятныхъ для Россіи обстоятельствъ, сопровождавшихъ вторую русско-турецкую войну, Ясскій мирный договоръ не усилилъ пріобрѣтеннаго нами права покровительства христіанскимъ подданнымъ султана, но онъ подтверждалъ за нами это право и такимъ образомъ упрочилъ единоличный русскій протекторатъ надъ турецкими христіанами, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ постепенное ослабленіе надъ ними власти османовъ.

Окинувъ бѣглымъ взоромъ то, что сдѣлала въ свое время Екатерина Великая для рѣшенія двухъ коренныхъ вопросовъ въ нашей восточной политикѣ: вопроса матеріальнаго и вопроса религіозно-національнаго свойства, посмотримъ, какова была дальнѣйшая судьба каждаго изъ этихъ вопросовъ при преемникахъ великой императрицы и насколько рѣшеніе ихъ подвинулось впередъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ послѣ ея кончины.

Отодвинувъ свои предѣлы до черноморской береговой линіи

и получивъ право проводить свои торговые корабли черезъ Босфоръ и Дарданеллы, Россіи предстояло послѣ императрицы Екатерины II позаботиться о приобритеніи такого же права для своего военнаго флота и о защитѣ своихъ южныхъ окраинъ отъ нападенія непріятеля съ моря. Потребность въ оборонѣ черноморскихъ береговъ являлась вслѣдствіе того, что, владѣя проливами, ведущими изъ Чернаго моря въ Средиземное, и не пропуская черезъ нихъ русскаго военнаго флота, Турція всегда могла не только вводить свой флотъ въ это море, но даже впускать въ случаѣ нужды и эскадры западно-европейскихъ державъ для того, чтобы угрожать намъ съ моря. Существеннымъ условіемъ нашей обороны съ юга было, конечно, воспрещеніе прохода черезъ проливы для военныхъ флотовъ всѣхъ иностранныхъ державъ и предоставленіе такого права однимъ лишь русскимъ военнымъ судамъ. А такъ какъ въ тѣ времена берега Чернаго моря принадлежали только двумъ державамъ—Россіи и Турціи,—то естественно было предполагать, что рѣшеніе вопроса о проливахъ можетъ исходить или отъ Россіи, которая могла обезпечить свои интересы на Черномъ морѣ путемъ захвата въ свои руки проходовъ въ Средиземное море, или отъ самой Турціи, во власти которой было добровольно даровать Россіи право проводить свой военный флотъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы и лишитъ этого права остальныхъ державъ Европы. Исходя изъ этого предположенія и находя необходимымъ въ интересахъ Россіи охранять существованіе Оттоманской Порты, императоръ Николай призналъ болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ избрать второй изъ указанныхъ способовъ обезпеченія нашихъ матеріальныхъ интересовъ на юго-востокѣ. Съ этою цѣлью, спасая Турцію отъ неизбежной гибели во время возстанія Мехмета-Али, паши египетскаго, онъ добился заключенія съ нею знаменитаго Униаръ-Искелесскаго договора, по секретной статьѣ котораго султанъ обязывался не дозволить иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ проливы, за что Россія, съ своей стороны, должна была помогать Оттоманской Портѣ войскомъ и флотомъ, получавшимъ право входить, въ случаѣ опасности, въ Босфоръ и Дарданеллы. Заключеніемъ этого договора Россія, казалось, достигала давно желанной безопасности на Черномъ морѣ, но западно-европейскія державы въ конвенціи 1835

года, надѣлавшей въ свое время много шума, увидѣли опасность для своихъ интересовъ на Востокѣ и поэтому приложили всѣ усилія къ расторженію союза между Россіей и Турціей. При вторичномъ возстаніи египетскаго паши въ 1839 году онѣ коллективно вмѣшались въ турецкія дѣла и, установивъ общеевропейскую гарантію цѣлости Оттоманской имперіи, поставили Россію въ необходимость согласиться на замѣну Ункіаръ-Искелесскаго договора новымъ соглашеніемъ о проливахъ, которое и было закрѣплено конвенціею, подписанною уполномоченными великихъ державъ въ Лондонѣ въ 1841 году. Въ конвенціи этой вопросъ о проливахъ рѣшенъ былъ въ смыслѣ закрытія Дарданеллъ и Босфора, какъ во время мира, такъ и во время войны, для военныхъ судовъ всѣхъ націй, а слѣдовательно и для Россіи. Такимъ образомъ въ силу этого постановленія, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ интересы цѣлости Турецкой имперіи, Россія, очутившись запертою въ Черномъ морѣ съ своимъ военнымъ флотомъ, de jure получала огражденіе своей безопасности на этомъ морѣ, но de facto ничѣмъ не была гарантирована отъ произвола султана, который во всякое время могъ нарушить только что указанное опредѣленіе Лондонской конвенціи, провозглашенное «началомъ европейскаго международнаго права», и разрѣшить проходъ черезъ проливы военнымъ судамъ враждебныхъ намъ державъ Запада.

Такова была судьба вопроса о нашихъ матеріальныхъ интересахъ во второй періодъ отношеній Россіи къ Турціи. Теперь посмотримъ, насколько подвинулось впередъ послѣ Екатерины Великой рѣшеніе религіозно-національнаго вопроса въ нашей политикѣ по отношенію къ Турціи.

Славное царствованіе Екатерины II и знаменитый Кучугъ-Кайнарджійскій миръ, какъ сказано было о томъ выше, впервые доставили Россіи право *хотатайствовать* за своихъ единовѣрцевъ въ Турціи, право; практическое, примѣненіе котораго должно было привести насъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла этой имперіи съ цѣлью защиты ея христіанскихъ подданныхъ. Но правомъ этимъ послѣ Екатерины Великой намъ долго не суждено было пользоваться въ томъ размѣрѣ, въ какомъ представлялось возможнымъ, такъ какъ эра наполеоновскихъ войнъ и слѣдовавшая за ней эпоха Вѣнскаго конгресса, приведшія Россію къ роли верховной

покровительницы Священнаго Союза, рѣзко измѣнили въ русскихъ государственныхъ людяхъ взглядъ на наши отношенія къ православному Востоку. Реакція и систематическое подавленіе въ народахъ всякихъ попятновеній къ самостоятельной жизни сдѣлались послѣ Вѣнскаго конгресса цѣлью политическихъ стремленій нашего правительства не только въ царствованіе императора Александра I, но и при его преемникѣ, государѣ Николаѣ Павловичѣ. Въ царствованіе обоихъ этихъ монарховъ принципъ *легитимности*, враждебный проявленію духа независимости и свободы, получилъ самое широкое примѣненіе не только въ отношеніи народовъ западной Европы, но и въ отношеніи христіанъ Востока, вслѣдствіе чего Россія, бывшая главнымъ оплотомъ Священнаго Союза, охранявшаго этотъ принципъ въ Европѣ, оказалась связанной въ своей восточной политикѣ въ томъ смыслѣ, что въ интересахъ охраны началъ легитимизма ей приходилось не поощрять, а подавлять всякаго рода попытки балканскихъ народностей высвободиться изъ подъ власти турецкаго султана. Къ измѣненію общихъ началъ нашей внѣшней политики со времени Вѣнскаго конгресса, весьма неблагоприятно повліявшему на осуществленіе «традиціонной» миссіи Россіи на Востокъ, при императорѣ Николаѣ присоединилось еще одно новое обстоятельство, не менѣе перваго дурно отозвившееся на освобожденіи турецкихъ христіанъ. Мы говоримъ о рѣшеніи этого государя сдѣлать изъ Россіи не разрушительницу, а охранительницу Турецкой имперіи, вопреки историческому призванію русскаго народа. Рѣшеніе это, вышедшее, несомнѣнно, изъ убѣжденія, что путемъ дружбы съ Турціей легче, чѣмъ путемъ борьбы съ нею, разрѣшить восточный вопросъ, такъ же какъ и желаніе всюду охранять начала законности и порядка, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что Россія, защищая православіе и вообще вѣротерпимость въ Турціи, игнорировала и даже подавляла всякія попытки турецкихъ христіанъ добиться полнаго освобожденія отъ гнета оттоманскаго владычества.

Разумѣется, указанное отношеніе къ стремленіямъ и всякимъ движеніямъ балканскихъ народностей не могло благоприятно отразиться на осуществленіи нашей исторической миссіи на Востокъ, начало выполненія которой положено было Екатериной Великой. Получивъ по Кучукъ-Кайнарджійскому миру 1774 года право

покровительствовать своимъ единовѣрцамъ въ Турціи и подтвердивъ это право при заключеніи Яскаго мира 1791 года, Россія Бухарестскимъ договоромъ 1812 года, Аккерманскою конвенціею 1826 года и Адрианопольскимъ трактатомъ 1829 года постепенно гарантировала христіанскимъ народностямъ Турецкой имперіи сначала свободу совѣсти, потомъ автономныя мѣстныя права, ставившія балканскія области въ полунезависимое положеніе, и, наконецъ, обезпечила полную политическую независимость Греціи, которая вслѣдствіе болѣе благоприятныхъ условій ранѣе другихъ балканскихъ національностей, при содѣйствіи Россіи, успѣла окончательно выдѣлиться изъ состава Оттоманской имперіи, уже утратившей всякую энергію и жизненную силу.

Несомнѣнно, результаты пятидесятилѣтней исторіи отношеній Россіи къ Турціи послѣ Екатерины Великой могли бы имѣть болѣе грандіозныя размѣры, если бы императоръ Александръ I мѣнѣе ослѣпо увлекался идеей «Священнаго Союза» и установленіемъ въ Европѣ порядка и спокойствія на легитимистическихъ началахъ, а императоръ Николай I не такъ настойчиво и упорно держался тѣхъ же идей «Священнаго Союза» и принятаго имъ рѣшенія, во что бы то ни стало, охранять существованіе Оттоманской имперіи, которая, по его мнѣнію, благодаря своей слабости могла лишь опосредствовать процвѣтанію русскаго вліянія на Востокѣ. Но уже и этихъ результатовъ, въ связи съ указанными ложными увлеченіями русскаго правительства, весьма неблагоприятно отразившимися на освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига, было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить страшную подозрительность и недоброжелательство западной Европы къ Россіи, которая постоянно *volens-nolens* разрушала и ослабляла царство ислама, утвердившее свое господство на живописныхъ берегахъ Босфора.

Религіозныя и политическія связи Россіи съ балканскими племенами, пробужденіе національных стремленій среди турецкихъ христіанъ и сочувствіе этимъ стремленіямъ со стороны русскаго народа, вмѣстѣ съ наступательнымъ его движеніемъ къ берегамъ Дуная и Босфора, уже давно возбуждали въ западной Европѣ страхъ за существованіе Оттоманской Порты и вызывали въ иностранныхъ кабинетахъ заботливость объ интересахъ турецкаго

султана. Такое отношеніе со стороны европейскихъ державъ къ государству, противъ котораго нѣкогда проектировались своего рода крестовые походы, имѣло основаніемъ эгоистическіе разсчеты западно-европейскихъ государствъ, облеченные въ форму «интересовъ политическаго равновѣсія Европы». Первоначально, когда Россія впервые выступила при императрицѣ Екатеринѣ Великой противъ Турціи, Европа, отуманенная временною борьбою съ магометанствомъ, болѣе или менѣе снисходительно смотрѣла на разгромъ Оттоманской имперіи; но уже и тутъ интересы политическаго равновѣсія или, лучше сказать, страсть къ собственной наживѣ побудили западныя державы воспротивиться успѣхамъ Россіи на Востокъ, такъ что Кучукъ-Кайнарджійскій миръ могъ быть заключенъ только послѣ вознагражденія Австріи и Пруссіи на счетъ Польши. Не малый переполохъ произвело въ Европѣ и присоединеніе къ Россіи Крыма, вызвавшее со стороны Франціи предложеніе европейскимъ кабинетамъ воспрепятствовать намъ имѣть въ Черномъ морѣ военный флотъ. Но въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ боязнь усиленія Россіи на счетъ Турціи сказалась во вторую екатерининскую войну, во время которой мы только благодаря французской революціи избавились отъ грозной коалиціи, приготовленной противъ насъ Англійей и Пруссіей, въ виду того, что русское правительство не хотѣло заключить съ Портою мира на основаніи *status quo ante* и требовало независимости Дунайскихъ княжествъ.

Не будучи въ состояніи воспрепятствовать планамъ Екатерины Великой и вовремя остановить начавшееся движеніе Россіи на Востокъ, западно-европейскіе кабинеты естественно должны были позаботиться о томъ, чтобы въ будущемъ не дать ей возможности поглотить Турцію, въ рукахъ которой сосредоточивались ключи всемірной торговли. Съ этою цѣлью европейскія державы, взирая съ ужасомъ на сѣвернаго колосса, исполинскія силы котораго ежеминутно грозили сокрушить Оттоманскую Порту, поспѣшили выставить себя заинтересованными въ ея существованіи. Для предотвращенія же всякой возможности осуществленія какихъ-либо тайныхъ замысловъ Россіи по отношенію къ Турціи, о которыхъ затрубили въ Европѣ послѣ блестящихъ успѣховъ политики Екатерины, онѣ тотчасъ послѣ паденія Наполеона I и водворенія

всеобщаго мира въ Европѣ, принялись за ослабленіе непосредственнаго давленія русскаго правительства на Порту. Въ этихъ видахъ кв. Меттернихъ всѣми возможными способами старался удержать императора Александра I отъ сочувственнаго отношенія къ грекамъ; Англія же съ Франціей послѣ воцаренія Николая I сочли необходимымъ вступить въ союзъ съ Россіей, чтобы втянуть ее въ безконечные переговоры и тѣмъ парализовать свободу дѣйствій русскаго правительства въ греческомъ вопросѣ. Когда же грянулъ грозный Наваринскій бой, уничтожившій почти весь турецкій флотъ, наши союзники стали чуть не на сторону Порты и вмѣстѣ съ Австріей громко заговорили о томъ, что существованіе Оттоманской имперіи составляетъ важное условіе политическаго равновѣсія Европы. Во время русско-турецкой войны, завершившейся Адрианопольскимъ миромъ, интересы этого равновѣсія вызвали даже мысль о коалиціи противъ Россіи. Но Меттернихъ, отъ котораго исходила эта мысль, не достигъ осуществленія своихъ коварныхъ замысловъ. Благодаря взаимной противоположности интересовъ, европейскіе кабинеты не могли придти къ соглашенію относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ Россіи, возможность которыхъ уже тогда сознавалась нашимъ правительствомъ. Лишь послѣ подписанія Адрианопольскаго трактата они прониклись сознаніемъ серьезной необходимости общими усилиями поставить Порту и ея христіанъ подъ защиту и охрану всей Европы. Цѣль эту имъ отчасти удалось осуществить при освобожденіи Греціи, которая была поставлена подъ покровительство Англіи, Франціи и Россіи. За невозможностью же болѣе широкаго выполненія намѣченной программы было рѣшено пока заручиться расположеніемъ турецкой райи и отклонить ея взоры отъ Россіи, которая страшна была Западу именно тѣмъ, что, пользуясь сочувствіемъ восточныхъ христіанъ, всегда могла нанести смертельный ударъ Оттоманской имперіи.

Энергическій образъ дѣйствій въ смыслѣ осуществленія вышеуказанныхъ тенденцій западныхъ державы начали особенно настойчиво проявлять съ тѣхъ поръ, какъ вопреки интересамъ Россіи и Востока императоръ Николай вздумалъ войти въ тѣсныя дружественныя отношенія съ турецкимъ султаномъ и спасти его варварское царство отъ неизбѣжнаго паденія во время возстанія

Мехмета-Али, паши египетскаго. Этотъ въ высшій степени странный поворотъ въ русской политикѣ сильно поразилъ западныя державы, которыя никакъ не могли составить себѣ яснаго понятія о намѣреніяхъ императорскаго правительства, съ какою точки ихъ ни разсматривали. Онѣ не хотѣли, да и не могли повѣрить, что побужденія Россіи въ данномъ случаѣ совершенно чисты и безкорыстны, хотя всѣ дѣйствія императора Николая свидѣтельствовали о томъ, что онъ желаетъ только поддержать общеевропейскій миръ, которому грозила серьезная опасность. Это недовѣріе къ русской политикѣ и вызванныя имъ вполнѣ естественныя предположенія о коварныхъ замыслахъ петербургскаго двора особенно усилились послѣ заключенія Ункіаръ-Искелесскаго трактата, союзнаго и оборонительнаго договора Россіи съ Турціей, по которому императоръ Николай получалъ право покровительствовать не только своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, но и всей Оттоманской имперіи, причемъ она какъ бы добровольно передавалась въ распоряженіе той державы, «которую каждый турокъ, какъ знатный, такъ и простолюдинъ, привыкъ считать разрушительницею бывшаго величія османской монархіи, призванною даже самою судьбою къ совершенному ея уничтоженію» *).

Съ этой минуты всѣ помыслы западной дипломатіи были обращены на изобрѣтеніе средствъ связать по рукамъ и ногамъ «сѣвернаго колосса» и подорвать его положеніе на Востокъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ, конечно, княземъ Меттернихомъ, который, склонивъ императора Николая къ мюнхенгредцкому соглашенію, искусно поборолъ его упорное нежеланіе подѣлиться съ Европою своими исключительными правами на Востокъ, несмотря на то, что расширеніе ихъ постоянно вызывало въ западныхъ державахъ недовѣріе къ восточной политикѣ русскаго двора и развивало въ нихъ непреодолимое стремленіе установить коллективный протекторатъ надъ Турціей, въ интересахъ политическаго равновѣсія Европы. Австрійскій канцлеръ добился соглашения Россіи съ Австріей по восточнымъ дѣламъ и тѣмъ стѣснилъ свободу нашихъ дѣйствій въ отношеніи Турціи. Когда же вторично возникла турецко-египетская распря, не только вѣн-

*) Розенъ. Исторія Турціи, Спб. 1872 г., ч. 1, стр. 273.

скій, но и другіе европейскіе кабинеты не преминули воспользоваться новыми замѣшательствами на Востокъ для того, чтобы поставить Турцію подъ опеку всѣхъ великихъ державъ Европы и лишить Россію исключительнаго права покровительства слабой Оттоманской Порты. Рѣшивъ общими силами смирить непокорнаго турецкаго вассала, европейскія державы отстранили Россію отъ прямого участія въ этомъ дѣлѣ и добились отъ нея признанія, что *существованіе Турецкой имперіи представляетъ общеевропейскій интересъ*. Слѣдствіемъ такой политики было то, что Россія вмѣстѣ съ Англіей, Франціей, Австріей и Пруссіей, ради наблюденія за «поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи» и «въ интересахъ укрѣпленія мира въ Европѣ», подписала въ 1840—1841 годахъ извѣстныя Лондонскія конвенціи, которыми Турція освобождалась отъ единоличнаго покровительства Россіи и вводилась въ кругъ общихъ интересовъ Европы.

Эта трагическая для Россіи развязка турецко-египетской распри, бывшей только ближайшимъ поводомъ, а не причиной постановленій Лондонскихъ конвенцій, заканчиваетъ собою второй періодъ исторіи нашихъ отношеній къ Турціи. Подводя итоги главнѣйшимъ результатамъ, которыхъ добилась Россія въ этотъ періодъ, нельзя не замѣтить, что вопросы о нашихъ матеріальныхъ и религиозно-національныхъ интересахъ на Востокъ значительно подвинулись впередъ, но ни тотъ, ни другой изъ этихъ вопросовъ далеко еще не получилъ своего окончательнаго разрѣшенія. Добившись доступа къ Черному морю и получивъ выходъ изъ него для своихъ торговыхъ судовъ, мы не открыли Босфора и Дарданеллы для прохода своему военному флоту. Закрытые по Ункіарь-Искелесскому договору для военныхъ судовъ западныхъ державъ, проливы эти въ силу Лондонскихъ конвенцій 1840—1841 годовъ оказались закрытыми теперь и для русскаго военнаго флота, при чемъ ключи отъ проливовъ остались по прежнему въ слабыхъ рукахъ Оттоманской Порты, которая всегда могла открыть проходъ изъ Средиземнаго моря въ Черное для враговъ Россіи. Къ концу втораго періода своихъ отношеній къ Турціи Россія остановилась на полпути и въ рѣшеніи религиозно-національнаго вопроса. Въ значительной степени ослабивъ гнетъ, подъ которымъ до сихъ поръ находились христіанскія народности Востока, она

лишь изъ болѣе крупныхъ національностей Турціи образовала самостоятельныя автономныя единицы, и только Греціи помогла добиться того вполне независимаго политическаго положенія, которое давно мечтали получить при помощи Россіи и всѣ другія христіанскія народности, входившія въ составъ Оттоманской имперіи.

Таковы были общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи къ концу первой половины XIX вѣка.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА
ВЪ
ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

○

РУССКАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

(ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи).

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Сергѣя Жигарева.

Т. II.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

1000
1000
1000
1000

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Третій періодъ отношеній Россіи къ Турціи.

(Съ 1841 г. по 1895 годъ).

Стр.

Г л а в а I. Восточная политика Россіи послѣ заключенія Лондонскихъ конвенцій.

Отношеніе западныхъ державъ къ Россіи и общее тяготѣніе къ Англіи.— Гатти—шерифъ—гульхане 1839 года.—Отношеніе русскаго правительства къ движеніямъ христіанскихъ народностей Востока.—Поѣздка императора Николая въ Лондонъ лѣтомъ 1844 года.—Цѣль этой поѣздки и ея значеніе.—Политика поддержанія Турецкой имперіи и оккупанція Дунайскихъ княжествъ.—Валта—Лиманскій договоръ 19 апрѣля 1849 года.—Общія замѣчанія по поводу его заключенія.—Обострѣніе русско-турецкихъ отношеній изъ-за польскихъ выходцевъ.—Вмѣшательство Англіи и Франціи въ наши отношенія къ Турціи и ихъ развязка.....

1

Г л а в а II. Восточная политика Россіи въ эпоху Крымской войны.

Отношенія между Россіей и западными державами.—Недоброжелательство къ ней Франціи.—Возникновеніе спора о св. мѣстахъ.—Требованія Франціи.—Отношенія къ нимъ Порты.—Дипломатическая переписка Россіи съ Турціей и Франціей.—Двуличіе Оттоманской Порты.—Переговоры Россіи съ Англіей.—Посылка кн. Меншикова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь.—Требованія русскаго правительства и отношеніе къ нимъ Турціи.—Занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками.—Вліяніе этого занятія на европейскую дипломатію.—Вѣнская нота и измѣненія въ ней, предложенныя султаномъ.—Отношеніе къ нимъ Россіи.—Ольмуцкая нота.—Объявленіе Портою войны Россіи.—Вѣнскій протоколъ 5 декабря 1853 года.—Тщетныя хлопоты русскаго правительства о формальномъ обезпеченіи нейтралитета Австріи и Пруссіи.—Синопская битва и разрывъ морскихъ державъ съ Россіей.—Переписка императора Николая съ Наполеономъ.—Союзъ Англіи и Франціи съ Турціей.—Война Россіи съ морскими державами.—Протоколъ, подписанный между Англіей, Франціей, Австріей и Пруссіей 9 апрѣля 1854 года.—Союзный протоколъ, подписанный между Австріей и Пру-

сией 20 апрѣля 1854 года.—Переговоры вѣнскаго двора съ Россіей относительно очищенія Дунайскихъ княжествъ.—Соглашеніе Австріи съ Турціей.—Очищеніе княжествъ.—Основанія переговоровъ о морѣ, предложенія Россіи.—Союзный договоръ Австріи съ морскими державами 2 декабря 1854 года.—Принятіе Россіей основаній мира, выработанныхъ Австріей, Англійей и Франціей.—Кончина императора Николая I.

17

Г л а в а III. Вѣнскія совѣщанія, Парижскій конгрессъ и трактатъ 1856 г.

Политическая программа императора Александра II.—Открытие вѣнской конференціи 15 марта 1855 года.—Четыре условія, принятія Россіей за основаніе мира.—Возраженія на нихъ русскаго уполномоченнаго.—Пререканія дипломатическихъ агентовъ на вѣнской конференціи по вопросу объ ограниченіи владчества Россіи на Черномъ морѣ.—Проектъ союзныхъ державъ.—Контръ-проектъ кн. Горчакова.—Предложеніе гр. Буоля.—Неудачный исходъ вѣнской конференціи.—Колѣбанія австрійскаго правительства.—Вѣнскія условія мира.—Принятіе ихъ Россіей.—Парижскій конгрессъ и Парижскій трактатъ 1856 г.—Постановленія этого трактата и общія замѣчанія о нихъ.....

71

Г л а в а IV. Восточная политика Россіи послѣ Крымской войны и Лондонскій трактатъ 1871 года.

Необезпеченность положенія турецкихъ христіанъ послѣ Крымской войны.—Предложеніе Россіи о принятіи мѣръ къ улучшенію быта христіанскаго населенія Турецкой имперіи.—Отношеніе къ этому предложенію западной Европы и его послѣдствія.—Волненія въ Сиріи и посылка французскихъ войскъ для умиротворенія Леванта.—Вторичное предложеніе Россіи относительно дѣйствительнаго улучшенія быта турецкихъ христіанъ.—Протоколъ 8 августа 1860 г.—Страданія христіанъ у побережьей Дуная и Адриатики.—Меморандумъ русскаго правительства и турецкій проектъ реформъ.—Политика Россіи въ отношеніи Молдавіи и Валахій и образованіе изъ нихъ Румынскаго княжества.—Сербскія дѣла и отношеніе къ нимъ Россіи.—Критскій вопросъ.—Греко-турецкое столкновеніе и парижская конференція 1869 года.—Предложеніе Бейста о пересмотрѣ Парижскаго трактата.—Неудача этого предложенія.—Отказъ Россіи отъ нейтрализаціи Чернаго моря и переносъ, произведенный имъ въ политическомъ мірѣ западной Европы.—Лондонская конференція и пересмотръ Парижскаго трактата.—Лондонскій трактатъ 1871 года и его постановленія.....

103

Г л а в а V. Восточная война и Санъ-Стефанскій мирный договоръ 1878 года.

Возстаніе турецкихъ христіанъ въ Босніи и Герцеговинѣ въ 1875 году и отношеніе къ нему европейской дипломатіи.—Взглядъ Россіи, Австріи и Англій на восточная дѣла.—Учрежденіе консульской комиссіи и ея неудача.—Ираде 2 октября и фирмавъ 12 декабря 1875 года.—Нота гр. Андраши 30 декабря 1875 г.—Отношеніе въ ней Турціи и инсургентовъ.—Берлинскій меморандумъ.—Протестъ Англій противъ европей-

скаго вѣшательства въ дѣла Турціи.—Война Турціи противъ Сербіи и Черногоріи.—Заступничество за нихъ Россіи.—Русская политика въ отношеніи Англіи.—Рѣчь императора Александра московскому дворянству.— Константинопольская конференція.— Конституція Оттоманской имперіи.— Неудачный исходъ Константинопольской конференціи.— Отношеніе Россіи къ турецкимъ дѣламъ и Лондонскій протоколъ 19 (31) марта 1877 года.—Разрывъ Россіи съ Турціей и Восточная война 1877—78 годовъ.—Санъ-Стефанскій мирный договоръ 1878 года.....

131

Г л а в а VI. Берлинскій конгрессъ и трактатъ 1878 года.

Враждебное отношеніе къ Россіи со стороны западныхъ державъ.— Протестъ послѣднихъ противъ заключенія Санъ-Стефанскаго договора.—Циркуляръ лорда Салисбери отъ 20 марта (1-го апрѣля) 1878 г. къ представителямъ Англіи при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ.— Переговоры великихъ державъ о необходимости пересмотра условій русско-турецкаго договора.—Разногласіе по этому вопросу между Россіей и Англіей.— Посредничество Германіи и созывъ конгресса въ Берлинѣ.—Причина ревнивой заботливости Австріи и Англіи о представленіи Россіей Санъ-Стефанскаго договора на обсужденіе великихъ державъ.—Конвенція, подписанная Англіей и Турціей 4 іюня 1878 года относительно острова Кипра.—Постановленія Берлинскаго конгресса.— Разборъ этихъ постановленій въ связи съ постановленіями Санъ-Стефанскаго договора. Общія замѣчанія о постановленіяхъ Берлинскаго трактата.....

180

Г л а в а VII. Восточная политика Россіи съ Берлинскаго конгресса до румелійскаго переворота 1885 года.

Программа восточной политики русскаго двора послѣ подписанія Берлинскаго трактата.— Обстоятельства, сопровождавшія австрійскую оккупачію Босніи и Герцеговины.—Затрудненія, встрѣченныя державами при приведеніи въ исполненіе постановленій Берлинскаго конгресса относительно Черногоріи.—Греко-турецкій конфликтъ.—Великое народное собраніе въ Тырновѣ и избраніе принца Александра Баттенбергскаго болгарскимъ княземъ.—Первые годы его правленія.—Государственный переворотъ 27 апрѣля 1881 г. Систовское народное собраніе 1 го іюля 1881 года и полномочія кн. Александра.—Его поѣздка въ Петербургъ въ 1882 году.—Стованіе князя Софіи Хитрово и послѣдка въ Болгарію русскихъ генераловъ.—Ихъ положеніе и участь.—Позѣдка Баттенберга въ Москву въ 1883 году и ея послѣдствія.—Миссія Юнина.—Удаленіе русскихъ министровъ и возстановленіе тырновской конституціи.—Враждебная Россіи выходка кн. Александра.—Военная конвенція 1883 года, опредѣлявшая положеніе русскихъ офицеровъ въ болгарской арміи.—Министерство Каравелова.....

220

Г л а в а VIII. Румелійскій переворотъ 1885 года и восточная политика Россіи въ это время.

Причины, вызвавшія румелійскій переворотъ: національное стремленіе болгарскаго народа къ объединенію, экономическое и финансовое по-

ложеві В. Румелін.—Вліяніє Англії и Австрій въ дѣлѣ румелійскаго переворота.—Сочувствіе ему со стороны болгарскаго князя Александра.—Замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ.—Отношеніе русскаго правительства къ соединенію обѣихъ Болгарій.—Разрывъ русскаго двора съ кн. Александромъ.—Соглашеніе между Россіей, Австріей и Германіей.—Совѣщанія пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ.—Созывъ конференціи.—Предложеніе русскаго уполномоченнаго возстановити въ Румелін status quo ante.—Противодѣйствіе Англіи.—Сербско-болгарская война.—Вмѣшательство Австрій и прекращеніе этой войны.—Неудачная попытка Россіи возстановити власть Порты въ В. Румелін.—Соглашеніе кн. Александра съ Турціей и протестъ русскаго правительства противъ него.—Признаніе Европою соединенія обѣихъ Болгарій подъ личною властью кн. Александра..... 243

Г л а в а IX. Низложеніе князя Александра и миссія барона Каульбарса въ Болгарію.

Фактическое объединеніе Болгаріи и Восточной Румелін княземъ Александромъ.—Отношеніе къ этому событію со стороны западныхъ державъ и императорскаго русскаго правительства.—Низложеніе князя Александра и воззваніе болгаръ къ Россіи.—Возстановленіе князя Александра.—Желаніе его сблизиться съ Россіей.—Отвѣтъ императора Александра III на этотъ шагъ Баттенберга.—Ликваніе западной Европы по поводу контръ-революціи и отъѣздъ князя Александра изъ Болгаріи.—Миссія генерала барона Каульбарса.—Дѣйствія его въ Болгаріи.—Полнѣйшая неудача русской политики въ Болгаріи и ея причины..... 265

Г л а в а X. Избраніе Фердинанда Кобургскаго на болгарскій престолъ и отношеніе къ этому факту со стороны русскаго правительства.

Вопросъ объ оккупациі Болгаріи русскими войсками Безразсудность этой мѣры.—Смыслъ разрыва дипломатическихъ сношеній между Россіей и Болгарскимъ княжествомъ.—Усилія императорскаго правительства возстановити въ этой странѣ законный порядокъ.—Посредничество Оттоманской Порты.—Обращеніе къ великимъ европейскимъ державамъ.—Избраніе Фердинанда Кобургскаго болгарскимъ княземъ.—Неожиданность этого событія для русской дипломатіи.—Протестъ императорскаго правительства противъ прабнтія Фердинанда въ Болгарію.—Дипломатическая программа русско-болгарскихъ отношеній.—Политика Россіи и западныхъ державъ въ болгарскомъ вопросѣ.—Признаніе Россіей Фердинанда княземъ Болгаріи..... 290

Г л а в а XI. Общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи съ половины XIX вѣка по 1895 годъ.

Положеніе восточнаго вопроса въ половинѣ XIX вѣка.—Причины, по которымъ состоялось вступленіе этого вопроса въ новую стадію развитія.—Принципы, провозглашенныя Парижскимъ конгрессомъ въ отно-

шеніи Турціи.—Вліяніе этихъ принциповъ на обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ Россіи въ юго-восточномъ углу Европы и современное положеніе этихъ интересовъ.—Значеніе провозглашенныхъ Парижскихъ конгрессовъ началъ въ исторіи вопроса о нашихъ религіозно-національныхъ интересахъ на Востокаѣ.—Заботы Россіи со времени этого конгресса о своихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ въ Турціи.—Отношеніе западныхъ державъ въ Россіи въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны и послѣдовавшія за ней измѣненія порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ.—Успѣхи, сдѣланные Россіей до нашихъ дней въ дѣлѣ обезпеченія своихъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ.....

302

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Критическая).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Критическій обзоръ прошлой политики Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Глава I. Взглядъ проф. Мартенса на восточную политику Россіи.

Путь, которымъ—по мнѣнію проф. Мартенса—шла Россія къ рѣшенію восточнаго вопроса.—Безпристрастное служеніе ея интересамъ турецкихъ христіанъ.—Неправильность этого утвержденія.—Стремленіе русскаго правительства поставить христіанъ Востока подъ защиту Европы.—Ошибочность такого взгляда.—Истинное значеніе ноты 1815 г., дѣйствій Россіи въ 1828—29 гг. и въ эпоху заключенія Лондонскихъ конвенцій 1840—41 гг. Призваніе Россіей восточнаго вопроса вопросомъ европейскаго международнаго права лишь съ 1856 г. Россія всегда одна выступала въ качествѣ защитницы восточныхъ христіанъ.—Правильность указанія въ этомъ отношеніи на войну 1877—78 гг. и непригодность примѣра войны 1828—29 гг.—Отсутствіе въ русской политикѣ коварныхъ замисловъ въ отношеніи Турціи и заботы наши о сохраненіи ея въ 1828—1833 гг.—Старанія предотвратить внутреннее разложеніе этой имперіи путемъ улучшенія положенія ея христіанскихъ народовъ.—Невозможность согласиться съ выводами и заключеніями проф. Мартенса о восточной политикѣ Россіи.....

313

Глава II. Отсутствіе у Россіи яснаго пониманія собственныхъ интересовъ на Востокаѣ.

Отсутствіе у русскаго правительства вѣрнаго представленія о тѣхъ способахъ, при помощи которыхъ возможно было наиболѣе цѣлесообразное и правильное рѣшеніе восточнаго вопроса.—Ошибочность взгляда петербургскаго двора на способы обезпеченія матеріальныхъ интере-

овъ Россіи на Востокъ.—Исторія завоеванія Крыма.—Нераціональність избраннаго нами способа рѣшенія вопроса о проливахъ въ 1829 и 1833 годахъ.—Неправильность способовъ, къ которымъ прибѣгло русское правительство для разрѣшенія задачъ Россіи въ отношеніи христіанскихъ народностей Турціи.—Стремленіе Россіи къ поддержанію существованія Турецкой имперіи въ Европѣ и вліяніе этого стремленія русскаго правительства на положеніе турецкихъ христіанъ.—Мечты о восстановленіи Греческой имперіи.—Проекты раздѣла Турціи между заинтересованными въ ней европейскими державами.—Попытки присоединенія земель Балканскаго полуострова къ Россіи

334

Г л а в а III. Антинаціональное направленіе восточной политики Россіи.

Отсутствіе національнаго направленія въ международной политикѣ Россіи.—Причины этого явленія.—Краткая характеристика внѣшней политики Россіи. Вліяніе общаго антинаціональнаго направленія этой политики на политику Россіи въ восточномъ вопросѣ.—Заботы русскаго правительства о сохраненіи Турецкой имперіи въ Европѣ.—Несообразность этихъ заботъ съ точки зрѣнія матеріальныхъ и религіозно-національныхъ интересовъ Россіи на Востокъ.—Стремленія императорскаго кабинета поддержать на Балканскомъ полуостровѣ законный порядокъ.—Простекавшее отсюда систематическое вмѣшательство во внутреннія дѣла балканскихъ народностей.—Печальныя послѣдствія нашихъ интервенцій и главныя причины ихъ постоянной неудачи.—Сильное подчиненіе существенныхъ русскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ политикѣ западныхъ державъ и преимущественно Австріи...

347

Г л а в а IV. Постоянное возбужденіе Россіей страха въ западныхъ державахъ за безопасность ихъ интересовъ на Востокъ.

Взглядъ на восточную политику Россіи въ связи съ вопросомъ о ответственіи ея общимъ интересамъ Европы.—Время возникновенія у европейскихъ державъ страха за существованіе Оттоманской Порты.—Общій характеръ нашей внѣшней политики, какъ причина опасеній широкихъ завоевательныхъ замысловъ Россіи въ Европѣ.—Развитіе и усиленіе этихъ опасеній подъ вліяніемъ постоянныхъ колебаній въ направленіи русской политики на Востокъ.—Происхожденіе отсюда международныхъ гарантій независимости и цѣлости Турецкой имперіи.—Необходимость установленія этихъ гарантій, какъ слѣдствіе всей прошлой политики русскаго двора.—Основательность заботъ западной дипломатіи объ интересахъ политическаго равновѣсія на Востокъ.....

377

Г л а в а V. Результаты коренныхъ недостатковъ восточной политики Россіи.

Главнѣйшія послѣдствія коренныхъ недостатковъ восточной политики Россіи.—Медленность рѣшенія восточнаго вопроса.—Судьба вопроса о свободѣ нашего судоходства черезъ проливъ.—Участь вопроса объ освобожденіи турецкихъ христіанъ.—Колебаніе нашего вліянія среди

балканскихъ народностей.— Свидѣтельство о томъ прошлой исторіи отношеній Россіи къ Турціи.— Повтореніе того-же общаго явленія въ исторіи нашихъ отношеній къ Болгаріи послѣ Берлинскаго трактата. 393

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Задачи будущей политики Россіи на Востокѣ.

Г л а в а I. Националистическій взглядъ на конечныя цѣли Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Сбивчивость и неопредѣленность взглядовъ на интересы Россіи въ восточномъ вопросѣ.— Рѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ, т. е. справедливымъ смыслѣ, по политической программѣ г. Татищева и взглядамъ г. Штиглица.— Несостоятельность мнѣній этихъ авторовъ.— Утвержденіе русскаго господства на берегахъ Босфора и Дарданеллъ и подчиненіе балканскихъ народностей политическому руководству Россіи не можетъ быть конечною цѣлью нашей восточной политики..... 412

Г л а в а II. Наиболѣе правильная съ точки зрѣнія международнаго права форма рѣшенія восточнаго вопроса.

Наиболѣе правильная и желательная для Россіи форма рѣшенія восточнаго вопроса. Образование независимыхъ христіанскихъ государствъ на развалинахъ Турціи Вопросъ о федеративной формѣ ихъ обществѣ.— Возможная будущая судьба Константинополя.— Мнѣніе Данилевскаго и его несостоятельность.— Три способа рѣшенія вопроса о Константинополѣ.— Рѣшеніе вопроса о проливахъ.— Ошибочность взгляда Данилевскаго.— Необходимость признанія полной свободы плаванія по проливамъ..... 440

Г л а в а III. Возможность рѣшенія восточнаго вопроса мирнымъ путемъ.

Наиболѣе правильная съ точки зрѣнія международнаго права форма рѣшенія восточнаго вопроса осуществима путемъ мирнаго и дружественнаго соглашенія между европейскими государствами.— Мнѣніе Данилевскаго и историческая справка Татищева по вопросу о возможности рѣшенія восточнаго вопроса мирнымъ путемъ.— Ошибочность взгляда Данилевскаго на войну, какъ на необходимый элементъ міроваго порядка, и признанія ея наилучшимъ способомъ рѣшенія важнейшихъ международныхъ вопросовъ. Стремленіе народовъ къ мирнымъ способамъ рѣшенія своихъ споровъ. Движеніе въ пользу международнаго третейскаго суда.— Неспособность дипломатіи къ рѣшенію наиболѣе трудныхъ международныхъ вопросовъ.— Итоги дѣятельности ея въ восточномъ вопросѣ.— Непригодность дипломатическихъ средствъ въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса, засвидѣтельствованная исторіей, не есть, однако, доказательство невозможности рѣшенія его мирнымъ путемъ.— Способъ, которымъ можно было бы достигнуть этого результата.— Необходимость для этой цѣли особыхъ конгрессовъ и конфе-

ренцій.—Ихъ организація, руководящія начала и личный составъ.—Отсутствіе препятствій въ существѣ дѣла для постепеннаго рѣшенія восточнаго вопроса на этихъ конференціяхъ и конгрессахъ.— Возможность рѣшенія этого вопроса мирнымъ путемъ

467

Г л а в а IV. Основные начала, которыми должна руководиться Россія въ своей политикѣ ради скорѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса.

Национальное направленіе внѣшней политики Россіи.—Несостоятельность мнѣнія Данилевскаго о необходимости для Россіи выхода изъ европейской политической системы и усвоенія политики эгоизма.— Правильная постановка отношеній Россіи къ Турціи.—Отношенія Россіи къ западной Европѣ по восточному вопросу.—Вопросъ объ уваженіи нашемъ къ праву внимательства великихъ державъ въ дѣла Балканскаго полуострова.—Политика Россіи въ отношеніи балканскихъ народностей.—Необходимость серьезной подготовки для дипломатическихъ и консульскихъ представителей Россіи на Востокъ.— Отреченіе Россіи отъ великихъ территориальныхъ приобрѣтеній на счетъ земель Балканскаго полуострова.....

494

Библиографическій указатель..... 527

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Третій періодъ отношеній Россіи къ Турціи.

(Съ 1841 г. по 1895 годъ).

ГЛАВА I.

Восточная политика Россіи послѣ заключенія Лондонскихъ конвенцій.

Отношеніе западныхъ державъ къ Россіи и общее тяготѣніе къ Англіи. — Гаттшериенъ—гюльхане 1839 года.—Отношеніе русскаго правительства къ движениямъ христіанскихъ народностей Востока.—Поездка императора Николая въ Лондонъ въ томъ 1844 года.—Цѣль этой поездки и ея значеніе.—Политика поддержанія Турецкой имперіи и оккупация Дунайскихъ княжествъ.—Балта—Диманскій договоръ 19 апрѣля 1849 года.—Общія замѣчанія по поводу его заключенія.—Обостреніе русско-турецкихъ отношеній изъ-за польскихъ выходцевъ.—Вмѣшательство Англіи и Франціи въ наши отношенія къ Турціи и ихъ развязка.

Добившись совокупнаго вмѣшательства въ дѣла Востока и тѣмъ отмѣнивъ исключительное право покровительства Россіи турецкому султану, европейскія державы обратили свои взоры и симпатіи къ Англіи, благодаря усиліямъ которой спасена была Турція и умалено значеніе Россіи на Востокѣ. Отъ Россіи всё отшатнулись. Свою неудачу при заключеніи первой Лондонской конвенціи Людовикъ-Филиппъ прямо приписывалъ личной ненависти Николая I: «Императоръ не могъ вынести и переварить мысли,—говорилъ французскій король австрійскому послу,—что мое революціонное царствованіе продолжается болѣе десяти лѣтъ, и, обдумавъ всевозможныя средства для низверженія меня, остановился на разрывѣ союза Франціи съ Англіей, какъ на самомъ дѣйствительномъ средствѣ, представля-

ющемъ въ помянутомъ отношеніи наиболѣе благопріятныя шансы успѣха». *) Вслѣдствіе этого отношенія между петербургскимъ и тульерійскимъ кабинетомъ настолько обострились, что совершенно достаточно было простаго недоразумѣнія, порожденнаго отъѣздомъ русскаго посла въ Парижъ, гр. Панина, въ отпускъ за мѣсяць передъ новымъ годомъ (1842 г.), чтобы обѣ державы замѣнили своихъ пословъ повѣренными въ дѣлахъ и при посредствѣ ихъ сносились между собою вплоть до 1848 года, когда во Франціи провозглашена была республика. Но если 1840 годъ привелъ почти къ полному разрыву между Россіей и Франціей, то съ другой стороны онъ заставилъ Людовика-Филиппа искать сближенія съ своей прежней союзницей—Англіей. «Задачу эту—говорить г. Татищевъ—облегчило для Гизо состоявшееся осенью слѣдующаго (1841) года удаленіе отъ власти виговъ и замѣна ихъ торійскимъ министерствомъ, въ предсѣдательствѣ сэръ-Роберта Пиля и съ лордомъ Абердиномъ въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ. Не мало способствовали сближенію обоихъ правительствъ и дружественныя отношенія, завязавшіяся между королевскими семьями, англійскою и французскою, и скрѣпленныя посѣщеніемъ Людовика-Филиппа королевой Викторіей и принцемъ—супругомъ въ замкѣ Э, лѣтомъ 1843 года» **).

Подобно Франціи, дружбы съ Англіей заискивали и Австрія съ Пруссіей, позабывшія теперь про тѣ связи, которыя соединяли ихъ съ Россіей послѣ революціи 1830 года. Чтобы избѣжать совершенно изолированнаго положенія, петербургскій кабинетъ также рѣшился поддерживать завязавшіяся съ 1840 года по виду—дружественныя отношенія съ Великобританіей. Къ этому побуждало русское правительство кромѣ того и то обстоятельство, что значеніе Англии на Востокѣ послѣ минувшихъ событій турецко-египетской распри сильно увеличилось въ ущербъ Россіи и грозило ей новыми ограниченіями въ будущемъ. Между тѣмъ, по мнѣнію гр. Нессельроде, «опасность, угрожающую миру отъ преслѣдованія Англіей исключительно своихъ интересовъ» на Востокѣ, гораздо легче было устранить посредствомъ союза и дружбы, чѣмъ открытою враждою

*) Гр. Аппоньи князю Меттерниху 1 (13) мая 1841 г.

***) Внешняя политика Императора Николая Перваго, стр. 554—555.

съ нею. *) Но надежды эти были совершенно напрасны, такъ какъ Англія, поставивъ цѣлью своей восточной политики ограниченіе правъ и вліянія Россіи въ Турціи, продолжала энергично дѣйствовать въ этомъ направленіи вмѣстѣ съ другими европейскими державами.

Какъ сказано выше, послѣ Лондонскихъ конвенцій 1840 и 1841 годовъ за Россіей еще оставалось пріобрѣтенное ею по договорамъ съ Портою весьма важное право покровительства восточнымъ христіанамъ, такъ какъ названными конвенціями подъ охрану Европы ставилась лишь цѣлость и неприкосновенность самой Турецкой имперіи. Чтобы до нѣкоторой степени ослабить и это право, служившее главнымъ источникомъ вліянія и силы Россіи на Востокъ, прежде чѣмъ удастся его окончательно уничтожить, европейская дипломатія направила свои усилія къ тому, что-бы умалить значеніе Россіи въ глазахъ турецкихъ христіанъ. Въ этихъ видахъ западныя державы черезъ посредство своихъ мѣстныхъ агентовъ начали внушать балканскимъ народамъ, что облегченіе ихъ тяжкаго положенія зависитъ вовсе не отъ Россіи, а отъ европейскихъ кабинетовъ и самого султана. Для подтвержденія же справедливости этого внушенія онѣ выступили защитниками интересовъ восточныхъ христіанъ и еще въ концѣ 1839 года добились отъ турецкаго правительства изданія гатти-шерифа—Гюльхане (отъ 22 октября (3) ноября 1839 года), которымъ Порта, главнымъ образомъ по наущенію изъ Лондона и Вѣны, если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ на словахъ, вводила цѣлый рядъ либеральныхъ реформъ въ христіанскихъ областяхъ Турецкой имперіи и впервые провозглашала начало равноправности «оттоманскихъ гражданъ» всѣхъ исповѣданій. «Актъ этотъ—говоритъ г. Татищевъ—плодъ трудовъ учрежденнаго въ 1838 году «совѣта общественной пользы», въ которомъ главными дѣятелями, въ предсѣдательствѣ Решида, являлись французы Косъ и Баррашенъ, представляетъ любопытную смѣсь правилъ, почерпнутыхъ изъ корана, съ тѣмъ, что во Франціи принято называть «бессмертными началами 1789 года». Онъ долженъ былъ служить исходною точкою полнаго обновленія Оттоманской имперіи, въ отношеніи не только полити-

*) Гр. Нессельроде Струве 21 апрѣля (3 мая) 1841 г.

ческомъ, но и социальномъ. Имъ собственно не провозглашалось новаго закона, но устанавливались общія основы будущаго законодательства *)), которое должно было коснуться трехъ сторонъ государственной жизни Турціи: 1) личной и имущественной безопасности турецкихъ подданныхъ, 2) правильнаго распредѣленія и взиманія податей и повинностей и 3) порядка отбыванія военной службы. По первой статьѣ водворялись въ имперіи правила англійскаго habeas corpus акта и французской деклараціи «правъ человѣка»; по второй возвѣщалась въ настоящемъ отмѣна всякихъ монополій, а въ будущемъ уничтоженіе системы откупа, извѣстной подъ названіемъ «ильтизамъ», единственнаго до сего времени способа взиманія налоговъ; по третьей заявлялась необходимость утвердить закономъ число солдатъ, которыхъ имѣла поставлять каждая мѣстность, и уменьшить на четыре или на пять лѣтъ срокъ военной службы, «ибо требованіемъ съ одной мѣстности большаго, съ другой меньшаго числа людей, чѣмъ онѣ могутъ поставить, безъ обращенія вниманія на число народонаселенія, причиняется несправедливость и наносится смертельный ударъ земледѣлю и промышленности края; равно пожизненная служба приводитъ солдатъ въ отчаяніе и содѣйствуетъ къ обезлюденію страны». Всѣ эти императорскія льготы—по словамъ гаттишерифа—должны распространиться на всѣхъ подданныхъ султана безъ различія вѣроисповѣданія или секты; они всѣ безъ исключенія должны воспользоваться этими правами. **)

Само собою понятно, что обѣщанія султана уравнивать въ правахъ христіанъ съ мусульманами и даровать своимъ подданнымъ разныя преимущества безъ различія національности и исповѣданія остались невыполненными; но тѣмъ не менѣе обѣщанія эти имѣли громадное значеніе въ томъ отношеніи, что има султанъ склонялъ въ свою пользу общественное мнѣніе Европы, вліялъ на наши отношенія къ Портѣ и ея христіанамъ, а главное заставлялъ этихъ послѣднихъ болѣе довѣрчиво относиться къ западнымъ державамъ.

Враждебная намъ политика западныхъ державъ, конечно, должна была вызвать съ нашей стороны соотвѣтствующія мѣры для под-

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 577.

**) Гатти-шерифъ-Гюльхане отъ 3 ноября 1839 года см. у Юзеевича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 171—175; а также срав. Татищевъ, назв. соч., стр. 57—578.

держанія своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, если только наше правительство не желало поступаться своими вѣковыми правами на Востокъ. Но дѣйствія русскаго двора были совершенно противоположнаго свойства. Исходя изъ идеи Священнаго Союза и признавая существенно необходимымъ всюду поддерживать законный порядокъ, петербургскій кабинетъ эти коренныя начала своей западной политики усиленно примѣнялъ и къ дѣламъ Востока, отерято выражая свое рѣшеніе не поощрять стремленій христіанскихъ подданныхъ Порты освободиться изъ-подъ ея деспотической власти. «Государь—писалъ гр. Нессельроде нашему посланнику въ Вѣнѣ по случаю почти повсемѣстныхъ возстаній въ Турціи—выразилъ свое строгое осужденіе заговору, направленному противъ Порты,—заговору, основанному на революціонныхъ началахъ, всегда нами осуждаемыхъ, и каждую минуту способному произвести пожаръ на всемъ Востокѣ». Въ случаѣ надобности русское правительство вымывалось даже «добросовѣстнымъ образомъ поддерживать Порту въ ея усиліяхъ къ усмиренію взбунтовавшихся подданныхъ -и къ возвращенію ихъ къ покорности». *) Одновременно съ тѣмъ, дипломатическимъ и консульскимъ агентамъ нашимъ въ Турціи и Греціи поручено было объявить старшинамъ мѣстныхъ христіанскихъ общинъ, что имъ нечего надѣяться на помощь Россіи, которая не можетъ одобрить ихъ возстанія; эмиссаръ же возродившейся гетеріи, прибывшій въ Петербургъ съ секретными предложеніями, получилъ строгій выговоръ, и вскорѣ же былъ высланъ изъ столицы. **)

Само собою разумѣется, что подобное отношеніе русскаго правительства къ волненіямъ восточныхъ христіанъ, стремившихся сбросить съ себя ненавистное турецкое иго, было очень пріятно западнымъ державамъ, и онѣ, въ виду нашего отказа отъ своего прежняго стремленія къ заступничеству и освобожденію турецкой райи, сочли долгомъ тотчасъ же принять мѣры къ тому, чтобы занять на Востокѣ то положеніе, которое добровольно уступала имъ Россія. Поспѣшность и энергичность ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи будетъ весьма понятна, если принять во вниманіе то, что Европа уже давно добивалась ослабленія вліянія Россіи на Востокѣ,

*) Гр. Нессельроде графу Медуе 25 іюля (6 августа) 1845 г.

**) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1845 г.

а въ данномъ случаѣ императорскій кабинетъ самъ какъ бы умышленно отрекался отъ своихъ историческихъ задачъ по отношенію къ Турціи.

Такое понятное движеніе Россіи по отношенію къ Востоку, какъ сказано выше, находилось въ непосредственной связи съ общимъ направленіемъ нашей внѣшней политики. Но помимо этого оно объяснялось также и тѣмъ, что императоръ Николай, будучи твердо убѣжденъ въ скоромъ и неизбежномъ паденіи Турецкой имперіи, путемъ соглашенія съ европейскими кабинетами, желалъ подготовить постепенный переходъ отъ стараго къ новому порядку вещей на Востокѣ; но добиться такого соглашенія, по мнѣнію русскаго правительства, возможно было лишь посредствомъ системы поддержанія, а не разрушенія Турціи. Система эта легла въ основу мюнхенгредскаго соглашенія Россіи съ Австріей по восточному вопросу; она же должна была склонить и Англію къ совмѣстнымъ съ нами дѣйствіямъ въ отношеніи Турціи, и если до сего времени такое соглашеніе не состоялось, то исключительно вслѣдствіе недоразумѣнія, проистекающаго де изъ неправильнаго взгляда великобританскаго кабинета на восточную политику Россіи, что будто-бы мы добиваемся паденія Турецкой имперіи, часто дѣлая намеки и постоянно поднимая вопросъ о неизбежности турецкой катастрофы.

Желая устранить подобное недоразумѣніе и установить полное согласіе по восточному вопросу съ Англіей, императоръ Николай лѣтомъ 1844 года рѣшился даже лично отправиться въ Лондонъ, чтобы безъ всякихъ посредниковъ объяснить и договориться съ великобританскимъ правительствомъ относительно Востока. Въ разговорѣ съ первымъ министромъ, сэръ-Робертомъ Пилемъ, и съ лордомъ Абердиномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, государь во время своего пребыванія въ Лондонѣ, главнымъ образомъ велъ рѣчь о положеніи Турціи, причемъ чистосердечно заявилъ, что паденіе Оттоманской Порты неизбежно, что бы ни дѣлали для ея спасенія, но Россія не ищетъ ни единаго вершка турецкой земли и съ своей стороны не допуститъ территориальныхъ расширеній западныхъ державъ на счетъ «большаго человѣка»; что Россіи хотѣлось бы только честно и разумно взглянуть на возможность разрушенія Турціи и на справедливыхъ основаніяхъ установить съ Англіей вполне иск-

ренное соглашеніе, подобное тому, какое существуетъ съ Австріей. *)

Несмотря на всю чистосердечность заявленій императора Николая, обнаруженную имъ въ разговорѣ съ англійскими министрами относительно Турціи, поѣздка его въ Лондонъ не привела къ желанному результату, такъ какъ самая цѣль ея была недостижима. Войти въ формальное соглашеніе съ Россіей по восточному вопросу Англія—говоритъ г. Татищевъ — не могла: «во-первыхъ, потому, что, при тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ лондонскаго двора съ парижскимъ, немислимо было заключеніе какого бы то ни было уговора съ нами безъ приобщенія къ нему и Франціи; во-вторыхъ, потому, что исконное правило англійской политики—не вступать въ обязательства на долгій и неопредѣленный срокъ, въ виду неизвѣстныхъ случайностей будущаго; наконецъ, воспитанные въ преданіяхъ родной исторіи, государственные люди Великобританіи не принимали на вѣру утвержденія русской дипломатіи, будто вѣковая противоположность интересовъ Россіи и Англіи на Востокѣ есть лишь плодъ недоразумѣнія, и что въ сущности интересы эти вполне тождественны». **)

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Англія не заключила письменнаго договора съ Россіей по дѣламъ Оттоманской Порты, и поѣздка императора Николая въ Лондонъ имѣла своимъ слѣдствіемъ лишь словесный обмѣнъ мыслей по восточному вопросу между русскимъ царемъ и великобританскимъ правительствомъ, обмѣнъ, которому у насъ, впрочемъ, было приписано значеніе установленія единомыслія Россіи и Англіи въ отношеніи Турціи, какъ о томъ можно заключить изъ русскаго меморандума, излагавшаго полный конспектъ лондонскихъ переговоровъ. Въ памятной запискѣ графа Нессельроде говорилось, что Россія и Англія одинаково проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости поддерживать цѣлостъ и независимость Оттоманской имперіи въ ея настоящемъ видѣ. Для этого необходимо оставить Порту въ покоѣ, не смущать ее дипломатическими придирками и по возможности не вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. При этомъ, од-

*) Подробности этихъ переговоровъ см. у Татищева: Высшая политика императора Николая Перваго, стр. 584.

**) Назв. соч., стр. 584—585.

нако, не слѣдуетъ забывать, что султанъ постоянно готовъ уклониться отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя по договорамъ съ прочими державами, въ расчетъ на ихъ взаимное недоувѣріе и на собственную безопасность въ случаѣ нарушенія Портою возложенныхъ на нее обязательствъ. Въ виду общаго интереса, державы должны разсѣять это недоувѣріе другъ къ другу и дружно дѣйствовать на Порту каждый разъ, когда она уклонится отъ исполненія своихъ обязательствъ передъ тѣмъ или другимъ государствомъ. Другое затрудненіе въ дѣлѣ поддержанія Турціи въ ея настоящемъ видѣ заключается въ несомвѣстности мусульманскаго закона съ правами христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Чтобы устранить могущія произойти отсюда гибельныя послѣдствія для Оттоманской имперіи, державы должны заставить турецкое правительство обращаться съ христіанскими подданными султана мягко и въ духѣ терпимости, а балканскимъ народностямъ доказывать необходимость подчиняться законной власти восточнаго владыки. Если всѣ великія державы будутъ единодушно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, то *леится основательная надежда на сохраненіе существованія Турціи*. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что Турецкая имперія заключаетъ въ себѣ много началъ разложенія. Непредвидѣнныя событія могутъ ускорить ея паденіе, причемъ дружественные дворы даже не въ силахъ будутъ предупредить это обстоятельство. Однако, опасность, которая могла бы быть вызвана катастрофой въ Турціи, въ значительной степени уменьшится, если Россія и Англія заранѣе условятся между собою относительно общаго образа дѣйствій на этотъ случай. Такое соглашеніе уже существуетъ между Австріей и Россіей, и теперь въ общемъ интересѣ охраненія мира, желательно присоединеніе къ нимъ сентъ-жемскаго кабинета. Причина, вызывающая необходимость въ установленіи такого соглашенія, очевидна. Россія имѣетъ преобладающее вліяніе на Турцію на сушѣ, а Англія на морѣ. Разрозненное дѣйствіе этихъ двухъ державъ могло бы причинить много зла; совокупное же ихъ дѣйствіе было бы, напротивъ, истинно благотвительнымъ. Отсюда проистекаетъ необходимость соглашенія, предшествующаго дѣйствію. Въ принципѣ мысль эта была установлена во время пребыванія императора въ Лондонѣ. Тогда было рѣшено договориться на счетъ общихъ мѣръ на случай, если-бы въ Турціи произошло что либо неожиданное. При этомъ было услов-

лено, что Россія и Англія будутъ стараться поддерживать существованіе Оттоманской имперіи въ настоящемъ ея состояніи до тѣхъ поръ, пока эта политическая комбинація окажется возможною; когда же сдѣлается очевиднымъ, что Турція должна пасть, то Россія и Англія договорятся объ установленіи новаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ взаимно стараго и будутъ сообща наблюдать за тѣмъ, чтобы перемѣны во внутреннемъ положеніи этой имперіи не могли угрожать ни безопасности владѣній, ни правомъ договаривающихся державъ, ни сохраненію европейскаго равновѣсія. *)

Изъ этого меморандума видно, что Англія готова была вмѣстѣ съ Россіей охранять существованіе Турецкой имперіи посредствомъ предотвращенія въ ней возстаній христіанъ. Но задача эта была невыполнима, вслѣдствіе невозможности для султана дать сколько нибудь сносное положеніе своимъ христіанскимъ подданнымъ и отсутствія средствъ доказать послѣднимъ необходимость покорно повиноваться турецкимъ властямъ. Восточные христіане уже давно прониклись стремленіемъ къ освобожденію отъ мусульманскаго ига и поэтому для нихъ всегда было достаточно лишь какого нибудь незначительнаго предлога, чтобы произвести возстаніе и тѣмъ создать болѣе или менѣе серьезную опасность для существованія слабой Порты, къ поддержанію которой стремилось русское правительство.

Разумѣется, при такомъ положеніи дѣла политика поддержанія Турціи должна была сводиться для насъ къ подавленію всякихъ происходившихъ на Востокѣ замѣшательствъ. Къ широкому практическому примѣненію этой политики Россіи пришлось обратиться уже тотчасъ же послѣ революціонной бури, пронесшейся надъ Европой въ 1848 году. Буря эта пошатнула ветхое зданіе Австріи и пробудила освободительное движеніе среди христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Императоръ Николай, полагая необходимымъ охранять неприкосновенность Австрійской имперіи и благо ея династіи, въ роковую минуту принесъ безкорыстныя жертвы для того, чтобы спасти отъ гибели свою исконную соперницу въ дѣлахъ Востока. Принеся народныя силы и средства въ жертву совершенно чуждымъ Россіи интересамъ, онъ въ то же время счелъ своимъ долгомъ по-

*) Меморандумъ графа Нессельроде, Іюнь 1844 г.

давить движенія и среди христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, гдѣ движенія эти, какъ и на западѣ, происходили изъ стремленія къ расширенію самостоятельности и правъ мѣстнаго населенія.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ подавленіе волненій въ Молдавіи и Валахіи и особенно въ послѣднемъ изъ названныхъ княжествъ. Революціонныя движенія 1848 года выразились здѣсь въ низложеніи господара Бибеско и въ провозглашеніи временнаго правительства, которое обратилось за помощью къ Франціи, Англіи и Пруссіи, но прежде всего къ Портѣ, убѣждая ее утвердить происшедшія перемѣны въ Валахіи. По настоянію Россіи султанъ придвинулъ къ валашской границѣ двадцатипятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Сулейманъ-паши, которому было поручено потребовать отъ валаховъ немедленнаго возстановленія законнаго порядка; въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ занять страну турецкими войсками. Но такъ какъ турецкій комиссаръ не исполнилъ данныхъ ему порученій и только обнадеживалъ населеніе Валахіи различными обѣщаніями въ духѣ времени, русскимъ войскамъ было приказано занять княжества, на что государь считалъ себя въ правѣ послѣ Адрианопольскаго трактата, обязывавшаго насъ заботиться о благосостояніи христіанскаго народонаселенія Турціи. При этомъ Европѣ было объявлено, что мы занимаемъ эти земли лишь для поддержанія тамъ порядка, впредь до того времени, когда Порты будетъ въ состояніи охранять его сама. Узнавъ о движеніи русскихъ войскъ, Порты вострепнулась и приняла самыя энергическія мѣры къ возстановленію порядка въ Валахіи. Но было уже поздно. Дюгамель, въ качествѣ императорскаго комиссара, вступилъ въ управленіе странюю.

Чтобы предупредить на будущее время повтореніе революціонныхъ смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, грозившихъ существованію Турецкой имперіи, императорскій кабинетъ, вѣрный своимъ обязательствамъ относительно Оттоманской Порты, позаботился о принятіи необходимыхъ мѣръ въ смыслѣ переорганизаціи княжествъ, и 19 апрѣля 1849 года въ Балта-Лиманѣ русскими и турецкими уполномоченными былъ подписанъ въ формѣ деклараціи петербургскій проектъ измѣненій въ органическомъ уставѣ Молдавіи и Валахіи.

Во вступленіи къ этой деклараціи говорилось, что турецкій султанъ и русскій императоръ, «одинаково одушевленные заботливостію

о благосостояніи Дунайскихъ княжествъ и вѣрные прежнимъ обязательствамъ, обеспечивающимъ за этими княжествами право внутренняго самоуправленія и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ льготъ, признали, что вслѣдствіе волненій, потрясшихъ эти провинціи, и въ особенности Валахію, необходимо принять съ общаго согласія исключительныя, но дѣйствительныя мѣры для защиты льготъ и привилегій княжествъ, какъ отъ революціонныхъ и анархическихъ переворотовъ, такъ и отъ злоупотребленій власти, препятствовавшихъ исполненію законовъ и лишавшихъ мирныхъ жителей выгодъ ихъ внутренней автономіи, которую они имѣли пользоваться въ силу торжественныхъ трактатовъ, заключенныхъ между Россіей и Блистательной Портой». Для восстановленія въ Дунайскихъ княжествахъ нарушеннаго спокойствія и установленія на будущее время болѣе прочнаго, надежнаго порядка, договаривающіяся стороны, подтвердивъ силу всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ относительно Молдавіи и Валахіи, постановили: 1) отмѣнить дарованное въ 1831 году диванамъ Дунайскихъ княжествъ право избранія господарей, которое отнынѣ предоставляется султану, причѣмъ послѣдній, по соглашенію съ Россіей, будетъ назначать господарей не пожизненно, а на семилѣтній срокъ, чтобы дать возможность болѣе достойнымъ личностямъ управлять страной. (ст. 1); 2) уничтожить на нѣкоторое время право какъ обыкновеннаго, такъ и чрезвычайнаго собранія бояръ, которое было предоставлено органическимъ статутомъ 1831 года и въ свое время не разъ служило поводомъ къ возбужденію смутъ и явнаго злоупотребленія; съѣзды бояръ должны быть замѣнены совѣщательными совѣтами ad hoc, по назначенію господарей, для раскладки податей и установленія бюджета (ст. 2); 3) назначить особые ревизіонные комитеты, въ Яссахъ и Бухарестѣ, для общаго пересмотра прежняго устава княжествъ и обещанія необходимыхъ въ немъ перемѣнъ, которыя войдутъ въ законную силу по одобреніи ихъ со стороны Порты и Россіи (ст. 3); 4) оставить въ княжествахъ русско-турецкую армію численностію отъ 25 до 30 тысячъ человекъ; по водвореніи спокойствія въ княжествахъ оккупационная армія должна быть уменьшена до 10.000 человекъ, до окончанія занятій комитетовъ, на которые возложено установленіе прочнаго и твердаго правительства; по совершенномъ очищеніи княжествъ русскими и турецкими войсками въ опредѣленное

время, войска эти могут быть возвращены при первой въ томъ необходимости; въ видахъ водворенія спокойствія въ княжествахъ предположено преобразовать мѣстную милицію сообразно потребностямъ времени. (ст. 4); 5) назначить отъ обоихъ дворовъ по одному чрезвычайному комиссару, которые наблюдали бы за ходомъ дѣлъ и высказывали бы свое мнѣнiе господарямъ по поводу ихъ мѣропріятій; комиссары эти кромѣ того обязаны были выбирать членовъ въ ревизіонные комитеты и отдавать отчетъ дворамъ о трудахъ этихъ комитетовъ (ст. 5); 6). опредѣлить срокъ дѣйствія этого договора на семь лѣтъ, такъ какъ измѣненія въ устройствѣ княжествъ признаются мѣрою временной, вызванной исключительно тогдашнимъ положеніемъ Молдавіи и Валахіи; по истеченіи же семилѣтняго срока, оба двора предоставляютъ себѣ право принять во вниманіе положеніе, въ которомъ будутъ тогда находиться княжества, и приступить ко введенію дальнѣйшихъ мѣръ, наиболее подходящихъ и пригодныхъ для обезпеченія на будущее время благосостоянія и полнаго спокойствія Дунайскихъ княжествъ (ст. 6).

Таково содержаніе Балта-Лиманскаго договора 1849 года. *) Постановленія его были исполнены Портою въ точности. По соглашенію съ Россіей, турецкій султанъ назначилъ господаремъ Молдавіи — Григорія Гику, а Валахіи — Димитрія Стирбея. Оккупация же Дунайскихъ княжествъ русскими и оттоманскими войсками прекратилась въ 1851 году.

Всматриваясь въ содержаніе Балта-Лиманскаго договора, нельзя не замѣтить, что условленныя въ немъ мѣры въ отношеніи Дунайскихъ княжествъ отличались излишней строгостью и даже отчасти насильственностью, что, несомнѣнно, должно было вызвать въ Молдавіи и Валахіи громкій ропотъ и сильное неудовольствіе на Россію, которая, вопреки своимъ историческимъ задачамъ на Востоке въ данномъ случаѣ выступила не въ качествѣ защитницы и освободительницы своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, а въ роли покровительницы и поборницы турецкаго господства на Балканскомъ полуостровѣ. И дѣйствительно, румыны съ тѣхъ поръ перестали чувствовать всякую симпатію къ Россіи, несмотря на прежде оказанныя имъ ею услуги.

*) Актъ, заключенный въ Балта-Лиманѣ 19 апрѣля 1849 г. см. у Юзефовича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 103—107.

Чѣмъ же, спрашивается, оправдывалось такое странное и даже неестественное поведеніе Россіи въ 1848 году въ дѣлѣ умиротворенія земель Востока? Стараюсь разгадать мотивы, которыми руководилось въ данномъ случаѣ императорское правительство, г. Бухаровъ предполагаетъ, что въ основѣ его дѣйствій лежали два соображенія, которыя должны быть признаны одинаково несостоятельными. «Оправданіемъ такому политическому маневру—говорить онъ—могло служить развѣ только желаніе разомъ возвратитъ себѣ вліяніе на Порту, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ускользавшее изъ рукъ. Къ тому же, дѣйствительно, казалось отчасти возможнымъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, ничѣмъ при томъ не рискуя; ибо европейскія правительства были слишкомъ озабочены событіями, воочію совершавшимися передъ ними въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, чтобы удостоить вниманіемъ возстаніе, вовсе не представлявшееся грознымъ; Порта же, напротивъ, признавая угрожавшую ей опасность истиннымъ для себя бѣдствіемъ, не знала какъ и оцѣнить неожиданно предложенную ей помощь. Но во всякомъ случаѣ, заявленная 31 іюля 1848 г. рѣшимость Россіи дѣйствовать въ соглашеніи съ Блистательною Портою для восстановленія спокойствія въ Дунайскихъ княжествахъ ничѣмъ не могла быть оправдана; отнюдь не возвращая утраченнаго вліянія, она неминуемо должна была способствовать усиленію недовѣрія и подозрительности султана въ будущемъ, и возбудитъ противъ Россіи неудовольствіе народовъ, преданность которыхъ дотолѣ не подвергалась никакому сомнѣнію». *) Въ другомъ мѣстѣ г. Бухаровъ говоритъ: «Болѣе чѣмъ вѣроатно, что жертвуя плодами вѣковыхъ усилій и не обращая вниманія на симпатіи русскаго народа, с.-петербургскій кабинетъ, помимо желанія восстановить свое вліяніе на Порту, имѣлъ еще въ виду произвести нравственное давленіе на венгерское возстаніе, къ прекращенію котораго оказывалъ дѣятельное содѣйствіе»; съ цѣлью улучшить отношенія Россіи къ Австріи,—что, впрочемъ, не было достигнуто **).

Итакъ, желаніе восстановить свое вліяніе на Порту и произвести нравственное давленіе на венгерское возстаніе—вотъ, по мнѣнію г. Бухарова, причины, побудившія императорское правительство про-

*) Россія и Турція, стр. 119.

**) Наз. соч. стр. 121.

известии оккупацию Дунайских княжествъ. Мы не будемъ оспаривать возможности такого рода соображеній, какъ руководящихъ началъ восточной политики русскаго двора; замѣтимъ только, что исключительно одни лишь эти соображенія едва ли могли имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлѣ умиротворенія государствъ Молдавіи и Валахіи. Оккупируя Дунайскія княжества, охваченныя будто-бы революціоннымъ духомъ времени, и вводя тамъ всевозможныя строгости, императоръ Николай, какъ намъ кажется, исходилъ главнымъ образомъ изъ твердаго убѣжденія въ слабости Турецкой имперіи и въ необходимости искусственными мѣрами продлить ея жалкое существованіе. Руководясь этимъ соображеніемъ, заставлявшимъ насъ внушать балканскимъ христіанамъ обязанность подчиняться законной власти Порты, русское правительство считало себя не въ правѣ безучастно отнестись къ либеральнымъ движеніямъ въ Молдавіи и Валахіи, стремившихся къ полной независимости отъ Турціи, такъ какъ Россія не могла поощрять такого рода стремленій среди балканскихъ христіанъ въ виду своихъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ Англіи и Австріи—поддерживать существованіе Оттоманской имперіи въ ея настоящемъ видѣ.

Какими-бы соображеніями ни руководилось русское правительство въ дѣлѣ умиротворенія Дунайскихъ княжествъ, несомнѣннымъ остается то, что Балта-Лиманскимъ договоромъ Россія еще разъ подтвердила за собою свое исключительное положеніе по отношенію къ Турціи, которымъ пользовалась со времени заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Но этимъ новымъ проявленіемъ своихъ правъ на Востока ей, однако, не удалось поставить Порту въ то подчиненное положеніе, въ какомъ она находилась въ эпоху Ункіаръ-Искелесскаго договора. Мало того, своимъ образомъ дѣйствій, какъ о томъ сказано выше, она даже предубѣдила противъ себя турецкое правительство, которое при первомъ же удобномъ случаѣ не замедлило оказать непокорность волѣ русскаго императора.

Какъ извѣстно, венгерское возстаніе вызвало на сцену злосчастный вопросъ о польскихъ выходцахъ, отдавшихъ подъ покровительство Турціи. Узнавъ, что руководитель венгерскаго возстанія Кошутъ вмѣстѣ съ польскими генералами Дембйанскимъ и Бемомъ, начальствовавшими отдѣльными отрядами венгерской арміи, нашли себѣ пріютъ на турецкой территоріи, Россія и Австрія, бывшія въ

это время въ тѣсномъ союзѣ, потребовали отъ Порты немедленной высылки инсургентовъ, причеиъ Россія основывала свое требованіе на 2-й статьѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, которая гласила, что всѣ русскіе и турецкіе подданные, учинившіе «какое либо тяжкое преступленіе, преслушаніе или измѣну... ни подѣ какимъ протекстомъ не должны быть приняты, ниже охранены, но непосредственно должны быть возвращены, или по крайней мѣрѣ выгнаны изъ области той державы, въ коей они укрылись, дабы отъ подобныхъ зловредниковъ не могла причиниться или родиться какая либо оспуда или излишніе между двумя имперіями споры, исключая только тѣхъ, кои въ Россійской имперіи приняли законъ христіанскій, а въ Оттоманской имперіи приняли законъ магометанскій». *) Не смотря, однако, на всю законность требованія Россіи, истекавшаго изъ международнаго договора, Порта, благодаря интригамъ Англіи, Франціи и Пруссіи, послѣ долгихъ колебаній отказалась выслать изъ своихъ предѣловъ польскихъ выходцевъ, что побудило петербургскій и вѣнскій дворы прервать дипломатическія сношенія съ Турціей.

Такой рѣшительный и угрожавшій европейскому миру образъ дѣйствій союзныхъ дворовъ заставилъ нашихъ противниковъ измѣнить свою политику въ отношеніи Турціи и принятыхъ ею подѣ свое покровительство польскихъ выходцевъ, вслѣдствіе чего султанъ, по совѣту Англіи, не желавшей войны Россіи и Австріи противъ Порты, не замедлилъ въ скоромъ же времени воззвать къ великодушію императора Николая. Въ Петербургъ было отправлено собственно-ручное письмо падишаха, въ которомъ онъ высказывалъ «свое сожалѣніе о томъ, что не можетъ сдѣлать именно того, чего требуетъ русскій посланникъ; но вмѣсто того онъ ручается, что бѣглецы будутъ находиться подѣ постояннымъ надзоромъ и тщательно удерживаемы отъ враждебныхъ интригъ и замысловъ. Если императоръ одобритъ это рѣшеніе вопроса о бѣглецахъ, то онъ пощадитъ честь османскаго государственнаго достоинства и дастъ самому султану новое доказательство своей благосклонности и дружбы». **) Государь отказался отъ своихъ требованій и согласился на то, чтобы

*) Кайнарджіискій трактатъ 1774 г. см. у Юзефовича: Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 24—40.

***) Розень Исторія Турціи, ч. I, стр. 142.

польскіе выходцы были высланы въ отдаленныя мѣстности Малой Азіи. Дѣло уладилось такимъ образомъ благополучно, но уладилось такъ только потому, что государь не зналъ еще въ то время объ отправленіи англо-французской эскадры къ Дарданелламъ и о занятіи послѣднихъ англійскимъ флотомъ, посланнымъ для того, чтобы показать султану, что морскія державы даютъ просимую имъ поддержку не только на словахъ, но и на дѣлѣ,—что государь еще не зналъ, что англійскій адмиралъ Паркеръ, начальствовавшій надъ эскадрою, нарушилъ 1-ю статью Лондонской конвенціи $\frac{1}{1}$, іюля 1841 года, въ силу которой входъ въ Дарданеллы и Босфоръ воспрещался военнымъ судамъ всѣхъ націй, пока Порта пребываетъ въ мирѣ.

При тогдашнемъ политическомъ положеніи Россіи въ Европѣ невѣдѣніе императора Николая о желаніи морскихъ державъ силою принудить насъ къ соглашенію съ Портою по вопросу о польскихъ выходцахъ было весьма благопріятнымъ условіемъ для мирнаго разрѣшенія этого вопроса. Императоръ Николай уже давно видѣлъ «смѣну русскаго покровительства англійскимъ, не только надъ Турціей, но и надъ ея христіанскими подданными», и съ болью въ сердцѣ выносилъ «опеку великобританскаго посла надъ турецкими министрами, ни шагу недѣлавшими и произносявшими ни слова, не спросивъ указаній своеюравнаго представителя королевы Викторіи». *) Поэтому, очень легко могло случиться, что вмѣшательство Англии и Франціи въ наши отношенія къ Турціи по поводу польскихъ выходцевъ привело бы насъ къ тому, къ чему вскорѣ привелъ успѣхъ притязаній новонародившейся императорской Франціи на покровительство палестинскимъ католикамъ, въ ущербъ правамъ громаднаго большинства православнаго населенія Востока **).

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 627.

**) Назв. соч., 627

Г Л А В А П.

Восточная политика Россіи въ эпоху Крымской войны.

Отношенія между Россіей и западными державами. — Недоброжелательство къ ней Франціи. — Возникновеніе спора о св. мѣстахъ. — Требованія Франціи. — Отношенія къ нимъ Порты. — Дипломатическая переписка Россіи съ Турціей и Франціей. — Двудлиціе Оттоманской Порты. — Переговоры Россіи съ Англіей. — Посылка кн. Меншикова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. — Требованія русскаго правительства и отношеніе къ нимъ Турціи. — Занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками. — Вліяніе этого занятія на европейскую дипломатію. — Вѣнская нота и измѣненія въ пей, предложенныя султаномъ. — Отношеніе къ нимъ Россіи. — Ольмюцкая нота. — Объявленіе Портою войны Россіи. — Вѣнскій протоколъ 5 декабря 1853 года. — Тщетныя хлопоты русскаго правительства о «формальномъ» обезпеченіи нейтралитета Австріи и Пруссіи. — Синопская битва и разрывъ морскихъ державъ съ Россіей. — Переписка императора Николая съ Наполеономъ. — Союзъ Англіи и Франціи съ Турціей. — Война Россіи съ морскими державами. — Протоколъ, подписанный между Англіей, Франціей, Австріей и Пруссіей 9 апрѣля 1854 года. — Союзный протоколъ, подписанный между Австріей и Пруссіей 20 апрѣля 1854 года. — Переговоры вѣнскаго двора съ Россіей относительно очищенія Дунайскихъ княжествъ. — Соглашеніе Австріи съ Турціей. — Очищеніе княжествъ. — Основанія переговоровъ о мирѣ, предложенныя Россіи. — Союзный договоръ Австріи съ морскими державами 2 декабря 1854 года. — Принятіе Россіей основанія мира, выработанныхъ Австріей, Англіей и Франціей. — Кончина императора Николая I.

Революціонныя движенія 1848 и 1849 годовъ имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что въ Европѣ образовались два лагеря. Съ одной стороны стояли морскія державы—Англія и Франція, а съ другой—Австрія и Россія. Лишь пятая держава—Пруссія не примыкала ни къ той, ни къ другой сторонѣ и стояла отъ нихъ особнякомъ, въ совершенно изолированномъ положеніи. Но такая группировка великихъ европейскихъ державъ существовала не долго, лишь до 1850 года. Къ этому времени, между Англіей и Франціей возникли серьез-

ныя недоразумѣнія, а между Россіей, Австріей и Пруссіей установилось тѣсное сближеніе. Несмотря на натянутость отношеній между морскими державами, объ онѣхъ сторонились, однако, отъ тройственнаго союза континентальныхъ державъ. Оношенія между Россіей и Англіей отличались крайнею холодностью, благодаря тому положенію, которое приняло русское правительство во время революціонныхъ движеній 1848 года: Англія не только не осуждала революціонныхъ стремленій на материкѣ, но открыто покровительствовала переворотамъ, между тѣмъ какъ Россія была готова повсюду возстановлявать спокойствіе и порядокъ и выступать на помощь монархамъ, угрожаемымъ революціонными движеніями. Кромѣ того, послѣднія событія на Востокѣ усилили недовѣріе великобританскаго кабинета къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ породили большое соперничество изъ-за вліянія на берегахъ Босфора. Что касается до Франціи, то наши отношенія къ ней не были хороши еще и прежде въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя вызывали натянутость и холодность отношеній между Россіей и Англіей. Когда же Николай Павловичъ, послѣ декабрскаго переворота, кинувшаго Францію въ востолубивыя руки ея президента, отказался признать за послѣднимъ насильственно захваченнымъ имъ императорскій титулъ подъ именемъ Наполеона III, отношенія между петербургскимъ и парижскимъ дворами сдѣлались уже совсѣмъ натянутыми. Съ этого времени всѣ усилія французскаго кабинета, оскорбленнаго плсстикой императора Николая въ мало касавшемся Россіи вопросѣ о признаніи за Наполеономъ династической цифры «III» и его грубымъ письмомъ къ французскому императору, начинавшимся словами: «Mon cher ami» вмѣсто обычнаго: «Monsieur mon frère» *) были направлены

*) Какую роль играло въ дальнѣйшихъ событіяхъ отношеніе императора Николая къ вопросу о признаніи Наполеона императоромъ, объ этомъ можно судить изъ записокъ графа Киселева, бывшаго нашимъ посломъ въ Парижъ послѣ Крымской войны. Маршалъ Вальянъ въ 1857 году говорилъ Киселеву, что войны не было-бы вовсе, если бы не существовало самаго письма. Тоже высказала графу и императрица Евгенія. Она рассказала послѣднему, что Людовикъ—Наполеонъ сначала нашель только, что письмо императора Николая Павловича *очень холодно*; но я — говорила императрица—настаивала, что письмо не только „холодно“, но и „сурово“, что оно „грубо“, прибавила она шепотомъ, наклонившись къ своему собесѣднику. „Императоръ согласился со мной, прочтя еще разъ письмо. Это правда, сказалъ онъ, и я этимъ займусь“, послѣ чего „война была дѣломъ рѣшеннымъ“. (Заблотскій-Десатовскій. Графъ Киселевъ и его время, т. III, стр. 21).

къ возбужденію европейскихъ правительствъ противъ петербургскаго кабинета. Всѣ французскія дипломатическія бумаги, дошедшія впоследствии до нашего свѣдѣнія, носили печать крайняго раздраженія. Въ нихъ не только порицались наши дѣйствія, но и заподозрѣвались наши намѣренія, въ которыхъ находили угрозу, направленную противъ независимости Турціи и безопасности Европы. Эта непрерывная работа была особенно дѣятельна по отношенію къ Англіи, при посредствѣ рѣчей и ежедневныхъ внушеній французскаго посла въ Лондонѣ.

Недоброжелательныя отношенія къ намъ Франціи поддерживались еще и другими, политическими соображеніями, которыя вмѣстѣ со старыми счетами и политическими недоразумѣніями между Николаемъ I и Наполеономъ наталкивали послѣдняго прямо на войну съ первымъ. Людовикъ—Наполеонъ—говорить бар. Жюмини—«изъ тогдашняго положенія вещей могъ заключить, что, пока будетъ продолжаться союзъ трехъ монархическихъ державъ, Франція неизбѣжно будетъ связана трактатами 1815 года, что Россія—душа этого союза, ось, на которой онъ движется, что всякая революціонная попытка, всякое движеніе на Рейнѣ или въ Италіи тотчасъ же возродитъ этотъ союзъ, со всѣми его послѣдствіями. Поэтому единственнымъ средствомъ разъединить его можетъ быть политическая война противъ насъ въ такой области, которая стояла бы внѣ обязательствъ, связывавшихъ насъ съ союзными державами. Единственной областью для подобной войны являлся Востокъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ не былъ включенъ въ общія гарантіи 1815 года, откуда мы его всегда тщательно устранили для того, что бы избѣжать европейскаго вниманія въ наши отношенія съ Турціей, а съ другой стороны, наша восточная политика имѣла преимущество возбуждать постоянную зависть въ Австріи и Англіи». *)

Выдвигая на сцену восточный вопросъ, обыкновенно вызывавшій много шума, Франція знала, что на этой почвѣ она найдетъ многочисленныхъ и сильныхъ союзниковъ для задуманной борьбы съ Россіей, такъ какъ недовольство русскою политикою на Востокъ было достаточно подготовлено въ Европѣ десятками лѣтъ. Но въ то же

*) Россія и Европа въ эпоху Крымской войны; Вѣст. Европы за 1866 годъ, № 2, стр. 698.

время она прекрасно понимала, что этимъ путемъ она легко разстроить нежелательный для нея союзъ трехъ континентальныхъ державъ, парализовавшихъ ея свободу почти въ теченіе полулѣтца, и породить серьезныя несогласія между Англіей и Россіей и тѣмъ достигнуть сближенія съ великобританскимъ кабинетомъ. Задавшись цѣлью во что бы то ни стало разстроить континентальный тройственный союзъ и привлечь на свою сторону Англію, чтобы съ большимъ удобствомъ отмстить Россіи за нанесенное оскорбленіе, Наполеонъ III имѣлъ также намѣреніе поднять вліяніе Франціи на Порту, упавшее во время волненій и раздоровъ революціи 1848 года, тѣмъ болѣе что покровительство правамъ католиковъ на Востокъ вполнѣ согласовалось съ его желаніемъ привлечь на свою сторону симпатіи группы клерикаловъ въ палатѣ.

Споръ изъ-за ключей къ Виаеемскому храму между католиками и православными происходилъ въ это время какъ нельзя болѣе кстати, и Наполеонъ III успѣшилъ обратить свое вниманіе на возникшіе по этому поводу переговоры, имѣя намѣреніе вмѣшаться въ дѣло и, подъ видомъ оказанія поддержки своимъ единовѣрцамъ, вернуть Франціи ея прежнее вліяніе на Порту.

Надо замѣтить, что православные и католики уже давно соперничали между собою изъ-за обладанія іерусалимскими святынями. «Во времена единства вселенской церкви—говоритъ г. Татищевъ—духовенство Палестины было греческое—по народности, восточное—по обряду. Глава его, епископъ іерусалимскій, уже на Никейскомъ соборѣ получилъ титулъ патріарха и занялъ въ ряду верховныхъ святителей христіанства пятое мѣсто. Въ концѣ IX вѣка, когда возникли несогласія между церквами константинопольскою и римскою, завершившіяся отпаденіемъ Рима отъ духовнаго общенія съ православнымъ Востокомъ, патріархъ іерусалимскій, вмѣстѣ съ патріархами александрійскимъ и антиохійскимъ, принялъ сторону Фотія и вселенскаго престола. Съ этой поры церковь іерусалимская не переставала быть составною частью единой православной восточной церкви», а православное духовенство—владѣтъ всѣми іерусалимскими святынями. Но со времени утвержденія мусульманскаго господства въ Палестинѣ, и въ особенности послѣ установленія въ XVI столѣтіи тѣснаго союза между Франціей и Турціей, султаны начинаютъ предоставлять католикамъ различныя льготы и формальными догово-

рами признавать право покровительства надъ ними королей французскихъ, вслѣдствіе чего въ XVIII столѣтіи католическій патріархъ Іерусалима и зависѣвшіе отъ него монахи успѣли приобрести въ исключительную собственность нѣкоторыя изъ мѣстныхъ святинь и получить доступъ къ остальнымъ, вмѣстѣ съ православными, армянами, коптами и другими исповѣданіями Востока, причемъ право ихъ на обладаніе святыннями утверждено было договоромъ, заключеннымъ между Франціей и Портой въ 1740 году. Въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка болѣе насущные интересы вызвали во Франціи равнодушное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, тѣмъ не замедлила воспользоваться Россія для возвращенія грекамъ нѣкоторыхъ мѣстъ поклоненія, которыми они издревле владѣли. Въ 1808 году, несмотря на открытую войну съ Россіей и протесты генерала Себастьяни, султанъ торжественно подтвердилъ ихъ право обладанія храмомъ Св. Гроба, разрѣшивъ имъ возстановить на собственныя средства этотъ храмъ, на половину разрушенный пожаромъ. Послѣ же возобновленія храма въ 1808 году, греки вступили въ обладаніе и многими другими въ своихъ прежнихъ правъ, отнятыхъ у нихъ католиками. Противъ такого порядка вещей, вполнѣ отвѣчавшаго какъ историческому праву грековъ, такъ и несравненному численному превосходству ихъ надъ католиками въ Палестинѣ, не протестовала ни Реставрація, ни Іюльская монархія, и только въ 1850 году французское правительство сочло своимъ долгомъ иначе отнестись къ предоставленному ему договорами праву покровительства римской церкви на Востокѣ. *)

Для защиты правъ католической церкви въ Палестинѣ, въ Константинополь отправленъ былъ въ качествѣ французскаго посла дивизионный генералъ Опики, которому было поручено на основаніи 33 статьи договора 1740 года настоятельно требовать отъ Порты въ пользу католиковъ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ меньшей важности, возвращенія въ Виолесей большой базилики Рождества Св. Дѣвы Маріи, исключительнаго владѣнія находящеяся подъ церковью пещерою Рождества, въ Іерусалимѣ—Камня Помазанія и семи арокъ

*) Тягачевъ, Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей въ 1853 году. Истор. Вѣст. за 1892 г. № 1, стр. 153 — 155; а также баронъ Жомани, назв. соч., стр. 707—711.

Св. Дѣвы въ церкви Рождества Господня, права починить повредившійся куполь надъ храмомъ Св. Гроба и привести въ немъ все въ то самое состояніе, въ какомъ находилось до пожара 1808 года, и наконецъ, возвращенія въ окрестностяхъ Іерусалима церкви Гроба Св. Дѣвы Маріи въ Иосафатовой долинѣ.*)

Нельзя не согласиться съ г. Розеномъ, что требованіе, предъявленное Портѣ французскимъ посланникомъ (въ нотѣ отъ 28 мая 1850 года), не отличалось скромностью. «Въ уцѣлѣвшей еще для богослужебныхъ цѣлей части Визележской церкви, т. е. въ ея клиросѣ, только греки и армяне имѣли свои алтари; и въ обладаніи церковью Гроба Св. Дѣвы Маріи, въ которой даже магометане имѣютъ нишу для молитвы, католики вовсе не участвовали, а Камень Помазанія принадлежалъ всѣмъ шести исповѣданіямъ вмѣстѣ. Право взять на себя поправки въ церкви Гроба, казалось, должно было также повести къ притязанію на исключительное владѣніе. При такихъ обстоятельствахъ впечатлѣніе, произведенное нотою, какъ на диванъ, такъ и на дипломатическій корпусъ въ Константинополь, было неблагоприятно. Положимъ, доказательство обладанія католической церкви св. мѣстами въ 1740 году и не подлежало, какъ утверждалъ тюльерійскій кабинетъ, никакому сомнѣнію,**) но вѣрно было и то, что происшедшимъ тамъ и сямъ перемѣнамъ въ обладаніи святынями прошло уже болѣе столѣтія, и что онѣ, не говоря о неоспоримой давности, самымъ формальнымъ образомъ утверждены фирманами прежнихъ султановъ. Какъ же могла теперь Порта отнять у своихъ подданныхъ bona fide состоящія въ ихъ владѣніи святыни, столь глубоко ими чтимыя? Правда, католики просто утверждали, что все приобретенное съ 1740 г. другими исповѣданіями, отнято у нихъ; но всетаи право владѣнія дано имъ на основаніи рѣшеній компетентныхъ властей, такъ что если увѣреніе ихъ, при подкупности этихъ властей, было и не невѣроятно, то его нельзя было доказать

*) Словесная нота, переданная французскимъ посломъ Высокой Портѣ 26—28 мая 1850 года; Розенъ, Исторія Турціи, ч. II, стр. 154—155.

**) Надо замѣтить, что въ договорѣ, заключенномъ въ 1740 году между Франціей и Турціей, не были перечислены святыни, возвращенія которыхъ католическому духовенству помогало французское правительство. Въ договорѣ было просто сказано, что французскіе монахи будутъ владѣть тѣми святынями мѣстами, которые уже состоятъ у нихъ во владѣніи.

навѣрное. Требовать отъ турокъ уничтоженія всѣхъ владѣтельныхъ правъ и удержанія одного постановленія 1740 г. значило требовать отъ нихъ явнаго признанія, что въ ихъ судахъ вообще нельзя найти права и справедливости, и только международный договоръ можетъ ручаться за безопасность собственности». *)

Конечно, всѣ эти возраженія противъ французской ноты живо представлялись министрамъ Порты, но «они такъ часто и горько испытывали послѣдствія неисполненія договорныхъ обязательствъ, что не могли отважиться на сообразный обстоятельствамъ отвѣтъ». **) Въ тому же для Турціи было даже больше основанийъ желать смѣны русскаго покровительства на Востокѣ французскимъ. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ баронъ Жюмнинъ—съ точки зрѣнія здравой логики, она должна была-бы вступить за права своихъ подданныхъ православногo вѣроисповѣданія и показать имъ, что она считаетъ своимъ долгомъ защищать ихъ отъ давленія извнѣ. Но за православною церковью ей видѣлось вліяніе Россіи, котораго ее учили бояться. Малочисленные латиняне, чуждые странѣ, не могли быть для нея опасны, даже недѣ покровительствомъ Франціи». ***) Вмѣстѣ съ тѣмъ, желать обезпеченія за собой доброжелательства французскаго правительства заставляли Оттоманскую Порту недоразумѣнія, возникшія въ 1849 году между султаномъ и его египетскимъ вассаломъ, сторону котораго всегда держала Франція въ ущербъ интересамъ Турецкой имперіи. Всѣ эти обстоятельства вынудили турецкое правительство, послѣ нѣкотораго молчанія, отвѣтить французскому двору, что Порта признаетъ святость договоровъ, но такъ какъ относительно вопроса о святыхъ мѣстахъ съ равныхъ сторонъ предъявлены законныя требованія, то ихъ невозможно разрѣшить прежде, чѣмъ смѣшанная коммиссія рассмотритъ фирманы и различныя распоряженія о св. мѣстахъ, изданныя до и послѣ заключенія капитуляціи 1740 года. ****) Затѣмъ въ июлѣ 1851 года образованная въ Константинополѣ для указанной цѣли особая смѣшанная коммиссія изъ французскихъ и греко-турецкихъ делегатовъ произнесла свой приговоръ

*) Назв. соч., стр. 155.

**) Назв. соч., стр. 156.

***) Россія и Европа [въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Европ. 1886 г. № 2, стр. 711.

****) Аали-паша генералу Опшкы 18 (30) декабря 1850 г.

въ пользу претензій католиковъ, и дѣло должно было окончательно уладиться посредствомъ переговоровъ между французскимъ посломъ, маркизомъ Лавалеттомъ, и турецкимъ правительствомъ.

Само собою понятно, въ какое неловкое положеніе была поставлена Россія требованіями французскаго двора. «Если даже допустить—говоритъ Богдановичъ,—что обѣ стороны имѣли равныя права на требуемыя ими привилегіи, то все-таки не должно упускать изъ виду, что обладаніе этими привилегіями было несравненно важнѣе для Россіи, нежели для Франціи, какъ по большому числу нашихъ богомольцевъ, посѣщающихъ Іерусалимъ, такъ и потому, что русскій монархъ, будучи государемъ единственной самостоятельной страны, исповѣдующей ученіе греческой церкви, былъ природнымъ защитникомъ православія и православныхъ. Къ тому же русское правительство не щадило значительныхъ суммъ на сооруженіе и содержаніе греческихъ и славянскихъ церквей и монастырей, въ чужихъ краяхъ, и пользовалось справедливымъ сочувствіемъ православныхъ народовъ, связанныхъ съ Россіей неразрывными узами единовѣрія и благодарности. Посягать на права ихъ значило — посягать на права Россіи,» *) такъ какъ она приобрѣла право заступничества за христіанъ православнаго исповѣданія цѣною крови и длиннаго ряда побѣдъ и, такъ сказать, обязалась трактатами съ Портой защищать и охранять православную церковь въ турецкихъ владѣніяхъ.

Сознавая всю важность затрогиваемыхъ Франціею интересовъ, русское правительство недоумѣвало, однако, относительно истинной причины поведенія парижскаго двора. Наше правительство приписывало его то личному характеру маркиза де-Лавалетта, занимавшаго тогда постъ французскаго посланника въ Константинополь, то желанію Людовика—Наполеона войти въ добрыя отношенія съ католическимъ духовенствомъ и папой для того, чтобы приобрѣсти ихъ приверженность къ имперіи и опираться на ихъ вліяніе на народное голосованіе. У насъ нечужды были также и того предположенія, что Людовикъ-Наполеонъ, желая европейскаго осложненія и опасаясь, что оно было бы слишкомъ серьезно на Рейнѣ или въ Бельгіи, избралъ для этой цѣли Востокъ, не щадя слабости Турціи, не боясь прибавить еще новый зародышъ разрушенія къ тѣмъ, какіе угро-

*) Восточная война 1853—1856 годовъ, т. I, стр. 18—19.

жали уже Оттоманской имперіи, и имѣя единственною цѣлью найти здѣсь элементы территориальныхъ измѣненій, благопріятныхъ для его стремленій къ славѣ и величію. Событія, какъ нельзя болѣе, подтверждали это послѣднее предположеніе, но ему, повидимому, не было придано надлежащаго значенія *) такъ какъ въ своихъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ мы далеко не выказали той осторожности, съ какою намъ слѣдовало-бы поступать въ данномъ случаѣ.

Желая прекратить неудовлетворительное положеніе дѣла, столь близко касавшагося православной церкви, императорскій кабинетъ вступилъ въ оживленную дипломатическую переписку съ парижскимъ и константинопольскимъ дворами. Въ своихъ заявленіяхъ турецкому правительству Россія указывала на ту невыгоду для его православныхъ подданныхъ, которая неминуемо должна произойти въ случаѣ удовлетворенія требованій парижскаго кабинета, вопреки вѣками сложившемуся порядку вещей и гатти-шерифамъ, по большей части сообщеннымъ Россіи официально. Французское-же правительство императорскій кабинетъ предупреждалъ о томъ, что его требованія затрогиваютъ такіе вопросы, по отношенію къ которымъ Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться равнодушной зрительницей, что религиозное столкновеніе и пререкательство православныхъ съ католиками по поводу вопроса, кому изъ нихъ принадлежитъ законное обладаніе храмомъ Кань Галилейской, при настоящемъ положеніи Турціи могутъ имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Но дипломатическая переписка Россіи съ Портой и Франціей не принесла ей существенной пользы. На наши заявленія французское правительство отвѣчало, что оно вовсе не имѣетъ намѣренія придавать большое значеніе возникшему спору и для скорѣйшаго прекращенія его готово войти съ нами въ соглашеніе. Что же касается Оттоманской Порты, то она вслѣдствіе новыхъ настойчивыхъ требованій парижскаго кабинета, предъявленныхъ преемникомъ генерала Олика, маркизомъ Лавалеттомъ, заявила французскому послу, что въ силу трактатовъ и дружественныхъ отношеній съ Франціей го-

*) Баронъ Жоини. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Евр. за 1886 г. № 2, стр. 699—700.

това подтвердить всѣ статьи договора 1740 года. *) Такое отношеіе турецкаго правительства къ интересамъ Франціи вынудило императора Николая въ сентябрѣ 1851 года отправить собственно-ручное письмо султану Абдуль-Меджду. Въ письмѣ этомъ государь выражалъ свое глубокое сожалѣніе по поводу переговоровъ Порты съ Франціей и высказывалъ свою надежду, что *status quo* въ св. мѣстахъ Іерусалима, не будетъ нарушено. При этомъ русскій посланникъ Титовъ далъ понять турецкому правительству, что всякое нарушеніе *status quo* будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ разрывъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціей.

Письмо императора Николая и угроза его дипломатическаго агента заставили Порту болѣе безпристрастно отнестись къ вопросу о св. мѣстахъ, тѣмъ болѣе что въ турецкой столицѣ начали происходить манифестаціи православнаго населенія и духовенства. Порта тотчасъ же прекратила переговоры съ маркизомъ Лавалеттомъ, распустила смѣшанную комиссію и, чтобы удовлетворить Россію и Францію, готова была предоставить святыню въ общее пользованіе католиковъ и православныхъ. Но это предложеніе турецкаго султана не было принято ни тою, ни другою стороною, вслѣдствіе чего для изслѣдованія дѣла въ ноябрѣ была образована комиссія улемовъ подъ предсѣдательствомъ шейхъ-уль-ислама. Эта комиссія нашла неосновательными притязанія французскаго двора, но Порта не рѣшилась ихъ окончательно отвергнуть. Боясь оскорбить Людовика—Наполеона, который также грозилъ разрывомъ въ случаѣ неудовлетворенія его требованій, она допустила латинское духовенство къ службѣ въ Геосиманской пещерѣ, грекамъ же предоставила право служенія въ храмѣ Вознесенія. Рѣшеніе это—говорить баронъ Жюминн—хотя и удалялось отъ *status quo*, поддержанія котораго мы требовали, но въ сущности оно было неудачей для французскаго домогательства. Кромѣ того, главнѣйшей выгодой, достигавшейся имъ, было обѣщаніе Порты придать ему окончательный характеръ, обнародовавъ фирманъ, который долженъ обозначать съ точностью взаимныя права владѣльцевъ. **) Повтому Россія признала рѣшеніе турецкаго султана, и Николай Павловичъ приказалъ своему

*) Аали-паша маркизу Лавалетту въ іюль 1851 года.

**) Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Евр. за 1886 г., № 2, стр. 716.

представителю въ Константинополѣ, Титову, только потребовать въ пользу грековъ права возобновленія купола Гроба Господня, права, оспариваемаго католиками.

30 января 1852 года былъ изданъ общій фирманъ, въ которомъ ограждались права грековъ, а притязанія Франціи назывались несправедливыми, и такимъ образомъ Россія получила болѣе или менѣе согласное своимъ видамъ рѣшеніе вопроса о св. мѣстахъ. Но если теперь удовлетворялось самолюбіе Россіи, то самолюбіе Франціи оскорблялось, и французскій посолъ Лавалеттъ, въ отсутствіе котораго состоялось рѣшеніе Порты, не замедлилъ появиться въ Константинополѣ, чтобы проявить тамъ энергію своего правительства въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Нарушивъ трактатъ 1841 года относительно закрытія проливовъ, онъ подѣхалъ къ турецкой столицѣ на французскомъ военномъ кораблѣ и потребовалъ, чтобы Порта или сдѣлала должныя измѣненія въ своемъ послѣднемъ фирманѣ, который еще не былъ опубликованъ, или предоставила-бы новыя льготы католикамъ, права которыхъ парализовались фирманомъ.

Оправдавъ дерзкій поступокъ французскаго посла просьбой султана прислать линейный корабль въ видѣ образца для турецкаго адмиралтейства, и разувѣривъ Лавалетта, что фирманъ изданъ былъ лишь для успокоенія Россіи, а не съ цѣлью отказаться отъ обѣщаній, данныхъ Франціи, Оттоманская Порта быстрыми шагами пошла на уступки въ пользу требованій парижскаго кабинета. Собообщенный Россіи фирманъ былъ уничтоженъ, грекамъ было отказано въ исключительномъ правѣ поправки купола Гроба Господня и въ числѣ многихъ другихъ преимуществъ католическому духовенству были предоставлены ключи отъ главныхъ дверей Визелемской церкви, которыя прежде находились въ рукахъ православнаго патріарха. *) Этотъ рядъ уступокъ, сдѣланныхъ султаномъ Франціи, имѣлъ свои слѣдствія то, что православная церковь въ лицѣ милліоновъ христіанскихъ подданныхъ Турціи, въ угоду небольшому числу католиковъ, лишилась на Востокѣ тѣхъ самыхъ правъ, которыя были выговорены ей Россіей и подтверждены гатти-шерифами султана;

*) Султанскій фирманъ 8 февраля 1852 года.

покровительницею православія на Востоку, выступила вмѣсто Россіи Франція, а самый вопросъ о св. мѣстахъ переходилъ въ споръ между двумя державами о политическомъ преобладаніи той или другой изъ нихъ на берегахъ Босфора.

Какъ и слѣдовало ожидать, серьезныя затрудненія, возникшія между Россіей, Портой и Франціей по вопросу о св. мѣстахъ, породили сильное волненіе на всемъ Востоку и прежде всего отразились на черногорцахъ, которые предприняли нападеніе на турецкую территорию съ цѣлью выбраться изъ того круга, гдѣ они были замкнуты, и пріобрѣсти сообщеніе съ моремъ. Узнавъ объ этомъ, султанъ двинулъ на черногорцевъ сильное войско, вслѣдствіе чего между Черногоріей и Портой вспыхнула война, которая способна была вызвать возстаніе среди другихъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова.

Въ виду притязаній французскаго правительства и роковаго столкновенія между Турціей и Черногоріей императоръ Николай твердо рѣшился принять энергическія мѣры къ понужденію султана исполнить всѣ русскія требованія. Пятый армейскій корпусъ, приведенный на военное положеніе, былъ сосредоточенъ на югѣ Россіи, а князь Меншиковъ назначенъ для поѣздки въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, который, «будучи личнымъ представителемъ государя, явился бы въ глазахъ турокъ авторитетнымъ выразителемъ его воли и твердой рѣшимости получить отъ нихъ удовлетвореніе». *) Но прежде чѣмъ дать должныя инструкціи Меншикову, въ Петербургѣ признано было необходимымъ предварительно освѣдомиться о мнѣніи англійскаго премьера и, если окажется возможнымъ, привлечь на свою сторону Англію, такъ какъ, не сомнѣваясь въ политической солидарности Австріи и Пруссіи съ Россіей, русское правительство лишь въ этой великой державѣ видѣло препятствіе къ утвержденію своего прежняго вліянія на Босфорѣ. Относительно Пруссіи и Австріи императоръ Николай не безпокоился. «Прусское правительство еще не оправилось въ это время послѣ революціонныхъ тревогъ 1849 года; политика его была слаба: оно искало опоры у Россіи. Еще болѣе, повиди-

*) Татищевъ, Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей въ 1853 году. Истор. Вѣст. за 1892 г. № 1, стр. 174.

тому, было причинъ не ожидать ничего непріязненнаго со стороны вѣнскаго двора, еще такъ недавно избавленнаго русскою арміею отъ венгерскаго возстанія и находившагося въ не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Англіею, которая оказывала сильную нравственную поддержку мадьярамъ. Противодѣйствія со стороны Австріи тѣмъ менѣе можно было ожидать въ настоящемъ случаѣ, что въ это самое время она приняла весьма непріязненное и даже вызывающее положеніе относительно Турціи по поводу происходившихъ близъ ея границъ столкновеній между турецкими войсками и черногорцами: императоръ Францъ-Иосифъ отправилъ въ Константинополь графа Линавжа съ самымъ категорическимъ требованіемъ вывести войска изъ Черногоріи. Съ своей стороны русское правительство поспѣшило поддержать требованіе Австріи, и это единодушіе еще болѣе утверждало императора Николая въ увѣренности, что и дальнѣйшая его политика въ Турціи будетъ совпадать съ видами императора австрійскаго *)).

Забываясь о привлеченіи Англіи на сторону Россіи, императоръ Николай въ началѣ 1853 года предложилъ англійскому правительству войти съ нимъ въ соглашеніе по восточному вопросу. Въ разговорѣ съ аккредитованнымъ при петербургскомъ дворѣ англійскимъ посланникомъ, серомъ-Сеймуромъ, 9 января (нов. ст.) государь старался убѣдить его, что турецкое зданіе грозитъ паденіемъ, что поэтому Россія и Англія должны согласиться между собою относительно того, что дѣлать въ случаѣ разрушенія Османской имперіи, и что было бы очень прискорбно, еслибы это событіе совершилось прежде, чѣмъ были бы приняты нужныя мѣры. «Дѣла въ Турціи—говорилъ онъ— въ крайнемъ разстройствѣ. Ей угрожаетъ неизбѣжная гибель. Разрушеніе ея, конечно, будетъ большимъ несчастіемъ, а потому весьма важно, чтобы Англія и Россія заблаговременно пришли къ полному соглашенію по восточному вопросу, такъ чтобы ни одна изъ обѣихъ державъ не сдѣлала рѣшительнаго шага безъ вѣдома другой. Вѣрьте мнѣ, что мы имѣемъ дѣло съ «большимъ человѣкомъ», тяжело большимъ человѣкомъ. Говорю вамъ откровенно: было бы большимъ несчастіемъ, если бы онъ вдругъ скон-

*) Щебальскій. Восточный вопросъ и дипломатія. Рус. Вѣст. за 1886 г. № 8, стр. 743.

чался, особенно прежде чѣмъ будутъ приняты нужныя мѣры». Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, происходившемъ 14 января, императоръ, отрекаясь отъ преданій екатерининской политики, завелъ снова рѣчь о необходимости соглашенія между Англiей и Россiей по дѣламъ Оттоманской Порты. Если, полагалъ онъ, и нельзя прайти къ соглашенію на случай могущихъ произойти въ будущемъ случайностей, то, по крайней мѣрѣ, хорошо было бы заблаговременно объяснить на счетъ того, что тогда не будетъ допущено обѣими сторонами. При этомъ императоръ посланнику сказалъ: «Если Англiя имѣетъ въ виду когда либо занять Константинополь, то я этого не позволю. Я вовсе не утверждаю, что ваше правительство имѣетъ подобное намѣреніе, но полагаю, что въ подобныхъ случаяхъ лучше ничего не утаивать другъ отъ друга. Съ своей стороны я охотно принимаю обязательство не утверждаться въ Константинополѣ полновластнымъ хозяиномъ; временное же его занятіе—дѣло иное, такъ какъ оно весьма возможно, если ничего не будетъ заранѣе предусмотрено, и все оставлено будетъ на произволь сульбы». «Повторяю— продолжалъ государь при разговорѣ съ англійскимъ посломъ 8 (20) февраля—больной умираетъ; и мы не должны допустить, чтобы извѣстіе о его смерти застало насъ врасплохъ... Соглашеніе между нами необходимо». Ни трактата, ни протокола императоръ не желалъ;— «общее соглашеніе—говорилъ онъ—вотъ все, что я желаю; этого довольно между порядочными людьми.» Свой взглядъ на турецкія дѣла высокой собесѣдникъ всего яснѣе высказалъ представителю Англiи въ послѣднемъ съ нимъ разговорѣ, происходившемъ 9 (21) февраля. Императоръ положительно заявилъ, что не допустить владычества въ Константинополѣ ни Англiи, ни Франціи, ни другой какой либо великой державы, что онъ не согласится на усиленіе Греціи, а тѣмъ болѣе на восстановленіе Византійской имперiи, и что онъ не желаетъ распаденія Турціи на мелкія республики, такъ какъ онѣ потомъ сдѣлаются убѣжищемъ для европейскихъ революціонеровъ. Послѣ паденія Оттоманской имперiи,— по мнѣнію царя,—слѣдовало бы установить такой порядокъ вещей: Дунайскія княжества, Сербiя и Болгарiя должны образовать изъ себя вполне независимыя государства подъ покровительствомъ Россiи. При раздѣлѣ Турецкой имперiи государь не находилъ затрудненія предоставить Англiи Египетъ и о. Кандію и совершенно

не предвидѣлъ сопротивленія подобнымъ планамъ со стороны великихъ державъ Европы: нѣкоторый отпоръ онъ полагалъ встрѣтить только со стороны Франціи, но за то интересы Австріи онъ считалъ теждественнымъ съ интересами Россіи, а о Пруссіи даже и не говорилъ ни слова *).

Таковъ смыслъ разговоровъ, веденныхъ императоромъ Николаемъ съ англійскимъ посломъ съ цѣлью добиться соглашенія съ лондонскимъ дворомъ по восточному вопросу. Но разговоры эти такъ же мало произвели желаннаго впечатлѣнія на Англію, какъ и переговоры 1844 года, при чемъ на этотъ разъ англійскій премьеръ, окончательно убѣдившійся въ намѣреніи императора Николая покончить съ Турціей, на отрѣзъ отказался отъ всякаго участія въ какой либо предварительной сдѣлкѣ относительно Оттоманской имперіи, ибо такая сдѣлка, по его мнѣнію, могла только ускорить проишествіе, въ высшей степени нежелательное для Англіи. Мало того, откровенная бесѣда императора Николая съ англійскимъ посломъ о возможности раздробленія Турецкой имперіи сильно предубѣдила правительство королевы Викторіи противъ Россіи, и хотя 15 апрѣля графъ Несельроде вручилъ сэру Гамальтону Сеймуру ноту, громогласно возвѣщавшую, что «его величество императоръ изъявляетъ свое согласіе способствовать Англіи въ поддержаніи существованія Оттоманской имперіи и не возбуждать вопроса о ея раздробленіи», но сила зародившагося подозрѣнія не могла быть ослаблена этою нотой, тѣмъ болѣе что посылка въ Константинополь князя Меншикова, въ свое время всполюшившая весь дипломатическій міръ Европы, послужила новымъ подтвержденіемъ существованія въ Петербургѣ тайныхъ замысловъ относительно Турціи.

Порученіе, данное князю Меншикову, имѣло двоякую цѣль. Онъ долженъ былъ принять надлежащія мѣры къ тому, что бы уладить возникшее столкновеніе Турціи съ Черногоріей и позаботиться о поддержаніи нашего прежняго положенія на Востокѣ и объ обезпеченіи его въ будущемъ. Ради этой послѣдней цѣли, согласно данной инструкціи, князь Меншиковъ долженъ былъ потребовать отъ

*) Исторію довѣрительныхъ переговоровъ съ Англіей см. у Татищева: Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей въ 1853 году. Ист. Вѣст. за 1892 г. № 2, стр. 456—480.

Порты: 1) формальнаго обнародованія фирмана 30-го января 1852 года, который возстановлялъ права грековъ въ св. мѣстахъ, но былъ парализованъ тайнымъ соглашеніемъ Порты съ Франціей; 2) справедливаго возмездія за прошлое, т. е. отрѣшенія отъ власти враждебно относившагося къ намъ Фуада-эффенди, изданія объяснительнаго фирмана, который возстановлялъ бы права владѣнія грековъ Виелеемскимъ храмомъ, несмотря на передачу ключа отъ него католикамъ; исправленія купола храма Искупленія, безъ участія католиковъ; отмѣны всѣхъ прочихъ преимуществъ, дарованныхъ латинянамъ послѣ фирмана 30-го января 1852 года; 3) прочныхъ ручательствъ въ соблюденіи въ будущемъ правъ православной церкви и съ этою цѣлью—*заключенія* особаго акта, гласнаго или тайнаго, конвенціи или «сенеда», имѣющаго силу договора и обнимающаго всю совокупность мѣръ и соглашеній относительно полного сохраненія *statu quo* восточной церкви. Сверхъ того, если бы оказалось нужнымъ оградить султана отъ французскихъ угрозъ, князю Меншикову разрѣшалось предложить ему заключеніе тайнаго оборонительнаго союза, не налагая на Турцію никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ подписанія вышеупомянутой конвенціи относительно *statu quo* православной церкви. Если-бы Порта отвергла или старалась обойти наши требованія, онъ долженъ былъ предоставить ей три дня на размышленіе и, по истеченіи этого срока, оставить Константинополь вмѣстѣ со всѣмъ личнымъ составомъ императорскаго посольства. *)

Князю Меншикову даны были сверхъ того инструкціи для сношеній съ представителями великихъ державъ въ Константинополѣ. Въ этихъ инструкціяхъ было сказано, чтобы посолъ поступалъ по отношенію къ Франціи «дружественно, мирно, привѣтливо, но въ то же время осторожно и твердо, не дѣлая никакихъ напрасныхъ вызововъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и никакихъ уступокъ», такъ какъ государь имѣетъ политическую цѣль—«ослабить то обаяніе страха и силы, которое оказываетъ новое французское правительство на слабая государства, и въ числѣ ихъ на Турцію». Правительство наше не сомнѣвалось тогда въ благорасположеніи къ намъ Англій, и въ инструкціяхъ Меншикову было сказано, что «англійское министерство

*) Бар. Жомини. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Евр. за 1856 г. № 3, стр. 178.

въ лицѣ лорда Эбердина питаетъ совершенное довѣріе къ умѣреннымъ и консервативнымъ намѣреніямъ Россіи». Что касается до прочихъ великихъ европейскихъ державъ, т. е. Австріи и Пруссіи—сказано было въ инструкціяхъ.—то «вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ»;—«вы найдете въ уполномоченномъ австрійскаго двора, искренно намъ союзнаго, совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ». *)

16—28 февраля 1853 года князь Меншиковъ, сопровождаемый многочисленной и блестящей свитой, торжественно вѣхалъ въ Константинополь и прежде всего заявилъ, что не войдетъ въ переговоры съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фуадомъ-пашею, недобросовѣстность и двуличіе котораго постоянно обнаруживались въ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Результатомъ этого заявленія было то, что Фуадъ-паша добровольно подалъ въ отставку; а султанъ назначилъ на его мѣсто Рифаата-пашу, отличавшагося умѣренностью. Такимъ образомъ вліяніе Россіи на Порту болѣе или менѣе сильно сказалось съ первыхъ же дней по пріѣздѣ кн. Меншикова въ Константинополь, вслѣдствіе чего можно было ожидать, что миссія его увѣнчается полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что кабинеты лондонскій и вѣнскій отнеслись благопріятно къ нашимъ требованіямъ въ вопросѣ о св. мѣстахъ, которому и Франція не придавала самостоятельнаго значенія, и заявляли желаніе, чтобы возложенное на князя Меншикова порученіе увѣнчалось успѣхомъ. Но вскорѣ обнаружилось очень важное обстоятельство, которое имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. «Обращаясь съ дружественными объясненіями къ лондонскому и вѣнскому кабинетамъ, мы разсудили, что инструкція, данная кн. Меншикову, въ своемъ цѣломъ представляли слишкомъ щекотливыя стороны для того, что бы ихъ сообщать во всѣхъ подробностяхъ. Въ особенности въ Лондонѣ идея непосредственнаго соглашенія между Россіей и Портой должна была встрѣтить сильное противодѣйствіе и лишить насъ расположенія министровъ. Нашъ государственный канцлеръ, въ своихъ бесѣдахъ съ представителями этихъ державъ, ограничился словеснымъ сообще-

*) Инструкцію, данную кн. Меншикову 24 января (5 февраля) 1853 года для руководства въ сношеніяхъ съ представителями великихъ державъ въ Константинополѣ см. у Богдановича: Восточная война 1853—1856 годовъ т. I, стр. 31—36.

ніемъ имъ общаго смысла инструкцій, давныхъ кн. Меншикову. Онъ не упоминалъ о конвенціи, которую предстояло заключить съ Портой, и объяснилъ только о нашемъ желаніи добиться *гарантій для будущаго* и въ то же время *удовлетворенія за прошлое* относительно сохраненія установленнаго положенія православной церкви на Востока. Та же сдержанность соблюдалась нашими представителями въ Лондонѣ и Вѣнѣ, такъ же какъ и главой нашего кабинета, въ отвѣтъ на запросы обоихъ дворовъ, становившіеся все болѣе и болѣе настоятельными, по мѣрѣ того, какъ подвигалось выполнение порученія нашего чрезвычайнаго посла въ Константинополь. Эта сдержанность имѣла важное значеніе. Она указывала, съ нашей стороны, предчувствіе общаго сопротивленія, какое наши требованія должны встрѣтить даже въ тѣхъ правительствахъ, которыя до тѣхъ поръ благоприятно относились къ намъ. *) Умолчаніе наше въ настоящемъ случаѣ послужило къ усиленію ожидаемаго противодѣйствія.

И дѣйствительно, чрезвычайный русскій посолъ вскорѣ долженъ былъ замѣтить, что Англія не только не имѣетъ намѣренія оказывать намъ какое либо содѣйствіе въ дѣлѣ улаженія вопроса о св. мѣстахъ, а напротивъ готова дѣйствовать прямо противъ Россіи. Узнавъ о проявленной на первыхъ же порахъ уступчивости султана и объ его предупредительной внимательности по отношенію къ русскому послу, англійскій повѣренный въ дѣлахъ, полковникъ Розъ тотчасъ же забилъ тревогу, приписывая императорскому правительству честолюбивыя и завоевательныя замыслы. Заявивъ о томъ, что инструкціи князя Меншикова должны быть сообщены англійскому кабинету, онъ добился отсрочки приѣма чрезвычайнаго русскаго посла султаномъ и, предчувствуя новый Ункіаръ - Искелесскій оборонительный и наступательный союзъ Россіи съ Турціей, предложилъ дивану дѣятельную поддержку Англіи; кромѣ того, въ виду серьезности положенія дѣла онъ намѣревался даже вызвать англійскую эскадру къ Вуллокской бухтѣ, тѣмъ болѣе что русскія войска приближались къ турецкой границѣ. Дѣйствительное настроеніе Англіи въ отношеніи Россіи выразилось въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ англійскаго посланника, лорда Редклифа, обращенныхъ къ

*) Бар. Жоини. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Европ. за 1886 г. № 3, стр. 186.

русскому повѣренному, Озерову, во время переговоровъ князя Меньшикова съ Портой: «Положеніе ваше, по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякій одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ недовѣріе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей запада. Если вы желаете исправить какое либо нарушеніе заключенныхъ съ вами трактатовъ, требуйте, и, безъ сомнѣнія, вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе и вооружите противъ себя коалицію. Скажу вамъ прямо: слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціей возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который поведетъ за собою войну». *)

Сильно обезпеченная появленіемъ въ Константинополѣ князя Меньшикова и отставкой турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, не осталась въ бездѣйствіи и Франція, окончательно ставшая во враждебныя отношенія къ русскому кабинету подъ впечатлѣніемъ личнаго неудовольствія, вызваннаго въ Людовикъ—Наполеонъ отношеніями къ нему императора Николая по вопросу о признаніи имперіи во Франціи. Желая отмстить Россіи за нанесенное оскорбленіе пораженіемъ ея вліянія на Востокъ и не имѣя намѣренія давать Англіи возможность выступить въ качествѣ одинокой защитницы интересовъ Оттоманской Порты, Людовикъ—Наполеонъ успѣшилъ выслать свою эскадру къ Саламинской бухтѣ (въ мартѣ 1853 года) и въ то же время отправилъ своему представителю въ Константинополѣ инструкцію, какъ поступить, если Россія начнетъ военныя дѣйствія противъ Турціи.

Между тѣмъ князь Меньшиковъ на аудіенціи вручилъ турецкому султану собственноручное письмо императора Николая, въ которомъ государь, напоминая о добросовѣстномъ соблюденіи имъ самимъ всѣхъ обязательствъ и договоровъ съ Портой, писалъ, что желаетъ того же со стороны Турціи и между прочимъ высказывалъ слѣдующія мысли. «Весьма далеко я, высокій и державный другъ, отъ намѣренія подвергнуть ваше правительство распрямъ съ другими державами, либо предложить вамъ нарушеніе какого-либо условія, основаннаго на трактатѣ, состоящемъ донинѣ въ силѣ и обязатель-

*) Богдановичъ, назв. соч., т. I, стр. 53.

номъ для Турціи. Но, съ другой стороны, въ нынѣшнемъ вопросѣ, я долженъ совѣтовать вамъ сохраненіе правъ, освященныхъ вѣками, признанныхъ всѣми вашими славными предшественниками и подтвержденныхъ вами самими, въ пользу православной церкви, которой догматы исповѣдуютъ многіе изъ состоящихъ подъ вашимъ владычествомъ христіанъ, а равно и наибольшая часть моихъ подданныхъ. Если сохраненіе сихъ правъ и документовъ, дарованныхъ вашею волею и верховною властью, повело-бы къ какому либо замѣшательству, или если бы вслѣдствіе того ваши владѣнія были угрожаемы опасностью, то подобныя событія укрѣпили-бы еще болѣе вашъ союзъ съ нами и повели бы къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью вашего правительства и съ внутреннимъ спокойствіемъ вашей имперіи. Позволяю себѣ надѣяться, что ваше величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устраните съ твердостью коварныя и недоброжелательныя извѣты, клонящіяся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, кои столь благополучно доселѣ существовали между нами.*)

Турецкій султанъ внялъ внушеніямъ Россіи, и вопросъ о свѣстахъ довольно быстро былъ рѣшенъ въ ея пользу: Порта даровала грекамъ требуемыя Россіей привилегіи и утвердила ихъ особымъ фирманомъ, не нарушавшимъ обязательствъ, принятыхъ султаномъ въ угоду Франціи.**)

Только благодаря наущеніямъ Англіи и Франціи затянулось дѣло о заключеніи конвенціи, въ которой права и привилегіи православныхъ христіанъ были-бы гарантированы покровительствомъ Россіи. Смотря на это требованіе императорскаго кабинета глазами нашихъ противниковъ, Порта увидѣла въ немъ нарушеніе своихъ верховныхъ правъ и передачу ихъ Россіи. Замѣтивъ колебаніе турецкаго правительства дать согласіе на заключеніе конвенціи съ Россіей и такимъ образомъ формально обезпечить права православныхъ на Востокѣ, кн. Меншиковъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ уладить дѣло мирнымъ путемъ, а послѣ неудачи этихъ попытокъ вручилъ султану проектъ договора вмѣстѣ съ ультиматумомъ,

*) Письмо императора Николая къ султану отъ 24 января 1853 года см. у Богдановича, назв. соч. т. I, стр. 40—41.

**) Ризаатъ-паша князю Меншикову 24 апрѣля (5 мая) 1853 года.

въ которомъ категорически заявлялось, что если Порты не подтвердитъ торжественно дарованныхъ ею льготъ грекамъ, Россія прерветъ сношенія съ Турціей. *)

Однако, Порты и на этотъ разъ не выразила желанія исполнить требованія императорскаго кабинета. Изъявляя полную готовность рѣшить вопросъ о св. мѣстахъ согласно видамъ Россіи, она подъ вліяніемъ внушеній Стратфорда Каннинга отстаивала свои державныя права, нарушеніемъ которыхъ угрожало, по ея мнѣнію, императорское правительство требованіемъ заключенія конвенціи, которая утверждала бы на будущее время исключительное положеніе Россіи въ Турецкой имперіи и ея право вышательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. **) Вставъ на эту точку зрѣнія, султанъ, подъ вліяніемъ интригъ Англии и Франціи, не только не подтвердилъ особымъ договоромъ признанныхъ имъ за Россією правъ на Востокахъ, но даже отказался удовлетворить императорское правительство врученіемъ ему, взамѣнъ конвенціи или сенеда, такой ноты, въ которой были бы изложены потребованныя нами ручательства по всѣмъ возбужденнымъ между Россіей и Турціей вопросамъ.

Въ виду такого упорства Порты князь Меншиковъ, послѣ трехмѣсячныхъ безплодныхъ переговоровъ, выѣхалъ изъ Константинополя въ ночь на 22 мая 1853 года, объявивъ, что онъ считаетъ порученіе свое оконченнымъ; что императорскій дворъ не можетъ, не нарушая своего достоинства и не подвергаясь новымъ оскорбленіямъ, оставить долѣе посольство свое въ Константинополѣ и продолжать политическія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ на прежнихъ основаніяхъ; что вслѣдствіе того и въ силу даннаго послу полномочія, онъ покидаетъ Константинополь, взявъ съ собою всѣхъ членовъ императорскаго посольства; что посолъ глубоко сожалеетъ о необходимости этого рѣшенія, но что, въ точности исполнивъ повелѣнія императора, передавъ на обсужденіе Блистательной Порты предложенія самыя примирительныя, справедливыя и всего лучше отвѣчающія истиннымъ интересамъ Оттоманской имперіи, и получивъ присворбную увѣренность въ томъ, что кабинетъ его величества султана не расположенъ принять и удовлетворить ихъ, онъ исполняетъ послѣдній

*) Князь Меншиковъ Решиду-пашѣ 24 апрѣля (5 мая) и 3 (15) мая 1853 года.

**) Ризаатъ-паша князю Меншикову 28 апрѣля (10 мая) 1853 года.

долгъ, возлагая отвѣтственность за всѣ послѣдствія, какія могутъ отъ того проивойти, на оттоманскій кабинетъ, который, повидимому, поставилъ себѣ задачею вызвать серьезное столкновение между двумя имперіями; что отказъ въ ручательствахъ въ пользу православнаго греческаго исповѣданія возлагаетъ отнынѣ на императорское правительство обязанность искать таковыхъ въ собственной своей силѣ; что поэтому всякая попытка измѣнить *statu quo* восточной церкви и посягнуть на его цѣлость будетъ признана императоромъ нарушеніемъ духа и буквы существующихъ договоровъ, и какъ дѣйствіе, враждебное Россіи, поставитъ его величество въ необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыхъ онъ всегда старался избѣгать въ виду постоянной заботливости о благѣ Оттоманской имперіи и о поддержаніи искренней дружбы, связывавшей его какъ съ его величествомъ султаномъ, такъ и съ августѣйшимъ родителемъ его. *)

Отъѣздъ ѣн. Меншикова вызвалъ въ Петербургѣ весьма оживленные совѣщанія. «Многіе изъ нашихъ выдающихся государственныхъ людей склонялись къ умѣренности или, лучше сказать, къ уступчивости. Прервать дипломатическія сношенія и выжидать событий, таково было рѣшеніе, которое они считали наиболѣе разумнымъ при тогдашнемъ состояніи Европы». Это, по ихъ мнѣнію, оставляло вопросъ открытымъ и нисколько не портило дѣла. Мало того, «у насъ оставалась надежда, что время и размышленія о занятомъ нами положеніи внушатъ Портѣ дипломатическое рѣшеніе, болѣе соответствующее нашимъ интересамъ и нашему достоинству, нежели то, къ которому привели переговоры князя Меншикова, если мы могли рассчитывать на какую-либо перемѣну въ общемъ положеніи Европы, которая улучшила бы для насъ условія переговоровъ». Объ этомъ важномъ вопросѣ государю была представлена записка, въ заключеніи которой доказывалось, что намъ остается только выбирать одно изъ двухъ: или простой дипломатическій разрывъ, или вторженіе 200 тысячной арміи въ Турцію и немедленное отправленіе черноморскаго флота въ Константинополь съ десантными войсками. Къ сожалѣнію, «въ этотъ критическій моментъ императорскій кабинетъ

*) Князь Меншиковъ Решиду-пашѣ 6—18 мая 1853 года; Татищевъ: Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей въ 1853 г. Истор. Вѣст. за 1892 г. № 3 стр. 748—749.

остановился на средней мѣрѣ, которая представляла всѣ неудобства примѣненія силы, безъ тѣхъ выгодъ, какихъ можно было-бы ожидать отъ рѣшительнаго примѣненія ея». Государь положилъ занять Дунайскія княжества 35-тысячнымъ армейскимъ корпусомъ въ видѣ принудительной мѣры, посредствомъ которой мы овладѣли бы матеріальнымъ залогомъ впредь до удовлетворенія нашихъ справедливыхъ жалобъ. «Эта полумѣра была результатомъ соглашенія между спокойною умѣренностью гр. Нессельроде и крайнимъ раздраженіемъ императора Николая». Но если, говоря вообще, соглашенія очень хороши въ политикѣ, то въ нѣкоторыя критическія минуты они ведутъ за собою роковыя послѣдствія, какъ то и было въ данномъ случаѣ. *)

Однако, прежде чѣмъ рѣшиться на занятіе Дунайскихъ княжествъ, императорскій кабинетъ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку къ мирному улаженію дѣла. Графъ Нессельроде, по высочайшему повелѣнію, написалъ письмо великому визирю Решиду-пашѣ, въ которомъ просилъ его превосходительство ускорить испрошеніемъ согласія его величества султана на подписаніе проекта обязательствъ, составленнаго княземъ Меншиковымъ передъ его отъѣздомъ, безъ всякихъ измѣненій и доставить его въ Россію не позднѣе 8-ми дневнаго срока. Въ противномъ случаѣ наши войска должны будутъ занять княжества не ради войны съ Портой, а ради матеріальной гарантіи нашихъ правъ, обезпечить которыя султанъ не соглашался предложеннымъ ему способомъ. **)

О нашемъ рѣшеніи занять Дунайскія княжества, въ случаѣ еслибы Порта отказалась исполнить русскія требованія, поставлены были въ извѣстность и западныя державы. Имъ сообщено было, что занятіе княжествъ будетъ только временнымъ, что государь не желаетъ наденія Турціи и не стремится къ территориальному расширенію своей имперіи на счетъ Оттоманской Порты, что онъ не начнетъ войны до тѣхъ поръ, пока не будетъ къ тому вынужденъ, и что менѣе всего желаетъ возбуждать христіанскихъ подданныхъ султана къ восстанію, влѣдствіе чего будетъ неусыпно заботиться о поддержаніи ихъ въ повиновеніи турецкому правительству. Кромѣ

*) Баронъ Жомини, назв. соч., стр. 202—203.

**) Графъ Нессельроде Решиду-пашѣ 19—31 мая 1853 года.

того, мы просили Англию и Францію оказать должное вліаніе на Порту съ тѣмъ, чтобы она скорѣе приняла наши предложенія, а также воздержаться отъ такого образа дѣйствій по отношенію къ турецкому правительству, который могъ бы привести Турцію къ разрыву съ Россіей. Что касается Австріи, то ей мы довѣрчиво предложили нашъ планъ *совокупныхъ дѣйствій* въ ожидаемомъ кризисѣ Австрія должна была предложить свои добрыя услуги въ Константинополѣ, чтобы склонить Порту къ исполненію нашихъ требованій. Въ случаѣ отказа Порты, вѣнскій кабинетъ обязанъ былъ заявить о своемъ намѣреніи *открыто содѣйствовать* Россіи и съ этою цѣлью сосредоточить корпусъ арміи на турецкой границѣ. Если же это заявленіе и занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ оказались бы безуспѣшными, Австріи предлагалось занять Сербію и Герцеговину, въ видѣ принудительной мѣры *).

Само собою понятно, что наше обращеніе къ западной Европѣ за содѣйствіемъ въ дѣлѣ улаженія русско-турецкихъ недоразумѣній въ данномъ случаѣ не могло имѣть успѣха. Западная Европа уже давно съ трепетомъ смотрѣла на возрастающее вліаніе Россіи на Востоцѣ и всѣми силами старалась воспрепятствовать сѣверному коLOSSу поглотить Турецкую имперію. Поэтому съ нашей стороны было совершенно напрасно просить иностранные дворы о помощи въ дѣлѣ формальнаго подтвержденія султаномъ политическихъ правъ Россіи въ Оттоманской имперіи. И, дѣйствительно, узнавъ о рѣшеніи императорскаго правительства, Австрія, подѣ предлогомъ опасенія всеобщаго кризиса, отказалась отъ вооруженнаго содѣйствія Россіи и обѣщала одну дипломатическую поддержку ея требованіямъ въ Константинополѣ. Что же касается морскихъ державъ, то имъ было уже поздно думать о предотвращеніи демонстрацій, которыя поощряли бы турокъ въ ихъ сопротивленіи Россіи: Англія и Франція отправили свои эскадры въ Безикскую бухту, какъ только узнали объ отъѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя.

Видя поддержку со стороны Англии и Франціи, между которыми установилось полное согласіе во взглядахъ на русско-турецкое дѣло, Оттоманская Порта отвѣчала, что требованіе Россіи несогласно съ независимостью и верховными правами султана, и предлагала от-

*) Бар. Жоини, наз. соч., стр. 203—204.

править въ Петербургъ посла для возобновленія переговоровъ и заключенія сдѣлки, пріятной для Россіи и согласной съ достоинствомъ Порты. Къ сожалѣнію—говорить бар. Жюмьни—«мы не могли принять этого предложенія, заключавашаго въ себѣ надежду на примиреніе. Мы слишкомъ далеко зашли впередъ, чтобы имѣть возможность отступить, особенно въ виду понудительной мѣры, принятой морскими державами, которыя отправили свои эскадры къ Дарданелламъ. Императоръ Николай полагалъ, что этотъ шагъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ вступленіе нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества. Мы могли выказывать расположеніе къ миру, пока шли переговоры, но не могли, не признаваясь въ своей слабости, отступать передъ угрозой.» *).

На основаніи этихъ соображеній императоръ Николай приказалъ занять Дунайскія княжества русскими войсками, которыя и перешли Прутъ 22 іюня 1853 года. Объ оккупациі княжествъ было объявлено высочайшимъ манифестомъ, въ которомъ говорилось, что оккупациа эта вызвана необходимостью защиты правъ и преимуществъ православной церкви на Востокѣ, охранять которыя Россія имѣла право на основаніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, подтвержденнаго послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманской Портой; что мы не намѣрены начинать войны, что «занятіемъ княжествъ мы хотѣли имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ», что мы ищемъ не завоеваній, въ которыхъ Россія не нуждается, а удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго; что «мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Porta обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу пойдѣмъ впередъ—за вѣру православную» **).

Рѣшивъ силою оружія заставить Порту особымъ договоромъ обезпечить на Востокѣ права православной церкви, императоръ Николай былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости своего требованія и,

*) Назв. соч., стр. 206.

**) Высочайшій манифестъ 14 (26) іюня 1853 года.

вопреки мѣнью западной Европы, не видѣлъ въ домогательствѣ своемъ никакого нарушенія верховныхъ правъ Оттоманской Порты, чѣмъ мотивировало съ чужихъ словъ свой отказъ и упорство турецкое правительство. «Утверждаютъ, — писалъ гр. Нессельроде, — что самая форма, въ которую облечено требуемое отъ Порты обязательство, оскорбительна для султана потому, что изобличаетъ посягательство на его державныя права и, подъ видомъ покровительства единовѣрцамъ, допускаетъ постоянное вмѣшательство русскаго правительства во внутреннія дѣла Турціи. Признавая призрачными подобныя, ни на чемъ не основанныя, выводы, мы не можемъ считать заключеніе нами трактата чрезмѣрнымъ, неисполнимымъ домогательствомъ; не понимаемъ также, почему такой договоръ, заключенный Россіей, способенъ болѣе угрожать самодержавію султана, чѣмъ капитуляція, дарованная Турціей Франціи и Австріи? Вѣдь верховная власть и свобода дѣйствій падишаха ни въ какомъ случаѣ не могутъ находиться въ непосредственной зависимости отъ большаго или меньшаго числа его подданныхъ, пользующихся покровительствомъ иностранныхъ державъ. Притомъ обезпеченіе интересовъ иновѣрцевъ договорами во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ было и есть дѣло совершенно обыкновенное. Во времена реформаціи даже великія католическія державы заключали трактаты и конвенціи, которыми гарантировали въ своихъ владѣніяхъ ненарушимость правъ, привилегій и преимуществъ протестантовъ; достовѣрно также, что хотя общественное положеніе послѣднихъ и теперь обезпечено таковыми, но правительства отнюдь не видятъ въ томъ признаковъ нарушенія своихъ верховныхъ правъ и политической самостоятельности. Не доказывается-ли этимъ, что заключеніе подобныхъ договоровъ съ мусульманскимъ правительствомъ еще болѣе необходимо?» *)

Что заключать договоры съ Портой относительно своихъ единовѣрцевъ необходимо — это, несомнѣнно, понимала вся западная Европа. Если же она своими происками въ Константинополѣ мѣшала русскому правительству особымъ договоромъ обезпечить права православія на Востоцѣ, то причина этому лежала не въ томъ, что русскія требованія посягали на суверенитетъ султана, и не въ томъ, что они не имѣли подъ собой прочнаго основанія, а въ томъ, что

*) Циркуляръ графа Нессельроде отъ 30 мая (11 іюня) 1853 года.

въ спорѣ о св. мѣстахъ первенствующую роль играла не религіозная, а политическая сторона его, такъ какъ въ тѣсной связи съ нимъ находился роковой вопросъ о политическомъ преобладаніи Россіи на Востокѣ, вопросъ, который уже давнымъ давно былъ поставленъ на очередь иностранною дипломатіей и требовалъ отъ нея своего скорѣйшаго разрѣшенія въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для западной Европы. Вотъ та политическая сила, передъ которой безсильны были какъ краснорѣчивыя ноты и циркуляры гр. Нессельроде, такъ и смѣлыя военныя демонстраціи императора Николая, и чтобы ни дѣлали русскій канцлеръ и русскій государь, ихъ дипломатическимъ и военнымъ маневрамъ суждено было полное пораженіе при столкновеніи съ страшнымъ недоумѣемъ къ намъ западныхъ державъ, образовавшимся путемъ сложнаго процесса вѣковой борьбы Россіи и Европы изъ-за вліянія на живописныхъ берегахъ Босфора.

Увѣдомленные относительно принятыхъ нами мѣръ для достиженія необходимаго соглашенія съ Оттоманскою Портой, великія европейскія державы официально не протестовали противъ рѣшенія императорскаго кабинета и только доводили до нашего свѣдѣнія о томъ, что занятіе княжествъ нарушаетъ европейское равновѣсіе и трактатъ 1841 года, которымъ ограждалась неприкосновенность и цѣлость Турецкой имперіи. Мало того, сгруппировавшись около Австріи, примирительнаго посредничества которой одинаково добивалась и Россія, и Турція, западныя державы повидимому приложили все свое стараніе къ тому, чтобы устранить наступающій кризисъ въ восточномъ вопросѣ. Цѣлью ихъ было ускорить исходъ этого кризиса, тревожившаго интересы всѣхъ, и приблизить моментъ, когда мы могли бы очистить княжества и возстановить наши сношенія съ Портой. Въ этихъ видахъ въ Вѣнѣ былъ предложенъ на обсужденіе цѣлый рядъ проектовъ, изъ которыхъ вышла извѣстная *«вѣнская нота»*, составленная подъ личнымъ вліяніемъ австрійскаго императора, при содѣйствіи представителей Англіи, Пруссіи и Франціи. Въ нотѣ этой заключалось формальное обѣщаніе отъ имени султана охранять неприкосновенность правъ и преимуществъ православной церкви, причемъ это обязательство выводилось изъ договоровъ, заключенныхъ между нами и Портой *).

*) Бар. Жomini. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Евр. за 1886 г. № 3, стр. 213.

Узнавъ содержаніе проекта «вѣнской ноты», императоръ Николай изъявилъ на принятіе ея полное свое согласіе, поставивъ условіемъ лишь то, чтобы султанъ подписалъ выработанный въ Вѣнѣ проектъ договора Россіи съ Турціей *безъ всякихъ оговорокъ*, во избѣжаніе новыхъ пререканій, и чтобы данное нами согласіе на этотъ проектъ ничѣмъ *не связывало насъ* въ томъ случаѣ, если бы Порта отказалась отъ его подписанія.

Въ виду состоявшагося соглашенія между пятью великими державами по вопросу о неприкосновенности правъ и преимуществъ православной церкви можно было ожидать, что турецкое правительство, при первомъ коллективномъ предложеніи державъ Европы подписать «вѣнскую ноту», поспѣшитъ изъявить свое согласіе на принятіе выработаннаго въ Вѣнѣ договора Россіи съ Турціей. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Оттоманская Порта, подъ вліяніемъ внушеній англійскаго посла, отвергла эту составленную четырьмя великими державами и принятую Россіей ноту, дѣлая въ ней такіа измѣненія, которыя лишали ее всякаго значенія и обязательной силы, и заявляя, что въ этомъ измѣненномъ видѣ она подпишетъ ноту лишь подъ тѣмъ условіемъ, если русскія войска будутъ предварительно отозваны изъ княжествъ, а ей даны будутъ прочныя гарантіи противъ повторенія подобныхъ мѣръ въ будущемъ. Чтобы оцѣнить духъ и значеніе предложенныхъ Портою измѣненій, необходимо обратиться къ самому тексту документовъ.

Въ знаменитой «вѣнской нотѣ» говорилось, что султанъ, искренно желая возстановить доброе согласіе съ русскимъ императоромъ, нарушенное недавно возникшими недоразумѣніями, заботливо старается отыскать средство къ устраненію всякихъ споровъ и съ этою цѣлью отдаетъ специальное падишахское повелѣніе, которое Порта имѣетъ счастье представить на разсмотрѣніе графу Нессельроде. «Если во всѣ времена—продолжаетъ нота—русскіе императоры выказывали дѣятельную заботливость къ *охраненію неприкосновенности правъ и преимуществъ греческой православной церкви въ Оттоманскомъ государствѣ, то султаны, съ своей стороны, никогда не отказывались вновь подтверждать ихъ торжественными актами, свидѣтельствующими объ ихъ давней и неизмѣнной благосклонности къ своимъ христіанскимъ подданнымъ*»... Точно также и нынѣ царствующій султанъ Абдуль-Меджидъ, одушевляясь тѣми же чувствами и

желая дать русскому императору личное доказательство своей дружбы, руководствовался только своей безграничной увѣренностію въ отличнѣйшихъ качествахъ своего высокаго друга и союзника, и принялъ во вниманіе представленія, сдѣланныя кн. Меншиковымъ. Поэтому министру иностранныхъ дѣлъ поручено объявить, что «правительство его величества султана пребудетъ вѣрнымъ духу и тексту постановленийъ Кайнарджійскаго и Адрианопольскаго договоровъ относительно покровительства христіанскому вѣроисповѣданію и что его величество султанъ считаетъ долгомъ своей чести предохранить отъ всякаго нарушенія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени, пользованіе духовными преимуществами, дарованными его августѣйшими предшественниками православной церкви на Востокахъ и подтвержденными имъ самимъ, и кромѣ того допустить, чтобы греческое вѣроисповѣданіе имѣло справедливую долю во всякъ выходѣ, дарованныхъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, какъ въ силу трактатовъ, такъ и въ силу специальныхъ постановленийъ».

Измѣненіе этого текста, требуемое султаномъ, сводилось къ слѣдующему. Отношенія Россіи и Порты къ привилегіямъ греко-православной церкви султанъ предлагалъ редактировать такъ: «Если во всѣ времена русскіе государи выказывали дѣятельную заботливость о православной греческой вѣрѣ и церкви, то султаны не переставали блюсти за сохраненіемъ неприкосновенности названной вѣры и церкви въ Оттоманской имперіи и подтверждать ихъ вновь». Сопоставляя текстъ «вѣнской ноты» съ редакціею, данной ей султаномъ, баронъ Жоини говоритъ: Слова «въ Оттоманской имперіи» и «охраненіе неприкосновенности правъ и преимуществъ» и пр. переставлены ниже и исключительно примѣнены къ султанамъ. Это примѣненіе отнимаетъ всякое значеніе и даже всякій смыслъ въ измѣненномъ мѣстѣ, такъ какъ никогда и никѣмъ не оспаривалось у русскихъ государей ихъ дѣятельная заботливость о вѣроисповѣданіи, которому принадлежать они сами и ихъ подданные.— Не желали признать, повидимому, только того, что во всѣ времена Россія выказывала дѣятельную заботливость о своихъ единовѣрцахъ въ Турціи, такъ же какъ и о поддержаніи ихъ религіозныхъ правъ, и что наше правительство рѣшилось отставивать впередъ эту заботливость и сохранить за ними всецѣло означенныя преимущества. Оборотъ, данный фразѣ, тѣмъ менѣе можетъ быть допущенъ, что по-

слѣдующія выраженія приписываютъ султанамъ болѣе, нежели простую заботливость о православной вѣрѣ. Здѣсь утверждается, что они никогда не переставали блюсти за охраненіемъ неприкосновенности правъ и преимуществъ православной церкви и подтверждать ихъ торжественными актами. Факты діаметрально противоположны этому утвержденію; именно въ виду того, что въ эти послѣдніе годы неоднократно имѣло мѣсто, въ особенности въ дѣлѣ о св. мѣстахъ, мы вынуждены были оказать свое содѣйствіе, требуя болѣе положительныхъ гарантій для будущаго. Если мы согласимся признать, что оттоманское правительство никогда не переставало блюсти за охраненіемъ правъ и преимуществъ греческой церкви, во что же обращаются тогда жалобы, которыя мы заявляли противъ него? Мы признали бы сами, такимъ образомъ, что мы не имѣли никакихъ основательныхъ причинъ къ неудовольствію, что порученіе, данное кн. Меншикову, ничѣмъ не вызывалось, что, однимъ словомъ, обращаемая къ намъ нота, сама по себѣ, совершенно излишня *)).

Но этого мало. Въ «вѣнской нотѣ», султаны далѣе умалаяли силу Кайнарджійскаго трактата. Касаясь этого мѣста проекта, Порты предлагала такую редакцію: *«Его величество султанъ остается въ-рнемъ постановленіямъ Кайнарджійскаго трактата, подтвержденнымъ въ Адрианопольскомъ договорѣ, касающимся покровительства Высокою Портою христіанской религіи»*. Разница между редакціями этого мѣста въ «вѣнской нотѣ» и въ проектѣ султана очевидна. Если въ Вѣнѣ официально признавали за Россіей принадлежавшее ей въ силу трактатовъ право покровительствовать христіанскому населенію Оттоманской имперіи и обязывали Порту соблюдать ихъ права и привилегіи, то султанъ, напротивъ того, лишь косвенно признавалъ силу Кайнарджійскаго трактата и выставлялъ себя единственнымъ защитникомъ правъ своихъ христіанскихъ подданныхъ. Очевидно, что такой оборотъ дѣла шелъ прямо въ ущербъ правамъ Россіи и православію на Востокѣ, чего, безъ сомнѣнія, не могло допустить русское правительство.

Также не могло быть допущено и слѣдующее измѣненіе, сдѣланное султаномъ въ «вѣнской нотѣ»; вмѣсто *«участія православнаго»*

*) Назв. соч. стр. 218.

зреческаго впроисповѣданія во всѣхъ выгодахъ и пользахъ, предоставленныхъ остальнымъ христіанамъ», онъ предлагалъ такую редакцію этого мѣста: «дарованнымъ остальнымъ христіанскимъ общинамъ, состоящимъ въ подданствѣ Порты». — «Оттоманское правительство—говорить баронъ Жюмини—обязывалось, такимъ образомъ, предоставить православію тѣ же выгоды, которыми пользуются остальные религіозныя общины, находящіяся въ турецкомъ подданствѣ. Но въ такомъ случаѣ, если бы эти остальные общины оказались состоящими не изъ туземной райи, а изъ иноплеменныхъ священнослужителей и паствы (а таково положеніе почти всѣхъ безъ исключенія монастырей, госпиталей, семинарій и епископствъ римской церкви въ Турціи), въ такомъ случаѣ, когда Портѣ заблагоразсудилось бы предоставить такимъ учрежденіямъ новыя привилегіи и преимущества,—то православныя общины не имѣли-бы, по смыслу введенныхъ въ ноту выраженій, права требовать того же самаго и для себя, а Россія не могла бы за нихъ предстательствовать»*).

Само собою понятно, что императорскій кабинетъ не принималъ измѣненій султана въ «вѣнской нотѣ», хотя наша соперница, Австрія, и рассчитывала на уступчивость государя. «Самый фактъ измѣненія ноты—говорить Данилевскій—былъ уже знакомъ неуваженія, и не къ одной Россіи, но и къ прочимъ четыремъ державамъ, если только онѣ сами серьезно смотрѣли на свое дѣло, а не видѣли въ немъ ловушки, въ которую надѣялись поймать Россію, думая, что она не приметъ предложеннаго ими текста, и что тогда можно будетъ обвинять ее сколько-угодно въ заднихъ мысляхъ и тайныхъ честолюбивыхъ замыслахъ и, умывая руки, взвалить на нее всю отвѣтственность за послѣдствія»**). Въ виду этого, депешою отъ 7 сентября 1853 года графъ Нессельроде извѣстилъ черезъ барона Мейендорфа собравшуюся въ Вѣнѣ конференцію, что императоръ никакъ не можетъ согласиться на турецкую редакцію договора Россіи съ Портой. Помимо того ущерба, который наносился правамъ Россіи и православныхъ христіанъ Востока, принятіе оттоманской редакціи «вѣнской ноты» наносило оскорбленіе нашему достоинству. Проектъ

*) Назв. соч., стр. 220.

**) Россія и Европа, стр. 15.

ноты, составленный безъ участія Россіи, Николай I принялъ безъ всякихъ измѣненій; какъ же могъ онъ даровать Портѣ право, которымъ не пользовался самъ? Вѣдь это свидѣтельствовало бы лишь о томъ, что Порта занимаетъ высшее положеніе относительно Россіи—что несовмѣстимо съ ея достоинствомъ. Не допуская измѣненій, требуемыхъ султаномъ, императорское правительство рекомендовало европейскимъ державамъ сдѣлать новый шагъ и заставить Оттоманскую Парту принять уже одобренную нами редакцію «вѣнской ноты». — «Для устраненія препятствій — писалъ гр. Нессельроде—державамъ слѣдуетъ откровенно и энергически объявить Портѣ, что безразсудно устранивъ единственную возможность немедленно возобновить свои сношенія съ нами, она уже не можетъ рассчитывать на чью-либо поддержку; мы убѣждены, что если державы усвоятъ себѣ такой образъ дѣйствій, то Турція поспѣшитъ принять совѣтъ Европы и, утративъ надежду на помощь въ борьбѣ своей съ Россіей, приметъ ноту въ ея первоначальной редакціи. Она, конечно, признаетъ также, что было бы безумно подвергать себя серьезнымъ опасностямъ изъ-за тщеславнаго желанія измѣнить нѣкоторыя выраженія въ нотѣ, которая уже безусловно одобрена нами. Изъ двухъ одно: или измѣненія, предлагаемая Портою, имѣютъ весьма важное значеніе, и тогда отрицаніе таковыхъ нами совершенно понятно; или они ничтожны, и тогда непостижимо, что побуждаетъ Парту ставить принятіе ноты въ зависимость отъ таковыхъ?» *)

Оставаясь вѣрною своей посреднической роли и пользуясь поддержкой Пруссіи, Австрія, послѣ ольмюцкаго свиданія императора Николая съ Францемъ-Иосифомъ (въ сентябрѣ 1853 года), сдѣлала новую попытку уладить возникшее между Турціей и Россіей затрудненіе. Франціи, Англіи и Пруссіи была сообщена австрійскимъ правительствомъ нота, на основаніи которой иностранные резиденты въ Константинополѣ должны были сообщить Портѣ, что дворы ихъ убѣдились личнымъ увѣреніемъ русскаго императора въ томъ, что принятіе безъ измѣненій «вѣнской ноты» не оскорбляетъ достоинства Парты, что императоръ Николай не желаетъ ничего нарушающаго права султана, и что изъ его требованій нельзя вывести ни-

*) Графъ Нессельроде барону Мейендорфу 7 сентября 1853 года.

какого вмешательства во внутреннія дѣла Турціи *). Но берлинскій кабинетъ уклонился отъ подписанія ольмюцкой ноты; что же касается Англии и Франціи, то онѣ отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ на предложенія графа Буоля. Само собою понятно, что недоброжелательное отношеніе къ намъ трехъ великихъ державъ должно было окончательно утвердить Порту въ ея намѣреніи не уступать требованіямъ Россіи. Она не приняла вѣнской ноты безъ измѣненій, такъ какъ не встрѣтила должнаго давленія со стороны Европы.

Но въ то время, какъ кабинеты бесплодно истощались въ усиліяхъ достигнуть мирнаго соглашенія, русскія войска успѣли окончательно занять Дунайскія княжества, что въ свою очередь заставило Порту принять мѣры противодѣйствія нашей оккупаци и подпустить къ Константинополю два французскихъ и два англійскихъ корабля, стоявшихъ на якорѣ въ Безикской бухтѣ, подъ предлогомъ необходимости оградить султана отъ опасностей, которыми ему угрожало фанатическое настроеніе старой турецкой партіи, и доставить министрамъ Порты возможность дѣйствовать съ полною свободою **). Вслѣдъ за тѣмъ подъ вліяніемъ интригъ англійскаго посла Порты объявила намъ войну 4 октября 1853 года.

19—31 октября былъ обнародованъ высочайшій манифестъ, возвѣщавшій Россіи о войнѣ съ Турціей, «дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія, на законную заботливость пашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ». Одновременно съ обнародованіемъ манифеста европейскіе кабинеты были оповѣщены циркулярно графомъ Нессельроде о томъ, что Россія не выйдетъ изъ своего оборонительнаго положенія до тѣхъ поръ, пока Оттоманская Порта сама не начнетъ наступательныхъ дѣйствій. Поэтому, — писалъ нашъ канцлеръ — «западныя державы не имѣютъ никакого основанія придавать дѣйствіямъ русскаго правительства произвольное значеніе. Принятое имъ оборонительное положеніе не воспрепятствуетъ даже продолженію переговоровъ, если Порта, сознавъ свои заблужденія, сдѣлаетъ предложеніе о заключеніи мира».

*) Нота за подписью графа Буоля отъ 16|28 сентября 1853 года.

***) Поповъ, Россія и Сербія, т. II, стр. 336.

Въ виду того, что событія, предшествовавшія разрыву Россіи съ Турціей, уже съ достаточною ясностью обрисовывали недоброжелательство къ намъ западныхъ державъ и главнымъ образомъ Англии, императоръ Николай, по объявленія войны съ Турціею, задумалъ «обратиться къ комбинаціи, способной вести насъ прямо къ нашей цѣли, увеличивъ наши средства дѣйствія и обезпечивъ ихъ отъ нападенія англичанъ». Эта комбинація была указана государемъ въ составленной имъ особой запискѣ, предназначенной для государственнаго канцлера гр. Нессельроде. «Англійское правительство,—говорилось въ этой запискѣ,—вступаясь за турокъ, предвидитъ, что существованіе ихъ имперіи въ Европѣ сдѣлается невозможнымъ въ весьма близкомъ будущемъ и теперь уже соображаетъ свои дѣйствія такимъ образомъ, что бы имѣть возможность обратить противъ насъ послѣдствія этого кризиса. Для этого, можетъ быть, оно само встанетъ во главѣ освобожденія европейскихъ христіанъ съ цѣлью дать имъ затѣмъ такое устройство, чтобы условія ихъ будущаго существованія шли бы совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами». При такомъ положеніи дѣла, по мнѣнію императора, представлялось «нашимъ настоятельнымъ долгомъ предупредить этотъ постыдный расчетъ и объявить теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю бесполезность общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь справедливости, и вынужденные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны нашему уже провозглашенному принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго завоеванія. но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время восстановить независимость христіанскихъ народовъ въ Европѣ, подпавшихъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ оттоманскому игу. Принимая на себя починъ этого святаго дѣла, мы приглашаемъ всѣ христіанскія націи присоединиться къ намъ для достиженія этой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о христіанахъ греко-каеолческаго вѣроисповѣданія, но и о судьбѣ всѣхъ христіанъ, безъ всякаго различія, подвластныхъ въ Европѣ мусульманскому владычеству».

Такимъ образомъ, въ виду предстоявшей рѣшительной борьбы, императоръ Николай останавливался на мысли придать войнѣ съ Турціей освободительный характеръ. Онъ имѣлъ намѣреніе торжественно провозгласить «желаніе дѣйствительной независимости молдаво-

влаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе странюю, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и управлялся человѣкомъ по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ». Государь думалъ, что такое воззваніе или заявленіе «должно произвести быструю перемѣну во мнѣніи всего христіанскаго міра и. быть можетъ, возвратить его къ болѣе правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи или по крайней мѣрѣ, освободить его отъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководства англійскаго правительства». Въ этомъ воззваніи государь видѣлъ единственное средство, «способное положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы послѣ подобнаго заявленія они всетаки рѣшились примкнуть къ туркамъ, что бы вмѣстѣ съ ними сражаться противъ христіанъ».

Будущее устройство освобожденныхъ областей императоръ предполагалъ предоставить общему соглашенію. Въ эти области онъ находилъ необходимымъ теперь же послать людей, которые ознакомились бы съ положеніемъ жителей и собрали бы на мѣстѣ какъ можно скорѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ ихъ настроеніи и о содѣйствіи, на которое можно рассчитывать съ ихъ стороны. Изъ Молдавіи и Валахіи слѣдовало-бы, по мнѣнію государя, сейчасъ же вызвать депутацію изъ самыхъ разсудительныхъ бояръ и духовенства, «что бы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями на счетъ ихъ будущности и тѣмъ склонить ихъ на сторону этого проекта».

Само собою разумѣется, что политическое направленіе, которому хотѣлъ слѣдовать государь въ восточномъ вопросѣ, рѣзко расходилось съ извѣстными принципами Священнаго Союза, которымъ подчинялась русская политика уже въ теченіе почти сорока лѣтъ. Война за освобожденіе угнетенныхъ національностей отъ подчиненія турецкой власти, съ цѣлью возстановить ихъ самостоятельность и дать имъ свободу управленія согласно ихъ желанію, т. е. дать имъ извѣстныя свободныя учрежденія,—такого рода война являлась какъ разъ противоположностью тому, что дѣлала Россія съ 1815 года, когда она, подчиняясь началамъ Священнаго Союза, своимъ авторитетнымъ вліяніемъ и непосредственнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла европейскихъ государствъ попирала права и свободу народовъ. По этому пришедшая императору Николаю мысль освободительной войны

не была одобрена его канцлеромъ, графомъ Нессельроде, безусловнымъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ идей Священнаго Союза. Престарѣлый дипломатъ вполнѣ основательно находилъ въ намѣреніяхъ императора противорѣчіе тому политическому направленію, котораго Россія неуклонно держалась полстолѣтія, и предполагалъ, что Европа не послѣдуетъ за нами по новому пути. Въ запискѣ, въ которой графъ, помимо личной бесѣды съ государемъ, трактовалъ объ его проектѣ, высказывалось мнѣніе, что мы не можемъ вызывать возстанія турецкихъ христіанъ, а должны ждать, когда они это сдѣлаютъ сами. Только тогда мы могли, по мнѣнію канцлера, двинуть свои силы на нихъ заschutzу, что носило бы характеръ такого великодушія и безпристрастія, что недоброжелательство и недобросовѣстность не будутъ въ состояніи ее оспорить. Доводы графа Нессельроде отклонили императора Николая отъ его намѣренія. Онъ отказался отъ рѣзкой измѣны прежнимъ принципамъ, и воззваніе объ освобожденіи народностей Балканскаго полуострова не было сдѣлано. *)

Между тѣмъ, какъ только на Западѣ распространилась вѣсть о разрывѣ между Россіей и Портой, въ газетахъ и официальныхъ сферахъ поднятъ былъ вопросъ о европейской опека надъ Турціей и объ общей гарантіи европейскихъ державъ ея неприкосновенности. Прежде всѣхъ объ этомъ заговорили морскія державы, выказавшія свое недоброжелательное и даже враждебное отношеніе къ Россіи тотчасъ по объявленіи ей войны Оттоманскою Портою. Но къ Англіи и Франціи въ скоромъ времени присоединились и Австрія съ Пруссіей, которыя, благодаря нашимъ натянутымъ отношеніямъ съ морскими державами, до сихъ поръ были какъ бы посредницами между ними, Портою и Россіей. Находясь вполнѣ въ миролюбивомъ настроеніи, Австрія чрезъ посредство своихъ дипломатовъ одновременно работала въ Константинополѣ, Лондонѣ и Парижѣ, чтобы сговориться на счетъ мѣръ, которыя возстановили-бы мирные переговоры Россіи съ Портою. Результатомъ этой дипломатической работы вѣнскаго кабинета было то, что 5 декабря 1853 года четыре великія державы: Англія, Франція, Австрія и Пруссія—подписали въ

*) Записка императора Николая, написанная въ ноябрѣ 1853 г., и возраженіе на нее графа Нессельроде помѣщены въ Русской Старинѣ за 1892 г. № 10 подъ заглавіемъ: „Императоръ Николай и освобожденіе христіанъ Востока“.

Вѣннъ протоколъ, который имѣлъ весьма важное значеніе для нашихъ отношеній къ Портѣ, такъ какъ представлялъ собою зародышъ союза четырехъ державъ и «былъ зерномъ всѣхъ послѣдующихъ сдѣлокъ, въ которыхъ мы съ того времени имѣли противъ себя не только Порту и западные кабинеты, но и остальные великія державы Европы». *)

Въ этомъ протоколѣ великія державы, во имя европейскихъ интересовъ, могущихъ быть затронутыми войною Россіи съ Турціей, и въ виду необходимости скорѣе привести враждующія стороны къ миру, предлагали имъ свои добрыя услуги и устанавливали между ними такимъ образомъ извѣстную степень равенства. Въ протоколѣ говорилось: «Нижеподписавшіеся, представители Австріи, Франціи, Англіи и Пруссіи, согласно инструкціямъ своихъ правительствъ, собрались въ конференцію съ цѣлью *найти средство примирить разногласіе, возникшее между Россіей и Императорскою Портою. Размѣры, принятые этимъ разногласіемъ, и война, происшедшая между двумя имперіями, несмотря на успѣха ихъ союзниковъ, составили для всей Европы предметъ самыхъ серьезныхъ заботъ, вслѣдствіе чего ихъ величества, одинаково признавая необходимость положить конецъ этимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, которыя не могутъ продолжаться, не затрогивая интересовъ ихъ государствъ, рѣшили предложить свои добрыя услуги двумъ высокимъ воюющимъ сторонамъ, въ надеждѣ, что онѣ не захотятъ принять на себя отвѣтственность общаго взрыва, тогда какъ, обмѣниваясь добросовѣстными объясненіями, онѣ еще имѣютъ возможность предупредить этотъ взрывъ, вступивъ вновь на путь мира и добрыхъ сношеній».*

Предложивъ свои добрыя услуги Россіи и Турціи въ видахъ примиренія ихъ между собою, державы напоминали въ протоколѣ объ искреннихъ увѣреніяхъ императора Николая относительно постоянного желанія его сохранять цѣлость Турецкой имперіи и объ отсутствіи съ его стороны всякихъ посягательствъ на эту цѣлость. О всемъ этомъ заявлялось, конечно, съ цѣлью заранѣе предупредить Россію о томъ, что послѣ даннымъ обѣщаній, ей невозможно рассчитывать на территориальныя расширенія на счетъ Оттоманской Порты, точно такъ какъ нельзя нарушать существующій принципъ европейска-

*) Баронъ Жомини. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Европы за 1886 г. № 3, стр. 227.

го равновѣсія. «Завѣренія, неоднократно сдѣланныя его величествомъ императоромъ всероссійскимъ, — говорилось въ протоколѣ, — исключаютъ всякую возможность предположить со стороны этого августѣйшаго монарха какое либо намѣреніе посягнуть на цѣлость Оттоманской имперіи. Существованіе Турціи въ границахъ, установленныхъ трактатами, сдѣлалось, дѣйствительно, однимъ изъ необходимыхъ условій европейскаго равновѣсія, и нижеподписавшіеся съ удовольствіемъ убѣждаются въ томъ, что и настоящая война ни въ какомъ случаѣ не могла бы повлечь за собою такихъ измѣненій въ территоріальныхъ очертаніяхъ обѣихъ имперій, которыя способны были-бы нарушить освященные временемъ границы владѣній на Востокѣ, — границы, одинаково необходимыя и для спокойствія остальныхъ державъ. Его императорское величество императоръ всероссійскій не оговорился даже и такими увѣреніями: онъ приказалъ заявить, что въ его намѣренія никогда не входило наложить на Порту какія либо новыя обязательства, въ чемъ либо несогласныя съ Кайнарджійскимъ и Адрианопольскимъ договорами, статьями которыхъ Блистательная Порта обязалась покровительствовать на всемъ пространствѣ своихъ владѣній христіанскому вѣроисповѣданію и его церквамъ. Русскій дворъ прибавилъ къ этому, что, потребовавъ отъ оттоманскаго правительства какого-либо залога вѣрности прежде принятымъ обязательствамъ, онъ тѣмъ самымъ вовсе не замышлялъ умалять власть султана надъ его христіанскими подданными и что его единственною цѣлью было лишь потребовать объясненій, которыя именно могли разсвѣять всякое недоразумѣніе и предупредить всякій поводъ къ замѣшательству съ сосѣдней и дружественной державой».

Въ заключеніи протокола 5 декабря 1853 года говорилось, что «чувства, обнаруженныя Блистательной Портой въ теченіе послѣднихъ переговоровъ, доказываютъ ея готовность признать наложенныя на нее договорами обязательства и вполне уважить, въ предѣлахъ своихъ верховныхъ правъ, заботливость императора всероссійскаго относительно религіи, которую исповѣдуетъ онъ самъ и большинство его подданныхъ. При такомъ положеніи вещей, нижеподписавшіеся вполне убѣждены, что скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ способомъ достигнуть предположенной ихъ правительствами цѣли было-бы обратиться къ Блистательной Портѣ съ общимъ заявленіемъ, въ коемъ изложить ей стремленіе державъ дружественнымъ вмѣшательствомъ

содѣйствовать возстановленію мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ей возможность заявить объ условіяхъ, которыя она могла-бы принять основаніемъ примиренія». Ради этой цѣли къ протоколу приложена была нота, содержащая въ себѣ запросъ державъ объ условіяхъ, на которыхъ султанъ согласенъ вести переговоры о мирѣ. Въ нотѣ этой было сказано: «Мы нижеподписавшіеся, собравшись на конференцію въ Вѣнѣ, въ силу полученныхъ предписаній, заявляемъ, что наши правительства, усматривая съ величайшимъ сожалѣніемъ возникновеніе военныхъ дѣйствій между Россіей и Портой, искренно желаютъ, принявъ на себя посредничество между воюющими сторонами, избѣгнуть дальнѣйшаго пролитія крови и прекратить положеніе вещей, серьезно угрожающее спокойствію Европы. Въ виду заявленія Россіи, что она готова вступить въ переговоры, нижеподписавшіеся, не сомнѣваясь, что Порта движима тѣмъ же духомъ, просятъ ее отъ имени своихъ правительствъ увѣдомить ихъ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оттоманское правительство согласилось-бы открыть переговоры о мирѣ» *)

Эта коллективная нота была препровождена въ Константинополь, гдѣ австрійскій императоръ давно уже твердилъ о миролюбивомъ намѣреніи русскаго царя, убѣждая Порту вступить въ переговоры съ Россіей. Турецкое правительство 19—31 декабря 1853 года заявило, что оно согласно вступить въ переговоры на условіяхъ: 1) скорѣйшаго очищенія княжествъ, 2) утвержденія религіозныхъ привилегій христіанъ фирманомъ, который будетъ предъявленъ державамъ для свѣдѣнія; 3) принятія Турціи въ систему европейскихъ государствъ; 4) подтвержденія договора 1841 года и 5) веденія переговоровъ въ нейтральномъ городѣ. По полученіи этого отвѣта отъ Порты вѣнская конференція 18—30 января подписала протоколъ, которымъ признавалось тождество условій султана съ основаніями, изложенными въ актѣ 5 декабря; а на другой день графъ Буоль переслалъ эти акты въ Петербургъ съ усиленной просьбой приступить къ соглашенію, состоявшемуся между четырьмя державами. **) Австрійское правительство умоляло насъ согласиться на предлагавшуюся

*) Протоколъ вѣнской конференціи 5 декабря н. ст. 1853 года и коллективная нота въ министру иностранныхъ дѣлъ Порты.

**) Бутковский. Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, ч. II, стр. 87.

намъ сдѣлку. Оно сообщало намъ о понудительномъ вліяніи Людовика Наполеона, угрожавшаго ему затрудненіями въ Италіи, если Австрія будетъ настаивать на своемъ нейтралитетѣ, и прибавляло, что въ случаѣ отказа и могущихъ послѣдовать европейскихъ осложненій, вѣнскій дворъ будетъ вынужденъ сообразоваться единственно съ своими интересами. *)

Императорскій кабинетъ, не находя возможнымъ, на равныхъ правахъ съ Портою подчиниться суду европейскаго трибунала, отвергъ протоколъ 5 декабря 1853 года и предложенныя Турціей основанія для переговоровъ, тѣмъ болѣе что они содержали въ себѣ дерзкое, по мнѣнію русскаго правительства, требованіе объ очищеніи Дунайскихъ княжествъ, требованіе, которое могло бы быть принято во вниманіе лишь въ томъ случаѣ, если бы Порта съ своей стороны удовлетворила интересы Россіи, несоблюденіе которыхъ вызвало занятіе Молдавіи и Валахіи. Отвергая предложенія великихъ державъ, Россія въ свою очередь хлопотала въ Берлинѣ и Вѣнѣ о томъ, чтобы побудить Австрію и Пруссію къ заключенію конвенціи, въ силу которой обѣ державы обязывались бы соблюдать строжайшій нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Англіей и Франціей. При этомъ государь повторилъ увѣреніе въ своей готовности прекратить войну, какъ только будутъ обеспечены достоинство и польза Россіи и въ случаѣ, если событія измѣнятъ положеніе дѣлъ въ Турціи, не рѣшаться ни на что безъ предварительнаго соглашенія съ своими союзниками. **) Но русской дипломатіи не удалось привязать Австрію къ Россіи, точно такъ же какъ не удалось склонить великодушнаго Фридриха Вильгельма IV открыто стать на сторону императора Николая, вопреки германскимъ или лучше сказать австрійскимъ интересамъ. Пруссія отклонила предложеніе петербургскаго двора, опасаясь «подвергнуть себя такимъ случайностямъ, коихъ послѣдствія невозможно было предвидѣть». ***) Австрія же требовала, чтобы императоръ обязался не переходить черезъ Дунай, очистить княжества по окончаніи войны и вообще не нарушать дѣлости владѣній Порты ****),

*) Баронъ Жюини. Назв. соч., стр. 228—229.

**) Проектъ договора и нота графа Нессельроде въ концѣ января 1853 года.

***) Дешета прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ прусскому посланнику въ Петербургѣ 31 января н. ст. 1854 года.

****) Богдановичъ, назв. соч., стр. 262.

о чемъ, конечно, нечего тогда было и думать: государь не принималъ на себя никакихъ другихъ обязательствъ кромѣ того, что при окончательномъ устройствѣ новаго положенія Востока онъ пригласить своихъ союзниковъ на совѣтъ.

Пока происходили всѣ эти дипломатическіе переговоры, уже былъ прекрасно подготовленъ дальнѣйшій ходъ событій, которымъ суждено было ознаменовать собою эпоху Крымской войны. Русская эскадра подъ начальствомъ адмирала Нахимова, скрытая густымъ туманомъ, подошла 18—30 ноября 1853 года къ Синопскому рейду и совершенно истребила 11 турецкихъ военныхъ кораблей, состоявшихъ подъ командою Османа-паши и укрывавшихся на этомъ рейдѣ отъ бури, застигшей ихъ на пути къ кавказскому берегу. Знаменитая синопская битва, приведшая къ уничтоженію турецкой эскадры, произвела удручающее впечатлѣніе на Европу и особенно на Англію и Францію, которыя до тѣхъ поръ предполагали, что перевѣсъ счастья будетъ на сторонѣ султана и что военная неудача заставитъ императора Николая желать скорѣйшаго мира. Но эти надежды не оправдались, и вотъ теперь, опасаясь за самое существованіе Турціи, морскія державы, нарушеніемъ постановленій о проливахъ уже перешедшія ливію, отдѣлявшую войну отъ мира, ввели свой флотъ въ Черное море и приняли весьма странное рѣшеніе, несоотвѣтствовавшее ни войнѣ, ни миру, а именно: дабы не допустить новой синопской катастрофы, онѣ назначили Россіи демаркаціонную линію на Черномъ морѣ, за которую не должны были переходить русскія военныя суда, подъ угрозою въ противномъ случаѣ подвергнуться нападенію со стороны англо-французскаго флота. Мѣра эта, по словамъ французскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, была принята съ цѣлью успѣшнѣйшаго достиженія сближенія между воюющими сторонами на началахъ, удовлетворяющихъ чести обѣихъ. *)

Россія потребовала объясненія мѣры, принятой морскими державами. Въ своей нотѣ русскій канцлеръ выражалъ убѣжденіе, что рѣшаясь принять подобную мѣру, обѣ державы вѣроятно имѣли въ виду установить въ Черномъ морѣ такой перерывъ военныхъ дѣйствій, при которомъ одинаково недопускались бы какъ нападеніе русскихъ на турецкіе порты и суда, такъ и непріятельскія дѣйствія

*) Сообщение французскаго посланника графу Несельроде 29 декабря 1853 года.

турецкаго флота противъ русскихъ судовъ и владѣній. «Только подобное объясненіе—говорилъ графъ Нессельроде — способно хотя по наружности ослабить явно враждебное намъ значеніе вступленія флотовъ обѣихъ державъ въ Черное море; разрѣшая туркамъ нападать на насъ и стараясь не дозволить намъ отвѣчать имъ тѣмъ же, державы свидѣтельствовали-бы, что уже приняли дѣятельное участіе въ войнѣ, которой онѣ намъ еще не объявили». *) Морскія державы отказались, однако, признать «перерывъ морскихъ операцій въ Черномъ морѣ и полную равноправность дѣйствій русскаго и турецкаго флота», и дипломатическія сношенія между Россіей, Англіей и Франціей были прерваны отозваніемъ пословъ.

Этотъ перерывъ дипломатическихъ сношеній между тремя великими державами не въ силахъ были предотвратить ни различныя ноты и депеши, въ послѣднее время содержавшія въ себѣ только обоюдныя укоры, ни личная переписка государей Россіи и Франціи, которая носила на себѣ явный отпечатокъ взаимнаго раздраженія монарховъ. При всей своей вѣжливости переписка эта могла почитаться лишь прощальнымъ обмѣномъ мыслей между вступающими въ бой сторонами. 17—29 января 1854 года, за нѣсколько дней до отозванія своего посла изъ Петербурга, Наполеонъ III въ собственноручномъ письмѣ къ императору Николаю, объясняя причины, побудившія его принять миролюбиво—покровительственное положеніе относительно Порты, заявлялъ, что «синопская катастрофа совершенно неожиданно и глубоко поразила насъ, такъ какъ намъ безразлично, намѣревались-ли турки забрать боевые припасы на турецкой территоріи, или нѣтъ, Дѣло въ томъ, что русскія суда напали на турецкія не только въ принадлежащихъ Портѣ водахъ, но даже въ ея гавани, гдѣ они спокойно стояли на якорѣ. Турецкая эскадра уничтожена, несмотря на увѣренія, что наступательныя дѣйствія со стороны Россіи допущены не будутъ,—не смотря на близость нашего флота. Ударъ нанесенъ одновременно и нашей политикѣ, и нашей военной чести... Всюду, куда могутъ долетать наши ядра, союзникамъ нашимъ не должна угрожать какая-либо опасность!.. Вотъ причина, побудившая насъ ввести нашъ флотъ въ Черное море и возложить на него обязан-

*) Нота графа Нессельроде отъ 4—16 января 1854 года, адресованная представителямъ Россіи въ Парижѣ и Лондонѣ.

ность силою не допускать повторенія подобнаго прискорбнаго событія». Затѣмъ Наполеонъ предлагалъ императору Николаю заключить перемиріе и возобновить дипломатическіе переговоры. Государь не принялъ этого предложенія и письмомъ отъ 28 января (9 февраля) 1854 года отвѣтилъ Наполеону, что не имѣ вызваны причины несогласій, которыя давно уже были бы устранены, еслибы Турція была предоставлена самой себѣ. Что же касается синопскаго погрома, который Наполеонъ признавалъ за оскорбленіе военной чести Франціи, то императоръ отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ:

«Я объявилъ, что не выйду изъ оборонительнаго положенія, но только до начатія войны и притомъ до тѣхъ поръ, пока моя честь и мои интересы это дозволяютъ, а также пока война будетъ введена въ извѣстныхъ предѣлахъ. Развѣ сдѣлано что-либо для того, чтобы удержать ее въ этихъ предѣлахъ? Если роль зрителя, или даже посредника, не удовлетворяла ваше величество и вы рѣшились оказать моему врагу вооруженную помощь,—то было-бы добросовѣстнѣе и достойнѣе откровенно сообщить мнѣ объ этомъ и объявить войну. Каждый изъ насъ зналъ-бы, что дѣлать».

«Но развѣ добросовѣстно ставить намъ въ укоръ уже совершившееся событіе, не сдѣлавъ притомъ ничего, чтобы предотвратить таковое? Если громъ синопскихъ орудій «болѣзненно поразилъ сердца всѣхъ французовъ и англичанъ, чутко отзывающихся на вопросы, касающіеся ихъ національнаго достоинства» *), то ваше величество, конечно, согласитесь, что грозное присутствіе въ Босфорѣ трехъ тысячъ орудійныхъ жерлъ,—на что вы сами указываете,—и появленіе ихъ въ Черномъ морѣ не могло не отозваться въ сердцахъ народа, честь котораго я призванъ охранять? Изъ словъ вашихъ я впервые узналъ, (словесныя сообщенія, сдѣланныя мнѣ доселѣ, ничего подобнаго не выяснили), что способствуя снабженію турецкихъ войскъ припасами, добываемыми во владѣніяхъ Порты, объ державы рѣшились воспретить намъ плаваніе по Черному морю, имѣя, вѣроятно, въ виду сдѣлать доставку припасовъ нашимъ береговымъ укрѣпленіямъ невозможною».

«Неужели ваше величество дѣйствительно признаете, что подобная мѣра способна облегчить заключеніе мира и что положеніе, въ

*) Собственныя слова Наполеона III.

которое я поставленъ, дозволяетъ мнѣ хотя на минуту допустить обсужденіе или даже разсмотрѣніе предложеній о перемиріи, о немедленномъ отозваніи войскъ изъ княжествъ, или о переговорахъ съ Портою относительно условій, окончательное утвержденіе которыхъ предоставится конференціи четырехъ державъ? Поставьте себя на мое мѣсто, государь, и скажите, согласились-ли бы вы быть въ такомъ положеніи? Сознаніе національной чести и достоинства дозволили-бы вамъ это? Смѣло говорю, что нѣтъ. Предоставьте же мнѣ право разсудить такъ, какъ-бы сами вы разсудили.

«Но каково бы ни было рѣшеніе вашего величества, я не отступлю передъ угрозою. Возлагая упованіе на Бога и правоту мою, ручаюсь, что въ 1854 году Россія явится такою же, какою была въ 1812 году!.. Если же ваше величество, сознавая, что честь моя дѣйствительно затронута, открыто обратитесь къ первоначальной программѣ дѣйствій,—если вы также дружелюбно подадите мнѣ руку, какъ я въ эту рѣшительную минуту предлагаю вамъ мою, — то я охотно предамъ забвенію всѣ оскорбленія прошлаго. Тогда, — и только тогда, государь, — мы можемъ приступить къ обсужденію дѣлъ, и быть можетъ придетъ къ соглашенію. Пусть флотамъ вашимъ вмѣнится въ обязанность препятствовать Портѣ доставлять свѣжія войска на театръ военныхъ дѣйствій, и я обяжусь ничѣмъ не угрожать Турціи. Пусть она пришлетъ ко мнѣ посла для веденія переговоровъ; я приму его съ подобающими почестями. Только на этихъ основаніяхъ я считаю себя вправѣ приступить къ какимъ-либо дипломатическимъ сношеніямъ». *)

Личные переговоры императоровъ не оставляли никакого сомнѣнія относительно дальнѣйшаго хода событій. Англійскому парламенту были предъявлены: переписка англійскаго посла въ Петербургѣ, сэра Гамильтона Сеймура съ его министромъ, русскій меморандумъ 1844 года, врученный лорду Абердину во время посѣщенія Англіи императоромъ Николаемъ, и всѣ депеши, вызванныя этимъ документомъ. Весь этотъ богатый матеріалъ, разумѣется, далъ западнымъ политикамъ и публицистамъ прекрасный поводъ прокричать о честолюбивыхъ и высокоумѣрныхъ планахъ Россіи, угрожающихъ будто-бы

*) Письмо императора Николая отъ 28 января (9 февраля) 1854 года.

опасностью европейскому равновѣсію. Впечатлѣвіе, произведенное этимъ шумомъ, уже не могло быть изглажено ничѣмъ. Особенно въ Англіи, торговые интересы которой заставляли трепетать за участь Турціи, общественное мнѣніе было взволновано болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Тамъ уже не возбуждали къ борьбѣ, а настойчиво, повелительно требовали ее, не исключая самого парламента. *)

Въ виду этого 28 февраля (12 марта) 1854 года между Англіей, Франціей и Портой былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ. Въ союзномъ договорѣ ихъ говорилось, что западныя державы, приглашенныя султаномъ къ защитѣ противъ нападенія, угрожающаго его независимости, и убѣжденные въ необходимости существованія Турціи въ ея настоящихъ границахъ для европейскаго равновѣсія, приняли это приглашеніе, и поэтому обязались для защиты турецкихъ владѣній отправить достаточное количество сухопутнаго войска какъ на европейскій, такъ и на азіатскій театръ военныхъ дѣйствій (ст. 1). вмѣстѣ съ тѣмъ три союзныя правительства условились сообща вести военныя операціи и немедленно извѣщать другъ друга о каждомъ дошедшемъ до нихъ предложеніи Россіи относительно перемирія или мира, причемъ Порты обязывалась не пачинать никакихъ важныхъ предпріятій и не входить ни въ какіе переговоры съ русскимъ правительствомъ безъ согласія и увѣдомленія обѣихъ союзницъ (ст. 2 и 3). **)

1—13 марта англійскій консулъ въ Петербургѣ передалъ графу Несельроде ультиматумъ западныхъ державъ, которымъ требовалось безусловное удаленіе русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ. Россія отвѣчала на это требованіе молчаніемъ, вслѣдствіе чего намъ была объявлена война одновременно и Франціей, и Англіей. Съ своей стороны и императоръ Николай не остался въ бездѣйствіи. 30 марта (11 апрѣля) 1854 года онъ также издалъ манифестъ о войнѣ съ морскими державами, въ которомъ говорилось:

«Съ самаго начала несогласій нашихъ съ турецкимъ правительствомъ мы торжественно возвѣстили любезнымъ нашимъ вѣрноподаннымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ насъ воз-

*) Поповъ. Россія и Сербія, часть II, стр. 342.

**) Союзный договоръ Англіи и Франціи съ Портой противъ Россіи 12 марта 1854 года. См. у Розена: назв. соч., ч. II, стр. 222—223; а также у Богдановича: назв. соч., т. I, стр. 272—273.

становить нарушенныя права православныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ Оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладающаго въ Турціи вліянія сверхъ того, которое по существующимъ договорамъ принадлежитъ Россіи».

«Тогда же встрѣтили мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство французскаго и англійскаго правительствъ, стремившихся превратнымъ толкованіемъ намѣреній нашихъ ввести Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціей есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль — обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею».

«Православной-ли Россіи опасаться сихъ угрозъ? Готовая сокрушить дерзость враговъ, уклонится-ли она отъ священной цѣли, Промысломъ Всемогущимъ ей предназначенной? Нѣтъ! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами».

«Да познаетъ же все христіанство, что какъ мыслить царь русскій, такъ мыслить, такъ дышетъ съ нимъ вся русская семья, — вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ».

«За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто-же на ны!»*)

Между Россіей и тремя союзными державами вспыхнула война. Причины этой войны лежали глубоко: онѣ коренились въ чрезмѣрномъ усиленіи вліянія и мощи «сѣвернаго колосса» не только по отношенію къ Оттоманской Портѣ, паденія которой боялась западная дипломатія, но и въ проявленіи могучей силы Россіи по отношенію къ западной Европѣ, которой она хотѣла навязать свои консервативные взгляды, насильственно принося права народовъ на свободу и независимость въ жертву правамъ династическаго наслѣдованія, облекаемаго въ мантию божественнаго права, и своею безкорыстною

*) Высочайшій манифестъ 11 апрѣля 1854 года. См. у Богдановича: назв. соч. т. I, въ прилож. къ глав. X стр. 38.

союзнической помощью повсюду подавляя всякій прогресс во внутренней жизни западно-европейскихъ обществъ.

Благодаря крупнымъ ошибкамъ своей прошлой политики, Россія всюду нажила себѣ серьезныхъ вѣшнихъ враговъ и въ критическую минуту борьбы съ ними осталась совершенно одинокой, ни откуда не видя себѣ помощи. Она не могла даже воспользоваться содѣйствіемъ христіанскаго элемента Турціи, такъ какъ помимо того, что императорскій кабинетъ, твердо стоя на почвѣ идей Священнаго Союза, питалъ отвращеніе къ возбужденію балканскихъ народностей противъ ихъ законнаго правительства, господствовавшее тогда у насъ направленіе политики подорвало всякое довѣріе и сочувствіе къ намъ балканскихъ христіанъ, безъ чего, конечно, немислимъ былъ и самый успѣхъ славянскаго движенія въ сколько нибудь значительныхъ, а тѣмъ болѣе въ народныхъ размѣрахъ.

Выступая противъ Россіи, морскія державы ясно высказали тѣ мотивы, которыми онѣ руководились въ своихъ поступкахъ. Въ палатахъ прямо говорилось, что освобожденіе и помощь православнымъ подданнымъ Оттоманской имперіи должны исходить не исключительно отъ одной только Россіи, но отъ всѣхъ европейскихъ державъ. Поставить Востокъ подъ покровительство Европы и дать общую гарантію великихъ державъ турецкимъ христіанамъ—вотъ цѣль войны Англій и Франціи съ Россіей. Ради этой войны морскія державы, какъ мы сказали выше, заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей. Мѣсяцъ спустя, къ этому союзному договору, въ видѣ дополненія, былъ прибавленъ другой, въ силу котораго Англія и Франція, соединяясь для восстановленія прочнаго мира между Россіей и Турціей и для обезпеченія Европы отъ повторенія подобныхъ столкновеній на будущее время, обѣщались не принимать отъ непріятеля никакихъ мирныхъ предложеній, не посоветовавшись между собою; отказывались отъ преслѣдованія всякихъ своекорыстныхъ цѣлей и ставили себѣ задачей единственно сохраненіе европейскаго равновѣсія, причемъ приглашали всѣ другія державы присоединиться къ ихъ соглашенію. *) Наконецъ, 28 марта (9 апрѣля 1854 года представители Англій и Франціи совмѣстно съ де-

*) Договоръ, заключенный между Англійей и Франціей 11 апрѣля 1854 года. См. у Розена: назв. соч. ч. II, стр. 223, а также у Богдановича: назв. соч. т. I, стр. 273—274.

легатами Австріи и Пруссіи подписали протоколъ вѣнской конференціи, свидѣтельствовавшей объ единомысліи этихъ четырехъ великихъ державъ Европы. «Этимъ протоколомъ утверждалось,—говорить бар. Жомини,—что конференція четырехъ державъ собралась по требованію представителей Англіи и Франціи для выслушанія чтенія документовъ, устанавливавшихъ военное положеніе между Россіей и западными державами, что это измѣненіе, являвшееся послѣдствіемъ рѣшенія, право котораго было признано основательнымъ, считалось Австріей и Пруссіей вызывающимъ необходимость новаго заявленія о единствѣ четырехъ державъ на основѣ принциповъ, предварительно выработанныхъ сообща». Такими принципами апрѣльскій протоколъ призывалъ: 1) неприкосновенность Турецкой имперіи, существеннымъ условіемъ которой было очищеніе княжествъ; 2) обезпеченіе гражданскихъ и религіозныхъ правъ христіанъ всѣми средствами, совмѣстными съ независимостью и державностью султана; 3) отысканіе гарантій какія могли бы связать существованіе Турціи съ равновѣсіемъ Европы. Кромѣ того, четыре державы обязывались не входить ни въ какіе переговоры о мирѣ съ Россіей безъ предварительнаго общаго соглашенія между собою.*)

Ставъ на сторону султана въ русско-турецкой войнѣ, Англія и Франція въ то же время втянула въ коалицію противъ Россіи и Австрію, которая, расходясь постепенно съ петербургскимъ кабинетомъ, уже давно выражала свое сочувствіе морскимъ державамъ, не сходясь съ ними пока только въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, къ которымъ слѣдовало прибѣгнуть для того, что бы придать силу мнѣнію, высказанному сообща четырьмя державами. Обѣщавъ въ Парижѣ и Лондонѣ лишь нравственную поддержку и отказываясь примкнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, Австрія, чтобы и въ этомъ сблизиться съ союзниками, приняла въ отношеніи насъ угрожающее положеніе послѣ того, какъ русскія войска перешли черезъ Дунай и осадили Силистрію. Кромѣ того, она заставила Пруссію и другія германскія государства заключить съ ней союзный договоръ, особою статьею котораго было положено, что такъ какъ неопредѣленное продленіе занятія русскими войсками Дунайскихъ княжествъ

*) Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Европ. за 1856 г. № 7 стр. 213.

опасно и вредно для Германіи, то въ случаѣ, если вскорѣ не послѣдуетъ выступленія оттуда русскихъ войскъ, Австрія потребуетъ очищенія княжествъ, а Пруссія поддержитъ это требованіе; если же и затѣмъ не будетъ со стороны Россіи удовлетворительнаго отвѣта, обоими германскими государствами должны быть предприняты наступательныя дѣйствія, какъ и въ случаѣ присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ Россіи и перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы.*) Такимъ образомъ ходъ событій соединилъ противъ Россіи, съ одной стороны, Англію и Францію, а съ другой—Австрію и Пруссію, при чемъ однородность ихъ союзныхъ договоровъ была выяснена на вѣнской конференціи 23 мая 1854 года.

Результатомъ всѣхъ этихъ договоровъ было то, что Австрія нотою отъ 4 (16) іюня потребовала отъ Россіи «во имя политическихъ и коммерческихъ интересовъ Германіи» немедленно прекратить военныя дѣйствія въ Турціи и назначить опредѣленный *не слишкомъ отдаленный срокъ нашего очищенія княжествъ*. При этомъ было выражено желаніе, чтобы *очищеніе княжествъ не связывалось съ условіями, выполненіе которыхъ не зависело отъ Австріи*, т. е. чтобы мы не ставили отозванія нашихъ войскъ въ зависимость отъ одновременнаго выступленія союзныхъ эскадръ изъ Чернаго моря и проливовъ. А для того, что бы мы имѣли въ виду тѣ обязательства, которыми была связана Австрія относительно Англіи и Франціи, намъ въ первый разъ официально сообщенъ былъ протоколъ 9 го апрѣля.**) Нѣсколько дней спустя, послѣ свиданія съ императоромъ австрійскимъ въ Тешенѣ, Фридрихъ Вильгельмъ, король прусскій, вовсе не желавшій дѣйствовать враждебно противъ Россіи, поддержалъ требованія Австріи, хотя и въ болѣе умѣренной формѣ. Но царь рѣшительно отказался отъ очищенія Дунайскихъ княжествъ.

Въ отвѣтъ на домогательства германскихъ дворовъ наше правительство поставило имъ на видъ, что «занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками не было главною причиною войны и не препятствовало открытію и веденію переговоровъ, и что расположенію въ княжествахъ нашихъ войскъ нельзя приписывать — ни устраненіе

*) Союзный трактатъ между Австріей и Пруссіей, заключенный 20 апрѣля н. ст. 1854 года. См. у Богдановича: назв. соч., т. I, стр. 275.

***) Бар. Жюини, назв. ст. стр. 221.

Портою вѣнской ноты, ни отказъ западныхъ державъ въ принятіи условій, одобренныхъ вѣнскимъ кабинетомъ. Если, по убѣжденію австрійскаго правительства, занятіе княжествъ было главнымъ поводомъ къ войнѣ, то съ прекращеніемъ его должны быть прерваны военныя дѣйствія. Но можетъ ли вѣнскій кабинетъ ручаться въ томъ? Требовать отъ Россіи, чтобы она отказалась отъ дѣйствій на единственномъ пунктѣ, гдѣ они для нея выгодны, между тѣмъ какъ морскія державы могутъ вредить намъ на всемъ пространствѣ европейскаго и азіатскаго побережій—подобная мысль (ласкаемъ себя надеждою), не свойственна императору Францу-Иосифу. Австрійское правительство, принявъ на себя обязательства въ отношеніи западныхъ державъ, на основаніи протокола 9-го апрѣля, не должно упускать изъ виду, что оно исполнить эти обязательства только тогда, когда Россія будетъ поставлена въ возможность очистить Дунайскія княжества, безъ нарушенія своего достоинства и безопасности собственныхъ владѣній». Въ заключеніе депеши, сообщенной вѣнскому кабинету, было сказано, что императоръ Николай не желаетъ ни занимать своими войсками княжества неопредѣленное время, ни присоединять ихъ къ своимъ владѣніямъ, и что онъ еще менѣе помышляетъ о разрушеніи Оттоманской имперіи, и потому готовъ принять три главныя основанія, заключающіяся въ протоколѣ 9 апрѣля, а именно: неприкосновенность владѣній Турціи; очищеніе Дунайскихъ княжествъ, если только будутъ даны необходимыя ручательства; и обезпеченіе правъ христіанскаго населенія Турціи мѣрами, совмѣстными съ независимостью и державностью султана.*) Что же касается до отысканія средствъ связать Оттоманскую имперію съ равновѣсіемъ Европы, то императорскій кабинетъ, въ виду нежелательныхъ для насъ послѣдствій, которыя заключаетъ въ себѣ этотъ принципъ, обходился его полнымъ молчаніемъ.

Въ депешѣ, сообщенной берлинскому двору, императорское правительство, ссылаясь на отвѣтъ, посланный въ Вѣну, давало знать, что хотя мы не раздѣляемъ вполнѣ мнѣнія германскихъ державъ на счетъ занятія княжествъ, однако-же, принимая во вниманіе особенные интересы Австріи и Германіи на Дунаѣ и обязательства, принятія вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, на основаніи протокола 9-го апрѣля,

*) Письмо графа Нессельроде князю Горчакову въ Вѣну, отъ 17 (29) іюня 1854 года. Богдановичъ: назв. соч., т. II, стр. 115—116.

предлагаемъ, получивъ желаемыя нами ручательства, вывести войска изъ княжествъ и открыть переговоры, либо заключить перемиріе.*)

На этотъ отвѣтъ петербургскаго кабинета Австрія и Пруссія выразили свое сожалѣніе, что требуемыя Россіей ручательства во всеобщемъ прекращеніи войны отъ нихъ не зависятъ, и что онѣ сообщили парижскому и лондонскому дворамъ предложенія императорскаго правительства.**) Но въ то же время Австрія вступила въ соглашеніе съ Турціей относительно общихъ дѣйствій противъ Россіи, если она не исполнитъ предъявленнаго къ ней требованія объ очищеніи княжествъ. Въ договорѣ, подписанномъ въ Константинополь 14 іюня австрійскимъ и турецкимъ правительствомъ, говорилось, что вполне понимая необходимость сохраненія Турецкой имперіи въ ея настоящихъ границахъ для поддержанія европейскаго равновѣсія и признавая, что очищеніе Дунайскихъ княжествъ составляетъ одно изъ непрѣмьныхъ условій цѣлости этой имперіи, Австрія обязывается принять всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться очищенія княжествъ отъ русскихъ войскъ, а затѣмъ сообщая съ турецкимъ правительствомъ возстановить въ нихъ законный порядокъ, не входя ни въ какія соглашенія съ Россіей.***) Одновременно съ заключеніемъ этого договора съ Оттоманскою Портою вѣнскаго кабинета сдѣлалъ распоряженіе о движеніи австрійскихъ войскъ, въ случаѣ, если бы императоръ Николай и на этотъ разъ отказался очистить Дунайскія княжества.

Рѣшительный образъ дѣйствій вѣнскаго двора быстро достигъ своей цѣли. Уступая совѣтамъ и настояніямъ Пруссіи и не желая разрыва съ Австріей, серьезно мечтавшей объ общихъ дѣйствіяхъ противъ Россіи вмѣстѣ съ Турціей, Франціей и Англіей, императоръ Николай отдалъ приказъ о выступленіи нашихъ войскъ изъ княжествъ, и въ сентябрѣ 1854 года русская армія перешла обратно Прутъ. Эта вынужденная уступка желаніямъ мнимыхъ друзей и явныхъ противниковъ Россіи имѣла своимъ слѣдствіемъ возникновеніе мысли о примиреніи воюющихъ сторонъ. Узнавъ о томъ,

*) Письмо графа Нессельроде барону Будбергу въ Берлинъ, отъ 18 (30) іюня 1854 г.; тамъ же, стр. 116—117.

**) Делеши графа Буола графу Эстергази въ Петербургъ 9-го іюля н. ст. и барона Мантейфеля барону Вергеру въ Петербургъ 17 іюля н. ст. 1854 года.

***) Бутковскій, назв. соч., ч. II, стр. 51.

что русскія войска оставили Дунайскія княжества, гр. Буоль предложилъ созвать конференцію для переговоровъ о мирѣ Россіи съ союзными державами. За отказомъ Пруссіи принять участіе въ этой конференціи, Австрія, Англія и Франція, помимо нея, выработали четыре главныхъ пункта, которые рѣшено было положить въ основаніе имѣющихъ открыться переговоровъ о мирѣ. По инициативѣ Франція, эти четыре пункта были формулированы такъ: 1) покровительство Россіи Дунайскимъ княжествамъ и Сербіи должно прекратиться и уступить мѣсто коллективной охранѣ и гарантіи всѣхъ великихъ державъ Европы, но соглашенію съ Оттоманскою Портою; 2) судоходство въ устьяхъ Дуная должно стать свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій и подлежать всѣмъ тѣмъ правиламъ, которые установлены и приняты Вѣнскимъ конгрессомъ 1815. года; 3) протоколъ 1841 года о проливахъ долженъ быть пересмотрѣнъ сообща *съ интересахъ европейскаго равновѣсія*; 4) Россія должна отказаться отъ всякаго оффиціальнаго покровительства турецкимъ подданнымъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, и ограничиться лишь тою взаимною помощію, которую державы окажутъ другъ другу съ цѣлью добиться обезпеченія религиозныхъ привилегій различныхъ религиозныхъ общинъ безъ нарушенія достоинства и независимости державныхъ правъ султана. *)

Эти четыре основныхъ пункта, одобренные потомъ и Пруссіей, были сообщены, для безусловнаго принятія, императорскому кабинету. Но государь отвергъ предложенныя ему основанія переговоровъ о мирѣ. «Въ Петербургѣ—говоритъ г. Бутковскій—рѣшили не принимать ихъ, частію изъ враждебности къ Австріи, частію же и потому, что французскій *Мониторъ* объяснилъ пересмотръ договора 1841 года въ смыслѣ ограниченія морскихъ силъ Россіи въ Черномъ морѣ. Условія эти предложены были въ томъ расчетѣ, что продолжительная война ослабила Россію; Россія же полагала, что она истощила мѣру уступокъ и ничто ее не принуждаетъ уступать въ вопросахъ, зависящихъ отъ случайностей войны. (Депеша гр. Нессельроде кн. Горчакову 14 (26) августа 1854 года). Отказъ въ принятіи условій западныхъ державъ, рекомендованныхъ Австріей и Пруссіей, былъ, вѣроятно, слѣдствіемъ положенія, принятаго берлинскимъ кабинетомъ. Нежеланіе его участвовать въ конференціи

*) Баронъ Жюини, назв. ст., стр. 226.

показывало, что Пруссія воздержится отъ дальнѣйшихъ шаговъ. Русскій кабинетъ надѣялся вызвать полный разрывъ между Австріей и Пруссіей и старался заручиться письменнымъ объявленіемъ, что Пруссія не будетъ болѣе считать себя связанною апрѣльскимъ договоромъ въ смыслѣ федеральнаго вопроса, «если Австрія одѣлаетъ нападеніе на Россію». *)

Однако русское правительство обманулось въ своихъ надеждахъ насчетъ Пруссіи, которая однакоже избѣгала разрыва какъ съ Россіей, такъ и съ Австріей. Съ своей стороны, вѣнскій кабинетъ, побуждаемый морскими державами къ энергичнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, завербовалъ подъ свое знамя средній нѣмецкій государства и отовсюду производилъ давленіе на императорское правительство съ цѣлью заставить его принять предложенныя Европою основанія переговоровъ. Кромя того, Австрія вступила въ переговоры съ Англійей и Франціей о полномъ союзѣ, условія котораго и были подписаны между этими тремя державами 2 декабря 1854 года. По заключенному договору державы обязались не входить ни въ какія сдѣлки съ Россіей безъ вѣдома другъ друга. Австрія обѣщала защищать Дунайскія княжества отъ нападенія со стороны русскихъ войскъ, не препятствуя однако свободному движенію союзныхъ армій въ этихъ турецкихъ владѣніяхъ. Въ случаѣ войны между Австріей и Россіей, договаривающіяся стороны должны будутъ заключить оборонительный и наступательный союзъ. Если до окончанія года миръ не будетъ восстановленъ, то союзники войдутъ между собою въ соглашеніе о средствахъ къ достиженію его. Наконецъ, положено было пригласить Пруссію присоединиться къ настоящему союзу Австріи съ морскими державами. **).

Формальный союзъ Австріи съ Франціей и Англійей вынудилъ Россію къ полнѣйшей уступчивости. Хотя прусское правительство, несмотря на возрастающее неудовольствіе противъ него трехъ державъ, наотрѣвъ отказалось присоединиться къ этому союзу, тѣмъ не менѣе, петербургскій кабинетъ не могъ полагаться на нейтралитетъ Пруссіи и такимъ образомъ долженъ былъ потерять всякую надежду разсѣчь узелъ силою. Въ виду заключенія союза между вѣнскимъ дворомъ и

*) Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, ч. II, стр. 56.

***) Договоръ Австріи съ морскими державами, заключенный 2 декабря 1854 года. Богдановичъ, назв. соч., т. III, стр. 233.

морскими державами и нежеланія Пруссіи стать на нашу сторону, императоръ Николай послѣ непродолжительной дипломатической перепалки рѣшилъ признать четыре предложенныя ему условія за исходную точку мирныхъ переговоровъ, исключивъ лишь оскорбительныя для чести и правъ Россіи выраженія. *)

Императору Николаю, однако, не суждено было привести Россію къ миру, полной увѣренности въ скорое заключеніе котораго тогда, впрочемъ, еще и не существовало, такъ какъ Австрія все по прежнему хлопотала объ общемъ шагѣ Германскаго союза противъ Россіи, а къ нашимъ врагамъ 26 января 1855 года присоединилась Сардинія. Во время знаменитой савастопольской осады 18 февраля 1855 года государь внезапно скончался, не будучи въ силахъ пережить полнѣйшаго разочарованія въ планахъ усердно проводимой имъ системы внутренней и внешней политики и того страшнаго униженія своей державы, которое неизбежно должно было состояться на предстоящей конференціи, игнорировавшей въ непродолжительномъ времени открыть свои засѣданія для официального обсужденія намѣченныхъ уже пунктовъ мира Россіи съ враждебными ей союзными дворами.

Послѣ смерти Николая I, наувившей всю Европу и вызвавшей искреннюю скорбь одинаково какъ въ сердцахъ его друзей, такъ и въ сердцахъ его недруговъ, на русскій престолъ вступилъ императоръ Александръ II. Его вцареніе принесло съ собою твердыя надежды на скорое прекращеніе кровопролитной борьбы Россіи съ четырьмя союзными державами, такъ какъ въ бытность свою наследникомъ престола молодой монархъ далеко не былъ согласенъ съ политикой, которой упорно держался его родитель въ послѣдніе годы своего царствованія.

*) Нота кн. Горчакова графу Буолу отъ 28 ноября и. ст. 1854 года.

Г Л А В А Ш.

Вѣнскаія совѣщанія, парижскій конгрессъ и трактатъ 1856 г.

Политическая программа императора Александра II. Открытiе вѣнской конференцiи 15 марта 1855 года. Четыре условiя, принятыя Россiей за основанiе мира. Возраженiя на нихъ русскаго уполномоченнаго. Пререканiя дипломатическихъ агентовъ на вѣнской конференцiи по вопросу объ ограниченiи владчества Россiи на Черномъ морѣ. Проектъ союзныхъ державъ. Контръ-проектъ кн. Горчакова. Предложенiе гр. Буоля. Неудачный исходъ вѣнской конференцiи. Колебанiя австрiйскаго правительства. Вѣнскаія условiя мира. Принятiе ихъ Россiей. Парижскій конгрессъ и Парижскiй трактатъ 1856 г. Постановленiя этого трактата и общiя замѣчанiя о нихъ.

«Первая мысль императора Александра, при вступленiи его на престолъ,—говоритъ бар. Жомини,—обращалась къ Россiи, честь и интересы которой были нарушены. Его манифестъ извѣстилъ страну о твердомъ намѣренiи осуществить виды его августѣйшихъ предшественниковъ, императора Петра Великаго, императрицы Екатерины II и императора Александра I. Въ своей рѣчи дипломатическому корпусу его императорское величество обращался ко всей Европѣ; онъ высказывалъ намѣренiя примирительныя, но твердыя. Онъ подтвердилъ ихъ въ циркулярѣ нашимъ посольствамъ, который былъ обнародованъ. Въ этомъ документѣ императорскiй кабинетъ заявлялъ, что государь императоръ не думаетъ въ чемъ либо измѣнить политику своего державнаго отца. Готовый энергически отвергнуть всякое условiе, несомѣстное съ честью Россiи, государь подтвердилъ полное принятiе четырехъ пунктовъ въ качествѣ осковъ для переговоровъ о мирѣ» *). Въ циркулярѣ гр. Нессельроде отъ 26 февраля 1855 года къ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ

*) Россiя и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Евр. за 1886 г. № 10, стр. 560.

было сказано, что «императоръ Александръ II, вступивъ на престолъ своихъ предковъ, нашелъ Россію въ борьбѣ, подобной которой исторія не представляетъ примѣра, при началѣ новаго царствованія»; что «главною заботою императора будутъ двѣ цѣли: 1) употребить всѣ врученныя ему Богомъ силы къ защитѣ неприкосновенности владѣній и чести Россіи и 2) заключить миръ, на основаніи четырехъ пунктовъ, установленныхъ покойнымъ императоромъ».

Заявленное молодымъ государемъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, сердечное желаніе прекратить войну съ врагами Россіи вскорѣ подтверждено было разрѣшеніемъ кн. Горчакову и Титову участвовать въ предстоящихъ совѣщаніяхъ делегатовъ державъ, желающихъ совмѣстно съ нами посвятить свои старанія возстановленію мира въ Европѣ. Совѣщанія эти, не смотря на намѣреніе морскихъ державъ оттянуть открытіе переговоровъ, начались въ Вѣнѣ 3 (15) марта 1855 года, причемъ въ составъ конференціи вошли уполномоченные Россіи, Англіи, Франціи, Австріи и Турціи. Графъ Буоль, избранный предсѣдателемъ конференціи, открылъ ее рѣчью, въ которой указалъ на трудность предстоящаго дѣла и готовность Австріи всѣми силами содѣйствовать установленію мира, а потомъ изложилъ четыре пункта, имѣвшіе служить основаніемъ для переговоровъ. Эти пункты, на которые былъ уполномоченъ согласиться и представитель Россіи, заключались въ слѣдующемъ: 1) исключительный *протекторатъ* Россіи надъ Молдавіей и Валахіей прекращается и всѣ права, признанныя султаномъ за этими княжествами, равно какъ и за Сербіей, будутъ находиться отнынѣ подъ *коллективною гарантіею* договаривающихся сторонъ; 2) свобода судоходства по Дунаю должна быть обезпечена и поставлена подъ наблюденіе постоянного синдиката; 3) трактатъ 13-го іюля 1841 года будетъ пересмотрѣнъ съ двойною цѣлью: съ *цѣлью обезпеченія существованія Оттоманской имперіи и европейскаго равновѣсія* и съ цѣлью положить конецъ преобладающему перевѣсу Россіи на Черномъ морѣ; 4) Россія откажется *отъ оффиціального протектората* надъ христіанскими подданными султана православнаго вѣроисповѣданія; *но европейскія державы будутъ оказывать другъ другу взаимную поддержку съ цѣлью достигнуть съ инициативы оттоманскаго правительства освященія и соблюденія религіозныхъ правъ христіанскихъ общинъ подданныхъ Порты безъ различія исповѣда-*

нія. Этот пункт поставленъ былъ въ связи съ отмѣной постановленій прежнихъ договоровъ Россіи съ Турціей, касающихся даннаго вопроса.

Выслушавъ эти четыре пункта, представитель Россіи принялъ ихъ къ свѣдѣнію и заявилъ, что готовъ къ нимъ присоединиться и взять ихъ за исходную точку переговоровъ, имѣющихъ цѣлью привести къ миру, который былъ бы одинаково почетенъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ. «Мы—отвѣчалъ кн. Горчаковъ на рѣчь гр. Буля—всѣ собравшіеся здѣсь, принадлежимъ къ людямъ серьезнымъ, которые сознали для серьезнаго труда въ интересахъ дѣла, самаго труднаго въ настоящемъ. У насъ такимъ образомъ есть одинъ общій интересъ; надѣюсь, что есть у насъ и цѣль общая—притти къ общему замиренію, которое не можетъ быть прочнымъ, явнѣе какъ основываясь на началахъ, почетныхъ для обѣихъ сторонъ. Но если, откуда-бы то ни произошло, Россіи предложить условія, несогласныя съ ея честью,—она не согласится на нихъ никогда, какъ бы ни были важны для нея вытекающія изъ того послѣдствія».

Такимъ образомъ императорскій кабинетъ готовъ былъ принять условія мира лишь въ томъ случаѣ, *если они не будутъ содержать въ себѣ никакихъ постановленій, оскорбительныхъ для чести и правъ Россіи*. На этомъ основаніи наши уполномоченные должны были возразить на конференціи прежде всего противъ перваго пункта или статьи, въ которой употреблялось выраженіе: *протекторатъ Россіи будетъ прекращенъ*. Ни въ одномъ изъ нашихъ договоровъ не употреблялся терминъ: «протекторатъ», а потому нельзя и говорить объ его уничтоженіи. Въ первой статьѣ должно быть сказано лишь о томъ, что права приобретенныя княжествами, будутъ находиться на будущее время *подъ коллективной гарантіей державъ*.

Что касается до второй статьи, имѣвшей въ виду нейтрализацію устьевъ рѣки Дуная и срытіе находящихся тамъ русскихъ укрѣпленій, то наши уполномоченные обязаны были выставить чисто коммерческій характеръ этихъ постановленій и ограничить проектированную смѣшанную комиссію одними торговыми потребностями.

Болѣе серьезныя возраженія должна была встрѣтить третья статья, имѣвшая своею цѣлью поставить въ извѣстные предѣлы неограниченное расширеніе черноморскихъ силъ Россіи, составлявшее предметъ сильнаго безпокойства Европы. Воспитанные въ страхѣ передъ

завоевательными стремлениями Россіи, дипломаты западныхъ державъ, и особенно Англіи, находили, что русскій черноморскій флотъ угрожаетъ на Средиземномъ морѣ Франціи, Англіи, Германіи, Греціи, Италіи, Испаніи, Египту и всѣмъ второстепеннымъ государствамъ, и поэтому рѣшили на вѣнокой конференціи положить конецъ господству Россіи на Черномъ морѣ, ради равновѣсія и независимости Европы и поддержанія Турціи, которая, по ихъ мнѣнію, представляетъ собою аванпостъ для защиты Запада. Опасаясь, однако, открыто ставить вопросъ объ ограниченіи нашего флота на Черномъ морѣ, уполномоченные великихъ державъ предложили, чтобы инициатива рѣшенія даннаго вопроса исходила отъ русскаго правительства. Но русскіе делегаты отказались взять на себя инициативу въ предложеніи мѣръ для осуществленія мысли, заключающейся въ третьемъ пунктѣ, т. е. для *пересмотра трактата 1841 года въ смыслъ связывающаго существованіе Оттоманской имперіи съ европейскимъ равновѣсіемъ* и прекращенія нашего преобладанія на Черномъ морѣ, вслѣдствіе чего наши противники выдвинули свой проектъ такого содержанія: 1) державы сообща принимаютъ на себя ручательство за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи; 2) въ случаѣ столкновенія съ Портою, какой-либо державы, послѣдняя, прежде чѣмъ обращаться къ силѣ оружія для разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній, обязана предоставить остальнымъ европейскимъ кабинетамъ возможность предотвратить эту крайность путемъ мирныхъ переговоровъ; 3) проливы признаются закрытыми для всѣхъ военныхъ кораблей въ видѣ общаго правила; 4) морскія силы Россіи и Турціи ограничиваются на Черномъ морѣ четырьмя кораблями, четырьмя фрегатами и мелкими судами; 5) другимъ державамъ предоставляется право вводить въ Черное море, съ разрѣшенія султана, свои эскадры въ размѣрѣ, равномъ половинѣ указанныхъ выше черноморскихъ силъ прибрежныхъ державъ; 6) султанъ имѣетъ право, въ случаѣ опасности, открывать проходъ черезъ проливы флотамъ своихъ союзниковъ; 7) прибрежныя государства обязываются разрѣшить договаривающимся державамъ имѣть консульства во всѣхъ портахъ Чернаго моря *).

*) Богдановичъ, назв. соч., т. IV, стр. 414—415, а также: бар. Жомини, назв. соч., Вѣст. Евр. № 10, стр. 564—565.

Ясно до очевидности, что этотъ проектъ за исключеніемъ двухъ первыхъ его пунктовъ имѣлъ своею цѣлью ограниченіе боевыхъ силъ Россіи на Черномъ морѣ. «Условія, поставленныя Россіи Англіей и Франціей—говорить г. Ульяницкій—клонились прямо къ ограниченію ея оборонительныхъ силъ. Имѣлось въ виду, чтобы въ случаѣ, наврѣмѣрь, войны съ Англіей мы не могли воспользоваться нашимъ черноморскимъ флотомъ, такъ какъ проливы для него были бы абсолютно закрыты, между тѣмъ какъ въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, Англія имѣла бы полную возможность съ согласія султана провести свой флотъ въ Черное море. Что касается проекта обоюднаго ограниченія и турецкихъ, и русскихъ силъ въ Черномъ морѣ, то, очевидно, что ограниченіе турецкихъ черноморскихъ силъ было бы чисто фиктивное,—при первой надобности Турція могла бы ввести въ Черное море свой флотъ изъ Малой Азии или изъ Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ русскому флоту пришлось бы огнѣвать всю Европу. Наконецъ, что касается права учреждать консульства на русскомъ черноморскомъ побережьи, всюду, гдѣ это заблагоуразудилось бы Англіи и Франціи, это условіе уже прямо ни съ чѣмъ не сообразно *)».

Въ виду того, что проектъ нашихъ противниковъ живо затрогивалъ достоинство и права Россіи, какъ державы независимой, русскіе дипломаты не приняли его, не смотря на доказательства иностранныхъ делегатовъ, что ихъ предложеніе не имѣетъ ничего оскорбительнаго для чести Россіи. Отвергая проектъ западныхъ державъ, кн. Горчаковъ (21 апрѣля) сдѣлалъ имъ въ свою очередь встрѣчное предложеніе, основанное на принципѣ *открытія* проливовъ и по этому допускавшее свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы для кораблей всѣхъ націй безъ исключенія. Главныя положенія этого предложенія заключались въ слѣдующемъ: 1) трактатомъ 1 (13) іюля 1841 г. проливы признаны закрытыми для судовъ иностраннаго флота; но теперь султанъ долженъ получить право, по своему усмотрѣнію, дозволить военнымъ судамъ европейскихъ государствъ свободно проходить изъ Архипелага въ Черное море и обратно; 2) правомъ этимъ во время мира пользуются суда всѣхъ націй, на совершенно

*) Дипломатія во время Восточной войны и Парижскій трактатъ 1856 г. Рус. Вѣст. за 1877 г. № 12, стр. 733—734.

одинаковыхъ началахъ; 3) но султанъ сохраняетъ за собою право, въ случаѣ опасенія его какой либо державы, временно закрывать для ея военныхъ судовъ проходъ черезъ проливы *).

Этотъ контръ-проектъ сопровождался особой запиской, въ которой доказывалось, что «слабость Турціи въ морскомъ отношеніи не была слѣдствіемъ ни нашихъ трактатовъ, ни даже преобладанія нашихъ морскихъ силъ. Турція обладала громаднымъ разлитіемъ морскихъ водъ и береговъ, какъ нельзя болѣе благопріятныхъ для ея могущества на морѣ. Въ проливахъ и въ Константинополѣ она владѣла позиціей, которую сама природа сдѣлала недоступной. Россія, зинужденная разсѣвать свои суда по тремъ морямъ, раздѣленнымъ громадными разстояніями, далеко не имѣла такихъ же выгодъ. Опасность, какую видѣли въ ея морскихъ учрежденіяхъ, будто-бы угрожающихъ Портѣ, была чисто мнимою. Въ общемъ итогѣ, наши эскадры могли высадить не болѣе 20,000 человекъ, въ пять или шесть недѣль. Это не могло быть серьезной угрозой для Турціи, но это могло быть полезной поддержкой, что доказывается 1833 годомъ. Англійскія и французскія эскадры, около Мальты и въ Тулонѣ, были даже опаснѣе нашихъ для Оттоманской имперіи. Слѣдовательно, существованіе нашихъ морскихъ силъ было необходимымъ условіемъ общаго равновѣсія. Закрытіе проливовъ исходило не отъ насъ: то былъ старинный принципъ турокъ. Мы первые открыли этотъ проходъ для торговыхъ судовъ: отъ султана зависѣло открыть его и для военного флота. Послѣ того его спокойствіе было бы вполне обезпечено, такъ какъ иностранныя эскадры всегда имѣли бы возможность слѣдить за событіями и являться на помощь султану, какъ только ему угрожала бы какая нибудь опасность» **).

Русскій контръ-проектъ не былъ, однако принятъ на конференціи, и она окончилась ничѣмъ, послѣ того какъ наши уполномоченные представили новый проектъ, основанный на принципѣ закрытія проливовъ. Нашъ второй контръ проектъ содержалъ въ себѣ двѣ статьи, изъ которыхъ первая подтверждала прежнее правило о закрытіи проливовъ, а вторая предоставляла султану право, въ случаѣ на-

*) Петровъ Русскіе дипломаты на вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года Ист. Вѣст. 1890 г. № 6, стр. 514—515.

**) Баронъ Жюмпи, Россія и Европа въ эпоху Крымской войны, Вѣст. Европ. за 1886 г. № 10, стр. 565.

добности, открывать ихъ для эскадръ своихъ союзниковъ. *) Предложенная нами комбинація болѣе всего соответствовала видамъ Австріи, которая въ своихъ интересахъ всегда отстаивала принципъ закрытаго моря. Поэтому австрійскіе уполномоченные заявили на конференціи, что второй русскій контръ-проектъ хотя и не безъ недостатковъ, однако заключаетъ въ себѣ элементы сближенія, которые можно было разработать. Но представители морскихъ державъ отказались отъ обсужденія нашего послѣдняго предложенія, ссылаясь на то, что ихъ инструкціи исчерпаны. **)

Послѣ пятидневнаго перерыва конференція снова открыла свои засѣданія, причемъ Австрія предложила такую редакцію третьяго пункта, которая, прилагая къ Черному морю принципъ закрытаго моря, въ то же время устанавливала предѣлы численности нашихъ черноморскихъ силъ. «Россія и Порта—говорилось въ австрійскомъ проектѣ — сообща предлагаютъ, конференція вѣдомость морскимъ силамъ, которыя обѣ прибрежныя державы *будутъ содержать на Черномъ морѣ въ равномъ количествѣ и которыя не должны будутъ превосходить настоящій составъ русскихъ судовъ, плавающихъ въ этомъ морѣ.* Установленное по этому поводу соглашеніе должно быть включено въ трактатъ.» ***) Эта австрійская редакція третьяго пункта, имѣвшая цѣлью разумнымъ образомъ согласовать различныя мнѣнія, была принята русскими уполномоченными къ свѣдѣнію; что же касается Англіи и Франціи, то ихъ делегаты, ссылаясь на то, что не имѣютъ на данный случай должныхъ полномочій, заявляли, что считаютъ задачу конференціи оконченной, причемъ выразили увѣренность, что австрійское предложеніе будетъ благосклонно встрѣчено въ Парижѣ и Лондонѣ.

Неудачный исходъ вѣнскихъ конференцій объяснялся тѣмъ, что морскія державы въ данный моментъ вовсе не желали мира. Имъ хотѣлось нанести рѣшительное пораженіе Россіи на Черномъ морѣ, чтобы окончательно склонить на свою сторону Австрію и потому въ формѣ ультиматума предписать непокорному врагу условія мира,

*) Приложение къ протоколу № 13; Богдановичъ, назв. соч., т. IV, стр., 418, а также: бар. Жомини, назв. соч., стр. 566.

**) Бар. Жомини, назв. соч. стр. 567.

***) Статья 2-я приложения къ протоколу № 14. Богдановичъ, назв. соч., т. IV, стр. 418.

которыя сочтутъ наиболѣе для себя выгодными. Паденіе Севастополя, казалось, предвѣщало скорое осуществленіе замысловъ союзныхъ правительствъ, и они съ величайшимъ усердіемъ начали подготавливать себѣ новыхъ сообщниковъ, чтобы энергично направить военныя дѣйствія противъ нашихъ балтійскихъ портовъ.

Между тѣмъ Австрія не могла вступить въ европейскую коалицію противъ Россіи и потому чувствовала себя въ весьма затруднительномъ положеніи. «Договоромъ отъ 2 декабря 1854 года она—говоритъ Розенъ — обязалась, если миръ не будетъ восстановленъ до конца года, войти въ соглашеніе съ морскими державами о средствахъ къ достиженію его. Но съ другой стороны ей не удалось уговорить Пруссію и Германскій союзъ, своихъ естественныхъ союзниковъ, одобрить этотъ договоръ и безусловно признать его послѣдствія, такъ что въ обоихъ случаяхъ она подвергалась опасности попасть въ ложное положеніе. Австрія сдѣлала ошибку, при своемъ немощномъ состояніи позарившись на чужія неудобно-перевариваемыя крохи. Она надѣялась, при помощи политики своихъ союзниковъ, завоевать Дунайскія княжества и Бессарабію, но, не будучи способна овладѣть ходомъ дѣлъ, сама служила чужимъ интересамъ и, слѣдовательно, должна была заплатить по счету. Несправедливыя желанія съ одной стороны, а съ другой намѣреніе достигнуть своихъ цѣлей чужими, неохотно поставляемыми средствами, производили колебаніе въ политикѣ Австріи, чѣмъ, при стараніи ни съ кѣмъ окончательно не разсориться, она оскорбляла своихъ друзей, не примиривъ противниковъ». *) Желая, однако, во что бы то ни стало примирить враговъ и сдѣлаться ихъ посредницею, чтобы подтвердить за собою всѣ уже выговоренныя выгоды и обезпечить новыя — на нижнемъ Дунаѣ, — австрійское правительство выработало новыя условія мира, которыя и передало на обсужденіе Англіи и Франціи, послѣ того какъ въ Крымѣ жребій палъ не въ пользу Россіи. Въ основаніе перемирія полагались уже извѣстные намъ четыре пункта получившіе только болѣе точную формулировку и болѣе полное развитіе. Въ своей окончательной редакціи предварительныя условія мира, установленныя въ Вѣнѣ, заключались въ слѣдующемъ:

1. Протекторатъ Россіи надъ Дунайскими княжествами оконча-

*) Исторія Турціи, С.-П.-Б. 1872 г. ч. II, стр. 253.

тельно уничтожается вмѣстѣ съ исключительнымъ правомъ защищать эти земли и вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Княжества эти сохранять свои привилегіи подъ верховною властью Порты, которая дастъ имъ внутреннюю организацію согласно народнымъ желаніямъ и нуждамъ и систему національной защиты. За возвращеніе мѣстностей, занятыхъ союзниками на Крымскомъ полуостровѣ, Россія должна исправить свои границы въ европейской Турціи и уступить часть Бессарабіи въ пользу Молдавіи.

2. Свобода плаванія по Дунаю и его устьямъ будетъ основана на принципахъ, установленныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ по вопросу о рѣчномъ судоходствѣ.

3. Черное море объявляется нейтральнымъ. Оно будетъ закрыто для военныхъ судовъ всѣхъ націй, но открыто для ихъ купеческихъ кораблей. Поэтому на берегахъ его запрещается возводить новые военно-морскіе арсеналы и сохранять старые. Для охраны торговли и интересовъ судоходства всѣхъ націй въ портахъ Чернаго моря должны быть созданы учрежденія, установленныя въ этомъ отношеніи международнымъ правомъ и обычаемъ. Оба прибрежныя государства взаимно обязуются содержать въ немъ только нужныя для береговой службы легкія суда точно опредѣленнаго размѣра. Для этого они заключаютъ между собою договоръ, имѣющій получить санкцію державъ и войти составною частью въ окончательный трактатъ. Постановленіе о закрытіи обоихъ проливовъ допускаетъ исключеніе для сторожевыхъ судовъ.

4. Права христіанскихъ подданныхъ Порты будутъ опредѣлены безъ нарушенія независимости и достоинства короны султана. Въ виду того, что по этому вопросу уже происходятъ совѣщанія между Австріей, Франціей, Англіей и Портой, Россія при заключеніи мира будетъ приглашена принять въ нихъ участіе.

5. Воюющія державы предоставляютъ себѣ право во время хода переговоровъ ставить *въ европейскіхъ интересахъ* еще новыя, особыя условія, кромѣ четырехъ пунктовъ гарантій.*)

Таковъ былъ австрійскій проектъ прелиминарій, выработанный гр. Буолемъ, который считалъ своимъ долгомъ снова связать разор-

*) Австрійскій проектъ прелиминарій отъ 16 декабря 1855 года, см. у Багдановича, назв. соч., т. IV, стр. 424—426. у Розена. назв. соч.; стр. 254. а также у бар. Жювиана, Вѣст. Евр. 1886 г. № 10, стр. 597.

ванную нить дипломатическихъ переговоровъ и путемъ ихъ достигнуть замиренія Европы. Въ этомъ проектѣ, въ числѣ другихъ условій, Россіи предписывалось подтвердить права, дарованныя султаномъ его христіанскимъ подданнымъ, какъ послѣдствіе совѣщаній между Австріей, Франціей, Англійей и Портой, къ которымъ русское правительство будетъ приглашено присоединиться при заключеніи мира. Цѣль указанныхъ въ проектѣ совѣщаній относительно положенія турецкихъ христіанъ заключалась въ желаніи нашихъ враговъ положить конецъ русскому преобладанію на Востокѣ. Преобладаніе это основывалось съ одной стороны на силѣ сѣверной державы и на ея договорахъ съ Портой, а съ другой—на симпатіяхъ балканскихъ христіанъ, находившихся подъ гнетомъ мусульманскаго владычества. «Оба эти источника русскаго вліянія необходимо было взять въ разсчетъ, ибо если бы и удалось, посредствомъ выгоднаго заключенія мира положить преграду вѣшнему матеріальному гнету, то нельзя было забывать, что этотъ успѣхъ не обезопасилъ бы надолго Турцію, если въ то же время не удастся уничтожить могущество царя, основанное на ея внутреннихъ государственныхъ отношеніяхъ, т. е. повернуть симпатіи райевъ отъ него къ султану». *) Въ видахъ достиженія послѣдней цѣли, когда успѣхъ войны клонился на сторону нашихъ противниковъ, они задумали принять Порту въ семью европейскихъ государствъ, подъ защиту христіанской Европы. Но такъ какъ съ своею тогдашней организаціей Турція не могла войти на правахъ равноправнаго члена въ союзъ цивилизованныхъ націй, а Россія не теряла предлога ко вмѣшательству въ турецкія дѣла, пока они будутъ идти старымъ порядкомъ, то союзники задумали принудить Порту произвести рядъ коренныхъ реформъ въ системѣ ея внутренняго управленія. Въ теченіе всего 1855 года дипломаты западныхъ державъ упорно настаивали на этомъ передъ турецкими министрами, но не достигли полнаго успѣха, хотя по ихъ настоянію Порта и издала нѣсколько фирмановъ. Когда же въ началѣ 1856 года появилась твердая надежда на скорый миръ, союзныя державы поспѣшили окончить вопросъ о положеніи христіанъ и о реформѣ во внутреннемъ государственномъ строѣ Турецкой имперіи, что бы на предстоящихъ переговорахъ о четвертомъ пунктѣ гарантій, на-

*) Розевъ, назв. соч, стр. 256.

чать съ совершившагося факта и тѣмъ, во-первыхъ, предупредить возможность какихъ либо предложеній на этотъ счетъ со стороны Россіи, которыя легко могли встрѣтить сочувствіе турецкихъ христіанъ, а во-вторыхъ, не дать послѣднимъ повода поставить пріобрѣтенныя ими льготы въ заслугу петербургскому кабинету.*) Въ этихъ видахъ и состоялись совѣщанія между представителями Англіи, Франціи, Австріи и Турціи, о которыхъ говорилось въ австрійскомъ проектѣ прелиминарій: результатомъ же ихъ было появленіе въ свѣтъ *татти-лумайна* 18 февраля 1856 г., имѣвшаго перестроить турецкое зданіе на новыхъ началахъ.

Пока союзники работали надъ обновленіемъ Турціи, чтобы искусственными мѣрами втянуть ее въ кругъ европейскихъ народовъ, въ Петербургѣ были уже получены основанія мира, выработанныя въ Вѣнѣ. Предложенія вѣнскаго кабинета имѣли характеръ ультиматума, который Россія должна была принять въ трехдневный срокъ безъ всякихъ измѣненій и возраженій, подъ угрозой разрыва съ Австріей. Вопросъ былъ поставленъ Россіи ребромъ: война или миръ? Для рѣшенія этого важнаго вопроса 3 (15) января 1856 г. былъ созванъ комитетъ, имѣвшій цѣлью всестороннее обсужденіе предложеній вѣнскаго кабинета. Комитетъ этотъ, въ присутствіи государя, постановилъ принять австрійскія предложенія по соображеніямъ, которыя всѣмъ достаточно извѣстны. Говоря словами официального документа, «мы не могли скрывать отъ себя тѣхъ послѣдствій, которыя произошли бы въ случаѣ нашего отказа. Это заставило насъ выбирать одно изъ двухъ: имѣть противъ себя коалицію всѣхъ державъ Европы, что повело-бы за собою блокаду на моряхъ, которая отразилась бы на нашей торговлѣ и предвѣщала-бы неопредѣленность въ будущемъ; къ тому же, это побудило бы враговъ нашихъ увеличить свои требованія до размѣровъ, принятіе которыхъ оказалось бы невозможнымъ, что вызвало бы общее напряженіе силъ и привело бы къ истощенію всю Европу; или же, предстояло принять предварительныя условія. Государь императоръ, побуждаемый возвышенными чувствами любви къ своей странѣ и своему народу, давая примѣръ высокаго самоотверженія,—призналъ за благо уполномочить

*) Назв. соч., стр. 262.

императорскій кабинетъ принять безъ измѣненій австрійскія предложенія». *)

Какъ только русское правительство дало свое согласіе на принятіе предложенныхъ ему предварительныхъ условій мира, представители Россіи, Австріи, Франціи, Англіи и Турціи собрались на конференцію въ Вѣнѣ и подписали протоколъ, утверждавшій одобреніе австрійскаго проекта прелиминарій и соглашеніе державъ объ открытіи мирныхъ переговоровъ. Въ протоколѣ было поставлено обязательство прислать уполномоченныхъ въ Парижъ въ «трехнедѣльный отъ сего числа срокъ, и буде возможно, то и ранѣе», съ должными полномочіями для подписанія предварительныхъ мирныхъ условій, заключенія перемирія и окончательнаго трактата о мирѣ. **)

Свои засѣданія Парижскій конгрессъ открылъ 13 (25) февраля 1856 года, подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, одного изъ представителей Франціи. Вторымъ делегатомъ французскаго двора былъ его посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Буркенэ; уполномоченными другихъ державъ были: отъ Англіи—министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кларендонъ, и англійскій посолъ при тюльерійскомъ дворѣ, лордъ Коулей; отъ Австріи—министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Буоль, и австрійскій посланникъ въ Парижѣ, баронъ Гюбнеръ; отъ Россіи—генераль-адъютантъ графъ Орловъ и русскій посланникъ при германскомъ сеймѣ, баронъ Брунновъ; отъ Сардиніи—министръ-президентъ, графъ Кавуръ, и сардинскій посланникъ въ Парижѣ, маркизъ де-Вилламарина; отъ Турціи— великій визирь Али-паша и турецкій посолъ въ Парижѣ, Миметь-Джемилъ-бей.

По открытіи конгресса, русскіе уполномоченные прежде всего заявили, что вопреки протоколу послѣдняго засѣданія вѣнской конференціи, 20 января (1 февраля) 1856 года, необходимо прямо приступить къ обсужденію пунктовъ окончательнаго мира, не приступая къ установленію прелиминарныхъ условій. Добившись соглашенія по этому предмету, они перешли къ вопросу о перемирії, заключенія котораго желали наши противники. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній перемиріе это рѣшено было установить на сущѣ и на

*) Инструкція гр. Орлову отъ 30 января 1856 г.; см. у Петрова: Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г.; Истор. Вѣст. 1891 г. №. 1, стр. 102—106.

**) Протоколъ конференціи отъ 20 января (1 февраля) 1856 г.

морѣ до 31 марта. *) Затѣмъ приступлено было къ переговорамъ объ окончательномъ трактатѣ, который и былъ подписанъ 18 (30) марта 1856 года.

Къ обсужденію постановленій этого международнаго акта 10 марта (н. ст.) была приглашена и Пруссія, какъ держава, подписавшая трактатъ 13 іюля 1841 г., въ настоящее время подлежащій пересмотру. Приглашеніе это состоялось главнымъ образомъ благодаря настояніямъ Россіи. Русскіе дипломаты съ самаго начала переговоровъ выражали желаніе, чтобы Пруссія была приглашена участвовать въ трудахъ Парижскаго конгресса. Бисмаркъ не вѣрилъ нашей искренности, такъ какъ, по его мнѣнію, это было не въ нашихъ интересахъ. Но наши политическіе разсчеты не проникали такъ глубоко въ будущее, какъ это казалось Бисмарку, и мы, не смотря на двуличную политику Пруссіи во время войны, всетаки добились того, что держава эта была приглашена принять участіе въ трудахъ Парижскаго конгресса. **)

Постановленія этого конгресса, по восточному вопросу, заключались въ слѣдующемъ.

Во вступленіи къ Парижскому трактату говорилось, что «ихъ величества: императоръ всероссійскій, императоръ французскій, королева Англіи, король сардинскій и императоръ оттоманскій, желая положить конецъ бѣдствіямъ войны и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить возобновеніе всякихъ недоразумѣній и затрудненій, бывшихъ для нея поводомъ, рѣшились войти въ соглашеніе съ его величествомъ императоромъ австрійскимъ относительно основаній возстановленія и утвержденія мира съ обезпеченіемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи взаимнымъ ручательствомъ великихъ державъ.» За тѣмъ, перечисливъ уполномоченныхъ, назначенныхъ для подписанія трактата, государи Россіи, Австріи, Франціи, Англіи, Сардиніи и Турціи въ той же вступительной части договора мотивировали необходимость допущенія Пруссіи къ переговорамъ, которые были уже почти совершенно окончены безъ ея содѣйствія. Основаніемъ приглашенія короля прусскаго къ участію въ постановленіяхъ Парижскаго конгресса выставлялось во-первыхъ то, что имъ подпи-

*) Петровъ, назв. ст.; Ист. Вѣст. 1891 г. № 2, стр. 391—392.

**) Петровъ, назв. ст. Ист. Вѣст. 1891 г. № 3, стр. 672.

сана конвенція 13-го іюля 1841 г., а во-вторыхъ то, что его содѣйствіе можетъ быть весьма важно въ дѣлѣ общаго замиренія Европы. «По счастливомъ между собою соглашеніи—говорилось въ актѣ Парижскаго трактата,—ихъ величества: императоръ всероссійскій, императоръ австрійскій, императоръ французскій, королева англійская, король сардинскій и императоръ Оттоманскій, принимая въ соображеніе, что для пользы всей Европы слѣдуетъ пригласить короля прусскаго, подписавшаго конвенцію 13 іюля 1841 года, къ участию и въ постановляемыхъ нынѣ условіяхъ, а равно признавая важность содѣйствія его въ дѣлѣ общаго примиренія, предложили его величеству назначить на совѣщанія о томъ своихъ уполномоченныхъ».

За вступительной частью въ Парижскомъ трактатѣ слѣдуетъ рядъ постановленій, изложенныхъ въ 35-ти статьяхъ, трехъ приложеніяхъ и особой деклараціи, опредѣляющей различные вопросы морскаго права. Изъ всей этой массы постановленій въ исторіи отношеній Россіи къ Турціи представляютъ серьезный интересъ: 1) территориальныя опредѣленія, 2) постановленія о Турціи, 3) постановленія о зависящихъ отъ нея земляхъ, т. е. о Молдавіи, Валахіи и Сербіи, 4) нейтрализація Чернаго моря и рѣшеніе вопроса о проливахъ, и наконецъ 5) опредѣленія относительно судоходства по нижнему Дунаю.

Что касается постановленій территориальнаго характера, то они сводятся къ слѣдующему: Россія получаетъ обратно Севастополь и другія мѣста, занятія неприятелемъ во время войны, взаимнѣ чего отказывается отъ своихъ завоеваній въ Азіи (ст. 3 и 4); сверхъ того она уступаетъ Турціи вмѣстѣ съ устьемъ Дуная южную часть Бессарабіи для большаго обезпеченія свободы судоходства по этой рѣкѣ (ст. 20) съ тѣмъ, чтобы эта часть Бессарабіи была присоединена къ Молдавскому княжеству, подъ верховною властью Блистательной Порты (ст. 21).

Таковы территориальныя опредѣленія Парижскаго трактата, къ которымъ привела несчастная Крымская война и недоброжелательство къ намъ Австріи, всегда враждебно смотрѣвшей на наши отношенія къ балканскимъ народностямъ. Потеря южной части Бессарабіи имѣла, конечно, для Россіи весьма существенное значеніе, и она согласилась на уступку ей лишь потому, что не желала противиться настойчиво предъ-

явленными требованіями и ризковать продлить войну изъ-за одного только этого пункта, поставленнаго намъ на Парижскомъ конгрессѣ уже въ концѣ переговоровъ, когда состоялось соглашеніе во всемъ остальномъ. Потеря Бессарабіи важна была «не столько, впрочемъ, въ смыслѣ экономическомъ или соціальномъ, сколько въ политическомъ. Россія потеряла Дунай, судоходство котораго перешло въ руки Австріи, получивъ черезъ это характеръ монополии. Но еще важнѣе была другая сторона дѣла. Дунайскій бассейнъ это—земли славянскихъ племенъ. Поддерживая съ этими племенами историческія и родственныя связи, Россія непосредственно вліяла на Австрію и Турцію. Возможность этого вліянія крайне затруднялась, какъ скоро Россія теряла уголъ Бессарабіи, прилегающій непосредственно къ Дунаю. При первой войнѣ съ Турціей намъ необходимо было торговаться съ Румыніей изъ за пропуска нашей арміи на турецкую территорию — (какъ это и было въ послѣднюю войну)—становиться такимъ образомъ, въ крайне неловкое положеніе относительно соединеннаго молдавско-валахскаго княжества. Не являясь своимъ завѣтнымъ историческимъ традиціямъ, Россія не могла отказаться отъ своего вліянія на славянскій міръ, отъ своихъ дѣятельныхъ заботъ о его будущности; а ея усилія въ стремленіи къ этой цѣли неизбежно должны были встрѣчать серьезныя затрудненія» вслѣдствіе потери части Бессарабіи *).

Въ опредѣленіяхъ Парижскаго трактата относительно Турціи интересно то, что Европа въ этомъ международномъ актѣ торжественно и громогласно утвердила вступленіе Турціи въ семью европейскихъ державъ, признала ее вполне равноправной съ ними и взяла на себя охрану Оттоманской имперіи отъ посягательствъ какого либо государства на ея независимость или территориальную цѣлость и неприкосновенность, причемъ всякое покушеніе на независимость Порты признала вопросомъ, интересующимъ всѣ державы. «Блестательная Порта—говорится въ ст. 7 трактата—признается участницею въ сношеніяхъ общаго права и союза европейскихъ державъ», причемъ послѣднія обязуются «уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ

*) Лебедевъ. Разборъ книги Стрѣльбичаго: Земельныя приобрѣтенія Россіи въ царствованіе императора Александра II; Истор. Вѣст. 1881 г. № 8, стр. 921—922.

точное¹ соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы». Съ своей стороны Оттоманская Порта обѣщаетъ европейскимъ державамъ *добровольно* улучшить бытъ своихъ христіанскихъ подданныхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданія. «Его императорское величество султанъ—говорится въ ст. 9 трактата,—*въ постоянномъ помышленіи* о благѣ своихъ подданныхъ, даровавъ фирманъ, конимъ улучшается участь ихъ безъ различія по вѣроисповѣданіямъ или племенамъ, и *утверждаются* великодушныя намѣренія его касательно христіанскаго народонаселенія его имперіи, и желая дать новое доказательство своихъ въ этомъ отношеніи чувствъ, рѣшился сообщить договаривающимся державамъ означенный *фирманъ, изданный по собственному его побужденію*».

«Добровольно» дарованныя Портою права ея христіанскимъ подданнымъ, къ сожалѣнію, не были гарантированы Парижскимъ трактатомъ. Мало того, въ немъ прямо говорилось, что договаривающіяся стороны не могутъ требовать отъ султана выполненія данныхъ имъ обѣщаній и не имѣютъ права вмѣшиваться ни коллективно, не единолично во внутреннее управленіе Блистательной Порты. Во второй половинѣ 9 й статьи, въ которой устанавливалась неприкосновенность правъ христіанъ, сказано, что послѣ того какъ султанъ въ своей постоянной заботѣ о благѣ подданныхъ издалъ фирманъ, которымъ безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія улучшается ихъ положеніе, и сообщилъ о томъ державамъ, договаривающіяся стороны, признавая «высокую важность этого сообщенія, заявляютъ, что оно *не даетъ ни въ какомъ случаѣ* великимъ державамъ *права вмѣшиваться*, совокупно или отдѣльно, въ отношенія его величества султана къ его подданнымъ, или во внутреннее управленіе его имперіи».

«Разсматривая тѣ дипломатическіе акты, предшествовавшіе по времени своего изданія Парижскому конгрессу, въ которыхъ заключаются зародыши 9-й статьи, а также переговоры объ ея редакціи на конгрессѣ, невозможно—говорить г. Ульяницкій—не обратить вниманія на ихъ противорѣчіе съ текстомъ 9-й статьи. Изъ текста явствуетъ, что гатти-гумайонъ, улучшающій бытъ христіанскихъ подданныхъ Турціи *пожалованъ* имъ султаномъ *добровольно*, и что хотя

султанъ и сообщалъ его державамъ, но это сообщеніе не даетъ имъ права вмѣшиваться въ его отношенія къ райямъ. Оно такъ и быть должно, если султанъ дѣйствительно добровольно даровалъ фирманъ,— въ такомъ случаѣ это актъ его доброй воли. Но изъ разсмотрѣнія актовъ мы приходимъ къ совершенно инымъ выводамъ. Уже въ протоколѣ 1854 года, подписанномъ Австріей, Пруссіей, Франціей и Англіей, выражено намѣреніе договаривающихся державъ *охранять права христіанскихъ подданныхъ въ Турціи всѣми средствами, совместимыми съ независимостью и державными правами султана*. Затѣмъ на конференціи 1855 года и въ австрійскомъ ультиматумѣ того же года высказывается такое же намѣреніе державъ выхлопотать у Порты освященіе правъ райи, *не задѣвая державныхъ правъ султана и его достоинства*; съ этою цѣлью онѣ обѣщаются оказывать другъ другу *взаимную поддержку*. Спрашивается, къ чему же эта взаимная поддержка, къ чему эти хлопоты о неприкосновенности достоинства его султанскаго величества, къ чему вообще эти заботы о его христіанскихъ подданныхъ, когда его величество самъ постоянно выказываетъ самую нѣжную заботливость о своихъ подданныхъ? И къ чему эта поспѣшность *оступать съ нимъ въ переговоры* по этому вопросу до начала общихъ мирныхъ переговоровъ? Ясно, что фирманъ былъ пожалованіемъ не султана, а державъ, что онъ былъ составленъ *съ ихъ инициативы и при ихъ участіи* *)).

Послѣднее несомнѣнно. Фирманъ, какъ мы видѣли, изданъ былъ султаномъ по настоянію западныхъ державъ, чтобы, заявивъ о готовности Порты улучшить бытъ своихъ подданныхъ, лишить Россію возможности возвысить на конгрессѣ голосъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи, а главное—отнять у нея право вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи—что требовалось неприкосновенностью державныхъ правъ султана и интересами европейскаго равновѣсія. И Россія, по смыслу 9-й статьи Парижскаго трактата, была совершенно устранена отъ роли единственной защитницы угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Ульяновскій,—какое освѣщеніе получали теперь вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла? Россія

*) Дипломатія во время Восточной войны и Парижскій трактатъ 1856 г.; Рус. Вѣст. за 1877 г., № 10, стр. 743.

являлась не болѣе какъ нарушительницею европейскаго мира, считающею самыя коварныя, ничѣмъ не мотивированныя замыслы противъ «цѣлости и независимости Оттоманской имперіи» и противъ «державныхъ правъ» великодушнѣйшаго изъ султановъ, маской для каковыхъ замысловъ и служить ей заботливость о районахъ. И къ чему турецкимъ подданнымъ посторонній и столь подозрительный покровитель, когда они имѣютъ своего естественнаго, заботливаго, не только справедливаго, но великодушнаго покровителя въ лицѣ его величества султана? Такимъ образомъ, въ силу 9-й статьи Европа должна была смотрѣть на будущія вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла (буде она не подчинилась бы требованіямъ этой статьи), какъ на ничѣмъ не мотивированныя, крайне опасныя нарушенія европейскаго мира» *).

Однако «было бы возмутительно толковать пресловутую 9-ю статью Парижскаго трактата въ томъ смыслѣ, что она возбраняетъ христіанскимъ державамъ заступаться подъ какимы бы то ни было предлогомъ за христіанское населеніе Балканскаго полуострова. Подобное толкованіе этой статьи было бы равносильно провознесенію смертнаго приговора или хладнокровному предоставленію христіанскихъ подданныхъ Турціи на изсязанія и произволь турецкихъ мучителей». **) На практикѣ съ 1856 года должно было установиться именно такое право коллективнаго вмѣшательства европейскихъ державъ во внутреннія дѣла Оттоманской Порты. Фирманъ султана былъ изданъ имъ, какъ извѣстно, по настоянію Европы, да если бы даже такого настоянія и не было, то, очевидно, что принятіе Турціи на равныхъ правахъ въ семью европейскихъ державъ, такое принятіе Порты въ международный союзъ могло быть совершено только подъ тѣмъ непременнымъ условіемъ, что она сама будетъ сообразоваться въ своей внутренней и внѣшней политикѣ съ основными принципами международного права, къ которымъ относится признаніе человѣческой личности независимо отъ ея политической или религіозной принадлежности къ тому или другому государству, къ той или другой церкви. Вѣдь не могла же, въ самомъ дѣлѣ, Турція пользоваться только правами и не признавать для себя никакихъ обязанностей, если она

*) Тамъ же стр. 745—746.

**) Маргесаъ, Восточная война и Брюссельская конференція, С.-Н.-Б. 1879 г. стр. 150.

принята въ союзъ европейскихъ державъ? И европейскія державы, принявъ Порту въ свой концертъ, обязаны были въ силу принциповъ международнаго права наблюдать за тѣмъ, чтобы султанъ согласовался въ своихъ дѣйствіяхъ съ началами, лежащими въ основѣ европейской цивилизаціи, хотя въ Парижскомъ трактатѣ и выражена была лишь одна дань уваженія къ державнымъ правамъ его величества султана.

Гарантируя цѣлость и независимость Турецкой имперіи, европейскія державы вмѣстѣ съ тѣмъ постановили на Парижскомъ конгрессѣ, что всякія недоразумѣнія между Портою и одной изъ договаривающихся державъ, до обращенія къ оружію, должны быть рѣшаемы при помощи добрыхъ услугъ остальныхъ государствъ, подписавшихъ этотъ трактатъ, чтобы до принятія насильственныхъ мѣръ отстранить эти недоразумѣнія. «Если — говорится въ 8 статьѣ Парижскаго трактата — между Блистательною Портою и одною или нѣсколькими изъ другихъ державъ, заключившихъ этотъ трактатъ, возникнетъ какое-либо несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между ними сношеній, то и Блистательная Порта и каждая изъ этихъ державъ, не прибѣгая къ употребленію силы, имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе, чрезъ свое посредничество». Цѣль этого постановленія, имѣющаго весьма важное значеніе съ точки зрѣнія международнаго права въ смыслѣ сознанія державами необходимости мирныхъ средствъ рѣшенія возникающихъ между ними разногласій, вполне очевидна. Война велась ради того, чтобы сломить преобладающее положеніе Россіи на Востокъ и лишить ее права односторонняго вмѣшательства въ пользу балканскихъ христіанъ. Но гарантіи цѣлости и независимости Турецкой имперіи для этого было недостаточно, и вотъ державы, чтобы окончательно связать Россію и парализовать всякій самостоятельный ея шагъ въ восточномъ вопросѣ, признаютъ для себя обязательнымъ обращеніе къ добрымъ услугамъ при возникновеніи какихъ-либо споровъ съ султаномъ.

Постановленіями Парижскаго трактата относительно Дунайскихъ княжествъ и Сербіи Россія официально устраняется отъ исключительнаго протектората надъ турецкими христіанами православнаго вѣроисповѣданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ единоличнаго вмѣшательства въ дѣла Турціи ради блага своихъ единовѣрцевъ и единопле-

менниковъ. Подъ вліяніемъ системы политическаго равновѣсія западная Европа давно уже находила опаснымъ для своей независимости преобладаніе Россіи въ Турціи. Послѣ Крымской войны Европа заставила Россію раздѣлить съ нею протекторатъ надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей и поставить ихъ подъ коллективное покровительство всѣхъ великихъ европейскихъ державъ, бравшихъ подъ свою защиту всѣ привилегіи, добытыя для этихъ земель путемъ дипломатическихъ усилій и цѣною русской крови. Принимая вѣнскій ультиматумъ, Россія признала и постановленіе его перваго пункта, въ которомъ было сказано: «княжества будутъ продолжать пользоваться своими правами и привилегіями подъ верховенствомъ Порты и султанъ *даруетъ имъ по соглашенію съ договаривающимися державами* новое внутреннее устройство сообразно потребностямъ страны и желаніямъ ихъ населенія».

Относительно Дунайскихъ княжествъ въ Парижскомъ трактатѣ было постановлено, что «они будутъ состоять подъ верховною властью Порты и при ручательствѣ договаривающихся державъ пользоваться преимуществами и льготами, которыми пользуются въ настоящее время; что ни какой изъ ручающихся державъ не предоставляется надъ ними исключительнаго покровительства и не допускается никакое особое право вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла». (ст. 22) Получая сюзеренитетъ, верховенство надъ княжествами, Блестательная Порта «обязуется оставить въ нихъ независимое и національное управленіе, а равно и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства». (ст. 23). «Дѣйствующіе въ княжествахъ законы и уставы будутъ пересмотрѣны. Для полнаго соглашенія по этому пересмотру будетъ назначена особая коммиссія, о составѣ которой имѣютъ условиться высокія договаривающіяся державы. Эта коммиссія должна безъ отлагательства собраться въ Бухарестъ. Имѣя при себѣ комиссара Блестательной Порты, она изслѣдуетъ настоящее положеніе княжествъ и предложитъ основанія ихъ будущаго устройства». (ст. 23) Чтобы узнать истинныя желанія народонаселенія относительно окончательнаго устройства княжествъ, султанъ обѣщаетъ немедленно созвать въ Молдавіи и Валахіи спеціальныя областныя диваны, которые должны быть составлены такимъ образомъ, чтобы могли служить вѣрными выразителями интересовъ всѣхъ слоевъ общества. (ст. 24). Принявъ въ соображеніе

миѣнія этихъ дивановъ, комиссія немедленно сообщитъ о результатахъ своего труда конференціи, причемъ окончательное соглашеніе съ Портою должно быть утверждено конвенціей, заключенной высокими договаривающимися сторонами въ Парижѣ, а гатти-шерифомъ, въ смыслѣ постановленій этой конвенціи, дано будетъ новое устройство Дунайскимъ княжествамъ, при общемъ ручательствѣ всѣхъ подписавшихся державъ. (ст. 25) Для охраны внутренней и виѣшней безопасности въ Молдавіи и Валахіи будетъ національная милиція. Въ случаѣ чрезвычайныхъ мѣръ обороны, которыя съ согласія Блистательной Порты могутъ быть приняты въ княжествахъ для отраженія нападений извнѣ, не будутъ допускаться никакія препятствія. (ст. 26) Если внутреннее спокойствіе княжествъ подвергнется опасности или будетъ нарушено, Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ прочими договаривающимися державами о мѣрахъ, необходимыхъ для сохраненія или восстановленія законнаго порядка. Безъ предварительнаго соглашенія между этими державами не можетъ быть никакого вооруженнаго вмѣшательства. (ст. 27) Молдавія и Валахія должны образовать изъ себя два независимыхъ другъ отъ друга княжества подъ властью двухъ различныхъ князей, избираемыхъ самимъ народомъ и утверждаемыхъ султаномъ.

Что касается до Сербскаго княжества, то оно оставлено по прежнему подъ верховною властью Блистательной Порты, согласно съ императорскими гатти-шерифами, утверждающими и опредѣляющими его права и преимущества при общемъ, совокупномъ ручательствѣ договаривающихся державъ. Вслѣдствіе этого Сербское княжество должно сохранить «свое независимое и національное управленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства». (ст. 28) Такимъ образомъ существовавшая организація Сербскаго княжества не была улучшена на Парижскомъ конгрессѣ и привилегіи сербскаго народа не были развиты далѣе, какъ то сдѣлано по отношенію къ Дунайскимъ княжествамъ. Кромѣ того, тогда какъ населенію Молдавіи и Валахіи было дано право имѣть свое войско, въ Сербіи Блистательная Порта «сохраняетъ опредѣленное прежними постановленіями право содержанія гарнизона» (ст. 29). Точно такъ же, какъ въ Молдавіи и Валахіи, «безъ предварительнаго соглашенія между высокими договаривающимися державами не можетъ

быть допущено въ Сербіи никакое вооруженное вмѣшательство». (ст. 29).

Кромѣ территоріальныхъ опредѣленій и постановленій о Турціи и о зависящихъ отъ нея земляхъ Парижскій трактатъ содержалъ въ себѣ весьма важныя съ точки зрѣнія интересовъ Россіи постановленія о нейтрализаціи Чернаго моря и о проливахъ. Въ статьѣ 11 трактата говорилось, что «Черное море объявляется нейтральнымъ. Открытый для торговыхъ судовъ всѣхъ націй, входъ въ порты и воды его навсегда формально запрещается для военныхъ судовъ какъ прибрежныхъ, такъ и прочихъ державъ, съ тѣми только исключеніями, которыя дѣлаются въ статьяхъ 14 и 19 настоящаго договора». Въ ст. 14 сказано, что Россія и Турція заключили между собою особую конвенцію, опредѣляющую силу и количество судовъ, нужныхъ для береговой службы; въ силу 2-ой статьи этой конвенціи (о русскихъ и турецкихъ судахъ въ Черномъ морѣ) высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ право содержать на Черномъ морѣ по 6 большихъ паровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватерлиніи, вмѣстимостью не свыше 800 тоннъ и по 4 легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, вмѣстимость которыхъ не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ. Что касается 19 статьи, составляющей второе исключеніе изъ общаго правила о недопущеніи военныхъ судовъ въ Черное море, то ею разрѣшается каждой изъ европейскихъ державъ, принявшихъ участіе въ Дунайской комиссіи, «содержать во всякое время по два легкихъ морскихъ судна у Дунайскихъ устьевъ», для наблюденія за общей безопасностью и производящимися тамъ работами. Запрещая плаваніе по Черному морю военнымъ судамъ всѣхъ націй ради цѣлей нейтрализаціи, великія европейскія державы въ тѣхъ же видахъ постановляютъ въ 13 статьѣ Парижскаго трактата, что «вслѣдствіе объявленія Чернаго моря нейтральнымъ не можетъ быть нужно содержаніе или учрежденіе на его берегахъ военно-морскихъ арсеналовъ, какъ не имѣющихъ уже цѣли. Поэтому его величество императоръ всероссійскій и его величество султанъ обязуются не устраивать и не оставлять на черноморскихъ берегахъ военно-морскихъ арсеналовъ».

Не допуская плаванія по Черному морю военныхъ судовъ и не разрѣшая возведенія по его побережью какихъ либо укрѣпленій или морскихъ арсеналовъ, Парижскій трактатъ открываетъ свободный до-

ступъ въ черноморскія воды для торговыхъ судовъ всѣхъ флаговъ. Ограниченія ставятся къ этому отношенію самыя ничтожныя. По 12 статьѣ «свободная отъ всякихъ стѣсненій торговля въ портахъ и водахъ Чернаго моря будетъ подчинена однимъ лишь карантиннымъ, таможеннымъ и полицейскимъ постановленіямъ, составленнымъ въ духѣ, благопріятствующемъ развитію торговыхъ сношеній».

Такъ какъ однимъ изъ необходимыхъ условій развитія торговыхъ сношеній служитъ учрежденіе консульствъ, то «дабы пользамъ торговли и мореплаванія всѣхъ народовъ даровать все желаемое обезпеченіе», Россія и Блистательная Порта обязуются по Парижскому трактату «допускать консуловъ въ свои порты на берегахъ Чернаго моря, согласно съ требованіями международнаго права» (ст. 12).

Въ связи съ нейтрализаціей Чернаго моря на Парижскомъ конгрессѣ рассмотрѣнъ былъ и вопросъ о проливахъ. Постановивъ въ 10 статьѣ трактата пересмотрѣть съ общаго согласія конвенцію 13 іюля 1841 года, «коею постановлено соблюденіе древняго правила Оттоманской имперіи относительно закрытія входа въ Босфоръ и Дарданеллы», державы торжественно подтвердили въ особой конвенціи *принципъ закрытія ихъ*, пона Порта находится въ мирѣ. Во введеніи къ этой особой конвенціи сказано, что державы, подписавшія Парижскій трактатъ, «положили возобновить конвенцію, заключенную въ Лондонѣ 13 іюля 1841 года, съ нѣкоторыми лишь въ подробностяхъ измѣненіями, нисколько не нарушающими основныхъ ея началъ». Въ 1-й статьѣ конвенція «его величество султанъ объявляетъ, что имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать постановленія, неизмѣнно принимавшіяся, какъ древнее правило его имперіи, въ силу котораго всегда воспрепятствовалось военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и что до тѣхъ поръ, пока Порта будетъ находиться въ мирѣ, его величество не допуститъ никакого иностраннаго военного судна въ означенные проливы». Съ своей стороны великія державы, подписавшія Парижскій трактатъ, «обязуются уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеназваннымъ правиломъ» (ст. 1). «Какъ и прежде, султанъ предоставляетъ себѣ выдавать фирманы для прохода легкихъ военныхъ судовъ, которыя обмывовенно употребляются при миссіяхъ дружественныхъ съ Портою державъ» (ст. 2). «То же самое изъятіе допускается

для легких военных судовъ, которыя имѣтъ право содержать при устьяхъ Дуная каждая изъ договаривающихся державъ, для обезпеченія исполненія постановленій о свободѣ судоходства по этой рѣкѣ Число такихъ судовъ не должно превышать двухъ для каждой державы» (ст. 3).

Въ заключеніе обзора постановленій Парижскаго трактата остается отмѣтить его опредѣленія, касающіяся судоходства по нижнему Дунаю. Здѣсь важно то, что принципы Вѣнскаго конгресса относительно свободы плаванія по Рейну и вообще судоходства по международнымъ рѣкамъ, т. е. рѣкамъ, раздѣляющимъ или орошающимъ нѣсколько государствъ, — примѣняются къ нижнему Дунаю и ставятся подъ гарантію всѣхъ державъ. Въ 15-й статьѣ разбираемаго трактата договаривающіяся стороны съ общаго согласія постановили всецѣло примѣнить эти самыя принципы къ Дунаю, его устьямъ и рукавамъ. Державы объявили, что «это постановленіе отнынѣ признается принадлежащимъ къ общему народному европейскому праву и утверждается ихъ взаимнымъ ручательствомъ».

Провозглашая нижній Дунай международною рѣкою и распространяя на него свободу судоходства для всѣхъ націй, державы вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ, что навигація по Дунаю не будетъ подлежать никакимъ стѣсненіямъ и не будетъ обременяема никакими поборами кромѣ тѣхъ, которые основаны на фактѣ судоходства; что никакой платы не будетъ взиматься за самое судоходство по рѣкѣ и за товары, составляющіе грузъ судовъ, (ст. 15), за исключеніемъ пошлинъ, назначенныхъ европейскою комиссіей по большинству голосовъ, при томъ на основаніи равенства для судовъ всѣхъ націй. Доходы эти идутъ на поддержаніе рѣки въ судоходномъ состояніи (ст. 16).

Забываясь о свободѣ плаванія по Дунаю, державы учреждаютъ двѣ комиссіи: *общеевропейскую* и *рѣчную*. Общевропейская комиссія должна состоять изъ делегатовъ по одному отъ каждой державы, подписавшей Парижскій трактатъ. «Этой комиссіи будетъ поручено опредѣлять и привести въ исполненіе работы, необходимыя для того чтобы освободить Дунай и прилегающую къ нему часть моря отъ всякихъ препятствій и сдѣлать ихъ вполне удобными для судоходства» (ст. 16). Что касается до комиссіи рѣчной, то въ составъ ея должны были войти делегаты Австрія, Баварія, Португалия и Виртемберга

(по одному отъ каждой изъ этихъ державъ) и комиссары трехъ дунайскихъ княжествъ, назначаемые съ утверждёнiя султана. На обязанность этой комиссiи прирѣчныхъ государствъ возлагалось: 1) установленiе правилъ судоходства и рѣчной полицiи; 2) устраненiе всякаго рода препятствiй, встрѣчаемыхъ въ дѣлѣ примѣненiя по отношенiю къ Дунаю постановленiй Вѣнскаго конгресса; и 3) опредѣленiе необходимыхъ работъ на всѣхъ теченiи Дуная (ст. 17).

По смыслу Парижскаго трактата общеевропейская комиссiя должна была быть учрежденiемъ временнымъ и по приведенiи устья Дуная въ судоходное состоянiе имѣла передать свои полномочiя другой комиссiи — прирѣчной. Поэтому на послѣднюю, кромѣ указанныхъ выше обязанностей, возлагалось «по упраздненiи общеевропейской комиссiи наблюдать за содержанiемъ въ надлежащемъ для судоходства состоянiи Дунайскихъ гирлъ и прилегающихъ къ нимъ частей Чернаго моря» (ст. 17).

Общеевропейская и рѣчная комиссiи должны исполнить свои обязанности въ теченiе двухъ лѣтъ. По окончанiи этого срока державы, подписавшия Парижскiй трактатъ, обѣщались упразднить общеевропейскую комиссiю съ тѣмъ, чтобы рѣчная комиссiя послѣ этого пользовалась и властью, которая принадлежала упраздненной комиссiи (ст. 18).

Для обезпеченiя выполненiя правилъ, постановленныхъ съ общаго согласiя на основанiи вышеизложенныхъ началъ, договаривающимися державамъ предоставляется право содержать у Дунайскихъ устьевъ по два легкихъ морскихъ судна (ст. 19).

Таково содержанiе Парижскаго трактата. *) 15 апрѣля 1856 года Англія, Франція и Австрія заключили между собою еще спеціальнiй трактатъ, въ силу котораго «высокiя договаривающiяся стороны гарантировали независимость и цѣлость Оттоманской имперiи въ границахъ Парижскаго трактата 30 марта 1856 года» (ст. 1) и рѣшили «разсматривать, какъ casus belli, всякое нарушенiе этого трактата». вмѣстѣ съ тѣмъ «онѣ обязались договориться съ Высокою Портою относительно необходимыхъ мѣръ, и немедленно условиться

*) Парижскiй трактатъ 18 (30) марта 1856 г., а также конвенцію относительно проливовъ Босфора и Дарданелъ и конвенцію о русскихъ и турецкихъ военныхъ судахъ въ Черномъ морѣ см. у Юзефовича: Договоры Россiи съ Востокомъ, стр. 107—121.

между собою о томъ, въ какихъ случаяхъ ихъ сухопутныя и морскія силы должны приступать къ дѣйствіямъ» (ст. 2) *).

Мы изложили дипломатическіе переговоры въ эпоху Крымской войны и Парижскій трактатъ 1856 года. Теперь необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно тѣхъ послѣдствій, которыя имѣла кровопролитная борьба Россіи почти съ половиною западной Европы.

«Парижскій трактатъ 1856 года,—говоритъ проф. Мартенсъ—составляетъ эпоху въ исторіи восточнаго вопроса вообще и въ исторіи восточной политики Россіи въ особенности» **). Что касается до восточнаго вопроса, то до сихъ поръ рѣшеніе его зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія и усилій одной Россіи. Не то стало послѣ Парижскаго трактата. Теперь восточный вопросъ рѣшается совокупными силами цѣлой Европы. Что касается до нашей восточной политики, то до сихъ поръ отъ самой Россіи зависѣло осуществлять свою историческую миссію на Востокъ самостоятельно, безъ всякихъ соглашеній съ другими державами, или путемъ общихъ дѣйствій съ какимъ либо иностраннымъ дворомъ, по предварительному уговору. Не то стало послѣ Крымской войны. Теперь русская восточная политика поставлена въ рамки европейскаго соглашенія по дѣламъ Оттоманской Порты, и безъ предварительнаго уговора съ великими державами мы не можемъ сдѣлать ни одного шага въ дѣлѣ выполненія своего историческаго призванія.

Съ подписаніемъ Парижскаго трактата осуществилась давно зародившаяся въ умахъ западно-европейскихъ дипломатовъ мысль—устранить Россію отъ исключительнаго покровительства Турціи и ея христіанскимъ подданнымъ, которое ежеминутно грозило поглещеніемъ Турціи Россіей, а отсюда страшнымъ нарушеніемъ политическаго равновѣсія Европы. Мы видѣли, что уже въ 1840—1841 годахъ наши соперницы на Востокѣ, перепуганныя Ункіарь-Искелесскимъ трактатомъ, заявили о своемъ желаніи «наблюдать за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи въ интересѣ укрѣпленія мира въ Европѣ». Но тогда великія европейскія державы,

*) Договоръ, подписанный въ Парижѣ 15 апрѣля 1856 г. между Австріей, Франціей и Англійей см. Martens et Cussy, Recueil manuel, t. VII, стр. 511—512.

***) Восточная война и Брюссельская конференція, стр. 156.

опасаясь могущества Россіи, не рѣшались потребовать отъ нея предоставленія имъ всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми она пользовалась на Востокѣ. Теперь же, пользуясь удобнымъ случаемъ, онѣ вооруженною рукою достигли осуществленія своей завѣтной цѣли. Послѣ неравной борьбы почти съ половиною Европы Россія должна была подписать смертный приговоръ своему политическому преобладанію на Востокѣ, которое приобрѣла по славному Кучукъ-Кайнарджійскому мирному трактату 1774 года. Обливаясь кровью, она должна была признать, что отнынѣ охрана независимости и цѣлости Турецкой имперіи будетъ принадлежать не ей одной, а всей Европѣ, и что всякія единоличныя вмѣшательства ея въ пользу единовѣрцевъ и единоплеменниковъ Востока будутъ прекращены въ виду того, что этотъ вопросъ одинаково интересуетъ какъ ее, такъ и всю остальную Европу. Словомъ, по Парижскому трактату Россія должна была торжественно отречься передъ лицомъ всей Европы отъ своего исключительнаго права и даже обязанности, въ силу племенныхъ и церковныхъ связей, защищать турецкихъ христіанъ отъ притѣсненій и угнетеній оттоманскаго правительства.

Съ точки зрѣнія національнаго самолюбія постановленія Парижскаго трактата объ учрежденіи европейской опеки надъ Портою и ея христіанскими подданными несомнѣнно, представляли весьма тяжкія условія мира для Россіи. Въ силу ихъ она отказывалась отъ своего преобладающаго положенія на Востокѣ, которое приобрѣла путемъ длиннаго ряда войнъ съ Оттоманскою Портою, и теряла право выступать въ качествѣ единственной защитницы своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи, то самое право, которое составляло ея гордость и славу, право, которому завидовалъ и котораго боялся весь западно-европейскій міръ. Но всѣ эти потери покажутся не столь тяжкими и оскорбительными для самолюбія и чести Россіи, если она взглянетъ на нихъ не съ субъективной, а съ объективной точки зрѣнія и безпристрастно оцѣнитъ тѣ причины, которыя вызвали въ западно-европейскихъ державахъ желаніе заставить насъ раздѣлится съ ними протекторатъ надъ Турціей и ея христіанскими подданными. Тогда окажется, что установленіе коллективнаго протектората надъ Турціей подготовлено было самою Россіей, которая своими ошибками во внѣшней политикѣ породила въ европейскихъ кабинетахъ предположеніе о стремленіи русскаго народа

къ захвату Константинополя и проливовъ и тѣмъ заставила западныя державы обратить вниманіе на наше преобладающее положеніе въ слабомъ сосѣднемъ государствѣ; тогда окажется, что своими дипломатическими ошибками Россія сама породила на свѣтъ Парижскій трактатъ, что она сама подготовила печальный и тяжелый для себя 1856 годъ, и что по этому ни въ какомъ случаѣ не можетъ винить Европу за то, что та силою оружія сломала русское могущество на берегахъ Босфора: политическое преобладаніе Россіи на Востокѣ вмѣстѣ съ антинаціональнымъ направленіемъ ея политики постоянно грозило страшнымъ нарушеніемъ европейскаго равновѣсія и, естественно заставляло, западныя державы принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы во время устранить могущую произойти отсюда катастрофу.

Сознавая свои дипломатическія ошибки, Россія, при грустной мысли о существованіи Парижскаго трактата, также не должна забывать и того обстоятельства, что участь христіанскаго населенія Востока представляетъ общеевропейскій, международный интересъ. Можно говорить о роли и разнохарактерности интересовъ великихъ европейскихъ державъ въ восточномъ вопросѣ, можно говорить о возвышенности задачъ Россіи на Востокѣ сравнительно съ задачами ея соперницъ, но нельзя оспаривать того, что судьба народовъ, входящихъ въ составъ Турецкой имперіи, интересуется не одну Россію, а всю цивилизованную Европу, которая такъ же, какъ и мы, имѣетъ вполне законное основаніе претендовать на покровительство христіанскимъ народностямъ Востока, если не въ силу племенныхъ и религіозныхъ связей, то въ силу своей политической цивилизаціи, въ силу самыхъ принциповъ справедливости и гуманности, равноправности гражданъ передъ закономъ, вѣротерпимости и другихъ идеальныхъ началъ, проводимыхъ въ жизнь западно-европейскою культурою.

При возникновеніи серьезныхъ осложненій въ вопросѣ о св. мѣстахъ Россія какъ бы сама сознала необходимость европейской опеки надъ турецкими христіанами. Отрекаясь отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ по отношенію къ Турціи, она готова была добровольно подѣлиться съ западною Европою своими исключительными правами на Востокѣ. Но тогда было уже поздно: подъ вліяніемъ разыгравшихся страстей и постоянныхъ опасеній за Порту, наши враги не могли повѣрить искренности выраженныхъ Россіею желаній и по-

этому подняли противъ нея оружіе съ тѣмъ, чтобы этимъ грубымъ средствомъ добиться давно желанной цѣли.

Итакъ, Россія не въ правѣ скорбѣть объ утратѣ своего исключительнаго протектората надъ христіанскими подданными турецкаго султана и объ уничтоженіи прежнихъ ея трактатовъ, на которыхъ она въ былыя времена могла основывать свои притязанія. Но если Россія не въ правѣ сожалѣть о томъ, что безповоротно потеряла свое политическое преобладаніе на Востокѣ, судьба котораго безспорно представляетъ общеевропейскій интересъ, то она, съ сознаниемъ собственнаго достоинства, имѣетъ полное право сказать, что великія европейскія державы, соперничавшія съ нею изъ за вліянія на Босфоръ, на первыхъ же порахъ плохо зарекомендовали себя въ качествѣ покровительницъ и защитницъ христіанъ Турецкой имперіи, заступничество Россіи за которыхъ постоянно приводило въ смущеніе западную Европу. При подписаніи Парижскаго трактата великія европейскія державы ясно показали, что имъ нужно только отстранить отъ Турціи опасность со стороны Россіи, обезпечить цѣлость Оттоманской имперіи, но что участь восточныхъ христіанъ ихъ мало интересуетъ. Установивъ европейскую опеку надъ Турціей и ея христіанскими подданными, онѣ совершенно игнорировали путь, котораго въ былыя времена держалась Россія въ дѣлѣ улучшенія положенія своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Выговаривая въ пользу ихъ извѣстныя права и преимущества, бросавшія нѣкоторый свѣтъ въ безотраднѣйшій мракъ Балканъ, Россія гарантировала привилегіи, добытыя для восточныхъ христіанъ, въ особыхъ статьяхъ международныхъ договоровъ, въ силу которыхъ турецкій султанъ признавалъ за русскимъ дворомъ право наблюдать за точнымъ исполненіемъ Портою возложенныхъ на нее обязательствъ и въ случаѣ нарушенія ихъ требовать новыхъ гарантій на будущее время. Не то мы видимъ въ дѣйствіяхъ Европы. Ослѣпленная страстнымъ желаніемъ устранить Россію отъ исключительнаго вмѣшательства въ турецкія дѣла и установить вмѣсто русской европейскую гарантію правъ и привилегій болканскихъ христіанъ, она пошла прямо въ разрѣзъ съ своими желаніями. Оружіемъ отбивъ изъ рукъ Россіи протекторатъ надъ ея восточными единовѣрцами, великія европейскія державы, не смотря на неоднократныя предложенія русскаго правительства изыскать средства придать обѣщаніямъ, Порты болѣе

обязательную силу, въ видахъ дѣйствительнаго обезпеченія интересовъ турецкихъ христіанъ, по Парижскому трактату отдали дѣло улучшения ихъ быта на усмотрѣніе вѣроломнаго султана, какъ будто прошлая исторія не свидѣтельствовала о томъ, что оттоманское правительство никогда не исполняло не только вынужденныхъ, но и добровольныхъ обѣщаній. Европа не только сняла съ себя обязанность требовать выполненія обѣщаннаго султаномъ фирмана, но даже признала прямо незаконными всякія понудительныя мѣры къ выполненію его, желая окончательно парализовать вмѣшательство Россіи въ дѣла Востока.

Только горькая необходимость заставила Россію признать такое ненормальное положеніе европейскихъ державъ по отношенію къ христіанскому населенію Турціи. Не отъ Россіи зависѣло обсужденіе статей Парижскаго трактата. Въ виду собиравшейся страшной для насъ грозы на юго-востокѣ Европы она должна была лишь безпрекословно подписать предложенный врагами ультиматумъ, написанный тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ прежде велись наши переговоры съ Портой. Склоняясь передъ грубой силой оружія противниковъ и признавая по ихъ приказанію неприкосновенность державныхъ правъ турецкаго султана въ ущербъ его христіанскимъ подданнымъ, Россія могла утѣшать себя лишь тѣмъ, что съ установленіемъ европейской опеки надъ Турціей и ея христіанскимъ элементомъ у нея не отнята возможность преимущественно передъ другими державами заботиться объ участи своихъ восточныхъ единовѣрцевъ, такъ какъ Европа могла уничтожить трактаты но не въ силахъ была искоренить узаконенныя въ нихъ притязанія, которыя были основаны на твердой почвѣ единства вѣры и племени и освящены временемъ.

Въ силу горькой необходимости отрекаясь отъ всякихъ единоличныхъ вмѣшательствъ въ пользу христіанскаго населенія Турціи, Россія въ то же время должна была принять и другое условіе мира, тяжкое для ея самолюбія. Не говоря уже о важной въ политическомъ отношеніи уступкѣ территоріи и потерѣ береговъ Дуная, этой славянской рѣки, она вынуждена была подписать умаленіе своего суверенитета, являвшееся въ высшей степени оскорбительнымъ условіемъ мира, на которое независимое государство можетъ согласиться только лишь въ крайнемъ случаѣ, находясь въ безвыходномъ

положеніи. По Парижскому трактату Россія обязалась не укрѣплять береговъ Чернаго моря и вновь не сооружать на немъ флота вмѣсто погибшаго подъ Севастополемъ; иначе говоря, по Парижскому трактату она согласилась на ограниченіе принадлежащаго всѣмъ самостоятельнымъ и независимымъ государствамъ права самозащиты, которое, какъ извѣстно, сводится къ праву государствъ заботиться о поддержаніи и развитіи вооруженныхъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, о сооруженіи новыхъ крѣпостей и поддержаніи старыхъ, объ учрежденіи арсеналовъ, складочныхъ мѣстъ для оружія и, наконецъ, объ устройствѣ желѣзнодорожныхъ и другихъ путей сообщенія.

Вмѣстѣ съ этимъ оскорбительнымъ для народной чести постановленіемъ Парижскаго трактата Россія приняла на себя не менѣе тяжкое обязательство относительно проливовъ. Послѣ долгихъ пререканій, она должна была согласиться на повтореніе въ Парижскомъ трактатѣ постановленій 1841 года о закрытіи доступа въ Босфоръ Дарданеллы всѣмъ безъ различія европейскимъ военнымъ судамъ и такимъ образомъ примириться со всѣми тѣми невыгодами соблюденія этого «древняго принципа» Оттоманской Порты, о которыхъ было говорено при изложеніи постановленій Лондонской конвенціи 1 (13) іюля 1841 года.

Подводя итоги всему сказанному относительно Парижскаго трактата 1856 года, мы не можемъ не отмѣтить трехъ главныхъ результатовъ, къ которымъ привелъ этотъ знаменитый международный договоръ.

1) онъ приобщилъ Турцію къ семьѣ европейскихъ государствъ, вслѣдствіе чего послѣднія должны были принять на себя право надзора за положеніемъ всѣхъ христіанскихъ народностей Востока;

2) онъ надлежащимъ образомъ не обезпечилъ положенія турецкихъ христіанъ и, предоставляя ихъ участь на усмотрѣніе султана, тѣмъ самымъ полагалъ основу для новыхъ смутъ и недоразумѣній на Востокѣ, ни на шагъ не подвигая впередъ рѣшенія восточнаго вопроса.

3) наконецъ, нейтрализаціей Чернаго моря и рѣшеніемъ вопроса о проливахъ онъ ставилъ Россію въ ненормальные условія и тѣмъ создавалъ другую серьезную и неизбежную угрозу для европейскаго мира.

Таковы ближайшія послѣдствія Крымской войны, поглотившей громадныя жертвы людьми и деньгами. На сколько грубъ былъ способъ, къ которому прибѣгли западныя державы для введенія восточнаго вопроса въ новый фазисъ развитія, на столько несовершенны были и постановленія Парижскаго трактата 1856 года. Поэтому, съ первыхъ дней своего появленія на свѣтъ трактатъ этотъ обреченъ былъ на неизбежное нарушеніе въ самомъ недалекомъ будущемъ.

ГЛАВА IV.

Восточная политика Россіи послѣ Крымской войны и Лондонскій трактатъ 1871 года.

Необезпеченность положенія турецкихъ христіанъ послѣ Крымской войны. Предложеніе Россіи о принятіи мѣръ къ улучшенію быта христіанскаго населенія Турецкой имперіи. Отношеніе къ этому предложенію западной Европы и его послѣдствія. Волненія въ Сиріи и посылка французскихъ войскъ для умиротворенія Леванта. Вторичное предложеніе Россіи относительно дѣйствительнаго улучшенія быта турецкихъ христіанъ. Протоколъ 3 августа 1860 г. Страданія христіанъ у побережья Дуная и Адриатики. Меморандумъ русскаго правительства и турецкій проектъ реформъ. Политика Россіи въ отношеніи Молдавіи и Валахіи и образованіе изъ нихъ Румынскаго княжества. Сербскія дѣла и отношеніе къ нимъ Россіи. Критскій вопросъ. Греко-турецкое столкновеніе и парижская конференція 1869 года. Предложеніе Бейста о пересмотрѣ Парижскаго трактата. Неудача этого предложенія. Отказъ Россіи отъ нейтрализаціи Чернаго моря и переполохъ, произведенный имъ въ политическомъ мѣрѣ западной Европы. Лондонская конференція и пересмотръ Парижскаго трактата. Лондонскій трактатъ 1871 года и его постановленія.

Восточная война, окончившаяся подъ обогренными кровью стѣнами Севастополя и нанесяшая смертельный ударъ системѣ «Священнаго Союза», который теперь самъ собою распался, обнаружила много недостатковъ въ государственной и общественной жизни Россіи и тѣмъ заставила русское правительство серьезно заняться дѣлами внутренней политики, которыя были въ окончательномъ забросѣ въ царствованіе императора Николая I, прославленное походами русскихъ войскъ въ разные концы Европы для подавленія происходившихъ тамъ революціонныхъ движеній. Слѣпо держась началъ «Священнаго Союза» императоръ Николай, подъ вліяніемъ *легитимизма* и *революціофабіи*, потратилъ большую часть своего царствованія служенію интересамъ Европы, благодаря чему не имѣлъ времени посвятить свои заботы проведенію необходимыхъ

реформъ во внутренней жизни русскаго государства, и только неудачная борьба съ половиной Европы заставила его узрѣть тѣ общественные недуги, которыми онъ пренебрегалъ, повелѣвая своими доблестными войсками. Но было уже поздно. То, что долженъ былъ сдѣлать отецъ для своей имперіи, судьба опредѣлила исполнить сыну, царствованіе котораго, по истинѣ можно сказать, открываетъ собою новую эру въ русской исторіи. По окончаніи трехлѣтней тяжелой войны, начатой изъ-за восточнаго вопроса, императоръ Александръ II посвятилъ всю свою энергію и силы проведенію великихъ реформъ, которыя однѣ могли оздоровить Россію и присвоить ей то обаяніе славы, величія и могущества, которое необходимо было ей, какъ великой европейской державѣ.

Само собою разумѣется, что одновременно съ заботами о развитіи внутреннихъ государственныхъ силъ русское правительство не забывало и тѣхъ вопросовъ внѣшней политики, которые были для Россіи болѣе всего дороги. Въ числѣ послѣднихъ на первомъ планѣ стояли, конечно, наши религіозно-національные и матеріальные интересы на Востокѣ, постоянно тревожившіе западную Европу и потому требовавшіе особой внимательности и заботливости со стороны русской дипломатіи.

Что касается до религіозно-національныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ, то заботиться объ обезпеченіи ихъ пришлось вскорѣ же по подписаніи Парижскаго трактата 1856 года. Какъ сказано выше, на Парижскомъ конгрессѣ Россія была устранена отъ исключительнаго покровительства своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, и участь послѣднихъ была предоставлена на произволъ турецкаго султана, обѣщавшаго гатти-гумайюномъ 18 февраля 1856 года скорое улучшеніе положенія своихъ подданныхъ безъ различія исповѣданія. Но приведеніе въ дѣйствіе этого высокознаменательнаго акта постигла та же участь, какая постигала и всѣ предшествовавшіе ему однородные гатти и фирманы объ улучшеніи быта христіанскихъ народностей Турецкой имперіи. Гатти-гумайюнь 1856 года остался мѣртвою буквой, лишній разъ доказавъ Европѣ, что подъ непосредственнымъ управленіемъ Турціи христіанское населеніе ея не можетъ найти мира и благосостоянія. Это безотрадное внутреннее положеніе Оттоманской имперіи уже въ 1860 году обратило на себя вниманіе русскаго правительства.

Въ маѣ этого года петербургскій кабинетъ, въ виду неистовствъ мусульманъ въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ, предложилъ великимъ державамъ созвать конференцію для обсужденія положенія турецкихъ христіанъ. Смыслъ и значеніе нашего предложенія опредѣлялся кн. Горчаковымъ такъ: «Самыя настоятельныя представленія турецкому правительству не повели ни къ чему, и если взрывъ не послѣдовалъ еще ранѣе, то это лишь благодаря совѣтамъ осторожности, съ которыми русское правительство обращалось къ райямъ; но всевозможныя неистовства усилили волненіе, и русскій канцлеръ опасается, чтобы предостереженія одной лишь державы турецкому правительству не остались бездѣйственными; тогда какъ, съ другой стороны, внушеніе христіанамъ долготерпѣнія, которое имъ становится уже не въ силу, можетъ скоро оказаться недостаточнымъ для предупрежденія столкновения. Положеніе это не можетъ продолжаться безъ опасности какъ для самостоятельности Оттоманской имперіи, такъ и для общихъ интересовъ Европы; и русскій кабинетъ полагаетъ, что коллективное посредничество въ Константинополѣ одно могло бы предотвратить грозу. Въ этой мысли онъ и проситъ представителей великихъ державъ сдѣлать своимъ правительствамъ должныя сообщенія, дабы поставить ихъ въ возможность обсудить предложенія Россіи и присоединиться къ нимъ въ той мѣрѣ, какую они сочтутъ для себя удобнѣйшею. Предложенія эти слѣдующія: 1) немедленное заявленіе пяти великихъ державъ, что онѣ долѣе не потерпятъ настоящаго положенія вещей въ христіанскихъ провинціяхъ Оттоманской имперіи и 2) требованіе такой организаціи, которая дала бы христіанскимъ провинціямъ Порты дѣйствительныя гарантіи, имѣющія удовлетворить жалобамъ населеній и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить Европу отъ повторенія случайностей, затрогивающихъ какъ интересы Турціи, такъ и ея собственные» *).

Предложенія Россіи произвели въ политическомъ мірѣ западной Европы довольно сильное волненіе. Тѣмъ не менѣе послѣдствіемъ ихъ было смѣщеніе великаго визиря Мехмеда-Рюшди и назначеніе на его мѣсто Мехмеда Кюпрязли-паши, которому, по мысли французскаго посла, маркиза Лавалета, было поручено произвести слѣдствіе о положеніи турецкихъ христіанъ, возстановить права потерпѣвшихъ и

* Неклюдовъ: Славянскій вопросъ, М. изд. 1876 г., стр. 25.

наказать виновниковъ ихъ нарушенія. Но слѣдствіе это, веденное безъ участія мѣстныхъ европейскихъ агентовъ, не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ находя, что *по некоторымъ* отраслямъ администраціи дѣйствительно требуется скорая и серьезная реформа, великій визирь, по возвращеніи своемъ въ Константинополь, донесъ, что христіанскіе подданные султана не терпятъ никакихъ систематическихъ притѣсненій со стороны ихъ мусульманскихъ согражданъ и что злоупотребленія въ турецкомъ областномъ управленіи не превышаютъ злоупотребленій, встрѣчающихся въ другихъ европейскихъ государствахъ *).

Это успокоительное донесеніе великаго визиря о положеніи христіанскаго населенія Турецкой имперіи, въ свое время опротестованное русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, разумѣется, не только не повело къ уврачеванію язвъ, на которыя совершенно основательно старалась обратить вниманіе Россіи, но напротивъ еще болѣе усилило въ Турціи ненависть магометанскаго элемента къ христіанскому, разразившуюся въ томъ же 1860 году неистовствомъ мусульманскаго фанатизма въ Сиріи. Въ виду того, что это неистовство всею своею тяжестью обрушивалось на католиковъ, составлявшихъ главное населеніе горы Леванта, въ защиту ихъ первой выступила католическая Франція, которая, отложивъ въ сторону провозглашенный на Парижскомъ конгрессѣ принципъ неприкосновенности Оттоманской имперіи и невмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, сдѣлала такое предложеніе великимъ европейскимъ державамъ: «Приказъ, данный начальникамъ эскадръ, предоставить въ случаѣ надобности въ распоряженіе консуловъ свои экипажи не даетъ средствъ одолѣть возстанія въ центрѣ его разгара, т. е. внутри Леванта. Отрядъ войскъ, поставленный въ возможность дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, одинъ могъ бы выполнить эту задачу. Со всѣхъ точекъ зрѣнія мѣра эта имѣла бы доброе значеніе; не говоря о пособіи, какое этотъ отрядъ могъ бы при случаѣ оказать турецкимъ войскамъ одною нравственною своею силою, онъ ободрилъ бы населеніе и оказалъ бы благодѣтельное вліяніе на обращеніе и образъ дѣйствія самихъ оттоманскихъ должностныхъ лицъ. Само собою разумѣется, — оговаривался Туневель, — мѣра эта можетъ быть

*) Неклюдовъ, назв. соч., стр. 28.

принята не иначе, какъ съ согласія Турціи, и что столь же необходимо, чтобы она имѣла характеръ явнаго соглашенія пяти кабинетовъ. Такимъ образомъ въ принципѣ вмѣшательство было бы коллективное, и европейскій отрядъ, посланный въ общихъ видахъ, явился бы нѣкоторымъ образомъ какъ исполнитель препорученій державъ *)).

На это предложеніе англійское правительство отвѣчало, что оно не можетъ послать войскъ въ Сирію, но готово усилить свой морской отрядъ у ея береговъ для болѣе дѣйствительной охраны прибрежнаго населенія. Защита же населенія внутри края и особенно въ Левантѣ, по мнѣнію англійскаго кабинета, могла быть предоставлена, на основаніи особой конвенціи, французскимъ войскамъ и австрійскому отряду, если въ немъ будетъ необходимость; требовать же помощи отъ Пруссіи и Россіи британскому правительству казалось совершенно лишнимъ. Но Россія и не желала играть первенствующей роли въ рѣшеніи левантскаго вопроса, чего такъ боялась Англія. Вполнѣ сочувствуя всякимъ мѣрамъ, направленнымъ къ покровительству христіанамъ, и всегда готовая присоединиться къ нимъ внѣ всякаго условія племени и вѣроисповѣданія, она выразила свое согласіе на сдѣланное ей изъ Франціи предложеніе, заявивъ, что съ радостью, безъ всякаго чувства ревности, привѣтствуетъ въ томъ краѣ французское знамя предпочтительно всякому другому **).

Что касается до самой Порты, то она сначала заявляла формальный протестъ противъ иноземнаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, но потомъ, уступая настояніямъ Франціи, приняла участіе въ открытой въ Парижѣ конференціи пяти великихъ державъ и вмѣстѣ съ ними 5 сентября подписала конвенцію объ отправленіи въ Сирію французскаго корпуса для подавленія мятежа. При обсужденіи этой конвенціи Россія предлагала включить въ нее статью, по которой державы обязались бы совмѣстно съ Турціей и согласно ея торжественнымъ обѣщаніямъ настоять на дѣйствительномъ улучшеніи быта христіанъ во всей имперіи, на искорененіи нетерпимыхъ зло-

*) Сообщение французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Тупевеля, своему посланнику въ Лондонѣ, 17 іюля 1860 г.

**) Кн. Горчаковъ графу Монтебелло, тогдашнему послу въ Петербургѣ, 21 іюля 1860 г.

употребленій, какія были обнаружены, и на предотвращеніи ихъ возникновенія органическими административными мѣрами». Но эти, совершенно основательныя предложенія Россіи, благодаря тогдашнему настроенію кабинетовъ, не были приняты въ томъ видѣ, въ какомъ дѣлало ихъ императорское правительство, и лишь, какъ голословныя *ria desideria*, занесены были въ добавочный къ конвенціи протоколъ, подписанный 3-го августа, въ которомъ Турція съ своей стороны сдѣлала не менѣе голословное заявленіе о принятіи ихъ къ свѣдѣнію. Въ протоколѣ этомъ было сказано, что «уполномоченные Австрія, Франція, Англія, Пруссія и Россія, желая опредѣлить истинное значеніе содѣйствія, оказываемаго ихъ правительствами Блистательной Портѣ и пр., формальнѣйшимъ образомъ объявляютъ, что договаривающіяся стороны, во исполненіе принимаемыхъ ими обязательствъ, не имѣютъ и не будутъ имѣть въ виду ни територіальныхъ выгодъ, ни какого либо исключительнаго вліянія, ни коммерческихъ преимуществъ для ихъ подданныхъ, которые не могли бы быть предоставлены и подданнымъ всѣмъ прочимъ державъ. Тѣмъ не менѣе, памятуя акты, провозглашенныя его величествомъ султаномъ, высокое значеніе коихъ признано 9-ю статьею трактата 30 марта 1856 года, они не могутъ воздержаться отъ того, чтобы не выразить всей истны, придаваемой ихъ дворами тому, чтобы сообразно торжественнымъ обѣщаніямъ Блистательной Порты были приняты серьезныя административныя мѣры къ улучшенію быта христіанскаго населенія вслѣдъ въ происловданій въ Оттоманской имперіи. Турецкій уполномоченный принимаетъ къ свѣдѣнію эту декларацию представителей великихъ державъ и обязуется przeprowadить ее своему двору, причѣмъ присовокупляетъ, что Блистательная Порта употребляетъ доселѣ и будетъ прилагать всѣ свои усилія въ смыслѣ выше выраженаго желанія державъ»*)).

По окончаніи французской экспедиціи, приведшей къ подавленію мятежа и водворенію порядка въ Левантѣ, европейская коммиссія выработала въ 1864 году уставъ этой провинціи, опредѣлявшій, что генералъ-губернаторъ ея будетъ избираемъ Портою съ согласія европейскихъ державъ и имѣть точно означенныя въ этомъ уставѣ права и обязанности по отношенію къ мѣстному христіанскому на-

*) Протоколъ 8 августа 1860 г.

селенію, приче́мъ своевольно оти́мать этотъ уставъ Порты не въ правѣ *). Но уврачеванія въ одномъ концѣ имперіи, страданія христіанъ не переставали обращать на себя вниманіе въ прибрежьяхъ Дуная и Адриатики, гдѣ сосѣдство Европы, казалось должно было-бы наиболѣе благотворно вліять на ихъ участь. Изъ этихъ странъ шли къ европейскимъ консуламъ жалобы на порядокъ сбора податей, на убійства и насилія со стороны турокъ и т. д., чему турецкимъ правительствомъ не придавалось никакого значенія въ виду того, что султанъ твердо полагался на вѣрность недавняго показанія великаго визира, свидѣтельствовавшаго о томъ, что никакихъ притѣсненій христіанъ со стороны турокъ не существуетъ, и что всѣ факты подобнаго рода, на которые указывается европейскою дипломатіею, ни больше ни меньше какъ вымышленны.

Вѣдѣствіе крайней неутѣшительности внутренняго состоянія Балканскаго полуострова, русскій посолъ въ Константинополь, кн. Лобановъ, тогда же вручилъ Портѣ меморандумъ въ которомъ указывалъ на необходимость допустить великія державы къ обсужденію плана реформъ совмѣстно съ министрами султана. Мысль эта, благосклонно принятая въ Парижѣ и Лондонѣ, конечно, была отвергнута турецкимъ правительствомъ, которое обѣщалось лишь сообщить державамъ о тѣхъ реформахъ, которыя будутъ въ принципѣ рѣшены Портой. Обѣщаніе это было исполнено въ маѣ 1861 года. Порты проектировала оти́мну откупнаго порядка сбора косвенныхъ налоговъ, учрежденіе контроля по сбору съ поселянъ прямыхъ налоговъ, организацію полицейской стражи, учрежденіе уголовныхъ судовъ съ допущеніемъ свидѣтельства христіанъ и т. д. Но всѣ эти предположенныя реформы, разумѣется, потерпѣли ту же участь, какую претерпѣвали и прежнія обѣщанія Порты принять серьезныя мѣры къ дѣйствительному улучшенію быта ея христіанскихъ подданныхъ.

Заботясь объ улучшеніи положенія христіанскаго населенія турецкихъ провинцій, Россія въ то же время зорко слѣдила и за судьбами полунезависимыхъ областей Оттоманской имперіи, гдѣ послѣ Парижскаго конгресса также постоянно происходили разнаго

*) Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 261.

рода событія, обращающія на себя вниманіе великихъ державъ Европы. Такъ въ 1862 году она вступилась, на примѣръ, за Черногорію, въ предѣлы которой было отправлено султаномъ огромное войско подъ предлогомъ наказанія ея за помощь возставшимъ въ то время герцеговинцамъ. Но наибольшій интересъ въ указанномъ смыслѣ представляетъ политика Россіи въ отношеніи Дунайскихъ княжествъ и Сербіи.

Еще на Вѣнской конференціи и на Парижскомъ конгрессѣ поднимались нѣкоторые вопросы, касавшіеся улучшенія положенія христіанъ Востока, но подъ влияніемъ эгоистическихъ стремленій времени они не были разрѣшены. Въ числѣ такихъ вопросовъ тамъ было намѣчено французскимъ посломъ сліяніе Дунайскихъ княжествъ въ виду общности происхожденія ихъ населенія. «Я думаю, — сказалъ Валуевскій на второмъ засѣданіи Парижскаго конгресса, — что соединеніе обѣихъ провинцій отвѣчаетъ нуждамъ, открывающимся при внимательномъ обсужденіи ихъ настоящихъ интересовъ, и конгрессъ долженъ бы былъ принять соединеніе и объявить... Молдавоявалахи воодушевлены, какъ одинъ человѣкъ, желаніемъ образовать въ будущемъ лишь одно государство: это желаніе объясняется общностью происхожденія и религіи». На смѣлое предложеніе представителя Франціи делегаты Россіи отвѣчали полнымъ согласіемъ. Но англійскій уполномоченный воспротивился этому и замѣтилъ, что инициатива подобнаго предложенія должна принадлежать самой Портѣ. Понятно, что султанъ поспѣшилъ отклонить предложеніе Франціи, тѣмъ болѣе, что проведеніе его было враждебно встрѣчено со стороны вѣнскаго двора, который изъ личныхъ своихъ выгодъ не могъ раздѣлять стремленій молдаванъ и валаховъ къ большей силѣ и самостоятельности.

Но если на конгрессѣ нашли лучшимъ раздѣлить Молдавію и Валахію, то совершенно другаго воззрѣнія въ этомъ вопросѣ держались сами заинтересованные княжества, гдѣ стремленіе къ сліянію составляло цѣль не однихъ экзальтированныхъ головъ, но и спокойныхъ разсудительныхъ политиковъ*). Румынскіе патріоты полагали, что для окончательнаго избавленія страны отъ турецкаго ига и для достиженія полной независимости необходимо соединеніе Дунай-

*) Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, ч. II, стр. 94.

скихъ княжествъ въ одно цѣлое подѣ монархическою властью одного изъ членовъ наиболѣе уважаемой въ Европѣ династїи.

Между тѣмъ великія европейскія державы, какъ и на Парижскомъ конгрессѣ, продолжали расходиться во взглядахъ на желанїя Дунайскихъ княжествъ. Хотя Россїя и видѣла въ ихъ стремленїи нарушенїе Парижскаго трактата, но она не могла идти въ данномъ случаѣ въ разрѣзъ съ интересами своихъ единовѣрцевъ. За сляніе стояла также и Франція. Что касается до великобританскаго двора, то онъ готовъ былъ допустить лишь административное соединенїе, но никакъ не политическое. Вѣнскій же кабинетъ, вмѣстѣ съ оттоманскимъ правительствомъ, рѣшительно высказывался противъ того и другого способа объединенїя Дунайскихъ княжествъ. Всѣ эти разнообразныя взгляды были примирены лишь Парижскою конференціей 1858 года, на которой великія державы, подписавшія Парижскій трактатъ, выработали окончательную организацію княжествъ. Организація эта была изложена въ конвенціи 19 августа 1858 года, согласно которой, оба государства, извѣстныя отнынѣ подѣ названїемъ *соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи*, пребываютъ подѣ верховною властью султана; народное управленїе въ каждомъ княжествѣ вѣряется *своему господарю*, утверждаемому султаномъ, и избирательному собранїю, дѣйствующему въ извѣстныхъ случаяхъ при содѣйствїи *центральной комиссіи, общей для обоихъ княжествъ*. Эта комиссія, составляемая изъ 8 молдаванъ и 8 валаховъ, была такъ сказать связующимъ звеномъ двухъ княжествъ и должна была засѣдать въ Фокшанахъ *).

Получивъ однородныя учрежденїя (по министерству и законодательному собранїю) и названїе княжествъ «соединенныхъ», государства сочли это соединенїе за дѣйствительное объединенїе «романской національности», и когда въ 1859 году наступили выборы господарей, выбрали таковыми какъ въ Молдавіи (17 января), такъ и въ Валахіи (6 февраля) *одно и то же лицо*. То былъ полковникъ Куза. Постановленїя конференціи оказались такимъ образомъ обойденными. Но несмотря на это, въ засѣданїи 6 сентября 1859 года она посовѣтовала Оттоманской Портѣ признать выборы правильными и *только ради этого исключительнаго случая* утвердить пол-

*) Martens, Nouv. Rec. gén XVI, 2 n. 582.

ковника Кузу княземъ *обоимъ* княжествъ. Инвеститура была выдана, но для поддержанія принципа раздѣленія княжествъ выдана въ двухъ различныхъ фирманахъ. Въ декабрѣ 1861 года Порта признала *административное совдиненіе* двухъ государствъ *пожизненно для Кузы*, правившаго подъ именемъ Александра-Іоанна I, и *личная унія* такимъ образомъ превращена была въ *реальную унію*, чему, конечно, конференція нисколько не противилась. 23 декабря 1861 года въ Яссахъ и Бухарестѣ была обнародована прокламація, объѣвившая объ объединеніи княжествъ въ одно государство: «слиянiе совершилось — гласила прокламація—и наша романская національность утверждена; это знаменательное событіе, о которомъ мечтали прошлыя поколѣнія, признано Высокою Портою и державами-покровительницами». 5 февраля 1862 года было собрано *первое общее законодательное собраніе* *).

Князь Александръ-Іоаннъ I, потомокъ незнатнаго боярскаго рода, былъ человекъ очень умный, и благодаря счастью и уму одержалъ верхъ надъ болѣе высокопоставленными соперниками. Но онъ — говоритъ Веберъ въ своей «Всеобщей Исторіи» — «былъ склоненъ къ самовластію и расточительности, а своей семейною и домашнею жизнью подавалъ поводы къ скандалу. Какъ только представители сословій оказались не особенно предупредительными къ исполненію его желаній, онъ отдѣлялся отъ стѣсненій по примѣру своего доброжелателя, Наполеона, принятаго имъ за образецъ, и посредствомъ плебисцита добился болѣе широкой власти. На основаніи этой власти началось господство произвола и деспотизма, а такъ какъ при этомъ своекорыстіе и безнравственность Александра навлекали на него общую ненависть и презрѣніе, то черезъ два года произошло въ Бухарестѣ возстаніе, имѣвшее послѣдствіемъ изгнаніе Кузы». 11 (23) февраля противъ князя состоялся заговоръ и, арестованный въ своемъ дворцѣ, онъ принужденъ былъ подписать отреченіе отъ престола. Послѣ этого переворота, освободившаго народъ отъ тя-

*) Подробный очеркъ документовъ, относящихся къ этому вопросу, на основаніи которыхъ можно составить себѣ понятіе о юридическихъ отношеніяхъ, о ходѣ переговоровъ и въ особенности о положеніи императорскаго правительства съ самаго возникновенія этого вопроса до 1864 года, представленъ въ официальной статьѣ: «Историческій очеркъ вопроса о Дунайскихъ княжествахъ съ 1856 года», перепечатанной въ „Современной Лѣтописи“ за 1866 г. № 9 изъ „Journal de St.Petersbourg“.

желдаго кошмара, палаты единогласно провозгласили правителемъ соединенныхъ княжествъ графа Фландрскаго, подъ именемъ Филиппа I. Когда же этотъ послѣдній отклонилъ отъ себя предложеніе, депутаты Молдавіи и Валахіи обратились къ Парижской конференціи съ заявленіемъ, что туземный князь, назначенный пожизненно или на опредѣленное время, съ этихъ поръ сталъ невозможенъ; что страна никогда не рѣшится совершить подобнаго выбора, что она желаетъ *династіи* иностраннаго князя и т. д.

Послѣ отреченія князя Кузы султанъ, основываясь на Парижскомъ трактатѣ, обратился къ державамъ-поручительницамъ съ просьбою созвать одну палату въ Бухарестѣ, а другую въ Яссахъ, которыя *по прежнему* избрали бы князей для *каждаго* изъ *господствъ* отдельно. По общему соглашенію членовъ конференціи державы рѣшили пригласить княжества къ исполненію трактатовъ. Но было уже поздно. Чувство національнаго единства успѣло настолько развиться у молдаво-валаховъ, что дипломатія не въ силахъ была его заглушить, и Дунайскія княжества не обратили ровно никакого вниманія на заявленія Парижской конференціи. Мало того, въ апрѣлѣ 1866 года временное правительство выставило кандидатуру Карла Гогенцоллерна, и этотъ нѣмецкій принцъ, при ближайшемъ участіи и вліяніи Пруссіи, былъ избранъ княземъ *Румыніи* громаднымъ большинствомъ голосовъ. Принявъ корону, принцъ Карлъ 10 (22) мая 1866 года торжественно вступилъ въ Бухарестъ и здѣсь принесъ присягу; вслѣдъ затѣмъ 1 (13) іюля 1866 года была обнародована румынская конституція. Турція хотѣла ввести въ княжества свои войска; но конференція, вполне сознавая незаконность вступленія на престолъ принца Карла, высказалась противъ турецкаго вмѣшательства. Тогда Оттоманская Порта, въ виду сильнаго броженія среди ея христіанскихъ народностей, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, актомъ 24 октября 1866 года признала принца Карла княземъ Румыніи съ правами наслѣдованія для его потомковъ по прямой линіи **).

Послѣ Парижскаго мира 1856 года долгое время не могло водвориться спокойствіе и въ Сербскомъ княжествѣ. Въ концѣ

*) Arntz „De la situation de la Roumanie au point de vue du droit international“; Revue de droit international, 1877 г., стр. 36—37.

1858 года, почти одновременно съ политическимъ переворотомъ въ Дунайскихъ княжествахъ, въ Бѣлградѣ вспыхнула революція, подготовленная тою же самою борьбою партій, слѣдствіемъ которой были и всѣ прежнія замѣшательства въ Сербіи послѣ Адрианопольскаго мира. Князь Александръ Карагеоргіевичъ, ревностный сторонникъ вѣнскаго кабинета, былъ свергнутъ съ престола, а на его мѣсто призванъ съ правомъ наслѣдственности престарѣлый и дряхлый Милошъ Обреновичъ, двадцать лѣтъ тому назадъ удалившійся изъ Сербіи на чужбину, уступая давленію партіи уставобранителей, которыхъ поддерживала Порта и Россія... Въ эти 20 лѣтъ, бывшихъ для Сербіи періодомъ тяжелыхъ внутреннихъ испытаній, а для Россіи — временемъ дипломатическихъ и военныхъ разочарованій, уже вполнѣ совершилось примиреніе какъ между Сербіей и ея бывшимъ княземъ, такъ и между нимъ и Россіей, тѣмъ болѣе, что императора Николая тогда не было въ живыхъ. Поэтому русское правительство послѣдшило признать совершившійся въ Сербскомъ княжествѣ переворотъ и при содѣйствіи Франціи, склонило къ тому же турецкаго султана, такъ что 6 февраля Милошъ Обреновичъ вступилъ въ Бѣлградъ. Но 14 (26) сентября 1860 года онъ умеръ, и княземъ Сербіи былъ утвержденъ единственный сынъ его Михаилъ, раньше бывший уже сербскимъ княземъ *).

Принявъ управленіе страной, Михаилъ поднялъ вопросы о правахъ мусульманскихъ обывателей въ Сербіи и о турецкихъ гарнизонахъ въ ея крѣпостяхъ, вопросы, которые тогда не были достаточно ясно опредѣлены ни турецкою, ни русскою дипломатіею, и болѣе или менѣе неблагоприятно отражались на внутренней жизни Сербскаго княжества. Что касается до пребыванія турокъ въ сербскихъ городахъ, то по гатти-шерафу 1830 года въ княжествѣ разрѣшено было жить лишь мусульманамъ, составлявшимъ гарнизоны въ крѣпостяхъ, подъ условіемъ, чтобы они находились внутри крѣпостныхъ стѣнъ и не имѣли земельной собственности за этими стѣнами. Но въ 1833 году Порта, пользуясь особымъ расположеніемъ Россіи, издала новый гатти-шерифъ, которымъ разрѣшала мусульманамъ

*) Подробный очеркъ исторіи внутренней и внѣшней политики Милоша въ 1859—1860 годахъ см. у Попова въ его статьѣ: „Вторичное правленіе Милоша Обреновича“. Рус. Мысль за 1880 г. № 4 и 9 и 1881 г. № 7.

«оставаться въ столицѣ княжества, имѣть свою юрисдикцію и въ сношеніяхъ съ сербами находится подъ покровительствомъ турецкихъ властей. Такое отступленіе отъ условій 1830 года создало въ Сербіи ненормальныя отношенія между христіанами и мусульманами, между сербами и турками. Въ Бѣлградѣ, столицѣ княжества—говорить Поповъ,—«оно поставило рядомъ двѣ независѣвшія другъ отъ друга власти, какъ бы государство въ государствѣ. Но такое положеніе, основывавшееся лишь на частномъ изъятіи, переносилось по аналогіи и на общее управленіе. Если сербскія власти, которымъ подчинены были христіане, находились подъ верховнымъ правленіемъ своего князя, то турецкіе муллы, кадѣи, а также власти военныя и полицейскія, дѣйствовавшія въ разныхъ городахъ Сербіи, оставались подъ высшимъ и общимъ управленіемъ паши, начальствовавшего надъ гарнизономъ бѣлградской крѣпости, откуда нѣкогда управляли всѣмъ сербскимъ пашалыкомъ бѣлградскіе визири»*)).

Такое неестественное положеніе, которое можно было-бы устранить удаленіемъ мусульманскихъ жителей изъ Сербскаго княжества, вынудило Михаила, по примѣру отца, возбудить передъ Портою ходатайство объ измѣненіи условій гатти-шерифа 1833 года. Но ходатайство это въ связи съ постановленіемъ такъ-называемой «преображенской» скупщины, выработавшей, между прочимъ, четыре основныхъ закона: о самой скупщинѣ, о державномъ совѣтѣ, о подоходномъ налогѣ и о народномъ войскѣ,—вызвало протестъ со стороны турецкаго правительства, которое черезъ своихъ посланниковъ обратилось къ европейскимъ кабинетамъ съ жалобой на домогательства руководителей сербскаго народа, нарушающія права султана и затрогивающія интересы Турціи. Англійскій и австрійскій кабинеты признали протестъ Порты заслуживающимъ вниманія. Что же касается Франціи и Россіи, то онѣ совершенно иначе взглянули на сербское дѣло. {Французское правительство не находило въ постановленіяхъ сербской скупщины никакого существеннаго нарушенія прежнихъ договоровъ, а Россія окончательно не признавала основательными жалобъ Порты: «Наслѣдственность—замѣчалъ князь Горчаковъ—составляетъ право Сербіи, издавна признанное и нигдѣ не отмѣненное. Перемѣны въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учреж-

*) Сербія и Порты въ 1861—1867 годахъ.; Вѣст. Европы за 1879 г. № 2, стр. 508.

деніяхъ Россія разсматриваетъ какъ сербскій внутренній вопросъ, и если Порты увѣряетъ, что эти перемены нарушаютъ права, которыя она желала бы сохранить неизмѣнными для сербскаго народа, то ей не слѣдуетъ быть болѣе ревностною въ этомъ случаѣ чѣмъ самъ сербскій народъ, представительницею котораго и была скупщина. Что же касается народнаго войска, то князь Горчаковъ напоминалъ, что оно имѣетъ цѣлью охраненіе порядка и безопасности внутри Сербіи*).

Благодаря политикѣ Австріи и Англіи дипломатическая распря между Портой и Сербіей привела въ скоромъ времени къ вооруженному столкновенію между ними и бомбардированію Бѣлграда турками въ 1862 году. Такой оборотъ дѣлъ вызвалъ съ своей стороны созывъ международной конференціи въ Константинополь, на которой поднять былъ вопросъ какъ о правахъ мусульманскихъ обывателей въ Сербіи, такъ и о турецкихъ гарнизонахъ въ ея крѣпостяхъ, но разрѣшенъ былъ лишь первый изъ этихъ вопросовъ. По окончательному протоколу конференціи турки должны были выселиться изъ Сербіи отовсюду и изъ самаго Бѣлграда, за исключеніемъ крѣпостей**). Выгоды эти были не новы для Сербіи, но большаго на этотъ разъ она не успѣла получить потому, что дѣятельность великихъ державъ на конференціи, за исключеніемъ представителей Россіи и Франціи, видимо клонилась къ уменьшенію тѣхъ правъ, на приобрѣтеніе которыхъ могъ разсчитывать въ то время сербскій народъ.

Само собою разумѣется, что поднявъ, но не разрѣшивъ вопроса о крѣпостяхъ, великія державы не надолго установили мирныя отношенія между Сербіей и Портой. Князь Михаилъ, заботясь объ упроченіи мирнаго развитія и процвѣтанія Сербіи, въ скоромъ же времени направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы добиться очищенія сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ. Это вызвало новыя замѣшательства на Востокѣ, опять поставившія въ весьма затруднительное положеніе Австрію и Англію. Вѣнскій дворъ видѣлъ въ предоставленіи большей самостоятельности балканскимъ народностямъ лишь поводъ къ волненіямъ славянскаго элемента какъ на

*) Поповъ, наз. ст., стр. 518—519.

***) Канлиджскій протоколъ 23 августа (4 сентября) 1862 года.

территоріи самой Австріи, такъ и во владѣніяхъ Оттоманской Порты. Что касается Англіи, то она не желала ослабленія Турціи на счетъ усиленія христіанской райи, такъ какъ девизомъ восточной политики великобританскаго двора было въ то время охраненіе цѣлости Турецкой имперіи и полнѣйшая неприкосновенность верховныхъ правъ султана надъ христіанскими землями Балканскаго полуострова. Иное впечатлѣніе произвелъ сербско-турецкій вопросъ на Россію и Францію, которыя стремились къ образованію мелкихъ самостоятельныхъ государствъ на территоріи Турецкой имперіи. На конференціи, собравшейся для разрѣшенія возникшихъ между Портой и Сербіей затрудненій по вопросу объ очищеніи сербскихъ крѣпостей турецкими гарнизонами, обѣ эти державы стали на сторону сербскаго народа, тогда какъ Австрія съ Англіей высказались за точное соблюденіе Сербіей постановленій Парижскаго трактата. Впрочемъ, со вступленіемъ въ австрійское министерство Бейста, политика вѣнскаго двора измѣнилась въ благопріятномъ для Сербіи смыслѣ. Эта перемѣна восточной политики Австріи въ свою очередь повліяла и на лондонскій кабинетъ, вслѣдствіе чего явилась возможность придти къ общеевропейскому соглашенію по сербско-турецкому дѣлу. Результатомъ этого соглашенія было окончательное очищеніе сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ. Ристичъ вручилъ великому визирю княжескую ноту, въ которой излагалась просьба объ уступкѣ Сербіи крѣпостей, а великія державы поддержали ходатайство сербовъ; въ виду этого Порта отправила Михаилу ноту, въ которой извѣщала, что султанъ согласенъ передать Сербіи крѣпости съ условіемъ, чтобы рядомъ съ сербскимъ флагомъ развѣвался и оттоманскій *).

Такой мирный исходъ сербскаго дѣла много зависѣлъ отъ критскаго вопроса. Какъ извѣстно, критяне, нѣсколько разъ поднимавшіеся съ тѣмъ, чтобы во имя національной идеи соединиться съ Греціей, въ 1866 году рѣшили «сбросить съ себя иго трактатовъ, которыми они были подчинены обманчивой дипломатіей»**. Это ге-

*) Отвѣтъ великаго визиря Ристичу отъ 20 февраля (4 марта) 1867 года. Подробности всѣхъ изложенныхъ переговоровъ см. у Попова: Сербія и Порта въ 1861—1867 годахъ. Вѣст. Евр. за 1879 г. № 2 и 3.

***) Слова декрета національнаго собранія критянъ, изданнаго во время возстанія 1866 г.

ройское возстаніе поставило Порту въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ вызвало къ себѣ сочувствіе даже тѣхъ державъ, которыя, какъ напр., Англія, всегда являлись ревностными защитницами нераздѣльности и цѣлости Турецкой имперіи. Но особенно большихъ размѣровъ сочувствіе къ возстанію достигло въ Греціи, которая, оказывая явную поддержку кандидатамъ, была готова вступить въ открытую борьбу съ Турціей, если бы то допустили великія державы.

Нечего и говорить о томъ, что живое участіе Греціи въ кандійскомъ возстаніи было весьма неприятно Турціи, такъ какъ грозило отпаденіемъ отъ нея Кандія. Въ виду этого турецкое правительство обращалось какъ къ самой Греціи, такъ и къ великимъ европейскимъ державамъ съ неоднократными жалобами на ту роль, какую играло въ возстаніи греческое правительство. Дальше этихъ жалобъ Порты не шла вслѣдствіе повсемѣстнаго въ Европѣ сочувствія къ возставшему народу. Но когда возстаніе кандидатовъ уже было почти подавлено, и турецкое правительство заручилось содѣйствіемъ Англіи и Франціи, султанъ рѣшился принять энергическія мѣры противъ греческаго королевства, продолжавшаго оказывать помощь кандидатамъ, возставшимъ противъ турецкаго ига. Въ видахъ прекращенія подобнаго рода дѣйствій греческаго правительства, Порты 10 декабря 1868 года вручила ему ультиматумъ, въ которомъ заявила, что если Греція не приметъ на себя въ пятидневный срокъ формальнаго обязательства «безотлагательно принять образъ дѣйствій, сообразный съ существующими договорами и съ международнымъ правомъ», то тогда она объявитъ ей войну.

Турецкій ультиматумъ былъ отвергнутъ греческимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего великія державы, испуганныя тѣми вѣроятными послѣдствіями, которыя поведетъ за собою открытая война, успѣли посоветовать Греціи уступить «законнымъ требованіямъ» Оттоманской имперіи. Но увидѣвъ, что Греція и не думаетъ уступать, что она готова поднять брошенную перчатку и начать кровавый бой, онѣ предложили обѣимъ сторонамъ передать ихъ споры и взаимныя притязанія на обсужденіе международной конференціи. Турція и Греція изъявили свое согласіе на это предложеніе, инициатива котораго исходила отъ Россіи, державшей сторону грековъ вмѣстѣ съ Пруссіей и Италіей, но труды европейскихъ дипломатовъ

остались безъ всякаго вліянія на сущность вопроса. Вмѣшательство дипломатіи въ греко-турецкое столкновение не привело Критъ къ «нераздѣльному и вѣчному соединенію съ Греціей», и интересно лишь въ томъ отношеніи, что лишній разъ доказало, насколько сочувственно относились западныя державы къ нуждамъ и стремленіямъ христіанскихъ подданныхъ султана. Постановленіемъ конференціи, собранной въ 1869 году въ Парижѣ, великія державы обрекли несчастный Критъ на совмѣстное государственное существованіе съ Турціей, причемъ ихъ пристрастіе къ этой державѣ было доведено до того, что онѣ не хотѣли даже допустить уполномоченнаго Греціи на конференцію въ качествѣ полноправнаго члена, пригласивъ его только съ совѣщательнымъ голосомъ, хотя другая изъ заинтересованныхъ сторонъ—Порта—приняла въ ней участіе на равныхъ правахъ съ остальными державами. Такое отношеніе Парижской конференціи къ Греціи было прямымъ нарушеніемъ того общаго правила, провозглашеннаго еще Ахенскимъ протоколомъ 15 ноября 1818 г., въ силу котораго «каждое государство имѣетъ право на то, чтобы дѣла, его касающіяся, не обсуждались великими державами безъ его участія», и чтобы оно было поставлено по отношенію къ этимъ державамъ «на какъ обвиняемый передъ судьей, а какъ полноправное лицо и равноправный съ ними членъ международнаго союза» *).

Сліяніе Дунайскихъ княжествъ въ одно государственное и политическое тѣло и очищеніе сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ въ связи съ европейскимъ вмѣшательствомъ, такъ сказать, въ домашнія дѣла Оттоманской Порты, отъ котораго она ограждалась трактатомъ 1856 года, — все это было со стороны великихъ европейскихъ державъ несомнѣннымъ нарушеніемъ тѣхъ самыхъ постановленій, которыя были приняты ими на Парижскомъ конгрессѣ. Чѣмъ вызваны были эти нарушения Парижскаго трактата—очевидно само собою. Кромѣ личныхъ, эгоистическихъ стремленій, европейскія державы, разумѣется, руководились въ данномъ случаѣ и другими соображеніями, болѣе возвышеннаго свойства. Ненормальность положенія христіанъ Востока рѣзко била имъ въ глаза, а свойственное всѣмъ чувство челоуѣколюбія заставляло отречься отъ тѣхъ по-

*) Блунчли. Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса. § 105 и 106.

становленій, которыя были выработаны уполномоченными державами второпыхъ, подъ вліяніемъ сильно разгорѣвшихся страстей, въ состояніи, такъ сказать, аффекта. Когда Европа мало-по-малу успокоилась, она не могла не признать, что сдѣлала грубую ошибку, поручивъ улучшеніе быта балканскихъ христіанъ ихъ непримиримому врагу—султану, который уже въ силу своихъ религиозныхъ принциповъ не имѣлъ права сдѣлать ни одного шага въ духѣ, согласномъ съ желаніями цивилизованнаго міра. Послѣ Крымской войны на Востокѣ обнаружались признаки сильнаго движенія среди христіанскаго элемента Турецкой имперіи, которое каждую минуту грозило серьезными замѣшательствами на Балканскомъ полуостровѣ. Чтобы во время предупредить эти замѣшательства, для разрѣшенія которыхъ потребовалось бы много невинной христіанской крови, великія европейскія державы и пошли въ разрѣзъ съ постановленіями Парижскаго трактата. Мало того, у нихъ проявлялось даже сознание необходимости произвести коренныя реформы въ положеніи христіанъ Востока.

Но проведеніе какихъ бы то ни было реформъ въ смыслѣ улучшенія быта подвластныхъ Турціи христіанъ зависѣло отъ общаго соглашенія всѣхъ великихъ европейскихъ державъ насчетъ средствъ къ ихъ выполненію, а такого соглашенія въ то время весьма мудрено было добиться. Когда Франція предложила вѣнскому двору инициативу въ отысканіи необходимыхъ средствъ къ улучшенію настоящаго положенія дѣлъ на Востокѣ, австрійскій министръ Бейстль съ радостью принялъ это предложеніе и въ депешѣ отъ 1-го января 1867 года ясно изложилъ свой взглядъ на восточныя дѣла. «По его мнѣнію—говоритъ г. Бутковскій—на Востокѣ предстояли большія опасности, если европейскія державы не рѣшались ихъ предупредить. Спасительныя средства послѣднихъ лѣтъ оказались неэффективными; а съ 1856 года въ Европѣ произошли значительныя перемѣны: идея національности сдѣлала большія успѣхи и даетъ обитателямъ полуострова соблазнъ къ такому же триумфу». Все это доказываетъ, что наступило время для пересмотра Парижскаго трактата. Для этой цѣли австрійскій министръ предлагалъ созвать европейскую конференцію, назначеніемъ которой было бы урегулированіе нѣкоторыхъ пунктовъ договора 1856 г. «На Парижскомъ конгрессѣ права христіанскихъ народностей не твердо опредѣлены; правда, въ договорѣ 1856 г. упоминается о гатти-гумайюнѣ, но это сказано въ слишкомъ общихъ

выраженіяхъ и не представляетъ никакой гарантіи. Отыскать эту гарантію составитъ обязанность конференціи, а послы державъ должны узнать взгляды и намѣренія Порты насчетъ ея различныхъ областей. Этого, однако, недостаточно; надо еще зѣручиться содѣйствіемъ всѣхъ державъ. Достигнуть этого можно лишь въ томъ случаѣ, если положеніе русскаго кабинета относительно Турціи будетъ освобождено отъ разныхъ стѣсненій, которыя всѣ болѣе или менѣе фиктивны. Этии стѣсненіями, навязанными Россіи, поставили петербургскій кабинетъ въ недружелюбное настроеніе; на Востокѣ же приходится имѣть дѣло со славянами; а потому, относясь къ Россіи съ подобающимъ уваженіемъ, можно добиться ея содѣйствія въ разрѣшеніи вопросовъ *)).

Предложеніе Бейста не встрѣтило, однако, сочувствія въ Европѣ. Морскія державы—Англія и Франція—заподозрили вѣнскій дворъ въ излишнемъ расположеніи къ Россіи и ясно выразили свое нежеланіе отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя приобрѣли по Парижскому трактату. Да и сама Россія отнеслась чрезвычайно холодно къ заявленіямъ австрійскаго министра. «Князь Горчаковъ нашель, что образъ дѣйствій Австріи поспѣшенъ, что онъ безъ нужды возбуждиль подозрительность Франціи, и что мысль о конференціи для разрѣшенія вопросовъ Востока неудовлетворительна. Русскій Министръ слишкомъ хорошо зналъ настроеніе Парижа и Лондона, чтобы дѣлать попытку снять путы, наложенныя Парижскимъ договоромъ. Онъ терпѣливо выжидаль благоприятной минуты, когда можно будетъ безопасно выбросить за бортъ стѣснительныя условія, возникшія вслѣдствіе Крымской войны» **).

Сознавая собственное достоинство и силу послѣ цѣлаго ряда великихъ реформъ императора Александра II, Россія не могла болѣе выносить тѣхъ ограниченій, которыя поставлены были ей на Черномъ морѣ Парижскимъ трактатомъ и глубоко оскорбляли ея честь и національное самолюбіе. Она искала только удобнаго случая для того, чтобы развязать себѣ руки на Черномъ морѣ. Случай для этого представился въ 1870 году. Франція была подавлена войною съ Пруссіей; Австрія стояла одиноко; вслѣдствіе франко-прусской войны была изолирована и Англія, которая главнымъ образомъ настаивала на

*) Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, т. II, стр. 102.

**) Бутковскій, назв. соч., стр. 103.

постановленіяхъ объ ограниченіи русскихъ боевыхъ силъ на Черномъ морѣ и всегда усердно ратовала за ненарушимость трактата 1856 г. Такая группировка великихъ европейскихъ державъ, какъ нельзя болѣе соответствовала видамъ Россіи, и она, вполне основательно рассчитывая на то, что Англія и Австрія не поднимутъ оружія въ-за нарушения одного пункта Парижскаго трактата, уже не разъ подвергавшагося нарушеніямъ, успѣшила объявить Европѣ, что находить невозможнымъ для себя дальнѣйшее исполненіе наведенныхъ ей ограниченій и поэтому требуетъ отмены постановленій Парижскаго трактата относительно нейтрализаціи Чернаго моря. Это заявленіе было сообщено западно-европейскимъ кабинетамъ въ циркулярной депешѣ кн. Горчакова отъ 19 (31) октября 1870 года.

Въ депешѣ этой говорилось, что «неоднократныя нарушенія, которымъ въ послѣдніе годы подвергались договоры, почитаемые основаніемъ европейскаго равновѣсія, поставили императорскій кабинетъ въ необходимость вынудить въ нихъ значеніе по отношенію къ политическому положенію Россіи. Въ числѣ этихъ договоровъ къ Россіи наиболѣе непосредственно относится трактатъ 18-го (30) марта 1856 года», ограничивающій ея морскія силы и устанавливающій нейтрализацію Чернаго моря. «Державы, подписавшія трактатъ, полагаютъ, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновеній какъ между прибрежными государствами, такъ равно и между послѣдними и морскими державами. Оно долженствовало умножить число странъ, пользующихся, по единогласному уговору Европы, благами нейтрализаціи и, такимъ образомъ, ограждать и Россію отъ всякой опасности нападенія». Но «пятнадцатилѣтній опытъ доказалъ, что это начало, отъ котораго зависитъ безопасность границы Россійской имперіи съ этой стороны, во всемъ ея протяженіи, имѣетъ лишь теоретическое значеніе.» Доказывая, что нейтрализація Чернаго моря не ограждала и не можетъ ограждать безопасности русскаго черноморскаго побережья, князь Горчаковъ говорилъ, что «въ то время, какъ Россія разоружалась въ Черномъ морѣ и даже, посредствомъ деклараціи, включенной въ протоколы конференцій, прямодушно воспрещала самой себѣ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ морской обороны въ прилежащихъ моряхъ и портахъ, Турція сохраняла право содержать въ Архипелагѣ и проливахъ морскія силы въ неограниченномъ размѣрѣ»; точно также и Англія

съ Франціей «могли но прежнему сосредоточивать свои эскадры въ Средиземномъ морѣ». Кроме того, благодаря такъ-называемой конвенціи о проходахъ входъ въ Черное море былъ закрытъ для чужестранныхъ военныхъ судовъ лишь въ мирное время, вслѣдствіе чего во время войны «берега Россійской имперіи открыты для всякаго нападенія, даже со стороны державъ менѣе могущественныхъ, если только онѣ располагаютъ морскими силами, противъ которыхъ Россія могла бы выставить лишь нѣсколько судовъ небольшихъ размѣровъ».

Указавъ на несостоятельность начала нейтрализаціи Чернаго моря, кн. Горчаковъ говорилъ далѣе, что Парижскій трактатъ съ 1856 года подвергался многимъ измѣненіямъ, въ виду которыхъ «трудно было бы утверждать, что опирающееся на уваженіи къ трактатамъ — этимъ основамъ международнаго права и отношеній между государствами — писанное право сохранило ту же нравственную силу, которую оно могло имѣть въ прежнія времена», тѣмъ болѣе, что всѣ нарушенія Парижскаго трактата, какъ относительно Дунайскихъ княжествъ, такъ и относительно нейтрализаціи Чернаго моря, допускались съ согласія Порты и съ одобренія великихъ европейскихъ державъ, шедшихъ въ этомъ случаѣ прямо въ разрѣзъ съ своими прежними воззрѣніями.

«Въ такомъ положеніи дѣлъ» — продолжалъ кн. Горчаковъ въ своей депешѣ — «государь императоръ долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: какія права и какія обязанности проистекаютъ для Россіи изъ этихъ переѣнъ въ общемъ политическомъ положеніи и изъ этихъ отступленій отъ обязательствъ, которыя Россія не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духомъ недоувѣрія къ ней? По зрѣломъ разсмотрѣніи этого вопроса, государь пришелъ къ тому заключенію, что онъ не можетъ допустить, чтобы разъ нарушенный трактатъ оставался обязательнымъ лишь по тѣмъ пунктамъ, которые касаются прямыхъ интересовъ его имперіи, точно такъ же какъ не можетъ допустить и того, «якобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, неустоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергаться нарушенію, вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ дѣлести». На основаніи этихъ соображеній государь объявляетъ державамъ, подписавшимъ Парижскій трактатъ, что: 1) онъ «не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18 (30) марта 1856 года, — насколько они ограничиваютъ его

верховныя права на Черномъ морѣ»; 2) что онъ «считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностью заявить его величеству султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помянутому трактату конвенціи, опредѣляющей количество и размеры военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ»; 3) что онъ «примодоушно увѣдомляетъ о томъ державы, подписавшія и гарантировавшія общій трактатъ, существенную часть котораго составляетъ эта отдѣльная конвенція» и 4) «возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его во всей полнотѣ точно такъ же, какъ восстанавливаетъ свои собственные».

Отказавшись отъ исполненія постановленій Парижскаго трактата, касавшихся нейтрализаціи Чернаго моря и ограничивавшихъ русскія черноморскія силы, императоръ Александръ II въ то же время сообщилъ великимъ европейскимъ державамъ, что своимъ поступкомъ онъ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ возбуждать восточнаго вопроса; что «въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира»; что «онъ не перестаетъ по прежнему исполнѣ признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы»; что «онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ-либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ-бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе Востока и европейское равновѣсіе. Его императорское величество убѣжденъ въ томъ, что это спокойствіе и это равновѣсіе приобрѣтутъ еще новое ручательство, когда будутъ опираться на основанія, болѣе справедливыхъ и прочныхъ, чѣмъ при томъ положеніи, котораго ни одна великая держава не можетъ принять за естественное условіе своего существованія» *).

Таково содержаніе депеши кн. Горчакова, въ которой объявлялось великимъ европейскимъ державамъ, что Россія отнынѣ не считаетъ для себя обязательными 11, 13 и 14 статьи Парижскаго трактата, отнимавшія у нея право сооружать на Черномъ морѣ военный

*) Циркуляръ князя Горчакова отъ 19 (31) октября 1870 г. барону Бруннову; полный текстъ его см. у Бухарова, наз. соч., стр. 193—197.

флотъ и возводить военные порты и арсеналы по черноморскому побережью. «Отказываясь отъ соблюденія нѣкоторыхъ условій трактата 1856 года, русское правительство отнюдь не настаивало на ненарушимости остальныхъ; оно заявляло лишь желаніе, чтобы основное начало трактата, т. е. принятіе Турціи въ семью европейскихъ государствъ, не подвергалось измѣненію, и предлагало державамъ, участвовавшимъ въ его подписаніи, пересмотрѣвъ все, касающееся этого предмета, прійти къ дружжелюбному соглашенію» *).

Само собою понятно, какой переполохъ должно было произвести въ западной Европѣ сообщеніе кн. Горчакова. Чтобы смягчить рѣзкость непредвидѣннаго и внезапнаго шага Россіи, нашъ канцлеръ разослалъ ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ объяснительныя депеши, въ которыхъ убѣждалъ, что императоръ Александръ II своимъ рѣшеніемъ отнюдь не имѣетъ въ виду измѣнять восточную политику, что онъ стремится лишь къ возвращенію Россіи безспорно принадлежащаго ей права охранять собственную безопасность. Во всѣхъ своихъ разъясненіяхъ кн. Горчаковъ указывалъ великимъ европейскимъ державамъ на то, что въ ихъ сознаніи уже давно мелькала мысль о ненормальномъ положеніи Россіи послѣ Парижскаго трактата и о необходимости пересмотра акта 1856 года, которымъ императорское правительство устранилось отъ участія въ общихъ дѣлахъ Европы, касающихся интересовъ мира и консервативной политики, что это ненормальное положеніе Россіи пагубно отзывается на всей Европѣ, и поэтому такъ или иначе слѣдуетъ уничтожить статьи Парижскаго трактата, оскорбительныя для русскаго народа.

Что касается оттоманскаго правительства, то ему сообщалось, что въ рѣшеніи императорскаго кабинета нѣтъ ничего враждебнаго или непріязненнаго по отношенію къ Портѣ. Ему доказывалось, что «натянутость отношеній между Россіей и Турціей, представляясь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ трактата 1856 года, служить также постояннымъ предлогомъ къ возбужденію взаимной ихъ раздражительности всѣмъ тѣмъ, которые изъ эгоистическихъ побужденій жаждутъ разрыва между обѣими державами. Настоящее положеніе и вредъ отъ него проистекающій убѣждаютъ, что великая держава не можетъ допустить его продолженія на неопредѣленное время; воз-

*) Бухаровъ. Россія и Турція, стр. 198.

возможность борьбы, признаваемой даже многими неизбежною, тяготѣть надъ всѣми; одни призываютъ ее и готовятся къ ней, другіе не щадятъ усилій ускорить и возбудить ее. Очевидно, что въ этомъ и заключается причина возникновенія непрерывныхъ смутъ на Востокахъ, парализующихъ всѣ усилія, употребленныя съ 1856 года императорскимъ правительствомъ для его умиротворенія *)).

Однако, какъ ни старался кн. Горчаковъ доказать западно-европейскимъ кабинетамъ необходимость и право Россіи отказаться отъ нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго трактата, всѣ старанія и усилія его на первыхъ порахъ оказались напрасными. Англія отстаивала теорію ненарушимости международныхъ договоровъ и не допускала возможности измѣненія ихъ одною изъ договаривавшихся сторонъ. На ту же точку зрѣнія стала и Австрія, которая, кромѣ того, указывала императорскому кабинету «на серьезныя послѣдствія его рѣшенія, угрожающаго не только ненарушимости международнаго договора, заключеннаго всѣми великими державами, но и принятаго именно въ ту минуту, когда, въ виду совершающихся грозныхъ событій, Европа для своего спокойствія и упроченія своей будущности наиболѣе нуждается въ неуклонномъ соблюденіи святости трактатовъ» **). Вѣнскій кабинетъ главнымъ образомъ боялся того, чтобы нарушение Парижскаго трактата Россіей не повело за собою возникновенія новыхъ усложненій въ восточномъ вопросѣ; онъ опасался того, чтобы сдѣланный Россіей шагъ не повліялъ на Румынію и Сербію, и поэтому отнесся къ нимъ съ заявленіемъ, что не допуститъ въ нихъ никакихъ нарушеній международныхъ договоровъ.

Также недоброжелательно отнеслись къ депешѣ кн. Горчакова и въ Пруссіи, Франціи и Италіи. Всѣ эти державы громогласно высказались противъ дозволенія Россіи возстановить свои владычныя права на Черномъ морѣ. Но Россія упорно стояла на своемъ, чувствуя, что условія, при которыхъ въ то время дѣйствовала европейская дипломатія, какъ нельзя болѣе благоприятствовали успѣшному исходу предпринятаго дѣла. Чтобы заставить императорскій кабинетъ отказаться отъ намѣренія нарушить Парижскій трактатъ, за-

*) Частное письмо кн. Горчакова къ Сталу, представителю Россіи въ Константинополѣ; см. у Бухарова, назв. соч., стр. 201.

***) Вейссъ австрійскому послу въ Петербургѣ, гр. Хотеку, 16 ноября 1870 года; см. у Бухарова, назв. соч., стр. 207.

падныя державы должны были предпринять противъ него не дипломатическій, а военный походъ; но такой походъ, къ сожалѣнію, для Европы, былъ тогда совершенно невозможенъ. Событія послѣдняго времени сильно измѣнили положеніе великихъ державъ и не давали имъ возможности ополчиться на Россію такъ, какъ онѣ могли ополчиться на нее во время послѣдней турецкой войны. Франція была совершенно подавлена Пруссіей. Что касается Австріи, то эта держава не только сама не желала воевать, но совѣтовала избѣгать всякихъ крайнихъ мѣръ даже Англіи, которая, впрочемъ, и сама не осмѣлилась-бы на рѣшительный протестъ, подъ угрозой разрыва. Нечего говорить, конечно, о томъ, что противиться намѣреніямъ Россіи не было въ интересахъ Италіи и Пруссіи. Юное италіанское королевство было обременено заботами о собственномъ благосостояніи, а Пруссія—занята войною съ Франціей; къ тому же прусскій король находился въ то время въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ русскимъ императорскимъ домомъ.

Желая заручиться большимъ расположеніемъ Россіи для успѣшнаго окончанія войны съ Франціей, прусское правительство даже взяло на себя трудъ добиться отъ западной Европы признанія тѣхъ измѣненій въ Парижскомъ трактатѣ, на которыхъ настаивалъ петербургскій кабинетъ, и съ этою цѣлью предложило созвать конференцію, которая въ своихъ совѣщаніяхъ исходила бы изъ циркуляра князя Горчакова отъ 19 (31) октября 1870 года. Предложеніе это вскорѣ было принято великими державами, и ихъ уполномоченные вмѣстѣ съ турецкимъ делегатомъ въ началѣ 1871 года, открыли въ Лондонѣ совѣщанія, имѣвшія цѣлью обсужденіе предложеній, сдѣланныхъ Европѣ русскимъ правительствомъ относительно статей Парижскаго трактата, касавшихся нейтрализаціи Чернаго моря. Послѣ длиннаго ряда засѣданій, во время которыхъ баронъ Брунновъ употребилъ всѣ свои силы на то, чтобы доказать справедливость требованій Россіи и ихъ безопасность для европейскаго равновѣсія, конференція пришла къ рѣшенію обсуждавшагося вопроса въ смыслѣ, желанномъ императорскимъ кабинетомъ, что и было выражено въ Лондонскомъ трактатѣ 1 (13) марта 1871 года, измѣнившемъ постановленія Парижскаго договора относительно нейтрализаціи Чернаго моря.

Въ первой статьѣ этого договора было постановлено, что «статьи

11, 13 и 14 Парижскаго трактата 1856 года, равно какъ особая конвенція, заключенная между Высокою Портой и Россіей и приложенная къ помянутой 14-ой статьѣ, отмѣняются». Вслѣдствіе этого постановленія была уничтожена нейтрализація Чернаго моря и снятъ запретъ держать въ немъ военныя суда, сверхъ числа, условленнаго въ отдѣльной конвенціи, и возводить или содержать на берегахъ его военно-морскіе арсеналы. Въ силу отмѣны соотвѣтствующихъ статей Парижскаго трактата, Россія и Турція получали право устраивать арсеналы, гдѣ хотятъ, и держать на Черномъ морѣ столько военныхъ судовъ, сколько каждая изъ нихъ пожелаетъ.

Уничтоживъ постановленія 1856 года о нейтрализаціи Чернаго моря, великія европейскія державы въ то же время оговорились, что море это по прежнему останется открытымъ для торговыхъ судовъ всѣхъ націй (ст. 3). Кромѣ того, онѣ сдѣлали еще одно очень важное добавленіе относительно приливовъ Босфора и Дарданеллъ. Пунктомъ 2-мъ Лондонскаго трактата онѣ признали общее правило о закрытіи этихъ проливовъ, но въ то же время—и что особенно важно—предоставили Портѣ право открывать ихъ, *какъ во время мира, такъ и во время войны*, для военныхъ судовъ дружественныхъ державъ, если султанъ найдетъ это нужнымъ для поддержанія Парижскаго трактата. Это постановленіе редактировано было такъ: «Начало закрытія проливовъ Дарданеллъ и Босфора, установленное отдѣльною конвенціею 30 марта 1856 года, сохраняется съ предоставленіемъ его императорскому величеству султану права *открывать* названные проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ, если Высокая Порта будетъ считать это нужнымъ, дабы обезпечить исполненіе постановленій Парижскаго трактата 30-го марта 1856 года». Довольно сгнанная редакція этой статьи, признающей принципъ закрытія проливовъ вмѣстѣ съ правомъ открытія ихъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что такимъ постановленіемъ Лондонская конференція давала Турціи *замѣну* нейтрализаціи Чернаго моря новою гарантіею противъ Россіи, и если изъ текста устранена всякая мысль о такой замѣнѣ одной гаранціи другой, то мысль эта совершенно ясно высказана въ конференціи, гдѣ признаніе за султаномъ права въ мирное время впускать военныя суда въ проливы было именно представлено какъ «эвивалентъ» отмѣненной

нейтрализации Чернаго моря *). Такая форма рѣшенія вопроса о проливахъ, составляющая, несомнѣнно, большое отступленіе отъ принципа Ункіарь-Искелесскаго трактата, остается въ силѣ и до нашихъ дней, открывая западнымъ державамъ полную возможность какъ въ мирное, такъ и въ военное время посылать свои эскадры въ Черное море въ случаѣ, если бы цѣлости и неприкосновенности Турецкой имперіи угрожала опасность со стороны Россіи.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ нейтрализации Чернаго моря и рѣшеніемъ вопроса о проливахъ, высокія договаривавшіяся стороны подтвердили «всѣ постановленія трактата 30 марта 1856 года, равно какъ и приложения къ нему, неунничтоженныя настоящимъ трактатомъ» (ст. 8). Кромѣ того, на Лондонской конференціи было постановлено, что государства признають за существенный принципъ международнаго права общее правило, по которому *ни одна держава не мо-*

*) „Указаніе на право допущенія военныхъ судовъ дружественныхъ державъ въ проливы, какъ на „эквивалентъ“ нейтрализации Чернаго моря, исходило отъ представителя самой Порты. Во второмъ засѣданіи лондонской конференціи (24 января) Мусурусъ-паша, возражая противъ заявленія русскаго уполномоченнаго, что постановленія трактата 1856 года несогласны съ независимостью прибрежныхъ государствъ, и что на значеніе ихъ существенно повліяли происшедшія въ теченіе 15-ти лѣтъ перемѣны, выразилъ, однако, согласіе своего правительства принять такія измѣненія прежняго трактата, въ которыхъ прочія подписавшія его державы усмотрятъ „равныя (equivalentes) транзиты, совмѣстныя съ безопасностью Оттоманской имперіи“. Итакъ, Россіи и Турціи предоставляется заводить на Черномъ морѣ какія онѣ хотятъ силы, но для устраниенія опасности, какаа бы могла возникнуть для Турціи изъ такой отиѣны прежней гарантіи, ей предоставляется право и въ мирное время впускать иностранные военные флоты въ свои проливы. Что при этомъ имѣется въ виду впускъ не русскаго флота, конечно, а именно флотовъ, которые пришли-бы на помощь къ Турціи противъ Россіи — очевидно, хотя изъ окончательнаго текста трактата удалено всякое выраженіе, которое бы прямо намекало на такое недоувѣріе къ Россіи. Въ первоначальномъ текстѣ поставлено было выраженіе — флотовъ *неприбрежныхъ* державъ (non-riveraines). Но турецкій посланникъ, въ третьемъ засѣданіи конференціи (3-го февраля), высказывался противъ употребленія выраженія „неприбрежныхъ“, на томъ основаніи, что оно, во-первыхъ, заключало въ себѣ какъ бы ограниченіе верховныхъ правъ Порты (безусловнымъ исключеніемъ русскаго флота), а во-вторыхъ, имѣло видъ, какъ будто оно направлено исключительно противъ Россіи“. Поэтому Мусурусъ-паша предлагалъ замѣнить выраженіе „неприбрежныхъ“ — названіемъ „дружественныхъ“, и впоследствии согласился съ предложеніемъ посланникомъ Италіи формулою: „дружественныхъ и союзныхъ“, которая и вошла въ трактатъ, несмотря на нѣкоторую оппозицію со стороны лорда Грэнвилля. Но, тѣмъ не менѣе, смыслъ этого „эквивалента“ заключается все-таки въ томъ, что онъ предоставляется Турціи, какъ гарантія противъ Россіи, иначе онъ не былъ-бы „эквивалентомъ“ условія нейтрализации Чернаго моря, направленаго исключительно противъ Россіи“. (Иностранное Обзорніе Вѣст. Европы за 1871 г. № 4, стр. 843—844).

жетъ ни отступить отъ трактата, ни измѣнить его постановленій безъ предварительнаго соглашенія съ другими договаривавшимися державами. Это начало было выражено и скрѣплено подписью главнѣйшихъ европейскихъ державъ на Лондонской конференціи 1871 г., въ приложеніи къ протоколу засѣданія 5 (17) января, гдѣ сказано, что «уполномоченные сѣверной Германіи, Австро-Венгрии, Великобританіи, Италіи, Россіи и Турціи, собранные сегодня на конференціи, признаютъ за существенное начало международного права, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательствъ трактата, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договаривавшихся сторонъ, достигнутаго посредствомъ дружественнаго соглашенія» *).

Само собою разумѣется, что постановленіе это имѣло цѣлью показать Россіи, что ей не слѣдовало, такъ сказать, самовольно отказываться отъ исполненія постановленій Парижскаго трактата, касавшихся нейтрализаціи Чернаго моря, и что на будущее время всякое видоизмѣненіе международныхъ договоровъ она должна совершать не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ въ подписаніи ихъ сторонъ.

На Лондонской конференціи коснулись и вопроса о Дунаѣ. Какъ извѣстно, по Парижскому трактату 1856 года, европейская дунайская коммиссія должна была закрыться по окончаніи возложенныхъ на нее работъ, для исполненія которыхъ былъ назначенъ двухлѣтній срокъ. Но въ 1866 году, съ общаго согласія великихъ державъ, полномочія европейской коммиссіи, за неокончаніемъ къ сроку работъ, были продолжены до 1871 года. Теперь же, на Лондонской конференціи было постановлено продлить срокъ дѣятельности европейской коммиссіи еще на 12 лѣтъ, т. е. до 1883 года, въ виду того, что къ этому времени между прочимъ погашался долгъ, сдѣланный коммиссіей для дунайскихъ работъ, подъ гарантіей великихъ державъ, кромѣ Россіи. Затѣмъ, изъ уваженія къ территориальнымъ правамъ султана на конференціи было предоставлено Портѣ право во всякое время вводить свои военныя суда въ устье Дуная **).

*) Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. 1, стр. 410.

**) Интересныя подробности переговоровъ по вопросу о судоходствѣ по Дунаю см. у Форштетера: „Дунай, какъ международная рѣка“. Москва. 1890 г.; самый же Лондонскій трактатъ 1 (18) марта 1871 г. см. у Бухарова, наз. соч., стр. 233—236.

Г Л А В А V.

Восточная война и Санъ-Стефанскій мирный договоръ 1878 года.

Возстаніе турецкихъ христіанъ въ Босніи и Герцеговинѣ въ 1875 году и отношеніе къ нему европейской дипломатіи. Взглядъ Россіи, Австріи и Англіи на восточныя дѣла. Учрежденіе консульской комиссіи и ея неудача. Ираде 2 октября и фирманъ 12 декабря 1875 года. Нота гр. Андраши 30 декабря 1875 г. Отношеніе къ ней Турціи и инсургентовъ. Берлинскій меморандумъ. Протестъ Англіи противъ европейскаго вмѣшательства въ дѣла Турціи. Война Турціи противъ Сербіи и Черногоріи. Заступничество за нихъ Россіи. Русская политика въ отношеніи Англіи. Рѣчь императора Александра московскому дворянству. Константинопольская конференція. Констигуція Оттоманской имперіи. Неудачный исходъ Константинопольской конференціи. Отношеніе Россіи къ турецкимъ дѣламъ и Лондонскій протоколъ 19 (31) марта 1877 года. Разрывъ Россіи съ Турціей и Восточная война 1877—78 годовъ. Санъ-Стефанскій мирный договоръ 1878 года.

Лондонскимъ трактатомъ 1871 года, уничтожившимъ оскорбительныя для Россіи постановленія Парижскаго трактата 1856 года о нейтрализаціи Чернаго моря, былъ разрѣшенъ лишь вопросъ о матеріальныхъ интересахъ русскаго народа на Востокѣ; что же касается до его религіозно-національныхъ интересовъ, то они по-прежнему оставались необезпеченными и въ скоромъ времени потребовали особой заботливости и внимательности къ себѣ со стороны императорскаго правительства. Какъ извѣстно, по Парижскому трактату великія европейскія державы освободили Порту отъ всякихъ обязательствъ относительно ея христіанскихъ подданныхъ въ виду того, что султанъ изъявилъ готовность «добровольно» гарантировать имъ извѣстныя права. Но—какъ сказано выше—гати-гумайюнъ 1856 г., общавшій христіанамъ полную свободу богослуженія и равенства съ мусульманами въ правахъ гражданскихъ, остался мертвою буквой, и Порты получила возможность практиковать свое старое отно-

шеніе къ христіанскому населенію Балканскаго полуострова, тѣмъ болѣе, что у османовъ никогда не было сознанія необходимости справедливыхъ отношеній ко всѣмъ гражданамъ безъ различія исповѣданій. Съ другой стороны, послѣ Парижскаго конгресса въ основу политической жизни Европы легло новое могучее начало международнаго права—принципъ національности, стремленіе къ народному объединенію. Подъ вліяніемъ этого начала произошло объединеніе Италіи и образованіе Германской имперіи. Какъ ни удалены были герцеговинскіе, боснійскіе и болгарскіе пастухи и земледѣльцы отъ политической жизни Европы, но вліяніе національныхъ движеній Запада не могло не отражаться и на нихъ, чему лучшимъ доказательствомъ служили еще недавнія событія въ Дунайскихъ княжествахъ и Сербіи, бывшія отраженіемъ національнаго движенія въ Италіи. Притѣсненія турецкихъ властей и сборщиковъ податей вмѣстѣ съ указаннымъ историческимъ движеніемъ сильно повліяли на балканскія народности: онѣ стали проявлять серьезное желаніе освободиться отъ турецкаго ига. Результатомъ этого естественнаго стремленія вмѣстѣ съ постояннымъ недовольствомъ райи своимъ жалкимъ положеніемъ было возникновеніе новыхъ серьезныхъ смуть на Балканскомъ полуостровѣ.

Первые признаки безпокойства и возбужденія христіанскаго населенія Турціи появились еще лѣтомъ въ 1873 году. Съ конца же 1874 и начала 1875 года вспыхнуло возстаніе христіанской райи въ Босніи и Герцеговинѣ, въ земляхъ, населенныхъ славянскимъ элементомъ и издавна подвластныхъ Оттоманской Портѣ. Причиною возстанія босняковъ и герцеговинцевъ противъ вѣковыхъ своихъ угнетателей были всевозможныя притѣсненія со стороны мѣстной турецкой администраціи, пристрастіе ея въ пользу мусульманъ, невыносимая тяжесть турецкихъ налоговъ и всякаго рода гнуснаго безчинства, которымъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не разъ подвергались въ Турціи ея христіанскіе подданные. Поводомъ же къ возстанію райи противъ магометанъ послужила надбавка 25% на десятинный налогъ, взиманіе котораго уже и безъ того подавало поводъ къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ.

При первомъ извѣстіи о возстаніи въ Герцеговинѣ ни правительства, ни общественное мнѣніе Европы не придали никакого значенія этому движенію на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ прои-

лая исторія Турціи была несполнена такого рода явленіями: возстанія и бунты, кровопролитное усмиреніе и безошадная рѣзня христіанскихъ подданныхъ султана представляли заурядное явленіе въ царствѣ османовъ. Но въ августѣ 1875 года герцеговинское возстаніе приняло весьма серьезныя размѣры и грозило нарушеніемъ мира настолько, что дальнѣйшее равнодушное отношеніе великихъ европейскихъ державъ къ вспыхнувшему пожару представлялось уже невозможнымъ. Онѣ должны были вмѣшаться въ это дѣло тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ осязательнѣе обнаруживалось полнѣйшее безсиліе турецкаго правительства въ борьбѣ съ своими непокорными подданными *). Чтобы прекратить безошадное истребленіе турецкихъ христіанъ и во-время свести со сцены поднимавшійся грозный восточный вопросъ, европейскія державы, наиболѣе заинтересованныя въ турецкихъ дѣлахъ, заговорили о необходимости принятія мѣръ къ умиротворенію Востока.

Желая уладить происшедшіе тамъ беспорядки или, по крайней мѣрѣ, не дать имъ возможности вызвать кризиса, опаснаго для всеобщаго мира, Россія, Австрія и Германія, состоявшія съ 1873 года въ тройственномъ союзѣ, рѣшили предписать своимъ представителямъ въ Константинополь образъ дѣйствій, клонящійся къ успокоенію волненій и ихъ локализациі, и предложить Турціи введеніе справедливыхъ реформъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обратились къ остальнымъ великимъ державамъ съ предложеніемъ, не примыкая къ тройственному союзу императоровъ, принять участіе въ ихъ дѣйствіи. Результатомъ перваго шага совокупнаго дѣйствія тройственнаго союза было то, что 18 августа 1875 года представители Россіи, Австріи и Германіи предложили султану добрыя услуги своихъ консульскихъ агентовъ для содѣйствія къ прекращенію возстанія и въ то же время рекомендовали ему сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу инсургентовъ, чтобы тѣмъ самымъ предупредить могущія произойти въ будущемъ замѣшательства, способныя нарушить миръ Европы. Но эти старанія трехъ союзныхъ дворовъ не имѣли желаннаго успѣха. Тѣмъ не менѣе, 22 августа послы, поддерживаемые представителями Франціи и Италіи, снова предложили султану посредничество великихъ державъ и на этотъ разъ добились отъ Порты учрежденія ев-

*) Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція, СПб. 1879 г., стр. 149.

ропейской консульской комиссіи ad hoc, которая должна была отправиться на мѣсто возстанія и убѣдить инсургентовъ разойтись по домамъ, предварительно изложивъ свои требованія. Консулы должны были дать инсургентамъ увѣренія въ томъ, что державы поддержать передъ Портой всѣ ихъ требованія, которыя найдены будутъ законными *).

Коммиссія изъ европейскихъ консуловъ не замедлила открыть свои дѣйствія. Инсургентамъ было объявлено, что они не могутъ рассчитывать на помощь со стороны державъ и что имъ слѣдуетъ обратиться съ изложеніемъ своихъ желаній къ комиссарамъ, нарочно присланнымъ изъ Константинополя для того, чтобы выслушать жалобы населенія. Но повстанцы отказались отъ переговоровъ съ турецкими комиссарами и, не давая никакой вѣры обѣщаніямъ Порты, уже давно утратившимъ всякое значеніе въ глазахъ христіанской райи, требовали перемирія, переговоровъ съ консульскою комиссіею въ присутствіи турецкаго комиссара насчетъ реформъ и гарантій державъ въ ихъ исполненіи. Консулы не имѣли полномочій принимать отъ имени Европы какія-либо обязательства передъ инсургентами, и потому отказали имъ въ ихъ требованія. Но инсургенты и послѣ этого рѣшительно отклонили переговоры съ турецкими комиссарами, вслѣдствіе чего европейская консульская комиссія прекратила свои дѣйствія, не приведя ни къ какому результату.

Послѣ неудачной попытки великихъ европейскихъ державъ уладить герцеговинское дѣло, эту нелегкую задачу вознамѣрилась взять на себя сама Порта. 2 октября 1875 года ею было обнародовано ираде, въ которомъ возставшимъ христіанамъ обѣщалось сложеніе накопившихся недоимокъ по налогамъ и сокращеніе десятинной подати до обыкновенной нормы, а 12 декабря появился султанскій фирманъ, сулившій разныя реформы въ области суда и администраціи и обезпечивавшій полную свободу вѣроисповѣданія. Но всѣ эти торжественныя обѣщанія султана не имѣли никакой цѣны въ глазахъ возставшимъ христіанъ, и движеніе ихъ по прежнему продолжало усиливаться, обращая на себя серьезное вниманіе державъ, наиболѣе близко заинтересованныхъ въ дѣлахъ Востока.

*) Bolin-jaequemyns, Le droit international et la phase actuelle de la question d'Orient; Revue de droit international. 1876 г.

Происходившія въ Турціи замѣшательства болѣе всѣхъ другихъ великихъ державъ считали связанными съ своими собственными интересами Россія, Австрія и Англія. Прочія же государства смотрѣли на восточный вопросъ въ данномъ случаѣ совершенно иначе. Что касается Германіи, то—по словамъ проф. Мартенса—«судьба христіанскаго населенія, томящагося подъ ярмомъ турокъ, интересовала германскій народъ настолько же платоническимъ образомъ, насколько избіеніе какого нибудь индійскаго племени въ Сѣверной Америкѣ»^{*)}. Не будучи непосредственно заинтересована въ восточномъ вопросѣ, Германія держала сторону вѣнскаго двора ради второстепенныхъ или отдаленныхъ интересовъ. Посредствомъ Австріи, пока еще сохранявшей нѣмецко-мадьярскій характеръ и являвшейся на юго-востокѣ представительницей германизма, кн. Бисмаркъ имѣлъ въ виду распространить нѣмецкую колонизацію и торговлю на славянскія области. Въ то же время онъ былъ не чуждъ желанія, чтобы Австрія сдѣлала территоріальныя пріобрѣтенія въ районѣ задунайскаго славянства и тѣмъ приняла бы болѣе славянскій характеръ, такъ какъ тогда нѣмецкія области австрійской монархіи стали бы съ большей силой тяготѣть къ германскому единству — завѣтной мечтѣ германскаго канцлера. Франція также мало интересовалась восточнымъ вопросомъ, такъ какъ она давно уже потеряла свой авторитетъ на живописныхъ берегахъ Босфора и, кромѣ того, обременена была заботами о своихъ внутреннихъ дѣлахъ, крайне разстроенныхъ послѣ тяжелаго 1870 года. Второстепенную роль въ дипломатическихъ переговорахъ по восточному вопросу играла и Италія, которая всегда ограничивалась лишь однимъ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія о несчастной судьбѣ балканскихъ народностей.

Судьбами балканскихъ христіанъ, какъ сказано выше, болѣе всего интересовались: Россія, Англія и Австрія. Но эти три великія державы имѣли не одинаковый взглядъ на замѣшательства въ Турціи. Улучшенія невыносимаго положенія славянъ искренно желала одна только Россія. Поэтому, въ своей политикѣ она «съ самаго начала герцеговинскаго возстанія пошла по пути, намѣченному историческими преданіями и народнымъ чувствомъ»^{**}). Это направленіе рус-

^{*)} Восточная война и Брюссельская конференція, стр. 151.

^{**}) Мартенсъ, назв. соч., стр. 160.

ской политики вполне опредѣлилось въ правительственномъ сообщеніи 17 октября 1875 года. Заявляя о томъ, что Россія въ союзѣ съ двумя сосѣдними имперіями непреклонно стремится къ сохраненію спокойствія и мира въ Европѣ, это сообщеніе гласило, что «участвуя въ этомъ союзѣ, Россія не принесла въ жертву ему того сочувствія, которое питала постоянно къ угнетенному христіанскому населенію Турціи и которое раздѣляла съ нею и, безъ сомнѣнія, раздѣляетъ и теперь вся христіанская Европа. Жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для христіанъ Турціи такъ велики, что даютъ Россіи право заявить объ этомъ сочувствіи и нынѣ передъ лицомъ всей Европы». Всего же рельефнѣе обнаруживалось направленіе русской восточной политики въ заключительныхъ словахъ октябрьскаго сообщенія: «Во всякомъ случаѣ—сказано тамъ— можно быть увѣреннымъ, что бѣдственный порядокъ вещей, продолжавшійся доселѣ въ Турціи въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы, *долженъ будетъ прекратиться*». Остановливаясь на этомъ заявленіи нашего правительства, проф. Мартенсъ говоритъ, что въ этомъ сообщеніи оно точно опредѣлило ту точку, на которую стало. «Въ силу историческихъ преданій Россія не могла оставаться пассивною зрительницею совершавшихся на Балканскомъ полуостровѣ событій; находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми великими державами и зная свойственную имъ подозрительность къ восточной своей политикѣ, она желала дѣйствовать до послѣдней возможности сообща съ ними; будучи убѣждено, что только горестное состояніе христіанскаго населенія вызвало возстаніе въ Герцеговинѣ, русское правительство твердо рѣшилось «*во всякомъ случаѣ*» измѣнить тогдашнее положеніе въ турецкихъ провинціяхъ»^{*)}).

Иного направленія въ восточной политикѣ держалась Англія. Она поставила себѣ цѣлью поддержаніе турецкаго господства надъ балканскими христіанами, и поѣтому явно держала сторону Турціи, выставляя себя какъ бы защитницею Оттоманской имперіи отъ посягательствъ на нее со стороны Россіи, которая давнымъ давно уже отказалась отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ на Востокъ и руководилась исключительно однимъ благороднымъ желаніемъ придти на помощь своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ.

^{*)} Назв. соч., стр. 165.

Что касается до Австріи, то она, повидимому, сочувствовала планамъ императорскаго кабинета, съ которымъ, такъ же какъ и Германія, съ 1873 года находилась въ тѣсномъ союзѣ. Въ концѣ 1875 года австрійская монархія, несомнѣнно, желала въ извѣстныхъ предѣлахъ освобожденія турецкихъ христіанъ изъ-подъ власти султана и съ самаго начала волненій на Балканскомъ полуостровѣ высказывалась за вмѣшательство Европы въ кровавую распрю мусульманъ съ пригнетенными босняками и герцеговинцами. Поэтому русское правительство, желавшее предотвращенія всякаго столкновенія на Востокѣ, не замедлило вступить въ переговоры съ вѣнскимъ дворомъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ восточномъ вопросѣ, и выразило ему полную готовность поддерживать всякую мѣру великихъ державъ, лишь бы только она способствовала прекращенію смуты, возникшихъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Первою дипломатическою попыткою умиротворить Востокъ было, какъ мы видѣли, учрежденіе въ августѣ 1875 года международной консульской комиссіи, которой, по инициативѣ Россіи, Австріи и Германіи, было поручено примирить султана съ инсургентами. Когда же эта консульская комиссія оказалась безсильной положить конецъ кровопролитію на Востокѣ, Россія и Австрія, вмѣстѣ съ Германіей, выступили съ цѣлою программой реформъ, специально предназначавшихся для Босніи и Герцеговины. Программа эта была изложена въ извѣстной нотѣ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Андраши, отъ 30 декабря 1875 года, въ которой предлагалось принудить Порту къ тому, чтобы она передъ лицомъ всей Европы *обязалась* ввести въ возставшихъ провинціяхъ проектированные союзными державами реформы.

Послѣ краткаго изложенія исторіи тѣхъ дѣйствій, которыя совершены были великими европейскими державами тотчасъ послѣ того, какъ вспыхнуло возстаніе въ Турціи, въ нотѣ гр. Андраши говорилось, что кабинеты *до сего времени* «руководились желаніемъ избѣжать всего того, что могло быть истолковано въ смыслѣ *преждевременнаго* вмѣшательства Европы». Но такъ какъ Турція доказала свое безсиліе положить конецъ возстанію, то «*для державъ насталъ моментъ условиться относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій*, дабы воспрепятствовать тому, чтобы возрастающее движеніе не нарушило мира Европы». Въ нотѣ указывалось на то, что «общан-

ныя реформы однѣ, сами по себѣ, не въ состояніи, хотя бы на время, прекратить кровопролитіе въ Герцеговинѣ и Босніи, а тѣмъ болѣе установить на твердыхъ основахъ будущее спокойствіе въ этой части турецкихъ владѣній», такъ какъ при изданіи ираде отъ 2 октября и фирмана отъ 12 декабря «Блистательная Порта, кажется, болѣе заботилась объ общихъ принципахъ—которые, будучи изложены опредѣленнѣе, могли бы, дѣйствительно, послужить основой для администраціи всего государства,—чѣмъ объ умиротвореніи нынѣ возставшихъ областей». Между тѣмъ «интересы самого турецкаго правительства требуютъ, чтобы прежде всего было обезпечено умиротвореніе, потому что до тѣхъ поръ, пока это не будетъ достигнуто, невозможно будетъ привести въ исполненіе провозглашенные Портою принципы. Съ другой стороны, анархическое состояніе сѣверо-западныхъ областей Турціи не только представляетъ затрудненія для нея, но является опасностью и для общаго спокойствія. Европейскія державы не могутъ равнодушно смотрѣть на продленіе и ухудшеніе того состоянія, которое уже теперь ложится тяжкимъ бременемъ на торговлю и промышленность и, колебля съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе довѣріе къ сохраненію мира, ведетъ къ нарушенію всеобщихъ интересовъ». Чтобы устранить грозящую опасность, великія державы считаютъ своимъ долгомъ «посоветовать Портѣ довершить свои дѣйствія мѣрами, необходимыми для восстановленія порядка и спокойствія въ областяхъ, опустошаемыхъ нынѣ бичемъ междоусобной войны». По мнѣнію составителей ноты, мѣры эти должны были состоять: 1) въ полной и неограниченной свободѣ; 2) въ уничтоженіи откупа податей; 3) въ употребленіи взимаемыхъ съ Босніи и Герцеговины прямыхъ налоговъ на нужды этихъ областей; 4) въ установленіи специальной комиссіи, составленной въ равныхъ частяхъ изъ христіанъ и мусульманъ, для наблюденія за исполненіемъ реформъ, предлагаемыхъ державами, а также обѣщанныхъ въ ираде 2 октября и въ фирманѣ 12 декабря 1875 года и, наконецъ, 5) въ улучшеніи аграрнаго состоянія сельскаго населенія въ виду того, что причиной постоянныхъ волненій въ Босніи и Герцеговинѣ между прочимъ служитъ тотъ фактъ, что «въ этихъ областяхъ почти вся земля, не принадлежащая государству и мечетямъ, составляетъ собственность мусульманъ, въ то время какъ земледѣльцы состоятъ изъ христіанъ православнаго и католи-

ческаго исповѣданія». Для устраненія этого зла на будущее время предлагалось «найти такого рода комбинацію, которая позволяла бы крестьянамъ дѣлаться постепенно и на необременительныхъ условіяхъ собственниками небольшихъ необработанныхъ участковъ земли, назначаемыхъ государствомъ въ продажу».

По мысли гр. Андраши, первые изъ этихъ пунктовъ Порты должна была осуществить немедленно; послѣдній-же постепенно и по мѣрѣ возможности. Независимо отъ этихъ существенныхъ уступокъ Боснія и Герцеговина, по его мнѣнію, могли бы воспользоваться еще и реформами, упомянутыми въ послѣднемъ фирманѣ. Если бы всѣ эти реформы были примѣнены къ возставшимъ областямъ, то можно было бы надѣяться на восстановленіе въ нихъ мира, ибо только путемъ указанія на ясныя, неопровержимыя, практическіе акты, специально предназначенныя къ улучшенію положенія Босніи и Герцеговины, возможно успѣшно заставить ихъ внять примирительнымъ совѣтамъ. По словамъ ноты, существуетъ впрочемъ «еще одно затрудненіе, и притомъ самое главное, которое, во что бы то ни стало, нужно преодолѣть, чтобы имѣть какой-либо успѣхъ. Затрудненіе это кроется въ глубоко укоренившемся въ христіанахъ недовѣрїи къ какому бы то ни было обѣщанію Порты. Главнѣйшею причиною этого недовѣрїя служитъ то обстоятельство, что не одна уже мѣра, изъ числа объявленныхъ въ послѣднихъ актахъ султана, была равнѣ провозглашена въ предыдущихъ гатти-шерифахъ и ни въ чемъ не улучшила участи христіанъ. Поэтому кабинеты полагаютъ безусловно необходимымъ добиться того, чтобы правительство султана подтвердило путемъ оффиціального сообщенія свои намѣренія, изложенныя по отношенію ко всей вообще имперїи въ прадѣ отъ 2 октября и фирманѣ отъ 12 декабря, и одновременно заявило державамъ о своемъ согласїи принять вышеизложенныя пункты, клонящїеся къ умиротворенію возставшихъ областей». — «Нѣтъ сомнѣнїя, — заключала нота, — что этимъ способомъ христіане не получаютъ ручательства державъ въ той формѣ, въ какой въ настоящее время требуютъ; но зато они найдутъ относительную безопасность въ самомъ фактѣ, что дарованныя имъ реформы признаны державами необходимыми и что Порта приняла передъ Европою обязательство привести эти реформы въ исполненіе» *).

*) Нота графа Андраши отъ 30 декабря 1875 г. Какъ эту ноту, такъ и всѣ другїе главнѣйшіе документы, относящїеся къ дипломатической перепискѣ Россїи съ ино-

Нота графа Андраши съ проектомъ реформъ въ пользу возставшихъ христіанскихъ областей Турціи была сообщена Англии, Франціи и Италіи, съ приглашеніемъ настаивать въ Константинополѣ на принятіи султаномъ вышеуказанныхъ реформъ. Италія и Франція тотчасъ же дали свое согласіе на сдѣланное предложеніе. Англія также дала обѣщаніе поддерживать ноту графа Андраши передъ турецкимъ правительствомъ, но сдѣлала это, видимо, неохотно, прямо съ намѣреніемъ парализовать ея дѣйствіи. Въ письмѣ къ австрійскому послу въ Лондонѣ, графу Бейсту, отъ 25 января 1876 года, главный секретарь королевы Викторія, лордъ Дерби говорилъ, что, не признавая себя призваннымъ выразить свое мнѣніе относительно вопроса объ употребленіи прямыхъ налоговъ на мѣстныя нужды областей, онъ находитъ, что въ остальныхъ пунктахъ Порты, судя по ея дѣйствіямъ, не расходится съ предложеніями графа Андраши, и потому великобританскому послу въ Константинополѣ будетъ предписано поддерживать «въ общемъ» австрійскія требованія.

Заручившись согласіемъ державъ, вѣнскій кабинетъ черезъ своего константинопольскаго посла графа Зичи, въ январѣ 1876 года, въ дружественной формѣ сообщалъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ Рашиду-пашѣ содержаніе ноты графа Андраши, а представители остальныхъ великихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 года, съ своей стороны, уведомили турецкаго министра, что ихъ правительства присоединяются къ воззрѣніямъ, высказаннымъ австрійскимъ кабинетомъ. Въ числѣ этихъ воззрѣній самымъ важнымъ съ дипломатической точки зрѣнія было то, что вслѣдствіе недовѣрія турецкихъ христіанъ къ обѣщаніямъ Порты, необходимо, чтобы она, въ случаѣ согласія съ видами державъ, официально заявила имъ, какъ о реформахъ, предположенныхъ самимъ турецкимъ правительствомъ въ граде 2 октября и фирманѣ 12 декабря 1875 г., такъ и о своемъ намѣреніи привести въ исполненіе реформы, указанные въ нотѣ графа Андраши. Такое заявленіе турецкій министръ

странными государствами въ эпоху, предшествовавшую заключенію Берлинскаго трактата, см. въ сочиненіи французскаго дипломата Адольфа Аврила: „Négociations relatives au Traité de Berlin“.—Paris, Leroux, 1886; а также въ статьяхъ неизвѣстнаго автора, составленныхъ частію на основаніи этого труда, частію на основаніи отечественныхъ источниковъ, и помѣщенныхъ въ „Наблюдатель“ за 1894 годъ № 1—5, подъ заглавіемъ: „Путь къ Берлинскому трактату“.

иностранных дѣлъ сдѣлалъ 1 (13) февраля 1876 года въ одно и то же время депешю, адресованной на имя графа Зичи, и циркуляромъ къ представителямъ остальныхъ великихъ державъ при Портѣ.

Отвѣтъ Порты выражалъ желаніе видѣть въ потѣ графа Андраши «дружественные совѣты» великихъ державъ и возвѣщала о принятіи султаномъ четырехъ пунктовъ этой ноты, которые трактовались турецкимъ министромъ, какъ истекающіе изъ принциповъ, признанныхъ самою Портою въ октябрьскомъ ираде. Эти пункты слѣдующіе: 1) полная религіозная свобода; 2) уничтоженіе откупной системы налоговъ; 3) улучшение аграрнаго положенія крестьянъ—земледѣльцевъ и 4) учрежденіе мѣстной комиссіи, составленной поровну изъ мусульманъ и христіанъ, для надзора за исполненіемъ всѣхъ обѣщанныхъ реформъ. Что же касается пятаго пункта — употребленія прямыхъ налоговъ на мѣстныя нужды Босніи и Герцеговины, то Блистательная Порта замѣчала, что «такое распоряженіе не можетъ соотвѣтствовать существующей финансовой системѣ». Въмѣсто этого Оттоманская Порта, «въ своей заботливости о странѣ, разоренной благодаря возстанію», обѣщала назначить сумму, которая будетъ опредѣлена султанскими указами по выслушаніи желаній мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ, въ видѣ дополненія къ доходамъ Босніи и Герцеговины и съ тѣмъ, что употребленіе этихъ фондовъ будетъ подлежать контролю со стороны провинціальныхъ совѣтовъ, учрежденныхъ фирманомъ 12 декабря 1875 года. Циркуляръ Рашид-паши къ представителямъ Порты при иностранныхъ дворахъ оканчивался торжественнымъ заявленіемъ, что «императорское (турецкое) правительство твердо рѣшилось привести въ исполненіе эти требованія во всей ихъ полнотѣ и наблюдать за охраненіемъ ихъ неприкосновенности» *).

Долговременные труды графа Андраши, казалось, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Выработанный имъ проектъ реформъ для Босніи и Герцеговины былъ дружественно принятъ турецкимъ султаномъ лишь съ нѣкоторымъ измѣненіемъ одного пункта, причемъ съ точки зрѣнія правильнаго финансоваго хозяйства, въ виду единства государственной кассы, ему нельзя было отказать въ этомъ правѣ. Принятіе

*) Циркуляръ Порты отъ 13 февраля 1876 г. къ своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ.

султаномъ ноты графа Андраши было важно не только въ томъ отношеніи, что она представляла собою все, что въ данный моментъ могла сдѣлать Порта и что могли потребовать отъ нея великія державы, но такъ же и потому, что нота эта имѣла громадное значеніе для будущаго. Несмотря на всѣ оговорки турецкаго правительства относительно верховныхъ правъ султана, Порта, изъявила свое согласіе на интервенцію и, не ограничиваясь однимъ обѣщаніемъ реформъ, торжественно обязывалась передъ Европой ввести ихъ во всей полнотѣ и наблюдать за охраненіемъ ихъ неприкосновенности. Это обязательство, — было оно искренно или нѣтъ, — существовало и должно было служить исходною юридическою точкою для всѣхъ послѣдующихъ актовъ *).

Однако, несмотря на согласіе Оттоманской Порты установить у подвластныхъ ей боснійскихъ и герцеговинскихъ христіанъ такой порядокъ вещей, который указывался въ нотѣ графа Андраши и при которомъ этимъ христіанамъ можно было-бы жить спокойно и безопасно, старанія европейскихъ державъ прекратить волненія на Балканскомъ полуостровѣ потерпѣли фіаско. Великолѣпно проведенный дипломатическій актъ разбился о сопротивленіе кучки инсургентовъ. Христіанская райя соглашалась положить оружіе только тогда, когда получить полную свободу, положительнымъ образомъ гарантированную всѣми великими державами. Не довольствуясь обѣщаніями Порты объ уступкахъ, хотя и доведенныхъ до свѣдѣнія державъ, нѣкоторымъ образомъ ручающихся за ихъ исполненіе, инсургенты руководились, очевидно, примѣромъ прошлаго. Порта неоднократно обѣщалась позаботиться объ улучшеніи ихъ положенія, но ни разу не исполнила своихъ обѣщаній, въ виду чего вполнѣ основательно было предполагать, что и нынѣ не будутъ введены обѣщанныя реформы. Приведеніе въ исполненіе проекта реформъ, выработанныхъ графомъ Андраши, конечно, зависѣло отъ степени внимательности султана къ тому державъ и силы единогласія между ними въ настояніяхъ къ исполненію этихъ реформъ. Но уже это одно показывало, что въ принятіи Портою вѣнской ноты и вытекавшихъ изъ нея для Турціи международныхъ обязательствъ еще не заключалось никакихъ гарантій для Боснія и Герцеговины, на которыя онѣ могли

*) Рогенъ-Жекменъ, назв. ст.

разсчитывать послѣ бѣдствій, перенесенныхъ ими во время кровавой борьбы противъ мусульманскаго деспотизма.

Принимая ноту графа Андраши, Порто дѣлала, очевидно, то, что сдѣлалъ бы всякій, не имѣющій средствъ исполнить своихъ обязательствъ: она давала множество обѣщаній, которыя заранѣе намѣрена была оставить безъ послѣдствій. Но, разумѣется, инсургенты не могли удовольствоваться пустыми и ложными обѣщаніями насчетъ улучшения ихъ судьбы. Поэтому они наотрѣзъ отказались согласиться на то, что было предложено Портою, и требовали непосредственнаго ручательства державъ за выполнение реформъ. Въ памятной запискѣ отъ 26 марта 1876 года, поданной въ Далмаціи генералу Родичу и извѣстной подъ названіемъ *суторинскаго* меморандума, они просили: 1) чтобы христіанское населеніе Герцеговины получило въ собственность по крайней мѣрѣ третью часть земельныхъ участковъ, такъ какъ безъ этого оно не можетъ существовать и предпочитаетъ лучше погибнуть, чѣмъ вернуться къ прежней невыносимой жизни; 2) чтобы турецкія войска навсегда были выведены изъ Герцеговины за исключеніемъ гарнизоновъ, необходимыхъ для охраны укрѣпленій Мостара, Столача, Требины, Никшича, Пленьчиже и Фоша; 3) чтобы турецкое правительство выстроило вновь христіанамъ ихъ сожженные дома и церкви, дало имъ жизненныхъ припасовъ, по крайней мѣрѣ, на одинъ годъ; снабдило ихъ земледѣльческими орудіями и освободило христіанскія семьи отъ всякихъ налоговъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, считая со дня водворенія въ ихъ прежнія мѣсто-пребыванія; 4) чтобы христіанское населеніе Герцеговины не принуждалось складывать оружіе прежде мусульманъ и раньше приведенія въ исполненіе обѣщанныхъ реформъ; 5) чтобы вожди возстанія были допущены къ переговорамъ съ властями для составленія положенія въ смыслѣ реформъ графа Андраши, съ распространеніемъ этихъ реформъ и на тѣ округа Босніи и Герцеговины, которые не участвовали въ возстаніи; 6) чтобы деньги, предназначенныя Портою на возобновленіе церквей и домовъ, переданы были ею въ руки особой европейской комиссіи, и 7) чтобы правительства Россіи и Австріи, каждое отъ себя, назначили въ шести укрѣпленныхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся турецкіе гарнизоны, по одному агенту, которымъ было бы поручено слѣдить за точнымъ исполненіемъ реформъ *).

*) Суторинскій меморандумъ, или памятная записка, поданная инсургентами генералу Родичу и помѣченная 26-мъ марта 1876 года.

Таковы «дѣйствительныя гарантіи», потребованныя инсургентами для огражденія собственной безопасности и серьезнаго ручательства за лучшее существованіе, на которое они имѣли неоспоримое право. Дипломаты, конечно, могли найти, что нѣкоторыя изъ желаній, заявленныхъ въ суторинскомъ меморандумѣ (напр., удаленіе турецкихъ войскъ изъ Герцеговины навсегда, кромѣ шести гарнизоновъ, и сохраненіе оружія повстанцами до полнаго осуществленія реформъ), чрезмѣрны. Но, тѣмъ не менѣе, они должны были признать полную основательность большинства требованій повстанцевъ. Такъ, они не могли не согласиться съ справедливостью того заявленія, что если распоряженіе деньгами, предназначенными Портою на возобновленіе церкви и домовъ, не будетъ находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ европейской коммиссіи, то эти деньги никогда не дойдутъ до назначенія. Этимъ пунктомъ своихъ требованій инсургенты ставили дипломатію прямо лицомъ къ лицу съ основной трудностью и невѣроятностью дѣйствительнаго осуществленія Турціею того, что державы выхлопотали для босняковъ и герцеговинцевъ и на что онѣ приглашали ихъ положиться. Не мѣшаетъ замѣтить также и то, что своимъ меморандумомъ повстанцы рѣзко указали дипломатіи, что ея проектъ умиротворенія Балканскаго полуострова въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ представлялъ отвлеченную форму, далеко расходящуюся съ жизненными условіями народа. Такую постановку въ нотѣ графа Андраши получалъ, напримѣръ, вопросъ объ улучшеніи аграрнаго состоянія сельскаго населенія. Вопросу этому отводилось въ нотѣ послѣднее мѣсто; рѣшеніе же его подлежало «постепенному» осуществленію. Совершенно иначе глядѣли на поземельный вопросъ инсургенты; они ставили его первымъ пунктомъ своихъ требованій и признавали буквально главнымъ условіемъ жизни.

Несмотря на то, что требованія повстанцевъ не имѣли ничего преувеличеннаго и нисколько не умаляли достоинства верховной власти султана, Порта оковчательно отказалась удовлетворить ихъ, такъ какъ она рѣшительно не желала ни сократить числа мѣстностей, занятыхъ турецкими войсками, ни допустить вмѣшательства Европы въ свои домашнія дѣла. Съ своей стороны, и инсургенты не пожелали согласовать свои вождедвія съ внушеніями Австріи, вслѣдствіе чего попытка великихъ европейскихъ державъ умиротворить Востокъ снова оказалось безуспѣшной, и борьба христіанъ съ му-

сульманами возобновилась съ прежнею силою, роковымъ образомъ угрожая спокойствію Европы. Изъ Босніи и Герцеговины волненіе вскорѣ начало распространяться по направленію къ Болгаріи, и можно было серьезно опасаться, что въ недалекомъ будущемъ произойдетъ столкновение Турціи съ Сербіей и Черногоріей. Будучи не въ силахъ подавить мятежа, Порта открыто говорила, что Черногорія поддерживаетъ возстаніе, а «англійскій посоль въ Константинополѣ не задумался даже объявить, что центромъ возстанія представляется русское генеральное консульство въ Рагузѣ» *). Въ виду этого султанъ намѣренъ былъ двинуть свои полчища къ Черногоріи. Но Россія, Франція, Австрія, Пруссія и Италія, по инициативѣ петербургскаго двора, представили въ Константинополѣ протестъ противъ исполненія плановъ султана. Къ протесту этому отказалась присоединиться одна лишь Англія «въ виду торжественнаго увѣренія турецкаго правительства, что у него никогда даже и мысли не было совершить нападеніе на Черногорское княжество» **).

Такимъ образомъ кровопролитная борьба на Балканскомъ полуостровѣ принимала весьма серьезный характеръ. Серьезность положенія Востока еще болѣе усугубилась неожиданнымъ происшествіемъ въ Салоникахъ. 6 мая 1876 года здѣсь, среди бѣлаго дня, на глазахъ мѣстныхъ властей были умерщвлены чернью германскій и французскій консулы, совершенно безъ всякаго повода или вызова съ ихъ стороны. Правда, непосредственные виновники этого двойнаго — общаго и междунаrodnаго — преступленія были немедленно схвачены и строго наказаны въ примѣръ другимъ ***). Но извѣстіе объ этомъ произвело довольно незначительное вліяніе на ослабленіе мусульманскаго фанатизма, такъ что иностранные резиденты въ Константинополѣ и другихъ большихъ городахъ боялись, какъ бы турки снова не проявили своей жестокой ярости, тѣмъ болѣе, что распо-

*) Мартенсъ, назв. соч., стр. 185.

**) Тамъ-же, стр. 186.

***) 16 мая шесть изъ нихъ были повѣшены въ присутствіи всего населенія Салоникъ, особыхъ комиссаровъ отъ оскорбленныхъ державъ и экипажей ихъ военныхъ кораблей. Послѣ этого былъ произнесенъ строгій приговоръ остальнымъ виновникамъ. Генералъ-губернаторъ Салоникъ навсегда лишень былъ всякихъ общественныхъ должностей; многіе изъ офицеровъ полиціи были отправлены на крѣпостныя работы и разжалованы. Наконецъ, въ августѣ турецкое правительство заплатило 900.000 фр. удовлетворенія семействамъ убитыхъ консуловъ.

ложеніе и симпатіи ихъ были на сторонѣ убійць, а не на сторонѣ убитыхъ. Все это, вмѣстѣ съ посѣщеніемъ Берлина императоромъ Александромъ въ маѣ 1876 года послужило поводомъ къ выработкѣ тройственнымъ союзомъ новой программы умиротворенія Востока, выраженіемъ которой явился *берлинскій меморандумъ*, выпедшій изъ подъ пера кн. Горчакова.

Содержаніе этого историческаго акта заключалось въ слѣдующемъ. Въ виду тревожныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Турціи, «три императорскихъ правительства сочли себя призванными *установить соглашеніе съ цѣлью пресѣчь путь угрожающей опасности*, при совмѣстномъ содѣйствіи прочихъ христіанскихъ великихъ державъ». По ихъ мнѣнію, порядокъ вещей въ Турціи требовалъ мѣръ двоякаго рода. Прежде всего, необходимо было озаботиться «изысканіемъ общихъ средствъ для предупрежденія повторенія событій, только что происшедшихъ въ Салоникахъ и угрожающихъ произойти въ Смирнѣ и Константинополѣ». Для этого державамъ слѣдовало бы «обсудить тѣ распоряженія, которыя необходимо сдѣлать для огражденія безопасности своихъ подданныхъ и христіанскихъ жителей Оттоманской имперіи во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта безопасность окажется сомнительною». Данная цѣль «можетъ быть достигнута путемъ *общаго соглашенія* относительно отправки военныхъ судовъ къ мѣстностямъ, которымъ угрожаетъ опасность, и снабженія ихъ командировъ заранѣе согласованными предписаніями на тотъ случай, если обстоятельства вынудятъ ихъ для сохраненія порядка и спокойствія приступить къ вооруженнымъ дѣйствіямъ». А такъ какъ цѣль эта не можетъ быть вполне осуществлена до тѣхъ поръ, пока не будутъ совершенно успокоены волненія въ Босніи и Герцеговинѣ, то державы-покровительницы должны принять энергическія мѣры для устраненія этой основной причины настоящаго печальнаго положенія дѣлъ въ Турціи. Нотою графа Андраши великія державы предложили Портѣ рядъ реформъ, способныхъ, по ихъ мнѣнію, достигнуть дѣйствительнаго улучшенія судьбы Босніи и Герцеговины, безъ ущерба для политическаго status quo. Порта обѣщалась привести эти реформы въ исполненіе, и такимъ образомъ европейскіе кабинеты «должны были принять на себя нравственное право слѣдить за исполненіемъ означеннаго обѣщанія и обязательство настоять на томъ, чтобы возставшіе христіане и эмигранты содѣйствовали дѣлу

успокоенія путемъ прекращенія борьбы и возвращенія къ мѣстамъ своего жительство». Но эта программа умиротворенія не была принята повстанцами, которые объявили, что опытъ прошлаго не дозволяетъ имъ довѣряться обѣщаніямъ Порты безъ положительнаго фактическаго ручательства Европы». Поэтому, въ виду возобновленія кровавой борьбы и распространенія волненій изъ Босніи и Герцеговины на другія части Турціи, необходимо «установить нѣкоторыя ручательства, могущія устранить сомнѣнія *въ полномъ и честномъ примѣненіи мѣръ*, относительно которыхъ произошло соглашеніе между державами и Портой. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, становится необходимымъ оказывать давленіе на правительство султана, чтобы *принудить* его серьезно приступить къ дѣлу и *исполнить обязательства, принятыя имъ передъ Европою*».

Въ виду тревожныхъ извѣстій, получаемыхъ изъ Турціи, три императорскихъ правительства рекомендовали двойкій образъ совокупныхъ дѣйствій великихъ державъ ради умиротворенія Востока: они предлагали демонстрацію соединеннаго флота для огражденія безопасности своихъ подданныхъ и христіанскаго населенія Оттоманской имперіи и понужденіе султана къ исполненію обязательствъ, принятыхъ имъ передъ Европою въ отношеніи возставшихъ провинцій. Для осуществленія этой послѣдней цѣли, по мнѣнію державъ тройственнаго союза, необходимо было «настоять передъ Портою со всею энергіею, подобающею единогласному слову великихъ державъ, на установленіи перемирія на два мѣсяца». Такой срокъ — говорилось въ меморандумѣ — «дозволилъ бы подѣйствовать одновременно, какъ на повстанцевъ, такъ и на эмигрантовъ, вызвавъ въ нихъ довѣріе къ живой заботѣ о нихъ Европы. Относительно сосѣднихъ княжествъ срокъ этотъ далъ бы время уговорить ихъ не препятствовать попыткѣ умиротворенія. Наконецъ, по отношенію къ самой Портѣ, онъ далъ бы возможность окончательно принудить ее привести въ исполненіе свои обѣщанія. Можно было бы такимъ образомъ открыть путь къ непосредственнымъ переговорамъ между Портою и делегатами отъ босняковъ и герцеговинцевъ на основаніяхъ, согласныхъ съ заявленными ими желаніями и признанныхъ достаточными для того, чтобы послужить исходною точкою для переговоровъ». Основанія эти слѣдующія: 1) водворяющимся эмигрантамъ будутъ доставлены матеріалы для перестройки церквей и домовъ, а пропитаніе ихъ бу-

детъ обезпечено до той поры, пока имъ представится возможность существовать собственнымъ трудомъ; 2) турецкій комиссаръ, насколько распределение помощи будетъ зависѣть отъ него, долженъ войти въ соглашеніе съ упомянутою въ нотѣ гр. Андраши смѣшанною комиссіею, имѣющею своимъ назначеніемъ наблюденіе за серьезнымъ примѣненіемъ реформъ и провѣрку ихъ исполненія; 3) въ видахъ устраненія какого-либо столкновенія, Портѣ преподанъ будетъ совѣтъ отвести турецкія войска въ нѣкоторыя, заранѣе условленныя мѣстности, хотя бы до той поры, пока не успокоятся умы; 4) христіане сохраняютъ свое оружіе наравнѣ съ мусульманами и 5) консулы или делегаты державъ должны будутъ слѣдить за примѣненіемъ реформъ, въ особенности же за всѣмъ тѣмъ, что касается водворенія эмигрантовъ.

Берлинскій меморандумъ оканчивался заявленіемъ, что «если бы при дружественной и горячей поддержкѣ великихъ державъ и съ помощью перемирія сдѣлка на этихъ основаніяхъ могла состояться и немедленно была бы приведена въ исполненіе путемъ водворенія эмигрантовъ и выборовъ въ смѣшанную комиссію, то въ дѣлѣ умиротворенія былъ бы сдѣланъ великій шагъ. Но если срокъ перемирія пройдетъ, а державамъ не удастся достигнуть желаемой цѣли, то, по мнѣнію императорскихъ дворовъ, имъ придется пополнить свои дипломатическія дѣйствія установленіемъ соглашенія относительно болѣе существенныхъ мѣръ, въ интересахъ общаго мира, для удержанія зла и предупрежденія его развитія» *).

Въ виду того, что берлинскій меморандумъ являлся результатомъ соглашенія Россіи и Австріи, интересы которыхъ на Востокѣ всегда были противоположны другъ другу и потому исключали всякую мысль о какомъ бы то ни было завоеваніи или исключительныхъ преимуществахъ какъ для того, такъ и для другаго государства, можно было разсчитывать, что остальные державы, подписавшія Парижскій трактатъ 1856 года, прямкнутъ къ этому соглашенію, какъ къ новому ручательству за сохраненіе мира. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Кромѣ Германіи, бывшей единственною посредницею въ дѣлѣ осуществленія соглашенія между Россіей и Австріей, ко взглядамъ, выраженнымъ въ берлинскомъ меморандумѣ, согласились присоединиться Франціѣ

*) Берлинскій меморандумъ отъ 13 мая 1876 года.

в Италія. Что же касается Англии, для корыстолюбивыхъ интересовъ которой было необходимо соперничество и разладъ державъ, то она положительно отказалась принять предложеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ, заявляя, что мѣры давленія на Порту находятся въ противорѣчьи съ Парижскимъ трактатомъ, гарантирующимъ Турецкой имперіи независимость ея внутренняго управленія. Трактатъ 1856 года— по заявленію великобританскаго кабинета — ни для одной изъ участвующихъ сторонъ не можетъ служить поводомъ ко вмѣшательству во внутреннія распри между Портою и ея подданными. Поэтому ни Англія, ни другія державы не имѣютъ никакого права ни на вмѣшательство, ни на «энергическія представленія», а могутъ дѣлать лишь представленія «дружественныя». Кромѣ того, англійское правительство, оцѣнивая выгоды совмѣстнаго дѣйствія державъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся возстанія, не соглашалось присоединиться ко взглядамъ берлинскаго меморандума потому, что считало это соглашеніе не ведущимъ къ умиротворенію, котораго желали державы. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Англія, дабы «наблюдать за тѣмъ, чтобы морскія силы иностранныхъ державъ не были употребляемы на дѣло, противное правамъ, предоставленнымъ Портѣ трактатами, и не умаляли бы тѣмъ власти султана» *), отправила въ Безикскую бухту свой флотъ подъ начальствомъ Друммонда.

Вслѣдствіе отказа Англии присоединиться къ намѣченнымъ въ меморандумѣ взглядамъ, онъ не произвелъ должнаго дѣйствія и на Оттоманскую Порту. Она не согласилась на перемиріе, и такимъ образомъ эта новая попытка великихъ державъ улучшить положеніе балканскихъ христіанъ и тѣмъ умиротворить возставшія провинціи не привела къ желанному результату. Между тѣмъ положеніе дѣлъ на Востокѣ все болѣе осложнялось. Вслѣдствіе дворцовой революціи турецкій султанъ Абдуль-Азисъ, сторонникъ русскаго вліянія, былъ низвергнутъ съ престола и подвергнутъ насильственной смерти, а на его мѣсто возведенъ старшій сынъ его предшественника подъ именемъ Мурада V. Звѣрства же и вештовства турокъ изъ Босніи и Герцеговины распространились на Болгарію. На помощь своимъ меньшимъ братьямъ выступили сосѣднія съ ними вассальныя княжества—Сербское и Черногорское, правительства которыхъ уже давно

*) Нога гр. Дерби отъ 19 мая 1876 года.

съ большимъ трудомъ удерживали народъ отъ естественнаго стремленія принять живое участіе въ общемъ дѣлѣ освобожденія балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига. «Убѣдившись несомнѣнными фактами, что великія европейскія державы отчасти не могутъ, отчасти не хотятъ протянуть руку помощи христіанамъ» *), княжества эти лѣтомъ 1876 года заключили между собою тѣсный оборонительный и наступательный союзъ и объявили войну Оттоманской Портѣ.

Забываясь о томъ, чтобы пламя возстанія не охватило всего Балканскаго полуострова, русское правительство, конечно, не могло относиться равнодушно ко всему происходившему на Востокѣ. Уже вскорѣ послѣ неудачи, постигшей берлинскій меморандумъ, оно снова обращало вниманіе великихъ державъ на крайнюю необходимость принять какія-нибудь принудительныя мѣры для спасенія христіанскаго населенія Турціи и обезпеченія мира Европы, и такъ какъ всѣ до сего времени представлявшіяся съ этою цѣлью мѣры терпѣли неудачу, главнымъ образомъ, благодаря противодействию Англіи благимъ начинаніямъ трехъ союзныхъ императорскихъ дворовъ, то русскій канцлеръ съ особенною настойчивостью добивался содѣйствія этой державы въ дѣлѣ умиротворенія Востока и улучшенія положенія балканскихъ христіанъ. Въ продолженіе іюня мѣсяца 1876 года лорду Дерби изъ Петербурга были сдѣланы самыя разнообразныя предложенія, въ числѣ которыхъ особое преимущество отдавалось устройству на Балканскомъ полуостровѣ автономныхъ маленькихъ княжествъ. Но на всѣ эти предложенія лордъ Дерби отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, «ничего не остается дѣлать, какъ допустить возобновленіе борьбы, пока успѣхъ не окажется болѣе или менѣе рѣшительнымъ образомъ на той или другой сторонѣ» **). Англія, — говоритъ проф. Мартенсъ — сама не представляла никакихъ способовъ для сохраненія мира и въ то же время энергично разрушала попытки, которыя были дѣлаемы другими съ этою цѣлью. Объ автономныхъ княжествахъ она не считала возможнымъ трактовать потому, что недостаточно было пролито крови и окончательный успѣхъ еще не оказался на сторонѣ христіанъ. Впрочемъ противъ автономіи Босніи и Герцеговины возражала также и Австрія,

*) Мартенсъ, назв. соч. стр. 196.

**) Делема лорду Лофтусу отъ 14 іюня 1876 г.

находившая болѣе своевременнымъ образованіе автономнаго княжества изъ Болгаріи, которая къ тому уже будто-бы достаточно созрѣла *).

Не добившись соглашенія съ Англіей, Россія, послѣ встрѣчи императора Александра II съ Францомъ-Иосифомъ въ небольшомъ богемскомъ пограничномъ городѣ Рейхштадтѣ, на время какъ бы ослабила свои усилія къ соединенію всѣхъ великихъ державъ для общаго дѣйствія на пользу мира Еуропы и христіанъ Балканскаго полуострова, и роль умиротворителя Востока успѣшило разыграть англійское правительство, пользуясь воздержаніемъ императорскаго тройственнаго союза отъ вмѣшательства въ неудачную борьбу черногорцевъ и сербовъ противъ Турціи. Великобританія заговорила о необходимости посредничества между воюющими сторонами. По ея почину, Сербія и Черногорія обратились къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополь съ ходатайствомъ объ ихъ благосклонномъ содѣйствіи къ прекращенію начавшейся войны, послѣ чего, англійскій посоль (17 августа 1876 года) предложилъ своимъ товарищамъ положить конецъ борьбѣ султана съ княжествами и съ этою цѣлью требовать отъ Порты заключенія перемирія на одинъ мѣсяць со всѣми воюющими, не исключая возставшей боснійской и герцеговинской райи, для того, чтобы какъ можно скорѣе приступить къ обсужденію условій мира. Предложеніе это было принято представителями всѣхъ великихъ державъ; но Порта отвѣтила отказомъ, находя, что заключеніе перемирія можетъ только ухудшить положеніе сторонъ, и соглашалась на полное примиреніе съ Сербіей и Черногоріей на слѣдующихъ условіяхъ: 1) сербскій князь долженъ явиться въ Константинополь для принесенія султану своего вассальнаго почтенія; 2) крѣпости Бѣлградъ, Шабацъ, Семендрія и Фети-Исламъ, охрана которыхъ была поручена сербскому князю фирманомъ 1867 года, будутъ снова заняты оттоманскими войсками; 3) милиція будетъ распущена; численность войска, необходимаго для охраны порядка въ княжествѣ, не будетъ превышать десяти тысячъ человекъ вмѣстѣ съ двумя артиллерійскими батареями; 4) за исключеніемъ крѣпостей, существующихъ въ Сербіи *ab antiquo*, всѣ вновь воздвигнутыя укрѣпленія должны быть разрушены; 5) Сербія должна уплатить военную контрибуцію; если она не будетъ въ со-

*) Назв. соч., стр. 196.

стояніи зацѣпить ее разомъ, то проценты съ суммы этой контрибуціи будутъ прибавлены къ дани; 6) Турція предоставляется право построить желѣзную дорогу отъ Бѣлграда до Ниша и эксплуатировать ее въ свою пользу.—Что касается до Черногоріи, то Порты соглашалась оставить за ней *status quo ante bellum*.

Само собою разумѣется, что эти высокоумѣрныя требованія Порты не были приняты державами. Онѣ окончательно отвергли выставленныя турецкимъ правительствомъ условія мира съ Сербіей и настаивали на примѣненіи къ ней образа дѣйствій, принятаго въ отношеніи Черногоріи. Съ своей стороны, Англія выработала новую программу умиротворенія Востока, удостоившуюся полного одобренія со стороны всѣхъ прочихъ державъ. Отъ Порты требовалось: 1) оставленіе *status quo*, въ общемъ смыслѣ этого слова, для Черногоріи и Сербіи, и 2) согласіе султана, посредствомъ протокола, который будетъ подписанъ въ Константинополѣ совместно съ представителями державъ-посредницъ, принять на себя обязательство даровать Босніи и Герцеговинѣ систему мѣстнаго или административнаго управленія, т. е. систему мѣстныхъ учреждений, дающую населенію право контроля надъ своими собственными дѣлами и ручательство противъ проявленія самовольства властей; 3) такія же ручательства должны быть даны и противъ дурнаго управленія въ Болгаріи.

Конечно, для принятія этихъ требованій Портою Англіи слѣдовало бы подрѣзвить ихъ угрозою фактическаго давленія на нее со стороны великихъ державъ Европы. Но отъ консервативнаго великобританскаго кабинета невозможно было ожидать, чтобы онъ допустилъ хотя бы одну только мысль о такомъ давленіи на Порту. Мысли этой была дана осязательная форма Россіей, которая въ концѣ сентября предложила вѣнскому и лондонскому дворамъ планъ совместныхъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы Турція приняла англійскую программу. Въ случаѣ отклоненія со стороны Порты этой программы русскія войска должны были вступить въ Болгарію, австрійскія—въ Боснію и Герцеговину, а европейскія эскадры—появиться въ Босфорѣ. Если бы была признана достаточной одна морская демонстрація, русское императорское правительство соглашалось отказаться отъ своего предложенія относительно оккупации. Но это предложеніе Россіи не было принято ни Австро-Венгріей, ни Англіей. Венгры боялись окончательнаго присоединенія

въ равношерстному государству славянскихъ областей, оккупація которыхъ предлагалась имъ Россіей. Что же касается Англїи, то она не желала быть соучастницей въ дѣлѣ давленія на Турцію, назавшагося ей чѣмъ-то чудовищнымъ, и кромѣ того опасалась появленія русскихъ штыковъ въ Царьградѣ и завоеванія оттуда Индіи.

Вслѣдствіе отказа вѣнскаго двора присоединиться къ русскимъ предложеніямъ бывшія доселѣ по виду дружественныя отношенія между Россіей и Австріей значительно пострадали, но императорское правительство, несмотря на это, по прежнему продолжало настаивать на принятїи принудительныхъ мѣръ къ прекращенію кровавой борьбы между Турціей и ея христіанскими подданными. 5 октября 1876 года русскому послу въ Парижѣ, князю Орлову, была отправлена изъ Ливадїи телеграмма, въ которой говорилось, что «императорское правительство не въ состоянїи равнодушно смотрѣть, какъ течетъ кровь на Балканскомъ полуостровѣ» и потому «предлагаетъ державамъ-поручительницамъ прекратить кровопролитіе, настоятельно требуя отъ обѣихъ сторонъ перемирія, или прїостановки войны на шесть недѣль, чтобы дать возможность державамъ обсудить окончательное рѣшеніе невыясненныхъ вопросовъ». Въ виду этого новаго проявленія со стороны Россїи настойчиваго желанія прибѣгнуть къ дѣйствительному давленію на Порту, англійскому послу въ Константинополѣ было предписано истребовать отъ турецкаго правительства перемирія или прїостановки военныхъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, на одинъ мѣсяць, дабы дать время державамъ обсудить мѣры и созвать конференцію. Сэру Эллиоту было приказано заявить Портѣ, что если она не заключитъ перемирія, то Англія откажетъ ей въ дальнѣйшей помощи и что онъ, Эллиотъ, имѣетъ предписаніе въ такомъ случаѣ покинуть Константинополь.

Казалось бы, что послѣ этого должно было установиться полное единогласіе между державами относительно побужденій турецкаго правительства преклониться передъ ихъ волей. Но на дѣлѣ вышло совершенно иначе. На требованіе краткаго перемирія Порты отвѣтила предложеніемъ перемирія долгосрочнаго, шестимѣсячнаго; по поводу же предполагавшагося созыва конференціи для выработки программы умиротворенія и реформъ она увѣдомила великія державы о дарованїи Турціи конституціи съ учрежденіемъ двухъ парламентскихъ палатъ и тѣмъ какъ бы указывала на минованіе надобности

въ созывѣ конференціи *). Такой отвѣтъ Порты вызвалъ усиленную и продолжительную переписку между иностранными кабинетами, какъ о срокѣ перемирія, такъ и о созывѣ конференціи, и далъ возможность турецкимъ силамъ воспользоваться лишнимъ временемъ для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ войскамъ сербовъ. 31 октября турецкія полчища заняли уже Алексинацъ; но здѣсь ихъ торжественное шествіе было пріостановлено. Видя, что Порта не внимасть голосу Европы и не прекращаетъ военныхъ дѣйствій съ своими подданными, великодушный русскій монархъ, считавшій своимъ долгомъ оказать помощь единовѣрцамъ и единоплеменникамъ Россіи, потребовалъ отъ турецкаго правительства немедленнаго заключенія перемирія съ балканскими христіанами. 18 (30) октября нашъ константинопольскій посолъ, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, получилъ приказаніе сообщить Портѣ, что если она въ двухдневный срокъ не согласится на шестинедѣльное или двухмѣсячное перемиріе и не прикажетъ немедленно пріостановить военныя дѣйствія, то посолъ покинетъ Константинополь со всѣмъ личнымъ составомъ посольства и дипломатическія сношенія Россіи съ Портою будутъ прерваны. Ультиматумъ русскаго правительства разомъ остановилъ кровавую борьбу мусульманъ съ христіанами, такъ какъ Турція тотчасъ же согласилась заключить перемиріе на два мѣсяца, продолживъ его затѣмъ до 1 марта 1877 года.

Заставивъ Порту положить оружіе, о чемъ такъ долго и бесполезно хлопотала Европа, императоръ Александръ II, рѣшившійся какъ можно скорѣе добиться конца невыносимой смуты, обратился къ заботамъ о немедленномъ созывѣ международной конференціи, которая еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ была предложена Англійей и имѣла своею цѣлью урегулированіе положенія Сербіи, Черногоріи и всѣхъ другихъ балканскихъ христіанъ, находившихся въ борьбѣ съ султаномъ. Государь сердечно желалъ путемъ европейскаго соглашения по дѣламъ Востока добиться прекращенія войны и возстановленія всеобщаго спокойствія. Ради этой цѣли онъ не щадилъ никакихъ усилій къ тому, чтобы склонить на сторону Россіи и Англію, которая постоянно полагала различныя преграды всякимъ попыткамъ императорскаго кабинета такъ или иначе умиротворить Востокъ.

*) Ноты Порты отъ 12 октября 1876 года.

Въ этихъ видахъ императоръ счелъ своимъ долгомъ даже посвятить англійское правительство въ свои взгляды и предположенія. Разговаривая въ Ливадіи съ великобританскимъ посломъ, лордомъ Лофтусомъ, какъ разъ въ тотъ самый день, когда Порта изъявила готовность принять и исполнить русскій ультиматумъ высокой собесѣдникъ замѣтилъ, что «Порта цѣлымъ рядомъ хитросплетеній препятствовала всѣмъ попыткамъ, сдѣланнымъ соединенными силами Европы для прекращенія войны и восстановленія всеобщаго спокойствія»; что если Европа готова терпѣть отъ Порты постоянныя издѣвательства, то Россія считаетъ такое поведеніе турецкаго правительства несомнѣваемымъ съ ея честью, достоинствомъ и интересами; что она не желала бы отдѣляться отъ сонма европейскихъ державъ, но настоящее положеніе невыносимо и не можетъ долѣе продолжаться, и если Европа не расположена дѣйствовать болѣе твердымъ образомъ, то русское правительство вынуждено будетъ дѣйствовать *единолично*. Продолжая разговоръ, государь старался доказать представителю Англій, что онъ не ищетъ завоеванія Константинополя или Индіи и руководится въ своей политикѣ исключительно однимъ желаніемъ придти на помощь угнетенной турецкой раиѣ, съ которой Россія связана единствомъ вѣры и племени. Въ депешѣ лорда Лофтуса къ лорду Дерби объясненія эти изложены съ подробностью. Вотъ наиболѣе интересное изъ нея мѣсто:

«Государь—сообщаетъ лордъ Лофтусъ—неоднократно подтверждалъ мнѣ торжественнѣйшимъ образомъ, что не желаетъ никакого завоеванія, не помышляетъ ни о малѣйшемъ земельномъ приращеніи для Россіи и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія, ни малѣйшаго намѣренія овладѣть Константинополемъ. Все, что было говорено относительно духовнаго завѣщанія Петра Великаго и помысловъ Екатерины II-й есть только воображеніе и мечта. Такого рода предположенія никогда на самомъ дѣлѣ не существовали и его величество того мнѣнія, что пріобрѣтеніе Константинополя было бы несчастіемъ для Россіи. Никогда и рѣчи не было о чемъ-либо подобномъ и императоръ Николай также никогда не имѣлъ ничего такого въ виду, чему онъ далъ доказательство въ 1828 году, въ то время, когда его побѣдоносныя войска находились въ трехдневномъ разстояніи отъ турецкой столицы. Его величество далъ мнѣ честное слово, самымъ серьезнымъ и торжественнымъ образомъ, что не

имѣть никакого намѣренія овладѣть Константинополемъ, и если бы необходимость заставила его занять часть Болгаріи, то это занятіе будетъ только временнымъ и прекратится вслѣдъ за умиротвореніемъ христіанскихъ областей. Его величество вернулся вслѣдъ за этимъ къ предложенію, сдѣланному правительству королевы, относительно занятія Босніи Австріею и Болгаріи—Россіею, одновременно съ морской демонстраціей подъ Константинополемъ, гдѣ—сказалъ императоръ—флотъ ея величества королевы оказался бы первенствующею силою. Его величество императоръ полагаетъ, что это предложеніе служить достаточнымъ доказательствомъ того, что Россія никакимъ образомъ не питаетъ намѣренія занять столицу. «Россіи приписываютъ намѣреніе—прибавилъ императоръ—завладѣть Индіей и Константинополемъ. Можетъ-ли быть что нибудь нелѣпнѣе этого? Первое изъ этихъ предположеній совершенно невозможно; что же касается до втораго, то я возобновляю торжественнѣйшее увѣреніе, что на это не имѣю ни желанія, ни намѣренія». Императоръ глубоко огорченъ недовѣріемъ къ его политикѣ, порождающимъ дурныя послѣдствія. Онъ пригласилъ меня сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы разсѣять подозрѣнія и недовѣріе, существующія по отношенію къ Россіи, и поручилъ мнѣ передать правительству королевы торжественныя увѣренія, которыя онъ давалъ мнѣ неоднократно» *).

Однако, чистосердечныя завѣренія императора Александра II не оказали желаннаго воздѣйствія на Англію. Она осталась непоколебимой въ своихъ взглядахъ и по прежнему продолжала тормозить всѣ тѣ мѣры, которыя могли положить предѣлъ невыносимому порядку вещей въ Турціи. Само собою понятно, что императорское русское правительство не могло дозволить такого наглаго издѣвательства надъ жалкою судьбою возставшихъ христіанъ, и Россія «была готова, въ случаѣ неуспѣшнаго исхода международной конференціи и нового отступленія великихъ европейскихъ державъ передъ силою инерціи Оттоманской имперіи, дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно» **). Это рѣшеніе государя императора было громогласно высказано имъ въ Москвѣ 29 октября (11 ноября)

*) Депеша лорда Лофтуса на имя лорда Дерби отъ 8 ноября 1876 года.

***) Мартенсъ, назв. соч., стр. 205.

1876 года во время приѣма представителей московскаго дворянства и городскаго общества. Государь сказалъ:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашу адресъ съ удовольствіемъ».

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь».

«Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій».

«Желаю весьма, чтобы мы могли прійти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, чего мы вправѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!»

Въ такихъ словахъ императоръ Александръ II выразилъ свое горячее сочувствіе святому дѣлу славянъ и свое твердое, непреклонное рѣшеніе придти на помощь единовѣрцамъ и единоплеменникамъ Россіи, жестоко страдавшимъ подъ гнетомъ грубаго турецкаго владычества. Ставя на первый планъ истинные интересы Россіи и считая русскую кровь дороже всякихъ видовъ честолюбія и славя-

любія, или какого нибудь политическаго доктринерства, русскій царь заявилъ о своей рѣшимости отказаться, въ случаѣ нужды, отъ миролюбивой политики, которой онъ слѣдовалъ съ первыхъ же дней возстанія въ Турціи, и даже обнужить мечъ для защиты подавленныхъ славянъ, для выполненія историческаго призванія Россіи, для чего уже было сдѣлано распоряженіе о мобилизаціи шести армейскихъ корпусовъ. О своемъ рѣшеніи дѣйствовать единолично и самостоятельно въ случаѣ, если того потребуютъ обстоятельства, государь оповѣстилъ Европу посредствомъ циркуляра, разосланнаго ко всѣмъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ.

«Печальныя событія,—говорилось въ этомъ циркулярѣ,—обагрятъ кровью Балканскій полуостровъ, глубоко взволновали всю Европу. Согласившись между собою, державы признали необходимость положить предѣлъ такому порядку вещей по долгу человечества и въ виду всеобщаго спокойствія. Онѣ приостановили кровопролитіе, принудивъ обѣ стороны установить перемиріе. Онѣ также согласились относительно опредѣленія основъ, на которыхъ миръ могъ бы быть заключенъ съ тѣмъ, чтобы серьезно оградить христіанскія народности отъ неисправимыхъ злоупотребленій турецкаго управленія, равно какъ и отъ необузданнаго своеволія оттоманскихъ властей, а также обезпечить Европу отъ періодическаго возобновленія такихъ кровавыхъ столкновеній».

«Императорское правительство всѣми силами содѣйствовало установленію соглашенія между великими державами относительно вопроса, въ которомъ политическіе интересы должны уступить мѣсто болѣе возвышенному общему чувству—человѣколюбію — и спокойствію Европы».

«Оно ничѣмъ не будетъ пренебрегать для того, чтобы означенное соглашеніе привело къ прочному, дѣйствительному исходу, соответствующему требованію общественной совѣсти и всеобщему спокойствію. Но, благодаря тому, что дипломатія вотъ уже болѣе года обсуждаетъ способы осуществленія на дѣлѣ единодушнѣ воли Европы, Порта получила возможность призвать изъ нѣдръ Азіи и Африки народное ополченіе, состоящее изъ наименѣ дисциплинированныхъ военныхъ силъ исламизма, возбудила мусульманскій фанатизмъ и подавила численнымъ превосходствомъ своихъ силъ христіанскія населенія, борющіяся за свое существованіе. Вино-

ники ужасающихъ преступленій, вызвавшихъ негодованіе Европы, продолжаютъ пользоваться безнаказанностью и въ настоящую пору на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи, на глазахъ негодующей Европы; ихъ примѣръ распространяетъ и увѣковѣчиваетъ тѣ же насилія и варварства».

«При такихъ обстоятельствахъ, его императорское величество государь императоръ, твердо рѣшившись съ своей стороны преслѣдовать и достигнуть всѣми средствами, находящимися въ его власти, цѣли, намѣченной согласившимися великими державами, счелъ необходимымъ мобилизовать часть своихъ военныхъ силъ».

«Его императорское величество не желаетъ войны и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы избѣгнуть ея. Но государь принялъ рѣшимость не останавливаться, пока принципы, признанные справедливыми, гуманными, необходимыми для всей Европы и къ которымъ общественное мнѣніе всей Россіи присоединилось съ величайшею настойчивостью, не получаютъ полнѣйшаго удовлетворенія и не будутъ дѣйствительно обезпечены» *).

Это громкое и торжественное заявленіе русскаго императорскаго двора о его намѣреніи дѣйствовать въ отношеніи Турціи единолично и самостоятельно въ случаѣ, если того потребуютъ обстоятельства, ясно опредѣляло дальнѣйшее отношеніе Россіи къ происходившимъ замѣшательствамъ на Востокѣ и потому должно было рѣшительнымъ образомъ повліять на послѣдующіе дипломатическіе переговоры между великими державами, имѣвшіе цѣлью обезпеченіе мира въ Европѣ путемъ замиренія султана съ его возставшими поданными и улучшения ихъ быта. Переговоры эти начались въ Константинополѣ въ концѣ 1876 года. По заключеніи перемирія между Портою и балканскими славянами, Англія, по настоянію Россіи, предложила безъ промедленія созвать въ турецкой столицѣ конференцію, въ которой приняты бы участіе всѣ державы-поручительницы, а также и Порты, взявъ за основаніе совѣщаній слѣдующія условія: 1) независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи; 2) полное отреченіе государствъ отъ территоріальныхъ выгодъ, исключительнаго вліянія или привилегій въ пользу своей торговли, каковыя

*) Циркуляръ кн. Горчакова къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ 1—13 ноября 1876 года.

имѣютъ быть предоставлены одинаково всѣмъ державамъ; 3) сохраненіе status quo для Сербіи и Черногоріи; 4) введеніе системы мѣстной или административной автономіи для Босніи и Герцеговины; 5) гарантіи противъ другаго управленія въ Болгаріи *).

Великія державы, подписавшія Парижскій трактатъ 1856 года, приняли предложеніе Англіи. Къ предложенію этому немедленно присоединилась и Россія, сдѣлавъ только одну существенную оговорку, въ которой указывала на то, что она нѣсколько расходится съ великобританскимъ кабинетомъ во взглядахъ на способы достиженія той цѣли, которую желаетъ преслѣдовать Европа, отправляя своихъ уполномоченныхъ на конференцію въ Константинополь. Англія «желала бы согласовать ихъ съ буквою постановленій, утвержденныхъ въ другія времена, при иномъ положеніи и другомъ теченіи мыслей, не принимая въ расчетъ истекшія двадцать лѣтъ и тяжкій опытъ, ими принесенный», и поэтому на первый планъ ставила излюбленную ею *независимость и территориальную неприкосновенность Оттоманской имперіи*; но Россія полагала необходимымъ подчинить независимость и неприкосновенность Турціи тому, чего требуетъ гуманность, христіанскія чувства Европы и всеобщее спокойствіе. «Порта—писалъ князь Горчаковъ — была первою нарушительницею обязательствъ, принятыхъ ею договоромъ 1856 года относительно своихъ христіанскихъ подданныхъ. Европа имѣетъ право и обязанность предписывать ей тѣ условія, при которыхъ единственно она можетъ согласиться на сохраненіе политическаго status quo, установленнаго означеннымъ договоромъ, а такъ какъ Порта неспособна исполнить эти условія, то Европа имѣетъ право, и обязана замѣстить ее, насколько это окажется нужнымъ, для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій». При этомъ государственный канцлеръ добавлялъ, что «Россія, менѣе чѣмъ какая либо изъ другихъ державъ, можетъ согласиться на повтореніе опытовъ примѣненія временныхъ облегчающихъ средствъ, полумѣръ и призрачныхъ программъ, жалкіе результаты которыхъ, бывшіе у всѣхъ на глазахъ, отразились на ея собственномъ спокойствіи и внутреннемъ благосостояніи» **).

*) Ноты главнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ правительства королевы представителямъ Англіи при иностранныхъ дворахъ отъ 4 ноября 1876 года.

***) Денеша князя Горчакова отъ 18 ноября 1876 года.

По приглашенію Англи, въ Константинополѣ собрались представители шести европейскихъ державъ, и 11 декабря (новый стиль), подъ предсѣдательствомъ русскаго посла Игнатьева, открылась подконференція, безъ участія представителя Порты, для обсужденія вопроса о турецкихъ реформахъ. На этой подконференціи были опредѣлены условія мира между Сербіей, Черногоріей и Турціей и предложено предоставить права внутренней автономіи Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ. Для Черногоріи выговаривалось выправленіе границъ со стороны Герцеговины и Албаніи и беспрепятственный доступъ къ морю рѣкою Бояномъ, которая должна быть сдѣлана судоходной на всемъ своемъ теченіи. Для Сербіи проектировался *status quo ante bellum*, причемъ смѣшанная сербско-турецкая коммиссія имѣла исправить границы, принявъ демаркаціонной чертой русло рѣки Дрины. Болгарія раздѣлялась Балканами на два вилайета или провинціи, Боснія же съ Герцеговиной соединялись въ одинъ вилайетъ. Во главѣ каждого вилайета или провинціи предполагалось поставить генераль-губернатора или *вали*, назначаемаго на пять лѣтъ Портою съ согласія великихъ державъ. Въ Болгаріи (но не въ Босніи и Герцеговинѣ) этотъ вали долженъ быть христіаниномъ, причемъ можетъ быть иностранцемъ или оттоманскимъ подданнымъ. Вали управляетъ провинціей вмѣстѣ съ провинціальнымъ собраніемъ. Это собраніе назначаетъ административную коммиссію, имѣющую служить совѣтомъ вали. Провинціи или вилайеты подраздѣлялись въ свою очередь на кантоны и округа. Система взиманія и раскладки податей измѣнялась въ смыслѣ облегченія налоговыхъ тягостей. Отправленіе правосудія и полиція также подвергались улучшеніямъ. За введеніемъ всѣхъ этихъ реформъ обязывалась наблюдать международная коммиссія.

По окончаніи работъ подконференціи, 23 декабря открылись общія засѣданія Константинопольской конференціи въ полномъ составѣ подъ предсѣдательствомъ Савфетъ-паши—турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. При открытіи этихъ засѣданій съ укрѣпленій раздались пушечные салюты и Савфетъ-паша торжественно объявилъ собравшемуся ареопагу, что султанъ даруетъ своей имперіи конституцію, которая теперь и провозглашается. Этимъ актомъ падишахъ измѣнялъ существовавшую въ теченіе шести столѣтій форму правленія, имѣя цѣлью установить новую эру для счастья и благосостоянія всѣхъ

народовъ, подвластныхъ Портѣ. Оттоманская имперія преобразовывалась въ представительную монархію, во главѣ которой стоялъ султанъ—верховный калифъ правовѣрныхъ. По новой конституціи учреждался парламентъ изъ двухъ палатъ и отвѣтственные министры; судебная власть признавалась независимой; всѣмъ подданнымъ султана даровались широкія права, причемъ проводилось полное равенство между христіанами и мусульманами и т. д. Но само собою понятно, что эта турецкая конституція, не лишняя значенія въ общемъ смыслѣ, какъ попытки—слить въ одно цѣлое всѣ элементы, входящіе въ составъ Оттоманской имперіи, подъ сѣнью парламента и при нѣкоторыхъ условіяхъ личной свободы, начево не значила въ дѣйствительности по отношенію къ обезпеченію положенія христіанъ въ обогранныхъ кровью провинціяхъ. Самъ руководитель палаты общинъ, канцлеръ казначейства сэръ Стаффордъ Нарткотъ во время преній въ этой палатѣ (въ началѣ февраля 1877 года) высказалъ, что конституція эта, «разсматриваемая въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ», есть не болѣе какъ «бумажная реформа» и что «никто не можетъ имѣть ни малѣйшаго довѣрія къ такого рода конституціи въ смыслѣ лѣкарства отъ тѣхъ золъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Смѣшно предполагать, что она можетъ произвести какіе-либо ощутительные результаты въ христіанскихъ провинціяхъ, безъ полныхъ гарантій въ томъ, что управление ихъ будетъ улучшено въ иныхъ отношеніяхъ».

Какъ бы то ни было, послѣ провозглашенія конституціи Оттоманской имперіи Константинопольская конференція, имѣвшая своею задачею выработать проектъ внутреннихъ реформъ и международныхъ гарантій для христіанскихъ провинцій Турціи, должна была окончиться ничѣмъ, такъ какъ торжественное обнародованіе этого акта въ день созыва полной конференціи исключительно имѣло цѣлью сдѣлать излишнимъ всякое вмѣшательство въ балканскія дѣла со стороны Европы. И дѣйствительно, Оттоманская Порта, опираясь на Англію, которая открыто поддерживала ее въ то время, наотрѣвъ отказалась ввести требуемыя реформы въ возставшихъ провинціяхъ и дать серьезныя гарантіи противъ дурнаго управления, существовавшего въ нихъ, заявляя, что такого рода ручательства заключаются въ ручательствахъ нравственныхъ, въ конституціи, въ законахъ и въ дѣйствіи времени, которое дастъ новымъ учрежде-

ніямъ возможность окрѣпнуть и опредѣлять ихъ практическое значеніе. Вслѣдствіе отказа Порты принять предложенія Константинопольской конференціи эта послѣдняя, послѣ своего засѣданія 8 (20) января 1877 года, разошлась, причемъ послы шести великихъ державъ, въ силу полученныхъ ими предписаній, покинули турецкую столицу, оставивъ въ ней однихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Послѣ окончательной неудачи державъ-поручительницъ прекратить кровопролитіе въ Турціи и защитить христіанскія народности отъ угнетеній мусульманъ для Россіи настало время привести въ исполненіе рѣшеніе, которое заранѣе было предначертано ея монархомъ на случай неудачнаго исхода Константинопольской конференціи, имѣвшей цѣлью умиротвореніе Востока. Въ самомъ дѣлѣ, что оставалось дѣлать Россіи послѣ того, какъ султанъ съ невѣроятнымъ упорствомъ отказался удовлетворить законнымъ требованіямъ Европы, а эта послѣдняя не считала своимъ долгомъ не только прибѣгнуть къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ противъ Порты для приведеніе въ исполненіе разъ высказанныхъ желаній, но даже не признавала себя обязанной оказать съ этою цѣлью должнаго нравственнаго воздѣйствія на турецкое правительство? Могла-ли Россія оставаться равнодушною зрительницею всего того, что происходило на Балканскомъ полуостровѣ по винѣ Порты, которая, основываясь на Парижскомъ трактатѣ и явной поддержкѣ со стороны нѣкоторыхъ западныхъ державъ, была увѣрена въ своей полной безопасности и не хотѣла слышать о принятіи предложенныхъ Европою реформъ? Могла-ли она своимъ молчаніемъ санкціонировать всѣ тѣ грабежи, вымогательства, звѣрства и убійства, которыя совершались турками во имя управленія и единогласно признавались общественнымъ мнѣніемъ всей Европы за оскорбленіе нравственнаго чувства и достоинства просвѣщенныхъ націй? Могла-ли великая европейская держава, единовѣрная и единоплеменная христіанскимъ подданнымъ Порты, не обнажить меча для защиты ихъ жизненныхъ интересовъ, отступивъ передъ упрямствомъ султана, и тѣмъ еще болѣе укрѣпивъ въ немъ рѣшимость противодѣйствовать проведенію реформъ, направленныхъ къ улучшенію положенія славянъ Востока, виновныхъ только тѣмъ, что они исповѣдуютъ вѣру Христову и не имѣютъ силъ выносить всѣ ужасы турецкой тираніи? Могла-ли великая славянская держава не под-

нять оружія, чтобы прекратить неслыханныя звѣрства, глубоко возмущавшія нравственное чувство русскаго народа и постоянно угрожавшія ея собственному спокойствію: могла-ли она пойти наперекоръ своему историческому призванію? Конечно, нѣтъ! И «вся Россія съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала неминуемаго объявленія войны; а русская армія ежечасно ждала въ Бессарабіи приказанія перейти границу» *).

Но, прежде чѣмъ объявить войну Турціи, императорскій кабинетъ пожелалъ добиться подписанія протокола, который «долженъ былъ имѣть значеніе окончательнаго протокола, констатирующаго согласіе между великими европейскими державами насчетъ необходимости ввести въ Турціи реформы, предложенныя Константинопольскою конференціею» **). Такой окончательный протоколъ былъ подписанъ въ Лондонѣ 19 (31) марта 1877 года послѣ долгихъ и скучныхъ переговоровъ Россіи съ великими европейскими державами и главнымъ образомъ, конечно, съ Англіей. Въ протоколѣ этомъ говорилось, что «державы, приступившія сообща къ дѣлу умиротворенія Востока и участвовавшія съ этою цѣлью въ Константинопольской конференціи, признаютъ самымъ вѣрнымъ способомъ достиженія преслѣдуемой ими задачи сохраненіе согласія, столь счастливымъ образомъ установившагося между ними, и новое подтвержденіе общей заботы относительно улучшенія положенія христіанскихъ народностей Турціи и введенія реформъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.» Державы находятъ, что Порта изъявила готовность исполнить значительную часть реформъ, предназначенныхъ для спокойствія и благосостоянія возставшихъ областей, положеніе которыхъ составляло предметъ совѣщаній конференціи, и поэтому приглашаютъ ее привести свои войска на мирное положеніе, надѣясь, что она «воспользуется настоящимъ затишьемъ для энергичнаго принятія мѣръ, направленныхъ къ дѣйствительному улучшенію участи христіанскихъ народностей и единогласно требуемыхъ ради спокойствія Европы.» За введеніемъ этихъ реформъ онѣ будутъ зорко слѣдить чрезъ своихъ представителей въ Константинополь и мѣстныхъ агентовъ. Если же «надежды державъ еще разъ окажутся тщетными, а участь христіанскихъ подданныхъ султана не будетъ

*) Мартенсъ. наз. соч., стр. 214.

**) Тамъ же стр. 214.

улучшена настолько, чтобы предупредить возобновление столкновений, периодически волнующих спокойствие Востока, то онъ считаютъ своимъ долгомъ объявить, что такой порядокъ вещей несомнѣнъ съ ихъ интересами и интересами Европы вообще. *Въ такомъ случаѣ державы оставляютъ за собою право путемъ соглашенія установить мѣры, которыя ими будутъ признаны наиболее соответствующими для охраненія благосостоянія христіанскихъ народностей Востока и интересовъ всеобщаго мира.*»

Къ протоколу 19 (31) марта были приложены особая декларация Россіи, Англіи и Италіи. Россія объявляла, что «если миръ съ Черногоріей будетъ заключенъ и Порта приметъ совѣты Европы, изъявивъ готовность вернуться къ мирному положенію и серьезно приступить къ указаннымъ въ протоколѣ реформамъ, то пусть тогда она отправитъ въ Петербургъ особаго посланника для соглашенія относительно разоруженія, на которое его императорское величество, съ своей стороны, немедленно дастъ согласіе. Но если въ это время будутъ совершаться надъ христіанами кровавыя расправы, подобныя тѣмъ, какія обагрели кровью Болгарію, то, естественно, разоруженіе должно будетъ приостановиться». Англія заявляла, что «такъ какъ правительство ея британскаго величества единственно лишь въ интересахъ европейскаго мира согласилось подписать протоколъ, предложенный русскимъ правительствомъ, то напередъ обуславливается, что въ случаѣ, если означенный протоколъ не достигнетъ своей цѣли, т. е. взаимнаго разоруженія Россіи и Турціи, равно какъ и мира между ними, онъ теряетъ всю свою силу». Наконецъ, Италія замѣчала, что она «будетъ считатьъ себя связанной протоколомъ лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать установленное этимъ протоколомъ соглашеніе между державами» *). Въ декларацияхъ великобританскаго правительства обращало на себя вниманіе странное заявленіе лорда Дерби, что Лондонскій протоколъ потеряетъ свою силу, если не достигнетъ *взаимнаго разоруженія Россіи и Турціи*. Очевидно, невозможно было ставить на одну доску обѣ эти державы и говорить о *взаимномъ разоруженіи* между ними послѣ того, какъ Порта отвергла всѣ требованія, предъявлен-

*) О лондонскомъ протоколѣ 31 марта 1877 года см. Rolin-Jaequemyns, L'année 1877 et les debuts de 1878 au point de vue du dr. intern.; Revue de dr. intern. 1878.

ныя ей самою же Англіей со вмѣстѣ съ прочими державами-поручительницами. Подобнаго рода заявленіе со стороны англійскаго кабинета, являвшееся какъ-бы поощреніемъ Порты къ дальнѣйшему сопротивленію требованіямъ Европы, было увязительнымъ для чести и достоинства Россіи, вслѣдствіе чего оно и не было принято русскимъ правительствомъ.

Лондонскій протоколъ, подкрѣпившій требованія шести великихъ европейскихъ державъ, выставленныя ими на Константинопольской конференціи, какъ и слѣдовало ожидать, былъ отвергнутъ Оттоманскою Портою, отъ вниманія которой, конечно, не могло укрыться отсутствіе солидарности между державами, которая именно и должна была быть констатирована этимъ протоколомъ. 9-го апрѣля 1877 года она заявила, что не можетъ присоединиться къ акту, составленому безъ ея участія и посягающему на независимость Турецкой имперіи. Тогда императоръ Александръ II, не находя болѣе возможнымъ оставаться въ положеніи, которое оскорбляло чувство всякаго русскаго человѣка, рѣшился взять на себя святое дѣло освобожденія единоврѣнныхъ и единоплеменныхъ Россіи народностей Балканскаго полуострова и 12 апрѣля издалъ въ Кишиневѣ манифестъ о войнѣ противъ Турціи повелѣвъ сообщить всѣмъ великимъ европейскимъ державамъ ея причины и цѣли. Вотъ знаменитыя слова этого высочайшаго манифеста:

«Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподаннымъ извѣстно то живое участіе, которое мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова».

«Кровь и достояніе нашихъ вѣрноподанныхъ были всегда намъ дороги; все царствованіе наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости нашей сохранять Россіи благословеніе мира. Эта заботливость оставалась намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Босніи и Герцеговинѣ, и Болгаріи. Мы первоначально поставили себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашеній съ союзными, дружественными намъ, великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться въ продолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли

бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою передъ лицомъ всей Европы. Усилія наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желанной цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія наши не оправдались: Порта не вияла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ».

«Исчерпавъ до конца миролюбіе наше, мы вынуждены высокоумѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ; того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ сплѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподаннымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуемъ».

«Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска наши, мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи».

Такимъ образомъ, послѣ долгихъ ожиданій война Турціи наконецъ была объявлена... Миролюбіе того, кому кровь и достоиніе русскихъ подданныхъ были всегда дороги, было исчерпано до конца... Высокомѣрнымъ упорствомъ Порты Россія вынуждена была къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ... Всѣ эти драгоцѣнныя слова высочайшаго манифеста были полны благородной справедливости, кото-

рая соответствовала глубокому убѣжденію въ неизбежности великихъ жертвъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ несомнѣнности великаго долга славянской державы въ виду отказа Порты подчиниться единоголоснымъ требованіямъ христіанской Европы въ пользу угнетенныхъ народностей Балканскаго полуострова. Объявляя войну Турціи, Россія торжественно провозгласила, что *цѣль ея — освобожденіе христіанскихъ народностей изъ подъ власти турецкаго султана*. Русское правительство, повидимому, было убѣждено, что всѣ великія державы сочувствуютъ этой цѣли. По крайней мѣрѣ, въ циркулярѣ кн. Горчакова, объявлявшемъ объ открытіи военныхъ дѣйствій, побудительной причиной рѣшеній императорскаго кабинета выставалась необходимость выбирать одно изъ двухъ: «или допустить, чтобы настоящее положеніе дѣлъ, признанное державами несомнѣннымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, продолжалось, или же попытаться путемъ понужденія достигнуть того, чего кабинеты не могли добиться отъ Порты путемъ убѣжденія, несмотря на всѣ свои дружныя усилія». Въ циркулярѣ упоминалось вскользь объ интересахъ Россіи, но единственно въ томъ смыслѣ, что мирному развитію ихъ «препятствуютъ постоянныя смуты на Востокѣ» *).

Надѣясь до послѣдней минуты на помощь извнѣ, Турція, по объявленіи ей войны Россіей, обратилась къ великимъ, европейскимъ державамъ, подписавшимъ Парижскій трактатъ 1856 года, съ просьбою о посредничествѣ, на основаніи ст. 8-й этого трактата, высказывая «убѣжденіе, что дружественныя державы, вѣрныя чувству доброжелательности, съ какою онѣ всегда относились къ Оттоманской имперіи, воспользуются законнымъ предлогомъ, чтобы остановить готовую вспыхнуть кровопролитную борьбу между Турціей и Россіей, и такимъ образомъ устранить отъ этихъ странъ тяжкія послѣдствія, угрожающія какъ имъ, такъ и самой Европѣ, и предотвратить опасности, вызываемыя столкновеніемъ, за которое Порты вправѣ сложить съ себя всякую отвѣтственность». Но это воззваніе Порты не достигло своей цѣли. Ни одна изъ европейскихъ державъ не выразила своего протеста противъ выступленія русскихъ

*) Циркулярная депеша князя Горчакова на имя представителей Россіи при иностранныхъ дворахъ отъ 7 апрѣля 1877 г.

войскъ въ походъ. Всѣ онѣ, вслѣдъ за объявленіемъ войны, поспѣшили заявить о своемъ нейтралитетѣ, и просьба Порты о вмѣшательствѣ державъ на основаніи Парижскаго трактата была оставлена безъ послѣдствій, такъ какъ 8-я статья этого трактата потеряла уже всякую силу послѣ того, какъ великія державы въ продолженіи двухъ лѣтъ прилагали свои усилія къ тому, чтобы устранить кризисъ, а Порта своимъ безразсуднымъ образомъ дѣйствій парализовала всѣ мѣропріятія европейской дипломатіи, направленныя къ охраненію благоденствія христіанскаго населенія и интересовъ всеобщаго мира. Отдавая должную справедливость безкорыстію русскаго императорскаго двора и не вмѣшиваясь въ начавшуюся войну, Европа приготовлялась обезпечить свои частныя интересы на Востоку при окончательной развязкѣ кровавой драмы, разыгравшейся на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ самый день объявленія войны русская армія перешла границу и двинулась къ Дунаю черезъ Румынію, которая 16 апрѣля 1877 года заключила съ Россіей конвенцію относительно прохода русскихъ войскъ черезъ румынскую территорію, а затѣмъ, провозгласивъ свою независимость, сама объявила войну Оттоманской Портѣ, рѣшивъ принять дѣятельное участіе въ судьбахъ злосчастнаго восточнаго вопроса. Что послѣдовало за переходомъ русскихъ войскъ за Дунай, каковы были славныя дѣла и тяжелыя минуты, пережитыя нашей арміей на европейскомъ и азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій,— все это достаточно извѣстно и памятно всѣмъ, чтобы на этомъ была необходимость останавливаться. Въ политическомъ отношеніи весьма важно отмѣтить лишь то, что по ходу кампаніи къ намъ присоединились въ качествѣ союзницъ Сербія и Черногорія, объявившія себя независимыми государствами, а русскія войска, при всей своей малочисленности, послѣ десятимѣсячнаго похода, дошли до самаго Константинополя, несмотря на то, что Англія снабжала Порту превосходнымъ оружіемъ и всѣми военными снарядами и наполнила ряды турецкихъ войскъ цѣлой массой своихъ офицеровъ. Но русскія войска не вступили въ Константинополь, въ виду той опасности, которая угрожала намъ со стороны Великобританіи и Австро-Венгріи.

Во время войны Россіи съ Турціей, Англія выказала такую же заботливость о поддержаніи турецкихъ интересовъ и своихъ ко-

рыстныхъ расчетовъ, какую она обнаружила при дипломатическихъ переговорахъ относительно изысканія мирныхъ способовъ улаженія восточнаго кризиса. Она приняла всё зависящія отъ нея мѣры къ тому, чтобы предупредить ту опасность, которая угрожала Турціи. Въ этихъ видахъ великобританскимъ правительствомъ было произведено должное давленіе на Грецію съ цѣлью удержать ее отъ активнаго участія въ войнѣ съ Оттоманской Портой и заявлено Россіи о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Англія намѣрена сохранять политику воздержанія и нейтралитета. Не вмѣшиваться въ русско-турецкую войну Великобританія обѣщалась лишь до тѣхъ поръ пока: 1) пути сообщенія между Европою и Востокомъ черезъ Суэзскій каналъ не будутъ прерваны и ихъ неприкосновенности не будетъ угрожать опасность, такъ какъ всякая попытка къ блокадѣ или къ воспрепятствованію свободы плаванія по каналу или его окрестностямъ будетъ сочтена Англіей за угрозу Индіи; 2) Египетъ, съ которымъ тѣсно связаны коммерческіе и финансовыя интересы европейскихъ народовъ, не подвергнется нападенію или занятію, хотя-бы и временному, въ стратегическихъ видахъ; 3) Константинополь, весьма важный въ политическомъ, военномъ и торговомъ отношеніи, будетъ оставаться турецкой столицей, и 4) нынѣ существующія условія судоходства по Босфору и Дарданелламъ, кажушіяся правительству королевы разумными и полезными, останутся безъ малѣйшаго измѣненія *).

На это откровенное заявленіе великобританскаго правительства о тѣхъ интересахъ, которые оно должно и намѣрено охранять во время войны Россіи съ Турціей, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что «императорскій кабинетъ не имѣетъ намѣренія ни блокировать Суэзскій каналъ, ни ставить преграды судоходству по нему, или угрожать ему какимъ либо образомъ», такъ какъ «смотреть на каналъ, какъ на международное сооруженіе, въ которомъ заинтересована торговля всего міра и которое должно быть ограждено отъ всякаго нападенія». Что касается до Египта, то онъ считается составною частью Оттоманской имперіи и потому можетъ служить театромъ военныхъ дѣйствій. Но «императорское правительство не терпитъ

*) Денеша лорда Дерби на имя англійскаго посла при русскомъ дворѣ, отъ 6 мая 1877 года.

изъ виду ни европейскихъ интересовъ, связанныхъ съ Египтомъ, ни, въ частности—англійскихъ», и заранѣе заявляетъ, что онъ «не входитъ въ кругъ военныхъ дѣйствій». Участъ Константинополя всецѣло зависитъ отъ хода событій и исхода войны; но тѣмъ не менѣе императорскій кабинетъ «повторяетъ завѣреніе, что завладѣніе этою столицею не входитъ въ расчеты его величества государя императора, что бы ни произошло. Правительство его величества признаетъ, что будущность Константинополя представляетъ собою вопросъ общаго интереса, разрѣшимый только лишь съ общаго согласія. Невозможно допустить, чтобы этотъ городъ сдѣлался принадлежностью той или другой изъ европейскихъ великихъ державъ, въ случаѣ если будетъ поднятъ вопросъ объ обладаніи имъ». Относительно проливовъ государственный канцлеръ заявлялъ, что «хотя оба ихъ берега и принадлежатъ одной и той же державѣ, но такъ какъ они соединяютъ два большихъ моря, которыми связаны интересы всего міра, то весьма важно, для общаго спокойствія и международнаго равновѣсія, чтобы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ посредствомъ общаго соглашенія, на твердыхъ началахъ справедливости».

Заявивъ о томъ, что «война не выйдетъ изъ предѣловъ, необходимыхъ для достиженія ясно опредѣленной цѣли, побудившей императора взяться за оружіе» и что русское правительство «будетъ принимать во вниманіе великобританскіе интересы, пока Англія сохранитъ нейтралитетъ», князь Горчаковъ въ тоже время не преминулъ выразить надежду, что «великобританское правительство съ своей стороны приметъ съ должнымъ вниманіемъ спеціальные интересы Россіи, связанные съ настоящею войною, для которыхъ она приняла на себя столь тяжелыя жертвы». Эти интересы — говорилось въ нотѣ—заключаются въ безусловной необходимости положить предѣлъ печальному положенію христіанскихъ народностей, подвластныхъ Турціи, а также и хроническимъ волненіямъ, составляющимъ главную причину этого положенія. Такой ходъ дѣлъ и обусловливаемая имъ насильственные мѣры вызываютъ въ Россіи волненіе, возбуждаемое глубоко укоренившимся въ русскомъ народѣ религіознымъ чувствомъ, а также племенными и вѣроисповѣдными связями, соединяющими его съ большинствомъ христіанскаго населенія Турціи. Императорское правительство тѣмъ болѣе должно прини-

мать во вниманіе означенное волненіе, что оно отзывается на внутреннемъ и вѣншнемъ положеніи Россіи. При каждомъ новомъ кризисѣ на Россію падаютъ подозрѣнія, а на ея политику обвиненія; а отъ этого страдаетъ ея внутреннее состояніе: торговля, финансы. Его величество государь императоръ не можетъ допустить, чтобы Россія вѣчно подвергалась такимъ неприятымъ для нея случайностямъ, которыя являются препятствіемъ для ея мирнаго развитія, причиняя неисчислимыи вредъ. Для устранения этого, его императорское величество и рѣшилъ возложить на страну бремя войны. Цѣль эта не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока христіанскія народности Турціи не будутъ поставлены въ такое положеніе, при которомъ ихъ жизнь и безопасность будутъ достаточно ограждены отъ невыносимыхъ злоупотребленій турецкой администраціи. Этотъ существенный русскій интересъ нисколько не противорѣчитъ интересамъ Европы, которая сама страдаетъ отъ неустройства дѣлъ на Востокаѣ. Императорскій кабинетъ пытался достигнуть желаемой цѣли чрезъ содѣйствіе дружественныхъ и союзныхъ державъ. Вынужденный нынѣ преслѣдовать ее единолично, нашъ августѣйшій монархъ рѣшился не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ ея и не получитъ вѣрныхъ ручательствъ на будущее время *)).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого отвѣта, имѣвшаго въ виду успокоить англійскій кабинетъ, графъ Шуваловъ, при личномъ свиданіи съ лордомъ Дерби болѣе подробно изложилъ ему тѣ цѣли, которыя была намѣрена преслѣдовать Россія въ предпринятой войнѣ. Затронувъ вопросъ объ обладаніи Константинополемъ, онъ заявилъ, что въ общаніи Россіи относительно турецкой столицы подразумевалось лишь продолжительное завладѣніе ею; но что по ходу событий войска могутъ быть принуждены дойти до воротъ Царьграда, и что отъ Англии зависитъ содѣйствовать предотвращенію этой крайности путемъ давленія на Порту съ цѣлью склонить ее къ скорѣйшему заключенію мира. При этомъ графъ Шуваловъ добавилъ, что если остальные державы сохранять нейтралитетъ, а Порта выкажетъ готовность къ заключенію мира, до перехода русскихъ войскъ чрезъ Балканы, то онъ можетъ состояться на такого рода условіяхъ: «Болгарія до Балканъ будетъ обращена въ вассальную автономную об-

*) Денеша князя Горчакова отъ 30 мая 1877 года.

ласть, подъ ручательствомъ Европы. Турецкія власти и войска изъ нея будутъ удалены, а крѣпости разоружены или скрыты. Автономія будетъ установлена при содѣйствіи народной милиціи, учрежденной въ самое непродолжительное время. Державы войдутъ въ соглашеніе относительно обезпеченія правильнаго управленія той части Болгаріи, которая находится на югѣ отъ Балканъ, равно какъ и въ другихъ христіанскихъ областяхъ Турціи. Черногорія и Сербія получатъ территоріальное приращеніе, которое будетъ установлено съ общаго согласія. Боснія и Герцеговина будутъ снабжены учрежденіями, которыя также съ общаго согласія будутъ призваны совмѣстными съ нихъ внутреннимъ состояніемъ и могущими обезпечить ихъ хорошее туземное управленіе. Что же касается Румыніи, только что провозгласившей свою независимость, то императоръ того мнѣнія, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только совокупнымъ соглашеніемъ. Если Порты будетъ просить о мирѣ и согласится на вышеизложенныя условія до перехода русскихъ войскъ черезъ линію Балканъ, то Россія дастъ свое согласіе на заключеніе мира, выговоривъ для себя право требовать нѣкоторыхъ уступокъ въ видѣ возмездія за военныя издержки. Эти уступки не превзойдутъ той части Бессарабіи, которая отошла отъ Россіи въ 1856 году, до сѣвернаго рукава Дуная (т. е. дельта этой рѣки останется исключенною) и уступки Батума съ прилегающей къ нему территоріей. Въ такомъ случаѣ можно будетъ, съ общаго согласія, предоставить Румыніи въ видѣ вознагражденія либо провозглашенную ею независимость, либо часть Добруджи. Если же съ своей стороны и Австрія потребуетъ себѣ вознагражденія въ виду территоріальныхъ приобрѣтеній Россіи или какъ обезпеченіе противъ вышесказанныхъ новыхъ сдѣлокъ въ пользу христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова,—то Россія не будетъ противиться тому, чтобы она нашла себѣ такое вознагражденіе по направленіи къ Босніи, а частью и Герцеговинѣ. Если же Турецкое правительство отвѣтитъ отказомъ, тогда Россія будетъ вынуждена продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Порты не будетъ принуждена согласиться на миръ *)).

Вслѣдствіе полученія дополнительныхъ инструкцій, графъ Шува-

*) Меморандумъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отправленный лорду Лофтусу въ Петербургъ при депешѣ отъ 8 іюня 1877 года.

ловъ нѣсколько дней спустя въ приведенномъ сообщеніи сдѣлалъ поправку относительно взгляда Россіи на будущее положеніе Болгаріи. Онъ увѣдомилъ лорда Дерби, что Горчаковъ, по внимательномъ обсужденіи, пришелъ къ заключенію, что раздѣленіе Болгаріи на двѣ части неосуществимо, ибо мѣстныя изслѣдованія доказали, что Болгарія должна остаться единою областью; въ противномъ случаѣ наиболѣе трудолюбивая и образованная часть болгарскаго населенія—та, которая, болѣе всего пострадала отъ дурнаго турецкаго управленія, будетъ лишена автономныхъ учреждений *).

Однако завѣренія императорскаго кабинета о томъ, что великобританскіе интересы имъ будутъ приняты во вниманіе, мало подѣйствовали на англійское правительство. Не довѣряя этимъ заявленіямъ и не желая свои корыстные разсчеты приносить въ жертву благосостоянію христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, Англія въ видѣ предостереженія приблизила свою эскадру къ Константинополю и всѣми силами старалась прекратить войну Россіи съ Турціей на условіяхъ наиболѣе выгодныхъ для послѣдней. Съ этою цѣлью она дважды дѣлала попытку предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ (въ сентябрѣ 1877 года и 4 января 1878 года), но оба раза одинаково неудачно, такъ какъ государственный канцлеръ категорически отклонилъ англійское посредничество, заявивъ, что Россія ничего болѣе не желаетъ, какъ достигнуть мира, но что для этого Порга должна сама обратиться къ главнокомандующимъ императорскими военными силами въ Европѣ и Азіи.

Въ угоду алчнымъ британскимъ интересамъ лордъ Дерби затянулъ дѣло примиренія Россіи съ Турціей до послѣдней крайности и только въ январѣ 1878 года, когда обнаружилось полное безсиліе турокъ сопротивляться натиску нашихъ войскъ, разрѣшилъ Портъ вступить въ переговоры съ русскимъ императорскимъ правительствомъ о перемиріи и условіяхъ мира. На основаніи этого разрѣшенія побѣжденный турецкій султанъ обратился къ главнокомандующему дунайскою арміей, великому князю Николаю Николаевичу съ просьбой о прекращеніи военныхъ дѣйствій и заключеніи мира. Просьба эта была благосклонно принята петербургскимъ кабинетомъ и 19 февраля 1878 года, въ десяти верстахъ отъ Константинополя, въ

*) Делеша лорда Дерби лорду Лостусу 14 іюня 1877 года.

городкѣ Савъ-Стефано, въ знаменитый день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, былъ подписанъ прелиминарный мирный договоръ Россіи съ Турціей, о заключеніи котораго его высочество главнокомандующій извѣщаль императора такъ: «Господь сподобилъ намъ, Государь, окончить предпринятое Вами великое святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго».

Официальный текстъ высочайше ратификованнаго прелиминарнаго мирнаго договора Россіи съ Турціей, заключеннаго въ Савъ-Стефано и подписаннаго графомъ Игнатьевымъ и Нелидовымъ со стороны Россіи, Савфетомъ-пашею и Саддуломъ-беемъ—со стороны Турціи, былъ обнародованъ 9 (21) марта 1878 года. Текстъ этого договора состоялъ изъ 29 статей, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ.

По этому мирному договору Россія отодвигала даѣе на югъ свою границу въ Арменіи и приобрѣтала Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баазидъ и территорию до Саганлуга; взаменъ Тульчинскаго санджака, она возвращала себѣ полосу Бессарабіи, которая, какъ извѣстно, была отрѣзана отъ нея послѣ Крымской войны, по Парижскому трактату 1856 года, а Румынію вознаграждала Добруджей—полосой земли на нижнемъ Дунаѣ (ст. 19). Возвращеніе южной части Бессарабіи было важно преимущественно въ политическомъ отношеніи. Съ одной стороны оно служило какъ-бы удовлетвореніемъ чести Россіи, отраженіемъ нанесеннаго ей удара Крымской войной; съ другой же—это было необходимымъ условіемъ возможности помогать славянамъ и рѣшительнымъ образомъ вліять на ихъ будущія судьбы. Что касается до торговаго и экономическаго значенія возвращенія намъ устьевъ Дуная, то оно было гораздо меньше по сравненію съ политической стороною этого акта.

При всемъ громадномъ значеніи указанныхъ приобрѣтеній Россіи, главный интересъ Савъ-Стефанскаго договора заключался, однако, въ постановленіяхъ его относительно балканскихъ христіанъ, въ осуществленіи идеи освобожденія ихъ отъ мусульманскаго рабства. Этотъ мирный трактатъ предоставлялъ весьма выгодныя условія для турецкихъ христіанъ и связывалъ Турцію извѣстными обязательствами передъ Россіей относительно тѣхъ основаній, на которыхъ отнынѣ должна была покоиться организація Балканскаго полуострова.

По Санъ-Стефанскому договору Оттомонская Порта изъявила согласіе на признаніе полной независимости Сербіи, Черногоріи и Румыніи съ нѣкоторымъ расширеніемъ территоріи для двухъ первыхъ княжествъ. Окончательное очертаніе границъ Сербіи должно было быть установлено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ *турецко-сербскою* комиссіей при содѣйствіи русскаго комиссара, а также при участіи болгарскаго делегата, когда границы будутъ проводиться между Сербіею и Болгаріею. (ст. 4) Установленіе окончательныхъ границъ Черногорскаго княжества имѣло быть возложено на *европейскую* комиссію, въ составъ которой назначались представители отъ Блистательной Порты и черногорскаго правительства. (ст. 1) По соглашенію между Россіей, Турціей и Черногоріей будутъ опредѣлены въ послѣдствіи характеръ и формы взаимныхъ отношеній жителей пограничныхъ мѣстностей. Вопросы, по которымъ не послѣдовало бы соглашенія, должны быть покончены *третейскимъ рѣшеніемъ* Россіи и Австро-Венгріи. Впредь же, если произойдетъ споръ или столкновеніе, за исключеніемъ случаевъ, возникающихъ изъ за территоріальныхъ требованій, Турція и Черногорія предоставятъ разрѣшеніе своихъ несогласій Россіи и Австро-Венгріи, которыя совместно будутъ постановлять третейское рѣшеніе. (ст. 2) Что касается до Румыніи, то она предъявить къ Портѣ свои права на вознагражденіе, имѣющее быть опредѣленнымъ обѣими сторонами (ст. 5).

Далѣе, по Санъ-Стефанскому договору Турція соглашалась на образованіе новаго вассальнаго княжества Болгарскаго.

Болгарское царство, нѣкогда надѣявшееся замѣнить собою одряхлѣвшую Византію, подпало подъ удары турокъ въ концѣ XIV-го столѣтія и съ тѣхъ поръ находилось подъ тяжкою властью мусульманъ, которая вмѣстѣ съ гнетомъ греческаго духовенства въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ заглушала духъ свободы и независимости въ болгарскомъ народѣ. Но съ начала нынѣшняго столѣтія болгары стали дѣлать попытки сбросить съ себя турецкое иго и съ этою цѣлью въ 1828, 1837, 1841 годахъ поднимали возстанія, которыя были жестоко подавлены силою оружія. Такая же участь постигла и возстанія 1862, 1867 и 1868 годовъ, которыя привели лишь къ такому, что въ 1872 году болгарская Церковь была отдѣлена отъ греческой. Что же касается до существенныхъ условій соціальнаго быта, то они нисколько не измѣнились къ лучшему для

этого несчастнаго народа и повели къ новому возстанію въ 1876 году, имѣвшему на этотъ разъ совершенно инныя послѣдствія. Благодаря заступничеству Россіи, поднявшей оружіе противъ Порты съ цѣлью улучшенія положенія своихъ единовѣрцевъ, Болгарія по Санъ-Стефанскому договору получила внутреннюю автономію и такимъ образомъ, сдѣлалась «самоуправляющимся» княжествомъ, которое награждалось правомъ имѣть христіанское народное правительство и туземную милицію, съ обязательствомъ ежегоднаго платежа определенной дани турецкому султану.

Для установленія границъ этого княжества былъ принятъ принципъ національности, вслѣдствіе чего оно опредѣлялось предѣлами болгарскаго населенія и обнимало обширную территорію, пространствомъ равную почти половинѣ европейской Турціи, съ портами на Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ, съ владѣніями, подходившими почти къ самому Константинополю и отдѣлявшими его отъ жалкихъ остатковъ Оттоманской имперіи (ст. 6). Князь Болгаріи долженъ свободно избираться населеніемъ и утверждаться Блистательною Портою съ согласія великихъ державъ. Онъ не можетъ быть избранъ изъ членовъ царствующихъ династій великихъ европейскихъ державъ. Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется незамѣненнымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ. Уставъ управленія Болгаріи предоставляется выработать собранію именитыхъ людей княжества въ Филиппополѣ или Тырновѣ, подъ наблюденіемъ російскаго императорскаго комиссара и въ присутствіи комиссара оттоманскаго, по примѣру того, какъ было сдѣлано въ 1830 году, послѣ Адрианопольскаго мира, въ Дунайскихъ княжествахъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгарское населеніе перемѣшано съ турецкимъ, греческимъ, валашскимъ и другими, при выборахъ или выработкѣ органическаго устава будетъ обращено должное вниманіе на права и потребности этихъ народностей. Введеніе новаго образа правленія въ Болгаріи и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены, въ теченіе двухъ лѣтъ, російскому императорскому комиссару. По прошествіи перваго года со времени введенія новаго порядка европейскіе кабинеты,—въ случаѣ, если это будетъ признано нужнымъ и если по сему предмету послѣдуетъ соглашеніе между нами, Россією и Портою,—могутъ присоединить особыхъ уполномоченныхъ къ російскому импера-

торскому комиссару (ст. 7). Оттоманскія войска должны быть выведены изъ Болгаріи и всѣ прежнія крѣпости срыты на счетъ мѣстнаго правительства. До полнаго образованія земскаго войска достаточнаго для охраны порядка, безопасности и спокойствія, корпусъ русской арміи не болѣе 50,000 человекъ будетъ занимать страну, находясь на изживеніи послѣдней. Военное занятіе будетъ ограничено приблизительнымъ срокомъ въ два года (ст. 8) Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарія будетъ платить сюзеренному двору, опредѣлится соглашеніемъ между Россією, оттоманскимъ правительствомъ и прочими кабинетами, по истеченіи перваго года дѣйствія новыхъ учрежденій (ст. 9). Блистательная Порта будетъ имѣть право пользоваться проходомъ черезъ Болгарію для провоза въ опредѣленныхъ пунктахъ регулярныхъ войскъ, военныхъ припасовъ и провіанта въ области, находящіяся за предѣлами княжества и, обратно, а также провозить черезъ княжество почту и содержать въ немъ телеграфную линію, относительно чего послѣдуетъ специальное соглашеніе (ст. 10).

Босніи и Герцеговинѣ Порта должна была немедленно дать автономію и реформы, указанныя великими державами, въ первомъ засѣданіи Константинопольской конференціи, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ установлены по взаимному соглашенію между Россіей, Турціей и Австро-Венгріей (ст. 14).

На островѣ Критѣ Порта обязуется добросовѣстно ввести организескій уставъ 1868 года, сообразуясь съ желаніями, выраженными мѣстнымъ населеніемъ. Подобный же уставъ, примѣненный къ мѣстнымъ потребностямъ, долженъ быть введенъ въ Эпирѣ и Фессаліи и въ другихъ частяхъ европейской Турціи, для которыхъ особое административное устройство не предусмотрено настоящимъ договоромъ. Разработка подробностей новаго устава должна быть поручена въ каждой области особымъ комиссіямъ, въ которыхъ туземное населеніе получить широкое участіе. Результаты этихъ трудовъ будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты, которая, прежде чѣмъ примѣнитъ ихъ, посовѣтуется съ русскимъ императорскимъ правительствомъ (ст. 15).

Въ Арменіи Турція обязуется до вывода русскихъ войскъ ввести улучшенія и реформы, вызванныя мѣстными потребностями, и оградить безопасность армянъ отъ курдовъ и черкесовъ (ст. 16).

Кромѣ того, въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ постановлялось, что русскія духовныя лица, помонники и иноки, путешествующіе или пребывающіе въ европейской и азіатской Турціи, будутъ пользоваться тѣми же правами, преимуществами и льготами, какъ иностранныя духовныя лица другихъ народностей. За императорскимъ правительствомъ и за русскими консулами въ Турціи признается право оффиціальной защиты, какъ вышеозначенныхъ лицъ, такъ и ихъ имуществъ, а равно духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ учрежденій въ святыхъ мѣстахъ и другихъ мѣстностяхъ (ст. 22).

Что касается до проливовъ Босфора и Дарданеллъ, то, они по Санъ-Стефанскому договору признавались открытыми, какъ во время войны, такъ и во время мира, для торговыхъ судовъ нейтральныхъ державъ, приходящихъ изъ русскихъ портовъ или отправляющихся въ нихъ (ст. 24).

Таково содержаніе прелиминарнаго договора, заключеннаго между Россіей и Турціей въ Санъ Стефано 19 февраля (3 марта) 1878 года *). Актомъ этимъ, окончательно прекращавшимъ русско-турецкую войну, фактически уничтожалось существованіе Турціи на Балканскомъ полуостровѣ и устанавливалось право вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи ради обезпеченія за восточными христіанами правъ и привилегій, выговоренныхъ въ ихъ пользу русскимъ императорскимъ правительствомъ.

*) Договоръ этотъ см. въ приложеніяхъ къ сочиненію Гефтера: „Международное европейское право“, переводъ барона Таубе, Сиб. 1880 г.

Г Л А В А VI.

Берлинскій конгрессъ и трактатъ 1878 года.

Враждебное отношеніе къ Россіи со стороны западныхъ державъ. Протестъ послѣднихъ противъ заключенія Санъ-Стефанскаго договора. Циркуляръ лорда Салесбери отъ 20 марта (1-го апрѣля) 1878 года къ представителямъ Англій при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ. Переговоры великихъ державъ о необходимости пересмотра условій русско-турецкаго договора. Разногласіе по этому вопросу между Россіей и Англіей. Посредничество Германіи и созывъ конгресса въ Берлинѣ. Причѣна ревнивой заботливости Австріи и Англій о представленіи Россіей Санъ-Стефанскаго договора на обсужденіе великихъ державъ. Конвенція, подписанная Англіей и Турціей 4 іюля 1878 года относительно острова Кипра. Постановленія Берлинскаго конгресса. Разборъ этихъ постановленій въ связи съ постановленіями Санъ-Стефанскаго договора. Общія замѣчанія о постановленіяхъ Берлинскаго трактата.

Важность постановленій Санъ-Стефанскаго договора, конечно, не могла ускользнуть отъ взора западныхъ державъ, всегда ревниво охранявшихъ существованіе Турціи въ Европѣ и старавшихся умалить вліяніе Россіи на Востокѣ, и европейская дипломатія поспѣшила приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы замѣнить русско-турецкое соглашеніе европейскимъ трактатомъ, который внесъ бы извѣстныя поправки во вновь созданный порядокъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ и утвердилъ бы за великими европейскими державами приобретенное ими по Парижскому трактату право коллективнаго покровительства Турціи и ея христіанскимъ подданнымъ. Добиться этого европейской дипломатіи было не особенно трудно, въ виду почти изолированнаго положенія Россіи и враждебнаго отношенія къ ней со стороны большинства великихъ державъ Европы. Германія негодовала на Россію за то, что она воспротивилась новому разгрому Франціи, задуманному въ Берлинѣ въ 1875 году. Въ отмѣстку за это, а также въ видахъ предотвращенія возможнаго

сближенія Франціи съ вѣнскимъ дворомъ, который еще не могъ забыть постигшей его неудачи въ 1866 году, германское правительство направило взоры Австріи на Востокъ и тѣмъ поставило ее во враждебныя отношенія къ Россіи. Не появивъ намѣреній Германіи, желавшей ослабить Россію и Австрію войною изъ-за Турціи, Франція, подъ вліяніемъ традицій Крымской кампаніи и вслѣдствіе личной вражды къ Россіи ея министра иностранныхъ дѣлъ Ваддингтона, также не совсѣмъ дружелюбно относилась къ императорскому правительству. вмѣстѣ съ Франціей шла за Пруссіей и Италія. Что же касается Англіи, постоянно питавшей недоувѣріе къ восточной политикѣ русскаго двора, то она совершенно самостоятельно и сознательно выражала свое негодованіе по поводу успѣховъ Россіи и полнаго пораженія Турціи, съ существованіемъ которой связывались различные великобританскіе интересы.

Пользуясь невыгоднымъ положеніемъ Россіи для того, чтобы пересоздать новый порядокъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ согласно собственнымъ выгодамъ и интересамъ, великія европейскія державы заявили русскому правительству свое крайнее неудовольствіе по поводу заключенія Санъ-Стефанскаго договора, постановленія котораго, свидѣтельствуя о широтѣ петербургскаго плана устройства судьбы балканскихъ христіанъ, фактически уничтожили господство Турціи въ юго-восточномъ углу Европы. Особенно сильное неудовольствіе выражено было Англіей и Австріей, которыя нисколько не стѣснялись высказывать своихъ предположеній насчетъ замысловъ Россіи. Выразителемъ тревоги, охватившей всѣ великія державы, явился англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Салисбюри. Въ циркулярѣ отъ 20 марта (1-го апрѣля) 1878 года, обращенномъ къ представителямъ Англіи при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ, онъ произвелъ подробную оцѣнку Санъ-Стефанскаго договора, стараясь въ рѣзкихъ чертахъ указать, какъ важное практическое значеніе отдѣльно взятыхъ статей этого договора, такъ и совокупное ихъ дѣйствіе на интересы великихъ державъ Европы.

«Наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ договора—писалъ онъ—является практическое значеніе его для населенія юго-восточной Европы. Статьями объ образованіи новой Болгаріи создается могущественное славянское государство подъ покровительствомъ и контролемъ Россіи, со значительными гаванями на Черномъ морѣ и въ

Архипелагъ, что даетъ этой странѣ преобладающее вліяніе въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ въ этихъ моряхъ. Оно будетъ учреждено такимъ образомъ, что поглотитъ своимъ славянскимъ большинствомъ значительное число грековъ и сочувствующихъ имъ населеній, смотрящихъ тревожно на такое соединеніе ихъ съ національностью имъ чуждою не только по племени, но и по политическимъ и духовнымъ направленіямъ».

«Постановленія, въ силу которыхъ новое государство должно быть управляемо правительствомъ, въ дѣйствительности избраннымъ Россією, администрація его — создана русскимъ комиссаромъ, а первое введеніе въ дѣйствіе новыхъ учреждений — начато подъ контролемъ русской арміи, — достаточно указываютъ на то, къ какой политической системѣ должно принадлежать новое государство въ будущемъ. Къ этому присоединяются постановленія, распространяющія означенное вліяніе даже за предѣлы новой Болгаріи», на Эпиръ и Тессалію, такъ какъ учреждения, вводимыя въ этихъ областяхъ, «сами по себѣ весьма благопріятныя, ограничиваются условіемъ, что новый законъ, посредствомъ котораго они должны быть утверждены, будетъ составленъ подъ наблюденіемъ русскаго правительства». «За симъ слѣдуютъ обязательства относительно покровительства членамъ православной церкви — обязательства, не менѣе, конечно, ограниченныя въ ихъ объемѣ, чѣмъ статьи Кайнарджійскаго договора, на которыхъ были основаны уничтоженныя въ 1856 году притязанія». Все это «будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ усиленіе власти Россійской имперіи надъ мѣстностями и побережьемъ, гдѣ преобладаетъ греческое населеніе, не только въ ущербъ этому народу, но и всѣмъ странамъ, интересы которыхъ связаны съ Средиземнымъ моремъ».

«Разъединеніе Константинополя съ греческими, албанскими и славянскими областями, оставшимися подъ властью Порты, имѣетъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ то, что управленіе ими будетъ сопряжено съ постоянными затрудненіями и помѣхами; оно не только лишитъ Порту политической силы, но подвергнетъ населеніе серьезной опасности анархіи. Къ такимъ же послѣдствіямъ, только по отношенію къ другимъ границамъ Оттоманской имперіи, должны привести и прочія постановленія договора. Насильственное отчужденіе Бессарабіи отъ Румыніи, расширеніе Болгаріи до береговъ

Чернаго моря, преимущественно занятыхъ мусульманами и греками, и приобрѣтеніе значительнаго Батумскаго порта установятъ преобладаніе Россіи надъ всѣмъ черноморскимъ побережьемъ».

«Приобрѣтеніе крѣпостей Арменіи поставитъ населеніе этой области подъ вліяніе той державы, которая ими будетъ обладать, въ то время какъ обширная европейская торговля, направляющаяся теперь черезъ Трапезунтъ въ Персію, будетъ, вслѣдствіе уступки нѣкоторыхъ мѣстностей въ Курдистанѣ, подвержена стѣсненіямъ всякій разъ, какъ это заблагоразсудится Россіи, благодаря запретительнымъ преградамъ ея торговой системы».

Указавъ на важнѣйшія послѣдствія, къ которымъ, по мнѣнію англійскаго правительства, должны были привести на практикѣ отдѣльныя статьи Санъ-Стефанскаго договора, лордъ Салисбюри оставался далѣе на совокупномъ дѣйствіи его постановленій на интересы великихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 года. Совокупное ихъ дѣйствіе—говорилъ великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ—«со всѣми послѣдствіями по отношенію, какъ къ греческому населенію, такъ и къ равновѣсію морскаго преобладанія, унизитъ почти до уровня полной подчиненности политическую независимость константинопольскаго правительства. Формальное владычество этого правительства распространяется на географическія мѣстности, составляющія предметъ существеннѣйшихъ британскихъ интересовъ. Во власти оттоманскаго правительства—открыть или закрыть проливы, этотъ великій естественный путь между Эгейскимъ и Чернымъ морями. Владычество Турціи признается у входа въ Персидскій заливъ, на протяженіи всего Левантійскаго побережья, и въ мѣстностяхъ, непосредственно прилежащихъ къ Суэзскому каналу. У Великобританіи нѣтъ другаго побужденія, какъ ревностная забота о странѣ, властвующей надъ означенными мѣстностями и такъ тѣсно прижатой аванпостами болѣе могущественной державы, что самостоятельность этой страны и даже самое существованіе ея становятся почти невозможными. Это—послѣдствія не столько отдѣльно взятыхъ статей договора, сколько всего договора, взятаго во весь его объемъ» *).

*) Циркуляръ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ лорда Салисбюри къ великобританскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, отъ 1 апрѣля 1878 года.

Откровенно излагая взгляды великобританскаго правительства на прелиминарный Санъ-Стефанскій мирный договоръ, лордъ Салисбюри приходилъ къ заключенію, что для великихъ европейскихъ державъ безусловно необходимо добиться полнаго пересмотра всѣхъ постановленій этого договора, какъ одного цѣлаго, доказывая, что къ такому убѣжденію приводитъ не только общее свойство договора и совокупное дѣйствіе его постановленій на интересы великихъ державъ, но также и то общепривзанное начало международнаго права, выраженное въ деклараціи Лондонской конференціи 1871 года, что «ни одна держава не можетъ освободиться отъ обязательствъ трактата или измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договаривавшихся сторонъ, достигнутаго посредствомъ дружелюбнаго соглашенія». Въ силу этой конвенціи, запрещающей одностороннее нарушеніе трактатовъ, заключенныхъ между нѣсколькими державами, всякій договоръ между Россіей и Турціей, измѣняющій международные договоры 1856 и 1871 годовъ, которыми цѣлостъ и независимость Оттоманской Порты были поставлены подъ охрану всей Европы, заинтересованной въ существованіи этого слабаго политическаго тѣла, долженъ быть трактатомъ европейскимъ, имѣющимъ силу лишь настолько, насколько онъ получилъ согласіе великихъ державъ. Поэтому англійское правительство заявляло, что, не нарушая смысла означенной деклараціи, оно не можетъ согласиться на то, чтобы державы были лишены возможности обсудить статьи новаго договора, измѣняющія прежнія обязательства и идущія съ ними въ разрѣзъ.

Надо замѣтить, что требованіе, чтобы мирный договоръ между Россіей и Турціей былъ представленъ на обсужденіе великихъ европейскихъ державъ, для согласованія его постановленій съ ихъ интересами, не было неожиданностью для русскаго правительства при заключеніи Санъ-Стефанскаго трактата. Вопросъ о необходимости пересмотра условій, на которыхъ будетъ заключенъ миръ Россіи съ Оттоманскою Портой, былъ поставленъ еще въ началѣ 1878 года, задолго до подписанія этого прелиминарнаго договора. Уже 2 (14) января, въ виду дошедшихъ до англійскаго правительства донесеній о мирныхъ переговорахъ, имѣющихъ открыться между воюющими сторонами и для устраненія какого-либо недоразумѣнія, лорду Лофтусу было поручено передать князю Горчакову, что, по мнѣнію

Англии, всякій договоръ между Россіей и Портой, отмѣняющій постановленія 1856 и 1871 годовъ, долженъ быть договоромъ общеевропейскимъ и безъ согласія державъ, подписавшихъ означенныя постановленія, онъ не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ. Получивъ такого рода предупрежденіе, русское правительство 13 (25) января отвѣтило, что оно не имѣетъ намѣренія единолично разрѣшать европейскіе вопросы, которые могутъ быть затронуты при заключеніи мира съ Турціей. Но англійское правительство, узнавъ, что основы мира были установлены въ Казанлыкъ между русскими и турецкими делегатами, 29 января снова заявило черезъ Лофтуса, что хотя оно и признаетъ всякаго рода конвенціи, выработанныя этими делегатами въ Казанлыкъ для заключенія перемирія и установленія мирныхъ основъ, обязательными для обѣихъ воюющихъ державъ, тѣмъ не менѣе, предупреждаетъ, что если означенныя конвенціи измѣняютъ свойства европейскихъ трактатовъ и наносятъ какой-либо ущербъ какъ европейскимъ, такъ и британскимъ интересамъ, то ему не будетъ возможно признать ихъ дѣйствительными, если онѣ не сдѣлаются предметомъ формальнаго соглашенія со стороны державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 года. Такое же заявленіе было сдѣлано въ Петербургѣ и со стороны Австріи. На эти новыя предупрежденія кн. Горчаковъ отвѣтилъ, что для заключенія перемирія необходимо установить и нѣкоторыя мирныя основы, но что таковыя должны быть приняты лишь какъ предварительныя, а не окончательныя. При этомъ онъ категорически объявилъ, что вопросы, относящіеся до европейскихъ интересовъ, будутъ обсуждаться между европейскими державами, въ чемъ уже не разъ были даны ясныя и положительныя увѣренія.

Въ виду такихъ увѣреній Россіи, австро-венгерское правительство 3 февраля 1878 года приняло на себя инициативу созыва европейской конференціи въ Вѣнѣ для установленія соглашенія Европы относительно тѣхъ измѣненій, которыя потребовалось бы внести въ международные акты, до сего времени опредѣлявшіе политическую систему Востока. Это предложеніе было принято всѣми державами, участвовавшими въ подписаніи постановленій 1856 и 1871 годовъ, и только Россія, желавшая выиграть время для того, чтобы придти къ окончательному мирному соглашенію съ Портой и явиться на совѣщаніе съ совершившимся фактомъ, предложила вмѣсто конференціи

въ Вѣнѣ созвать конгрессъ въ Берлинѣ изъ министровъ, руководящихъ политикой. Германія, Австрія и Італія тотчасъ же изъявили готовность принять участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ; что же касается до Франціи и Англіи, то онѣ обусловили это участіе оговорками. Франція заявила, что приступить къ конгрессу только въ томъ случаѣ, если программа совѣщаній будетъ ограничена обсужденіемъ одного восточнаго вопроса: при этомъ французское правительство оговаривалось, что изъ этой программы оно исключаетъ не только вопросы, касающіеся Запада, но также и тѣ, которые на Востока не были затронуты событіями послѣднихъ лѣтъ, какъ то вопросы о Египтѣ, святыхъ мѣстахъ и Сиріи. Англія же изъявляла согласіе принять участіе въ берлинскомъ конгрессѣ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы *все вопросы, заключающіеся въ договоръ, подписанномъ между Россіей и Портой*, были предъявлены обсужденію конгресса, и чтобы никакое измѣненіе въ положеніи вещей, установленномъ до этого договора, не могло быть признано дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія державъ *).

Оговорка Франціи была принята всѣми великими державами. Условіе же, выставленное Англіей, вызвало протестъ со стороны Россіи, которая соглашалась отдать на рѣшеніе конгресса только *вопросы, касающіеся интересовъ Европы*. Происшедшее отсюда противорѣчіе во взглядахъ великобританскаго и петербургскаго кабинетовъ пыталось примирить австрійское правительство, но его старанія были безуспѣшны, и разногласіе между Англіей и Россіей въ скоромъ времени приняло на столько острый характеръ, что грозило даже войною между этими державами. Но разрыва не произошло благодаря посредничеству Германіи, сумѣвшей достигъ въ Петербургѣ и Лондонѣ соглашенія, которое до извѣстной степени укрѣпляло за Россіей результаты войны и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяло требованіямъ Англіи. Слѣдствіемъ этого соглашенія, состоявшагося 18 (30) мая 1878 года, было то, что Россія, въ виду возможности коалиціи изъ Англіи съ Австріей, уступила желаніямъ великобританскаго правительства, а послѣднее выразило свою готовность принять участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ.

*) Отвѣтъ лорда Дерби отъ 9 марта 1877 г. на приглашеніе, переданное ему австрійскимъ посломъ въ Лондонѣ отъ имени графа Авраша.

Ревностная заботливость Австріи и Англии о томъ, чтобы Санъ-Стефанскій договоръ былъ представленъ въ полномъ своемъ объемѣ на обсужденіе великихъ европейскихъ державъ, вызвана была ихъ своекорыстными расчетами. Графъ Андраши имѣлъ намѣреніе этимъ путемъ добиться въ пользу Австріи вознагражденія на счетъ Босніи и Герцеговины за ея согласіе на нѣкоторое расширеніе границъ Россіи и за допущеніе измѣненій въ положеніи христіанскаго населенія Балканскаго полуострова. Вознагражденіе это было обѣщано Россіей еще въ іюнѣ 1877 года, но при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора о немъ не было и помина, такъ что получить его казалось возможнымъ лишь при обращеніи русско-турецкаго договора въ общеевропейскій трактатъ. Что касается до Англии, то помимо желанія парализовать вліяніе Россіи на Востокъ, которое могло усилиться въ ущербъ другимъ державамъ послѣ освобожденія нѣсколькихъ милліоновъ христіанъ изъ-подъ турецкаго ига, она раздула значеніе Санъ-Стефанскаго договора съ тѣмъ, чтобы разыграть роль ревностной защитницы Турціи и за это получить въ видѣ вознагражденія островъ Кипръ, чтобы имѣть морскую станцію въ восточной части Средиземнаго моря. Въ видахъ пріобрѣтенія этой морской станціи англійское правительство, одновременно съ переговорами относительно предмета предложенныхъ совѣщаній великихъ державъ въ Берлинѣ, старалось доказать Турціи ту опасность, которая будто бы угрожала ей въ Азіи со стороны Россіи, и послѣ долгихъ усилій успѣла склонить ее къ заключенію оборонительнаго союза съ Англійей на условіяхъ, вполне обезпечивавшихъ великобританскіе интересы. По конвенціи, подписанной 4 іюня 1878 года, Англія обязывалась присоединиться къ Турціи со своими вооруженными силами, если Россія удержитъ Батумъ, Ардаганъ и Карсъ или какой либо изъ этихъ городовъ, и если она когда либо сдѣлаетъ попытку завладѣть какою либо частью оттоманскихъ владѣній въ Азіи. Взамѣнъ этого султанъ обѣщалъ Великобританіи ввести необходимыя реформы, о которыхъ впоследствии должно состояться соглашеніе между обѣими державами, съ цѣлью преобразованія управленія, какъ христіанскими, такъ и другими подданными Блистательной Порты въ азіатскихъ ея владѣніяхъ; а чтобы доставить королевѣ возможность исполнить свои обязательства, султанъ соглашался, кромѣ того, передать островъ Кипръ для занятія и управленія имъ

Англіи *). Этотъ богатѣйшій и въ высшей степени выгодный для морской торговли островъ, несмотря на занятіе его Англіей, долженъ былъ оставаться подъ верховною властью султана и въ то же время находиться подъ управленіемъ великобританскаго правительства, которое имѣло право назначать сюда своихъ чиновниковъ, собирать и расходовать подати и налоги съ мѣстнаго населенія и т. д. Излишекъ доходовъ надъ расходами Англія должна была ежегодно уплачивать въ турецкое казначейство. Не желая уменьшать дохода, получаемаго нынѣ турецкимъ казначействомъ, Англія не требовала отъ султана и отчужденія подвластной ему территоріи: она обязывалась очистить островъ Кипръ, какъ только Россія возвратитъ Турціи Карсъ и другія завоеванія, сдѣланныя ею въ Арменіи въ послѣднюю войну **).

Упрочивъ за собой фактическое владѣніе островомъ Кипромъ, который, при юридической власти надъ нимъ турецкаго султана, попадалъ въ положеніе невозможное какъ съ точки зрѣнія государственнаго, такъ и международнаго права **), Англія приобрѣла значительныя выгоды на счетъ Турціи, достиженіе которыхъ было намѣчено еще въ мартѣ 1878 года и служило одною изъ причинъ, почему англійское правительство такъ преувеличивало опасность русско-турецкаго соглашенія, состоявшагося въ Санъ-Стефано, и такъ настойчиво требовало обсужденія его великими державами, подписавшими трактаты 1856 и 1871 годовъ. При видѣ достиженія этихъ выгодъ она сдѣлалась болѣе сговорчивой, вслѣдствіе чего явилась возможность договориться о созывѣ Берлинскаго конгресса, пути къ которому, казалось, были окончательно порваны.

Берлинскій конгрессъ изъ министровъ и посланниковъ всѣхъ государствъ, открылъ свои засѣданія 13 іюня 1878 года, подъ предсѣдательствомъ германскаго канцлера, князя Бисмарка ****). На этомъ

*) Конвенція, подписанная между Англіей и Турціей 4 іюня 1878 г.

***) Приложение къ конвенціи, заключенной между Великобританіей и Турціей 4 іюня 1878 года, подписанное 1 іюля 1878 года.

****) Мартенсъ, современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 358.

*****) Представителями великихъ европейскихъ державъ на Берлинскомъ конгрессѣ были: отъ Россіи—государственный канцлеръ кн. Горчаковъ, русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ гр. Шуваловъ и русскій посолъ при берлинскомъ дворѣ Убри; отъ Германіи—государственный канцлеръ кн. Бисмаркъ, государственный

конгрессъ, продолжавшемся ровно одинъ мѣсяць, былъ подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію и коренной передѣлкѣ Санъ-Стефанскій мирный договоръ, вмѣсто котораго 13 іюля 1878 года былъ подписанъ новый трактатъ, долженствовавшій служить основаніемъ новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ.

Во вступленіи къ Берлинскому трактату говорилось, что «желая разрѣшить, въ смыслѣ европейскаго строя, согласно постановленіямъ Парижскаго трактата 30-го марта 1856 года, вопросы, возбужденные на Востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войною, окончившеюся Санъ-Стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ, великія державы единодушно были того мнѣнія, что созваніе конгресса представляло бы наилучшій способъ для облегченія ихъ соглашенія». За этимъ указаніемъ цѣли созванія европейскаго конгресса и представленія на его усмотрѣніе постановленій мирнаго договора, заключеннаго между Россіей и Турціей, слѣдовалъ длинный рядъ опредѣленій, изложенныхъ въ 63 статьяхъ, которыя замѣняли собою русскій проектъ умиротворенія Востока. Опредѣленія эти, для болѣе нагляднаго ознакомленія съ ними, могутъ быть подведены подъ пять рубрикъ, заключающихъ въ себѣ постановленія: 1) относительно самой Турецкой имперіи; 2) о признаніи полной независимости Черногоріи, Сербіи и Румыніи; 3) о Болгаріи; 4) объ участи остальныхъ областей Турціи и 5) о Дунаѣ.

Парижскій трактатъ, какъ извѣстно, устанавливалъ *европейскую гарантию чужести и неприкосновенности Турецкой имперіи и коллективное покровительство* великихъ державъ ея христіанскимъ подданнымъ *безъ права вмѣшательства* во внутреннія дѣла Оттоманской Порты. Довольствуясь обѣщаніемъ султана обезпечить счастье подвластныхъ ему христіанскихъ народностей приведеніемъ

секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ Бюловъ и посоль при французскомъ дворѣ кн. Гогенлоз; отъ Австріи—министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Андраши, посоль при берлинскомъ дворѣ гр. Кароли и посоль при римскомъ дворѣ бар. Хебмерле; отъ Франціи—статсъ-секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ Ваддингтонъ, посоль при берлинскомъ дворѣ Севъ-Валье и завѣдывающій департаментомъ политическихъ дѣлъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Девре; отъ Англіи—первый министръ гр. Биконсфилдъ, статсъ-секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ Салисбуря и посоль при берлинскомъ дворѣ Одо Россель; отъ Италіи министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Корти и посоль при берлинскомъ дворѣ гр. де-Ловей; отъ Турціи—министръ иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-паша и посоль при берлинскомъ дворѣ Садулла-Бей.

въ исполненіе гатти-гумайюна 18 февраля 1856 года, державы заявили въ Парижскомъ трактатѣ, что «сообщеніе этого документа не даетъ имъ ни въ какомъ случаѣ права вмѣшиваться, какъ совмѣстно, такъ и въ отдѣльности, ни въ отношенія его величества султана къ его подданнымъ, ни во внутреннюю администрацію его имперіи». Но опытъ вскорѣ же показалъ полную непригодность этого постановленія Парижскаго конгресса, вслѣдствіе чего великія державы вынуждены были нарушить провозглашенный ими принципъ невмѣшательства въ дѣла Оттоманской Порты для защиты восточныхъ христіанъ и присвоить себѣ то само право интервенціи въ пользу христіанскихъ народностей Турціи, которое на Парижскомъ конгрессѣ отнято было у Россіи и *формально* не признано за великими европейскими державами. Чтобы узаконить на будущее время международную защиту христіанскаго населенія Турціи, защиту, которая до сихъ поръ шла какъ бы въ разрѣвъ съ буквою постановленій Парижскаго трактата, Берлинскій конгрессъ подтвердилъ *коллективное покровительство* великихъ европейскихъ державъ въ пользу турецкой райи и въ то же время санкціонировалъ *закононость вмѣшательства* съ ихъ стороны во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. Обязывая султана ввести въ своихъ христіанскихъ провинціяхъ извѣстныя реформы,—державы заявляли, что *сами будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ*. При сопоставленіи этого постановленія Берлинскаго трактата съ соответствующимъ постановленіемъ Парижскаго трактата, не трудно замѣтить между ними существенной разницы. Улучшеніе быта восточныхъ христіанъ Парижскій трактатъ полагалъ на совѣсть и добрую волю «великодушнаго» султана, и въ силу этого его никто не смѣлъ побуждать къ гуманному обращенію со своими христіанскими подданными. Совсѣмъ другое постановлялось въ Берлинскомъ трактатѣ. Этимъ международнымъ актомъ турецкій султанъ *обязывался* привести въ исполненіе предложенныя ему реформы въ христіанскихъ областяхъ имперіи подъ угрозой, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ принужденъ къ тому великими державами Европы, получавшими по Берлинскому трактату право *слѣдить* за исполненіемъ реформъ, призванныхъ ими необходимыми. Устанавливая международную защиту интересовъ и правъ христіанскаго населенія Турціи, Берлинскій трактатъ, конечно, не создавалъ какого либо новаго права для ве-

дикихъ державъ, такъ какъ право коллективнаго вмѣшательства Европы для защиты интересовъ турецкихъ христіанъ, вытекавшее изъ духа Парижскаго трактата, несмотря на его завѣренія въ противоположномъ смыслѣ, было присвоено ими тотчасъ же послѣ подписанія этого пресловутаго договора. Но Берлинскій трактатъ — по справедливому замѣчанію Ролень-Жекмена—имѣетъ важное преимущество передъ Парижскимъ трактатомъ 1856 г. въ томъ отношеніи, что ставитъ слово въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью и опредѣляетъ международныя *обязательства* Турціи *).

Каковы обязательства возложены были Берлинскимъ трактатомъ на Оттоманскую Порту по отношенію къ ея различнымъ христіанскимъ провинціямъ, объ этомъ будетъ подробно сказано ниже. Здѣсь же мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что обязательства эти интересны въ томъ отношеніи, что Европа связывала ими турецкаго султана въ его внутренней политикѣ, желая дать этой послѣдней ходъ, согласный съ принципами европейской цивилизаціи. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на 62 статью Берлинскаго трактата, которая служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что на Берлинскомъ конгрессѣ Европа взяла на себя право защиты и покровительства турецкимъ христіанамъ и рѣшилась заставить Оттоманскую Порту—этого жалкаго члена семьи цивилизованныхъ народовъ—болѣе достойнымъ образомъ держать себя по отношенію къ сонму европейскихъ державъ и уважать всѣ тѣ принципы, которыми онѣ руководятся сами. Статья эта налагала на турецкое правительство формальное обязательство въ пользу *въротерпимости* и *гражданскаго равенства* всѣхъ исповѣданій на всемъ пространствѣ оттоманскихъ владѣній. «Такъ какъ Блистательная Порта—говорится въ ней—выразила твердое намѣреніе *соблюдать принципъ религіозной свободы* въ самомъ широкомъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе. *Ни въ какой части Оттоманской имперіи различіе въ происповѣданія не можетъ подавать поводи къ исключенію кого либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности* во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отли-

*) Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г. М. 1896 г. стр. 37.

чѣмъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ. Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣлствовать въ судахъ. Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обеспечивается за всѣми, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами. Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ европейской и азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями. *Право оффиціального покровительства* признается за дипломатическими и консульскими агентами державъ въ Турціи, какъ по отношенію вышеупомянутыхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею, и само собою разумѣется, что *statu quo* на святыхъ мѣстахъ, не можетъ подвергаться никакому нарушенію».

Постановленія этой статьи Берлинскаго трактата, по вѣрному замѣчанію проф. Мартенса, — «ясно показываютъ, что западно-европейскія державы въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи пошли по пути, намѣченному Россіей. Западныя государства признаютъ за своими дипломатическими и консульскими представителями въ Левантѣ право оффиціального покровительства христіанамъ, турецкимъ подданнымъ, то право, которое впервые было провозглашено Екатериною II въ пользу своихъ агентовъ въ трактатѣ 1774 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что сила этого покровительства и европейскаго вмѣшательства на благо турецкихъ христіанъ будетъ пропорціональна слабости правительства и неустройству внутреннихъ порядковъ въ Оттоманской имперіи» *).

Таковы постановленія Берлинскаго трактата относительно самой Турецкой имперіи. Не меныій интересъ представляютъ его опредѣленія о признаніи полной независимости Черногоріи, Сербіи и Румыніи, которыя до сихъ поръ находились подъ сюзеренитетомъ Оттоманской Порты.

Подтвердивъ формальнымъ образомъ независимость Черногоріи, и объявивъ таковую же независимость Сербіи и Румыніи, великія держа-

*) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II, стр. 126.

вы прекратили, особенно для двух послѣднихъ княжествъ, ихъ вассальныя отношенія къ Портѣ и ввели эти три новыя государства въ семью европейскихъ народовъ (ст. 26, 34 и 43). Признаніемъ независимости этихъ трехъ княжествъ, хотя и съ значительнымъ уменьшеніемъ ихъ территоріальныхъ приращеній, предположенныхъ въ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ (особенно для Черногоріи), Берлинскій трактатъ, разумѣется, дѣлалъ громадный шагъ впередъ сравнительно съ относящимися сюда постановленіями всѣхъ предшествовавшихъ договоровъ вообще и Парижскаго въ особенности. Всѣ эти договоры признавали вассальныя права султана надъ этими княжествами и обеспечивали имъ лишь внутреннюю автономію.

Какъ условіе признанія Европою независимости Черногоріи, Сербіи и Румыніи, Берлинскимъ конгрессомъ было выставлено принятіе ими *принципа терпимости*, чего, надо замѣтить, не было сдѣлано Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Это условіе выражено въ 27, 35 и 44 статьяхъ Берлинскаго трактата, гдѣ сказано, что въ Сербіи, Черногоріи и Румыніи «различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ служить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеселъ, въ какой бы то ни было мѣстности. Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обеспечиваются какъ за всѣми туземцами, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ своими духовными главами». Сверхъ того, Румынское княжество обязывалось, что «подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи полнымъ равенствомъ, безъ различія вѣроисповѣданій.»

Это постановленіе Берлинскаго трактата 1876 года — говоритъ проф. Мартенсъ — убѣдительно доказываетъ, что современныя образованныя государства не отказались отъ своего права налагать, если нужно, на отдѣльныя христіанскія правительства формальныя обязательства въ пользу вѣротерпимости и гражданского равенства всѣхъ исповѣданій. *) Напротивъ того, подъ давленіемъ обществен-

*) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II стр. 106.

наго мѣня, которое пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ области международныхъ отношеній, правительства цивилизованныхъ европейскихъ народовъ при освобожденіи Сербіи, Румыніи и Черногоріи проявили ревностную заботливость о недопущеніи въ этихъ вновь созданныхъ государствахъ религиозныхъ гоненій или лишенія гражданскихъ правъ иностранцевъ или подданныхъ, исповѣдующихъ ту или другую вѣру. Что касается собственно условія вѣротерпимости для Румыніи, то эта мѣра—по замѣчанію проф. Мартенса—имѣла особенно важное практическое значеніе. Она представлялась необходимой—говоритъ почтенный профессор—«въ виду почти безвыходнаго положенія, въ которомъ находились въ княжествѣ лица еврейскаго происхожденія, не только не пользовавшіяся на основаніи закона гражданскими и политическими правами наравнѣ съ туземцами, но подвергавшіяся со стороны правительства открытымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Великія державы обязали княжество измѣнить порядокъ вещей, несогласный ни съ господствующимъ въ христіанскихъ государствахъ принципомъ вѣротерпимости, ни съ признаанными началами современнаго международнаго права. Румыніа противилась навязаннымъ ей постановленіямъ, но европейскія правительства твердо рѣшились настоять на своемъ и не признавали независимости румынъ, пока палаты румынскія не утвердили закона, которымъ уравнивались права всѣхъ румынскихъ подданныхъ и всѣхъ иностранцевъ, въ Румыніи пребывающихъ, безъ различія исповѣданій» *).

Помимо признанія религиозной терпимости, Берлинскій трактатъ, провозглашая независимость названныхъ трехъ княжествъ, ставилъ условіемъ окончательной самостоятельности Сербіи и Черногоріи участіе въ уплатѣ долга Турціи за нѣкоторое расширеніе ихъ территорій, что также не предусматривалось Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Въ 33 и 42 статьяхъ Берлинскаго трактата сказано, что Сербія и Черногорія обязаны нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя имъ настоящимъ трактатомъ, причемъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ должны опредѣлить представители державъ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ Блистательною Портою.

*) назв. соч. т. II стр. 106—107.

Что касается до Румынскаго княжества, то оно не привлекалось къ участию въ уплатѣ турецкаго долга, но зато, въ видѣ втораго условія признанія независимости, обязывалось, какъ то постановлено было въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ,—уступить обратно Россіи часть Бессарабіи, отнятую у нея по Парижскому трактату 1856 года, взаимно чего получало Добруджу (ст. 45 и 46).

Кромѣ указанныхъ постановленій, въ силу которыхъ признаніе независимости Сербіи, Черногоріи и Румыніи ставилось въ зависимость отъ принятія этими княжествами предложенныхъ имъ условій, Берлинскій трактатъ содержалъ въ себѣ и другія опредѣленія относительно названныхъ государствъ, чуждыя Санъ-Стефанскому договору. Что касается до перваго княжества, то въ 37 статьѣ разбираемаго трактата сказано, что «впредь до заключенія новыхъ соглашеній, въ Сербіи не послѣдуетъ никакихъ измѣненій въ нынѣ существующихъ условіяхъ коммерческихъ сношеній княжества съ иностранными государствами. Никакой транзитной пошлины не будетъ взиматься съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Сербію. Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства останутся, какъ онѣ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія княжества и заинтересованныхъ державъ.» Въ силу же 38 статьи Сербія должна заступить «въ соотвѣтственной долѣ Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ европейской Турціи по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными по вновь приобрѣтенной княжествомъ территоріи.» Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи имѣли быть заключены, немедленно по подписаніи настоящаго трактата, между Австро-Венгріей, Сербіей и княжествомъ Болгаріи въ границахъ его компетентности.

Черногорія, по 29 статьѣ Берлинскаго трактата, получала портъ Антивари съ его прибрежьемъ, но выгоды, проистекавшія для нея отсюда были въ значительной степени умалены конгрессомъ, поставившимъ княжеству странное условіе, редактированное такъ: «Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага. Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для

военныхъ судовъ всѣхъ націй. Укрѣпленія, находящіеся между озерами и побережьемъ, на черногорской территоріи, будутъ скрыты, и никакія новыя не могутъ быть возводимы въ этой чертѣ. Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ. Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать черезъ своихъ консуловъ покровительство черногорскому торговому флагу. Черногорія должна войти въ соглашеніе съ Австро-Венгрією касательно права постройки и содержанія дороги и рельсоваго пути черезъ новую черногорскую территорію. Въ силу этихъ ограниченій Черногорія ставилась, очевидно, въ худшее положеніе сравнительно съ тѣмъ, какое дано было ей по Санъ-Стефанскому договору, такъ какъ послѣдній, передавая портъ Антивари черногорцамъ, не обуславливалъ эту передачу никакими ограниченіями, между тѣмъ какъ Берлинскій трактатъ, подтверждая независимость Черногоріи, подчинялъ княжество надзору Австріи и дѣйствию ея законодательства и, такимъ образомъ, изъ фактической независимости обращалъ его въ государство зависимое отъ иноземной державы.

Румынія обязана была не взимать никакихъ транзитныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по ея территоріи (ст. 48); кромѣ того въ Берлинскомъ трактатѣ постановлялось, что съ Румыніей могутъ быть заключены конвенціи для установленія привилегій и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказанія ими покровительства въ княжествѣ; пріобрѣтенныя же права останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему соглашенію княжества съ заинтересованными сторонами (ст. 49).

Самой большой передѣлкѣ на Берлинскомъ конгрессѣ подверглись постановленія Санъ-Стефанскаго договора относительно Болгаріи. Какъ сказано выше, по Санъ-Стефанскому договору, она должна была образовать изъ себя одно большое автономное княжество, платящее дань султану, съ народною милиціею и христіанскимъ правительствомъ, съ гѣ анищами, доходящими до Салоникъ. Берлинскій трактатъ совершенно измѣнилъ постановленія русско-турецкаго договора о Болгаріи, и, надо замѣтить, въ худшую для нея сторону. Урѣзавъ цѣлокупную санъ-стефанскую Болгарію въ пользу Сербіи и

Румыніи, дипломаты, засѣдавшіе на Берлинскомъ конгрессѣ, раскололи ее на три части, изъ которыхъ образовали: 1) полу-независимое княжество Болгарское, 2) автономную область подъ названіемъ Восточной Румелии и 3) турецкую провинцію Мекедонію, на общемъ основаніи находящуюся подъ властью султана. При производствѣ этой жестокой раскройки цѣлокупной Болгаріи, великія европейскія державы руководились, разумѣется, своими эгонистическими расчетами, во имя которыхъ позволили себѣ поправить принципъ національности и вопреки ему образовать изъ одного и того же народа турецкую провинцію, какую-то автономную и уродливую область съ неудачнымъ наименованіемъ Восточной Румелии, и полунезависимое княжество, находящееся подъ верховнымъ сюзеренитетомъ султана.

Вассальное княжество Болгарское шло къ сѣверу отъ Балканъ и простиралось между ними, Сербією, Дунаемъ, Добруджею и Чернымъ моремъ. Согласно Берлинскому трактату эта часть цѣлокупной Болгаріи образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань турецкому султану, съ народною милиціею и христіанскимъ правительствомъ во главѣ (ст. 1) Князь Болгаріи *свободно* избирается населеніемъ и утверждается Блистательною Портою съ согласія державъ. Имъ не можетъ быть избранъ *ни одинъ* изъ членовъ династій, царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ. Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется незамѣненнымъ, избраніе новаго князя должно быть произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ такой же формѣ (ст. 3). Такимъ образомъ по точному, буквальному смыслу Берлинскаго трактата никому не предоставлено права рекомендаціи князя болгарамъ. Они выбираютъ его сами, а Порта лишь утверждаетъ ихъ избранника съ согласія великихъ державъ. Но редакція этой статьи совершенно умалчиваетъ о томъ, какъ поступить султану въ томъ случаѣ, если онъ не добьется согласія державъ. Такого рода умолчаніе трактата, очевидно, было не недосмотромъ со стороны членовъ Берлинскаго конгресса, а просто искусственной недомолвкой. До избранія князя собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Тырновѣ, должно было выработать органическій уставъ княжества (ст. 4).

Трактатъ провозглашаетъ для Болгаріи *полную равноправность различныхъ національностей* въ княжествѣ, выставленную и Санъ-Стефанскимъ договоромъ, и *принципъ впротерпимости*, неизвѣст-

ный послѣднему. Въ статьѣ 4-ой сказано: «Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгары перемѣшаны съ населеніемъ турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава.» А въ ст. 5-ой говорится: «Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала: различіе въ религиозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремесель въ какой бы то ни было мѣстности. Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ, обеспечиваются свобода и вѣдшее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы какія либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религиозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.»

По Санъ-Стефанскому трактату собраніе именитыхъ людей Болгаріи должно было выработать уставъ будущаго управленія, подъ наблюденіемъ русскаго и турецкаго комиссаровъ, подобно тому, какъ было сдѣлано въ 1830 году послѣ Адрианопольскаго мира въ Дунайскихъ княжествахъ. Австрія и Англія потребовали на конгрессѣ замѣны русскаго контроля контролемъ европейской комиссіи. Но такъ какъ это требованіе ихъ не было удовлетворено Россіей, то въ Берлинскомъ трактатѣ было постановлено, что «временное управленіе Болгаріи, до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи, будетъ находиться подъ руководствомъ русскаго императорскаго комиссара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временнаго управленія, будутъ призваны императорскій оттоманскій комиссаръ и консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ императорскимъ русскимъ комиссаромъ, рѣшеніе постановляетъ конференція, константинопольскихъ представителей великихъ державъ, подписавшихъ настоящій договоръ» (ст. 6).

Временное управленіе Болгаріи не должно было продолжаться

болѣе девяти мѣсяцевъ со дня размѣна ратификаціи настоящаго трактата. Немедленно послѣ выработки органическаго устава надлежало приступить къ избранію князя, по водвореніи котораго вводится въ дѣйствіе новое управленіе и княжество вступаетъ въ полное пользованіе своею автономіею (ст. 7). Это постановленіе Берлинскаго трактата также дѣлаетъ значительное отступленіе отъ опредѣленія Санъ-Стефанскаго договора, гдѣ сказано, что «введеніе новаго образа правленія въ Болгарію и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены въ теченіе двухъ лѣтъ россійскому императорскому комиссару. По прошествіи перваго года со времени введенія новаго порядка, европейскіе кабинеты—въ случаѣ, если это будетъ признано нужнымъ и если по сему предмету послѣдуетъ соглашеніе между ними, Россіею и Блистательною Портою—могутъ присоединить своихъ уполномоченныхъ къ россійскому императорскому комиссару» (ст. 7).

Трактаты о судоходствѣ и торговлѣ, а также и другіе договоры Порты съ иностранными державами должны быть обязательны для Болгаріи и она не имѣетъ право ни замѣнять, ни измѣнять унаслѣдованное отъ турецкаго правительства торговое законодательство по отношенію къ какой бы то ни было державѣ до тѣхъ поръ, пока на то не послѣдуетъ согласія съ ея стороны. Рядомъ съ этимъ условіемъ, совершенно подрывавшимъ возможность правильнаго развитія промышленности и торговли автономнаго княжества, ставилось другое требованіе, заключавшееся въ томъ, чтобы съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Болгарію, не взымалось никакихъ транзитныхъ пошлинъ, чтобы подданные и торговля всѣхъ державъ пользовались въ ней совершенно одинаковыми условіями, и чтобы льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства, въ той мѣрѣ, какъ онѣ были установлены капитуляціями и обычаями, остались въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ (ст. 8). Это постановленіе было прямою несправедливостію въ отношеніи Болгаріи, такъ какъ настаивать на сохраненіи консульской юрисдикціи имѣетъ смыслъ въ государствахъ, не признающихъ равноправности иностранцевъ съ туземцами, а не въ христіанскомъ княжествѣ, воздвигнутомъ на началахъ современнаго государственнаго и международнаго права.

Кромѣ платежа дани, размѣръ которой опредѣляется по соглашенію между державами, Болгарія, какъ часть Турціи, была обязана нести на себѣ долю ея государственнаго долга (ст. 9), о чемъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ не говорилось ни слова. Независимо этого, она «заступаетъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-варнской желѣзной дороги со времени обмѣна ратификацій настоящаго трактата. Сведеніе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ этого общества. Равнымъ образомъ Болгарское княжество заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ, Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгрии, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ европейской Турціи по окончанію, соединенію и эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій», находящихся на его территоріи. Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріею, Портою, Сербіею и Болгарскимъ княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира» (ст. 10). Соотвѣтствующая статья Санъ-Стефанскаго договора не упоминаетъ объ Австріи, которая фигурируетъ въ текстѣ Берлинскаго трактата.

«Оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ княжества по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедленно мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ сооружать новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матеріаломъ и другими предметами, принадлежащими оттоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ» (ст. 11).

«Уроженцы Болгарскаго княжества, путешествующіе, или проживающіе въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ оттоманскимъ» (ст. 12).

Таковы постановленія Берлинскаго трактата относительно вассальнаго княжества Болгаріи. Отрѣзанная отъ него часть къ югу отъ Балканъ до Адрианопольскаго и Сересскаго пашалыковъ, подъ наименованіемъ *Восточной Румелии* была превращена Берлинскимъ конгрессомъ въ провинцію съ административною автономіею и гене-

раль-губернаторомъ изъ христіанъ, и поставлена подъ непосредственную, прямую политическую и военную власть турецкаго султана (ст. 13). По замѣчанію проф. Мартенса, Восточная Румелия представляла собою не полунезависимое государство, а область, находящуюся подъ политическимъ и военнымъ управленіемъ султана; но автономія этой провинціи и покровительство, которымъ она пользовалась со стороны великихъ европейскихъ державъ, ставили ее въ дѣйствительности почти въ то же международное положеніе, въ какомъ находились прежде Дунайскія княжества и Сербія *).

Генераль-губернаторъ Восточной Румелии назначается Блистательною Портою *сз соласія* державъ, на *пятилтній* срокъ (ст. 17). Внутренній порядокъ въ ней охраняется туземною стражею, при содѣйствіи мѣстной милиціи. Офицеры въ томъ и другомъ родѣ войска назначаются султаномъ, причемъ, при назначеніи ихъ въ ту или другую мѣстность, онъ долженъ сообразоваться съ вѣроисповѣданіемъ жителей, т. е. въ мѣстностяхъ христіанскихъ онъ обязанъ былъ назначать офицерами христіанъ, въ мѣстностяхъ магометанскихъ—магометанъ (ст. 15). Такого рода мѣра, принятая Берлинскимъ конгрессомъ, представляла собою въ высшей степени запутанное и слабое рѣшеніе затрогиваемаго ею вопроса. Тѣмъ не менѣе, румелийская жандармерія и милиція, по постановленію Берлинскаго трактата, должны были носить національный характеръ, такъ какъ эта злосчастная провинція была населена преимущественно христіанами. Но если охрана внутреннего порядка Восточной Румелии предоставлялась мѣстнымъ войскамъ, то султанъ удерживалъ за собою право заботиться о безопасности своей провинціи извнѣ. «Его величеству султану—гласитъ 15 статья трактата—предоставляется право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и держа въ нихъ войско». Впрочемъ, это право султана на защиту границъ Румелии обставлено нѣкоторыми условіями: «его императорское величество обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ иррегулярныхъ войскъ, какъ-то: башибузукъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ

*) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 257.

размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ черезъ область войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ» (ст. 15).

Въ случаѣ, если бы внутреннему или внѣшнему спокойствію Восточной Румелии угрожала какая либо опасность, генералъ-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска. Но въ такомъ случаѣ Блистательная Порта должна предварительно сообщить о своемъ рѣшеніи представителямъ великихъ державъ въ Константинополь и указать на мотивы своихъ дѣйствій (ст. 16).

Всѣ трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какового бы они ни были свойства, *заключенные или импющие быть заключенными между Портою и иностранными державами*, примѣняются въ Восточной Румелии, какъ и во всей Оттоманской имперіи (ст. 20). Это постановленіе Берлинскаго трактата относительно Восточной Румелии значительно отличается отъ однороднаго постановленія Болгаріи. Для послѣдней, по 8-й статьѣ трактата, становились обязательными лишь *нынѣ дѣйствующіе* международные договоры, т. е. существовавшіе въ моментъ подписанія Берлинскаго трактата. На основаніи этой, совершенно различной редакціи двухъ статей разбираемаго трактата, западные юристы выводятъ весьма важное заключеніе, далеко не тождественное для обѣихъ областей. Они утверждаютъ, что Болгарія имѣетъ право на заключеніе новыхъ трактатовъ, не справляясь съ согласіемъ Порты, въ которомъ вовсе не нуждается. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, Винессе, который «полагаетъ, что Берлинскій трактатъ обязываетъ Болгарію только принять договоры Турціи, бывшіе въ силѣ въ то время, но ни съ чѣмъ не стѣсняетъ ея договорной свободы относительно будущаго» *). Юристы говорятъ, что хотя Болгарія и поставлена подъ сюзеренитетъ Оттоманской Порты, но 8-я статья трактата должна толковаться въ самомъ тѣсномъ, ограничительномъ смыслѣ въ виду того, что сюзеренитету нисколько не противорѣчить все то, что въ противоположномъ смыслѣ формальнымъ образомъ не выговорено въ пользу верховнаго владыки. Что въ отношеніи договорной свободы Румелия несравненно болѣе ограничена, чѣмъ Болгарія, къ такому заключенію приводитъ также и то, что отно-

*) Гр. Камаровскій, Обзоръ современной литературы по международному праву, стр. 108.

стельно ихъ правъ на заключеніе договоровъ въ Берлинскій трактатъ включены двѣ статьи (8 и 20), которымъ дана совершенно различная редакція.

Затѣмъ, въ отношеніи Восточной Румелии было постановлено, что «льготы и привилегіи, представленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Блистательная Порты принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области за исполненіемъ общихъ законовъ имперіи относительно религіозной свободы въ примѣненіи ко всемъ вѣроисповѣданіямъ» (ст. 20).

Права и обязанности Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румелии остаются неизмѣнными (ст. 21).

Послѣ обмѣна ратификацій Берлинскаго трактата должна быть назначена *европейская коммиссія* для разработки, совмѣстно съ Оттоманскою Портою, устройства Восточной Румелии. На коммиссію эту возлагалась обязанность опредѣлять въ трехмѣсячный срокъ кругъ власти и атрибуты генераль-губернатора, а также порядокъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія (внесенныя въ 8-ое засѣданіе) константинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румелии будетъ объявлено Портою въ фирманѣ, который сообщится ею державамъ (ст. 18). Кромѣ того на европейскую коммиссію возлагалась обязанность завѣдывать вмѣстѣ съ Портою финансами области, впредь до окончательнаго устройства новой организаціи (ст. 19).

Разсматривая постановленія Берлинскаго трактата о Восточной Румелии, проф. Мартенсъ замѣчаетъ, что они «вполнѣ убѣждаютъ что эта провинція имѣетъ международный характеръ. Суверенитетъ Порты по отношенію къ ней настолько ограниченъ въ области внутренняго управленія и поставленъ въ такія стѣснительныя условія для своего осуществленія, что Восточная Румелия можетъ считаться *de facto* полунезависимою областью, оставленною рѣшеніемъ международнаго конгресса въ составѣ Оттоманской имперіи». *) На этомъ основаніи Блюнчли совершенно справедливо замѣтилъ, что между-

*) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. 1, стр. 258.

народный характер Румелии и слияние ее съ Болгаріей—дѣло недалекаго будущаго *).

Что касается до Македоніи, третьей части, выдѣленной изъ проектированнаго русскимъ правительствомъ одного цѣлокупнаго Болгарскаго княжества, то она была включена въ число христіанскихъ провинцій, оставшихся подъ властью Оттоманской Порты, участь которыхъ была опредѣлена Берлинскимъ трактатомъ слѣдующимъ образомъ.

На островѣ Критѣ Блистательная Порта обязывалась примѣнить добросовѣстно органической уставъ 1868 года, но не «принимая во вниманіе уже выраженныхъ туземнымъ населеніемъ желанія», какъ сказано было въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, а «*вводя измѣненія, которыя будутъ найдены справедливыми*». (ст. 23). Само-собой разумѣется, что къ этой оговоркѣ слѣдовало бы добавить указаніе на то, кому именно предоставляется право судить о справедливости вводимыхъ измѣненій: критянамъ ли, туркамъ или великимъ державамъ. Но такого указанія въ трактатѣ, къ сожалѣнію, не было сдѣлано, вслѣдствіе чего открывался широкій просторъ для недоразумѣній между Турціей и Критомъ, не разъ приводившихъ въ послѣдствіи къ новымъ кровопролитіямъ.

Улучшенное устройство, подобное тому, которое было установлено для острова Крита, должно быть введено и въ другихъ частяхъ европейской Турціи, для которыхъ не было предусмотрено настоящимъ трактатомъ особое административное устройство, а слѣдовательно и въ Македоніи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что европейскіе подданные султана не могли пользоваться льготами въ податяхъ, предоставленными жителямъ Крита. При введеніи новыхъ уставовъ Порта обязана примѣняться къ мѣстнымъ нуждамъ. Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ возлагается Блистательною Портою въ каждой области на особыя комиссіи, въ которыхъ туземное населеніе получить широкое участіе. Проекты организацій, которыя будутъ результатомъ ихъ трудовъ, будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты. Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта посовѣтуется съ европейскою комиссіею, назначенною для Восточной Румелии (ст. 23).

*) Revue de droit int, t. XII, 1881, p. 580.

Въ число христіанскихъ провинцій европейской Турціи, въ которыхъ вводились новые уставы, подобныя тому, какой въ 1868 году выработанъ былъ для острова Крита, не были включены Берлинскимъ трактатомъ Боснія и Герцеговина, такъ какъ для нихъ предусматривалось особое административное устройство. По Санъ-Стефанскому договору въ нихъ предполагалось ввести улучшения, проектированныя Константинопольскою конференціею, съ тѣми измѣненіями, которыя надлежало установить по взаимному соглашенію между Россіей, Турціей и Австро-Венгріей, Берлинскому конгрессу графъ Андраши представилъ меморандумъ, въ которомъ указывалъ на нецѣлесообразность положенія, даннаго Россіей для Босніи и Герцеговины, на томъ основаніи, что оно не способно водворить въ нихъ спокойствіе. Въ подтвержденіе своего взгляда графъ Андраши ссылался на смѣшанность христіанскаго населенія съ мусульманскимъ и на сложность аграрнаго вопроса, служащаго главною причиною періодическихъ волненій, откуда приходилъ къ заключенію, что упроченіе порядка въ Босніи и Герцеговинѣ не можетъ быть совершенно Турціей, которая сама находится въ ненормальномъ положеніи, и должно быть поручено сильной и безпристрастной державѣ, хотя бы напр. Австро-Венгріи, которая имѣетъ полную возможность добиться такого рѣшенія босне-герцеговинскаго вопроса, которое заключало бы въ себѣ залогъ прочности. *) Согласившись съ мнѣніемъ Андраши, Берлинскій конгрессъ, по предложенію маркиза Салисбюри, вызвавшему возраженія лишь со стороны одного турецкаго уполномоченнаго, постановилъ отдать эти провинціи *для временнаго занятія и управленія Австро-Венгріи въ видахъ умиротворенія ихъ и обезпеченія существованія въ нихъ новаго политическаго строя*. Въ виду того что австро-венгерское правительство не пожелало взять на себя управленіе Новобазарскимъ санджакомъ, въ немъ по прежнему оставлено въ дѣйствиіи оттоманское управленіе. Но для того, чтобы обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія представляетъ себѣ право содержать гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части Боснійскаго вилайета. Съ этою цѣлью правительство Австро-Венгріи и Турціи должны были

*) Бутковскій, Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, т. II стр. 169.

войти между собою въ соглашеніе (ст. 25), которое и состоялось 21 апрѣля 1879 года *).

Разсчитанное на прочное умнротвореніе Босніи и Герцеговины, а не на присоединеніе ихъ къ Австро-Венгріи, «занятіе», на которое далъ свое согласіе Берлинскій конгрессъ, по мнѣнію Мартенса *) Блюнчли **) и другихъ интернаціоналистовъ, поставило эти провинціи въ крайне странное положеніе, не подходящее ни подъ какую извѣстную юридическую форму. На основаніи Берлинскаго трактата и Константинопольской конвенціи отъ 21 апрѣля 1879 года, точнымъ образомъ опредѣлявшей условія австро-венгерскаго занятія, Боснія и Герцеговина были признаны составною частью владѣній турецкаго султана, вслѣдствіе чего онъ по прежнему оставался единственнымъ верховнымъ владѣтелемъ этихъ провинцій. Но предоставленный Турціи суверенитетъ надъ названными областями былъ чисто номинальнымъ, такъ какъ осуществленіе верховенства въ Босніи и Герцеговинѣ, предполагающее занятіе и управленіе страной, перешло всецѣло къ Австро-Венгріи, а власть турецкаго султана надъ ними представлялась въ видѣ «*jus nudum*».

Кромѣ ненормальности съ юридической точки зрѣнія того положенія, которое дано было Босніи и Герцеговинѣ въ видахъ административнаго занятія ихъ Австро-Венгріей, Берлинскій конгрессъ допустилъ относительно этихъ областей еще другую странность, не упомянувъ о срокѣ «занятія», о которомъ не говорится ни слова ни въ самомъ актѣ, подписанномъ конгрессомъ, ни въ протоколахъ его засѣданій, ни въ австро-турецкомъ соглашеніи, состоявшемся 21 апрѣля 1879 года. Само собою разумѣется, эта недомолвка, давшая Австро-Венгріи возможность до сего времени занимать Боснію и Герцеговину, не смотря на то, что официальная цѣль занятія ихъ—*замыреніе*—уже давно достигнута и что съ точки зрѣнія права ихъ слѣдовало бы освободить, объясняется не недосмотромъ со стороны составителей Берлинскаго трактата, а исключительно тѣми своеобразными соображеніями, которыми руководилось австрійское прави-

*) Конвенцію, опредѣляющую австрійское занятіе Босніи и Герцеговины, подписанную 21 апрѣля 1879 года въ Константинополѣ см. Martens, Nouveau Recueil général de traités, 2 série, t. IV, p. 422—424.

**) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. 1, стр. 359.

**) Le Congrès de Berlin, Revue de droit int, t. XIII, 1881, p. 585.

тельство, принимая участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ. Ему нуженъ былъ митровицкій ключъ отъ великаго европейскаго пути, оканчивающагося Салониками. Но графъ Андраши — говорить г. Бутковский — «не имѣлъ духу требовать уступки Босніи и Герцеговины, въ виду извѣстнаго настроенія Венгріи, постоянно страшащейся утратить свой вліятельный голосъ въ имперіи, при увеличеніи численности славянскаго элемента». *) По этому несмотря на то, что еще въ іюнѣ 1877 года русское правительство заявило, что не будетъ противиться вознагражденію Австро-Венгріи на счетъ Босніи и Герцеговины, если она потребуетъ себѣ вознагражденія въ виду территориальныхъ приобрѣтеній Россіи или же какъ обезпеченіе противъ новыхъ сдѣлокъ въ пользу христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, — Австрія, при поддержкѣ со стороны Англіи, выговорила въ свою пользу безсрочное занятіе Босніи и Герцеговины, которое давало ей тѣ же самыя выгоды, какія предоставило бы и окончательное присоединеніе этихъ областей къ ея разношерстному тѣлу.

Изъ азіатскихъ провинцій Турціи, Берлинскимъ конгрессомъ было обращено особое вниманіе лишь на Арменію. Относительно нея была принята 16-я статья Санъ-Стефанскаго договора, въ которой говорилось, что «Блистательная Порта обязуется осуществить, *безъ замедленія*, улучшенія и реформы вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и оградить безопасность послѣднихъ отъ курдовъ и черкесовъ». Къ этой статьѣ конгрессомъ было прибавлено, что Турція «будетъ *периодически* сообщать о мѣраxъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ» (ст. 61). О томъ же, что оборонительной конвенціей отъ 4 іюня 1878 года Англія обязала султана ввести реформы не только въ одной Арменіи, но и во всей азіатской Турціи, въ Берлинскомъ трактатѣ совершенно не было упомянуто.

Въ заключеніе обзора постановленій Берлинскаго трактата остается указать на его опредѣленія относительно Дуная, стоящія въ непосредственной и самой тѣсной связи съ признанными конгрессомъ измѣненіями политической карты Балканскаго полуострова.

Для большаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю, за которую признается общеевропейскій интересъ, великія европейскія

*) Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ, т. II, стр. 171.

державы постановили, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по нижнему теченію этой рѣки отъ Желѣзныхъ воротъ до ея устьевъ будутъ скрыты и что новыхъ возводимо не будетъ, что впредь на всемъ этомъ протяженіи не будетъ допускаться плаваніе военныхъ судовъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Станціонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ, однако, подниматься до Галаца (ст. 52).

Европейская дунайская коммиссія, учрежденная еще Парижскимъ трактатомъ, продолжаетъ свое существованіе и распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей. Въ этой дунайской европейской коммиссіи предоставляется право имѣть своего представителя и Румыніи (ст. 53). По поводу этого допущенія Румыніи въ составъ европейской коммиссіи г. Майковъ замѣчаетъ, что такимъ допущеніемъ новаго члена измѣнялось начало, доселѣ признаваемое единственно правомѣрнымъ, а именно то начало, на основаніи котораго въ европейской коммиссіи могли состоять уполномоченные лишь тѣхъ державъ, которыя участвовали въ подписаніи трактатовъ Парижскаго и Берлинскаго. Теперь же къ этому началу примѣшивалось и другое новое начало—прибрежность, ибо Румыніи въ подписаніи трактатовъ не участвовала, но допускалась въ европейскую коммиссію по праву независимой прибрежной державы. Но если это такъ,—а иначе другаго основанія къ ея допущенію быть не могло,—то спрашивается почему же Сербія, такое же независимое и прибрежное государство, какъ и Румыніи, не была допущена въ европейскую коммиссію? Логическаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ... Какъ бы то ни было, но по началу прибрежности Сербія имѣла полное право быть введенною въ европейскую дунайскую коммиссію наравнѣ съ Румыніей, такъ какъ съ допущеніемъ послѣдней дѣйствовали самостоятельно два начала—трактатное и прибрежное *)).

Что касается до выполненія работъ къ устраниенію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя ворота и пороги, то онѣ поручались Австро-Венгріи, причемъ прибрежныя государства этой части рѣки обязывались оказывать всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ, а австро-венгерское пра-

*) Замѣтки по вѣнскимъ дѣланіямъ, Русская мысль за 1888 г. № 3, стр. 106.

вительство получало право взиманія временнаго сбора съ торговыхъ судовъ для покрытія расходовъ по выполненію вышеназванныхъ работъ (ст. 57).

Не трудно замѣтить, что всѣ эти постановленія о Дунаѣ преслѣдовали не свободу торговаго судоходства по этой рѣкѣ, а исключительно политическіе виды одной Австро-Венгріи, водвореніе австрийскаго господства на главномъ водномъ пути полуострова, принимающемъ въ себя побочныя рѣки Сербіи, Болгаріи и Румыніи, въ явный ущербъ законнымъ правамъ и интересамъ этихъ прибрежныхъ государствъ.

Таково въ главныхъ и общихъ чертахъ содержаніе Берлинскаго трактата. Въ статьѣ 63-й онъ подтвердилъ силу Парижскаго трактата 1856 года и Лондонскаго договора 1871 года во всѣхъ тѣхъ ихъ частяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены на Берлинскомъ конгрессѣ, и такимъ образомъ оставилъ вопросъ о проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился до русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ. Кромѣ того, Берлинскій трактатъ призналъ за Россіей обладаніе Ардаганомъ, Карсомъ и Батумомъ, который былъ объявленъ «порто-франко по преимуществу коммерческимъ» (ст. 59), и утвердилъ за нею возвращеніе большей части того клочка земли въ Бессарабіи, который былъ потерянъ ею въ 1856 году *).

*) Берлинскій трактатъ 1 (13) іюля 1878 года, см. въ приложеніяхъ къ сочиненію Гефтера „Современное международное право“ переводъ барона Таубэ, СПб. 1880 г. 27 января (8 февраля) 1879 года между Россіей и Турціей былъ заключенъ въ Константинополѣ трактатъ съ цѣлью „упрочить возстановленіе мира между двумя имперіями и опредѣлить окончательно трактатомъ тѣ условія Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, которыя должны быть предметомъ прямого соглашенія между обоими государствами“. Устанавливая на будущее время миръ и дружбу (ст. 1) договаривающіяся державы объявляли, „что условія Берлинскаго трактата, состоявшагося между семью державами, замѣнили собою тѣ статьи прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора, которыя были отмѣнены на конгрессѣ“ (ст. 2). Что же касается до тѣхъ условій Санъ-Стефанскаго договора, которыя не были ни отмѣнены, ни измѣнены Берлинскимъ трактатомъ, то они, по соглашенію договаривающихся державъ, должны были быть опредѣлены настоящимъ трактатомъ (ст. 3). Сюда относятся: 1. Военная контрибуція въ размѣрѣ 802.500.000 франковъ, способъ уплаты которой имѣлъ быть опредѣленъ по соглашенію между Россіей и Портою (ст. 4). 2. Вознагражденіе русскихъ подданныхъ и учреждений въ Турціи за убитыя, понесенныя ими въ продолженіе войны. Претензіи эти должны удовлетворяться по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ разсматриваться русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ

Приведенныя постановленія Берлинскаго трактата, несомнѣнно, имѣютъ громадное значеніе въ исторіи восточнаго вопроса, такъ какъ ими создавался рядъ новыхъ международныхъ отношеній, кореннымъ образомъ измѣнявшихъ то ненормальное положеніе Востока, которое давно уже обращало на себя вниманіе великихъ державъ и въ концѣ концовъ вызвало герцеговинское возстаніе со всѣми послѣдовавшими за нимъ событіями, приведшими къ нарушенію мира Европы. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на всю очевидность громаднаго значенія постановленій названнаго трактата, Берлинскій конгрессъ оставилъ по себѣ крайне печальную память въ Россіи, такъ какъ при пересмотрѣ Санъ-Стефанскаго договора имъ въ значительной степени были уменьшены результаты, добытые дорогою цѣною пролитой крови доблестныхъ русскихъ солдатъ, десятками тысячъ павшихъ на поляхъ сраженій въ Болгаріи и Арменіи, подъ Плевной, Карсомъ, на Шипкинскомъ перевалѣ и на равнинахъ Румеліи.

Оцѣнивая результаты русско-турецкой войны, вызвавшіеся въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что, предпринявъ войну противъ Турціи, Россія не напрасно принесла громадныя жертвы людьми и деньгами. Движимая чувствомъ гуманности и единовѣрія, она не напрасно поднимала оружіе противъ вѣковыхъ угнетателей восточныхъ христіанъ, такъ

и представляется Блистательной Портѣ. Общая сумма этихъ претензій не должна превышать 26.780.000 франковъ (ст. 5). 3. Сведеніе счетовъ и расходовъ по содержанію турецкихъ военно-плѣнныхъ, которое будетъ произведено специальными комиссарами Россіи и Порты (ст. 6). 4. Право свободнаго переселенія для жителей мѣстностей, уступленныхъ Россіи, если бы эти жители желали оставить свое прежнее мѣстопребываніе (ст. 7). 5. Взаимное обязательство не преслѣдовать русскихъ или турецкихъ подданныхъ, которые оказались бы заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ арміями обѣихъ имперій во время войны (ст. 8). 6. Полная амнистія для всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ послѣднихъ событіяхъ въ европейской Турціи (ст. 9). 7. Подтверженіе всѣхъ трактатовъ, конвенцій и обязательствъ, заключенныхъ между Россіей и Портой относительно торговли, юрисдикціи и положенія русскихъ подданныхъ въ Турціи, дѣйствіе которыхъ прекращено было по случаю войны (ст. 10). 8. Обязательство Порты принять дѣйствительныя мѣры для полюбовнаго окончанія всѣхъ спорныхъ и оставшихся неразрѣшенными въ продолженіе многихъ лѣтъ дѣлъ русскихъ подданныхъ, для вознагражденія этихъ послѣднихъ, если таковое будетъ слѣдовать, и для приведенія безъ замедленія въ исполненіе уже состоявшихся рѣшеній (ст. 11). (Текстъ мирнаго трактата, подписаннаго между Россіей и Турціей въ Константинополѣ 27 января (8 февраля) 1879 года, находится въ приложеніяхъ вышеназваннаго сочиненія Гефтера.)

какъ съ честью и мужествомъ исполнила то, что считала своимъ долгомъ, своею священною обязанностью. Благодаря славнымъ побѣдамъ своихъ войскъ, она добилась отъ Турціи признанія полной независимости Черногоріи, Сербіи и Румыніи и тѣмъ дала новую, свободную и самостоятельную жизнь милліонамъ людей, которые цѣлыя столѣтія подвергались различнымъ бѣдствіямъ и страданіямъ отъ несправедливаго и жестокаго обращенія съ ними турецкихъ властей, а теперь выводились на путь цивилизаціи и призывались къ общей жизни европейскихъ культурныхъ народовъ. Обеспечивъ свободу и полную независимость за Сербіей, Румыніей и Черногоріей, Россія кромѣ того изъяла изъ-подъ вѣдѣнія турецкой администраціи Боснію и Герцеговину и создала большое автономное княжество Болгарское съ суверенною зависимостью отъ Порты, установивъ для нихъ извѣстныя гарантіи противъ злоупотребленій турецкихъ властей и проложивъ имъ путь къ окончательному освобожденію отъ мусульманскаго владычества.

Послѣ Берлинскаго конгресса результаты русско-турецкой войны выразились, однако, далеко не въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ желала Россія и на которые она имѣла полное право разсчитывать послѣ цѣлаго ряда геройскихъ подвиговъ ея арміи и громадныхъ жертвъ всего русскаго народа. Тѣ основанія, на которыхъ, по мысли Россіи, должна была покоиться организація Балканскаго полуострова, при пересмотрѣ Санъ-Стефанскаго договора съ цѣлью обезпечить *общеевропейскіе* интересы и упрочить умиротвореніе Востока санкціею великихъ державъ, были въ значительной степени изуродованы на Берлинскомъ конгрессѣ и при томъ въ ущербъ интересамъ не только Востока, но и самой Европы, которая, несомнѣнно, гораздо больше выиграло-бы, если-бы участники конгресса, отрекшись отъ эгоистическихъ заботъ и завистливаго соперничества, рѣшились уладить восточный кризисъ болѣе радикальнымъ и нормальнымъ способомъ, приступивъ къ справедливому рѣшенію восточнаго вопроса на широкихъ основаніяхъ.

Даруя независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи и создавая одно большое автономное княжество Болгарское, Россія, при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, желала доставить полную свободу развитія, въ ихъ естественныхъ границахъ, всѣмъ народамъ Балканскаго полуострова и поэтому приняла за основаніе для

разграниченія земель *принципъ національности* большей части населенія. Не такъ поступилъ Берлинскій конгрессъ. Всѣ территориальныя разграниченія онъ основалъ не на принципѣ національности, а на *соображеніяхъ политическаго и географическаго свойства*. «Въ концѣ XIXго столѣтія, какъ и въ началѣ его, на пресловутомъ Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года, европейская дипломатія—говорить г. Матвѣевъ—обнаружила полное пренебреженіе къ законамъ историческаго развитія и новому мощному фактору политической европейской жизни—національному принципу. На третьемъ, по счету, великомъ европейскомъ конгрессѣ текущаго столѣтія, дипломатія, во имя чисто отвлеченныхъ и совершенно фиктивныхъ интересовъ, игнорировала значеніе и силу національнаго принципа, который, по вѣрному замѣчанію одного французскаго публициста, «въ наши дни творить чудеса, возвращаетъ даръ слова нѣмымъ и призываетъ къ жизни мертвецовъ». Этотъ жизненный и могучій принципъ современной политической жизни былъ грубо поправанъ на Берлинскомъ конгрессѣ, и притомъ въ силу весьма шаткихъ и крайне призрачныхъ интересовъ и стольже легковѣсныхъ соображеній» *). Въ подтвержденіе этихъ словъ достаточно указать на ту грубую передѣлку, которой подверглись на Берлинскомъ конгрессѣ созданныя Санъ-Стефанскимъ договоромъ Болгарское и Сербское княжества, и на сокращеніе прибрѣтенной Черногоріи, которое признано было необходимымъ по политическимъ соображеніямъ великихъ державъ.

Самымъ рельефнымъ, разительнымъ примѣромъ поправанія принципа національности на Берлинскомъ конгрессѣ, конечно, служитъ произведенное европейскими дипломатами разчлененіе Болгаріи. «Церковно-объединенная, въ видѣ самостоятельнаго экзархата, по султанскому фирману 1872 года, единая по своей исторіи и этнографическому составу населенія, Болгарія,—говорить г. Матвѣевъ,—какъ бездушный трупъ, была разрѣзана на куски». Почти двѣ трети Болгаріи, созданной Санъ-Стефанскимъ трактатомъ, возвращены были подъ политическое и военное управленіе султана, и только одна треть была превращена въ автономное княжество, ограниченное Дунаемъ и на сто миль отодвинутое отъ Архипелага. Важный черноморскій портъ Бургасъ былъ возвращенъ Турціи, а Болгаріи оставлено ме-

*) Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса, Спб. 1887 г., стр. 2.

нѣе половины первоначально отведеннаго ей морскаго побережья съ единственною гаванью Варной, которая при томъ была объявлена исключительно коммерческимъ портомъ. «Такая операція *in animo vii*, произведенная падъ живымъ народомъ, такое открытое пренебреженіе къ ходу историческаго развитія, требованіямъ жизни и стремленіямъ пробудившагося народнаго сознанія, конечно, не могло пройти безнаказанно для дѣла мирнаго развитія болгарскаго народа. Выбитое изъ естественной исторической колеи дальнѣйшее политическое развитіе Болгаріи подвергалось неизбѣжно великимъ опасностямъ въ будущемъ, дѣлая изъ несчастнаго Балканскаго полуострова игралище народныхъ страстей и дипломатическихъ интригъ».*)

Не менѣе пострадавшимъ на конгрессѣ было и сербское племя, такъ много перетерпѣвшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вѣчно раздробленное на части и постоянно жившее въ борьбѣ. По Берлинскому трактату Сербское княжество получило нѣкоторое территориальное приращеніе на юго-востокѣ, что могло только раздуть старое славянское соперничество во вражду и ненависть между сербами и болгарами. Между тѣмъ Австрія, незатратившая ни одного гроша и непролившая не единой капли крови ради освобожденія славянъ, безъ всякаго историческаго и естественнаго права на

*) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 1. Г. Добровъ полагаетъ, что хотя Берлинскій договоръ и уменьшилъ Болгарію до $\frac{1}{3}$ противъ того, что было предположено въ Санъ-Стефано, но отдѣливъ отъ нея забалканскія области «съ крайне смѣшаннымъ населеніемъ», гдѣ „греческій и турецкій элементъ конкурируетъ съ болгарскимъ“, устранилъ поводъ къ ожесточенной борьбѣ народностей, которая неизбѣжно возникла бы при политическомъ главенствѣ болгаръ на территоріи, гдѣ они „далеко не составляютъ этнографическаго элемента“. (Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ, Спб. 1879 г. стр. 642.) Но съ мнѣніемъ г. Доброва невозможно согласиться. Было-бы совершенно ошибочно полагать, что успокоеніе и общественное развитіе балканскихъ земель обезпечены тѣмъ, что Восточная Румелія и Македонія оставлены подъ турецкою властью. Къ такому ложному заключенію авторъ пришелъ потому, что въ основаніе его положилъ совсѣмъ невѣрный фактъ, будто-бы въ балканскихъ областяхъ болгары не составляютъ „этнографическаго элемента“. Но подобное предположеніе совершенно неосновательно, вслѣдствіе чего оставленіе болгаръ Восточной Румеліи и Македоніи подъ властью турокъ и грековъ-фанаріотовъ для избѣжанія „борьбы национальностей“ было крайнимъ заблужденіемъ или желаніемъ возвратитъ ихъ въ прежнее безобразное положеніе. Быть-можетъ санъ-стефанская комбинація имѣла свои неудобства по существу, но весьма странно думать, что берлинская комбинація ихъ исправила. Даже Правительственный Вѣстникъ въ свое время заявлялъ, что Берлинскій договоръ есть только этапъ въ разрѣшеніи болгарскаго вопроса.

сербскія земли, захватила, съ разрѣшенія Европы, Боснію и Герцеговину, а Турція удержала въ своихъ слабыхъ рукахъ Старую Сербію вмѣстѣ съ Коссовскимъ полемъ, которое дорого каждому сербу, горячо преданному интересамъ своего отечества. Кромѣ того, захваты вѣнскаго двора, устанавливавшіе на прочныхъ основаніяхъ нѣмецко-мадьярское вліяніе среди юго-восточныхъ славянъ, предупреждали возможность сліянія сербовъ боснійскихъ и герцеговинскихъ съ сербами Черной Горы и Сербскаго княжества.

Что касается до Черногоріи, то по Санъ-Стефанскому договору Россія расширила ея границы въ направленіи, оправдываемомъ этнографіею и исторіей, и обезпечила ей самостоятельное положеніе на Адриатическомъ морѣ. Но на Берлинскомъ конгрессѣ, по настоянію вѣнскаго двора, границы Черногорскаго княжества были сужены: у него отняли часть Герцеговины, прирѣзали округъ, населенный албанцами, и поставили морскія силы въ непосредственную зависимость отъ Австріи.

Но если широкій русскій планъ устройства судьбы народностей Балканскаго полуострова подвергся въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ существеннымъ поправкамъ со стороны великихъ европейскихъ державъ въ худшую сторону для блага юго-восточныхъ славянъ, то и въ этомъ искаженномъ видѣ онъ, какъ сказано выше, бесспорно имѣетъ громадное значеніе въ исторіи восточнаго вопроса. Постановленіями Берлинскаго трактата Россія на половину разрѣшила свою историческую задачу по отношенію къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ народностямъ Турціи. Сверхъ того она проложила себѣ путь для дальнѣйшихъ дѣйствій въ смыслѣ освобожденія христіанъ Востока, оставшихся въ большей или меньшей зависимости отъ Порты. Парижскій трактатъ 1856 года, порожденный на свѣтъ политическими страстями, вызвавшими севастопольскій погромъ и миръ, поставившій Россію въ ненормальное положеніе по отношенію къ турецкимъ христіанамъ,—этотъ пресловутый памятникъ XIX вѣка былъ окончательно уничтоженъ русско-турецкою войною въ тѣхъ его существенныхъ статьяхъ, которыми возбранялось Россіи вмѣстѣ съ другими великими европейскими державами вмѣшиваться во внутреннія турецкія дѣла ради обезпеченія за христіанскими подданными Порты всѣхъ ихъ правъ и привилегій. Санъ - Стефанскій договоръ закрѣпилъ за Россіей прежнее ея право блюсти за точнымъ

исполненіемъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Оттоманскою Портой, и если Берлинскій трактатъ наградила этимъ правомъ всѣхъ великихъ державъ Европы, то во всякомъ случаѣ и онъ уничтожилъ прежнюю безнаказанность дѣйствій турецкаго правительства, санкціонированную Парижскимъ трактатомъ.

Отъ этого трактата, подвергавшагося многократнымъ нарушеніямъ, уже давнымъ давно отсклисъ его создатели, путемъ долговременнаго опыта убѣдившіеся, что теорія невмѣшательства во внутреннія дѣла независимаго государства неприменима къ Оттоманской имперіи, какъ и ко всякому другому азіатскому или африканскому государству, до тѣхъ поръ, пока эта полуварварская страна сама не подчинится началамъ международнаго права. Поэтому, въ противоположность Парижскому конгрессу, установившему коллективную гарантію великихъ державъ цѣлости и независимости Турецкой имперіи и строго осудившему всякое постороннее вмѣшательство во внутреннія дѣла и распорядки Оттоманскаго царства, на Берлинскомъ конгрессѣ европейскіе кабинеты, выражая свое убѣжденіе въ томъ, что цѣлость и неприкосновенность Блистательной Порты по прежнему составляетъ общеевропейскій интересъ, торжественно провозгласили свое коллективное покровительство восточнымъ христіанамъ и право вмѣшательства въ дѣла Турціи для огражденія интересовъ ея христіанскихъ подданныхъ. Согласно Берлинскому трактату Оттоманская Порта должна была провести рядъ реформъ въ своихъ христіанскихъ областяхъ подъ наблюдениемъ Европы, которая сама предписала ей извѣстные принципы, долженствовавшіе лечь въ основаніе предполагаемой переорганизации управленія въ христіанскихъ земляхъ, оставшихся подъ властью турецкаго султана. Указанные Европой принципы, выработанные современнымъ публичнымъ правомъ, должны были освѣтить мрачныя глубины восточнаго царства и призвать къ новой, болѣе лучшей жизни прозябавшихъ тамъ христіанъ. Въ случаѣ же, еслибы Оттоманская Порта отказалась согласовать свои дѣйствія съ указанными ей принципами, Россія вмѣстѣ съ Европою могла и имѣла формально узаконенное право, возвысить свой голосъ и даже поднять оружіе для принужденія турецкаго правительства держаться въ отношеніи христіанской райи такой политики, которая отвѣчала бы гуманнымъ воззрѣніямъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ.

Вотъ тѣ результаты, къ которымъ привела русско-турецкая война 1877—1878 годовъ, предпринятая нами съ цѣлью освобожденія балканскихъ христіанъ отъ мусульманскаго ига. Если же восточный вопросъ не получилъ надлежащаго разрѣшенія и послѣ этой славной войны за освобожденіе, то вина въ томъ падаетъ не на Россію, хотя дипломаты ея и не всегда энергично отстаивали на Берлинскомъ конгрессѣ интересы восточнаго славянства. Берлинскій трактатъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, за нашими побѣдами надъ Турціей, а не надъ Европой, вслѣдствіе чего Россія не въ силахъ была диктовать послѣдней условія трактата, такъ какъ желаніе отстоять постановленія Санъ-Стефанскаго договора во всей ихъ совокупности легко могло вовлечь насъ въ борьбу съ западными державами, а это неизбѣжно повело бы къ осложненіямъ, послѣдствій которыхъ невозможно было предвидѣть. Въ виду этого справедливость требуетъ признать, что движимая чувствомъ челоуѣколюбія и любви къ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, Россія исполнила свой долгъ вполне добросовѣстно, и что если ей не удалось на Берлинскомъ конгрессѣ добиться болѣе лучшихъ результатовъ, то это зависѣло не отъ нея, а главнымъ образомъ отъ остальныхъ участниковъ конгресса, руководившихся при обсужденіи участи народностей Востока своекорыстными расчетами и нисколько не сочувствовавшихъ Россіи и тѣмъ, за кого она великодушно пролила свою кровь въ борьбѣ съ Турціей.

Доблвшись пересмотра Санъ-Стефанскаго трактата, великія европейскія державы употребили всѣ свои усилія не на то, чтобы съ большимъ вниманіемъ и тщательностью обсудить дѣла Востока и гарантировать тамъ мирное развитіе христіанскихъ народностей, а на то, чтобы на счетъ этихъ народностей и жалкихъ остатковъ Турціи обезпечить собственные торговые и политическіе интересы. Поэтому онѣ не оказали покровительства свободѣ и автономіи народовъ, а напротивъ, превратили ихъ въ предметъ торга, въ результатъ чего большинство участниковъ конгресса добилось для себя болѣе или менѣе важныхъ приобрѣтеній. Австро-Венгрія, подъ видомъ безсрочнаго занятія, получила разрѣшеніе на присоединеніе къ своимъ владѣніямъ Босніи и Герцеговины; кромѣ того, она приобрѣла громадныя выгоды отъ санкціонированнаго конгрессомъ австрійскаго контроля надъ Черногоріей на Адриатическомъ морѣ и отъ соеди-

пенія австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ съ митровицъ-салоникской линіею, устанавливавшая непрерывное сношеніе между Гамбургомъ и Салониками. Англія самымъ беззащѣчивымъ образомъ отторгла у Турціи островъ Кипръ, а Франція получила предложеніе занять Тунисъ, что и было исполнено ею два года позднѣе.

Всѣ эти пріобрѣтенія, сдѣланныя великими державами на Берлинскомъ конгрессѣ, служили лучшимъ опроверженіемъ ложности той цѣли, которая была выставлена ими для Восточной войны 1853—1856 годовъ. Вновь созданное положеніе Кипра, Босніи и Герцеговины и наконецъ Египта весьма убѣдительнымъ образомъ доказывало, насколько западныя державы, коллективно выступившія тогда противъ Россіи, искренно руководились желаніемъ оградить цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи и насколько справедливо было ихъ торжественное, передъ лицомъ всего свѣта данное отреченіе отъ всякихъ посягательствъ на наслѣдство такъ называемаго «большаго человѣка», въ жизнеспособности котораго онѣ будто бы твердо были увѣрены. Сколько горькой ироніи теперь содержатъ въ себѣ тѣ громкія фразы, которыми нѣсколько лѣтъ тому назадъ западная Европа тщательно прикрывалась только ради того, чтобы объявить войну Россіи и сокрушить ея исполинскія силы, угрожавшія окончательнымъ разрушеніемъ турецкаго царства и водруженіемъ на Св. Софіи креста вмѣсто полумѣсяца.

Не менѣе горькой ироніей звучали теперь и тѣ слова, которыя произносились на западѣ Европы по поводу заключенія Россіей Санъ-Стефанскаго договора. Защита цивилизаціи, свободы Европы, ея общихъ интересовъ и благодѣяній мира—вотъ тѣ возвышенныя цѣли, ради которыхъ признавалось необходимымъ подвергнуть русско-турецкій договоръ всестороннему разсмотрѣнію европейскаго конгресса. Представители великихъ державъ съѣхались въ Берлинъ съ цѣлью безпристрастно разсмотрѣть и измѣнить, согласно требованіямъ общей пользы Европы, прелиминарный мирный договоръ, подписанный въ Санъ-Стефано, дать болѣе прочное положеніе Востоку и предотвратить угрожавшія Европѣ усложненія, посредствомъ примиренія различныхъ взглядовъ и удовлетворенія потребностей, которыя предъявлялись во имя мира и справедливости. Но были ли на Берлинскомъ конгрессѣ защищены общеевропейскіе интересы и былъ ли тамъ обезпеченъ тотъ благодѣтельный миръ,

за который ратовала Европа? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Постановленія Берлинскаго трактата не удовлетворили національнымъ стремленіямъ христіанскихъ народностей Турціи, вслѣдствіе чего вновь созданный порядокъ вещей на Востокѣ былъ далеко не таковъ, чтобы на долгія времена могъ прочно обезпечить свободное и мирное развитіе восточныхъ христіанъ, ради чего Россія проливала кровь своихъ сыновъ и приносила громадныя матеріальныя жертвы.

2. Самымъ больнымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи была, конечно, Болгарія. Если бы на Берлинскомъ конгрессѣ европейскіе дипломаты рѣшили оставить всю Болгарію подъ властью турецкаго султана, давъ ей административную автономію, проектированную нотою графа Андраши, они гораздо болѣе обезпечили бы *продолжительность* мира въ Европѣ, чѣмъ раздѣляя живое тѣло на куски и давая этимъ кускамъ различное положеніе. Искусственно разъединивъ Балканами болгаръ, дипломатія не заглушила въ нихъ стремленія къ объединенію; различными хитросплетеніями она только отстранила это событіе, предумышленно создавъ лишній поводъ къ международнымъ замѣшательствамъ въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ не было никакого сомнѣнія, что естественный потокъ національныхъ стремленій быстро уничтожитъ всѣ искусственно воздвигнутыя для него преграды.

3. Затѣмъ, безсрочная отдача Боснии и Герцеговины въ руки Австріи, этой систематической угнетательницы славянъ, и распространеніе сферы ея вліянія въ Сербіи и Черногоріи,—создавали печальную перспективу для европейскаго мира въ томъ отношеніи, что невольно должны были усилить исконное соперничество между Россіей и Австріей на Востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить ихъ постоянно бояться другъ друга и ежеминутно ожидать серьезныхъ столкновеній.

4. Благодаря всему этому на Берлинскомъ конгрессѣ не было достигнуто обезпеченія главнаго интереса Европы—упроченія мира на Востокѣ. Мало того, новое положеніе вещей вводило европейскую дипломатію въ мучительную сферу неопредѣленныхъ и тревожныхъ ожиданій, создавало для великихъ державъ серьезныя опасе-

ніа за завтрашній день и заставляло ихъ постоянно умножать и усиливать свои вооруженія.

Таковы послѣдствія, къ которымъ велъ Берлинскій трактатъ. При безпристрастномъ отношеніи къ нимъ, конечно, невозможно утверждать, что европейская дипломатія, послѣ своихъ мѣсячныхъ трудовъ въ Берлинѣ, дала Европѣ великое благодѣяніе мира, что она установила прочное соглашеніе между великими державами по восточному вопросу и надолго обезпечила добрыя отношенія между ними. А между тѣмъ, отъ кого было ожидать всего этого, какъ не отъ Берлинскаго конгресса, въ рукахъ котораго находилась судьба Востока? Относясь къ дѣлу безпристрастно, съ подобающимъ достоинствомъ, съ государственною прозорливостю и искреннимъ желаніемъ разрѣшить восточный вопросъ, Берлинскій конгрессъ могъ бы много сдѣлать для замиренія Европы. Взявъ на себя трудъ обсужденія положенія балканскихъ земель, европейскій конгрессъ могъ бы достигъ *дѣйствительнаго*, а не фиктивнаго умиротворенія Европы и избавить ее отъ горькой необходимости постоянно со страхомъ ожидать новаго появленія на сцену злосчастнаго восточнаго вопроса.

Г Л А В А VII.

Восточная политика Россіи отъ Берлинскаго конгресса до румелійскаго переворота 1885 года.

Программа восточной политики русскаго двора послѣ подписанія Берлинскаго трактата. Обстоятельства, сопровождавшія австрійскую оккупацию Босніи и Герцеговины. Затруненія, встрѣченныя державами при приведеніи въ исполненіе постановленій Берлинскаго конгресса относительно Черногорія. Греко-турецкій конфликтъ. Великое народное собраніе въ Тырновѣ и избраніе принца Александра Баттенбергскаго болгарскимъ княземъ. Первые годы его правленія. Государственный переворотъ 27 апрѣля 1881 г. Систовское народное собраніе 1-го іюля 1881 года и полномочія кн. Александра. Его поѣздка въ Петербургъ въ 1882 году. Отозваніе изъ Соеін Хитрово и посылка въ Болгарію русскихъ генераловъ. Ихъ положеніе и участь. Поѣздка Баттенберга въ Москву въ 1883 году и ея послѣдствія. Миссія Іонина. Удаленіе русскихъ министровъ и возстановленіе тырновской конституціи. Враждебная Россіи выходка кн. Александра. Военная конвенція 1883 года, опредѣлявшая положеніе русскихъ офицеровъ въ болгарской арміи. Министерство Каравелова.

Окончивъ войну, «предпринятую не по расчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства христіанскаго, чувства человѣколюбія, того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка при видѣ вопіющаго зла», русское императорское правительство торжественно заявило, что «какъ-бы ни были несовершенны результаты Берлинскаго конгресса», они все-таки представляютъ весьма важный шагъ на пути къ осуществленію нашей исторической миссіи, и что Россія, честно и мужественно исполнивъ то, что считала своею задачей, въ ближайшемъ будущемъ должна укрѣпить эти результаты и дать имъ возможность развиваться. При достиженіи этой цѣли императорскій кабинетъ не считалъ нужнымъ угрожать Турціи, если она, вступивъ въ новую фазу отношеній къ христіанской и цивилизованной Европѣ,

«пойдетъ по открывающемуся передъ нею пути съ полною открытностью и желаніемъ точно исполнять условія, гарантирующія автономію ея христіанскихъ подданныхъ». Въ противномъ же случаѣ, «Порта сама подпишетъ свой приговоръ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что «затрудненія, съ которыми связано рѣшеніе восточнаго вопроса, заключаются не въ Турціи, а въ Европѣ», императорское правительство высказывало намѣреніе, при достиженіи указанныхъ цѣлей «притягивать Европу къ общему дѣлу» и съ своей стороны «точно исполнять лежащія на немъ обязанности». *)

Тотчасъ послѣ ратификаціи Берлинскаго трактата на обязанности Россіи, желавшей упроченія и дальнѣйшаго развитія результатовъ минувшей войны, лежало, совмѣстно съ остальными великими державами, привести въ дѣйствиіе его постановленія и преодолѣть, при выполненіи этого дѣла, препятствія, возникавшія вслѣдствіе недовольства балканскихъ народностей тѣмъ положеніемъ, которое обезпечивалось имъ названнымъ международнымъ договоромъ. Препятствія такого рода встрѣчены были со стороны Босніи и Герцеговины, Черногоріи и Греціи. «Австрійскимъ культуртрегерамъ на Балканскомъ полуостровѣ, снабженнымъ масляничными вѣтвями отъ конгресса, пришлось—говорить г. Матвѣевъ—вступить въ Боснію и Герцеговину не съ этими эмблемами мира, а со штыками въ рукахъ. Невѣжественные герцеговинцы и босняки слышать не хотѣли о благодѣяніяхъ нѣмецкой культуры, которую несла съ собой австрійская оккупация, вслѣдствіе чего приходилось во имя прогресса и цивилизаціи брать съ боя чуть-ли ни каждую деревню. Мѣстное населеніе смотрѣло на *шабовъ*, посланныхъ къ нимъ конгрессомъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ. Но народное сопротивленіе было сломлено, хотя послѣ упорной борьбы и немалаго напряженія силъ. Австро-венгерскія войска, въ составѣ нѣсколькихъ корпусовъ, предводимыя генераломъ Филипповичемъ, наконецъ, одолѣли и разсѣяли какъ войска албанской лиги, такъ четы герцеговинцевъ и босняковъ. Сераево было занято австрійцами, и вся оккупированная область покрылась, какъ щетиною, австрійскими блокгаузами». **) Одновременно съ тѣми затрудненіями, при которыхъ приходилось

*) Правительствонное сообщеніе. Прав. Вѣст. 27 іюля (6) августа 1878 года № 167.

**) Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса, стр. 6.

окупируютъ Боснію и Герцеговину, не меньшія затрудненія встрѣтились при осуществленіи постановленій Берлинскаго трактата относительно Черногоріи. Великія европейскія державы, постановившія на Берлинскомъ конгрессѣ передачу Черногоріи Гусиньи и Плавы, не могли осуществить этого постановленія, такъ какъ население вмѣстѣ съ албанцами возстало противъ присоединенія къ Черногоріи. Въ виду этого великимъ державамъ въ 1880 году пришлось замѣнить уступку Гусиньи и Плавы обмѣномъ ихъ на часть области Земской и Вермосской съ портомъ Дульциньо, причемъ, вслѣдствіе сопротивленія турецкаго правительства такому рѣшенію державъ, ихъ военныя суда блокировали портъ Дульциньо съ цѣлью принудить Порту уступить его Черногоріи.

Не мало трудовъ пришлось положить великимъ державамъ и для улаженія греко-турецкаго столкновенія. Какъ извѣстно, Греція, объявившая войну султану уже по заключеніи перемирія между Россіей и Портой, ничего не получила отъ конгресса, если не считать постановленія его относительно острова Крита, въ которомъ турецкое правительство обязывалось добросовѣстно примѣнить органической статутъ 1868 г., съ нѣкоторыми въ немъ измѣненіями. Вслѣдствіе этого греки стали настойчиво домогаться Эпира, Фессалии и части Македоніи и тѣмъ вынудили великія державы, во исполненіе 24 ст. Берлинскаго трактата, предложить Греціи и Портѣ свое посредничество для облегченія переговоровъ и устраненія вооруженнаго столкновенія. Предложеніе это было принято обѣими сторонами, и лѣтомъ 1880 года въ Берлиѣ была созвана конференція, которая провела новую, для Греціи весьма выгодную границу; но Порта отвергла ее и съ своей стороны, послѣ долгихъ переговоровъ, предложила для обсужденія этого вопроса созвать новую конференцію въ Константинополѣ. Конференція эта открыла свои засѣданія въ концѣ марта 1881 года и разрѣшила греко-турецкій конфликтъ въ смыслѣ предоставленія Греціи Фессалии, каковое рѣшеніе и было принято обѣими заинтересованными сторонами.

Какъ ни важно было улаженіе всѣхъ этихъ вопросовъ, бывшихъ неизбежнымъ слѣдствіемъ крупныхъ ошибокъ Берлинскаго конгресса, тѣмъ не менѣе главное вниманіе русской дипломатіи по окончаніи турецкой войны должно было быть обращено на вопросъ объ организаціи и направленіи по пути мирнаго развитія и процвѣтанія

новаго Болгарскаго княжества и Восточной Румелии, дальнѣйшая судьба которыхъ для Россіи представляла самый живой интересъ. Исторія окончательнаго устройства Болгаріи и Восточной Румелии въ немногихъ словахъ заключалась въ слѣдующемъ. Согласно 18ой статьѣ Берлинскаго трактата, султанъ 14 (26) апрѣля 1879 года утвердилъ фирманомъ органическій статутъ Восточной Румелии, составленный европейскою международною комиссіей, а затѣмъ, по соглашенію съ великими державами, назначилъ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ этой автономной области угоднаго Россіи православнаго князя Богариди, извѣстнаго подъ именемъ Алеко-паши. Немного ранѣе этого была совершена и новая организація Болгарскаго княжества. 10 (22) февраля 1879 года нашъ императорскій комиссаръ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, согласно 4ой ст. Берлинскаго трактата созвалъ первое собраніе болгарскихъ именитыхъ людей въ Тырновѣ, древней столицѣ Болгарскаго царства, для обсужденія и принятія органическаго устава княжества, выработаннаго въ Петербургѣ особою комиссіею, по которому въ Болгаріи вводилась наследственная конституціонная монархія съ народнымъ представительствомъ. По разсмотрѣніи и утвержденіи статута съ нѣкоторыми существенными измѣненіями въ немъ, въ смыслѣ расширенія правъ народнаго представительства и ограниченія власти князя, второе великое народное собраніе, созданное 17 (29) апрѣля того же года, приступило къ избранію князя, которымъ, по желанію и указанію императора Александра II, былъ избранъ принцъ Александръ Баттенбергъ, его племянникъ отъ морганатическаго брака принца Александра Гессенскаго съ дѣвицей Гауке, фрейлиной императрицы Маріи Александровны. Избраніе это, надо замѣтить, произведено было съ нѣкоторымъ нарушеніемъ 3-й ст. Берлинскаго трактата. По статьѣ этой выборъ князя Болгаріи предоставлялся всецѣло на усмотрѣніе ея населенія, безъ всякаго въ этомъ отношеніи вліянія великихъ державъ, въ какой бы формѣ оно ни было проявлено, въ формѣ-ли рекомендаціи, или въ формѣ выраженія извѣстнаго желанія. Между тѣмъ, угождая европейской дипломатіи, приходившей въ ужасъ отъ одной мысли видѣть княземъ Болгаріи правителя славянской крови, «Россія рѣшительно устранила не только русскихъ кандидатовъ, о которыхъ мечтали болгары (Дондукова-Корсакова и Н. П. Игнатъева), но и Божидара Петровича,

избраніе котораго не нравилось европейской дипломатіи, опасавшейся, что этотъ воинственный и даровитый черногорецъ, сдѣлавшись княземъ Болгаріи, будетъ держаться чисто народной политики и высоко подниметь на Балканскомъ полуостровѣ знамя славянской идеи и историческіе интересы славянской расы». *) Въ результатѣ такого образа дѣйствій Россіи было стѣсненіе болгаръ въ свободѣ избранія князя и выборъ ими такого лица, котораго они, быть-можетъ, совсѣмъ не желали. Ссылаясь на книгу Драндара, г. Матвѣевъ говоритъ, что «еслибы депутатамъ собранія была предоставлена полная свобода выбора князя, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княземъ болгарскимъ былъ бы избранъ Дондуковъ-Корсаковъ». **) Въ заключеніе этого краткаго очерка первоначальнаго устройства Болгарскаго княжества слѣдуетъ упомянуть, что по желанію болгаръ ихъ «армія не только сохранила свою органическую связь съ матерью своею—русскою арміею, но стала какъ бы составною ея частью, принявъ въ свои ряды многочисленныхъ русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и признавъ надъ собою власть военнаго министра, генерала русской службы, назначаемаго государемъ императоромъ». ***)

По избраніи на болгарскій престолъ, молодой князь принесъ въ Тырновѣ присягу на вѣрность конституціи и назначилъ своею столицею городъ Софію, въ пользу которой говорили военныя и политическія соображенія. Городъ этотъ представлялъ собою «весьма удобный сторожевой постъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ сосѣдней Македоніи, на которую неизбѣжно обращались взоры болгарской политики въ будущемъ, и которая, какъ-то было ясно уже тогда, становилась яблокомъ раздора между Болгаріей и соперничающей съ ней Сербіей». Поэтому «Софія, какъ столица княжества, служила выраженіемъ твердой рѣшимости болгарскаго правительства преградить стремленіе сербовъ къ расширенію территоріи въ этомъ направленіи». Кромѣ того, избраніе Софіи центромъ управленія и резиденціею князя показывало, что болгарское правительство будетъ слѣдовать политикѣ соединенія и считаетъ Восточную Румелию неотъемлемой частью княжества. «Имя столицей Софію, Болгар-

*) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 76.

**) Назв. соч., стр. 63.

***) Татищевъ. Изъ прошлаго русекой дипломатіи. Спб. 1890 г., стр. 363.

ское княжество всегда было наготовѣ перешагнуть черезъ постановленіе Берлинскаго конгресса, отколовшаго южную Болгарію отъ сѣверной». *)

Эти политическія тенденціи, побудившія князя Александра избрать своею резиденціею Софію, вполне соответствовали истиннымъ желаніямъ болгарскаго народа, оставшагося крайне недовольнымъ постановленіями Берлинскаго конгресса и подъ вліяніемъ національныхъ стремленій времени стремившагося видѣть исторически-цѣлкупную Болгарію, Болгарію Санъ-Стефанскаго договора. Поэтому тенденціи эти были положены княземъ и въ основу его внѣшней политики, цѣлью которой ставилось объединеніе раздробленной на части Болгаріи. Но, само собою разумѣется, прежде чѣмъ замыслить переворотъ, который повелъ бы къ достиженію указанной цѣли, болгарскому правительству надлежало позаботиться объ упроченіи мирной жизни и о развитіи вѣрренной ему страны, тѣмъ болѣе, что задача эта была далеко не легкая.

Ставъ во главѣ Болгаріи и не имѣя ничего общаго со страной, которая надѣлена была самою свободною и демократическою изъ всѣхъ конституцій въ Европѣ, Александръ Баттенбергъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ сдѣлаться игролищемъ различныхъ интригъ и борьбы двухъ политическихъ партій—либераловъ и консерваторовъ,—или играть ими. Такое положеніе дѣла, созданное конституціей, ежеминутно грозило рѣзкимъ столкновеніемъ между княземъ и народнымъ собраніемъ, неизбежность котораго заранѣе предвидѣли европейскіе кабинеты, ближе насъ знакомые съ конституціоннымъ режимомъ и въ свое время совершенно основательно высказывавшіе мысль, что молодой властолюбивый князь едва-ли будетъ въ силахъ ужиться съ дырновской конституціей, противопоставившей ему одну палату въ чисто демократическомъ духѣ народнаго суверенитета.

При образованіи перваго министерства сочувствіе князя Александра было на сторонѣ консерваторовъ, сравнительно немногочисленной партіи, которая во внутренней политикѣ стремилась къ ограниченію правъ народнаго представительства и къ усиленію власти князя, а во внѣшней политикѣ—къ сближенію съ западными дер-

*) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 68.

жавами. «Стремленія эти — говоритъ г. Татищевъ — отвѣчали не только интересамъ князя, но и его личнымъ наклонностямъ. Нѣмецъ по рожденію и воспитанію, протестантъ по вѣрѣ, онъ не могъ увлечься идеєю болгарской самостоятельности, исповѣдуемой народниками, и видѣлъ въ нихъ лишь опасную помѣху къ осуществленію своихъ властолюбивыхъ замысловъ.» *) Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ составъ перваго министерства вошли исключительно одни консерваторы. Составленный такимъ образомъ кабинетъ пользовался содѣйствіемъ и поддержкою дипломатическихъ агентовъ не только западныхъ державъ, но и Россіи, представителемъ которой былъ въ Софіи г. Давыдовъ, полагавшій, что главная задача наша въ княжествѣ заключается «въ поддержаніи монархическаго и охранительнаго начала» и что консерваторы одни способны установить въ странѣ прочный порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, а во внѣшнихъ — удержать ее отъ увлеченій въ смыслѣ стремленія къ возстановленію «цѣлокупной Болгаріи»**). Только русскіе дѣятели: полковникъ Шепелевъ, состоявшій при особѣ князя въ качествѣ довѣреннаго совѣтника, и генераль Паренсовъ, военный министръ, бывшій самъ членомъ кабинета, неодобрительно относились къ тому сочувствію, которое оказывалъ князь партіи консерваторовъ, ибо они предвидѣли, что дѣйствія этой партіи направлены къ ослабленію русскаго вліянія въ Болгаріи.***)

Консервативное министерство просуществовало, однако, недолго. Оно не нашло себѣ поддержки въ народномъ собраніи и уже въ апрѣлѣ 1880 года вынуждено было уступить мѣсто министерству, составленному изъ лицъ, принадлежавшихъ къ либеральной партіи, партіи народниковъ, которая представляла собою подавляющее большинство собранія и желала дать вполне самостоятельное направление какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ княжества, памятуя, что будущность Болгаріи зависить отъ державы-освободительницы. Ко времени образованія этого министерства г. Давыдовъ былъ уже отозванъ изъ Софіи, а на его мѣсто назначенъ Кумани, который, разгадавъ политическія намѣренія консерваторовъ, враждебныя интересамъ Россіи, вопреки взглядамъ своего предшественника, счелъ дол-

*) Изъ прошлаго русской дипломатіи, стр. 366.

**) Назв. соч., стр. 367.

***) Назв. соч., стр. 366.

гомъ стать на сторону народниковъ. Но къ несчастію, перемѣна взглядовъ у русскаго дипломатическаго агента не возстановила согласія между мѣстными русскими дѣятелями въ воззрѣніяхъ ихъ на положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Полковникъ Шепелевъ, по просьбѣ князя, былъ отозванъ изъ Софіи, а генералъ Паренсовъ—замѣненъ генераломъ Эрнротомъ, который былъ сторонникомъ консервативной партіи, находя, что она не болѣе враждебна къ Россіи, чѣмъ партія либеральная и что конституціонный образъ правленія, установленный тырновскими законодателями, мало пригоденъ для Болгаріи *).

Торжество либеральной партіи надъ консервативной, разумѣется, не согласовалось съ желаніями и стремленіями князя Александра, но тѣмъ не менѣе онъ вынужденъ былъ призвать народниковъ къ управленію страной, ибо пока дѣло созданія тырновской конституціи было еще слишкомъ свѣжо и пока Россія зорко слѣдила за успѣхами политическаго развитія своего дѣтища, не могло быть и рѣчи объ устраниеніи народнаго элемента отъ участія въ управленіи, не могло быть и рѣчи о какомъ либо отступленіи отъ тырновской конституціи. Когда князь Александръ, въ февралѣ 1880 г., во время своего пребыванія въ Петербургѣ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея императора Александра II, воспользовался возможностью личныхъ и устныхъ объясненій съ нимъ и завелъ разговоръ о затруднительности управленія страной при дѣйствіи тырновской конституціи, то получивъ въ отвѣтъ отъ своего августѣйшаго дяди совѣтъ подождать болѣе продолжительнаго указанія опыта, такъ какъ всякое радикальное измѣненіе конституціи представляется неудобнымъ въ виду того, что можетъ взволновать умы и породить убѣжденіе въ шаткости политическаго положенія княжества **).

Князь Александръ подчинился совѣтамъ императора и съ чувствомъ недовольства своимъ положеніемъ снова возвратился въ Болгарію, чтобы считаться съ тѣми ограниченіями княжеской власти, которыя полагала тырновская конституція, и ждать болѣе удобнаго времени для кореннаго измѣненія тягостнаго для него порядка вещей. Событія 1-го марта 1881 года, внезапно лишившія Россію и Болгарію Царя-Освободителя, дали поводъ болгарскому князю сно-

*) Письма генерала Эрнрота генералу Соболеву отъ 15 (27) сентября и редактору „Русской Старины“ отъ 17 (29) сентября 1886 г. (Рус. Стар. 1886 г. № 11 стр. 475.

**) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 92.

ва подумать объ усиленіи собственной власти въ ущербъ правамъ народнаго представительства, такъ какъ наступившія обстоятельства, казалось, вполне благоприятствовали осуществленію этихъ замысловъ: око, зорко слѣдившее за судьбой только что призваннаго къ жизни народа, навѣки угасло, а Россія была поставлена въ необходимость заняться исключительно дѣлами внутренней политики. Отдѣливъ съ этой точки зрѣнія печальное событіе 1-го марта, князь Александръ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ для отдаванія посажденнаго долга памяти царственнаго освободителя Болгаріи, опять подвизалъ вопросъ о невозможности порядка вещей, созданнаго въ княжествѣ тырновской конституціей, рисуя мрачныя краски управленію болгарскаго либеральнаго министерства. Но болгарскому князю и на этотъ разъ не удалось добиться согласія Россіи на измѣненія этой конституціи. Тогда — говорить г. Матвѣевъ — было лишь условлено «отсрочить окончательное обсужденіе этого предмета до болѣе благоприятнаго времени и во всякомъ случаѣ до пріѣзда на мѣсто новаго дипломатическаго агента. М. А. Хитрово, назначеннаго на мѣсто А. М. Кумани, которымъ князь Александръ былъ недоволенъ, обвиняя его въ слишкомъ дружескихъ отношеніяхъ къ Каравеловскому (либеральному) кабинету» *).

Но князь Александръ, возвратясь въ свою столицу, рѣшилъ, что ему слѣдуетъ поступить не такъ, какъ учили въ Петербургѣ. На его взглядъ казалось болѣе полезнымъ для страны какъ можно скорѣе покончить съ существующимъ въ ней порядкомъ управленія. Въ силу этого убѣжденія, сложившагося не безъ вліянія наущеній, шедшихъ съ запада, 27 апрѣля 1881 года онъ произвелъ государственный переворотъ, имѣвшій цѣлью приостановленіе дѣйствія конституціи и присвоеніе чрезвычайныхъ полномочій на семилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго основной законъ страны имѣлъ быть пересмотрѣнъ и измѣненъ въ смыслѣ усиленія власти князя на счетъ правъ народнаго представительства. Обратившись къ народу съ прокламаціей, въ которой возвышалось ему, что настоящее положеніе дѣлъ въ княжествѣ лишаетъ князя возможности исполнить, свое призваніе, Александръ Баттенбергъ сообщилъ своимъ поданнымъ, что онъ рѣшился созвать въ наикратчайшій срокъ народное собраніе, верховный органъ власти страны, и возвратить ему

*) Назв. соч., стр. 136.

вмѣстѣ съ короной управленіе судьбами болгарскаго народа, что для поддержанія порядка и обезпеченія свободы выборовъ, онъ, поручилъ военному министру генералу Эрпроту составить новый кабинетъ, который будетъ имѣть чисто временный характеръ, управляя страной лишь до постановленія рѣшенія имѣющимъ собраться великимъ народнымъ собраніемъ, и что если это собраніе одобритъ условія, признаваемые княземъ за необходимыя для управленія страной, отсутствіе которыхъ составляетъ коренной недостатокъ существующаго положенія вещей, то въ этомъ случаѣ князь согласится удержать за собой болгарскую корону и нести лежащую на немъ тяжелую отвѣтственность передъ Богомъ и потомствомъ; въ противномъ же случаѣ, онъ отказывается отъ княжескаго престола, хотя и съ сожалѣніемъ, но сознавая по совѣсти, что до конца исполнилъ свой долгъ *). Черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія этой прокламаціи, князь Александръ выставилъ необходимыя для управленія княжествомъ условія, которыя заключали въ себѣ слѣдующія требованія: 1) предоставленіе князю на семилѣтній срокъ неограниченныхъ полномочій на управленіе страной, въ силу которыхъ онъ могъ бы создавать новыя учрежденія, улучшать и преобразовывать всѣ отрасли внутренней администраціи, въ видахъ установленія болѣе правильнаго хода управленія; 2) отміну созыва обыкновеннаго очереднаго народнаго собранія въ этомъ году, съ правомъ продолжить дѣйствіе бюджета, вотированнаго для текущаго года, и на слѣдующій годъ; 3) предоставленіе князю права, по истеченіи семилѣтняго срока, созвать великое народное собраніе, для пересмотра конститудіи, согласно указаніямъ опыта, на основаніи практики новыхъ учрежденій, которыя будутъ введены въ это время.

Въ письмѣ на имя генерала Эрпрота, (къ которому прилагались эти три пункта) князь заявлялъ, что «считаетъ необходимымъ прежде всего учрежденіе государственнаго совѣта, объясняя, что въ составъ этого совѣта войдутъ исключительно лица болгарскаго происхожденія». Кроме того, онъ выражалъ «желаніе, чтобы предстоящій разрѣшенію великаго народнаго собранія вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ, чтобы собраніе избрало одно изъ двухъ, т. е. приняло три пункта княжескихъ требованій, или его отреченіе отъ престола **).

*) Полный текстъ этой прокламаціи отъ 27 апрѣля 1881 года см. у Матѣева, назв. соч. стр. 138—139.

**) Назв. соч., стр. 140.

Нарушая торжественно данную присягу свято и неуклонно соблюдать тырновскую конституцію требованіемъ отмѣны этой конституціи и предоставленія неограниченныхъ полномочій на семь лѣтъ подъ угрозою отреченія отъ престола вмѣсто того, чтобы прямо сложить съ себя власть и удалиться изъ Болгаріи вслѣдствіе невозможности управлять страной при существующихъ въ ней порядкахъ, князь Александръ, несомнѣнно, ронялъ себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія и подавалъ поводъ предполагать, что онъ пойдетъ и далѣе по избранному имъ скользкому пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ поступкомъ онъ ставилъ въ крайне затруднительное положеніе русское правительство, которому, съ одной стороны, въ виду неблаговидности поступка князя, указаннаго Болгаріи Россіей, а съ другой—вслѣдствія опасенія какихъ-либо замѣшательствъ на Востокѣ, приходилось серьезно подумать о томъ, которое изъ двухъ золъ будетъ меньше: лучше-ли стать на сторону Баттенберга и такимъ образомъ удалить лишній предлогъ для недоразумѣній по поводу болгарскихъ дѣлъ, или удалить князя Александра и этимъ осложнить послѣдствія его смѣлаго шага.

При рѣшеніи этого сложнаго вопроса боязнь смуть на Балканскомъ полуостровѣ взяла перевѣсъ, и Россія выступила съ поддержкой князю, не взирая на то, что это было одинаково вредно, какъ для ея собственныхъ интересовъ, такъ и для интересовъ болгарскаго народа. Нашъ дипломатическій агентъ, Хитрово, вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ княжества ноту, въ которой было сказано, что «императорскій кабинетъ соблюдалъ сдержанность въ болгарскомъ вопросѣ изъ уваженія къ независимости князя и націи. Эта сдержанность была эксплуатирована агитаторами въ смыслѣ порицанія, а потому онъ долгомъ считаетъ установить, что избранный и Европою утвержденный князь есть залогъ настоящаго благополучія Болгаріи. Императорскій кабинетъ питаетъ довѣріе къ его чувствамъ, къ желанію его исполнить миссію, торжественно на себя принятую. Если князь объявилъ, что не находитъ возможнымъ нести отвѣтственность за положеніе, грозящее опасностью будущему страны, и воззвалъ къ націи, то онъ, конечно, повиновался голосу своей совѣсти, съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя благополучію Болгаріи. Императорскій кабинетъ желаетъ, чтобы болгарскій народъ поддержалъ свою неразрывную связь съ княземъ и отверг-

нулъ увлеченія опасныхъ агитаторовъ, ищущихъ возмутить это согласіе *)).

Вслѣдствіе поддержки Россіи и различныхъ избирательныхъ маневровъ, князь Александръ одержалъ побѣду надъ тырновской конституціей и ея сторонниками-либералами. Систовское народное собраніе, открытое 1 (13) іюля 1881 года самимъ княземъ, выразило свое полное согласіе на всѣ три пункта его требованій. Съ своей стороны, Баттенбергъ, закрывая собраніе, горячо благодарилъ депутатовъ за ихъ довѣріе къ его намѣреніямъ, а въ манифестѣ къ болгарскому народу, изданному въ этотъ день, начерталъ широкую программу, которой онъ желалъ держаться, вновь оставаясь во главѣ Болгаріи. Манифестъ заявлялъ, что князь будетъ уважать свободу и народныя права, что онъ домогался полученныхъ имъ теперь полномочій ради интересовъ страны, которая страдала отъ неурядицъ и произвола, тяготѣвшихъ надъ болгарскимъ народомъ; что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ будетъ согласоваться съ мнѣніемъ народнаго представительства, которому предоставится рѣшающій голосъ въ дѣлѣ обсужденія бюджета и опредѣленія подлежащихъ взиманію налоговъ. Давая эти обѣщанія, князь вмѣстѣ съ тѣмъ призывалъ болгарскій народъ къ общей дружной работѣ на пользу великаго дѣла народнаго возрожденія, чтобы оправдать любовь русскаго императора и народа къ ихъ болгарскимъ братьямъ, свобода которыхъ куплена Россіей цѣною столь великихъ державъ **).

На первыхъ порахъ послѣ своей побѣды, князь приступилъ къ учрежденію государственнаго совѣта. Но это учрежденіе не приобрѣло авторитета и значенія въ глазахъ болгаръ; оно неспособно было ни къ серьезной политической, ни къ законодательной роли, такъ какъ не было людей, специально подготовленныхъ къ обязанностямъ членовъ совѣта, и такимъ образомъ первая попытка перереорганизации болгарскаго управленія оказалась неудачной и не принесла странѣ тѣхъ благъ, за которыя такъ усердно ратовалъ виновникъ апрѣльскаго переворота. Но если отъ этого переворота не выиграла страна, то имъ были удовлетворены властолюбивыя стрем-

*) Нота русскаго дипломатическаго агентства въ Софіи, напечатанная въ „Державномъ Вѣстникѣ“ княжества отъ 31 мая (11 іюня) 1881 года.

***) Матѣевъ, назв. соч., стр. 153.

ленія князя Александра и политическія стремленія партіи консерваторовъ, представители которой: Начевичъ, Грековъ и Стоиловъ уже въ 1882 году вошли въ составъ новаго кабинета и усердно начали проявлять свое вліаніе на внутреннюю и внѣшнюю политику княжества. Привлеченіе руководителей консервативнаго кружка къ власти немедленно отразилось на отношеніяхъ князя Александра къ русскимъ дѣятелямъ: дипломатическому агенту, военному министру, — русскому генералу Крылову, — и офицерамъ. «Подъ предлогомъ обвиненій въ притѣсненіи жителей, князь позволилъ себѣ уволить отъ службы разомъ всѣхъ русскихъ офицеровъ Шумлянскаго коннаго полка. Вслѣдъ за тѣмъ онъ собственною властью отрѣшилъ отъ должности генерала Крылова и поручилъ завѣдываніе военнымъ министерствомъ Лѣсовому». Не менѣе рѣзкій, крутой оборотъ приняла и внѣшняя политика князя. «Въ дѣлахъ внѣшней политики и въ частности въ желѣзнодорожномъ вопросѣ, онъ сталъ видимо склоняться въ пользу Австріи. Обращеніе его съ г. Хитрово становилось все болѣе и болѣе холоднымъ и скоро перешло въ открытую вражду. Наоборотъ, австрійскій агентъ являлся на глазахъ у всѣхъ ближайшимъ и довѣреннымъ совѣтникомъ князя». *)

Пользуясь въ широкихъ размѣрахъ неограниченными полномочіями, вмѣстѣ съ вожаками консервативной партіи, князь Александръ, однако, въ скоромъ же времени увидѣлъ, что неудовольствіе народа и его вожаковъ — представителей либеральной партіи — возрастало съ поразительною силою, и что отсюда съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалась опасность, угрожавшая существующему порядку въ странѣ, тѣмъ болѣе, что народники стали искать сближенія съ русскимъ дипломатическимъ агентомъ. Чтобы упрочить свое личное положеніе въ Болгаріи и удержать за собой только что приобрѣтенную неограниченную власть, княземъ рѣшено было снова воспользоваться содѣйствіемъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ обратился къ императору Александру III съ письмомъ, въ которомъ было выражено желаніе имѣть министровъ, внутреннихъ дѣлъ и военнаго, изъ русскихъ генераловъ, и въ то же время заявлена просьба объ отозваніи изъ Софіи г. Хитрово, который обвинялся въ возбужденіи умовъ болгарскаго народа. Письмо это въ февралѣ

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 375—376.

1882 года повезъ въ Петербургъ штабсъ - капитанъ Ползиковъ, адъютантъ и любимецъ князя. Но просьба Александра болгарскаго была встрѣчена государемъ довольно холодно. Надежда на то, что послѣ совершеннаго переворота князь спокойно займется внутренними дѣлами, не оправдалась, и теперь естественно было предполагать, что происходившія смуты въ странѣ зависать не отъ чего иного, какъ отъ самого князя, въ поведеніи котораго начала ясно обнаруживаться какая-то двойственность.

На свое письмо князь Александръ не получилъ отвѣта, а между тѣмъ г-ну Хитрово данъ былъ отпускъ въ Россію. Въ виду этого князь счелъ необходимымъ явиться въ Петербургъ и лично уладить дѣло. Въ апрѣлѣ 1882 года онъ поѣхалъ въ Россію, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Хитрово былъ отозванъ изъ Софіи, а два русскихъ генерала, Каульбарсъ и Соболевъ, по выбору самого князя, были командированы въ Болгарію, причемъ имъ было внушено принять всѣ зависящія мѣры къ восстановленію поколебленной власти князя. Все это дало Александру Баттенбергу право надѣяться, что послѣ своей удачной поѣздки въ Россію онъ возвратится въ Болгарію какъ бы единственнымъ полномочнымъ выразителемъ воли и намѣреній русскаго царя. Поэтому онъ отправилъ изъ Петербурга на имя управляющаго военнымъ министерствомъ, генерала Лѣсового, предписаніе оповѣстить служащихъ въ Болгаріи русскихъ офицеровъ, что отнынѣ они обязаны повиновеніемъ одному князю и приказанія его должны исполнять, какъ повелѣнія государя императора. *)

Привлеченіе къ управленію страной новыхъ русскихъ генераловъ не принесло, однако, пользы князю Александру. Онъ хотѣлъ обратить своихъ новыхъ министровъ въ слѣпое и безмолвное орудіе личной, своекорыстной политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, но генералы, желая быть выразителями материнской заботливости Россіи о благосостояніи Болгаріи, не захотѣли играть той недостойной ихъ роли, которую навязывалъ имъ Баттенбергъ. Поэтому съ первыхъ же вопросовъ, подлежащихъ общему обсужденію, **) обна-

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 377.

**) Къ такимъ вопросамъ принадлежали: образованіе акціонернаго общества для возведенія казенныхъ построекъ, во главѣ котораго стояли вожаки консерваторовъ, рассчитывавшіе на щедрую правительственную субсидію; а также джукъ Варно-

ружилось полное разногласіе между русскими генералами, съ одной стороны, княземъ и болгарскими министрами—съ другой, приведшее въ скоромъ времени къ окончательному разрыву между ними по поводу наглой выходки министра исповѣданій Стоилова, который вопреки приказанію министра-президента Соболева, отрѣшивъ софійскаго митрополита Мелетія отъ управленія епархіею, заточилъ его въ Рыльскомъ монастырѣ. По требованію Соболева. 3 (15) марта 1883 года, Стоиловъ подалъ въ отставку, а за нимъ, къ общей радости всего болгарскаго народа, вышли изъ кабинета Грековъ и Начевичъ.

Удаленные отъ власти члены триумвирата совѣтовали князю, во избѣжаніе дальнѣйшаго противодѣйствія его желаніямъ со стороны русскихъ генераловъ, созвать народное собраніе и вызвать столкновение между нимъ и генералами, или убѣдить русское правительство въ необходимости отозвать ихъ изъ Болгаріи *). Но первое средство едва ли могло быть дѣйствительнымъ въ виду той повсемѣстной радости, которую вызвало въ Болгаріи удаленіе Начевича, Грекова и Стоилова. Что же касается до второго способа раздѣлаться съ Соболевымъ и Каульбарсомъ, то князь Александръ не считалъ удобнымъ немедленно ходатайствовать объ удаленіи такъ недавно приглашенныхъ имъ изъ Россіи министровъ, боясь навлечь на себя немилость русскаго двора, такъ какъ «въ Петербургѣ, передъ назначеніемъ Соболева и Каульбарса. князю дали понять, что частыя перемѣны лицъ, командруемыхъ Россіей въ Болгарію, наконецъ вызвали неудовольствіе. Ему объяснили, что русскіе генералы, посланные въ Болгарію, не могутъ служить игрушкой личныхъ капризовъ и случайныхъ вліяній и обстоятельствъ. Ссылаясь на прежде бывшіе опыты, русский кабинетъ долго отказывалъ князю въ командированіи вновь русскихъ министровъ въ Болгарію, о чемъ онъ настойчиво просилъ. Его ходатайство было уважено только подъ условіемъ торжественнаго обѣщанія обезпечить болѣе прочное положеніе Соболеву и Каульбарсу».**)

Рущукской желѣзной дороги на обременительныхъ для болгарской казны условіяхъ. Во всѣхъ этихъ и другихъ сомнительныхъ спекуляціяхъ замѣшаны были не только вожаки консервативной партіи, но и самъ князь Александръ.

*) Записка триумвировъ, напечатанная въ Русской Старинѣ за 1886 г. № 9, стр. 724 и слѣд.

**) Маташевъ, назв. соч., стр. 172.

Возбужденіе вопроса объ отозваніи русскихъ генераловъ въ виду всего этого отложено было до мая мѣсяца, когда предстояло Баттенбергу явиться въ Москву на торжество священнаго коронованія государя императора. Въ этотъ прїѣздъ свой въ Россію князь Александръ обратился къ русскому правительству съ цѣлою серіею просьбъ. Онъ просилъ земли въ одной изъ нашихъ восточныхъ губерній, денегъ на свадьбу, такъ какъ мечталъ о женитьбѣ на одной изъ черногорскихъ княженъ, просилъ андреевскую ленту, которая, по его словамъ, была ему необходима для усиленія собственнаго авторитета въ глазахъ болгаръ и русскихъ, проживающихъ въ Болгаріи, *) и, наконецъ, просилъ объ отозваніи Соболева и Каульбарса въ виду того, что будто-бы оба они «надменнымъ поведеніемъ раздражали національное самолюбіе болгаръ всѣхъ партій и что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ странѣ грозитъ подорвать сочувствіе и признательность Россіи болгарскаго народа». **) Но всѣ эти просьбы не были уважены. Въ землѣ князю отказали, вмѣсто андреевской ленты ему дали орденъ Св. Владиміра 1-ой степени, миллионъ рублей на свадьбу государь обѣщалъ дать ему, когда онъ женится. Что же касается до отозванія изъ Болгаріи русскихъ генераловъ, то оно было признано преждевременнымъ; въ виду же крайне натянутыхъ отношеній между русскими министрами и княземъ, по просьбѣ послѣдняго, рѣшено было прислать и приставить къ нему авторитетнаго и опытнаго посредника. Такимъ посредникомъ съ чрезвычайными полномочіями отправленъ былъ въ Софію г. Іонинъ, которому ввѣрялось временное управленіе русскимъ генеральнымъ консульствомъ. Изъ всего этого князь Александръ долженъ былъ замѣтить, что онъ потерялъ довѣріе къ себѣ страны, отъ которой получилъ болгарскій престолъ и корону. Но получивъ отказъ на цѣлый рядъ требованій, отличавшихся подчасъ довольно страннымъ характеромъ, болгарскій князь не думалъ о возвратѣ и поискахъ утраченнаго. Онъ до глубины души былъ взволнованъ своей неудачей, чувствуя себя оскорбленнымъ дѣйствіями русскаго правительства, и «если можно было сомнѣваться въ томъ, — говорить Катковъ — былъ-ли когда-нибудь князь Александръ искреннимъ

*) Матѣевъ, назв. соч., стр. 181.

**) Татищевъ, назв. соч., стр. 384.

другомъ Россіи и, что то же, Болгаріи, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ выѣхалъ въ 1883 году изъ Россіи ея искреннимъ врагомъ».*)

Со времени этой поѣздки болгарскаго князя въ Россію между русскимъ и болгарскимъ правительствомъ стала рѣзко обнаруживаться холодность и натаянность отношеній. Вина въ этомъ лежала, конечно, не на болгарскомъ народѣ и не на его русскихъ братьяхъ, которые еще такъ недавно показали искреннее расположеніе и горячую любовь къ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, проливая за нихъ свою кровь. Вина въ томъ падала на болгарскаго князя, который изъ своихъ эгоистическихъ личныхъ видовъ старался сбросить съ себя русскую опеку, и частію на императорское русское правительство, несомнѣнно, видѣвшее то странное поведеніе правителя Болгаріи, которое онъ проявлялъ на каждомъ шагѣ, но, тѣмъ не менѣе, серьезно не подумавшее объ истинныхъ интересахъ Болгарскаго княжества и о положеніи своего авторитета въ немъ. Для Россіи было неудобно, «чтобы одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ ея вліянія на Востокѣ находился во власти лица озлобленнаго, раздраженнаго и готоваго стать орудіемъ всякаго враждебнаго ей дѣла»; поэтому, если не было возможности доладить къ княземъ Александромъ, до извѣстной степени заинтересовать его выгодами русской дружбы и овладѣть имъ такъ, чтобы онъ волей или неволей служилъ русской идеѣ на Востокѣ», то слѣдовало «употребить рѣшительныя мѣры, чтобы освободить отъ него Болгарію»; «но показать человѣку полное недовѣріе и оставить его при дѣлахъ, требующихъ довѣрія, это — по справедливому замѣчанію Каткова—было неясно». **)

Раздраженный поведеніемъ русскаго правительства, князь Александръ отправился изъ Москвы въ Берлинъ и Вѣну, гдѣ во всеуслышаніе жаловался на невыносимость и тяжесть опеки Россіи надъ Болгарскимъ княжествомъ, а затѣмъ, въ началѣ августа, приѣхалъ въ Софію бороться противъ «диктатуры» русскихъ министровъ. Къ 20 августа 1883 года прибылъ въ Софію и г. Юнинъ, уполномоченное отъ Россіи лицо для прекращенія царившихъ въ Болгаріи

*) Московскія Вѣдомости за 1885 г. № 252.

***) Московскія Вѣдомости 1885 г. № 252.

неурядиць. Въ виду окончательнаго разлада между русскими министрами и княземъ онъ потребовалъ отъ послѣдняго аудиенціи и въ категорической формѣ предъявилъ ему отъ имени русскаго правительства слѣдующія условія: 1) переименованіе предстоявшаго народнаго собранія въ чрезвычайное; 2) объявленіе манифестомъ, который долженъ появиться въ официальномъ органѣ, что князь отрекается отъ своихъ полномочій; 3) назначеніе особой комиссіи для пересмотра конституціи и 4) оставленіе генераловъ Соболева и Каульбарса на занимаемыхъ ими министерскихъ постахъ впредь до разсмотрѣнія и утвержденія народнымъ собраніемъ предстоящихъ измѣненій въ болгарской конституціи, *) въ смыслѣ обезпеченія надлежащаго простора для власти князя и огражденія правъ народнаго представительства, согласно политической программѣ, выработанной генераломъ Соболевымъ и удостоившейся высочайшаго одобренія.

Послѣдствіемъ рѣшительнаго вмѣшательства нашего дипломатическаго агента въ болгарскія дѣла было то, что князь Александръ 30 августа (11 сентября) издалъ воззваніе къ народу, которымъ объявлялъ о назначеніи комиссіи «изъ лучшихъ и почтеннѣйшихъ людей княжества, безъ различія политическихъ убѣжденій», съ тѣмъ, чтобы она, подъ личнымъ предсѣдательствомъ князя выработала проектъ новой конституціи, который имѣлъ бытъ представленъ на утвержденіе великаго собранія. Но соглашаясь явно на требованія представителя Россіи, князь втайнѣ подготовилъ паденіе русскихъ министровъ. Для достиженія этой цѣли онъ предложилъ консерваторамъ войти въ сдѣлку съ народниками, и обѣщалъ возстановить тырновскую конституцію въ полномъ ея объемѣ, если великое собраніе выскажетъ свое недовѣріе русскимъ министрамъ и тѣмъ вызоветъ ихъ отставку. Такая ловкая игра либеральной и консервативной партіями привела къ тому, что на другой день по открытіи собранія, 5 (17) сентября, оно едва-ли не единогласно принесло адресъ на имя князя, которымъ просило его «возстановить тырновскую конституцію». Благодаря этому кабинетъ съ русскими министрами остался въ меньшинствѣ и долженъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ, которая и была тотчасъ же принята, съ согласія Іонина.

*) Матѣевъ, назр. сочин., стр. 188.

Затѣмъ, 6 (18) сентября, князь возстановилъ ту самую тырновскую конституцію, которую онъ уничтожилъ въ 1881 году, и образовалъ новый кабинетъ, въ составъ котораго вошли члены обѣихъ партій. «Драганъ Цанковъ занялъ въ немъ мѣсто предсѣдателя и министра внутреннихъ дѣлъ, а члены консервативнаго кружка получили главнѣйше портфели: Стоиловъ—юстиціи; Начевичъ—финансовъ, Балабановъ—иностранныхъ дѣлъ. Грековъ сталъ предсѣдателемъ собранія. Военное министерство князь хотѣлъ было поручить русскому генералу Лѣсовому, носившему званіе его генераль-адъютанта, но, уступивъ настояніямъ г. Ионина, ввѣрилъ временно также русскому полковнику Ридигеру» *).

Пользуясь признательностью народнаго собранія за возстановленіе тырновской конституціи, князь Александръ поднялъ вопросъ о подчиненіи Солгарской арміи непосредственно собственной власти и объ умаленіи въ ней положенія военнаго министра, право назначенія котораго до сего времени принадлежало Россіи. Съ этою цѣлью собранію было предложено отдѣлить строевую часть отъ административной съ тѣмъ, чтобы послѣднюю оставить въ завѣдываніи военнаго министра, а первую предоставить въ полное распоряженіе князя, какъ главнокомандующаго, и избраннаго имъ самимъ начальника штаба. Собраніе приняло это предложеніе. Но императорское правительство увидѣло въ этой мѣрѣ посягательство на преимущества, признанныя за Россіей съ самаго основанія княжества, и потому дало знать князю, чтобы онъ пріостановился введеніемъ въ дѣйствіе постановленія собранія впредь до прибытія въ Софію флигель-адъютанта государя, на котораго возложена обязанность, по соглашенію съ болгарскимъ правительствомъ, опредѣлить положеніе русскихъ офицеровъ состоящихъ на болгарской службѣ.**)

Узнавъ о мнѣніи императорскаго кабинета относительно принятаго собраніемъ раздѣленія военнаго министерства на двѣ части, князь Александръ съ своей стороны послалъ въ Петербургъ для объясненія по этому дѣлу наименѣе скомпрометированнаго въ глазахъ Россіи члена министерства, Балабанова и отправилъ съ нимъ письмо къ государю, въ которомъ указывалъ на необходимость отдѣленія чисто

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 390.

**) Татищевъ, назв. соч., стр. 391.

политических функций военного министра отъ его военныхъ обязанностей, ссылаясь на постановленія тырновской конституціи, провозглашавшей князя верховнымъ вождемъ вооруженныхъ силъ Болгаріи, и жалуясь на то, что всѣ прежніе русскіе военные министры, за исключеніемъ Эрарота, противорѣчили ему, вносили разнь въ армію и подрывали въ ней авторитетъ князя *).

Между тѣмъ русскіе генералы-министры Соболевъ и Каульбарсъ уѣхали въ Россію. Пріѣхавъ въ Петербургъ, они представили докладъ о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи и неодобрительно отзывались о нѣкоторыхъ русскихъ офицерахъ, находившихся на болгарской службѣ, именно о штабсъ капитанѣ Ползиковѣ и начальникѣ артиллеріи генералѣ Лѣсовомъ, которые въ угоду князю, не исполняли своихъ обязанностей въ отношеніи къ Россіи и нарушали правила дисциплины и тѣ требованія долга службы, которыя на нихъ лежали въ отношеніи къ русскому военному министру въ Болгаріи. «При этомъ было указано на крайне предосудительный образъ дѣйствій самого князя, который между прочимъ разослалъ секретное циркулярное предписаніе нашимъ офицерамъ въ княжествѣ, заявляя имъ, что они въ силу особаго высочайшаго повелѣнія обязаны повиноваться исключительно одному только князю и исполнять всѣ его приказанія, хотя бы таковыя шли въ разрѣзъ съ распоряженіями нашего военного министра и дипломатическаго представителя въ Болгаріи; но ссылка на такое высочайшее повелѣніе была своего рода подлогомъ, такъ какъ такового не воспослѣдовало». **) Доне-сеніе генераловъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что Ползиковъ и Лѣсовой внезапно были отозваны изъ Болгаріи телеграммой на имя Ридигера, безъ предварительнаго извѣщенія о томъ князя Александра, а этотъ послѣдній, придя въ совершенное бѣшенство отъ отношенія къ нему русскаго правительства, безъ его вѣдома отзывавшаго двухъ офицеровъ, состоявшихъ въ княжеской свитѣ, съ своей стороны, по соглашенію съ совѣтомъ министровъ, удалил отъ должности Ридигера, исключилъ изъ свиты остальныхъ русскихъ офицеровъ и вызвалъ по телеграфу всѣхъ болгарскихъ офицеровъ,

*) Письмо это напечатано на французскомъ языкѣ у Матѣева, въ назв. соч., стр. 323—327.

**) Матѣевъ, назв. соч., стр. 193—194.

обучавшихся военному дѣлу въ Россіи. Въ довершеніе всего былъ поднятъ вопросъ о совершенномъ удаленіи всѣхъ русскихъ офицеровъ изъ болгарской арміи.

Само собою разумѣется, такой вызывающій образъ дѣйствій князя Александра, встрѣтившій полное сочувствіе въ Западной Европѣ*), желавшей освобожденія Болгаріи отъ русской опеки, произвелъ не-пріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Но, тѣмъ не менѣе, императорское правительство не предприняло никакихъ рѣшительныхъ мѣръ въ отношеніи болгарскаго князя и ограничилось лишь точнымъ опредѣленіемъ положенія русскихъ офицеровъ, пребывающихъ на болгарской службѣ. Флигель-адъютантъ государя, баронъ Каульбарсъ, братъ бывшаго военнаго министра, прибывшій въ Софію въ концѣ октября 1883 года, подписалъ съ Драганомъ Цанковымъ военную конвенцію, на основаніи которой русскіе офицеры на болгарской службѣ признавались лишь инструкторами, причемъ срокъ пребыванія каждаго изъ нихъ въ болгарской арміи ограничивался тремя годами. Имъ воспрещалось всякое участіе въ политическихъ и внутреннихъ дѣлахъ княжества. Подчиняясь болгарскимъ военнымъ законамъ и властямъ въ служебныхъ дѣлахъ, они обязаны были безпрекословно повиноваться распоряженіямъ русскаго правительства, передаваемымъ имъ военнымъ министромъ, назначаемымъ изъ русскихъ генераловъ по соглашенію русскаго правительства съ болгарскимъ. Послѣдній признавался законнымъ представителемъ русскихъ военно-служащихъ въ Болгаріи. И онъ, и всѣ русскіе офицеры и нижніе чины подчинались, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, дипломатическому представителю Россіи, на общемъ основаніи**).

Заключеніемъ этой конвенціи болгарскому правительству удалось нѣсколько сгладить натянутость отношеній между Россіей и Болга-

*) Европейская печать—говоритъ Матѣевъ—огласилась выраженіями восторга въ виду такой самостоятельной политики князя Александра; она громко ликovala, заявляя, что Болгарское княжество наконецъ освободится отъ русской опеки. Графъ Кальноки довольно неожиданно, въ отвѣтъ своему венгерской делегаціи, произнесъ нѣсколько двусмысленную рѣчь объ отношеніяхъ между Россіей и Австріей на Востокѣ, правда, со многими оговорками, по адресу официальной политики русскаго кабинета (назв. соч., стр. 195).

***) Татищевъ, назв. соч., стр. 393.

ріей, порожденную щекотливымъ поступкомъ Александра Баттенберга, который, съ своей стороны, былъ весьма доволенъ такимъ благополучнымъ исходомъ своего дерзкаго вызова, брошеннаго Россіи, такъ какъ европейскія державы — Австрія и Германія, на содѣйствіе которыхъ онъ рассчитывалъ, будучи заняты своими собственными дѣлами, не желали раздувать болгарскаго вопроса, между тѣмъ какъ Россія, держа въ своихъ рукахъ болгарское войско, «однимъ почеркомъ пера могла выкинуть изъ Болгаріи безпокойнаго Баттенберга, удаленіе котораго болгарскій народъ встрѣтилъ-бы тогда съ восторгомъ» *). Колоніальная политика кн. Бисмарка предвѣщала возможность столкновенія съ Англіей, считавшей себя владычицей большей части западной Африки; что же касается Австріи, то вниманіе ея было всецѣло поглощено дѣлами въ Сербіи, гдѣ любимецъ вѣнскаго двора, король Миланъ, велъ усиленную борьбу съ оппозиціей; при этомъ Австрія боялась, что за двусмысленное отношеніе къ болгарскому князю Россія оплатитъ ей вмѣшательствомъ въ сербскія дѣла. Въ виду этого оффиціозная австрійская печать, признавая законность русскаго вліянія въ Болгаріи, высказалась не въ пользу болгарскаго князя, замѣчая, что участь принца Баттенберга зависитъ отъ его собственнаго поведенія, что если ему не удастся отстоять свой престоль, вслѣдствіе сопротивленія Россіи, то ему такъ же спокойно позволять уйти, какъ позволили надѣть болгарскую корону **).

По окончаніи военнаго вопроса въ благопріятномъ для князя Александра смыслѣ внутреннее спокойствіе княжества было вскорѣ нарушено министерскимъ кризисомъ. Въ началѣ 1884 года министры, принадлежавшіе къ партіи консерваторовъ, вышли изъ состава кабинета, и Цанковъ замѣнилъ ихъ своими единомышленниками — народниками. Но цанковское министерство просуществовало недолго, и уже въ маѣ во главѣ управленія сталъ Каравеловъ, политика котораго сводилась къ тому, чтобы парализовать русское вліяніе въ Болгаріи и ослабить въ немъ власть князя взаимными столкновеніями между послѣднимъ и вашимъ консуломъ, чтобы, пользуясь ихъ раздоромъ, свободно хозяйничать въ странѣ ***).

*) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 196.

**) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 197.

***) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 210.

«И вотъ такимъ-то образомъ—говорить Катковъ—были улажены болгарскія дѣла! Вотъ и гарантія благосостоянія Болгаріи и интересовъ Россіи на Востокѣ! А между тѣмъ изъ сосѣдней Румелии былъ-же нами выпровоженъ (за истеченіемъ 5-ти лѣтняго срока) князь Богариди, Алеко-паша, который, хотя и не былъ пламеннымъ приверженцемъ Россіи, зато не былъ и заклятымъ врагомъ ея. На мѣсто его, по нашему настоянію, назначенъ былъ Портою (въ апрѣлѣ 1884 года) г. Крестовичъ, Гавріилъ-паша, человекъ серьезный, хорошій болгаринъ, стало быть недурно расположенный и къ Россіи» *). Лишь румелійскія событія, послѣдовавшія за переворотомъ 6-го сентября 1885 года, вынудили русское правительство принять рѣшительныя мѣры противъ князя Александра, оставленіе котораго полновластнымъ рѣшителемъ судебъ Болгаріи уже давно должно было быть признано положительно вреднымъ для этой несчастной страны и безусловно несомвѣстимымъ съ пользами и съ достоинствомъ Россіи.

*) Московскія Вѣдом. за 1885 г., № 25

Г Л А В А VIII.

Румелійскій переворотъ 1885 года и восточная политика Россіи въ это время.

Причины, вызвавшія румелійскій переворотъ: національное стремленіе болгарскаго народа къ объединенію, экономическое и финансовое положеніе В. Румелии. Вліяніе Англій и Австріи въ дѣлѣ румелійскаго переворота. Сочувствіе ему со стороны болгарскаго князя Александра. Замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ. Отношеніе русскаго правительства къ соединенію обѣихъ Болгарій. Разрывъ русскаго двора съ кн. Александромъ. Соглашеніе между Россіей, Австріей и Германіей. Совѣщанія пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ. Созывъ конференціи. Предложеніе русскаго уполномоченнаго возстановить въ Румелии *status quo ante*. Противодѣйствіе Англій. Сербо-болгарская война. Вышательство Австріи и прекращеніе этой войны. Неудачная попытка Россіи возстановить власть Порты въ В. Румелии. Соглашеніе кн. Александра съ Турціей и протестъ русскаго правительства противъ него. Признаніе Европою соединенія обѣихъ Болгарій подъ личною властью кн. Александра.

Румелійскій или филиппопольскій переворотъ, имѣвшій цѣлью произвести соединеніе Восточной Румелии съ Болгаріей, былъ непосредственнымъ, прямымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ постановленій Берлинскаго трактата. Какъ извѣстно, европейскіе дипломаты, въ 1878 г. засѣдавшіе въ германской столицѣ на конгрессѣ, признали необходимымъ раздробить цѣлокупную санъ-стефанскую Болгарію на части изъ опасенія того, что это созданное Россіей княжество, благодарное ей за великодушный подвигъ освобожденія отъ турецкаго ига, со временемъ чрезмѣрно усилитъ русское вліяніе на Востокъ и станетъ серьезной угрозой существованію слабой Оттоманской Порты. Такое противоестественное раздѣленіе единой Болгаріи, сдѣланное въ угоду Англій и Австріи, въ свое время вызвало осужденіе даже со стороны общественнаго мнѣнія западной Европы. Само собою разумѣется, какое тяжелое впечатлѣніе должно было произ-

вести на самих болгаръ извѣстіе о печальной судьбѣ, постигшей ихъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Ужасъ и отчаяніе овладѣли ими, когда они узнали о результатахъ работы европейскаго международнаго конгресса. Но, уповая на будущее, болгарскій народъ, такъ жестоко обойденный въ Берлинѣ, подчинился постановленіямъ великихъ державъ, затаивъ въ глубинѣ души мысль рано или поздно добиться соединенія искусственно разрозненныхъ частей своей національности, безъ котораго не мыслимо было правильное и полное развитіе ея культурныхъ и политическихъ силъ.

Это затаенное стремленіе болгаръ къ національному объединенію было, такъ сказать, основаніемъ, почвой, на которой подготовлялся и выросталъ планъ соединенія Болгаріи съ Восточной Румеліей. Но дѣлу соединенія этихъ двухъ наиболѣе крупныхъ частей единой націи способствовали и другія причины, изъ которыхъ вліяніе слѣдующихъ трехъ не подлежитъ никакому сомнѣнію даже при настоящей сокровенности и тайнѣ восточной политики послѣднихъ лѣтъ.

Помимо національнаго стремленія болгарскаго народа къ объединенію, однимъ изъ важныхъ факторовъ, способствовавшихъ развитію и усиленію этого стремленія, несомнѣнно, былъ органическій статутъ Восточной Румеліи. Статутъ этотъ—говоритъ г. Матвѣевъ— «весьма усердно и щедро надѣлилъ новую автономную область многочисленнымъ и дорого стоящимъ персоналомъ бюрократіи и весьма сложной системой учреждений, что отнюдь не вызывалось условіями быта области и потребностями ея населенія. Эта искусственно насажденная, мало способная, глубоко невѣжественная и прожорливая бюрократія въ шесть съ небольшимъ лѣтъ высосала всѣ соки щедро надѣленной дарами природы страны и, такъ сказать, съѣла автономную область. Эта пестрая, либеральная на бумагѣ, нестройная и крайне искусственная на практикѣ организаціи управленія, при томъ весьма дорого стоявшая населенію, представляла поистинѣ нѣкое опереточное царство. Финансовое и экономическое положеніе области было таково, что спасенія отъ всеобщаго разоренія народа, заработка котораго поглощались содержаніемъ никому и ни на что неужной бюрократіи, приходилось ждать только отъ соединенія съ княжествомъ». Въ этой именно, т.-е. въ финансовой сторонѣ установленнаго въ Румеліи режима и заключалась главная—по мнѣнію г. Матвѣева—опасность положенія и неотразимаго стремленія на-

селения къ соединенію съ княжествомъ. Зная финансовое и экономическое положеніе Восточной Румелии, по его мнѣнію, должно удивляться тому, что соединеніе ея съ Болгаріей не послѣдовало ранѣе 1885 года *).

На-ряду съ указанными причинами, способствовавшими румелійскому перевороту, т.-е. вмѣстѣ съ національнымъ стремленіемъ болгарскаго народа къ объединенію и жалкимъ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ Восточной Румелии, въ дѣлѣ соединенія двухъ частей единой болгарской націи немаловажную роль играла западно-европейская политика или, лучше сказать, измѣненіе взгляда европейской дипломатіи на болгарскій вопросъ, господствовавшего на Берлинскомъ конгрессѣ. Путемъ кратковременнаго опыта убѣдившись, съ одной стороны, въ томъ, что дальнѣйшее противодѣйствіе стремленію болгарскаго народа къ самостоятельности представляется совершенно безцѣльнымъ послѣ того, что сдѣлала наша послѣдняя война съ Турціей, а съ другой стороны, вида, что при существующихъ отношеніяхъ болгарскаго правительства къ Россіи, для умаленія роли и вліянія послѣдней на Востокъ, было бы гораздо выгоднѣе имѣть Санъ-Стефанскую Болгарію, западно-европейскіе кабинеты, заинтересованные въ восточномъ вопросѣ, измѣнили свою прежнюю политику въ смыслѣ, благопріятномъ для національныхъ стремленій болгарскаго народа. Необходимость такой политической эволюціи ранѣе всѣхъ была усмотрѣна проницательнымъ и дальновиднымъ австрійскимъ дипломатомъ барономъ Каллаемъ. Мнѣнія и взгляды его были постепенно усвоены и другими дипломатами западной Европы и вскорѣ нашли себѣ рѣшительныхъ сторонниковъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ европейской прессы, и между прочимъ въ лицѣ даровитаго, хорошо знакомаго съ Востокомъ французскаго публициста - путешественника, Габріэля Шарма. Послѣдній въ свсихъ статьяхъ въ «Debats» и «Revue de deux Mondes» сталъ указывать, что національныя стремленія болгаръ къ созданію «цѣлокупной Болгаріи» въ умѣлыхъ рукахъ могутъ обратиться въ орудіе противъ русской политики на Балканскомъ полуостровѣ и что дипломаты Берлинскаго конгресса, разчленивъ Санъ-Стефанскую Болгарію, сдѣлали промахъ и въ существѣ дѣла сыграли въ нашу пользу, такъ какъ болгарское княжество, вышедшее изъ-

*) Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса, стр. 282—283.

подъ пера Игнатьева, было болѣе способно сдѣлаться тормазомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ понславизма, ибо, будучи прочно и правильно организовано, оно проявило бы болѣе сильное стремленіе къ самостоятельной жизни и, не нуждаясь въ помощи Россіи, отказалось бы отъ всякаго рода комбинацій, съ перспективой поглощенія его самобытности въ нѣдрахъ громадной имперіи русскихъ царей. Болгарія же въ настоящемъ ея видѣ неизбѣжно дѣлается лишнимъ козыремъ въ политической игрѣ Россіи *).

Такая перемѣна взгляда европейской дипломатіи на значеніе болгарскаго народа въ дѣлѣ борьбы съ Россіей изъ - за вліянія на судьбу Балканскаго полуострова какъ нельзя больше совпадала и съ желаніями князя Александра, который прекрасно видѣлъ, что его шаткое личное положеніе въ Болгаріи можетъ быть упрочено только какимъ-нибудь крупнымъ подвигомъ въ исторіи болгарской національности, каковымъ могло быть, по его мнѣнію, соединеніе обѣихъ Болгарій, идея котораго со времени послѣдней войны служила идеаломъ для каждаго болгарина. «Потерявшій довѣріе Россіи и болгаръ всѣхъ партій, ненавидимый такъ называемыми либералами, присутствіе которыхъ у кормила правленія онъ переносилъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ, князь Александръ не могъ не сознавать шаткости и непрочности своего положенія въ странѣ, гдѣ онъ не сумѣлъ упрочиться и привлечь на свою сторону симпатіи своихъ подданныхъ. Шаткость его положенія проявилась очень ярко, когда мѣстная и румелійская печать обсуждали такъ-называемый династическій вопросъ, поднятый органами цанковистовъ, громко заявившихъ, что князь долженъ или снова заслужить благорасположеніе государя императора, или отказаться отъ болгарскаго престола. На этотъ разъ, впрочемъ, на защиту князя встала вся каравеловская пресса; но ея искренность явилась крайне подозрительной въ виду того, что она еще весною настоящаго года награждала князя самыми нелестными эпитетами. Послѣдній при подобныхъ обстоятельствахъ чувствовалъ, что онъ держится въ Болгаріи только благодаря раздорамъ партій. Сдѣланныя имъ попытки опереться прямо на народъ не удались, такъ какъ стоящіе близко къ населенію вожаки либераловъ имѣютъ всегда возможность вліять на народъ и отражать направленные противъ нихъ

*) Матвѣевъ, назв. соч., стр. 221—222.

интриги князя и его немногочисленных приверженцевъ. На армию, кою командовали русскіе офицеры, князь также не могъ рассчитывать вполне въ томъ случаѣ, если онъ пойдетъ наперекоръ желанію Россіи. Такимъ образомъ, послѣ шестилѣтняго управленія Болгаріею, князь очутился въ изолированномъ положеніи и могъ ожидать съ минуты на минуту, что его попросятъ удалиться изъ страны. Поправить свое положеніе онъ могъ лишь какимъ-нибудь героическимъ средствомъ, а таковымъ, при существующихъ условіяхъ, могло быть воссоединеніе Румелии съ княжествомъ, котораго пламенно желали всѣ болгары. Въ случаѣ удачи онъ дѣлался, несомнѣнно, самымъ популярнымъ человѣкомъ и надолго укрѣплялъ свое положеніе въ странѣ. Рѣшиться на этотъ шагъ,—по мнѣнію князя,—не представлялось никакой опасности, ибо онъ былъ твердо убѣжденъ, что «Россія волею-неволею должна будетъ поддерживать его въ этомъ дѣлѣ, которое въ теченіе шести лѣтъ пользовалось симпатіями нашихъ соотечественниковъ» *).

Итакъ, стремленіе болгарскаго народа къ національному объединенію, недостатки финансоваго и экономическаго положенія Восточной Румелии, желаніе Европы видѣть Санъ-Стефанскую Болгарію для ослабленія русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ и, наконецъ, стремленіе князя Александра къ совершенію болгарскаго объединенія для упроченія своего личнаго положенія въ княжествѣ—вотъ главнѣйшія причины, вызвавшія румелійскій переворотъ 6 сентября 1885 года. Переворотъ этотъ, заключавшійся въ низложеніи генералъ-губернатора Восточной Румелии и въ присоединеніи послѣдней къ Болгарскому княжеству, произошелъ въ то самое время, когда на Балканскомъ полуостровѣ царилъ относительный покой, а въ западной Европѣ повсюду господствовало полное затишье, исключавшее возможность возникновенія какого-либо кризиса на Востокѣ. Изъ наиболѣе заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ державъ Англія была занята афганскими дѣлами, а Россія вмѣстѣ съ Австріей и Германіей, послѣ скерневицкаго (въ сентябрѣ 1884 г.) и кремзирскаго (въ августѣ 1885 г.) свиданій трехъ императоровъ, какъ-бы только что установили новую гарантію мира на Балканскомъ полуостровѣ упроченіемъ тройственнаго союза, этого краеугольнаго камня внѣшней политики того времени. Но,

*) Правительственный Вѣстникъ отъ 27 октября (8 ноября) 1885 г. № 235.

тѣмъ не менѣе, румелійскій переворотъ не былъ неожиданностью для Европы. Вызванный англо-австрійской интригой, переворотъ этотъ, несомнѣнно, заранѣе предвидѣнъ былъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ.

Мы видѣли, что послѣднія дѣйствія Александра Баттенберга, направленные противъ русской опеки надъ Болгаріей, вынудили императорское правительство значительно ослабить свое вниманіе и довѣріе къ болгарскому князю. Но перемѣна отношеній къ петербургскому кабинету мало тронула Баттенберга, тѣмъ болѣе, что ослабленіе вліянія Россіи на болгарскія дѣла служило къ усиленію и упроченію его личнаго значенія въ Болгаріи и давало полную свободу къ сближенію съ западными державами, которыя изъ своихъ политическихъ расчетовъ стали выставлять себя покровителями и защитниками интересовъ и стремленій болгарскаго народа и его князя. Пользуясь охлажденіемъ Россіи къ болгарскимъ дѣламъ, Александръ Баттенбергъ вступилъ въ тѣсное сближеніе съ лондонскимъ и вѣнскимъ кабинетомъ. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ лѣтомъ 1885 года, по случаю бракосочетанія своего брата, принца Генриха, съ принцессой Беатрисой, любимой дочерью королевы Викторіи, онъ — говоритъ Катковъ — «прицѣпилъ свою политическую лапю къ кормѣ большаго корабля, т.-е. къ политикѣ Великобританіи». При посѣщеніи Лондона князь имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ руководителемъ англійской политики, маркизомъ Салисбюри, который только-что принялъ бразды правленія изъ рукъ Гладстона. Что происходило на этомъ совѣщаніи, повѣсть не трудно, если вспомнить, что истинные интересы Салисбюри заключались въ томъ, чтобы «отвлечь вниманіе Россіи отъ афганскаго вопроса, пошатнуть, если возможно, союзъ трехъ императоровъ, застрашать Турцію, дабы вынудить у нея согласіе на англо-египетскую конвенцію и, наконецъ, услужить королевѣ Викторіи, не чающей души въ своемъ юномъ зятѣ, братѣ князя Александра Болгарскаго» *). На возвратномъ же пути изъ Лондона князь Александръ заѣхалъ въ Вѣну и здѣсь бесѣдовалъ съ гр. Кальноки, по всей вѣроятности, на ту же самую тему, на какую шелъ разговоръ съ маркизомъ Салисбюри.

Такимъ образомъ, Англія и Австрія, несомнѣнно, были подготовлены къ румелійскому перевороту. Нельзя того же сказать про

*) Московскія Вѣдомости за 1886 г. № 3.

Россію, для которой переворотъ этотъ былъ совершенно неожиданностью, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время ни изъ Румелии, ни изъ Болгаріи не было извѣстій ни о какихъ движеніяхъ, которыя подавали-бы поводъ ожидать серьезнаго взрыва, а самъ Баттенбергъ, на устроенномъ при содѣйствіи вѣнскаго двора свиданіи съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Гирсомъ, въ Франценсбадѣ, хлопоталъ о сближеніи съ Россіей. Сдѣлано это было, очевидно, съ тѣмъ, чтобы скрыть и замаскировать затѣянную игру на Балканскомъ полуостровѣ. Но «Россія—говоритъ Катковъ—не предусмотрѣла этого маневра и дала обойти себя, хотя нельзя было не ожидать чего-либо подобнаго, зная отношенія принца Баттенберга къ Россіи, то положеніе, которое приняли дѣла въ Болгаріи, игру, которую ведутъ соперники наши на Востокѣ» *). Результатомъ такой непредусмотрительности нашей дипломатіи было то, что она не успѣла вовремя даже разсвѣять сомнѣніе объ отношеніи къ перевороту императорскаго кабинета въ нашихъ мѣстныхъ дипломатическихъ, консульскихъ и военныхъ агентствахъ, а также въ русскихъ офицерахъ на болгарской и румелійской службѣ, вслѣдствіе чего всѣ эти лица, при отсутствіи заблаговременно преподанныхъ инструкцій отъ министерства, были окончательно сбиты съ толку единодушіемъ болгаръ и вынуждены въ продолженіе двухъ дней, до полученія наставленій изъ Петербурга не только не противиться перевороту, но и усердно помогать ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами. **)

Лишь только телеграммы изъ Софіи, Бухареста и Филиппополя распространили вѣсть о томъ, что Восточная Румелія отпала отъ Турціи и присоединилась къ Болгарскому княжеству, что князь Александръ призналъ провозглашенное соединеніе совершившимся фактомъ и пригласилъ своихъ подданныхъ принести всякаго рода жертвы для того, чтобы добиться единства и независимости болгарскаго народа,—въ разныхъ концахъ Балканскаго полуострова тотчасъ же возникли народныя движенія. Болгаро-румелійскія событія отозвались въ Албаніи, Македоніи, Румыніи и главнымъ образомъ, въ Сербіи и Греціи. Еще 7 сентября король Миланъ спокойно сидѣлъ въ маленькомъ австрійскомъ городѣ, Глейхенбергѣ, куда прибылъ за три или четыре дня передъ тѣмъ, разсчитывая остаться тамъ

*) Московскія Вѣдомости за 1885 г. № 262.

***) Татищевъ, назв. соч., стр. 409—412.

нѣсколько недѣль «для излѣченія своей ноги отъ той самой мнѣической болѣзни ради которой онъ провелъ большую часть истекшаго лѣта въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ». На другой день достигла до него вѣсть о подвигахъ князя Александра, и онъ бросился стремглавъ въ Бѣлградъ, раскланившись и рассыпавшись въ любезностяхъ въ Вѣнѣ. Но не успѣлъ король Миланъ ступить на территорію своего государства, какъ въ Сербіи былъ поднятъ вопросъ объ опасности ея жизненнымъ интересамъ отъ нарушенія равновѣсія у подножія Балканъ и о необходимости «компенсаціи». Затѣмъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія короля съ своими министрами, было постановлено въ странѣ дѣйствіе закона о свободѣ печати и сходокъ и издана прокламація, въ которой сербскій народъ призывался къ оружію. *) При громаднхъ затратахъ, непосильныхъ бѣдной и истощенной странѣ, быстро была мобилизована армія и придвинута къ границамъ Македоніи и Болгаріи. Въ Бѣлградѣ слышались восторженные клики: «Да здравствуетъ Старая Сербія!» Не менѣе сильная дѣятельность проявлена была и въ Греціи. Въ Аѳинахъ, какъ и въ Бѣлградѣ, увидѣли въ объединеніи обѣихъ Болгарій опасное для Греціи нарушеніе территоріальнаго равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ и потому стали вооружаться, чтобы путемъ земельныхъ приобрѣтеній возстановить это равновѣсіе.

Румелійскій переворотъ и послѣдовавшія за нимъ событія, весьма опасныя для спокойствія и прочности мира на Востокѣ, поставили императорское правительство въ довольно затруднительное положеніе. Ограничиваясь до сего времени въ отношеніи болгарскихъ дѣлъ однѣми полумѣрами изъ нежеланія возбуждать восточнаго вопроса, оно силою вещей призывалось теперь распутать имъ самимъ запутанное дѣло, трудная сторона котораго заключалась въ томъ, что объединеніе болгарской національности въ территоріальныхъ границахъ, намѣченныхъ Россіей въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, произведено помимо нашего предварительнаго согласія, революціоннымъ путемъ и главное, при участіи князя Александра, враждебно настроеннаго къ Россіи. Всѣ эти обстоятельства, несмотря на неизбежность румелійскаго переворота послѣ Санъ-Стефанскаго договора, ставили русское правительство въ необходимость, вопреки историческому призванію Россіи, воспрепятствовать дѣлу объединенія

*) Московскія Вѣдомости за 1865 г. № 265.

болгарь, вслѣдствіе чего уже на третій день послѣ переворота 9 (21 сентября) была получена въ Софіи телеграмма управляющаго нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, извѣщавшая, что государь императоръ не одобрилъ настоящаго движенія въ Болгаріи, воспретилъ русскимъ офицерамъ принимать въ немъ участіе и повелѣлъ кн. Кантакузину, занимавшему тогда постъ болгарскаго военнаго министра, покинуть этотъ постъ и остаться при дипломатическомъ агентствѣ. *) Послѣ же посѣщенія Копенгагена болгарской депутаціею и выраженія ею государю императору просьбы болгарскаго народа о принятіи подъ свою защиту дѣла объединенія Болгаріи, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ изъ Фреденсборга въ софійское русское агентство, что «принявъ болгарскую депутацію и милостиво выслушавъ просьбу о покровительствѣ, государь императоръ изволилъ сказать, что чувства Россіи къ болгарскому народу не измѣнились, не смотря на принятое въ послѣднее время болгарскимъ правительствомъ направленіе. Мысль о соединеніи обѣихъ частей Болгаріи понятна; его желала и Россія. Но его величество никакъ не можетъ одобрить средствъ, къ которымъ прибѣгли болгары вопреки волѣ государя. Настоящимъ поступкомъ они повергли себя въ крайне опасное положеніе. Императорское правительство употребить всѣ старанія къ предохраненію Болгаріи отъ угрожающей опасности и упроченію въ ней порядка, согласно ея интересамъ; но достигъ этого можно лишь при условіи, чтобы болгары оставались спокойны въ ожиданіи, пока вопросъ не рѣшится окончательно» **).

Отношеніе императорскаго правительства къ дѣлу болгарскаго соединенія окончательно лишило князя Александра всякой надежды на помощь Россіи, но оно не произвело на него того отрезвляющаго дѣйствія, на которое мы рассчитывали. Въ критическую минуту, когда Болгаріи угрожало съ одной стороны турецкое вмѣшательство въ Румелию, съ другой—вторженіе грековъ въ Македонію и съ третьей—нападеніе сербовъ на самую столицу княжества, онъ нашелъ себѣ опору въ Англіи и, пользуясь поддержкой этой держа-

*) Правительстваенный Вѣстникъ отъ 25 октября (6 ноября) 1885 г.

***) Министръ иностранныхъ дѣлъ дипломатическому агенту въ Софіи 21 сентября (8 октября) 1885 года.

вы, вопреки желаніямъ петербургскаго кабинета, открыто сталъ во главѣ національнаго дѣла болгарь, нисколько не скрывая своей вражды къ Россіи въ рѣчахъ обращенныхъ къ войску и народу. Въ одной изъ такихъ своихъ рѣчей онъ не стѣснялся даже сказать *передъ фронтомъ*, что «день, въ который ему удалось наконецъ видѣть національное войско подъ командою исключительно болгарскихъ офицеровъ, онъ считаетъ счастливѣйшимъ днемъ въ своей жизни, причемъ тутъ же презрительно отозвался о нашихъ соотечественникахъ, заявивъ, что они покинули свои посты въ минуту опасности». *) Отвѣтомъ русскаго правительства на этотъ поступокъ болгарскаго князя было исключеніе его изъ списковъ русской арміи съ лишеніемъ званія шефа 13-го стрѣлковаго баталіона, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ окончательный разрывъ русскаго двора съ княземъ Александромъ и уничтоженіе всякихъ прямыхъ дипломатическихъ путей воздѣйствія Россіи на дѣла Болгаріи.

Между тѣмъ дѣла эти представляли серьезную опасность для спокойствія Востока, и Россія должна была принять въ нихъ самое живое участіе, тѣмъ болѣе, что безъ нея болгаро-румелийскій вопросъ не могъ быть разрѣшенъ не только потому, что ея подписью скрѣпленъ Берлинскій трактатъ, одна изъ статей котораго теперь оказалась нарушенной, но и потому, что судьба народностей Балканскаго полуострова непосредственно связана съ ея религіозно-національными интересами. Въ виду этого по прекращеніи всякихъ сношеній съ болгарскимъ княземъ, императорское правительство приступило къ улаженію болгарскаго вопроса исключительно на почвѣ общеевропейскаго соглашенія, путемъ котораго оно пыталось разрѣшить этотъ вопросъ съ самаго его возникновенія.

По соглашенію съ берлинскимъ и вѣнскимъ дворами, съ которыми Россія находилась въ союзѣ, императорское правительство выступило съ предложеніемъ: «безотлагательно собраться посламъ великихъ державъ въ Константинополь, дабы условиться о тождественномъ обращеніи къ обѣимъ сторонамъ отъ имени Европы, съ цѣлью предотвратить кровопролитіе и выиграть время для постановленія рѣшенія». **) Предложеніе русскаго правительства было принято

*) Правительственный Вѣстникъ отъ 27 октября (8 ноября) 1886 г. № 235.

**) Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ 13 (25) сентября 1886 г.

великими державами; при этомъ Франція заявила, что оно отвѣчаетъ общимъ ея видамъ; Англія выразила желаніе не придавать собранію пословъ слишкомъ большой торжественности и возможности придерживаться Берлинскаго трактата; Германія высказала мысль, что посламъ слѣдуетъ собираться у старѣйшаго изъ нихъ, итальянскаго представителя, гр. Корти, не составляя изъ себя оффиціальной конференціи. Но, выражая свое согласіе на конференцію пословъ въ Константинополѣ съ указанными оговорками и давая своимъ уполномоченнымъ соответствующія инструкціи, великія державы разошлись между собою во взглядахъ по главному вопросу о соединеніи Болгаріи съ Румеліей. Франція и Англія полагали невозможнымъ возвращаться къ прежнему положенію, считая его опаснымъ для европейскаго мира, и потому предписывали своимъ посламъ отстаивать принципъ слиянія обѣихъ болгарскихъ странъ. Что же касается до державъ тройственнаго союза и Италіи, то онѣ выражали желаніе возстановить *status quo ante* на точномъ основаніи Берлинскаго трактата. Это разногласіе между великими державами по главному вопросу о соединеніи оказало вліяніе и на рѣшеніе ихъ пословъ, собравшихся на совѣщаніе въ Константинополѣ 22 сентября (4 октября) 1885 года.

На Константинопольской конференціи было рѣшено не касаться существа дѣла и только «принять какую либо временную мѣру, которая приостановила бы теченіе румелійской революціи и дала бы время подготовить оковчательное рѣшеніе». *) Такою мѣрою была декларация пословъ, обращенная къ Турціи, Греціи, Сербіи и болгарскому правительству, съ заявленіемъ, что державы, осуждая всякое вообще нарушеніе существующихъ договоровъ, строго порицаютъ происшедшія въ Восточной Румеліи событія и вмѣстѣ съ тѣмъ на тѣхъ, кто располагаетъ властью по обоимъ склонамъ Балканъ, возлагаютъ отвѣтственность за всякій вызовъ и за всякое дѣйствіе, направленное къ распространенію движенія въ сосѣднихъ областяхъ. **) Но мѣра эта не достигла никакихъ положительныхъ результатовъ, вслѣдствіе чего русское правительство снова выступило съ предло-

*) Французскій посолъ въ Константинополѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ 21 сентября (3 октября) 1885 года.

**) Декларация пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ отъ 2 (16) октября 1885 года.

женіемъ созвать въ Константинополь европейскую конференцію для разрѣшенія румелійскаго вопроса. Въ этихъ видахъ мы совѣтовали султану отвѣчать на декларацію пословъ требованіемъ прежде всего поддержать право на основаніи договоровъ и созвать въ Константинополь конференцію, которая въ своихъ постановленіяхъ должна была какъ можно менѣе отдаляться отъ status quo ante, дабы отнять всякій поводъ у греко-сербскихъ притязаній.

9 (21) октября Порты предложила великимъ державамъ открыть при ея участіи конференцію въ турецкой столицѣ для безотлагательнаго разрѣшенія возникшихъ въ Восточной Румелии затрудненій, на точномъ основаніи Берлинскаго трактата и сообразно верховнымъ правамъ султана. *) Великія державы приняли это предложеніе, и конференція собралась въ Константинополь 24 октября (5 ноября) 1885 года. Цѣль этой конференціи, по взгляду петербургскаго кабинета, изложенному Нелидовымъ въ пространной рѣчи во второмъ засѣданіи, должна была состоять въ подтвержденіи Берлинскаго трактата, въ возстановленіи прежняго порядка вещей въ Восточной Румелии и въ утвержденіи верховныхъ правъ султана въ виду того, что румелійскій переворотъ есть ни больше ни меньше, какъ «насильственная и революціонная попытка» и что ни Европа, ни Турція не могутъ «допустить переворотъ, совершившійся при подобныхъ условіяхъ» тѣмъ болѣе, что разчлененіе Санъ-Стефанской Болгаріи и учрежденіе автономной области подъ названіемъ Восточной Румелии было сдѣлано Берлинскимъ конгрессомъ «во имя общаго интереса, во имя мира, и для поддержанія власти султана». **) Formulированныя Россіей основанія были приняты конференціей, но послѣдняя въ концѣ концовъ все таки не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію вслѣдствіе противодѣйствія Англіи, не раздѣлявшей воззрѣній нашего правительства и явно выражавшей желаніе признать совершившееся сліяніе обѣихъ Болгарій подъ властью князя Александра.

Но въ то время какъ европейскіе дипломаты обсуждали въ Константинополь мѣры къ улаженію румелійскаго вопроса, событія на Балканскомъ полуостровѣ успѣли принять такое направленіе, кото-

*) Циркуляръ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 9 (21) октября 1885 г.

**) Протоколъ II засѣданія Константинопольской конференціи 25 октября 1885 г.

рое дѣлало окончательно безцѣльными всѣ, до сего времени проектированные способы умиротворенія Востока.

Какъ сказано выше, румелійскій переворотъ признанъ былъ сербскимъ правительствомъ нарушеніемъ равновѣсія, установленнаго на Балканскомъ полуостровѣ Берлинскимъ трактатомъ, вслѣдствіе чего король Миланъ приступилъ къ мобилизаціи своей арміи съ тѣмъ, чтобы не допустить объединенія обѣихъ Болгарій, не добившись соотвѣтственнаго земельного приращенія для своего княжества. По инициативѣ Франціи, посланники французскій, англійскій, итальянскій и русскій совѣтовали королю не выходить изъ предѣловъ умѣренности и сдержанности, но ихъ внушенія не оказали никакого вліянія на рѣшимость Милана начать войну для поддержанія политическаго равновѣсія и сербскаго объединенія, такъ какъ изъ двухъ державъ, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя условія для выраженія порицанія военнымъ приготовленіямъ Сербіи—Германія молчала, а Австрія явно потворствовала хищнымъ замысламъ сербовъ и едвали даже не внушала и не поддерживала ихъ. *) Поэтому король Миланъ, еще такъ недавно заявлявшій о желаніи поддерживать Берлинскій трактатъ, не укротилъ своего воинственнаго пыла и послѣ того, какъ большинство великихъ державъ, по предложенію Россіи, высказались за уничтоженіе послѣдствій переворота 6 сентября. Видя полный разрывъ между Россіей и Болгаріей, король Миланъ, вдохновленный изъ Вѣны, послѣшилъ создать «совершившійся фактъ» захвата на счетъ Болгарскаго княжества и съ этою цѣлью 2 (14) ноября 1885 года объявилъ войну Болгаріи.

Бросая Сербію на Болгарію и порождая братоубійственную войну, Австрія имѣла цѣлью округлить для себя сербскую провинцію, сдѣлать короля Милана соперникомъ для прокладки дороги къ Эгейскому морю, а затѣмъ отгѣснить интересы Россіи изъ-за Дуная и стать полновластною распорядительницею балканскихъ славянъ. Расчеты вѣнскаго кабинета въ первую минуту сербо-болгарскаго столкновенія, казалось, какъ нельзя болѣе оправдывались, такъ какъ стражи мира и охранители Берлинскаго трактата, а съ ними вмѣстѣ и Оттоманская Порта остались безучастными зрителями вспыхнув-

*) Тятящевъ, Изъ прошлаго русской дипломатіи; стр. 431.

шей войны, несмотря на то, что Сербія—самостоятельное государство вторгалось въ вассальное княжество турецкаго султана, которое не могло подвергаться нападенію со стороны королевства, находившагося въ мирѣ съ Турціей. Но уже черезъ нѣсколько дней послѣ начала войны обнаружилась полнѣйшая ошибочность расчетовъ вѣнскаго двора. Совершенно неожиданно для австро-венгерскихъ дипломатовъ, болгары геройски отразили незаконное нападеніе сербовъ, перешли въ наступленіе и сами вторглись въ предѣлы Сербіи.

Видя полнѣйшее пораженіе сербскихъ войскъ и трепеща за участь своего подручника, Австрія обратилась за помощью къ Россіи, которая, побуждаемая чувствомъ человеколюбія, 12 (24) ноября предложила великимъ державамъ прекратить кровопролитную борьбу между сербами и болгарами путемъ энергическаго давленія, условленнаго между Портою и державами, и съ этою цѣлью снабдить соответствующими инструкціями своихъ агентовъ въ Константинополь, Бѣлградъ и Софію. *) Вслѣдствіе предложенія Россіи, великія европейскія державы, до сего времени хладнокровно смотрѣвшія на братоубійственную войну, предписали своимъ представителямъ вручить сербскому и болгарскому правительствамъ совокупныя ноты съ приглашеніемъ прекратить военныя дѣйствія. Съ своей стороны Австрія, мало вѣря въ чудодѣйственную силу дипломатическихъ нотъ, что бы скорѣе добиться перемирія между Сербіей и Болгаріей для предотвращенія опасности, грозившей столицѣ Сербскаго королевства и самому престолу преданнаго ей Обреновича, присоединила къ требованіямъ великихъ державъ свою самостоятельную угрозу болгарскому князю, что если онъ не пріостановитъ своего побѣдоноснаго шествія по сербской территоріи, то австро-венгерскія войска выступятъ на помощь королю Милану. **) Боязнь вооруженнаго вмѣшательства Австро-Венгріи остановила дальнѣйшее движеніе болгарской арміи, уже водворившейся въ Пиротъ. 16 (28) ноября 1885 года, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія Сербіей войны Болгарія, война эта была окончена, и король Миланъ въ силу необходимости

*) Французскій посолъ въ Петербургѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ 12 (24) ноября 1885 года.

***) Циркулярная телеграмма болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ великихъ державъ въ Софію отъ 16 (28) ноября 1885 года.

долженъ былъ отказаться отъ своего корыстнаго противодѣйствія дѣлу болгарскаго объединенія, которое теперь, помимо европейской дипломатіи, безповоротно рѣшено было въ положительномъ смыслѣ.

По прекращеніи усиліями Австріи ею же самой допущенной несправедливой братоубійственной войны русское правительство выступило съ предложеніемъ общаго разоруженія всѣхъ балканскихъ государствъ, чтобы тѣмъ водворить среди нихъ миръ и дать дипломатіи возможность спокойно заняться изысканіемъ средствъ къ улаженію настоящихъ затрудненій. «Желаніе мирнаго исхода восточныхъ замѣшательствъ—писалъ г. Гирсъ русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ 25 декабря 1885 года—было обнаружено всѣми державами. Хотя единодушное соглашеніе касательно практическаго разрѣшенія кризиса и не могло состояться на Константинопольской конференціи, но совокупное вмѣшательство кабинетовъ увѣнчалось успѣхомъ, остановивъ враждебныя дѣйствія между Болгаріею и Сербіею. Вмѣшательство это не полно, пока государства Балканскаго полуострова сохраняютъ свои вооруженія въ ожиданіи случайностей, которыя слѣдовало бы предотвратить. Всеобщая демобилизація отстранила бы эту опасность и дозволила бы съ большею безопасностью заняться изысканіемъ мирнаго исхода изъ настоящихъ затрудненій. Императорскій кабинетъ искренно желаетъ этого. Онъ полагаетъ, что эти мѣры отвѣтятъ желаніямъ и интересамъ Европы, а также и балканскихъ государствъ, изнемогающихъ вслѣдствіе продленія положенія, взаимно угрожающаго. Въ этомъ убѣжденіи петербургскій кабинетъ предлагаетъ державамъ присоединиться къ нему, дабы совокупно и энергично заявить правительствамъ въ Бѣлградѣ, Софіи и Афинахъ о всеобщей и единовременной демобилизаціи, примѣру которой не откажется послѣдовать и Порты» *).

Предложенная Россіею мѣра одновременной демобилизаціи Сербіи, Болгаріи, Греціи и Порты, хотя и была принята великими державами, но не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ сербамъ и болгарамъ **).

*) Циркуляръ г. Гирса русскимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ, отъ 25 декабря 1885 года (6 января 1886 года).

**) Съ цѣлью принужденія Греціи къ разоруженію великія державы, кромѣ Франціи, блокировали греческіе берега.

перемирія 9 (21) декабря 1885 года, они не торопились заключеніемъ мира, и ихъ уполномоченные вмѣстѣ съ представителемъ Оттоманской Порты съѣхались въ Бухарестъ для этой цѣли лишь въ концѣ января 1886 года. Въ виду предстоящихъ переговоровъ о заключеніи окончательнаго мира между Сербіей и Болгаріей русское правительство предложило европейскимъ кабинетамъ дать знать въ Константинополѣ, Бѣлградѣ и Софіи, что великія державы, хотя и предоставляютъ заинтересованнымъ сторонамъ «заключить миръ окончательно, но желаютъ, чтобы миръ этотъ былъ проченъ и серіозенъ, чтобы онъ не уклонялся отъ положенія, созданнаго Берлинскимъ трактатомъ, за исключеніемъ разрѣшенія давнихъ споровъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, и чтобы, наконецъ, онъ не касался политическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ исключительно Европѣ» *). Великія державы отвѣтили согласіемъ на наше предложеніе, и въ Константинополѣ была составлена послами въ этомъ смыслѣ декларация, къ которой приступила и Порта. Соотвѣтственно этой декларациі даны были инструкціи и представителямъ великихъ державъ въ Бухарестъ. Результатомъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ усилій было то, что 19 февраля (3 марта) 1886 года въ румынской столицѣ былъ подписанъ мирный договоръ, который состоялъ изъ единственной статьи, главсившей просто, что миръ между Сербіей и Болгаріей восстановленъ **).

Въ то время какъ при дѣятельномъ участіи Россіи происходили переговоры о скорѣйшемъ замиреніи Сербіи съ Болгаріей, русское правительство не переставало заботиться и объ окончательномъ улаженіи румелійскаго вопроса, упорно отстаивая первоначально усвоенный имъ взглядъ на дѣло болгарскаго соединенія, несмотря на то, что взглядъ этотъ не былъ принятъ Константинопольскою конференціей и мало отвѣчалъ тому положенію, въ какомъ оказались болгары послѣ побѣдоноснаго для нихъ исхода войны съ Сербіей. Не отчаяваясь въ возможности восстановить въ Восточной Румелии status quo ante, императорское правительство, по соглашенію съ вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами, къ которому приступила и Италія, склонила Порту къ тому, чтобы отправить въ Плов-

*) Циркулярная телеграмма г. Гирса отъ 18 (30) января 1885 года.

***) Татищевъ, назв. соч., стр. 436.

динъ двухъ турецкихъ делегатовъ съ порученіемъ пригласить мѣстныхъ власти покориться султану, именемъ его издать воззваніе объ амнистіи и возвѣстить о предстоящемъ прибытіи оттоманскаго комиссара для вступленія въ управленіе Румелію. Делегатовъ Порты должны были поддержать особые уполномоченные Россіи, Германіи, Австріи и Италіи *). Но мѣра эта имѣла столько же успѣха, сколько и прежде проектированные нами способы восстановленія стараго порядка вещей въ Восточной Румеліи. Франція отказалась отрядить своего уполномоченнаго для сопровожденія турецкихъ делегатовъ, находя, «что противно праву приводить въ исполненіе нѣкими постановленія конференціи, не пришедшей къ соглашенію». Въ предложенной нами мѣрѣ не приняла участія и Англія, которая въ дѣлѣ румелійскаго переворота взяла на себя приличествовавшую Россіи роль покровительницы національныхъ стремленій болгарскаго народа. Что же касается до румеліотовъ, то они, при первомъ извѣстіи о предстоящемъ прибытіи делегатовъ Порты, заявили консуламъ великихъ державъ протестъ противъ всякой попытки восстановленія status quo ante, присовокупивъ, что они не признаютъ никакой другой власти, кромѣ болгарскаго правительства въ лицѣ князя Александра, и до послѣдней капли крови будутъ стоять за дѣло соединенія **). Народное возбужденіе въ Румеліи было настолько велико, что турецкіе делегаты послѣдшили отретироваться, не рѣшившись даже издать воззванія султана объ амнистіи ***).

Само собою разумѣется, что противодѣйствіе императорскаго правительства естественнымъ стремленіямъ болгарскаго народа къ объединенію, которое имъ же самимъ намѣчено было въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, могло имѣть своимъ слѣдствіемъ лишь одно—покровительство этимъ стремленіямъ со стороны другихъ державъ, нашихъ соперницъ на Востокъ съ тѣмъ, чтобы подорвать значеніе Россіи въ Болгаріи и упрочить тамъ собственное вліяніе. Подобнаго рода исходъ желаній императорскаго кабинета восстановить столь дорогой ему status quo ante въ Восточной Румеліи указывался дол-

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 438.

***) Французскій консулъ въ Пловдивѣ министру иностранныхъ дѣлъ 25 ноября (7 декабря) 1886 года.

****) Царуларъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 1 (13) декабря 1886 года.

голѣтней исторіей восточнаго вопроса, которая представляетъ массу примѣровъ тому, что какъ только Россія высказывала неудовольствіе балканскимъ христіанамъ по поводу ихъ законныхъ стремленій къ независимости или большей самостоятельности, они тотчасъ же находили покровительство своимъ домогательствамъ со стороны другихъ государствъ, не менѣе насъ интересовавшихся судьбами Востока и потому всегда съ готовностью пользовавшихся каждымъ неправильнымъ нашимъ шагомъ въ дѣлѣ осуществленія своего историческаго призванія, какъ средствомъ къ полученію, въ ущербъ Россіи, большаго значенія среди народностей Балканскаго полуострова. Такого рода явленіе, неоднократно имѣвшее мѣсто въ нашей восточной политикѣ, повторилось и на этотъ разъ. Послѣ того, какъ императорское правительство не пожелало принять во вниманіе того вліянія, какое должна была имѣть сербо-болгарская война на рѣшеніе вопроса о соединеніи, на сторону болгаръ и румеліотовъ рѣшительнымъ образомъ стала Англія, уже давно противодѣйствовавшая политикѣ тройственнаго союза, видя въ немъ новую форму Священнаго Союза», борьбу съ консервативными началами котораго она всегда считала своею обязанностью.

Англія направила всѣ свои дипломатическія усилія къ тому, чтобы утвердить порядокъ вещей, созданный въ Болгаріи румелійскимъ переворотомъ. Въ этихъ видахъ она склонила Порту войти въ непосредственное соглашеніе съ болгарскимъ княземъ по румелійскому дѣлу. При посредничествѣ великобританскаго посла въ Константинополь между Портой и Болгаріей состоялись переговоры, результатомъ которыхъ было признаніе султаномъ личной уніи Болгаріи и Восточной Румеліи. Главнѣйшіе пункты соглашенія, выработаннаго уполномоченными падишаха и болгарскаго князя, заключались въ слѣдующемъ: 1) князь Александръ назначается генераль-губернаторомъ Восточной Румеліи на основаніи Берлинскаго договора, съ тѣмъ, что если онъ пребудетъ вѣренъ султану, поддержитъ порядокъ и спокойствіе въ области и обезпечитъ благосостояніе населенія, то каждый разъ, по истеченіи пятилѣтняго срока, установленнаго 17-ю статьею названнаго договора, полномочія его будутъ возобновляемы властью султана (ст. 1); 2) румелійская администрація объединяется съ болгарскою, а румелійская милиція входитъ въ составъ болгарскихъ войскъ, при чемъ на болгарскаго князя распро-

страняется предоставленное султану 15-ю статьею Берлинскаго трактата право, въ случаѣ безпорядковъ вводить войска въ Восточную Румелию (ст. 3); 3) въ случаѣ нападенія на европейскую Турцію, болгаро-румелійскія войска поступаютъ въ распоряженіе турецкихъ военачальниковъ; съ своей стороны султанъ отдаетъ подъ начальство болгарскаго князя турецкія войска, въ случаѣ нападенія на болгаро - румелійскія границы (ст. 4); 4) князь Александръ долженъ уступить Турціи мусульманскія села Кирджалийскаго округа, причисленныя Берлинскимъ трактатомъ къ Восточной Румелии, (ст. 2) и поручиться за исправную уплату румелійскаго долга (ст. 5); 5) турецко-болгарская коммиссія пересмотритъ румелійскій органическій статутъ и введетъ въ него необходимыя измѣненія соотвѣтственно положенію, данному на основаніи этого договора Восточной Румелии (ст. 6) *).

Это соглашеніе съ Болгаріей, достигнутое при дѣятельномъ участіи англійской дипломатіи, было представлено Портою на усмотрѣніе великихъ европейскихъ державъ, которыя готовы были скрѣпить его своею подписью, несмотря на то, что по точному смыслу его болгарскій князь изъ фактическаго обращался въ дѣйствительнаго вассала турецкаго султана, предоставляя Турціи большую власть надъ Болгаріей и Румеліей, чѣмъ какая была предоставлена ей Берлинскимъ трактатомъ. Въ западной Европѣ не только не имѣли ничего противъ *modus vivendi*, установленнаго между Турціей и Болгаріей, но даже рукоплескали князю Александру, «успѣвшему безъ помощи «сильнаго покровителя» добиться соглашенія съ Турціей, соотвѣтствующаго де интересамъ его народа и обезпечивающаго его собственную независимость, и не находили достаточно словъ для восхваленія мудрости князя» **). Но если европейскіе кабинеты, при видѣ образованія изъ объединенной Болгаріи англійской противъ Россіи цитадели на Балканскомъ полуостровѣ, ничего не имѣли противъ утвержденія договора князя Александра съ Портою, то не такъ отнеслось къ этому договору русское правительство.

Узнавъ о состоявшемся между Портою и Болгаріей соглашеніи, «дипломатія наша—говорить г. Татищевъ—встревожилась не на шут-

*) Турецко-болгарскій договоръ отъ 20 января (1 февраля) 1886 года, см. Татищевъ, назв. соч., стр. 442—443.

***) Московскія Вѣдомости за 1886 годъ № 23.

ку», такъ какъ «вопреки ея ожиданіямъ «европейскій концертъ» не только признавалъ фактъ соединенія обѣихъ Болгарій подъ властью князя Александра, но и санкціонировалъ союзъ его съ Портою, прямо направленный противъ Россіи»^{*)}). Поэтому императорское правительство заявило свой протестъ противъ турецко-болгарской сдѣлки, потребовавъ: 1) чтобы генералъ-губернаторомъ Восточной Румелии назначенъ былъ не лично князь Александръ, а болгарскій князь вообще, и притомъ безсрочно; 2) если же державы предпочли бы сохранить пятилѣтній срокъ, то чтобы продленіе полномочій князя на слѣдующее пятилѣтіе зависѣло не отъ одного султана, а отъ всѣхъ великихъ европейскихъ государствъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ 1878 года, которыя такимъ образомъ получали бы возможность контролировать и выбирать лицо, имѣющее стать во главѣ турецкой провинціи, будущность которой для нихъ, конечно, не можетъ быть безразлична; 3) чтобы органическій статутъ Восточной Румелии былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ не турецко-болгарскою, а европейскою комиссіею; 4) чтобы пунктъ объ обоюдной защитѣ Турціи и Болгаріи былъ уничтоженъ въ виду того, что условія о военной связи между ними совершенно лишніи, если истекаютъ изъ суверенныхъ правъ султана, и опасны и противны «традиціямъ» — если должны осуществиться на дѣлѣ, такъ какъ никогда еще отъ подвластныхъ Портѣ христіанскихъ княжествъ не требовалось военной помощи; измѣненіе же этого порядка увѣковѣчило бы на Балканскомъ полуостровѣ войну или вооруженный миръ; 5) и, наконецъ, чтобы безъ согласія державъ между Турціей и Болгаріей не производились никакія территоріальныя уступки^{**}).

Справедливость требуетъ сказать, что сдѣланныя Россіей возраженія противъ турецко-болгарскаго соглашенія, были вполне основательны. Соглашеніе это признавалось неудачнымъ не только Россіей, но и самимъ болгарскимъ народомъ, который остался недоволенъ княземъ Александромъ за то, что онъ сдѣлалъ въ пользу султана уступки, не отвѣчавшія самымъ невзыскательнымъ требованіямъ національнаго достоинства Болгаріи, и главное — уменьшалъ

^{*)} Назв. соч., стр. 443.

^{**}) Циркулярная телеграмма французскаго министра иностранныхъ дѣлъ 6 (18) декабря 1886 г.

ея самостоятельность на счет усиленія надъ княжествомъ столь ненавистной ему власти Оттоманской Порты. Тѣмъ не менѣе прошло два мѣсяца, прежде чѣмъ великія европейскія державы изъявили свое согласіе на предложенныя русскимъ правительствомъ поправки. «Побудила ихъ къ тому, очевидно, боязнь, какъ бы мы не воспользовались случаемъ, чтобы, констатировавъ нарушение Берлинскаго трактата, объявить его лишеннымъ для насъ обязательной силы» *), а также желаніе придти къ скорѣйшему разрѣшенію румелийскаго вопроса, такъ какъ отъ улаженія его зависѣло общее умиротвореніе Балканскаго полуострова. На наши поправки согласилась и Порта, подъ вліяніемъ совѣтовъ Англіи, гдѣ новое министерство Гладстона нашло справедливымъ стать на сторону Россіи и заявить султану о невозможности турецко-болгарскаго договора. Послѣ нѣкотораго колебанія, вызваннаго политикою вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, компромиссъ, на который изъявили согласіе всѣ великія европейскія державы, признанъ былъ и княземъ Александромъ, требовавшимъ вмѣсто пятилѣтняго срока безсрочнаго назначенія его въ качествѣ генераль-губернатора Восточной Румелии.

Вслѣдствіе состоявшагося между великими европейскими державами соглашенія, 24 марта (5 апрѣля) 1886 года ихъ послы собрались въ Константинополь на конференцію и подписали протоколъ, содержащій условія, на которыхъ Европа допускала «устройство дѣлъ Восточной Румелии». Въ силу этого протокола Восточная Румелия, согласно соотвѣтствующимъ статьямъ Берлинскаго трактата, была оставлена автономною турецкою провинціею, управляемою генераль-губернаторомъ, каковымъ назначается Портою болгарскій князь на точномъ основаніи 17 статьи названнаго трактата, т.-е. на пятилѣтній срокъ и съ согласія великихъ державъ. Что касается устройства Восточной Румелии, ея управленія внутри и отношеній къ сосѣднимъ странамъ и верховной надъ нею власти Порты, то протоколъ конференціи опредѣлилъ выработать новый органическій статутъ для упомянутой провинціи, возложивъ это дѣло на смѣшанную турецко-болгарскую комиссію, которая обязывалась окончить свой трудъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и представить его на утверженіе великихъ державъ. Протоколомъ допускалась

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 444.

уступка Портъ Кирджалийскаго округа и въ заключеніе подтвержда-
лась сила прочихъ, относящихся до Болгаріи и Восточной Румелии,
статей Берлинскаго трактата *).

Въ силу этого протокола Константинопольской конференціи бол-
гаро-румелийское дѣло было улажено путемъ признанія великими
европейскими державами личнаго соединенія обѣихъ Болгарій подъ
властью князя Александра. Султанскимъ ирадѣ князь болгарскій
былъ назначенъ генералъ - губернаторомъ Восточной Румелии на
пять лѣтъ, послѣ чего восточный вопросъ, завершивъ на время
свое историческое теченіе, вошелъ въ обычное состояніе хрониче-
скаго кризиса.

*) Протоколъ Константинопольской конференціи отъ 24 марта (5 апрѣля) 1886 года.

Г Л А В А IX.

Низложеніе князя Александра и миссія барона Каульбарса въ Болгарію.

Фактическое объединеніе Болгаріи и Восточной Румелии княземъ Александромъ. Отношеніе къ этому событію со стороны западныхъ державъ и императорскаго русскаго правительства. Низложеніе князя Александра и воззваніе болгаръ къ Россіи. Возстановленіе князя Александра. Желаніе его сблизиться съ Россіей. Отвѣтъ императора Александра III на этотъ шагъ Баттенберга. Ликование западной Европы по поводу контръ-революціи и отъѣздъ князя Александра изъ Болгаріи. Миссія генерала барона Каульбарса. Дѣйствія его въ Болгаріи. Полябішая неудача русской политикѣ въ Болгаріи и ея причины.

Протоколъ Константинопольской конференціи отъ 24 марта (5 апрѣля) 1886 года, санкціонировавшій личное соединеніе обѣихъ Болгарій подѣ властью князя Александра, узаконялъ на Балканскомъ полуостровѣ порядокъ, который всего менѣе отвѣчалъ желаніямъ императорскаго кабинета: онъ признавалъ совершенное безъ нашего согласія объединеніе болгарской національности въ лицѣ принца Баттенбергскаго, давно уже потерявшаго довѣріе и расположеніе петербургскаго двора благодаря своей политикѣ, враждебно направленной противъ Россіи. Тѣмъ не менѣе «достиженіе такого результата дипломатія наша торжествовала какъ побѣду» *), такъ какъ эта развязка румелійскаго вопроса приводила лишь къ незначительному измѣненію Берлинскаго трактата, въ которомъ императорское правительство видѣло палладіумъ европейскаго мира, провозглашеннаго нами высшимъ интересомъ и конечною цѣлью русской политикѣ **). Но если русская дипломатія радовалась исходу

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 444.

***) Назв. соч., стр. 447.

румелийскаго вопроса, то еще болѣе основанія имѣлъ радоваться ему князь Александръ, несмотря на противодѣйствіе Россіи, добившійся соединенія подъ своею властью южной и сѣверной Болгарій и своимъ образомъ дѣйствій снискавшій себѣ не только сочувствіе болгарскаго народа, но и благоволеніе со стороны Порты и остальныхъ великихъ державъ Европы, которыя, не исключая даже наиболѣе расположенной къ намъ Франціи, поддержали на Константинопольской конференціи его личное положеніе въ Болгаріи.

Само собою разумѣется, что усиленіе обаянія князя внутри страны вслѣдствіе сочувствія съ нему болгарскаго народа и обнаруженіе довѣрія со стороны Европы не могли не отразиться на дальнѣйшей политикѣ Александра Баттенбергскаго въ смыслѣ довершенія сліянія обѣихъ Болгарій. Тотчасъ же, послѣ изданія султанскаго ирада о назначеніи генераль - губернаторомъ Восточной Румелии болгарскаго князя, онъ, слѣпо вѣря въ счастье преслѣдуемой имъ политики, открылъ народное собраніе въ Софіи, въ которомъ приняли участіе и народные представители Восточной Румелии, созванные безъ согласія верховнаго повелителя этой страны — султана, и несмотря на то, что организація ея не была еще опредѣлена Европой ни въ административномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Мало того, въ своей «тронной рѣчи» князь болгарскій заявилъ народнымъ представителямъ, что онъ не допускаетъ никакой разницы между признанною за нимъ властью въ княжествѣ болгарскомъ и тою, которая должна быть опредѣлена генераль - губернатору Восточной Румелии; что онъ не вассальный князь и не турецкій чиновникъ, а князь объединеннаго Болгарскаго государства, который знаетъ лишь созванное имъ представительное собраніе. Князь Александръ указалъ на фактъ созыва этого собранія, какъ на доказательство полного сліянія южной и сѣверной Болгарій, передъ которыми неминуемо преклонится вся Европа, а себя выставилъ призваннымъ поставить объединенную страну на должную высоту передъ сосѣдними государствами Балканскаго полуострова.

Такой рѣшительный и произвольный образъ дѣйствій принца Баттенберга имѣлъ своимъ слѣдствіемъ органическое сліяніе обѣихъ Болгарій, вопреки только что состоявшемуся постановленію Европы, давшей свое согласіе лишь на соединеніе ихъ подъ личною властью болгарскаго князя. Тѣмъ не менѣе, самовольно совершенное княземъ

Александромъ и одобренное собраніемъ болгарскихъ и румелійскихъ депутатовъ государственное и политическое объединеніе болгарскаго народа не вызвало никакого протеста не только со стороны западныхъ державъ, стоявшихъ за объединеніе болгарскаго народа со времени филиппопольскаго переворота, но и со стороны русскаго правительства, которое до сихъ поръ самымъ энергическимъ образомъ противоудѣйствовало этому объединенію. Наше правительство не протестовало противъ совершенныхъ въ Румелии дополнительныхъ выборовъ депутатовъ въ народное собраніе княжества, а лишь предупреждало султана, что «сохраняя молчаніе по поводу этихъ фактовъ, Порта подвергается опасности, что поведеніе ея будетъ истолковано, какъ безмолвное одобреніе порядку вещей, введенному въ области, и, слѣдовательно, на нее падеть и отвѣтственность за могущія произойти отъ того замѣшательства» *). Но разумѣется — говорить г. Татищевъ — «подобныя сѣтованія ни мало не трогали министровъ султана, еще недавно обнаружившихъ стремленіе къ тѣсному единенію съ Болгаріей противъ Россіи» **).

Поставивъ непосредственною цѣлью своей внѣшней политики охраненіе европейскаго мира и улучшеніе своего внутренняго благосостоянія, Россія, очевидно, не желала обострять болгарскаго вопроса, тѣмъ болѣе, что положеніе князя Александра, какъ въ Болгаріи, такъ и по отношенію къ Европѣ, казалось вполне упроченнымъ, вслѣдствіе чего новая борьба съ нимъ могла лишь поколебать спокойствіе въ Европѣ. А невозможность борьбы съ княземъ имѣла для насъ весьма существенное, можно сказать, рѣшающее значеніе въ болгарскомъ вопросѣ, такъ какъ исключительною цѣлью нашей политики въ Болгаріи въ это время было удаленіе князя Александра съ престола, чтобы угадать *en haut lieu*. Татищевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «этимъ суживался до предѣловъ какъ бы личнаго поединка между русскимъ императоромъ съ княземъ вопросъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ освободительницѣ и благодѣтельницѣ ея — Россіи, въ явный ущербъ пользамъ и достоинству русскаго двора» ***). Тѣмъ не менѣе, настойчиво преслѣдуя подобнаго

*) Г. Гарсъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, г. Огу. 18 (30) мая 1886 года.

**) Назв. соч., стр. 448.

***) Назв. соч., стр. 451.

рода политику и твердо вѣруя въ непоколебимость положенія князя, русское правительство и при новыхъ его правонарушеніяхъ осталось вѣрно своей задачѣ, признавъ за лучшее отложить достиженіе ея до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя, къ нашему немалому удовольствію, не заставили себя долго ждать.

Усиленіе власти князя Александра и его желаніе полновластно распоряжаться судьбою болгарскаго народа не замедлило возбудить сильное неудовольствіе противъ него всѣхъ политическихъ партій Болгаріи *). Нѣкоторые же неловкіе и опрометчивые поступки князя, совершенные имъ въ заботѣ о приобрѣтеніи популярности въ войскѣ, а главное неправильная раздача наградъ, включеніе въ болгарскую армию румелійскихъ войскъ и предоставленіе румелійскимъ офицерамъ съ высшими чинами преимуществъ старшинства надъ болгарскими офицерами — зародили въ лучшей части послѣднихъ недовольство правительствомъ, раздѣлившее болгарскую армию на ревностныхъ сторонниковъ князя и ярыхъ противниковъ его, причемъ расколъ этотъ для прочности положенія принца Баттенбергскаго на болгарскомъ престолѣ былъ гораздо болѣе опасенъ, чѣмъ недружелюбное настроеніе къ нему всѣхъ болгарскихъ партій **). Всѣ эти, чисто внутреннія отношенія между княземъ и народомъ привели къ тому, что въ ночь съ 8 на 9 августа принцъ Александръ былъ арестованъ въ своемъ дворцѣ и вынужденъ подписать отреченіе отъ болгарскаго престола, а за тѣмъ торжественно выпровоженъ за границу, на русскій берегъ Дуная. Въ княжествѣ же послѣ этого переворота, совершеннаго недовольными княземъ офицерами болгарской арміи, было образовано временное

*) „Болѣе или менѣе искренно дружилъ ему—говоритъ г. Татищевъ—одни триумвиръ—Стояновъ, Начевичъ и Грековъ, лишенные, впрочемъ, всякаго значенія и вліянія въ странѣ. Консерваторы отъѣнка Бурмова и Балабанова давно стояли къ нему въ открытой оппозиціи. Крайніе радикалы, послѣдователи Петкова, Ризова и Стоянова, пользовались его поддержкою для проведенія собственныхъ видовъ, чисто анархическаго свойства. Вожди и участники румелійскаго переворота завѣрились въ немъ, когда онъ оказался безсильнымъ отвести имъ подобающее мѣсто въ правительствѣ. Народники, предводимые Каравеловымъ и Стамбуловымъ, ревниво оберегали отъ его послательствъ власть, которую располагали въ качествѣ конституціонныхъ министровъ. Наконецъ, выдѣлившійся изъ либеральнаго лагеря Цанковъ надѣялся усиленною агитаціею противъ князя возстановить подорванный своей авторитетъ въ собраніи и въ политическихъ кругахъ“ (назв. соч., стр. 449).

**) Татищевъ, назв. соч., стр. 449 - 450.

правительство изъ всѣхъ партій, которое обратилось къ русскому императору съ мольбою о его высокомъ покровительствѣ и о признаніи самостоятельности Болгаріи.

Изложеніе князя Александра, служившаго главною причиною нашей чрезвычайно странной политики въ болгарскомъ вопросѣ, открывало широкій просторъ русскому правительству для установленія въ Болгаріи того порядка вещей, который согласовался бы съ интересами Россіи и освобожденнаго ею народа. Но нигдѣ и никогда—говоритъ г. Татищевъ—полная несостоятельность нашей политики не выразилась болѣе ярко и наглядно, какъ въ дѣйствіяхъ Россіи до и послѣ переворота 9 (21) августа. «Три года она всю свою политику въ Болгаріи строила въ виду случайности отрѣшенія отъ власти Баттенберга, искала даже заручиться согласіемъ на нее своихъ ближайшихъ союзниковъ дворовъ берлинскаго и вѣнскаго, и когда, наконецъ, фактъ совершился, то не сумѣла имъ воспользоваться». Тамъ, гдѣ нужна была быстрота и рѣшимость, Россія выказала лишь обычную нерѣшимость *). Болгары и Европа долго недоумѣвали о томъ, какъ отнесется Россія къ изложенію князя Александра. Но едва успѣлъ распространиться слухъ о намѣреніи императорскаго правительства послать въ Болгарію князя Долгорукова въ качествѣ чрезвычайнаго комиссара, какъ стало извѣстно, что принцу Баттенбергскому, тотчасъ по высадкѣ на русскій берегъ, дозволенъ свободный выѣздъ изъ Россіи, и что онъ черезъ Галицію и Румынію возвращается въ Софію **), гдѣ уже успѣла въ это время проявиться реакція противъ переворота.

Благопріятное князю Александру движеніе въ Болгаріи вызвано было не сочувствіемъ къ нему лицъ, ратовавшихъ за восстановленіе его на болгарскомъ престолѣ, а тѣмъ, что лица эти—Стамбуловъ и его товарищи—видѣли и признавали въ Баттенбергѣ представителя начала политической самостоятельности Болгаріи.***) Вѣсть о реакціи противъ переворота и о возможности снова вступить на болгарскій престолъ достигла до князя въ Подволочискѣ, первой станціи на границѣ Австріи, а въ Львовѣ его встрѣтили уже сердечные

*) Назв. соч., стр. 453.

**) Назв. соч., стр. 453.

***) Назв. соч., стр. 453.

друзья, съ которыми онъ отправился ближайшимъ путемъ въ Бухарестъ, а оттуда въ Болгарію. Въ Русчукъ была оказана князю торжественная встрѣча, въ которой участвовалъ управляющій нашимъ консульствомъ, секретарь Шатохинъ, поставленный въ полнѣйшую неизвѣстность относительно того, какъ относится Россія къ возвращенію Баттенберга въ Болгарію. Но вторичное правленіе князя Александра было весьма непродолжительно.

Какъ народомъ, такъ и княземъ присутствіе русскаго консула при торжественной встрѣчѣ на болгарскомъ берегу было истолковано въ томъ смыслѣ, что императорское правительство сочувственно относится къ контръ-революціи, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно подъ какимъ нибудь предлогомъ задержало бы Баттенберга въ Россіи впредь до установленія въ Болгаріи новаго порядка. Въ виду этого князь Александръ, желая упрочить за собою еще такъ недавно потерянный было болгарскій престолъ, рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы возстановить добрыя отношенія съ Россіей, необходимость въ которыхъ чувствовалась тѣмъ болѣе, что благовиднымъ предлогомъ его низложенія выставилась враждебность политики князя по отношенію къ державѣ—освободительницѣ, примиреніе же съ нею устранило бы на нѣкоторое время этотъ предлогъ и при томъ дало бы возможность заручиться сильной поддержкой для упроченія своей власти въ Болгаріи. Въ порывѣ увлеченія этими соображеніями, онъ лично вручилъ 18 августа управляющему русскимъ консульствомъ въ Русчукъ, для передачи министру иностранныхъ дѣлъ, слѣдующую телеграмму на имя государя императора.

«Ваше величество, вновь взявъ въ свои руки управленіе моею страной, осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству выраженіе моей почтительнѣйшей признательности за то, что представитель вашего императорскаго величества въ Русчукъ своимъ официальнымъ присутствіемъ на моемъ приѣмѣ обнаружилъ передъ болгарскимъ народомъ, что императорское правительство не можетъ одобрить направленного противъ моей особы революціоннаго акта; въ то же время испрашиваю соизволеніе повергнуть передъ вашимъ императорскимъ величествомъ мою благодарность за посылку генерала, князя Долгорукова, съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ вашего императорскаго величества, такъ какъ, принявъ вновь законную власть, я считаю своимъ долгомъ заявить вашему импе-

раторскому величеству о моемъ твердомъ намѣреніи принять на себя всѣ жертвы, дабы способствовать великодушному намѣренію вашего императорскаго величества вывести Болгарію изъ тяжкаго кризиса, который она переживаетъ. Прошу ваше императорское величество разрѣшить князю Долгорукову войти непосредственно и какъ можно скорѣе со мной въ соглашеніе. Я буду счастливъ представить вашему императорскому величеству окончательное доказательство моей неизмѣнной преданности августѣйшей особѣ вашей. Монархическій принципъ вынудилъ меня возстановить законность въ Болгаріи и Румелии. Россія даровала мнѣ мою корону, и эту корону я готовъ вручить ея монарху» *).

На эту телеграмму государемъ императоромъ данъ былъ слѣдующій ясный и твердый отвѣтъ болгарскому князю: «Я получилъ телеграмму вашего высочества. Не могу одобрить возвращенія вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столькимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременною. Я буду воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока вы будете тамъ оставаться. Вашему высочеству предстоитъ рѣшить, что вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю себѣ судить о томъ, къ чему обязываютъ меня чтима мною память моего родителя, интересы Россіи и миръ на Востокѣ» **).

Этотъ категорическій и не оставлявшій никакихъ сомнѣній отвѣтъ государя императора на изъявленіе княземъ Александромъ готовности быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства, былъ для всѣхъ полнѣйшею неожиданностью. Въ особенности онъ долженъ былъ поразить западныя державы. Торжественное возвращеніе принца Александра Баттенберга въ Болгарію произвело пріятное впечатлѣніе въ Европѣ и главнымъ образомъ въ Англіи, гдѣ болгарская революція подѣйствовала удручающимъ образомъ. Здѣсь контръ-революція вызвала полнѣйшее ликование англійской прессы, которая только что метала громъ и молвію по поводу переворота 9 августа. «Принцъ Александръ—писалъ Morning Post—возвращается въ Софію не только какъ возлюбленный государь возникающей націи, но еще какъ часовой старой Европы противъ

*) Князь Александръ болгарскій государю императору 18 (30) августа 1886 года.

***) Высочайшая телеграмма князю Александру отъ 20 августа (1 сентября) 1886 г.

московскаго вторженія. Это чувствуется, и сильно чувствуется въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Будапештѣ и Римѣ, чтобы ни говорили великіе канцлеры». — «Старая дунайская крѣпость—заявлялъ Times, комментируя пріѣздъ князя Александра въ Русукуъ — никогда не присутствовала при болѣе замѣчательномъ зрѣлищѣ, ни даже въ февралѣ 1878 года, когда въ нее вступила русская армія и своимъ вступленіемъ провозгласила, что турецкое господство въ Болгаріи на вѣки прекратилось. Эта сцена была естественнымъ концомъ смертельной борьбы». Не менѣе сочувственно отнеслись къ возвращенію князя въ Софію Standart, Daily News и многія другія газеты. Полная восторга и розовыхъ надеждъ по случаю реставраціи князя Александра, западная Европа полагала, что Россія, хотя на время примирится съ совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе, что русскій консулъ въ парадной формѣ встрѣтилъ принца при возвращеніи его въ Болгарію и тѣмъ показалъ, что императорское правительство одобрительно относится къ его вторичному вступленію на болгарскій престолъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Государь императоръ, къ общему удивленію, не одобрилъ возвращенія князя Александра, въ Болгарію, и послѣдній, давъ слово принять на себя всѣ жертвы, дабы вывести княжество изъ тяжкаго кризиса, который оно переживало, вынужденъ былъ окончательно отказаться отъ болгарскаго престола, «убѣдившись,—какъ онъ заявлялъ въ прокламаціи о своемъ отреченіи,— что его отъѣздъ изъ Болгаріи облегчитъ возстановленіе добрыхъ отношеній между Болгаріей и ея освободительницею—Россіей» *).

Само собою разумѣется, что рѣшительный образъ дѣйствій императорскаго правительства вызвалъ цѣлую бурю негодованій на Россію. Органъ маркиза Салисбюри, Morning Post, заговорилъ даже объ опасностяхъ русскаго вліянія въ Болгаріи, стараясь доказать, что «принципъ, который привелъ къ Севастопольской войнѣ, остался въ прежней силѣ, и что миръ и спокойствіе Европы требуютъ немедленнаго дѣйствія для того, чтобы остановить дальнѣйшее нарушеніе петербургскимъ кабинетомъ существующихъ договоровъ съ цѣлью занять Константинополь». Тѣмъ не менѣе, несмотря на такія рѣзкія нападки на дѣйствія императорскаго правительства, великія державы не оказали поддержки Баттенбергу и не протестовали

*) Воззваніе князя Александра къ болгарскому народу 27 августа (8 сентября) 1886 года.

противъ его удаленія изъ Болгаріи по волѣ одного русскаго императора, хотя — говоритъ г. Татищевъ — телеграмма государя императора, очевидно, не сообразовалась съ постановленіями Берлинскаго конгресса, признававшими за Россією въ Болгаріи положеніе, вполне тождественное съ положеніемъ всѣхъ прочихъ державъ. *) Въ то время какъ въ Англіи раздавались крики противъ Россіи, Австрія и Германія, только что обновившія узы фиктивной дружбы съ своей сѣверной сосѣдкой, держали себя довольно сдержанно, причемъ кн. Бисмаркъ высказался даже въ томъ смыслѣ, что ни одно нѣмецкое государство не имѣетъ права жертвовать дружественными отношеніями къ Россіи въ пользу болгарскаго князя, несмотря на то, что восточный вопросъ тѣсно связанъ съ интересами Австро-Венгріи и Германіи.

Исполняя обѣщаніе принять на себя всѣ жертвы, дабы вывести Болгарію изъ тяжкаго кризиса, который она переживала, кн. Александръ немедленно покинулъ страну послѣ того, какъ императоръ Александръ III не одобрилъ его вторичнаго вступленія на болгарскій престолъ и положительно отказался отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ княжества, пока оно будетъ находиться въ его управленіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда принца Александра изъ Болгаріи было открыто народное собраніе (1-го сентября), которое утвердило образованное удалившимся княземъ регентство изъ Каравелова, Стамбулова и Муткурова, выработало новый избирательный законъ, по которому меньшинство, овладѣвшее избирательнымъ бюро (т. е. правительственное), можетъ назначать депутатомъ кого угодно, поручило регентству созвать великое народное собраніе для избранія князя и ввести осадное положеніе въ странѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ болгарское собраніе единогласно постановило отправить къ государю императору телеграмму съ изъявленіемъ чувствъ любви и искренней преданности къ Россіи. Въ телеграммѣ этой, переданной черезъ нашего дипломатическаго агента, оно умоляло государя предать забвенію прошлыя вины Болгаріи и принять подъ свое покровительство объединеніе, самобытность и самостоятельность болгарскаго народа. Россія, конечно, тотчасъ же откликнулась на призывъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Въ отвѣтной телеграммѣ министра иностранныхъ дѣлъ говорилось, что

*) Назв. соч., стр. 455.

какъ народъ, такъ и его правители «будутъ постоянно воздерживаться въ будущемъ отъ дѣйствій и заявленій, несогласныхъ съ хорошо извѣстнымъ болгарамъ взглядомъ его величества на настоящее положеніе ихъ страны и постараются положить конецъ раздорамъ между партіями». Въѣстѣ съ тѣмъ телеграмма возвѣщала о предстоящемъ прибытіи въ Софію назначеннаго завѣдывать дѣлами дипломатическаго агентства генерала барона Каульбарса (брата бывшаго болгарскаго министра), который долженъ былъ «служить посредникомъ при передачѣ болгарамъ всемилоствѣннѣйшихъ указаній въ виду обезпеченія странѣ ихъ счастливой будущности и возстановленія прежнихъ отношеній между Россіей и княжествомъ». Въ случаѣ готовности болгаръ сообразоваться съ этими указаніями—заклучала телеграмма — государь императоръ приметъ на себя заботу «о преуспѣяніи ихъ народныхъ интересовъ».

Однако, прошло больше мѣсяца, прежде чѣмъ баронъ Каульбарсъ прибылъ въ Болгарію, для исполненія возложеннаго на него порученія воспользоваться благоприятными условіями для обезпеченія этой странѣ счастливой будущности и возстановленія вполнѣ нормальныхъ отношеній между болгарскимъ народомъ и Россіей. Такое промедленіе русской дипломатіи, конечно, не могло не отразиться на успѣшности предпринятаго ею дѣла, такъ какъ до прибытія въ Болгарію нашего чрезвычайнаго агента здѣсь, съ одной стороны, успѣла проявить свое вліяніе иностранная дипломатія, всегда умѣвшая пользоваться случаемъ для противодѣйствія Россіи на Востокѣ, а съ другой стороны, стало обнаруживаться сожалѣніе объ отъѣздѣ Александра Баттенберга, который сыгралъ весьма важную роль въ исторіи Болгаріи и всего восточнаго вопроса, принявъ на себя дѣло объединенія болгарской національности. Проявленіе этого сожалѣнія имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ Болгаріи начались аресты виновниковъ софійскаго переворота и агитація въ пользу Баттенберга, путемъ распространенія въ болгарскомъ народѣ слуховъ, что отреченіе князя есть лишь временное, вызванное однимъ недоразумѣніемъ, и что онъ снова возвратится въ Болгарію по волѣ русскаго государя. Все это было, разумѣется, дѣломъ враговъ Россіи, домогавшихся вторичнаго избранія принца Александра на болгарскій престолъ, которое могло бы получить санкцію великихъ державъ и поставить въ неловкое положеніе петербургское правительство.

Какъ-бы то ни было, нашъ дипломатическій агентъ явился въ Болгарію тогда, когда настроеніе умовъ уже значительно измѣнилось здѣсь не въ пользу Россіи, вслѣдствіе чего уменьшилась и самая готовность народныхъ представителей принять русскую помощь и подчиниться русскимъ указаніямъ. Прибывъ въ Софію, этотъ специальный уполномоченный императорскаго правительства передалъ болгарскому регентству ноту, содержащую въ себѣ совѣты, отъ принятія которыхъ, по мнѣнію Россіи, зависѣла возможность установленія въ странѣ прочнаго законнаго государственнаго порядка. Въ этой нотѣ болгарскому правительству предлагалось: 1) снять осадное положеніе въ княжествѣ; 2) приостановить на неопредѣленное время судебное преслѣдованіе лицъ, участвовавшихъ въ переворотѣ 9-го августа, и 3) назначить выборы въ великое народное собраніе не ранѣе ноября, чтобы дать успокоиться страстямъ и обезпечить правильное и свободное выраженіе народной воли при предстоящемъ избраніи новаго князя *). На совѣщаніяхъ, происходившихъ между барономъ Каульбарсомъ и болгарскими регентами и министрами, послѣдніе согласились на отиѣну осаднаго положенія и на освобожденіе участниковъ переворота отъ кары по суду; что же касается до отсрочки выборовъ и самаго созыва великаго народнаго собранія, то на предложеніе это со стороны болгарскаго правительства послѣдовалъ полный отказъ, который основанъ былъ на постановленіяхъ тырновской конституціи и избирательнаго закона, требовавшихъ, чтобы народные представители собрались въ теченіе мѣсяца послѣ кончины или удаленія князя. Ссылаясь на установленные конституціей сроки для выборовъ, правители Болгаріи заявили, что не считаютъ себя въ правѣ дѣйствовать вопреки основнымъ законамъ страны.

Отказъ болгарскаго правительства отсрочить выборы князя былъ печальнымъ предвѣстникомъ новой неудачи русской политики въ Болгаріи. Но, вникая въ сущность этого нашего требованія, — по мнѣнію г. Татищева, — рѣшительно непонятнымъ становится значеніе, приданное ему императорскимъ русскимъ правительствомъ. Указывая на тогдашній составъ временнаго болгарскаго правительства, —

*) Нота барона Каульбарса, переданная болгарскому правительству 15 сентября 1886 года.

почтенный публицистъ говоритъ: «Регентами были Стамбуловъ, Каравеловъ и Муткуровъ. Министерство было коалиціонное, составленное изъ членовъ народной партіи и изъ всплывшихъ снова на политическую поверхность консервативныхъ триумвировъ. Вождь крайней лѣвой Радославовъ былъ предсѣдателемъ совѣта, но важнѣйшіе портфели были въ рукахъ триумvirата. Начевичъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Стоиловъ — министромъ юстиціи. Такимъ образомъ въ оппозиціи оставались Цанковъ и горсть его приверженцевъ, да сверхъ того нѣсколько консерваторовъ, сплотившихся вокругъ Балабанова и Бурмова». Отсюда слѣдуетъ, что если бы наше требованіе объ отсрочкѣ выборовъ было принято, то результатомъ его было бы, пожалуй, усиленіе партіи Цанкова и вліянія его въ народномъ собраніи. «Но едва-ли позволительно смѣшивать этого политическаго дѣятеля и друзей его съ дѣйствительно искренними и преданными сторонниками Россіи среди болгаръ. Какъ и прочіе вожаки болгарскихъ политическихъ партій, Цанковъ неоднократно переходилъ изъ дружественнаго намъ лагера во враждебный, и обратно,сообразно требованіямъ собственнаго своего положенія и обстоятельствъ, дружилъ съ нами преимущественно, когда находился въ оппозиціи; враждовалъ по достиженіи власти. По своему далеко не безупречному прошлому, по личному характеру, честолюбивому и упрямому, онъ менѣе всякаго другого годился въ проводники русскаго вліянія въ Болгаріи». По всѣмъ этимъ соображеніямъ — заключаетъ г. Татищевъ — не было никакой надобности ставить усиленіе Цанкова условіемъ возвращенія Болгаріи благоволенія и покровительства Россіи и положительно не стоило рисковать окончательною потерей нашего вліянія въ княжествѣ *)».

Между тѣмъ, не задумываясь надъ практическими послѣдствіями своего требованія и увлекаясь мечтою о поддержаніи въ Болгаріи конституціонныхъ началъ и о томъ, чтобы тамъ ни одна партія не насилвала другую, наше правительство ни подъ какимъ видомъ не желало уступить въ вопросѣ о времени выборовъ въ великое народное собраніе. Въ видахъ безусловнаго исполненія болгарскимъ регентствомъ трехъ рекомендованныхъ нами мѣръ, баронъ Каульбарсъ предписалъ русскимъ консуламъ въ Болгаріи огласить въ

*) Назв. соч., стр. 460—461.

народѣ требованія императорскаго кабинета путемъ расклейки и раздачи особаго циркуляра, содержавшаго въ себѣ полную политическую программу отношеній Россіи къ князеству. Въ началѣ этого циркуляра говорилось о переживаемомъ Болгаріею кризисѣ и о надеждѣ государя императора, что болгары, прекративъ междоусобія, открыто и единодушно сблизятся съ Россіею, отнесутся съ полнымъ довѣріемъ къ намѣреніямъ ихъ освободительницы, направленнымъ единственно ко благу Болгаріи. Затѣмъ въ циркулярѣ указывалось на то, что, ставя цѣлью своей политики благо Болгаріи, Россія будетъ споспѣшествовать внутреннему и внѣшнему преуспѣванію болгаръ лишь въ томъ случаѣ, если они докажутъ ей свою преданность не на словахъ, а на дѣлѣ. Россія не хочетъ завоевывать Болгаріи, а хочетъ только развитія ея благосостоянія; но этому препятствуетъ недостатокъ довѣрія къ государю императору, доказательствомъ чему служитъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что телеграмма, заключающая высочайшій отвѣтъ на адресъ собранія, была-де скрыта правительствомъ отъ народа *), а во-вторыхъ, то, что въ два слѣдовавшія одно за другимъ засѣданія собраніе выразило въ адресѣ чувство преданности къ особѣ русскаго императора и вслѣдъ за тѣмъ отправило сочувственную телеграмму принцу Баттенбергу, что было «смѣшною непослѣдовательностью, бросающею незавидную тѣнь на членовъ собранія» **). Далѣе циркуляръ

*) Обвиненіе это несправедливо. Означенная телеграмма была напечатана всѣми болгарскими газетами.

***) „Если взглянуть безпристрастно на дѣло,—говоритъ г. Татищевъ, — то нельзя не признать, что между этими двумя дѣйствіями собранія не было ни малѣйшаго противорѣчія. Чувство благоговѣйной признательности къ русскому царю не могло заглушить въ немъ благодарности къ князю, который, если и былъ виновенъ передъ Россіею, то въ послѣдніе годы своего правленія приобрѣлъ несомнѣнныя права на признательность болгаръ. Онъ осуществилъ завѣтную мечту соединенія, побѣдною отразилъ нашествіе сербовъ, перенесъ войну въ сербскіе предѣлы, достигнулъ признанія сліянія обѣихъ Болгарій Европою и султаномъ, наконецъ, добровольно пожертвовалъ властью, чтобы не служить препятствіемъ къ возвращенію болгарамъ благоволенія Россіи. Чѣмъ крупнѣе были его заслуги передъ Болгаріею, тѣмъ болѣе цѣнило окончательное предпочтеніе, все же выказанное ею Россіи передъ нимъ, тѣмъ знаменательнѣе становилось обращеніе ея къ покровительству государя императора. Но вѣнчать собранію въ вину отдаваніе, такъ сказать, послѣдняго долга бывшему государю Болгаріи обличало въ нашемъ уполномоченномъ мелочность чувства, несоразмѣрную съ величіемъ русскаго престола и съ достоинствомъ его царственного обладателя“ (назв. соч., стр. 464—465).

гласилъ, что ни принцъ Баттенбергъ, ни кто-либо изъ его братьевъ не могутъ ни подъ какимъ видомъ возвратиться въ Болгарію и вступить на ея престолъ *)), и требовалъ обезпеченія полной свободы выборовъ въ великое собраніе, каковая цѣль могла-де быть достигнута лишь подъ условіемъ принятія трехъ предъявленныхъ болгарскому правительству мѣръ. Наконецъ, въ заключеніи циркуляра баронъ Каульбарсъ обращался «ко всѣмъ истиннымъ болгарскимъ патриотамъ» съ совѣтомъ «забыть о прошломъ, взирать на будущее, заняться сообща единодушнымъ приготовленіемъ новой политической жизни, которая открывается передъ ними, готовя для нихъ новому и молодому правительству почву здоровую и очищенную отъ мѣзмовъ **)».

Какъ и слѣдовало полагать, этотъ циркуляръ не оказалъ ожидаемаго вліянія на болгарскій народъ и его правительство. Напротивъ того, онъ произвелъ какъ разъ обратное дѣйствіе. Регентство, пользуясь тайной поддержкой представителей великихъ державъ, не исключая и тѣхъ, на содѣйствіе которыхъ своимъ видамъ рассчитывало русское правительство, успѣшило издать указъ о производствѣ выборовъ; что же касается до народа, то среди него послышались рѣзкіе протесты противъ русскихъ требованій. Такъ, 21 сентября на довольно многочисленной сходкѣ, въ присутствіи барона Каульбарса, Вульчевъ громогласно заявилъ въ своей рѣчи, что «никто не долженъ вмѣшиваться въ болгарскія дѣла; мы хотимъ управляться сами собой безъ посторонняго вмѣшательства. Россія

*) „Слова эти—говоритъ Татищевъ—вѣрно передаютъ высочайшую волю, но вовсе не мотивируютъ ее. А отсутствіе мотивовъ обращаетъ въ актъ произвола рѣшеніе, оправдываемое цѣлымъ рядомъ тяжкихъ провинностей князя Александра передъ государемъ и Россіей. Въ чемъ заключались эти провинности — русская дипломатія не озаботилась разъяснить болгарскому народу, который могъ только недоумѣвать, почему Россія оказывала Баттенбергу содѣйствіе и поддержку въ первые годы его управленія, когда онъ оскорблялъ народное чувство, и стала къ нему во враждебныя отношенія какъ разъ съ той минуты, когда онъ взялъ на себя осуществленіе народныхъ идеаловъ? Недоумѣніе это могъ и долженъ былъ разсѣять баронъ Каульбарсъ, раскрывъ болгарамъ, въ чемъ именно князь Александръ провинился передъ Россіей, которая, избравъ въ своемъ ставленникѣ, не могла оставить въ рукахъ его судьбу болгарскаго народа“. Но подобнаго разъясненія въ циркулярѣ не было сдѣлано (назв. соч., стр. 465).

**) Циркуляръ барона Каульбарса къ русскимъ консуламъ въ Болгаріи 17 (29) сентября 1886 года.

можетъ дать себѣ отчетъ, что болгары, питая чувство независимости, способны управляться сами и на предстоящихъ черезъ недѣлю выборахъ будутъ дѣйствовать согласно существующимъ законамъ». Всѣ увѣренія барона Каульбарса, что государь императоръ желаетъ исключительно блага Болгаріи и только ради этого требуетъ отсрочки выборовъ, остались гласомъ вошющимъ въ пустынь, причемъ самъ чрезвычайный уполномоченный русскаго царя подвергнуть былъ на этой сходкѣ осмѣянію и даже оскорбленіямъ враждебно настроенной толпы.

Потерпѣвъ полную неудачу въ Софіи и объявивъ регентамъ, что Россія ни въ какомъ случаѣ не признаетъ законности созываемаго великаго собранія и всѣ его рѣшенія сочтетъ лишенными всякаго значенія, баронъ Каульбарсъ отправился въ поѣздку по Болгаріи, съ тѣмъ, чтобы «непосредственно разъяснить народу цѣль и значеніе преподаваемыхъ отъ имени императорскаго правительства регентамъ совѣтовъ и ознакомиться съ народными вождельніями» *). Но поѣздка эта, предпринятая въ самый разгаръ избирательнаго движенія, дала еще худшіе результаты, такъ какъ съ одной стороны окончательно дискредитировала въ глазахъ болгаръ чрезвычайнаго уполномоченнаго Россіи, вестѣснявшагося въ средствахъ для того, чтобы вызвать противное регентамъ движеніе въ войскѣ и народѣ, а съ другой — привела его къ новымъ столкновеніямъ съ временнымъ правительствомъ, принявшимъ репрессивныя мѣры съ цѣлью помѣшать непосредственнымъ сношеніямъ барона съ народомъ. Раздраженный такого рода дѣйствіями регентства, Каульбарсъ во время своей поѣздки открылъ противъ него положительно нотную войну. Онъ жаловался на препятствія и затрудненія, чинимыя ему мѣстными болгарскими властями, на жестокою расправу ихъ съ тѣми изъ болгаръ, которые обнаруживали сочувствіе и преданность Россіи, на преслѣдованіе и истязаніе русскихъ подданныхъ. Въ то же время онъ не переставалъ протестовать противъ предстоящаго созыва великаго народнаго собранія и выражалъ «энергичное порицаніе» дѣйствіямъ регентства. Но всѣ эти жалобы и протесты оставались, разумѣется, безъ послѣдствій; что же касается до порицаній дѣйствій регентства, то они вызвали надменный отвѣтъ Начевича, что «болгарскіе министры принимаютъ порицанія лишь отъ народнаго

*) Правительство сообщеніе отъ 28 ноября 1886 г.

собрания, согласно обычаю, установленнымъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ *)).

Такое отношеніе болгарскаго правительства къ требованіямъ и заявленіямъ, предъявленнымъ къ нему барономъ Каульбарсомъ отъ имени Россіи, въ связи съ случившимися въ Варнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Болгаріи посягательствами на права русскихъ подданныхъ, вызвало отправку въ названный портъ двухъ русскихъ военныхъ судовъ: крейсера «Память Меркурія» и клипера «Забіяка». Когда же, не смотря на присутствіе нашихъ судовъ, посягательства эти не прекратились, министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ генералъ-майору Каульбарсу вновь потребовать отъ болгарскаго правительства «принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ прекращенію означеннаго положенія дѣлъ и, въ случаѣ неполученія въ трехдневный срокъ удовлетворительнаго отвѣта, выѣхать со всѣмъ дипломатическимъ агентствомъ и консулами изъ Болгаріи». На составленную въ этомъ смыслѣ ноту нашего представителя болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Начевичъ, отвѣтилъ, что болгарскимъ властямъ предписано «подъ страхомъ наказанія, принять самыя дѣйствительныя мѣры къ предупрежденію посягательствъ противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, пользующихся русскимъ покровительствомъ». Въ то же время Начевичъ просилъ Каульбарса «о сообщеніи именъ и мѣстъ жительства какъ подданныхъ Россіи, такъ и пользующихся ея покровительствомъ лицъ, подвергшихся оскорбленіямъ, въ видахъ разысканія и предавія суду виновниковъ оскорбленія». Но баронъ Каульбарсъ призналъ совершенно лишнимъ удовлетворить желанію г. Начевича «въ виду того, что совершавшіяся противъ русскихъ подданныхъ посягательства не могутъ не быть хорошо извѣстны болгарскому правительству, агенты котораго были главными виновниками и участниками означенныхъ посягательствъ»; поэтому онъ только объявилъ Начевичу, что «не находитъ возможнымъ входить въ требуемыя послѣднимъ объясненія, но что при первомъ насиліи, которое случится гдѣ бы то ни было на болгарской территоріи, онъ будетъ вынужденъ поступить согласно прежнему своему заявленію, т. е. выѣхать изъ Болгаріи со всѣми русскими агентами **).

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 469.

***) Правительственный Вѣстникъ отъ 21 октября (2 ноября) 1886 г. № 281.

Пока баронъ Каульбарсъ совершалъ свое не совсѣмъ пріятное путешествіе и вель потную войну съ регентствомъ, въ Болгаріи и Восточной Румелии были произведены выборы въ народное собраніе, которые въ Софіи сопровождались поруганіемъ здания русскаго агентства и флага. Вслѣдъ за окончаніемъ выборовъ 19 (31) октября великое собраніе открыло свои засѣданія въ Тырновѣ и приступило къ избранію князя, несмотря на то, что объ отсрочкѣ открытія этого собранія дѣлала постоянныя представленія передъ болгарскимъ правительствомъ не только Россія, но и Оттоманская Порта, приславшая своего агента въ Софію почти одновременно съ нами. Рѣшивъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о возвращеніи въ Болгарію низложеннаго принца Баттенберга въ виду неодобренія западными державами этого желанія болгарскаго правительства, великое народное собраніе 28 октября 1886 года единогласно выбрало княземъ принца Вальдемара Датскаго. Къ нему была отправлена болгарскимъ правительствомъ депутація для врученія акта избранія на престолъ и телеграмма, въ которой выражалась надежда, что онъ приметъ на себя благородную задачу посвятить свою драгоцѣнную жизнь счастію и благополучію народа, явившаго столько доказательствъ живучести и способности къ прогрессу и цивилизаціи, и поспѣшить принять въ свои руки бразды правленія. Но принцъ Вальдемаръ, выразивъ регентамъ благодарность за оказанную ему собраніемъ честь, согласно волѣ отца и въ виду другихъ лежавшихъ на немъ обязательствъ, отказался отъ предложеннаго ему болгарскаго престола, послѣ чего собраніе разошлось, продливъ полномочія регентства.

Все это ставило барона Каульбарса, по возвращеніи его въ Софію, въ весьма затруднительное положеніе, единственнымъ выходомъ изъ котораго могъ быть разрывъ дипломатическихъ сношеній съ болгарскимъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого нашъ чрезвычайный уполномоченный, не рѣшившійся «прервать дипломатическія сношенія съ болгарскимъ правительствомъ изъ-за дѣйствительнаго оскорбленія, нанесеннаго русскому флагу въ первый день выборовъ, въ Софіи, гдѣ разъяренная и подстрекаемая правительственными агентами толпа позволила себѣ напасть на зданіе нашего агентства», *) придрался къ ничтожному предлогу для прекращенія дипло-

*) Татящевъ, назв. соч., стр. 472.

матическихъ сношеній между Россіей и Болгаріей. Вечеромъ 24 октября подвергся нападенію каваса русскаго генеральнаго консульства въ Филиппополѣ, посланный на телеграфную станцію для подачи телеграммъ. Развѣдавъ, что нападеніе совершено было по распоряженію военныхъ властей, баронъ потребовалъ отъ болгарскаго правительства смѣны командира мѣстной бригады и коменданта города, примѣрнаго наказанія людей, принимавшихъ участіе въ нападеніи на русскаго каваса и отданія обычныхъ военныхъ почестей русскому флагу. При этомъ генераль Каульбарсъ заявилъ, что если онъ не получитъ требуемаго удовлетворенія до вечера 5 (17) ноября, то вынужденъ будетъ покинуть Болгарію со всѣми русскими дипломатическими агентами. Софійское правительство, давнымъ давно желавшее развязаться съ безпокойнымъ барономъ, не только не дало требуемаго несоразмѣрнаго удовлетворенія, но даже не сочло своимъ долгомъ что либо отвѣтить на ноту Каульбарса, и онъ выѣхалъ изъ Болгаріи 8 (20) ноября, предписавъ всѣмъ русскимъ консуламъ какъ Болгаріи, такъ и Восточной Румелии, покинуть свои посты въ трехдневный срокъ.

Уѣзжая изъ Софіи, баронъ Каульбарсъ передалъ болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ ноту, въ которой объяснялъ причины, побудившія его къ разрыву дипломатическихъ сношеній съ Болгаріей. Въ нотѣ этой говорилось. «Государю императору благоугодно было прислать меня въ Болгарію съ порученіемъ заявить всему болгарскому народу чувства искренняго доброжелательства его величества. Я передалъ болгарскимъ правителямъ какъ выраженіе этихъ чувствъ, такъ и благонамѣренные совѣты, которые, по мнѣнію императорскаго правительства, должны были способствовать выходу страны изъ ея затруднительнаго положенія. Ни одинъ изъ этихъ совѣтовъ не былъ выполненъ въ той мѣрѣ, въ какой Россія считала себя въ правѣ ожидать этого. При этомъ агентамъ императорскаго правительства пришлось быть свидѣтелями дерзкихъ покушеній противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, имѣющихъ право на покровительство Россіи, къ каковымъ покушеніямъ болгарскіе правители продолжаютъ относиться съ полнымъ невниманіемъ. Наконецъ, созваніе великаго народнаго собранія для выбора новаго князя не только безъ предварительнаго соглашенія съ представителемъ Россіи, но даже послѣ того, какъ со стороны его было открыто заявлено о несвое-

временности такого шага, послужило несомненным доказательством твердой рѣшимости регентства идти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ императорскаго правительства. Признавая бесполезнымъ въ виду вышеизложеннаго мое дальнѣйшее пребываніе въ Болгаріи, я объявляю, что нынѣшніе правители страны окончательно утратили довѣріе Россіи и что императорское правительство находитъ невозможнымъ поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ въ его настоящемъ составѣ *)).

Нельзя не согласиться съ г. Татищевымъ, что побудительныя причины разрыва дипломатическихъ сношеній Россіи съ Болгаріей, приводимыя барономъ Каульбарсомъ въ его прощальной нотѣ регентству, «не отличаются ни точностью, ни логическою послѣдовательностью». — «Несправедливо утверждать, — говоритъ онъ, — что ни одинъ изъ предложенныхъ генераломъ совѣтовъ не былъ выполненъ регентствомъ. Еще менѣе основателенъ упрекъ въ томъ, что болгарское правительство «относилось съ полнымъ невниманіемъ» къ покушеніямъ противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, имѣющихъ право на покровительство Россіи». Перечислить первыхъ отказался самъ баронъ, когда Начевичъ просилъ его о сообщеніи ихъ именъ и мѣстъ жительства въ видахъ розысканія и преданія суду виновниковъ оскорбленій; «что же касается до послѣднихъ, то едва-ли онъ имѣлъ основаніе распространять это понятіе на болгаръ, политическихъ противниковъ тѣхъ партій, которыя находились у власти. Еще менѣе основанія имѣлъ онъ требовать, чтобы великое собраніе было созвано не иначе, какъ съ его предварительнаго согласія. Самъ онъ облекъ свои требованія въ форму совѣтовъ, а извѣстно, что принятіе совѣта не обязательно для тѣхъ, кому тотъ предлагается. Позвоительно-ли усмотрѣть въ отказѣ регентства принять совѣтъ, и при томъ только одинъ изъ трехъ предложенныхъ, «несомненное доказательство твердой рѣшимости его идти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ императорскаго правительства», и вывести изъ того заключеніе «о невозможности поддерживать сношенія съ нимъ въ настоящемъ его составѣ»? Здѣсь натяжка очевидна». У барона Каульбарса были совершенно иныя причины для разрыва съ регентами **).

*) Баронъ Каульбарсъ болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ 6 (18) ноября 1886 года.

**) Назв. соч., стр. 474.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на неосновательность причины нашего разрыва съ Болгаріей, императорское правительство старалось поддержать въ глазахъ Европы образъ дѣйствій своего агента. Въ циркулярѣ къ представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ оно утверждало, что регенты отказались «склониться передъ совѣтами» барона Каульбарса, что избранное вопреки этимъ совѣтамъ великое собраніе представляло лишь партію регентовъ, а отнюдь не болгарскій народъ, что регенты получили одобреніе своимъ поступкамъ извнѣ и что въ нихъ была вселена увѣренность въ полной безопасности, вслѣдствіе устраненія опасности чьего-либо вооруженнаго вмѣшательства. Въ заключеніе циркуляра указывалось на то, что временные правители Болгаріи ни что иное, какъ «меньшинство радикальныхъ агитаторовъ», притѣсняющее народъ и обращающее Болгарію «въ очагъ анархій, революціи и вражды къ Россіи». *)

Это пристрастное изложеніе дѣла въ нашемъ дипломатическомъ циркулярѣ, конечно, вызвало возраженіе со стороны болгарскаго правительства, на которое мы спѣшили взвалить всю отвѣтственность разрыва Россіи съ Болгаріей. Въ нотѣ, сообщенной представителямъ всѣхъ великихъ державъ въ Софіи, болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ весьма умѣренныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ протестовалъ противъ обвиненій, возводимыхъ русскимъ циркуляромъ на регентство. Онъ доказывалъ, что регентство, установленное княземъ Александромъ до отреченія отъ престола, вполнѣ законнаго происхожденія, указывалъ, что изъ трехъ требованій барона Каульбарса не удовлетворено болгарскимъ правительствомъ лишь одно и то только потому, что оно противорѣчило тырновской конституціи, и, наконецъ, заявлялъ, что если нѣкоторые изъ русскихъ подданныхъ и подвергались какимъ-либо неприятностямъ въ Болгаріи, то единственно вслѣдствіе участія ихъ во враждебной правительству агитаціи, чего не можетъ допускать ни одно благоустроенное государство **).

Болгарская нота, какъ и русскій циркуляръ, не достигла, однако, той цѣли, которую преслѣдовала, т. е. не доказала невинности

*) Русскій циркуляръ къ нашимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ отъ 11 (23) ноября 1836 года.

***) Начевничъ агентамъ великихъ державъ въ Софіи 12 (24) декабря 1836 года.

Болгаріи въ нашемъ съ нею разрывѣ. Причина тому заключалась въ несомнѣнности фактовъ, указывавшихъ, что разрывъ въ значительной степени вызванъ былъ регентствомъ, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что виновной въ немъ стараной являлось и русское правительство. Въ виду того, что прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Болгаріей свидѣтельствовало объ окончательной уtratѣ нашего вліянія въ этой освобожденной нами странѣ является вопросъ, въ чемъ же именно заключалась вина Россіи въ такомъ печальномъ исходѣ миссіи барона Каульбарса, отъ которой ожидали тѣснаго сближенія между Россіей и Болгарскимъ княжествомъ.

Ярые противники Запада и горячіе защитники всего своего утверждаютъ, что неудачный исходъ послышки барона Каульбарса въ Болгарію зависѣлъ не отъ Россіи, а отъ того, что она встрѣтила тамъ противодѣйствіе со стороны европейскихъ державъ, которыя употребили всѣ свои усилія къ тому, чтобы возстановить болгаръ противъ своей освободительницы и тѣмъ парализовать ея вліяніе въ Болгарскомъ княжествѣ. Утвержденіе это до нѣкоторой степени справедливо. Западные державы, дѣйствительно, не брезговали никакими средствами для того, чтобы вытѣснить русское вліяніе изъ Болгаріи. Одушевленные желаніемъ умалить роль Россіи на Балканскомъ полуостровѣ изъ страха за жизнь «больного человѣка», онѣ съ самаго начала болгарской неурядицы зорко слѣдили за событіями въ Болгаріи и не упускали случая нанести ущербъ нашему обаянію въ этой странѣ. Но если неудача миссіи барона Каульбарса и находилась въ нѣкоторой связи съ обычнымъ противодѣйствіемъ намъ западныхъ державъ на Востокѣ, то тѣмъ не менѣе было бы несправедливо сваливать на Европу цѣликомъ всю отвѣтственность за печальный для Россіи исходъ болгарскаго вопроса. Значительную долю вины въ этомъ дѣлѣ должна принять на себя и Россія, которая сдѣлала нѣсколько крупныхъ промаховъ въ своей болгарской политикѣ по удаленіи князя Александра.

Прежде всего нельзя не сознаться, что русское правительство нѣсколько опоздало послышкой своего агента въ Болгарію и тѣмъ уже значительно испортило дѣло, по правдѣ сказать, предвѣщавшее полное торжество русской политики на Востокѣ. Пока нашъ чрезвычайный уполномоченный пріѣхалъ въ Софію, прошло болѣе мѣ-

сяда, а этого времени было совершенно достаточно для европейских дипломатовъ, чтобы склонить на свою сторону вожаковъ болгарскаго народа и ослабить симпатіи ихъ къ Россіи, которая еще такъ недавно энергично протестовала противъ соединенія двухъ Болгарій, совершеннаго принцемъ Баттенбергскимъ. Но дѣло было еще не проиграно, когда явился въ Болгарію баронъ Каульбарсъ. Нужно было только умѣло вѣяться и повести дѣло, и тогда Россія одержала-бы верхъ надъ своими соперниками, противодействовавшими ей тайно и явно. Народъ вовсе не хотѣлъ вытѣснить русскаго вліянія изъ Болгаріи и порывать узы, связующія его съ Россіей; напротивъ, онъ готовъ былъ стать подъ ея покровительство. Если же барону Каульбарсу пришлось считаться съ демонстраціями, направленными противъ Россіи, то это слѣдовало относить не на счетъ антипатій къ ней болгарскаго народа, а на счетъ антагонизма между нашимъ посланцемъ и болгарскимъ регентствомъ, вызваннаго ошибочностью политики русскаго двора и выбора лица, которому вѣрялось проведеніе этой политики.

Коренною ошибкою Россіи было то, что она не поняла или не хотѣла понять, что Стамбуловъ и люди, сплотившіеся вокругъ него во временномъ правительствѣ, представляли дѣйствительно *политическое большинство* болгарскаго народа, а не шайку случайныхъ похитителей власти, за каковую выдавали ихъ наши мѣстные представители *) Вслѣдствіе этого заблужденія, бывшего главнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ, цѣлью русской политики въ Болгаріи было поставлено низверженіе существующаго въ ней правительства, тогда какъ въ интересахъ Россіи было какъ можно скорѣе свести съ сцены болгарскій вопросъ путемъ избранія новаго князя. Для достиженія этой цѣли мы требовали отсрочки на два мѣсяца выборовъ въ великое собраніе въ надеждѣ на усиленіе за это время стоявшей въ оппозиціи ничтожной партіи Цанкова и вліянія его въ народномъ собраніи, не смотря на то, что этотъ политическій дѣятель, будучи у власти, всегда являлся самымъ рѣшительнымъ противникомъ Россіи. Когда же намъ не удалось образовать въ Болгаріи правительство изъ всѣхъ партій, мы признали Стамбулова и его партію ничтожнымъ меньшинствомъ, захватившимъ власть

*) Татищевъ, наз. соч., стр. 479.

насиленъ, провозгласили незаконными и регентство, и министерство, и выборы, и великое собраніе, и всѣ ихъ дѣйствія, распоряженія, указы и законы, а въ заключеніе порвали дипломатическія сношенія съ Болгаріей, заявивъ, что «нынешніе правители страны окончательно утратили довѣріе Россіи и что императорское правительство находить невозможнымъ поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ *въ настоящемъ его составѣ*».

Помимо ошибочности той программы, которой держалось императорское правительство въ болгарской политикѣ, немаловажную роль въ дѣлѣ разрыва Россіи съ Болгаріей играло и то обстоятельство, что проведеніе этой программы поручено было лицу не только не принадлежавшему къ дипломатическому сословію, но и положительно неспособному къ той роли, которая выпадала на его долю въ Болгаріи. «Слѣдуетъ сознаться,—говоритъ г. Татищевъ,—что генералъ не оказался на высотѣ своего призванія, не понялъ смысла возложеннаго на него порученія и въ рядѣ своихъ дѣйствій и распоряженій, при всей несомнѣнной своей благонамѣренности и личной добросовѣстности, обнаружилъ отсутствіе всякаго дипломатическаго таланта и такта». Въ своихъ «пріемахъ онъ выказывалъ столько запальчивости съ одной стороны и легкомыслія—съ другой, что рѣшительно становится непонятно, какъ можно было допустить его двухмѣсячное хозяйничанье въ Болгаріи, вопреки самымъ начальнымъ условіямъ дипломатической благопристойности?»*). Баронъ Каульбарсъ не только не сумѣлъ расположить къ себѣ болгарское правительство, но прямо возстановилъ его противъ себя и Россіи своими нетактичными поступками. «Въ отказѣ регентовъ подчиниться одному изъ его требованій онъ усмотрѣлъ уколъ своему самолюбію**), и съ этой минуты призналъ ихъ за своихъ личныхъ враговъ, съ которыми открылъ совершенно бесплодную борьбу, обнаруживавшую лишь безсиліе Россіи заставить уважать свою волю и только ободрявшую болгарское правительство къ дальнѣйшему сопротивленію. Еще плачевнѣе были результаты предпринятой барономъ поѣздки по Болгаріи въ самый разгаръ избирательнаго движенія. «Всѣ эти поступки были совершены безъ малѣйшей надежды на успѣхъ и объяснить ихъ можно было-бы однимъ только расче-

*) Назв. соч., стр. 478.

**) Назв. соч., стр. 478.

томъ создать законный поводъ къ занятію Болгаріи русскими войсками». Но такъ какъ трудно предположить, «чтобы генералу оставалась неизвѣстна высочайшая воля: во что-бы ни стало избѣжать этой опасной крайности», то «повтому весь его образъ дѣйствій со времени разрыва переговоровъ съ регентствомъ представляетъ лишь рядъ выходовъ, совершенно непонятныхъ, имѣвшихъ единственнымъ послѣдствіемъ гоненіе со стороны регентовъ на всѣхъ нашихъ сторонниковъ и окончательную утрату нашего обаянія въ странѣ» *).

Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что личная отвѣтственность барона Каульбарса за неудачный исходъ его миссіи въ значительной степени ослабится, если принять во вниманіе тѣ условія, въ которыя былъ поставленъ нашъ генералъ при исполненіи возложеннаго на него нелегкаго порученія. Первоначально было предположено присвоить ему званіе императорскаго *коммиссара*. Но вѣнскій дворъ, поддержанный берлинскимъ кабинетомъ, запротестовалъ противъ этого званія, находя, что оно несогласно съ началомъ самостоятельности Болгаріи, признаннымъ Берлинскимъ конгрессомъ. Въ виду этого генералу Каульбарсу было дано званіе завѣдующаго русскимъ дипломатическимъ агентствомъ въ Софіи. Но положеніе простаго дипломатическаго агента, аккредитованнаго при временномъ болгарскомъ правительствѣ, положительно не согласовалось съ тѣмъ порученіемъ, которое возложено было на барона. Онъ посланъ былъ въ Болгарію въ качествѣ довѣреннаго лица государя императора съ тѣмъ, чтобы стать посредникомъ между болгарскими партіями, успокоить взволнованные умы народа и указать ему путь, который избранъ былъ императорскимъ кабинетомъ для возстановленія твердаго и надежнаго на будущее время порядка въ странѣ. Онъ посланъ былъ возвѣстить волю русскаго царя, сердечно желавшаго вывести болгарскій народъ изъ переживаемаго имъ кризиса, но былъ облеченъ званіемъ дипломатическаго агента, по своему положенію равнаго съ представителями всѣхъ прочихъ великихъ державъ. Благодаря такой двусмысленности положенія вышло то, что всѣ дѣйствія барона Каульбарса не имѣли подъ собой никакой почвы и давали поводъ болгарскому правительству внушать народу, что русскій генералъ превышаетъ свои полномочія и поступаетъ

*) Назв. соч., стр. 468.

несогласно съ видами своего правительства. И дѣйствительно, будучи поставленъ въ положеніе обыкновеннаго дипломатическаго представителя, онъ не могъ признавать незаконности болгарскаго регентства, гѣмъ болѣе, что уже самый фактъ пребыванія въ званіи русскаго дипломатическаго агента свидѣтельствовалъ о признаніи Россіей законности положенія болгарскаго триумvirата. Точно такъ же, въ качествѣ простаго дипломатическаго агента, онъ могъ сноситься только съ правительствомъ страны и ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права обращаться, помимо него, къ уличнымъ толпамъ, къ войску и народу, или предпринимать путешествіе по Болгаріи, чтобы непосредственно разъяснить народу цѣль и значеніе совѣтовъ, преподанныхъ регентамъ отъ имени императорскаго правительства.

Съ юридической точки зрѣнія миссія барона Каульбарса представляла вообще нѣчто чрезвычайно странное и необычное въ международныхъ отношеніяхъ. Здѣсь царило какое-то смѣшеніе государственныхъ идей съ международными. Но если миссію Каульбарса невозможно одобрить съ точки зрѣнія международного права, то ее нельзя оправдать и съ точки зрѣнія права государственнаго. Тогда пришлось бы смотрѣть на русскаго генерала какъ на представителя государя императора, обращавшагося къ своему народу, что противорѣчило дѣйствительности. Болгарія не представляла собою составной части Россійской имперіи, и присвоеніе Каульбарсу роли императорскаго комиссара имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ посланъ былъ въ Болгарію турецкимъ султаномъ, въ вассальной зависимости отъ котораго находилась эта страна. Равнымъ образомъ, нѣтъ оправданія дѣйствіямъ барона Каульбарса и при томъ условіи, еслибы мы стали защищать ихъ тѣмъ, что они проистекали изъ чрезвычайныхъ полномочій, данныхъ нашему генералу съ согласія Порты, такъ какъ тогда намъ пришлось бы допустить ни на чемъ неоснованное предположеніе, что свой сюзеренитетъ надъ Болгаріей турецкій султанъ передалъ Россіи.

Г Л А В А X.

Избраніе Фердинанда Кобургскаго на болгарскій престолъ и отношеніе къ этому факту со стороны русскаго правительства.

Вопросъ объ оккупациі Болгаріи русскими войсками. Безразсудность этой мѣры. Смыслъ разрыва дипломатическихъ сношеній между Россіей и Болгарскимъ княжествомъ. Успѣхи императорскаго правительства возстановить въ этой странѣ законный порядокъ. Посредничество Оттоманской Порты. Обращеніе къ великимъ европейскимъ державамъ. Избраніе Фердинанда Кобургскаго болгарскимъ княземъ. Неожиданность этого событія для русской дипломатіи. Протестъ императорскаго правительства противъ прибытія Фердинанда въ Болгарію. Дипломатическая программа русско-болгарскихъ отношеній. Политика Россіи и западныхъ державъ въ болгарскомъ вопросѣ. Признаніе Россіей Фердинанда княземъ Болгаріи.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Болгаріей произвелъ весьма пріятное впечатлѣніе въ западной Европѣ, гдѣ сильно опасались того, что неудачный исходъ миссіи барона Каульбарса вызоветъ оккупацию княжества русскими войсками. Но подобнаго рода опасенія со стороны великихъ державъ едва-ли были основательны уже въ виду того положенія, которое приняли онѣ сами по отношенію къ Россіи въ цѣляхъ предупрежденія вступленія русскихъ войскъ въ Болгарію. Двухмѣсячное хозяйничанье здѣсь нашего генерала вызвало на западѣ рѣзкое осужденіе политики Россіи, которое не замедлило вскорѣ перейти въ явные протесты противъ односторонняго вмѣшательства императорскаго правительства въ дѣла Балканскаго полуострова и посягательства на болгарскую независимость. Неодобреніе нашего образа дѣйствій въ Болгаріи особенно сильно проявлено было въ Англии и Австро-Венгріи, гдѣ произнесены были по нашему адресу грозныя рѣчи маркизомъ Салисбюри и графомъ Кальноки. Но всѣмъ этимъ дѣло не ограничилось. Говорятъ, что въ сентябрѣ 1886 года, въ эпоху удаленія Баттен-

берга изъ Болгаріи и поѣздки туда нашего генерала Каульбарса, Австро-Венгрія и Германія конфиденціально сообщили русскому правительству оборонительный договоръ, подписанный между ними въ Вѣнѣ 7 октября 1879 года въ видахъ упроченія безопасности обѣихъ имперій и мира въ Европѣ, созданнаго постановленіями Берлинскаго трактата, и огражденія Австріи отъ Россіи при возможной между ними войнѣ изъ-за интересовъ на Востока *).

*) Вѣнскій договоръ, подписанный Бисмаркомъ съ Андраши 7 октября 1879 года, вскоре послѣ свиданія императоровъ Александра III и Вильгельма I въ Александровѣ, заключается въ слѣдующемъ. Во вступленіи этого австро-германскаго сознаннаго соглашенія, договаривающіяся стороны заявляютъ, что причинами, побудившими ихъ связать себя взаимнымъ обязательствомъ, было, во-первыхъ, сознаніе императорами австрійскимъ и германскимъ своего долга заботиться во всѣхъ случаяхъ о безопасности ихъ имперій и спокойствіи ихъ народовъ; во-вторыхъ убѣжденіе ихъ, что этотъ долгъ будетъ ими выполненъ съ большимъ успѣхомъ, если обѣ имперіи тѣсно сплотятся, на подобіе прежде существовавшему между ними союзу, и въ третьихъ, ихъ твердая увѣренность, что такое, тѣсное соглашеніе Германіи съ Австро-Венгрією не только не можетъ угрожать кому-либо опасностью, но скорѣе способно укрѣпить миръ въ Европѣ, созданный постановленіями Берлинскаго трактата. Въ силу этихъ соображеній оба императора рѣшили заключить между собою союзъ мира и взаимной охраны, торжественно объявъ другъ другу никогда не придавать ни въ какомъ направленіи наступательнаго характера ихъ безусловно оборонительному соглашенію. Самый договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующія три статьи: 1) Если, вопреки всякому ожиданію и искреннему желанію обѣихъ высшихъ договаривающихся сторонъ, одна изъ нихъ подвергнется нападенію со стороны Россіи, то обѣ онѣ обязаны помогать другъ другу всѣми своими вооруженными силами и сообразно тому не заключать затѣмъ мира иначе, какъ сообща и съ полного взаимнаго согласія; 2) если на одну изъ высокодоговаривающихся сторонъ совершить нападеніе кака-либо иная держава, то другая сторона снѣмъ обязывается не оказывать поддержки державѣ нападающей и поменьшей мѣрѣ соблюдать по отношенію къ своему союзнику доброжелательный нейтралитетъ. Если же въ данномъ случаѣ нападающая держава будетъ поддержана Россією путемъ совмѣстныхъ дѣйствій или посредствомъ военныхъ мѣровпріятій, угрожающихъ подвергшейся нападенію державѣ, то въ подобномъ случаѣ обязательство взаимной помощи всѣми военными силами, предусмотрѣнное ст. 1 настоящаго договора, вступаетъ немедленно въ силу и съ этого момента война ведется обѣими сторонами сообща до заключенія ими мира. 3) Настоящій договоръ, въ виду его мирнаго характера во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и превратныхъ о немъ толковъ, будетъ храниться въ тайнѣ обѣими сторонами и можетъ быть сообщенъ третьей державѣ лишь съ ихъ взаимнаго согласія и въ силу спеціальнаго между ними соглашенія. Привинная во вниманіе чувства, выраженныя императоромъ Александромъ при свиданіи въ Александровѣ, обѣ стороны питають надежду, что вооруженія Россіи въ дѣйствительности не примуть угрожающаго для нихъ характера, въ виду чего имъ не представляется пога повода дѣлать соотвѣтственнаго сообщенія. Но если, однако, вопреки ихъ ожиданію, надежда эта окажется

Помимо угрожающаго положенія, принятаго относительно насъ великими европейскими державами, дѣло оккупациі представлялось немислимымъ еще и по той причинѣ, что занятіе Болгаріи русскими войсками ни сколько не отвѣчало истиннымъ интересамъ русско-болгарскихъ отношеній. Оккупациа Болгаріи имѣла бы своимъ послѣдствіемъ временное водвореніе въ странѣ желательнаго для насъ порядка, но порядокъ этотъ былъ бы тотчасъ измѣненъ по выходѣ русскихъ войскъ изъ княжества, такъ какъ «искусственно водворенное нами правительство уступило бы напору своихъ политическихъ противниковъ, которые, какъ доказалъ опытъ безспорно пользовались большимъ вліяніемъ на народъ». На политической поверхности Болгаріи снова появился бы Стамбуловъ, еще болѣе озлобленный по отношенію къ намъ, и Россіи въ силу этого опять пришлось бы возвращаться въ княжество, подвергаясь неисчислимымъ, крайне опаснымъ случайностямъ, безъ малѣйшей пользы для себя, для развитія своей силы и могущества на Востокъ. *) Если же оккупациа была бы предпринята съ цѣлью «водворить въ Болгаріи иной порядокъ, болѣе тѣсно связать ее съ Россією, просто обратить въ русскую область, управляемую непосредственно русскими чиновниками», то это было бы несообразно «съ общимъ планомъ нашей внѣшней политики по отношенію какъ къ Востоку, такъ и къ Европѣ». Такого рода оккупациа кореннымъ образомъ измѣнила бы роль Россіи въ отношеніи балканскихъ христіанъ и неминуемо вызвала бы «всеобщій пожаръ, пламя котораго охватило-бы не только Европу, но весь міръ, и который излилъ бы на вселенную неисчислимая бѣдствія» **).

Въ виду безразсудности дѣла оккупациі, для прекращенія болгарской неурядицы Россіи приходилось обратиться къ другимъ средствамъ водворенія въ Болгаріи должнаго порядка, если только она не желала, послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній съ княжествомъ, отстраниться отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ его дѣлахъ. Но само собою разумѣется, что покинуть болгарское дѣло было не въ интересахъ Россіи, такъ какъ, махнувъ рукой на бол-

са ошибочною обѣ стороны сочтутъ долгомъ чести предупредить по крайней мѣрѣ конфиденціально, что онѣ признаютъ нападеніе на одну изъ сторонъ за нападеніе на обѣ стороны. (Правительственный Вѣстникъ 27 января 1888 г. № 21).

*) Татищевъ, наз. соч., стр. 481.

***) Тамъ же, стр. 481—482.

гарь, она дала бы лишь полный просторъ западнымъ державамъ окончательно подорвать наше вліяніе въ княжествѣ, для освобожденія котораго было пролито столько русской крови и принесено столько жертвъ. Повтому тотчасъ по отъѣздѣ барона Каульбарса изъ Софіи, наше министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что «вызывая всѣхъ своихъ агентовъ, императорское правительство вовсе не намѣрено нарушать связи, соединяющія Болгарію съ Россіей. Прибывая къ этой мѣрѣ, оно хотѣло только заявить, что оно отказывается признать законность настоящаго порядка вещей, при которомъ ничтожное меньшинство, захватившее власть, считаетъ себя въ правѣ, по своему личному благоусмотрѣнію, распорядиться судьбою болгарскаго народа и обращать его въ орудіе революціонныхъ стремленій, губельно дѣйствующихъ на общественную нравственность. Болгарскій народъ бесспорно отличается мирными наклонностями и любовью къ труду. Въ этихъ качествахъ заключается залогъ его будущаго преуспѣванія, и благодаря имъ благосостояніе Болгаріи дѣлало уже быстрые успѣхи, когда филиппопольскій переворотъ 1885 года внезапно увлекъ страну на путь опасныхъ политическихъ приключеній, потребовавшихъ отъ нея тяжелыхъ и совершенно напрасныхъ жертвъ. Настоящій порядокъ вещей составляетъ прямое послѣдствіе означеннаго переворота; въ случаѣ его продленія, Болгарія не только должна подвергнуться новымъ невгодамъ, но она не преминетъ обратиться въ очагъ анархіи и революціонныхъ стремленій, которыя будутъ служить постоянною угрозою миру и спокойствію на Востокѣ. Считаая своимъ долгомъ заботиться о сохраненіи этого спокойствія и оставаясь на почвѣ трактата, императорское правительство намѣрено по прежнему направлять свои усилія къ прекращенію тяготѣющаго надъ Болгаріею гнета и къ восстановленію въ странѣ этой законнаго порядка, который могъ бы служить надежнымъ залогомъ ея будущаго преуспѣванія и оправданіемъ тѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя понесла Россія. Будучи совершенно чуждо какихъ бы то ни было своекорыстныхъ замысловъ, императорское правительство не намѣрено изъявлять согласіе ни на какую комбинацію, которая, подъ личиною законности, служила бы лишь къ упроченію ненормальныхъ условій, въ которыя нынѣ поставлена Болгарія» *).

*) Правительственный Вѣстникъ отъ 28 ноябля (10 декабря) 1886 г. № 261.

всяких своекорыстных замыслов и поставляя цѣлью своей политики прекращеніе тяготящаго надъ Болгарією гнета и возстановленіе въ этой странѣ законнаго порядка, императорское правитель-ство въ тоже время разъясняло, что къ достиженію этой цѣли оно будетъ стремиться исключительно «мирными средствами»,*) подъ кото-рыми разумѣлись переговоры съ великими европейскими державами и Портой.

На первыхъ порахъ эти переговоры привели къ тому, что Порта, по нашему настоянію, предложила регентству выставить кандида-томъ на болгарскій престолъ князя Мингрельскаго и созвать на со-вѣщаніе представителей и главныхъ членовъ болгарскихъ политиче-скихъ партій для составленія смѣшаннаго министерства и рѣшенія вопроса о томъ, прежнимъ или новымъ великимъ народнымъ собра-ніемъ долженъ быть избранъ князь Мингрельскій. Но болгарское регентство отвѣтило, что «не можетъ дать согласія на подобную комбинацію, лишенную всякаго законнаго основанія и выставляемую въ пользу кандидатуры, за которую не высказался даже ни одинъ изъ членовъ оппозиціи и которую отвергаетъ болгарскій народъ». «При этихъ условіяхъ—заявляя болгарскій министр иностранныхъ дѣлъ—образованіе смѣшаннаго министерства не могло бы имѣть никакого практическаго результата для разрѣшенія болгарскаго во-проса: оно могло лишь содѣйствовать къ отнятію у министерства регентовъ характера цѣльности, ослабивъ власть его и подвергнувъ опасности внутренній миръ» **).

Послѣ неудачи указанной попытки разрѣшенія болгарскаго во-проса, Порта, по нашимъ внушеніямъ, еще не разъ выступала въ Софіи съ различными требованіями и протестами, но также безъ всякаго успѣха. Не менѣе печальная участь постигла и переговоры Россіи съ великими державами, въ частности съ дворами берлин-скимъ и вѣнскимъ. Наши упованія на содѣйствіе Австріи и Герма-ніи къ возстановленію въ Болгаріи «законнаго порядка» и не могли, впрочемъ, имѣть другихъ послѣдствій, если принять во вниманіе, что истинное желаніе этихъ державъ состояло въ противодѣйствіи

*) Циркуляръ представителямъ Россіи при великихъ державахъ отъ 11 (23) ноя-бря 1886 г.

**) Циркулярная нота г. Начевича агентамъ великихъ державъ въ Софіи 12 (24) декабря 1886 года.

усилію вліянія Россіи въ княжествѣ. Въ этихъ видахъ онъ не только не предприняли никакихъ мѣръ къ осуществленію желаній Россіи, но, напротивъ того, подготовили такой способъ рѣшенія болгарскаго вопроса, который менѣе всего могъ получить одобрение со стороны императорскаго русскаго правительства, во все время болгарскихъ неурядицъ стоявшаго на стражѣ принципа «законности».

При содѣйствіи европейской дипломатіи, болгарское регентство снова рѣшило созвать великое народное собраніе для избранія князя, причемъ кандидатомъ на болгарскій престолъ выставило принца Фердинанда Кобургскаго, являющагося, по своему родству съ австрійскою и англійскою династіями, наиболѣе удобнымъ въ данное время лицомъ, которое можно было, вопреки желаніямъ Россіи, поставить во главѣ управленія Болгаріей. Народное собраніе было торжественно открыто въ Тырновѣ 22 іюня (4 іюля) 1887 года. Собраніе это, состоявшее изъ представителей отъ Болгаріи и Восточной Румелии, 25 іюня (7 іюля) «единодушно» избрало принца Кобургскаго болгарскимъ княземъ, который съ своей стороны не замедлил отвѣтить народному собранію о своей готовности идти на его призывъ и «прибыть въ Болгарію, чтобы посвятить свою жизнь счастію и процвѣтанію болгарскаго народа, какъ только избраніе его на болгарскій престолъ будетъ одобрено Портой и признано великими державами». А такъ какъ на одобрение выбора великаго народнаго собранія была плохая надежда, въ виду принятаго Россіей рѣшенія не отступать отъ разъ высказанныхъ началъ улаженія болгарскаго кризиса, а также вслѣдствіе того, что выборъ этотъ произведенъ былъ болгарами и румелиотами сообща, чѣмъ какъ бы узаконялось соединеніе Болгаріи съ Восточной Румелией въ одно нераздѣльное княжество,—то нѣмецко-венгерскій принцъ уже 21 іюля (9 августа) 1887 года отправился изъ Вѣны въ Болгарію, не дожидаясь признанія великихъ европейскихъ державъ, подъ условіемъ котораго онъ первоначально выразилъ согласіе занять болгарскій княжескій престолъ.

Выставленіе кандидатуры принца Фердинанда Кобургскаго, избраніе его великимъ собраніемъ, приѣздъ въ Софію и водвореніе на болгарскомъ престолѣ—все это было полнѣйшею неожиданностью для русскаго правительства, которое—говоритъ г. Татищевъ—самоуверенно не допускало возможности этихъ событій до тѣхъ поръ,

пока они не обращались въ совершившіеся факты. «По теоріи дипломатовъ, Болгарія находилась въ состояніи полной анархіи, которое не могло-де долго продолжаться. Когда ихъ предупреждали о предстоящемъ избраніи князя, — они, не запынаясь, отвѣчали, что среди членовъ царствующихъ въ Европѣ домовъ не найдется охотниковъ княжить въ Болгаріи при настоящихъ условіяхъ. Когда произнесено было впервые имя принца Фердинанда, они выражали увѣренность, что болгары не выберутъ католика. Когда, наконецъ, состоялось избраніе его, они наивно утверждали, что онъ не приметъ избранія, не поѣдетъ въ Софію, не вступитъ въ управленіе безъ согласія Порты и великихъ державъ, потому-де, что онъ «порядочный человѣкъ». Всѣ эти ожиданія, какъ извѣстно, не оправдались, и наша дипломатія лишній разъ доказала полную свою непредусмотрительность» *).

Но просмотрѣвъ возможность водворенія принца Фердинанда Кобургскаго на болгарскомъ престолѣ вопреки желаніямъ Россіи, императорское правительство нисколько не измѣнило той точки зрѣнія, съ которой относилось къ событіямъ, совершавшимся въ Болгаріи со времени отреченія ея перваго князя. Держась того взгляда, что «Берлинскій трактатъ служатъ основаніемъ установившагося, по общему соглашенію державъ, на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей» и что «въ немъ заключается единственная международная гарантія противъ потрясеній, опасныхъ для будущности юныхъ государствъ полуострова», императорское правительство успѣшило заявить, что «пріѣздъ принца Фердинанда Кобургскаго въ Софію и захватъ имъ княжеской власти совершились вопреки постановленіямъ трактата» и что поэтому «оно не намѣрено признавать принца законнымъ правителемъ Болгаріи». Вмѣстѣ съ тѣмъ оно пыталось склонить и другіе кабинеты высказаться въ томъ же смыслѣ. «Имѣя въ виду повсемѣстно выраженное желаніе положить конецъ существующему тревожному состоянію, корень коего кроется преимущественно въ двусмысленномъ положеніи Болгаріи», императорское правительство предлагало державамъ сдѣлать заявленіе «о неприкосновенности трактатныхъ постановленій, касающихся Болгаріи, и необходимости возвратитъ ее на путь законности». «Естествен-

*) Назв. соч., стр. 487.

нимъ послѣдствіемъ такого заявленія державъ должны быть пред-
ставленія въ Константинополѣ, съ цѣлью склонить султана,—объ-
явить болгарамъ, что лицо, носящее нынѣ званіе князя, не закон-
ный правитель Болгаріи, а только похититель власти». По мнѣнію
императорскаго правительства, инициатива такого объявленія должна
была принадлежать султану, права котораго, какъ сюзерена, непо-
средственно затрогивались незаконнымъ положеніемъ дѣлъ въ Софіи.*)

Выражая свой протестъ противъ избранія Фердинанда Кобург-
скаго и водворенія его на болгарскомъ престолѣ и принимая ди-
пломатическія мѣры къ тому, чтобы эта точка зрѣнія на болгарскія
событія была усвоена и другими европейскими кабинетами, импера-
торское правительство «въ видахъ устраненія какихъ-бы то ни
было сомнѣній относительно его цѣлей и намѣреній», вмѣстѣ съ
тѣмъ сочло своимъ долгомъ опубликовать программу, которой оно
намѣрено было держаться относительно княжества, «въ случаѣ
устраненія причинъ, способствующихъ продленію кризиса». Про-
грамма эта въ правительственномъ сообщеніи отъ 11 (23) февраля
1888 года излагалась слѣдующимъ образомъ:

«Болгарія обязана своимъ существованіемъ жертвамъ и усиліямъ
Россіи, которая уже въ силу одного этого продолжаетъ съ участіемъ
относиться къ этой странѣ и съ прискорбіемъ взираетъ на пережи-
ваемые ею испытанія. Оставаясь одинаково чуждымъ какъ пред-
убѣжденіямъ, такъ и пристрастіямъ, и не считая поэтому со-
вмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ вмѣшиваться во внутренніе
раздоры, императорское правительство далеко въ то же время и
отъ мысли подвергать кого-либо отвѣтственности за минувшее; одно
чистосердечное сознаніе заблужденій послужить въ глазахъ его за-
логомъ поворота къ лучшему. Россія желаетъ исключительно блага
Болгаріи и, по удаленіи похитителя власти, она будетъ ожидать
перваго искренняго заявленія со стороны болгарскаго народа, вы-
раженнаго чрезъ посредство его представителей, чтобы предать
забвенію прошлое и позаботиться о возстановленіи сношеній, осно-
ванныхъ на взаимномъ довѣріи».

«При этомъ императорское правительство чуждо также и намѣ-
ренія въ чемъ бы то ни было стѣснять свободу болгаръ, обезпе-

*) Сообщеніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 11 февраля 1888 г.

ченную за ними трактатомъ во всемъ, что касается внутренняго устройства страны и управленія ею; оно не можетъ позабыть, что эту свободу Болгарія обавана преимущественно Россіи и что никакъ не въ поправіи, а въ заштѣтъ правъ болгарскаго народа заключается наше прямое призваніе, лишь бы, съ своей стороны, лица, призванныя руководить судьбою народа, умѣли разумно пользоваться этими правами. Пусть болгары, умудренные опытомъ, сознають, наконецъ, необходимость отрѣшиться отъ личныхъ стремленій и расчетовъ и объединять свои усилія, съ цѣлью вывести свою родину на путь законности и благоустройства, и въ такомъ случаѣ всякое постороннее вмѣшательство окажется безцѣльнымъ и излишнимъ и водвореніе будущаго князя безпрепятственно совершится въ условіяхъ, опредѣленныхъ трактатомъ».

«Вышеизложенными соображеніями императорское правительство не переставало руководствоваться съ самаго начала болгарскаго кризиса, и они-то побудили его на первыхъ же порахъ отвергнуть мысль о возможности восстановленія законности при помощи мѣръ насилія».

«При всемъ этомъ, само собою разумѣется, что до удаленія изъ Болгаріи похитителя власти, императорское правительство будетъ продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ, оставаясь при убѣжденіи, что въ устраненіи этого положенія заключается наиболѣе благонадежное средство упрочить всеобщее спокойствіе» *).

Заявленіе Россіи о томъ, что она считаетъ избраніе принца Кобургскаго недѣйствительнымъ и смотритъ на прибытіе этого принца въ Болгарію и на захватъ имъ власти, какъ на явное нарушеніе Берлинскаго трактата, точно такъ же какъ и опубликованіе программы русско - болгарскихъ отношеній, составленной на случай устраненія причинъ, способствующихъ продленію болгарскаго кризиса, не привели, однако, ни къ какому положительному результату. Правда, согласно нашей желанію, Оттоманская Порта нотою 5 марта 1888 года заявила въ Софіи о незаконности избранія Фердинанда Кобургскаго на болгарскій престолъ, но это заявленіе не имѣло никакого значенія въ глазахъ болгарскаго правительства,

*) Правительственный Вѣстникъ отъ 11 (23) февраля 1888 года.

такъ какъ великія державы,—за исключеніемъ Франціи, предисавшей своимъ дипломатическимъ агентамъ и консуламъ не дѣлать никакого шага, могущаго служить признаніемъ за этимъ правительствомъ какихъ бы то ни было правъ, и не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія, кромѣ дѣлъ неотложной административной важности *),—съ первыхъ же дней прибытія Фердинанда Кобургскаго въ Болгарію начали сноситься съ нимъ такъ же свободно и непринужденно, какъ и съ королемъ румынскимъ или сербскимъ.

Такое отношеніе великихъ державъ къ водворенію Фердинанда Кобургскаго на болгарскомъ престолѣ все-таки не измѣнило первоначально высказаннаго нами взгляда на вопросъ о законности установившагося порядка вещей въ Болгаріи. До конца минувшаго царствованія императорское правительство оставалось твердо и непоколебимо въ своемъ рѣшеніи видѣть въ устраненіи этого порядка единственное средство разрѣшить болгарскій вопросъ и вывести Болгарію изъ того ненормальнаго положенія, которое всѣми признавалось за постоянную опасность для спокойствія и мира Европы. Въ сознаніи своего могущества и справедливости своихъ желаній Россія безъ опасеній ожидала, что время совершить свое дѣйствіе, что «дѣла въ Болгаріи сами отъ себя примутъ иной оборотъ, положеніе Кобурга поколеблется и онъ вынужденъ будетъ удалиться изъ страны» **). Въмѣстѣ съ тѣмъ она не упускала случая протестовать противъ каждаго шага великихъ державъ и Порты, который можно было истолковать въ смыслѣ намѣренія косвеннымъ образомъ санкционировать существующій въ Софіи режимъ и упрочить въ Болгаріи то грустное положеніе, которое, по мнѣнію императорскаго правительства, противорѣчило принципамъ права и справедливости, на коихъ покоится всякій прочный миръ, всякое истинное благоденствіе народовъ. Особенно энергично мы настаивали въ этомъ отношеніи передъ Портой, указывая ей на то, что поддержка узурпаторскаго режима въ княжествѣ, официально непризнаннаго Европою, можетъ «явиться источникомъ опасности въ будущемъ, такъ какъ самые жизненные интересы и права Оттоманской импе-

*) Нота французскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ уполномоченнымъ Франціи при великихъ державахъ отъ 20 августа 1867 г.

**) Татищевъ, назв. соч., стр. 495.

рія основані на тщательномъ соблюденіи трактатовъ, съ которыми нынѣшнее положеніе Болгаріи находится въ явномъ противорѣчіи*).

Въ виду усвоеннаго Россіей взгляда на положеніе дѣлъ въ Болгаріи, великія европейскія державы, точно такъ же какъ и Оттоманская Порта, изъ вниманія къ петербургскому кабинету прибѣгали къ пустымъ и ничего незначащимъ отговоркамъ по поводу своихъ отношеній къ болгарскому князю. Но въ то же время онѣ нисколько не старались скрывать отъ императорскаго правительства своего несогласія съ его точкой зрѣнія на болгарскій вопросъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ ясно высказывались за признаніе законности избранія Фердинанда Кобургскаго на томъ основаніи, что какъ временное правительство, утвержденное княземъ Александромъ I передъ отреченіемъ его отъ престола, такъ и народное собраніе, созванное этимъ правительствомъ, дѣйствовали на законномъ основаніи, вслѣдствіе чего избраніе князя совершенно было вполне согласно съ постановленіями Берлинскаго трактата, и ему недостаетъ лишь необходимой санкціи Порты и остальныхъ великихъ державъ; и если европейскіе кабинеты, держась такой точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе не предлагали султану дать свою санкцію сдѣланному болгарскимъ народнымъ собраніемъ выбору князя, изъ опасенія серьезныхъ недоразумѣній между ними и Россіей, весьма опасныхъ для спокойствія и мира Европы, то для достиженія скорѣйшаго разрѣшенія болгарскаго вопроса мирнымъ путемъ, они нисколько не ослабляли своей дѣятельности въ этомъ направленіи, для чего оказывали всевозможную поддержку «самозванному князю», фактически вполне утвердившемуся въ Болгаріи и, памятуя, что время — драгоцѣнный союзникъ для укрѣпленія государственныхъ формъ и престоловъ, давали ему полную возможность выдержкою, терпѣніемъ и тактомъ, съ теченіемъ времени, при пассивной и миролюбивой политикѣ заинтересованныхъ державъ, приобрести всѣ признаки законной власти и фактъ превратить въ право**).

Такого результата принцу Кобургскому удалось, однако, достигнуть только при нынѣ благополучно царствующемъ императорѣ Николаѣ II, который въ январѣ 1896 года принялъ мудрое рѣшеніе возстановить

*) Нота товарища министра иностранныхъ дѣлъ Шишкина отъ 18 августа 1892 г. къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ Жадовскому.

**) Вѣстникъ Европы за 1889 г. № 1, Иностранное Обозрѣніе.

дипломатическія сношенія Россіи съ Болгаріей и тѣмъ самымъ открылъ европейской дипломатіи путь къ офіціальному признанію Фердинанда въ званіи князя Болгаріи и генераль-губернатора Восточной Румеліи, на основаніи существующихъ международныхъ договоровъ.

Рѣшеніе это, конечно, должно быть привѣтствуемо какъ перво-степенной важности шагъ, сдѣланный русскимъ правительствомъ для обезпеченія прямыхъ политическихъ интересовъ Россіи и ея восточныхъ единоувѣрцевъ. Вывода болгарскій вопросъ изъ того закодированнаго круга, изъ котораго въ теченіе 10 лѣтъ для него не было выхода вслѣдствіе упорнаго противопоставленія нами холоднаго «non possumus» усиліямъ европейской дипломатіи и самихъ болгаръ вывести Болгарію изъ ея ненормальнаго международнаго положенія, возстановленіе дипломатическихъ сношеній Россіи съ единоувѣрнымъ ей народомъ разомъ исправило несомнѣнную политическую ошибку прошлаго царствованія, открыло русскому правительству свободу дѣйствій въ восточномъ вопросѣ взаимнѣ прежней свободы бездѣйствія, упрочило миръ въ той области, гдѣ издавна сталкивались между собою интересы могущественныхъ европейскихъ державъ и, наконецъ, обезпечивая на будущее время безпристрастное и справедливое отношеніе императорскаго кабинета къ нуждамъ и стремленіямъ христіанъ Востока, возвысило нравственный авторитетъ Россіи среди народностей Балканскаго полуострова.

Г Л А В А XI.

Общіе результаты отношеній Россіи къ Турціи съ половины XIX вѣка по 1895 годъ.

Положеніе восточнаго вопроса въ половинѣ XIX вѣка. Причини, по которымъ состоялось вступленіе этого вопроса въ новую стадію развитія. Принципы, провозглашенныя Парижскимъ конгрессомъ въ отношеніи Турціи. Вліяніе этихъ принциповъ на обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ Россіи въ юго-восточномъ углу Европы и современное положеніе этихъ интересовъ. Значеніе провозглашенныхъ Парижскимъ конгрессомъ началъ въ исторіи вопроса о нашихъ религіозно-національныхъ интересахъ на Востока. Заботы Россіи со времени этого конгресса о своихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ въ Турціи. Отношеніе западныхъ державъ къ Россіи въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны и послѣдовавшія за ней измѣненія порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Успѣхи, сдѣланныя Россіей до нашихъ дней въ дѣлѣ обезпеченія своихъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ.

Краткимъ изложеніемъ событій, послѣдовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ послѣ Берлинскаго конгресса, мы окончимъ нашъ историко-юридическій очеркъ отношеній Россіи къ Турціи въ ихъ третьей и пока послѣдней стадіи развитія, и теперь по принятому порядку перейдемъ къ подведенію итоговъ тѣмъ результатамъ, которыхъ добилаь Россія въ своей восточной политикѣ въ періодъ времени отъ заключенія Лондонскихъ конвенцій 1840—1841 годовъ до конца минушаго царствованія включительно.

Выше было сказано, что къ началу этого періода какъ матеріальные, такъ и религіозно-національные интересы Россіи въ восточномъ вопросѣ далеко не получили желательнаго удовлетворенія. Открытые со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго договора для нашего торговаго флота, проливы Босфора и Дарданелль въ силу Лондонскихъ конвенцій 1840 и 1841 годовъ были окончательно закрыты

для прохода нашихъ военныхъ судовъ, причемъ ключи отъ этихъ проливовъ остались по прежнему въ слабыхъ рукахъ Оттоманской Порты, которая всегда могла открыть ихъ для враговъ Россіи. Къ концу втораго періода своихъ отношеній къ Турціи Россія остановилась на полпути и въ рѣшеніи религіозно-національнаго вопроса. Въ значительной степени ослабивъ власть султана надъ христіанскими народностями Балканскаго полуострова и гарантировавъ имъ возможность пользоваться правомъ внутренней автономіи, она лишь Греціи предоставила ту вполнѣ самостоятельную и независимую политическую жизнь, которую надлежало дать и всѣмъ остальнымъ христіанскимъ племенамъ Востока. Не обезпечивъ надлежащимъ образомъ ни матеріальныхъ, ни религіозно - національныхъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ, Россія съ конца первой половины текущаго столѣтія должна была заботиться о выполнении неоконченнаго дѣла и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы по мѣрѣ возможности добиться болѣе полнаго и скорѣйшаго разрѣшенія своихъ историческихъ задачъ на Востокаѣ. Но и въ этотъ послѣдній періодъ отношеній къ Турціи ей не суждено было покончить съ тѣмъ, за что принялась она почти въ XVI вѣкѣ. ¶

Какъ мы уже говорили и не разъ могли замѣтить на фактахъ изъ исторіи отношеній Россіи къ Турціи, — успѣхъ нашей восточной политики находился въ тѣсной зависимости отъ силы тѣхъ политическихъ интригъ, съ которыми русскому правительству постоянно приходилось считаться на Востокѣ при осуществленіи нашихъ историческихъ задачъ: чѣмъ менѣе было этихъ интригъ на берегахъ Босфора, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сходились и сталкивались самыя разнообразныя интересы европейскихъ державъ, тѣмъ свободнѣе могла Россія дѣйствовать на Востокѣ въ видахъ обезпеченія собственныхъ своихъ нуждъ и выгодъ; и наоборотъ, чѣмъ болѣе увеличивалось тамъ исконное соперничество европейскихъ державъ съ нами изъ-за вліянія на слабую Турецкую имперію, тѣмъ менѣе мы могли рассчитывать на серьезный успѣхъ въ дѣлѣ выполненія своего историческаго призванія. Но такіе благоприятные для насъ моменты, когда вниманіе нашихъ соперницъ не обращалось на Востокъ, за послѣднее время бывали слишкомъ рѣдки. Постоянныя опасенія за свои торговые и политическіе интересы, которые уже въ 1840 и 1841 годахъ отчасти обезпечены были установленіемъ обще - евро-

пейской гарантіи цѣлости и независимости Оттоманской Порты, не давали покоя великимъ державамъ. Имъ грезилось паденіе Оттоманскаго царства подъ внезапнымъ ударомъ сѣвернаго колосса и утверженіе русскаго господства въ Константинополь. Эти опасенія постепенно возрастали и послѣдовательно переходили у европейскихъ державъ въ непреодолимое стремленіе вытѣснить вліяніе Россіи изъ земель Турецкой имперіи и поставить Порту вмѣстѣ со всѣми подвластными ей христіанскими народностями подъ коллективный протекторатъ и общую гарантію Европы. Въ половинѣ XIX вѣка боязнь честолюбивыхъ и завоевательныхъ плановъ Россіи въ Турціи до того довела западную дипломатію, что она рѣшила, во что бы то ни стало, ослабить могущество сѣвернаго колосса и поставить его въ полную невозможность завладѣть землями Балканскаго полуострова.

Событія, которыми сопровождался для западной Европы 1848 годъ, еще болѣе усилили это враждебное противъ насъ настроеніе европейскихъ державъ. Проявивъ свою необыкновенную мощь и силу въ эпоху повсемѣстныхъ революціонныхъ движеній, когда русскія войска всюду являлись для подавленія народныхъ волненій, Россія положительно вооружила противъ себя западную Европу и окончательно утвердила и укрѣпила въ ней боязнь и вмѣстѣ увѣренность, что Оттоманская Porta въ скоромъ времени неизбежно падеть подъ напоромъ исполнскихъ русскихъ силъ, непреодолимо стремящихся къ живописнымъ берегамъ Босфора. Предположенія объ этомъ стремленіи къ разрушенію и захвату Турецкой имперіи особенно укоренились со времени поѣздки императора Николая въ Лондонъ и его разговоровъ съ англійскими дипломатами о неизбежности турецкой катастрофы. Разговоры эти вызвали въ общественномъ мнѣніи западной Европы твердое убѣжденіе, что императоръ уже рѣшилъ въ своемъ умѣ судьбу Оттоманской Порты, почему и намекаетъ на возможность ея скорого распаденія. При такомъ настроеніи умовъ нашихъ давнишнихъ соперниковъ и завистниковъ на Востокъ достаточно было самаго незначительнаго предлога для того, чтобы они единодушно сочли своимъ долгомъ силою дипломатическихъ угрозъ и даже при помощи оружія попытаться остановить возрастаніе могущества Россіи, роль которой по отношенію

къ Турціи и балканскимъ народностямъ уже давно была чрезвычай-но неприятна западнымъ державамъ.

Такимъ предлогомъ въ половинѣ XIX вѣка явился вопросъ о святыхъ мѣстахъ, и европейскія государства не замедлили воспользоваться имъ для того, чтобы положить предѣлъ наступательной политикѣ Россіи и охранить политическое равновѣсіе, званомъ котораго была выставлена Турція. Особенно ревностными защитниками равновѣсія Европы въ эпоху Крымской войны выступили морскія державы,—Англія и Франція, которыя, какъ мы видѣли, всегда оказывали Турціи свое покровительство и одѣй, или въ соединеніи съ другими государствами, вступались за цѣлость ея территоріальныхъ владѣній. Всѣ договоры морскихъ державъ между собою и съ Турціей передъ Севастопольскою войною проводили одну и ту же мысль: что война Россіи съ Турціей безъ дѣятельнаго вмѣшательства Англіи и Франціи угрожала-бы существованію европейскаго равновѣсія и что существованіе Оттоманской Порты существенно необходимо для поддержанія равновѣсія силъ между державами Европы. По заявленію же европейской дипломатіи, работавшей въ Вѣнѣ на конференціи передъ Парижскимъ конгрессомъ, союзники брали на себя защиту слабой Турецкой имперіи и выступали противъ Россіи съ цѣлью найти средство связать существованіе этой имперіи съ европейскимъ равновѣсіемъ и положить предѣлъ перевѣсу Россіи на Черномъ морѣ.

Крымская кампанія окончилась для Россіи неудачно и привела ее къ подписанію Парижскаго трактата 1856 года, по которому наша опека надъ Турціей и односторонній протекторатъ надъ ея христіанскими подданными дѣлался *коллективнымъ правомъ* всей Европы; Турція вводилась равноправнымъ членомъ въ семью европейскихъ народовъ; неприкосновенность ея территоріи для охраненія европейскаго равновѣсія гарантировалась всѣми державами, участвовавшими въ Парижскомъ конгрессѣ; право вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской Порты въ силу основной мысли трактата становилось коллективнымъ правомъ, причемъ ни одной державѣ безъ согласія остальныхъ не дозволялось вмѣшиваться въ отношенія султана къ его подданнымъ.

Само собою понятно, что ни на Парижскомъ конгрессѣ, гдѣ на защиту Порты выступила соединенными силами вся европейская

дипломатія, ни послѣ подписанія пресловутаго трактата 1856 года, пытавшася унижить Россію и возродить уже начавшую разлагаться Турецкую имперію, русское правительство не могло и помышлять о томъ, чтобы согласно собственнымъ матеріальнымъ интересамъ разрѣшить вопросъ о проливахъ. Проникнутыя желаніемъ ослабить Россію, западныя державы, для охраненія Турціи отъ предполагавшейся опасности съ нашей стороны, объявили Черное море нейтральнымъ и въ то же время запретили доступъ въ него черезъ проливы всѣмъ военнымъ кораблямъ на основаніяхъ, принятыхъ въ Лондонской конвенціи 13 іюля 1841 года, теперь цѣлкомъ внесенной въ такой международный актъ, какъ Парижскій мирный договоръ. Въ 1-ой статьѣ дополнительной къ Парижскому трактату конвенціи о проливахъ было постановлено, что «султанъ имѣеть твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало не-преложно установленное, какъ древнее правило его имперіи, что проливы Босфорскій и Дарданельскій должны оставаться закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, и что *въ мирное время* доступъ для нихъ въ проливы будетъ закрытъ». Всѣ эти ограниченія, конечно, не согласовались съ истинными интересами Россіи, но она не въ силахъ была имъ противиться на Парижскомъ конгрессѣ и потому до поры до времени должна была примириться съ установленнымъ порядкомъ относительно судоходства по Червому морю и проливамъ. Порядокъ этотъ существовалъ до 1870 года, когда прусскій погромъ Франціи, сразу измѣнившій все теченіе европейской политики, далъ Россіи возможность поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ унижительныхъ для нея пунктовъ Парижскаго трактата. Пользуясь благоприятною для насъ минутою, императорское правительство возстановило владычныя права Россіи на Черномъ морѣ. Великія державы согласились на отмѣну постановленій о нейтрализаціи Чернаго моря, но конвенцію, заключенною въ Лондонѣ 13 марта 1871 года, подтвердили, что проливы по-прежнему должны считаться закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, причемъ предоставили султану право разрѣшать доступъ въ нихъ военнымъ кораблямъ дружественныхъ и союзныхъ державъ *не только во время войны*, какъ то условлено было по Лондонской конвенціи 1841 года, но и *въ мирное время*, еслибы это было признано Портою необходимымъ для обезпеченія исполненія постанов-

леній Парижскаго трактата 1856 года. Берлинскій конгрессъ подтвердилъ постановленія Лондонскаго трактата 1871 года, и въ отношеніи Дарданеллъ и Босфора, — выражаясь словами лорда Салисбюри, — призналъ единственный авторитетъ *независимой воли* его величества султана, государя *независимой* Турецкой имперіи.

Таково положеніе, въ которомъ остается до настоящаго времени вопросъ о нашихъ матеріальныхъ интересахъ на Востокѣ. Въ силу нынѣ существующихъ, установленныхъ международными соглашениями, правилъ судоходства черезъ проливы ни одна держава, а въ томъ числѣ и Россія не имѣютъ права безъ спеціальнаго разрѣшенія Порты проводить свои военныя суда черезъ Басфоръ и Дарданеллы. Иначе говоря, въ силу существующихъ международныхъ договоровъ Россія не имѣетъ свободнаго выхода для своего военнаго флота изъ Чернаго моря въ Средиземное, а всѣ другія государства лишаются права проводить свои военныя корабли изъ Средиземнаго моря въ Черное. Но это кажущееся равенство въ правахъ, предоставленныхъ западнымъ державамъ и Россіи, можетъ служить интересамъ первыхъ, но никакъ не послѣдней. Для всѣхъ важно право входить въ Средиземное море, не спрашивая на это ничего разрѣшенія; въ Черное же море желаютъ идти немногіе. Между тѣмъ Средиземное море открыто для всѣхъ державъ, за исключеніемъ Россіи, которая является единственнымъ государствомъ, въ свѣтъ, не имѣющимъ права посылать свой военный флотъ изъ Чернаго моря по собственному желанію, заранѣе не спрашивая на это разрѣшенія иностранной державы, въ исключительномъ распоряженіи которой находятся проливы. Но этого мало. Вслѣдствіе оставленія ключей отъ Чернаго моря въ рукахъ слабой Порты, мы, на основаніи долговременнаго историческаго опыта, никогда не можемъ быть увѣрены въ томъ, что султанъ не пропуститъ черезъ проливы военныхъ кораблей враждебныхъ намъ державъ для нападенія на наши южныя окраины, и такимъ образомъ *de facto* не имѣемъ возможности рассчитывать на извлеченіе изъ закрытія проливовъ даже той выгоды, ради которой лишены весьма важнаго права высылать свой черноморскій военный флотъ въ Средиземное море.

Но если вопросъ о нашихъ матеріальныхъ интересахъ послѣ Парижскаго конгресса нисколько не подвинулся впередъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, то не такова была судьба вопроса о на-

шихъ религіозно-національныхъ интересахъ на Востокѣ, удовлетвореніе которыхъ въ третій періодъ отношеній Россіи къ Турціи должно было совершаться при совершенно новыхъ условіяхъ.

Какъ извѣстно, Парижскій мирный трактатъ 1856 года отнялъ у Россіи исключительное право покровительства христіанамъ, находящимся подъ властью Турціи, и сдѣлалъ его *общимъ* правомъ всѣхъ великихъ европейскихъ державъ. Установленіе этого коллективнаго права покровительства европейскихъ державъ балканскимъ христіанамъ, повидимому, создавало комбинацію, весьма благоприятную для освобожденія народностей, подвластныхъ Оттоманской Портѣ, такъ какъ комбинація эта какъ бы парализовала агрессивную, всегда одностороннюю политику отдѣльныхъ державъ и узаконила на будущее время ихъ коллективное вмѣшательство во внутреннее управленіе Турціи во имя общихъ и высшихъ интересовъ человѣчества. Важность этого, провозглашеннаго Парижскимъ трактатомъ принципа заключалась въ томъ, что теперь, казалось, устранилось главнѣйшее препятствіе къ рѣшенію восточнаго вопроса съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія. Западныя державы до сихъ поръ несочувственно относились къ дѣлу освобожденія турецкихъ христіанъ только изъ опасенія, что освобожденіе это, достигнутое одной Россіей, послужитъ въ явный ущербъ интересамъ Европы, предполагая, что освобожденные нами народности Балканскаго полуострова, слабыя, разрозненные и неподготовленные къ самоуправленію, подчинятся нашему исключительному вліянію и такимъ образомъ еще болѣе усилятъ боевую способность сѣвернаго колосса, и безъ того опасную для остальной Европы. Теперь же, со времени провозглашенія принципа невмѣшательства для отдѣльныхъ державъ и установленія ихъ коллективнаго протектората надъ восточными христіанами, всѣ эти опасенія должны были разсѣяться и можно было ожидать, что Европа откажется отъ своей прежней политики въ восточномъ вопросѣ и станетъ ревностною поборницею дѣла освобожденія христіанскихъ народностей изъ-подъ турецкаго ига.

Но на дѣлѣ вышло не такъ. Уже на Парижскомъ конгрессѣ европейская дипломатія явно обнаружила, насколько она вообще была одушевлена желаніемъ воспользоваться тѣмъ исключительнымъ правомъ покровительства христіанскимъ подданнымъ Порты, которое до сего времени принадлежало одной Россіи, получившей это право на

основаніи славнаго Кучукъ - Кайнарджійскаго мирнаго договора. Ослѣпленная лишь желаніемъ оградить Турцію отъ угрожавшей ей со стороны Россіи опасности, она не сочла своимъ долгомъ ввести какія либо *дѣйствительныя* улучшенія въ положеніи восточныхъ христіанъ, а подтвердивъ прежнія ихъ права и привилегіи, которыя были пріобрѣтены ими при нашей помощи, удовольствовалась принятіемъ къ свѣдѣнію добровольно даннаго султаномъ фирмана, провозглашавшаго начала равноправности подданныхъ Турціи безъ различія въ исповѣданіяхъ. Причиною подобнаго отношенія западныхъ кабинетовъ къ участи православнаго Востока служило то, что они были твердо убѣждены въ возможности возрожденія Турецкой имперіи подъ коллективнымъ протекторатомъ великихъ державъ и въ скоромъ усвоеніи ею началъ европейской цивилизаціи, отъ которой мусульмане въ теченіе четырехъ вѣковъ ровно ничего не успѣли воспринять. Кромѣ того, европейскіе дворы не были достаточно увѣрены въ томъ, что Крымскою войною окончательно устраниена опасность нарушенія Россіей политическаго равновѣсія на Востокѣ, ибо никому не было извѣстно, насколько мы были тогда расположены къ соблюденію принциповъ, провозглашенныхъ Парижскимъ конгрессомъ. Это недовѣріе къ намъ со стороны Запада не исчезло тотчасъ же послѣ паденія Севастополя и, къ сожалѣнію, не могло исчезнуть и впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что возобновленіе въ 1873 году союза трехъ императоровъ какъ бы предвѣщало возвращеніе Россіи къ политикѣ «Священнаго Союза», бывшей одною изъ главныхъ причинъ той страшной бури, которая въ срединѣ пятидесятихъ годовъ разразилась надъ Россіей, принеся къ ея черноморскимъ берегамъ кровавыя волны съ береговъ Франціи и Англіи.

Всѣмъ этимъ объясняется то, что послѣ Парижскаго конгресса вопросъ объ участи балканскихъ христіанъ не очутился въ лучшихъ сравнительно съ прежнимъ условіяхъ. Принявъ Оттоманскую Порту въ семью цивилизованныхъ европейскихъ народовъ на равныхъ правахъ со всѣми остальными государствами, западная дипломатія не отказалась отъ поддержанія неизмѣннаго грустнаго status quo въ положеніи христіанскихъ народностей Турціи. Что же касается Россіи, то она, подпавъ подъ коллективный контроль европейскихъ державъ, окончательно была лишена возможности въ чемъ-либо измѣнить этотъ status quo безъ ихъ согласія и отчасти поэтому въ пер-

вое время послѣ Крымской войны рѣшилась даже отодвинуть свои интересы на Востокъ на второй планъ съ тѣмъ, чтобы заняться собственными внутренними дѣлами.

Но такое отношеніе Россіи къ своимъ религіозно-національнымъ интересамъ на Востокъ, противорѣчившее ея историческому призванію, не могло, конечно, продолжаться долго. Вопреки ухищреніямъ дипломатовъ Парижскаго конгресса, цытавшихся, въ интересахъ отдѣльныхъ державъ, оградить цѣлость и неприкосновенность Турецкой имперіи, эта послѣдняя продолжала быстро разлагаться. Подъ вліяніемъ принципа національности на Балканскомъ полуостровѣ наступилъ періодъ броженія подвластныхъ султану народностей, которыя стали настойчиво требовать отъ турецкаго правительства удовлетворенія своихъ народныхъ желаній. Само собою разумѣется, Россія не въ силахъ была безучастно смотрѣть на пробужденіе національных стремленій среди христіанъ Балканскаго полуострова. Насколько позволяло ея тогдашнее международное положеніе, она покровительственно относилась къ указаннымъ движеніямъ, и при ея содѣйствіи уже въ 60-хъ годахъ такъ называемыя полунезависимыя государства: Сербія, Молдавія и Валахія достигаютъ полной самостоятельности во внутренней государственной сферѣ, при чемъ платежъ султану дани остается единственнымъ признакомъ ихъ вассальныхъ отношеній къ Оттоманской Портѣ, отъ которой они были совершенно обособлены, составляя цѣльныя и замкнутыя группы, сохранившія свои историческіе обычаи и своеобразную культуру съ нескрываемымъ стремленіемъ къ полной политической свободѣ и независимости. Когда же въ 1875 году вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ и державы, послѣ двухлѣтнихъ бесплодныхъ переговоровъ, не предприняли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы принудить Порту ко введенію необходимыхъ улучшеній въ положеніи балканскихъ христіанъ, Россія объявила войну Турціи, результатомъ которой было почти совершенное уничтоженіе мусульманскаго царства въ Европѣ и образованіе на его развалинахъ независимыхъ княжествъ: Сербскаго, Румынскаго и Черногорскаго, и полунезависимаго княжества Болгарскаго, а также признаніе правъ внутренней автономіи за Босніей и Герцеговиной и улучшеніе положенія остальныхъ провинцій Турціи.

Но эти постановленія Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго мирнаго

договора Россіи съ Турціей снова вызвали на сцену вопросъ о политическомъ равновѣсіи Европы. Боязь той минуты, когда *volens-voles* придется ликвидировать дѣла «больнаго человѣка», точно боязнь минуты наступленія страшнаго суда, заставила европейскую дипломатію заступиться за Турцію и изыскать новыя средства къ поддержанію ея существованія. И вотъ, не взирая на то, что Оттоманская имперія, составленная путемъ завоеванія изъ разнородныхъ и несогласныхъ элементовъ, самую исторію своего происхожденія осуждена была на неизбежное разрушеніе, западныя державы, и главнымъ образомъ Англія съ Австріей, на Берлинскомъ конгрессѣ до *minimum*'а низвели результаты нашихъ славныхъ побѣдъ надъ турками: онѣ раздѣлили цѣлокупное Болгарское княжество на три части, предоставили вѣнскому двору, подъ видомъ временнаго занятія, Боснію и Герцеговину и сдѣлали нѣкоторыя другія уродливыя поправки въ русско-турецкомъ договорѣ. Но все это не могло ослабить тѣхъ громадныхъ результатовъ, къ которымъ привела послѣдняя наша война съ Турціей, предпринятая Россіей съ цѣлью освобожденія турецкихъ христіанъ. Слѣдствіемъ этой войны, даже послѣ замѣны Санъ-Стефанскаго договора Берлинскимъ трактатомъ, было окончательное освобожденіе изъ-подъ турецкой власти милліоновъ христіанъ въ Сербіи, Румыніи и Черногоріи, предоставленіе правъ внутренней автономіи въ пользу Болгаріи и улучшеніе положенія христіанъ въ остальныхъ областяхъ Турціи. Если-же къ этому прибавить, что подъ вліяніемъ національныхъ стремленій времени и непреодолимой силы законовъ историческаго прогресса, Болгарское княжество черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія Берлинскаго трактата соединилось съ Восточной Румеліей, которая была искусственно отторгнута отъ единой Болгаріи по эгоистическимъ соображеніямъ западныхъ державъ и вслѣдствіе ихъ боязни, какъ бы образованіе цѣлокупнаго Болгарскаго княжества не повело къ русской гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ, — то результаты освободительной политики Россіи на Востокѣ еще болѣе увеличатся, такъ какъ необходимое и вполне естественное съ исторической и національной точки зрѣнія сліяніе двухъ Болгарій, было прямымъ послѣдствіемъ русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ и Санъ-Стефанскаго мирнаго договора.

Таковы ближайшіе результаты отношеній Россіи къ Турціи въ

третій, современный намъ періодъ ихъ историческаго развитія. Вопросъ о нашихъ матеріальныхъ интересахъ на Востокѣ, сводящійся въ настоящее время къ вопросу о пропускѣ русскаго военнаго флота черезъ Дарданельскій и Босфорскій проливы, въ этотъ періодъ не разрѣшенъ въ желательномъ для Россіи смыслѣ; что же касается до вопроса о нашихъ религіозно-національныхъ интересахъ, состоящихъ въ достиженіи окончательнаго распаденія Оттоманской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ независимыхъ политическихъ тѣлъ изъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народностей, то разрѣшеніе этого вопроса въ современный намъ періодъ отношеній Россіи къ Турціи настолько подвинулось впередъ, что цивилизованному европейскому міру едва-ли придется долго ждать полнаго освобожденія изъ-подъ турецкаго ига всѣхъ христіанъ Востока.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(КРИТИЧЕСКАЯ).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Критическій обзоръ прошлой политики Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Г Л А В А I.

Взглядъ проф. Мартенса на восточную политику Россіи.

Путь, которымъ—по мнѣнію проф. Мартенса—шла Россія къ рѣшенію восточнаго вопроса. Безпристрастное служеніе ея интересамъ турецкихъ христіанъ. Неправильность этого утвержденія. Стремленіе русскаго правительства поставить христіанъ Востока подъ защиту Европы. Ошибочность такого взгляда. Истинное значеніе ноты 1815 г., дѣйствій Россіи въ 1828—29 гг. и въ эпоху заключенія Лондонскихъ конвенцій 1840—41 гг. Призваніе Россіей восточнаго вопроса вопросомъ европейскаго международнаго права лишь съ 1856 г. Россія всегда одна выступала въ качествѣ защитницы восточныхъ христіанъ. Правильность указанія въ этомъ отношеніи на войну 1877—78 гг. и непригодность примѣра войны 1828—29 гг. Отеутствіе въ русской политикѣ коварныхъ замисловъ въ отношеніи Турціи и заботы наши о сохраненіи ея въ 1828—1833 гг. Старанія предотвратить внутреннее разложеніе этой имперіи путемъ улучшенія положенія ея христіанскихъ народностей. Невозможность согласиться съ выводами и заключеніями проф. Мартенса о восточной политикѣ Россіи.

Послѣ обзора исторіи отношеній Россіи къ Турціи мы остановимся на критической оцѣнкѣ русскаго политикѣ на Востокѣ, а затѣмъ сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о возможномъ разрѣшеніи русско-турецкихъ отношеній въ будущемъ, насколько возможно су-

дять о томъ по ихъ прошлой исторіи и по современному положенію восточнаго вопроса, представляющаго собою крайнее переплетеніе жизненныхъ интересовъ Россіи и балканскихъ христіанъ вмѣстѣ съ таковыми же интересами западныхъ державъ въ юго-восточномъ углу Европы.

Приступая къ оцѣнкѣ дѣйствій русскаго правительства въ восточномъ вопросѣ, мы, прежде чѣмъ высказывать какія - либо собственные сужденія на этотъ счетъ, находимъ необходимымъ взглянуть на тѣ выводы, къ которымъ пришелъ въ этомъ отношеніи петербургскій профессоръ Мартенсъ *), стяжавшій себѣ славу у насъ и за границей не только какъ ученый теоретикъ международнаго права, но и какъ авторитетный русскій публицистъ, всегда выступающій защитникомъ интересовъ и возврѣній, проводимыхъ русскимъ правительствомъ въ наиболѣе важныхъ текущихъ вопросахъ международной политики.

Почтенный профессоръ, отличающійся вообще рѣдкою отзывчивостью на всѣ вопросы, возникающіе въ Европѣ и имѣющіе какое-либо отношеніе къ нашимъ международнымъ задачамъ, во время событій, приведшихъ къ послѣдней русско - турецкой войнѣ, счелъ своевременнымъ «бросить взглядъ на прошлую политику Россіи въ восточномъ вопросѣ, съ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, освѣтить тотъ путь, которымъ она шла прежде для достиженія своей цѣли— дѣйствительнаго улучшенія положенія христіанъ,—а съ другой—указать истинныя побудительныя причины всѣхъ дѣйствій, совершенныхъ ею въ продолженіе нынѣшняго вѣка ради достиженія этой цѣли» **). Для своего изслѣдованія онъ собралъ въ архивахъ различныя документальныя данныя, касающіяся международной политики Россіи минувшихъ временъ, и на основаніи этого богатаго матеріала, опубликованнаго имъ въ первый разъ, пришелъ къ выводамъ, весьма лестнымъ для нашей восточной политики.

Прежде всего онъ твердо убѣдился въ чистотѣ намѣреній Россіи по отношенію къ Турціи и въ величій той исторической задачѣ,

*) См. статью его: „Etude historique sur la politique de la Russie dans la question d'Orient“, помѣщенную въ *Revue de droit international et de legislation comparée* за 1877 г. т. IX, стр. 49 и слѣд. Статья эта съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями появилась въ томъ же году и отдѣльными брошюрами на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

**) *Die russische Politik in der orientalischen Frage*. Слб., 1877 г., стр. 2.

которую предстояло рѣшить русскому народу на Востокѣ. «Можно ли—говорить проф. Мартенсъ — серьезно утверждать, что безчисленныя жертвы, которыя въ продолженіе нынѣшняго вѣка Россія приносила въ пользу христіанъ Турціи, дѣйствительно были вознаграждены нѣсколькими клочками земли, уступленными Портою по мирнымъ трактатамъ?» Не получая соотвѣтствующаго вознагражденія за огромныя издержки, которыхъ стоили наши войны съ Портою, Россія и не искала его,—по мнѣнію почтеннаго профессора. Причина этого безкорыстія заключалась, однако, не въ томъ, что Турецкая имперія, благодаря своему полному банкротству, не была въ состояніи дать Россіи должное вознагражденіе за военныя издержки, а въ самомъ существѣ тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовалъ русскій народъ на Востокѣ. «Здравый смыслъ и исторія — по словамъ профессора — свидѣтельствуютъ, что *настоящая и главная цѣль* войнъ, веденныхъ Россіей съ Оттоманской имперіей, не была въ нашъ вѣкъ завоеваніемъ или разрушеніемъ этого сосѣдняго государства. Россія стремилась только къ одной цѣли: положить конецъ страданіямъ христіанъ Турецкой имперіи, ввести дѣйствительныя улучшенія въ ихъ положеніи и тѣмъ обезпечить свое собственное спокойствіе и оградить свои интересы, подвергавшіеся опасности отъ безпрестанныхъ волненій въ сосѣднемъ государствѣ» *).

Изъ приведенныхъ словъ проф. Мартенса видно, что, — по его мнѣнію,—русская политика на Востокѣ всегда была направлена на безкорыстное служеніе интересамъ христіанскихъ народностей Турціи. Дѣйствительно, отчасти сознание долга по отношенію къ этимъ народностямъ, отчасти какое-то инстинктивное чувство, стихійное чутье поддерживали указанное направленіе въ нашей восточной политикѣ. Но на основаніи этого мы едва ли можемъ дѣлать заключеніе, что Россія всегда сознательно и неуклонно держалась только освободительной политики на Востокѣ и не стремилась къ разрушенію Турціи или къ захвату ея земель. Почти до послѣдняго времени Россія весьма часто противорѣчила своему историческому призванію, поступала наперекоръ, въ ущербъ ему, оставляла Востокъ на произволь судьбы и, увлекаясь различными политическими комбинаціями, нерѣдко стремилась къ территориальнымъ расшире-

*) Назв. раб., стр. 3.

ніямъ на счетъ Турціи и даже къ уничтоженію ея господства въ Европѣ путемъ раздѣла оттоманскихъ владѣній между заинтересованными государствами. Обо всемъ этомъ мы будемъ говорить ниже. Теперь же послѣдуемъ за авторомъ.

Какъ мы сказали, исходнымъ пунктомъ русской политики на Востоку, по твердому убѣжденію проф. Мартенса, было попеченіе о судьбѣ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ Россіи народностей Турціи. Ревностно заботясь о положеніи восточныхъ христіанъ, Россія уже въ силу трактатовъ: Кучукъ-Кайнарджійскаго, Яскаго и Бухарестскаго приобрѣла право охранять ихъ интересы. «Благодаря осложненіямъ, которыя бывали на Востоку въ продолженіе первой половины нынѣшняго вѣка, это принадлежавшее Россіи право—говорить г. Мартенсъ—не могло быть оспариваемо ни самою Портою, ни европейскими державами. Но русское правительство никогда не пользовалось своимъ правомъ, не постаравшись всѣми силами приобщить другія европейскія государства къ своимъ усиліямъ въ пользу христіанскихъ подданныхъ Порты; оно не переставало приглашать другія державы вмѣстѣ съ нею посредничать и сообщая принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы побудить Порту положить конецъ порядку вещей, постоянно служившему угрозой для европейскаго мира. Приглашая державы присоединиться къ своимъ усиліямъ, Россія была убѣждена, что христіанскія народности, находящіяся подъ мусульманскимъ игомъ, имѣютъ нравственное право на защиту со стороны европейскихъ кабинетовъ и что онѣ достойны, по крайней мѣрѣ, тѣхъ же симпатій, какъ и идолопоклонники Африки. Стремясь дать восточному вопросу характеръ, который болѣе отвѣчалъ бы интересамъ христіанскихъ подданныхъ Порты и требованіямъ справедливости, Россія всегда руководилась мыслью, что существованіе Оттоманской имперіи вполнѣ зависитъ отъ того положенія, которое она дастъ христіанскимъ народностямъ. Не будучи въ состояніи желать паденія Турціи, Россія не хотѣла взять на себя одну отвѣтственность за участь райи. Высшія соображенія и сознаніе собственнаго достоинства и своихъ самыхъ существенныхъ интересовъ предписывали русской политикѣ стремиться къ одной цѣли: *поставить христіанскія народности Турціи подъ защиту христіанской Европы*. Ради этой цѣли русское правительство не переставало искать *коллективнаго вмѣшательства*

въ дѣла Турціи каждый разъ, когда христіанскія народности были вынуждаемы возстать противъ злоупотребленій турецкаго правительства. Будучи особенно озабочена страданіями своихъ единовѣрцевъ, Россія никогда не переставала предъявлять требованія въ пользу всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи, безъ различія въ происхожденіи и религіи, не останавливаясь ни передъ гнуснымъ соперничествомъ, ни передъ низкими инсинуаціями. Чуждая стремленій къ какимъ-либо исключительнымъ выгодамъ или къ присвоенію себѣ роли главной покровительницы христіанъ и не желая паденія Оттоманской имперіи, Россія стремилась только къ тому, чтобы при помощи коллективной интервенціи всѣхъ великихъ державъ гарантировать райѣ сносное положеніе и поддержать Османскую имперію. Такова была цѣль русской политики въ эпоху, когда Россія имѣла исключительныя права по отношенію къ Турціи, и таковъ путь, котораго держалась она до сего времени», т.-е. до начала послѣдней русско-турецкой войны. *)

Оставаясь вполнѣ безпристрастнымъ, едва-ли можно согласиться съ приведенными словами почтеннаго профессора. Намъ вѣжется, что онъ приписываетъ русской дипломатіи такую широту взгляда на восточный вопросъ, какой у нея въ дѣйствительности всегда недоставало. Желаніе «поставить христіанскія народности Турціи подъ защиту христіанской Европы»—безъ сомнѣнія, прямо указываетъ на пониманіе восточнаго вопроса въ смыслѣ такого вопроса, въ которомъ всѣ великія державы Европы признаются одинаково заинтересованными. Но подобной широты взгляда наше правительство никогда не имѣло въ прежнее время. Приобрѣтая право покровительствовать христіанамъ Турціи и включая это право въ международныя договоры: Кучукъ - Кайнарджійскій, Ясскій, Бухарестскій и даже Адрианопольскій, оно всегда разсматривало нарушеніе этого права Портою дѣломъ, непосредственно касающимся пользы и достоинства одной Россіи, и даже не допускало и мысли о постороннемъ вмѣшательствѣ въ дѣла Востока. Не допускать вмѣшательства иностранныхъ государствъ въ наши отношенія съ Портой было кореннымъ началомъ восточной политики русскаго двора, который никогда не былъ склоненъ добровольно поступаться обезпеченнымъ за нямъ до-

*) Назр. раб., стр. 4—5.

говорами правомъ покровительства христіанскимъ народностямъ, какъ въ непосредственныхъ владѣніяхъ султана, такъ и въ вассальныхъ его княжествахъ. Со времени императрицы Екатерины Великой мы терпѣть не могли никакого, хотя бы даже и благожелательнаго сторонняго вмѣшательства въ свои международныя отношенія. Къ тому же должно признаться, что не русское правительство искусственно вызывало къ жизни греко-славянскій вопросъ своею разумною и гуманною политикою, а этотъ послѣдній самъ становился передъ нами неотложною задачею, самъ принуждалъ насъ къ активной политикѣ. Вмѣшиваясь же въ восточныя дѣла большею частію благодаря стеченію различныхъ обстоятельствъ, иногда даже прстивъ своего желанія и безъ яснаго сознанія великаго значенія восточнаго вопроса, могло-ли русское правительство проникаться тѣми высокими стремленіями, о которыхъ говорить проф. Мартенсъ?

Что у русскаго правительства не было въ прежнее время надлежащей широты взгляда на восточный вопросъ, это доказывается многими фактами изъ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Но мы позволимъ себѣ ограничиться лишь разсмотрѣніемъ данныхъ, являющихся въ глазахъ проф. Мартенса лучшимъ подтвержденіемъ того возвышеннаго свойства прошлой русской политики на Востоку, которое, по нашему мнѣнію, можно еще оспаривать.

Для доказательства своей мысли почтенный профессоръ прежде всего останавливается на циркулярной нотѣ отъ февраля 1815 года, въ которой русское правительство предлагало на обсужденіе членовъ Вѣнскаго конгресса положеніе дѣлъ въ Турціи *). Не оспаривая достоинствъ самой ноты, смыслъ которой, по словамъ проф. Мартенса, не позволяетъ сомнѣваться въ желаніи Россіи поставить христіанскія народности Турціи подъ коллективную гарантію всѣхъ великихъ державъ Европы, мы смѣемъ, однако, усумниться въ томъ, что нота эта можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ твердости возвышенныхъ намѣреній русскаго двора. Дѣло въ томъ, что самъ же проф. Мартенсъ заявляетъ, что изъ дѣлъ Государственнаго Архива не видно, насколько императоръ Александръ I достигъ своей цѣли на конгрессѣ и какъ отнеслись къ его предложенію другія великія европейскія державы **). А это обстоятельство, вмѣстѣ

*) Содержаніе этой ноты см. въ 1-мъ томѣ, стр. 286.

**) Собраніе трактатовъ, т. III, стр. 179.

съ нашею боязнью и нерѣшительностью при переговорахъ съ Сербіей, *) рождаетъ невольное и вполне естественное предположеніе, что русская нота 1815 года либо вовсе не была сообщена державамъ, либо была сообщена имъ конфиденціально. Но подобный образъ дѣйствій со стороны русскаго правительства не мыслимо совмѣстить съ твердымъ его желаніемъ поставить турецкихъ христіанъ подъ коллективный протекторатъ Европы, тѣмъ болѣе, что Россія занимала на Вѣнскомъ конгрессѣ первенствующее положеніе, а западныя державы въ то время уже начали болѣе или менѣе серьезно чувствовать необходимость парализовать свободное и безконтрольное дѣйствіе сѣверной державы на Востокѣ путемъ установленія общеевропейской опеки надъ Турціей и ея христіанскими подданными, такъ что для осуществленія своихъ благихъ намѣреній мы едва-ли могли встрѣтить какое-либо препятствіе со стороны членовъ Вѣнскаго конгресса. Въ указанную эпоху русское правительство еще не усвоило себѣ твердо той широты взгляда на восточный вопросъ, которую приписываетъ ему проф. Мартенсъ, и это наглядно видно изъ того, что, устанавливая верховный совѣтъ пяти великихъ державъ для обсужденія и рѣшенія общихъ дѣлъ Европы, мы сами ограничили сферу его дѣятельности лишь одними христіанскими государствами, старательно изъясъвъ изъ-подъ его вѣдѣнія Турцію. «Но настоянію Каподистрія, Александръ Павловичъ—говорить г. Татищевъ—исключилъ Оттоманскую Порту изъ числа участниковъ европейской федераціи и, вѣрный преданіямъ своихъ предшественниковъ, выговорилъ право Россіи самостоятельно вершить дѣла свои съ Турціей, не допуская въ нихъ ничего посторонняго вмѣшательства» **).

Новымъ доказательствомъ того, что Россія всегда усердно заботилась о печальныхъ судьбахъ христіанскихъ подданныхъ Порты и усиленно хлопотала въ этихъ видахъ о коллективной интервенціи въ дѣла Балканскаго полуострова, проф. Мартенсъ старается выставить дѣйствія русскаго правительства во время знаменитаго греческаго возстанія, въ періодъ времени отъ 1821 до 1829 года. Но всѣмъ прекрасно извѣстно отношеніе русскаго правительства къ

*) См. сношенія Матвѣя Ненадовича съ государями, бывшими на Вѣнскомъ конгрессѣ, у Попова: Россія и Сербія, ч. I, стр. 116—123.

**) Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи за 1889 годъ, стр. 171.

возставшимъ грекамъ. «Объявивъ себя защитникомъ сонма представителей законной власти, Александръ—говорить Богдановичъ— считалъ вѣроломствомъ вооруженное вмѣшательство въ пользу поданныхъ-грековъ противъ ихъ монарха-султана. Ни мольбы къ нему о помощи страдавшаго цѣлыя вѣка народа, ни общественное мнѣніе Россіи, стремившейся на избавленіе отъ неволи православныхъ грековъ, нисколько не могли измѣнить усвоеннаго русскимъ монархомъ убѣжденія въ несправедливости какого-либо покушенія съ нашей стороны противъ Оттоманской Порты» *). Преклоняясь передъ принципами Священнаго Союза, императоръ Александръ I поборолъ внушенія своего благороднаго сердца и призналъ необходимымъ жертвовать интересами русскаго народа ради соблюденія выгодъ Европы. Въ то время какъ гр. Каподистрия настаивалъ на энергическомъ военномъ вмѣшательствѣ въ балканскія дѣла, императоръ Александръ, тщетно хлопотавшій о соглашеніи съ союзными кабинетами, опасался войны съ Турціей за возставшихъ грековъ, *чтобы тѣмъ не поощрить враговъ порядка*, и предоставилъ самой Портѣ, по собственному усмотрѣнію, расправиться съ повстанцами. Когда произошелъ перерывъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей, русскіе консульскіе агенты были отозваны изъ Греціи. «Въ греческихъ водахъ крейсировали посланныя для наблюденія за событіями эскадры англійская, французская и австрійская, но русскій военный флотъ и не показывался въ Архипелагѣ... Въ Россіи задержано было болѣе 300.000 руб., собранныхъ по всенародной подпискѣ на выкупъ христіанъ изъ турецкаго плѣна, въ то самое время, когда возстаніе жило лишь на пособія, доставляемыя ему филеллинскими комитетами на Западѣ» **).

Самъ собою понятно, что подобный образъ дѣйствій русскаго правительства подрывалъ въ глазахъ нашихъ единовѣрцевъ вѣру въ историческое призваніе Россіи быть защитницей и освободительницей народовъ Востока и свидѣтельствовалъ объ отсутствіи у насъ самостоятельной политики. Но, принося въ жертву интересы турецкихъ христіанъ и достоинство Россіи и настаивая на европейскомъ соглашеніи по дѣламъ Востока, русское правительство дѣлало все

*) Восточная война 1853—1856 годовъ, т. I, стр. 3.

**) Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 260.

это вовсе не изъ за того, что считало судьбу грековъ вопросомъ, подлежащимъ рѣшенію великихъ державъ Европы. Оно желало дѣйствовать въ греческомъ вопросѣ сообща съ прочими державами только потому, что страхъ революціи побуждалъ согласовать права, принадлежавшія Россіи на основаніи договоровъ съ Потою, съ обязанностями, проистекавшими изъ Священнаго Союза и требовавшими всюду свято охранять миръ и законный порядокъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Таковъ, собственно говоря, былъ взглядъ на греческое дѣло и у императора Николая I, который, какъ и августѣйшій его предшественникъ, видѣлъ въ грекахъ народъ, возставшій противъ легитимнаго монарха. Если же онъ вступилъ въ союзъ съ Англійей и Франціей ради защиты интересовъ инсургентовъ, а потомъ включилъ въ Адрианопольскій трактатъ извѣстныя гарантіи въ пользу повстанцевъ, то эти дѣйствія русскаго царя обусловливались не сознаниемъ необходимости сообща съ остальной Европой освободить турецкихъ христіанъ изъ-подъ гнета вѣковаго рабства, а желаниемъ прочно обезпечить миръ Европѣ и укрѣпить за Россіей ея исключительное вліяніе на Востокѣ. Признавая же Грецію независимымъ государствомъ, русское правительство предполагало, что она черезъ это «разъ на всегда станетъ дополненіемъ того вліянія, коимъ русскій дворъ долженъ пользоваться во всѣхъ частяхъ Востока и котораго не въ силахъ лишить его ни одна держава въ мірѣ» *).

Само собою понятно, что невозможно указывать на событія 1833—1840 годовъ, а тѣмъ болѣе на Парижскій трактатъ 1856 года, какъ на доказательство того, что Россія всегда была готова раздѣлить со всею Европою свое покровительство Турціи и ея христіанскимъ подданнымъ. Гарантія цѣлости и неприкосновенности Турецкой имперіи и коллективный протекторатъ Европы, заступившій мѣсто нашего исключительнаго права заступничества за единовѣрныхъ народовъ Востока—это начала современнаго международнаго права, шедшія въ разрѣзъ съ вѣковыми традиціями русской политики и получившія санкцію нашего правительства лишь благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ, вынудившимъ Россію принять участіе въ подписаніи Лондонскихъ конвенцій 1840—1841 годовъ и пресловутаго Парижскаго трактата. Императоръ Николай I съ самаго вступленія своего на престолъ поставилъ цѣлью своей восточной по-

*) Князь Меттернихъ князю Эстергази 12 (24) августа 1830 года.

литики достиженіе преобладающаго вліянія Россіи на Босфоръ, такого вліянія, которое исключало бы всякое вмѣшательство въ дѣла Турціи со стороны остальныхъ европейскихъ государствъ. «Вмѣшательство оное — говоритъ г. Татищевъ — гласно и открыто, не скрывая отъ Европы, что лишь подъ этимъ условіемъ оное воздержался отъ нанесенія Портѣ смертельнаго удара. Предоставляя ближайшимъ своимъ союзникамъ, Австріи и Пруссіи, направлять по своему усмотрѣнію общую политику охранительнаго союза на Югѣ и Западѣ, государь ревниво оберегалъ свое право руководить судьбами Востока и по отношенію къ нему, какъ и къ Польшѣ, даже не считалъ нужнымъ соображать свои мѣры съ союзными дворами, ни предвѣщать о нихъ Вѣну и Берлинъ. Всю область отъ Нѣмана до Босфора оное признавалъ непосредственно соприкасающеюся съ государственными интересами Россіи, въ которые не допускалъ посторонняго вмѣшательства» *). Усвоивъ себѣ въ первые же годы своего царствованія взглядъ на восточный вопросъ, какъ на исключительное достояніе Россіи императоръ Николай держался этого взгляда до конца своей жизни, и если иногда оное въ этомъ отношеніи нѣсколько смягчалъ суровость своихъ принциповъ, то только потому что считалъ это необходимымъ для облегченія ихъ практическаго примѣненія.

Лишь съ 1856 года, когда восточный вопросъ сталъ вопросомъ европейскаго международнаго права. Россія дѣйствительно не оспаривала правъ западныхъ державъ на покровительство турецкимъ христіанамъ и старалась разсматривать дѣла Востока представляющими интересъ для всей цивилизованной Европы. Наиболѣе нагляднымъ подтвержденіемъ подобнаго отношенія Россіи къ Европѣ по восточному вопросу, конечно, служить послѣдняя русско-турецкая война. По словамъ г. Татищева, «тогдашній руководитель нашей внѣшней политики князь А. М. Горчаковъ, задавшись цѣлью во что бы то ни стало отмѣнить условія Парижскаго мира, касавшіяся упраздненія черноморскаго флота и уступки части Бессарабіи, и не думалъ ополчаться противъ обязательнаго посредничества Европы въ восточныхъ дѣлахъ... Оно представлялось ему, напротивъ, наилучшимъ средствомъ рѣшенія восточнаго вопроса мирнымъ путемъ. Вотъ почему оное не только не устранялъ великихъ державъ Запада

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 308.

отъ участія въ этихъ дѣлахъ, но всячески побуждалъ ихъ къ тому, постоянно взывая къ содѣйствію и помощи европейскаго концерта. Мечтою его было даже совокупное военное вмѣшательство Европы въ распрю Порты съ ея христіанскими подданными и, конечно, не его вина, если таковое не состоялось.» *) Всю тяжесть войны понесла одна Россія, причемъ даже и послѣ этого она не отказалась предоставить великимъ державамъ рассмотреть и обсудить всѣ безъ исключенія статьи предварительнаго Санъ-Стефанскаго договора и сообща установить новый порядокъ на Востокѣ. Но, повторяемъ, оспаривать за «европейскимъ концертомъ» право вмѣшательства въ дѣла Востока русское правительство перестало лишь послѣ событій 1856 года. До Крымской же войны въ своихъ отношеніяхъ къ восточнымъ христіанамъ Россія не проявляла такой ширсты взгляда. Императорскій кабинетъ тогда не считалъ нужнымъ поступаться обезпеченнымъ за нимъ договорами правомъ покровительства христіанскимъ народностямъ Турціи и мы не можемъ утверждать, что русское правительство постоянно и неуклонно стремилось поставить единовѣрцевъ и единоплеменниковъ Россіи подъ коллективный протекторатъ всѣхъ великихъ державъ Европы.

Указавъ на то, что Россія всегда избѣгала, на сколько возможно, брать на себя одну покровительство христіанскимъ подданнымъ Порты и что по ея глубокому убѣжденію всѣ заинтересованныя державы имѣли общее право и общую обязанность ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, проф. Мартенсъ говоритъ далѣе, что Россія почти всегда одна принимала на себя защиту христіанскихъ народностей Востока. Онъ полагаетъ, что «можно дѣлать какіе угодно упреки русской политикѣ, но только не упрекъ въ недостаткѣ послѣдовательности и настойчивости. Разъ въ принципѣ была допущена интервенція, она должна была быть угрожающей и принудительной. Ради собственнаго достоинства, какъ и ради интересовъ мира, державы должны были доводить до конца разъ принятое рѣшеніе. Между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ онѣ отступали отъ логическихъ послѣдствій сдѣланнаго ими шага противъ Порты, а эта послѣдняя поэтому всегда имѣла поводъ сомнѣваться въ серьезности и осуществимости европейской интервенціи. Но въ тѣ важные моменты, когда отступленіе державъ грозило немину-

*) Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи за 1889 г., стр. 175.

емой опасностью беззащитнымъ подданнымъ Турціи, Россія еще болѣе проникалась сознаниемъ необходимости выполнить работу, начатую отъ имени всей Европы». Такъ — продолжаетъ проф. Мартенсъ — въ 1828 году Россія рѣшилась объявить войну Турціи и, дѣйствуя въ духѣ трактата 1827 года, она исполнила обязанность, которую должна была выполнить вся Европа; тоже самое произошло и во время событій послѣдней русско-турецкой войны, когда всѣ великія европейскія державы считали себя обязанными вмѣшаться во внутреннія дѣла Оттоманской Порты ради защиты христіанскихъ народностей противъ ихъ вѣковыхъ угнетателей — турокъ, и тѣмъ не менѣе въ рѣшительную минуту не выразили ни малѣйшаго желанія силою принудить турецкое правительство къ исполненію единодушныхъ требованій Европы *).

Что въ 1877 году Россія подняла оружіе ради защиты турецкихъ христіанъ, на сторонѣ которыхъ было правительственное и общественное мнѣніе большинства великихъ державъ Европы — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Послѣдняя русско-турецкая война дѣйствительно, носила чисто-освободительный характеръ, что, конечно, дѣлаетъ честь и славу Россіи, самую исторіей призванной стать освободительницею единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народностей Востока. Но и въ данномъ случаѣ дѣйствія русскаго правительства не безупречны. Война 1877—1878 годовъ, бывшая полнымъ опроверженіемъ всей политической системы князя Горчакова, которую онъ проводилъ болѣе двадцати лѣтъ и считалъ обязательною для Россіи еще на многіе годы, представлялась русской дипломатіи возможной лишь при непродолжительности похода и если цѣль его будетъ умѣренная, безъ перехода за Балканы; въ противномъ случаѣ Россіи грозила де европейская коалиція. Доводы эти были приняты императорскимъ правительствомъ и мобилизованная армія была ограничена минимумомъ, необходимымъ для кампаніи быстрой и ранѣе поставленной въ извѣстныя точныя границы. Такимъ образомъ мы предпринимали полувойну, которая могла привести только къ полумиру. Но сила вещей и военныя увлеченія разстроили всѣ эти комбинаціи, и мы дошли до воротъ Царь-Града, освободивъ милліоны христіанъ отъ турецкаго ига.

*) Назв. раб., стр. 13.

Нельзя, однако, сказать относительно войны 1828 года, что она начата была императоромъ Николаемъ съ цѣлью освобожденія грековъ. «Я ихъ зову не греками, а бунтовщиками, а такимъ я никогда не дамъ поддержки, и не имѣю на то права»;—говорилъ Николай I эрцгерцогу Фердинанду фонъ-Эсте, который имѣлъ въ Петербургѣ ту же миссію, что и Веллингтонъ. «Я повторяю, — говорилъ императоръ почти передъ самымъ началомъ войны,—что не сочувствую грекамъ и ненавижу ихъ, хотя они мои единовѣрцы; они поступили измѣннически, зловердно; я считаю ихъ подданными, находящимися въ открытомъ возмущеніи противъ законнаго государя— и не желаю ихъ освобожденія; это былъ-бы пагубный примѣръ для другихъ, если бы имъ удалось освободиться». Быть можетъ тайно императоръ и питалъ намѣреніе поднять оружіе на защиту угнетенныхъ грековъ, но явно, открыто, подобно императору Александру II, онъ ни слова не говорилъ о томъ, что повелѣваетъ русскимъ войскамъ выступить противъ турокъ ради освобожденія грековъ отъ мусульманскаго ига. Напротивъ того, въ манифестѣ и особенно въ деклараціи русскаго правительства 14 (26) апрѣля 1828 года причинами, побудившими насъ объявить войну Турціи, выставялось *явное нарушеніе точнаго смысла трактатовъ*, на которыхъ покоились мирныя взаимныя отношенія между Россіей и Оттоманской Портой. Но въ этихъ нарушенныхъ трактатахъ, какъ извѣстно, въ то время не было и помину о какихъ либо специальныхъ обязательствахъ султана относительно Греціи, вопросъ о которой императоръ Николай всегда обѣщался не смѣшивать съ собственными несогласіями съ Портой, даже въ случаѣ разрыва съ ней.

Утверждая, что Россія никогда не присвоивала себѣ исключительнаго права покровительства турецкимъ христіанамъ и что за недостаткомъ у державъ согласія и рѣшимости она постоянно выступала въ роли исполнительницы единодушныхъ желаній всей Европы, проф. Мартенсъ доказываетъ, наконецъ, что ближайшею цѣлью русскаго правительства было предотвращеніе беспорядковъ на Востокѣ, грозившихъ прочности европейскаго мира, и доставленіе христіанскимъ народностямъ Турціи условій сколько нибудь сноснаго существованія. Цѣль эта была руководящимъ началомъ восточной политики Россіи какъ въ отдаленныя отъ насъ времена, такъ и въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны. «Однако, замѣчаетъ проф. Мартенсъ,—не смотря на всѣ очевидные факты, не смотря на всѣ

миролюбивыя заявленія, злой умыселъ и неосновательное предубѣжденіе приписываютъ Россіи такія намѣренія, которыя, если-бы только могли осуществиться, должны были-бы преобразовать всю южную Европу. Практическій духъ XIX вѣка, какъ видно, не можетъ, понять, что въ настоящее время народъ долженъ-быть способенъ и готовъ одушевляться идеей благородной, гуманной и достойной величайшаго уваженія, но не имѣющей принести ему непосредственной и осязательной пользы. Страсть къ матеріальнымъ выгодамъ достигла въ европейскомъ обществѣ такихъ размѣровъ, сухой матеріализмъ такъ глубоко укоренился въ умахъ, что совершенно невозможно было представить себѣ націю, которая преслѣдовала-бы что нибудь кромѣ матеріальной цѣли». Поэтому обыкновенно задаются вопросамъ такого рода: возможно-ли, чтобы Россія начинала войну съ Турціей только ради защиты интересовъ ея христіанскихъ подданныхъ? Мыслимо-ли, чтобы она не руководилась своими собственными интересами? Наконецъ, не наввио-ли довѣрять тѣмъ заявленіямъ русскаго правительства, гдѣ оно торжественно отказывается какъ отъ завоеваній, такъ и отъ разрушенія Оттоманской имперіи? *).

По мнѣнію проф. Мартенса, всѣ эти и имъ подобныя вопросы станутъ совершенно лишними, если дать себѣ хотя какой-нибудь отчетъ объ истинныхъ интересахъ Россіи по отношенію къ Турціи и о дѣйствительномъ положеніи юговосточной части Европы. Паденіе Оттоманскаго царства—говоритъ онъ—для Россіи не было ближайшею цѣлью политики. «Въ продолженіе всего нынѣшняго вѣка русская политика имѣла въ виду посредствомъ дѣйствительнаго улучшенія положенія христіанъ Турціи только *предотвращать* катастрофу, послѣдствія которой неизмѣримы» **). Эта безкорыстная и великодушная по отношенію къ Турціи политика находила себѣ объясненіе въ томъ, что по мнѣнію нашего правительства существованіе Оттоманской имперіи на Босфорѣ представляло собою невыгодѣйшую комбинацію для торговыхъ и политическихъ интересовъ Россіи и лучше всего соотвѣтствовало дѣйствительнымъ жизненнымъ интересамъ русскаго народа, къ каковому заключенію окончательно пришелъ петербургскій кабинетъ по зрѣломъ обсужденіи давнаго вопроса тайнымъ комитетомъ въ 1828 году.

*) Назв. раб., стр. 25.

**) Назв. раб., стр. 25.

Въ своемъ мѣстѣ мы имѣли случай указать на ошибочность той точки зрѣнія, изъ которой исходилъ въ своихъ заключеніяхъ этотъ комитетъ, призванный изслѣдовать положеніе Турціи и опредѣлять основныя начала нашей политики по отношенію къ Оттоманской Портѣ, въ то время какъ занятіе русскими войсками Адрианополя порождало въ умахъ современниковъ мысль о полномъ разрушеніи европейской Турціи. Россія въ силу своего историческаго призванія не можетъ отказать отъ разрушенія царства османовъ, такъ какъ турецкое правительство не способно предоставить сколько нибудь сносное положеніе восточнымъ христіанамъ, и чтобы дать своимъ единовѣрцамъ возможность безопаснаго существованія, мы должны освободить ихъ отъ деспотической власти мусульманъ, т. е. постепенно уничтожить турецкое владычество въ Европѣ и замѣнить его свободными и независимыми государствами, образуемыми изъ христіанскихъ областей Турецкой имперіи. Отъ разрушенія турецкаго царства не могъ воздержаться даже самъ императоръ Николай I, ревностный сторонникъ сохраненія мусульманскаго владычества въ Европѣ, и при томъ спустя лишь весьма немного времени послѣ одобренія мнѣнія тайнаго комитета. «Внимательно всматриваясь въ сущность постановленій Адрианопольскаго мирнаго договора,—говоритъ г. Татищевъ,—нельзя не признать нѣкотораго противорѣчія между основною мыслью, его внушившею, и вызванными имъ политическими результатами. Останавливая побѣдоносныя войска свои передъ воротами Царь-Града, русскій дворъ имѣлъ въ виду не наносить смертельнаго удара Оттоманской имперіи, потому что признавалъ существованіе ея полезнымъ для Россіи. Но въ то же самое время, полагая начало самостоятельнымъ государственнымъ организациямъ въ фактически отдѣленныхъ отъ Турціи областяхъ, мы ускорили процессъ внутренняго разложенія этой державы и такимъ образомъ приближали окончательное паденіе мусульманскаго господства надъ христіанскими народностями Балканскаго полуострова» *).

Не признавая возможнымъ считать постановленіе тайнаго комитета отвѣчающимъ въковымъ задачамъ Россіи на Востокѣ, мы въ то же время не можемъ согласиться съ проф. Мартенсомъ и въ томъ, что это рѣшеніе, ставшее основаніемъ для всѣхъ послѣдую-

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 223.

щихъ нашихъ дѣйствій въ отношеніи Турціи, было лучшимъ доказательствомъ полнаго безкорытія русскаго правительства въ политикѣ на Востокѣ. Намъ кажется, что шагъ этотъ, напротивъ того, былъ сдѣланъ именно только во имя ошибочныхъ расчетовъ относительно торговыхъ и политическихъ интересовъ Россіи на Востокѣ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, судьба которыхъ, предполагалось, вполнѣ зависѣла какъ отъ нихъ самихъ, такъ и отъ Порты. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣютъ слова, «что сохраненіе Турціи болѣе полезно, чѣмъ вредно дѣйствительнымъ интересамъ Россіи; что никакой другой порядокъ вещей, который займетъ ея мѣсто, не возмѣститъ намъ выгоды имѣть сосѣдомъ слабое государство, постоянно угрожаемое революціонными стремленіями своихъ вассаловъ и вынужденное успѣшною войною покориться волѣ побѣдителя?»*) Не указываютъ-ли эти слова на желаніе русскаго правительства, пользуясь слабостію Оттоманской Порты, заставить ее вполнѣ подчиниться исключительно лишь нашему вліянію и тѣмъ самымъ добиться обезпеченія только своихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ?

Отрицая полное безкорытіе русскаго правительства въ принятіи резолюціи тайнаго комитета, мы вовсе не желаемъ становиться на сторону тѣхъ, которые кричатъ о завоевательныхъ планахъ Россіи въ Турціи, а только не хотимъ выставять въ необыкновенно привлекательномъ видѣ то, что вовсе не составляетъ блестящей страницы въ исторіи русской политики на Востокѣ. Какъ и въ другихъ вопросахъ, Россія, конечно, не могла идти въ разрѣзъ съ своими собственными интересами при рѣшеніи восточнаго вопроса, и эти-то ложно-понятые интересы и были выставлены на первый планъ въ 1829 году, благодаря заключенію тайнаго комитета, хотя историческій опытъ указывалъ на невозможность *поддерживать* существованіе Турецкой имперіи посредствомъ дѣйствительнаго улучшенія положенія христіанскихъ подданныхъ султана.

Разъ принявъ точку зрѣнія комитета, русское правительство руководилось его постановленіями и заключеніями во все царствованіе императора Николая I. Въ 1833 году, во время возстанія Мехмета-Али, паши египетскаго, мы поддерживали Турцію «потому,—гово-

*) Меморандумъ графа Нессельроде отъ 4 (16) сентября 1829 года.

рить проф. Мартенсъ,—что интересы Россіи требовали такого шага*)). Сохраненіе слабаго сосѣда считалось лучшею гарантіею безопасности нашихъ владѣній на Черномъ морѣ, тѣмъ болѣе, что султанъ изъявилъ свое согласіе на заключеніе Ункіарь-Искелесскаго трактата. Но развѣ надежда на безопасность черноморскаго побережья и на возможность русско-турецкаго оборонительнаго союза—безкорыстные мотивы къ сохраненію Оттоманскаго царства въ Европѣ, когда царство это находилось въ состояніи полнаго разложенія и порождало совершенно основательное предположеніе о неизбѣжности установленія новаго, давно желаннаго порядка на Востокѣ? На этихъ же соображеніяхъ основывалась и вся дальнѣйшая политика русскаго двора въ восточномъ вопросѣ.

Стараясь поддержать существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ ради мнимаго обезпеченія своихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ на Востокѣ, Россія въ то же время стремилась предотвратить внутреннее разложеніе этой имперіи при помощи улучшенія положенія христіанскихъ подданныхъ султана. Но что всего интереснѣе,—это способъ, которымъ выражалась наша заботливость о судьбахъ балканскихъ народностей. Не отступая ни на шагъ отъ строго консервативной политики, русское правительство, для поддержанія союза съ германскими державами, «тщательно избѣгало всего, что могло бы возбудить броженіе на Востокѣ; оно довольствовалось лишь тѣмъ, что настаивало передъ Портой о неуклонномъ соблюденіи ею установленныхъ трактатовъ, но голосъ его не раздавался надлежащимъ образомъ въ пользу многочисленныхъ христіанъ, которыхъ эти трактаты не касались вовсе и которые только чаяли своего избавленія, изнемогая подъ ненавистнымъ игомъ**)». вмѣсто энергическаго заступничества за беззащитныхъ угнетенныхъ турецкихъ христіанъ наше правительство вмѣстѣ съ Австріей рекомендовало Портѣ ввести порядокъ во внутреннемъ управленіи, не заимствуя для того никакихъ формъ изъ европейскихъ установленій; оно совѣтовало привести въ исполненіе фирманъ-Гюльхане, въ духѣ ислама, уважать и ограждать данныя христіанскимъ народностямъ привилегіи и въ особенности не увлекаться реформами, предлагае-

*) Назв. раб., стр. 31.

**) Феоктистовъ. Русская политика на Востокѣ передъ Крымской войной. Русск. Вѣстн. за 1868 г. № 1, стр. 78.

мыми политическими авантюристами *). Вотъ совѣты, которые мы давали Портѣ для того, чтобы указать ей средство для поддержанія своего жалкаго существованія! Чтобы не разрушать Турецкой имперіи, мы отказывались отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, что, судя по опыту прежнихъ лѣтъ, всегда приводило лишь къ освобожденію извѣстной части христіанской райи изъ-подъ грубой власти мусульманъ. Но за то мы предлагали османамъ руководиться основаніями ислама, не содержащаго въ себѣ ровно никакой творческой силы и служащаго коренною причиною печальнаго положенія христіанъ въ Турціи. Мудрость подобныхъ совѣтовъ очевидна сама собою. «Если—говоритъ проф. Мартенсъ—исламъ долженъ быть основаніемъ турецкой государственной системы, то не могло быть и рѣчи о соблюденіи правъ и привилегій христіанскихъ народностей» **). Исторія прошлыхъ временъ ясно показывала, что исламъ и христіанство, турки и христіане,—не могутъ жить въ мирѣ и согласіи. Судьба фирмана-Гюльхане и гатти-гумайюна 1856 года устраняетъ въ этомъ отношеніи и послѣднее сомнѣніе. Все это, какъ нельзя болѣе ясно, показываетъ, насколько ошибочно было направленіе русской политики на Востокъ. Желая сохраненія Турецкой имперіи въ Европѣ, мы совѣтовали султану держаться ислама,—того самаго зла, которое всегда было главною причиною постепеннаго паденія оттоманскаго господства въ нашей части свѣта.

Таковы основныя положенія статьи проф. Мартенса, въ которой онъ старается доказать, 1) что Россія постоянно разсматривала судьбу христіанскихъ подданныхъ Порты, какъ предметъ общихъ попеченій всѣхъ великихъ европейскихъ державъ; 2) что имѣя нравственное и юридическое основаніе вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, она за недостаткомъ общаго согласія у державъ одна брала на себя защиту христіанскихъ народностей Востока и 3) что, наконецъ, главною и постоянною цѣлью русской политики по отношенію къ Оттоманской имперіи было желаніе поддержать существованіе этого слабаго государственнаго тѣла посредствомъ дѣйствительнаго улучшенія положенія христіанскихъ подданныхъ султана, безъ различія ихъ національности и религіи. Эти три коренныя начала нашей

*) Инструкція русскаго правительства отъ 24 іюля 1841 года.

***) Назв. раб., соч. 42.

восточной политики, по мнѣнію почтеннаго профессора, всегда служили, такъ сказать, лозунгомъ дѣйствій русскаго правительства на Востокѣ и составляли блестящую сторону нашихъ отношеній къ Турціи и подвластнымъ ей христіанскимъ народностямъ.

При всемъ своемъ искреннемъ желаніи отдать должную справедливость русскому народу за тѣ громадныя жертвы людьми и деньгами, которыя онъ великодушно приносилъ ради освобожденія своихъ восточныхъ единоувѣрцевъ и единоплеменниковъ изъ-подъ гнета турецкаго владычества, мы, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не можемъ согласиться съ выводами и заключеніями проф. Мартенса. Мы готовы допустить, что до Парижскаго мира 1856 г. Россія подъ вліяніемъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ *иногда*, дѣйствительно, разсматривала судьбу христіанскихъ подданныхъ Порты, какъ предметъ попеченія всѣхъ европейскихъ державъ, но не можемъ допустить этого въ смыслѣ *общаго* правила. Послѣдовательное проведеніе начала общеевропейскаго соглашенія по дѣламъ Востока далеко не было кореннымъ правиломъ преемственной восточной политики петербургскаго двора. Подобной широты взгляда на восточный вопросъ у русскаго правительства всегда не доставало. Лишь послѣ подписанія Парижскаго трактата 1856 года оно въ силу необходимости должно было стать на этотъ путь. Точно также мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что, имѣя нравственное и юридическое основаніе ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, Россія будто-бы всегда одна брала на себя защиту христіанскихъ народностей Востока. Что Россіи принадлежитъ великая историческая заслуга наиболѣе дѣйствительнаго содѣйствія ослабленію силъ ислама и возрожденію самостоятельности подвластныхъ Турціи христіанскихъ народностей, — это истина, не требующая никакихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что до сего времени, насколько намъ извѣстно, никто и не пытался оспаривать того, что всѣ восточныя христіане достигали большей или меньшей политической самостоятельности только благодаря значительнымъ жертвамъ со стороны русскаго народа. Но вѣдь, такая же истина и то, что освобожденіе христіанъ Турціи было прямымъ слѣдствіемъ нашихъ войнъ съ нею, веденныхъ большею частію ради обезпеченія уже пріобрѣтенныхъ Россіей извѣстныхъ правъ и преимуществъ на Востокѣ, а не съ цѣлью защиты интересовъ христіанскихъ подданныхъ султана и устраненія

на будущее время того неестественнаго порядка вещей, который всегда господствовалъ въ предѣлахъ Оттоманской Порты, благодаря неумѣлому и самовластному управленію турецкихъ пашей. Только послѣдняя русско-турецкая война была ведена за славянскую идею. Что же касается до третьей характеристической черты восточной политики Россіи, то она также не можетъ идти въ пользу образа дѣйствій русскаго двора, такъ какъ желаніе поддерживать турецкое господство въ Европѣ и стремленіе къ улучшенію положенія восточныхъ христіанъ, по нашему мнѣнію, представляютъ собою такія два начала, которыя явно противорѣчатъ другъ другу и потому исключаютъ всякую возможность достиженія какой-либо изъ этихъ двухъ цѣлей.

Быть можетъ наши сомнѣнія относительно справедливости и правильности выводовъ проф. Мартенса страдаютъ противоположною имъ крайностью. Но во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ признать, что если принять за неоспоримую истину разсмотрѣнными нами положенія знаменитаго русскаго интернаціоналиста, то останется неразрѣшеннымъ цѣлый рядъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ, несомнѣнно, представляетъ громадный практический и научный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему Россія заслужила такое недоверіе со стороны западныхъ державъ, если она постоянно заботилась о сохраненіи Турецкой имперіи въ Европѣ и усиленно приглашала иностранные дворы вмѣстѣ съ нею посредничать въ пользу христіанъ Востока? Откуда на Западѣ такая боязнь нарушенія нами политическаго равновѣсія Европы? Какъ могло до такой степени обостриться соперничество Россіи и западныхъ державъ на Босфорѣ, что соперничество это въ концѣ концовъ разразилось Крымской войной? Имѣя нравственное и юридическое основаніе ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи и всегда принимая на себя защиту восточныхъ христіанъ, когда у остальныхъ державъ, заинтересованныхъ въ судьбахъ Востока, не оказывалось желанія оружіемъ принудить Порту къ исполненію законныхъ требованій Европы, почему Россія не подала должной помощи сербамъ во время Вѣнскаго конгресса и почему она—защитница христіанъ—при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I считала революціонерами не только злосчастныхъ грековъ, но и вообще всѣхъ христіанъ Востока, дѣлавшихъ вполнѣ естественныя попытки сопротивленія турецкому

деспотизму? Постоянно заботясь только о счастьи и благоденствіи своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Турціи, почему Россія въ продолженіе столѣтій не успѣла добиться осуществленія конечной цѣли своихъ желаній? Наконецъ, почему эта благодѣтельница восточныхъ христіанъ рѣдко жила въ добрыхъ отношеніяхъ съ облагодѣтельствованными ею народностями?

Объясненіе всѣхъ этихъ фактовъ, засвидѣльствованныхъ самою исторіей, мы едва-ли найдемъ въ основныхъ началахъ восточной политики Россіи, на которыхъ настаиваетъ проф. Мартенсъ. Поэтому, чтобы сколько нибудь ориентироваться въ массѣ жгучихъ вопросовъ, не находящихъ себѣ разъясненія въ разсмотрѣнной нами статьѣ, обратимся непосредственно къ исторіи отношеній Россіи къ Турціи, внимательно вникнемъ въ смыслъ и развитіе восточнаго вопроса, и хотя въ общихъ чертахъ охарактеризуемъ дѣйствія русскаго правительства, направленные къ осуществленію историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ.

Г Л А В А II.

Отсутствіе у Россіи яснаго пониманія собственныхъ интересовъ на Востокѣ.

Отсутствіе у русскаго правительства вѣрнаго представленія о тѣхъ способахъ, при помощи которыхъ возможно было наиболѣе цѣлесообразное и правильное рѣшеніе восточнаго вопроса. Ошибочность взгляда петербургскаго двора на способы обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ. Исторія завоеванія Крыма. Нераціональность избраннаго нами способа рѣшенія вопроса о проливахъ въ 1829 и 1833 годахъ. Неправильность способовъ, къ которымъ прибѣгло русское правительство для разрѣшенія задачъ Россіи въ отношеніи христіанскихъ народностей Турціи. Стремленіе Россіи къ поддержанію существованія Турецкой имперіи въ Европѣ и вліяніе этого стремленія русскаго правительства на положеніе турецкихъ христіанъ. Мечты о возстановленіи Греческой имперіи. Проекты раздѣла Турціи между заинтересованными въ ней европейскими державами. Попытки присоединенія земель Балканскаго полуострова къ Россіи.

Припоминая различныя мѣропріятія русскаго правительства, направленныя къ разрѣшенію историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ, изъ сдѣланнаго нами историческаго очерка не трудно придти къ тому заключенію, что наше правительство, начиная съ конца прошлаго вѣка, какъ бы ясно не представляло себѣ дѣйствительныхъ нуждъ Россіи какъ въ вопросѣ о матеріальныхъ, такъ и въ вопросѣ о ея религіозно-національныхъ интересахъ на Востокѣ; что оно никогда не имѣло твердо опредѣленнаго плана осуществленія историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ и въ стремленіи къ ихъ выполненію блуждало въ продолженіе цѣлаго столѣтія по окольнымъ путямъ, не находя правильной, прямой дороги къ надлежащему рѣшенію вопроса о Черномъ морѣ и къ полному осуществленію исторической миссіи русскаго народа—оказать помощь восточнымъ христіанамъ, страдавшимъ подъ гнетомъ турецкаго владычества. Правда, въ первое время послѣ паденія Царь - Града руководителя судьбъ

русского народа ясно сознавали, что ему слѣдуетъ добиться доступа къ Черному морю и освободить поработенныхъ турками восточныхъ христіанъ, дать имъ прежнюю политическую самостоятельность и національную самобытность. Такъ понимали смыслъ и значеніе историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ незамысловатыя, но сообразительныя, трудолюбивыя и чисто-русскія политики, каковыми были старыя московскіе государи XV и XVI вѣковъ; такъ понималъ восточный вопросъ и Петръ I. Но въ послѣдующія эпохи первоначальный вѣрный взглядъ на восточный вопросъ постепенно былъ настолько искаженъ, что не только славное царствованіе Екатерины Великой не въ силахъ было дать рѣшенію его вполнѣ правильное направленіе, но даже и въ слѣдовавшія за нимъ царствованія, едва ли не вплоть до нашихъ дней, дѣйствія русскаго правительства въ этомъ отношеніи носили на себѣ отпечатокъ смутнаго представленія объ истинныхъ интересахъ Россіи на Востокѣ.

Что наше правительство не всегда послѣдовательно поступало въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса и тѣмъ обнаруживало отсутствіе яснаго пониманія настоящихъ цѣлей, къ достиженію которыхъ должна была стремиться русская политика на Востокѣ, — это подтверждается исторіей отношеній Россіи къ Турціи, гдѣ легко можно найти массу примѣровъ, фактически доказывающихъ высказанное нами мнѣніе. Для того, чтобы мнѣніе это не было голословнымъ, мы укажемъ на нѣкоторые изъ такихъ примѣровъ и ими постараемся выяснитъ, насколько дѣйствія русскаго правительства въ прежнія времена согласовались съ истинными интересами Россіи по отношенію къ Турціи, т. е. насколько они соответствовали нуждамъ русскаго народа и его историческимъ задачамъ на Востокѣ. Примѣры эти мы приведемъ какъ для характеристики отношеній русскаго правительства къ матеріальнымъ нуждамъ Россіи въ восточномъ вопросѣ, такъ и для поясненія его взглядовъ на наши религіозно-національные интересы въ юго-восточномъ углу Европы.

Остановимся сначала на вопросѣ о Черномъ морѣ и проливахъ.

Приковывая къ себѣ вниманіе русскаго человѣка еще въ самыя отдаленныя времена и созрѣвая цѣлыя столѣтія, вопросъ о свободѣ пользованія водами Чернаго моря къ царствованію Екатерины Великой получилъ уже настолько жизненный для Россіи характеръ, что представлялъ собою одинъ изъ существенныхъ, главныхъ во-

просовъ внешней русской политики, требуя возможно скорѣйшаго разрѣшенія судьбы нашихъ южныхъ окраинъ. Для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса представлялся дѣйствительнымъ только одинъ способъ:—приблизить южную русскую границу къ ея естественнымъ предѣламъ, къ черноморской береговой линіи, такъ какъ никакія сдѣлки съ дикими ордами крымскихъ татаръ, какъ показывалъ долговременный опытъ, не были въ состояніи обезпечить экономическіе интересы нашихъ южныхъ владѣній. Между тѣмъ во время первой русско-турецкой войны при Екатеринѣ Великой мы добивались независимости Крыма и по Кучукъ - Кайнарджійскому мирному трактату достигли этого, выговоривъ въ свою пользу лишь нѣсколько черноморскихъ крѣпостей. Само собою разумѣется, что независимость татаръ нисколько не улучшила прежняго печальнаго положенія дѣлъ, если только не ухудшила его, породивъ соперничество между Россіей и Турціей изъ-за вліянія на Крымъ. Чтобы обезпечить свои жизненные интересы, мы должны были снова вести войну съ Оттоманской Портой изъ-за Крыма и дѣлать новыя громадныя затраты людьми и деньгами для пріобрѣтенія того, чѣмъ Россія могла владѣть и мирно пользоваться еще со времени подписанія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата.

Такое же непониманіе истинныхъ русскихъ интересовъ на Востокѣ наше правительство неоднократно проявляло и въ своемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій въ вопросѣ о свободномъ пользованіи водами Чернаго моря. Какъ извѣстно, съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма этотъ вопросъ вошелъ въ новую фазу своего историческаго развитія: русскому военному флоту нуженъ сталъ свободный выходъ въ Средиземное море черезъ проливы Босфора и Дарданелль, а нашимъ черноморскимъ окраинамъ—защита отъ нападенія непріятеля. Единственнымъ способомъ удовлетворительнаго рѣшенія этихъ насущныхъ вопросовъ, по взгляду нашего правительства, являлось господство Россіи надъ проливами изъ Чернаго моря въ Средиземное. Мысль объ этомъ господствѣ особенно не давала покоя императору Николаю, который видѣлъ въ немъ не простое средство къ рѣшенію вопроса о проливахъ, а какъ бы цѣль своей политики на Востокѣ. Онъ ясно приводилъ эту идею во время русско-турецкой войны 1828—1829 годовъ, довольно откровенно высказываясь относительно своихъ замысловъ въ перепискѣ съ Дибичемъ, и при

всемъ своемъ безкорыстіи, о которомъ твердить всему свѣту, не покидалъ намѣренія получить въ свои руки ключи отъ Чернаго моря даже во время турецко-египетской распри, когда Россіи и Европѣ улыбалось счастье разъ навсегда покончить съ существованіемъ турецкаго господства въ нашей части свѣта. Но стремленіе къ упроченію своего господства надъ проливами при нахожденіи ихъ въ рукахъ одной Турціи было по меньшей мѣрѣ странно, такъ какъ, представляя собою посягательство на законные интересы безопасности прибрежнаго государства, оно было трудно исполнимо, какъ это всего лучше показала исторія Ункіаръ-Искелесскаго трактата, который при всемъ своемъ важномъ значеніи для Россіи все-таки не былъ способенъ вполне обезпечить ея матеріальные интересы на Востокъ. Стремясь къ рѣшенію вопроса о проливахъ, русское правительство должно было признать, что единственный способъ рѣшенія этого вопроса заключается въ коренномъ измѣненіи юридическаго положенія проливовъ, которое немислимо было при господствѣ Турціи на обоихъ берегахъ Босфора и Дарданеллъ. Еслибы цѣлью русской политики въ 1829 и 1833 годахъ было поставлено не упроченіе нашего господства на берегахъ Босфора, а стремленіе къ измѣненію существующаго порядка вещей на Востокъ, наши матеріальные интересы могли бы получить болѣе существенныя гарантіи, чѣмъ въ дѣйствительности получили по Адрианопольскому и Ункіаръ-Искелесскому трактатамъ. Въ видахъ полученія этихъ гарантій Россіи, конечно, не слѣдовало тогда заботиться о сохраненіи Турціи въ Европѣ, такъ какъ еслибы Османская имперія прекратила здѣсь свое существованіе или если бы владѣнія ея распались на двѣ половины, проливы изъ Чернаго моря въ Средиземное оказались бы въ двухъ рукахъ, что для насъ, несомнѣнно, было гораздо выгоднѣе, чѣмъ оставлять ихъ въ рукахъ одной Порты, на покорность и преданность которой намъ никогда нельзя было и рассчитывать.

Вотъ эпизоды изъ исторіи восточнаго вопроса, по нашему мнѣнію, довольно убѣдительно доказывающіе, насколько русское правительство ясно представляло себѣ истинные матеріальные интересы Россіи на Востокъ. Не останавливаясь на подробномъ изложеніи другихъ фактовъ подобнаго же рода, мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что наша политика въ вопросѣ о проливахъ, несмотря на

его жизненный для Россіи интересъ, была настолько же ошибочна и въ послѣднюю русско-турецкую войну, во время которой этотъ важный вопросъ былъ совершенно вычеркнутъ изъ нашей политической программы.

Не усвоивъ себѣ правильнаго взгляда на матеріальныя выгоды Россіи въ юго-восточномъ углу Европы, русское правительство не имѣло также опредѣленнаго, твердо-установленнаго воззрѣнія и на религіозно-національныя задачи Россіи на Востока. Въ дѣлѣ осуществленія этихъ задачъ, состоявшихъ въ томъ, чтобы освободить восточныхъ христіанъ отъ турецкаго владычества и дать имъ чрезъ это возможность обезпечить для себя лучшее моральное и матеріальное состояніе, петербургскій кабинетъ постоянно руководился такими же ошибочными соображеніями, какъ и при рѣшеніи вопроса о свободѣ нашего судоходства черезъ проливы. При этомъ къ ошибочности самыхъ этихъ соображеній присоединялось то, что будучи нерѣдко совершенно разнородны по самой своей природѣ, они иногда быстро смѣнялись другъ друга и вслѣдствіе этого придавали направленію нашей восточной политики характеръ случайности, указывавшій, что русское правительство въ отношеніи восточныхъ христіанъ руководится интересами минуты и направляетъ свою политику не въ смыслѣ осуществленія историческаго призванія Россіи, а сообразно различнымъ политическимъ комбинаціямъ, которыя въ данный моментъ являются для нея наиболѣе выгодными.

Что у русскаго правительства не было твердаго и опредѣленнаго взгляда на религіозно-національный вопросъ въ нашей восточной политикѣ, а потому не существовало и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ относительно христіанскихъ народностей Турціи,—это можно легко доказать ссылкой на тѣ способы, къ которымъ прибѣгало оно для разрѣшенія восточнаго вопроса.

Главнѣйшій изъ этихъ способовъ, или способъ такъ сказать основной, вытекалъ изъ общаго взгляда русскихъ государственныхъ людей на интересы Россіи въ отношеніи Турціи, усвоеннаго ими съ конца XVIII столѣтія. Интересы эти связывались у насъ съ поддержаніемъ существованія Турецкой имперіи въ Европѣ, такъ какъ, во-первыхъ, русское правительство совершенно основательно полагало, что Россія не имѣетъ нужды въ дальнѣйшихъ территориальныхъ приобрѣтеніяхъ, а, во-вторыхъ, признавало, что для насъ

весьма выгодно имѣть въ сосѣдствѣ слабое государство. Такого рода соображенія, побуждавшія русское правительство къ «сохраненію естественныхъ непріятелей нашихъ», на взглядъ императорскаго кабинета, не противорѣчили и релігіозно - національнымъ интересамъ Россіи на Востокѣ, ея священной обязанности охранять христіанскія народности Турціи отъ гнета азіатскаго элемента, такъ какъ съ одной стороны они, казалось, нисколько не исключали возможности благопріятствовать образованію новыхъ независимыхъ государствъ изъ тѣхъ провинцій Оттоманской имперіи, которыя силою обстоятельствъ, вслѣдствіе естественнаго теченія событій, отпадали отъ нея, какъ камни отъ ветхаго зданія, а съ другой, — при постоянномъ воздѣйствіи на слабую Порту, обязанную намъ своимъ существованіемъ, не лишали насъ права благорасположеніемъ вынуждать у нея въ пользу балканскихъ христіанъ уступки, которыхъ въ противномъ случаѣ пришлось бы добиваться силою оружія. Въ то же время указанныя соображенія, повидимому, согласовались и съ интересами западныхъ державъ, такъ какъ путемъ политики поддержанія существованія Турціи въ Европѣ Россія могла лишь доказать полное безкорыстіе своихъ дѣйствій на Востокѣ.

Сохраненіе Турецкой имперіи въ Европѣ въ основу нашей восточной политики впервые было положено при императорѣ Павлѣ, когда Россія вмѣстѣ съ Турціей, на основаніи союзнаго договора, сообща дѣйствовали противъ Франціи въ Архипелагѣ, а затѣмъ установили свой совмѣстный протекторатъ надъ Ионическими островами. Той же политики поддержанія существованія Турціи держался и императоръ Александръ I во все свое царствованіе. Старательно проводилъ ее и императоръ Николай I, несмотря на то, что ему не разъ представлялся удобный случай къ уничтоженію турецкаго господства въ Европѣ. Заботы о поддержаніи существующаго порядка вещей на Востокѣ не были чужды и послѣднимъ двумъ царствованіямъ. Но политика охраненія Турецкой имперіи въ большинствѣ случаевъ не отвѣчала интересамъ восточныхъ христіанъ по той простой причинѣ, что несмотря на полное безкорыстіе Россіи и желаніе съ ея стороны дружбы и мира съ Турціей, послѣдняя не вѣрила въ чистоту нашихъ намѣреній, не поддавалась нашему исключительному вліянію и постоянно систематически игнорировала всѣ наши требованія относительно улучшенія положенія

балканскихъ христіанъ; когда же христіанскія народности Турціи, въ стремленіи къ свободѣ поднимали возстаніе противъ своихъ вѣковъныхъ угнетателей, русское правительство изъ опасенія общаго пожара въ юго-восточномъ углу Европы, могущаго потрясти Оттоманскую Порту въ самомъ ея основаніи, въ большинствѣ случаевъ уклонялось отъ энергическаго образа дѣйствій въ пользу своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, предпочитая ограничиваться требованіемъ прекращенія кровопролитія и восстановленія прежняго, основаннаго на договорахъ, порядка вещей на Востокѣ. Само собою разумѣется, что въ виду указанныхъ обстоятельствъ политика поддержанія Турціи въ Европѣ имѣла своимъ слѣдствіемъ положительный застой въ дѣлѣ національнаго возрожденія балканскихъ народностей, и дѣло это подвигалось впередъ лишь только тогда, когда Россія поднимала оружіе противъ Порты для восстановленія своихъ нарушенныхъ правъ, основанныхъ на трактатахъ.

Задавался цѣлью поддерживать существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ и вслѣдствіе этого неволью охраняя неизмѣнный status quo на Востокѣ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ коренной передѣлкѣ его въ лучшую для насъ и турецкихъ христіанъ сторону, русское правительство одновременно съ этимъ проявляло намѣреніе прибѣгнуть и къ другимъ способамъ рѣшенія вопроса объ участи своихъ восточныхъ единовѣрцевъ, чѣмъ искажало и окончательно лишило всякой цѣлесообразности вышеуказанный планъ осуществленія религіозно-національной задачи Россіи на Востокѣ. Изъ этихъ способовъ наиболее излюбленными у насъ были: восстановленіе древней Греческой имперіи, раздѣлъ Турціи между великими европейскими державами и присоединеніе земель Балканскаго полуострова къ Россіи. Всѣ эти способы рѣшенія восточнаго вопроса, практиковавшіеся еще въ XVIII вѣкѣ, улыбались русскому правительству и въ нашемъ столѣтіи всякій разъ, какъ только къ тому представлялся удобный случай, не смотря на то, что оно считало основнымъ началомъ своей политики сохраненіе Турецкой имперіи и полное безкорыстіе въ отношеніи ея. Нечего и говорить, что указанные способы рѣшенія восточнаго вопроса, противорѣча коренному началу нашей восточной политики, такъ же мало отвѣчали интересамъ Россіи и восточныхъ христіанъ, какъ и поддержаніе существованія Турціи въ Европѣ.

Знаменитый греческий проект, вышедший изъ подъ пера екатери-
нинскихъ дипломатовъ, достаточно подробно былъ уже разобрать
нами выше; поэтому здѣсь мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что при
всей своей грандіозности этотъ проектъ противорѣчилъ пользамъ
Россіи и славянства, такъ какъ ближайшимъ послѣдствіемъ его
осуществленія было бы подчиненіе Австріи православныхъ славянъ
Босніи и Сербіи и восстановленіе Византійской имперіи, которое
неизбѣжно привело бы къ ожесточенной борьбѣ грековъ съ славян-
скими племенами. Но эту слабую сторону проекта, конечно, нельзя
ставить въ особенную вину великой императрицѣ, ибо въ тѣ отда-
ленные времена для Россіи, для ея политики вопросъ объ освобож-
деніи восточныхъ христіанъ основывался не на единоплеменности, а
исключительно на единовѣрїи, съ точки зрѣнія котораго не пред-
ставлялось никакой необходимости различать въ турецкихъ христіа-
нахъ нѣсколько отдѣльныхъ національностей. Но если политика
Екатерины II, мечтавшей о восстановленіи греческаго царства и тѣмъ
обнаружившей мало интереса къ славянству, не можетъ подлежать
за это строгой критикѣ, то едвали найдутся какія нибудь осно-
ванія защищать и оправдывать русскую политику позднѣйшихъ вре-
менъ, когда историческія событія уже успѣли придать восточному
вопросу особый характеръ и болѣе или менѣе точно выяснили ре-
лигиозно-національныя задачи Россіи на Востокѣ, а русское прави-
тельство по старому продолжало проектировать образованіе древней
Греческой имперіи на живописныхъ берегахъ Босфора.

Между тѣмъ еще сравнительно недавнее прошлое краснорѣчиво
свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что русское правительство считало
восстановленіе Греческой имперіи на развалинахъ Турціи однимъ
изъ наилучшихъ способовъ рѣшенія восточнаго вопроса. На это,
напримѣръ, прямо указываетъ довѣрительная бесѣда императора Ни-
колая съ австрійскимъ представителемъ относительно положенія дѣлъ
на Востокѣ въ 1833 году: «Я желалъ бы поддерживать Турецкую
имперію» — говорилъ государь; — «если она разрушится, то я ничего
не желаю отъ ея обломковъ. Я ни въ чемъ не нуждаюсь: какъ же
поступить? Мысль о раздѣлѣ всегда занимала державы». Посолъ
возразилъ, что раздѣлить всю Турцію фактически невозможно. Им-
ператоръ согласился съ нимъ и продолжалъ: «Турецкая имперія по-
средствомъ завоеванія заняла мѣсто Византійской имперіи; корни

ей сидеть не глубоко. Население областей древней Греческой империи, даже на азиатском берегу Босфора, по большей части христианское. Если Турецкая империя сама по себѣ разрушится, благодаря собственной неспособности, почему бы намъ не возстановить имперію греческой? Начало греческому государству уже положено. Я не знаю короля Оттона, не знаю по силамъ-ли ему такая будущность. Но съ своей стороны не вижу лучшаго исхода*).

Какъ ни прискорбно, но мы должны сознаться, что то, что императоръ Николай считалъ *лучшимъ исходомъ*, было бы *самою вредною* въ интересахъ Россіи и славянства формою рѣшенія восточнаго вопроса, и что въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости князю Меттерниху, который, уступая настояніямъ нашего посла сообщить свой взглядъ на дѣло, въ случаѣ паденія Оттоманскаго царства, отдалъ предпочтеніе передъ всѣми прочими комбинаціями учрежденію вполнѣ независимыхъ государствъ изъ отдѣльныхъ областей, составляющихъ европейскую Турцію. **) Пользамъ Россіи и интересамъ балканскихъ народностей гораздо болѣе соотвѣтствовало образованіе независимыхъ и отдѣльныхъ другъ отъ друга государствъ изъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи и Албаніи,—какъ предлагалъ австрійскій канцлеръ, чѣмъ сооруженіе на обломкахъ Турецкой имперіи сильнаго греческаго государства въ ущербъ славянскимъ народностямъ, чего желалъ императоръ Николай ***).

Мечтая о возстановленіи Греческой имперіи на развалинахъ Турціи, петербургскій кабинетъ долгое время не упускалъ изъ виду также и возможности присоединенія земель Балканскаго полуострова къ Россіи. Не останавливаясь на приведеніи подобнаго рода фактовъ изъ исторіи отдаленнаго прошлаго, когда такіа вожелѣнія не могли считаться для насъ особенно предосудительными въ виду общаго и повсемѣтнаго стремленія къ территоріальнымъ захватамъ, мы позволимъ себѣ указать лишь на болѣе позднія попытки русскаго правительства присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ нѣкоторыя сосѣднія провинціи, входившія въ составъ Турецкой импе-

*) Графъ Фикельмонъ князю Меттерниху 1 (13) февраля 1833 года.

**) Татищевъ графу Нессельроде 23 апрѣля (5 мая) 1833 года.

***) Интимный разговоръ императора Николая съ австрійскимъ посломъ на стезь будущей судьбы областей Турціи см. у Мартенса. Собраніе трактатовъ т. IV, ч. 1, стр. 442—444.

ри. Еще Екатерина Великая ставила турецкому султану условіе оставить Молдавію и Валахію за Россіей на столько лѣтъ, во сколько сдѣланныхъ нами во время войны затраты могутъ быть возмѣщены изъ годовыхъ доходовъ Дунайскихъ княжествъ. Впрочемъ императрица, какъ извѣстно, выражала готовность даже пожертвовать своими затратами, если только Порта согласится признать полную независимость названныхъ княжествъ. Не такъ, однако, рассуждалъ императоръ Александръ I. Государь этотъ призналъ основнымъ правиломъ своей восточной политики, что «Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи своихъ границъ» и что для нея необыкновенно выгодно поддерживать существованіе Турціи въ Европѣ; но во время нашей войны съ Портою онъ требовалъ отъ турецкаго правительства уступки намъ Молдавіи и Валахіи, и не временно, какъ это предлагала султану Екатерина II, а навсегда. Задавшись мыслью присоединить къ Россіи эти двѣ турецкія провинціи и находя поддержку своимъ видамъ среди ближайшихъ своихъ сподвижниковъ, императоръ Александръ I и въ Тильзитѣ, и въ Эрфуртѣ добивался согласія и содѣйствія Наполеона въ дѣлѣ осуществленія своихъ плановъ, и хотя не выполнѣ, во отчасти выполнѣ ихъ при заключеніи съ Турціей Бухарестскаго трактата, по которому въ пользу Россіи отошла Бессарабія. Только со времени императора Николая у насъ значительно ослабло стремленіе къ расширенію предѣловъ Россіи на счетъ земель Востока, но ослабленіе этого стремленія произошло не потому, что мы выполнѣ прониклись сознаниемъ, что земли эти должны всецѣло принадлежать христіанскимъ народностямъ, ихъ населяющимъ и чающихъ воротить свою прежнюю независимость, а потому, что желали показать свое полное безкорыстіе въ отношеніи Турціи, которое впрочемъ не мѣшало намъ вести переговоры о дѣлахъ ея наслѣдства съ другими заинтересованными въ немъ дворами, какъ это видно изъ третьяго способа рѣшенія восточнаго вопроса, практиковавшагося у насъ одновременно съ принятиемъ различныхъ мѣръ къ продленію жизни «больнаго человѣка».

Проектируя возстановленіе Греческой имперіи и не чуждаясь мысли о присоединеніи славянскихъ земель къ Россіи, русское правительство издавна увлекалось и планами раздѣла турецкихъ владѣній между нами и европейскими державами, и главнымъ образомъ между нами и Австріей. Достаточно вспомнить хотя нѣкоторые русскіе

проекты дѣлежа Турціи, чтобы доказать, насколько планы эти входили въ виды петербургскаго кабинета при изысканіи подходящихъ средствъ къ рѣшенію восточнаго вопроса. Еще Екатерина Великая, мечтавшая покончить съ турецкимъ владычествомъ въ Европѣ, считала лучшимъ способомъ достиженія этой цѣли—соглашеніе съ Австріей относительно раздѣла Оттоманской имперіи. Примѣру своей вѣнценосной предшественницы послѣдовалъ, какъ мы знаемъ, и Павелъ Петровичъ, одобрявъ планъ графа Ростопчина, который предлагалъ раздѣлъ Турецкой имперіи между Россіей, Пруссіей, Франціей и Австріей. Эта мысль не чужда была и императору Александру I, какъ свидѣлствуютъ о томъ его переговоры съ Англіей въ эпоху третьей коалиціи противъ Франціи, и переговоры съ Наполеономъ во время русско-турецкой войны *). Но русское правительство не ограничивалось проектами дѣлежа земель Балканскаго полуострова между нѣсколькими европейскими державами. Всегда уступая по этимъ проектамъ значительную часть балканскихъ земель вѣнскому двору, со времени Екатерины II и почти вплоть до нашихъ дней императорское правительство кромѣ того постоянно указывало Австріи на возможность расширенія своихъ владѣній на счетъ Турціи и тѣмъ поддерживало въ ней и безъ того сильное желаніе подчинить своей власти славянъ Востока. Пренебрегая интересами балканскихъ христіанъ, страдавшихъ подъ гнетомъ турецкаго владычества, мы склонны были передать славянъ во власть ихъ исконной угнетательницы, Австріи, ради удовлетворенія собственныхъ, ложно понятыхъ интересовъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы вѣнскій дворъ не препятствовалъ намъ свести свои историческіе счеты съ Турціей. Это непониманіе историческаго призванія Россіи, состоявшаго въ томъ, чтобы дать свободную и независимую жизнь турецкимъ христіанамъ, а не жертвовать ими ради какихъ-либо политическихъ комбинацій,—проходитъ красною нитью чуть-ли не черезъ всю исторію восточнаго вопроса. Такъ, во время второй русско-турецкой войны при Екатеринѣ II Россія предлагала Австріи захватъ Босніи и Бѣлграда; при императорѣ Александрѣ Павловичѣ съ самаго начала войны съ Турціей мы неоднократно предлагали вѣнскому двору Сербію, Боснію и Кроацію, въ то время какъ Рос-

*) Трачевскій. Франко-русскій союзъ въ эпоху Наполеона. Истор. Вѣстн. за 1891 г. № 6, стр. 568—598.

сія овладѣть Дунайскими княжествами. То же самое явленіе повторилось и передъ началомъ Севастопольской войны. Императоръ Николай рассчитывалъ привлечь на свою сторону Австрію и Пруссію или, по крайней мѣрѣ, заручиться ихъ нейтралитетомъ. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ Францу-Іосифу, въ числѣ другихъ условій, занятіе Сербіи, Босніи и Герцеговины, согласно бывшему плану Іосифа и Екатерины, въ то время какъ Россія займетъ Дунайскія княжества. Всѣ подобныя предложенія русскаго правительства относительно присоединенія къ Австріи нѣкоторыхъ земель Балканскаго полуострова по тѣмъ или другимъ причинамъ всегда отклонялись вѣнскимъ дворомъ или, будучи приняты имъ, на дѣлѣ получали осуществленіе не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ было условлено. Но въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны Австрія не преминула воспользоваться слабымъ мѣстомъ русской политики, и если на Берлинскомъ конгрессѣ у графа Андраши не хватило духу прямо требовать уступки Босніи и Герцеговины въ пользу вѣнскаго двора, то у него оказалось достаточно энергіи и ловкости для того, чтобы выговорить для своего отечества право безсрочнаго занятія этихъ богатѣйшихъ турецкихъ провинцій и полномочій на заключеніе съ Румыніей, Сербіей, Болгаріей и Портой цѣлаго ряда трактатовъ, долженствовавшихъ содѣйствовать развитію австро-мадьярской промышленности и успѣшному сбыту ея товаровъ на Балканскомъ полуостровѣ. При этомъ въ данномъ случаѣ замѣчательно то, что такая ловкая комбинація въ отношеніи Босніи и Герцеговины не встрѣтила ни малѣйшаго возраженія со стороны Россіи; мало того, русское правительство чуть-ли не само первое предложило се, хотя отлично понимало, что собственно кроется подъ невиннымъ названіемъ административнаго занятія.

Само собою понятно, что подобная политика Россіи въ отношеніи балканскихъ христіанъ, состоявшая въ проведеніи указанныхъ способовъ разрѣшенія нашихъ религіозно-національныхъ задачъ на Востокѣ одновременно съ поддержаніемъ существованія Турціи въ Европѣ, мало отвѣчала призванію русскаго народа быть освободителемъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ турецкаго ига и дать имъ вполне независимую духовную и политическую жизнь. Въмѣсто того, чтобы прямо и непосредственно преслѣдовать эту цѣль путемъ энергическаго заступничества за восточныхъ христіанъ всякій разъ, какъ только въ тому представлялся удобный

случай, русское правительство, какъ мы видѣли, дѣйствовало совершенно иначе. При возникновеніи серьезныхъ замѣшательствъ на Востокѣ или во время войнъ Россіи съ Турціей, которыя обыкновенно служили для насъ поводомъ къ громкимъ и смѣлымъ разговорамъ о томъ, что наконецъ-то насталъ давно желанный часъ паденія власти османовъ въ Европѣ, что русскія войска непременно возьмутъ Царь-Градъ и водрузятъ на Св. Софіи крестъ вмѣсто полумѣсяца, умами нашихъ государственныхъ людей овладѣвали мечты о возстановленіи Греческой имперіи, о присоединеніи къ Россіи земель Балканскаго полуострова и о раздѣлѣ ихъ съ европейскими державами и, главнымъ образомъ, съ ближайшею сосѣдкой и союзницей нашей—Австріею, этой систематической и вѣковой угнетательницей національностей. Но при столкновеніи съ дѣйствительностію всѣ эти мечты въ большинствѣ случаевъ оказывались невыполнимыми или помимо нашей воли, или потому, что императорское правительство поступалось ими въ пользу кореннаго начала своей политики, состоявшаго въ поддержаніи существованія Турецкой имперіи въ Европѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы отказывались отъ своихъ грандіозныхъ плановъ и, останавливая свои войска почти всякій разъ подъ самыми стѣнами Константинополя, заключали съ Портою миръ, по которому выговаривали въ пользу христіанскихъ подданныхъ султана извѣстныя права и преимущества, до нѣкоторой степени улучшавшія ихъ горькую участь. Когда же на Балканскомъ полуостровѣ кризисъ оканчивался и тамъ водворялся относительный миръ и спокойствіе, русское правительство обыкновенно старалось только объ охранѣ созданнаго имъ порядка вещей на Востокѣ и о предотвращеніи тамъ всякихъ перемѣнъ, хотя бы онѣ вызывались силою историческаго процесса распаданія царства османовъ и пробужденія національныхъ стремленій времени среди балканскихъ народностей. Конечно, все это дѣлалось не потому, что мы не желали счастья восточнымъ христіанамъ, а потому, что всякій новый порядокъ вещей на Востокѣ, созданный помимо нашихъ рукъ, вопреки нашихъ договоровъ съ Портою, казался русскому правительству опаснымъ въ смыслѣ затрудненія и осложненія тѣхъ задачъ, которыя оно преслѣдовало въ своей восточной политикѣ и въ осуществленіи которыхъ ошибочно видѣло благополучіе Россіи и единствѣрныхъ ей христіанскихъ народностей Турціи.

Г Л А В А III.

Антинаціональное направлєніе восточной политики Россіи.

Отсутствіе національнаго направлєнія въ междувародной политикѣ Россіи. Причини этого явленія. Краткая характеристика внѣшней политики Россіи. Вліяніе общаго антинаціональнаго направлєнія этой политики на политику Россіи въ восточномъ вопросѣ. Заботы русскаго правительства о сохраненіи Турецкой имперіи въ Европѣ. Несообразность этихъ заботъ съ точки зрѣнія матеріальныхъ и религіовно-національныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ. Стремлєнія императорскаго кабинета поддержать на Балканскомъ полуостровѣ законный порядокъ. Протекавшее отсюда систематическое вмѣшательство во внутреннія дѣла балканскихъ народностей. Печальныя послѣдствія нашихъ интервенцій и главныя причины ихъ постоянной неудачи. Слѣдное подчинєніе существенныхъ русскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ политикѣ западныхъ державъ и преимущественно Австріи.

Вышеприведенные способы рѣшенія восточнаго вопроса, способы, которыми пользовалось русское правительство для обезпеченія матеріальныхъ и религіовно-національныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ, достаточно наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что наша восточная политика почти до послѣднихъ дней исходила изъ ложнаго пониманія жизненныхъ интересовъ русскаго народа. Но отсутствіе правильнаго пониманія этихъ интересовъ, рѣзко бросающееся въ глаза при бѣгломъ обзорѣ исторіи отношеній Россіи къ Турціи съ конца прошлаго вѣка, было, однако, не единственнымъ недостаткомъ, отъ котораго страдала наша восточная политика. Успѣхъ ея въ значительной степени ослаблялся также и нѣкоторыми другими причинами, стоявшими въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ внѣшней политики Россіи въ разсматриваемый періодъ времени, отличительная черта которой заключалась въ ея антинаціональномъ направлєніи.

Не представляя себѣ правильно дѣйствительныхъ интересовъ Россіи въ восточномъ вопросѣ, наши государственные люди вмѣстѣ съ

тѣмъ мало и помышляли объ удовлетвореніи политическихъ потребностей и интересовъ страны. Преслѣдованіе реальныхъ интересовъ русскаго народа «при помощи наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствія, не поддаваясь мимолетнымъ чувствамъ, симпатіямъ и антипатіямъ» *), но въ тоже время и не противорѣча общимъ началамъ европейскаго международнаго права, не входило въ программу нашей политики. О національной политикѣ въ этомъ смыслѣ въ прежнія времена у насъ не было, да и не могло быть рѣчи.

Прежде всего, существовавшее почти до послѣднихъ дней крѣпостное право порождало въ русскихъ государственныхъ людяхъ представленіе о выгодахъ государства, какъ чего-то отдѣльнаго отъ народа, большая часть котораго находилась въ рабствѣ, и давало имъ основаніе заботиться не объ интересахъ народа, а объ интересахъ государства и отдѣльныхъ классовъ, преимущественно торговаго и землевладѣльческаго **). Но кромѣ того была и другая причина отсутствія у насъ національной политики. Она заключалась въ условіяхъ нашего историческаго развитія. Особенность этого развитія состояла въ томъ, что русское общество прошлаго и начала нынѣшняго вѣка слѣпо преклонялось передъ западной наукой въ ущербъ изученію началъ русской исторіи и русской жизни, благодаря чему утрачивало чутье ко всему своему родному, національному, народному. Черпая изъ нѣмецкой и французской литературы и науки иностранные взгляды, симпатіи и антипатіи, прошлые поколѣнія не имѣли возможности изучить и оцѣнить потребности и нужды своего отечества. Къ тому же, при русскомъ дворѣ тогда постоянно играли видную роль иностранцы, отъ которыхъ, конечно, нельзя было ожидать ни глубокаго пониманія законныхъ стремленій русскаго народа и историческихъ задачъ его жизни, ни русскихъ чувствъ, ни любви къ Россіи. Воспитанные вдали отъ родины и окруженные дома иностранцами, наши прежніе руководители внѣшней и внутренней политики Россіи, естественно, должны были оторваться отъ своей стороны и даже потерять способность повимать ея дѣйствительные интересы. Мало того, преклоняясь передъ всѣмъ иностраннымъ, мы нерѣдко вручали и веденіе нашей внѣшней по-

*) Слонимскій. Основные вопросы политики; Сиб. 1889 г., стр. 264.

**) Назв. соч., стр. 264.

литники иностранцамъ, весьма мало понимавшимъ духъ и смыслъ русской исторіи и совершенно чуждымъ православія. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о національной политикѣ. Попадая въ руки различныхъ временщиковъ и фаворитовъ, воспитанныхъ внѣ дома, а иногда даже имѣвшихъ иностранное происхожденіе, русская политика неизбѣжно утрачивала свой строго-національный характеръ и принимала совершенно неправильное направленіе, нерѣдко шедшее окончательно въ разрѣзъ съ вѣковыми задачами Россіи.

Таковы двѣ коренныя причины, въ силу которыхъ у насъ не было и не могло быть національной политики. Къ нимъ нельзя не прибавить еще дѣйствія третьяго фактора,—это отсутствіе одного изъ важнѣйшихъ двигателей политической жизни государствъ—свободы печати, выражающей народныя чувства и желанія и смыкающей въ общую совокупную силу политическія преднамѣренія правительства и настроеніе общественной мысли. Какъ извѣстно, русскій народъ, въ силу особенныхъ условій своей исторической жизни, отличающихъ его отъ западно-европейскихъ народовъ, никогда не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Направленіе его внѣшней жизни всегда находилось исключительно въ рукахъ правящихъ лицъ и всецѣло зависѣло отъ того впечатлѣнія, которое производило то или другое политическое событіе на русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, пользующагося у насъ совершенно особеннымъ положеніемъ среди другихъ министровъ. *) При такомъ порядкѣ направленія нашей внѣшней политики и за отсутствіемъ свободы печати, этого главнаго способа выраженія и проявленія народныхъ желаній, свободное обнаруженіе которыхъ у насъ могло бы предупреждать правительство отъ ошибочности и односторонности дѣйствій, свойственныхъ и гениальнымъ людямъ,—выразителями національныхъ чувствъ и народнаго настроенія въ Россіи всецѣло являлись министры иностран-

*) „Особое положеніе, которое среди другихъ министровъ занимаетъ у насъ министръ иностранныхъ дѣлъ, зависитъ—говоритъ проф. Алексѣевъ—отъ его близкаго отношенія къ государю, который довѣряетъ ему руководство внѣшней политикой, и также отъ того, что характеръ дѣлъ, поручаемыхъ министру иностранныхъ дѣлъ, требуетъ, главнымъ образомъ, личной дѣятельности“. (Конспектъ лекцій по русскому государственному праву. М. 1892 г., стр. 400).

ныхъ дѣлъ, которые, не будучи знакомы ни съ общественною мыслью, ни съ народнымъ настроеніемъ страны, для оправданія своей политики въ томъ или другомъ международномъ вопросѣ всегда лишь ссылались на пользы, нужды и желанія народа, хотя истинныя стремленія его никому въ точности никогда не были извѣстны. Понятно, что получая направленіе отъ того или другого временщика или фаворита, которыхъ въ прежнее время у насъ было много, внѣшняя политика Россіи часто носила на себѣ печать этихъ личностей, руководившихъ ею, и не могла быть вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ чувствъ и интересовъ страны, чего требуетъ строго-національная политика, политика реальныхъ потребностей и интересовъ націи, а не узкихъ личныхъ взглядовъ и честолюбивыхъ увлеченій.

При господствѣ такихъ порядковъ въ прошломъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что внѣшняя политика Россіи съ конца XVIII вѣка рѣдко отвѣчала дѣйствительнымъ интересамъ страны. «Большую частію она—говорить г. Слонимскій—была продуктомъ отвлеченныхъ соображеній, случайныхъ впечатлѣній и мотивовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ государственными и народными потребностями. Мало того: политика прежняго времени была по существу своему антинаціональна, отдавая народныя силы и средства въ распоряженіе чуждыхъ и даже враждебныхъ намъ интересовъ, вслѣдствіе дружбы къ тому или другому монарху или подъ вліяніемъ сочувствія къ извѣстнымъ идеямъ и принципамъ»,*) иногда не имѣвшимъ для насъ ровно никакого значенія. Мы усердно служили принципу политическаго равновѣсія Европы, не смотря на то, что внутреннія мелкія распри европейскихъ государствъ нисколько не касались нашихъ интересовъ нашего отечества. Послѣ этого мы стали не менѣе ретиво служить принципу легитимизма, который представлялъ для Россіи столь же малое значеніе, какъ и принципъ европейскаго равновѣсія, такъ какъ основы русскаго государственнаго устройства настолько отличны отъ основъ западно-европейскихъ, что всевозможные перевороты, совершавшіеся на Западѣ, не представляли для насъ никакой реальной опасности, и потому поддержка принципа

*) Основные вопросы политики, стр. 264.

легитимизма никакъ не могла обуславливаться нашими насущными потребностями.

Такое увлеченіе внѣшними дѣлами, мало касавшимися прямыхъ интересовъ русскаго народа, началось у насъ еще съ царствованія Екатерины Великой, принявшей участіе въ раздѣлѣ Польши и тѣмъ связавшей Россію на бесполезный для нея союзъ съ Австріей и Пруссіей. Но болѣе или менѣе сильно оно развилось со вступленіемъ на престолъ императора Павла, при которомъ русскія войска съ Суворовымъ во главѣ безцѣльно проливали кровь въ Италіи и Швейцаріи, стижавъ себѣ неувядаемую славу, но не принесши ровно никакой пользы нашему отечеству. При императорахъ же Александрѣ I и Николаѣ I антинаціональный характеръ нашей внѣшней политики наглядно выступаетъ почти во всѣхъ европейскіихъ событіяхъ, въ которыхъ только принимала участіе Россія, начиная съ 1815 года энергично вмѣшивавшаяся въ европейскія дѣла сначала ради защиты Австріи и Пруссіи противъ Франціи, а затѣмъ въ видахъ умиротворенія Европы и поддержанія въ ней консервативныхъ началъ.

Политика императора Николая I, какъ и политика его двухъ ближайшихъ августѣйшихъ предшественниковъ не имѣла и отдаленной связи съ реальными интересами русскаго государства, такъ что въ это время «европейскіе кабинеты привыкли смотрѣть на Россію, какъ на такую страну, которая не имѣетъ своихъ собственныхъ потребностей и желаній, не имѣетъ даже своего собственнаго самостоятельнаго народа и существуетъ исключительно для пользы иноземныхъ государей, снабжая ихъ войсками и всякаго рода политическою поддержкою». Въ теченіе всей первой половины XIX вѣка «русскія войска посылались на помощь австрійцамъ, пруссакамъ и кому угодно; кровныя средства народа тратились на устройство дѣлъ въ Европѣ, тогда какъ у себя дома царило бѣдственное прозябаніе. Русская кровь щедро проливалась на поляхъ Германіи, Австріи, Италіи и Франціи,—но для чего и во имя чего—этого не могли-бы объяснить даже сами русскіе министры... Это была политика личныхъ наклонностей, чувствъ и впечатлѣній, въ которыхъ трудно отыскать слѣды серьезнаго пониманія задачъ государства по отношенію къ управляемому народу» *).

*) Иностранное обозрѣніе Вѣст. Европы за 1883 г. № 4.

Для этой антинациональной политики русского двора *), постоянно и безцѣльно отвлекавшей вниманіе нашего правительства отъ насущныхъ домашнихъ вопросовъ и тормазившей нормальный ходъ внутренняго развитія русскаго государства, казалось, долженъ былъ настать конецъ со смертію императора Николая I. Послѣ Крымской войны, когда намъ пришлось сводить счеты за все прошлое, ясно стало, какъ дорого заплатила Россія за ложное направленіе своихъ политическихъ заботъ и какъ мало пользы могло привести ей безграмотное увлеченіе внѣшней политикой, эта безплодная погоня за революціей, эта безразсчетность и расточительность, эта система Священнаго Союза, доведенная императоромъ Николаемъ до своего апогея. Россія, какъ и всякое государство, какъ и отдѣльная личность, не могла безнаказанно въ теченіе долгаго времени жить въ ненормальныхъ, неестественныхъ условіяхъ. Послѣднія неизбежно должны были отозваться на ея экономическомъ и политическомъ строѣ и развитіи въ ней внутреннія болѣзни, которыя не устранялись своевременно за недосугомъ изъ-за постороннихъ внѣшнихъ заботъ, ради погони за внѣшнимъ могуществомъ. При такихъ обстоятельствахъ, послѣ подписанія Парижскаго трактата, намъ предстояло позаботиться объ исправленіи грубыхъ ошибокъ прошлыхъ временъ и навсегда отказаться отъ ненужныхъ притязаній, которымъ мы были обязаны Севастопольскимъ погромомъ.

При императорѣ Александрѣ II наше правительство, однако, продолжало придерживаться многихъ устарѣлыхъ традицій. Князь Горчаковъ, призванный къ управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ черезъ мѣсяць послѣ заключенія унизительнаго для насъ Парижскаго трактата и руководившій внѣшней политикой Россія въ продолженіе цѣлой четверти вѣка, гораздо менѣе рисковалъ Россією въ угоду личнымъ впечатлѣніямъ или ради честолюбія. Но въ его дѣйствіяхъ всетаки отражалась какъ бы борьба двухъ направленій—традиціоннаго, честолюбиво-международнаго и практическаго, осно-

*) Подробную критическую оцѣнку этой политики можно найти у Словинскаго въ названномъ его сочиненіи, а также въ статьяхъ неизвѣстнаго автора, помѣщенныхъ въ Рус. Вѣст. за 1878 г. № 2 и 5 подъ заглавіемъ: „Политика Россія въ первой четверти текущаго столѣтія“ и „Россія и Австрія въ восточномъ вопросѣ“. Официальную же защиту ея см. въ Рус. Стар. за 1878 г. № 11, въ исторической запискѣ подъ заглавіемъ: „Графъ Карлъ Нессельроде. Политика Россія и положеніе принятое ею въ Европѣ. 1815—1854 гг.“.

ваннаго на пониманіи внутреннихъ интересовъ государства. По этому онъ совершенно справедливо считается «послѣднимъ блестящимъ представителемъ той традиціи, въ силу которой Россія должна непремѣнно вмѣшиваться въ чуждыя ей дѣла, хлопотать о воображаемомъ равновѣсіи Европы, поддерживать враждебный намъ бонапартизмъ во Франціи, или беспокоиться о судьбѣ австрійской дипломатіи въ Венгріи». Князь Горчаковъ имѣлъ только одно весьма важное преимущество: онъ былъ дѣйствительно искренній приверженецъ мира и иногда руководился дѣйствительными интересами страны, отъ имени которой ему приходилось говорить въ Европѣ. Его дипломатическія увлеченія не могли по этому имѣть тѣхъ опасныхъ послѣдствій, какія обрушивались на Россію при прежнихъ правительствахъ *)).

Само собою разумѣется, что общій антинаціональный характеръ нашей внѣшней политики, оставившій тяжелые слѣды на всемъ внутреннемъ строѣ Россіи, долженъ былъ неблагоприятно вліять и на тѣ вопросы международной политики, которые затрогивали непосредственные и прямые интересы русскаго народа. Ближайшимъ образомъ свойства системы внѣшней политики, господствовавшей у насъ съ начала XIX вѣка, конечно, отражались печально на политикѣ Россіи въ восточномъ вопросѣ. Подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго увлеченія международными дѣлами, нисколько не касавшимися нашихъ дѣйствительныхъ интересовъ, дѣйствія русскаго правительства, въ этомъ вопросѣ отличались общею неопредѣленностію и нецѣлесообразностію и основывались на отвлеченныхъ идеяхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ историческими задачами Россіи на Востокѣ.

Какъ не разъ было говорено выше, главнѣйшія задачи русской политики на Востокѣ заключались въ томъ, чтобы доставить Россіи свободное пользованіе водами Чернаго моря и дать независимую, самостоятельную государственную и политическую жизнь христіанскимъ народностямъ Турціи. Того требовали отъ русскаго правительства собственные матеріальные интересы Россіи на Востокѣ и ея всемірно-историческое призваніе въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ султана. Долгій историческій опытъ показывалъ, что удо-

*) Иностранное обозрѣніе Вѣсти. Европы за 1883 г., № 4.,

влетворительное рѣшеніе этихъ задачъ не можетъ быть достигнуто путемъ непосредственныхъ мирныхъ соглашеній съ Портою, никогда не соблюдавшей святости договоровъ, и что поэтому слѣдуетъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для измѣненія существующаго порядка вещей въ юго-восточномъ углу Европы и при помощи наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ стараться, съ одной стороны, измѣнить юридическое положеніе проливовъ, ведущихъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, а съ другой—предоставить турецкимъ христіанамъ возможность совершенно освободиться отъ мусульманскаго ига. Но руководители внѣшней политики Россіи далеко, однако, не были на высотѣ своего призванія и смотрѣли на восточный вопросъ иными глазами, иначе, чѣмъ требовали жизненные интересы русскаго народа и христіанъ Востока. Въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ фактовъ изъ исторіи отношеній Россіи къ Турціи.

Съ начала нынѣшняго вѣка за исходную точку русской политики на Востокъ было принято убѣжденіе въ необходимости всѣми средствами содѣйствовать сохраненію Турецкой имперіи въ Европѣ, такъ какъ ея безсидіе и плохое внутреннее управленіе служили для нашего правительства драгоцѣннымъ ручательствомъ собственной безопасности русскаго народа. Опытъ вскорѣ же доказалъ всю ошибочность этого убѣжденія, и его противорѣчіе историческимъ задачамъ Россіи на Востокъ. Тѣмъ не менѣе оно послужило основаніемъ для нашей политики въ такіе критическіе для Турціи моменты, какъ въ 1829 году и во время возстанія Мехмета-Али, паши египетскаго, когда Россіи представлялся весьма удобный случай разъ навсегда покончить съ восточнымъ вопросомъ и надлежащимъ образомъ обезпечить свои матеріальные интересы на Черномъ морѣ. Россіи, какъ извѣстно, нужно было получить свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, находившіеся въ рукахъ слабой Порты. Для полученія свободнаго прохода черезъ эти проливы русское правительство должно было позаботиться объ измѣненіи ихъ юридическаго положенія. Между тѣмъ, рассчитывая на слабость и покорность турецкаго султана, оно отстояло неприкосновенность Турціи и оставило проливы въ ихъ прежнемъ положеніи. Но уже тогда между русскими дипломатами находились люди, которые не соглашались съ вѣрностью и правильностью такой политики въ отно-

шеніи Турціи. Мы говоримъ о Фонтонѣ. Въ 1829 году этотъ талантливый чиновникъ дипломатической канцеляріи при нашей главной арміи въ письмѣ къ своему другу разсуждалъ объ этомъ вопросѣ такъ: «Напрасно мы льстимъ себя надеждою, что Порта чѣмъ слабѣе, тѣмъ послушнѣе или покорнѣе будетъ; страхомъ дружба не приобрятается. Да впрочемъ трусливый другъ хуже непріятеля. Заключи мы завтра съ Турціей оборонительный и наступательный договоръ и будь у насъ съ Англіей война, можно-ли думать, что на Порту возможно надѣяться и что она, если ей общають возвратить Крымъ, не пропуститъ англичанъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы? Конечно, нѣтъ! Отъ такого правительства, какъ турецкое, намъ весьма мало выгоды, а неудобствъ и опасностей гибель». По мнѣнію Фонтонна, «проливы въ рукахъ Турціи не только лишаютъ насъ на югѣ нужнаго простора и вліянія на восточныя дѣла, соразмѣрнаго вліянію и значенію Россіи, но могутъ подвергнуть насъ опасностямъ въ случаѣ господства другаго вліянія въ Константинополѣ. Чтобы этого избѣгнуть, Россія принуждена, во чтобы то ни стало, имѣть первенствующее вліяніе въ Константинополѣ, и эту необходимостью она всегда связана и противно своимъ интересамъ вовлекается безпрестанно въ политическія замѣшательства. Этому никогда конца не будетъ, пока нынѣшнее турецкое господство существовать будетъ. Мы нынѣшнею войной и Адрианопольскимъ миромъ упрочили на время вліяніе свое въ Константинополѣ. Но долго-ли это продолжится? Если считать, какихъ жертвъ намъ эта политика стоитъ, можно скоро постичь, что она несостоятельна. Рано или поздно она обнаружится; итакъ, заблаговременно слѣдуетъ тому положить конецъ». Наилучшимъ способомъ разрѣшенія восточнаго вопроса Фонтонъ считалъ раздробленіе Турціи на два государства: на христіанское—на Балканскомъ полуостровѣ, и на мусульманское—въ Малой Азіи. «Этимъ раздробленіемъ—говорилъ онъ—мы достигнемъ отворстія проливовъ и освобожденія единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ отъ турецкаго владычества. И это все можетъ совершиться безъ нарушенія европейскаго равновѣсія» *). Но наше правительство было далеко отъ подобныхъ соображеній, какъ во время русско-турецкой войны 1828—1829 годовъ, такъ и при ро-

*) Воспоминанія Ф. П. Фонтонна, т. II, стр. 252—254.

ковомъ для Турціи возстаніи египетскаго паши. Разсчитывая на слабость и покорность Оттоманской Порты, мы оставили тогда оба пролива въ ея слабыхъ рукахъ, какъ будто бы этимъ удовлетворялись дѣйствительнымъ образомъ жизненные интересы Россіи на Востокѣ.

Избравъ исходнымъ пунктомъ русской восточной политики сохраненіе Оттоманскаго царства въ Европѣ, наше правительство, естественно, должно было руководиться указаннымъ началомъ не въ одномъ только вопросѣ о матеріальныхъ интересахъ Россіи на Востокѣ. Этому ложному направленію политики оно должно было подчинить и свои отношенія къ христіанскимъ подданнымъ европейской Турціи, всегда надѣявшимся при помощи Россіи получить избавленіе отъ мусульманскаго ига, такъ какъ стремленіе къ поддержанію турецкаго господства на берегахъ Босфора,—что, предполагалось, отвѣчало истиннымъ интересамъ Россіи,—ставило въ необходимость отказаться отъ разрушенія оттоманскаго царства путемъ постепеннаго освобожденія и выдѣленія изъ состава Турецкой имперіи угнетенныхъ христіанскихъ народностей и вынуждало заботиться лишь о благосостояніи и хорошемъ внутреннемъ управленіи христіанскихъ провинцій, хотя этого невозможно было добиться, пока исламъ служитъ основаніемъ всей государственной системы Турціи.

Указанная перемѣна въ отношеніяхъ Россіи къ христіанскимъ народностямъ Востока, происшедшая въ началѣ нынѣшняго столѣтія, имѣла, впрочемъ, своею причиною не одно только твердое и искреннее желаніе во чтобы то ни стало поддержать драгоценную жизнь нашего естественнаго врага и слабаго сосѣда. Эта перемѣна объяснялась также и тѣмъ, что русское правительство, руководимое мыслью объ охраненіи спокойствія и установленнаго порядка вещей, простирало эту заботливость не только на Западъ, но и на Востокъ; что искренно вѣря въ спасительныя свойства охранительнаго союза великихъ державъ въ дѣлѣ поддержанія мира и законнаго порядка въ Европѣ, оно признавало необходимымъ и на Востокѣ препятствовать всякому перевороту, который могъ бы нарушить доброе согласіе между державами, служившими опорой консервативнаго союза, и потому несчастныя идеи Священнаго Союза и обязанность государей, участвовавшихъ на конгрессахъ, всюду поддерживать миръ и спокойствіе, по аналогіи распространило и на Турцію, хотя о ней ничего не говорилось въ вѣнскихъ договорахъ.

Русское правительство начала XIX вѣка вообще мало принимало въ расчетъ интересы христіанскихъ народностей Востока. «Черногорцы — говорить г. Татищевъ — явились нашими союзниками во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1805 году осадили вмѣстѣ съ нами Дубровникъ, а въ 1815 году прогнали французовъ изъ Бокиа-Которской, которую потомъ, покоряясь волѣ императора Александра I, они, скрѣпя сердце, передали австрійцамъ». *) Между тѣмъ г. Которъ открывалъ вѣрнымъ союзникамъ Россіи выходъ въ море и потому удержаніе этого пункта за ними имѣло для Черногоріи весьма важное значеніе **). Неопредѣленность, неустойчивость и забывчивость нашей политики неоднократно испытывали на себѣ и другія христіанскія народности Востока. Когда же мы усвоили себѣ два указанныхъ начала — сохраненіе Турецкой имперіи въ Европѣ и водвореніе всюду законнаго порядка — наши отношенія къ турецкимъ христіанамъ совершенно утратили тотъ характеръ, который они носили прежде и который должны были бы носить, если-бы политика Россіи на Востокъ была ведена въ строго-національномъ духѣ, согласно нуждамъ и историческимъ задачамъ русскаго народа. Вопреки историческому призванію Россіи, на которой сосредоточивались всѣ надежды и упованія турецкихъ христіанъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ отъ гнета мусульманскаго владычества, русское правительство стало разсматривать всякія попытки христіанскихъ народностей Вос-

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 309.

**) „Искусный дипломатъ, побѣдоносный вождь, сдѣлавшій однако такъ много напрасныхъ и больно-щемящихъ Россію уступокъ въ пользу Австріи, императоръ Александръ Павловичъ — говорить г. Майковъ — не предвидѣлъ, что такой несправедливый поступокъ съ Черногоріей посѣетъ надолго сѣмя кровавыхъ смутъ, которая отзовется и во внѣшней политикѣ Россіи. Сколько разъ послѣ того, отрѣзанная отъ моря и замкнутая въ голыхъ скалахъ, Черногорія собственно поэтому вступала въ брань или, вѣрнѣе, постоянно явля брань съ турками и албанцами. Господство Австріи надъ прибрежною полосой, грозившее Черногоріи ежеминутнымъ голодомъ и истощеніемъ военныхъ припасовъ, держало духъ ея населенія въ несчастливо-напряженномъ состояніи; оно же имѣло прямое вліяніе и на смуты въ южной Герцеговинѣ. Орелъ попалъ въ клітку и его постоянно дразнила коварная рука того, коему побѣдитель Наполеона, умиротворитель Европы, могшій своей Россіи возвратить ея древнее достояніе по самымъ Карпаты и уврѣпить за Черногоріей завоеванную ея янаками Которскую Боку, подарилъ ключъ отъ этой клітки. Судорожныя движенія запертаго въ горной кліткѣ свободолюбиваго орла отзывались тревогой и въ русской политикѣ“. (Майковъ. Забѣтка по внѣшнимъ дѣламъ. Русская Мысль, за 1882 годъ, № 2, стр. 70—71).

тока сбросить съ себя ненавистное иго, какъ возстаніе подданныхъ противъ легитимнаго монарха; оно начало вмѣшиваться во внутреннія дѣла этихъ народностей, чтобы дать ихъ политической жизни то направленіе, которое болѣе согласовалось съ намѣреніями русскаго, а иногда и турецкаго двора; наконецъ, признавая общеевропейскимъ интересомъ сохраненіе Турецкой имперіи въ Европѣ и восстановленіе всюду законнаго порядка, оно слѣпо подчиняло существенные русскіе интересы въ восточномъ вопросѣ «соображеніямъ» общей политики», т. е. политики западныхъ державъ и преимущественно Австріи, которая всегда соперничала съ Россіей на Востокѣ и постоянно питала тайное намѣреніе парализовать нашу свободу дѣйствій въ восточномъ вопросѣ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости указанныхъ характеристическихъ чертъ русской политики, достаточно припомнить наиболѣе крупные факты изъ исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ печальную и грустную исторію знаменитаго греческаго возстанія, вспомнимъ то, какъ отнеслось русское правительство къ вполне естественной попыткѣ греческаго народа получить, если не совершенную свободу, то по крайней мѣрѣ полусвободу—право внутреннего самоуправленія и безопасность со стороны турецкаго произвола. Императоръ Александръ увидѣлъ въ дѣлѣ греческаго возстанія то же *революціонное движеніе*, которое происходило въ то время въ западной Европѣ. Онъ отказался придти на помощь единовѣрцамъ Россіи и пожелалъ султану полнаго успѣха въ борьбѣ съ греческимъ мятежомъ. А между тѣмъ—говоритъ Богдановичъ— «быть можетъ ни прежде, ни послѣ, не было удобнѣйшаго времени къ *послѣдней* войнѣ съ Турціей. Ни одна изъ европейскихъ державъ, кромѣ Англіи, не стала бы противиться видамъ Россіи, да и въ Англіи министерство, поддерживая Турцію, встрѣтило бы въ парламентѣ сильную оппозицію въ пользу угнетенныхъ грековъ. Франція была занята охраненіемъ своего внутреннего спокойствія въ сосѣдствѣ волновавшейся Испаніи. Австрія обращала все свое вниманіе на поддержаніе существующаго порядка въ Италіи. Пруссія дѣйствовала за одно съ Россіей» *). Но не взирая на всѣ эти благопріятныя обстоятельства и не внимая внушеніямъ сво-

*) Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время, т. VI, стр. 83.

его благороднаго сердца и требованіямъ, вытекавшимъ изъ историческаго призванія Россіи, императоръ Александръ призналъ необходимымъ жертвовать интересами своего народа ради идеи Священнаго союза и интересовъ западной Европы, которые, — какъ упорно настаивалъ князь Меттернихъ, — требовали подавленія революціонныхъ стремленій времени, нисколько не угрожавшихъ Россіи. Во имя этихъ пресловутыхъ началъ мы заставили грековъ истекать чуть-ли не до послѣдней капли крови въ борьбѣ съ турецко-египетскими войсками, прежде чѣмъ обезпечили несчастному народу сколько нибудь сносное существованіе.

Обнаруживъ крайнюю медленность и нерѣшительность въ дипломатическихъ переговорахъ по греческому вопросу, императорское правительство остановило русскія войска въ 1829 году у самыхъ воротъ Царь-Града изъ желанія продлить вѣкъ уже потерявшаго жизнеспособность «большаго человѣка», который держалъ въ своихъ мертвящихъ рукахъ начавшую развиваться юную жизнь балканскихъ народностей. Въ основаніе подобной политики положены были тѣже ложныя воззрѣнія на интересы Россіи. «Отъ нашихъ армій зависѣло» — писалъ графъ Нессельроде въ письмѣ цесаревичу Константину Павловичу — «идти на Константинополь и низвергнуть Турецкое царство. Ни одна изъ европейскихъ державъ не воспротивилась бы тому, никакая близкая опасность не угрожала бы намъ, если бы мы нанесли послѣдній ударъ Оттоманской монархіи въ Европѣ. Но, по мнѣнію государя, монархія эта, вынужденная отнынѣ существовать лишь подъ покровительствомъ Россіи и повиноваться ея волѣ, болѣе отвѣчаетъ нашимъ политическимъ и торговымъ интересамъ, чѣмъ всякая новая комбинація, которая вынудила бы насъ или путемъ завоеваній слишкомъ распространить наши владѣнія, либо замѣнить Оттоманскую имперію государствами, которыя не замедлили бы соперничать съ нами въ могуществѣ, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ. На этомъ основномъ правилѣ покоятся нынѣ наши сношенія съ диваномъ. Коль скоро не хотимъ мы разрушенія турецкаго правительства, мы должны изыскивать средства поддерживать его въ настоящемъ положеніи» *). Этими соображеніями объясняется недостаточность, умѣренность русскихъ требованій

*) Графъ Нессельроде цесаревичу Константину Павловичу 12 (24) февраля 1830 года.

въ пользу Сербіи и Дунайскихъ княжествъ и вообще христіанъ Востока; этимъ объясняется и то на первый взглядъ странное явленіе, что Адрианопольскій трактатъ, долженствовавшій, по мнѣнію императорскаго кабинета, «упрочить преобладающее вліяніе Россіи на Востокъ», ограничился только подтвержденіемъ постановленій нашихъ прежнихъ договоровъ съ Портой, а не содержалъ въ себѣ новыхъ правъ и привилегій въ пользу православной Церкви и ея послѣдователей въ Оттоманской имперіи, словомъ, этимъ объясняется то, что блестящая война 1828—1829 годовъ, стяжавшая лавры русской арміи, не уничтожила и половины поводовъ къ столкновеніямъ Россіи съ Турціей, на что впоследствии потребовались отъ русскаго народа новыя громадныя жертвы людьми и деньгами.

Во имя тѣхъ же ложныхъ принциповъ въ 1833 году русское правительство спасаетъ Турецкую имперію отъ неминуемой гибели, которою ей грозилъ египетскій паша Мехметъ-Али. При правильномъ взглядѣ на дѣло императорскій кабинетъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ ограничиться защитою европейской части Турціи, такъ какъ историческая миссія Россіи не позволяла ей передавать судьбу балканскихъ народностей въ руки новаго, сильнаго мусульманскаго владыки. Но наши руководители внѣшней политики рассудили иначе. Указывая на опасный оборотъ, принятый послѣдними событіями на Востокѣ, графъ Нессельроде высказалъ Муравьеву опасеніе, какъ-бы они не привели къ окончательному распаденію Турецкой имперіи. По мнѣнію русскаго канцлера, такой исходъ лишилъ-бы Россію выгоды, приобретенныхъ Адрианопольскимъ договоромъ, и вынудилъ-бы ее снова взяться за оружіе. Низверженіе турецкаго султана и вступленіе на его престолъ Мехмета-Али паши было бы для насъ крайне вредно: Константинополь сталъ бы подъ вліяніе Франціи и сдѣлался-бы убѣжищемъ для революціонныхъ выходцевъ, злоумышляющихъ противъ Россіи. Да и вообще замѣна слабой Турціи сильнымъ государствомъ принесла-бы Россіи только одинъ вредъ. «Всѣ эти соображенія» — продолжалъ вице-канцлеръ — «привели нашего августѣйшаго государя къ убѣжденію, что вѣрно понятія пользы его имперіи требуютъ съ нашей стороны содѣйствія къ предупрежденію паденія султана Махмуда и къ поддержанію Турціи въ ея нынѣшнемъ положеніи. Будучи проникнутъ важностью этой истины, императоръ рѣшился громко высказаться противъ возстанія вице-

короля египетскаго и употребить все свое нравственное вліяніе, дабы остановить его успѣхи *)). Не помышляя о возможности распада Оттоманской имперіи на двѣ половины и о выгодахъ этой комбинаціи для христіанъ Востока, а слѣдовательно и для Россіи, императоръ Николай I рѣшилъ, что сохраненіе слабой Турецкой имперіи для насъ полезнѣе ея распадѣнія. Мало того, мы заключили съ Австріей конвенцію о поддержаніи цѣлости и неприкосновенности Оттоманской Порты, а въ 1840 и 1841 годахъ признали это основнымъ началомъ европейскаго международнаго права.

Не проявляя ревностной заботливости объ освобожденіи восточныхъ христіанъ, а напротивъ искусственно поддерживая надъ ними власть османовъ, русское правительство хлопотало лишь о спокойствіи Востока, о поддержаніи тамъ законнаго порядка. По свидѣтельству барона Брунова, полное освобожденіе Дунайскихъ княжествъ отъ турецкой власти «отнюдь не согласовалось съ намѣреніями императора. Напротивъ, его величество пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подавить тайную надежду молдаванъ и валаховъ на достиженіе совершенной независимости». Русское правительство рѣшило не поощрять стремленій христіанскаго населенія Турціи освободиться изъ-подъ ея власти. Въ этихъ видахъ оно удерживало сербовъ, молдаванъ и валаховъ даже отъ участія въ нашихъ войнахъ съ Портою, какъ то было прежде, и на ихъ просьбы дать имъ возможность вооружиться обыкновенно отвѣчало отказомъ. Само собою разумѣется, что такого рода политика могла имѣть своимъ слѣдствіемъ лишь ослабленіе освободительнаго движенія среди христіанскихъ народностей Востока. Отсутствие такихъ движеній на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ Адрианопольскаго мира объясняютъ—говоритъ г. Теокистовъ—тѣмъ, что національныя стремленія балканскихъ племенъ «еще недостаточно созрѣли въ то время, не пришли къ ясному сознанію, но намъ кажется, что было бы несравненно справедливѣе искать разгадку въ той политической системѣ, которую усвоили относительно восточныхъ христіанъ европейскія державы. Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія сербы, и затѣмъ позднѣе греки обрѣли въ себѣ достаточный запасъ энергіи и геройства, чтобы вступить въ борьбу

*) Графъ Нессельроде Муравьеву 1 (13) ноября 1832 года.

съ своими вѣковыми притѣснителями: чѣмъ же объяснить тогдашнее одушевленіе и теперешнюю апатію? Мы полагаемъ, что причина этой кажущейся, невольной апатіи христіанскихъ народностей лежала въ твердомъ ихъ сознаніи, что времена, наступившія послѣ Адрианопольскаго мира, не представляютъ для нихъ ничего благопріятнаго, что имъ нечего рассчитывать на Европу, и что Европа отнесется, напротивъ, непріязненно ко всякому движенію въ ихъ средѣ *).

Не поощряя стремленій христіанскаго населенія Турціи къ освобожденію, мы напротивъ того шли рука объ руку съ Портою въ дѣлѣ водворенія порядка и прекращенія волненій среди турецкой райи, мечтавшей сбросить съ себя ненавистное иго. Слѣдствіемъ такого образа дѣйствій съ нашей стороны былъ цѣлый рядъ вмѣшательства русскаго правительства во внутреннія дѣла полунезависимыхъ княжествъ. Подобная политика, разумѣется, прежде всего противорѣчила историческому призванію Россіи, которая должна была всюду поддерживать національныя стремленія своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, а не ревностно охранять легитимный порядокъ на Востокѣ. Но помимо этого всѣ наши вмѣшательства во внутреннюю жизнь турецкихъ христіанъ страдали другимъ весьма существеннымъ недостаткомъ. Если даже допустить, что Россіи необходимо было проявлять свою власть надъ своими единовѣрцами ради спокойствія Востока, то проявленіе ея влияния на ихъ дѣла всегда могло имѣть характеръ добрыхъ, разумныхъ и осмысленныхъ совѣтовъ, а не характеръ грубаго вмѣшательства или безпрекословныхъ требованій, иной разъ шедшихъ прямо въ разрѣзъ съ интересами балканскихъ народностей и противорѣчившихъ условіямъ ихъ соціальной и политической жизни. Между тѣмъ русское правительство, врываясь въ сферу внутренняго управленія турецкихъ христіанъ ради искорененія духа революціи, не только грубо попирало ихъ автономныя права, но даже вводило въ систему ихъ администраціи такія измѣненія, которыя въ самомъ корнѣ подрывали возможность мирнаго и правильнаго развитія христіанскихъ провинцій Турціи.

*) Русская политика на Востокѣ передъ Крымской войной. Русскій Вѣстникъ за 1868 г., № 1, стр. 40.

Послѣ заключенія Адрианопольскаго мира различныя балканскія народности поочередно испытывали на себѣ послѣдствія этого антинаціональнаго направленія русской политики въ восточномъ вопросѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мы вмѣстѣ съ Портою грубо вторгались во внутреннія дѣла сербскаго народа и даже принудили его принять уставъ, который былъ предложенъ сюзереннымъ и покровительствующимъ дворами и настолько не отвѣчалъ дѣйствительнымъ нуждамъ страны, что произвелъ въ ней перемѣну династїи и стоилъ нѣсколькихъ лѣтъ внутреннихъ потрясеній. Въ 1842 году, когда сербы подъ предводительствомъ Вукшича, изгнали Обреновичей и возвели въ княжеское достоинство Александра Карагеоргиевича, русское правительство превзошло даже Порту въ стремленіи поддерживать законность и порядокъ въ вассальныхъ провинціяхъ Турціи. Какъ извѣстно, Порта не обратила никакого вниманія на совершившуюся перемѣну въ Сербїи и преспокойно утвердила этотъ актъ народной воли. Но русское правительство, видя въ такомъ поступкѣ сербскаго народа явное нарушеніе постановленій Вѣнскаго конгресса, явное оскорбленіе священнаго принципа легитимности, и забывъ, что ни Турція, ни Сербїя на этомъ конгрессѣ не участвовали, заявило самый энергическій протестъ передъ Портою по случаю признанія ею совершившагося переворота. «Князь Михаилъ—говорилось въ одномъ изъ министерскихъ предписаній нашему константинопольскому послу въ 1842 году—не могъ быть смѣненъ *легальнымъ* образомъ иначе, какъ въ силу авторитета самого султана.. Сербская нація приписала себѣ право, которое ей не принадлежитъ... Свергнувъ въ лицѣ князя Михаила законную власть, назначенную самимъ султаномъ, и которую его величество одинъ только имѣлъ право лишить престола, она нанесла оскорбленіе авторитету султана» *). Въ началѣ сороковыхъ годовъ мы врывались во внутреннія дѣла уже не только сербовъ, но и другихъ балканскихъ народностей, причемъ громко заявляли, что имъ нечего надѣяться на помощь Россїи, которая строго осуждаетъ всякія попытки, направленныя противъ Порты, и даже готова ее честно поддерживать въ усиліяхъ къ усмиренію своихъ мятежныхъ подданныхъ». Въ инструкціи русскому агенту въ Болгарїи по поводу болгарскаго воз-

*) Матеріалы къ характеристикѣ политики Россїи въ восточномъ вопросѣ. Отечественныя Записки за 1878 г. № 11.

станія 1841 года предписывалось «не подавать ни малѣйшаго одобренія какимъ бы то ни было замысламъ относительно Оттоманской Порты и оказывать нашимъ единовѣрцамъ покровительство только до тѣхъ поръ, пока они пребываютъ покорны установленнымъ властямъ» *). Когда же въ 1848 году произошли волненія въ Дунайскихъ княжествахъ, мы заняли ихъ своими войсками и по Балта-Лиманскому договору съ Портой ухудшили ихъ положенія вопреки своему историческому призванію.

Всѣ эти и имъ подобные факты, которыхъ можно много найти въ длинной исторіи восточнаго вопроса, конечно, обязаны своимъ существованіемъ на ея страницахъ совокупности нѣсколькихъ причинъ: нашему увлеченію идеей Священнаго Союза, смутному пониманію истинныхъ интересовъ Россіи на Востокъ, антинаціональному направленію нашей политики и т. д. Но на ряду съ этими причинами весьма немаловажную роль играли двѣ слабыя стороны русской политики, которыми въ значительной степени усугублялись всѣ наши неудачи въ сношеніяхъ съ восточными христіанами, все равно освобождали-ли мы ихъ отъ турецкаго ига, или поддерживали надъ ними власть османовъ. Мы говоримъ о незнаніи нашемъ истинныхъ нуждъ христіанскихъ народностей Турціи и вообще весьма неудачномъ подборѣ нашихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ на Востокъ, являвшихся здѣсь главными и даже единственными проводниками русскаго вліанія.

Исторія показываетъ, что русское правительство въ своемъ слѣпомъ стремленіи къ водворенію и обезпеченію мира на Востокъ и упроченію тамъ за собой преобладающаго положенія постоянно вмѣшивалось во внутреннюю жизнь христіанскихъ народностей Турціи, но благодаря неясному пониманію дѣйствительныхъ нуждъ этихъ народностей часто тормазило правильное развитіе ихъ политической жизни, нерѣдко не достигая притомъ преслѣдуемыхъ цѣлей. И это весьма понятно. Чтобы излѣчить какую-либо болѣзнь, необходимо знать причины, отъ которыхъ она происходитъ, и направлять всѣ заботы на устраненіе этихъ причинъ, давая больному соответствующіе медикаменты и принимая во вниманіе его возрастъ, сложеніе, условіе жизни и т. п. Разъ же неправильно опредѣлена причина

*) Назван. стат.

болѣзни или начато врачеваніе ея безъ должнаго вниманія и осмотрительности, больной неминуемо почувствуетъ себя еще хуже. Такія же печальныя послѣдствія всегда ведетъ за собою и вмѣшательство во внутреннія дѣла народа, предпринимаемое безъ подробнаго и основательнаго знакомства съ его жизненными условіями. Мы добивались порядка и спокойствія на Востокѣ и нарушеніе ихъ приписывали или вліянію революціонныхъ идей и стремленій времени, или проискавъ нашихъ соперниковъ въ Турціи. Событія западной Европы и интриги великихъ державъ, конечно, не оставались безъ вліянія на жизнь восточныхъ христіанъ, но волненія среди нихъ происходили не отъ одного того, что они слѣдовали примѣру и внушенію западныхъ народовъ, а также и отъ того, что тяжелыя условія жизни заставляли ихъ желать лучшаго положенія. Между тѣмъ это послѣднее обстоятельство русское правительство мало принимало въ соображеніе или, лучше сказать, почти совершенно игнорировало, а если иногда и обращало на него вниманіе, то объясняло его себѣ не тѣми причинами, которыми оно вызывалось въ дѣйствительности.

Само собою понятно, къ какимъ результатамъ должна была приводить политика, исходившая изъ ложнаго начала. Приписывая происхожденіе волненій на Востокѣ вліянію революціоннаго духа времени, проискавъ «апостоловъ французской и польской пропаганды, прикрывающихся личиною славянства», *) или какимъ либо другимъ причинамъ, мы старались прекратить эти волненія въ самомъ началѣ, поддерживая надъ христіанами законную власть султана или вводя во внутренней ихъ жизни различныя измѣненія, сообразно ложно понятымъ нуждамъ и пользамъ страны, переживавшей кризисъ. Но это, конечно, нисколько не помогало дѣлу и только создавало новые поводы къ серьезнымъ замѣшательствамъ среди турецкихъ христіанъ, возбуждая въ нихъ естественное недовольство покровительствующей державой. Такимъ образомъ благодаря ошибочности нашего пониманія истинныхъ причинъ постоянно происходившихъ волненій среди христіанскихъ народностей Турціи, вмѣшательство Россіи въ ихъ дѣла приводило къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыхъ она добивалась. Достаточно вспомнить печальную исторію борьбы уставобранителей противъ княжеской

*) Всеподданнѣйшій отчетъ вице-канцлера за 1845 годъ.

власти въ Сербіи и тѣ мѣры, которыя принимало русское правительство для прекращенія этой внутренней междоусобицы, чтобы убедиться въ справедливости всего вышесказаннаго. Между тѣмъ, еслибы мы, стремясь упрочить миръ на Востокѣ, ясно сознавали дѣйствительныя причины его постоянной необезпеченности, то, несомнѣнно, достигли бы своей цѣли и укрѣпили бы за собой подобающее вліяніе среди восточныхъ единовѣрцевъ.

Недостаточное вниманіе наше къ нуждамъ христіанскихъ народностей Востока и даже иногда явное непониманіе этихъ нуждъ, а также проистекавшая отсюда ошибочность дѣйствій русскаго правительства вмѣстѣ съ печальными для Россіи и ея восточныхъ единовѣрцевъ послѣдствіями должно быть частію отнесено также къ количественнымъ и качественнымъ недостаткамъ личнаго состава русскихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, которымъ поручалось поддержаніе и расширеніе сферы нашего вліянія въ Турціи и среди ея христіанскихъ подданныхъ. Русское правительство всегда имѣло ограниченное число представителей Россіи въ христіанскихъ земляхъ Балканскаго полуострова, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже не содержало собственныхъ непосредственныхъ агентовъ, наводя справки о томъ, что дѣлается въ турецкихъ провинціяхъ или черезъ свое посольство въ Константинополь, или черезъ консуловъ сосѣднихъ мѣстностей, или—что всего хуже—черезъ Австрію. Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ наблюденія за политическими событіями на Востокѣ мы не могли получать полныхъ и точныхъ свѣдѣній о жизни подвластныхъ Турціи христіанскихъ народностей. Успѣшность дѣла изученія потребностей и стремленій этихъ народностей еще болѣе затруднялась тѣмъ, что даже и та незначительная группа русскихъ дѣятелей, которой приходилось блюсти интересы Россіи на Востокѣ, обыкновенно сама страдала существенными недостатками. Нашими представителями на Востокѣ болѣею частію назначались люди, не только не получившіе специальной подготовки къ трудной и сложной дѣятельности, которая имъ предстояла, но и вообще еще мало опытные чиновники, лишь начинающіе дѣятъ ли, не говоря уже о томъ, что ими преимущественно бывали лица иностраннаго происхожденія, для которыхъ Россія не была родная мать, а наши единовѣрцы и единоплеменники не были братьями по вѣрѣ и крови. Не имѣя ни опытности, ни знанія возложеннаго на нихъ

дѣла, ни нравственной связи съ нимъ *), подобныя лица, конечно, не могли успѣшно преслѣдовать интересы Россіи на Востокъ и способствовать поддержанію прочныхъ, дружественныхъ отношеній между христіанскими народностями Турціи и ихъ покровительницей. Они не въ силахъ были объединить интересы Россіи и ея восточныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, такъ какъ эти интересы были для нихъ непонятны; они не могли своевременно предупреждать столкновение этихъ интересовъ по своей неопытности, а иногда просто по незнанію истиннаго положенія дѣла; разъ же допустивъ возникновение недоразумѣній между Россіей и христіанскими подданными Порты, они не находили способовъ благополучно, мирно разрѣшить эти недоразумѣнія, такъ какъ тутъ требовалось кромѣ дипломатическаго искусства и ловкости еще глубокое пониманіе столкнувшихся интересовъ и основательное знаніе нуждъ заинтересованныхъ сторонъ.

Не зная истинныхъ нуждъ восточныхъ христіанъ и не имѣя компетентныхъ лицъ, черезъ которыхъ можно было бы ознакомиться съ этими нуждами, русское правительство при возникновеніи волненій на Востокъ должно было впадать въ ошибки и становиться на ложный путь въ дѣлѣ ихъ прекращенія. Благодаря отсутствію точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ заключаются дѣйствительныя причины, нарушавшія мирную жизнь той или другой изъ турецкихъ провинцій, оно для обезпеченія мира на Востокъ и упроченія тамъ своего вліянія прибѣгало ко вмѣшательству во внутреннюю жизнь этихъ провинцій и тѣмъ, конечно, сразу прекращало всякое движеніе, но нисколько не искореняло вызвавшихъ его причинъ, а напротивъ подготавливало почву для новыхъ, болѣе серьезныхъ замѣшательствъ въ будущемъ, подрывало авторитетъ Россіи въ глазахъ ея восточныхъ единовѣрцевъ и невольно обращало вниманіе европейской

*) Представители Россіи въ Левантѣ—говоритъ г. Татищевъ—являлись, на высшихъ ступеняхъ, лица, хотя и русскія по имени, но подъ вліяніемъ преобладавшихъ въ нашей дипломатіи теченій утратившія всякую связь съ русскою народностью, ея языкомъ, правами, вѣрованіями, съ историческими судьбами ея въ прошедшемъ и политическими идеалами въ будущемъ. Низшія же должности были почти всё безъ исключенія заняты инородцами, греками и левантинцами, уроженцами константинопольскихъ предмѣстій Галаты и Черы. Они образовали съ теченіемъ времени цѣлую династію, члены которыхъ передавали другъ другу вѣнательныя и прибыльныя должности консуловъ и драгомановъ какъ бы по праву наслѣдства, а между тѣмъ ни что не связывало ихъ съ Россіей, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, ими изъ нея извлекаемыхъ“ (Вѣщная политика императора Николая I, стр. 221).

дипломатіи на дѣйствія Россіи въ юго-восточномъ углу Европы. Бъ такимъ послѣдствіямъ привела, какъ извѣстно, наша ошибочная политика въ сербскомъ вопросѣ послѣ Адрианопольскаго мира 1829 года. Въ Сербіи всегда была развита власть народа, выражавшаяся посредствомъ скупщины. Послѣ Вѣнскаго конгресса въ ней развилась власть княжеская, опиравшаяся на волю народа. Уставомъ 1839 года русское правительство парализовало законодательную власть народа и князя и передало ее въ руки Совѣта. Это повело къ ожесточенной борьбѣ партій внутри самой страны, къ паденію вліянія Россіи на сербскія дѣла и къ возбужденію и безъ того весьма враждебнаго противъ нея настроенія въ западной Европѣ *).

Таковы были результаты заботливости русскаго правительства о спокойствіи Востока и о поддержаніи тамъ законнаго порядка.

Вступленіе императорскаго кабинета въ систему реакціи противъ революціонныхъ стремленій времени, радикально измѣнившее исторически-выработавшіяся отношенія Россіи къ религіозно-національному вопросу на Востокѣ, имѣло своимъ слѣдствіемъ также осуш-

*) „Борьба уставобранителей противъ княжеской власти и участіе въ ней Россіи—говорятъ Поповъ — обратили на себя вниманіе западной Европы и особенно партіи враждебной Россіи. Слѣдствіемъ этого было появленіе брошюръ, въ которыхъ высказывались тѣ же самые взгляды, которые потомъ приводились въ 1848 и 1849 годахъ и также обращены были противъ Россіи, вѣтшавшейся въ европейскую революцію“. (Россія и Сербія, М. 1869 г. т. II, стр. 434) Такъ, напримѣръ, въ брошюрѣ Бистржоновскаго: „Sur la Serbie, dans ces rapports europeens avec la question d'Orient“, изданной также на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, говорилось между прочимъ слѣдующее: „Въ восточномъ вопросѣ Россія имѣетъ цѣль ясную, определенную и всѣмъ извѣстную; она хочетъ овладѣть Константинополемъ, ибо тогда Черное море сдѣлается русскимъ озеромъ. Положеніе Россіи позволяетъ ей приводить свой планъ въ исполненіе съ удивительною ловкостію и настойчивостію. Россія не боится непріятельскаго вторженія въ свое государство; это извѣстно всему міру, и отъ подобнаго предпріятія самыхъ важнѣйшихъ враговъ ея воздержитъ воспоминаніе о катастрофахъ 1709 и 1812 годовъ. Но не таково будетъ положеніе Россіи, какъ скоро удастся возбудить ей враговъ внутри ея самой. Вотъ почему и вся Европа не будетъ въ состояніи помѣшать Россіи овладѣть Константинополемъ, если только европейскія державы не подготовятъ возстанія въ Польшѣ и не поддержать пробудившуюся національность южныхъ славянъ. Россія знаетъ это, понимаетъ свое положеніе, и потому направленіе ея политики самое простое, постоянно одинаковое, хотя повидимому оно является въ разныхъ формахъ. Россія, завоевавъ польскія владѣнія, хочетъ поглотить національность Польша; равнымъ образомъ она стремится поглотить національность и южныхъ славянъ, особенно же сербовъ, что ей теперь возможно, такъ какъ она уже заправляетъ внутренними дѣлами славянскихъ земель“. (Тамъ же, стр. 434—435).

деніе ея на всегдашній союзъ съ Пруссіей и Австріей, которыя въ глазахъ нашего правительства были оплотомъ существующаго порядка въ Европѣ и отдѣляли насъ отъ очага революціи. Благодаря этому союзу русское правительство вынуждено было въ дѣлахъ общей европейской политики постоянно сообразоваться съ выгодами Австріи и Пруссіи и вести внѣшнія сношенія Россіи и систему ея союзовъ не сообразно съ требованіями насущныхъ интересовъ русскаго народа, а согласно интересамъ этихъ нѣмецкихъ государствъ, изъ которыхъ первое всегда было нашимъ естественнымъ соперникомъ на Востокѣ, а второе не могло оказать намъ здѣсь никакой существенной пользы, хотя и не имѣло и не преслѣдовало своихъ собственныхъ интересовъ на берегахъ Босфора. Мало того, ради поддержанія континентальнаго союза, охранительныя, консервативныя начала котораго признавались у насъ краеугольнымъ камнемъ всей внѣшней политики, императорское правительство находило нужнымъ даже поступаться выгодами Россіи въ угоду своимъ союзникамъ, причемъ въ особенности оно преклонялось передъ желаніями и внушеніями вѣнскаго двора, умѣвшаго ловко пользоваться близорукостью петербургскаго кабинета для того, чтобы отвлечь его отъ преслѣдованія прямыхъ цѣлей Россіи и втянуть русскій народъ въ напрасную трату силъ, въ погоню за призраками.

Подобное уклоненіе русской политики отъ прямаго и твердаго преслѣдованія жизненныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ замѣчается уже вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, и именно въ дѣлѣ греческаго возстанія. Историческое призваніе Россіи придти на помощь угнетеннымъ и поработеннымъ турками христіанамъ ясно указывало ей то положеніе, которое она должна была принять съ самаго начала возстанія грековъ, поднявшихъ оружіе во имя религіозной и политической свободы. Она должна была выступить на помощь своимъ единовѣрцамъ. Но наше вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи было опасно для Австріи, и вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ охарактеризовать намъ возстаніе грековъ, какъ бунтъ противъ легитимной власти, съ чѣмъ необходимо де бороться всѣмъ монархамъ ради собственной безопасности и въ виду обязательствъ, данныхъ ими въ различныхъ договорахъ относительно совмѣстнаго дѣйствія противъ революціонныхъ движеній вездѣ, гдѣ бы они ни происхо-

длив. Преклоняясь передъ идеей Священнаго Союза и ея разъясненіями, исходившими изъ устъ князя Меттерниха, русское правительство, поставленное въ противорѣчіе между историческими задачами Россіи на Востокъ и своими временными обязательствами, отказалось отъ поддержки грековъ и держало сторону «легитимнаго» восточнаго владыки до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не нарушилъ правъ русскаго народа, основанныхъ на его договорахъ съ Портою. Но это обстоятельство только временно обострило наши отношенія къ константинопольскому двору, такъ какъ Англія и Австрія, опасаясь вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла, постарались помирить насъ съ Турціей. На Лейбахскомъ конгрессѣ императоръ Александръ не только отказался отъ войны съ турками, но громогласно высказался за основанія Священнаго Союза, имѣвшаго цѣлью противодѣйствовать революціи, и произнесъ торжественное осужденіе греческаго дѣла. Довѣріе царя къ вѣнскому двору было настолько велико, что, по его совѣту, мы поручили англійскому послу веденіе нашихъ переговоровъ съ Портою, а графъ Нессельроде, благодаря интригамъ Меттерниха замѣстившій Каподистрію, подъ диктовку австрійскаго канцлера написалъ инструкціи и другія необходимыя для этихъ переговоровъ бумаги.

Императоръ Николай I дѣйствіями самой Порты вызванъ былъ на войну, которая привела къ освобожденію Греціи. Но прежде чѣмъ начать эту войну, онъ имѣлъ не одинъ случай убѣдиться насколько согласуются интересы Россіи и Австріи въ восточномъ вопросѣ и какъ полезны намъ союзы и соглашенія съ нѣмецкими державами по дѣламъ Востока. Со стремленіями и интересами ихъ онъ могъ, конечно, близко ознакомиться и въ 1828—1829 годахъ, когда мы вели упорную войну съ турками. Отношенія къ намъ нашихъ союзниковъ за все это время, естественно, должны были возбудить вопросъ о правильности прошлой политики Россіи и воочію доказать, что для насъ гораздо лучше не искать себѣ союзниковъ, которые только эксплуатируютъ откровенность и прямодушіе русскаго двора и постоянно заставляютъ его поступаться собственными жизненными интересами на Востокъ. Однако привычка отождествлять государственныя пользы Россіи съ интересами Австріи и Пруссіи и послѣ всего этого не позволила русскому правительству ступить на болѣе правильный путь. Лишь только вспых-

нула июльская революція, мы опять обновили союзъ съ ними, несмотря на то, что союзъ этотъ до сихъ поръ не приносилъ намъ ни малѣйшей пользы, а наши сношенія съ вѣнскимъ дворомъ за послѣднее время были до того натянуты и сопровождались такими взаимными упреками, что союзъ Россіи съ Австріей, казалось, долженъ былъ окончательно распасться.

Сойдясь снова съ Австріей на почвѣ консервативныхъ, охранительныхъ началъ, мы по прежнему довѣрились ея внушеніямъ и опять начали поступаться въ пользу нея собственными интересами въ восточномъ вопросѣ. Черногорскому владыкѣ—говорить г. Татищевъ—«вашъ дворъ внушалъ необходимость жить въ ладахъ съ австрійскимъ правительствомъ, которое косо и подозрительно смотрѣло на сочувствіе къ намъ черногорцевъ, считая ихъ страву входящую въ составъ доли, предназначенной для Австріи изъ турецкаго наслѣдства. Постоянная забота о томъ, какъ бы не задѣтъ или не встревожить вѣнскій дворъ, тяготѣла и надъ нашими отношеніями къ Сербіи, несмотря на то, что это княжество было договорами Бухарештскимъ и Адрианопольскимъ поставлено подъ нашу охрану и покровительство» *). Мало того, по Мюнхенгрецкой конвенціи мы условились даже рѣшать восточныя дѣла по соглашенію съ Австріей, тогда какъ прежде всегда отказывались признать турецкія дѣла вопросомъ общеевропейской важности. Соглашеніе это, снова связало насъ по рукамъ и ногамъ и въ концѣ концовъ привело къ подписанію Лондонскихъ конвенцій 1840—1841 годовъ, въ которыхъ гарантировалась Европою цѣлость той самой Турецкой имперіи, къ разрушенію которой Россія призывалась самою исторіей.

Однако и поведеніе Австріи во время турецко-египетской распри было еще недостаточнымъ урокомъ для русскаго правительства. Россія по прежнему продолжала дружить съ вѣнскимъ дворомъ, который действительно нуждался въ насъ, какъ въ единственно надежной поддержкѣ, необходимой для существованія шаткаго зданія австрійской монархіи. Исходя изъ идеи отживавшаго свой вѣкъ Священнаго Союза и отдавая ей предпочтеніе передъ дѣйствительными интересами Россіи, императорскій кабинетъ, въ слѣпномъ стремленіи всюду подавлять либеральныя движенія, оказалъ даже матеріальную

*) Вѣшняя полѣвка императора Николая I, стр. 310.

поддержку и вооруженную помощь Австріи, нашему ближайшему и естественному сопернику на Востокъ, когда имперія Габсбурговъ была потрясена до основанія возстаніемъ венгровъ въ 1848 году. Наконецъ, въ 1851 году союзныя отношенія между Россіей, Австріей и Пруссіей снова получили подкрѣпленіе, хотя наше правительство прекрасно понимало, что мы не можемъ надѣяться на активное содѣйствіе своихъ союзниковъ въ случаѣ разрыва съ Англіей и Франціей изъ-за восточнаго вопроса, или если наше вліяніе въ Европѣ покажется для нихъ опаснымъ.

По мнѣнію г. Татищева, императоръ Николай, не измѣняя союзу съ Австріей и Пруссіей, былъ вѣренъ основнымъ своимъ политическимъ началамъ, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимали: глубокая вѣра въ святость монархическаго права, признаніе обязанности союзныхъ государей, во имя акта Священнаго Союза «во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ» приходить на помощь другъ другу и, наконецъ, убѣжденіе въ необходимости обезпечивать существенные политическіе интересы своей имперіи *). Что въ своей внѣшней политикѣ государь *желалъ* преслѣдовать интересы Россіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо немыслимо предположить такое правительство, которое умышленно не принимало бы въ расчетъ выгоды своего народа. Но мы не можемъ согласиться съ г. Татищевымъ въ томъ, что охраняя и защищая порядокъ, установленный въ Европѣ Вѣнскимъ конгрессомъ, т.-е. навязывая Россіи далеко не лестную для нея роль будочника, императоръ Николай тѣмъ самымъ будто-бы *обезпечивалъ* и существенные интересы своей имперіи **). Не говоря о томъ, что эта политика дорого обходилась Россіи людьми и деньгами и отвлекала ее отъ заботъ о своемъ внутреннемъ благоустройствѣ, которое находилось въ плачевномъ состояніи, дѣятельная поддержка консервативныхъ началъ въ Европѣ вмѣстѣ съ проистекшимъ отсюда союзомъ съ Австріей и Пруссіей связывали русское правительство во внѣшней политикѣ тамъ, гдѣ задѣвались русскіе интересы и главнымъ образомъ на Востокъ, сдѣлали всѣ классы европейскаго общества непримиримыми врагами Россіи, бравшей на себя полицейскую заботу

*) Внѣшняя политика императора Николая Перваго, стр. 124—126.

***) Назв. соч., стр. 126.

въ чужихъ дѣлахъ, и въ концѣ концовъ привели насъ къ борьбѣ почти съ половиной Европы *).

Однако, несмотря на цѣлый рядъ невыгодныхъ для насъ послѣдствій «тройственного союза» и крайней уступчивости по отношенію къ вѣнскому двору, русское правительство не отказалось отъ этихъ началъ своей прежней политики и въ царствованіе императора Александра II. Оно какъ бы не приняло во вниманіе того, что все

*) Россія — говоритъ Теохтистовъ —, употребляла нефроитныя усилія для поддержанія союза и вмѣстѣ съ тѣмъ не изыскала изъ него ни малѣйшей для себя выгоды. Пруссія, во первыхъ, разединенная своимъ вѣковымъ соперничествомъ съ Австріей, не могла слѣдовать строго консервативной политикѣ, не ослабивъ этимъ самымъ своего положенія въ Германіи, гдѣ опирались на нее всѣ патриотическія стремленія, гдѣ все, что жило мыслью объ объединеніи германскаго отечества, о политической свободѣ, религиозной вѣротерпимости, обращалось исключительно къ ней съ своими упованіями и надеждами. Въ Россіи, бывшей душой союза, о коемъ идетъ рѣчь, прусское или, лучше сказать, германское общество, видѣло главную помѣху для осуществленія своихъ стремленій, и отсюда непримиримая къ ней ненависть, плоды которой достаточно обнаружилась въ послѣдующее время. Что касается Австріи, консервативный союзъ приносилъ ей существенную пользу: только опираясь на него, могла она сохранить свое преобладающее положеніе въ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать свое владѣтельство на Итальянскомъ полуостровѣ: замѣчаніе это до такой степени справедливо, что прошло лишь десять лѣтъ какъ рушилась ея связь съ Россіей, и она утратила разомъ и то, и другое. Но пользуясь этимъ въ высшей степени выгоднымъ положеніемъ, Австрія непрерывно требовала отъ насъ новыхъ и самыхъ тяжелыхъ жертвъ, событія двадцатыхъ годовъ представили убѣдительное доказательство, что интересъ ея на Востокѣ находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ интересами Россіи, и союзъ нашъ съ нею могъ существовать подѣ тѣмъ лишь условіемъ, если мы забудемъ о тѣхъ преданіяхъ и принципахъ, которыми постоянно руководилась наша политика въ восточномъ вопросѣ. Сохраненіе неприкосновенности Оттоманской имперіи, поддержаніе строгого *status quo* въ ея предѣлахъ, открытое порицаніе всякихъ движеній въ ередѣ христіанскихъ племенъ, надъ которыми тяготѣло ненавистное иго — вотъ чего требовала отъ насъ Австрія, и мы приносили ей эту жертву въ видахъ того отмеченнаго принципа, который служилъ руководящею нитью для нашихъ дѣйствій. Ради него, ради этого принципа, разорвали мы союзъ съ Франціей, съ которою не имѣли причинъ сталкиваться, и взаимнѣй того отнюдь не приобрѣли возможности положиться вполнѣ на германскихъ нашихъ союзниковъ, ибо съ ними были у насъ естественные поводы къ столкновенію; мы принудили правительство Людовика—Филиппа броситься въ объятія Англіи и такимъ образомъ подготовили сами союзъ двухъ западныхъ державъ; мы возстановили, наконецъ, противъ себя общественное мнѣніе въ Европѣ, которое обвиняло насъ во враждебномъ отношеніи ко всякому прогрессу, ко всякому движенію впередъ... Результаты этой политики обнаружались самымъ печальнымъ для насъ образомъ во время войны 1868 года, но они начали выясняться мало-по-малу еще гораздо прежде". (Русская политика на Востокѣ передъ Крымскою войной. Рус. Вѣст. за 1868 г., № 1, стр. 39—40).

это нисколько не отвѣчаетъ нашимъ интересамъ на Востокѣ, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствовали результаты политики Александра I и Николая I, когда въ угоду интересамъ европейскаго порядка, бывшаго для насъ вышею цѣлью политики, изъ-за того только, чтобы не произвести какого нибудь смущенія, неприятнаго чувства въ союзныхъ державахъ, и преимущественно въ Австріи, Россія приносила въ жертву самыя дорогіе свои интересы и относилась почти совершенно безучастно къ горестной судьбѣ своихъ восточныхъ единовѣрцевъ. Въ 1861 году въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе съ знаменитымъ Вукаловичемъ во главѣ. Возстаніе это—говорить г. Майковъ—ясно указывало, что «Герцеговина можетъ быть спокойна лишь тогда, когда присоединится къ Черногоріи. Но это было противно интересамъ Австріи, которая потому и ставила преграды Вукаловичу, поддерживая турокъ до такой степени, что даже нарушила нейтралитетъ, захвативши на турецкой землѣ въ Суторинѣ окопы, возведенные Вукаловичемъ. Дипломатія наша не возвысилась до пониманія настоящаго смысла этого крупнаго событія, а если она его повимала, то не нашла въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы на этотъ разъ не угождать Австріи, уже готовившей намъ козья въ Польшѣ. Иначе слѣдовало-бы тогда же настоять на присоединеніи Герцеговины къ Черногоріи» *).

Въ 1872 году состоялось полное примиреніе между Австріей и Россіей, отношенія между которыми послѣ Крымской войны были довольно натянуты, вслѣдствіе чего явилась возможность осуществленія задуманнаго Бисмаркомъ тройственнаго союза, какъ базиса для новой, обезпечивающей европейскій міръ политической системы. Эта система тройственнаго союза, обусловливавшая собою рѣшеніе всѣхъ возникавшихъ политическихъ вопросовъ сообща тремя союзниками по взаимному между ними соглашенію и тѣмъ самымъ связывавшая Россію въ восточномъ вопросѣ, конечно, нисколько не представлялась для насъ выгодной, и мы исключительно только ей обязаны постановленіями Берлинскаго трактата—захватомъ Австріей славянскихъ земель Балканскаго полуострова и распространеніемъ среди балканскихъ народностей австро германскаго вліянія.

Вѣра въ необходимость и полезность для Россіи союза съ Германіей и Австро-Венгріей была непоколебима у насъ и въ началѣ

*) Замѣтки по внѣшнимъ дѣламъ. Русская Мысль за 1882 г. № 2.

царствованія императора Александра III до второй половины 80-х годовъ, несмотря на то, что неудачи и разочарованія, испытанныя нами въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны и Берлинскаго конгресса, достаточно свидѣтельствовали о необходимости освободиться отъ обременительной и совершенно бесполезной системы тройственнаго союза. Въ циркулярѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ нашимъ дипломатическимъ представителямъ при европейскихъ дворахъ, возвѣщавшемъ о воцареніи императора Александра III, было сказано, что Россія остается «вѣрна друзьямъ своимъ» и сохранить неизмѣнно «свои освященные преданіями симпатіи». Старыя традиціи, въ силу которыхъ въ Германіи и Австро-Венгріи у насъ принято было видѣть естественныхъ союзниковъ Россіи, на столько сильно укоренились въ понятіяхъ русскаго правительства, что онѣ были вновь освящены свиданіями трехъ императоровъ въ Скерневицахъ (въ сентябрѣ 1884 года) и Кремзирѣ (въ августѣ 1885 года) и получили санкцію въ соглашеніи, заключенномъ между ними осенью 1884 года на трехлѣтній срокъ. Но вскорѣ послѣ этого болгарскія событія 1885—87 годовъ снова изобличили непрямоту образа дѣйствій нашихъ среднеевропейскихъ союзниковъ, причемъ на этотъ разъ императорское правительство, оскорбленное поведеніемъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, болѣе или менѣе явно поддерживавшихъ правителей Болгаріи въ ихъ сопротивленіи требованіямъ Россіи, окончательно убѣдилось въ непригодности для насъ международной комбинаціи, которая не только никогда не принесли намъ никакой пользы въ дѣлѣ обезпеченія нашихъ собственныхъ интересовъ, но, напротивъ, постоянно вредила намъ въ томъ отношеніи, что вовлекала насъ въ ненужныя предпріятія и обязательства. Въ виду обременительности и бесполезности для Россіи тройственнаго союза, которому она между прочимъ отчасти обязана въ мнувшее царствованіе неудачами въ болгарскомъ вопросѣ и ложнымъ положеніемъ въ отношеніи Греціи вслѣдствіе вовлеченія насъ союзниками въ военно-морскую демонстрацію противъ грековъ въ спорѣ ихъ съ Турціей, императорское правительство въ сентябрѣ 1887 года, по окончаніи трехлѣтняго срока скерневицкаго соглашенія съ Германіей и Австро-Венгріей, отказалось отъ континентальнаго союза и рѣшилось не возобновлять его,

признавъ болѣе цѣлесообразнымъ оставить за собою полную свободу дѣйствій въ дѣлахъ международной политики.

Сказаннаго, по нашему мнѣнію, совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться, насколько русское правительство ясно понимало истинныя задачи Россіи на Востокѣ и насколько направленіе нашей восточной политики было чуждо національнаго характера. Съ начала нынѣшняго вѣка отсутствіе этихъ двухъ главныхъ условій успѣшнаго хода всякой политики вообще проходить красною нитью черезъ всю исторію отношеній Россіи къ Турціи и объясняетъ многія весьма странныя и непонятныя на первый взглядъ ея страницы. Но указанные недостатки восточной политики Россіи не были единственными причинами ея неуспѣха и мы поэтому, не приводя болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о неопредѣленности и антинаціональности нашего образа дѣйствій на Востокѣ, позволимъ себѣ перейти къ указанію другихъ дипломатическихъ ошибокъ, которыя допускало русское правительство въ своемъ стремленіи къ рѣшенію восточнаго вопроса.

Г Л А В А IV.

Постоянное возбужденіе Россіей страха въ западныхъ державахъ за безопасность ихъ интересовъ на Востокѣ.

Взглядъ на восточную политику Россіи въ связи съ вопросомъ о соотвѣтствіи ея общимъ интересамъ Европы. Время возникновенія у европейскихъ державъ страха за существованіе Оттоманской Порты. Общій характеръ нашей внѣшней политики, какъ причина опасеній широкихъ завоевательныхъ замысловъ Россіи въ Европѣ. Развитие и усиленіе этихъ опасеній подъ вліяніемъ постоянныхъ колебаній въ направленіи русской политики на Востокѣ. Происхожденіе отсюда международныхъ гарантій независимости и цѣлости Турецкой имперіи. Необходимость установленія этихъ гарантій, какъ слѣдствіе всей прошлой политики русскаго двора. Основательность заботъ западной дипломатіи объ интересахъ политическаго равновѣсія на Востокѣ.

Оцѣнивая дѣйствія русскаго правительства въ восточномъ вопросѣ, мы пришли къ тому заключенію, что оно шло къ его рѣшенію, далеко не тѣмъ путемъ, который указывался дѣйствительными нуждами и жизненными интересами русскаго народа. Но историческая задача Россіи на Востокѣ сводилась не только къ тому, что бы рѣшить вопросъ о Черномъ морѣ и ввести порабощенныхъ турецкихъ христіанъ въ кругъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ; задача ея состояла также и въ томъ, что бы добиться всего этого *безъ нарушенія такъ называемаго политическаго равновѣсія Европы*, какъ мы неоднократно говорили о томъ выше. Слѣдовательно для полной характеристики и оцѣнки восточной политики петербургскаго двора намъ необходимо также выяснитъ вопросъ о томъ, сообразовались ли русское правительство въ своихъ дѣйствіяхъ съ интересами западныхъ державъ въ Турціи, имѣло-ли оно въ виду эти интересы, и старалось-ли направленіемъ своей внѣшней политики показать полное, искреннее желаніе не нарушать политическаго равновѣсія Европы? Тотъ или другой отвѣтъ на эти вопросы для насъ инте-

ресепъ въ виду того, что для успѣха рѣшенія восточнаго вопроса соблюденіе связанныхъ съ нимъ интересовъ западныхъ державъ должно было быть не менѣе важнымъ условіемъ, чѣмъ ясное пониманіе нами своихъ историческихъ задачъ и національное направленіе нашей внѣшней политики.

Вопросъ объ интересахъ западныхъ державъ въ русско-турецкихъ отношеніяхъ сталъ получать постепенное развитіе съ тѣхъ поръ, какъ Россія удалось обезсилить врага христіанства и избавить Европу отъ опасности грознаго нашествія дикой турецко-татарской силы. Пока эта опасность существовала, конечно не могло быть и рѣчи о разногласіи во взглядахъ христіанскихъ державъ на ихъ интересы по отношенію къ магометанскому царству, которое ежеминутно грозило наводнить европейскія страны своими безчисленными полчищами. Но какъ только опасность этого роковаго нашествія азіатскихъ варваровъ миновала и грубая сила ихъ была сокрушена, каждое изъ европейскихъ государствъ стало обезпечивать свои торговые и политическіе интересы на берегахъ Босфора и, пользуясь слабостью восточнаго царства, укрѣпляло тамъ свое исключительное вліяніе въ ущербъ другимъ заинтересованнымъ державамъ. Само собою понятно, что это соперничество должно было сказаться на первыхъ же порахъ не столько между европейскими дворами, сколько между ними и Россіей. Если западныя державы соперничали между собою изъ за торговыхъ привилегій на Востокѣ, то съ Россіей имъ приходилось бороться не столько изъ за коммерческихъ выгодъ, сколько за самое существованіе Оттоманской Порты, такъ какъ русскій народъ, призванный уничтожить мусульманское господство въ Европѣ и образовать на развалинахъ Турціи независимыя христіанскія государства, постоянно долженъ былъ угрожать иностраннымъ кабинетамъ, съ одной стороны, созданіемъ новаго порядка вещей на Востокѣ, который могъ не согласоваться съ ихъ интересами, а съ другой—распространеніемъ своего исключительнаго вліянія среди балканскихъ народностей, благодаря своему духовному и кровному съ ними родству.

Опасенія европейскихъ державъ за существованіе Оттоманской Порты обнаружались, конечно, тотчасъ, какъ только Россія сдѣлала болѣе или менѣе рѣшительный шагъ въ дѣлѣ осуществленія своего историческаго призванія. Шагъ этотъ сдѣлала Екатерина Великая

и ей поэтому первой пришлось серьезно считаться съ интересами западныхъ державъ въ восточномъ вопросѣ. Но тогдашнее правительство наше оказалось далеко не на высотѣ своего историческаго призванія. Для того, чтобы сколько нибудь обезпечить интересы Россіи, давно уже ждавшіе отъ русскаго правительства посылнаго удовлетворенія, Екатерина II надѣлала много шума своими легкомысленными замыслами относительно Турціи и переполошила всю западную Европу на столько, что къ преемникамъ великой императрицы перешли заботы не только о томъ, чтобы далѣе подвинуть рѣшеніе задачъ русскаго народа, но и о томъ, чтобы направленіемъ своей восточной политики показать полнѣйшее безкорыстіе нашихъ намѣреній относительно Турціи, вѣра въ которое была на первыхъ же порахъ подорвана присоединеніемъ къ Россіи Крыма, и главнымъ образомъ различными проектами раздѣла земель Балканскаго полуострова, избличавшими въ насъ честолюбивые замыслы въ отношеніи Оттоманской Порты. Вѣнценосные наслѣдники Екатерины Великой должны были взять на себя эту задачу тѣмъ болѣе, что исторія недавнаго прошлаго наглядно показывала имъ, что успѣшное осуществленіе историческаго призванія Россіи въ значительной степени зависитъ отъ отношенія къ ней западныхъ державъ, которыя, приписывая тогда нашему отечеству характеръ завоевательнаго государства, порядочно дикаго, но могущественнаго и грозящаго свободѣ чуть-ли не всей Европы, изъ опасенія за свои собственные интересы всегда свободно могли парализовать всякіе наши успѣхи въ политикѣ на Востокѣ.

Но заботилось-ли русское правительство съ начала XIX вѣка о томъ, чтобы разсѣять враждебное противъ Россіи предубѣжденіе и твердостью и послѣдовательностью своихъ дѣйствій доказать чистоту намѣреній императорскаго двора, его полное нежеланіе воспользоваться чѣмъ вибудь отъ Турціи въ ущербъ другимъ европейскимъ державамъ? Старалось ли оно, въ стремленіи къ осуществленію историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ, согласовать свой образъ дѣйствій съ тѣми требованіями, которыя предъявлялись къ нему подозрительностію и недовѣріемъ западныхъ державъ къ нашимъ намѣреніямъ въ отношеніи къ Турціи? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ исторія отношеній Россіи къ западнымъ державамъ и Оттоманской Портѣ и безпристрастная критика дѣйствій русскаго правительства въ восточномъ вопросѣ.

Въ кругъ европейской политики—говорить Пыпинъ—Россія вступила дѣятельнымъ образомъ со времени Петра Великаго, до котораго она была извѣстна въ Европѣ немногимъ больше, чѣмъ имперія Великаго Могола. Съ этихъ поръ она начала подвигаться къ югу и западу и, послѣ возвращенія русскихъ земель отъ Польши, занятія Прибалтійскаго края, утвержденія на Черномъ морѣ съ покореніемъ Крыма и, наконецъ, послѣдовательныхъ раздѣловъ самой Польши, стала въ непосредственное сосѣдство съ «Европой». Времена Екатерины Великой показали Европѣ нашу военную и политическую силу, окончательно ввели Россію въ кругъ европейскихъ политическихъ интересовъ, но они, какъ и послѣдующая за ними эпоха царствованія императора Александра, когда Россія была центромъ европейскихъ событій, когда ея борьба съ Наполеономъ была рѣшающимъ моментомъ европейской исторіи, не могли измѣнить старыхъ представленій европейскаго общества о «варварской», «полуазиатской» Россіи, тѣмъ болѣе что убѣжденіе это постоянно поддерживалось и даже усиливалось тѣмъ военнымъ и дипломатическимъ гнетомъ этой «полуазиатской» страны, который нерѣдко приходилось чувствовать западнымъ державамъ на собственныхъ дѣлахъ. «Та Россія, которую едва признавали принадлежащею къ Европѣ, настойчиво вмѣшивалась во внутреннія дѣла средней Европы, со временъ революціи была всегда на сторонѣ консервативныхъ и реакціонныхъ партій, и русскія войска еще тогда доходили до Италіи и до Голландіи. Раздѣлъ Польши, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, вышелъ гораздо больше изъ прусской инициативы, чѣмъ изъ русской, былъ весь поставленъ на счетъ Россіи, какъ фактъ національнаго насилія. Въ борьбѣ съ Наполеономъ забыто было, что упорство Россіи принесло пользу европейскимъ народамъ и самой Франціи — пораженіемъ военной диктатуры; но очень помнилось (естественно впрочемъ, потому что это былъ не случайный результатъ войны), что Священный Союзъ, въ основаніи котораго императоръ Александръ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ, сталъ на десятки лѣтъ опорой реакціи, источникомъ политическаго и общественнаго гнета: русскія арміи готовы были для подавленія либеральныхъ движеній; русскій авторитетъ осуждалъ итальянскія возстанія противъ себялюбивыхъ мелкихъ тиранній, осуждалъ греческое возстаніе противъ турокъ, которыхъ онъ призна-

валь законными властителями. Теперь известно, что русская политика въ этихъ дѣлахъ не была даже самостоятельна, и что только исполняла планы, задуманные въ Вѣнѣ;—для Россіи это было, въ сущности, еще хуже и, во всякомъ случаѣ, не уменьшало раздраженія, какое производила въ либеральныхъ партіяхъ и въ лучшихъ умахъ реакціонная роль русской государственной силы».

Слѣдующую четверть столѣтія Россія по прежнему хранила въ европейской политикѣ преданія Священнаго Союза, система котораго заглушала всѣ инстинкты общественной свободы, назрѣвавшіе съ конца прошлаго столѣтія, и тѣмъ возмущала просвѣщенные умы Европы и глубоко оскорбляла національный патриотизмъ европейскихъ народовъ. Поддержка принципа старой законной монархіи въ чужихъ государствахъ и проистекавшее отсюда постоянное давленіе на тѣ западныя правительства, которыя (какъ Пруссія) вынуждаемы были духомъ вѣка къ извѣстнымъ уступкамъ въ пользу общественной автономіи, а затѣмъ «возстаніе и усмиреніе Польши, съ уничтоженіемъ ея конституціонныхъ учрежденій; помощь, поданная Австріи противъ венгерскаго возстанія (причемъ замѣшанные здѣсь интересы австрійскаго славянства ничего не выиграли и, повидимому, даже совсѣмъ не имѣлись въ виду); продолжавшійся союзъ съ нѣмецкимъ консерватизмомъ, — все это окончательно укрѣпило въ европейскомъ либерализмѣ враждебное отношеніе къ Россіи»... «То, что узнавали въ Европѣ о внутреннемъ бытѣ Россіи, о полномъ господствѣ безусловной власти, объ отсутствіи какой либо общественной самодѣятельности, о поверхностной образованности высшихъ классовъ, о рабствѣ миллионовъ крѣпостныхъ людей, о суровости законодательства и администраціи, довершало убѣжденіе, что въ Россіи Европа не можетъ видѣть однородную страну, что имѣеть въ ней опасное сосѣдство, страшную военную массу, враждебную и слѣдовательно угрожающую европейскому прогрессу... При этихъ понятіяхъ о политической роли Россіи, при ея абсолютной монархіи и извѣстномъ милитарномъ характерѣ, при господствѣ надъ Польшей, которое ставилось Россіи (и обыкновенно одной Россіи) въ укоръ, какъ коварный, насильственный захватъ, при нѣкоторомъ участіи Россіи въ судьбѣ южнаго, балканскаго славянства,—составилось предположеніе, что Россія только и помышляетъ что о дальнѣйшемъ движеніи на югъ и западъ, о захватѣ и о по-

глощеніи остальныхъ славянскихъ племенъ—которыя и сами идутъ къ ней на встрѣчу для освобожденія своего отъ турокъ и пѣмцевъ,—и что затѣмъ Россія будетъ неминуемо грозить самой Европѣ *)).

Создавая о Россіи такое, далеко невыгодное для нея, мнѣніе посредствомъ общаго антинациональнаго направленія ея вѣшной политики и уже тѣмъ возбуждая въ западно-европейскомъ обществѣ постоянныя и сильныя опасенія на счетъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести наше участіе въ судьбахъ восточныхъ христіанъ, русское правительство въ тоже время не переставало усиливать эти опасенія своей политикой на Востокѣ. Какъ мы знаемъ изъ предшествующаго изложенія, наше правительство послѣ Екатерины Великой, закрѣпившей за Россіей необходимыя права на живописныхъ берегахъ Босфора, усвоило себѣ инныя задачи по отношенію къ Турціи, совершенно противоположныя тѣмъ, которыхъ держался русскій дворъ въ прошлыя царствованія и въ особенности въ екатерининскую эпоху. Мы взяли себѣ за правило сохранять и поддерживать турецкое господство въ Европѣ. Это новое направленіе восточной политики не было, однако, какой либо уступкой со стороны русскаго двора въ пользу интересовъ западныхъ державъ на Востокѣ, а являлось слѣдствіемъ всесторонне взвѣшеннаго и серьезно обдуманнаго рѣшенія, что для Россіи слабые турки—самыя лучшіе и выгодные сосѣди. Для западной Европы, конечно, было не все равно, по какимъ причинамъ русское правительство стремится къ сохраненію мусульманскаго царства. Изъ желанія того, чтобы Оттоманская имперія по прежнему продолжала существовать на берегахъ Босфора, такъ какъ съ существованіемъ ея тѣсно связаны были политическіе и торговые интересы западной Европы, иностранныя кабинеты готовы были поощрять принятое императорскимъ правительствомъ рѣшеніе, но они не могли довѣряться ему настолько, чтобы отодвинуть на задній планъ вопросъ о политическомъ равновѣсіи въ юго восточномъ углу Европы и нисколько не тревожиться за его цѣлость. Иностранныя кабинеты прекрасно понимали, что подобная политика Россіи не согласуется ни съ ея историческими задачами на Востокѣ, ни съ направленіемъ ея прош-

*) Пипинъ. Паславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. Вѣст. Европа за 1878 г. № 9, стр. 316—318.

лой политики, и поэтому вполне естественно подозрѣвали, что въ основаніи этой политики лежатъ какіе нибудь коварные замыслы русскаго правительства въ отношеніи Турціи. Такое недовѣріе къ твердости и чистотѣ намѣреній русскаго двора относительно Оттоманской Порты было тѣмъ болѣе основательно, что недовѣріе это онъ самъ какъ бы нарочно поддерживалъ постояннымъ возбужденіемъ такихъ вопросовъ, которые не имѣли ничего общаго съ нашимъ безкорыстіемъ въ восточной политикѣ, а тѣмъ болѣе съ стремленіемъ поддерживать существованіе Турціи въ Европѣ. Изъ числа такого рода вопросовъ русское правительство особенно часто поднимало вопросъ о различныхъ приобрѣтеніяхъ на Востокѣ, о раздѣлѣ османскихъ владѣній между заинтересованными въ томъ европейскими государствами и о скоромъ паденіи мусульманскаго царства въ Европѣ.

Само собою разумѣется, что, полагая въ основаніе своей восточной политики совершенно противоестественное Россіи стремленіе къ поддержанію существованія Турціи въ Европѣ и въ тоже время вступая въ переговоры съ иностранными дворами о необходимости зранѣе опредѣлить судьбу Балканскаго полуострова на случай внезапной смерти «большаго человѣка», подчасъ даже заключаая по этому предмету секретныя конвенціи, а также не чуждаясь территоріальныхъ захватовъ на счетъ Турецкой имперіи, русское правительство явно противорѣчило самому себѣ и тѣмъ давало западно европейскому обществу лишній предлогъ предполагать, что наша политика на Востокѣ небезупречна, что она носить какой то темный, подозрительный характеръ. Своимъ нелогичнымъ образомъ дѣйствій; предубѣжденному противъ насъ и враждебно настроенному къ намъ общественному мнѣнію западной Европы мы постоянно давали поводъ подозрѣвать существованіе у Россіи тайныхъ корыстныхъ видовъ на Турцію. Политика императора Александра I, какъ и политика императора Николая I, въ глазахъ европейскаго общества, негодовавшаго на Россію за ея усердное служеніе идеямъ Священнаго Союза, была явнымъ доказательствомъ желанія петербургскаго двора поскорѣе покончить съ вопросомъ о существованіи Турціи, и какъ русское правительство ни старалось своими краснорѣчивыми депешами разсвѣять подобныя весьма естественныя предположенія на нашъ счетъ, оно не въ силахъ было словами убѣдить европей-

скіе кабинеты въ несправедливости и ошибочности тѣхъ хитрыхъ и нелестныхъ для насъ предположеній, къ которымъ прибѣгали западные публицисты и государственные люди для выясненія истиннаго смысла русской политики на Востокъ. Европейскія общества и правительства оставались глубоко увѣрены въ томъ, что Россія страстно желаетъ захвата Константинополя и проливовъ, что покореніе османовъ любимѣйшая мечта русскихъ императоровъ, что они полагаютъ въ ней славу своего царствованія и залогъ своей личной безопасности, вслѣдствіе чего «миръ и война, союзъ и разрывъ дипломатическихъ сношеній, все въ одинаковой мѣрѣ обнаруживало со стороны Россіи, по мнѣнію нашихъ недоброжелателей, явный замыселъ утвердить свое вліяніе въ Константинополѣ, чтобы со временемъ окончательно захватить его въ свои руки» *).

Эта увѣренность въ честолюбивыхъ замыслахъ Россіи въ отношеніи Турціи въ связи съ нерасположеніемъ къ намъ европейскаго общества за суровое преслѣдованіе всякихъ проявленій стремленія къ общественной свободѣ, естественно, должно было вызвать въ иностранныхъ кабинетахъ непреодолимое желаніе ограничить свободу дѣйствій Россіи на Востокъ, и если обратиться къ исторіи тѣхъ международныхъ соглашеній, которыми Порты въ концѣ концовъ была поставлена подѣ коллективную охрану всѣхъ великихъ державъ Европы, а Россія лишена исключительнаго протектората надъ христіанскими народностями Балканскаго полуострова и права односторонняго вмѣшательства въ дѣла Турецкой имперіи, то мы увидимъ, что всѣ эти постановленія выросли исключительно на указанной выше почвѣ ненависти къ намъ западно-европейскаго общества и страха нашего усиленія на счетъ Турціи.

*) Θεοκτιστοῦ. Русская политика на Востокъ передъ Крымской войной. Русск. Вѣст. за 1868 годъ, № 1, стр. 53. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ взглядъ западныхъ державъ на политику императора Николая. «Когда—говоритъ Θεοκτιστοῦ—въ 1828 году Россія начала войну съ султаномъ, чтобы принудить его къ исполненію имъ же самимъ принятыхъ на себя обязательствъ, ее упрекали, что она пользуется правомъ сильнаго, что она преслѣдуетъ честолюбивые замыслы; когда Россія явилась затѣмъ съ матеріальною помощью Оттоманской имперіи, доживавшей, повидимому, свои послѣднія минуты, возгласъ противъ нея сдѣлался еще сильнѣе»; когда же въ 1833 году „Россія ставила Турцію совершенно на одну ногу съ собою и заключала съ нею оборонительный союзъ, негодованіе достигло послѣднихъ предѣловъ“. (Назв. статья, стр. 53).

Однимъ изъ первыхъ международныхъ постановленій, имѣвшихъ въ виду дать Турціи общеевропейскую охрану отъ Россіи, были Лондонскія конвенціи 1840—1841 годовъ. Заключение этихъ конвенцій, выражаясь ихъ собственными словами, было вызвано желаніемъ великихъ европейскихъ державъ «наблюдать за поддержаніемъ *цѣлости и независимости* Оттоманской имперіи, въ интересахъ укрѣпленія мира въ Европѣ» и представить «его величеству султану явное доказательство уваженія, питаемаго ими къ *неприкосновенности его владѣтельныхъ правъ*, и ихъ искренняго желанія укрѣпить покой его имперіи». Но сами эти безкорыстные стремленія выросли на почвѣ нашей общей международной политики, строго державшейся знаменитыхъ трактатовъ 1815 года. «Эти трактаты и такъ называемое консервативное ихъ примѣненіе были завѣщаны Россіи послѣдними мрачными годами александровской эпохи и понимались у насъ въ томъ духѣ, который прекрасно охарактеризовалъ самъ Меттернихъ, отозвавшись о греческихъ инсургентахъ, что они точно такіе же мятежники противъ своего законнаго государя—султана, какъ и итальянцы, возстававшіе противъ правительствъ, навязанныхъ имъ вѣнскими трактатами. Европа не могла дышать въ этой реакционной атмосферѣ и стремилась сбросить съ себя цѣпи вѣнскихъ договоровъ, которые были порваны во многихъ своихъ частяхъ переворотомъ 30 года во Франціи, и безостановочно подрывались общимъ направленіемъ европейской мысли и народныхъ стремленій... А русская политика не признавала ничего этого, оставаясь неподвижно преданною отживающимъ политическимъ идеямъ и формамъ... На тогдашніе признаки политическаго роста народовъ Россія отвѣчала усиленными стараніями закрѣпить союзъ консервативныхъ державъ и привлечь къ нему Англію. Но только Австрія, напуганная волненіемъ въ Италіи, отвѣчала на этотъ призывъ. Необходимость считаться съ либеральною Франціей не позволила даже и Пруссіи стать рѣзко противъ нея въ этомъ, предложенномъ Россіей, закрѣпленіи тройственнаго союза» *). Правительства и народы западной Европы, не только не сочувствовали консервативной политикѣ Россіи, но были глубоко возмущены ею, осуждая

*) Коршъ. Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ. Вѣст. Евр. за 1879 г. № 2, стр. 635—637.

насъ за то, что мы вмѣшиваемся въ дѣла, насъ вовсе некасающіяся. Это общее противъ насъ неудовольствіе и выразилось въ международномъ кризисѣ 1840 года, показавъ, насколько печально могла отразиться наша антинациональная политика на отношеніяхъ Россіи къ Турціи, которыя постоянно обращали на себя вниманіе Европы, боявшейся за политическое равновѣсіе на Востокѣ, и потому представляли весьма удобную почву для общаго дѣйствія европейскихъ державъ противъ Россіи. Кризисъ 1840 года начался противъ Россіи и выразился въ давнишнемъ стремленіи западныхъ державъ ограничить исключительныя права ея въ отношеніи Турціи и поставить послѣднюю подъ общую охрану всей Европы въ виду той опасности, которою угрожалъ Оттоманской Портѣ сѣверный колоссъ, особенно со времени заключенія Ункіаръ-Искелесскаго трактата 1833 года, устанавливавшего между Россіей и Турціей тѣсный, совершенно непонятный, загадочный для Европы союзъ. До чего наша западная и восточная политика возстановили къ этому времени противъ насъ общественное мнѣніе Европы, видно изъ того, что западныя державы, несмотря на ихъ разногласіе по самому турецко-египетскому вопросу, на Лондонскихъ конференціяхъ пришли къ общему соглашенію благодаря только тому, что соглашеніе это необходимо было для нанесенія удара Россіи, — для отмѣны Ункіаръ-Искелесскаго договора и установленія гарантіи цѣлости и нераздѣльности владѣній султана. Возбужденіе противъ Россіи было настолько велико, что грозило даже опасностью войны, причемъ въ этомъ отношеніи любопытно то, что тогдашній французскій посолъ въ Константинополь, генералъ Гильемино, уже занимался вопросомъ о нападеніи на насъ со стороны Крыма и указывалъ на Евпаторію, какъ на одинъ изъ самыхъ удобныхъ пунктовъ для высадки.

Международный кризисъ 1840 года былъ, однако, недостаточнымъ урокомъ для русскаго правительства. Петербургскій кабинетъ остался неизмѣннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ правилахъ и въ своемъ положеніи. Во внѣшней политикѣ онъ по прежнему продолжалъ упорно держаться охранительной системы въ надеждѣ сдержать напоръ революціоннаго потока, угрожавшаго спокойствію Европы. Въ то же время, не желая обратить достаточно вниманія на силу общественнаго мнѣнія въ цивилизованномъ мірѣ, ко-

торое все рѣзче отвращалось отъ Россіи, враждебной всякому прогрессу, угрожавшей Европѣ рабствомъ и гнетомъ, и все съ большимъ сочувствіемъ относилось къ Портѣ, которая привлекала ея симпатіи уже потому, что должна была сдѣлаться первою жертвою русскихъ угрозъ», императорское правительство, говоритъ Розенъ, не переставало «играть относительно Турціи роль, которая отнюдь не сообразовалась съ обстоятельствами и отъ которой было бы несравненно лучше для него отказаться совершенно. Оно не хотѣло принять въ расчетъ враждебныхъ ему заявленій иностранной печати въ конституціонныхъ государствахъ; напротивъ, становилось все болѣе и болѣе надменнымъ, по мѣрѣ того какъ чувствовало себя одинокимъ», *) и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно наводило европейскіе кабинеты на мысль о существованіи у Россіи коварныхъ замысловъ относительно Турціи, чему не малымъ доказательствомъ служили довѣрительные переговоры императора Николая съ лондонскимъ дворомъ о печальномъ и безнадежномъ положеніи «больнаго чловѣка». Все это привело насъ роковымъ образомъ, помимо нашей воли и нашего сознанія, къ международному кризису 50-хъ годовъ, разразившемуся Крымской войной, которой европейскія державы воспользовались для того, чтобы сломить силы Россіи, подавлявшей своею реакціонною политикою элементы свободнаго общественнаго развитія, и охранить политическое равновѣсіе, звеномъ котораго являлась Турція. Въ виду оказавшейся на практикѣ недостаточности для указанныхъ цѣлей постановленій Лондонскихъ конвенцій 1840—1841 годовъ, на Парижскомъ конгрессѣ, послѣдовавшемъ за Крымской войной, европейскія державы соединенными силами выработали болѣе серьезныя мѣры предупреденія той опасности, которую угрожала Россія Европѣ своею мощью и политикою на Востокѣ. На основаніи Парижскаго трактата 1856 года Россія вынуждена была великими европейскими державами отказаться отъ содержанія на Черномъ морѣ военнаго флота, разрушить уже существующія крѣпости и не строить новыхъ на черноморскомъ побережьѣ, а Турція была принята въ составъ международнаго союза на равныхъ правахъ со всѣми европейскими государствами, причемъ

*) Θεοκτιστοῦ. Русская политика на Востокѣ передъ Крымской войной. Рус. Вѣст. за 1868 г. № 1, стр. 80, а также Розенъ. Исторія Турціи, часть II, стр. 136—137.

общимъ ручательствомъ всѣхъ участниковъ конгресса ей была гарантирована *независимость* и обезпечена *цѣлость и нераздѣльность ея территоріальныхъ владѣній* въ интересахъ европейскаго равновѣсія; а такъ какъ нарушеніемъ этого равновѣсія постоянно грозило одностороннее вмѣшательство Россіи въ дѣла Востока, то вмѣшательство это сдѣлано *коллективнымъ* правомъ всей Европы. Всѣ эти постановленія Парижскаго конгресса, за исключеніемъ навязанныхъ Россіи унижительныхъ и тажкихъ условий ограниченія ея права на самооборону на Черномъ морѣ, отиѣненныхъ, по требованію русскаго правительства, Лондонскою конвенціею 1871 года, сохраняютъ свою силу и понынѣ, получивъ новое подтвержденіе какъ въ названной конвенціи, такъ и въ Берлинскомъ трактатѣ 1878 года, а то враждебное къ намъ отношеніе европейскаго общественнаго мнѣнія, которое выросло и укрѣпилось подъ влияніемъ участія нашего въ поддержкѣ европейскаго консерватизма и нераціональности нашихъ дѣйствій въ отношеніи Турціи и привело Россію къ крымскому погрому, съ большею или меньшею силою проявилось во время послѣдней русско-турецкой войны и если сколько нибудь ослабло, то лишь въ самыя ближайшіе къ намъ годы, благодаря миролюбивой, твердой и прямой политики императора Александра III.

Въ виду указаннаго выше общаго характера нашей внѣшней политики и дѣйствій русскаго правительства въ отношеніи Турціи западно-европейскія правительства, конечно, нельзя винить за то, что они постоянно враждебно и недоувѣрчиво относились къ Россіи и во имя политическаго равновѣсія при каждомъ удобномъ случаѣ ставили ей всевозможныя преграды въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса. Стремленіе западно-европейскихъ кабинетовъ къ ограниченію нашей свободы дѣйствій на Востокѣ имѣло вполне законное основаніе. Въ дѣйствительности Россія не нарушала политическаго равновѣсія на Востокѣ ни заключеніемъ Ункіаръ-Искелесскаго трактата, ни требованіями формальнаго подтвержденія извѣстныхъ правъ православной церкви на турецкой территоріи. Право Россіи на заключеніе дружественнаго союза съ Оттоманской Портой съ юридической точки зрѣнія не могло быть оспариваемо въ виду полной равноправности и независимости обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Точно такъ же законно было и требованіе, предъявленное Россіей къ Турціи относительно формальнаго подтвержденія нашихъ религіоз-

ныхъ правъ и преимуществъ на Востокъ передъ Крымской войной, ибо послѣднiя, вопреки Кучукъ-Кайнарджійскому и другимъ нашимъ договорамъ съ Портой, благодаря интригамъ Францiи были вѣроломно нарушены султаномъ. Но всѣ эти наши дѣйствiя, совершенно законныя сами по себѣ, если ихъ разсматривать внѣ связи съ общимъ направлениемъ международной политики Россiи,—будучи взяты и разсмотрѣны въ общей системѣ международныхъ отношенiй Россiи, Европы и Турцiи, имѣли важное политическое значенiе въ томъ смыслѣ, что изобличали въ русскомъ правительствѣ серьезное намѣренiе поставить Турецкую имперiю въ непосредственную и исключительную отъ себя зависимость и сдѣлать изъ нея совершенно послушное въ своихъ рукахъ орудiе. Само собою разумѣется, что такого рода стремленiя петербургскаго кабинета, бывшiя логическимъ слѣдствiемъ его желанiя сохранить существованiе Турецкой имперiи въ Европѣ, не согласовались съ интересами западно-европейскихъ государствъ, которыя, будучи не менѣ насъ заинтересованы въ судьбахъ Востока, не могли допустить усиленiя на его счетъ одной Россiи и безъ того имѣвшей достаточно силъ и средствъ, чтобы проявлять свой дипломатическiй и военный гнетъ надъ Европой. Поэтому вполне естественно, что въ восточной политикѣ петербургскаго кабинета на Западѣ постоянно видѣли серьезную опасность для европейскаго равновѣсiя и вслѣдствiе этого всегда, жила ли Россiя въ мирѣ и дружбѣ съ Портою, или враждовала съ ней, и въ томъ и другомъ случаѣ, при каждомъ удобномъ моментѣ принимали мѣры къ устраненiю этой опасности, хотя быть можетъ въ дѣйствительности ея и не существовало.

Ревниво оберегая политическое равновѣсiе и ради него связывая свободу нашихъ дѣйствiй на Востокъ, европейская дипломатiя была вполне на высотѣ своего историческаго призванiя, ибо если Россiя явно и не нарушала этого равновѣсiя, то во всякомъ случаѣ своими дѣйствiями она не мало способствовала распространенiю того невыгоднаго о себѣ мнѣнiя, которое постоянно держалось въ европейскомъ обществѣ и давало западнымъ державамъ твердое основанiе ежеминутно ожидать всякихъ случайностей, какъ только между нами и Портою возникали серьезныя недоразумѣнiя или вооруженныя столкновенiя. Въ виду нашего вообще небезупречнаго образа дѣйствiй въ отношенiи Турцiи и ея христіанскихъ народностей, неоднократно

проявлявшася въ исканіи разныхъ территоріальныхъ приобрѣтеній на Востокѣ и даже въ стремленіи къ захвату самаго Константинополя и проливовъ, случайности эти были настолько же возможны и правдоподобны, насколько возможенъ былъ переходъ русскаго правительства отъ различныхъ тайныхъ переговоровъ съ западными державами на счетъ Турціи къ заключенію Ункіарь-Искелесскаго трактата, ставившаго Оттоманскую имперію въ какое-то вассальное положеніе по отношенію къ Россіи.

Г Л А В А V.

Результаты коренныхъ недостатковъ восточной политики Россіи.

Главнѣйшія послѣдствія коренныхъ недостатковъ восточной политики Россіи. Медленность рѣшенія восточнаго вопроса. Судьба вопроса о свободѣ нашего судоходства черезъ проливы. Участіе вопроса объ освобожденіи турецкихъ христіанъ. Колебаніе нашего вліянія среди балканскихъ народностей. Свидѣтельство о томъ прошлой исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Повтореніе того-же общаго явленія въ исторіи нашихъ отношеній къ Болгаріи послѣ Берлинскаго трактата.

Охарактеризовавъ взглядъ русскаго правительства на интересы Россіи на Востокъ и отмѣтивъ выдающіяся особенности нашей восточной политики, а послѣ всего этого разсмотрѣвъ вопросъ о томъ, насколько политика эта согласовывалась съ законными интересами и правами западно-европейскихъ державъ, мы въ главныхъ и общихъ чертахъ исполнили свою задачу, состоявшую въ томъ, чтобы по достоинству и безпристрастно оцѣнить восточную политику петербургскаго кабинета съ начала нынѣшняго вѣка. Резюмируя все вышесказанное по этому вопросу, мы должны повторить, что направленіе внѣшней политики Россіи въ общемъ мало соотвѣтствовало той ея исторической задачѣ, которая извѣстна подъ именемъ восточнаго вопроса. Цѣль русской политики на Востокъ, какъ извѣстно, должна была сводиться къ рѣшенію вопроса о свободѣ нашего судоходства изъ Чернаго моря въ Средиземное и къ освобожденію балканскихъ народностей отъ турецкаго ига, не нарушая политическаго равновѣсія Европы. Стремясь къ осуществленію этихъ весьма важныхъ задачъ, Россія въ большинствѣ случаевъ не имѣла надлежащей широты взгляда на нихъ и постоянно держалась антинаціональнаго направленія политики, шедшаго въ разрѣзъ съ ея дѣйствительными нуждами и интересами. Слѣдствіемъ недостатка у русскаго правительства правильнаго взгляда на историческія задачи Россіи и отсутствія въ нашей политикѣ національнаго на-

правленія были постоянныя рѣзкія перемѣны въ образѣ дѣйствій петербургскаго двора въ восточномъ вопросѣ, систематически возбуждавшія и развивавшія въ западно-европейскихъ государствахъ страхъ за существованіе Турціи и невольныя опасенія за безопасность существующей системы политическаго равновѣсія Европы.

Всѣ эти недостатки восточной политики русскаго двора имѣли, конечно, весьма печальныя послѣдствія для Россіи въ дѣлѣ осуществленія ея историческаго призванія. Они обусловили собою неправильный и медленный ходъ разрѣшенія восточнаго вопроса, который, не смотря на свое важное, можно сказать, жизненное значеніе для Россіи, послѣ громаднхъ затратъ людьми и деньгами, принесенныхъ нами во время цѣлаго ряда войнъ съ Турціей, достигъ, однако, далеко не того фазиса развитія, въ которомъ при иныхъ условіяхъ могъ бы находиться въ настоящее время. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить бѣглый взглядъ на исторію вопроса о свободѣ нашего судоходства черезъ Босфоръ и Дарданеллы и на достигнутые Россіей результаты въ дѣлѣ національнаго возрожденія христіанскихъ народностей Востока.

Исторія развитія и современное состояніе вопроса о свободѣ судоходства изъ Чернаго моря въ Средиземное достаточно извѣстны уже изъ предшествовавшаго изложенія, и для выясненія вліянія ошибокъ русской политики на успѣшность рѣшенія этого вопроса въ желательномъ для Россіи смыслѣ намъ необходимо будетъ лишь въ краткихъ чертахъ припомнить тѣ международныя постановленія, которыя въ различные моменты опредѣляли положеніе проливовъ Босфора и Дарданелль, и тѣ дѣйствія русскаго правительства, которыя были причиною возникновенія настоящихъ, не совсѣмъ выгодныхъ для насъ условій пользованія этими проливами. Обращаясь къ такого рода характеристикѣ исторіи развитія вопроса о безпрепятственномъ плаваніи русскаго флота изъ Чернаго моря въ Средиземное, мы прежде всего замѣтимъ, что вопросъ этотъ сталъ жизненнымъ для Россіи со времени завоеванія ею черноморскаго побережья. Съ присоединеніемъ къ Россіи сѣвернаго берега Чернаго моря, послѣднее изъ закрытаго сдѣлалось свободнымъ, вслѣдствіе чего «уже съ конца прошлаго столѣтія русское правительство оспаривало необходимость султанскаго разрѣшенія на проходъ черезъ проливы русскихъ судовъ, и Порта согласилась, что вообще для тор-

говыхъ судовъ проливы должны быть свободны*)). Что же касается до распространения этой свободы также и на иностранныя военныя суда, то Турція, какъ владычущее проливами государство, всегда признавала за собою право закрывать ихъ для военнаго судоходства всѣхъ націй, что не согласовалось, конечно, съ интересами Россіи, чувствовавшей серьезную необходимость въ видахъ собственной безопасности или имѣть свободнымъ проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы для своего военнаго флота или закрыть входъ черезъ нихъ въ Черное море для военныхъ судовъ другихъ націй. Предпочитая послѣднюю комбинацію первой, ибо закрытіе проливовъ въ сущности не нарушало верховныхъ правъ Оттоманской Порты, поддержаніе которой мы считали своимъ священнымъ долгомъ, русское правительство не воспользовалось ни войною 1828—29 годовъ, ни турецко-египетскимъ столкновениемъ 1833 года для того, чтобы измѣнить юридическое положеніе проливовъ въ смыслѣ установленія гораздо болѣе выгодной для насъ полной свободы плаванія по нимъ, а напротивъ, признало за лучшее оставить эти проливы по прежнему въ рукахъ Порты, потребовавъ отъ нея лишь того, чтобы по Ункіаръ-Искелесскому договору она обязалась въ отношеніи Россіи закрыть Дарданельскій проливъ, т. е. «не дозволить никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ» **).

Это соглашеніе Россіи съ Турціей относительно закрытія проливовъ для военнаго судоходства вызвало въ свое время цѣлую бурю негодованій въ западной Европѣ, увидѣвшей въ немъ опасность для своего вліянія въ Константинополь. Западно-европейскіе кабинеты, уже давно подозрительно смотрѣвшіе на непонятную для нихъ политику Россіи въ отношеніи Турціи, приложили всѣ свои силы къ тому, чтобы уничтожить Ункіаръ-Искелесскій договоръ и установить общеевропейскую гарантію цѣлости Оттоманской имперіи. Случай къ тому представился при вторичномъ возстаніи египетскаго паши. Но императоръ Николай I, будучи глубоко убѣжденъ, что интересы Россіи требуютъ безусловнаго закрытія проливовъ для всѣхъ безразлично военныхъ судовъ, какъ во время мира, такъ и

*) Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II, стр. 248.

**) Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 89.

во время войны, согласился присоединиться къ общеевропейской гарантіи цѣлости Турецкой имперіи лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы указанное начало относительно закрытія проливовъ было признано основнымъ принципомъ европейскаго публичнаго права. Принципъ этотъ и былъ провозглашенъ Лондонскою конвенціею 13 іюля 1841 года, которою державы признали для себя обязательнымъ соблюденіе «древняго правила» Порты — не допускать прохода военныхъ судовъ европейскихъ государствъ черезъ Дарданельскій и Босфорскій проливы.

Происхожденіе международнаго соглашенія 1841 года по вопросу о закрытіи доступа въ проливы всѣмъ европейскимъ военнымъ судамъ, — какъ справедливо замѣчаетъ проф. Мартенсъ — показываетъ, что оно было направлено не противъ Россіи, но вызвано политическими соображеніями, которыя сама Россія связала съ существованіемъ Оттоманской имперіи *). Но послѣ Крымской войны и тѣхъ ошибокъ внѣшней политики, которыя были причиною ополченія противъ насъ половины Европы, цѣль закрытія проливовъ измѣнилась. Постановленія Лондонской конвенціи 1841 года были повторены въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года, но поставлены въ связь съ нейтрализаціей Чернаго моря. Когда же Лондонскою конвенціею 13 марта 1871 года была отмѣнена нейтрализація Чернаго моря, Турція взаимно этого получила право во всякое время открывать проливы для военныхъ судовъ иностранныхъ державъ въ видахъ поддержанія Парижскаго трактата, каковое постановленіе цѣлкомъ вошло въ ст. 63 Берлинскаго трактата, подтвердившую силу всѣхъ не отмѣненныхъ опредѣленій Парижскаго трактата и Лондонской конвенціи 1871 года, а слѣдовательно въ томъ числѣ и постановленія о проливахъ. Всѣ эти подтвержденія силы Лондонской конвенціи 1841 года о проливахъ состоялись «при обстоятельствахъ, не оставляющихъ сомнѣнія, что западно-европейскія державы вѣдѣли въ закрытіи проливовъ средство, долженствующее затруднить Россію въ случаѣ ея столкновенія съ Турціей» **) и, благодаря этому мы поставлены теперь въ весьма затруднительное положеніе въ дѣлѣ достиженія свободнаго прохода для русскаго военнаго флота черезъ Босфоръ и Дарданеллы, такъ какъ достаточно одного возбужденія этого вопроса, чтобы оно даже

*) Современное международное право, т. II, стр. 249.

**) Мартенсъ, назв. соч., стр. 280.

въ настоящее время, по прошествіи сорока лѣтъ послѣ Крымской войны, было сочтено западной Европой за покушеніе Россіи на существованіе Оттоманской Порты.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что мы не воспользовались во время удобныхъ случаевъ для обезпеченія себѣ полной свободы судоходства изъ Чернаго моря въ Средиземное и сами искусственно связали вопросъ о закрытіи проливовъ съ общеевропейскою гарантіею цѣлости Оттоманской имперіи, русское правительство въ теченіе XIX вѣка нисколько не подвинуло впередъ дѣла обезпеченія нашихъ матеріальныхъ интересовъ на Востокъ. Оно до сего времени остается почти въ томъ самомъ положеніи, въ какое поставлено было Екатериною Великою, такъ какъ существующее международное постановленіе о закрытіи проливовъ по прежнему нисколько не обезпечиваетъ черноморскаго побережья Россіи отъ нападенія на него иностраннаго военнаго флота во время нашего столкновенія съ Турціей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаетъ насъ права вывести свой военный флотъ изъ Чернаго моря въ Средиземное въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо западно-европейскою державой.

Не менѣе прискорбны были послѣдствія ошибокъ нашей внѣшней политики и въ дѣлѣ осуществленія историческихъ задачъ Россіи по отношенію къ христіанскимъ народностямъ Турціи.

Нынѣшній вѣкъ, какъ извѣстно, представляетъ собою эпоху возрожденія національностей. Мы были свидѣтелями объединенія итальянскаго народа, образованія государства германскаго и т. д. Этотъ могучій принципъ національности, подъ вліяніемъ котораго въ народахъ пробуждается стремленіе сгруппироваться въ одноплеменные политическія тѣла, конечно, долженъ былъ имѣть извѣстное воздѣйствіе и на жизнь христіанскихъ народностей Турціи. Подъ вліяніемъ его образовались государства Греческое, Румынское, Сербское и полусамостоятельное княжество Болгарское. Но прежде чѣмъ эти государства успѣли освободиться отъ турецкаго ига—чему призвана была содѣйствовать Россія,—ей пришлось вести нѣсколько продолжительныхъ, дорого стоившихъ войнъ и выдерживать каждый разъ сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны западной Европы. Причина такой затруднительности дѣла осуществленія національныхъ стремленій турецкихъ христіанъ скрывалась, разумѣется, главнымъ образомъ въ поведеніи самой Россіи. Какъ сказано выше, она

имѣла совершенно ложное представленіе относительно тѣхъ способовъ, которыми можно было надлежащимъ образомъ разрѣшить свою религіозно-національную задачу на Востокѣ. Увлекаясь идеею Священнаго Союза и мыслью о необходимости существованія Турціи въ Европѣ и во имя этихъ началъ политики стараясь поддерживать на Балканскомъ полуостровѣ неизмѣнный *status quo*, Россія, конечно, тѣмъ самымъ лишь противодействовала турецкимъ христіанамъ въ дѣлѣ освобожденія отъ мусульманскаго ига, такъ какъ цѣль эта не могла быть достигнута никакимъ другимъ путемъ, кромѣ постепеннаго и послѣдовательнаго ослабленія и уничтоженія деспотической власти турецкаго султана надъ нашими единовѣрцами и единоплеменниками. Когда же поддерживаемая Россіей Порта нарушала ея права и вынуждала ее поднимать оружіе, русское правительство или слишкомъ суживало цѣль военныхъ дѣйствій, ограничиваясь однимъ возстановленіемъ нарушеннаго права, или слишкомъ расширяло планъ кампаніи, задаваясь различными фантастическими, трудно выполнимыми проектами, и благодаря этому какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ по окончаніи военныхъ дѣйствій заключало миръ, далеко не удовлетворявшій нашимъ религіозно-національнымъ интересамъ. Такія послѣдствія войнъ Россіи съ Турціей, разумѣется въ значительной степени зависѣли и отъ отношенія къ намъ западной Европы, которая не упускала случая для того, чтобы умалить результаты нашихъ побѣдъ надъ турками. Но и въ этомъ противодействіи западной Европы нашему покровительству національнымъ стремленіямъ турецкихъ христіанъ опять таки виноватъ никто другой, какъ мы сами.

Строго говоря, едва-ли одна изъ европейскихъ державъ когда-нибудь питала чувство ненависти къ балканскимъ племенамъ и не желала имъ лучшей участи. Напротивъ того, исторія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что тяжелое положеніе христіанъ Востока всегда вызывало болѣе или менѣе искреннее сочувствіе со стороны западныхъ державъ, которыя въ сущности готовы были даже поощрять ихъ законныя стремленія къ свободѣ. Если же европейскія державы часто отказывались отъ своихъ симпатій къ христіанскимъ подданнымъ султана, то это происходило отъ того, что за ними стояла Россія, заступничество которой за своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ всегда вызывало на Западѣ вполне естествен-

ныя опасенія нарушенія сѣвернымъ колоссомъ политическаго равновѣсія Европы. Завоевательныя стремленія Россіи, обнаруженныя ею не одинъ разъ во время турецкихъ войнъ и тайныхъ дипломатическихъ переговоровъ съ дружественными дворами относительно раздѣла турецкихъ владѣній, возбуждали противъ насъ правительства и общество западной Европы, какъ только приходилось переживать кризисъ на Востокѣ. Кромѣ того, благодаря частымъ и совершенно лишнимъ вмѣшательствамъ въ чужія дѣла изъ-за европейскаго равновѣсія, легитимизма, отвлеченнаго либерализма и консерватизма, не имѣвшихъ для насъ почти ни малѣйшаго значенія, мы заставили западные народы видѣть въ Россіи *etat aggressif* и подозрѣвать въ ея донкихотскихъ дѣйствіяхъ какую-то заднюю эгоистическую цѣль, угрожающую всей Европѣ. Весьма понятно, что когда русскій народъ вступался за своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ съ цѣлью ихъ освобожденія, какъ это было и въ послѣднюю русско-турецкую войну, европейская дипломатія не вѣрила, да и не могла повѣрить нашимъ заявленіямъ о чистотѣ намѣреній петербургскаго двора. Какъ только замѣчалось, что русское правительство намѣревается вступить за восточныхъ христіанъ, оказать имъ поддержку, выразить имъ сочувствіе, на Западѣ, изъ опасенія, чтобы Россія не усилилась на счетъ балканскихъ народностей, тотчасъ же начинали ставить всевозможныя преграды къ освобожденію ихъ изъ подъ турецкаго ига.

Держась ложной политики въ отношеніи восточныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, и въ то же время постоянно вызывая своими ошибками упорное противодѣйствіе западныхъ державъ всякимъ нашимъ успѣхамъ на Востокѣ, русское правительство само такимъ образомъ являлось виноватымъ въ томъ, что нынѣшнее столѣтіе было не совсѣмъ благопріятно для покровительства Россіи національнымъ стремленіямъ христіанскихъ народностей Турціи. Но печальныя послѣдствія коренныхъ недостатковъ нашей восточной политики выражались, однако, далеко не въ одномъ томъ, что Россіи не удавалось такъ или иначе привести въ исполненіе свое историческое призваніе. Благодаря этимъ недостаткамъ нашей политики въ самомъ корнѣ подрывалось вліяніе Россіи на Востокѣ, значеніе ея въ глазахъ христіанскихъ народностей Турціи, безъ чего, конечно, не мыслимо было и самое рѣшеніе восточнаго вопроса въ благопріятномъ для всего греко-славянскаго міра смыслѣ.

Освободить въ 1878 году миллионы балканскихъ христіанъ изъ подъ гнета турецкаго владычества, Россія, конечно, помышляла, что послѣ ряда блестящихъ побѣдъ надъ непримиримымъ врагомъ христіанства, она достигла выполненія больше чѣмъ половиною своей исторической задачи, полное рѣшеніе которой осуществится въ самомъ непродолжительномъ времени, и при томъ при непосредственномъ участіи освобожденныхъ ею народностей Балканскаго полуострова. Россія предполагала, что, помня свое тяжелое положеніе подъ ярмомъ турецкаго ига, эти послѣднія будутъ не только благодарить свою освободительницу, но примутъ самое живое участіе въ ея святомъ дѣлѣ избавленія христіанъ Востока отъ мусульманскаго деспотизма. И такими надеждами ласкало себя все русское православное общество, перечитывая постановленія Берлинскаго трактата, только что подписаннаго европейскими дипломатами. Негодуя по поводу уничтоженія Санъ-Стефанскаго договора, оно тогда утѣшало себя тѣмъ, что теперь освобожденіе болгарскаго народа не представитъ особыхъ затрудненій, такъ какъ почти весь христіанскій Востокъ благодаря Россіи живетъ свободою жизнью и въ случаѣ нужды вмѣстѣ съ нею охотно принесетъ жертвы въ пользу общаго великаго дѣла славянъ, считая это геройскимъ подвигомъ и своимъ священнымъ долгомъ.

Но со времени подписанія Берлинскаго трактата не прошло и десяти лѣтъ, какъ—увы!—надежды Россіи не оправдались, и она должна была горько разочароваться въ своихъ розовыхъ мечтахъ и ожиданіяхъ. Въ этотъ довольно краткій промежутокъ времени славянское дѣло приняло такой оборотъ, что послѣ недавней величественной роли Россіи и славянъ въ восточномъ вопросѣ трудно узнать какъ освободительницу, такъ и освобожденныхъ ею народовъ. Въ ихъ отношеніяхъ произошелъ полный разладъ. У братьевъ славянъ проявилось сильное охлажденіе прежнихъ взаимныхъ симпатій. Освобожденные народы Востока стали питать вражду не только къ Россіи—своей освободительницѣ, но и другъ къ другу, причѣмъ даже рѣшаются на брато-убійственную войну. Всему этому было бы трудно повѣрить, если бы не было фактическихъ доказательствъ въ исторіи восточнаго вопроса за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Даже Россія какъ бы отказалась отъ своей исторической миссіи и отдала свое мѣсто западной Европѣ, а сама выступила защитницей ка-

кихъ-то формальныхъ правъ Турціи и ненарушимости Берлявскаго трактата, которымъ европейская дипломатія попирала стремленія балканскихъ народностей къ національному объединенію. Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы великодушно освободили славянъ отъ турецкаго ига, но въ этотъ короткій промежутокъ времени намъ пришлось быть свидѣтелями многихъ перемѣнъ и испытывать множество разочарованій. Наше положеніе на Востоку существенно образомъ перемѣнилось. Почти всѣ освобожденные нами страны отвернулись отъ насъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже смотрятъ на Россію, какъ на своего опаснаго врага, котораго слѣдуетъ избѣгать и бояться. Всѣ балканскіе народы отстранились отъ своей освободительницы и устремили свои взоры на западную Европу, которая вмѣсто Россіи сулила имъ счастье свободной и независимой жизни и выступила защитницей ихъ законныхъ стремленій. Словомъ историческія событія на Балканскомъ полуостровѣ приняла такой оборотъ, что при изученіи ихъ почти невозможно узвать ни нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ, ни великихъ европейскихъ державъ, ни даже самой Россіи.

Чѣмъ же объясняется это на первый взглядъ странное явленіе? Чѣмъ объясняется разладъ между южными славянами и Россіей? Почему послѣдняя какъ бы уклонялась отъ своего историческаго призванія и потерпѣла въ восточной политикѣ такую страшную неудачу, а южные славяне, такъ еще недавно получившіе отъ насъ свободу, добровольно пошли въ новое рабство, въ рабство Австріи? Отвѣчая на эти вопросы, которые сами напрашиваются всякому, сколько-нибудь интересующемуся судьбами южныхъ славянъ, прежде всего должно замѣтить, что указанное явленіе въ исторіи нашихъ отношеній къ Турціи и ея христіанскимъ народностямъ не представляетъ собою чего-либо необыкновеннаго, небывалаго, изъ ряда вонъ выходящаго. Это почти заурядное явленіе въ сложной и многовѣковой исторіи восточнаго вопроса. «Вглядываясь въ отношенія установившіяся между державою—освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отмѣтить — говорить г. Татищевъ—того поразительнаго по своему постоянству явленія, что по мѣрѣ достижения независимости каждою изъ упомянутыхъ странъ, русское вліяніе въ нихъ постоянно падало и новообразованные государства становились часто въ положеніе даже враждеб-

ное Россія, которая, такимъ образомъ, освободительную миссію свою совершала въ явный ущербъ себѣ и своему политическому воздѣйствію на судьбы Востока*). Такой печальный, но въ то же время несомнѣнный фактъ систематически повторяющагося упадка вліянія Россіи среди освобождаемыхъ ею христіанскихъ народностей Турціи былъ даже причиною того, что въ Россіи неоднократно раздавались голоса, укорявшіе балканскія племена въ неблагодарности и совѣтовавшіе намъ не вмѣшиваться въ ихъ дѣла, оставить ихъ на произволъ судьбы и случая. Освобожденные нами восточные христіане живутъ дескать уже своею независимою жизнью и наша миссія по отношенію къ нимъ въ главныхъ чертахъ окончена. Если же они не сумѣли оцѣнить заслугъ Россіи,—это ихъ дѣло, и намъ остается только ждать, когда балканскія народности сами будутъ искать единенія съ нами, убѣдившись, что съ Запада имъ несутъ плоды Данайцевъ.

Но подобныя совѣты, будучи неосновательны уже потому, что восточный вопросъ еще далеко не получилъ своего окончательнаго разрѣшенія и Россія въ силу этого самаго лишена возможности кинуть на произволъ судьбы миллионы освобожденныхъ ею христіанскихъ народностей Турціи, не могутъ быть признаны заслуживающими вниманія по той простой причинѣ, что вытекаютъ изъ одного оскорбленнаго чувства самолюбія, безъ всякаго критическаго отношенія къ истиннымъ причинамъ неблагодарности къ намъ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Между тѣмъ въ этой неблагодарности много виновата сама же Россія. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно хотя въ главныхъ чертахъ вспомнить характерныя особенности русской политики на Востокъ, о которыхъ было говорено выше. Россія никогда не имѣла правильнаго и твердо-опредѣленнаго взгляда на способы рѣшенія восточнаго вопроса. Поэтому, вынуждаемая силою событій брать на себя трудъ рѣшенія этого вопроса, она направляла свою политику не въ смыслѣ своего историческаго призванія, а сообразно различнымъ политическимъ комбинаціямъ, принимая въ расчетъ то свои ложно понятые интересы, то интересы своихъ западныхъ союзниковъ. Эти колебанія нашей восточной политики, проходящія съ необыкновенною рѣзкостью черезъ всю исторію отношеній Россіи къ Турціи, постоянно

*) Изъ прошлаго русской дипломатіи. Спб. 1890 г., стр. 345.

возбуждали въ западныхъ кабинетахъ вопросъ о политическомъ равновѣсїи Европы и побуждали иностранную дипломатїю укоренять вліяніе своихъ дворовъ на дѣла Балканскаго полуострова въ ущербъ исключительному преобладанію здѣсь Россїи. Въ этихъ видахъ европейскіе дипломаты сначала постарались установить международную гарантію цѣлости и неприкосновенности Турецкой имперїи, а потомъ потребовали отъ Россїи коллективнаго протектората надъ христіанами Балканскаго полуострова. вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли должныя мѣры къ тому, чтобы заслужить полное довѣріе у Турціи и балканскихъ народностей и ослабить въ ихъ глазахъ значеніе Россїи. Добиться этого, конечно, не составило особеннаго труда. Турція стоило только внушить о коварныхъ замыслахъ Россїи и доказать эти замыслы ея же неустойчивой политикой; балканскихъ же христіанъ, помню этого способа, возможно было отстранять отъ Россїи при помощи ихъ слабыхъ правителей, которые большею частію нуждались въ посторонней поддержкѣ и всегда тяготились усиленной опекой русскаго правительства, желавшаго какъ будто образовывать изъ балканскихъ земель русскія провинціи или по крайней мѣрѣ, поставить ихъ въ положеніе своихъ вассальныхъ княжествъ.

Успѣху такой враждебной намъ политики западныхъ державъ, конечно, много содѣйствовало отсутствіе надлежащихъ нравственныхъ связей между нами и нашими восточными единовѣрцами и единоплеменниками, находившееся въ зависимости отъ ложности исторической системы отношеній русскаго правительства къ турецкимъ христіанамъ. Система эта—говорить Щебальскій состояла въ томъ, что при Петрѣ I и Екатеринѣ II «мы дѣйствовали на нашихъ туецкихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, поддерживая въ нихъ религіозное чувство и возбуждая ихъ надежды на освобожденіе отъ господства турокъ».—«Такой способъ дѣйствія былъ хорошъ въ свое время; онъ доставилъ намъ громадное вліяніе на турецкихъ христіанъ, равно какъ и на турецкое правительство, а съ другой стороны сильно способствовалъ къ пробужденію инстинктовъ независимости среди племенъ, которыя, казалось, были погружены въ мертвый сонъ. Затѣмъ Екатерина, сколько извѣстно, имѣла въ виду, при началѣ войны 1788 года, вызвать повсемѣстное возстаніе въ европейской Турціи, поддержать его русскимъ оружіемъ и, послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ побѣдъ, провозгласить независимость христіанскихъ

туземцевъ, давъ имъ въ цари русскихъ великихъ князей, а въ министры русскихъ генераловъ. Подобнымъ образомъ создавались государства и послѣ Екатерины—при Наполеонѣ I, и даже еще позднѣе; такъ было организовано первоначально и нынѣшнее Греческое королевство. Самодержавный государь, поддерживаемый совѣтами опытнаго и могущественнаго дружественнаго двора, нѣсколько дѣльныхъ министровъ, да покорный преданный народъ—вотъ и всѣ элементы тогдашней, весьма несложной политической жизни. Больше ничего и не требовалось для того, чтобы мгновенно возникшее государство могло существовать. *) Но если виды Екатерины могли легко осуществиться и отнюдь не могутъ быть названы химерическими, то принятая ею система дѣйствій оказалась совершенно недостаточной въ послѣдующее время, когда мы точно такимъ же порядкомъ создавали Румынское, Сербское, Черногорское и Болгарское княжества. Слабая сторона этой системы заключалась въ томъ, что, призывая къ самостоятельной жизни народности Балканскаго полуострова, Россія нисколько не заботилась о подготовленіи ихъ къ политической жизни и о насажденіи среди нихъ русской науки и образованности, при помощи которой устанавливались бы прочныя связи между освободителями и освобожденными. А это имѣло своимъ слѣдствиемъ то, что балканскіе христіане, получивъ при нашей помощи политическую свободу, но не достигнувъ надлежащей политической зрѣлости, оказывались крайне податливыми всякому сильному чужеземному вліянію.

Такимъ образомъ причина постоянного разлада между Россіей и балканскими народностями заключалось ни въ чемъ другомъ, какъ въ коренныхъ недостаткахъ нашей восточной политики, которая, имѣя цѣлью облагодѣтельствовать нашихъ единовѣрцевъ, нерѣдко приводила къ совершенно обратному результату, и потому, естественно, вызывала недовольство нашимъ покровительствомъ среди турецкихъ христіанъ. Недовольство же это ловко эксплуатировалось западноевропейскими державами въ видахъ разьединенія сѣверныхъ и южныхъ славянъ, тѣсное сближеніе которыхъ всегда представляло иностранной дипломатіи серьезной опасностью для западной Европы. Эту общую и главную причину постоянного, болѣе или менѣе сил-

*) Турція и ея реформа въ отношеніи Россіи; Рус. Вѣст. за 1870 г. № 1, стр. 229—230.

наго колебанія русскаго вліянія среди балканскихъ народностей не трудно замѣтить и въ исторіи недавняго полнаго разлада между Россіей и освобожденными ею въ послѣднюю войну христіанами Турціи. Но нагляднѣе всего вліяніе нашихъ систематически повторяющихся ошибокъ и промаховъ въ восточномъ вопросѣ сказалось на отношеніяхъ Россіи къ Болгаріи послѣ Берлинскаго конгресса.

Зная наши отношенія къ Болгаріи, едва ли можно удивляться, что она отпатнулася отъ Россіи, а тѣмъ болѣе невозможно винить кого либо въ томъ, что только что освобожденный нами болгарскій народъ сталъ во враждебное къ намъ положеніе. Для успокоенія своей совѣсти и отстраненія отъ себя всякой отвѣтственности въ печальномъ для Россіи исходѣ болгарскаго вопроса, конечно, можно приводить разныя оправданія въ родѣ тѣхъ, напримѣръ, что наша соперница — Европа посѣяла на Балканскомъ полуостровѣ сѣмена раздора между нами и тамошними христіанскими народами, что она стремилась вытѣснить вліяніе Россіи на Востокъ, что она породила недовольство Россіей среди болгаръ и т. д. Но подобныя оправданія не достойны такой великой державы, какъ Россія, которая цѣлыя столѣтія имѣетъ дѣло съ восточнымъ вопросомъ и связаннымъ съ нимъ соперничествомъ великихъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ. Россія путемъ долгаго историческаго опыта должна была научиться внушать соперникамъ полное уваженіе къ своей величественной роли на Востокѣ и не допускать посягательства ихъ на наши права, пріобрѣтенныя дорогою цѣною крови. Съ нашей стороны было бы по меньшей мѣрѣ странно безпощадно винить западную Европу за то, что она искуснѣе насъ направляла свою восточную политику и умнѣе насъ вела упорную дипломатическую борьбу изъ за вліянія на живописныхъ берегахъ Босфора. Мы должны винить не англичанъ и нѣмцевъ, къ которымъ обратились отъ насъ болгары, а должны винить самихъ себя за то, что допустили это печальное явленіе. Равнымъ образомъ, мы не въ правѣ винить болгаръ въ неблагодарности къ Россіи, такъ какъ сами разными дипломатическими ошибками допустили полное отчужденіе отъ насъ родственаго намъ народа. Что въ печальномъ исходѣ болгарскаго вопроса виноваты мы, а не болгары и Европа, и виноваты именно тѣмъ, что держались 'ошибочной' политики въ названномъ вопросѣ, — въ этомъ легко убѣдиться, подвергнувъ тщательному анализу отношенія Россіи къ Болгаріи и перечисливъ всѣ

болѣе или менѣе крупныя промахи, сдѣланныя нами со времени освобожденія этой страны.

Освободивъ Болгарію изъ подъ гнета турецкаго ига и даровавъ ей внутреннюю автономію, Россія дала только что выведенному изъ рабства народу такія либеральныя учрежденія, которыми онъ не могъ успѣшно пользоваться какъ благодаря своей непривычкѣ жить свободною жизнью, такъ и по недостатку политической зрѣлости, безусловно необходимой для того, чтобы принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. вмѣстѣ съ тѣмъ у кормила правленія страны она поставила неопытнаго, молодаго человѣка и при томъ такого, который не пользовался даже расположеніемъ болгарскаго народа и былъ послѣдному чуждъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эти два неблагоприятныя условія внутренней жизни Болгаріи, созданныя руками самой Россіи, конечно, не могли представлять достаточныхъ гарантій мирнаго и правильнаго политическаго развитія Болгарскаго княжества, и печальныя послѣдствія ненормальнаго положенія въ немъ князя и народа заранѣе предугадывались государственными людьми западной Европы, для которыхъ всѣ элементы неизбежной политической драмы въ Болгаріи были на лицо *).

*) Оставлялиась на вопросѣ о томъ, какую форму правленія слѣдовало дать болгарскому народу, Катковъ говоритъ: „Болгарія не могла указать на человѣка, который бы возлощалъ въ себѣ ея единство, и кому естественно могла бы быть передана власть надъ ней. Была-ли необходимость создавать въ Болгаріи мизерную, лишенную достоинства монархію? Гдѣ было взять человѣка, который могъ бы твердо поставить и поддерживать монархическій принципъ въ вассальной и во всемъ отъ всѣхъ зависящей, маленькой Болгаріи? Откуда могъ бы онъ взять обаяніе своего импровизованнаго престола? Что могло бы сообщать ему то освашеніе, безъ котораго монархическое начало превращается въ каррикатуру? Чѣмъ могъ бы онъ,—*homo novus*, не имѣя за собою ни преданій, ни исторіи, привлечь къ себѣ вѣру народа и стать живымъ символомъ его единства? Но никакой необходимости создавать въ освобожденномъ ключѣ болгарскаго народа жалкое подобіе монархическаго устройства не было. Доктринерство можетъ оказывать во всемъ, и во всемъ оно одинаково вредно. Нельзя кроить все по одному шаблону и примѣнять ко всему одну доктрину. Доктрина служитъ лишь подмошкой для ума. Умъ долженъ владѣть ея, а не сидѣть у ней въ плѣну. Въ политикѣ, какъ и во всемъ, надо прежде всего ясно видѣть данную дѣйствительность, и только сообразныя съ нею дѣйствія наши могутъ имѣть смыслъ. Если не было условій создать въ Болгаріи достойную монархію, то вмѣсто ея фальшиваго и жалкаго подобія съ ходячею конституціей не вѣрнѣе-ли было-бы—скажемъ *le gros mot*—установить въ ней безхитростную, откровенную и правдивую республику, съ правителемъ во главѣ, отвѣтственнымъ передъ страной, передъ Европой, передъ Россіей, особенно заинтересованною благомъ народа, призваннаго къ жизни ея кровію. Предоставить

Между тѣмъ русское правительство какъ бы не сознавало ненормальности созданнаго имъ положенія дѣлъ въ Болгаріи. Мало того, углубившись послѣ событій 1-го марта 1881 года исключительно въ дѣла внутренней политики, оно даже не обращало должнаго вниманія на то, что происходило въ юномъ государствѣ и совершенно игнорировало желанія его князя и народа. Печальныя послѣдствія такого съ нашей стороны отношенія къ Болгаріи довершались тѣмъ, что между русскими дипломатическими агентами въ этой странѣ царило полнѣйшее разногласіе иногда по самымъ важнымъ вопросамъ, не говоря уже о томъ, что не было ровно никакой солидарности во взглядахъ у русскихъ консуловъ и болгарскихъ министровъ, назначаемыхъ изъ Петербурга.

Результатомъ всего этого по первому разу было то, что князь Александръ, предпочитавшій свои личные интересы нуждамъ народа и мало довѣрившій ультра-либеральнымъ учрежденіямъ Болгаріи, незаконнымъ образомъ отмѣнилъ тырновскую конституцію и потребовалъ себѣ на семь лѣтъ полной диктатуры. Такой смѣлый поступокъ князя, совершенный безъ вѣдома и согласія Россіи, вынуждалъ русское правительство обратить серьезное вниманіе на давно уже осложнявшіяся болгарскія дѣла. Но оно, не желая поднимать восточнаго вопроса, поспѣшило кое-какъ замѣть болгарскій инцидентъ безъ всякаго вниманія къ нуждамъ и стремленіямъ освобожденнаго Россіей народа. Императорское правительство стало на сторону болгарскаго князя, посягнувшаго на свободу народнаго самоуправления, и этимъ неосмотрительнымъ своимъ поступкомъ совершило грубую ошибку, естественнымъ послѣдствіемъ которой было «отчуж-

эту страну произволу маленькаго, новоспеченнаго царька было бы невозможно. Какія бы ни представляли онъ ручательства своей добросовѣстности, нельзя было бы безусловно вѣрить ему новорожденную жизнь. Приходилось ограничивать его власть, стѣснять его разными хитростями и искусственными условіями, лишать его свободы дѣйствій, ставить его въ антагонизмъ съ народомъ, учреждать систему взаимнаго обмана, вызывать фальшивыя партіи и колебать народныя основы новорожденнаго политическаго тѣла.... Общинная по цивилизованной формѣ подъ контролемъ Россіи, въ соглашеніи съ другими державами, была бы наиболѣе естественнымъ для Болгаріи положеніемъ. Чѣмъ меньше искусственности, чѣмъ проще учрежденія, тѣмъ лучше для страны, только-что начинающей жить государственною жизнью». Введеніе въ Болгаріи конституціонной монархіи, — по мнѣнію Каткова, — „первая ложь“, съ которой начались зловключенія болгарскихъ дѣлъ. (Московскія Вѣдомости за 1883 годъ № 299).

деніе отъ Россіи болгарскихъ патриотовъ, которые не могли примириться съ мыслью, что они освобождены отъ деспотизма турецкаго паши для того, чтобы подпасть подъ военно-бюрократическій произволъ нѣмецкаго принца *).

Убѣдившись на опытѣ нѣсколькихъ лѣтъ, къ чему можетъ привести данная князю диктатура, русское правительство потребовало отъ него возстановленія тырновской конституціи. Но въ то же время оно оставило во главѣ болгарскаго народа князя Александра, несмотря на то, что онъ достаточно ясно показалъ свое желаніе управлять Болгаріей самовластно, вопреки демократическимъ тенденціямъ народа, и свое нежеланіе принимать во вниманіе существенные интересы вѣренной его управленію страны. Оставленіе Александра Баттенберга на болгарскомъ престолѣ послѣ возстановленія ненавистной ему тырновской конституціи въ связи съ нѣкоторыми другими промахами русскаго правительства, дружественнымъ вмѣшательствомъ парализовавшаго самостоятельность внутренней жизни Болгаріи, привело къ тому, что болгарскій князь обратилъ свою личную неприязнь къ освободительницѣ болгарскаго народа въ народную вражду къ Россіи, которой онъ чуть было не объявилъ войны. Но русское правительство и на этотъ разъ нашло возможнымъ оставить его на болгарскомъ престолѣ, ограничившись по отношенію къ своему ставленнику лишь выраженіемъ полнѣйшаго недовѣрія.

Само собою разумѣется, что, порвавъ дружественную связь съ болгарскимъ княземъ вмѣсто того, чтобы установить болѣе прочныя гарантіи мирнаго развитія Болгаріи, императорское правительство еще болѣе осложнило и испортило прежнее положеніе дѣлъ. Потерявъ довѣріе и поддержку Россіи, Александръ Баттенбергъ всецѣло подчинился вліянію западно-европейскихъ кабинетовъ, которые уже давно искали случая занять въ Болгаріи мѣсто Россіи. Конечно,—справедливо замѣчаетъ г. Гольцевъ—«съ русской и славянской точки зрѣнія такой образъ дѣйствія заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія, но, вѣдь, онъ явился результатомъ, а не причиною, и нельзя было требовать отъ дипломатовъ только что родившейся политически страны большаго такта, большей государственной мудрости, чѣмъ отъ дипломатіи, умудренной вѣковымъ опытомъ» **).

*) Гольцевъ. Иностранное обозрѣніе Русской Мысли за 1886 г. № 9.

***) Тамъ же.

Какъ бы то ни было, нашими дипломатическими ошибками искусно воспользовались Англія и Австрія, при содѣйствіи которыхъ болгарскій князь совершилъ знаменитый румелійскій переворотъ, имѣвшій цѣлью объединеніе болгарскаго народа путемъ соединенія вассальнаго княжества Болгаріи съ турецкой провинціей—Восточной Румеліей. Переворотъ этотъ какъ нельзя болѣе отвѣчалъ видамъ Россіи, лишь въ силу необходимости отказавшейся на Берлинскомъ конгрессѣ отъ Санъ-Стефанской Болгаріи, и поэтому можно было ожидать, что императорское правительство не воспротивится національному стремленію болгарскаго народа. Но ожиданія эти ко всеобщему удивленію не оправдались. Русское правительство взглянуло на дѣло иначе и выступило не сторонникомъ національнаго дѣла болгаръ, а защитникомъ и покровителемъ интересовъ Турціи, изъ рукъ которой ускользалъ болгарскій народъ. Какъ ни странно, императорское правительство пошло наперекоръ историческому призыванію Россіи въ отношеніи восточныхъ ея единовѣрцевъ и потребовало восстановленія *status quo ante*, восстановленія тѣхъ самыхъ нормъ Берлинскаго трактата, которыя были навязаны намъ Англіей и Австріей въ 1878 году. Наши заботы объ охранѣ Берлинскаго трактата дошли до того, что русскій посоль въ Константинополь приглашалъ турецкія войска вступить въ Восточную Румелію и силою восстановить тамъ прежній порядокъ и права султана. Само собою понятно, къ какимъ послѣдствіямъ могло привести желаніе Россіи, во чтобы то ни стало, подавить законныя стремленія болгаръ. Соображенія, побудившія русское правительство воспротивиться соединенію Болгаріи съ Восточной Румеліей, сами по себѣ быть могутъ и основательныя, оказались недоступными пониманію народныхъ массъ и остались загадкою для большинства болгарскаго народа. Мало того, благодаря своей неясности они вызвали крутой поворотъ въ чувствахъ болгарскихъ патріотовъ относительно Россіи, которая сознательно отшатнула отъ себя Болгарію, увлеченную блестящимъ успѣхомъ безкровной филиппопольской революціи 6 сентября 1885 года *).

Наше странное отношеніе къ болгарской революціи въ значительной степени объяснялось господствовавшимъ въ то время взглядомъ,—что революція эта предпринята Александромъ Баттенбергомъ

*) Слонимскій. Основныя вопросы политики. Спб. 1889 г., стр. 305.

съ цѣлью вытѣснить изъ Болгаріи русское вліяніе и превратить послѣднюю въ англійскую цитадель противъ нашего отечества. Но въ августѣ 1886 года Баттенбергъ удался изъ Болгаріи, а освобожденный нами народъ обратился за покровительствомъ въ Россіи. Между тѣмъ императорское правительство и на этотъ разъ выступило съ требованіемъ восстановления *status quo ante*, основывавшагося на Берлинскомъ трактатѣ, вслѣдствіе чего удаленіе князя, считавшагося виновникомъ нашего разлада съ Болгаріей, нисколько не измѣнило прежняго печальнаго положенія дѣлъ. Положеніе это, напротивъ, въ скоромъ времени даже ухудшилось благодаря различнымъ формальнымъ требованіямъ Россіи, которыя въ концѣ концовъ вызвали сильнѣйшее раздраженіе противъ насъ вожаковъ болгарскаго народа, имѣвшее слѣдствіемъ совершенное исключеніе Болгаріи изъ сферы русскаго вліянія. Болгары—говоритъ г. Слонимскій—добивались назначенія новаго князя, сочувственнаго Россіи, но потерпѣли неудачу въ этомъ. Второстепенные вопросы о срокѣ выборовъ въ народное собраніе и т. п. казались нашей дипломатіи болѣе важными, чѣмъ скорое и окончательное разрѣшеніе кризиса въ благопріятномъ для насъ смыслѣ *). Начались споры и пререканія между болгарскимъ правительствомъ и чрезвычайнымъ уполномоченнымъ Россіи, барономъ Каульбарсомъ, причемъ «повелительный тонъ, принятый этимъ военнымъ дипломатомъ, возбудилъ общее раздраженіе и положилъ прочное начало успѣхамъ антирусской партіи въ Болгаріи». Партія эта рѣшительно отвергла категорическія требованія Россіи, и окончательный формальный разрывъ между нами и Болгаріей былъ единственнымъ результатомъ своеобразной дипломатической миссіи барона Каульбарса **).

Прерывая сношенія съ софійскимъ регентствомъ, мы хотѣли этимъ наказать болгаръ за ихъ неповиновеніе Россіи, но въ дѣйствительности оказалось, что за разрывъ съ Болгаріей понесли наказаніе сами. Отозвавъ своихъ дипломатическихъ агентовъ изъ Болгарскаго княжества, Россія тѣмъ самымъ очистила мѣсто господству вліяній иностранныхъ державъ, и преимущественно Австріи и Англіи, при содѣйствіи которыхъ вскорѣ же состоялось избраніе на престолъ объединенной Болгаріи принца Фердинанда Кобургскаго, находив-

*) Назв. соч., стр. 305.

**) Торжество миролюбія. Вѣст. Европ. за 1894 г. № 12, стр. 789--790.

шагося до той поры въ австрійской военной службѣ. Принцъ этотъ, несмотря на протесты русскаго правительства, стоявшаго на точкѣ зрѣнія неизмѣннаго status quo и заранѣе высказывавшагося противъ всякаго компромисса на почвѣ совершившагося факта воссоединенія Болгаріи съ Восточной Румеліей, получилъ со стороны иностранныхъ кабинетовъ сочувствіе и поддержку, и при ихъ содѣйствіи въ настоящее время успѣлъ добиться отъ всѣхъ великихъ державъ признанія законности своего вступленія на болгарскій престолъ.

Таковы причины печальнаго для насъ исхода болгарскаго вопроса. Защитники вѣншей политики минувшаго царствованія говорятъ, что такой исходъ болгарскаго вопроса стоялъ въ непосредственной зависимости отъ основныхъ началъ, которыхъ держалось русское правительство того времени. Этими началами, послѣдовательно руководившими всѣми дѣйствіями императорскаго кабинета въ области международныхъ отношеній, были миролюбіе и принципъ законности. Но миролюбіе наше нисколько не пострадало бы отъ того, если бы мы признали фактъ соединенія Болгаріи съ Восточной Румеліей, тѣмъ болѣе что фактъ этотъ ранѣе насъ былъ признавъ другими великими державами Европы, изъ которыхъ нѣкоторыя если и не заявляли этого открыто, то только изъ нежеланія сдѣлать непріятное Россіи. Напротивъ того, путемъ признанія объединенія Болгаріи мы упрочили бы спокойствіе Востока и тѣмъ устранили бы лишній предлогъ къ постояннымъ опасеніямъ за сохранность мира въ Европѣ. Что же касается до принципа законности, ради котораго мы искусственно поддерживали Берлинскій трактатъ 1878 года, видимо терявшій силу въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подъ влияніемъ быстро текущей жизни, то принципъ этотъ былъ бы гораздо больше упроченъ, еслибы великія державы, подписавшія Берлинскій трактатъ, пересмотрѣли и измѣнили его въ тѣхъ пунктахъ, которые не согласовались съ требованіями времени, такъ какъ при соотвѣтствіи трактатовъ дѣйствительнымъ условіямъ жизни въ международной области гораздо меньшую роль играютъ обстоятельства и случай.

Такимъ образомъ, ни принципъ законности, ни желаніе поддержать миръ въ Европѣ, сами по себѣ не могли быть причиною того, что императорское правительство держалось въ болгарскомъ вопросѣ не той политики, какая была достойна Россіи. Истинная причина ошибочнаго направленія нашей восточной политики заключалась въ от-

существованіи у насъ твердо опредѣленнаго взгляда на тѣ задачи, которыя мы должны были преслѣдовать на Востокѣ. Отсюда вели свое начало сперва поддержаніе князя Александра въ борьбѣ его съ тырновской конституціей, затѣмъ возстановленіе этой конституціи въ ущербъ властолюбивымъ стремленіямъ князя, а потомъ, послѣ румелійскаго переворота, поддержаніе status quo ante на Востокѣ, несмотря на то, что переворотомъ этимъ безъ всякаго кровопролитія было достигнуто лишь то, что нами же самими было проектировано въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ и наперекоръ нашимъ ожиданіямъ и нашей волѣ отиѣнено Берлинскимъ конгрессомъ. Благодаря этой политикѣ, мало отвѣчавшей интересамъ Россіи на Востокѣ, мы въ концѣ концовъ и проиграли въ болгарскомъ вопросѣ, такъ какъ своимъ нерациональнымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ только что освобожденной русскою кровью странѣ сами подорвали въ ней всякія симпатіи къ Россіи и собственноручно толкнули ее въ объятія западной Европы. Наши соперники на Востокѣ въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, были, конечно, на стражѣ своихъ обязанностей. Они давно уже выражали свое недовольство по поводу постоянныхъ вмѣшательствъ Россіи въ болгарскія дѣла и только ждали удобнаго времени, чтобы положить предѣлъ нашей опеки надъ Болгаріей. Поэтому, когда императорское правительство не одобрило дѣла объединенія болгаръ, европейская дипломатія выступила защитницей ихъ національныхъ стремленій и въ заключеніе помимо нашего согласія возвела на болгарскій престолъ лицо, которое, по ея мнѣнію, должно было служить проводникомъ западно-европейскаго, а не русскаго вліянія въ Болгаріи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Задачи будущей политики Россіи на Востокаѣ.

Г Л А В А I.

Националистическій взглядъ на конечныя цѣли Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Сбывчивость и неопредѣленность взглядовъ на интересы Россіи въ восточномъ вопросѣ. Рѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ, т. е. справедливомъ смыслѣ, по политической программѣ г. Татищева и взглядамъ г. Штагица. Несостоятельность мнѣній этихъ авторовъ. Утвержденіе русскаго господства на берегахъ Босфора и Дарданелль и подчиненіе балканскихъ народностей политическому руководству Россіи не можетъ быть конечною цѣлью нашей восточной политики.

Сдѣлавъ посильную оцѣнку прошлой политики Россіи въ многовѣковомъ для нея восточномъ вопросѣ, мы теперь позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какая форма и способъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса въ будущемъ могутъ быть наиболее желательны съ точки зрѣнія интересовъ Россіи и христіанъ Востока, и остальныхъ народовъ Европы. Выясненіе конечной развязки восточнаго вопроса представляетъ для насъ громадное практическое значеніе какъ потому, что дѣла Востока далеко еще не получили своего окончательнаго разрѣшенія и съ нетерпѣніемъ ждутъ безпристрастнаго приговора Европы, такъ и потому, что въ рѣшеніи восточнаго вопроса непременно должна будетъ принять живое участіе и Россія, которая «не можетъ держаться отъ него въ сторонѣ, если только какое-либо непредвидѣнное потрясеніе не дастъ ей способности забвенія, не отшибетъ у нея памяти о томъ,

тѣмъ она жила, къ чему стремилась и отъ чего страдала*). Но само сабою разумѣется, что для того, чтобы съ честью и пользою для себя принять участіе въ рѣшеніи судьбы Востока, она должна заранѣе точно и ясно опредѣлить свои истинные интересы въ восточномъ вопросѣ и выбрать наиболѣе цѣлесообразные способы ихъ удовлетворенія.

Обращаясь къ вопросу о задачахъ будущей политики Россіи на Востокѣ, мы прежде всего считаемъ своимъ долгомъ замѣтить что несмотря на то, что роковой восточный вопросъ возникъ для Россіи со времени завоеванія турками Царь - Града и въ періодъ своего четырехсотлѣтняго существованія всегда былъ первостепеннымъ и самымъ ягучимъ вопросомъ въ политической жизни русскаго народа, наше общество до сихъ поръ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего слѣдуетъ желать Россіи въ юговосточномъ углу Европы и чего остерегаться. Причина этого грустнаго, но неоспоримаго явленія главнымъ образомъ заключается, конечно, въ крайней недостаточности изученія сложной исторіи восточнаго вопроса, которая между тѣмъ содержитъ въ себѣ много драгоцѣннаго матеріала, много поучительнаго и полезнаго для нашихъ сужденій объ истинныхъ интересахъ Россіи на Востокѣ. Чуждое историческаго изученія предмета, русское общество несомнѣнно не имѣетъ правильныхъ и твердо-установившихся возрѣній на многовѣковой для насъ восточный вопросъ и живетъ тѣми довольно разнообразными и часто противоположными возрѣніями, которыя бойко и смѣло высказываются по восточнымъ дѣламъ въ нашей періодической печати. Даже такія крупныя событія въ жизни балканскихъ христіанъ, какъ послѣдняя русско-турецкая война и печальная для Россіи исторія болгарскаго вопроса, почти нисколько не улучшили прежняго грустнаго положенія дѣла. Въ своихъ сужденіяхъ по дѣламъ православнаго Востока русское общество по-старому продолжаетъ безопасно витать въ области предположеній, мечты и фантазіи, а наши услужливые и краснорѣчивые публицисты охотно и обильно доставляютъ ему соотвѣтствующій матеріалъ для его живаго и пылкаго воображенія.

Какъ ни грустно, быть можетъ, сознаться въ томъ, что мы до сихъ поръ не понимаемъ своихъ истинныхъ интересовъ въ вос-

*) Успенскій. Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ. С.-Пб. 1887 г. стр. 2.

точномъ вопросѣ, съ которымъ имѣемъ дѣло подъ рядъ уже нѣсколько столѣтій, тѣмъ не менѣе неопровержимымъ доказательствомъ этого печальнаго факта, въ нашему новору, служить цѣлый рядъ спеціальныхъ сочиненій, серьезныхъ разсужденій и мелкихъ замѣтокъ въ русскихъ журналахъ и газетахъ, претендующихъ быть вѣрными выразителями истинныхъ желаній и законныхъ стремленій нашихъ народныхъ массъ. Ошибочный взглядъ на интересы Россіи въ восточномъ вопросѣ особенно рѣзко проявляется у нашихъ писателей тогда, когда они принимаютъ на себя трудъ обсужденія способовъ и формъ рѣшенія этого вопроса. Въ виду того, что правильность сужденій относительно возможнаго и желательнаго для Россіи рѣшенія восточнаго вопроса представляетъ громадный научный и практической интересъ, мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ воззрѣніяхъ на тѣ конечныя цѣли, которыя должна преслѣдовать русская политика на Востоцѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ безпристрастной оцѣнки этихъ воззрѣній указать, насколько они согласуются съ нашими интересами и съ началами европейскаго международнаго права, стоящаго на стражѣ общихъ всѣмъ народамъ интересовъ.

Въ числѣ наиболѣе характерныхъ взглядовъ на задачи Россіи въ восточномъ вопросѣ, приписываемыхъ всѣмъ русскимъ людямъ вообще, самое видное мѣсто безспорно занимаютъ воззрѣнія г.г. Татищева и Штигица, изъ которыхъ первый, по его собственнымъ словамъ «въ продолженіе четверти столѣтія всѣ умственные свои силы направилъ къ изученію и выясненію вѣдшихъ политическихъ вопросовъ, сначала на дѣйствительной службѣ, въ живомъ общеніи съ государственными дѣятелями, русскими и иностранными, потомъ въ тиши архивовъ и библіотекъ, занимаясь извлеченіемъ изъ нихъ неизданныхъ источниковъ исторіи русской политики, далеко еще не выдѣлившейся у насъ въ самостоятельную науку»*), а второй—извѣстенъ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ научныхъ работъ по теоріи международнаго права. Со взглядами этихъ писателей на историческія задачи Россіи въ восточномъ вопросѣ мы и познакомимся.

Свой взглядъ на истинныя задачи восточной политики Россіи г. Татищевъ высказываетъ такъ: «Мы хорошо знаемъ,—говоритъ

*) Татищевъ. Дипломатическія бесѣды о вѣдней политикѣ, Россія. Годъ первый. 1889. Сиб. 1890 г., стр. VIII.

онъ, — на какую развязку указываетъ намъ наша тысячелѣтная исторія, какъ на единственную достойную Россіи и способную удовлетворить ея духовнымъ и вещественнымъ потребностямъ. Развязка эта — утверждение русскаго господства надъ проливами Босфорскимъ и Дарданелльскимъ и постановленіе подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ ея политическому руководству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Наступила пора высказать это прямо, безъ колебаній и недомолвокъ, безъ ложной и ничѣмъ не оправдываемой застѣнчивости, въ сознаниіи нашего права и нашей силы, въ уразумѣніи нашего историческаго призванія*).

Таковъ по искреннему и твердому убѣжденію г. Татищева — единственный и неизбежный для Россіи способъ рѣшенія восточнаго вопроса, служившаго цѣлью столѣтія для цивилизованной Европы неистощимымъ источникомъ смутъ, раздоровъ и кровопролитной брани. Почтенный публицистъ «безъ ложной и ничѣмъ неоправдываемой застѣнчивости, въ сознаниіи нашего права и нашей силы, въ уразумѣніи нашего историческаго призванія», громко и торжественно провозглашаетъ, что многовѣковая восточная политика Россіи въ настоящее время должна имѣть свою конечную цѣль: 1) *утвержденіе русскаго господства на рубежѣ Азіи и Европы, на благословенныхъ берегахъ Босфора и Дарданелль* и 2) *поставленіе подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ ея политическому руководству, единоплеменныхъ государствъ Балканскаго полуострова*. Смѣло выставляя девизомъ русской восточной политики эти двѣ задачи, г. Татищевъ старается обосновать и доказать ихъ несомнѣнность и необходимость ссылкой на исторію нашихъ отношеній въ Турціи и на «законно-свокорыстные» расчеты Россіи въ восточной политикѣ.

Что касается до необходимости утвердить русское господство надъ проливами Босфора и Дарданелль, то г. Татищевъ полагаетъ, что задача эта для насъ достаточно хорошо выяснена уже прошлой исторіей восточнаго вопроса. «Такъ — по его мнѣнію — мыслили и разсуждали Великій Петръ и Великая Екатерина, и къ тому же стремался Александръ I, въ тотъ, увѣ! непродолжительный промежутокъ времени между Гильзитомъ и Эрфуртомъ, когда онъ твердо

*) Назв. соч., стр., 29.

стоялъ на почвѣ народной и законно-своекорыстной политики. Въ первые годы по восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Николай возвѣстилъ во всеуслышаніе Европы, что Россіи столь же необходимо господствовать надъ Дарданеллами, какъ Англіи надъ проливомъ Гибралтарскимъ. Если впоследствии онъ и заявилъ, что не хочетъ для себя ни единой пяди турецкой земли, то съ оговоркою, что не дозволить и другимъ державамъ присвоить себѣ изъ нея хотя-бы одинъ вершокъ. Въ томъ же смыслѣ разумѣлъ, очевидно, и императоръ Александръ II обѣщаніе, данное англійскому послу накануне послѣдней восточной войны, не занимать Константинополя *)).

Имѣетъ съ историческимъ прецедентомъ, законность и неизбежность утвержденія русскаго господства надъ Дарданеллами и Босфоромъ подтверждаются, по взгляду почтеннаго публициста, также и «законно - своекорыстными» расчетами Россіи, тѣмъ болѣе что своими, ни на чемъ не основанными захватами въ эпоху Берлинскаго конгресса западныя державы далеко не въ нашу пользу видоизмѣнили соотношеніе силъ на Востокъ. «Война 1877—78 годовъ предпринята была во имя челоуѣколюбія, соображеній «высшаго порядка», исключавшихъ всякій своекорыстный расчетъ съ нашей стороны. Но Европа не послѣдовала русскому примѣру. Не истративъ ни одного гроша, не проливъ ни единой капли крови, великія державы дорогою цѣною продали согласіе свое на освобожденіе Болгаріи, на независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи. Англія утвердилась въ Кипрѣ, Египтѣ и на Суэцкомъ каналѣ; Австро-Венгерія — въ Босніи и Герцеговинѣ; Франція — въ Тунисѣ; Италія — на Черномъ морѣ. Всѣ эти захваты видоизмѣнили не въ нашу пользу соотношеніе силъ на Востокъ. Они равнозначущи обездоленію Россіи, которая по географическому положенію своему, какъ и по историческому прошлому, имѣетъ преимущественное право на жатву посѣвовъ, воздѣланныхъ руками и орошенныхъ потомъ и кровью русскаго народа **)»).

Цѣлкомъ историческихъ прецедентовъ и обездоленія Россіи въ эпоху Берлинскаго конгресса къ захвату проливовъ побуждаютъ насъ, по своеобразному мнѣнію г Татищева, — заботы о собственной безопасности на нашихъ южныхъ окраинахъ, а также священная обя-

*) Назв. соч., стр. 29.

**) Назв. соч., стр. 29—30.

занность оградить отъ притязаній Запада самостоятельность православнаго населенія Востока. «Свято соблюдая договоры, скрѣпленные ея подписью, Россія—говоритъ г. Татищевъ—не посягнетъ на послѣдніе остатки мусульманскаго господства на Босфорѣ, доколѣ сама не будетъ вынуждена на то нарушеніемъ ея правъ или пренебреженіемъ къ ея достоинству. Но когда пробьетъ послѣдній часъ Оттоманской имперіи, она не въ правѣ допустить, да и не допустить ни за что, чтобы проливы достались какой-либо другой державѣ, тѣ самые проливы, что служатъ ключемъ къ ея дому и которые въ рукахъ ея враговъ явились-бы постоянною угрозою спокойствію южныхъ ея окраинъ и самой территоріальной цѣлости. Таковъ священный долгъ ея передъ собою, внушенный заботою о собственной безопасности, долгъ и передъ православнымъ населеніемъ Востока, оградить самостоятельность котораго отъ притязаній Запада она можетъ не иначе, какъ сама ставъ твердою ногою при слияніи двухъ морей и на рубежѣ двухъ материковъ» *).

Итакъ, въ своемъ неизбѣжномъ стремленіи къ захвату проливовъ Босфора и Дарданеллъ, Россія имѣетъ, — по твердому убѣжденію г. Татищева, — четыре законныхъ основанія: 1) историческія традиціи своей восточной политики; 2) свое обездоленіе и нарушеніе соотношенія силъ на Востокѣ въ явный ущербъ для насъ въ эпоху Берлинскаго конгресса; 3) заботы о собственной безопасности на южныхъ окраинахъ и 4) священный долгъ оградить отъ притязаній Запада самостоятельность православнаго населенія Востока, съ которымъ русскій народъ тѣсно связанъ единствомъ вѣры и неразрывными узами кровнаго, братскаго родства.

Обставивъ такими доводами законность и необходимость для Россіи захвата проливовъ Босфора и Дарданеллъ, г. Татищевъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію другой исторической задачи русскаго народа въ восточномъ вопросѣ—къ поставленію подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ политическому руководству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. «Эта вторая часть предстоящей намъ задачи — говоритъ почтенный публицистъ — обуславливается однородными съ первою соображеніями. Не для того Россія въ теченіе трехъ столѣтій гро-

*) Назв. соч., стр. 30.

мила Турцію и освобождала одинъ за другимъ подвластные ей христіанскіе народы, чтобы эти послѣдніе, сплотившись въ нѣсколько государствъ, независимыхъ лишь по имени, обратились въ орудіе враждебной ей политики западныхъ державъ. Пролитая за нихъ кровь своихъ сыновъ, Россія исходила изъ предположенія, что, ставъ свободными, они сознаютъ полную свою солидарность съ державою освободительницею, поймутъ, что только въ тѣсномъ единеніи съ нею они смогутъ отстаивать свою государственную и культурную самобытность. Разсчетъ нашъ не оправдался, но не потому ли отчасти, что сами мы пренебрегали своими интересами и не заботились объ обезпеченіи ихъ надежными матеріальными ручательствами? Неужели позволительно было ожидать, что «молодшіе братья» отнесутся къ нашимъ нуждамъ съ большимъ вниманіемъ и попечительностью, чѣмъ мы сами? Они тѣмъ менѣе помышляли о томъ, что въ невозмутимомъ добродушіи мы продолжали благодѣтельствовать имъ, даже когда они измѣняли намъ и общему нашему знамени, открыто переходя на сторону нашихъ противниковъ. Мы обращались съ ними, какъ съ дѣтьми, которыхъ журили иногда, но никогда строго не наказывали. Было-бы большимъ заблужденіемъ продолжать держаться этого взгляда, послѣ того какъ дѣти доказали намъ на дѣлѣ, что они выросли, возмужали и не хотятъ больше надъ собою нашей опеки. Слѣдуетъ-ли изъ того, что они навсегда отвернулись отъ насъ, чуждаются всякаго общенія или соглашенія съ нами? Ничуть, и намъ сдается, что стоить Россіи вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ христіанскимъ государствамъ Балканскаго полуострова поставить на единственно разумную почву, на почву обоюдной пользы, чтобы всѣ они, рано или поздно, снова примкнули къ ней, какъ естественной своей опорѣ и защитницѣ *)).

Эта «единственно разумная почва» обоюдной пользы состоитъ, по мнѣнію г. Татищева, въ томъ, что Россія въ силу своего всемірно-историческаго призванія должна отстаивать самостоятельность едино-вѣрныхъ и единоплеменныхъ ей христіанъ Востока, а эти послѣдніе, въ знакъ искренней благодарности за нашу заботливость объ ихъ интересахъ, признали-бы надъ собою политическое руководство великодушной освободительницы. «Разумѣется — замѣчаетъ почтен-

*) Назв. соч., стр. 30—31.

ный публицистъ — не легко выработать основанія такого *modus vivendi*, которое, ограждая съ одной стороны полную внутреннюю самостоятельность балканскихъ государствъ, съ другой предоставило-бы Россіи необходимую долю вліянія на ихъ внѣшнюю политику и на распоряженіе ихъ военными силами. Это несравненно труднѣе, чѣмъ довольствоваться болѣе или менѣе лицемѣрными выраженіями ихъ почтенія, преданности и признательности. Но тутъ-то и хочется сказать русской дипломатіи словами Гёте:

Geh ein und tröste dich!
Wo so ein Köpfchen keinen Ausgang sieht
Stellt es sich gleich das Ende vor! *).

Вотъ та политическая программа, которой—по твердому убѣжденію и искренней исповѣди г. Татищева — непременно должна держаться русская дипломатія въ восточномъ вопросѣ для рѣшенія его въ чисто-русскомъ смыслѣ и для полного обезпеченія жизненныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ. Она, повторяемъ, должна — по мнѣнію почтеннаго публициста—безостановочно стремиться къ *утвержденію русскаго исподства надъ проливами Босфора и Дарданелль и къ поставленію подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ ся политическому руководству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова.*

Такого рода взглядъ на рѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ, конечно, не представляетъ собою ничего новаго, а тѣмъ болѣе оригинальнаго, и заслуга г. Татищева въ данномъ случаѣ заключается лишь въ томъ, что онъ ясно и бойко формулировалъ то, что неоднократно уже высказывалось и нерѣдко высказывается теперь въ нашей періодической печати, подъ вліяніемъ націонализма, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ. Въ трудѣ г. Штиглица взглядъ этотъ получилъ даже *научное* обоснованіе въ видѣ доказательства того, что рѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ, т.-е. наиболѣе справедливомъ смыслѣ, нисколько не нарушитъ политическаго равновѣсія Европы, что особенно любопытно потому, что г. Татищевъ доказываетъ свои положенія только «тысячелѣтней исторіей» Россіи и ея «духовными и вещественными потребностями», тогда какъ,

*) Назв. соч., стр. 81.

признавая судьбу Востока вопросомъ международной важности, при рѣшеніи его нельзя забывать и интересовъ остальной Европы.

Понимая подъ восточнымъ вопросомъ только одну сторону дѣла— вопросъ собственно славянскій, г. Штиглицъ полагаетъ, что задача Россіи въ этомъ вопросѣ заключается въ освобожденіи славянъ, въ образованіи славянской или обще - балканской федераціи съ преобладающе — православнымъ характеромъ, причѣмъ протекторатъ Россіи не долженъ касаться внутренней автономіи членовъ этой федераціи. «Народы, — говоритъ онъ, — имѣющіе образоватъ балканскій союзъ, должны пользоваться такою-же свободою, какою пользуются до сихъ поръ финляндцы. Только для защиты отъ внѣшнихъ враговъ или для прекращенія взаимныхъ разногласій, распрей между отдѣльными членами союза, долженъ будетъ дѣйствовать весь союзъ съ Россіей во главѣ. Союзъ этотъ долженъ образоваться во имя православно-славянскаго нравственнаго міросозерцанія, во имя христіанскихъ идеаловъ челоувѣколюбія и всепрощенія, лежащихъ въ основѣ природы русской и славянской вообще, и образующихъ краеугольный камень ученія нашей святой православной церкви— въ противоположность фанатической исключительности католицизма и умозрительной хладнокровности протестантизма» *) «Что касается до славянъ австрійскихъ, то — говоритъ г. Штиглицъ — распространеніе на нихъ русскаго протектората, присоединеніе ихъ къ балканской федераціи вовсе не требуется такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ. Для достиженія нашей цѣли достаточно держатся слѣдующей политики. Австрія должна сдѣлаться государствомъ, въ которомъ славянскіе народы будутъ руководителями внѣшней австрійской политики; она должна стать къ Россіи въ тѣ отношенія зависимыя, въ какихъ стоитъ теперь передъ Германією. Можетъ быть, для достиженія данной цѣли, придется выдѣлить изъ Австріи ея нѣмецкія области и провозгласить независимость Венгріи, а можетъ быть Австрія, умудренная опытомъ, не заставитъ насъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Это вопросъ будущаго» **).

Подобное рѣшеніе восточнаго вопроса, весьма близко подходящее къ политической программѣ г. Татищева, — по мнѣнію г. Штигли-

*) Исслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. СПБ. 1889 г. ч. I, стр. 311—312.

***) Назв. соч., стр. 310.

па—вполнѣ согласно съ началами международнаго права, правды и справедливости, а слѣдовательно и съ принципами политическаго равновѣсія. «Чѣмъ же—спрашиваетъ онъ—принципъ, противящійся чрезмѣрному, ненормальному усилению одного изъ членовъ международнаго союза, враждебнѣ восточному вопросу, какъ его понимаетъ православная Россія и православное славянство? Въ чрезмѣрности, ненормальности роста, усилении одной изъ европейскихъ державъ, соединенной съ всемірно-монархическими стремлениями, заключается общеевропейская опасность. Но кому же угрожаетъ рѣшеніе восточнаго вопроса въ національно-русскомъ, въ національно-славянскомъ смыслѣ? Въ подобномъ рѣшеніи даннаго вопроса заключается историческая миссія, призваніе Россіи. Съ Россією славяне связаны узами крови, узами духовными,—послѣднее относится особенно къ славянамъ православнымъ. Но даже католическіе и протестантскіе славяне, несомнѣнно, ближе стоятъ къ Россіи, чѣмъ къ Австро-Венгріи. Развѣ принципъ международнаго равновѣсія требуетъ денационализаціи славянъ и окатоличенія славянъ православныхъ? Если Россія станетъ во главѣ освобожденныхъ ею славянъ, или даже вообще, балканскихъ народовъ, то она этимъ не обнаружитъ какихъ-либо всемірно-гегемоническихъ тенденцій. Что общаго между Карломъ V, Наполеономъ I и православнымъ русскимъ паремъ — покровителемъ и главою славянско-православной конфедераціи?» *) Общаго между ними,— по мнѣнію г. Штиглица,—нѣтъ ничего. «Принципъ международнаго равновѣсія требуетъ временныхъ коалиціонныхъ соединеній державъ во имя объективнаго принципа международнаго права, во имя принципа международнаго праваго общенія и борьбы съ стремлениями къ универсальному владычеству. Но развѣ таковы стремленія Россіи въ восточномъ вопросѣ?... Гдѣ тутъ стремленіе къ всемірному владычеству? Вѣдь, во имя этого стремленія соединяются насильственно, силою меча, народы различныхъ и даже часто діаметрально противоположныхъ міровоззрѣній,—соединяются не для удовлетворенія какихъ-либо идеальныхъ, духовныхъ потребностей, а въ ущербъ всякому идеализму,—во славу кулака. Вотъ оно—нарушеніе начала международнаго равновѣсія; между этимъ нарушеніемъ и нашими требованіями по восточному вопросу цѣлая бездна,—бездна невосполнимая, безконечная» **).

*) Назв. соч., стр. 309—310.

**) Назв. соч., стр. 311—312.

Сравнивая образъ дѣйствій Россіи въ восточномъ вопросѣ съ образомъ дѣйствій объединенной Германіи, г. Штиглицъ находитъ, что послѣдняя въ своихъ стремленіяхъ дѣйствительно грѣшитъ противъ начала международнаго равновѣсія. «Современная объединенная Германія,— говорятъ онъ,—соединившись съ Австріею и задерживая естественное рѣшеніе восточнаго вопроса, стремится къ созданію сильнѣйшаго германско австрійско-балканскаго союза, къ денационализаціи славянъ, къ ихъ окатоличенію. Союзъ этотъ представлялъ бы чудовищную силу, еслибы удались австро-германскія германизаціонныя и религіозныя цѣли, — силу могучую, и притомъ силу враждебную началу международнаго равновѣсія, а слѣдовательно и международному праву вообще. Членовъ союза соединяла бы только предшествовавшая германизаціонная и іезуитская дѣятельность австро-германцевъ и могучая военная сила, а не естественная, природная общность нравственнаго міросозерцанія, соединяющая освободителя съ освобожденными. Къ тому же, другія европейскія державы, не исключая и такъ называемыхъ «великихъ», обратились бы почти въ васаловъ германо-австро-балканской гегемоніи *)».

Таковы взгляды на задачи восточной политики Россіи, высказываемые нашей печатью, и доводы, приводимые ею въ доказательство того, что указанное рѣшеніе восточнаго вопроса необходимо для Россіи и нисколько не противорѣчитъ началу политическаго равновѣсія Европы. Взгляды эти, конечно, обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ много патріотическаго чувства, но, къ сожалѣнію, указываютъ на неправильное пониманіе ими историческихъ задачъ своего отечества, интересы котораго они такъ энергично и горячо отстаиваютъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ самаго поверхностнаго разбора ученія гг. Штиглица и Татищева, которое одинаково не вяжется ни съ интересами балканскихъ народностей и Европы, ни съ требованіями международнаго равновѣсія.

Наставая на подчиненіи Балканскаго полуострова власти Россіи, подобно тому какъ подчинена ей Финляндія, и считая необходимымъ поставить Австрію въ такую же отъ насъ зависимость, въ какой она находится теперь отъ Германіи, г. Штиглицъ старается доказать справедливость и основательность всѣхъ этихъ дѣйствій съ на-

*) Назв. соч., стр. 312.

шей стороны, во 1-хъ, принципомъ національности, подъ дѣйствиємъ котораго на нашихъ глазахъ объединялись государства, составляя новыя политическія тѣла, и достигали болѣе или менѣе важныхъ реформъ въ своей внутренней жизни, и, во 2-хъ, теоріей политическаго равновѣсія, противопоставляемой имъ стремленію государствъ ко всемірному владычеству. Къ этимъ двумъ доводамъ, такъ сказать, положительнаго характера, онъ прибавляетъ третій аргументъ чисто отрицательнаго свойства: австро-германскія тенденціи на Балканскомъ полуостровѣ.

Г. Штиглицъ говоритъ, что Россія, связанная съ балканскими и австрійскими славянами узами или кровнаго, или духовнаго родства, должна стремиться къ рѣшенію восточнаго вопроса въ вышеуказанномъ смыслѣ во имя національныхъ стремленій нашего времени. Но развѣ принципъ національности, призванный играть столь важную роль въ современной намъ жизни, оправдываетъ подчиненіе юго-восточныхъ славянъ Россіи? Нисколько. Это начало международнаго права, какъ извѣстно, выступаетъ только противъ практиковавшагося до сихъ поръ способа образованія государствъ путемъ завоеваній и различныхъ территориальныхъ сдѣлокъ между правительствами, и защищаетъ естественныя стремленія къ совмѣстной и самостоятельной жизни пригнетенныхъ народностей, связанныхъ между собою общностью происхожденія, территоріи, языка и нравовъ, и проникнутыхъ сознаниємъ этой своей общности. Понятно, что поощряя національные интересы вообще, указанное начало не въ силахъ оправдать присоединеніе балканской территоріи къ Россіи, такъ какъ, будучи послѣдовательно, оно должно стоять за образованіе самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ то было до турецкихъ завоеваній въ Европѣ *), и

*) Этого требуетъ самый характеръ происхожденія современныхъ славянскихъ племенъ. „Когда нинѣшнее 'западное и южное славянство—говоритъ г. Пининъ—двинулось въ страны, занятыя имъ теперь, оно встрѣтило тамъ не безлюдную пустыню, а напротивъ, населеніе туземцевъ иной расы, которые частію отступали передъ ними, частію имъ покорились и принимали ихъ національность. Извѣстно выраженіе стараго историка, что „Греція ославянилась“ отъ славянскаго нашествія;—дѣйствительно, славяне, проникши во время своихъ нашествій на Балканскій полуостровъ до самаго Пелопоннеса, оставили въ Греціи память о себѣ дѣльными рядами мѣстныхъ названій и даже извѣстными числомъ культурныхъ словъ въ новогреческомъ языкѣ, но въ послѣдствіи эти греческіе славяне совсѣмъ исчезли изъ исторіи, очевидно потонувши въ туземномъ населеніи, болѣе многочисленномъ. Извѣстно

по этому всякая наша попытка къ захватамъ на счетъ славянскихъ земель Турціи пошла-бы въ разрѣзъ съ требованіями современнаго международнаго права и справедливости.

Но если принципъ національности не оправдываетъ стремленія Россіи къ осуществленію тѣхъ задачъ на Востокѣ, которыя указываютъ ей ревностные защитники интересовъ русскаго народа и славянъ, то тѣмъ менѣе оправдывается оно требованіями политическаго равновѣсія. Подъ поватіемъ этого равновѣсія—по словамъ Блунчли—разумѣется мирное и совмѣстное существованіе государствъ, дающее имъ право противодѣйствія въ случаѣ приобрѣтенія кѣмъ либо изъ нихъ такого могущества, которое угрожало бы ихъ свободѣ и независимости, причемъ право на это противодѣйствіе имѣютъ не только прямо угрожаемыя государства, но и всѣ остальные *). Выдвигая на первый планъ «мирное и совмѣстное существованіе государствъ» и противодѣйствуя стремленію одного народа къ универ-

также, какъ славянскій элементъ большой долей участвовалъ въ формации румынскаго племени, языкъ котораго такъ проникнуть славянской стихіей и т. д. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, туземное населеніе тоуло въ славянствѣ — такъ случилось въ балтійскомъ славянствѣ въ первую пору его существованія (послѣ оно само потонуло въ германскомъ племени); въ Богеміи, гдѣ славяне поглотили туземцевъ; въ Сербіи и Болгаріи, гдѣ они поглощали греческія, илирійскія, еравійскія племена, и т. д. Неизвѣстно, какихъ предшественниковъ имѣло въ своей первобытной области русское племя, но извѣстно, что въ первне вѣка документальной исторіи оно распространялось насчетъ финскихъ и частію тюркскихъ туземныхъ племенъ, осѣдлыхъ и кочевныхъ, а на западномъ краѣ слиялось съ литвой и элементами юго-западнаго славянства. Это разнообразное, содѣйство и занятіе чужихъ земель несомнѣнно вело къ племенному смѣшенію, т.-е. къ измѣненію антропологическаго типа побѣдителей чрезъ поглощеніе чужихъ элементовъ. Такимъ образомъ тѣ варіаціи славянскаго племени, которыя покрываются поватіемъ родственности, происходили не только отъ развитія однороднаго типа въ условіяхъ различной природы, но и прямо отъ вступленія въ него инородныхъ стихій. Въ этомъ, кажется, нужно убѣдиться, сличивъ типы современныхъ славянскихъ народностей: не одна историческая судьба однороднаго типа провела такую разницу между русскимъ и чехомъ, полякомъ и черногорцемъ, или поселила племенную вражду между русскимъ и полякомъ, сербомъ и болгаринномъ; вѣтшій типъ и національный характеръ, безъ сомнѣнія, сложились и подъ влияніемъ (хотя и трудно уловимыхъ) антропологическихъ элементовъ, образовавшихъ отдѣльныя племена“. (Объ историческомъ складѣ русской народности. См. Вѣст. Европы за 1884 годъ, № 9, стр. 245—246). Понятно, при такомъ характерѣ происхожденія современныхъ славянскихъ племенъ, слѣдуетъ защищать право ихъ отдѣльнаго, самостоятельнаго національнаго существованія, право мѣстныхъ индивидуальностей.

*) Современное международное право цивилизованныхъ государствъ. М. 1876 г. § 98.

сальному владычеству надъ другими, система политическаго равновѣсія,—по мнѣнію Блюнчли—не препятствуетъ впрочемъ естественному желанію большаго національнаго государства слиться съ другими родственными ему по національности государствами, даже противъ ихъ желанія, если такого рода сліяніе, какъ слѣдствіе естественнаго развитія народа, является необходимымъ условіемъ безопасности и благосостоянія цѣлой націи *). Но безопасность и благосостояніе славянской націи вовсе не требуютъ поглощенія Россією остальныхъ славянскихъ народовъ, вслѣдствіе чего поглощеніе это не можетъ быть оправдано и указаннымъ исключеніемъ, дѣлаемымъ теоріей политическаго равновѣсія, съ которой, такимъ образомъ, нисколько не согласуется рѣшеніе восточнаго вопроса «въ національно-русскомъ. въ національно-славянскомъ смыслѣ». — «Чѣмъ принципъ, противящійся чрезмѣрному, ненормальному усиленію одного изъ членовъ международнаго союза, враждебенъ восточному вопросу, какъ его понимаетъ православная Россія или православное славянство», — или лучше сказать г. Штиглицъ и г. Татищевъ — это весьма понятно. Принципъ этотъ враждебенъ рѣшенію восточнаго вопроса въ вышеуказанномъ смыслѣ потому, что подобное рѣшеніе его привело бы къ чрезмѣрному, ненормальному усиленію Россіи, которая постоянно угрожала бы независимости остальныхъ членовъ международнаго союза и могла бы неограниченно властвовать на континентѣ Европы. Это всего лучше доказывается собственными же словами г. Штиглица, когда онъ указываетъ на опасность австро-германскихъ тенденцій на Балканскомъ полуостровѣ.

Г. Штиглицъ говоритъ, что «если Россія станетъ во главѣ освобожденныхъ ею славянъ и даже вообще балканскихъ народовъ, то она этимъ не обнаружитъ какихъ-либо всемірно-гегемоническихъ тенденцій», подобно Карлу V или Наполеону I, которые не имѣютъ ничего общаго «съ православнымъ русскимъ царемъ — покровителемъ и главою славянско-православной конфедераціи». Между тѣмъ германо-австрійско-балканскій союзъ представляется для него чудовищнымъ и онъ предвидитъ, что «другія европейскія державы не исключая и такъ называемыхъ великихъ, обратились бы почти въ вассаловъ германо-австро-балканской гегемоніи». Но позволительно, однако,

. *) Назв. соч. § 99.

спросить, какая же разница между германо-австро-балканскимъ союзомъ и союзомъ Россіи съ балканскими народностями и славянами Австріи, какъ это проектируетъ г. Штиглицъ? По нашему мнѣнію, разница здѣсь заключается лишь въ одной номенклатурѣ. Если для политическаго равновѣсія опасенъ германо-австро-балканскій союзъ, то настолько же для него опасенъ и союзъ русско-австрійско-балканскій. Отъ замѣны Германіи Россіей въ союзѣ съ австрійскими и балканскими славянами равновѣсію Европы не будетъ нисколько легче, и поэтому какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково почувствуется необходимость въ «коалиціонныхъ соединеніяхъ державъ во имя объективнаго принципа международнаго правоваго общенія и борьбы съ стремленіями къ универсальному владычеству».

Все это показываетъ, что инкорпорація Балканскаго полуострова и подчиненіе политическому руководству Россіи австрійскихъ славянъ не совмѣстимо съ принципомъ политическаго или международнаго равновѣсія, и европейскія державы никогда не допустятъ осуществленія подобныхъ стремленій съ нашей стороны. Съ послѣднимъ согласенъ и г. Татищевъ. Разоблачивъ, такъ сказать, конечную цѣль нашей многовѣковой политики и отправляясь въ своихъ умозаключеніяхъ отъ этой какъ бы единственно—вѣрной цѣли, онъ замѣчаетъ, что «никакая сдѣлка съ державами Запада не можетъ повести къ рѣшенію восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ», что «все, что дѣйствительно можетъ обезпечить интересы Россіи на Востокъ, никогда не будетъ допущено Европою. а все, что допустить Европа, всегда окажется недостаточнымъ для обезпеченія русскихъ интересовъ» *). Замѣчаніе это какъ нельзя болѣе справедливо, если допустить, что въ силу своего историческаго призванія Россія должна упорно и настойчиво стремиться къ тому, что г. Татищевъ и г. Штиглицъ считаютъ и называютъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса въ русскомъ, т.-е. наиболѣе справедливомъ смыслѣ. ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что она встрѣтитъ сильный и рѣшительный отпоръ своимъ непомѣрнымъ стремленіямъ со стороны всей западной Европы и никогда не достигнетъ соглашенія по восточному вопросу съ ней въ смыслѣ вышеуказанныхъ тенденцій. Причина противодѣйствія великихъ европейскихъ державъ стремленіямъ, навязываемымъ Рос-

*.) Дипломатическія бесѣды, стр. 13.

сія гг. Татищевымъ и Штиглицемъ, очевидна и понятна для всякаго, кто мало мальски знакомъ съ исторіей нашей восточной политики, содержащей въ себѣ весьма поучительную картину рѣзкихъ столкновеній нашихъ интересовъ съ интересами Европы на живописныхъ берегахъ Босфора. Захватъ проливовъ и политическое руководство надъ славянскими государствами вмѣстѣ съ распоряженіемъ ихъ военными силами и союзомъ съ Австріей—дали-бы слишкомъ большое политическое преобладаніе Россіи въ Европѣ въ прямой ущербъ интересамъ западныхъ державъ, которыя въ сущности всегда серьезно опасались не столько самаго паденія давно распатанной и приговоренной къ смерти Турецкой имперіи, сколько чрезмѣрнаго усиленія тѣхъ, кто своекорыстно воспользуется ея обломками.

Страшное нарушеніе политическаго равновѣсія—вотъ главное и вполне естественное возраженіе, которое громко раздастся въ западной Европѣ противъ конечной цѣли русской восточной политики по программѣ, исходящей изъ-подъ націоналистическаго пера г. Татищева и г. Штиглица. Ихъ политическія тенденціи положительны неосуществимы съ точки зрѣнія западной Европы, съ которой намъ *volens-voletis* постоянно и неизбежно приходится считаться на Босфорѣ, гдѣ наше положеніе по отношенію къ восточному вопросу всегда оцѣнивалось съ точки зрѣнія громаднаго вліянія Россіи среди единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народностей Балканскаго полуострова. Не имѣя въ лицѣ западныхъ державъ поддержки грандіознымъ политическимъ замысламъ, мы «въ сознаніи нашего права и нашей силы» принуждены будемъ проводить вышеизложенную программу нашей восточной политики уже не правовымъ и дипломатическимъ путемъ, а только вооруженною рукою, что едва-ли также возможно при противообѣдствіи нашимъ стремленіямъ со стороны цѣлой Европы. Конечно, щепетильное патріотическое чувство, извращенное въ задорную самонадѣянность, найдетъ возразить намъ на это горячими словами русскаго поэта:

- «Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
- «Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
- «Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
- «Иль намъ съ Европой спорить ново?
- «Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
- «Иль мало насъ? Иль отъ Перми до Тавриды,

«Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды;
«Отъ потрясеннаго Кремля,
«До стѣнъ недвижнаго Китая,
«Стальной щетиною сверкая,
«Не встанеть Русская земля»?..

Но, вѣдь, это возраженіе и ревностная защита нашей мощи и силы нисколько не помогутъ дѣлу, если судить о немъ безпристрастно, а не подъ исключительнымъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія. Г. Штиглицъ утверждаетъ, что «Германія теперь настолько сильна, что ослабленіе ея Франціею было бы вполне согласно съ нашими интересами. Будучи занята войною съ Франціею, будучи побѣждена французами, Германія оказалась бы не въ силахъ помочь Австріи и Италіи въ войнѣ ихъ съ Россіей, — а съ австрійцами и итальянцами мы уже справимся. Присоединеніе къ нимъ англичанъ насъ нисколько не пугаетъ: въ Индіи мы можемъ заварить имъ такую кашу, которую имъ не расхлебать. Въ данномъ случаѣ повторилась бы борьба Рима съ Каррагеномъ» *). Комбинація эта прекрасна и вполне гармонируетъ съ вышеуказанными взглядами г. Штиглица, но едва-ли она согласна съ жизненными интересами Россіи и, что всего важнѣе, наврядъ-ли осуществима на дѣлѣ. Чѣмъ можно ручаться, что новая франко-прусская война окончится въ пользу Франціи, существованія которой повелительно требуютъ русскіе интересы, какъ противовѣса нестерпимому владычеству германскаго милитаризма? Гдѣ гарантіи тому, что намъ придется воевать только съ Австріей и Италіей? Развѣ исторія не свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что всѣ счеты европейскихъ державъ между собою всегда утихали, какъ только возникали серьезныя осложненія на Востокѣ, и поэтому развѣ мы не рискуемъ столкнуться снова съ цѣлой Европой, которая, умудренная опытомъ, не ограничится уже на этотъ разъ однимъ севастопольскимъ погромомъ, а постарается на вѣки уничтожить для себя всякую опасность со стороны Россіи.

Итакъ, настойчиво предлагаемая намъ программа восточной политики Россіи не можетъ быть практически осуществима, ни путемъ нашего соглашенія съ великими европейскими державами на счетъ

*) Исслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности, ч. I, стр. 310.

окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ, — что, конечно, было бы всего болѣе желательно, — ни вооруженною борьбою съ ними. Разъ же пушечныя канонады и дипломатическіе переговоры, не говоря уже о путяхъ чисто юридическихъ, безсильны въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса въ вышеуказанномъ смыслѣ, необходимо признать, что преслѣдованіе такой недостижимой задачи совершенно бесполезно для Россіи, вслѣдствіе чего она положительно должна отказаться отъ той передѣлки юго-востока Европы, которую указываютъ ей г. Татищевъ и г. Штиглицъ, какъ конечную цѣль многовѣковой политики на Востокѣ. Къ этому заключенію приводитъ и безпристрастное разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько то, что съ такимъ твердымъ убѣжденіемъ выдается за рѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ, т.-е. справедливомъ смыслѣ, дѣйствительно отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ Россіи и настоятельно требуется ея историческимъ призваніемъ.

Г. Татищевъ полагаетъ, что Россіи необходимо утвердиться въ Босфорскомъ и Дарданельскомъ проливахъ, и доказываетъ это прежде всего ссылкой на исторію нашей восточной политики, гдѣ дѣйствительно легко возможно встрѣтить не одну попытку къ захвату Константинополя и проливовъ. Но если въ исторіи нашей многовѣковой восточной политики и не трудно отыскать тѣ самыя тенденціи, которыми дышетъ первая часть политической программы нашего почтеннаго публициста, то во всякомъ случаѣ ссылка его на эту исторію едва ли основательна, когда она въ тоже время безпристрастно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что подобныя попытки были иногда неблагоразумны со стороны Россіи, что онѣ противорѣчили ея освободительной роли на Востокѣ, что, наконецъ, эти попытки совершались подъ вліяніемъ личныхъ произволеній и временныхъ или случайныхъ потребностей. Даже самъ императоръ Николай I, которому г. Татищевъ ставитъ въ особенную заслугу стремленіе занять выгодныя позиціи на берегахъ Босфора, сознавалъ отсутствіе необходимости къ захвату проливовъ, какъ это видно изъ его разговора съ Муравьевымъ по возвращеніи послѣдняго въ Петербургъ послѣ улаженія турецко-египетской распри. «Странно, — говорилъ онъ Муравьеву, — что общее мнѣніе приписываетъ мнѣ желаніе овладѣть Константинополемъ и Турецкою имперіей. Я уже два раза могъ сдѣлать это, если-бы хотѣлъ: въ первый разъ — послѣ

перехода через Балканы, а второй—нынѣ; но я отъ того весьма далекъ. Мнѣніе это осталось еще со временъ императрицы Екатерины и такъ сильно вкоренилось, что самые умные политики въ Европѣ не могутъ въ томъ разубѣдиться. Какія мнѣ выгоды отъ завоеванія Турціи? Держать тамъ войска? Да допустила-ли бы еще меня къ этому Австрія? Какія выгоды произошли-бы отъ того для нашей матушки-то Россіи, то есть для губерній: Ярославской, Московской, Владимірской и прочихъ? Мнѣ и Польши довольно. Такъ, мнѣ выгодно держать Турцію въ томъ слабомъ состояніи, въ которомъ она нынѣ находится; это и надобно поддержать, и вотъ настоящіе отношенія, въ какихъ я долженъ оставаться съ султаномъ». На замѣчаніе Муравьева, что Порта едва-ли будетъ способна защищать Дарданеллы, согласно даннымъ Россіи обязательствамъ, государь не сдѣлалъ и намека на необходимость для насъ захвата проливовъ и выразилъ свою готовность поддерживать войсками обязательства, которыя приняла на себя передъ нами Порта *).

Какъ неумѣстна историческая справка г. Татищева, такъ-же неудачна и дальнѣйшая его аргументація въ пользу необходимости и права Россіи захватить проливы Босфора и Дарданелль. Стараясь доказать свое мнѣніе, онъ говоритъ, что Россія по географическому положенію своему, какъ и по историческому прошлому имѣетъ преимущественное право на жатву посѣвовъ, воздѣланныхъ руками и орошенныхъ потомъ и кровью русскаго народа, тогда какъ эти посѣвы вмѣсто насъ пожинаютъ западныя державы, которыя своими незаконными захватами, совершенными въ эпоху Берлинскаго конгресса, видоизмѣнили даже соотношеніе силъ на Востокъ въ явный ущербъ намъ. Другими словами.— аргументація г. Татищева такова: такъ-какъ Европа своими незаконными захватами нарушила соотношеніе силъ на Востокъ не въ нашу пользу, то Россіи приходится восстановить это соотношеніе, конечно, захватомъ проливовъ, на что имѣетъ де несомнѣнное право по своему географическому положенію и историческому прошлому. Насколько основательно и убѣдительно это доказательство необходимости для насъ и нашего права захватить Босфоръ и Дарданеллы, — видно съ перваго взгляда. Прежде всего, Россія сама допустила ничѣмъ не заслуженные за-

*) Муравьевъ. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году, стр. 449.

хватъ западныхъ державъ въ эпоху Берлинскаго конгресса, на которомъ она согласилась на цѣлый рядъ самыхъ жалкихъ компромиссовъ. А если это такъ, то въ правѣ-ли она послѣ времени искать восстановленія соотношенія силъ на Востокѣ, хотя и нарушеннаго прямо въ ущербъ намъ, но съ нашего добраго согласія? Затѣмъ, если, какъ мы видѣли, нарушение соотношенія силъ на Востокѣ не обуславливаетъ нашего права на захватъ проливовъ, то уполномочиваетъ ли г. Татищева желать этого для Россіи ея географическое положеніе? Нисколько. Намъ тогда, пожалуй, пришлось-бы желать уже и захвата проливовъ, ведущихъ въ Средиземное море. Наконецъ, развѣ историческое прошлое восточнаго вопроса свидѣтельствуетъ о нашемъ правѣ на захваты за осуществленіе славянской миссіи? Исторія свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ, что наша политика на Востокѣ должна быть вполнѣ безкорыстной и только освободительной.

Основнымъ побужденіемъ къ утверженію русскаго господства въ Босфорскомъ и Дарданельскомъ проливахъ служить для Россіи, по мнѣнію г. Татищева, забота ея о собственной безопасности и долгъ передъ православнымъ населеніемъ Востока, — оградить самостоятельность котораго отъ притязаній Запада она можетъ не иначе, какъ сама ставъ твердою ногою при сліяніи двухъ морей, на рубежѣ двухъ материковъ. Что касается заботъ Россіи о собственной безопасности, то проливы, по убѣжденію г. Татищева, были-бы въ нашихъ рукахъ ключами къ Черному морю, какъ къ нашему дому, и такимъ образомъ вполнѣ гарантировали-бы безопасность южныхъ окраинъ нашего отечества отъ нападенія со стороны западныхъ державъ. Но, вѣдь, для безопасности южныхъ окраинъ Россіи ей достаточно, какъ намъ кажется, имѣть на Черномъ морѣ военный флотъ и поддерживать на черноморской береговой линіи свои укрѣпленія. Кромѣ того, еще подлежитъ большому сомнѣнію, имѣеть-ли Россія право дѣлать Черное море своимъ внутреннимъ моремъ. Съ точки зрѣнія международнаго права мечты г. Татищева о захватѣ проливовъ по меньшей мѣрѣ странны. Черное море можно было-бы сдѣлать закрытымъ въ военномъ отношеніи только въ томъ случаѣ, если бы оно было территоріальнымъ моремъ какой-либо одной державы, такъ-что въ прежнее время, когда море это принадлежало исключительно лишь Турціи, державшей въ своихъ рукахъ и про-

ливы, г. Татищевъ могъ толковать о захватѣ ихъ Россіей. Теперь же положеніе вещей кореннымъ образомъ перемѣнилось. Турція утратила права на значительную часть береговъ Чернаго моря, и вслѣдствіе этого оно изъ закрытаго сдѣлалось открытымъ, и какъ Австрія, такъ и балканскія государства, прилегающія къ этому морю, въ правѣ требовать свободнаго прохода черезъ проливы даже во время войны. Поэтому въ международномъ правѣ Россія не найдетъ опоры своимъ стремленіямъ къ захвату проливовъ Босфора и Дарданеллъ, которые для черноморскихъ странъ служатъ кратчайшимъ путемъ сношеній съ южной Европой и (черезъ Суэцкій каналъ) съ отдаленнымъ Востокомъ. По теоріи современнаго международнаго права проходы изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно должны быть всегда открыты флагамъ всѣхъ народовъ. Весь міръ идетъ по пути къ свободѣ, и Россіи нѣтъ основанія стѣвнять ее тамъ, гдѣ царствуетъ свободная стихія.

Утвержденіе русскаго господства надъ проливами Босфора и Дарданеллъ есть, по словамъ г. Татищева, долгъ Россіи передъ православымъ населеніемъ Востока: самостоятельность его она можетъ оградить отъ притязаній Запада не иначе, какъ сама ставъ твердою ногою при сліянніи двухъ морей и на рубежѣ двухъ материковъ. Г. Татищевъ, очевидно, предполагаетъ, что, занявъ проливы, такъ сказать, на страхъ врагамъ, Россія будетъ сильнѣе чувствовать себя въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ для борьбы съ своими соперниками на Востокъ и скорѣе будетъ въ состояніи рѣшить восточный вопросъ въ русскомъ смыслѣ. Но въ этомъ нашъ почтенный публицистъ едва-ли не ошибается. Дѣло въ томъ, что желательное для насъ рѣшеніе восточнаго вопроса зависитъ не отъ одного только усиленія нашего могущества по отношенію къ Западу. Грубая сила всегда и всюду была самымъ плохимъ способомъ рѣшенія международныхъ вопросовъ. Гораздо болѣе значенія имѣетъ здѣсь глубокое пониманіе дѣла, безпристрастное и умѣлое веденіе его. Къ тому же, посягательство Запада на самостоятельность православнаго Востока есть слѣдствіе не нашей слабости въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, а слѣдствіе нашихъ дипломатическихъ промаховъ и нашего же посягательства на самостоятельность балканскихъ народностей.

Такимъ образомъ захватъ Россією Босфора и Дарданеллъ не

оправдывается ни прошлой исторіей восточнаго вопроса, ни настоящими жизненными интересами русскаго государства и всего славянства. Поэтому первый пунктъ политической программы г. Татищева, проводимый имъ съ необыкновенною настойчивостью, можетъ быть свободно вычеркнуть безъ всякаго ущерба истиннымъ интересамъ нашего отечества и нашей славянской миссіи. Не болѣе вниманія заслуживаетъ и вторая задача, которую г. Татищевъ ставитъ Россіи въ восточномъ вопросѣ, «въ уразумѣніи ея историческаго призванія».

Россія—говоритъ онъ—должна поставить подъ свою охрану, съ подчиненіемъ своему политическому руководству, единовѣрныя и единоплеменные государства Балканскаго полуострова. «Эта вторая часть предстоящей намъ задачи обуславливается — по мнѣнію почтеннаго публициста—однородными съ первою соображеніями», т. е. соображеніями, однородными съ тѣми, которыя мы только-что разсматривали и признали несостоятельными. Доказывая необходимость выполненія второй задачи Россіи въ восточномъ вопросѣ, г. Татищевъ говоритъ: «не для того Россія въ теченіе трехъ столѣтій громила Турцію и освобождала одинъ за другимъ подвластные ей христіанскіе народы, чтобы эти послѣдніе, сплотясь въ нѣсколько государствъ, независимыхъ лишь по имени, обратились въ орудіе враждебной ей политики западныхъ державъ». Совершенно вѣрно. Россія освобождала христіанъ Востока вовсе не для того, чтобы они со временемъ сдѣлались ея врагами. Она освобождала ихъ отъ турецкаго ига для того, чтобы возродить ихъ къ новой самостоятельной жизни и ввести въ общеніе съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ. Если же славяне, получивъ независимость, отвернулись отъ Россіи и, раздираемые происками партій, перешли во враждебный ей лагерь, то это уже ихъ дѣло, лишь-бы только они держали въ умѣ судьбу, которая постигла Польшу; на долю же Россіи пока приходится только откровенно признаться, что она въ значительной степени сама виновата въ послѣдовательной уtratѣ своего вліянія сначала въ Греціи, затѣмъ въ Румыніи и Сербіи и, наконецъ, въ Болгаріи. Съ этимъ послѣднимъ согласенъ и г. Татищевъ, только онъ видитъ истинную причину нашихъ постоянныхъ неудачъ въ сношеніяхъ съ балканскими народностями не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ. «Проливая за славянъ кровь своихъ сыновъ,—замѣчаетъ съ

грустью почтенный публицист, — Россія исходила изъ предположенія, что, ставъ свободными, они сознають полную свою солидарность съ державою освободительницею, поймутъ, что только въ тѣсномъ единеніи съ нею они смогутъ отстоять свою государственную и культурную самобытность. Разсчетъ нашъ не оправдался, но не потому ли отчасти, что сами мы пренебрегали своими интересами и не заботились объ обезпеченіи ихъ надежными матеріальными ручательствами? Неужели позволительно было ожидать, что «молодшіе братья» отнесутся къ нашимъ нуждамъ съ большимъ вниманіемъ и попечительностью, чѣмъ мы сами? Они тѣмъ менѣе помышляли о томъ, что въ невозмутимомъ добродушіи мы продолжали благодѣтельствовать имъ, даже когда они измѣняли намъ и общему нашему знамени, открыто переходя на сторону нашихъ противниковъ». Иначе, говоря словами самого-же г. Татищева, — «главная наша ошибка заключалась доселѣ въ томъ, что, проливая русскую кровь за освобожденіе единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, мы цѣлью нашихъ усилій ставили ихъ исключительное благо, не помышляя о самихъ себѣ и о принятіи мѣръ предосторожности на тотъ случай, если-бы призванные нами къ жизни политическіе организмы обратились въ орудія нашихъ враговъ, направленные противъ Россіи» *).

Что мы ставили цѣлью своей восточной политики исключительно благо славянъ, — въ этомъ нѣтъ ничего предсудительнаго. Таково уже наше по отношенію къ нимъ призваніе. Къ тому же, слѣдуетъ откровенно сказать, что на Востоку у Россіи и нѣтъ никакихъ своекорыстныхъ интересовъ. Она не страдаетъ избыткомъ населенія, которое другія государства стараются куда нибудь протолкнуть, чтобы дышать свободно. Точно также она не страдаетъ избыткомъ труда и капитала, которые не находили-бы мѣста у себя дома и рвались-бы на всякую эксплуатацію, гдѣ только возможно. Въ виду всего этого нѣтъ ничего удивительнаго, что Россія не преслѣдовала въ земляхъ Балканскаго полуострова какихъ-либо матеріальныхъ интересовъ и ставила цѣлью своей политики лишь исключительно благо своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Что-же касается того, что мы не принимали мѣръ къ обезпеченію своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, то это утвержденіе г. Татищева не со-

*) Дипломатическія бесѣды, стр. 13.

всѣмъ вѣрно. Въ погонѣ за упроченіемъ своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ мы, напротивъ того, даже желали обратитъ славянскія государства почти въ русскія провинціи, что, конечно и было, главною нашею ошибкою, благодаря которой Россія утрачивала симпатіи освобожденныхъ ею славянъ. Навязывая балканскимъ народностямъ свои политическіе принципы и формы и ставя подъ свою опеку ихъ внутреннюю жизнь, Россія сама отталкивала отъ себя своихъ восточныхъ единовѣрцевъ, которые всегда, какъ и всякій независимый народъ, желали свободно жить подъ своею національною властью и за оказанныя имъ благодѣянія не могли отказаться отъ своей самостоятельности, отъ самихъ себя.

Обвиняя нашу дипломатію въ томъ, что она пренебрегала русскими интересами, г. Татищевъ предполагаетъ, что ей слѣдовало-бы заботиться объ обеспеченіи ихъ надлежащими матеріальными ручательствами, почему на будущее время онъ совѣтуетъ не подавать славянамъ руку помощи, не обеспечивъ себя въ томъ, что и «наши интересы будутъ уважены ими и не повторятся болѣе оскорбляющія наше чувство и унижающія достоинство проявленія ихъ неблагодарности» *). Позвоительно, однако, спросить, мыслимы-ли матеріальныя гарантіи въ твердости и постоянствѣ извѣстныхъ чувствъ? Вѣдь, матеріальныя гарантіи примѣнимы, какъ намъ кажется, только въ сферѣ матеріальныхъ отношеній, а не въ области симпатій и антипатій! Г. Татищевъ считаетъ такой гарантіей признаніе славянами нравственнаго авторитета Россіи надъ собою и подчиненіе политическому руководству ея всѣхъ своихъ вещественныхъ силъ. Захвативъ въ свои руки внѣшнюю политику и распоряженіе вещественными силами славянъ, Россія—думаетъ онъ—обеспечитъ себѣ симпатіи христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Почтенный публицистъ старается при этомъ вывести свое умозаключеніе какъ-бы изъ предшествовавшаго историческаго опыта. Прежде—говоритъ онъ—«мы обращались съ ними (славянами), какъ съ дѣтьми, которыхъ журили иногда, но никогда строго не наказывали. Было бы большимъ заблужденіемъ продолжать держаться этого взгляда, послѣ того какъ дѣти доказали намъ на дѣлѣ, что они выросли, возмужали и не хотятъ больше надъ собою нашей опеки». Но очевидно, что

*) Назв. соч., стр. 15.

г. Татищевъ, требующій для Россіи политическаго руководства и распоряженія вещественными силами славянъ, въ данномъ случаѣ впадаетъ въ явное противорѣчіе самъ съ собою, не говоря уже о томъ, что идетъ въ разрѣвъ съ задачами нашей исторической миссіи. Онъ желаетъ, чтобы Россія по своему произволу направляла внутреннюю и внѣшнюю жизнь балканскихъ племенъ, какъ-бы жизнь своихъ вѣрныхъ подданныхъ, но, вѣдь, онъ самъ же говорить, что «дѣти доказали намъ на дѣлѣ, что они выросли, возмужали и не хотятъ болѣе надъ собою нашей опеки». Какъ-же вторгаться во внутреннюю и внѣшнюю жизнь народа противъ его желанія? Къ тому же, вѣдь, насиліемъ нельзя пріобрѣсти расположенія, а можно только утратить его окончательно. Наконецъ, не для чего было намъ и освободить балканскія племена изъ подъ турецкаго ига, чтобы ставить ихъ подъ власть Россіи. Наша всемірно-историческая задача состоитъ въ томъ, чтобы дать свободную и независимую, духовную и политическую жизнь восточнымъ христіанамъ, вывести ихъ изъ мрачной и холодной могилы вѣковаго порабощенія и ввести въ международный союзъ культурныхъ европейскихъ народовъ, а вовсе не въ томъ, чтобы выдѣлывать изъ освобожденныхъ нами славянъ своихъ вассаловъ, каковыми они и быть-то не желаютъ. Ихъ общенародное стремленіе состоитъ въ желаніи занять мѣсто въ европейской семьѣ, пріобщиться къ европейской культурѣ и сохранить въ то же время свою самобытность—не общую племенную, а частную, національную самобытность каждой народности.

Понимая нашу историческую задачу въ восточномъ вопросѣ, г. Татищевъ и самъ замѣчаетъ то извращеніе ея, къ которому неминуемо поведетъ поставленіе подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ ея политическому руководству единовѣрныхъ и единоплеменныхъ государствъ Балканскаго полуострова. «Разумѣется—говоритъ онъ—не легко выработать основанія такого *modus vivendi*, которое, ограждая съ одной стороны полную внутреннюю самостоятельность балканскихъ государствъ, съ другой предоставило бы Россіи необходимую долю вліянія на ихъ внѣшнюю политику и на распоряженіе ихъ военными силами. Это несравненно труднѣе, чѣмъ довольствоваться болѣе или менѣе лицемѣрными выраженіями ихъ почтенія, преданности и признательности». Оградить внутреннюю самостоятельность славянъ и въ то же время руководить ихъ внѣшнею политикою и

военными силами — вещь совершенно невозможная, такъ-какъ это было-бы равносильно образованію изъ Россіи и балканскихъ народовъ союза государствъ, для котораго еще не настало время, и напрасно г. Татищевъ словами Гёте утѣшаетъ и ободряетъ русскую дипломатію на этомъ пути, когда въ ея глазахъ достаточно свѣжъ примѣръ Болгаріи, который одинъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что предлагаемая почтеннымъ публицистомъ программа отношеній Россіи къ славянамъ не только не осуществима, но даже способна затормозить самое рѣшеніе восточнаго вопроса.

На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя не заключить, что рѣшеніе восточнаго вопроса въ смыслѣ политическихъ программъ г. Татищева и г. Штиглица не есть рѣшеніе его въ справедливомъ смыслѣ. Утвержденіе нашего господства надъ проливами Босфора и Дарданеллъ—одинъ только фиктивный интересъ Россіи и положительное нарушеніе законныхъ правъ Австріи и славянъ черноморскаго побережья. Но развѣ нарушеніе правъ балканскихъ народностей ради нашихъ, еще не доказанныхъ нуждъ согласуется съ нашимъ историческимъ призваніемъ обезпечить интересы своихъ единовѣрцевъ? Развѣ это есть рѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ, когда захватъ проливовъ Россіей породитъ только антагонизмъ между сѣверными и южными славянами? Точно такъ же и поставленіе подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ ея политическому руководству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова не есть желательная для насъ форма рѣшеніе восточнаго вопроса, и притомъ форма неосуществимая. Нежелателенъ этотъ способъ рѣшенія славянскаго вопроса потому, что онъ измѣнилъ-бы нашу миссію на Востокъ и создалъ-бы для Россіи нѣсколько новыхъ Польшъ. Положимъ, что сербы, черногорцы, румыны и болгары охотно подчинятся теперь гегемоніи Россіи. Но эту гегемонію они потерпятъ только до тѣхъ поръ, пока хоть часть Балканскаго полуострова будетъ находиться въ зависимости отъ Порты. Съ исчезновеніемъ же турецкаго господства въ Европѣ, они станутъ смотрѣть на нее съ недовѣріемъ, и каждый изъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова изъ далекаго брата обратится въ нашего врага. Неосуществимъ же этотъ способъ, во-первыхъ, потому, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ желаніями самихъ славянъ Балканскаго полуострова, которые, какъ и

всякій народъ, всегда предпочтутъ иностранной власти свою, хотя бы худшую; а во-вторыхъ, потому, что утверженію Россіи на развалинахъ Турецкой имперіи воспротивятся всѣ великія европейскія державы.

Кромѣ того, противъ захвата проливовъ и присоединенія къ Россіи Балканскаго полуострова, до чего договариваются г. Татищевъ и г. Штиглицъ — можно сдѣлать еще одно возраженіе, которое должно окончательно убѣдить насъ въ несостоятельности ихъ программы рѣшенія восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ. Утверженіе нашего владычества въ юго-восточномъ углу Европы неизбежно должно отозваться самымъ печальнымъ образомъ на государственной силѣ и мощи Россіи, ибо она едва-ли будетъ въ состояніи благополучно перенести всѣ тѣ роковыя послѣдствія, которыя угрожаютъ всякому государству, чрезмѣрно расширяющему свои границы. Всѣ государства, какъ личности народовъ, непремѣнно должны быть ограничены въ матеріальномъ, территоріальномъ и духовномъ, національномъ отношеніи. Нарушеніе равновѣсія въ той или другой области неминуемо ведетъ къ распаденію государства. Чрезмѣрное расширеніе границъ требуетъ усиленной централизаціи власти, въ ущербъ политической свободѣ гражданъ, а слѣдовательно и правильному государственному развитію. Результатомъ столкновенія этихъ двухъ несовмѣстимыхъ требованій является отпаденіе отъ центра отдѣльныхъ частей большаго политическаго цѣлага и образованіе изъ нихъ новыхъ національныхъ личностей. Точно также губительно и чрезмѣрное расширеніе національной личности, чрезмѣрное поглощеніе однимъ народомъ другихъ національныхъ единицъ. Какъ никакая жидкость не можетъ безконечно воспринимать другія жидкости, не потерявъ своего первоначальнаго состава, такъ и постоянное поглощеніе одной народностью другихъ, пришлыхъ антропологическихъ элементовъ, ведетъ къ уtratѣ ею національнаго характера. Господствующая нація, включая подъ свою фирму покоренныя племена, перестаетъ быть чистой, т.-е. неизмѣнной и однородной, и государство изъ живаго организма, изъ живой исторической личности обращается въ механизмъ, въ конгломератъ народностей, не имѣющихъ ничего общаго, кромѣ искусственной связи, ежеминутно могущей разорваться. Вотъ почему намъ кажется вполне справедливымъ замѣчаніе гр. Камаповскаго, что присоединеніе Бал-

канскаго полуострова къ Россіи было-бы для нея истиннымъ несчастіемъ. Такое безмѣрное расширеніе ея границъ и принатіе въ составъ ея балканскихъ народностей означало-бы—говорить онъ—измѣну ея славянской миссіи, создало-бы для нея нѣсколько новыхъ Польшъ и искусственно перенесло-бы центръ тяжести ея государственной жизни съ сѣвера на югъ, что лишило-бы ее всей ея національной крѣпости и самостоятельности въ ущербъ ея независимости *). Въ виду такихъ печальныхъ для Россіи послѣдствій присоединенія къ ней земель Балканскаго полуострова, не представляющихъ для нея ровно никакой надобности, только «близурукіе люди, которыхъ ослѣпляетъ кровавая военная слава и внѣшнее величіе, могутъ желать увеличенія предѣловъ и безъ того величайшаго въ мірѣ государства». При современномъ состояніи нашего отечества намъ нечего и думать о какихъ-либо завоеваніяхъ, ибо намъ на цѣлыя столѣтія хватить работы еще и надъ тѣмъ инородческимъ элементомъ, который постепенно, вѣками входилъ въ составъ русской имперіи: намъ необходимо «спасть культурнымъ развитіемъ и политической мыслью всю страну, вошедшія въ составъ Россіи **).

Таковы главные возраженія, которыя можно сдѣлать противъ разобранныхъ нами проектовъ рѣшенія восточнаго вопроса, въ русско-славянскомъ смыслѣ. Предлагаемый намъ способъ рѣшенія историческихъ задачъ Россіи не отвѣчаетъ ни ея собственнымъ нуждамъ, ни пользамъ ея восточныхъ единовѣрцевъ, ни интересамъ западной Европы. Мало того, онъ прямо идетъ въ разрѣзъ съ нуждами балканскихъ славянъ и Европы и ведетъ за собою существенный ущербъ жизненнымъ интересамъ самой Россіи, завлекая ее на край гибели. Въ виду всего этого должно признать, что рѣшеніе восточнаго вопроса въ смыслѣ политической программы нашихъ націоналистовъ далеко не есть именно та развязка, на которую указываетъ намъ тысячелѣтная исторія, какъ на единственно достойную Россіи и способную удовлетворить ея духовнымъ и вещественнымъ потребностямъ. Тысячелѣтная исторія, по нашему мнѣнію, указываетъ на совершенно иной способъ рѣшенія восточнаго вопроса, который одинаково отвѣчаетъ русскимъ, славянскимъ и общевро-

*) О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ, стр. 9—10.

***) Гольдбергъ. Иностранное Обзоріе Русской Мысли за 1888 г., № 8.

пейскимъ интересамъ, а не служить только въ угоду однимъ ложно понятымъ пользамъ Россіи, какъ развязка, которую отстаиваютъ г.г. Штигилицъ и Татищевъ. Этотъ одинаково выгодный для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ способъ рѣшенія восточнаго вопроса не трудно отыскать, если взглянуть на дѣло безпристрастными глазами и принять во вниманіе уроки, вынесенные нами изъ изученія прошлой исторіи русской политики на Востокъ.

Г Л А В А II.

Наибольше правильная съ точки зрѣнія международнаго права форма рѣшенія восточнаго вопроса.

Наибольше правильная и желательная для Россіи форма рѣшенія восточнаго вопроса. Образование независимыхъ христіанскихъ государствъ на развалинахъ Турціи. Вопросъ о федеративной формѣ ихъ общежитія. Возможная будущая судьба Константинополя. Мнѣніе Данилевскаго и его несостоятельность. Три способа рѣшенія вопроса о Константинополѣ. Рѣшеніе вопроса о проливахъ. Ошибочность взгляда Данилевскаго. Необходимость признанія полной свободы плаванія по проливамъ.

Россія призвана возродить балканскія народности и устроить ихъ новую духовную и политическую жизнь. Цѣли этой, какъ мы видѣли, она отчасти уже достигла, и на Балканскомъ полуостровѣ рядомъ съ Турціей образовались новыя христіанскія государства: Греція, Румынія, Сербія, Черногорія и Болгарія, изъ которыхъ последнее до сихъ поръ находится въ извѣстной зависимости отъ султана, но имѣетъ такое же право на политическую самостоятельность, какъ и прочіе его сосѣди. Всѣ эти государства — говорятъ гр. Камаровскій — призваны положить конецъ Турціи и подѣлить между собою ея наслѣдство. Но, къ сожалѣнію, они мало сознаютъ это свое право и живутъ въ постоянной взаимной враждѣ. Въ одностороннемъ стремленіи поработить противника, они не чуждаются иноземной помощи и даже ищутъ покровительства у султана. Не менѣе неустроена и ихъ внутренняя политика. Раздираемыя притисками партій, они легко поддаются вліянію иностранныхъ правительствъ, совершенно забывая судьбу, которая постигла Польшу. Между тѣмъ всѣ эти государства находятся въ процессѣ своего образованія. Они даже далеко еще не достигли своихъ естественныхъ границъ. Поэтому <съ точки зрѣнія международнаго права

Европа, и специально Россія, призваны по отношенію къ балканскимъ народамъ заботиться о томъ: 1) чтобы они не сдѣлались жертвою какой-либо посторонней державы; 2) чтобы они насильственно не посягали на взаимную независимость; 3) чтобы развитіе ихъ шло по возможности мирнымъ и законнымъ путемъ; 4) чтобы они по справедливости раздѣлились въ наслѣдствѣ Турціи и размежевались между собою сообразно съ желаніями и потребностями своихъ жителей, а равно съ особенностями обитаемой ими страны и 5) чтобы они сами не нарушали территориальныхъ правъ другихъ народовъ и вообще признавали всѣ основные принципы международнаго права *)).

Способствуя образованію политическихъ тѣлъ на развалинахъ Турецкой имперіи, Россія въ настоящее время, конечно, не можетъ съ математическою точностью установить, сколько молодыхъ государствъ народится на Балканскомъ полуостровѣ и какую примутъ они политическую форму. Въ этомъ отношеніи она можетъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Во всякомъ случаѣ, въ интересахъ всего славянства и западной Европы было-бы болѣе всего желательно образованіе въ будущемъ балканскаго союза независимыхъ государствъ съ общимъ войскомъ и внѣшнимъ представительствомъ, съ предоставленіемъ членамъ союза внутренней самостоятельности, при полномъ устраниеніи всякой гегемоніи со стороны Россіи, кромѣ той, которую даю-бы намъ, помимо нашихъ усилій, искреннее чувство благодарности къ освободительницѣ и страхъ передъ честолюбивыми замыслами другихъ европейскихъ народовъ.

Федеративное устройство балканскихъ государствъ имѣетъ за собою, какъ теоретическія, такъ и практическія соображенія. По ученію современнаго государственнаго права для устройства федеральнаго государства необходимы два условія: «Во-первыхъ — говоритъ Дайси — должно существовать нѣсколько странъ, подобныхъ кантонамъ Швейцаріи, колоніямъ Америки или провинціямъ Канады, настолько тѣсно связанныхъ по мѣстности, исторіи, расѣ и т. п., чтобы жители ихъ чувствовали себя какъ-бы принадлежащими къ одной національности. Затѣмъ, обращаясь къ исторіи, мы найдемъ, что

*) О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ, стр. 11—22.

обыкновенно страны, составляющіи теперь части федеральнаго государства, въ извѣстный періодъ своего существованія были связаны тѣснымъ союзомъ или подчиненіемъ одному государю. Хотя не существуетъ фактовъ, которые позволили-бы утверждать, что такого рода предварительная связь необходима для образованія федеральнаго государства, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что федерализмъ, по большей части, процвѣтаетъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ медленно созрѣвшій плодъ болѣе слабой прежней связи. Второе условіе, абсолютно необходимое для основанія федеральной системы, заключается въ существованіи совершенно особеннаго чувства у жителей мѣстностей, которыя предполагается соединить. Они должны желать единенія, но не единства. Если нѣтъ никакого желанія вступить въ союзъ, то ясно, что нѣтъ и основанія для федерализма... Если же, съ другой стороны, есть желаніе полнаго слиянія, это желаніе найдетъ удовлетвореніе, но не въ федеральной, а въ унитарной конституціи... Однимъ словомъ, для образованія федеральнаго государства необходимо, чтобы чувства народа находились въ томъ фазисѣ, когда онъ по многимъ причинамъ желаетъ образовать одну націю, но также желаетъ сохранить индивидуальное существованіе каждого штата или кантона. Мы можемъ пойти еще немного далѣе — продолжаетъ Дэйси—и сказать, что едва-ли можетъ образоваться федеральное правленіе, если многіе жители отдѣльныхъ штатовъ не чувствуютъ болѣе сильной приверженности къ своему собственному штату, чѣмъ къ федеральному государству, представляемому общимъ правительствомъ... Такимъ образомъ, чувство, создающее федеральное государство, есть преобладаніе во всѣхъ гражданахъ болѣе или менѣе соединенныхъ мѣстностей двухъ чувствъ, до нѣкоторой степени несовмѣстныхъ—желанія національнаго единства и рѣшимости удержать независимость каждаго отдѣльнаго штата. Цѣль федераціи—удовлетворить насколько возможно оба эти чувства*).

Эти два условія, необходимыя для образованія федеральнаго государства, въ настоящее время находятся на лицо у балканскихъ народностей. По мѣстности, исторіи, расѣ и т. п. они всегда чувствовали себя какъ-бы принадлежащими къ одной національности и въ различные періоды своего существованія были связаны или тѣс-

*) Основы государственнаго права Авгліи. Слб. 1891 г., стр. 106—107.

ными союзами или подчиненіемъ одному государю. Мало того, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій жизни балканскихъ народностей федеративное устройство до нѣкоторой степени даже имѣло у нихъ мѣсто въ ранній періодъ ихъ существованія, причемъ «насколько присуща эта форма общежитія народностямъ Балканскаго полуострова, видно—говорить г. Добровъ—изъ того, что при всѣхъ временныхъ, крайне неблагоприятныхъ ей условіяхъ, слѣды ея сохранились и по настоящее время въ средѣ населенія, напр., Албаніи, которое наименѣе испытывало гнетъ византійскаго цезаризма, а потомъ турецкаго произвола: племена албанскія составляютъ сѣтъ мелкихъ федераций, которыя проявили способность дѣйствовать солидарно въ минуты общей опасности. Упорное и продолжительное сопротивленіе Скандерберга усиліямъ Магомета II было-бы совершенно немислимо при отсутствіи федеративной солидарности албанскихъ племенъ въ борьбѣ ихъ съ турками; и далѣе: что такое греческая гетерія начала нашего столѣтія, какъ не сѣтъ мелкихъ федераций, которыя въ борьбѣ за независимость дѣйствовали съ замѣчательнымъ согласіемъ; наконецъ.—повторившіяся возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ противъ административнаго гнета византійскаго, а потомъ турецкаго, находили опору, кромѣ естественныхъ условій страны, въ федеративной солидарности населенія *)).

Будучи присуща народностямъ Балканскаго полуострова, федеративная форма общежитія для нихъ весьма желательна потому, что только въ федерации онѣ найдутъ прочную опору для своего социально-политическаго развитія. «Она одна—говорить г. Добровъ—создастъ ту нейтральную почву, на которой единоплеменные народности Балканскаго полуострова протянутъ другъ другу братскую руку примиренія; она одна оградитъ эти народности отъ иноземнаго владычества, которое даже при всѣхъ своихъ благихъ цѣляхъ, деморализующе вліяетъ на національно-политическое развитіе народовъ, чему исторія представляетъ многочисленные примѣры; она одна, наконецъ, охладитъ ту жажду территориальныхъ захватовъ (или, говоря высокимъ слогомъ, завоеваній), которыя составляютъ призваніе отдѣльныхъ честолюбцевъ **).

*) Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ, стр. 437.

***) Назв. соч., стр. 280.

Выгоды федеративной формы общежитія въ настоящее время, кажется, довольно ясно сознаются и самими балканскими народами, которые все болѣе и болѣе проникаются желаніемъ національнаго единства и независимости каждой отдѣльной національности. Въ 1889 году для осуществленія идеи союза этихъ народовъ на федеративныхъ началахъ образовалось даже «Общество балканской федераціи». Инициатива учрежденія этого общества принадлежала сербскимъ политикамъ, во главѣ которыхъ фигурировалъ предсѣдатель сербской скупщины г. Катичъ. На 31 мая онъ пригласилъ своихъ друзей и единомышленниковъ изъ среды народной партіи прибыть въ г. Ягодинъ для участія въ конференціи по предмету осуществленія идеи о федераціи балканскихъ государствъ, мотивировавъ свое приглашеніе въ слѣдующемъ циркулярномъ письмѣ, напечатанномъ въ сербскихъ газетахъ: «Исходя изъ точки зрѣнія о необходимости всесторонняго и заблаговременнаго обсужденія общественныхъ нуждъ, — писалъ г. Катичъ въ своемъ воззваніи къ ягодинскому съѣзду, — невольно возникаетъ вопросъ, какими способами народъ можетъ обезпечить за собой обладаніе уже приобретенными благами и какими путями можетъ онъ достигнуть преуспѣянія въ будущемъ. Для отдѣльнаго человѣка достиженіе такого обезпеченія не представляетъ особыхъ затрудненій; не такъ — для цѣлаго народа. Исторія свидѣтельствуетъ о гибели многихъ народовъ, отдѣльные члены коихъ доживали свой вѣкъ въ счастіи и спокойствіи, и горькая школа опыта указала какъ на причину подобныхъ явленій, такъ и на средства къ ихъ врачеванію. Слѣдуя этимъ указаніямъ, многіе народы уже вступили на путь реформъ, долженствующихъ устранить преграды ихъ успѣшнаго развитія. На этомъ пути стоимъ и мы теперь въ Сербіи, и будемъ работать изо всѣхъ силъ для достиженія намѣченной цѣли. Къ сожалѣнію, нашимъ стремленіямъ противопоставляются тяжкія препятствія, кроющіяся въ томъ обстоятельствѣ, что большинство сербскаго народа находится подъ чужимъ владычествомъ и, что печальнѣе всего, различные эгонистическіе расчеты до сихъ поръ мѣшаютъ самобытному развитію балканскихъ народовъ. Въ продолженіе вѣковъ балканскіе народы жертвовали своею кровью, но все для счастья чужихъ имъ государствъ; это положеніе продолжается до сихъ поръ, и никто не можетъ предсказать, когда оно измѣнится. На настоящемъ поколѣніи лежитъ

обязанность отворотить или по возможности умалить это зло. Великіе мыслители и патриоты всѣхъ балканскихъ племенъ пришли къ сознанию, что безъ общей федераціи между ними немислимо ни ихъ благополучное развитіе, ни миръ Европы, и ихъ усердіе въ этомъ отношеніи не ослабѣваетъ, хотя предпринятія ими до сего времени попытки не увѣнчались пока успѣхомъ. Мы не должны обращать вниманія на безсердечную Европу. Мы, изъ-за неудавшихся попытокъ, не должны отказываться отъ федераціи, предоставляя ходу событій обезпечить за нами добытое нашею кровью достояніе. При организаціи нашей (сербской радикальной) партіи, идея о балканской федераціи включена была въ ея программу: ее слѣдуетъ поддерживать и оживить, и это зависитъ отъ насъ. Друзья, съ которыми я обсуждалъ этотъ вопросъ, высказали мнѣніе, что идею о федераціи слѣдуетъ лѣлвать и распространять, дабы она утвердилась не только въ предѣлахъ нашего государства, но и за границами его, между всѣми балканскими народами» *).

По настоянію сербскихъ министровъ, г. Катичъ взялъ назадъ свое приглашеніе и съѣздъ въ Ягодинѣ не состоялся. Тѣмъ не менѣе, съ прибытіемъ въ Бѣлградъ бывшаго перваго греческаго министра Трикуписа, ревностнаго сторонника идеи балканской федераціи, самое общество этой федераціи образовалось, причеиъ вскорѣ же имъ было издано воззваніе, въ которомъ говорилось: «Наступилъ серьезный политическій моментъ для всѣхъ балканскихъ народовъ. Всѣ они находятся въ политической и экономической опасности, потому что окружены сильными государствами, тогда какъ самое большое изъ балканскихъ государствъ имѣетъ не болѣе шести милліоновъ жителей. Столь малыя силы не могутъ противостоятъ могущественнымъ государствамъ. Всѣ изъ насъ стараются защитить себя собственными силами, но все это напрасно. Судьба балканскихъ народовъ находится въ ихъ рукахъ. Еще есть время обезопасить себя, но благоприятнаго момента упустить невозможно. Самыя жизненныя основы въ опасности, а именно: политическое и народное существованіе. Лишь единеніе можетъ спасти балканскіе народы отъ неотвратимой гибели» **).

*) Московскія Вѣдомости за 1889 г.

**) Московскія Вѣдомости за 1889 г.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній по исторіи образованія «Общества Балканской федераціи» нельзя не замѣтить, что народы Балканскаго полуострова сами понимаютъ то великое значеніе, которое имѣеть для нихъ федеративная форма общенія. Они сами раздѣляютъ взглядъ, что лишь федерація можетъ быть для нихъ единственнымъ средствомъ обезпечить за каждымъ изъ нихъ не только матеріальныя интересы и потребности народовъ, но въ извѣстной степени и духовный обликъ ихъ, ихъ привычки, характеръ и идеалы. Насколько у передовыхъ людей балканскихъ народовъ серьезно сознаніе необходимости федераціи, видно между прочимъ изъ тѣхъ отзывовъ, которыми сопровождался пріѣздъ Трикуписа въ Бѣлградъ, а потомъ въ Софію, по слухамъ, съ цѣлью развѣдать взгляды тамошнихъ оффиціальныхъ сферъ на этотъ вопросъ. Такъ бывший сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Міатовичъ, въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ (*The Speaker*), писалъ, что балканскіе народы всегда были склонны преувеличивать свои культурно-политическіе успѣхи и свои силы. Хотя и Сербія, и Болгарія, несомнѣнно, сдѣлали значительные успѣхи, тѣмъ не менѣе будущность обоихъ народовъ далеко еще не поставлена на твердыхъ основаніяхъ, и оба находятся въ самой первой стадіи своего политическаго возрожденія, и въ такой стадіи идея федераціи балканскихъ народовъ является по истинѣ плодотворною. Было бы преувеличеніемъ сказать, что для Европы эта федерація представляетъ первостепенный интересъ, но она, несомнѣнно, заинтересована въ томъ, чтобы Балканскій полуостровъ не подпалъ ни въ австрійскую, ни въ русскійскую зависимость. Вопросъ о предупрежденіи такой случайности—вопросъ второстепенный. Не такъ давно Европа вела кровопролитныя войны для «поддержанія цѣлости Оттоманской имперіи». Неприкосновенность этой имперіи была лишь политическою формулою, истинною цѣлью которой было—воспрепятствовать въ дѣйствительности движенію Россіи на Балканскій полуостровъ. Когда обнаружилась затѣмъ непригодность этой формулы, то Европа пыталась достигнуть той же цѣли поощреніемъ политическихъ стремленій балканскихъ народовъ. Было время, когда Англія и Франція сообщаясь Австріей поддерживали національную политику Сербіи. Въ послѣднее время четыре изъ семи великихъ державъ оказывали свою поддержку естественному развитію Болгаріи. Пока сербы проявляли

признаки порядка, силы и способности объединить вокруг себя другіе балканскіе народы, и они пользовались поддержкою пяти державъ; но послѣ сдѣланныхъ ими ошибокъ и такъ какъ болгары, напротивъ, проявили несомнѣннымъ образомъ наличность у нихъ независимаго національнаго духа, поддержка четырехъ великихъ державъ перенесена была съ сербовъ на болгаръ. Такая политика считается иными весьма практичною; но если мы рассмотримъ ее не съ научной, а съ политической точки зрѣнія, то увидимъ, что она ведетъ въ дѣйствительности лишь къ поддержанію гегемоніи болгарскаго племени въ ущербъ сербскому и греческому на Балканскомъ полуостровѣ. Но поддержка гегемоніи одного племени надъ другими равносильна вызову другихъ народностей къ борьбѣ за независимое существованіе, а такая борьба между греками, болгарами и сербами не можетъ кончиться иначе, чѣмъ какъ окончилась во времена оны, т.-е. вмѣшательствомъ посторонней державы, которой и достанется добыча, какъ то было въ XIV вѣкѣ съ покореніемъ балканскихъ народовъ турками. Между тѣмъ задачей всякаго, кто искренно желаетъ усилить и предохранить независимость Балканскаго полуострова, должна быть не гегемонія одного племени, а равновѣсіе политическихъ силъ между балканскими государствами и утвержденіе между ними мира и дружбы. Такая задача, конечно, можетъ разсчитывать на сочувствіе англійскихъ государственныхъ людей, но нужно, чтобы и государственные люди балканскихъ народовъ и сами эти народы дали доказательства того, что такая политика практически возможна, и со стороны балканскихъ политиковъ было-бы прямо странно ожидать, что Англія станетъ дѣйствовать въ пользу балканской федераціи, когда сами балканскіе народы не представляютъ съ своей стороны ни малѣйшей точки опоры для такой политики.

Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію Міатовича, поѣздка Трикуписа въ Бѣлградъ и Софію представляетъ существенный интересъ. Эта поѣздка служитъ доказательствомъ того, что наконецъ греческіе государственные люди серьезно смотрятъ на возможность балканской федераціи. Инициатива Греціи въ этомъ случаѣ вполне соответствуетъ важности политическаго положенія, занимаемаго ею на Востокѣ, и если она вступитъ въ союзъ съ тѣмъ или другимъ славянскимъ балканскимъ государствомъ, то она получитъ рѣшитель-

ный голосъ въ этомъ вопросѣ. Она одна можетъ собственнымъ примѣромъ побудить другіе балканскіе народы принять на себя жертвы въ области ихъ національныхъ стремленій, необходимыя для образованія такой федераціи и для мирнаго существованія ея членовъ. По мнѣнію автора, заслуга Трикуписа заключается въ томъ, что онъ вновь поднялъ вопросъ о федераціи. Возможно, впрочемъ, что имъ не вполне остались довольны въ Бѣлградѣ, такъ-какъ онъ настаивалъ на необходимости тройственной федераціи, съ участіемъ сербовъ, грековъ и болгаръ, между тѣмъ какъ въ Бѣлградѣ предпочли-бы сербо-греческій союзъ. Въ своей рѣчи на банкетѣ, устроенномъ въ честь его, Трикуписъ доказывалъ, что всякое балканское государство обязано развивать свою національную индивидуальность, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они должны изучать другъ друга и стараться о взаимномъ сближеніи. Это изученіе приведетъ необходимо къ сознанію солидарности ихъ правъ и интересовъ и къ взаимной поддержкѣ ихъ національныхъ стремленій. Имъ нечего ждать иностранной поддержки своихъ національныхъ интересовъ,— независимость Балканскаго полуострова можетъ быть обезпечена лишь общими усиленіями самихъ балканскихъ народовъ *).

Но если федеративная форма соединенія согласуется съ условіями жизни, интересами и федеративнымъ чувствомъ государствъ Балканскаго полуострова, то она столько же отвѣчаетъ и историческому призванію Россіи—дать свободное и самостоятельное, государственное и политическое развитіе народамъ, утратившимъ свою независимость при вторженіи турокъ въ Европу. При устраненіи главенства Россіи въ этой федераціи послѣдняя не будетъ противна и интересамъ великихъ державъ, для которыхъ федеративное общезитіе балканскихъ государствъ представляется лучшей гарантіей ихъ независимаго существованія. Но, къ сожалѣнію, осуществленію идеи государственнаго балканскаго союза до сихъ поръ препятствуютъ различныя неблагопріятныя условія, тормозящія правильное развитіе политической жизни балканскихъ племенъ, какъ-то: ихъ нравственная и политическая незрѣлость, неравенство умственнаго развитія и образованія, религіозная рознь, сильный взаимный антагонизмъ народностей, благодаря постоянному столкновенію ихъ инте-

*) Русскія Вѣдомости за 1889 годъ.

ресовъ, и, наконецъ, жалкое соперничество великихъ державъ — ихъ покровительницъ.

Во имя историческаго призванія, интересовъ славянъ, Европы и своихъ собственныхъ, Россія, конечно, должна озаботиться устраненіемъ всѣхъ указанныхъ препятствій къ осуществленію идеи союза балканскихъ государствъ и оказать свою посильную помощь въ этомъ дѣлѣ. Это ближайшая цѣль ея политики, такъ какъ въ настоящее время она можетъ говорить лишь объ образованіи государственнаго балканскаго союза, не больше: государственное и національное объединеніе Россіи съ юго-восточнымъ и западнымъ славянствомъ, о которомъ у насъ такъ часто говорятъ, едва-ли мыслимо въ скоромъ времени. Такому объединенію славянъ пока рѣшительно препятствуютъ ихъ географическая разбросанность и вѣковая обособленность, особенность языковъ, разныя религіи и культуры, существованіе отщепенцевъ въ самой славянской семьѣ, традиціонный духъ розни и т. д. Кромѣ того, для политическаго объединенія славянъ едва-ли готова въ настоящее время и сама Россія. «Несмотря на рѣчки дорогой своей крови, пролитой за турецкихъ славянъ», для нихъ она «не была ни тѣмъ, чѣмъ былъ Пиемонтъ для Италіи, ни тѣмъ, чѣмъ была Пруссія для остальной Германіи». Поэтому она «не можетъ стать политически во главѣ славянскихъ народовъ, пока сама не достигнетъ надлежащаго гражданскаго и политическаго благоустройства, пока не станетъ на высоту образцоваго славянскаго государства, нравственно притягивающаго къ себѣ однородныя политическія тѣла, менѣе благоустроенныя и сильныя», такъ какъ «въ наше время только нація, достигшая извѣстной степени самообладанія, т.-е. извѣстной степени умственной и политической культуры, можетъ оказывать дѣятельное и серьезное вліяніе на другіе, хотя-бы и единоплеменные народы. Внѣ этого существоваемаго условія, всякія попытки достигнуть преобладанія могутъ быть построены только на пескѣ, на расчетѣ на одно количество шапокъ, неизмѣнно оказывающееся совершенно неосновательнымъ передъ усовершенствованнымъ вооруженіемъ и накопленнымъ образованіемъ и богатствомъ другихъ народовъ» *). Такимъ образомъ идея всеславянства или панславизма, имѣющаго за собою несомнѣн-

*) Вѣст. Европы за 1882 г. № 3, стр. 428—429. Иностранная Политика.

ное право, «как стремление славянства создать себѣ политическое существованіе, скрѣпить между-племенные отношенія въ прочную нравственную и политическую солидарность» *), далеко еще не созрѣла и, если ей суждено когда-нибудь получить осуществленіе, то мы можемъ сказать только одно, что слияніе русской народности съ юго-западнымъ славянствомъ должно произойти по взаимному добровольному соглашенію, а никакъ не противъ желанія заинтересованныхъ въ томъ народностей **).

Итакъ, ближайшая и для всѣхъ очевидная цѣль восточной политики Россіи состоятъ только въ томъ, чтобы балканскія народности, освобожденіе которыхъ стоило русскому народу такъ много жертвъ людьми и деньгами, были вполне безопасны отъ всякаго рода эксплоатации, чтобы онѣ всегда были самостоятельны и независимы, жили своею жизнью, держались своихъ природныхъ началъ и сохраняли вѣрность своей церкви, чтобы сербы, болгары, румыны и греки не питали другъ къ другу взаимной вражды и мирно распредѣляли между собою турецкое наслѣдство. Вотъ положеніе, которое должна принять Россія по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ на Востокѣ. Положеніе это указывается Россіи законами нравственного порядка, вытекающими изъ ея исторіи, и вполне согласуется съ условіями ея физическаго бытія.

Направляя въ указанномъ смыслѣ рѣшеніе славянскаго вопроса, Россія, въ виду неизбежности и даже вѣроятной близости паденія Турецкой имперіи, въ то же время должна рѣшить вопросъ о томъ, что ей дѣлать съ Константинополемъ и проливами, такъ-какъ иначе неожиданность оттоманской катастрофы можетъ застать ее въ расплохъ и не дать ей достаточно времени для всесторонняго и зрѣлаго обсужденія этого весьма важнаго вопроса. Предрѣшивъ же его заблаговременно, Россія, въ роковой для Европы часъ, будетъ имѣть возможность принять свои мѣры и дѣйствовать твердо и послѣдовательно на политическія комбинаціи, которыя замѣнили бы царство полумѣсяца.

*) Пипинъ. Паславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. Вѣст. Евр. за 1878 г. № 9, стр. 352.

**) Всестороннюю разработку вопроса о прошломъ и современномъ положеніи племъ паславизма см. у Пипина въ его прекрасныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Вѣст. Евр. за 1878 г. № 9, 10, 11, и 12 подъ заглавіемъ: „Паславизмъ въ прошломъ и настоящемъ“.

Но какъ же, съ точки зрѣнія русскихъ и общеевропейскихъ интересовъ, было бы лучше всего рѣшить вопросъ о Константинополѣ и проливахъ? Остановимся сначала на вопросѣ о возможной будущей судьбѣ Царь-Града.

По весьма распространенному, хотя, быть можетъ, немного и преувеличенному мнѣнiю, городъ этотъ имѣетъ громадное значенiе. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ его значенiе, напримѣръ, Давилевскiй: «Нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ,—говоритъ онъ,—могущаго сравниться центральностью своего мѣстоположенiя съ Константинополемъ. Нѣтъ на землѣ другаго такого перекрестка всемирныхъ путей. На западъ открывается непрерывный морской путь сначала между Европой и Азiею, а потомъ между Европой и Африкой, какъ-бы каналомъ, то расширяющимся, то суживающимся до самаго Западнаго океана. Къ югу такой же каналъ, прерываемый лишь неширокими, теперь прорытымъ перешейкомъ, ведетъ между Азiей и Африкой до Южнаго океана. На востокъ нѣкогда-непрерывное море разбилось, правда, на три бассейна: Понта, Каспiя и Арала, раздѣленные широкими перешейками. Но человѣческое искусство начинаетъ уже поправлять недодѣланное, или, пожалуй, испорченное природою, такъ какъ и тутъ названныя моря, желѣзная дорога отъ Поти до Баку, а со временемъ, можетъ быть, и Аму, возвращенная въ свое старое русло,—поведутъ въ самую глубь азиатскаго материка. Наконецъ, на сѣверѣ Двѣпръ, Донъ, соединенный желѣзнымъ путемъ съ Волгою, и Дунай соединяютъ Константинополь со всѣми славянскими землями и ведутъ въ глубь Россiи и Европы. Этими мировыми географическими преимуществами соотвѣтствуютъ и мѣстныя топографическiя удобства. Босфоръ, глубокая и широкая рѣка соленой воды въ 35 верстѣ длиной, со многими вдающимися въ берега углубленiями или бухтами, представляетъ обширную, безопасную гавань для судовъ, служащихъ внѣшней мировой торговлѣ, тогда какъ наиболѣе врѣзывающаяся въ материкъ внутри самаго Константинополя бухта, известная подъ именемъ Золотаго Рога, представляетъ такiя же удобства для каботажныхъ судовъ и для доставки товаровъ разнымъ частямъ города. Прибавимъ къ этому единственное въ мiрѣ, какъ по удобству защиты, такъ и по важности защищаемаго, стратегическое положенiе, прелестный климатъ, несравненную красоту окружающей природы, наконецъ, великiя мировыя, истинно

царственныя историческія воспоминанія и соединенное съ ними громадное нравственное значеніе... Особенность Константинополя составляетъ еще то, что никакое измѣненіе въ торговыхъ путяхъ, никакое расширеніе историческаго театра не могутъ умалить его исторической роли, а напротивъ того, всякое распространеніе культуры и средствъ сообщенія должны въ большей или меньшей степени отразиться на усиленіи его торговаго, политическаго и вообще культурнаго значенія *)). Улучшеніе торговыхъ путей, развитіе и расширеніе культурной и политической жизни почти на всемъ пространствѣ стараго свѣта не ослабили значенія Константинополя. «Бывъ въ свое время центромъ древняго міра, онъ сдѣлался центромъ Магометанскаго востока, и теперь, въ самомъ униженіи своемъ, есть узелъ и центръ европейской политики **)». Такова же судьба его и впереди. «Всякое усиленіе развитія въ центральной и южной Европѣ, въ равнинахъ Россіи, на Кавказѣ, возрожденіе Европейской Турціи, Малой Азій, Персіи, сѣверной и восточной Африки, проникновеніе культуры въ глубь Азіатскаго материка, — все это должно отразиться новымъ блескомъ на Босфорской столицѣ. Это городъ не прошедшаго только, не жалкаго настоящаго, но и будущаго, которому, какъ фениксу, суждено возрождаться изъ пепла все въ новомъ и новомъ величіи ***).»

При такомъ важномъ значеніи Константинополя, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вопросъ о его будущности всегда занималъ государственныхъ людей и монарховъ Европы и всегда представлялъ для нихъ весьма трудную и сложную задачу, которая въ значительной степени тормазила успѣшность рѣшенія восточнаго вопроса. Трудность удовлетворительнаго опредѣленія судьбы Босфорской столицы постоянно была причиною того, что «различныя политическія осложненія на Балканскомъ полуостровѣ, особенно тѣ, которыя находятся въ связи съ Константинополемъ, оставались всегда невыясненными, и всѣ политическія попытки къ ихъ разрѣшенію, какъ прежде, такъ и теперь, останавливаются на половинѣ или даже въ началѣ своего пути ****). Впрочемъ политическое разложе-

*) Россія и Европа. Спб. 1889 г., стр. 398—400.

**) Назв. соч., стр. 400.

***) Назв. соч., стр. 400—401.

****) Тамашевъ. Политическая судьба Константинополя, балканскихъ народовъ и отношеніе ихъ къ Россіи и западно-европейскимъ государствамъ. Спб. 1887 г., стр. 94.

ше Турецкой имперіи и образованіе на ея развалинахъ новыхъ политическихъ тѣлъ въ значительной степени ослабляютъ трудность вопроса. Чѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе совершается политическое преобразование балканскихъ народовъ, тѣмъ яснѣе становится, кому долженъ принадлежать Константинополь въ будущемъ *).

По мнѣнію Данилевскаго, прамыхъ законныхъ наслѣдниковъ, могущихъ предъявить свои права на Константинополь, въ настоящее время нѣтъ, и потому эта res publicus должна отойти къ тому, кому она способна принести больше пользы. «Всѣ составляющіеся — по его словамъ — могутъ быть раздѣлены въ этомъ отношеніи на три категоріи: съ одной стороны, великія европейскія державы, съ другой — мелкія государства, въ родѣ Греціи, съ третьей — Россія» **). Но ни великія державы, ни Греція не извлекутъ пользы изъ обладанія Константинополемъ. Обладаніе имъ выгодно только одной Россіи, ибо она тогда могла-бы легко защищать свои южные берега и защищать сравнительно съ небольшою затратою силъ, имѣла-бы море для своего флота и, наконецъ, упрочила-бы свое вліяніе на Востокъ. «Вотъ тѣ прамыя положительныя выгоды, которыя — по мнѣнію Данилевскаго — доставило-бы Россіи обладаніе Константинополемъ, тогда какъ для всѣхъ прочихъ государствъ обладаніе имъ было-бы или гибельно, какъ для Греціи, или доставило-бы чисто отрицательную выгоду, состоящую въ возможности постоянно вредить Россіи, сопряженную притомъ съ огромнымъ вредомъ для самихъ себя» ***). Однако, вникая глубже въ дѣло, Данилевскій находитъ, что и для самой Россіи присоединеніе Константинополя и его окрестностей представляетъ существенныя затрудненія: городъ этотъ, разъ онъ будетъ находиться въ нашемъ владѣніи, долженъ быть столицею русскаго государства, а перенесеніе столицы на такое далекое разстояніе неминуемо вредно отзовется на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ ****). Отсюда авторъ приходитъ къ выводу, что «Царь-

*) Назв. соч., стр. 95.

**) Россія и Европа, стр. 406.

***) Назв. соч., стр. 417.

****) Истина эта всегда настолько казалась очевидной, что мысль о присоединеніи Константинополя къ Россіи уже давно была подвергнута осужденію нашимъ извѣстнымъ романтикомъ—В. А. Жуковскимъ. „Эта Византія, — говоритъ онъ, — роковой городъ... Она влезла къ себѣ и нашихъ воинственныхъ предковъ; но походы Олега и Игоря были только славные разбои. Святославъ имѣлъ болѣе усіяха, но онъ влибился въ завоеванную имъ страну, позабылъ свою Россію и дорого заплатилъ за

градъ долженъ быть столицею не Россіи, — а всего всеславянскаго союза *)).

Надо замѣтить, что это рѣшеніе вопроса о Константинополѣ стоитъ у Данилевскаго въ соотвѣтствіи съ окончательнымъ рѣшеніемъ славянскаго вопроса въ смыслѣ всеславянской федераціи съ Россіей во главѣ. Но мы уже говорили, что славянамъ слишкомъ преждевременно думать объ этомъ, но словамъ автора, «единственно разумномъ, осмысленномъ рѣшеніи великой исторической задачи, получившей въ послѣднее время названіе восточнаго вопроса» **). Раздираемые духомъ соперничества и взаимной вражды, они не скоро еще проникнутся стремленіемъ къ объединенію, и прежде чѣмъ идея панславизма получитъ полное осуществленіе, Турецкая имперія успѣетъ окончательно распасться и, такъ сказать, въ расплохъ застать насъ съ вопросомъ о Константинополѣ. Этимъ угрожала Европѣ уже послѣдняя русско-турецкая война, и тѣмъ же всегда будетъ угрожать ей шаткое, безнадежное состояніе имперіи османовъ, пока западныя державы вмѣстѣ съ Россіей не опредѣлятъ судьбы Константинополя, которую онъ долженъ пережить до окончательнаго объединенія славянства. Предрѣшить этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важно, что неясность его, какъ мы говорили о томъ выше, принуждаетъ дипломатію постоянно оттягивать время окончательнаго расчета съ турецкимъ деспотизмомъ въ Европѣ.

Но часъ этотъ во всякомъ случаѣ долженъ скоро пробить. Что же тогда дѣлать съ Константинополемъ? Когда въ 1877 году послышались голоса о совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы, многіе предлагали сдѣлать его вольнымъ, нейтральнымъ городомъ. Но Данилевскій рѣшительно высказался противъ этой комбинаціи. Такой

это "... Въ Царь-Градѣ, который по своему чудесному положенію между двухъ знаменитыхъ морей, по всѣмъ окружающимъ его очарованіямъ природы, искусства и воспоминаній историческихъ (намъ NB чуждыхъ), имѣетъ полное право быть столицею еликой имперіи, православные русскіе цари исчезли-бы для Россіи за стѣнами султанскаго серала, вновь обращеннаго во дворецъ византійскихъ владельцев. Нѣтъ, избави Богъ насъ отъ превращенія русскаго царства въ имперію византійскую"... „Въ наше время стало ясно, что могущество истинное не въ огромности государствъ, а въ ихъ внутреннемъ благоденствіи заключается“. (Полное собраніе сочиненій, изд. 8-е, т. VI, стр. 658—659).

*) Россія и Европа, стр. 419.

**) Назв. соч., стр. 420.

космополитическій городъ, какъ Константинополь, по его мнѣнію, ставъ вольнымъ городомъ, тотчасъ сдѣлался бы центромъ католической, протестантской и даже революціонной пропаганды. Кроме того, здѣсь развилось-бы гешефтмахерство и контрабанда. По мнѣнію автора, Константинополь могъ бы, пожалуй, быть признанъ и вольнымъ городомъ, но только подъ исключительнымъ протекторатомъ Россіи, т. е. съ русскимъ гарнизономъ и подъ общимъ ея административнымъ надзоромъ. Но такъ какъ такое де весьма желательное и вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе противно видамъ большинства европейскихъ державъ, то Данилевскій полагалъ, что было бы лучше всего оставить Константинополь на время въ рукахъ Турціи. «Отъ Турціи — говорилъ онъ — остается одна тѣнь; но тѣнь эта должна еще до поры до времени отънять берега Босфора и Дарданелль, ибо замѣнить ее живымъ и не только живымъ, но еще здоровымъ организмомъ, пока невозможно. Такимъ образомъ вопросъ не будетъ предрѣшенъ къ неисправимому вреду Россіи и славянства. Константинополь не обратится въ новый Содомъ, въ центръ нравственной и умственной заразы, а будетъ ожидать времени своего преобразованія изъ турецкаго Стамбула въ православный и славянской Царьградъ для новой, славной исторической жизни» *).

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько была пригодна и цѣлесообразна эта комбинація въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны, позволимъ себѣ замѣтить, что при возможныхъ замѣшательствахъ въ будущемъ, когда Турція снова будетъ висѣть на краю гибели, она едва-ли можетъ отвѣчать нашимъ интересамъ и интересамъ народностей Балканскаго полуострова. Такого рода комбинація ведетъ, очевидно, не къ изгнанію турокъ изъ Европы, къ которому мы должны стремиться, а къ искусственному поддержанію ихъ существованія и господства въ Константинополѣ. Намъ кажется, что если бы Россія представился удобный случай покончить съ властью османовъ на берегахъ Босфора, она должна этимъ случаемъ дорожить и своевременно пользоваться, а не откладывать освобожденія Царь-Града на неопредѣленное время, когда царь Россіи будетъ все-славянской царь. Къ тому же, къ окончательному изгнанію турокъ изъ Константинополя у нея собственно и нѣтъ серьезныхъ препятствій, если безпристрастно взглянуть на дѣло.

*) Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей СПб. 1890 г., стр. 84.

Въ самомъ дѣлѣ, ради чего тѣмъ Турціи должна еще до поры до времени отбѣять берега Босфора и Дарданеллъ? Неужели кромѣ этой комбинаціи нѣтъ для насъ болѣе выгодной? Почему бы, напримѣръ, не объявить Константинополь вольнымъ городомъ, состоящимъ подъ покровительствомъ европейскихъ народовъ, подобно вѣчно нейтральной Швейцаріи или Бельгіи? Вѣдь все-то зло, которое по мнѣнію Данилевскаго, прористекало бы отсюда для Россіи и славянъ Востока, имѣеть для себя благодатную почву, несомнѣнно, и теперь, въ силу слабости турецкаго правительства и его податливости передъ давленіемъ извнѣ. Стало быть, дѣло можетъ лишь немногимъ ухудшиться, если Константинополь станетъ вольнымъ, нейтральнымъ городомъ. Но даже если допустить полную непригодность этой комбинаціи, то и тогда, вѣроятно, у насъ найдется выходъ въ вопросѣ о Константинополѣ. Данилевскій говоритъ, что тѣмъ Турціи пока невозможно замѣнить живымъ здоровымъ организмомъ. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Почему бы, напримѣръ, не сдѣлать Константинополь столицей Болгарскаго царства или столицей балканской федераціи, къ которой неминуемо должны будутъ обратиться наши единовѣрцы и единоплеменники, прежде чѣмъ они образуютъ съ нами всеславянскій союзъ? Обѣ указанныя комбинаціи, а тѣмъ болѣе послѣдняя, полагаемъ, во сто кратъ лучше, чѣмъ турецкая тѣмъ на берегахъ Босфора.

Итакъ, разсмотрѣвъ вопросъ о Константинополѣ, нельзя не придти къ тому заключенію, что по изгнаніи турокъ изъ Европы, въ интересахъ Россіи и славянъ Востока, онъ свободно можетъ быть признанъ либо вольнымъ городомъ, либо столицей Болгарскаго царства, либо, наконецъ, центромъ балканской федераціи. Противъ такихъ способовъ рѣшенія вопроса о Константинополѣ, надо думать, не будетъ серьезныхъ возраженій и со стороны западныхъ державъ, такъ какъ онѣ едва-ли найдутъ себя въ правѣ видѣть въ указанныхъ комбинаціяхъ источникъ усиленія Россіи на Востокѣ и нарушеніе существенныхъ интересовъ европейскихъ дворовъ къ исключительной выгодѣ русскаго народа. Развѣ только передача Константинополя въ руки Болгарскаго царства можетъ встрѣтить отпоръ со стороны западной дипломатіи подобно тому, какъ она воспротивилась образованію дворацкаго Болгарскаго княжества на Берлинскомъ конгрессѣ. Но это для Россіи будетъ во всякомъ слу-

чаѣ еще не велика потеря, тѣмъ болѣе что такого рода комбинація не совсѣмъ дружелюбно можетъ быть встрѣчена другими балканскими государствами, изъ которыхъ чуть-ли не каждое всегда считало Царь-Градъ какъ бы своимъ собственнымъ достояніемъ. Между тѣмъ русское правительство должно по возможности избѣгать всего того, что могло бы причинить ущербъ прочности русско-славянскихъ отношеній. Поэтому, для Россіи было бы даже лучше сдѣлать Константинополь вольнымъ, нейтральнымъ городомъ, т. е. не давать его въ исключительную собственность какому либо одному изъ балканскихъ государствъ, или предоставить его въ общее ихъ владѣніе, сдѣлавъ Царь-Градъ столицею балканской федераціи. Последнее положеніе, разумѣется, слѣдуетъ признать самымъ лучшимъ, какое только возможно дать Константинополю, такъ какъ оно не нарушило бы интересовъ Россіи и Европы и въ то же время устранило бы всякій поводъ къ спорамъ и враждѣ балканскихъ государствъ изъ-за дорогаго для каждого изъ нихъ города.

Отъ вопроса о возможномъ положеніи Константинополя въ недалекомъ будущемъ, перейдемъ теперь къ другому вопросу, къ вопросу о проливахъ, издавна представляющему собою одинъ изъ важныхъ пунктовъ дипломатической исторіи отношеній Россіи къ Турціи. Но предварительно считаемъ долгомъ оговориться, что здѣсь можетъ быть рѣчь только о разрѣшеніи вопроса о военномъ судоходствѣ черезъ проливы, такъ какъ уже съ 1829 года, со времени заключенія Адрианопольскаго договора между Россіей съ Турціей, свобода торговаго судоходства черезъ Дарданеллы и Босфоръ вполне гарантирована какъ для Россіи, такъ и для остальныхъ государствъ Европы.

Вопросъ о проливахъ, какъ и вопросъ о Константинополѣ, былъ подробно рассмотрѣнъ Данилевскимъ въ 1877 году. Тогда многіе, какъ у насъ, такъ и за-границей, предполагали объявить Босфоръ и Дарданеллы нейтральными, или открыть ихъ для свободнаго плаванія судовъ всѣхъ народовъ. Но авторъ и то, и другое находилъ для насъ одинаково невыгоднымъ: «стоитъ лишь немного вникнуть въ значеніе этихъ либеральныхъ формулъ, — говорилъ онъ, — чтобы убѣдиться въ томъ огромномъ вредѣ, который онѣ неминуемо должны имѣть для Россіи». *) При нейтрализаціи проливовъ военныя суда Россіи не имѣли бы возможности выхода и «русскій черномор-

*) Назв. соч., стр. 53.

скій флотъ, слѣдовательно, остался бы на старомъ положеніи, т. е. запертымъ въ Черномъ морѣ, а весьма мало надежды когда-либо высвободиться изъ этого плѣна, ибо запрещеніе входа и выхода было бы наложено на него уже не одною Турціею, а общимъ рѣшеніемъ Европы, при документированномъ согласіи на него самой Россіи. *) Кроме того, постоянно закрытые для Россіи, проливы, въ случаѣ нашей войны съ Турціею, были бы открыты для нея и для ея союзниковъ. Однако нейтрализація проливовъ, по мнѣнію Данилевскаго, для Россіи несравненно выгоднѣе того положенія, которое наступило бы вслѣдствіе провозглашенія свободнаго плаванія по нимъ. Такого рода комбинація—по его словамъ—«виѣствъ и несправедлива, и противна здравому смыслу съ общей теоретической точки зрѣнія» **) «Возможность, даваемая черноморскому флоту принимать дѣятельное участіе въ войнѣ противъ сильныхъ морскихъ державъ, далеко не уравнивается свободою, предоставляемою этимъ послѣднимъ, вступать черезъ проливы въ Черное море и нападать на нашъ флотъ и на наши берега». ***) «При невозможности доставить нашему черноморскому флоту такой силы, которая обезпечивала бы за нимъ положительный перевѣсъ надъ флотами сильныхъ морскихъ державъ,—свободное плаваніе по проливамъ, въ большинствѣ случаевъ было бы для насъ рѣшительно невыгоднымъ и имѣло бы своимъ результатомъ отвлеченіе значительной сухопутной арміи единственно для охраны нашихъ черноморскихъ береговъ» ****).

Указавъ, въ чемъ заключается главный вредъ для Россіи отъ установленія свободы плаванія по проливамъ, Данилевскій далѣе говоритъ: «Если Босфоръ и Дарданеллы составляютъ ворота въ нашъ домъ, то выгоднымъ для насъ можетъ считаться только то положеніе, когда мы имѣемъ ключъ отъ этихъ воротъ въ своемъ карманѣ, а не то, когда эти ворота будутъ постоянно настежь отворены для друга и недруга. Могутъ намъ, конечно, возразить, по видимому съ нѣкоторою основательностью, что свободное плаваніе есть общее правило, отъ котораго мы не имѣемъ права уклоняться, и должны, какъ и всѣ, подчиняться простекающимъ изъ него выгодамъ и невыго-

*) Назв. соч., стр. 58.

**) Назв. соч., стр. 71.

***) Назв. соч., стр. 56.

****) Назв. соч., стр. 58.

дамъ». *) Но противъ этого правила авторъ приводитъ слѣдующія возраженія: 1) древнее правило относительно закрытія проливовъ Босфора и Дарданеллъ, при всѣхъ своихъ невыгодныхъ сторонахъ, представляется для Россіи болѣе выгодной комбинаціей въ сравненіи съ открытіемъ названныхъ проливовъ для свободного военнаго судоходства всѣхъ націй, и поэтому намъ нѣтъ необходимости настаивать на измѣненіи существующаго положенія дѣлъ; 2) всякое общее правило относится къ общимъ случаямъ; случай же внутренняго моря, выходъ изъ котораго возможенъ только черезъ узкій проливъ, единственный во всей топографіи морей земнаго шара, и потому не можетъ быть подведенъ подъ общее правило свободы морскаго плаванія; 3) наконецъ, не существуетъ и самаго общаго правила свободы плаванія по морямъ въ примѣненіи къ настоящему случаю: во-первыхъ, потому, что освященные трактатами и практикою обычаи, устанавливая свободу плаванія, дѣлаютъ исключеніе, по которому прибрежная полоса въ три морскихъ мили (5½ верстъ) шириною считается принадлежащею тому государству, чьи берега омываетъ, и поэтому Дарданеллы и Босфоръ оказались бы изъятыми изъ общаго пролива не только по факту, но и по праву; во-вторыхъ, потому, что на земномъ шарѣ только двѣ группы проливовъ, которые не могутъ быть обойдены: одна, составляющая входъ въ Балтійское море, гдѣ установленъ принципъ свободного плаванія военныхъ кораблей, а другая, составляющая входъ въ Черное море, по отношенію къ которому примѣняется принципъ диаметрально противоположный. Когда же всего на всего существуютъ только два случая, рѣшаемые въ противоположныхъ смыслахъ, изъ нихъ нельзя вывести никакого общаго правила, такъ какъ каждый изъ нихъ можетъ служить юридическимъ прецедентомъ для другаго **).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній Данилевскій приходитъ къ выводу, что «съ русской точки зрѣнія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и точка зрѣнія здраваго смысла и справедливости, вопросъ о проливахъ можетъ имѣть только два рѣшенія. Одно—полное и окончательное, соотвѣтствующее полному и окончательному рѣшенію восточнаго вопроса; другое—временное, предварительное, со-

*) Назв. соч., стр. 58.

**) Назв. соч., стр. 59—62.

ответствующее частному его рѣшенію». *) «Первое рѣшеніе, предполагающее уничтоженіе турецкаго владычества въ Европѣ, должно передать проливы, если и не въ непосредственное владѣніе Россіи, то въ посредственное, какъ первенствующаго члена славянскаго или, точнѣе и полнѣе, восточно-христіанскаго союза». Второе рѣшеніе, предполагающее существованіе Турціи на берегахъ Босфора, допускаетъ возможность оставить оба пролива во власти турокъ съ условіемъ, чтобы Россія имѣла право свободного черезъ нихъ входа и выхода или въ силу договора, или вслѣдствіе подчиненія Турціи преобладающему вліянію русскаго двора **).

Таковы, по мнѣнію Данилевскаго, два рѣшенія вопроса о проливахъ, единственно способныя удовлетворить жизненные интересы Россіи на Черномъ морѣ. Пока Турецкая имперія существуетъ, намъ лучше всего оставить проливы въ ея рукахъ, подъ условіемъ разрѣшенія свободного прохода по нимъ для русскаго военнаго флота; когда же царство османовъ падетъ, проливы такъ или иначе должны будутъ попасть въ руки Россіи. Но съ мнѣніемъ автора едва-ли возможно согласиться. Что касается до перваго изъ указанныхъ имъ способовъ рѣшенія вопроса о проливахъ, то оно совершенно неосуществимо и положительно неспособно обезпечить наши интересы, какъ это ясно и наглядно доказываетъ поучительная исторія Ункіарь-Искелесскаго трактата. Кромѣ того, какъ мы о томъ говорили выше, Турція не доживетъ до того времени, когда образуется восточно-христіанскій союзъ. Кто же тогда будетъ владѣть Босфоромъ и Дарданеллами? Неужели для охраны ихъ отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ и для обезпеченія интересовъ Россіи на Черномъ морѣ, какъ и для защиты Константинополя до совершеннолѣтія наслѣдниковъ, нужно будетъ дорожить господствомъ турокъ въ Европѣ? Оставляя Константинополь въ рукахъ османовъ до тѣхъ поръ, пока ихъ имперію не замѣнитъ живой здоровый организмъ, Данилевскій, конечно, оставляетъ въ ихъ рукахъ и проливы съ тѣмъ, чтобы потомъ передать ихъ во власть Россіи, какъ первенствующаго члена имѣющаго быть всеславянскаго союза. Но къ такой комбинаціи приводитъ автора исключительно одинъ пристрастный и невѣрный взглядъ на наши права по отношенію къ Черному морю, взглядъ, состо-

*) Назв. соч., стр. 64.

**) Назв. соч., стр. 66.

ящій въ томъ, что «право свободнаго выхода изъ Чернаго моря русскимъ военнымъ судамъ есть право выхода изъ своего внутренняго двора на вольный Божій свѣтъ» *). Считаая Черное море нашимъ дворомъ и домомъ, Данилевскій естественно долженъ былъ такъ или иначе, тѣмъ или другимъ способомъ постараться оградить этотъ дворъ и домъ отъ враждебныхъ Россіи вторженій. Но подобный взглядъ на Черное море едва-ли можетъ быть оправданъ. Пока на Балканскомъ полуостровѣ будутъ существовать многія самостоятельныя государства и рядомъ съ ними Австрія, до тѣхъ поръ право на Черное море и проливы нельзя считать принадлежащимъ исключительно одной Россіи, и для того, чтобы свободно проводить по Босфору и Дарданелламъ свои суда, мы неизбежно должны будемъ искать другихъ комбинацій, кромѣ захвата въ свои руки этихъ проливовъ, такъ какъ въ свободѣ судоходства по нимъ заинтересованы какъ Австрія, такъ и всѣ государства Балканскаго полуострова.

Для обезпеченія себѣ свободнаго прохода по проливамъ Босфора и Дарданеллъ, по нашему мнѣнію, Россіи было бы лучше всего признать по отношенію къ нимъ полную свободу плаванія. Такого рода комбинація кажется Данилевскому наихудшей потому, что въ его глазахъ самое «право свободнаго входа въ Черное море для военныхъ судовъ всѣхъ прочихъ державъ есть право врѣваться въ нашъ дворъ и домъ единственно для грабежа» **). Но если эта точка зрѣнія, какъ мы говорили выше, не можетъ быть признана правильной, то настолько же неправильны и тѣ доводы, съ которыми авторъ выступаетъ противъ допущенія свободнаго плаванія по Босфору и Дарданелламъ. Онъ говоритъ, что при свободѣ плаванія по проливамъ выгода будетъ не на нашей сторонѣ, а на сторонѣ морскихъ державъ, изъ которыхъ каждая превосходитъ насъ флотомъ; поэтому, для защиты и обороны береговъ Чернаго моря намъ придется держать громадныя сухопутныя войска. Но спрашивается, кто же мѣшаетъ намъ обзавестись тогда значительнымъ военнымъ флотомъ? Развѣ это недоступная для насъ вещь? Развѣ, наконецъ, въ значительномъ усиленіи черноморскаго флота не чувствуется постоянной потребности и при существующемъ положеніи проливовъ?

*) Назв. соч., стр. 70.

**) Назв. соч., стр. 70.

Останавливаясь затѣмъ на разсмотрѣніи принципа свободнаго плаванія съ чисто теоретической точки зрѣнія, Данилевскій находитъ наибѣйшую непримѣнимость этого принципа къ данному случаю. По мнѣнію автора, «всякое общее правило относится и къ общимъ случаямъ. Но Дарданеллы и Босфоръ случаи въ высшей степени исключительные, почти единственные во всей топографіи морей земнаго шара». Они являются единственнымъ проходомъ изъ Средиземнаго моря въ Черное, почему положеніе Россіи, прилегающей къ этому морю, гораздо невыгоднѣе положенія страны прилегающей къ открытому морю. Невыгодность этого положенія состоитъ въ томъ, что въ случаѣ войны Россіи съ какой либо морской державой нашъ флотъ, выйдя изъ Чернаго моря, за неимѣніемъ другаго выхода, можетъ быть непропущенъ туда неприятелемъ, который съ частью своего флота можетъ де засѣсть въ проливахъ и постоянно стеречь входъ въ него, а другую часть отправить для нападенія на нашъ черноморскій берегъ. Но, очевидно, авторъ забылъ, что при объявленіи Босфора и Дарданеллъ открытыми какъ въ мирное, такъ и въ военное время для всякаго, торговаго и военнаго судоходства, безъ различія флаговъ, можетъ и даже должно быть установлено правило, воспреещающее всякія дѣйствія, могущія угрожать свободѣ движенія не только въ самихъ проливахъ, но даже и на извѣстномъ разстояніи отъ нихъ, какъ то условлено, напримѣръ, въ Константинопольскомъ договорѣ 5 (17) декабря 1888 года по отношенію къ Суэзскому каналу*). При установленіи такого правила

*) Въ договорѣ этомъ сказано: ст. 1. Морской Суэзскій каналъ признается навсегда свободнымъ и открытымъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время для всякаго торговаго и военнаго судна, безъ различія флага. Вслѣдствіе этого, высокія договаривающіяся стороны соглашались никакимъ образомъ не посягать на свободу плаванія по каналу, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Каналъ никогда не можетъ подлежать блокадѣ. Ст. 4. Въ силу того, что морской каналъ и во время войны остается открытымъ для военныхъ судовъ воюющихъ, стороны признають, что никакое примѣненіе права войны, никакое враждебное дѣйствіе и вообще никакое дѣйствіе, могущее угрожать свободѣ движенія по каналу, не допускаются ни въ самой каналѣ и входныхъ къ нему портахъ, ни на разстояніи трехъ морскихъ миль отъ послѣднихъ, даже въ томъ случаѣ, если бы Порты была одновъ изъ воюющихъ сторонъ. Военнымъ судамъ воюющихъ дозволяется въ каналѣ и его начальныхъ портахъ возобновлять свои запасы лишь въ предѣлахъ строгой необходимости. Проходъ этихъ судовъ по каналу долженъ совершаться на основаніи дѣйствующихъ правилъ, въ наиболѣе краткій срокъ и безъ какихъ бы то ни было

судоходства Россія и западныя державы въ отношеніи выгоды пользованія проливами будутъ поставлены въ совершенно одинаковыя условія, вслѣдствіе чего приведенный доводъ Данилевскаго противъ распространенія свободы судоходства на проливы, ведущіе въ Черное море, теряетъ всякое значеніе.

Помимо исключительности положенія проливовъ Босфора и Дарданелль, къ предоставленію полной свободы судоходства по нимъ для всѣхъ націй, по убѣжденію Данилевскаго, нѣтъ никакихъ и юридическихъ основаній, какъ по тому, что по своей ширинѣ они составляютъ полную принадлежность прибрежнаго государства, такъ и по тому, что при существованіи только двухъ группъ проливовъ, которые не могутъ быть обойдены, нельзя и говорить о какомъ-либо въ отношеніи ихъ общемъ правилѣ судоходства, тѣмъ болѣе, что правила судоходства и въ томъ и другомъ случаѣ совершенно различны. Но противъ этой аргументаціи должно замѣтить, что по современной теоріи международнаго права территоріальной власти даннаго государства подчиняются только территоріальные проливы, ведущіе изъ открытаго моря въ закрытое; территоріальные же проливы соединяющіе два открытыхъ моря, должны быть принципиально открыты для беспрепятственнаго пользованія всѣхъ государствъ; но могутъ быть подчинены и особымъ договорнымъ постановленіямъ, какъ то напр. сдѣлано въ отношеніи Босфора и Дарданелль *). Что же касается до утвержденія Данилевскаго, что на земномъ шарѣ существуютъ только двѣ группы проливовъ, которые не могутъ быть обойдены, причемъ по отношенію къ проливамъ въ Балтійское море утверждёнъ принципъ свободнаго плаванія, а по отношенію къ проливамъ въ Черное море господствуетъ принципъ противоположный, и что по двумъ случаямъ, рѣшаемымъ въ противоположномъ смыслѣ, нельзя будто-бы выводить общаго правила,

ныхъ задержекъ, кромѣ требуемыхъ службою. Стоянна ихъ въ Портъ-Саидѣ и на Суэзскомъ рейдѣ не должна продолжаться долѣе 24 часовъ, кромѣ случая укрывательства отъ бури или неизбежной починки. Но и тутъ они обязаны уходить при первой возможности. Полагается 24-хъ часовой срокъ между выходомъ изъ начальныхъ портовъ корабля одной воюющей стороны и уходомъ корабля другой. (Подробности см. у гр. Камаровскаго: „О свободѣ плаванія по Суэзскому каналу“. Рус. Мысль за 1889 годъ № 2).

*) Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 380.

то на это можно возразить слѣдующее. Чтобы отвѣтить на вопросъ о томъ, примѣнимо-ли общее правило о свободѣ судоходства къ проливамъ Босфора и Дарданелль, необходимо знать, чѣмъ руководствуется теорія и практика международного права при установле- нии и примѣненіи этого принципа, а не то, насколько онъ въ настоящее время распространенъ вообще или сколько однородныхъ случаевъ собою обхватываетъ. Общее правило о свободѣ морскаго судоходства, какъ извѣстно, основывается на томъ важномъ практи- ческомъ значеніи, которое имѣетъ эта свобода въ жизни народовъ. Поэтому указанный принципъ международного права распростра- няется на всѣ вообще водяныя артеріи міровыхъ сношеній, ка- кими бы особенностями онѣ ни отличались. Слѣдовательно, онъ дол- женъ распространяться и на проливы, ведущіе въ Черное море, хотя они, какъ таковые, и представляютъ единственное въ мірѣ явленіе, такъ какъ съ завоеваніемъ русскими сѣвернаго берега Чер- наго моря, послѣднее изъ закрытаго сдѣлалось открытымъ и беспре- пятственное плаваніе черезъ Босфоръ и Дарданеллы стало столько же жизненнымъ интересомъ Россіи, сколько несомнѣннымъ правомъ всѣхъ народовъ, признающихъ свободу открытыхъ морей *).

Изъ сдѣланнаго нами бѣлаго обзора доводовъ Данилевскаго видно, что у Россіи собственно нѣтъ никакихъ серьезныхъ пре- пятствій согласиться на свободу плаванія по проливамъ. Это она сама лучше всего доказала тѣмъ, что на Вѣнской конференціи пред- ложила открыть Дарданеллы и Босфоръ *для всѣхъ кораблей всѣхъ государствъ*, когда былъ поднятъ вопросъ о нейтрализаціи Чернаго моря и проливовъ. Но если такого рода комбинація не противна интересамъ Россіи, то она должна отстаивать ее тѣмъ болѣе, что рано или поздно того все равно потребуетъ общее правило о сво- бодѣ судоходства и интересы всѣхъ прибрежныхъ къ Черному морю государствъ вмѣстѣ съ Австріей.

Резюмируя все вышесказанное относительно возможнаго рѣшенія вопроса о Константинополѣ и проливахъ, мы приходимъ къ слѣ- дующему выводу: рѣшеніе вопроса о проливахъ должно состоять въ признаніи полной свободы плаванія по нимъ для военныхъ и тор- говыхъ судовъ всѣхъ націй безъ исключенія: что же касается до

*) Мартенсъ, назв. соч., т. II, стр. 248.

Константинополя, то онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть признанъ или столицей Болгарскаго царства, или вольнымъ городомъ, или центромъ балканской федераціи. Такого рода способъ рѣшенія вопроса о Константинополѣ и проливахъ находятъ себѣ сочувствіе въ лицѣ многихъ ученыхъ и публицистовъ. Такъ въ этомъ смыслѣ высказывается, напримѣръ, гр. Камаровскій, взгляды котораго по своей широтѣ вообще отличаются рѣзкою противоположностью узкости воззрѣній нашихъ націоналистовъ. «На обладаніе Константинополемъ могутъ выступить—говорить почтенный профессоръ— три претендента: Греція, Россія и Болгарія. Едва ли, однако, грекамъ удастся нынѣ утвердиться на берегахъ Босфора. Нечего желать возстановленія Византійской имперіи. Греки въ свое время не сумѣли отстоять ее отъ турокъ и дали имъ возможность покорить весь Балканскій полуостровъ. Въ наше время было-бы несправедливо отдавать во власть вновь созданной греческой имперіи славянъ, пробуждающихся къ самостоятельной политической жизни. Многие въ Россіи мечтаютъ о присоединеніи Константинополя. Другіе, болѣе умѣренные, говорятъ о необходимости для насъ, въ случаѣ паденія Оттоманской имперіи, занять такія позиціи на обѣихъ берегахъ Босфора, которыя командовали-бы проливами: Намъ нужны проливы, какъ ключи къ нашему дому. Сдѣлать Черное море въ военномъ отношеніи закрытымъ можно только, если признать его территоріальнымъ моремъ одной какой-либо державы. Объ этомъ можно было толковать прежде, когда оно принадлежало исключительно Турціи, державшей въ своихъ рукахъ и проливы. Но не таково его положеніе теперь. Австрія и прилегающія къ нему славянскія земли имѣютъ полное право требовать, чтобы входъ и выходъ въ него оставались всегда открытыми, даже во время войны. Того же требуетъ и интересъ Россіи, въ случаѣ войны ея съ какою-либо державою, и если она будетъ имѣть въ Черномъ морѣ военный флотъ. Нельзя, съ точки зрѣнія международнаго права дать ей одной распоряженіе проливами, которые для черноморскихъ странъ являются естественными и кратчайшими путями сношеній ихъ съ южной Европой и (черезъ Суэзскій каналъ) съ дальнимъ Востокомъ. Вотъ почему, по нашему мнѣнію,—замѣчаетъ профессоръ—въ общихъ интересахъ, Константинополь слѣдовало-бы: либо признать столицей болгарскаго царства, или славянской федераціи,

либо вольнымъ городомъ съ небольшою окружающею его террито-
рією, но въ обоихъ случаяхъ срыть укрѣпленія по Босфору и Дар-
данелламъ и это поставить подъ гарантію Европы. Кому-бы въ бу-
дущемъ Константинополь ни принадлежалъ—проходы изъ Средизем-
наго моря въ Черное должны быть *всегда* открыты флагамъ *всѣхъ*
народовъ». Это стоитъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ же принципомъ,
который признанъ и относительно Суэзскаго канала *).

Такова, по нашему мнѣнію, наиболѣе правильная съ точки зрѣ-
нія международнаго права форма рѣшенія восточнаго вопроса. Со-
гласно ей Россія должна заботиться не о захватѣ Босфора и Дар-
данеллъ, а о томъ, что-бы *проливы изъ Средиземнаго моря въ Чер-
ное были всегда открыты флагамъ всѣхъ народовъ*; въ своихъ же
отношеніяхъ къ балканскимъ племенамъ ей слѣдуетъ стремиться не
къ политическому руководству надъ ними, а къ тому, чтобы *быть*
только духовной руководительницею восточныхъ христіанъ, пре-
доставляя имъ, подъ своею охраною и покровительствомъ, полную
возможность по справедливости раздѣлить между собою терри-
торію Оттоманской Порты сообразно съ требованіями жителей
и природными особенностями обитаемой ими страны, и войти въ
общеніе съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ. Только въ такомъ
полномъ освобожденіи балканскихъ народностей отъ власти турокъ и
въ обезпеченіи намъ, указаннымъ способомъ, свободы выхода изъ
Чернаго моря можетъ заключаться окончательное рѣшеніе восточ-
наго вопроса въ правильно понятомъ интересѣ Россіи. Подобное
рѣшеніе давняго вопроса, предполагающее окончательное уничтоженіе
Турецкой имперіи въ Европѣ и предоставляющее ей полную возмож-
ность влечь свое существованіе въ Азіи, совершенно согласно и съ
интересами всего человѣчества. Поэтому, направляя свою восточ-
ную политику отъ указанной, вполне законной точки зрѣнія, Рос-
сія несомнѣнно, добьется и соглашенія съ западными державами
по восточному вопросу, которое для насъ крайне необходимо въ
виду того, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ игнорировать
права совокупнаго вмѣшательства европейскихъ государствъ въ опре-
дѣленіе нашихъ отношеній къ судьбамъ православнаго Востока.

*) О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ, стр. 12—13.

Г Л А В А III.

Возможность рѣшенія восточнаго вопроса мирнымъ путемъ.

Наиболѣе правильная съ точки зрѣнія международнаго права форма рѣшенія восточнаго вопроса осуществима путемъ мирнаго и дружельюбнаго соглашенія между европейскими государствами. Мнѣнiе Данилевскаго и историческая справка Татищева по вопросу о возможности рѣшенія восточнаго вопроса мирнымъ путемъ. Ошибочность взгляда Данилевскаго на войну, какъ на необходимый элементъ міроваго порядка, и признанiя ея наилучшимъ способомъ рѣшенія важнѣйшихъ международныхъ вопросовъ. Стремленіе народовъ къ мирнымъ способамъ рѣшенія своихъ споровъ. Движеніе въ пользу международнаго третейскаго суда. Неспособность дипломатiи къ рѣшенію наиболѣе трудныхъ международныхъ вопросовъ. Итоги дѣятельности ея въ восточномъ вопросѣ. Непригодность дипломатическихъ средствъ въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса, засвидѣтельствованная исторіей, не есть, однако, доказательство невозможности рѣшенія его мирнымъ путемъ. Способъ, которымъ можно было бы достигнуть этого результата. Необходимость для этой дѣли особнхъ конгрессовъ и конференцій. Ихъ организація, руководящiя начала и личный составъ. Отсутствие препятствій въ существѣ дѣла для постепеннаго рѣшенія восточнаго вопроса на этихъ конференціяхъ и конгрессахъ. Возможность рѣшенія этого вопроса мирнымъ путемъ.

Говоря о наиболѣе правильной съ точки зрѣнія международнаго права формѣ рѣшенія восточнаго вопроса, мы сказали, что такой формой должна быть признана полная свобода судоходства по Черному морю и проливамъ и образованіе на развалинахъ Турецкой имперіи свободныхъ и вполнѣ независимыхъ государствъ изъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, по отношенію къ которымъ Россія не предъявляла бы никакихъ исключительныхъ правъ и лишь ограничивалась бы ролью духовной руководительницы въ силу единства вѣры и крови, соединяющихъ ее съ этими народностями. Если сравнить эту форму рѣшенія восточнаго вопроса съ той, которую навязываютъ Россіи гг. Штиглицъ и Татищевъ, то нельзя не замѣтить рѣзкой между ними разницы, идущей не въ пользу

последней. Если политическая программа русских националистов искажает нашу историческую миссию, противоречит истинным пользамъ и нуждамъ Россіи и ея восточныхъ единоверцевъ и не согласуется съ интересами западныхъ державъ, не менѣ насъ заинтересованныхъ въ будущихъ судьбахъ Востока и потому имѣющихъ полное право воспрепятствовать всякой политической комбинаціи, нарушающей ихъ права и интересы, то указанная нами форма рѣшенія восточнаго вопроса чужда всѣхъ этихъ недостатковъ. Какъ на то указано выше, она одинаково отвѣчаетъ какъ матеріальнымъ и религіозно-національнымъ интересамъ Россіи на Востокѣ, такъ и пользамъ грѣко-славянскихъ народностей Балканскаго полуострова. Поэтому при такомъ способѣ рѣшенія названнаго вопроса русскій народъ только точно исполнилъ бы свое историческое призваніе и свои вѣковыя задачи, т. е. надлежащимъ образомъ обезпечилъ бы какъ свои собственные жизненные интересы, такъ и интересы балканскихъ народностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не противорѣча требованіямъ права и справедливости, такое рѣшеніе восточнаго вопроса не противорѣчитъ и интересамъ западныхъ державъ и потому имѣетъ еще одно весьма важное достоинство, которое никакъ нельзя игнорировать при обсужденіи того порядка вещей, установленіе котораго на Балканскомъ полуостровѣ было бы наиболѣе желательно для Россіи въ будущемъ. Мы говоримъ о возможности осуществленія указанной нами формы рѣшенія восточнаго вопроса путемъ мирнаго и дружественнаго соглашенія Россіи съ прочими великими европейскими державами.

Эта послѣдняя особенность отстаиваемой нами программы, конечно, многимъ можетъ показаться лишь призрачнымъ ея достоинствомъ, только воображаемымъ ея преимуществомъ, въ виду весьма распространеннаго въ русскомъ обществѣ мнѣнія о полномъ отсутствіи всякой возможности безпрепятственнаго рѣшенія восточнаго вопроса въ «европейскомъ ареопагѣ». Такое убѣжденіе, отчасти основанное на историческихъ данныхъ, находитъ массу сторонниковъ въ вашей печати. Его держатся, между прочимъ, Данилевскій и Татищевъ, относящіеся вообще съ большимъ скептицизмомъ ко всякаго рода конгрессамъ и конференціямъ. Но мнѣніе это, совершенно, неосновательно, и намъ кажется не лишнимъ указать, въ чемъ именно заключается его ошибочность, такъ какъ съ точки зрѣнія об-

щого блага всего цивилизованнаго міра совмѣстная мирная и дружная работа Россіи и Европы, возможность которой обыкновенно оспаривается по отношенію къ пересозданію существующаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ, имѣеть за собою громадныя преимущества передъ единоличными усиліями той или другой державы содѣйствовать рѣшенію восточнаго вопроса.

Со взглядами Данилевскаго на восточный вопросъ мы уже знакомы. Выше было говорено, что онъ разумѣеть подъ нимъ ни больше, ни меньше, какъ борьбу романо-германскаго міра съ міромъ славяно-греческимъ. Изложеніе своихъ мыслей о восточномъ вопросѣ почтенный авторъ начинаетъ такими высокопарными словами: «Восточный вопросъ говоритъ онъ — не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломатіи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлыя вѣка, провозглашаетъ она сама, безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громами и молніей, какъ Саваоѣ съ вершины Синая. Доказывать этого не надобно. Во всеобщемъ сознаніи, важность, приписываемая восточному вопросу, такова, что никто и не думаетъ втискивать его въ узкія рамки дипломатіи, никому не приходится даже въ голову предлагать конгрессъ для его рѣшенія; сама дипломатія, берущаяся за многое, чувствуетъ, что онъ ей не по плечу, — и только старается отодвинуть самый приступъ къ его рѣшенію, чтобы дать время всѣмъ пользоваться настоящимъ передъ страшнымъ историческимъ кризисомъ, который на долгое время поглотитъ собою все вниманіе, всѣ усилія народовъ, отодвинувъ на задній планъ всѣ другія дѣла и заботы. Дѣйствуя такимъ образомъ, она, конечно, исполняетъ свою обязанность, состоящую въ томъ, чтобы по мѣрѣ силъ своихъ сглаживать пути историческаго движенія и, если не предотвращать, то замедлять и ослаблять столкновения». *) Единственнымъ способомъ рѣшенія великихъ историческихъ вопросовъ вообще и восточнаго вопроса въ особенности Данилевскій, какъ видно изъ приведенныхъ строкъ его разсужденія, признаетъ лишь кровавую борьбу, которая, по его мнѣнію, только одна способна привести къ окончательному установленію прочнаго

*) Россія и Европа, стр. 325.

порядка. Съ этимъ взглядомъ вполне соглашается и Бестужевъ — Рюминъ, который, останавливаясь на вышеприведенныхъ словахъ Данилевскаго, торжественно замѣчаетъ; «Да, великіе историческіе вопросы не рѣшаются мелкими средствами: дипломатія, вся погруженная въ интересы личные, интересы временныя, можетъ только задерживать рѣшеніе и никогда не ведетъ къ окончательному установленію прочнаго порядка; она строитъ только временныя сооруженія; но тѣсно жить въ такихъ баракахъ; душа рвется на просторъ. Такой просторъ, такая историческая ширь открывается только кровавой борьбой» *).

Стараясь доказать необходимость и даже неизбѣжность кровопролитныхъ войнъ для рѣшенія великихъ историческихъ вопросовъ Данилевскій разсуждаетъ далѣе такъ: «Если бури и грозы необходимы въ физическомъ порядкѣ природы, то не менѣе необходимы и прямые столкновенія народовъ, которыя вырываютъ судьбу ихъ изъ сферы тѣсныхъ, узко-раціональныхъ взглядовъ политическихъ личностей (по необходимости судящихъ о потребностяхъ историческаго движенія съ точки зрѣнія интересовъ минуты, при весьма неполномъ пониманіи его сущности), и передаютъ непосредственному руководству міроправительнаго историческаго промысла. Еслибы великіе вопросы, служившіе причиною самыхъ тяжелыхъ, самыхъ бурныхъ историческихъ кризисовъ, рѣшались путемъ переговоровъ съ точки зрѣнія самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ политиковъ и дипломатовъ своего времени, — какъ были бы жалки историческіе результаты этихъ благонамѣренныхъ усилій, которыя (при всей ихъ благонамѣренности, при всей человѣческой мудрости ими руководящей) не могли же бы предугадывать потребностей будущаго, не могли бы оцѣнить плодотворнаго вліянія такихъ событій, которыя, съ точки зрѣнія своего времени, нерѣдко считались и должны были считаться вредными и гибельными. Въ томъ, что міровыя рѣшенія судебъ человѣчества почти совершенно изъяты отъ вліянія узкой и мелкой политической мудрости дѣятелей, современныхъ каждому великому историческому перевороту, должно, напротивъ того, видѣть одинъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ законовъ, управляющихъ историческимъ движеніемъ» **).

*) Теорія культурно-историческихъ типовъ. Приложение къ книгѣ Данилевскаго: Россія и Европа стр. 595.

**) Назв. соч., стр. 326.

Такова аргументація Данилевскаго, пытающагося доказать полную невозможность рѣшенія международныхъ вопросовъ путемъ мирныхъ переговоровъ между заинтересованными въ нихъ государствами. Стараясь какъ можно нагляднѣе представить безсиліе и безцѣльность благонамѣренныхъ усилій великихъ державъ въ дѣлѣ мирнаго рѣшенія восточнаго вопроса, г. Татищевъ, въ подтвержденіе этого взгляда, дѣлаетъ историческую справку и, приведя рядъ фактовъ изъ практики международныхъ сношеній минувшихъ временъ, даетъ краткую характеристику современному положенію Европы по отношенію къ этому важному для Россіи вопросу. «Русская дипломатія — разсуждаетъ онъ, — долго вѣрила, что сложный этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ полюбовно, общимъ соглашеніемъ всѣхъ великихъ державъ. Пора разстаться съ этимъ роковымъ заблужденіемъ. Такая Европа, умиротворенная внутри и дѣйствующая согласно и дружно во всемірно-историческихъ вопросахъ, существовала только въ воображеніи дипломатическихъ метафизиковъ, несправимыхъ доктринеровъ, убѣжденныхъ, что судьбы государствъ и народовъ вершатся въ типичныхъ кабинетахъ и канцеляріяхъ, или вокругъ зеленаго стола такъ называемаго «европейскаго ареопага». Въ дѣйствительности же помннутый ареопагъ былъ лишь ристалищемъ для борьбы международныхъ страстей и интересовъ, изъ которой побѣдителемъ выходилъ тотъ, кто, отрѣшившись отъ всякихъ сентиментальныхъ бредней, смѣло и настойчиво преслѣдовалъ своекорыстныя свои выгоды. Такъ происходили дѣла на собраніяхъ дипломатовъ временъ Священнаго Союза, въ Вѣнѣ, Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, и не иначе — на совѣщаніяхъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Константинополѣ и Берлинѣ, на обсужденіе и рѣшеніе которыхъ мы болѣе или менѣе добровольно отдали отношенія Россіи къ Востоку, къ непосредственной нашѣй сосѣдкѣ Турціи, такъ же какъ и къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ народностямъ, освобожденнымъ русскою кровью, словомъ собственныя наши историческія судьбы и призваніе. Такой «коллективной» или, какъ любятъ выражаться наши дипломаты, «великой Европы» вовсе нѣтъ, а есть въ центрѣ этой части свѣта задуманное и осуществленное гевіемъ нѣмецкаго канцлера скопище трехъ крупныхъ и нѣсколькихъ мелкихъ державъ, покорно подчиняющихся руководству Берлина, въ чаяніи богатой добычи, обѣщанной имъ на счетъ

тѣхъ изъ государствъ, что не принимаютъ участія въ средне-европейскомъ заговорѣ, обѣщанной во всевозможныхъ направленіяхъ, на Югъ, какъ на Сѣверъ, на Западъ, какъ на Востокъ *)).

Вотъ каковы доводы, которыми вооружаются г. Татищевъ и Данилевскій, желая доказать невозможность рѣшенія восточнаго вопроса путемъ мирныхъ переговоровъ между великими державами Европы. Какъ нетрудно замѣтить, оба эти писателя сходятся между собою въ одномъ, — въ признаніи полной непригодности дипломатическихъ средствъ въ дѣлѣ рѣшенія восточнаго вопроса, развязка котораго можетъ быть достигнута только кровавой борьбой между заинтересованными въ немъ сторонами; но мысль эту они доказываютъ различнымъ путемъ: тогда какъ Данилевскій строитъ свое умозаключеніе въ данномъ случаѣ на чисто теоретическомъ соображеніи, что «великія вселенскія рѣшенія», становящіяся закономъ жизни народовъ на цѣлыя вѣка, достигаются при посредствѣ кровопролитныхъ между ними столкновеній, г. Татищевъ основываетъ тотъ же самый взглядъ на данныхъ, почерпнутыхъ имъ изъ исторіи и современнаго международнаго положенія Европы. Однако, какъ тотъ, такъ и другой способъ доказательства ихъ взглядовъ мы должны признать одинаково непригоднымъ для обоснованія того, что рѣшенія восточнаго вопроса немислимо достигнуть путемъ мирныхъ переговоровъ и что оно достижимо только при помощи обнаженнаго меча. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно самаго поверхностнаго разсмотрѣнія вышеприведенной аргументаціи.

Не оспаривая того факта, что войны являлись существеннымъ моментомъ въ исторіи развитія народовъ, что онѣ приводили къ признанію новыхъ силъ, остававшихся долгое время подавленными и скрытыми, мы полагаемъ, что Данилевскій слишкомъ преувеличиваетъ значеніе войнъ вообще, а тѣмъ болѣе роль ихъ въ дѣлѣ рѣшенія международныхъ вопросовъ. Всемирная исторія не есть результатъ господства грубой силы **). Она представляетъ собою по-

*) Дипломатическія бесѣды за 1889 годъ, стр. 128—129.

**) „Обозрѣвая всемирную исторію,—говоритъ Блюнчли,—всякій увидитъ, что сила имѣла большое значеніе и участіе въ образованіи государствъ; эта сила нерѣдко являлась въ формѣ грубаго насиія, предписывающаго свои законы съ мечемъ въ рукѣ и преобразующаго отношенія между государствами при громѣ пумекъ, въ шумѣ битвъ. Но хотя во все времена грубая сила пользовалась своими превосходствомъ и оказывала давленіе на юридическій порядокъ, и хотя много неправдъ оста-

ступательное движеніе человѣчества отъ господства силы и произвола къ цивилизованному юридическому порядку, и если христіанскіе народы Европы до сего времени не отказались еще окончательно отъ войны, какъ отъ способа рѣшенія возникающихъ между ними споровъ и столкновеній, то во всякомъ случаѣ, проникаясь вполне сознательно идеей юридическаго единства всего человѣчества, они давно уже считаютъ миръ, а не войну идеаломъ своего общежитія.

Необходимость и неустранимость войнъ между народами Даннелевскій оправдываетъ тѣмъ, что онѣ, по его мнѣнію, являются какъ-бы однимъ изъ элементовъ міроваго порядка, установленнаго Богомъ,—человѣческой формою общей міровой борьбы за существованіе, которая должна быть признана «однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ законовъ, управляющихъ историческимъ движеніемъ» и безъ которой не было-бы никакого движенія впередъ, усовершенствованія, жизни, и миръ въ концѣ концовъ погрязъ и погибъ-бы въ матеріализмъ. Но такая аргументація въ пользу необходимости и неизбежности войнъ, какъ рѣшительницъ судебъ человѣчества и двигательницъ цивилизаціи и прогресса, вызываетъ серьезныя возраженія. Противъ подобнаго доказательства неустранимости и необходимости войнъ *принципомъ борьбы и соревнованія*, гр. Камаровскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что, «дѣйствительно, борьба есть законъ жизни, а совершенствованіе—законъ жизни духа, но война составляетъ только *низшую форму этой борьбы*, хотя и, при извѣстныхъ условіяхъ, *необходимую и законную*, но посте-

ются безнаказанными, но все-таки всемірную исторію нельзя считать беспорядочною борьбою разнуданныхъ страстей и результатомъ грубаго наслія. Напротивъ, при ближайшемъ внимательномъ изученіи хода міровыхъ событій, мы замѣчаемъ въ нихъ нравственный порядокъ, выносимъ убѣжденіе въ прочности успѣховъ развитія человѣчества въ области права... Кромѣ того, при обсужденіи историческихъ событій мы никогда не должны забывать еще одной истины: тамъ, гдѣ при поверхностномъ наблюденіи мы видимъ одно только грубое насліе, при болѣе глубокомъ исследованіи оказывается часто необходимый результатъ естественныхъ отношеній и недержимаго, вполне законнаго стремленія народной жизни, которая сбрасываетъ съ себя отжившія формы устарѣлаго права, подобно тому, какъ снѣгіе весенніе побѣги заглушаютъ увядшую прошлогоднюю зелень. Въ подобныхъ случаяхъ сила является лишь восприимчивою естественнаго или рождающагося права, она служитъ его развитію, а не управляетъ имъ». (Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса, М. 1876 г. стр. 11 и 12).

ценно призванную уступить мѣсто болѣе благороднымъ формамъ соревнованія между людьми». — «Мы не знаемъ, — говоритъ далѣе почтенный профессоръ — предѣловъ усовершенствованія, до которыхъ суждено дойти человѣчеству, но серьезное юридическое изученіе войны показываетъ намъ, что она есть явленіе не роковое и не неизмѣнное, подобное явленіямъ физической природы, но *событіе возникающее изъ условій того общественнаго строя, въ которомъ живетъ человекъ*. По своему происхожденію, по послѣдствіямъ, къ которымъ онѣ ведутъ, войны бывають далеко не одинаковы въ различные періоды и это *подтверждаетъ намъ изъ подчиненности общимъ законамъ исторіи* *)», краснорѣчиво свидѣтельствующимъ, что чѣмъ шире и глубже развивается цивилизація, тѣмъ въ болѣе контрастѣ становится съ нею война, этотъ остатокъ отъ прежняго варварскаго, т.-е. наиболѣе грубаго, животнаго состоянія людей, въ настоящее время рѣзко противорѣчащій природѣ и идеалу человѣческаго общежитія.

Изъ сказаннаго достаточно ясно видно, что война вовсе не есть безусловно необходимый элементъ міроваго порядка и что въ этомъ отношеніи ее невозможно сравнивать съ гровою, очищающею воздухъ отъ накопившагося электричества. Если грозы и бури необходимы въ физическомъ порядкѣ природы въ томъ смыслѣ, что послѣ нихъ исчезаетъ духота и застой, а общее оживленіе природы возвышаетъ души людей и даетъ просторъ благороднымъ порывамъ, то далеко нельзя того же сказать про войны, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться залогомъ нравственнаго и матеріальнаго преуспѣванія народовъ. Въ наше время «война представляется не болѣе какъ искусственнымъ и вредоноснымъ продленіемъ первобытнаго, варварскаго состоянія челоѣка... Она можетъ быть уподоблена язвѣ, черезъ которую истекають всѣ лучшія и живыя силы народовъ. Она ведетъ къ вырожденію нашего рода, поглощаетъ капиталы, возлагая на цивилизованныя государства долгъ, превышающій уже 100 миллиардовъ и проценты котораго, вмѣстѣ съ расходами на поддержаніе вооруженнаго мира, составляютъ среднимъ числомъ двѣ трети ихъ бюджетовъ. Наконецъ, она заставляетъ народы выносить тягости безумно-высокихъ налоговъ, препятствующихъ развитію ихъ производительныхъ силъ и умноженію ихъ богатства» **).

*) Объ идеѣ мира между народами. Русская Мысль за 1884 г. № 7, стр. 191.

**) Гр. Камаровскій. Современная литература международного права, стр. 261.

Но если войны вообще не составляют необходимости въ жизни народовъ, а напротивъ являются тормазомъ для преуспѣнія цивилизаціи, то непригодность ихъ очевидна для всякаго и въ дѣлѣ рѣшенія международныхъ споровъ. Развѣ возможно допустить, что произволъ грубой силы, которую Данилевскій прикрываетъ маской «міроправительнаго историческаго промысла», есть наилучшій способъ рѣшенія важнѣйшихъ международныхъ вопросовъ? Развѣ мы не видимъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыми всегда сопровождались войны между народами? Наконецъ, неужели историческіе результаты этихъ войнъ всегда стояли въ связи съ потребностями будущаго и неужели объ этихъ потребностяхъ не судили побѣдители съ точки зрѣнія интересовъ минуты? Напротивъ того, исторія показываетъ, что всѣ веденныя до сихъ поръ войны давали лишь сильное для современниковъ рѣшеніе международныхъ вопросовъ, и только углубляли ненависть между народами, а не упрочивали мира, къ которому стремится человѣчество въ своемъ развитіи.

Приведенныя соображенія даютъ намъ основаніе утверждать, что кровопролитныя столкновенія народовъ, дѣйствительно неизбежныя въ давно минувшія времена, подъ вліяніемъ поступательнаго хода цивилизаціи являются самымъ несовершеннымъ способомъ рѣшенія международныхъ вопросовъ. Въ своемъ естественномъ и законномъ стремленіи къ миру, который, — по словамъ Бюкляча, — представляетъ собою истинное, соответствующее идеалу человѣческаго развитія правовое состояніе *), народы уже давно питаютъ отвращеніе къ войнѣ и все болѣе и болѣе склоняютъ свои симпатіи въ пользу мирныхъ способовъ рѣшенія вопросовъ, съ которыми имъ приходится сталкиваться при совмѣстной жизни. Вотъ почему, прежде чѣмъ поднимать оружіе и борьбою разрѣшать споры, они съ давнихъ поръ приняли за обыкновеніе предварительно обращаться къ мирнымъ средствамъ прекращенія возникавшихъ между нами недоразумѣній и при помощи ихъ старались своевременно заглушить первыя искры начавшагося пожара. На Парижскомъ же конгрессѣ 1856 года такому предварительному обращенію къ мирнымъ средствамъ приданъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже обязательный характеръ. Какъ извѣстно, великія европейскія державы — Россія;

*) Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, § 510.

Англія, Франція, Австрія, Пруссія и Сардинія, участвовавшія на этомъ конгрессѣ, признали для себя обязательнымъ до употребленія силы прибѣгать ко взаимному посредничеству въ случаѣ возникновенія какихъ-либо споровъ между ними и Оттоманской Портой *) и въ то же время, по предложенію англійскаго уполномоченнаго, лорда Кларендона, въ особомъ протоколѣ выразили *желаніе* (хотя и необязательное), чтобы всѣ государства, при возникновеніи болѣе или менѣе серьезныхъ между ними несогласій, не прибѣгали къ оружію для ихъ рѣшенія, не обратясь сначала къ «добрымъ услугамъ» какого-либо дружественнаго, незаинтересованнаго въ спорѣ государства, для мирнаго разрѣшенія его. Кромѣ того онѣ высказали надежду, «что правительства, непринявшія участія на конгрессѣ, присоединятся къ мысли, которая внушила желаніе, занесенное въ настоящій протоколъ» **).

Надежда эта оправдалась, такъ какъ къ мысли приведеннаго протокола не замедлило присоединиться до сорока государствъ. Тѣмъ не менѣе желаніе Парижскаго конгресса не особенно часто осуществлялось на дѣлѣ и главнымъ образомъ быть можетъ потому, что «посредничество, по самому значенію этой мѣры, какъ средство чисто добровольное, основывающее свое рѣшеніе не на строгомъ правѣ, а на взаимныхъ уступкахъ между спорящими, не представляетъ надежнаго ручательства въ дѣйствительномъ успѣхѣ прекращенія спора» ***). Но за то европейскія государства довольно часто прибѣгали къ другому мирному средству разрѣшенія возникавшихъ между ними споровъ, — къ *международному третейскому суду*, «который, хотя также и избирается сторонами добровольно, но, въ отличіе отъ посредничества, постановляетъ уже обязательное для

*) Въ статьѣ VIII Парижскаго мирнаго трактата 18—30 марта 1856 года постановлено: „Если между Блистательной Портой и одною или вѣсколькими изъ другихъ заключившихъ сей трактатъ державъ возникнетъ какое-либо несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между ними сношеній, то и Блистательная Порта и каждая изъ сихъ державъ, не прибѣгая къ употребленію силы, имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе, черезъ свое посредничество“. (Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 110).

***) Протоколъ отъ 14 апрѣля 1856 года.

***) Ивановъ. Характеристика международныхъ отношеній и международного права въ историческомъ развитіи. Казань 1874 г., стр. 176.

нихъ рѣшеніе» *). Это мирное средство рѣшенія международныхъ несогласій получило особенно широкое практическое примѣненіе съ тѣхъ поръ, какъ въ 1872 году посредствомъ его удалось довольно удачно прекратить многолѣтній споръ между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами по такъ называемому Алабамскому дѣлу, угрожавшему вооруженнымъ столкновеніемъ между этими государствами. Счастливое окончаніе этого спора **), самымъ чувствительнымъ образомъ затрогивавшаго національное самолюбіе обѣихъ сторонъ, вызвало цѣлую агитацію, направленную къ тому, чтобы обезпечить обязательное примѣненіе третейскаго разбирательства и тѣмъ упразднить международныя войны.

Въ виду того, что «современныя войны и издержки на такъ называемый вооруженный миръ сдѣлались истиннымъ бичемъ государственнаго и народнаго хозяйства», а «значительное число примѣровъ третейскихъ рѣшеній, постановленныхъ въ текущемъ столѣтіи и добросовѣстно исполненныхъ, весьма естественно наводили на мысль о примѣненіи этого средства ко всѣмъ вообще международнымъ несогласіямъ» ***), агитація въ пользу рѣшенія всѣхъ недоразумѣній, возникающихъ между государствами, третейскимъ судомъ, была поднята въ литературѣ, публикѣ и даже въ парламентахъ. За международный третейскій судъ поспѣшили высказаться какъ отдѣльные интернаціоналисты, такъ и различныя международныя ученые общества, и въ томъ числѣ «Институтъ международнаго права». Съ цѣлью пропаганды обязательнаго введенія международныхъ третейскихъ судовъ образовались многочисленныя общества «друзей мира». Что же касается до парламентовъ европейскихъ государствъ, то они начали принимать резолюціи, выражавшія желаніе, чтобы отечественныя правительства вступали въ переговоры съ другими государствами о признаніи третейскаго суда постояннымъ способомъ рѣшенія международныхъ споровъ ****). Кромѣ того, въ нихъ обра-

*) Назв. соч., стр. 176.

**) Подробности этого спора и его рѣшенія см. у гр. Камаровскаго въ его сочиненіи: „О международномъ судѣ“, стр. 221—287.

***) Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II, стр. 459.

****) О дѣятельности учен. обществъ, друзей мира и о преніяхъ въ палатахъ подробности см. у гр. Камаровскаго въ его сочиненіи: „О международномъ судѣ“, стр. 287—405.

звались многочисленныя группы депутатовъ, поставившихъ себѣ задачею систематически воздѣйствовать на правительства для склоненія ихъ къ принятію этой формы рѣшенія международныхъ несогласій, причемъ группы депутатовъ разныхъ парламентовъ, связаннаго стремленіемъ къ достиженію общей цѣли, въ настоящее время образуютъ нѣчто въ родѣ «интерпарламентарной конференціи», которая отъ времени до времени собирается на конференціи. Первая такая конференція происходила въ 1889 году въ Парижѣ, вторая—въ 1890 году въ Лондонѣ, а третья, участвовать въ которой заявили желаніе депутаты парламентовъ почти всѣхъ государствъ, засѣдала въ 1891 году въ Римѣ, примкнувъ къ конгрессу, на который собрались делегаты многочисленныхъ европейскихъ и американскихъ обществъ друзей мира *).

Насколько велико практическое значеніе указаннаго движенія въ пользу международнаго третейскаго суда и уничтоженія войны, какъ способа рѣшенія споровъ между государствами, видно изъ того, что на этотъ путь давно выступили уже и сами правительства, вводящія въ трактаты условія о рѣшеніи третейскимъ судомъ всякихъ споровъ и несогласій объ исполненіи и толкованіи этихъ трактатовъ. Такого рода постановленія мы находимъ, напр., въ извѣстномъ договорѣ 1874 года о всеобщемъ почтовомъ союзѣ. Подобныя соглашенія въ послѣднее время становятся все многочисленнѣе и обыкновеннѣе, причемъ изъ нихъ особенно большаго вниманія заслуживаетъ Вашингтонскій трактатъ 18 апрѣля 1890 года, которымъ международный третейскій судъ признанъ *принципомъ публичнаго права Америки* и обращеніе къ нему объявлено обязательнымъ для американскихъ республикъ въ ихъ взаимныхъ спорахъ о привилегіяхъ дипломатическихъ агентовъ и консуловъ, о территорияхъ и ихъ границахъ, относительно судоходства и всякихъ недоразумѣній, объ обязательной силѣ, истолкованіи и исполненіи трактатовъ. Этотъ замѣчательный договоръ, заключенный на 20 лѣтъ, выработанъ Вашингтонскимъ конгрессомъ, засѣдавшимъ въ столицѣ Соединенныхъ Штатовъ съ 2 октября 1889 года по 19 апрѣля 1890 года. На конгрессѣ этомъ участвовали представители 17 республикъ Сѣвер-

*) Даневскій. Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права; вып. II-й, стр. 77.

ной и Южной Америки, изъ которыхъ только делегаты Чили высказались противъ проекта, находя, что посредничество дружественной державы лучше третейскаго суда *).

Указанное движеніе въ пользу примѣненія международнаго третейскаго суда ко всѣмъ международнымъ несогласіямъ, взаимнѣмъ рѣшенія ихъ путемъ оружія, ясно показываетъ, что въ современномъ цивилизованномъ обществѣ достаточно сильно развито убѣжденіе въ необходимости упраздненія войнъ, какъ средства прекращенія международныхъ споровъ, и что имъ сознается настоятельная потребность во имя права и челоуѣколюбія ввести для этой цѣли *мирныя* способы, какъ наиболѣе способные обезпечить народамъ ихъ совмѣстное существованіе. Притомъ, отвергая пригодность войнъ, какъ средства для разрѣшенія международныхъ вопросовъ, европейскія государства склоняются преимущественно въ пользу *юридическихъ* способовъ прекращенія ихъ недоразумѣній, такъ какъ практика международныхъ сношеній имъ достаточно наглядно доказала всѣ неудобства обращенія въ подобныхъ случаяхъ къ услугамъ дипломатіи, которая, будучи по существу представительницей исключительно національныхъ и политическихъ интересовъ и возрѣній государствъ, по самой природѣ своей не обладаетъ никакимъ высшимъ объективнымъ критеріемъ для того, чтобы быть безпристрастною рѣшительницею наиболѣе серьезныхъ и жгучихъ международныхъ вопросовъ.

Исторія международныхъ сношеній достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что европейская дипломатія мало приносила пользы въ дѣлѣ умиротворенія народовъ и установленія общаго между ними права: вообще можно сказать, что она настолько-же сѣяла между государствами сѣмена раздора, настолько же способствовала возникновенію между ними столкновеній, насколько и устраняла ихъ. Въ частности, въ исторіи восточнаго вопроса она обнаружила свою полную неспособность къ рѣшенію его въ наиболѣе желательномъ для Европы смыслѣ. Она мало содѣйствовала упрощенію этого вопроса, а иногда даже прямо осложняла и запутывала его. Въ тѣхъ случаяхъ, когда великія державы брали на себя трудъ миролюбивымъ путемъ распутать и регулировать возникавшія на Востокѣ осложненія,

*) Подробности относительно этого договора см. въ докладѣ гр. Камаровскаго Московскому Юридич. Обществу: „Вопросъ о международномъ третейскомъ судѣ въ Америкѣ“. Юрид. Вѣст. за 1891 г. № 9.

дѣло нерѣдко оканчивалось тѣмъ, что, благодаря дипломатіи, вмѣшательствомъ своимъ онѣ вносили въ дѣла Балканскаго полуострова лишь зародыши новыхъ смуть и замѣшательствъ на Востокъ; мало того: вслѣдствіе вмѣшательства европейскихъ державъ, положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ не мало осложнилось присоединеніемъ къ мѣстнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ балканскихъ народностей весьма сложныхъ интересовъ самихъ этихъ державъ, съ грѣхомъ пополамъ слаженныхъ при помощи взаимныхъ компромиссовъ, такъ какъ всякое нарушеніе какой-либо отдѣльной части международнаго соглашенія необходимо влекло за собою нарушеніе равновѣсія вошедшихъ въ него отдѣльныхъ интересовъ великихъ державъ, а это въ свою очередь порождало взаимное недоувѣріе между послѣдними и стремленіе вознаградить утраченное *).

Указывая на существенные недостатки, препятствовавшіе дипломатіи быть безпристрастнымъ судьей въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, мы, однако, не думаемъ, чтобы въ виду этихъ недостатковъ возможно было отвергать всякое значеніе ея въ исторіи восточнаго вопроса, а тѣмъ болѣе выводить отсюда заключеніе о полной невозможности рѣшенія его путемъ мирныхъ переговоровъ. Какъ мы видѣли, г. Татищевъ признаетъ «роковымъ заблужденіемъ» мысль о возможности миролюбиваго рѣшенія восточнаго вопроса путемъ общаго соглашенія великихъ державъ Европы. Это, — по его мнѣнію, — пустое воображеніе «дипломатическихъ метафизиковъ, несправимыхъ доктринеровъ, убѣжденныхъ, что судьбы государствъ и народовъ вершаются въ тиши кабинетовъ и канцелярій или вокругъ зеленаго стола такъ называемаго европейскаго ареопага». Мы вполне согласны съ почтеннымъ публицистомъ въ томъ, что судьбы народовъ не могутъ вершиться въ тиши канцелярій и кабинетовъ или за зеленымъ столомъ «европейскаго ареопага», такъ-какъ всѣ кабинеты и канцеляріи, какъ и самъ «европейскій ареопагъ», при ограниченности человѣческаго предвидѣнія, бессильны передъ великими законами исторіи. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что согласное и миролюбивое дѣйствіе великихъ державъ, весьма благотѣльное для успѣшнаго рѣшенія восточнаго вопроса, поло-

*) Передовая статья Русск. Вѣдом. отъ 6 января 1891 г.

жительно немислимо не только въ наше время, но и въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Татищевъ говоритъ, что въ дѣйствительности «европейскій ареопагъ» всегда былъ лишь ристалищемъ для борьбы международныхъ интересовъ. Но развѣ отсюда можно дѣлать заключеніе, что также непременно должно быть и въ будущемъ? Развѣ исторія отношеній государствъ не свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что борьба международныхъ интересовъ постоянно ослабляется благодаря быстрому расширенію области международнаго права и усовершенствованію международной организаціи? Напротивъ, она ясно показываетъ, что съ теченіемъ времени историческіе предразсудки и исключительно-національныя требованія, порождаящія борьбу международныхъ интересовъ, уступаютъ мѣсто идеѣ общаго блага, мира и справедливости, а мѣсто прежней вершительницы судебъ народовъ — дипломатіи, въ настоящее время положительно бессильной выйти изъ вѣками созданнаго ею хаоса, постепенно занимаютъ болѣе совершенные, юридическіе органы, которые, пользуясь въ дѣлѣ рѣшенія международныхъ вопросовъ новыми приѣмами и руководствуясь новыми идеями, чуждыми дипломатіи по самому ея положенію, какъ представительницы однѣхъ политическихъ тенденцій государствъ, безусловно имѣютъ полную возможность развязать многіе гордіевы узлы современной политики, путемъ перенесенія дѣла ихъ развязки съ зыбкой почвы политики въ высшую область живаго и отвѣчающаго потребностямъ современныхъ народовъ, а неформальнаго, въ документахъ застывшаго международнаго права.

Въ виду этого мы не имѣемъ права говорить, что «коллективная» или «великая» Европа, «дѣйствующая согласно и дружно въ всемірно-историческихъ вопросахъ», способна существовать только «въ воображеніи дипломатическихъ метафизиковъ и несправимыхъ доктринеровъ». Если такая Европа не существовала до сихъ поръ, то уроки исторіи доказываютъ намъ возможность и неизбежность появленія ея въ недалкомъ будущемъ, когда цивилизованные народы еще болѣе проникнутся идеей права и справедливости.

Далѣе г. Татищевъ утверждаетъ, что въ «европейскомъ ареопагѣ» всегда выходилъ побѣдителемъ лишь тотъ, «кто, отрѣшившись отъ всякихъ сентиментальныхъ бредней, смѣло и настойчиво преслѣдовалъ своекорыстныя свои выгоды». Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и наши постоянныя неудачи при обсужденіяхъ вос-

точного вопроса на европейскихъ конгрессахъ именно тѣмъ и объясняются, что въ собраніи дипломатовъ наши представители никогда не могли отрѣшиться отъ подобныхъ бредней и по большей части не были въ состояніи выставить и надлежащимъ образомъ защитить истинные интересы Россіи. Но развѣ ошибочность собственныхъ нашихъ дѣйствій служить доказательствомъ невозможности миролюбиваго и безпристрастнаго рѣшенія восточнаго вопроса? Намъ кажется, что твердо и настойчиво указывая свои дѣйствительныя нужды совѣту представителей великихъ державъ, мы всегда могли бы болѣе или менѣе удачно сговориться съ ними по данному вопросу, такъ какъ наши законныя требованія, основанныя на дѣйствительныхъ нуждахъ страны, послужили бы противовѣсомъ требованіямъ остальной Европы, а эта послѣдняя ради общаго блага тогда невольно поступилась бы своими себялюбивыми расчетами.

Указаніе г. Татищева на враждебность отношенія западной дипломатіи къ интересамъ Россіи и южнаго славянства и дѣлаемый отсюда выводъ о безсиліи «цивилизованной» Европы рѣшить восточный вопросъ путемъ мирныхъ переговоровъ между заинтересованными въ немъ державами представляютъ собою довольно избитыя положенія, которыя постоянно голословно повторяются въ нашей печати всякій разъ, когда она задается цѣлью выяснитъ причины нашихъ неудачъ въ восточной политикѣ. Какъ бы не видя истинныхъ причинъ этого печальнаго для насъ явленія, она всегда старается обвинить во всемъ Европу и ея дипломатію. Но мнѣніе это страдаетъ односторонностью и во всякомъ случаѣ еще не можетъ служить доказательствомъ невозможности для европейскихъ державъ безпристрастно отнестись къ дѣлу рѣшенія восточнаго вопроса. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ г. Пыпинъ,—что бросать славянство на жертву туркамъ, лицемѣрно ссылаясь на турецкія реформы, было дѣломъ достаточно постыднымъ; но и въ упомянутыхъ нападеніяхъ была односторонность, а кромѣ того, и доля лицемѣрія. Вопервыхъ, «дипломатія» вездѣ и всегда не бывала иною, и напрасно было-бы ждать отъ насъ однихъ филантропіи и защиты свободы народовъ. Представляя чисто внѣшніе политическіе расчеты государствъ, дипломатія вообще не думаетъ входить въ нравственные и матеріальные интересы чужаго народа, не имѣетъ обыкновенія помогать борьбѣ чужаго народа за свою свободу, а если выгодно, то и продать его;

обстоятельства подобнаго рода разсматриваются только съ точки зрѣнія своей выгоды. Въ «эпоху конгрессовъ», европейская дипломатія, и наша въ томъ числѣ, усердно трудилась надъ подавленіемъ всякаго признака народной свободы, и русская политика обнаружилла тогда особенную ревность, предлагая русскія арміи для укрощенія революцій, между прочимъ, не ближе какъ въ Италіи. Принципомъ была «законная власть» и таковою считалась даже власть варвара, — именно той самой Турціи. Во второй четверти столѣтія Россія такъ же, какъ теперь другія государства, дѣлала заявленія о цѣлости и независимости Турецкой имперіи, хотя положеніе славянства было хронически невыносимое, какъ прежде и послѣ. Если требовать отъ дипломатіи сочувствій къ свободамъ народовъ, то надо думать не объ однихъ болгарахъ, но также и о славянахъ Босніи и Герцеговины: о нихъ въ послѣднее время было столько безотрадныхъ извѣстій, что, кажется, они также нуждаются въ заступничествѣ: кто имъ дастъ его? Во-вторыхъ, взгляды и дѣйствія европейской дипломатіи и вторившая ей газетная литература вовсе не исчерпывали европейскаго общественнаго мнѣнія. Если представить себѣ, что этотъ славянскій міръ совсѣмъ чуждъ для западной Европы, для англичанъ, французовъ, германцевъ, и по языку, и по своей первобытности, и по народному характеру (по которымъ онъ долженъ бы быть столько близокъ для насъ); что національный вопросъ южнаго славянства для нихъ такъ же далекъ, какъ для насъ испанскіе вопросы, и что, напротивъ, нѣкоторыя соображенія, скорѣе побуждали ихъ относиться къ вопросу если не враждебно, то равнодушно, — если представить себѣ все это, то будетъ недобрисовѣстностью забывать, что лучшіе умы европейской публицистической литературы, которые обращались къ изученію славянскаго вопроса и лично видѣли его въ дѣйствительности, обнаружили столько пониманія и столько искреннихъ сочувствій къ славянскому дѣлу, сколько очень можно было бы пожелать и для самого русскаго общества, — несмотря на то, что «ихъ интересъ къ вопросу не былъ имъ данъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, ни старыми историческими связями и преданіями» *).

*) Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ; Вѣст. Европы за 1878 г. № 12, стр. 772 — 773.

Такое отношеніе европейскаго общества къ балканскимъ народностямъ даетъ полное основаніе заключать, что полюбовное рѣшеніе восточнаго вопроса общимъ соглашеніемъ европейскихъ державъ не есть мечта «дипломатическихъ метафизиковъ и несправимыхъ доктринеровъ». Это предположеніе основано на исторіи международнаго права и на тѣхъ принципахъ справедливости, которые съ каждымъ днемъ сильнѣе проникаютъ въ сознаніе культурнаго чловѣка и побуждаютъ европейское общество безпристрастно относиться къ славянскому вопросу. Возможности выполненія данной мысли на дѣлѣ нисколько не можетъ препятствовать и существующее нынѣ въ центральной части свѣта «задуманное и осуществленное гениемъ нѣмецкаго канцлера скопище трехъ крупныхъ и нѣсколькихъ мелкихъ державъ», между которыми,— по словамъ г. Тащцева,— «все условлено и предусмотрено заранѣе; распределены роли, намѣчены цѣли, иысканы и приготовлены средства». Конечно, «обстоятельствами созданная политическая группировка державъ на два, если не прямо враждебныхъ, то все-таки съ недоувѣріемъ относящихся другъ къ другу лагеря далеко не представляетъ благоприятной почвы для соглашеній по такимъ вопросамъ, которые именно и служатъ главнымъ предметомъ взаимнаго недоувѣрія» европейскихъ государствъ, а нынѣшнее политическое положеніе Россіи, не представляющее для нея опасности во внѣшнихъ отношеніяхъ, поставило бы ея въ весьма невыгодныя условія на международномъ конгрессѣ, большинство членовъ котораго было бы неблагопріятно относительно ея настроено *). Но переживаемое нами международное положеніе Европы есть явленіе чисто временное, причемъ образованіе такъ называемой «лиги мира» имѣетъ своимъ основаніемъ не одинъ восточный вопросъ, а совокупность нѣсколькихъ политическихъ причинъ, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ то, что нынѣ существующія взаимныя отношенія европейскихъ государствъ далеко не соотвѣтствуютъ идеалу правильной международной политической жизни и ежеминутно грозятъ войной современной Европѣ. Поэтому намъ кажется, что когда великія державы сочтутъ своею обязанностью серьезно подумать о прекращеніи такъ называемаго «вооруженнаго мира»,—а къ тому вынуждаетъ ихъ опасность окончатель-

*) Назв. передовая статья Рус. Вѣд. отъ 6 января 1891 года.

наго банкротства и разоренія, — лига мира, въ которой г. Татищевъ видитъ главное препятствіе къ полюбовному рѣшенію восточнаго вопроса, — сама собою должна будетъ распасться, потерявъ свой *raison d'être*: тогда судьба Балканскаго полуострова вмѣстѣ съ другими, не менѣе важными вопросами, служащими теперь поводами къ враждебнымъ столкновеніямъ европейскихъ государствъ между собою, получить безпристрастный приговоръ «коллективной» Европы, одушевленной желаніемъ всеобщаго мира.

Доказывая возможность миролюбиваго рѣшенія восточнаго вопроса, который не можетъ вѣчно тяготѣть Дамокловымъ мечемъ надъ головою цивилизованной Европы безъ серьезнаго ущерба ея собственнымъ жизненнымъ интересамъ, мы, конечно, должны указать и тотъ способъ, которымъ можно было бы достигнуть этого результата. Остановливаясь на главныхъ политическихъ причинахъ, «которые, угрожая европейскимъ государствамъ ежеминутною общеою войною, превращаютъ ихъ въ настоящіе лагери, лишаютъ способности трудиться на пользу мира и быстро ведутъ ихъ къ окончательному банкротству и разоренію», гр. Камаровскій справедливо замѣчаетъ, что «во имя началъ международнаго права, единственно справедливыхъ для всѣхъ государствъ и болѣе всего дающихъ намъ возможность примирить борющіеся между собою и исключительные интересы отдѣльныхъ народовъ», — эти причины можно было бы устранить путемъ обсужденія ихъ державами на особыхъ международныхъ конференціяхъ и конгрессахъ, специально приспособленныхъ для этой цѣли. «Въ виду того, что въ замиреніи Европы заинтересованы всѣ ея государства, они должны — говорить почтенный профессоръ — всѣ принять дѣятельное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи этого вопроса. На предварительныхъ конференціяхъ делегаты должны разсмотрѣть всесторонне и съ полнымъ безпристрастіемъ всѣ тѣ спорные пункты, которые поддерживаютъ между ними взаимное недовѣріе и вражду. Нечего смущаться неудачей одной или нѣсколькихъ подобныхъ конференцій. Надо только, чтобы къ участію въ нихъ были призваны лица, наиболѣе къ этому способныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, чтобы на этихъ собраніяхъ господствовали полная свобода мнѣній и равенство всѣхъ голосовъ и чтобы на нихъ спорные и жгучіе вопросы международной политики подверглись возможно тщательному изученію. Руководящими

началами для этих конференцій слѣдуетъ признать не исключительныя тенденціи, выгоду или военные успѣхи какого-либо отдѣльнаго народа, а принципы общей справедливости и безопасности. Затѣмъ нельзя упускать изъ виду желанія и интересы самихъ жителей тѣхъ областей, которыя представляются спорными между двумя или нѣсколькими государствами. Словомъ, руководствоваться должно не расчетами національной политики того или иного правительства, а основными началами современнаго международнаго и государственнаго права. Выработанныя предварительными конференціями заключенія имѣли-бы поступить на разсмотрѣніе и утвержденіе общеевропейскаго конгресса, который былъ бы призванъ позаботиться и о приведеніи въ исполненіе этихъ рѣшеній*). Всѣ эти начала, необходимыя въ дѣлѣ осуществленія идеи умиротворенія Европы, должны лечь въ основаніе дѣйствій державъ и при обсужденіи ими роковаго восточнаго вопроса, который для нихъ всегда служилъ источникомъ взаимной вражды и недобвѣрія, и въ настоящее время представляетъ серьезную причину опасеній за прочность европейскаго мира.

Въ виду того, что главная причина печальной славы конгрессовъ и конференцій, рѣшавшихъ дѣла Востока, заключалась въ томъ,

*) О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ, стр. 4—5. Въ статьѣ: „Вопросъ о современныхъ вооруженіяхъ“ — почтенный профессоръ такъ говоритъ объ устранимости мирными переговорами существующихъ между правительствами разногласій: „Для того, чтобы правительства могли придти къ серьезнымъ и плодотворнымъ соглашениямъ по раздѣляющимъ ихъ спорнымъ вопросамъ, необходимъ рядъ предварительныхъ конференцій не изъ дипломатовъ, а изъ лицъ, внушающихъ къ себѣ общее довѣріе по своему знакомству съ современнымъ общественнымъ строемъ Европы, съ принципами международнаго права, а равно по своимъ нравственнымъ качествамъ: безпристрастію, независимости и любви къ человѣчеству. Это должны быть люди добра, въ строгомъ смыслѣ слова. Дипломаты могутъ быть къ нимъ присоединяемы въ качествѣ совѣтниковъ, безъ рѣшающаго голоса. Назначатся эти довѣренныя лица правительствами всѣхъ европейскыхъ странъ, причѣмъ каждая изъ нихъ располагаетъ только однимъ голосомъ. Задачаю ихъ было бы не фантастическое переустройство карты Европы, а изысканіе, общими усиліями, способовъ согласованія правъ и интересовъ всѣхъ ея частей въ духѣ мира и справедливости. По возможности чуждые всякой политической исключительности, они за руководящія принципомъ своихъ совѣщаній должны были бы признать не возстановленіе отжившихъ притязаній правительствъ и народовъ, не стремленіе къ безмѣрному расширенію того или иного государства, а обезпеченіе мира и общаго блага Европы, равно какъ и правъ населенія тѣхъ мѣстностей, которыя оказались бы спорными“. (Русская Мысль за 1890 г. № 12, стр. 41).

что рѣшающій голосъ на этихъ дипломатическихъ собраніяхъ принадлежалъ исключительно однѣмъ такъ называемымъ великимъ державамъ, на будущее время необходимо допустить, чтобы въ рѣшеніи восточнаго вопроса принимали участіе и *второстепенныя государства*, заинтересованныя въ этомъ вопросѣ, въ особенности же государства Балканскаго полуострова, и притомъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ихъ представителямъ данъ былъ равный голосъ съ представителями первоклассныхъ государствъ. Допущеніе на равныхъ правахъ большихъ и малыхъ государствъ къ участію въ обсужденіи участи земель, входящихъ въ составъ Турціи, имѣло бы своимъ слѣдствіемъ то, что взаимное соперничество великихъ державъ было бы парализовано безпристрастнымъ голосомъ государствъ второстепенныхъ, а между этими послѣдними въ ихъ взаимныхъ спорахъ были бы болѣе справедливыми судьями представители первоклассныхъ державъ.

Затѣмъ, вполне признавая, что неудовлетворительная дѣятельность большинства международныхъ конференцій и конгрессовъ въ роли рѣшителей сложныхъ вопросовъ европейской международной политики въ значительной степени зависѣла отъ того, что эти дипломатическія собранія задавались всегда едва-ли не исключительно *политическими стремленіями*, выражавшимися въ удовлетвореніи законныхъ и незаконныхъ вождѣвнѣй династій и въ выработкѣ торжественныхъ соглашеній, которыми думали согласовать совершившіеся факты съ интересами отдѣльныхъ правительствъ въ данную эпоху *), мы должны сказать, что при обсужденіи восточнаго вопроса созванному для этой цѣли конференціи или конгрессу надлежитъ отказаться отъ преслѣдованія указанныхъ политическихъ стремленій и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ строго держаться *принциповъ международного права и общей справедливости*. Руководящими началами для конгрессовъ и конференцій, которыя были-бы призваны обсуждать судьбы Востока, должны быть приняты не *политическіе* интересы конкретныхъ государствъ, обыкновенно ведущіе лишь къ временнымъ и искусственнымъ компромиссамъ, а *начала современнаго международного права*, которыя, уважая независимость и самобытность народовъ, соединяютъ ихъ какъ членовъ челове-

*) Гр. Камаровскій. Недостатки санкціи международного права. Юрид. Вѣст. за 1892 г. № 1 стр. 89.

ства въ одно высшее и живое цѣлое *). Говоря точнѣе, конгрессы и конференціи, при рѣшеніи восточнаго вопроса, должны руководиться принципами справедливости, общаго блага Европы, потребностями и желаніями самихъ балканскихъ народностей.

Для отысканія и опредѣленія этихъ началъ, разумѣется, соответствующимъ образомъ долженъ быть измѣненъ и самый личный составъ конгрессовъ и конференцій, на которыхъ долженъ быть подвергнутъ обсужденію восточный вопросъ. Выше мы признали тѣ коренные недостатки, которыми страдаетъ дипломатія для рѣшенія этого труднаго международнаго вопроса. Поэтому, въ виду очевидной неспособности дипломатіи содѣйствовать рѣшенію этого вопроса мирнымъ путемъ, дипломатическій элементъ долженъ быть совершенно исключенъ изъ этихъ международныхъ собраній или по крайней мѣрѣ ограниченъ второстепенною ролью, путемъ привлеченія къ дѣлу чисто *юридическаго* элемента въ лицѣ лучшихъ представителей науки международного права и тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые по своему образованію, характеру и опытности были-бы способны служить выразителями настоящихъ потребностей и юридическихъ убѣжденій современнаго цивилизованнаго міра.

Организованные на указанныхъ главнѣйшихъ началахъ, конгрессы и конференціи, которымъ было-бы ввѣрено постепенное переустройство существующаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ, не встрѣтили-бы, по нашему мнѣнію, серьезныхъ затрудненій къ исполненію возложеннаго на нихъ труда и въ самомъ *существованіи* дѣла, такъ какъ практика международной жизни послѣдняго времени показываетъ, что при желаніи народовъ мирнымъ путемъ разрѣшать возникавшіе между ними сложные вопросы, по силѣ затрагиваемыхъ ими интересовъ не уступавшіе восточному вопросу, цѣль

*) Необходимость примѣненія началъ права къ дѣлу рѣшенія восточнаго вопроса само собою вытекаетъ изъ отношенія политики къ международному праву. „Истинная надлежащая средства для достиженія разумныхъ цѣлей государства въ области международныхъ сношеній, политика—говоритъ проф. Мартенсъ—должна прежде всего руководствоваться тѣми юридическими нормами, которыя выставляетъ международное право, ибо несоблюденіе ихъ противорѣчило бы разумнымъ интересамъ, ею преслѣдуемымъ. Другими словами, международная политика должна быть правомѣрна, если она дѣйствительно желаетъ удовлетворить не эгоистическіе и честолюбивые интересы, но законныя потребности народа, ради которыхъ существуетъ самое международное право“. (Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I, изд. 1887 г., стр. 185).

эта достигалась даже при посредствѣ той самой дипломатіи, неспособность которой въ этомъ отношеніи всеми признается аксіомой, не требующей доказательства.

Какъ сказано выше, рѣшеніе восточнаго вопроса съ точки зрѣнія международного права состоитъ въ признаніи полной свободы судоходства по Черному морю и проливамъ, соединяющимъ его съ Средиземнымъ моремъ, и въ замѣнѣ Турціи новыми политическими тѣлами, частію уже образованными, частію же имѣющими образоваться изъ христіанскихъ народностей Востока, въ связи съ какими задачами стоятъ вопросъ объ опредѣленіи будущей судьбы Константинополя, въ участи котораго одинаково заинтересованы какъ европейскія государства, такъ и балканскія народности. Все эти вопросы, по своему характеру и значенію, не представляютъ чего либо исключительнаго и совершенно чуждаго прежней практикѣ международной жизни европейскихъ государствъ, и поэтому ихъ не можетъ пугать новизна предстоящаго дѣла, если только они пожелаютъ приступить къ рѣшенію восточнаго вопроса. Напротивъ того, пользуясь наиболѣе удачными и успѣшными рѣшеніями серьезныхъ вопросовъ международной политики недавняго прошлаго, они могли бы въ этихъ рѣшеніяхъ почерпнуть массу весьма убѣдительныхъ доказательствъ того, что если ихъ правительства откажутся отъ взаимнаго недоувѣрія и соперничества и въ интересахъ общаго блага Европы проникнутся идеями права и справедливости, то восточный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ совершенно мирнымъ путемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ вопросу о судоходствѣ по Черному морю и проливамъ и вникнемъ въ самую его сущность, то увидимъ, что онъ имѣетъ громадное сходство съ вопросомъ о свободѣ плаванія по Суэзскому каналу. Сводясь къ обезпеченію полной свободы сообщенія по указаннымъ водянымъ артеріямъ въ интересахъ всемірной торговли, оба эти вопроса при ихъ разрѣшеніи всегда осложнялись законными правами Турціи, какъ независимой прибрежной державы, на охраненіе своей безопасности. Но будучи серьезно заинтересованными въ скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса о свободѣ плаванія по Суэзскому каналу, державы, какъ извѣстно, въ 1888 году нашли возможнымъ, путемъ мирныхъ переговоровъ, преодолѣть то препятствіе, которое, повидимому, лишало

всякой надежды на скорый и удачный исходъ давно уже веденныхъ дипломатическихъ переговоровъ по этому вопросу. Путемъ этихъ переговоровъ дипломатія удалось согласовать права непосредственно заинтересованнаго въ оборонѣ государства, Турціи, съ началами полной свободы судоходства по Суэзскому каналу для всѣхъ націй, примѣнивъ къ этому каналу, по Константинопольскому договору, начала нейтрализаціи и поставивъ эту водную артерію всемірнаго оборота въ ея новомъ положеніи подъ коллективную охрану всего международного союза *). Само собою разумѣется, что если великія державы посредствомъ добровольнаго между собою соглашенія могли примирить двѣ указанныхъ трудныхъ стороны вопроса о свободѣ плаванія по Суэзскому каналу, то эти же двѣ стороны дѣла, до сего времени тормозящія вопросъ о свободѣ судоходства по Дарданелламъ и Босфору, могутъ быть разрѣшены совершенно такимъ же путемъ, какимъ европейская дипломатія, по Константинопольскому договору 1888 года, сумѣла открыть Суэзскій каналъ для торговаго и военнаго судоходства всѣхъ націй.

Что касается до участи отживающей свои дни Турецкой имперіи и ея столицы Константинополя, то этотъ вопросъ также не долженъ страшить Европу своею кажущеюся колоссальностью и непреодолимостью, такъ какъ съ одной стороны онъ можетъ быть поконченъ не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, по мѣрѣ необходимости европейскаго вмѣшательства въ дѣла Турціи, за которымъ каждый разъ слѣдовало бы постепенное упраздненіе господства турокъ въ Европѣ и установленіе давно желанныхъ порядковъ на Балканскомъ полуостровѣ; а съ другой стороны, возможность рѣшенія этого вопроса мирнымъ путемъ, какъ и вопроса о проливахъ, подтверждается весьма важными въ этомъ смыслѣ прецедентами. Мы говоримъ не о политикѣ европейскихъ державъ въ отношеніи христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, которая, какова бы она ни была, во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о полномъ ихъ равнодушіи къ печальной судьбѣ этихъ народностей, а о Берлинской Африканской международной конференціи 1885 года, предотвратившей возможныя вооруженныя столкновенія европейскихъ государствъ изъ за гро-

*) Подробности по этому вопросу см. у гр. Камаровскаго въ его статьѣ: „О свободѣ плаванія по Суэзскому каналу“. Русская Мысль за 1889 г. № 2 стр. 1—13.

мадныхъ территорій западной Африки, съ обладаніемъ которыми связывались торговые и политическіе интересы не только всѣхъ морскихъ державъ Европы, но и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Какъ нельзя болѣе удачный исходъ этой конференціи *), и состоявшееся послѣ предварительныхъ дипломатическихъ переговоровъ международное соглашеніе четырнадцати державъ по вопросамъ колонизаціи, свободы судоходства, борьбы съ рабовладѣніемъ и неготорговлею въ обширныхъ странахъ бассейна рѣкъ Конго и Нигера, а также признаніе «Международной Конгской Ассоціаціи» за вновь образующееся государство, связанное личною унією съ Бельгійскимъ королевствомъ, — все это, достигнутое мирнымъ дипломатическимъ путемъ, во имя пользы цивилизованнаго міра и цѣлей гуманности, несомнѣнно показываетъ, что, при желаніи державъ, дружественныя соглашенія между ними возможны не только по вопросамъ, которые не затрагиваютъ ихъ національныхъ и политическихъ интересовъ, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ именно о такихъ интересахъ. Если же принять во вниманіе, что главнымъ препятствіемъ къ упраздненію турецкаго господства въ Европѣ служитъ боязнь великихъ державъ за свои культурные и политическіе интересы **), то не трудно будетъ понять, что при

*) Подробности объ этой конференціи см. въ статьяхъ: Мартенса: „Африканская конференція въ Берлинѣ“ (Вѣст. Евр. за 1885 г. № 11 и 12) и Даневскаго: „Берлинская Африканская конференція“ (Рус. Мысль за 1890 г.).

**) Препятствіемъ къ рѣшенію восточнаго вопроса всегда считались политическіе и культурные интересы великихъ европейскихъ державъ. Въ настоящее время съ чисто политической точки зрѣнія въ дѣлахъ Турціи прямо и непосредственно заинтересованы только Россія и Австрія. Интересы Россіи требуютъ обезпеченія свободного прохода черезъ проливы Босфора и Дарданеллы и образованія на равнинахъ Турціи новыхъ христіанскихъ государствъ изъ православныхъ народностей Востока. Что же касается до интересовъ Австріи, то они сводятся къ стремленію вѣнскаго двора получить вознагражденіе за утрату значенія въ Германіи и за потерю областей своихъ въ Италіи, прочно утвердись на восточномъ берегу Адриатическаго моря или же присвоить себѣ все теченіе Дуная. Остальныя великія европейскія державы лишь косвенно заинтересованы въ судьбахъ Востока; такъ Англія опасается усиленія Россіи на Востокѣ, Пруссія желаетъ осуществленія видовъ Австріи на Боснію и Герцеговину съ цѣлью окончательнаго изгнанія ея изъ Германіи; относительно же Франціи положительно можно сказать, что прямо она вовсе не заинтересована въ дѣлахъ Востока. Если отъ сферы чисто политическихъ интересовъ обратиться къ сферѣ интересовъ культурныхъ, то окажется, что въ дѣлахъ Востока одинаково заинтересованы не только Россія и Австрія, но и всѣ другія великія европейскія державы, причѣмъ Англія и Франція видятъ въ Турціи пре-

серьезномъ желаніи европейскихъ правительствъ установить новый порядокъ вещей на Востокъ, они во имя общаго блага и справедливости вполне могли бы мирнымъ путемъ постепенно достигнуть замѣны Турціи новыми христіанскими государствами, а затѣмъ, когда приблизится послѣдній часъ существованія этой имперіи въ Европѣ, — опредѣлить то положеніе Константинополя, которое было бы наиболѣе согласно съ общими интересами всего цивилизованнаго міра.

Въ виду указанныхъ прецедентовъ изъ практики международныхъ сношеній послѣдняго времени, свидѣтельствующихъ о возможности миролюбиваго рѣшенія международныхъ вопросовъ, по своей сложности и жгучести нисколько не уступающихъ восточному вопросу, мы можемъ смѣло сказать, что отрѣшившись отъ традиціонной дипломатической рутинны европейскія государства, при серьезномъ съ ихъ стороны желаніи избѣжать кровопролитія изъ-за восточнаго вопроса, конечно, успѣютъ мирно и мало-по-малу достигнуть смѣны Турецкой имперіи другимъ порядкомъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ для этого нѣтъ никакихъ серьезныхъ препятствій. Турція уже давно и безповоротно обречена на гибель и если она до сего времени влечетъ свое жалкое существованіе, то только благодаря поддержкѣ со стороны нѣкоторыхъ заинтересованныхъ въ томъ государствъ. Разъ же этой поддержки не будетъ оказываемо и великія европейскія державы, одушевившись идеями общаго блага и ради ихъ поступившись своими исключительными выгодами и предразсудками, перестанутъ толковать о независимости и цѣлости Турецкой имперіи, вопросъ о распаденіи послѣдней и о замѣнѣ ея новыми государствами изъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова легко можетъ быть порѣшенъ путемъ мирныхъ переговоровъ между заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами, при чемъ Турція не посмѣла бы сдѣлать ни одного серьезнаго усилія для поддержанія своего владычества въ Европѣ, если бы этому владычеству постепенно, но послѣдовательно наносились рѣшительные удары разнаго рода измѣненіями положенія Востока, предпринимаемыми европейскими государствами сообща. Въ этомъ отношеніи

красный рынокъ для сбыта своихъ товаровъ и весьма выгоднаго помѣщенія свободныхъ капиталовъ, а Германія—широкое поле для австрійскихъ интересовъ, которыми можно отвлечь имперію Габсбурговъ отъ дѣлъ объединенной подъ главенствомъ Пруссіи Германской имперіи.

мы можемъ сослаться на исторію отношеній Россіи къ Турціи, которая свидѣтельствуесть, что всѣ прежде проектированныя Европою измѣненія въ положеніи балканскихъ народностей отвергались султанами единственно потому, что великія державы въ своихъ дѣйствіяхъ не были единодушны. Иначе многія реформы въ положеніи турецкихъ христіанъ, въ послѣдствіи вынужденныя у султановъ силою русскаго оружія, были бы введены ими добровольно, лишь по одному дружному и твердому настоянію великихъ державъ.

Г Л А В А IV.

Основные начала, которыми должна руководиться Россія въ своей политикѣ ради скорѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса.

Национальное направленіе внѣшней политики Россіи. Несостоятельность мнѣнія Данилевскаго о необходимости для Россіи выхода изъ европейской политической системы и усвоенія политики эгоизма. Правильная постановка отношеній Россіи къ Турціи. Отношенія Россіи къ западной Европѣ по восточному вопросу. Вопросъ объ уваженіи нашего къ праву внѣшательства великихъ державъ въ дѣла Балканскаго полуострова. Политика Россіи въ отношеніи балканскихъ народностей. Необходимость серьезной подготовки для дипломатическихъ и консульскихъ представителей Россіи на Востокѣ. Отреченіе Россіи отъ всякихъ территориальныхъ приобрѣтеній на счетъ земель Балканскаго полуострова.

Если-бы европейскія государства, ставъ на почву международного права, приняли на себя трудъ рѣшенія восточнаго вопроса только-что указаннымъ путемъ, они безспорно оказали-бы громадную услугу мирному развитію нашей части свѣта. Само собою разумѣется, выполнить эту задачу они должны были-бы постепенно, а не путемъ произведенной сразу полной и окончательной передѣлки существующаго порядка вещей на Востокѣ. Турція, поддерживаемая различными палліативными средствами, еще влачить свое жалкое существованіе, и для ликвидаціи дѣлъ «больнаго человѣка» настанетъ время только послѣ того, какъ всѣ его христіанскіе подданные получатъ свободу и независимость. До этого же времени на европейскихъ державахъ будетъ лежать лишь обязанность совмѣстными усиліями способствовать окончательному освобожденію и мирному развитію христіанскихъ народностей Востока, примирять ихъ интересы и строго охранять ихъ внутреннюю и внѣшнюю самостоятельность. Въ стремленіи къ достиженію этой цѣли, онѣ, конечно, должны кореннымъ образомъ измѣнить свою восточную политику и

даже поступиться нѣкоторыми своими притязаніями. Такъ Австро-Венгрія должна отказаться отъ окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины, Італія должна оставить мысль о приобрѣтеніи какого-бы то ни было уголка Албаніи, Англіи слѣдуетъ передать Кипръ въ пользу Греціи и т. д. Указанной политической программы въ восточномъ вопросѣ обязана держаться и Россія во имя своего историческаго призванія на Востокѣ. Приэтомъ, чтобы обезпечить жизненные интересы восточныхъ христіанъ и удовлетворить собственнымъ нуждамъ въ вопросѣ о проливахъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, Россія, по нашему мнѣнію, основанному на изученіи прошлой исторіи восточнаго вопроса, было-бы необходимо въ своей политикѣ принимать въ расчетъ начала, отступленіе отъ которыхъ нерѣдко оканчивалось для насъ печальнымъ образомъ въ прежнее время.

Почуваясь полезными уроками прошлаго, Россія должна составить и усвоить себѣ точно-опредѣленную политическую программу въ сферѣ международной и навсегда отказаться отъ той антинациональной политики, которой держалась она прежде. Ей отнюдь не слѣдуетъ вступать въ кабинетные союзы, а тѣмъ болѣе жертвовать народными силами и средствами для защиты тыла тѣхъ или другихъ своихъ сосѣдей или гнаться за вліяніемъ въ постороннихъ дѣлахъ *).

*) Въ этомъ отношеніи она должна всегда помнить печальныя послѣдствія, къ которымъ привела наша антинациональная политика Николаевской эпохи. Къ сожалѣнію бар. Жомини, подробно изслѣдовавшій эту эпоху въ своемъ сочиненіи: „Россія и Европа въ эпоху Крымской войны“ приходитъ къ совершенно противоположному, и надо сознаться ошибочному заключенію. Разбирая это сочиненіе, г. Коршъ вполне справедливо говоритъ: „Казалось-бы, исходъ войны пятидесятыхъ годовъ и тѣ разнообразныя причины и условія, которыя породили ее, прямо ведутъ къ тому заключенію, что чѣмъ меньше Россія будетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, тѣмъ лучше для нея. До Крымской войны, мы стояли на стражѣ порядка во всей Европѣ. Такая полсемѣстная охрана отжившихъ условій политическаго общенія обещала намъ, въ концѣ концовъ, страшно дорого. Наши арміи были вытѣснены изъ занятыхъ ими областей, наше черноморское побережье подверглось непріятельскому вторженію, нашъ флотъ былъ истребленъ, укрѣпленія Севастополя срыты, мы пережили тяжелую пору полного международнаго одиночества. И однако же авторъ заключаетъ свое интересное сочиненіе выводомъ, какаго всего менѣе ожидать читатель, и который дѣйствительно непонятенъ. Давая Турціи весьма благоразумные совѣты относительно ея внутреннихъ дѣлъ, внушая этому нападшему государству, что въ наше время вѣнское могущество находится въ прямой зависимости отъ финансоваго, экономическаго, общественнаго и политическаго благоденствія страны, что единственнымъ средствомъ къ достиженію такого благоденствія служитъ развитіе матеріальныхъ ея средствъ и удовлетвореніе ея нравственныхъ

Ей должно твердо и послѣдовательно стоять на стражѣ своихъ собственныхъ, правильно понятыхъ нуждъ, конечно, подъ условіемъ признанія общеевропейскихъ интересовъ и соблюденія принциповъ современнаго международнаго права. Во внѣшней жизни у русскаго народа есть свои неотложныя задачи. Не менѣе широкой просторъ для дѣятельности государственной власти даетъ и внутреннее состояніе Россіи. Поэтому, направлять свои дѣйствія и заботы за предѣлы отечества съ нашей стороны было-бы положительно безразсудно, когда вопросы внѣшней и внутренней жизни Россіи не позволяютъ русскому правительству увлекаться посторонними дѣлами и настоятельно требуютъ отъ него серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію ея собственныхъ интересовъ. Къ тому же, вѣковой исторической опытъ доказалъ, что наша излишняя заботливость по отношенію къ западнымъ державамъ всегда лишь эксплуатировалась ими и никогда не вознаграждалась, даже не цѣнилась по достоинству. Все это убѣдительно

потребностей, — благоразумно совѣтуя все это Турціи и обѣщая ей въ такомъ случаѣ прочную дружбу Россіи, почтенный авторъ не находитъ высказать относительно Россіи ничего другого, кромѣ сожалѣнія о томъ, что она послѣ войны пятидесяти лѣтъ мало вмѣшивалась въ дѣла и отношенія другихъ европейскихъ государствъ, и выражаетъ надежду на возобновленіе такого вмѣшательства въ будущемъ. По его мнѣнію, довольно было Россіи временно отстраниться отъ европейскихъ дѣлъ, чтобы ея отсутствіе послужило къ нарушенію равновѣсія и подвергло общій миръ самымъ опаснымъ потрясеніямъ. Но мы знаемъ теперь, что именно произошло за это время въ западной Европѣ. Послѣ войны пятидесяти лѣтъ, мы были свидѣтелями войны Италіи и Франціи съ Австріей, Пруссіи съ Австріей, Франціи съ Германіей. Неужели, по мнѣнію автора, для Россіи было нужно или полезно посылать своихъ солдатъ и тратить свои скудные средства на защиту Австріи противъ Италіи и Франціи, или Пруссіи противъ Австріи? Неужели ей слѣдовало сѣсть на спасеніе другихъ, итѣя у себя массу непочатаго дѣла? Восхищаясь тѣмъ, что Россія „не разъ содѣйствовала спасенію Европы“, авторъ надѣется, что ей еще суждено трудиться на этомъ поприщѣ, и „хотя она была дурно вознаграждена за свои усилія въ этомъ смыслѣ“ авторъ все-таки убѣжденъ, что Россія, при случаѣ, не отступитъ передъ этой „неблагодарной задачей“. Однимъ словомъ, почтенный авторъ, давъ своимъ превосходнымъ трудомъ отличный урокъ, кончилъ, такъ сказать, просьбою—данный имъ урокъ позабыть какъ можно скорѣе. Не будучи дипломатами, мы отъ души желаемъ, чтобы Россія отступила передъ чужими „неблагодарными“ задачами и занималась исключительно своими, тѣми единственно благодарными задачами, за просвѣщенное и широкое исполненіе которыхъ она можетъ быть вознаграждена сторицей. „Въ наше время—повторимъ мы слова автора—могущество государствъ измѣряется ихъ финансовымъ, экономическимъ, общественнымъ и политическимъ благоденствіемъ,—а все остальное приложится“. (Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ. Вѣстникъ Европы за 1879 г. № 3, стр. 204—206).

доказываетъ, что Россіи не слѣдуетъ служить чуждымъ ей цѣлямъ, а должно, при точномъ соблюденіи принциповъ современнаго междунагоднаго права, лишь неуклонно стремиться къ рѣшенію собственныхъ задачъ соотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ, правильно понятымъ нуждамъ и пользамъ.

Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что для избѣжанія прежней антинаціональной политики Россія должна «выступить изъ европейской политической системы» и поставить цѣлью своихъ стремленій исключительно *русско-славянскія эгоистическія шліи*, како то доказываетъ Данилевскій. Настаивая на неустранимомъ антагонизмѣ между Россіей и Европой, на непринадлежности Россіи къ Европѣ въ культурномъ или, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи, и въ то же время полагая, что главный источникъ всѣхъ нашихъ ошибокъ въ прошломъ заключался ни въ чемъ иномъ, какъ въ «европейничанѣ», въ стремленіи держаться европейской точки зрѣнія, охранять и возстановлять «европейскіе интересы», тогда какъ въ дѣйствительности вся наша бѣда заключалась въ томъ, что нами неправильно понимались господствующія стремленія эпохи и преувеличивалось ихъ непосредственное значеніе для Россіи,—онъ говоритъ, что Европа представляетъ собою одно политическое цѣлое, одинъ политическій организмъ, соединительнымъ звеномъ котораго служитъ сознаніе противоположности съ Россіей и славянствомъ, и что поэтому, если мы будемъ «европейничать», Россію постигнуть еще большія неудачи, чѣмъ испытывала она въ теченіе всего XIX вѣка *). Въ виду этого и дабы избѣжать «печальной участи перехода отъ неудачи къ неудачѣ, несмотря даже на самыя поразительныя военныя успѣхи»,—по мнѣнію названнаго автора,—«политикѣ Россіи ничего не остается, какъ повернуть на старый екатерининскій путь, т.-е. открыто, прямо и безповоротно сознать себя русскою политикою, а не европейскою, и притомъ исключительно русскою, безъ всякой примѣси, а не какою нибудь двойною, русско-европейскою или европейско-русскою, ибо противоположности не совмѣстимы **). Это не значитъ «порвать всѣ политическія сношенія съ европейскими государствами, вызвать нашихъ послан-

*) Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей, стр. 180—181.

**) Назв. соч., стр., 195.

никовъ изъ европейскихъ столицъ», или «съ безумнымъ неистовствомъ, не разбирая ни силы, ни числа враговъ, наброситься на Европу»; это значить только «не принимать къ сердцу европейскихъ политическихъ интересовъ, смотрѣть на дѣло какъ оно есть, и не закрывать глазъ передъ очевидностью, не принимать созданныхъ себѣ призраковъ за дѣйствительность; гдѣ есть врагъ—тамъ и видѣть врага, а не считать его за друга, прибѣгая ко всевозможнымъ фикціямъ, чтобы совершить эту метаморфозу, не на дѣлѣ, конечно, а въ собственномъ своемъ воображеніи»;—это значить «выступить изъ европейской политической системы», т.-е. «дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ Англія, Австрія, Германія и въ особенности Италія, которая пользовалась всякою комбинаціею европейской политики для достиженія своихъ цѣлей»... *). «Положеніе Россіи имѣетъ лишь ту особенность, что ни Англія, ни Австрія, ни Германія, ни Италія, достигая своихъ частныхъ цѣлей, не выступаютъ чрезъ это изъ европейской политической системы, которой онѣ суть естественные и прирожденные члены, потому что общеевропейскій интересъ, въ настоящемъ фазисѣ исторіи, который длится съ самаго Вѣнскаго конгресса и продолжится еще долго—состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ противодѣйствіи Россіи; для Россіи же твердое и неуклонное стремленіе къ достиженію своихъ цѣлей равнозначительно выступленію ея изъ европейской политической системы. Продолжая въ ней находиться, продолжая сообразовать виды своей политики съ видами политики европейскихъ государствъ въ томъ, что они имѣютъ общаго, мы никогда не достигнемъ своихъ цѣлей» **).

Изъ приведеннаго краткаго обзора аргументаціи Данилевскаго видно, что онъ старается доказать необходимость выхода Россіи изъ европейской политической системы, во-первыхъ, тѣмъ, что всѣ наши прежнія неудачи происходили будто-бы отъ «европейничанья», и, во-вторыхъ, тѣмъ, что принадлежность наша къ европейской политической системѣ ни сколько не освобождаетъ Россію отъ постоянного противодѣйствія ея видамъ со стороны Европы, составляющаго отличительную и неизбѣжную черту «историческаго фазиса», начавшагося со времени Вѣнскаго конгресса. Но на это должно

*) Назв. соч., стр. 199.

**) Назв. соч., стр. 200.

замѣтить, что, осуждая антинаціональную политику Россіи въ XIX вѣкѣ, авторъ совершенно неправильно объясняетъ ея причины. Войны, предпринимавшіяся Россіей безъ достаточнаго основанія и безъ всякой пользы, а также политика наша въ эпоху конгрессовъ и въ моментъ австро-прусскаго столкновенія, окончившагося Ольмюцемъ, зависѣли не отъ «европейничанья», въ смыслѣ сознанія близости къ Европѣ, а стояли въ тѣсной связи съ опасеніемъ «революціонной заразы», омрачившимъ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины Великой. О какомъ-либо «европейничаньѣ» со стороны ея преемниковъ не могло быть и рѣчи, и если при императорѣ Александрѣ I и Николаѣ I Россія признавалась солидарной съ Австріей и Пруссіей, то не въ силу общей принадлежности къ европейскому «политическому организму», а въ силу консервативныхъ началъ, въ силу предполагаемаго контраста между устойчивымъ европейскимъ Востокомъ и слишкомъ подвижнымъ европейскимъ Западомъ. Все это показываетъ, что опытъ недавняго прошлаго говорить не противъ «европейничанья» въ смыслѣ сознанія близости къ Европѣ, а противъ борьбы съ воображаемыми опасностями, и что въ виду этого, для избѣжанія прежнихъ ошибокъ, Россіи нѣтъ никакой надобности и «выступать изъ европейской политической системы».

Къ тому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе второго довода Данилевскаго. Онъ говоритъ, что принадлежность наша къ «европейской политической системѣ» нисколько не освобождаетъ Россію отъ постояннаго и систематическаго противодѣйствія ея видамъ со стороны Европы, и что это противодѣйствіе составляетъ неизбѣжную черту «историческаго фазиса», начавшагося со времени Вѣнскаго конгресса. Но, вѣдь, и для самихъ «естественныхъ и прирожденныхъ членовъ» европейской политической системы принадлежность къ этой системѣ нисколько не устраняетъ ни затаеннаго соперничества, ни открытыхъ, кровавыхъ столкновеній, какъ это видно, напримѣръ, на той же самой Италіи, которая, по словамъ Данилевскаго, наиболѣе искусно преслѣдовала свои частныя цѣли *).

*) «Противодѣйствіе итальянскому единству со стороны державы, заинтересованной—или считавшей себя заинтересованною—въ поддержаніи итальянской раздробленности, ни мало не ослабилось принадлежностью Италіи къ числу „естественныхъ и прирожденныхъ членовъ“ европейской политической системы. Если оно,

того, «противодѣйствіе русской политикѣ—явленіе не простое, а крайне сложное. Оно вовсе не составляетъ неизбѣжной черты «историческаго фазиса», начавшагося со времени Вѣнскаго конгресса; оно не можетъ быть сведено къ племенной или вѣроисповѣдной антипатіи, къ противоположности между мірама германо-романскимъ и славянскимъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно обуславливалось, отчасти, нѣкоторыми особенностями русской политики въ послѣдніе годы Александра I и во все время царствованія императора Николая I. Французамъ трудно было забыть пренебреженіе къ іюльской монархіи, пруссакамъ—подчиненную роль Фридриха-Вильгельма IV, австрійцамъ—покровительственный тонъ побѣдоноснаго союзника, прогрессистамъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей—повсемѣстную поддержку старыхъ, отжившихъ порядковъ. Вражда, накоплявшаяся въ продолженіе многихъ десятилѣтій, не могла сразу уступить мѣсто болѣе спокойнымъ чувствамъ, болѣе безпристрастнымъ взглядамъ; но она значительно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилась (послѣ Крымской войны) самая роль Россіи по отношенію къ Европѣ. Въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ которыхъ нерасположеніе къ Россіи существуетъ теперь, оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ аналогичныхъ явленій, постоянно встрѣчавшихся и встрѣчающихся въ средѣ общеевропейскаго политическаго организма». Такъ Англія дѣлше вѣка враждовала съ Франціей, Австрія—съ Пруссіей или Піемонтомъ, и если эта взаимная вражда не мѣшала имъ оставаться «членами европейской политической системы», то дѣйствительная или предполагаемая противоположность интересовъ Россіи и Европы нисколько не мѣшаетъ и намъ пребывать въ этой «системѣ» *).

въ концѣ концовъ, осталось безплоднымъ, то это объясняется единственно счастливой комбинаціей обстоятельствъ и искусствомъ государственныхъ людей, руководившихъ итальянской политикой. Представимъ себѣ, что Франціи, въ пятидесятихъ годахъ, управлялъ бы Тьеръ или человѣкъ тѣхъ же традицій, той же школы; неужели онъ взялъ бы на себя инициативу освобожденія Италіи отъ Австріи или допустилъ бы полное торжество Піемонта? Не ясно-ли, что Апеннинскій полуостровъ, сдвинувшійся между двумя могущественными сосѣдями, остался бы еще надолго разорваннымъ на клочки, безсиленъ и чужды другъ другу?» (Литературное Обзорѣніе Вѣстника Европы за 1890 г. № 11 стр. 430, гдѣ сдѣланъ разборъ книги Данилевскаго: Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Сиб. 1890 г.).

*) Литературное Обзорѣніе Вѣстника Европы за 1890 г. № 11, стр. 430—431.

Изъ сказаннаго видно, что, для избѣжанія прежнихъ ошибокъ во внѣшней политикѣ, Россія нѣтъ надобности выступать изъ «европейской политической системы». Такое «выступление» означало бы возвращеніе Россіи къ до-петровскимъ временамъ; оно было бы равносильно обреченію Россіи на нравственный и умственный разрывъ съ Европой, на отчужденіе отъ общаго хода западно-европейской жизни. Но такое попятное движеніе не свойственно народамъ. Пока они живутъ, они движутся впередъ, и если Россія разъ сознала невыгодность изолированнаго положенія, то она не должна чуждаться и международнаго общенія, а слѣдовательно и общеевропейскихъ дѣлъ, такъ какъ «для возможно полнаго преуспѣванія, собственнаго и своихъ гражданъ, государства должны входить въ сношенія другъ съ другомъ, искать недостающія имъ средства въ предѣлахъ чужихъ владѣній и съ своей стороны оказывать помощь каждому народу въ достиженіи имъ его законныхъ цѣлей» *).

Паматуя, что «только въ международномъ общеніи государства могутъ осуществить одушевляющую ихъ идею и жизненное свое назначеніе» **) и на этомъ основаніи продолжая по-прежнему пребывать въ «европейской политической системѣ», Россія, разумѣется ни въ какомъ случаѣ не должна и возводить *русско-славянскія этноистическія* *цѣли* въ единственный принципъ и масштабъ своихъ сношеній съ другими европейскими народами. Признаніе національнаго эгоизма высшимъ и даже единственнымъ мѣриломъ сношеній Россіи съ Европой возвратило бы насъ къ идеямъ и традиціямъ языческаго общества, покоившагося, какъ извѣстно, на силѣ и порабощеніи, и вынудило бы признать, что государства не живые организмы и нравственныя личности, а лишь продукты силы, могущіе во всемъ себѣ самимъ довлѣть и враждебно настроенные ко всему остальному, внѣ ихъ лежащему міру ***). Между тѣмъ государства, какъ представители живущихъ въ нихъ народовъ, не только личности, но и личности духовныя, которыя обязаны подчиняться требованіямъ нравственнаго закона и права. А нравственность, какъ

*) Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I, стр. 202.

**) Мартенсъ, назв. соч., т. I, стр. 203.

***) Графъ Камаровскій. Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ. Русская Мысль за 1893 годъ № 8, стр. 24.

и право, одинаково требуютъ отъ каждаго народа полнаго уваженія чужихъ интересовъ, чтобы обезпечить уваженіе къ своимъ собственнымъ. Въ виду этого, во внѣшней политикѣ Россія, какъ и всякое государство, дѣйствительно, прежде всего должна имѣть въ виду собственную пользу, но при удовлетвореніи своихъ нуждъ она обязана также уважать права и интересы другихъ народовъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто «выступленія изъ европейской политической системы» и преслѣдованія исключительно «русско-славянскихъ эгоистическихъ цѣлей», что, какъ мы видѣли, рекомендуетъ Россіи Данилевскій, ей, для избѣжанія прежней антинаціональной политики, слѣдуетъ лишь окончательно отказаться отъ практиковавшихся прежде совершенно безцѣльныхъ вмѣшательствъ въ дѣла общеевропейской политики, не имѣющія для нея непосредственнаго значенія, и, пребывая въ международномъ общеніи, основанномъ на идеѣ взаимной помощи и содѣйствія, усвоить себѣ такой образъ дѣйствій, который, при точномъ соблюденіи принциповъ современнаго международного права цивилизованныхъ народовъ, далъ бы возможность ускорить разрѣшеніе собственныхъ неотложныхъ національныхъ задачъ, безъ нарушенія законныхъ правъ и интересовъ остальныхъ членовъ международного союза.

Вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ прежней антинаціональной политики Россія должна строго обдумать и точно опредѣлить, въ чемъ именно заключаются ея политическія потребности и интересы въ различныхъ международныхъ вопросахъ, непосредственно касающихся ея пользы и достоинства. Изъ такихъ вопросовъ всего болѣе затрогивающимъ русскіе интересы безспорно долженъ быть признанъ восточный вопросъ. Поэтому, если наши государственные люди, имѣя вообще ошибочный взглядъ на національныя задачи и законныя стремленія русскаго народа, въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и ея христіанскимъ подданнымъ руководились прежде побужденіями минуты, личными симпатіями и антипатіями, и въ восточной политикѣ, какъ и въ западной, нерѣдко не имѣли ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго плана. — то этой системѣ теперь пора положить конецъ. Намъ необходимо поставить на правильную почву свою политику въ восточномъ вопросѣ. Каковы задачи Россіи въ этомъ вопросѣ, объ этомъ было говорено выше: онѣ состоятъ въ рѣшеніи вопроса о проливахъ въ смыслѣ полной свободы плаванія по нимъ для русскаго флота и въ обезпеченіи

независимости и самостоятельности восточныхъ христіанъ. Чтобы достигнуть успѣшнаго выполненія этихъ задачъ, согласно собственнымъ видамъ, интересамъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и великихъ державъ Европы, мы должны тщательно изучить и взвѣсить всѣ эти интересы, а потомъ настойчиво и послѣдовательно идти къ ихъ удовлетворенію путемъ «наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствія, не поддаваясь мимолетнымъ чувствамъ, симпатіямъ и антипатіямъ» *). Этотъ «цѣлесообразный» способъ дѣйствій долженъ касаться какъ отношеній Россіи къ Турціи, съ существованіемъ которой въ нашей части свѣта непосредственно связано рѣшеніе восточнаго вопроса, такъ и отношеній ея къ западной Европѣ и балканскимъ народностямъ, помимо которыхъ въ настоящее время немислимо никакое измѣненіе существующаго порядка вещей на Востокъ.

Послѣ изученія прошлой исторіи восточнаго вопроса и выясненія того, какія задачи въ будущемъ должна преслѣдовать Россія на Востокъ, дальнѣйшая русская политика въ отношеніи Турціи является достаточно ясною и опредѣленною. Преслѣдуя въ восточномъ вопросѣ двѣ задачи: съ одной стороны матеріальную — открытіе проливовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, а съ другой — религіозно-національную — освобожденіе изъ турецкаго рабства и подчиненія своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и предоставленіе имъ полной возможности справедливо и мирно подѣлить между собою наслѣдство, остающееся послѣ постепенной политической смерти Оттоманской имперіи, Россія прежде всего должна твердо помнить, что исчезновеніе этого государства въ Европѣ неизбежно и что съ паденіемъ его въ непосредственной и тѣсной связи стоитъ окончательное рѣшеніе восточнаго вопроса. Турція неспособна къ возрожденію. Она неспособна къ государственной жизни въ смыслѣ страны свѣта, въ которой существуетъ нѣсколько столѣтій. Вѣка, проведенные османами въ Европѣ, оставили ихъ такими же дикими варварами, какими они пришли изъ азіатскихъ степей. Вокругъ ихъ все переродилось; но турецкая орда удержала въ неприкосновенности всю перенесенную ею въ Европу первобытную простоту своего азіатскаго варварства. Отъ Европы съ начала нынѣшняго

*) Словинскій. Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. стр. 264.

столѣтія она заимствовала лишь военную организацію. Но въ государственномъ организмѣ Оттоманской имперіи не произошло никакихъ измѣненій. Онъ держался и держится на тѣхъ же началахъ безусловнаго господства побѣдителей надъ побѣжденными, какъ и на второй день по завоеваніи турками Царь-Града. Законы государственнаго развитія къ Турціи не приложимы, какъ недоступны для турокъ, а на имѣющихся основаніяхъ ихъ государственнаго устройства невозможно построить какую-либо справедливую систему въ Турціи; иначе говоря, при нихъ немислимо и улучшение положенія восточныхъ христіанъ, какъ это показываетъ прошлая внутренняя и внѣшняя политика османовъ. Вопреки всѣмъ завѣреніямъ, какія Турція давала намъ и Европѣ, ея общественный строй и законодательство оставались въ томъ же печальномъ положеніи, въ какомъ они были нѣсколько столѣтій тому назадъ, а султаны не могли вывести изъ этой косности магометанъ и сравнять христіанскую райю въ правахъ съ мусульманами *), такъ какъ на основаніи корана хри-

*) Эпоха реформъ открывается въ Турціи гатти-шерифомъ 1839 года. Въ этомъ актѣ, надѣлавшемъ въ свое время много шума, заявлялось, что въ теченіе послѣднихъ 150 лѣтъ законы божественные и гражданскіе пришли въ Турціи въ упадокъ и что настало время позаботиться объ огражденіи жизни, чести и имущества каждаго, о правильной раскладкѣ податей и правильной военной повинности. На основаніи этого въ гатти-шерифѣ провозглашалось, что всѣ тяжбы и судебныя дѣла будутъ отнынѣ производиться публично, согласно „нашему божественному закону“, что запрещено будетъ кому-бы то ни было покушаться на честь частнаго человѣка, что всякъ будетъ пользоваться невозбранно и безопасно своимъ имуществомъ, и что всѣ эти блага предоставляются подданнымъ султана, какого бы вѣроисповѣданія они ни были... Оставалось только ожидать исполненія этихъ обѣщаній... Но протекло 15 лѣтъ, а обѣщанія эти остались неисполненными, такъ что сама западная Европа, рѣшившаяся съ оружіемъ въ рукахъ отстоять противъ сѣверныхъ варваровъ молодую, преобразовавшуюся Турцію, въ меморандумѣ 14 января 1856 года указала ей программу всестороннихъ преобразованій въ виду настоятельной необходимости коренныхъ и *дѣйствительныхъ* реформъ, *дѣйствительнаго* уравниванія правъ мусульманъ и немусульманъ, *дѣйствительнаго* прекращенія лихоимства и злоупотребленій всякаго рода. Турецкое правительство, конечно, вполне одобрило предложенную программу реформъ и, при содѣйствіи пословъ британскаго, французскаго и австрійскаго, выработало гатти-гуманъ, провозглашенный 18 февраля 1856 года. Парижскій конгрессъ удовлетворилъ второю „конституціонною хартіей“ турецкаго правительства. Мало того: великія державы уклонились даже отъ частнаго и совокупнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, вполне довѣряя способностямъ и доброй волѣ султана. Но оказанное Портѣ довѣріе и на этотъ разъ не оправдалось. По главнымъ отраслямъ государственнаго управленія, равно какъ и въ кругѣ главнѣйшихъ отправленій на-

стіанскіе подданне Порты должны состоять въ полномъ подчиненіи правовѣрнымъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ единственнымъ способомъ дѣйствительнаго улучшенія положенія христіанъ является совершенное освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига, что равносильно окончательному уничтоженію Оттоманской имперіи въ Европѣ. Не будучи согласно съ нашею религіозно-національною задачею, поддержаніе существованія Турціи бесполезно и для обезпеченія матеріальныхъ интересовъ русскаго народа въ вопросѣ о проливахъ, такъ какъ вопросъ этотъ, какъ сказано выше, гораздо легче и скорѣе можетъ быть разрѣшенъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ при господствѣ надъ Босфоромъ и Дарданеллами двухъ или нѣсколькихъ державъ, чѣмъ при нахожденіи ихъ въ рукахъ одной Оттоманской Порты.

Памятуя, что чѣмъ быстрѣ исчезнетъ мусульманское царство въ Европѣ, тѣмъ скорѣе можетъ быть разрѣшенъ восточный вопросъ, и на этомъ основаніи отказываясь отъ поддержанія дряхлаго зданія Турецкой имперіи, Россія, конечно, не должна и расшатывать ее искусственнымъ мѣрами. На обязанности ея лежитъ лишь пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы во-время оказать содѣйствіе естественному процессу выдѣленія христіанскихъ народностей изъ разлагающагося государственнаго организма Турціи. Для успѣшнаго выполненія этой задачи намъ, разумѣется, слѣдуетъ оставить практиковавшуюся почти до послѣднихъ дней систему поддержанія неизмѣннаго status quo на Востокѣ и держаться въ отношеніи Турціи политики, которая давала бы возможность во всякое время безпрепятственно преслѣдовать цѣль освобожденія восточныхъ христіанъ. Однимъ изъ первыхъ условій такой политики является отказъ Россіи отъ всякихъ дружественныхъ союзовъ съ Турціей, такъ какъ подобные союзы, какъ показываетъ долговременный опытъ, совершенно несогласны съ историческимъ призваніемъ русскаго на-

родной жизни немного измѣнилось въ Турціи. (Интересныя замѣтки объ этомъ см. у Щебальскаго: Турція и ея реформы въ отхошеніи Россіи. Рус. Вѣст. 1870 г. № 1, стр. 203—213). Такова же участь постигла и обѣщанія, Порты, данныя на Берлинскомъ конгрессѣ. Съ 1878 года султаномъ не сдѣлано рѣшительно ничего, что бы создало въ Турціи положеніе, хотя сколько-нибудь соответствующее европейскимъ порядкомъ и требованіямъ человѣчности, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ непрекающіяся съ тѣхъ поръ волненія христіанъ въ разныхъ концахъ имперіи османовъ.

рода на Востокъ. Дружба Россіи съ Турціей прежде всего изобличаетъ нашу непослѣдовательность въ глазахъ восточныхъ христіанъ и естественно заставляетъ ихъ смотрѣть на насъ не какъ на своихъ защитниковъ, а какъ на покровителей оттоманскаго деспотизма въ Европѣ. Затѣмъ, дружба эта порождаетъ въ западныхъ державахъ боязнь и невольныя подозрѣнія, что мы подъ личиною дружественныхъ отношеній къ Турціи стремимся къ поглощенію ея, и потому вынуждаетъ европейскую дипломатію сдерживать всякій серьезный нашъ шагъ, направленный къ рѣшенію восточнаго вопроса. Наконецъ, дружественные союзы Россіи съ Турціей для насъ совершенно бесполезны, такъ какъ турецкое правительство прекрасно понимаетъ, что мы не въ состояніи до такой степени забыть своихъ національныхъ интересовъ, чтобы пожертвовать восточными христіанами ради союза и дружбы съ османами, вслѣдствіе чего оно, разумѣется, и не можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ нашимъ доброжелательнымъ совѣтамъ и внушеніямъ. Всему этому наилучшимъ урокомъ могутъ служить событія 1833—1840 годовъ.

Въ теченіе этого періода времени Россія—говорятъ г. Θεоктистовъ—испробовала совершенно несвойственную ей до тѣхъ поръ политику на Востокъ. «Она вознамѣрилась жить въ тѣсной дружбѣ съ Портой и доказать вмѣстѣ съ тѣмъ Европѣ, что намѣренія ея относительно Оттоманской имперіи не разнятся отъ намѣреній другихъ державъ. Программа эта была выполнена ею съ самою строгою добросовѣстностью, но какіе же плоды пожала она для себя на этомъ поприщѣ? Недовѣріе и подозрительность противъ насъ европейскихъ правительствъ не только не уменьшились, но именно въ означенный періодъ достигли неслыханныхъ размѣровъ*»). «Дѣйствуя вполне искренно, принося жертвы для другихъ и не пользуясь ни малѣйшими выгодами для самихъ себя», мы не успѣли воспользоваться дружбой съ Турціей и для того, чтобы утвердить свое вліяніе въ Константинополѣ и облегчить судьбу родственныхъ намъ по духу и крови христіанскихъ народностей. И это весьма понятно. «Мы поддерживали Порту не иначе какъ подъ извѣстными условіями, домогаясь отъ нея уступокъ требованіямъ челоуѣколюбія и справедливости; другіе обнаруживали готовность сдѣлать это совер-

*) Русская политика на Востокъ передъ Крымской войной. Рус. Вѣстн. за 1868 г. № 1, стр. 72.

шенно безусловно, не заботясь нисколько о христіанскихъ племенахъ и имѣя въ виду, прежде всего, прочность и крѣпость мусульманскаго владычества. Вотъ почему, несмотря на «безпримѣрное великодушіе», съ которымъ старались мы обезпечить султану выполнение нѣкоторыхъ условій Адрианопольскаго трактата, несмотря на дѣятельную помощь, оказанную ему нами въ 1833 году, онъ устремлялъ свои взоры на Англію и Австрію, не посылавшихъ ему ни своего флота, ни своихъ войскъ, но въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ естественныхъ союзниковъ*). Въмѣстѣ съ возбужденіемъ недобвѣрія и недоброжелательства къ намъ европейскихъ правительствъ и утратою вліянія въ Турціи, своею дружбою съ этою державою и помощью, оказанною ей въ борьбѣ съ египетскимъ вассаломъ, мы произвели неблагоприятное впечатлѣніе на близкихъ намъ по крови и духу восточныхъ христіанъ, которые «не иначе какъ съ тяжелымъ и грустнымъ чувствомъ должны были смотрѣть на появленіе русскаго флага подъ стѣнами Константинополя, этого флага, который столько разъ служилъ для нихъ предвѣстникомъ свободы, а теперь прикрывалъ собою нераздѣльность и цѣлость владѣній султана» *).

Избѣгая въ своей восточной политикѣ всего того, что могло бы затормозить естественный процессъ распаденія Турціи и образования на ея развалинахъ новыхъ христіанскихъ государствъ, Россія въ интересахъ скорѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса въ то же время должна установить на болѣе рациональныхъ началахъ и свои отношенія къ западной Европѣ по этому вопросу. Въ данномъ случаѣ вся задача для насъ состоитъ въ томъ, что, признавая восточный вопросъ вопросомъ международной важности, мы должны согласовать свою восточную политику съ общеевропейскими интересами, разумѣется, безъ всякаго ущерба для собственныхъ народныхъ нуждъ. Такая обязанность для насъ неизбежна, если только мы желаемъ правильнымъ путемъ идти къ осуществленію своихъ историческихъ задачъ на Востокѣ, и напрасно Данилевскій старается доказать, что «пока заботы о сохраненіи политическаго равновѣсія будутъ имѣть вліяніе на рѣшенія Россіи, нечего и думать

*) Тамъ-же, стр. 81.

*) Тамъ-же, стр. 45—46.

объ удовлетворительномъ рѣшеніи восточнаго вопроса, которое—и въ дѣйствительности, и въ общемъ сознаніи Европы—непремѣнно должно нарушить, если не законныя ея права и интересы, то по крайней мѣрѣ то понятіе, которое она составила о своихъ правахъ и выгодахъ *)). По поводу того, что удовлетворительное рѣшеніе восточнаго вопроса *непремѣнно* должно нарушить интересы западныхъ державъ, необходимо замѣтить, то правильность этого положенія всецѣло зависитъ отъ того, что мы будемъ понимать подъ исторической задачей Россіи на Востокѣ. Если исходить изъ теоріи Данилевскаго, то несомнѣнно придется признать, что его заключеніе основательно. Но мы уже видѣли, насколько ошибочна эта теорія и поэтому не можемъ согласиться съ основаннымъ на ней заключеніемъ, что рѣшеніе восточнаго вопроса непремѣнно должно сопровождаться нарушеніемъ интересовъ западной Европы. Что же касается до того, что будто-бы «въ общемъ сознаніи Европы» удовлетворительное рѣшеніе восточнаго вопроса непремѣнно должно нарушить «если не законныя ея права и интересы, то по крайней мѣрѣ то понятіе, которое она составила о своихъ правахъ и выгодахъ», то намъ кажется, что такое убѣжденіе сложилось благодаря нашей-же ошибочной политикѣ, и поэтому искорененіе его всецѣло будетъ зависѣть отъ Россіи, которая для этого должна своимъ дальнѣйшимъ образомъ дѣйствій доказать, что при рѣшеніи восточнаго вопроса не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія посягать на законныя интересы и права западныхъ державъ. Въ противномъ случаѣ это убѣжденіе можетъ только усилиться, разумѣется, въ прямой ущербъ успѣшности выполненія нашихъ историческихъ задачъ на Востокѣ.

Въ цѣляхъ согласованія своей восточной политики съ европейскими интересами намъ слѣдуетъ разъ навсегда отрѣшиться отъ тѣхъ ложныхъ взглядовъ, въ силу которыхъ въ былыя времена предполагалось, что счеты Россіи съ Турціей и государствами, народившимися на ея обломкахъ, затрогиваютъ національные интересы и достоинство исключительно только одного русскаго народа и что поэтому онъ можетъ самостоятельно устраивать собственныя дѣла на Востокѣ, ни въ чемъ не отдавая никакого отчета прочимъ великимъ державамъ Европы. Мы пять разъ утверждали своею под-

*) Россія и Европа, стр. 352.

писью, что восточный вопрос представляет собою общеевропейский интерес, не говоря уже о томъ, что объ этомъ намъ всегда твердили и наши враги, и наши союзники, и что эту точку зрѣнія отстаиваетъ современное международное право, и съ нашей стороны было бы теперь по меньшей мѣрѣ странно стремиться къ рѣшенію давняго вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ, не обращая никакого вниманія на права и интересы западной Европы. Въ отношеніи къ Востоку Россія должна признать себя несвободной и поэтому обязана заботиться о переустройствѣ существующаго тамъ порядка вещей не иначе, какъ совмѣстно, по соглашенію съ прочими великими европейскими державами, тѣмъ болѣе, что только строгая послѣдовательность въ соблюденіи принципа коллективнаго покровительства христіанскимъ народностямъ Турціи можетъ заставить Европу отказаться отъ своего предубѣжденія противъ чистоты намѣреній Россіи, составившагося благодаря той полпикѣ, которой держалась она до Крымской войны, и могущаго имѣть своимъ слѣдствіемъ лишь неизмѣнное грустное status quo въ положеніи восточныхъ христіанъ вмѣстѣ съ постоянной для насъ опасностью новой европейской коалиціи.

Какъ ни очевидна эта истина, она нерѣдко подвергается оспариванію. Въ нашей печати часто раздаются голоса, убѣдительно доказывающіе, что для успѣшнаго рѣшенія восточнаго вопроса мы должны освободить себя отъ путъ, такъ называемаго, «европейскаго концерта». Ревностнымъ сторонникомъ этого крайняго воззрѣнія, въ большинствѣ случаевъ составляющаго исключительную принадлежность нашихъ націоналистовъ, выступаетъ г. Татищевъ, задавшійся цѣлью освѣтить русской дипломатіи тотъ путь, которымъ она должна слѣдовать въ дѣлѣ осуществленія историческаго призванія Россіи на Востокѣ. Основываясь на современномъ правовомъ положеніи восточнаго вопроса, оправдывающемъ вмѣшательство великихъ европейскихъ державъ въ дѣла Балканскаго полуострова и въ наши несогласія съ Портою, почтенный публицистъ полагаетъ, что русская дипломатія напрасно «по сію пору считаетъ Россію связанною обязательствами», возложенными на нее постановленіями Парижскаго конгресса 1856 года и подтвержденными Берлинскимъ трактатомъ 1878 года. Европейское соглашеніе по дѣламъ Востока прежде всего несогласно, — по его мнѣнію, — съ пользами Россіи. „Согласно

или несогласно—говорить онъ—съ пользами Россіи, не говоря уже о ея достоинствахъ, признаваемое ею за «европейскимъ концертомъ» право вмѣшательства въ ея отношенія къ восточнымъ сосѣдямъ—отвѣчать на этотъ вопросъ можно только отрицательно. Любая держава въ Европѣ властна опредѣлять по своему усмотрѣнію отношенія свои къ сосѣднимъ государствамъ. Одна Россія лишена этого права. Или, что еще страннѣе: она можетъ объявить имъ войну, побѣдить ихъ, предписать имъ условія мира, но условія эти входятъ въ законную силу лишь съ утвержденія пяти державъ, не принимавшихъ въ войнѣ никакого участія. Наконецъ, безъ согласія тѣхъ же пяти державъ, она не въ правѣ вступать съ сосѣдями даже въ дружественныя соглашенія политическаго свойства, заключать съ ними, напримѣръ, союзы. Такое ограниченіе державныхъ правъ Россіи было бы оскорбительно для нея, если-бы не было просто нелѣпо. Навязанное силой, оно падаетъ само собою, какъ только сила его болѣе не поддерживаетъ *).

Находя несогласнымъ съ пользами и достоинствомъ Россіи право вмѣшательства Европы въ наши отношенія къ Турціи и другимъ балканскимъ государствамъ, г. Татищевъ полагаетъ, что это «столь вредное для насъ условіе» уже утратило «свою обязательную силу». «Рѣчь—говорить онъ—идетъ о правѣ совокупнаго вмѣшательства. Кому предоставлено оно договорами? «Европейскому концерту, иначе сказать всей Европѣ, въ качествѣ какъ-бы юридическаго лица. Но такой сплоченной во едино Европы давно уже не существуетъ. Ея нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ три великія державы образовали союзъ, къ которому приступила четвертая, и который сталъ во враждебныя отношенія къ двумъ, также великимъ державамъ, не вошедшимъ въ его составъ. Вотъ этотъ самый союзъ и разрушилъ, «европейскій концертъ», съ коимъ онъ просто не совмѣстимъ, разрушилъ по крайней мѣрѣ въ видѣ верховнаго судилища, призваннаго вѣдать и рѣшать дѣла, касающіяся Востока, Какой справедливости можно ожидать отъ «ареопага», въ которомъ четыре судьи въ стачкѣ противъ остальныхъ двухъ, изъ нихъ же одинъ является притомъ и стороною въ дѣлѣ? Пусть остаются неотъемлемыми и даже неоспоримыми права, предоставленныя «европейскому концерту»

*) Дипломатическія бесѣды за 1889 г., стр. 176.

международными договорами. «Концерта» этого пѣтъ, не можетъ быть, и некому, слѣдовательно, пользоваться принадлежащими ему правами. Но пойдѣмъ дальше. На чемъ основаны эти права? На Берлинскомъ трактатѣ? Не подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя постановленія каждаго договора обязательны для сторонъ лишь до тѣхъ поръ, пока соблюдаются всѣми, въ своей совокупности. Такъ-ли относятся къ Берлинскому трактату державы, подписавшія его? Ни для кого не тайна, что большинство державъ не одинъ разъ нарушали, и не одну статью этого основнаго закона современнаго международнаго устройства Востока». Захваты великихъ державъ на счетъ Оттоманской Порты, цѣлостъ которой гарантировалась конгрессомъ, и «похищеніе власти въ Болгаріи принцемъ Фердинандомъ Кобургскимъ» служатъ тому яснымъ доказательствомъ. *) На основаніи этихъ соображеній г. Татищевъ приходитъ къ заключенію, что Россіи слѣдуетъ возвратитъ себѣ полную свободу дѣйствій по отношенію къ Востоку. «Всѣ вышеизложенные факты и соображенія, — говоритъ онъ—даютъ Россіи несомнѣнное право торжественно объявить, что она не считаетъ себя болѣе связанною направленными противъ нея статьями Берлинскаго трактата и, въ частности, обязательствомъ признавать и впредь притязаніе Европы на вмѣшательство въ ея отношенія къ Портѣ и къ прочимъ балканскимъ государствамъ. Только такого рода заявленіе возвратитъ ей полную свободу дѣйствій на Востокѣ подобно тому, какъ, по манію Самодержца, выходъ ея изъ состава трехдержавнаго союза возвратилъ ей.. таковую же на Западѣ» **).

Такова аргументація г. Татищева противъ права европейскаго вмѣшательства въ наши отношенія къ Турціи и балканскимъ государствамъ, образовавшимся на ея обломкахъ, и таковы соображенія, говорящія, по его мнѣнію, за возможность для Россіи освободиться отъ обязательствъ, принятыхъ ею послѣ Крымской войны. Мы вполнѣ раздѣляемъ тѣ патріотическія чувства, которыя побудили почтеннаго публициста высказаться за свободу дѣйствій Россіи на Востокѣ, но тѣмъ не менѣе должны сознаться, что приведенныя выше разсужденія его не выдерживаютъ и легкой кри-

*) Назв. соч., стр. 177.

**) Назв. соч., стр. 178.

твѣ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Татищевъ говоритъ, что права «европейскаго концерта» въ отношеніи Востока не совмѣстимы съ пользами и достоинствомъ Россіи, поставленной-де въ данномъ случаѣ въ какое-то странное положеніе сравнительно съ остальными великими державами Европы. Странность этого положенія заключается въ томъ, что «любая держава въ Европѣ властна опредѣлять по своему усмотрѣнію отношенія свои къ сосѣднимъ государствамъ» и только «одна Россія лишена этого права». Но это утвержденіе не совсѣмъ вѣрно, ибо какъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ и въ отношеніи къ Турціи и прочимъ государствамъ Балканскаго полуострова ни одна держава не пользуется полною свободою дѣйствій. Такая свобода дѣйствій существуетъ только до тѣхъ поръ, пока отношенія между конкретными государствами не нарушаютъ интересовъ международнаго общенія. Въ противномъ случаѣ заинтересованныя державы имѣютъ право вмѣшаться въ отношенія этихъ государствъ и тѣмъ уничтожить ту самостоятельность, которая принадлежитъ каждому члену международнаго союза въ области внѣшнихъ сношеній. Специально въ отношеніи Турціи это общее положеніе современнаго международнаго права выражено въ Парижскомъ и въ послѣдующихъ, подтвердившихъ его силу, трактатахъ, которыми Оттоманская Порта признаваема необходимымъ звеномъ политическаго равновѣсія Европы, а всякое измѣненіе существующаго порядка вещей на Востокѣ — общеевропейскимъ интересомъ. Отсюда слѣдуетъ, что наравнѣ съ Россіей западныя державы не властны опредѣлять по своему усмотрѣнію отношенія свои къ Турціи и что подобно намъ ни одна изъ нихъ не можетъ воевать на Балканскомъ полуостровѣ и создавать тамъ новое положеніе дѣлъ безъ вѣдома остальныхъ членовъ «европейскаго концерта». Съ другой стороны приведенныя положенія современнаго международнаго права не дѣютъ ни какого основанія утверждать, что безъ согласія великихъ державъ Россія не въ правѣ вступать съ своими сосѣдами въ дружественныя соглашенія политическаго свойства. Это право, по скольку оно согласуется съ общеевропейскими интересами, въ равной мѣрѣ предоставлено всѣмъ великимъ державамъ, которыя въ одинаковой степени несутъ и вышеуказанныя обязанности, проистекающія изъ постановленій Парижскаго трактата 1856 года. Въ виду всего этого необходимо признать, что г. Татищевъ не правъ, говоря, что «европейскій кон-

церь» своими полномочіями посягаетъ на державныя права Россіи и тѣмъ глубоко оскорбляетъ нашу народную честь и народное достоинство.

Еще менѣе правъ почтенный публицистъ утверждая, что Россіи въ настоящее время нѣтъ никакого основанія держаться начала коллективнаго вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова. Проникнутая созваніемъ своего долга помочь восточнымъ христіанамъ, Россія, по нашему мнѣнію, напротивъ того, должна строго соблюдать это начало. Общее участіе Европы въ дѣлахъ Востока необходимо какъ въ виду того, что они представляютъ общеевропейскій, международный интересъ, такъ и потому, что судьба Турціи и восточныхъ христіанскихъ народностей гораздо лучше будетъ рѣшена и обезпечена дружельюбной, мирной и совмѣстной работой Россіи и западныхъ державъ, чѣмъ нашими единоличными усиліями, которыя весьма легко могутъ приобрѣсти характеръ односторонности и пристрастія. Къ тому-же, попытка Россіи развязать себѣ руки на Востокѣ не можетъ имѣть никакого юридическаго основанія. Не признавать права Европы на вмѣшательство въ наши отношенія къ Турціи и прочимъ балканскимъ государствамъ—значило-бы отрицать основные принципы международнаго права, получившіе силу общеобязательныхъ международныхъ законовъ. Г. Татищевъ утверждаетъ, что это «столь вредное для насъ условіе» уже утратило свою обязательную силу», ибо вѣтъ де Европы въ смыслѣ юридическаго лица, которой принадлежало бы право вмѣшательства въ наши отношенія къ Востоку, какъ нѣтъ и легальной почвы, на которой это право могло бы основываться. Но, очевидно, доводы эти ошибочны. Отрицать существованіе Европы въ смыслѣ юридическаго лица невозможно, ибо тогда пришлось бы утверждать, что не существуетъ и международнаго права, имѣющаго своимъ предметомъ опредѣленіе положенія и дѣятельности государствъ, какъ членовъ одного цѣлаго въ юридическомъ отношеніи, такого цѣлаго, которое называется международнымъ союзомъ, обществомъ народовъ. Между тѣмъ международное право въ наши дни не только существуетъ, но и быстро развивается какъ въ территоріальномъ и матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи, въ смыслѣ улучшенія органовъ и способовъ его защиты. Какъ не вѣрно первое положеніе нашего почтеннаго публициста противъ права европейскаго вмѣшательства

въ дѣла Востока, такъ ошибочно и его заключеніе о томъ, что будто-бы и самое право это давнымъ давно поколеблено западной Европой, не разъ уже успѣвшей нарушить Берлинскій трактатъ,— это какъ бы единственное правовое основаніе совокупнаго вмѣшательства европейскихъ державъ въ наши отношенія къ Турціи и балканскимъ народностямъ. Заключеніе это основано на томъ положеніи, что каждая держава въ правѣ отказаться отъ исполненія извѣстнаго договора, въ случаѣ нарушенія его одною изъ договарившихся сторонъ. Но дѣло въ томъ, что это положеніе не примѣнимо къ международнымъ договорамъ, заключеннымъ нѣсколькими державами, такъ какъ въ виду первостепенной важности такихъ договоровъ отказъ отъ нихъ допускается не иначе, какъ по общему и добровольному соглашенію всѣхъ договаривавшихся сторонъ *). Слѣдовательно нарушеніе нѣкоторыхъ статей Берлинскаго трактата не можетъ считаться основаніемъ къ признанію необязательности его для Россіи до тѣхъ поръ, пока на то не послѣдуетъ согласія всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи этого международнаго договора. Впрочемъ, если даже допустить необязательность для насъ Берлинскаго трактата вслѣдствіе неоднократнаго нарушенія его то той, то другой изъ великихъ державъ, то и тогда нельзя согласиться съ г. Татищевымъ, что Европа не имѣетъ права на вмѣшательство въ наши отношенія къ Турціи и балканскимъ народностямъ, такъ какъ это право основано не столько на Берлинскомъ, сколько на Парижскомъ трактатѣ 1856 года, соотвѣтствующія постановленія котораго утратить свою силу лишь послѣ исчезновенія потребностей, создавшихъ названныя права «европейскаго ареопага» въ восточнымъ вопросѣ. Но потребности эти далеко еще не исчезли и поэтому Россія не имѣетъ права заявлять, «что она не считаетъ себя болѣе связанною обязательствомъ признавать и впредь притязаніе Европы на вмѣшательство въ ея отношенія къ Портѣ и къ

*) Это начало было выражено и скрѣплено подписью главнѣйшихъ европейскихъ державъ на Лондонской конференціи 1871 г. въ приложеніи къ протоколу засѣданія 5 (17) января. Здѣсь сказано: „Уполномоченные сѣверной Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Италіи, Россіи и Турціи, собранные сегодня на конференціи, признають за существенное начало международного права, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательствъ трактата, [ни измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договаривавшихся сторонъ, достигнутого посредствомъ дружественнаго соглашенія“ (Мартенсъ. Совр. межд. право, т. I, стр. 410).

прочимъ балканскимъ государствамъ». Подобное заявленіе не возвратитъ ей свободы дѣйствій на Востокѣ, «подобно тому, какъ по манію Самодержца, выходъ ея изъ состава трехдержавнаго союза возвратилъ ей такую же на Западѣ», такъ какъ если выходъ изъ состава тройственнаго союза зависѣлъ всецѣло отъ усмотрѣнія самой Россіи, имѣвшей право, въ качествѣ независимой державы, какъ заключать тройственный союзъ, такъ и не возобновлять его по истеченіи срока, то уничтоженіе европейскаго соглашенія по дѣламъ Востока принадлежать волѣ всѣхъ великихъ державъ Европы, и потому тутъ мы едва-ли что можемъ сдѣлать лишь «по манію» одного своего Самодержца. Въ данномъ случаѣ всегда необходимо помнить, что «каждое государство можетъ требовать себѣ свободы и независимости лишь настолько, насколько это не противорѣчитъ общечеловѣческому міровому порядку, самостоятельности другихъ государствъ и общенію между ними», и что «никакое государство не можетъ отрицать началъ международнаго права, ссылаясь на свой суверенитетъ, потому что международное право основано не на произволѣ государствъ, а на единствѣ человѣчества» *).

Итакъ, мы не должны высказывать поползновеній къ нанесенію ущерба интересамъ западныхъ державъ по отношенію къ Востоку. Напротивъ того, намъ слѣдуетъ относиться къ ихъ интересамъ съ такимъ же безпристрастіемъ, какъ и къ своимъ собственнымъ, для чего необходимо строго сообразовывать свой образъ дѣйствій въ восточномъ вопросѣ съ требованіями современнаго международнаго права, которое, уважая національные интересы отдѣльныхъ государствъ, въ видахъ мирнаго и правомѣрнаго существованія народовъ, содѣйствуетъ согласованію этихъ интересовъ, а при ихъ коллизіи—указываетъ наиболѣе справедливыя и желательныя для общаго блага способы ихъ примиренія **). А такъ какъ однимъ изъ основныхъ началъ современнаго международнаго права цивилизованныхъ народовъ въ отношеніи къ Турціи и ея христіанскимъ подданнымъ признается коллективный протекторатъ надъ ними всѣхъ великихъ европейскихъ державъ, то Россіи надлежитъ навсегда отказаться отъ всякихъ единоличныхъ вмѣшательствъ въ дѣла Востока и держаться въ отно-

*) Блюччи. Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса § 66.

***) Гр. Камаровскій. Основныя вопросы науки международнаго права, стр. 48.

шеніи ихъ системы совмѣстныхъ дѣйствій съ западной Европой. Но при этомъ она, конечно, не должна доводить себя до полнаго плѣненія и подчиненія чужой волѣ и чужему уму, какъ то было, на примѣръ, въ эпоху господства Священнаго Союза. Она должна дѣйствовать самостоятельно, по собственному уразумѣнію и сообразно правильно понятымъ интересамъ, помня, что каждое государство обязано прежде всего блюсти собственныя нужды и пользы и не имѣетъ правъ жертвовать ими ради чуждыхъ ему цѣлей. Мало того, поучаясь примѣрами прошлаго, она должна входить въ соглашенія съ великими державами по восточному вопросу, по возможности осмотрительно и осторожно, такъ какъ въ прежнее время такія соглашенія благодаря нашей оплошности и ловкости европейской дипломатіи нерѣдко приводили къ явному ущербу для насъ и восточныхъ христіанъ, и къ тому же будутъ приводить и въ будущемъ, если мы станемъ попрежнему простодушно и близоруко относиться къ дѣлу.

Одновременно съ усвоеніемъ себѣ правильнаго образа дѣйствій въ отношеніи Турціи и заинтересованныхъ въ положеніи Востока западныхъ державъ, Россія, въ видахъ скорѣйшаго осуществленія своихъ историческихъ задачъ, должна поставить на болѣе рациональную почву и свои отношенія къ восточнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, которые призваны постепенно заступитъ мѣсто османовъ въ юго-восточномъ углу Европы. Въ прежнее время нашъ образъ дѣйствій въ отношеніи христіанскихъ народностей Турціи, соотвѣтственно всей восточной политикѣ Россіи, не отличался послѣдовательностью. Мы то старались ихъ облагодѣтельствовать, принося ради ихъ освобожденія громадныя жертвы русскою кровью и русскими деньгами, то совершенно пренебрегали ихъ законными желаніями и интересами и даже подавляли всякія ихъ попытки къ достиженію независимости ради торжества началъ легитимизма и спокойствія Европы. Въ результатъ такого перемѣнчиваго и рѣзко противоположнаго образа дѣйствій Россіи въ отношеніи къ восточнымъ христіанамъ получалось то, что ихъ симпатіи къ намъ по временамъ значительно ослаблялись, а самое дѣло освобожденія ихъ отъ турецкаго ига осложнялось и затягивалось. Но само собою разумѣется, что подобная система отношеній Россіи къ своимъ единовѣрцамъ далеко не соотвѣтствуетъ ея истиннымъ интересамъ, такъ какъ она, съ одной стороны, можетъ лишить насъ естествен-

ныхъ друзей и союзниковъ, необходимыхъ намъ для избѣжанія изолированнаго положенія въ европейскихкихъ отношеніяхъ; а съ другою—создаетъ лишнія препятствія для успѣшнаго рѣшенія восточнаго вопроса, которое возможно не иначе, какъ при непосредственномъ и прямомъ участіи восточныхъ христіанъ. Въ виду этого Россіи необходимо въ свои отношенія къ православнымъ народностямъ Востока внести нѣкоторыя существенныя поправки сообразно своему историческому призванію и тѣмъ практическимъ указаніямъ, которыя даютъ ей примѣры прежнихъ неудачъ въ сношеніяхъ съ единовѣрцами и единоплеменниками.

Главныя основныя начала, которыхъ Россія должна держаться въ своей дальнѣйшей политикѣ специально по отношенію къ восточнымъ христіанамъ, въ видахъ установленія прочныхъ дружественныхъ отношеній съ ними и скорѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса, заключаются въ слѣдующемъ.

Покореніе балканскихъ народностей турками внесло въ историческую задачу русскаго народа обязанность освободить эти отчасти родственныя, отчасти единовѣрныя ему народности отъ мусульманскаго ига. Со времени князей московскихъ мы по силѣ возможности и сколько умѣли, осуществляли свое историческое призваніе по отношенію къ христіанамъ Востока и, конечно, впредь должны содѣйствовать имъ въ достиженіи и упроченіи политической самостоятельности. Что бы успѣшно слѣдовать по этому пути, условленному сколько географическимъ положеніемъ страны, столько же вѣроисповѣданіемъ и племеннымъ происхожденіемъ русскаго народа, Россія должна уважать принципъ національности, которому суждено играть еще громадную роль на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ процессъ развитія національнаго самосознанія и образованія новыхъ государствъ далеко еще не окончился благодаря гнусному соперничеству какъ великихъ европейскихкихъ державъ между собою на Востокѣ, такъ и самыхъ мелкихъ славянскихъ народностей. Ради этого принципа національности Россія прежде всего должна будетъ признать полное сліяніе Болгаріи съ Восточной Румеліей и не защищать ненарушимости Берлинскаго трактата, который, какъ и всякая юридическая норма, имѣлъ силу только до тѣхъ поръ, пока хотя сколько нибудь соотвѣтствовалъ требованіямъ жизни. Разъ же жизнь подвинулась впередъ, должна быть передѣлана въ духѣ времени и норма, регулирующая жив-

ненныя отношенія, каковою въ данномъ случаѣ является актъ Берлинскаго конгресса. Оказывая содѣйствіе объединенію Болгаріи, Россія въ то же время должна будетъ направить всѣ свои усилія къ тому, что бы Балканскія народности мирно и для всѣхъ безобидно размежевались въ своихъ земляхъ. Главное затрудненіе въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, какъ раздѣлиться сербамъ, болгарамъ и грекамъ на югѣ отъ Дуная. Но затрудненіе это легко устранимо путемъ предоставленія сербамъ—Босніи и Герцеговины, болгарамъ—Македоніи *), а грекамъ—острововъ Архипелага, Кандіи и Кипра, и равно странъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ теперешней ихъ границы до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ расселился этотъ народъ **).

*) Вопросъ о правахъ болгаръ на Македонію является однимъ изъ наиболее спорныхъ пунктовъ размежеванія земель Балканскаго полуострова между населяющими его христіанскими народностями, такъ какъ кромѣ болгаръ на эту часть турецкой территоріи имѣютъ виды сербы и греки, справедливость притязаній которыхъ даже у насъ, въ Россіи, доказывается цѣлымъ арсеналомъ историческихъ, этнографическихъ, географическихъ и иныхъ аргументовъ. Для точнаго и безпристрастнаго рѣшенія такъ называемаго „македонскаго вопроса“, конечно, было бы весьма интересно всѣ эти аргументы подвергнуть строгой оцѣнкѣ. Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться здѣсь на критикѣ тѣхъ доводовъ, которые обыкновенно приводятся въ защиту правъ на Македонію каждаго изъ указанныхъ трехъ претендентовъ, и поэтому позволимъ себѣ ограничиться замѣчаніемъ, что македонскій вопросъ представляетъ собою чисто практическій вопросъ, который разрѣшится постепенною созидательною работою самой жизни и разрѣшится безусловно въ пользу болгаръ, за что говорятъ всѣ безпристрастныя наблюденія и изслѣдованія, свидѣтельствующія, что со времени освобожденія Болгаріи отъ турецкаго ига греческое и сербское вліяніе быстро пало въ Македоніи, куда, несмотря на противодѣйствіе греческаго и турецкаго правительства, ворвалась неодолимой струей болгарская стихія, въ видѣ болгарскаго языка, болгарскихъ церквей, болгарскихъ школъ, учителей и т. д. Само собою разумѣется, что при такихъ громадныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ за послѣдніе годы болгарскою пропагандою въ Македоніи, не можетъ быть и рѣчи о передачѣ этой области грекамъ, а тѣмъ болѣе сербамъ. Разъ вліяніе того и другого народа теперь почти совершенно вытѣснено отсюда вліяніемъ болгаръ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ бы ни была велика научная цѣнность этнографическихъ и другихъ аргументовъ, которыми оправдываются притязанія грековъ и сербовъ,—притязанія ихъ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія въ жизни, выработавшей въ македонцахъ желаніе слиться съ болгарскою національностью, а для болгаръ законное основаніе для присоединенія Македоніи, которое послѣ объединенія Болгаріи съ Восточной Румеліей является вполне естественнымъ и ближайшимъ шагомъ на пути государственнаго объединенія болгарской народности.

**) Гр. Камаровскій. О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ, стр. 12; и также: Вопросъ о современныхъ вооруженіяхъ. Рус. Мысль за 1890 годъ № 12, стр. 43.

Покровительствуя національнымъ стремленіямъ балканскихъ народностей, Россія въ тоже время не должна противодѣйствовать развитію ихъ самостоятельной политической жизни своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ внутреннія дѣла. Не говоря уже о томъ, что такого рода вмѣшательства *незаконны*, ибо противорѣчатъ независимости государствъ *), и совершенно безцѣльны вслѣдствіе того, что не способны лишить народовъ свободы въ выборѣ той или другой формы государственнаго устройства и только могутъ на время стѣснить эту свободу и задержать процессъ естественнаго развитія ихъ жизни **),—они унижаютъ правительство, въ пользу котораго пред-

*) „Международное право—говоритъ Блунчли—не дозволяетъ вообще чужимъ государствамъ вмѣшиваться во внутреннія конституціонныя распри независимаго государства и противодѣйствовать государственнымъ переворотамъ. Охрана конституціи и внутренняго юридическаго порядка составляетъ предметъ внутренней политики каждаго государства въ отдѣльности, а не задачу международного права. Паденіе извѣстнаго правительства, сверженіе съ престола государя, возведеніе на престолъ узурпатора, посягательства на конституціонныя права народа—все это составляетъ нарушенія существующаго государственнаго права въ извѣстной странѣ, а не права международного, которое опредѣляетъ отношенія одного государства къ другому. Поэтому вмѣшательство чужихъ государствъ въ подобнаго рода конституціонныя распри и перевороты составляетъ ничѣмъ неоправданное нарушеніе самостоятельности государства, опасное для всеобщаго мира и порицаемое международнымъ правомъ. Такое вмѣшательство въ чужую юридическую сферу не можетъ быть оправдано ни родствомъ династій или общностью интересовъ и симпатій, ни политической антипатіею къ партіи, которая, благодаря перевороту, достигла господства. Солидарность интересовъ должна проявляться только въ предѣлахъ международного права и не касаться, а тѣмъ болѣе не нарушать международной самостоятельности государствъ“. (Современное международное право цивилизованныхъ государствъ. § 474).

**) Исторія свидѣтельствуетъ, что если „народъ, принужденный на время покориться превосходству чужой физической силы, былъ жизнеспособенъ и крѣпокъ, то съ ослабленіемъ вышшаго давленія онъ сбрасывалъ съ себя и это чужеземное иго. Республики временъ Директоріи, созданныя по французскому образцу, утратили свое искусственное существованіе съ паденіемъ самой французской Директоріи, подобно тому, какъ и наполеоновскія вассальныя государства освободились отъ своей зависимости съ торжествомъ европейской коалиціи надъ императоромъ Наполеономъ. Абсолютныя монархіи Испаніи и Италіи были ограничены новыми конституціями, какъ только абсолютныя восточныя державы утратили возможность помогать имъ. Даже реставрація европейскими державами Бурбоновъ во Франціи и рѣшенное въ формѣ международнаго постановленія устраненіе Наполеонидовъ отъ французскаго престола получили лишь кратковременное осуществленіе. Эти вмѣшательства могли только на время задержать свободу народовъ въ выборѣ для себя той или другой формы государственнаго устройства, но не лишить ихъ этой свободы навсегда. Естественное развитіе до нѣкоторой степени задерживалось, но съ ослабленіемъ

принимаются, и раздражаютъ и оскорбляютъ народъ, противъ котораго направляются. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ исторія начала XIX столѣтія *). То же самое подтверждается и исторіей нашихъ сношеній съ восточными единоувѣрцами, съ которыми мы обращались нерѣдко, какъ съ своими вассалами. Мы навязывали имъ свои политическіе принципы и формы и брали подъ свою опеку всю ихъ внутреннюю жизнь, но этой политикой лишь парализовали естественный ходъ ихъ государственной жизни и порождали неприязнь къ Россіи. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ печальныхъ примѣровъ прошлаго и въ уваженіе къ требованіямъ современнаго международнаго права, недопускающаго опеки сильнаго государства надъ государствами слабыми и порицающаго произвольное распоряженіе перваго интересами послѣднихъ, Россія не должна вмѣшиваться во внутреннюю жизнь балканскихъ народностей. Поддерживая ихъ въ юности и предохраняя отъ ошибочныхъ увлеченій, она обязана предоставить имъ во внутреннихъ дѣлахъ полную свободу дѣйствій, ограничиваясь съ своей стороны лишь одними совѣтами и ни въ какомъ случаѣ не допуская даже самыхъ благоразумныхъ требованій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія должна всегда защищать и ревностно оберегать на Балканскомъ полуостровѣ принципъ свободы народнаго самоуправленія, которому такъ же, какъ и принципу національности, предстоитъ здѣсь великая будущность. Въ этихъ видахъ, при выдѣленіи новыхъ политическихъ тѣлъ изъ разлагающагося организма Турціи, она ни подъ какимъ предлогомъ не должна допускать въ нихъ усиленія верховной власти на счетъ народа. Напротивъ того, она обязана по мѣрѣ силъ и возможности заботиться о томъ, чтобы первый голосъ во внутреннемъ управленіи вновь образующихся государствъ принадлежалъ непосредственно самому народу.

Если мы не будемъ нарушать указанныхъ принциповъ—этихъ вполне законныхъ стремленій каждаго народа,—а напротивъ, будемъ имъ покровительствовать, то всегда можемъ быть спокойны за то, что не потеряемъ симпатій освобожденныхъ нами христіанъ, даже

искусственнаго гнета оно всюду опять вступало въ свои права, и такъ должно было быть, потому что естественное развитіе есть великій законъ, какъ человѣческой, такъ и государственной жизни". (Блунчли, наз. соч. § 474).

*) Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ т. I, стр. 300.

если бы они подпали подъ власть лица, враждебно настроеннаго противъ Россіи. Идя указанной дорогой, мы всегда можемъ вполне увѣренно рассчитывать на расположеніе къ намъ нашихъ единовѣрцевъ и на ихъ содѣйствіе въ дѣлѣ скорѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса.

Нечего, конечно, говорить, что сочувствіе нашимъ культурно-политическимъ задачамъ на Востокѣ со стороны единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народностей Балканскаго полуострова и ихъ содѣйствіе намъ въ дѣлѣ осуществленія своего историческаго призванія приобрѣтутъ еще большее значеніе для Россіи, если это сочувствіе и содѣйствіе будутъ оказываться намъ по убѣжденію, вполне сознательно. Но для этого Россіи надлежитъ не только помогать балканскимъ народностямъ освободиться отъ турецкаго ига и устроить наилучшимъ образомъ свою новую независимую жизнь, но также и заботиться о томъ, чтобы народности эти воспитывались въ духѣ нашихъ національныхъ стремленій и политическихъ задачъ. Въ этихъ видахъ она должна стараться насадить въ земляхъ православнаго Востока русскую науку и русское просвѣщеніе, а не предоставлять, какъ это было прежде, западной Европѣ воспитывать возрождающіяся національности въ духѣ своихъ стремленій; она должна широко открыть двери своихъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній для восточныхъ христіанъ и путемъ русской науки вселить и укрѣпить въ ихъ массахъ солидарность во взглядахъ съ Россіей. Такого образа дѣйствій съ нашей стороны требуетъ не только политическій расчетъ—укрѣпить русское вліяніе на Востокѣ, но и историческое призваніе Россіи освободить поработенныхъ турецкихъ христіанъ и оградить ихъ національную и духовную самобытность, которой постоянно служатъ серьезной угрозой честолюбивые замыслы западнаго католицизма. Между тѣмъ Россія, образуя новыя государства на развалинахъ Турціи, всегда заботилась главнымъ образомъ объ устройствѣ ихъ армій и ровно ничего не дѣлала для устройства школъ, для интересовъ просвѣщенія и насажденія тамъ русской науки.

Всего этого, однако, мало для того, чтобы утвердить прочную солидарность съ нами возрождающагося славянства. Чтобы отвлечь своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ западной школы, которой поддерживается недоброжелательство и подозрительность

къ намъ среди балканскихъ народностей, мы должны, кромѣ того, вступить въ конкуренцію, соревнованіе съ западной школой. «Мы должны желать для нашей собственной школы (въ обширномъ смыслѣ) той же научной силы, слѣдовательно и той свободы изслѣдованія, свободы печати и т. п., что въ настоящее время составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій превосходства западной школы, т. е. науки и литературы, передъ нашими. Безъ этого славяне останутся всегда открыты вліяніямъ западной школы,—они будутъ не только искать тамъ просвѣщенія, науки, которая тамъ безспорно шире, чѣмъ у насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ жизнь станетъ складываться въ инныя формы, подчиняться западнымъ вліяніямъ, а затѣмъ неизбежно будетъ еще болѣе усвоивать то отдаленіе отъ Россіи, на которое у насъ жалуются... Безъ соревнованія съ Европою въ наукѣ, въ экономической дѣятельности, въ литературѣ и вообще въ гражданскомъ, общественно-политическомъ развитіи, невозможно и утверженіе прочной солидарности съ возрождающимся славянствомъ. Могутъ сказать, что это соревнованіе очень трудно; но надо признать, что у насъ мало его и пробовали, а главное, надо замѣтить, что при нѣскольکو значительномъ расширеніи нашей общественности, науки и литературы, русская общественная сила имѣла бы громадное преимущество передъ всякими европейскими вліяніями именно въ національномъ родствѣ,—которое, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ общественныхъ, могло бы оказать чрезвычайно широкое дѣйствіе» *).

Таковы самыя существенныя требованія, съ которыми должна сообразоваться Россія въ своей политикѣ въ видахъ скорѣйшаго и наиболѣе благоприятнаго для насъ рѣшенія восточнаго вопроса. Но само собою разумѣется, что успѣшное рѣшеніе этого вопроса, какъ и всякаго дѣла, много зависитъ не только отъ цѣлесообразности общаго плана работы, но и отъ его исполнителей. Поэтому для скорѣйшаго осуществленія своихъ историческихъ задачъ на Востокѣ намъ слѣдуетъ заботиться не только объ усвоеніи наиболѣе правильныхъ началъ въ восточной политикѣ, но также и о томъ, чтобы политика эта велась людьми вполне опытными и достойными званія русскихъ дипломатическихъ агентовъ, т. е. людьми русскаго происхожденія и духа, людьми, понимающими великое назначеніе Россіи

*) Старая и Новая Волгарія. Вѣст. Евр. за 1877 г. № 5, стр. 291—292.

и способными внушить къ ней довѣріе, какъ западно-европейскихъ дворовъ, такъ и балканскихъ народностей. Въ этомъ отношеніи намъ слѣдуетъ взять въ примѣръ западную Европу, которая, въ цѣляхъ наилучшаго охраненія собственныхъ интересовъ на Востокѣ, замѣщаетъ здѣсь всѣ трудные дипломатическіе посты лицами, основательно знающими свое дѣло, изучившими его путемъ серьезной научной подготовки и долгой предварительной практической дѣятельности. Научная подготовка этимъ лицамъ дается нерѣдко въ правительственныхъ учрежденіяхъ, специально предназначенныхъ служить разсадникомъ будущихъ дипломатическихъ и консульскихъ дѣятелей на Востокѣ *); что же касается извѣстной практической подготовки, то она пріобрѣтается болѣе или менѣе долговременной службой въ западныхъ государствахъ, гдѣ дипломатическіе и консульскіе посты считаются сравнительно менѣе отвѣтственными и потому обыкновенно замѣщаются лицами, только еще начинающими свою дѣятельность по вѣдомству министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ нашей дипломатической организаціи нѣтъ ничего подобнаго. <Существующее въ С.-Петербургѣ Учебное Отдѣленіе Восточныхъ Языковъ призвано—говоритъ г. Татищевъ—удовлетворять узко ограниченной потребности: подготовленію въ наши посольства и консульства драгомановъ, владѣющихъ мѣстными языками. Личный составъ дипломатовъ и консуловъ на Востокѣ совершенно случайный. Служба въ восточныхъ странахъ, за исключеніемъ драгоманской, не

*) Въ Вѣнѣ, напримѣръ, существуетъ для этой цѣли Императорская Королевская Восточная Академія. „Въ этомъ не только учебномъ, но и воспитательномъ заведеніи—говоритъ г. Татищевъ—лица, готовящіеся служить проводниками австро-венгерскаго вліянія, основательно знакомятся со всѣмъ, что касается Востока, съ его нарѣчіями, исторіей, религіознымъ, политическимъ, гражданскимъ, торговнымъ, промышленнымъ и бытовымъ строемъ. Такая спеціальная подготовка даетъ имъ громадное преимущество передъ ихъ чужестранными товарищами въ будущей ихъ дѣятельности, преимущество свѣдущихъ надъ несвѣдущими, зрячихъ надъ слѣпыми. Общее воспитаніе развиваетъ въ нихъ также, такъ называемый, *esprit de corps*, взаимное доброжелательство, столь полезное для успѣха порученнаго имъ дѣла. Наконецъ, слѣдя за ними съ учебной скамьи, министерство иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи коего находится академія, имѣетъ возможность распределять между ея питомцами вакантныя должности сообразно ихъ успѣхамъ въ изученіи тѣхъ или другихъ предметовъ, способностямъ и нравственной благонадежности“ (Дипломатическія бесѣды за 1889 г., стр. 80—81). Эта Восточная Академія, конечно, много содѣйствовала прочному насажденію австрійскаго вліянія на Востокѣ и процвѣтанію тамъ австрійскихъ матеріальныхъ интересовъ.

считается специальною, и туда переводят чиновников откуда ни повало, обыкновенно по старшинству, иногда по протекціи, не предъявляя имъ притомъ особыхъ требованій. Образовательнаго цѣнза — никакого. Уровень познаній весьма не высокъ, по программѣ такъ называемыхъ дипломатическихъ экзаменовъ, въ которой поражаетъ отсутствіе упоминанія объ изученіи Востока, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Даже исторія русской политики или, какъ именуется ее циркуляръ министерства иностранныхъ дѣлъ объ экзаменахъ, «исторія договоровъ мирныхъ и иныхъ, преимущественно тѣхъ, въ коихъ принимала участіе Россія», требуется отъ кандидатовъ лишь начиная съ царствованія Императрицы Екатерины II, то-есть, всего за одно столѣтіе изъ нашей тысячелѣтней государственной жизни. Объ исторіи церковной, столь важной для опредѣленія отношеній Россіи къ ея восточнымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, разумѣется, нѣтъ и помину *). Между тѣмъ «историческія науки, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Майковъ — сколько нужны для простаго смертнаго, столько же и еще болѣе нужны для государственнаго человѣка. Гдѣ слабѣ дѣйствуетъ постороннее регулирующее начало, какъ это бываетъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, тамъ взаимнѣ контроля всего болѣе нужно руководство исторіи, разумѣется, при искреннемъ желаніи дѣйствовать въ пользу своего отечества. При всѣхъ блестящихъ дипломатическихъ качествахъ, при кровномъ происхожденіи отъ своей родной земли, при наилучшихъ намѣреніяхъ служить вѣрой и правдой — исторія, познаваемая работою собственной мысли въ связи съ изученіемъ духа народнаго и племеннаго, освѣщаетъ путь государственному дѣятелю, обнаруживая передъ нимъ смыслъ того, что было и что есть **).

Вслѣдствіе указанныхъ коренныхъ недостатковъ нашей дипломатической организаціи, представителями русскихъ интересовъ на Востокѣ нерѣдко бывали лица неопытныя и не получившія специальной подготовки, и даже совершенно чуждыя пониманія этихъ интересовъ благодаря своей національности и вѣроисповѣданію. Бывало даже такъ, что на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, собиравшихся для обсужденія восточнаго вопроса, уполномоченными отъ Россіи назначались люди, положительно некомпетентные въ

*) Дипломатическія бесѣды за 1889 годъ, стр. 81.

**) Раздѣлъ Турція Русск. Мысль за 1884 г. № 5, стр. 133.

этомъ вопросѣ, столь близко затрогивающемъ жизненные интересы, честь и достоинство русскаго народа. Не останавливаясь на примѣрахъ изъ исторіи отдаленнаго прошлаго, мы можемъ указать на одного изъ нашихъ представителей на Берлинскомъ конгрессѣ—на гр. П. А. Шувалова. Составивъ себѣ имя въ области высшаго полицейскаго управленія и быстрыми шагами дойдя отъ должности оберъ-полицеймейстера до первостепеннаго поста шефа жандармовъ, онъ вдругъ назначенъ былъ блюстителемъ русскыхъ интересовъ въ вопросахъ внѣшней политики, не имѣющихъ ровно ничего общаго съ задачами третьяго отдѣленія, а потомъ изъ Лондона былъ отправленъ въ Берлинъ рѣшать восточный вопросъ и конкурировать тамъ въ политикѣ съ такими тонко-образованными умами, какъ лордъ Биконсфилдъ или князь Бисмаркъ. Понятно, какъ-бы ни былъ талантливъ человекъ отъ природы, онъ не можетъ вдругъ сдѣлаться компетентнымъ въ незнакомыхъ ему вопросахъ и соперничать въ такомъ сложномъ и важномъ дѣлѣ, какъ политика, требующая не только особаго таланта, но и спеціальной подготовки, умѣнья и опыта, чѣмъ едва-ли могъ отличаться нашъ представитель на Берлинскомъ конгрессѣ, проводившій весь свой вѣкъ на поприщѣ полицейскаго управленія *). Поэтому, во избѣжаніе печальныхъ примѣровъ прошлаго, мы должны обратить серьезное вниманіе на дипломатическую организацію и посылать на Балканскій полуостровъ, равно какъ и на международныя совѣщанія по восточнымъ дѣламъ, спеціально подготовленныхъ для этой цѣли дипломатовъ, которые научнымъ и практическимъ путемъ основательно изучили дѣйствительные интересы и задачи Россіи на Востокѣ. Въ противномъ случаѣ мы всегда будемъ терпѣть различныя неудачи въ восточномъ вопросѣ и никогда не достигнемъ его рѣшенія согласно собственнымъ нуждамъ и нуждамъ восточныхъ христіанъ.

Таковы главные начала, которыми должна руководиться Россія при дальнѣйшемъ направленіи своей восточной политики, если только она не желаетъ, чтобы политика ея была слѣпымъ игрищемъ событий, и не хочетъ равнодушно относиться къ своимъ историческимъ задачамъ. Ко всему сказанному объ основныхъ началахъ предстоящей намъ дѣятельности на Востокѣ нельзя не прибавить

*) Гр. П. А. Шуваловъ и его внѣшняя политическая дѣятельность. Вѣст. Евр. за 1889 г. № 4. Иностран. Обзоръ.

еще одного соображенія, цѣлесообразность котораго выяснена была немного выше. Стремясь къ достиженію свободнаго выхода въ Средиземное море и къ образованію независимыхъ государствъ изъ христіанскихъ народностей Турецкой имперіи, съ которыми русскій народъ связанъ узами кровнаго и духовнаго родства, Россія должна окончательно оставить мысль о какихъ бы то ни было территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ на счетъ земель Востока. Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи своихъ границъ—говорилъ еще гр. Кочубей; и ей врядъ только слить съ собою «тѣ многочисленныя народности, которыя мы нахватили на нашемъ историческомъ пути посредствомъ разныхъ присоединеній, слить до того, чтобы онѣ не враждовали съ нами, были вполне довольны своею участью и не вносили дисгармоніи въ нашу внутреннюю жизнь, не мѣшали нашему свободному развитію» *). Къ тому же экономическое благосостояніе Россіи, не страдающей избыткомъ населенія, труда и капитала, уже достаточно обеспечено и тѣми портами, которые она имѣетъ на Черномъ морѣ. Но если наши внутреннія дѣла и экономическіе интересы не требуютъ захватовъ на счетъ Турціи, то захваты эти не соотвѣтствуютъ и даже противорѣчатъ политическимъ интересамъ какъ самой Россіи, такъ и ея восточныхъ единовѣрцевъ, не говоря уже о полной несовмѣстности ихъ съ равновѣсіемъ Европы.

*) Внутреннее Обзоріе. Отеч. Запис., т. ССXXXV, отд. II, стр. 116.

Бібліографічний указатель

главнѣйшихъ русскихъ источниковъ для изученія политики Россіи въ восточномъ вопросѣ.

I. Сборники трактатовъ и дипломатическихъ документовъ.

Лашковъ. Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Спб. 1891 г.

Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. XI т. Спб. 1874—1896 г. Въ I—V томахъ трактаты съ Австріей съ 1648 по 1878 г.; въ VI—IX томахъ трактаты съ Германіей съ 1656 по 1888 г.; въ X—XI томахъ трактаты съ Англіей съ 1710 по 1831 г. Къ трактатамъ, изданнымъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, присоединены весьма интересныя историческія введенія, составленныя на основаніи архивныхъ источниковъ.

Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые. Спб. 1869 г. Сюда вошли всѣ главнѣйшіе политическіе договоры Россіи съ Турціей, начиная съ Константинопольскаго 1700 г. по Парижскій трактатъ 1856 г. включительно, торговые договоры 1783, 1846 и 1862 годовъ, а также гатти-шерифъ 1839 г. и гатти-гумайлуъ 1856 г. Въ историческомъ же обзорѣ, предпосланномъ этимъ договорамъ, указано содержаніе нѣкоторыхъ вто-

ростепенныхъ трактатовъ и секретныхъ статей.

II. Сочиненія по исторіи международныхъ сношеній Россіи и по исторіи ея восточной политики.

Богдановичъ. Восточная война 1853—1856 г. Спб. 1877 г. 4 т.

Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время. Спб. 1869 г. 4 т.

Бухаровъ. Россія и Турція. Отъ возникновенія политическихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата 13 (25) марта 1871 г. включительно. Историческій очеркъ. Спб. 1878 г.

Бутковскій. Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ. Спб. 1888 г. 2 т.

Безобразовъ. О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. М. 1892 г.

Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Спб. 1889 г.

Данилевскій. Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890 г. Здѣсь особенно интересна статья: „Война за Болгарію“, касающаяся вопросовъ о Константинополѣ и проливахъ.

Даневскій. Системы политиче-

скаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. Историко-догматическое изслѣдованіе. Спб. 1882.

Добровъ. Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Спб. 1879 г.

Дубровинъ. Восточная война 1853—56 гг. Спб. 1878 г.

Заблотскій - Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. Спб. 1882 г. 4 т.

Ивановъ. Характеристика международныхъ отношеній и международного права въ историческомъ развитіи. Казань. 1874 г.

Катеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіи. М. 1885.

Капустинъ. Дипломатическія сношенія Россіи съ западной Европой во 2-й половинѣ XVII вѣка. М. 1852 г.

Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. 12 т.

Корсаковъ. Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на Востокъ. Казань. 1889 г.

Новалевскій. Война Россіи съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853—1856 гг. Спб. 1868 г.

Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція. Спб. 1879 г.

Мартенсъ. О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ. Спб. 1873 г.

Матвѣевъ. Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб. 1887 г.

Милютинъ. Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ цар-

ствованіе императора Павла I. Спб. 1857 г. 3 т.

Михайловскій-Данилевскій. Полное собраніе сочиненій. 7 т. Спб. 1843—1850 г. Въ 3-мъ томѣ находится описаніе турецкой войны 1806—1812 гг.

Муравьевъ, А. Н. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. 2 т. Спб. 1858—1860 г.

Муравьевъ, Н. Н. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г. М. 1869 г.

Муравьевъ, Н. Н. Турція и Египетъ въ 1832 и 1833 годахъ. 2 т. М. 1869 г.

Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза. Рига. 5 т. 1886—1892 г.

Надлеръ. Меттернихъ и европейская реакція. Харьковъ. 1882.

Неклюдовъ. Славянскій вопросъ. М. 1886 г.

Петровъ. Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами съ 1769 по 1774 г. 2 т. Спб. 1866 г.

Петровъ. Вторая турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II, 1787—1791. 2 т. Спб. 1888 г.

Первольфъ. Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ по XVIII вѣку. Спб. 1874 г.

Первольфъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава. 1886 г.

Пирлингъ. Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софія Палеологъ. Спб. 1892 г.

Положеніе Аріянъ въ Турціи до вѣдѣтельности державъ въ 1895 г. М. 1896 г. (Весьма интересный и умѣло составленный сборникъ статей по этому вопросу, принадлежащихъ перу Ролень-Жекмена, Мак-Коля, Грина, Диллона, Диева и др.; съ предисловіемъ гр. Камаровскаго).

Половъ. Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 г. по 1856 г. 2 т. М. 1869 г.

Половъ. Сербія послѣ Парижскаго мира. М. 1871 г.

Половъ. Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войной 1812 г. Спб. 1876 г. (Интересенъ отдѣлъ: Окончаніе войны съ Турціей и Бухарестскій миръ).

Слонимскій. Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. (Особенно интересенъ отдѣлъ: „Практика международной политики“).

Соловьевъ. Сочиненія. Спб. 1882 года (три статьи по восточному вопросу).

Соловьевъ. Исторія паденія Польши. М. 1863 г.

Соловьевъ. Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Спб. 1877 г.

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 т.

Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая Перваго. Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны. Спб. 1887 г.

Татищевъ. Императоръ Николай и европейскіе дворы. Спб. 1889 г.

Татищевъ. Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и политическія статьи. Спб. 1890 г. (Здѣсь особенно интересна обширная статья „Россія и Болгарія“, характеризующая нашу восточную политику въ минувшее царствованіе).

Татищевъ. Дипломатическія бесѣды. Спб. 1890 г.

Телловъ. Русскіе представители въ Царь-градѣ. Спб. 1891 г.

Телловъ. Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. Спб. 1893 г.

Уляницкій. Дарданеллы, Восторгъ и Черное море въ XVIII вѣкѣ.

Очерки дипломатической исторіи восточнаго вопроса. М. 1883 г.

Успенскій. Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887 г.

Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго. 6 т. Спб. 1856—1859 г.

Форштетеръ. Дунай, какъ международная рѣка. М. 1890 г.

Шильдеръ. Свѣты Его Импер. В-ства генераль-маіоръ, графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность. Биографическій очеркъ. 2 т. Спб. 1886—1888 г. (Здѣсь находится много интересныхъ данныхъ о войнахъ 1853—56 и 1877—78 годовъ).

Шурло. Востокъ и Западъ въ русской исторіи. Юрьевъ. 1895 г.

Штиглицъ. Изслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. 3 т. Спб. 1889—1892 г.

Шубинскій. Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. Спб. 1877 г.

Щебальскій. Правленіе царевны Софьи. М. 1856 г.

Феокистовъ. Борьба Греціи за независимость. Эпизодъ изъ исторіи первой половины XIX вѣка. Спб. 1863 г.

III. Статьи по восточному вопросу, помѣщенныя въ періодическихъ изданіяхъ.

Б. К. П. Путь къ Берлинскому трактату. Наблюдатель за 1894 г. № 1—5. (Это — довольно обширныя статьи, содержащія въ себѣ исторію дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію названнаго трактата. Въ основу ихъ положенъ трудъ Адольфа Авриля: *Negotiations relatives au Traité de Berlin—Paris, Leroux, 1886 г.*).

Бобриковъ. Воспоминаніе о Берлинскомъ конгрессѣ. Рус. Вѣст. за 1889 г. № 12.

Богдановичъ. Тильзитскій миръ. Вѣст. Европы за 1867 г. № 1. Статья эта вошла въ сочиненіе названнаго автора: „Исторія царствованія императора Александра I в Россіи въ его время“.

Богдановичъ. Переговоры кн. Меншикова въ Константинополѣ. Вѣст. Евр. за 1871 г. № 1. Статья эта вошла въ сочиненіе: „Восточная война 1853—1856 годовъ“.

Богдановичъ. Вѣнскія совѣщанія 1854 года и Парижскій трактатъ 1856 г. Рус. Старина за 1876 г. № 4. Вошла въ сочиненіе: „Восточная война 1853—1856 годовъ“.

Брикнеръ. Юрій Крыжаничъ о восточномъ вопросѣ. Древ. и Нов. Россія за 1876 г. № 12.

Брикнеръ. Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 г. Жур. М. Нар. Просвѣщ. за 1873 г. № 7.

В***. Матеріалы къ характеристикѣ политики Россіи въ восточномъ вопросѣ. Отеч. Записки за 1878 г. № 11.

В-нъ. Давность славянской идеи въ русскомъ обществѣ. По поводу статей Карновича и Ламанскаго. Вѣст. Евр. за 1878 г. № 5.

В. Ф. Восточная политика императора Николая I. Истор. Вѣст. за 1891 г. № 11.

Георгиевскій. Гражданское управленіе Болгаріей въ 1877—1879 гг. Наблюд. за 1882 г. № 9.

Д. Н. Наполеонъ I. Вѣстн. Евр. за 1885 г. № 10—12.

Дубровинъ. Сербскій вопросъ при императорѣ Александрѣ I. Рус. Вѣст. за 1863 г. № 7.

Бр. Жюмини. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Вѣст. Евр. за 1886 г. № 2—10.

Забѣлинъ. Посольскія путеше-

ствія въ Турцію въ XVII столѣтіи. Рус. Стар. за 1877 г. № 9.

Замѣтки Погодина о политикѣ и войнѣ Россіи 1853—1854 годовъ. (Рус. Стар. за 1874 г. т. X).

Значеніе Индіи въ политикѣ Россіи съ Турціей и Англіей. Рус. Вѣст. за 1884 г. № 6.

Императоръ Николай и освобожденіе христіанъ Востока. Руск. Стар. за 1892 г. № 10. (Подъ этимъ заглавіемъ напечатана собственноручная записка императора Николая I о восточномъ вопросѣ, относящаяся къ 1853 году).

Историческій очеркъ вопроса о Дунайскихъ княжествахъ съ 1856 г. Современная Лѣтопись 1866. № 9. (Статья эта представляетъ собою подробное официальное сообщеніе по данному вопросу).

Гр. Намаровскій. О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ. Учен. Зап. Имп. Моск. Университета за 1888 г. Юр. Отд., вып. VI.

Его-же. Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ. Рус. Мысль за 1893 г. № 8.

Его-же. Объ идеѣ мира между народами. Рус. Мысль за 1884 г. № 7.

Его-же. Война или миръ? Рус. Мысль за 1892 г. № 2.

Его-же. Вопросъ о современныхъ вооруженіяхъ. Русск. Мысль за 1890 г. № 12.

Его-же. О свободѣ плаванія по Суэзскому каналу. Рус. Мысль за 1888 г. № 2.

Карновичъ. Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Отеч. Записки за 1878 г. № 1 и 2

Ковалевскій. Восточныя дѣла въ 20-хъ годахъ. Вѣст. Евр. за 1868. № 3.

Коршъ. Восточная война въ

пятидесятих годах. Вѣст. Евр. за 1877 г. № 1. Статья эта представляет собою разборъ сочиненія Богдановича: „Восточная война 1853—1856 г.“

Коршъ. Политическое значеніе Константинополя. Вѣст. Евр. за 1878 г. № 9.

Коршъ. Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ. Вѣст. Евр. за 1879 г. № 2 и 3. Это — прекрасный разборъ труда бар. Жюмни: „Россия и Европа въ эпоху Крымской войны“.

Кочубинскій. Нашъ двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ. Ист. Вѣст. за 1881 г. № 6 п 7.

Кочубинскій. Сношенія румынъ и юго-славянъ съ Россіей при Петрѣ Великомъ. Жур. Мин. Нар. Просв. за 1872 г. № 7.

Кулишъ. Восточный вопросъ и задунайская славянщина передъ глазами московскаго царя Михаила Θεодоровича. Жур. М. Нар. Просв. за 1878 г. № 2.

Лебедевъ. Въ какомъ смыслѣ освобожденіе балканскихъ славянъ составляетъ историческую задачу Россіи. Историч. Библиотека за 1878 г. № 6.

Макушевъ. Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ. Славянскій Сборникъ 1876 г. т. III.

Матвѣевъ. Россія и Франція наканунѣ Севастопольской войны. Рус. Вѣст. 1892 г. № 1 п 2.

Материалы для исторіи новѣйшей Болгаріи. Рус. Стар. за 1886.

Немлюдовъ. Начало сношеній Россіи съ Турціей. Сборн. М. Главн. Архива Мин. Иност. Дѣлъ. 3-й выпускъ. 1883 г.

Гр. Нессельроде. Политика Россіи и положеніе принятое ею въ Европѣ въ 1815—1854 гг. Рус. Стар. за 1873 г. № 11. (Официальная записка, въ которой оп-

равдывается русская политика за указанное время).

Петровъ. Русскіе дипломаты на Вѣнскихъ конференціяхъ. Ист. Вѣст. за 1890 г. № 3, 4, 5.

Петровъ. Русскіе дипломаты на Царьскомъ конгрессѣ 1856 г. Ист. Вѣст. за 1891 г. № 1, 2 и 3.

Поповъ. Вторичное правленіе Милоша Обреновича въ 1859—1860 г. Рус. Мысль за 1880 г. № 4 п 9 п за 1881 № 8.

Поповъ. Сербія и Порты въ 1861—67 г. Вѣст. Европы за 1878 г. № 2 и 3.

Полонскій. Русскій вопросъ на юго-востокѣ Европы. Вѣст. Евр. за 1876 г. № 11.

Пыпинъ. Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. Вѣст. Евр. за 1878 г. № 9—12.

Пыпинъ. Славянскій вопросъ по взглядамъ И. Аксакова. Вѣст. Евр. за 1886 г. № 8.

Ровинскій. Россія и Славяне. (Древняя и Нов. Россія за 1878 г. № 2).

Р. Россія и Австрія въ восточномъ вопросѣ. Рус. Вѣст. за 1878 г. № 5. (Весьма интересный разборъ IV т. Собр. трактатовъ проф. Мартенса).

Р. Политика Россіи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Рус. Вѣст. за 1878 г. № 2. (Разборъ книгъ историка Соловьева: „Императоръ Александръ Первый“).

Самойловъ. Жизнь и дѣятельность кн. Потемкина. Рус. Архивъ за 1867 г.

Соловьевъ. Сношенія Россіи съ Франціей въ 1789—1791 г. Моск. Унив. Извѣст. за 1866 г. № 4.

Соловьевъ. Европа въ концѣ XVIII вѣка. Рус. Вѣст. за 1862 г. № 4—7 и за 1863 г. № 2—3.

Собственноручная записка имп.

✓ **Екатерины II о греческомъ про-
ектѣ.** Рус. Стар. за 1892 г. № 10.

Гатищевъ. Дипломатическій раз-
рывъ Россіи съ Турціей 1853 г.
Ист. Вѣст. за 1892 г. № 1—3.

Гатищевъ. Мировой раздѣлъ.
Рус. Вѣст. за 1890 г. № 3 и 4 и
1891 г. № 2 и 5.

Трачевскій. Пруссія въ Крым-
скую войну. Ист. Вѣст. за 1888 г.
№ 5.

Трачевскій. Франко-русскій со-
юзъ въ эпоху Наполеона I. Истор.
Вѣст. за 1891 г. № 6.

Ульяницкій. Турція, Россія и
Европа съ точки зрѣнія между-
народнаго права. Рус. Вѣст. за
1877 г. № 1, 2 и 3.

Ульяницкій. Дипломатія во время
Восточной войны и Парижскій
трактатъ 1856 года. Рус. Вѣст.
за 1877 г. № 12.

Фельдмаршалъ Паскевичъ и дип-
ломатія въ 1827—29 г. Истор.
Вѣст. за 1892 г. № 5.

Щебальскій. Турція и ея ре-
формы по отношенію къ Россіи.
Рус. Вѣст. за 1870 г. № 1.

Щебальскій. Восточный вопросъ
и дипломатія. Рус. Вѣст. за 1866 г.
№ 8 и 9.

Феокистовъ. Русская диплома-
тія въ борьбѣ Греціи за незави-
симость. Рус. Вѣст. за 1868 г. № 3.

Феокистовъ. Русская политика
на Востокъ передъ Крымской вой-
ной. Рус. Вѣст. за 1868 г. № 1.
(Разборъ книги Розена: „Исторія
Турціи“).

Феокистовъ. Эпизодъ изъ исто-
ріи русской политики на Востокъ.
Рус. Вѣст. за 1868 г. № 10 (Раз-
боръ книги Муравьева: „Русскіе
на Босфорѣ въ 1833 году“).

Феокистовъ. Россія и Сербія
передъ послѣднею восточною вой-
ною. Руск. Вѣст. за 1869 г. № 12.

(Разборъ сочиненія Попова: „Рос-
сія и Сербія“).

W. Первое пятидесятилѣтіе вос-
точнаго вопроса. Вѣст. Евр. за
1867 г. № 2 и 3.

IV. Работа по исторіи балкан- скихъ народностей и Турціи.

Венелинъ. Древніе и новѣйшіе
болгары въ политическомъ, исто-
рическомъ и религіозномъ ихъ
отношеніяхъ къ Россіянамъ. 2 т.
М. 1841—1856 г.

Венелинъ. Критическія изслѣдо-
ванія по исторіи Болгаръ. 2 т.
М. 1849 г.

Гильфердингъ. Боснія, Герцего-
вина и Старая Сербія. Спб. 1859 г.

Гильфердингъ. Письма объ ис-
торіи сербовъ и болгаръ. 2 вып.
М. 1856—1859 г.

Гильфердингъ. Собраніе сочине-
ній. 2 т. Спб. 1868 г.

Григоровичъ. О Сербіи въ ея
отношеніяхъ къ сосѣднимъ дер-
жавамъ, преимущественно въ XIV
и XV ст. Казань. 1859 г.

Липранди. Восточный вопросъ и
Болгарія. М. 1868 г.

Лавеле. Балканскій полуостровъ.
Переводъ съ французскаго Ва-
силева. М. 1889 г.

Манушевъ. Задунайскіе и адри-
атическіе славяне. Очерки статисти-
ческіе, этнографическіе и исто-
рическіе. Спб. 1867 г.

Палаузовъ. Румынскія государ-
ства Молдавія и Валахія, въ ис-
торико-политическомъ отношеніи.
Спб. 1859 г.

Ранке. Исторія Сербіи по серб-
скимъ источникамъ. Переводъ съ
нѣмецкаго Бартенева. М. 1857 г.

Розень. Исторія Турціи отъ
побѣды реформы въ 1826 г. до
Парижскаго трактата 1856 г. 2 ч.
Спб. 1872 г. (переводъ съ нѣмец-
каго).

